

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 ГОДА.

1887 Г.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1887.

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1887.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

Состав. Н. Шарлемань.

Н. Н. Мурзакевичъ,
Вице Предсѣдатель Импер. Новороссійскаго Общества Исторіи и древностей
† 1883.

1806—1883 гг.

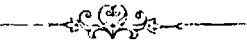
НИКОЛАЙ НИКИФОРОВИЧЪ

МУРЗАКЕВИЧЪ.

АВТОВІОГРАФІЯ.

Примѣчанія и біографическій очеркъ

кн. В. Д. Дабина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

НИКОЛАЙ НИКИФОРОВИЧЪ МУРЗАКЕВИЧЪ

1806—1883 гг.

I.

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ родился 21 апрѣля 1806 года, въ г. Смоленскѣ. Отецъ его, Никифоръ Адриановичъ, въ это время былъ діакономъ Успенскаго собора и не имѣлъ другихъ средствъ, кромѣ оклада по штату и ничтожныхъ подачъ за исполненіе церковныхъ требъ. Въ 1812 г. онъ состоялъ священникомъ Одигитріевской церкви и, въ числѣ немногихъ, оставался въ Смоленскѣ, когда его заняли французы. Священникъ Никифоръ Адриановичъ извѣстенъ какъ защитникъ своей церкви и ея имущества отъ разграбленія непріятели и какъ энергическій заступникъ за своихъ соотечественниковъ передъ французскими властями; онъ извѣстенъ также какъ вполне честный человѣкъ, никогда не сходявшій съ прямого пути. Тѣ-же энергія, устойчивость и неподатливость перешли въ наслѣдство и къ его сыну, Николаю Никифоровичу, который, не смотря на гнетущую бѣдность среды, отсутствіе присмотра и неблагопріятныя вліянія семинарскаго обученія, не потерялся и сохранилъ въ себѣ хорошія стремленія. По совѣту своего старшаго брата Иліи, память котораго чтить съ особенною любовью въ теченіе всей своей жизни, онъ началъ готовиться къ поступленію къ университетъ. Николая Никифоровича никогда не покидали любовь къ природѣ и влеченіе къ чему-то лучшему, не похожему на то, что представляла ему подчасъ очень непривлекательная дѣйствительность. Въ Смоленскѣ зародилась въ

немъ, во время прогулокъ по городскимъ стѣнамъ, страсть къ исторіи и къ древностямъ, перенесенная впоследствии въ другую страну и сдѣлавшаяся серьезною цѣлью его жизни.

Въ Москву Николай Никифоровичъ прибылъ 19 лѣтъ. Бодрый молодостию и крѣпкій вѣрою въ университетскую науку, онъ вступилъ, въ 1825 г., на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Тогда еще не было студенческихъ стипендій, и Николаю Никифоровичу пришлось терпѣть и голодъ, и холодъ. Онъ въ продолженіе цѣлыхъ недѣль питался однимъ чаемъ и жилъ въ такомъ помѣщеніи, въ которомъ замерзала вода въ стаканѣ. На лекціи онъ ходилъ даже и въ зимнюю стужу въ лѣтней одеждѣ, съ надеждой обогрѣть себя въ теплой аудиторіи. Но какое горе, когда университетскій сторожъ торжественно оповѣщалъ: „профессора не будетъ“!... Тогда предстояло снова измѣрять безконечныя пространства, покрытыя полузамерзшими лужами... Подъ вліяніемъ этихъ стѣсненій и лишеній окончательно выработался твердый характеръ Николая Никифоровича и сложилось его замѣчательно крѣпкое здоровье, надежно служившее ему въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ.

Къ лучшимъ воспоминаніямъ студенческой жизни Николай Никифоровичъ относитъ свою дружбу съ студентами-товарищами: Шостакомъ и Кирьяковымъ. „Шостаки, говоритъ Николай Никифоровичъ, былъ весь пылъ, пламя; Кирьяковъ—теплый и отрадный огонь, отъ котораго не хотѣлось отойти“. Этой дружбѣ онъ остался вѣренъ въ теченіи всей своей жизни.

По окончаніи курса, въ 1828 г., съ званіемъ дѣйствительнаго студента, молодой человѣкъ находился нѣкоторое время въ состояніи раздумья, весьма понятнаго въ его положеніи: безъ средствъ и безъ связей, онъ не зналъ что съ собою дѣлать и въ чему себя пристроить. Сначала онъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ отдалъ свои досуги изученію родной старины; потомъ возвратился въ Москву и принялъ мѣсто учителя при дѣтяхъ одного помѣщика. Но это занятіе, кажется, не пришлось ему по вкусу, и Николай Никифоровичъ вскорѣ, по вызову своего университетскаго товарища и друга Кирьякова, отправился въ Одессу. По пути онъ снова заѣхалъ въ Смоленскъ повидаться съ своимъ престарѣлымъ отцомъ.

Приѣздъ въ Одессу (1830 г.) совершенно оживилъ Николая

Никифоровича. Онъ поселился у Кирьякова и, при его содѣйствіи, сразу вошелъ въ высшее общество въ городѣ. А Одесса въ 1830-хъ годахъ соединяла въ себѣ все, что было у насъ образованнаго, изящнаго и богатаго и что по какимъ либо причинамъ не могло или не хотѣло примириться съ жизнью въ столицѣ или же въ чужихъ краяхъ. Южный климатъ, солнце и тепло въ теченіи большей части года, блестящее радужными переливами чудное Черное море,—море, на которое заглядывался и которое не могъ забыть Пушкинъ, итальянская опера, гдѣ „универсальный Россини, Европы баловень—Орфей“ очаровывалъ своею музыкою, звучная итальянская рѣчь на улицахъ, дешёвизна портофранко и вообще приволье и легкость жизни полуиностраннаго и полурусскаго города, въ связи съ просвѣщеннымъ обхожденіемъ и доступностію новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Михаила Семеновича Воронцова—привлекали къ Одессѣ общее сочувствіе. Каждый невольно осваивался съ этимъ прекраснымъ угольемъ и многіе кончали тѣмъ, что привязывались къ Одессѣ искренно и навсегда. Одесса и на Николая Никифоровича произвела сильное впечатлѣніе. Сѣверянинъ по рожденію и воспитанію, онъ впервые испытывалъ обаяніе юга, ощущалъ его жизненные силы и любовался яркостію его красокъ. Радужно принятый въ кружкѣ Кирьякова, принадлежностью котораго долгое время были утонченное образованіе, искусство, красота и свѣтская предупредительность, обласканный графомъ Воронцовымъ, сразу угадавшимъ въ молодомъ человѣкѣ честность убѣжденій и порядочность привычекъ, Николай Никифоровичъ избралъ Одессу мѣстомъ своего постоянного жительства и не измѣнялъ ей никогда.

Вскорѣ Николай Никифоровичъ поступилъ на службу по таможенному вѣдомству. Но механизмъ канцелярскихъ занятій не удовлетворялъ его, и онъ принялъ должность учительскаго помощника при Риппельевскомъ лицей. Спустя немного времени, попечитель Покровскій предложилъ ему (1832 г.) должность надзирателя за внутренними воспитанниками лицея и уроки всеобщей исторіи и географіи въ гимназическихъ классахъ этого заведенія. Риппельевскій лицей еще сохранялъ порядки, завѣщанные ему его учредителемъ аббатомъ Николь, хотя новыя вліянія уже начинали давать этому заведенію другой характеръ.

Аббатъ Николь и его сотрудники, воспитанные въ до-революціонной Франціи, ревностные католики и аристократы по убѣжденію, вовсе не знали Россіи; ни ея прошлое, ни ея будущее ничего имъ не говорило. За то они хорошо знали русское высшее общество и его привязанность ко всему иностранному. Ришельевскій лицей былъ созданъ именно для этого общества, которое, помѣщая туда своихъ дѣтей, находило тѣ-же порядки и тѣ-же условія обученія и воспитанія, среди конхъ оно само обучалось и воспитывалось. Это было вполнѣ иностранное учебное заведеніе. Господствующую роль въ немъ игралъ французскій языкъ, на которомъ велось преподаваніе большинства предметовъ, а русскій языкъ былъ поставленъ въ положеніе языка иностраннаго. Не смотря на это, воспитанникамъ лицея были дарованы права, какими не пользовались студенты университетовъ. Какъ истинно русскій человѣкъ, воспитанныкъ русской и православной Москвы, Николай Никифоровичъ глубоко скорбѣлъ о столь неестественномъ направленіи въ обученіи русскаго юношества и съ нетерпѣніемъ ожидалъ преобразованія лицея, въ духѣ учебнаго заведенія, отвѣчающаго національнымъ и государственнымъ потребностямъ Россіи. Тѣмъ не менѣе онъ относился въ высшей степени сочувственно въ тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя были положены въ основаніе воспитанія въ лицей. Объ аббатѣ Николь Николай Никифоровичъ отзывался какъ о безукоризненномъ воспитателѣ, неутомимо-дѣятельномъ, безпристрастномъ и безкорыстномъ; сотрудники его: аббаты Буавенъ и Рафлишъ, и профессора: Віаръ и Надд, были люди съ основательнымъ образованіемъ и преданные своему долгу, съ которыми едва-ли могли стать въ уровень преподаватели русскихъ предметовъ. Достаточно замѣтить, что учителемъ русскаго языка былъ назначенъ учитель танцованія Жукоть.

Послѣ защищенія въ московскомъ университетѣ магистерской диссертации и утвержденія въ степени магистра философіи, Николай Никифоровичъ былъ назначенъ сначала адъюнктомъ лицея (1837 г.), а чрезъ два года профессоромъ по каедрѣ російской исторіи и статистики. Въ 1853 г., непосредственно за ревизіей лицея товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Норовымъ, на Николая Никифоровича возложены были обязанности директора Ришельевского лицея. Управляя четыре года

этимъ заведеніемъ, новый директоръ старался устранить замѣченные ревизіей недостатки и поднять значеніе русской науки и русскаго вліянія. Можно думать, что эти старанія были не безуспѣшны, судя по тому, что ему была объявлена „искренняя признательность министра народнаго просвѣщенія за полезныя труды по приведенію Ришельевскаго лицея въ такое состояніе, въ какомъ должно находиться русское учебное заведеніе (15 іюля 1854 г. № 5668)“. Въ 1857 г. Николай Никифоровичъ, вслѣдствіе прошенія, уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсією, должности присвоенной, прослуживъ 27 лѣтъ учителемъ, воспитателемъ, профессоромъ и директоромъ лицея.

Сверхъ своихъ служебныхъ занятій въ лицей, Николай Никифоровичъ отдавалъ свои труды еще и другимъ учрежденіямъ. Сначала онъ принялъ на себя обязанности секретаря общества сельскаго хозяйства южной Россіи и редактора его „Листка“; потомъ ему было ввѣрено завѣдываніе одесской городской публичной бібліотекы и городскимъ музеемъ. Въ это же время онъ занимался изданіемъ новороссійскаго календаря и одесскаго альманаха. Почти съ первыхъ годовъ своего переселенія на югъ Россіи, Николай Никифоровичъ началъ серьезно знакомиться съ краемъ, предпринимая частыя поѣздки по черноморскому побережью, по Бессарабіи и по Крыму. Его поѣздка на мѣсто древней Ольвіи и случайно найденныя тамъ нѣсколько монетъ пробудили въ немъ давнишнюю страсть къ археологіи и нумизматикѣ. „Съ Ольвіи, воспоминаетъ Николай Никифоровичъ, начались мои монетныя поиски и изданіе моего перваго опыта *Descriptio nummorum*, а также нѣкоторая моя извѣстность“. За этимъ первымъ опытомъ не замедлили появиться и другіе его труды. Помѣщаемъ списокъ ихъ, составленный, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ.

1) *Descriptio nummorum veterum graecorum atque romanorum*, 1835 г.

2) Поѣздка въ Крымъ, 1836 г., напечатано въ Журн. Мин. Нар. Просв.

3) Переводъ Арріанова Перипла Понта Эвксинскаго, съ объяснительными комментаріями, 1836 г.

4) Географическая карта древнихъ эллинскихъ поселеній при берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, 1836 г.

- 5) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, 1837 г.
- 6) Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у Болгаръ.
- 7) О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи.
- 8) *Descriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum*, 1841 г.
- 9) Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи за истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 по 1846 г.
- 10) Псковская Судная Грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 г., изд. 1847 г.
- 11) Письма царевича Алексѣя Петровича къ его родителю Петру Великому, 1850 г.
- 12) Статейный списокъ посланниковъ стольника В. Татищина и дьява Зотова посольства въ Крымъ въ 1680 г. для заключенія бахчисарайскаго договора, 1850 г.
- 13) Устное повѣствованіе бывшего запорожца Л. Коржа.
- 14) Путеводитель южнаго берега Крыма, 1866 г.

Окончательно опредѣлившееся направленіе занятій Николая Никифоровича, въ связи съ ознакомленіемъ съ Новороссійскимъ краемъ, его поиски въ мѣстныхъ казенныхъ архивахъ и въ частныхъ собраніяхъ, увѣнчавшіеся открытіемъ въ библіотекѣ графа Воронцова Псковской судной грамоты и подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича,—были ближайшимъ поводомъ къ учрежденію въ Одессѣ Общества исторіи и древностей. Зная какъ мало разработана исторія мѣстностей, прилегающихъ къ Черному и Азовскому морямъ, зная также, что подобный трудъ могъ быть выполненъ только соединенными усиліями многихъ свѣдущихъ людей, Николай Никифоровичъ предпринялъ ходатайство объ открытіи въ Одессѣ общества, имѣющаго цѣлью историческое и археологическое изученіе Новороссійскаго края. Это ходатайство, сочувственно встрѣченное среди образованной части мѣстныхъ жителей и горячо поддержанное попечителемъ учебнаго округа Княжевичемъ, получило полный успѣхъ. Николай Никифоровичъ, какъ членъ основатель задуманнаго имъ учрежденія, 23 апрѣля 1839 г. былъ избранъ секретаремъ его и отвѣтственнымъ редакторомъ. Всѣ лучшія тогдашнія силы вошли въ это общество; труды его стали появляться подъ скромнымъ названіемъ „Записокъ“, томъ за томомъ, въ объемистыхъ in 4°. Первый томъ „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древно-

стей“ вышелъ въ 1845 г., второй томъ — въ 1848 г., третій — въ 1854 г., четвертый—въ 1860 г., пятый—въ 1863 г., шестой— въ 1867 г., седьмой—въ 1868 г., восьмой— въ 1872 г., девятый—въ 1875 г., десятый—въ 1877 г., одиннадцатый—въ 1879 г., двѣнадцатый—въ 1881 г. и тринадцатый—въ 1883 г. Двѣнадцать томовъ вышло подъ редакцію Николая Никифоровича, а въ тринадцатомъ томѣ, появившемся послѣ его смерти, редактирована имъ только часть его. Помѣщенные въ „Запискахъ“ Общества труды Николая Никифоровича, обвинявшіе археологію, исторію и нумизматику, имѣли цѣлю сначала изслѣдованіе древнихъ поселеній по берегамъ Черноморскаго бассейна; но съ поступленіемъ въ бібліотеку Общества богатыхъ матеріаловъ, относившихся ко времени утвержденія русскаго владѣнія въ Новороссійскомъ краѣ, ученая дѣятельность редактора сосредоточивалась преимущественно на XVIII в. и въ особенности на государственныхъ подвигахъ любимаго имъ вк. Потемкина-Таврическаго. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ томѣ „Записокъ“ можно встрѣтить принадлежащія перу Николая Никифоровича описанія монетъ, изслѣдованіе которыхъ составляло постоянно его любимое занятіе. Кромѣ собранія значительнаго числа историческихъ изслѣдованій, наполнившихъ тринадцать томовъ „Записокъ“, составляющихъ результатъ 40-лѣтней службы Николая Никифоровича Обществу, къ его стараніямъ слѣдуетъ также отнести Высочайшее разрѣшеніе Одесскому Обществу Исторіи и Древностей дѣлать археологическія изысканія на всемъ пространствѣ Новороссійскаго края и Черноморскаго и Азовскаго побережій, а также присвоеніе этому учрежденію наименованія Императорскаго. Цѣна ученую дѣятельность Николая Никифоровича, Общество избрало его, 10 марта 1875 г., своимъ вице-президентомъ, съ оставленіемъ редакторомъ „Записокъ“ и директоромъ музея.

Общественныя и ученныя заслуги Николая Никифоровича были признаны и другими учрежденіями у насъ и за границею. Онъ состоялъ членомъ: императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, курляндскаго общества литературы и искусствъ, тиберійской академіи въ Римѣ, аркадской академіи въ Римѣ, аѣинскаго археологическаго общества, императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, статистическаго отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,

копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, русскаго географическаго общества, с.-петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества, бѣлградскаго общества сербской словесности, бельгійской археологической академіи, московскаго археологическаго общества, московскаго музея имени Государя На слѣдника Цесаревича, комитета для производства археологическихъ раскопокъ въ херсонисскомъ монастырѣ и по сооруженію тамъ христіанскаго музея, комиссіи о принятіи мѣръ въ сохраненію отечественныхъ памятниковъ, общества древне-русскаго искусства при московскомъ публичномъ музеѣ; состоялъ директоромъ одесскаго попечительнаго комитета о тюрьмахъ, членомъ комитета для принятія мѣръ на случай покушенія непріятеля на Одессу; принималъ участіе въ археологическихъ сѣздахъ: первомъ въ Москвѣ, во второмъ въ С.-Петербургѣ и въ третьемъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, на Николая Никифоровича возлагались слѣдующія порученія: онъ былъ командированъ для разбора архива въ крѣпость св. Дмитрія Ростовскаго; находился при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, во время обозрѣнія его императорскимъ высочествомъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, Новороссійскаго края и земли войска донскаго; состоялъ предсѣдателемъ комиссіи для приобрѣтенія книгъ для тифлисскаго публичной библіотеки; устраивалъ еодосійскій музей древностей; по распоряженію военнаго министерства, привелъ въ должный видъ могилу фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго и надгробія лицъ, убіенныхъ при взятіи Очакова, въ херсонской крѣпостной церкви.

II.

Оставивъ службу по министерству народн. просв., Николай Никифоровичъ получилъ возможность свободнѣе располагать своимъ временемъ. И прежде, почти ежегодно, онъ пользовался ваканціями и ѣздилъ въ Петербургъ, Москву, по средней и южной Бессарабіи, на островъ Фидониссу, нѣсколько разъ объѣхалъ Крымъ, перерѣзалъ Кавказъ отъ укрѣпленій восточнаго берега до Тифлиса и Эчмиадзина. Эти путешествія имѣли цѣлю знакомство съ археологическою мѣстностію и изученіе остатковъ древностей. По оставленіи лица, Николай Никифоровичъ начинаетъ рядъ своихъ поѣздокъ и въ чужіе края. Онъ посѣтилъ Константинополь, Іерусалимъ, Александрію, Каиръ и всходилъ на пирамиды; потомъ нѣсколько разъ былъ въ Вѣнѣ, въ Римѣ и Неаполѣ. Николай Никифоровичъ имѣлъ обыкновеніе аккуратно записывать въ свой дневникъ мѣста, гдѣ ему приходилось бывать, и все то, что ему случалось видѣть. Но гдѣ находится дневникъ, относящійся къ этимъ поѣздкамъ, пока еще неизвѣстно. Отыскались только три его записныя дорожныя книжки, обнимающія болѣе позднее время, — съ мая 1862 г. по іюнь 1883 года. Первая изъ этихъ книжекъ заключаетъ въ себѣ описаніе путешествій съ 16 мая 1862 г. по Дунаю, черезъ Вѣну, Тироль, Венецію, сѣверную Италію, въ Геную; потомъ на Марсель, въ южную Испанію и черезъ Мадридъ, Тулузу, Ліонъ, въ Женеву, Страсбургъ, Нюрнбергъ, Мюнхенъ и Вѣну. Во второй книжкѣ находятся замѣтки, относящіяся къ поѣздкамъ съ 15 февраля 1869 г. въ Кіевъ, въ Петербургъ, въ Москву на первый археологическій сѣздъ, въ Крымъ, въ Петербургъ на второй археологическій сѣздъ. Третья и послѣдняя книжка наполнена замѣтками съ 1880 г. во время неоднократныхъ поѣздокъ въ Крымъ, Николаевъ, Херсонъ, Кіевъ на третій археологическій сѣздъ, Москву и Петербургъ. 17 іюня 1883 г. въ г. Ялтѣ оканчиваются эти замѣтки. Въ записныхъ дорожныхъ книжкахъ Николая Никифоровича находится много замѣтокъ по археологіи, описанія нѣкоторыхъ архитектурныхъ зданій, замѣчательныхъ по красотѣ и оригинальности своей постройки, и

заглавія найденныхъ въ итальянскихъ архивахъ актовъ, относящихся къ исторіи итальянскихъ колоній въ Новороссійскомъ краѣ. Туда-же занесены его встрѣчи съ людьми, которыхъ ему приходилось видѣть во время поѣздовъ.

Кромѣ этихъ книжекъ, Николай Никифоровичъ оставилъ еще свою автобіографію, собственноручно имъ писанную и вмѣщающую въ себѣ событія съ 1806 г. по 1852 г.,—время назначенія его директоромъ Ришельевскаго лицея. Автобіографія Н. Н. Мурзакевича помѣщается вслѣдъ за симъ. Искренность и правдивость составляютъ ея главное достоинство. Въ высшей степени любопытно описаны въ ней порядки, существовавшіе въ смоленской духовной семинаріи, въ первой четверти настоящаго столѣтія. Затѣмъ съ неменьшимъ интересомъ представляетъ автобіографія пребываніе автора въ московскомъ университетѣ, бытъ студентовъ того времени, отношеніе къ нимъ профессоровъ и ихъ лекціи. Приѣздъ въ Одессу Николая Никифоровича, новыя условія жизни и новое общество, Ришельевскій лицей и его дѣятели въ различные періоды существованія этого учрежденія, въ свою очередь, дѣлаютъ этотъ посмертный трудъ участника и очевидца весьма цѣннымъ матеріаломъ для исторіи Одессы и въ частности для исторіи бывшаго ея высшаго учебнаго заведенія. Въ автобіографіи находится не мало подробностей и объ одесскомъ обществѣ Исторіи и Древностей, какъ о разсадникѣ археологическаго изученія Новороссійскаго края. Рядомъ съ этими свѣдѣніями, Николай Никифоровичъ помѣстилъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о множествѣ людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться на своемъ многообъемлющемъ житейскомъ пути; съ вѣрностію фотографа онъ изображаетъ ихъ внѣшность и ихъ нравственный обликъ, и съ точностію стенографа передаетъ ихъ мнѣнія и рѣчи. Наконецъ, автобіографія и замѣтки въ дорожныхъ книжкахъ Николая Никифоровича заключаютъ въ себѣ достаточныя данныя для уясненія его личности.

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ отличался сердечною добротою, честностію и прямою убѣжденіемъ, и примѣрнымъ безкорыстіемъ. Крайне строгій къ себѣ, когда шла рѣчь объ исполненіи долга, онъ не менѣе былъ строгъ и въ отношеніи другихъ, и требовалъ отъ каждаго точнаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей. Онъ не допускалъ никакихъ послабленій и

сдѣлокъ въ нравственныхъ вопросахъ, твердо вѣря, что за всякою неправдою съ неумолимою строгостію должно слѣдовать возмездіе. И его постояннымъ правиломъ жизни, принятымъ еще во время студенчества, было слѣдующее изреченіе Цицерона: „*lento gradu ad vindictam procedit ira, sed tarditas gravitate supplicii compensat*“. Значеніе профессора Николай Никифоровичъ ставилъ чрезвычайно высоко; въ ряду другихъ дѣятельностей онъ признавалъ эту дѣятельность самой почетной и требовалъ къ ней особеннаго уваженія. По его понятіямъ для нея могло быть только одно дѣло — служеніе наукѣ. Поэтому, онъ не могъ скрыть своего негодованія, когда между его товарищами появилась погоня за разными житейскими интересами, или же когда ихъ время отдавалось игрѣ въ карты. Въ Петербургѣ, при видѣ за карточнымъ столомъ нѣкоторыхъ знаменитостей петербургскаго и московскаго университетовъ, у него невольно вырвалось восклицаніе: „*Neu mihi! Зараза, значить, не въ одномъ лицѣ!*“... Воспитавъ въ себѣ глубокое, почти религиозное, уваженіе къ остаткамъ древности, онъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ влеймилъ невѣжественное обращеніе съ ними извѣстныхъ керченскихъ кургано-копателей, смотрѣвшихъ на предметъ своихъ изысканій, какъ на источникъ наживы.

Николай Никифоровичъ не останавливался ни передъ какими личными соображеніями, когда ему приходилось говорить правду, и говорилъ ее сильнымъ людямъ, — своему начальству, попечителямъ Княжевичу, Бугайскому, Демидову и Широкову. Не встрѣтивъ въ послѣднемъ оцѣнки руководившихъ имъ намѣреній, онъ немедленно оставилъ должность директора лицея. Не могъ онъ уживаться и съ людьми себѣ на умѣ, пользовавшимися обстоятельствами для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, и по этой причинѣ онъ явно разошелся съ извѣстнымъ Н. И. Надеждинымъ, который имѣлъ тогда безграничное вліяніе на попечителя Княжевича.

Занимая должности профессора и директора лицея въ то время, когда еще существовала нравственная связь между учащими и учащимися, Николай Никифоровичъ не ограничивался однимъ чтеніемъ лекцій или же формальнымъ проявленіемъ своей власти; но былъ постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ своихъ слушателей, и пользовался ихъ полнымъ сочувствіемъ.

„Снисходительность, говоритъ онъ въ автобіографіи, настойчивость и неуступчивость въ благоразумно приказанномъ, справедливость и отнюдь не мстительность и не злопамятство — вотъ тотъ рычагъ, которымъ я постоянно дѣйствовалъ на вѣренную мнѣ молодѣжь“. И это не были одни слова. Многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ лица, находящіеся уже въ серьезномъ возрастѣ, вспоминаютъ съ благодарностію его отеческіе совѣты, иногда очень рѣзкіе, но всегда полные самаго теплаго участія. Многіе были имъ въ-время остановлены на скользкомъ пути юношескихъ увлеченій. У всѣхъ сохранилось убѣжденіе, что Николай Никифоровичъ никому не сдѣлалъ зла.

Въ Одессѣ не было человѣка, который бы не зналъ его — его тамъ называли просто Николай Никифоровичъ, — онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Любили въ немъ душевную простоту, скромность и доступность; уважали за порядочность мнѣній и привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ кругу образованныхъ людей, составлявшихъ его постоянное общество; уважали его независимость. Ни для кого не было тайной, что матеріальныя средства Николая Никифоровича были очень незначительны: они заключались въ небольшой пенсіи за службу по мин. нар. проsv. Не смотря на это, онъ никогда не испытывалъ того удручающаго состоянія, которое часто является спутникомъ лишеній; но, напротивъ, всегда сохранялъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства и пріятное, ровное расположеніе духа. „Мой сѣрый скюртукъ, говаривалъ не безъ гордости Николай Никифоровичъ, неизмѣнно служилъ мнѣ въ Петербургѣ, Москвѣ и Тифлисѣ; видѣли меня въ немъ въ Вѣнѣ, Римѣ, Севильѣ и на египетскихъ пирамидахъ,—и вездѣ я смѣло смотрѣлъ людямъ въ глаза“...

Николай Никифоровичъ скончался въ Одессѣ 16-го октября 1883 г., на 77 г., возбудивъ искреннее сожалѣніе въ мѣстномъ обществѣ. Въ Одессѣ долго еще будетъ замѣтна его утрата,— въ обществѣ Исторіи и Древностей, гдѣ каждый предметъ говорить о немъ, и среди его друзей, любившихъ его веселую, безпритязательную бесѣду. Опустѣвшее мѣсто на приморскомъ бульварѣ, гдѣ ежедневно, въ послѣобѣденное время, можно было видѣть Николая Никифоровича, будетъ напоминать, что однимъ честнымъ и истинно добрымъ человѣкомъ стало меньше...

Николай Никифорович Мурзакевич имѣлъ чинъ тайнаго содѣтника и слѣдующіе высшіе ордена: св. Станислава 1 степени, св. Анны 1 степ. и св. равноапостольнаго кн. Владимира 2-й ст.

По приглашенію ред. „Русской Старины“—М. И. Семевскаго, принявъ на себя редакцію посмертнаго труда Николая Никифоровича Мурзакевича, мы позволили себѣ: во-первыхъ, раздѣлить его на главы, съ указаніемъ содержанія оныхъ, считая это болѣе удобнымъ при чтеніи, и во-вторыхъ, присоединили къ нему, для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ текста, нѣсколько примѣчаній. Къ этому считаемъ еще необходимымъ прибавить, что при составленіи настоящаго очерка мы пользовались вышеупомянутыми автобіографією Николая Никифоровича и его записными дорожными книжками, брошюрою „Никифоръ Адриановичъ Мурзакевичъ (Спб., 1877 г.)“, а также свѣдѣніями, извлеченными изъ официальныхъ документовъ. Независимо отъ этого, мы почерпнули въ нашей памяти многое о Николаѣ Никифоровичѣ, съ которымъ были долго и близко знакомы.

Кн. Вас. Дм. Дабизжа.

1 мая 1886 г.
С.-Петербургъ.

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

Отъ запада и отъ востока,
Отъ горъ, пустыней и морей
Нѣтъ человѣка безъ порока,
Безъ слабостей и безъ страстей.

Державинъ.

Verba animi profero,
Verba volant, scripta manent.

I.

Священникъ Никифоръ Адриановичъ Мурзакевичъ, отецъ автора „Авто-биографіи“.—Жизнь отца Никифора въ г. Смоленскѣ.

На одной изъ незначительныхъ улицъ Смоленска, носившей, однако, историческое имя „Рѣзницкой“, расположенной надъ оврагомъ, тянущимся отъ стѣнъ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, и у подошвы церкви Воскресенской находился длинный рядъ бѣднѣйшихъ деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ плодовитыми деревьями яблонь, сливъ и грушъ; въ одной изъ такихъ хижинъ проживалъ съ семействомъ соборный иподіаконъ, а потомъ діаконъ Успенскаго кафедральнаго собора Никифоръ. Полная бѣдность царствовала въ большой семьѣ (состоявшей, кромѣ престарѣлой матери, изъ трехъ сыновей: Ильи, Константина и Ивана, и трехъ дочерей: Александры, Елены и Еватерины). Денежный овладъ по штату и ничтожныя подачи за исполненіе церковныхъ требъ составляли скудный доходъ. Овощи домашняго огорода и древесные плоды составляли преимущественное

подспорье въ пищѣ этому семейству. Одежда для всѣхъ дѣтей готовилась руками неутомимой матери. Свободное время отъ должности діаконой при соборѣ, а иподіаконой при епархіальномъ епископѣ, которымъ тогда былъ Пареній Сопковскій—мужъ ученый, строгій, но добрый, Нивифоръ охотно употреблялъ на чтеніе книгъ историческаго содержанія; книгами такими ссужалъ знакомецъ, братъ епископовъ. Встрѣчаемыя указанія историческія касательно города Смоленска, извѣстнаго своею отдаленною древностью, внимательный ттець отмѣчалъ въ особыхъ выпискахъ и этимъ путемъ положилъ начало „Смоленской исторіи“. Къ счастью бѣднаго труженика, судьба послала четырехъ молодыхъ людей, которые, обративъ вниманіе на любопытныя замѣтки, одобрили трудъ полезный, а одинъ изъ нихъ даже оказалъ существенную услугу присылкою потомъ многихъ книгъ, касающихся русской исторіи. Четыре молодые человека были — окончившіе курсъ въ московскомъ университетѣ: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П. С. Кайсаровъ ¹⁾ и Воиновъ, отправившіеся для усовершенствованія въ наукахъ за границу. Александръ Ивановичъ, написавъ своему отцу, бывшему директору университета, о любознательномъ клерикѣ, упросилъ помочь ему доставкою необходимыхъ книгъ. Тургеневъ, принадлежавшій въ обществу, учрежденному Новиковымъ для распространенія въ отечествѣ полезныхъ знаній, охотно исполнилъ просьбу сына: цѣлая сотня томовъ книгъ исторіи російской—Татищева, Щербатова, Штриттера, лѣтописи—Кенигсбергская, Никоновская, древняя Вивліотека и проч. немедленно безденежно были доставлены.

Поощренный такимъ вниманіемъ, Никифоръ такъ усердно принялся за начатый трудъ, что все свободное отъ службы время посвятилъ на изученіе источниковъ. Усидчивость, несоизмѣримая съ силами, не замедлила было проявиться сильною грудною болью и кровотеченіемъ, но строго-правильная жизнь и здоровый воздухъ, при хорошей водѣ (изъ колодца, прозваннаго

¹⁾ А. И. Тургеневъ, впоследствии директоръ канцеляріи министра духовныхъ дѣлъ и народн. просвѣщенія; И. А. Двигубскій—ректоръ московскаго университета; П. С. Кайсаровъ—корпусный командиръ.

Ев. В. Д.

жителями „Здоровцевъ“, слышавшаго также и „Смолиговымъ“), и хлопотливая служебная дѣятельность не дали болѣзни овладѣть ослабленнымъ тѣломъ.

„Исторія губернскаго города Смоленска“ съ небольшимъ въ три года была кончена въ 1804 году. Рукопись свою авторъ счелъ нужнымъ представить своему епархіальному начальнику-епископу Димитрію Устиновичу, но, вмѣсто ожидаемаго одобренія, встрѣтилъ жестокой приѣмъ. Пораженный невниманіемъ въ труду и грубостью обращенія, совсѣмъ не пастырскаго, Никифоръ обратился съ просьбою о пособіи къ изданію къ губернатору Гедеонову, а онъ уже послалъ къ генераль-губернатору Ст. Ст. Апраксину. Этотъ просвѣщенный вельможа не только одобрилъ ласковымъ приѣмомъ автора, но и далъ средства въ напечатанію книги, предложивъ, чрезъ губернатора, городскому обществу сдѣлать зависѣвшее отъ него пособіе. Городское общество положило книгу напечатать въ городской типографіи на счетъ города, дало бумагу свою и сверхъ того сдѣлало подписку на 100 экземпляровъ. Тогда же для полноты труда автору магистратъ открылъ свой архивъ, изъ котораго въ переводѣ на русскій языкъ съ польскаго были помѣщены: „Права и привилегіи, данныя Смоленску отъ литовско-польскихъ королей и русскихъ царей“, до того никогда неизданныя и никому изъ историковъ неизвѣстныя.

Книгу, конченную печатаньемъ, благодушный Апраксинъ, при особомъ письмѣ, представилъ завѣдывавшему въ синодѣ духовными дѣлами, князю А. Н. Голицыну, съ просьбою поднести ее императору Александру I. Подарокъ императорскій въ пятьсотъ рублей серебромъ былъ началомъ послѣдовавшаго затѣмъ благосостоянія скромнаго труженика. Даже суровый епископъ Димитрій смягчился, произведя историка въ священники къ Одигитріевской церкви. Собранныя отъ подписчиковъ деньги—до 2,000 рублей—дали возможность значительно улучшить бытъ. Порядочный деревянный домъ возлѣ приходской Одигитріевской церкви былъ купленъ, и семейство съ удобствомъ въ немъ помѣстилось. Ученая извѣстность духовнаго лица, въ то время еще рѣдкая, знакомство лицъ правительственныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, поставили молодаго священника на почетное мѣсто.

II.

Воспоминанія дѣтства Николая Никифоровича Мурзакевича.—1812 годъ.—
Занятіе Смоленска французами.—Самоотверженная дѣятельность священника
Никифора Мурзакевича.

Въ эту эпоху я родился, именно апрѣля 21-го 1806 г. Изъ младенчества моего я помню только два случая. Одинъ — какъ я, бывъ оставленъ на произволь, завязъ гдѣ-то между заборами двухъ стѣнъ такъ, что съ трудомъ былъ вытащенъ и, по обычаю, наказанъ; другой—смерть матери, умершей отъ чахотки въ 1812 году, въ масляную недѣлю. Помню, какъ на загородномъ кладбищѣ, именуемомъ „Овѣпомъ“, вечеромъ опустили въ могилу гробъ матери, и я въ слезахъ бросился за гробомъ, но крестная мать удержала, и потомъ, когда я, по зарытіи могилы, побѣжалъ снова туда, то она меня привязала къ себѣ платкомъ и увезла домой.

Начало войны 1812 года помню отчетливо. Когда 9 іюля проѣзжалъ изъ Вильны императоръ Александръ I, въ толпѣ народа, встрѣчавшаго императора, былъ и я съ вѣмъ-то изъ домашнихъ. Городовой магистратъ былъ въ собственномъ каменномъ домѣ, на углу Одигитріевской церкви, и здѣсь-то всѣ чины магистрата, съ многочисленными цеховыми значками, встрѣтили государя, при обычномъ ура, низкимъ до земли поклономъ. Нѣсколько дней спустя я былъ въ толпѣ, когда въ магистратѣ, принеся изъ собора чудотворную икону Богоматери Одигитриі, служили молебенъ „отъ нашествія непріятелей“, и слышалъ общіе крики толпы, что она не поддастся врагу. Незадолго до этого, въ іюлѣ, было объявлено народное (партизанское) ополченіе.

Хорошо помню, какъ утромъ 3 августа началась пушечная и ружейная пальба за городскими стѣнами; какъ братья и сестры безповоились объ отсутствіи отца, который, уже вечеромъ прийдя, сказалъ, что онъ былъ за городскою стѣною около Никольскихъ и Молоховскихъ воротъ, и тамъ, въ наружныхъ городскихъ прикрытыхъ путяхъ, исповѣдывалъ и приобщалъ раненыхъ.

4-го августа отецъ съ утра отправился, по требованію какого-то военнаго генерала, для исповѣди и причащенія раненыхъ

и умирающихъ солдатъ и офицеровъ. Весь этотъ день при отцѣ находился братъ Константинъ, носившій освященную воду, которою отецъ окроплялъ солдатъ. Поле этой почтенной дѣятельности въ этотъ день было пространнѣе: отъ Рачевскихъ воротъ и до, такъ называемой, Королевской крѣпости (земляной цитадели; здѣсь въ 1611 году поляки сдѣлали въ стѣнѣ проломъ и, ворвавшись въ городъ, произвели неподалеку жестокую рѣзню, по которой и оврагъ былъ прозванъ „Рѣзницемъ“). На крѣпости отца очень обладалъ командовавший тою частью обороны города генералъ И. Ѳ. Паскевичъ. Этотъ подвигъ Никифора былъ безпримѣрный. Все городское духовенство, не смотря на данную незадолго предъ симъ подписку не оставлять города и своихъ мѣстъ, но побуждать жителей въ дачѣ отпора неприятелямъ, еще до начала осады города улизнуло куда попало. Даже сами: епископъ Ириней Фальковский и губернаторъ баронъ К. И. Ашъ (еще утромъ 3-го августа) постыдно бѣжали изъ города. Все утро 5-го числа я бѣгалъ возлѣ своей приходской церкви, подбирая падающія, расплюснутыя о церковную стѣну, еще горячія свинцовыя пули. Около вечеренъ видѣлъ, какъ ядро, въ двухъ-этажномъ деревянномъ нашемъ амбарѣ пробивъ двѣ стѣны и крыльцо, ударило въ пристроенный къ дому чуланъ и, оттолкъ откатысь по землѣ, еще сдѣлало впадину въ противоположной стѣнѣ. На крыльцѣ амбара въ это время сидѣла родная отцова сестра; сила летѣвшаго ядра такъ ее толкнула, что она едва не слетѣла съ лѣстницы внизъ.

Уже поздно вечеромъ возвратился домой отецъ и рассказалъ, что когда въ полдень сталъ читать въ церкви канонъ Спасителю, по желанію собравшагося народа, то ядро (граната?), влетѣвшее въ церковную главу, опустясь на половину церкви, разорвалось, но такъ счастливо, что никого не токмо не убило, но и не ранило, его же самого сильнымъ движеніемъ воздуха отбросило внизъ головою чрезъ растворенныя царскія двери къ престолу. Потомъ, когда переходилъ отъ Молоховскихъ воротъ къ Королевской крѣпости, не смотря на то, что раненые сносимы были въ глубину закрытаго пути, по всему пространству городской стѣны пули часто вновь били раненыхъ солдатъ и офицеровъ, да и его широкополой шляпы касалось нѣсколько пуль, но безвредно.

Я же видѣлъ многихъ убитыхъ солдатъ съ оторванными

ногами или руками, также одного солдата, ведшаго своего товарища, раненаго ружейною пулею въ грудь: все это происходило на площадѣ предъ Одигитріевской церковью и нашимъ домомъ, находящимся не очень далеко отъ Никольскихъ и Молоховскихъ воротъ; тутъ около вечерень происходила жестокая бойня. Непрiателямъ сильно хотѣлось ворваться въ городъ чрезъ эти два мѣста.

Помню, какъ загорѣлись дома, ближайшіе къ сказаннымъ воротамъ; въ сумерки загорѣлся и кадетскій корпусъ, бывший на Молоховской улицѣ (это главная улица, идущая покатымъ склономъ съ одного конца города на другой, къ Днѣпру). Въ эту пору возвратившійся отецъ, забравъ всю семью, состоявшую изъ 6 душъ (старшій братъ и сестра предъ штурмомъ города были однимъ изъ родныхъ увезены въ Вязьму), рѣшился оставить городъ, осыпаемый зажигательными ядрами. Дойдя до собора и желая въ немъ помолиться, былъ тамъ удержанъ своею дряхлою матерью, которая умоляла его не идти далѣе, но остаться въ соборѣ, на волю Божию, подобно многимъ бѣднѣйшимъ семействамъ, укрывшимся въ этомъ величественномъ, обширномъ зданіи. Слезныя просьбы матери, семья — малъ-мала меньше, нѣсколько десятковъ рублей въ карманахъ и невозможность найти подводу — убѣдили отца исполнить волю матери. Въ соборѣ нашли больнаго тамошняго священника, В. Щиrowsкаго, съ находившимся при немъ сумасшедшимъ сыномъ, соборнаго протодіакона А. Рудакова и нѣсколькихъ консисторскихъ писарей, укрывшихся въ архіерейской погребальной комнатѣ, ведущей чрезъ длиннѣйшую лѣстницу на соборную галерею (хоры) и подъ самую крышу. Здѣсь наше семейство укрылось. Изъ высокихъ круглыхъ оконъ соборныхъ видѣнь былъ весь городъ, какъ на ладони; несчастный городъ весь былъ объятъ огнемъ, какъ бы пламеннымъ вѣнцомъ.

Чуть свѣтъ 6-го августа мы услышали, что французы вошли въ городъ. Я, съ хоръ взглянувъ внизъ, увидѣлъ нѣсколько непріятельскихъ офицеровъ, разсматривавшихъ громадный соборъ: они были въ шляпахъ, киверахъ и притомъ съ собаками. Это мнѣ показалось очень страннымъ; но страннѣе было то, что, по моимъ понятіямъ, вслѣдствіе рассказовъ, что на городъ идетъ „антихристъ Наполеонъ“, я ожидалъ въ французахъ

видѣть какихъ-то звѣрообразныхъ людей, но, противъ ожиданія, нашель обыкновенныхъ людей. Цѣлый день я не отходилъ отъ оконъ, а жаръ дневной, слившись съ общимъ пожарищемъ города, былъ такъ силенъ, что по-долгу нельзя было стоять на мѣстѣ. Лазилъ и подъ соборную крышу, покрытую толстою жестию, и не могъ понять, откуда летятъ на крышу частые камни,—а это были падающія, обезсиленные, свинцовыя пули, летѣвшія изъ-заднѣпровья, гдѣ русскіе солдаты перестрѣливались съ наступавшими французами. Днѣпровскій мостъ въ это время уже былъ въ пламени.

Какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе всю пищу нашу составляли ржаной черствый хлѣбъ, затѣмъ яблоки, сливы и груши, на которыя въ этотъ годъ былъ особенный урожай. Фрукты смоленскіе славятся по всей Россіи и особенно обсаженные сухіе: они превосходятъ даже вѣевскіе.

Около обѣденной поры соборяне свазали моему отцу, что французы грабятъ архіерейскій домъ и оставленную безъ вывоза церковную ризницу. Не думая о послѣдствіяхъ, отецъ отправился въ Предтеченскую церковь, гдѣ хранилась архіерейская ризница, и тамъ нашель толпу придворныхъ служителей неаполитанскаго короля, грабившихъ все, что могли. Не могли остановить грабежа, онъ отправился въ новыя архіерейскія каменные палаты, гдѣ временно остановился принцъ Богарнѣ, и тамъ, не встрѣтивъ въ переднихъ комнатахъ ни одного доглядчика, пошелъ далѣе и наткнулся на нѣсколькихъ иностранныхъ генераловъ и нѣсколькихъ поляковъ; началъ имъ ломанною латинью говорить о грабежѣ церкви и о могущихъ быть отъ сего послѣдствіяхъ отъ раздраженныхъ жителей за неуваженіе святыни. Энергическій видъ русскаго длиннородаго священника въ широкой рясѣ подѣйствовалъ вліятельно на непріятелей (между генералами находился и самъ Наполеонъ): грабежъ приказано прекратить, хотя уже всѣ богатства были забраны, и къ собору поставили караулъ изъ нѣсколькихъ солдатъ, которые на другой день, вмѣсто входныхъ дверей, размѣстились на архіерейскомъ амвонѣ, среди собора. Тутъ меня поразили разнообразныя мундиры, преимущественнѣе саперы бородатые, въ медвѣжьихъ шапкахъ съ топорами и солдаты старой гвардіи, тоже въ медвѣжьихъ шапкахъ съ красными кутасами и перомъ, въ

синихъ откосныхъ мундирахъ съ красными отворотами, бѣлыхъ жилетахъ, короткихъ бѣлыхъ штанахъ и штиблетахъ на башмакахъ. Видѣвъ русскія войска, до войны проходившія Смоленскъ, я невольно примѣтилъ различіе мундировъ нашихъ и иностранныхъ. Меня занимали бѣлые жилеты гвардейскихъ французовъ и красные эполеты, вродѣ нашихъ генеральскихъ, тогда какъ жилетовъ не было у нашихъ офицеровъ, а эполеты были мѣдные посеребренные. Стража оставалась у собора до самаго выхода непріятельскаго изъ Смоленска, послѣдній часовой былъ взятъ русскими.

Замѣчательно вышесказанное появленіе моего отца среди свиты наполеоновой. Оно описано графомъ Сегюромъ, въ его „Histoire de Napoleon et de la grande armée, pendant l'année 1812“, добавившимъ отъ себя хвалу Наполеону, а затѣмъ благодарственный молебень, будто бы моимъ отцомъ отслуженный, а гдѣ? — неизвѣстно, и потомъ — разсужденія о цѣли войны ¹⁾.

Прочіе дни отецъ ежедневно ходилъ навѣщать раненыхъ нашихъ солдатъ, лежавшихъ безъ всякаго призрѣнія въ опустѣлыхъ домахъ. Братья Константинъ и Иванъ поочередно ему сопутствовали, нося брошеннымъ на горькую долю — воду, садовые и огородные плоды. Свободному доступу отца моего повсюду много способствовала его священническая широкорукавая ряса и шляпа длинноврылая, рѣзко отличавшія его отъ прочихъ жителей и особенно отъ бородатыхъ мѣщанъ, въ которыхъ

¹⁾ Вотъ что пишетъ графъ Сегюръ объ этомъ событіи. «Dans ce même jour les réponses courageuses d'un pope, le seul qu'on trouva dans Smolensk, l'éclairèrent encore davantage sur l'aveugle fureur qu'on avait inspirée à tout le peuple russe. Son interprète, qu'effrayait cette haine, parut devant l'Empereur. Ce prêtre vénérable lui reprocha d'abord avec fermeté ses prétendus sacrilèges; il ignorait que c'était le général russe lui-même, qui avait fait incendier les magasins de commerce et les clochers, et qu'il nous accusait de ces horreurs, afin que les marchands et les paysans ne séparassent par leur cause de celle de la noblesse. L'Empereur l'écouta attentivement. «Mais votre église, lui dit-il enfin, a-t-elle été brûlée?»—«Non, sir, répliqua le pope; Dieu sera plus puissant que vous; il la protégera, car je l'ai ouverte à tous les malheureux que l'incendie laisse sans asile!»—L'Empereur ému lui répondit: „Vous avez raison; oui, Dieu veillera sur les victimes innocentes de la guerre; il vous récompensera de votre courage“.. (livre VI, chap. VII). Ж. В. Д.

непріятели часто предполагали видѣть переодѣтыхъ казаковъ. Нѣкоторымъ священникамъ, рѣшавшимся украдкою проникнуть въ городъ, чтобы узнать о судьбѣ своихъ домовъ (о церквахъ никто не думалъ, а потому онѣ почти всѣ погорѣли), жестоко досталось отъ французовъ: несчастныхъ мнимыхъ казаковъ употребляли на самыя тяжкія и унижительныя работы.

Въ концѣ августа жители, спасшіеся въ соборѣ, стали расходиться по своимъ уцѣлѣвшимъ домамъ. Въ это время былъ учрежденъ французами муниципалитетъ, въ которомъ управляли городомъ русскіе, оставшіеся въ городѣ, бѣднѣйшіе чиновники и мѣщане. Тяжко за это потомъ они заплатились предъ русскими сенаторами и всякаго рода судьями, безчеловѣчными и несправедливыми. Подъ вліяніемъ муниципалитета, многимъ жителямъ чаще давались охранныя стражи изъ солдатъ, которые, однако, довольствовались тѣмъ, что у воротъ указаннаго имъ дома ставили ружья, а сами уходили куда угодно.

Странно и брезгливо было видѣть, какъ французы въ деревянныхъ ночвахъ (корытахъ), въ которыхъ моютъ грязное бѣлье, мѣсили пшеничное тѣсто для прѣсныхъ булокъ. Нужда, однако, заставила и насъ ѣсть такой хлѣбъ; о говядинѣ нечего было и думать; вареный картофель и всякая зелень были пищею, однако, не вседневною. Страхъ, лишенія всякаго рода и неизвѣстность что дальше будетъ, начинавшіеся грабежи отъ разбрѣдшихся солдатъ непріятельскихъ, особенно баварцевъ и поляковъ (лучше всѣхъ и добрѣе были въ жителямъ французы и итальянцы), подѣйствовали на дряхлую родную бабушку (по отцѣ) и меньшую сестру, Екатерину; обѣ въ короткое время, одна за другою, померли, и погребены возлѣ своей приходской церкви.

Въ октябрѣ 1812 г. больше и чаще стали проходить изъ Москвы непріятельскія полчища, съ ними усилились грабежи: искали уже не денегъ и сокровищъ, но хлѣба и теплой одежды. Вначалѣ диковинно было видѣть солдатъ непріятельскихъ въ киверахъ и при ружьяхъ, одѣтыхъ въ церковные стихари, поповскія рясы, женскія шубы, шубейки, юбки, — потомъ это сдѣлалось обыкновеннымъ. Видѣлъ гвардейскаго генерала, остановившагося проходомъ въ нашемъ домѣ, въ лакейской ливреѣ съ галунами и въ теплой шапкѣ. Съ наступленіемъ холода стали чаще пожары. Непріятели не умѣли обходиться съ нашими печами, вьюшками

и заслонками, и потому или угорали, или невольно сожигали домъ. Къ концу октября бѣдствія сдѣлались общими намъ и непріятелямъ. Холодъ, голодъ и болѣзни, особенно диссентерія, большею частью смертоносная, болѣе чѣмъ децимировала несчастныхъ жителей. Все требовало хлѣба на вѣсь золота и серебра, но не было продавцевъ. Награбленныя въ Москвѣ разнообразныя сокровища стояли почти неприкосновенными въ непріятельскихъ фурахъ, которыя были всюду разбросаны, по невозможности вести ихъ дальше. Отъ некормицы и гололедицы надежъ бѣдныхъ лошадей былъ сильнѣйшій. Съ этой поры начали почти всѣ ѣсть конину, вареную или жареную: послѣдняя была лучше, но вареная въ супѣ необыкновенно пѣнилась густою непріятною пѣною. За кусокъ хлѣба между непріятелями были частыя убійства.

Къ большому несчастью, проходившіе обратно изъ Москвы поляки, прикидываясь сострадательными, совѣтывали жителямъ скрывать цѣнныя имущества отъ французовъ, но потомъ, зная гдѣ и чтѣ скрыто, пускались на грабежъ. Такъ, по совѣту полковника Костенецкаго, отецъ мой спряталъ церковныя вещи цѣнныя. Но на слѣдующее утро наученные мародеры явились, отбили церковную дверь и стали грабить; прибѣжавшій отецъ сталъ отнимать и за то почти на смерть былъ избитъ: порубленъ саблею по головѣ, а шпорами пробилъ бокъ, и полуживаго принесли въ домъ. Не такъ поступали французы. Нѣкоторымъ артиллеристамъ захотѣлось снять колокола съ нѣкоторыхъ колоколенъ съ тѣмъ, чтобы разбить для переплава на пушки. Прибѣжавъ къ Одигитріевской церкви, требовали ключей отъ дверей, но отецъ, не давъ ихъ, тотчасъ отправился къ неподалеку жившему коменданту, объяснилъ неблагоприличіе поступка и возвратился съ запрещеніемъ трогать церковь; команда немедленно мирно отправилась къ своему мѣсту.

Въ концѣ октября бѣдствующій Наполеонъ проѣзжалъ Смоленскъ. Еще наканунѣ военный губернаторъ города, Жомини, потребовалъ, чтобы собравшееся въ городъ духовенство русское встрѣтило почетно императора. Трое бѣдныхъ священниковъ, въ томъ числѣ и отецъ, простоявъ почти цѣлый день у Днѣпровскихъ воротъ, промерзнувъ, вернулись по домамъ. Но на другой день (28-го октября) отецъ, потребованный исповѣдывать и приобщать

умирающаго мѣщанина Ивана Короткаго, на Троицкомъ мосту, наткнулся на проѣзжавшую карету, позади которой были привязаны хлѣбные снопы, а неподалеку отъ кареты шедшаго низенькаго плотнаго человѣка въ фризовой бекешѣ на собольемъ мѣху и въ собольей шапкѣ, сопровождаемаго свитою, очень пестро одѣтою. Губернаторъ Жюмини, махнувъ рукою моему отцу, сказалъ: „L'espreteur Napoleon!“ Отецъ, оторопѣвъ, снявъ шапку, механически сунулъ въ руку Наполеону просфору, изготовленную для умирающаго. Наполеонъ, спросивъ: „оре?“, прошелъ далѣе.

Такъ была эта встрѣча, навлекая потомъ на отца разнообразныя бѣдствія: обвиненія въ измѣнѣ отечеству, запрещеніе священнослуженія, уголовный судъ и перспективу ссылки въ Сибирь, которую такъ снисходительно посулили ему прибывшіе судить служившихъ французскому правительству (въ городскомъ муниципалитетѣ) архіепископъ Рязанскій Теофилактъ Русановъ и свой архіерей — Иринея Фальковскій, да сенаторъ Каверинъ.

Наканунѣ, 5-го ноября 1812 г., всѣ непріятельскія войска вышли изъ Смоленска ночью, взорвавъ девять городскихъ башенъ и зажегши многіе дома.

Утромъ 6-го ноября явились казаки и русскія войска. Отъ голода, холода, кроваваго поноса почти всѣ жители значительно пострадали. Мертвые непріатели валялись тысячами. Воздухъ былъ зараженъ: для очищенія его придумали зажигать по улицамъ сорныя и навозныя кучи; дома, колодцы, улицы начали очищать отъ мертвыхъ тѣлъ. Между трупами ожесточенные жители безжалостно таскали по всему городу живыхъ больныхъ непріателей, напрасно просившихъ пощады. Въ то время жестоосердіе обуюло всѣми и нисколько не считалось предосудительнымъ.

III.

Вступленіе русскихъ войскъ въ Смоленскъ, прибытіе властей и возстановленіе порядка. — Годы ученія Ннк. Ннкѣф. Мурзакевича въ родительскомъ домѣ и въ Смоленской духовной семинаріи.

Горько было отъ непріятелей, но горше пришлось терпѣть остававшимся въ городѣ жителямъ отъ своихъ пріѣзжихъ соотечественниковъ. Въ чемъ только несчастныхъ не уворяли: и въ измѣнѣ, и грабительствѣ, и перемѣнѣ вѣры, тогда какъ сами безцеремонно всѣ предались захвату оставшихся непріятельскихъ обозовъ. Постой военные и всякіе властелинскіе обременили уцѣлѣвшіе дома. Въ нашемъ домѣ поселился губернской предводитель Воеводскій. Этотъ герой за раздачу пособій раззореннымъ сначала былъ пожалованъ Владимірскимъ крестомъ, потомъ за обнаруженное лихоимство былъ удаленъ отъ должности. На его счетъ кто-то импровизировалъ:

„О Господи! Ты спасъ разбойника на крестѣ,
Теперь предстоитъ другое горе:
Спаси Ты крестъ на ворѣ!“

Воеводскій занялъ весь нашъ домъ, оставя всему нашему семейству одну кухню и темный чуланъ. Тутъ мы всѣ полубольные, избитый поляками отецъ, возвратившіеся изъ Вязьмы старшіе братъ и сестра жили и помѣщались. Старшая сестра вскорѣ за сямъ умерла, а мы всѣ переболѣли диссентеріею.

Разнообразныя сцены, нужда, болѣзни сильно подѣйствовали на мой организмъ—я былъ живой мертвецъ. Помню очень, какъ на меня подѣйствовалъ испугъ отъ пальбы изъ пушекъ, по случаю пасхальной утрени 1813 года. Пришедшіе изъ церкви отецъ и братья насилу меня успокоили, что стрѣляли не французы. Взрывы башенъ при уходѣ непріятелей окончательно разстроили мои нервы: то горячечное, то лихорадочное состояніе моего здоровья сдѣлалось постояннымъ. Не помню ни одной весны, осени и зимы, чтобы я не болѣлъ головою, лихорадкою или жестокою зубною болью. Ученье мое было неровное: братья Илья и Константинъ, по возможности, занимались мною. Чтеніе, однако, я

скоро и легко усвоилъ, но каллиграфія зависѣла отъ моихъ капризовъ, которымъ, ради моей болѣзненности, снисходили. Свободное отъ болѣзней время я употреблялъ на лазанье по городскимъ стѣнамъ и башнямъ: гнѣзда бѣдныхъ птицъ много страдали отъ безжалостнаго мальчишки, пока это не сдѣлалось извѣстнымъ строгому отцу. Наказанія, налагаемые на меня отцемъ, были: чтеніе вслухъ Псалтиря или какой либо исторической книги, или путешествія, стоянье на колѣняхъ. Розги приходились крайне рѣдко за безумныя и опасныя шалости.

Сверстники моихъ лѣтъ—дѣти мелкихъ чиновниковъ и ремесленниковъ — составляли мой постоянный кружокъ. Стая маленькихъ проворныхъ шалуновъ давала себя чувствовать неогражденнымъ заборами садамъ. Лазанье по деревьямъ сдѣлалось моею страстью. Когда подросъ, а ученье науками сдѣлалось серьезнѣе, то уроки свои я усиленнѣе выучивалъ, сидя на вѣтвистой липѣ, клѣнѣ или яблонѣ. Подготовленнаго дома въ латинской и греческой этимологіи, меня осенью 1817 года отвели въ семинарію. При просьбѣ объ опредѣленіи, поданной ректору, архимандриту Павлу Соболевскому (впослѣдствіи архіепископу харьковскому), представлено было мое чистописанье по латыни; оно содержало изреченіе Цицерона изъ его „*Consolatio*“: „*Lento gradu ad vindictam procedit ira, sed tarditas gravitate supplicii compensat,*“ — это въ тогдaшнемъ переводѣ значило: „Тихими стопами Божескій гнѣвъ шествуетъ въ отмщенію, но медленность награждаетъ тяжестью наказанія“. Фраза эта, вбившаяся въ голову, послужила мнѣ въ прочую мою жизнь нравственною уздою. Законъ нравственнаго возмездія, непременно слѣдуемаго за всякою сдѣланною гадостью и низостью, сдѣлался моимъ догматомъ.

Первые дни школьнаго ученья мнѣ понравились,—дѣло шло хорошо: я не только умѣлъ читать, писать и считать, но могъ даже по диктовкѣ писать по гречески и латыни. Часы, назначенные для ученья по старой семинарской методѣ, были легкіе: 9 и 10 часъ утромъ, 3 и 4 послѣ обѣда. Такъ какъ семинарія находится вблизи училищнаго Аврааміевскаго монастыря, расположеннаго вблизи городской стѣны, то свободное отъ ученья время ученики лѣтомъ пріятно проводили за „городомъ“ (стѣною), гдѣ начинались черныя скаты, живописно склонявшіеся къ Днѣпру. Въ ольховыхъ и березовыхъ кустарникахъ и оврагѣ,

неизвѣстно почему прозванномъ „Чертовымъ рвомъ,“ мы рѣзали, собирали пахучія травы: чеберъ и др., изъ цвѣтовъ дѣлали вѣнки и букеты, и все это, въ видахъ задобренія учителей, приносили въ школу и тамъ по полу разбрасывали, а лучшее владли на столъ. Въ жаркое время бѣгали на Днѣпръ купаться. Быстрая и мѣстами очень глубокая рѣка служила самоучною школою плаванья, но за то ежегодно брала себѣ жертвы излишней дѣтской отваги или неумѣнья плавать. Большія старыя деревья, современныя основанію семинаріи (открытой епископомъ Гедеономъ Вишневымъ въ 1728 году), мнѣ и другимъ сверстникамъ служили спойнымъ отъ шалуновъ мѣстомъ заучиванья уроковъ. Звонкіе дѣтскіе голоса на разныхъ нотахъ сближались съ щебетаньемъ птичекъ, съ одною только разностью, что наши голоса выкрикивали: „mensa, mensae, ó ávθpoc, τῆ ávθpότη, грамматика есть наука...; катехизисъ есть“.... и проч. За то зимою бѣдствовали въ нетопленныхъ классахъ и часто съ разбитыми въ окнахъ стеклами. Чернила для писанья подъ диктовку отогрѣвали руками или дыханьемъ. Время до прихода учителей занимали кулачнымъ боемъ сколько для удалства, столько и для согрѣтія окончившихъ руки и ноги. Помню майскія рекреаціи, допускавшіяся 1, 15 и иногда 30 мая. Утромъ каждаго 1-го мая толпа большихъ и маленькихъ школьничковъ отправлялась подъ окна ректорской квартиры и тамъ начинала ревътъ: „Reverendissime pater! rogamus recreationem!“ Черезъ четверть часа являлся или самъ ректоръ, или велейный, объявлявшій о дозволеніи. Тогда толпа летѣла къ архіерею и, раздѣлясь на двѣ половины, ревъла: „Eminentissime pater!“ и проч., или: *καμειρότατε δέσποτα; λιπαρόμεν τὴν ἀνάπαυσιν;* изъ окна показывалась лысая архіерейская голова Іоасафа Срѣтенскаго и благословляла на отдыхъ. Въ мое время рекреація праздновалась на „Кловѣ“, такъ называлась дача Троицкаго монастыря, находящаяся версты за три за Свирскою церковью. Тутъ, когда въ XIV вѣкѣ производилась дѣятельная торговля Смоленска съ Ганзою, было складочное мѣсто иностранныхъ товаровъ. Рекреація состояла въ разнаго рода играхъ, театрѣ (не уступающемъ простотою первобытнымъ эллинскимъ), на которомъ непременно присутствовалъ ректоръ, а иногда и архіерей. Учителя составляли между собою особый кружокъ; нѣкоторые иногда участво-

вали въ дѣтскихъ забавахъ. Въ иной разъ театръ былъ въ семинарскомъ зданіи, въ присутствіи важнаго архіерея — Іоасафа Срѣтенскаго, — добраго, величественнаго старика съ большою лысиною и длиною сѣдою бородою. Театръ однажды затанулся до полуночи, и возвращавшагося домой архіерея штатный служитель, желая показать свою бодрственность, проводилъ звономъ во всѣ монастырскіе колокола.

Іоасафъ ѣздилъ по городу и къ обѣднямъ приходскимъ въ раззолоченной рѣзной, покрытой стеклами со всѣхъ сторонъ, каретѣ, той самой, въ которой торжественно вѣзжала въ Смоленскъ, въ 1780 году, Екатерина II. Куда бы архіерей ни ѣхалъ: къ обѣднѣ, на обѣдъ, на вечеръ къ „сильнымъ міра сего“ — колокольный звонъ церквей давалъ городу знать о мѣстонахожденіи пріятнаго старика. За важную наружность и торжественность въ служеніи Іоасафъ императоромъ Александромъ I былъ переведенъ въ Могилевъ въ санѣ архіепископа.

Возвращаюсь къ рекреаціямъ. 15 и 30 числа отпуска не всегда разрѣшались: тутъ „petitores“ отъ ректора часто рисковали быть высѣченными. Но являлись отчаянные, которые, увлекши за собою шалуновъ, въ числѣ ихъ и меня, отправлялись къ архіерею и тамъ, воспѣвъ жалостно уже не по латыни, а по гречески: „Памерѳатѣ дѣспота! λιπαροῦμεν τὴν ἀνάπαυσιν, послѣ нѣсколькихъ пригрозъ, все таки достигали своего. Но при выходѣ съ архіерейскаго двора и на единственной у собора Троицкой улицѣ шалуны принимали сильныя мѣры осторожности, чтобы не попасться въ руки префекта или высланныхъ имъ сторожей. Съ удовольствіемъ вспоминаю о М. И. Марковѣ, учителѣ строгомъ, справедливомъ, но добромъ: онъ сверхъ рекреацій, по праздникамъ, созвавъ охотниковъ, проводилъ свободное время въ окрестныхъ прекрасныхъ смоленскихъ рощахъ, собирая цвѣты и лечебныя травы, которыя передавались потомъ въ семинарскую убогую больницу. Онъ же, бывъ нѣкогда пѣвчимъ, устраивалъ духовные и свѣтскіе хоры и звонкостройными дѣтскими голосами улаждалъ сельскихъ жителей, которые ихъ съ удовольствіемъ принимали и даже радушно угощали ягодами и молокомъ. Такъ велось при ректорахъ — Павлѣ Собоотовскомъ и Сильвестрѣ Цвѣтвовѣ (впослѣдствіи викаріи Новгородскомъ). Съ ректорствомъ же нѣкогдаго архимандрита Михаила и инспекторствомъ Мельхи-

седека Хламова патриархальность исчезла и насталъ „Бурсацкій терроризмъ“.

Скучны мнѣ становились классы, а еще скучнѣе было задалбливать приказанное учителемъ: „выучить отъ такой-то и до такой-то страницы“. Лѣтомъ уроки затверживались еще кое-какъ, но въ длинные зимніе вечера одолѣвала тоска неодолимая и спячка. Постоянно оплывающая сальная свѣча, ежечасно падающая изъ мѣднаго подсвѣчника, кажется, мною же испорченного, служила нѣкоторымъ оправданіемъ въ моей разсѣянности. Замѣчательна судьба этого моего подсвѣчника (теперь мною сберегаемаго). Въ Смоленскѣ, во время продолжительнаго пребыванія царевича Алексѣя Петровича, выстроенъ былъ для него деревянный домъ, неподалеку отъ Ильинской церкви. По кончинѣ царевича, домъ съ садомъ, прозванный государевымъ, были запущены, а вещи домашнія, распроданныя, разошлись по рукамъ; одинъ изъ дворцовыхъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ съ помѣтою „1720 года“ имѣлся въ нашемъ домѣ. Судьбою суждено, чтобы я, владѣя скорбнымъ памятникомъ несчастнаго царевича, чрезъ нѣсколько годовъ, хотя отчасти, снялъ съ него всенародную официальную клевету „въ лѣни, неспособности“ и т. д., издавъ открытыя мною въ библіотекѣ графа М. С. Воронцова подлинныя его грамотныя и дѣловыя письма.

Дѣленіе классовъ было такое: информаторія—гдѣ учили этимологию русской — по Меморскому, латинской — по Лебедеву, греческой этимологіи, катихизису, ариметикѣ — по Меморскому и нотному пѣнію — по Обиходу; инфима, гдѣ все прежнее проходило далѣе, мало по малу бросая русскую грамматику и, наконецъ, совсѣмъ ее забывая, а налегая на латынь. Классы: грамматики — по Бантышъ-Каменскому, поэзіи — по руководству архимандрита Аполлоса, риторики — по курсу Бургія, философіи — по Баумейстеру и богословія — по руководству Теофана Прокоповича, Фальковскаго и другихъ. Съ класса риторики начинали учить всеобщей исторіи, никогда отдѣльно не касаясь русской, языкамъ: нѣмецкому, французскому, а съ философскаго — еврейскому. Дѣло учителей состояло въ задаваніи уроковъ, спрашиваніи и назначеніи письменныхъ упражненій. Заучиванье (долбленье) наизусть было главнымъ дѣломъ и заслугою; болѣе того, что было въ книгѣ, учитель не говорилъ

ничего лишняго. Сѣченье розгами было въ раздольѣ. Былъ въ мое время въ имфимическомъ классѣ учитель Клитинъ, всегда послѣ обѣда пьяный, а утромъ съ похмѣлья, который на важномъ своемъ урокѣ успѣвалъ перепороть до 30 школьниковъ. Къ счастью, раздоль безконтрольнаго сѣченья простирался только до шитическаго класса. Здѣсь могъ сѣчь только самъ отецъ ректоръ, а не префектъ (инспекторъ) и отнюдь не учителя. Чтобы учении скорѣе познавали латынь, введено было обыкновеніе держать такъ называемый „Calculus“, т. е. ящичекъ со спискомъ именъ провинившихся тѣмъ, что на латинскій какой-либо вопросъ оплошавшій отвѣчалъ по русски. На утро „Calculus“ представлялся учителю, и тотъ, кто былъ послѣднезаписаннымъ, подвергался наказанію.

Весь бытъ бѣдныхъ учениковъ-сиротъ или дѣтей причетническихъ, помѣщавшихся въ длинномъ казенномъ зданіи, о двухъ этажахъ, и именовавшемся бурсою, ничѣмъ не отличался отъ того быта, который такъ вѣрно описалъ Нарѣжннй въ его „Бурсакѣ“. Та-же нищета поразительная, то-же внутреннее самоуправіе цензоровъ и сеніоровъ и тѣ же вечерніе набѣги на сосѣдніе огороды за овощами для пропитанія. Внутренніе неполадки, во время уроковъ, были тѣ самыя, которые описалъ митрополитъ Евгений.

IV.

Преобразование смоленской духовной семинаріи по новому уставу (1820 г.).— Новые преподаватели.—Любовь Николая Никифоровича къ чтенію и начало страсти къ нумизматикѣ.—Безуспѣшность семинарскаго ученія и подготовленіе къ университету.

Въ 1820 году семинарія преобразовалась по новому уставу и штату. Иезуитская номенклатура классовъ замѣнена низшимъ, среднимъ и высшимъ отдѣленіями. Такъ, классы информаторіи и инфима, грамматикѣ и синтаксиса составили два и получили именованіе—низшаго, риторикѣ и философіи—средняго, а богословія—вышаго. Вездѣ курсъ ученія продолжался по два года. Явились новыя, уже русскія, руководства, и прибыли изъ с.-петербургской духовной академіи (выпущенные магистрами и

кандидатами) преподаватели, вотъ ихъ фамиліи: А. Троицкій, А. Ключаревъ (впослѣдствіи директоръ государственнаго казначейства), В. Байковъ, П. Эльмановичъ, В. Поповъ, В. Г. Поповъ, Пантовскій; ректоромъ остался архимандритъ Сильвестръ (потомъ викарій Новгородскій), по немъ архимандритъ Михайлъ и архимандритъ Иннокентій (впослѣдствіи епископъ Екатеринославскій); инспекторы: Т. Т. Кетлеревъ, іеромонахъ Мельхиседекъ Хламовъ (забѣйка и драчунъ), прозванные хотя профессорами, но въ сущности прежніе учителя, а нѣкоторые даже и ихъ ниже. Такимъ былъ нѣкто Пантовскій, не знавшій ни математики, ни французскаго языка, а между тѣмъ присланный для сихъ предметовъ.

По давней пріязни и многимъ одолженіямъ, которыя мой отецъ дѣлалъ учителю риторики Трофиму Кетлереву (впослѣдствіи архіепископу Смоленскому подъ именемъ Тимоѳея), этотъ недаровитый, но „усидчивый“ человекъ, жившій въ нашемъ домѣ—въ качествѣ инспектора старшихъ братьевъ, взялся со мною проходить греческій языкъ: учась самъ, училъ меня. Когда я не лѣнился (лѣнь одолѣвала періодически и тогда меня ничѣмъ нельзя было донять), то я успѣвалъ скоро и легко. Греческій языкъ мнѣ какъ-то приглянулся, и я съ помощію „трехъязычнаго словаря“ Поликарпова 1703 года сдѣлалъ въ немъ нѣкоторые успѣхи. Самъ собою затѣмъ налегъ на географію, потомъ на всеобщую исторію. Большая бібліотека отцовская, наполненная всѣми полезными книгами, имѣла отдѣлъ историко-географическій возможно хорошій. Охота къ чтенію, со дня на день увеличиваясь, вытѣснила механическое школьное заучиванье уроковъ. Первая книга, данная мнѣ на прочтеніе братомъ Константиномъ, была: „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“, съ картинками (извѣстное теперь сочиненіе барона Мюнхаузена). Такимъ образомъ изъ первыхъ учениковъ въ классахъ я дѣлался постепенно среднимъ и даже предпослѣднимъ, хоть въ сущности дѣла былъ выше многихъ соучениковъ, какъ это потомъ доказалъ вступительный экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Когда я былъ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи—начитанность моя въ эту пору была такая: прочелъ всего Роллена (исторіи: римскую древнюю и цезарей, въ переводѣ Тредьяковскаго), Анкетиля (русскій переводъ въ 3 томахъ), Аббата де ла

Порта—Всемирный путешественник (27 томовъ, переводъ Булгакова), Татищева, Щербатова всего, періодическія изданія Подшивалова, Мерзлякова; Патерикъ Печерскій съ картинами увлекъ меня своими чудесами, и черезъ него я перешель къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, а затѣмъ и мистическаго. Бемъ непонятный, фантастическіе Юнгъ и Штиллингъ, впрочемъ, не долго собою увлекали; ихъ вытѣснили романы госпожи Редклифъ, съ которыми меня познакомилъ мой сверстникъ—нѣкто Великановъ, сынъ консисторскаго „повытчива“.

Съ этой поры дни и ночи проводились въ чтеніи, конечно, украдкою, всѣхъ нелѣпостей разстроеннаго воображенія Шаисса и др. Сервантесовъ Донъ-Кихотъ былъ перечитанъ много разъ, и перечитаны романы Ле-Сажа—Жильблязъ, Гусманъ д'Альфарашъ. Великановъ ознакомилъ также съ „Кумомъ Матвѣемъ“, „Двумя Турками“, и прочими сему подобными. Цинизмъ, успѣшно одолевавшій молодую натуру, однако, вскорѣ сдержался. Случайно кто-то изъ соучениковъ продалъ мнѣ старую мѣдную монетку; монеты я съ нѣкотораго времени сталъ собирать и изучать по скольку могъ: послѣ французовъ безчисленное количество всякой монеты ходило по рукамъ и даже имѣло установленную цѣнность. Собирая иностранныя монеты, собиралъ я все, что попадалось. Купленная монета, по очисткѣ въ уксусѣ, оказалась монетою римскаго императора Антонина. Это я узналъ изъ книги: „Description des principales pierres gravées du cabinet de duc d'Orleans“. Восторгъ и радость были безграничны! Ролленъ и Анкетиль тутъ пригодились.

Вотъ гдѣ начало привязанности моей къ нумизматикѣ. Мечта о сборѣ истинно древнихъ монетъ сдѣлалась постоянною мыслию и желаніемъ, но, въ сожалѣнію, въ Смоленскѣ мало осуществимыми.

Полученные отцомъ отъ канцлера графа Н. П. Румянцева (съ нимъ велась постоянная ученая переписка, графъ часто дарилъ книги, касающіяся отечественной исторіи; корреспонденція эта продолжалась непрерывно, въ теченіи двухъ лѣтъ¹⁾),—полученные первые восемь томовъ Карамзина „Исторія Государства Россійскаго“

¹⁾ Со 2 авг. 1818 г. по 16 іюня 1820 г. См. Никиф. Адр. Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска. Переписка. Спб. 1877 г. Кн. В. Д.

вытѣснили почти навсегда пошлые романы. Увлекательныя эти книги были перечитаны по нѣскольку разъ. Также были пройдены лѣтописи: Кенигсбергская, Лаврентьевская, а критическій Шлецеровъ Несторъ перелистованъ нѣсколько разъ. Отечественная исторія, наконецъ, окончательно мною овладѣла. Прежнее безотчетное шатанье по древнимъ смоленскимъ стѣнамъ и башнямъ, построеннымъ Борисомъ Годуновымъ, смѣнилось желаньемъ отыскать гдѣ-либо въ башнѣ сложенные старинныя архивы, которые однажды учителю гимназіи Елоховскому удалось найти: это были походныя бумаги времени Петра I. О розысканіи такихъ и другихъ бумагъ постоянно писалъ отцу графъ Румянцевъ. Лазилъ подъ нѣкоторыми башнями въ надеждѣ открыть потаенный ходъ, по рассказамъ, будто существующій у одной изъ башенъ, ведущій къ собору. Здѣсь думалъ открыть древніе склады оружія и монеты. Тотъ же Великановъ сдѣлался постояннымъ моимъ спутникомъ и сомечтателемъ. Отдаленныя отъ середины города двѣ церкви — Иоанно-Богословская, а дальше — Михайловская или по народному Свирская — сдѣлались моими любимыми. Сюда я часто ходилъ на вечернія, лѣтнія и осеннія служенія; стоя въ нихъ, я мечталъ видѣть ихъ наполненными удѣльными великими князьями смоленскими, народомъ, воинами. Строитель этой церкви, „благовластный“ Давидъ Ростиславичъ (въ 1197 г.), былъ всегда на первомъ планѣ моихъ мечтаній. Остатки Смядыня монастыря (мѣсто убіенія князя Глѣба Святополкомъ Окаяннымъ), еще не расхищенные губернаторомъ Хмѣльницкимъ на неосуществившееся смоленское шоссе, въ свѣтлыя лунныя ночи нерѣдко заставляли меня просиживать съ неразлучнымъ товарищемъ по многимъ часамъ. Страха ночнаго мы не знали, а бдительные псы насъ не беспокоили. Вся древняя смоленская исторія нами была неоднократно сличена съ мѣстностью. Пламенный спутникъ мой, владѣвшій способностью стиходѣланія, описывалъ нѣкоторыя историческія сцены, а я съ восторгомъ ихъ выслушивалъ. Къ горю нашему, поданныя профессору риторики В. Ф. Попову — мною „Слово о полку Игоревѣ“, а Великановымъ — стихотвореніе „Смядынь монастырь“ были приняты очень холодно, невнимательно, съ рекомендаціею болѣе стараться писать получше хриі, по автоніевой и яной системѣ, придерживаясь образцовой риторики іезуита Лс-

жая и нѣмца Бургія. Послѣ такого диваго совѣта, недобѣріе наше къ профессору сдѣлалось полное. Мы перестали заниматься вучкою уроковъ и, усѣвшись на задней скамьѣ, составили вкругъ себя стаю лѣвтяевъ и шалуновъ, изъ числа которыхъ первымъ сталъ я. Угрозы профессора, брань жестоконравнаго ректора Михаила на насъ ни мало не дѣйствовали. Въ классѣ риторическомъ мы преравнодушно высидѣли четыре года. Съ юношескими лѣтами развивалась и чувственность. Сколько „Description des pierres gravées“ и виньетки различныхъ книгъ были полезны для нумизматики и археологіи, столько для чувственности были возбуждательны прекрасные рисунки женскихъ формъ, хотя приучили и неопытный вкусъ къ изяществу формъ, но не менѣе того скоро развили пламенную чувственность, въ которую мы со всѣмъ пыломъ вдались. Служанки домашнія и сосѣднихъ домовъ скоро намъ представили раздолье безграничное. Всегда остерегаясь суроваго домашняго и семинарскаго надзора, мы, пользуясь добѣріемъ домашнихъ, осторожно располагали собою и своимъ временемъ. Отцовскія укоризны въ праздности на насъ не дѣйствовали: мы оправдывались тѣмъ, что въ классѣ нечего было дѣлать, и это, къ сожалѣнію, была сущая правда, и отцы наши вполнѣ это чувствовали, понуждали же насъ, такъ сказать, ради порядка. Должно сказать, что такой напрасной потери времени, какая была тогда въ семинаріи, я въ остальную мою жизнь нигдѣ въ училищахъ не встрѣчалъ. Кромѣ плохой латыни, мы рѣшительно не знали математики, всеобщей исторіи, географіи и новыхъ языковъ. О чистотѣ и правильности произношенія французскаго нечего и говорить. Сверхъ положенныхъ съятыхъ учебниковъ (а ихъ было много), ученики ничего не читали, да и не имѣли времени читать: все надобно было заучивать наизусть, слово въ слово.

Библіотека семинарская была недоступна даже преподавателямъ, да въ ней — кромѣ латыни — ничего другаго не было. Русскія книги стали выписываться и высылаться изъ Петербурга только около 1820 года. Многіе профессора свое время проводили болѣе съ „ивашкою хмѣльницкимъ“, чѣмъ съ книгами. Не въ укоръ и осужденіе такъ говорю о бывшихъ моихъ учителяхъ, но въ оправданіе ихъ. Почему бѣднымъ не легко

было вѣдаться въ порокъ, когда они положеніе свое видѣли далеко не отраднымъ. Ректоры и инспекторы, ставя свое смиреніе выше другихъ, не охотно сближались съ лицами низшими и подчиненными. Необразованная, но лишь сверху отполированная, городская публика чуждалась вообще всякихъ учителей, а пуще всего „бурсавовъ“: такъ честятся и доселѣ бѣдные семинаристы; купечество и мѣщанство были вполнѣ невѣжественными, даже свое духовенство не было привѣтливо къ семинарскимъ наставникамъ, какъ къ „ученымъ“. Куда же было привлечь одинокую бѣдную голову всѣми отброшенному учителю, профессору? А ему въ академіи, вѣроятно, снились розовые сны: архіереи, губернаторы, предсѣдатели, совѣтники, дворянство съ ихъ хорошенькими дочерьми! Ему думалось, что какъ скоро въ городъ придеть, то всѣ хоромъ закричатъ: „къ намъ, къ намъ (въ гости), Иванъ Алексѣевичъ! Андрей Петровичъ!“ А въ голой существенности приходилось одиноко сидѣть въ монастырской полухолодной комнатѣ, полуголоднымъ и всѣми забытымъ.... Разочарованіе было полное! Оставалось: или скорѣе жениться на комъ случилось и посвятится попомъ, а затѣмъ вѣдаться сразу во всѣ житейскія тягости и гадости, или, предавшись уединенію, пойти въ монахи, въ надеждѣ быть когда либо ректоромъ,—или вѣдаться въ домашнее утѣшеніе—въ питье горилки, сожигающей и умъ, и тѣло. Такъ грустно кончили жизнь нѣсколько добрыхъ людей. Отецъ мой хлѣбосольство свое охотно дѣлилъ съ учителями; приглашалъ и профессоровъ, но они какъ-то неохотно его посѣщали: было ли это вслѣдствіе ученыхъ споровъ (начитанность моего отца была огромная и даръ слова сильный) или того, что частымъ собесѣдникомъ его былъ ректоръ. Въ это время отецъ мой былъ избранъ экономомъ семинаріи. Забота о доставленіи лучшаго корма и одежды поглощала всю его дѣятельность: бѣдная штатная бурсацкая сумма дополнялась добровольными взносами, которые у благодѣтелей выпрашивалъ мой отецъ. Собралъ было онъ и библіотеку, состоявшую изъ 500 томовъ книгъ, и передалъ ее семинарскому начальству; но бѣдные ученики ни разу не воспользовались ими. Семинарскими властями всякаго званія книги окончательно были зачитаны.

Старшіе мои братья: Илья и Константинъ, по окончаніи курса

семинаріи, находились внѣ дома: Илья съ 1820 года состоялъ на службѣ въ С.-Петербургѣ въ канцеляріи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а Константинъ учился въ Москвѣ въ университетѣ.

Пріѣздъ брата Илья въ 1824 году въ отпускъ рѣшилъ мою судьбу. Замѣтивъ мою разгульную и праздную жизнь, добрый братъ, переговоривъ откровенно со мною и взявъ слово, что стану учиться, склонилъ отца отправить меня въ Москву, къ брату Константину, для поступленія въ университетъ. Съ разрѣшенія отцовскаго я написалъ письмо къ брату, (въ это время кончившему курсъ наукъ кандидатомъ), исполненное горячихъ обѣщаній хорошо учиться. Каждую затѣмъ почту ожидалъ желаемого отвѣта; наконецъ, получилъ. вмѣсто радости, письмо жестоко меня огорчило. Благодушный братъ, безпристрастно взглянувъ на мое посланіе, указалъ мнѣ на мою безграмотность, незнаніе правописанія и даже безобразіе въ чистописаніи. Къ сожалѣнію, все это была правда! Въ семинаріи на правописаніе и чистописаніе смотрѣли слегка; отъ частой диктовки въ классѣ почеркъ ради поспѣшности портился, изобрѣтались аббревіатуры. На слогъ роднаго языка немного обращалось вниманія, но требовалась чистота въ языкѣ латинскомъ, какъ будто семинаристы должны были потомъ жить и дѣйствовать на западѣ. Такъ сильно пустилъ свои корни хитрый папизмъ въ Бѣлоруссіи и наши полуученные отцы-ректоры долго этого не примѣчали. Не знаю, существуетъ ли теперь въ Троицкомъ монастырѣ, въ главной церкви, икона Спасителя въ архіерейской одеждѣ и въ „папской тиарѣ“; а ему безсознательно въ мое время поклонялись приходящіе и даже самъ отецъ префектъ семинаріи (переименованный по преобразованіи семинарій инспекторомъ). Братъ Константинъ совѣтовалъ цѣлый годъ прилежно употребить на основательное приготовленіе и потомъ уже пускаться въ университетъ. Сознавая себя виновнымъ, въ отвѣтъ моемъ обѣщалъ исполнить все безпрекословно. И дѣйствительно, окруживъ себя книгами, я засѣлъ ихъ заучивать. Исторія и географія дались мнѣ легко, словесность и логика туго, а математика приводила въ отчаяніе. Съ помощію всегдашнихъ моихъ друзей гимназистовъ, я по крайпей мѣрѣ успѣлъ въ алгебрѣ, но не далѣе.

Латыню и греческимъ языкомъ я овладѣлъ достаточно, чтобы поступить въ студенты. Всѣ дни и часть ночей были употреблены на повторенія, объясненія. Прежняя большая, хоть и безразборчивая, начитанность нѣсколько облегчала дѣло приготовления, которое неожиданно и почти внезапно прекратилось. Весною 1825 года я, не знаю какъ, простудился и впалъ въ нервную горячку. Жизнь моя была на волоскѣ; я сквозь горячечный бредъ помню какъ докторъ говорилъ о безнадежности моей, а затѣмъ меня напутствовали въ дальній путь св. причащеніемъ. Тѣмъ не менѣе не вопли еще разстроенная моя натура восторжествовала надъ болѣзною, при маломъ содѣйствіи медика. Выздоровливаніе мое шло слишкомъ медленно. Память ослабла, и мнѣ казалось, что я ее навсегда потерялъ. Но теплые и ясные майскіе дни, въ здоровомъ климатѣ смоленскомъ, исподоволь возстановили силы. Оправившись, я началъ усидчиво заниматься и такъ продолжалъ до августа мѣсяца 1825-го года.

V.

Сборы въ Москву.—Прощаніе съ Смоленскомъ.—Взглядъ на его прошедшее.—
Смоленское современное общество.

Снабженный плохенькимъ семинарскимъ свидѣтельствомъ, въ коемъ бывшій мой плохой наставникъ словесности, въ качествѣ секретаря правленія, ловко подмахнулъ, что я уволенъ по „слабости здоровья и успѣховъ“, 21 августа (1825 г.), уложивши бѣдное свое имущество въ чемоданчикъ, помолясь съ отцемъ соборной иконой Богоматери Одигитріи, пустился въ Москву на „долгихъ“. Спутникомъ моимъ, также желавшимъ поступить въ университетъ, былъ—кончившій курсъ семинаріи по первому разряду—А. А. Васильевъ. Улегшись кое какъ въ одной кибиткѣ, на топчей парѣ лошадей, мы пустились въ путь. По дорогѣ все насъ поражало новостью, всему мы удивлялись, а больше радовались, что освободились отъ семинарскихъ узъ. Дорогобужъ, Вязьма, Царево-Займище, Гжатскъ, Бородино, Можайскъ, Вязьма — все истори-

ческія мѣста, прославленныя событіями важными, представили мнѣ случай мысленно повторить мѣстную исторію и географію. Я оставлялъ родину надолго. Какъ бѣднякъ, предоставлялъ дальнѣйшую свою участь Провидѣнію. Прощаясь съ городомъ историческимъ, гдѣ я получилъ полезное для себя направленіе, на длинномъ пути, среди совершеннаго бездѣйствія, въ тѣсной кибиткѣ, мысленно пробѣжавъ исторію Смоленска, доискивался причинъ его упадка. Издревле этотъ городъ, находящійся на рѣчномъ пути, соединяющемъ сѣверъ и югъ, извѣстенъ, а въ XIII вѣкѣ даже былъ славенъ торговымъ союзомъ съ прибалтійскою Ганзою. Смоленскій уговоръ в. в. Мстислава Ростиславича съ Рижскимъ берегомъ, во всей средневѣковой исторіи нашего отечества, являлся яркою, свѣтлою страницей цивилизаціи среди лѣсовъ, болотъ и хижинъ тогдашняго времени. Торговая знаменитость Смоленска начинаетъ постепенно угасать отъ безпрерывныхъ набѣговъ Литвы (дотолѣ единовѣрной и мирной), со времени искусственно-политическаго брака вел. кн. Ягелла съ Ядвигаго (1386), т. е. борьбы католицизма съ православіемъ, а въ началѣ XVII вѣка заграничная торговля Смоленска совершенно замираетъ и съ намѣреніемъ замѣщается непрочными ярмарками (Ивано-Крестительскою и Матѣевскою, каждая по 4 недѣли, сверхъ двухъ торговыхъ дней въ недѣлю). Съ XVI вѣка и эти искорки угасаютъ. Что за причина такая? Кажется, ни русскіе, ни литовцы, ни даже поляки не налегали на подавленіе торговли Смоленской. Въ томъ-то и дѣло, что Польша и ихъ привилегіи убили смоленскую торговлю. Лукавымъ путемъ овладѣвши въ 1611 г. Смоленскомъ, Сигизмундъ III, чтобы прикѣпить къ себѣ преданность смолянъ, какъ тому путь показала въ 1396 г. вел. кн. Витольдъ, („въ Смоленцѣ (Витовкѣ) свои намѣстницы посади ляхи и приказа людямъ смоленскимъ льготу многу чинити, отводя ихъ отъ князя Юрья“), пятью грамотами (1611—1625) обезпечивая имущества города и гражданъ, кромѣ самосуда даровалъ имъ и дворянскія права—владѣмыя смолянами земли заселять покупными крестьянами. По воссоединеніи Смоленска къ Россіи, богатые граждане, вкусившіе сладость помѣщичьяго права (*droits des seigneurs*), непремѣнною обязанностью считали просить у царя Алексѣя Михайловича,

даже у несговорчиваго Петра I (потачливаго только для остзейцевъ) и у императрицъ Елизаветы и Екатерины II подтвержденія польскихъ привилегій, извѣстныхъ подъ именемъ Магдебургскаго права. Смоленскіе граждане ходатайствовали теперь не о возвращеніи изгнанныхъ изъ города Сигизмундомъ III „коварныхъ жидовъ и татаръ“, а о подтвержденіи quasi-шляхетскихъ правъ. Между тѣмъ, какъ „коварные жида и татары“, выведенные изъ Крыма Витольдомъ, были промышленные караны, татары же, пришедше съ Волги, Камы и Казани, искони вѣковъ, люди торговые. Тѣ и другіе въ свое время оживляли же торговлю въ Трোкахъ и Вильно. Quasi-шляхетскія права заключались, какъ объясняетъ указъ Екатерины II, данный сенату 26 января 1771 года, въ слѣдующемъ: „за мѣщанами города числились дворовые люди и крестьяне, поселенные на пожалованныхъ имъ земляхъ, не въ образецъ прочимъ губерніямъ, посадамъ, которые и велѣно записать за ними по прежнему; да и впредь, для поселенія на тѣхъ жалованныхъ земляхъ, людей и крестьянъ покупать имъ не запрещалось: почему оныя мѣщане однимъ только званіемъ отъ дворянъ отличались, а въ прочемъ равную съ ними привилегію имѣли“. Вотъ о чемъ въ 1771 году хлопотали смоленскіе граждане, а не о расширеніи торговыхъ привилегій: о безданномъ и безпошлинномъ перевозѣ, о нецѣпахъ на заставахъ, переправахъ и проч. Смоленскій магистратъ просилъ, между прочимъ, своего президента (градскаго голову) Пискарева: „пожаловать чиномъ титулярнаго совѣтника съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада“, что и было сдѣлано. Если бы президентомъ магистрата велась торговля дѣйствительная, а не номинальная, то чего ему и ему подобнымъ опасаться попасть въ подушный окладъ. Смоленскіе граждане, сдѣлавши полупаньками, построивши въ городѣ большіе каменные дома, а на земляхъ, отхваченныхъ у бѣдныхъ мѣщанъ, прекрасныя дачи съ разными угодьями, совѣстились обращаться съ „локтемъ и корцемъ“ (аршиномъ и мѣрью), что по польскимъ понятіямъ составляло дѣло не дворянское. Проворные русскіе люди: торопчане, бѣльцы и др. съ каждымъ днемъ подбирали въ свои руки разные промыслы и отвозную торговлю по Деснѣ и Двинѣ. Мѣщанство охало и вздыхало, а гражданство смоленское (Го-

ловкины, Савельевы, Тишевскіе, Шембели, Сысоевы и др.) въ богатыхъ палатахъ, украшавшихъ лучшія улицы города, отстаивало только право на дворовыхъ людей. Нашествіе французовъ въ 1812 г. нанесло окончательный ударъ Смоленской торговлѣ, находившейся и безъ того въ предсмертной агоніи. Сгорѣли до тла дома и имущество, хозяйственныя заведенія исторгнуты до послѣдняго кола. Небольшіе денежные капиталы потрачены въ разныхъ мѣстахъ во время бѣгства отъ непріятелей. Пособія, данныя правительствомъ, послужили частью на обстройку пепелищъ, а частью весело прожиты. Другое пособіе, данное въ 1833 г. императоромъ Николаемъ I, любившимъ этотъ историческій городъ (въ бытность его въ Смоленскѣ, въ 1816 г., при прощаньи съ губернаторомъ Ашемъ в. в. Николай сказалъ: „если бы угодно было государю сдѣлать меня гдѣ военнымъ губернаторомъ, я пожелалъ бы быть въ Смоленскѣ“), комикомъ-губернаторомъ Хмѣльницкимъ было потрачено на обстройку, по красивенькимъ планамъ, наружныхъ домовъ и заборовъ. Отъ отвывшихъ къ торговымъ промысламъ дѣдовъ пошли внуки-сидни: поѣздка въ Москву считалась эпохою. Частыя правительственныя льготы приучили горожанъ къ постоянной мысли: „авось еще помогутъ!“

Изъ знаменитаго нѣбогда торговаго города, Смоленскъ снизошелъ на степень обыкновеннѣйшаго губернскаго, гдѣ главное украшеніе составляютъ: присутственныя мѣста, дома дворянскаго собранія, губернаторскій, военногоубернаторскій, казенныхъ аптекъ и т. п., а не гостинные дворы, фабрики, заводы, и гдѣ товары получаютъ изъ Москвы или съ сосѣднихъ Любавичскихъ и Хиславичскихъ ярмарокъ (Могилевской губ.): вотъ-те и „коварные жида и татары“.... „Днѣпръ Славутичъ“ сонливо катитъ свѣтлыя свои струи по бѣлому песку, поджидая себѣ по прежнему груза къ „Готскому берегу“ или „пути въ Греку“, а до того, отъ нечего дѣлать, направляетъ токъ то къ тому, то къ другому берегу.

Въ Смоленскѣ и теперь существуютъ обломки польско-русскихъ купеческихъ фамилій: Шеблавинскихъ, Тевецкихъ, Кульбацкихъ, Кублицкихъ, Шембелей. Изъ дворянъ польскихъ: вонъ Лярскіе, Шупинскіе, Ридванскіе, Рачинскіе, Пенскіе и др., а изъ пришлыхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, шотландцевъ: Реады, Лесли, Клейгильсы; потомки ли-

вонскихъ рыцарей—Энгельгардты, Гернгротсы, Эльсеры, и т. п. Изъ татаръ—наша фамилія, а можетъ быть есть и другія—не знаю. Переходъ ополченныхъ жителей въ русскіе происходилъ отъ временъ Петра II до Екатерины II. Епископы Геденъ Вишневскій ¹⁾ и Пареній чрезъ посредство семинаріи, (въ которую допускались и дворяне, напр. Потемкинъ Свѣтлѣйшій), много потрудились въ дѣлѣ обращенія сбитыхъ съ праваго пути. Въ архивѣ консисторіи я видѣлъ дѣло, относящееся ко времени Екатерины II, объ отлученіи отъ церкви какого-то помѣщика за то, что поволотилъ игумена.

Все высшее образованіе смоленскаго дворянства и купечества ограничивалось гимназією, да и въ той оканчивало курсъ не выше 8—10 учениковъ. Остальное юношество довольствовалось первыми тремя классами. Посылать дѣтей для дальнѣйшаго образованія въ московскій университетъ стали не ранѣе 1821 года. Такими были изъ первыхъ: Вас. Андр. Андросовъ и Флоръ Жодейко. Оба вышли изъ университета магистрами. Первый, какъ авторъ „Хозяйственной статистики Россіи“, надѣялся поступить въ университетъ адъюнктомъ, но не успѣлъ по слѣдующему обстоятельству. Издавая „Московскій Наблюдатель“, Андросовъ, не зная истинной цѣли доставленнаго ему поэтомъ Пушкинымъ: „Подражанія одѣ Горация на выздоровленіе Лукулла“, простодушно помѣстилъ это стихотвореніе въ своемъ журналѣ. Но оказалось, что Пушкинъ написалъ оду на случай выздоровленія богача русскаго Шереметева, обреченнаго докторами на смерть, послѣ котораго, въ числѣ многихъ наслѣдниковъ, считалъ себя С. С. Уваровъ, въ это время министръ народнаго просвѣщенія. Ода эта ни въ одномъ изданіи „Полныхъ сочиненій Пушкина“ не помѣщена ²⁾.

Послѣ сказанныхъ двухъ лицъ въ университетъ изъ гим-

¹⁾ Геденъ Вишневскій, изъ малороссійскихъ дворянъ, обучался въ кievской духовной академіи, заграничный докторъ философіи, пользовался расположеніемъ императрицы Елисаветы Петровны; былъ епископомъ съ 1728 г. по 1760 г. См. Списки архіер. и архіер. кафедръ, Ю. В. Толстаго.

Ея. В. Д.

²⁾ Н. Н. Мурзакевичъ ошибается: ода вошла въ послѣднее изданіе соч. Пушкина. Ред.

назиі поступили: Я. А. Лукьяновъ—мой пріятель по дѣтству, и сослуживецъ по лицу, въ качествѣ профессора; Н. В. Чашниковъ, впоследствии инспекторъ училищъ казанскаго учебнаго округа; С. И. Клименковъ, адъюнктъ университета по медицинскому отдѣленію; Киселевъ и др. Семинаристы поступали въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію. Бѣдняки должны были до поступленія подвергаться предварительному экзамену въ гимназіи, гдѣ ихъ часто браковали, и часто несправедливо. Въ семинаріи въ это время лучше знали латынь, чѣмъ въ гимназіи.

Дворянство держало себя недоступно для прочихъ сословій; вообще же отличалось гостепріимствомъ и мотовствомъ. Такъ, дворяне, получивъ вспомошествованіе отъ казны за потери въ 1812 г., по случаю проѣзда императора Александра I, затѣяли блистательный балъ, который государь, однако, не принялъ, а бѣдные крестьяне ихъ въ это время толпами по городу просили подаянія. Помню, какъ на дворянскіе выборы богатые помѣщики свозили на подводахъ своихъ „малодушныхъ“ собратьевъ; снабжали ихъ на постоянныхъ дворахъ кормомъ, мундирами, шляпами и шпагами. И въ случаѣ если бѣдняки не отстаивали своего патрона, предоставляли возвращаться во свояси, какъ тѣ знали, собственными средствами. По случаю стоянки войскъ или ихъ прохода, непременно, устраивали вечеринки, балы и при семъ случаѣ пристраивали дочерей.

Сколько весело было офицерству, столько несчастно было солдатство. Битье до крови ни по чемъ. Квартировавшій въ нашемъ домѣ полковникъ Глазенапъ, не помню какого гренадерскаго полка, на дворѣ билъ несчастныхъ солдатъ ружейными помпонами. Тѣсно и холодно одѣтые солдаты, въ морозы 20 градусные, парадировали въ мундирахъ, въ короткихъ бѣлыхъ суконныхъ штанахъ съ кожанными крагами, подъ которыми не было суконной подкладки, а для красивой посадки надѣтыми на голыя ноги. Окоченѣлые несчастные падали десятками и, сильно всюду стянутые, не иначе могли подняться на ноги, какъ съ помощью товарищей. Помню тамбуръ-мажоровъ съ золотыми или серебряными генеральскими эполетами, всѣ въ галунахъ, тѣшившихъ насъ, уличныхъ зѣвакъ, фокусами вертящейся или бро-

саемой вверх булавы. Хоръ музыкантовъ, имѣвшихъ какую-то турецкую литару съ конскими хвостиками, колокольчиками и полумѣсяцемъ наверху; флигельмановъ огромнаго роста, выбѣгавшихъ на средину площади, — поворачиваньемъ съ кажими-то фокусами ружья они давали знакъ полку къ ружейнымъ приемамъ. Доносились слухи о жестокомъ обращеніи съ своими слугами корпуснаго командира графа Остермана-Голстаго, который, послѣ потери подъ Кульмомъ руки, изъ вроткаго чело-вѣка сталъ почти звѣремъ. Помню дивизионнаго командира гренадеровъ И. Ѳ. Паскевича, иногда посѣщавшаго моего отца; также и бригаднаго—А. А. Писарева, потомъ въ мое время—попечителя московскаго университета. Помню возвращавшійся изъ Франціи какой-то полкъ, солдаты котораго были одѣты въ тонкое сукно и подъ руку расхаживали съ своими женами-француженками. Не привѣтливо же ихъ бѣдныхъ встрѣтилъ, дослужившійся до генеральства, комендантъ Петровскій. Проведшему большую часть жизни гдѣ-то въ Сибири, этому коменданту недоступны были семейныя чувства.

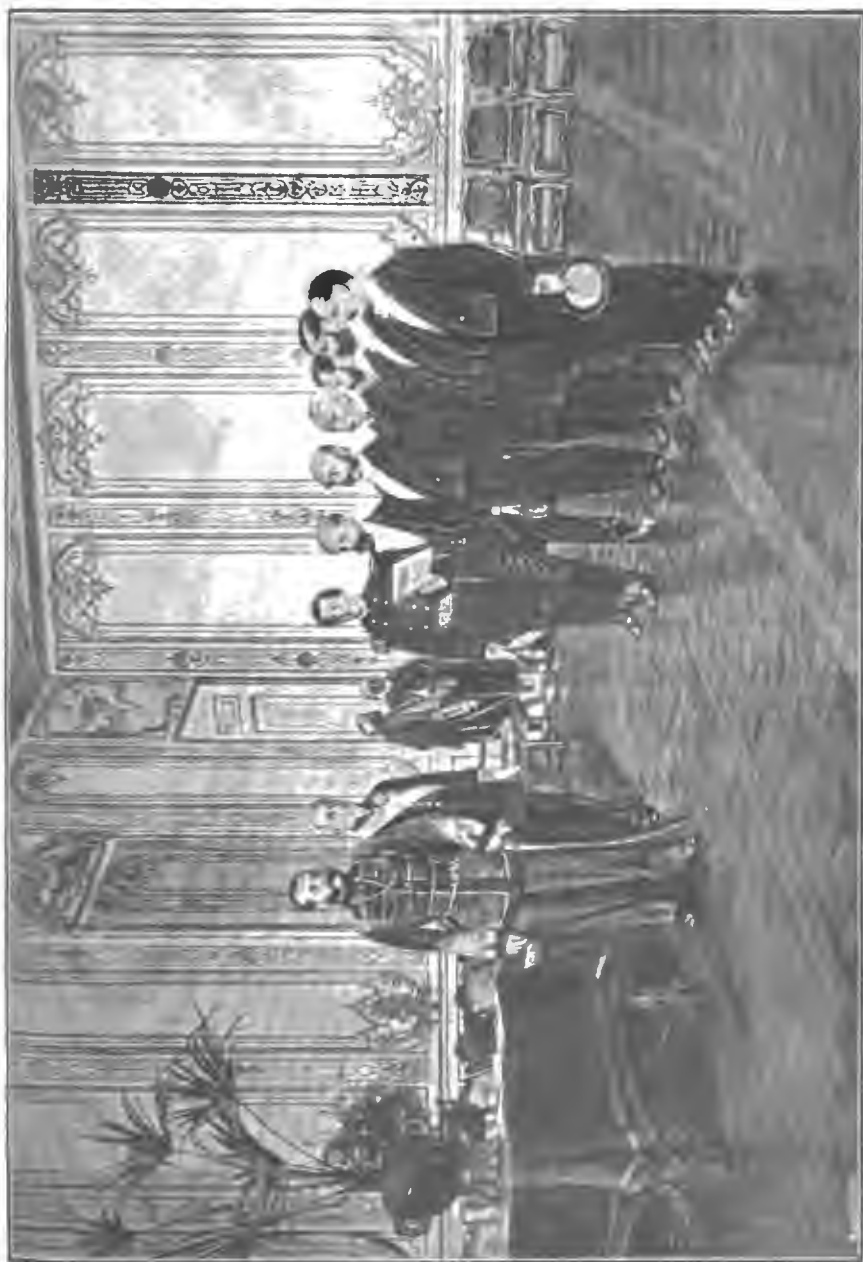
Охоты къ чтенію въ жителяхъ не замѣчалось: „Московскія Вѣдомости“ замѣщали всѣ книги. Книжная лавка существовала одна, да и та безъ подновленія. Типографія, 15 лѣтъ тому назадъ выпустившая разныя книжки и между ними: „Созерцаніе природы, Боннета“, въ мое время съ трудомъ печатала афишки проѣзжающихъ акробатовъ. Театра постояннаго не было: являлась иногда странствующая бѣдная труппа, дававшая представленія въ сараѣ—на польскомъ языкѣ. Общественныхъ прогулокъ не было, развѣ когда полковая музыка сзывала жителей на „блонье“—четыреугольную площадь, окруженную домами присутственныхъ мѣстъ. Послѣ погрома французскаго, множество каменныхъ лучшихъ домовъ: кадетскій корпусъ, генераль-губернаторскій, арсеналы, огромныя помѣщичьи дома, расположенныя въ Молоховскимъ воротамъ: Швейковскаго, Мезенцова и др., послѣ пожара, оставались необновленными. Улицы дальнія не имѣли заборовъ, и уцѣлѣвшіе отъ огня дома (пятая часть) торчали одинако. Не смотря на все это, городъ все-таки казался веселымъ и пріятнымъ отъ множества садовъ, которыми, можно сказать, былъ весь облитъ. Видъ на него съ Покровской горы по петербургской дорогѣ—

очаровательный. Отсюда открывалась обширная панорама. Впереди Днѣпръ съ мостомъ, изящная стѣна съ четырехугольными и круглыми башнями, обнимавшая городъ кругомъ, въѣзжія ворота днѣпровскія съ церковью, затѣмъ высокіе холмы, идущіе пологимъ склономъ въ рѣкѣ; среди яркозеленѣющихъ садовъ—дома, церкви и надъ всѣмъ этимъ господствующій Успенскій соборъ, въ византійскомъ вкусѣ. Соборъ, сохраненіемъ своимъ отъ взрыва, обязанный моему отцу, не давшему неприятелямъ ключей, представлялъ рѣдкое зрѣлище.

Граждане вообще жили уединенно, скромно и весьма благопристойно. Набожность и патриотизмъ — вотъ что отъ богатыхъ предковъ осталось смолянамъ въ наслѣдство!

Ник. Никиф. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аудієнція Адмірала Фокса у Імператора Александра II
1867.

АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССИИ

въ 1866 году.

4-го (16-го нов. стиля) апрѣля 1866 года жизнь въ Бозѣ почившаго императора Александра II была спасена чудеснымъ образомъ отъ руки убійцы; населеніе столицы съ восторгомъ приняло эту радостную вѣсть, мигомъ облетѣвшую городъ, и народъ толпами устремился къ Зимнему дворцу, желая увидѣть возлюбленнаго монарха и привѣтствуя его громкими, неумолкаемыми «ура!» всякій разъ, какъ онъ появлялся на балконѣ. Народъ ликовалъ, вмѣстѣ съ нимъ ликовала и вся Россія; отовсюду были получены поздравительныя телеграммы съ изъявленіемъ вѣрно-подданическихъ чувствъ.

Злодѣйское покушеніе на жизнь русскаго императора произвело глубокое впечатлѣніе не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ; всѣ государства Европы, наравнѣ съ самыми отдаленными уголками нашего отечества, спѣшили выразить императору свое сочувствіе по поводу чудеснаго спасенія его отъ смерти. Не менѣе горячо отнеслись къ этому событію и Соединенные Штаты Сѣверной Америки, которые спѣшили выразить императору радостныя чувства, волновавшія ихъ по этому поводу, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, ген. Клея, который вручилъ е. в. поздравительный адресъ отъ своего правительства на аудіенціи, данной ему въ Зимнемъ дворцѣ 29-го мая того же года.

Наши заатлантическіе друзья не ограничились, однако, этимъ простымъ изъявленіемъ своего сочувствія тому монарху, который одинъ возвысилъ свой голосъ въ защиту ихъ государства, когда странѣ угрожала опасность внутреннихъ раздоровъ, и конгрессъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ постановилъ отправить въ Россію чрезвычайное посольство, которое должно было вручить русскому

императору копию съ постановленія этого конгресса, въ коемъ было высказано, что «конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ Америки съ глубокимъ прискорбіемъ получилъ извѣстіе о покушеніи на жизнь императора Россіи, произведенномъ врагомъ освобожденія, и что оныя привѣтствуетъ е. и. в., русскій народъ, и поздравляетъ двадцать милліоновъ крестьянъ съ чудеснымъ сохраненіемъ жизни монарха, коему они обязаны своимъ освобожденіемъ».

Это въ высшей степени знаменательное порученіе было возложено на помощника государственнаго секретаря по морскому министерству Соединенныхъ Штатовъ и члена Вашингтонскаго кабинета, Фокса, и для отправленія его въ Россію былъ снаряженъ двухбашенный мониторъ Міантономо,—судно, совершенно новаго типа, которое никогда еще не переплывало океанъ и считалось до той поры непригоднымъ для столь дальняго плаванія; командиромъ монитора былъ назначенъ капитанъ Бомонтъ; два другія военныя судна, Августа, подъ командою кап. Муррея, и Ашуелотъ, подъ командою кап. Фебигера, были назначены конвоировать мониторъ черезъ океанъ, а пароходу Августа было приказано сопровождать его въ Петербургъ.

Въ Россіи американское посольство встрѣтило самый радушный, можно сказать, восторженный пріемъ; офицеры и команда эскадры, всѣ безъ исключенія, считались, по повелѣнію государя, гостями правительства и для пріема ихъ была назначена особая коммисія изъ контръ-адмираловъ Лессовскаго и Горковенко, капитана Федоровскаго, капитанъ-лейтенанта Колтовскаго и въкоторыхъ другихъ лицъ. Кромѣ официальныхъ обѣдовъ и празднествъ, данныхъ въ честь посольства, многія частныя лица, цѣлыя сословія и города непрерывно спѣшили чествовать дорогихъ гостей и, такимъ образомъ, ихъ пребываніе въ Россіи было непрерывнымъ рядомъ празднествъ. На всѣхъ обѣдахъ первый гость провозглашался за президента Соединенныхъ Штатовъ, Джонсона, и его портретъ, равно какъ портретъ Вашингтона и Линкольна, украшалъ собою тѣ залы, въ которыхъ происходили эти обѣды; рѣчи, произнесенныя на нихъ русскими и американцами, были проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ и служили выраженіемъ дружественныхъ отношеній, существующихъ между обѣими націями; куда ни пріѣзжали американцы, вездѣ развѣвался ихъ національный флагъ, вездѣ привѣтствовали ихъ звуки ихъ національнаго гимна. Изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ Россіи были присланы Фоксу телеграммы, которыми жители этихъ городовъ привѣтствовали американцевъ съ пріѣздомъ въ Россію и выражали свою признательность за сочувствіе ихъ къ радости всего русскаго народа; наконецъ, Фоксъ былъ избранъ почетнымъ членомъ многихъ обществъ и, съ соизволенія государя императора.

ему были поднесены дипломы на званіе почетнаго гражданства городовъ Петербурга, Кронштадта, Москвы, Корчевы и Костромы,—отличіе, котораго до него не удостоивался ни одинъ иностранецъ.

Въ 1873 году появилась въ Америкѣ объемистая книга, въ которой Джонъ Лубатъ, бывший съ эскадрою въ Россіи, въ качествѣ секретаря при Фоксѣ, описываетъ пребываніе посольства въ Россіи; книга эта издана весьма тщательно и украшена превосходными портретами императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, Наслѣдника Цесаревича и нѣкоторыхъ другихъ лицъ царствующей фамиліи, а также портретами адмираловъ Лессовскаго и Краббе, князя А. М. Горчакова и, наконецъ, самого Фокса; кромѣ того, при книгѣ приложена хорошая гравюра, изображающая Мониторъ Міантономо. Разсказъ о пребываніи посольства въ Россіи веденъ въ формѣ дневника; кромѣ описанія самаго путешествія и приема, оказаннаго американцамъ въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, авторъ описываетъ довольно подробно тѣ мѣста, которыя имъ удалось посѣтить, и всѣ достопримѣчательности ихъ, и приводитъ краткую біографію нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Отчеты объ этомъ сочиненіи появились, въ свое время, въ русскихъ газетахъ и періодическихъ издаціяхъ, но возможно подробнаго извлеченія изъ него на русскомъ языкѣ не было сдѣлано. Въ виду несомнѣннаго интереса, представляемаго, въ исторіи эпохи Александра II Освободителя, столь знаменательнымъ событіемъ, каково было рѣшеніе конгресса Соединенныхъ Штатовъ и отправленіе имъ посольства къ русскому императору, мы считаемъ полезнымъ передать, въ довольно подробномъ извлеченіи, разсказъ автора вышеупомянутаго сочиненія о пребываніи американцевъ въ Россіи и о тѣхъ празднествахъ, которыя устраивались въ честь ихъ прибытія въ разныхъ городахъ нашего отечества. Нашъ очеркъ особенно умѣстенъ на страницахъ «Русской Старины», которая такъ много уже представила матеріаловъ къ жизнеописанію и исторіи царствованія Александра II.

В. Т.

I.

Фоксъ, снабженный копией съ постановленія конгресса и надлежащими инструкціями своего правительства, выѣхалъ изъ Вашингтона 23-го мая 1866 г. и направился на Ньюфаундлендъ, гдѣ его ожидалъ мониторъ и куда онъ прибылъ 5-го іюня. Въ тотъ же вечеръ эскадра вышла въ море; совершивъ благополучно переходъ черезъ океанъ въ 11 дней, она прибыла 16-го іюня къ берегамъ Ирландіи, въ Коркъ, гдѣ Фоксъ оставилъ суда, а самъ отправился въ Дублинъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ представленъ королевской фамиліи на балѣ въ Букингемскомъ дворцѣ и присутствовалъ на обѣдахъ, данныхъ въ честь его пріѣзда американскимъ посланникомъ Адамсомъ и русскимъ посломъ бар. Брунновымъ и нѣкоторыми другими высокопоставленными лицами. Между тѣмъ, мониторъ Міантономо и пароходъ Августа отплыли изъ Корка въ Портсмуть, куда вскорѣ прибылъ изъ Лондона Фоксъ, съ цѣлью отправиться съ эскадрою въ Шербургъ; оставивъ суда въ этомъ портѣ, онъ посѣтилъ Парижъ, гдѣ имѣлъ въ Тюльери аудіенцію у Наполеона III. Появленіе монитора у береговъ Англіи и Франціи произвело большое впечатлѣніе въ публикѣ и между представителями флота обѣихъ державъ, которые слѣзили осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ это невиданное дотошъ судно, походившее издали на огромный плотъ, на которомъ возвышались двѣ башни и труба; о немъ заговорили всѣ англійскія и французскія газеты.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ Россію, американская эскадра посѣтила Копенгагенъ. Фоксъ и прочіе офицеры эскадры были представлены королю датскому и мониторъ удостоился посѣщеніемъ всей королевской фамиліи, между прочимъ, принцессы Дагмары, бывшей въ то время невѣстою Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича; «принцесса привлекла всеобщее вниманіе своею красотою, говорить Джонъ Лубать, она свободно разговаривала съ присутствующими на англійскомъ языкѣ и выказала основательное знакомство со всѣми вопросами, бывшими предметомъ общаго разговора». Пробывъ въ Копенгагенѣ нѣсколько дней и осмотрѣвъ всѣ его достопримѣчательности, эскадра отплыла, 19-го іюля, въ Гельсингфорсъ, гдѣ Фоксъ располагалъ ожидать извѣстій объ уменьшеніи холеры, свирѣпствовавшей въ это время въ Петербургѣ.

Лишь только Міантономо бросилъ якорь въ Гельсингфорской гавани, какъ гражданскій губернаторъ города, святи е. в. генералъ-

маюръ баронъ Валенъ, вице-адмиралъ Нордманъ и командиръ Свеаборгскаго порта, канитанъ Рудаковъ, явились на американское судно въ полной парадной формѣ и привѣтствовали посольство отъ имени императора съ прибытіемъ въ русскія воды. На слѣдующій день гражданскимъ губернаторомъ былъ данъ, въ честь прибывшихъ гостей, завтракъ въ зданіи минеральныхъ водъ, разукрашенномъ русскими и американскими флагами, цвѣтами и гирляндами; по окончаніи завтрака, на которомъ присутствовали всѣ военныя, морскія и гражданскія власти города, бар. Валенъ обратился къ Фоксу съ краткою рѣчью, выразивъ удовольствіе Финляндіи по поводу того, что она первая имѣла честь привѣтствовать американское посольство въ предѣлахъ Россійской имперіи; на это привѣтствіе Фоксъ отвѣчалъ немногими словами, благодарилъ за оказанное ему гостепрѣимство и, между прочимъ, высказалъ, что прїѣздъ американцевъ въ Россію имѣлъ двойную цѣль: поздравить е. в. съ счастливымъ избавленіемъ отъ руки убійцы и благодарить русскій народъ за дружественное отношеніе его къ Соединеннымъ Штатамъ, которое выказалось особенно ярево во время послѣдней войны. Рѣчи закончились тостами за здоровье государя, государыни, императорской фамиліи и за президента Соединенныхъ Штатовъ.

24-го іюля 1866 г. эскадра оставила Гельсингфорсъ; по выходѣ изъ гавани, она встрѣтила русскую броненосную эскадру контръ-адмирала Лихачева, посланную изъ Трансунда для конвоированія американскихъ судовъ до Кронштадта. Обмѣнявшись обычными салютами, русскія суда выстроились въ двѣ колонны, а американскій пароходъ и мониторъ стали между ними, Августа во главѣ. Такимъ образомъ соединенная эскадра поплыла въ Кронштадтъ и при благопріятной погодѣ прибыла туда 25-го іюля.

Величественную картину представлялъ собою въ этотъ день Кронштадтскій рейдъ; стѣна купеческой гавани пестрѣла народомъ, на заднемъ планѣ видѣлась русская эскадра и массивныя укрѣпленія Кронштадта; множество военныхъ шлюпокъ и яхтъ рѣчнаго яхтъ-клуба сновали по всѣмъ направленіямъ, лавируя подъ парусами, а на переднемъ планѣ медленно подвигался Міантономо, привѣтствуемый пушечными выстрѣлами съ фортовъ и звуками американскаго національнаго гимна, который раздавался съ парохода Луна, пришедшаго изъ Петербурга съ многочисленной публикой, которая встрѣчала дорогихъ гостей громкими и продолжительными «ура».

Когда суда бросили якорь, то лейтенантъ Рыкачевъ, адъютантъ главнаго командира кронштадтскаго порта, явился на Міантономо и поздравилъ Фокса, отъ имени своего начальника, съ благополучнымъ

прибытіемъ въ нашъ портъ. Вслѣдъ затѣмъ, изъ купеческой гавани отправился на катерѣ свиты е. и. в. контръ-адмиралъ Лессовскій для привѣтствія посланника конгресса, отъ императора, съ прибытіемъ въ Россію; на другомъ катерѣ прибыла депутація отъ города Кронштадта, съ городскимъ головою, Степановымъ, также для привѣтствія иностранцевъ и предложенія услугъ отъ города. Въ тотъ же день Фоксъ, въ сопровожденіи командировъ судовъ, Муррея и Бомонта, представлялся военному губернатору г. Кронштадта, адмиралу Ө. М. Новосильскому, а затѣмъ онъ отправился съ своими двумя секретарями, Гринемъ и Лубатомъ, въ Петербургъ и занялъ приготовленное для него помѣщеніе въ Hôtel de France.

Между тѣмъ, капитаны Муррей и Бомонтъ отправились, 26-го іюля, съ визитомъ къ коменданту кронштадтской крѣпости, вице-адмиралу Шулепникову, и къ другимъ властямъ города, и вмѣстѣ съ прочими офицерами эскадры осмотрѣли бібліотеку морскаго клуба, гдѣ каждому изъ нихъ было поднесено по экземпляру каталога этой бібліотеки въ роскошномъ переплетѣ; затѣмъ имъ былъ предложенъ въ морскомъ клубѣ завтракъ, который не имѣлъ официального характера, но прошелъ такъ оживленно и пріятно, что онъ остался надолго памятенъ всѣмъ присутствовавшимъ. Въ этотъ же день, по утру, американскія суда посѣтила депутація отъ морскаго собранія и морской бібліотеки и передала всѣмъ офицерамъ обоихъ судовъ именные билеты на званіе членовъ морскаго собранія и морской бібліотеки.

27-го іюля, чрезвычайное посольство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, въ сопровожденіи генерала Клея, американскаго посланника, аккредитованнаго при императорскомъ дворѣ, имѣло честь представляться императору Александру II въ Петергофскомъ дворцѣ. На станціи желѣзной дороги, въ Петергофѣ, посольство ожидали придворныя кареты, которыя отвезли ихъ во дворецъ въ приготовленное для нихъ помѣщеніе; въ два часа пополудни была назначена аудіенція; князь Горчаковъ, канцлеръ имперіи, стоялъ во время этой аудіенціи по правую руку отъ императора; Фоксъ былъ представленъ е. в. посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ, Клеемъ, и прочелъ на англійскомъ языкѣ слѣдующій адресъ:

«Государь, резолюція, которую я имѣю честь представить в. в., есть голосъ всего народа. Это — единое сердце, говорящее милліонами устъ.

«Многочисленныя связи, издавна соединявшія великую имперію на востокъ и великую республику на западъ, умножились и утвердились нецѣмъиною дружбою императорскаго правительства къ правительству нашей республики въ теченіи послѣдняго періода нашихъ смутъ.

Симпатическія и дружественныя слова, обращенныя въ то время къ вашингтонскому правительству по приказанію в. и. в., на вѣки начертаны въ памяти благодарнаго народа.

«Въ качествѣ члена великой семьи народовъ, мы охотно воздаемъ дань уваженія благородному акту человѣколюбія, о которомъ особо упомянуто въ резолюціи конгресса. Мирныя декреты просвѣщеннаго государя одержали надъ наслѣдіемъ варварскихъ временъ побѣду, которая была достигнута нашею западною республикою только послѣ долгихъ лѣтъ кровопролитной борьбы.

«Поэтому съ глубокимъ сердечнымъ чувствомъ представляю в. в., освобожденнымъ вашимъ подданнымъ и всему народу вашей громадной страны наши сердечныя поздравленія по случаю того, что рука Провидѣнія отвратила опасность, которая вызвала съ нашей стороны выраженіе искренняго сожалѣнія и благодарность за милостивое спасеніе.

«Опасность, отъ которой благодать Провидѣнія предохранила в. в., вызываетъ воспоминаніе глубокой горести, столь недавно наполнявшей всѣ честныя сердца въ нашемъ отечествѣ, во время внезапной гибели нашего главы, нашего руководителя, нашего отца.

«Благодаримъ Бога, что отъ подобной горести были избавлены наши друзья и союзники—русскій народъ.

«Общій Отецъ всѣхъ народовъ и всѣхъ правителей да защититъ и благословитъ жизнь, которую Онъ столь явно сохранилъ для блага народа, которому она принадлежитъ, для блага человѣчества и во славу Его святаго имени».

Окончивъ чтеніе, Фоксъ вручилъ императору поздравительный адресъ, вотированный конгрессомъ, и поздравилъ е. в. съ избавленіемъ отъ руки убійцы.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, государь императоръ Александръ II выразилъ Фоксу свое удовольствіе, по поводу дружелюбныхъ отношеній, существующихъ между Россіей и Соединенными Штатами, и высказалъ надежду, что подобныя отношенія будутъ существовать между обоими народами вѣчно, прибавивъ, что онъ съ своей стороны употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы упрочить ихъ, что онъ глубоко тронутъ доказательствомъ личныхъ симпатій къ нему американскаго народа и желаетъ выказать свою признательность тѣмъ лицамъ, которыя пріѣхали съ цѣлью засвидѣтельствовать ему эти чувства своего народа, и увѣренъ, что они встрѣтятъ въ Россіи самый радушный пріемъ. Государь закончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что онъ никогда

не забудетъ дружелюбнаго приѣма, оказаннаго Соединенными Штатами его эскадрѣ ¹⁾).

По окончаніи аудіенціи, Фоксъ отправилъ статсъ-секретарю Соединенныхъ Штатовъ Сьюарду (Seward) телеграмму, съ извѣщеніемъ, что онъ исполнилъ порученіе, возложенное на него конгрессомъ; это была первая телеграмма, посланная изъ Россіи въ Америку по только что продолженному въ 1866 г. заатлантическому кабелю. Въ тотъ же день Фоксъ посѣтилъ О. И. Комисарова-Костромскаго, и отъ имени народовъ Соединенныхъ Штатовъ поздравилъ его съ тѣмъ, что Божественное Провидѣніе избрало его для спасенія жизни, столь дорогой не только для Россіи, но и для всего цивилизованнаго міра.

Въ то время, какъ Фоксъ былъ на высочайшей аудіенціи въ петергофскомъ дворцѣ, прочіе офицеры американской эскадры, въ сопровожденіи к.-адм. Лессовскаго, также посѣтили Петергофъ и осмотрѣли его дворецъ, парки и острова; во время этой прогулки случились слѣдующіе два любопытные эпизода. Гуляя по Нижнему саду, возлѣ царскихъ купаленъ, офицеры встрѣтили героя Севастополя, генерала Тотлебея, и изъявили желаніе быть представленными ему, на что генералъ весьма любезно изъявилъ свое согласіе; офицеры съ почтеніемъ и восторгомъ привѣтствовали знаменитаго инженера, главнаго дѣятеля этой достопамятной осады, и, прощаясь съ нимъ, прокричали ему трижды «ура», которое слилось съ неумолкаемымъ шумомъ петергофскихъ фонтановъ. Другой эпизодъ случился при посѣщеніи Царицына острова, гдѣ американцамъ показали дубъ, выросшій изъ желуда, взятаго съ дуба, осѣняющаго могилу Вашингтона. Съ благоговѣніемъ окружили офицеры юное деревцо и каждый изъ нихъ сорвалъ съ него листочекъ, въ память того, какъ почитается въ Россіи имя великаго основателя американской республики. Вечеръ этого дня былъ проведенъ на Елагинѣ, гдѣ было гулянье, по случаю дня рожденія императрицы.

28-го іюля Государь, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей Владиміра Александровича и Николая Николаевича, посѣтилъ американскія суда; осмотрѣвъ во всей подробности Міантономо, августѣйшіе посѣтители переѣхали на катерѣ на пароходъ Августа; по отбытіи е. в. отъ борта, съ монитора отсалютовали изъ башенныхъ 15-ти-дюймовыхъ стальныхъ орудій 21 выстрѣломъ; салютъ изъ этихъ орудій былъ произведенъ въ первый разъ со времени

¹⁾ Въ 1863 г. была послана въ Америку русская эскадра, подъ командою к.-адм. Лессовскаго, которая еще болѣе укрѣпила дружественныя узы, существовавшія между обими народами.

существованія въ Америкѣ орудій этого калибра Россійскому императору, въ знакъ особаго глубокаго уваженія и признательности, такъ какъ эти орудія, по приказанію морскаго министерства Соединенныхъ Штатовъ, предназначаются исключительно для военныхъ цѣлей.

Пробывъ короткое время на пароходѣ Августа, государь предложилъ Фоксу и прочимъ офицерамъ сопровождать его при осмотрѣ судовъ русскаго флота и присутствовать при артиллерійскомъ ученіи; по осмотрѣ судовъ, американцы имѣли честь завтракать съ императоромъ на его яхтѣ Александрія; во время завтрака, государемъ былъ предложенъ тостъ за благоденствіе Америки: «пью за благоденствіе вашей страны, произнесъ государь, и чтобы дружественныя чувства, существующія нынѣ, упрочились во вѣки».

Въ 5 часовъ вечера кронштадтскій морской клубъ далъ въ честь американцевъ большой обѣдъ въ роскошно декорированныхъ по этому случаю залахъ клуба. Въ числѣ многихъ высокопоставленныхъ лицъ на этомъ обѣдѣ присутствовали: морской министръ, ген.-ад. Краббе, адмиралы Новосильскій, Лессовскій и Поповъ, изъ коихъ послѣдніе два были извѣстны американцамъ достопамятнымъ посѣщеніемъ ими Америки съ русскою эскадрою въ 1863 г. Это былъ первый обѣдъ, данный официально американскому посольству въ Россіи; радушіе офицеровъ русскаго флота, великолѣпное угощеніе и задушевный тонъ рѣчей, произнесенныхъ за обѣдомъ, произвели на американцевъ самое отрадное впечатлѣніе.

Желая отдать визитъ адмираламъ Лихачеву и Бутакову, которые посѣтили Міантономо, Фоксъ счелъ долгомъ побывать 29-го іюля на Владимірѣ и Дмитріи Донскомъ; а затѣмъ, вмѣстѣ съ прочими офицерами своей эскадры, осматривалъ Кронштадтскій арсеналъ; иностранцы были встрѣчены начальникомъ Кронштадтской артиллеріи, полковникомъ Пестичемъ, который сопровождалъ ихъ при осмотрѣ арсенала и показывалъ и объяснялъ различные предметы, хранящіеся въ немъ; американцы были поражены множествомъ военныхъ флаговъ, забранныхъ у непріятели и свидѣтельствующихъ о подвигахъ русскаго флота на морѣ, и коллекціей моделей русскихъ военныхъ судовъ, представляющей наглядно почти всю исторію русской судовой архитектуры; особенный интересъ возбудилъ также общій планъ гор. Кронштадта и его укрѣпленій, исполненный рельефно съ величайшей точностью и съ замѣчательной художественной отдѣлкой; послѣ арсенала были осмотрѣны мастерскія Кронштадтскаго порта, морская обсерваторія, доки, а въ 5 часовъ вечера американцы были приглашены на обѣдъ, даваемый въ честь ихъ прибытія городомъ. Зданіе городской думы, гдѣ происходилъ этотъ обѣдъ, было роскошно

убрано цвѣтами, гирляндами, русскими и американскими флагами, а стѣны пріемной залы украшались портретами императора Александра II, Вашингтона, Линкольна, Джонсона и О. И. Комисарова, который также былъ въ числѣ приглашенныхъ и повидимому былъ весьма тронутъ вниманіемъ, которае оказывали ему иностранцы.

30-го іюля американцы отправились въ Петербургъ и начали осмотръ его съ Исакиевского собора, который произвелъ на нихъ большое впечатлѣніе своими колоссальными размѣрами и своей архитектурой; полюбовавшись также на статую Петра Великаго, они отправились на завтракъ къ американскому посланнику, ген. Клею, а вечеромъ присутствовали на праздникѣ, устроенномъ рѣчнымъ яхт-клубомъ, съ иллюминаціей, бенгальскими огнями, танцами и ужиномъ, сервированномъ въ роскошномъ павильонѣ, воздвигнутомъ специально для этого вечера.

По утру 1-го августа члены посольства съ экстреннымъ поѣздомъ отправились въ Царское Село, гдѣ они были встрѣчены на станціи желѣзной дороги смотрителемъ дворца, ген. Гогелемъ, и контръ-адмираломъ Горковенко; послѣдній весьма обязательно предложилъ имъ свои услуги въ качествѣ чичероне; прежде всего они осмотрѣли царскосельскій дворецъ, затѣмъ катались по парку, посѣтили турецкій клоскъ, Пиль-башню, въ которой императоръ Александръ II, будучи наслѣдникомъ, жилъ со своихъ воспитателемъ, готическое зданіе адмиралтейства съ его миниатюрными доками и арсеналъ, построенный императоромъ Николаемъ для коллекціи древняго и современнаго оружія; между прочимъ, они посѣтили художника Сверчкова, который имѣлъ въ Царскомъ Селѣ временную мастерскую, и осматривали его произведенія, а вечеромъ отправились въ Павловскъ, гдѣ въ честь прибывшихъ гостей былъ устроенъ русско-американскій праздникъ; вокзалъ былъ полонъ самой изысканной публикой, которая восторженно привѣтствовала американцевъ; по окончаніи музыки имъ былъ предложенъ въ вокзалѣ ужинъ.

Возвратившись въ Петербургъ, посольство продолжало на слѣдующій день осмотръ столицы, посѣтило Зимній дворецъ, Эрмитажъ, адмиралтейство, морской музей и публичную бібліотеку; директоръ ея, И. Д. Деляновъ, лично показывалъ американцамъ эту превосходную бібліотеку и предметы, заслуживающіе особаго вниманія; при прощаньи онъ передалъ Фоксу нѣсколько книгъ и каталоги бібліотеки въ дорогомъ переплетѣ. Въ тотъ же день Фоксъ получилъ черезъ кн. А. М. Горчакова присланные по телеграфу адреса отъ г. Шун, Владимірской губерніи, и изъ Уфы, въ которыхъ жители этихъ городовъ привѣтствовали посольство съ прибытіемъ въ Россію и просили Фокса передать амери-

канскому народу ихъ признательность за сочувствіе, выраженное русскому императору, которымъ они были глубоко тронуты.

3-е августа было посвящено осмотру Невскаго монастыря, сталелитейнаго завода Обухова, биржи и музея академіи наукъ; въ 5 часовъ вечера Фоксъ отправился на большой обѣдъ, данный въ честь его купеческимъ собраніемъ, на который были приглашены и прочіе офицеры американской эскадры; за столъ сѣло до 400 человекъ; комнаты купеческаго собранія были декорированы массою великолѣпныхъ и рѣдкихъ растений, доставленныхъ членомъ этого клуба Угинимъ (нынѣ покойнымъ) изъ его собственныхъ оранжерей, такъ что зала имѣла видъ роскошно иллюминированнаго сада; послѣ обѣда Фоксу былъ поднесенъ билетъ на званіе почетнаго члена купеческаго клуба; прѣшество продолжалось до поздней ночи, но Фоксъ съ своими секретарями, Муррей и Бомонтъ, оставили залу собранія гораздо раньше прочихъ гостей съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Красное село, куда они были приглашены императоромъ на маневры гвардейскихъ войскъ, назначенные на слѣдующій день.

5-го августа, въ 9 часовъ утра, къ Фоксу прибыла депутація отъ с. петербургской городской думы, съ городскимъ головою А. П. Заблочкимъ-Десятовскимъ (нынѣ покойнымъ), и поднесла ему, съ дозволенія государя императора, дипломъ на званіе почетнаго гражданина города С.-Петербурга; дипломъ этотъ, напечатанный на толстой бристольской бумагѣ съ художественно исполненной каймой въ византийскомъ стилѣ, лежалъ въ великолѣпномъ ящикѣ изъ сибирскаго малахита съ вызолоченными бронзовыми украшеніями и съ гербомъ города на крышкѣ. Въ этотъ день американцы осматривали адмиралтейство, музей горнаго института и Петропавловскій соборъ и были на обѣдѣ, данномъ въ честь ихъ благороднымъ собраніемъ въ лѣтнемъ помѣщеніи клуба, на дачѣ графини Строгановой; благородное собраніе также поднесло Фоксу билетъ на званіе почетнаго члена.

Седьмаго августа посольство имѣло честь представляться въ Петергофскомъ дворцѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая приняла ихъ весьма милостиво и сказала съ каждымъ изъ офицеровъ нѣсколько словъ на англійскомъ языкѣ; изъ Петергофа они проѣхали въ Знаменку, во дворецъ великаго князя Николая Николаевича, и были представлены его супругѣ, великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ; затѣмъ посѣтили Загородный дворецъ великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ имѣли честь завтракать съ великой княгиней и ея дочерью. На слѣдующій день происходилъ смотръ войскъ въ Красномъ селѣ, на которомъ также присутствовали американцы; вечеромъ въ этотъ день они были приглашены на праздникъ, данный въ честь посольства

Громовымъ на его дачѣ на Каменномъ островѣ; этотъ праздникъ, стоившій хозяину болѣе 40 тысячъ, отличался особеннымъ великолѣпиемъ; на немъ присутствовали, между прочими, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ, министръ государственныхъ имуществъ Зеленый, адмиралы Краббе, Лессовскій и Поповъ и весь цвѣтъ петербургскаго общества. Роскошно иллюминированный садъ представлялъ собою волшебное зрѣлище; танцы начались тотчасъ по прїѣздѣ американцевъ и продолжались далеко за полночь; прощаясь съ своими дорогими гостями, Громовъ поднесъ каждому изъ нихъ на память фотографическій снимокъ своей дачи и свой портретъ, а Фоксу—великолѣпный малахитовый альбомъ.

Въ честь американскаго посольства былъ данъ, 10-го августа, большой обѣдъ въ Петергофскомъ дворцѣ, на которомъ присутствовали: императоръ Александръ II, императрица Марія Александровна, великія княгини Александра Іосифовна, Марія Николаевна, Екатерина Михайловна и другіе члены императорской фамиліи и многіе высокопоставленные лица. За столомъ, накрытомъ на 100 персонъ, американскій посланникъ генералъ Клей сидѣлъ между великой княгиней Александрой Іосифовной и принцессой Евгеніей Лейхтенбергской, по лѣвую руку императора, а по правую руку его, между велик. княг. Маріей Николаевной и Екатериной Михайловной, сидѣлъ Фоксъ; по прїѣздѣ во дворецъ, гости были встрѣчены гофмаршаломъ и послѣ обычной закуски вошли въ столовую, гдѣ, стоя у своихъ мѣстъ, ожидали появленія царской фамиліи. Въ концѣ обѣда императоръ всталъ и произнесъ по французски:

— «Пью за благоденствіе Соединенныхъ Штатовъ Америки и за упроченіе дружественныхъ отношеній, существующихъ между обоими государствами». Всѣ присутствующіе встали, съ почтеніемъ внимая словамъ монарха, которыя нашли отголосокъ во всѣхъ сердцахъ. Это былъ единственный тостъ, предложенный на этомъ обѣдѣ.

Вставъ изъ-за стола, ихъ величества перешли въ сосѣднюю гостиную, куда послѣдовали за ними всѣ присутствующіе, съ коими они милостиво бесѣдовали нѣкоторое время.

Вечеромъ члены посольства были на балѣ въ англійскомъ дворцѣ, на которомъ также присутствовала царская фамилія.

II.

По приглашенію московскаго городского общества, американское посольство отправилось, 11 августа 1866 г., въ Москву, въ сопровожденіи адмирала Лессовскаго и Горковенко и другихъ членовъ приѣмнаго комитета; на станціи Николаевской желѣзной дороги они были встрѣчены депутатами отъ г. Москвы—Вибиковымъ и Кокоревымъ; вагоны, приготовленные для нихъ, были драпированы снаружи флагами американскихъ цвѣтовъ. На станціи Любань путешественники были приглашены къ заказанному для нихъ обѣду, во время котораго московскіе депутаты предложили тостъ «за здоровье всѣхъ дорогихъ гостей, ѣдущихъ въ Москву», на что американцы отвѣчали тостомъ «за всѣхъ русскихъ лучшихъ друзей Америки». Въ Чудовѣ поѣздъ стоялъ долѣе обыкновеннаго, на платформѣ ожидали посольство новгородскій губернаторъ Лерхе, предсѣдатель губернской управы Новгородской губерніи Качаловъ, представители цеховъ, уѣздный начальникъ и сельскіе старосты; когда поѣздъ остановился, губернаторъ прочелъ пріѣзденный адресъ, выражая благодарность Новгородской губерніи за сочувствіе, оказанное Россіи американскимъ народомъ; выслушавъ это пріѣзденіе, Фоксъ взялъ стаканъ и предложилъ тостъ «за благоденствіе великаго Новгорода, древнѣйшаго изъ русскихъ городовъ». Тогда выступилъ впередъ одинъ изъ депутатовъ отъ крестьянъ, почтенный старецъ, убѣленный сѣдинами, и, обратясь къ адмиралу Лессовскому, проназавъ: «скажи имъ, батюшка, что мы всегда будемъ молить за нихъ Бога за то, что они такъ глубоко сочувствуютъ намъ и нашему государю». Затѣмъ депутація поднесла Фоксу хлѣбъ-соль, живую рыбу, только что пойманную въ р. Волховѣ, баранки, которые окрестные жители пекутъ на продажу, альбомъ замѣчательныхъ видовъ и древностей Новгородской губерніи, медаль, чеканенную въ память тысячелѣтія Россіи, и большой литографированный видъ памятника тысячелѣтія.

Въ Твери американцевъ ожидала другая депутація, также поднесшая имъ хлѣбъ-соль, и обмѣнявшаяся съ ними обычными пріѣзденіями. На станціи желѣзной дороги въ Москвѣ ихъ встрѣтила огромная толпа народа и оркестръ военной музыки, игравшій американскій національный гимнъ: городской голова, князь Щербатовъ, члены управы и многочисленные представители различныхъ обществъ пріѣзествовали ихъ въ самыхъ дружественныхъ и лестныхъ выраженіяхъ, и сообщили Фоксу, между прочимъ, что онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ

г. Москвы. Путешественники были отвезены со станціи въ отель Кокорева—обширное зданіе, стоящее на набережной, напротивъ Кремля; оно было украшено американскими и русскими флагами, гербами обохъ государствъ и г. Москвы. В. А. Кокоревъ отвелъ и роскошно убралъ для прїѣзжихъ 36 комнатъ, гдѣ ничего не было забыто для ихъ комфорта. Фоксъ, Муррей и Бомонтъ были прїятно изумлены, найдя въ каждой комнатѣ свои фотографическіе портреты, но удивленіе ихъ увеличилось еще болѣе, когда, войдя въ читальню, они увидѣли на стѣнѣ свои портреты, написанные масляными красками, между тѣмъ какъ они не позировали ни передъ однимъ художникомъ въ Петербургѣ. Впослѣдствіи обстоятельство это выяснилось. Кокоревъ поручилъ художнику Тюрину незамѣтнымъ образомъ набросать съ нихъ снимки на вечерѣ у Громова и по этимъ снимкамъ были исполнены впослѣдствіи самые портреты.

— «Когда оригиналы уѣдутъ отъ насъ, любезно замѣтилъ Кокоревъ, то эти копіи будутъ служить намъ прїятнымъ воспоминаніемъ о нашихъ гостяхъ».

Сдѣлавъ оффиціальныи визитъ генералъ-губернатору, кн. Вл. А. Долгорукому, американцы осмотрѣли Кремль, соборы и строившійся храмъ Спасителя; въ семь часовъ вечера членамъ посольства былъ данъ генералъ-губернаторомъ парадный обѣдъ; подъѣхавъ къ дому, занимаемому кн. Долгорукимъ, они были встрѣчены точно также, какъ вездѣ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, громкими «ура» собравшейся многочисленной толпы; въ то-же время оркестръ, стоявшій незамѣтно для публики, въ глубинѣ сѣней, грянулъ *Наші Columbia*; по всей лѣстницѣ, убранный цвѣтами и растеніями, стояли въ два ряда лакеи въ пунцовыхъ лавреяхъ, напудренныхъ парикахъ и шелковыхъ чулкахъ. Цвѣты, гербы и флаги, украшавшіе стѣны обѣденной залы, при великолѣпномъ освѣщеніи а *giugno*, придавали ей необыкновенно торжественный и изящный видъ; послѣ обычныхъ тостовъ за государя, президента Соединенныхъ Штатовъ и лицъ царской фамиліи, кн. В. А. Долгоруковъ, предлагая тостъ за здоровье Фокса, обратился къ нему со слѣдующими словами:

— «Пріемъ, оказанный вамъ, мм. гг., въ средѣ нашего флота и во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа, показалъ вамъ какимъ сочувствіемъ пользуются граждане Соединенныхъ Штатовъ въ нашемъ отечествѣ; повѣрьте, что такой же пріемъ встрѣтите вы и въ Москвѣ, нашей древней столицѣ, гдѣ искренно любятъ и чтутъ имя американцевъ, какъ имя великаго, питающаго къ намъ искреннюю дружбу, народа. Вы, мм. гг., сочувствовали нашей радости, по поводу чудеснаго сохраненія жизни возлюбленнаго монарха нашего; поздравленія, выра-

женныя вамъ отъ имени націи Соединенныхъ Штатовъ, глубоко тронули сердца наши и цѣлая нація приносить вамъ свое благодареніе».

На это Фоксъ отвѣчалъ пожеланіемъ, чтобы тѣсная дружба соединяла всегда Россію и Америку.

Въ 10 часовъ американцы отправились въ Зоологическій садъ, гдѣ было устроено въ честь ихъ большое гулянье; садъ былъ переполненъ публикой и роскошно иллюминированъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣтились транспаранты съ именами Вашингтона, Франклина и Линкольна. Когда совершенно стемнѣло, былъ сожженъ блистательный фейерверкъ; между декораціями фейерверка отличалась особенно одна, изображавшая храмъ Славы, среди котораго ярко горѣли огненные слова: «Hail Columbia». Передъ отъѣдомъ Фокса, Муррея и Бомонта, предсѣдатель императорскаго общества акклиматизаціи благодарилъ ихъ за посѣщеніе и просилъ принять званіе почетныхъ членовъ этого общества, на что они отвѣчали выраженіемъ признательности.

Едва успѣли американцы отдохнуть отъ увеселеній перваго дня, проведеннаго ими въ Москвѣ, какъ на слѣдующее утро, въ 11 часовъ, къ нимъ явились представители московскаго городского общества съ тѣмъ, чтобы пригласить ихъ на новую прогулку по Москвѣ; такъ какъ предполагалось, между прочимъ, ѣхать за городъ, то коляски были въ ямской упряжи, одна часть тройками, съ дугой, а другая четверками; лошади были убраны сбруей съ бляхами и бубенчиками. Отправясь изъ гостиницы Кокорева, американцы остановились у Лобнаго мѣста и пошли осматривать Гостинный дворъ, а оттуда отправились въ Петровско-Разумовское, чтобы обозрѣть Петровскую земледѣльческую академію; зданіе академіи было украшено по этому случаю флагами; директоръ ея, Н. И. Желѣзновъ, съ профессорами и студентами, привѣтствовалъ посѣтителей и сопровождалъ ихъ при осмотрѣ аудиторій, церкви, лабораторій и прочихъ помѣщеній академіи и прилегающаго къ ней роскошнаго парка. Оттуда посольство направилось на Ходынское поле, гдѣ были расположены лагеремъ войска; по распоряженію начальника московскаго военнаго округа, генер.-адъют. Гильденштубе, солдаты стояли на передней линіи лагеря вольно, безъ ружей; вскорѣ прибылъ на Ходынское поле и самъ генераль Гильденштубе и вызвалъ впередъ пѣсенниковъ, которые грянули русскія солдатскія пѣсни; прослушавъ ихъ, американцы сѣли въ экипажи и проѣхали по линіи войскъ подъ звуки американскаго національнаго гимна.

Выѣхавъ на Дѣвичье поле, они осмотрѣли суконную и сатиновую фабрику купца Гинемина, владѣлецъ которой встрѣтилъ ихъ съ хлѣбомъ-

солю; на обратномъ пути въ Москву они посѣтили еще Новодѣвичій монастырь.

Въ этотъ же день Москва давала иностранцамъ обѣдъ, въ залахъ городской думы, обращенныхъ по случаю этого торжества въ великолѣпную оранжерею, наполненную самыми рѣдкими цвѣтами; особенно роскошно была убрана столовая; флаги, знамена и щиты были искусно расположены среди вѣнковъ и гирляндъ; въ одномъ концѣ залы висѣлъ въ зелени портретъ во весь ростъ государя императора, драпированный русскими національными флагами; превосходный оркестръ игралъ, въ продолженіе всего обѣда, русскіе и американскіе національные мотивы; по обыкновенію, было произнесено много рѣчей и предложены тосты за императорскую фамилію, за представителей американскаго народа, посѣтившихъ Москву, и за всѣхъ офицеровъ американской эскадры, на что кап. Муррей отвѣчалъ отъ ихъ имени, что американцы давно слышали о гостепрѣимствѣ русскихъ и увезутъ незабвенное воспоминаніе о немногихъ дняхъ, проведенныхъ ими въ Россіи. Между прочимъ, академикъ М. П. Погодинъ, присутствовавшій на этомъ обѣдѣ, въ довольно пространной рѣчи провелъ паралель между Россіей и Америкой, и указалъ на то, что «симпатія, существующая между этими двумя народами, подкрѣпляется сходствомъ въ нашихъ учрежденіяхъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Европѣ и всей нашей исторіей вообще, не говоря уже о сходствѣ въ пространствахъ, въ силахъ и средствахъ неистощимыхъ, сходствѣ въ обиліи естественныхъ произведеній. По учрежденіямъ Сѣверо-Американскіе Штаты—республика, а Россія самодержавное государство, но и здѣсь, какъ въ нашей географіи, замѣтилъ Погодинъ, крайности сходятся; въ русскомъ самодержавномъ государствѣ земская струя течетъ безпрепятственно черезъ всю русскую исторію, отъ глубочайшей древности до нашего времени; обомъ государствамъ предстонтъ великая будущность и остается только искренно пожелать, чтобы, идя руку объ руку, они взаимно поддерживали бы другъ друга на пути къ развитію и благоденствію». Рѣчь Погодина вызвала громкое одобреніе присутствовавшихъ.

Послѣ него поднялся съ своего мѣста прокуроръ синодальной конторы, Потемкинъ; коснувшись въ нѣсколькихъ словахъ необходимости построения православной церкви въ Нью-Йоркѣ, онъ заявилъ, что въ Америкѣ уже собрано на этотъ предметъ до 700 долларовъ. что наше купечество также отозвалось на призывъ св. синода содѣйствовать этому благому начинанію и онъ надѣется, что и прочія сословія не отстанутъ отъ купечества. Тотчасъ между присутствующими

была произведена подписка: ген. Клей и Фоксъ пожертвовали съ своей стороны по 500 р. каждый.

Послѣ обѣда все американцы получили на память отъ города первый томъ «Историческихъ достопримѣчательностей Москвы», изд. Мартынова, а Фоксу были поднесены 10 рисунковъ московскихъ видовъ въ сафьянной папкѣ, къ которой былъ прикрѣпленъ гербъ г. Москвы.

14-го августа посольство посѣтило Кузминки, имѣніе кн. Голицына, одно изъ прелестнѣйшихъ въ окрестностяхъ Москвы; это было нѣкогда любимое загородное мѣсто Петра Великаго, куда онъ часто ѣздилъ на охоту; владѣльцы этого чуднаго помѣстья, принадлежа къ одному изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ въ Россіи, не разъ имѣли честь принимать въ своемъ домѣ коронованныхъ особъ. Подъѣзжая къ парку, гости были встрѣчены кн. Голицынымъ, который, выѣхавъ въ формѣ л.-гв. гусарскаго полка, въ которомъ онъ состоялъ, сопровождалъ посѣтителей верхомъ до самаго дома; между тѣмъ въ аллеяхъ парка ихъ ожидала депутація крестьянъ Выхотской волости, бывшихъ крѣпостныхъ князя. Во главѣ депутація былъ волостной старшина, крестьянинъ села Котельникова, Ефимъ Васильевъ Гвоздевъ, также бывший крѣпостной; онъ держалъ серебряное блюдо съ хлѣбомъ-солью, которое онъ поднесъ Фоксу, со слѣдующими словами:

— «Мы пришли поздравить тебя съ пріѣздомъ и поднести тебѣ хлѣбъ-соль; мы любимъ тебя и будемъ поминать народъ, что послалъ тебя, за любовь къ нашей родинѣ и къ нашему царю».

Фоксъ, тронутый этою безыскусственною рѣчью и неожиданнымъ появленіемъ депутація, принялъ хлѣбъ-соль и благодарилъ старшину нѣсколькими прочувствованными словами. Осмотрѣвъ паркъ, гости были приглашены къ обѣду, сервированному въ ротондѣ; столъ блестѣлъ роскошнымъ фамильнымъ серебромъ и былъ уставленъ самыми рѣдкими цвѣтами, между которыми сверкали золотые канделябры и были разставлены дорогія вазы изъ севрскаго фарфора; изысканное меню вполне гармонировало съ роскошной обстановкой. Послѣ обѣда, который не обошелся, по обыкновенію, безъ тостовъ и рѣчей, гости отправились снова въ паркъ, гдѣ былъ сожженъ на озерѣ фейерверкъ, а садъ былъ великолѣпно освѣщенъ бенгальскими огнями. Вернувшись послѣ прогулки въ ротонду, гости застали въ ней массу крестьянъ и тутъ произошла слѣдующая трогательная сцена. Фоксъ, взявъ американскій флагъ, поднесъ его старшинѣ Гвоздеву, говоря:

— «Это флагъ моей страны, примите его; цвѣта его тѣ-же, что и цвѣта Россіи, только расположены въ иномъ порядкѣ. Флагъ этотъ часто развѣвался въ битвахъ, но нынѣ онъ служить знаменіемъ мира и благорасположенія. Примите его, пусть русскій крестьянинъ видитъ

въ немъ знакъ дружескихъ чувствъ народа, который сочувствуетъ вамъ въ благородныхъ усиліяхъ вашихъ стать въ уровень съ тѣми великими дарами гражданственности, которые дарованы вамъ возлюбленнымъ монархомъ вашимъ».

— «Скажите своимъ землякамъ, отвѣчалъ Гвоздевъ, принимая флагъ изъ рукъ Фокса, что мы цѣнимъ эту дружбу и что если кому изъ насъ будетъ угрожать бѣда, то противъ враговъ мы станемъ грудью одинъ народъ за другаго».

Американцы пировали въ Кузминкѣ до поздняго вечера, и любезный хозяинъ проводилъ ихъ верхомъ до границы своихъ владѣній.

На слѣдующій день былъ осмотрѣнъ воспитательный домъ, Николаевскій сиротскій институтъ и домъ Романовыхъ, въ которомъ родился царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, родоначальникъ дома Романовыхъ; зданіе это было сожжено въ 1812 г. и отъ него уцѣлѣли только одѣвъ каменные стѣны, но около 1850 г. оно было вновь отстроено по старинному образцу и служить памятникомъ русскаго боярскаго дома XVI вѣка, такъ какъ все убранство комнатъ сдѣлано въ стилѣ того времени. Оттуда американцы направились вторично въ Зоологическій садъ, чтобы осмотрѣть животныхъ при дневномъ свѣтѣ, и тутъ Фоксъ и ген. Клей, по просьбѣ членовъ общества акклиматизаціи, посадили собственноручно по деревцу, въ память своего посѣщенія. Остальная часть дня была проведена въ Сокольникахъ, гдѣ собралось, какъ говорятъ, въ этотъ вечеръ до 60 тысячъ народа.

16-го августа посольство съ экстреннымъ поѣздомъ отправилось въ Троицко-Сергіевскую лавру. Со станціи желѣзной дороги, гдѣ они были встрѣчены властями, посѣтители отправились въ Скитъ—лѣтнее мѣстопребываніе московскаго митрополита Филарета, изъявившаго желаніе принять заатлантическихъ гостей въ своей кельѣ.

Митрополитъ Филаретъ, которому было въ то время 74 года, встрѣтилъ Фокса краткой, но прочувствованною рѣчью, выразивъ свое искреннее сочувствіе по поводу возложенной на него миссіи любви и мира и пожеланіе, чтобы всѣ христіанскіе народы питали другъ къ другу дружественныя чувства, подобныя тѣмъ, которыя существуютъ между Россіей и Соединенными Штатами. Благословивъ посольство, митрополитъ подарилъ Фоксу, въ память его посѣщенія, видъ Скита и раки св. Сергія.

Подъѣзжая къ монастырю, посѣтители были привѣтствуемы звономъ во всѣ колокола и лаврскій намѣстникъ, архимандритъ Антоній, сопровождалъ ихъ при осмотрѣ раки св. Сергія и Троицкаго собора.

Возвратясь въ Москву, Фоксъ провелъ вечеръ въ Большомъ театрѣ,

а на слѣдующее утро посольство отправилось въ Нижний Новгородъ. Многие жители Москвы, познакомившіеся съ американцами во время ихъ короткаго пребыванія въ этомъ городѣ, съѣхались проститься съ ними въ занимаемый ими отель и провожали ихъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ собралась огромная толпа народа, провожавшая посольство громкими криками «ура». Фоксъ благодарилъ кн. В. А. Долгорукова и кн. Щербатова за радушный приемъ и за гостеприимство, оказанное ему и всему посольству въ Москвѣ, и покинулъ нашу древнюю столицу, сопровождаемый искреннимъ сожалѣніемъ ея жителей, что ему не пришлось побыть тутъ дольше.

III.

Когда въ Нижнемъ Новгородѣ было получено извѣстіе о намѣреніи Фокса посѣтить этотъ городъ, то немедленно была составлена депутация отъ городского общества и отъ ярмарочнаго купечества, которая отправилась въ Москву съ особымъ приглашеніемъ, и одинъ изъ депутатовъ, Корниловъ, сопровождалъ посольство отъ Москвы до Нижняго Новгорода. На всѣхъ станціяхъ ихъ ожидали толпы народа, который собирался изъ окрестныхъ деревень, чтобы поглазѣть на иностранцевъ, и привѣтствовалъ ихъ радостными криками. Особенно восторженный приемъ былъ оказанъ путешественникамъ на станціи Вязники, гдѣ они пили чай; народъ буквально усыпалъ имъ путь цвѣтами и зеленью. Въ Нижний Новгородъ поѣздъ прибылъ около полуночи; вокзалъ былъ ярко иллюминированъ и оркестръ музыки игралъ американскій національный гимнъ; не смотря на поздній часъ, станція и сосѣднія улицы были переполнены народомъ. На платформѣ посольство было встрѣчено предводителемъ дворянства Нижегородской губ. и городскимъ головою; обмѣнявшись обычными привѣтствіями, они отправились въ домъ купца Журавлева, который предоставилъ его въ распоряженіе иностранцевъ на все время ихъ пребыванія въ городѣ.

На слѣдующее утро Фоксъ, Муррей и Бомонтъ, въ сопровожденіи адмирала Лессовскаго и Горювенко, представлялись ихъ императорскимъ высочеству Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и Великому Князю Владиміру Александровичу, прибывшимъ въ Нижний Новгородъ наканунѣ; затѣмъ они отдали официальные визиты губернатору, ген.-лейт. Однцову, и временному губернатору (назначаемому на время ярмарки), ген.-адъютанту Огареву, и осмотрѣли всѣ отдѣлы ярмарки, обративъ особенное вниманіе на серебра-

ныя издѣлія изъ Тулы и на лавки, наполненныя дорогимъ пушнымъ товаромъ. Не смотря на чрезвычайную жару и пыль на улицахъ, толпилась масса народа, бывшаго въ праздничныхъ одеждахъ, по случаю пріѣзда великихъ князей.

Вечеромъ Фоксъ, съ своими спутниками, присутствовалъ на большомъ обѣдѣ, данномъ въ честь его купечествомъ въ главномъ ярмарочномъ зданіи; обѣденная зала, по обыкновенію, была украшена цвѣтами, зеленью, національными флагами и портретами государя, Вашингтона, Линкольна и Джонсона. За столъ сѣло около полутораста человѣкъ, между которыми были представители всѣхъ національностей; тутъ были русскіе, персы, татары, армяне и купцы съ Кавказа и изъ далекой Сибири. Предсѣдатель биржеваго ярмарочнаго комитета, А. П. Шиповъ, извинился передъ собравшимися, что по случаю ярмарочнаго разгара, купечество не могло встрѣтить дорогихъ гостей съ тѣмъ блескомъ, съ какимъ оно желало бы и съ какимъ ихъ встрѣтила Москва, «но мы рады вамъ», сказалъ онъ, обращаясь къ Фоксу, «какъ нашимъ братьямъ по душѣ и по сердцу; черезъ нѣсколько дней ярмарка закроется и купцы, собравшіеся здѣсь изъ всѣхъ концовъ Россіи и Азіи, увезутъ съ собою воспоминаніе о томъ энтузіазмѣ, который вызванъ повсемѣстно вашимъ пріѣздомъ въ Россію».

Послѣ обѣда хоръ цыганъ, въ ихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, увеселялъ присутствующихъ своими пѣснями и плясками.

На другой день посольство вновь посѣтило ярмарку и осматривало соборъ Вознесенія, построенный въ 1221 году; возлѣ него показываютъ мѣсто, съ котораго Мининъ держалъ рѣчь къ народу въ 1612 году, призывая его на защиту отечества. Въ это же утро Фокса посѣтила депутація крестьянъ изъ деревни Безводной, лежащей въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода; они поднесли ему образцы своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, ситъ, крючковыхъ и петель для удочекъ, цѣпочекъ и сѣтокъ; всѣ эти вещи ручной работы дѣлаются деревенскими бабами, которыя славятся въ окрестности своею красотою; поблагодаривъ ихъ, Фоксъ роздалъ имъ на память нѣсколько своихъ фотографическихъ карточекъ, чѣмъ онѣ были повидному весьма довольны.

Въ этотъ же день, 19-го августа, была отправлена княземъ А. М. Горчаковымъ телеграмма русскому посланнику въ Вашингтонѣ, Стеблю, въ которой онъ выражалъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное въ Россіи прібытіемъ посольства, и просилъ Стебля засвидѣтельствовать президенту Соединенныхъ Штатовъ, съ какимъ тактомъ и достоинствомъ было исполнено Фоксомъ порученіе, возложенное на него конгрессомъ.

20-го августа посольство отплыло из Нижняго въ Кострому, прибивъ туда около 11 часовъ утра слѣдующаго дня; на пристани ихъ ожидалъ, въ полной парадной формѣ, губернаторъ города, ген.-лейт. Рудзевичъ; такъ какъ прибытіе парохода ожидалось не ранѣе какъ въ два часа пополудни, то обычная толпа отсутствовала, но вѣсть о прїѣздѣ посольства съ быстротою молніи облетѣла городъ, и улицы, ведущія къ гавани, мигомъ наполнились народомъ. Съѣхавъ на берегъ, Фоксъ и его спутники сдѣлали официальные визиты губернатору Рудзевичу, предводителю дворянства, Карцеву, и городскому головѣ, Акатову. Когда они возвратились на пароходъ, не только пристань чернѣла народомъ, но и по рѣкѣ сновало множество лодокъ, наполненныхъ любопытными; одинъ человекъ, стоявшій на сосѣдней баркѣ, обратилъ особенное вниманіе Фокса громкимъ проявленіемъ своего восторга; когда за нимъ послали, чтобы привезти его на пароходъ, то оказалось, что это художникъ, нѣкто Рачковъ, изъ крѣпостныхъ; Фоксъ подарилъ ему свою фотографическую карточку, съ собственно-ручною подписью; принимая этотъ подарокъ, художникъ былъ тронутъ до слезъ; онъ немедленно отправился на берегъ и привезъ черезъ нѣсколько времени образокъ Николая Чудотворца, писанный имъ самимъ, и поднесъ его Фоксу. Этотъ маленькій эпизодъ еще болѣе усилилъ восторгъ зрителей.

Подкрѣпивъ свои силы завтракомъ, американцы поѣхали осматривать городъ, начавъ этотъ осмотръ съ памятника, напоминающаго собою доблестный подвигъ Ивана Сусанина. Это гранитная колонна, утвержденная на такомъ же массивномъ пьедесталѣ; на ней стоитъ бюстъ царя Михаила Федоровича, въ коронѣ и царской мантии, подъ нимъ двуглавый орелъ, а еще ниже гербъ г. Костромы, окруженный вѣнкомъ; у подножія колонны стоитъ колѣнопреклоненный Сусанинъ; барельефъ на пьедесталѣ изображаетъ подвигъ его самопожертвованія. Изъ сквера, гдѣ стоитъ этотъ памятникъ, путешественники отправились въ Ипатьевскій монастырь, затѣмъ осмотрѣли домъ Романовыхъ, соборъ Вознесенія, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и нѣкоторыя другія мѣста, достойныя вниманія.

Въ 6 часовъ вечера посольство было приглашено въ Благородное Собраніе, гдѣ городъ давалъ въ честь прїѣзжихъ обѣдъ. Когда Фоксъ съѣхалъ на берегъ, то нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ поднесли ему цвѣты и привѣтствовали его на англійскомъ языкѣ. Когда же онъ вступилъ на набережную, то одинъ изъ крестьянъ снялъ съ себя верхнюю одежду и разослалъ ее предъ нимъ; Фоксъ перешагнувъ черезъ нее; тогда, точно по мановенію волшебнаго жезла, весь путь до конца набережной моментально былъ устланъ одеждами и толпа

безмолвно ожидала какъ поступить тотъ, кому оказывалась эта великая почестъ. Когда Фоксъ, вынужденный покориться необходимости, рѣшился пройти по одеждѣ, разостланной передъ нимъ, толпа привѣтствовала его громкими «ура!», а когда онъ сѣдился въ экипажъ, народъ хотѣлъ выпречь лошадей и везти его на себѣ; но лошади рванули и понесли. На обѣдѣ присутствовали представители всѣхъ сословій, не исключая крестьянскаго, въ числѣ конхъ были многіе родственники О. И. Комисарова. Обѣдъ былъ сервированъ въ великолѣпной, обширной залѣ, съ бѣлыми мраморными стѣнами; на одномъ концѣ ея висѣлъ въ цвѣтахъ портретъ государя императора, а подъ нимъ стоялъ бюстъ Комисарова, увѣнчанный имморталями; галерея второго этажа была наполнена дамами; на хорахъ игралъ оркестръ музыки.

Предлагая тостъ за президента Соединенныхъ Штатовъ и за благоденствіе сѣверо-американскаго народа, предводитель дворянства, Карцевъ, благодарилъ Фокса и его спутниковъ за посѣщеніе ихъ губерніи, колыбели нынѣ царствующей династіи и мѣста рожденія двухъ спасителей русскихъ царей. За этимъ первымъ тостомъ слѣдовали многіе другіе, между прочимъ одинъ изъ родственниковъ Комисарова, крестьянинъ Фишиковъ, привѣтствовалъ Фокса, какъ представитель крестьянскаго сословія, и отъ имени крестьянъ Костромской губерніи выразилъ ему благодарность за сочувствіе и любовь его страны къ Царю-Освободителю и предложилъ тостъ за дружбу, существующую между русскими и американцами.

По окончаніи обѣда гости отправились въ великолѣпно украшенный и иллюминированный павильонъ къ городскомъ саду, гдѣ ихъ ожидали собравшіяся дамы; при входѣ американцевъ двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, поднесли имъ цвѣты, а дочь губернатора поднесла Фоксу букетъ, перевитый красными, бѣлыми и синими лентами; затѣмъ начались танцы. Въ 12 часовъ ночи американцы простились съ Костромою, выразивъ сожалѣніе по поводу того, что имъ приходилось такъ скоро покинуть этотъ городъ; они отправились на пароходъ въ сопровожденіи губернатора и другихъ представителей города и толпы народа, пѣвшаго русскія пѣсни; улицы, по которымъ проѣзжало посольство, были роскошно иллюминированы, а набережная освѣщалась бенгальскими огнями.

По возвращеніи въ Соединенные Штаты, Фоксъ получилъ изъ Костромы дипломъ на званіе почетнаго гражданина этого города; дипломъ былъ напечатанъ на толстой бристольской бумагѣ, на верху изображенъ гербъ города, а подъ нимъ два кружка съ буквами «М. Ц.» (Михаилъ царь) и «1613 г.» (годъ восшествія на престолъ родоначальника дома Романовыхъ) въ одномъ изъ нихъ и буквами «О. К. К.» (Оснѣ

Комисаровъ-Костромской) и «1866 г.» въ другомъ. По угламъ диплома были изображены виды города, а самый текстъ написанъ на русскомъ и англійскомъ языкѣ.

Путешествіе отъ Костромы до Твери, вверхъ по Волгѣ, не представляло ничего особенно интереснаго и ознаменовалось лишь двумя депутаціями, явившимися къ Фоксу съ выраженіемъ своего сочувствія; когда пароходъ остановился близъ селенія Кимры, то жители его поднесли Фоксу привѣтственный адресъ, и пригласили его и всѣхъ присутствовавшихъ осмотрѣть мѣстную церковь и выпить чаю; депутація эта была замѣчательна тѣмъ, что она состояла исключительно изъ крестьянъ и ее не сопровождалъ ни одинъ изъ представителей официальной власти. При вторичной остановкѣ парохода у Корчевы, небольшого городка, насчитывающаго около трехъ тысячъ жителей, на пароходъ явилась депутація отъ города, объявившая Фоксу, что онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ этого города; съѣхавъ на берегъ по приглашенію депутаціи, чтобы присутствовать на завтракъ, устроенномъ для него городомъ, Фоксъ предложилъ за завтракомъ тостъ за здоровье своихъ новыхъ согражданъ, что вызвало съ ихъ стороны изъявленіе величайшаго восторга.

Въ Твери посольство было встрѣчено на пароходной пристани предводителемъ дворянства Тверской губерніи, кн. Мещерскимъ, губернаторомъ города, кн. Багратиономъ, городскимъ головою и другими представителями города; обмѣнявшись обычными привѣтствіями, американцы отправились въ экипажахъ осматривать городъ, и потомъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ имъ былъ предложенъ обѣдъ. Во время этого обѣда, одинъ престарѣлый ветеранъ, Ѡ. Н. Глинка, сражавшійся еще при Бородино, прочелъ поэму своего сочиненія, въ которой онъ прославлялъ дружбу, существующую между Россіей и Америкой; послѣ многихъ заздравныхъ тостовъ и рѣчей пріѣзжіе должны были поспѣшить на поѣздъ, пришедшій изъ Москвы, съ которымъ они отправились обратно въ Петербургъ.

IV.

26-е августа 1866 г. было посвящено осмотру Гостиннаго двора и покупкѣ разныхъ вещей русскаго издѣлія; вечеромъ американцы слушали въ Большомъ театрѣ «Жизнь за Царя»; въ этотъ день кн. А. М. Горчаковымъ была получена изъ Перми телеграмма съ просьбою сообщить посольству, что жители Перми, собравшись на обѣдъ по случаю коронаціи ихъ величествъ, пьютъ за здоровье представителей американскаго народа, нашихъ друзей и гостей Россіи. Фоксъ немедленно отвѣчалъ телеграммою, благодаря жителей Перми за ихъ привѣтствіе.

27-го августа Фоксъ, Муррей и Бомонтъ отправились въ Стрѣльну, и были представлены великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, которая поразила ихъ своею красотою и поистинѣ царственною наружностью. Выразивъ сожалѣніе по поводу отсутствія великаго князя, бывшаго въ это время на Кавказѣ, ея выс—во пригласила ихъ отзавтракать съ нею. Завтракъ этотъ, на которомъ присутствовала также вел. княж. Ольга Константиновна, ея воспитательница баронесса Ранцау, фрейлины—молодыя графини Келлеръ и Комаровская, и нѣкоторыя другія лица, прошелъ самымъ пріятнымъ образомъ; въ половинѣ втораго, откланявшись ея выс—ву, американцы возвратились въ Петербургъ на яхтѣ адмирала Краббе.

Въ 5 часовъ вечера былъ назначенъ обѣдъ въ честь посольства въ англійскомъ клубѣ; обѣдъ этотъ носилъ полуоффиціальннй характеръ и такъ какъ, по мысли устроителей, онъ долженъ былъ служить выраженіемъ дружбы, существующей между Россіей и Соединенными Штатами, то считался событіемъ весьма знаменательнымъ. Это пирество было образцовое во всѣхъ отношеніяхъ и отнюдь не имѣло вида народной демонстраціи, такъ какъ на улицѣ не было обычной толпы и у подъѣзда не играла музыка; американцы были встрѣчены членами клуба въ гостиной; закусивъ, они прошли въ большую столовую, гдѣ было уже собрано остальное общество. Во главѣ стола сидѣлъ князь А. М. Горчаковъ, имѣя по правую руку ген. Клея, а по лѣвую Фокса; за обѣдомъ не было произнесено рѣчей и предложено только три тоста: 1) за здоровье государя, 2) государыни, наслѣдника и царской фамиліи и 3) за благоденствіе американскаго народа и за здоровье президента республики и представителей Соединенныхъ Штатовъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ обѣда, гости, по старинному обычаю англійскаго клуба, были вновь приглашены въ столовую, гдѣ

уже пылающъ пушшъ; когда стаканы были наполнены, то одинъ изъ директоровъ клуба, ген. Толстой, обратился къ кн. Горчакову съ просьбою выразить отъ имени собранія сочувствіе гостямъ, прибывшимъ изъ Америки, и благодарить ихъ за то, что они приняли приглашеніе клуба. Тогда князь А. М. Горчаковъ поднялся со своего мѣста и обратился къ присутствующимъ съ пространною рѣчью, произнесенною на французскомъ языкѣ. Упомянувъ о радушномъ приѣмѣ, который былъ оказанъ американцамъ повсюду въ Россіи, онъ отдалъ полную справедливость личнымъ качествамъ и такту посланника конгресса, Фокса, «я радуюсь тому, продолжалъ онъ, что умы практическіе, чуждые всякаго предубѣжденія, могутъ сами и безпристрастно судить о насъ. Они могли оцѣнить и Государя, величайшую славу и гордость нашего отечества, и народъ, составляющій его силу!»

«Говорять, что добрыя царствованія не болѣе, какъ бѣлыя страницы исторіи. Это изрѣченіе не непреложная истина. Настоящее царствованіе, страницы котораго преисполнены важнѣйшими преобразованіями для внутренняго государственнаго устройства, — царствованіе, посвященное заботамъ о настоящемъ и приготовленіи великаго будущаго — нынѣ привлекло уже къ себѣ всѣ чувства любви и преданности страны, внушило всѣмъ намъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что всѣ минуты этой благородной, возвышенной жизни посвящены всецѣло, съ безграничнымъ самоотверженіемъ, благосостоянію нашего отечества.

«Изъ многочисленныхъ подвиговъ этого царствованія я упомяну лишь о величайшемъ — объ освобожденіи крестьянъ, и здѣсь да позволять мнѣ мои американскіе друзья уступить порыву откровенности.

«Посланіе конгресса содержитъ въ себѣ одну ошибку, которая можетъ быть объяснена лишь дальнимъ разстояніемъ, а именно: въ немъ говорится о врагѣ освобожденія. Безумецъ, на котораго намекаетъ посланіе, не принадлежитъ ни къ какой народности, онъ не имѣлъ никакой личной доли въ судьбахъ отечества, которому и принадлежитъ лишь по слѣпой случайности рожденія.

«Въ Россіи нѣтъ ни одного врага освобожденія. То сословіе, которому эта мѣра стоила тяжкихъ пожертвованій, пріѣтствовало ее съ такимъ же восторгомъ, какъ и то, которое этой мѣрѣ обязано своею свободою; нашъ государь первый оцѣнилъ эту заслугу своего дворянства»...

Выразивъ надежду на то, что сочувствіе, существующее между обоими народами и проявившееся такъ громко и открыто, будетъ долговѣчно, кн. А. М. Горчаковъ заявилъ, что «онъ по своему служебному положенію употребить всѣ усилія къ его упроченію» и что онъ особенно

цѣнить это сочувствіе, такъ какъ «оно не представляетъ собою ни угрозы, ни опасности кому бы то ни было», «ибо оно не вызвано ни корыстными стремленіями, ни затаенными цѣлями, такъ какъ Господь даровалъ обѣимъ странамъ такія условія существованія, что онѣ могутъ вполне довольствоваться своею великою внутреннею жизнью».

«Американскіе Соединенные Штаты неуязвимы въ своихъ предѣлахъ, и этимъ они обязаны не только защитѣ океана, ограждающаго ихъ отъ европейскихъ столкновеній, но въ особенности царствующему въ нихъ общественному духу, личному характеру своихъ гражданъ.

«Россія по своему географическому положенію можетъ быть вовлечена въ европейскія столкновенія, случайности войны могутъ подвергнуть насъ неудачамъ, но тѣмъ не менѣе и для Россіи существуетъ та-же неуязвимость, которая и обнаружится всегда, когда только будутъ угрожать достоинству и чести страны, потому что тогда, какъ и во всѣ критическія минуты нашей истории, выкажется истинное могущество Россіи. Это могущество не заключается въ пространствѣ ея владѣній и въ количествѣ ея населенія, оно простирается изъ тѣсной и неразрывной связи, соединяющей народъ съ государемъ, сосредоточивая въ его рукахъ всѣ умственные и вещественныя силы страны, точно также какъ и нынѣ неотразимо привлекающей къ нему всѣ чувства любви и приверженности».

Посвятивъ нѣсколько словъ памяти Линкольна и предложивъ тостъ за здоровье всѣхъ членовъ посольства и за американскаго посланника, ген. Клея, канцлеръ кн. А. М. Горчаковъ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы американцы, возвратясь въ свое отечество, унесли съ собою и сохранили тѣ чувства, которыя они оставляютъ русскимъ, и чтобы они передали своимъ соотечественникамъ, что русскій народъ «не позабудетъ никогда доказательства сочувствія, оказаннаго его государю, что онъ никогда не забудетъ того, что въ исторіи обонихъ государствъ была минута, въ которую мы и наши американскіе друзья жили одною жизнію, въ которую они присоединились къ нашей радости, какъ прежде раздѣляли наши тревожныя чувства».

За этой рѣчью канцлера, вызвавшей одобреніе всѣхъ собравшихся, слѣдовало много тостовъ и рѣчей, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ были высказаны самыя дружескія чувства и пожеланія; между прочимъ, Ап. Ник. Майковъ прочелъ поэму М. П. Розенгейма, написанную имъ на прощаніе съ посольствомъ.

Въ тотъ же вечеръ корреспондентъ New York Herald'a передалъ этому журналу по телеграфу рѣчь кн. А. М. Горчакова, произнесенную на этомъ обѣдѣ, не пропустивъ ни одного слова; отправка этой телеграммы стоила семь тысячъ долларовъ.

28-го августа 1866 г. Фоксъ былъ приглашенъ въ часъ дня въ министерство иностранныхъ дѣлъ на свиданіе съ кн. А. М. Горчаковымъ.

Выразивъ Фоксу въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свое привѣтствіе по поводу того, какимъ образомъ онъ исполнилъ порученіе, возложенное на него его правительствомъ, канцлеръ поднесъ Фоксу, отъ имени государя, великолѣпную золотую табакерку съ миниатюрнымъ портретомъ императора въ полной парадной формѣ, осипаннымъ брилліантами, и фотографическіе портреты государя и государыни съ ихъ собственноручною подписью, а также портретъ государыни для супруги Фокса.

Капитанамъ Муррею и Бомонту были пожалованы перстни съ вензелемъ государя «А. II», осипанные мелкими брилліантами; всѣмъ прочимъ офицерамъ эскадры розданы небольшіе альбомы съ фотографическими портретами царей и императоровъ Россіи. По просьбѣ кн. А. М. Горчакова, Фоксъ передалъ ему копии со всѣхъ фотографій, снятыхъ съ него въ Петербургѣ; эти портреты пожелалъ имѣть государь и прочіе члены царской фамиліи.

Въ семь часовъ вечера, Фоксъ и прочіе американцы были на обѣдѣ у Жукова, на его дачѣ въ Екатерингофѣ; вечеромъ въ саду, прилежащемъ къ этой дачѣ, было устроено роскошное гулянье, на которое собрался весь цвѣтъ столицы; празднество затянулось далеко за полночь.

29-го числа въ 10 часовъ утра Фоксъ, въ сопровожденіи Муррея, Бомонта и Лубата, отправился въ Царское село, чтобы откланяться государю и государынѣ; во время этой аудіенціи, продолжавшейся около двадцати минутъ, государь говорилъ по французски, а Лубатъ переводилъ его слова на англійскій языкъ. Освѣдомившись у Фокса о томъ, какое впечатлѣніе произвело на него пребываніе въ Россіи, Александръ II выразилъ желаніе, чтобы Фоксъ передалъ президенту Соединенныхъ Штатовъ и всему американскому народу, насколько онъ, государь, былъ тронутъ отправленіемъ къ нему посольства, и что его вел. видѣть въ этомъ рѣшеніи конгресса залогъ дружбы между обѣими націями, искренно желая, чтобы она упрочилась. Государыня выразила со своей стороны сожалѣніе по поводу того, что супруга Фокса не сопровождала его въ Россію.

Возвратившись въ Петербургъ, посольство обѣдало у кн. А. М. Горчакова; этотъ обѣдъ имѣлъ совершенно частный характеръ, и обошелся безъ тостовъ и рѣчей.

Въ день Александра Невскаго, 30-го августа 1866 г. Фоксъ, Муррей и Бомонтъ присутствовали на обѣднѣ въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ по обыкновенію была также царская фамилія. Проходя по церкви, по окончаніи литургіи, императоръ еще разъ почтилъ посольство внима-

нiемъ, поздоровавшись съ Фоксомъ; это было послѣднее свиданiе императора съ американцами.

Вечеромъ этого дня посольство было приглашено на балъ въ Смольный монастырь. По приѣздѣ въ монастырь, Фоксъ былъ встрѣченъ начальствомъ института и воспитанницами, которыя поднесли ему большую серебряную медаль института и великолѣпную диванную подушку, шитую шелками, своей работы.

Между тѣмъ, какъ нѣкоторые молодые офицеры эскадры приняли участiе въ танцахъ, принцъ Ольденбургскiй пригласилъ Фокса въ другой флигель института, гдѣ воспитанницы пропѣли для него «Nail Columbia» на англiйскомъ языкѣ и двѣ маленькiя дѣвочки, лѣтъ около шести, поднесли ему громаднѣйшiй букетъ и сказали стихи, а четыре другiя воспитанницы поднесли альбомъ и портфель съ фотографическими видами; въ обмѣнъ на эти подарки Фоксъ далъ имъ свои фотографическiя карточки. Провожая гостей, начальница института сказала Фоксу, что въ день ихъ отъѣзда воспитанницы соберутся въ церковь и отлужатъ молебень о благополучномъ ихъ плаванiи; это трогательное вниманiе произвело глубокое впечатлѣнiе на иностранцевъ.

На слѣдующiй день американцы были приняты принцемъ Ольденбургскимъ въ его дворецъ, затѣмъ осматривали топографическiй отдѣлъ военнаго министерства и дворецъ вел. книг. Марiи Николаевны, а 1-го сентября 1866 г. Фоксъ отправился въ Кронштадтъ, чтобы присутствовать на балѣ, данномъ адм. Новосильскимъ, на которомъ были почти исключительно одни офицеры морскаго вѣдомства съ ихъ семействами.

3-го сентября, въ день отплытiя американской эскадры, посольству былъ данъ прощальный завтракъ адмираломъ Краббе, на его яхтѣ «Рюрикъ». Кромѣ членовъ посольства на этомъ завтракѣ присутствовали адм. Новосильскiй, Поповъ, Грейгъ и большинство лицъ принимавшихъ непосредственное участiе въ ихъ приѣмѣ. Кронштадтскiй рейдъ представлялъ въ этотъ день картину столь-же оживленную, какъ и въ день прибытiя американцевъ; вездѣ сновали яхты и лодки, наполненныя публикой, желавшей видѣть отплытiе эскадры.

Желая американцамъ счастливаго пути, адмиралъ Краббе высказалъ свою радость по поводу того, что русскимъ удалось, наконецъ, отплатить американцамъ за радушный приѣмъ, оказанный ими въ 1863 г. адмираламъ Лессовскому и Попову. Въ это время къ яхтѣ подплыла лодка съ депутацiей крестьянъ отъ гор. Череповца, Новгородской губернiи, которые поднесли Фоксу хлѣбъ и соль въ русской деревянной солонкѣ и букетъ цвѣтовъ и выразили ему отъ имени

своихъ согражданъ признательность за сочувствіе, оказанное великой республикой по поводу спасенія царя.

Когда депутація удалилась, то начались тосты и прощальныя рѣчи и пожеланія; Фоксу, Муррею и Бомонту были поднесены медали, выбитыя въ память освобожденія крестьянъ.

Этимъ прощальнымъ завтракомъ закончился рядъ овацій и празднествъ, устроенныхъ по случаю пріѣзда американцевъ въ Россію.

По окончаніи его, Фоксъ отправился на корабль «Августа»; американская эскадра немедленно снялась съ якоря и въ сопровожденіи русскихъ судовъ: «Перуна», «Смерча», «Храбраго» и яхты «Рюрикъ» вышла въ Финскій заливъ.

В. В. Тимоцувъ.

Примѣчаніе. Къ настоящему очерку, благодаря весьма обязательному сообщенію А. О. Гамбургера, доставившаго намъ гравюру: „Аудиенція, данная императоромъ Александромъ II адмиралу Фоксу“ — мы имѣли возможность приложить снимокъ съ этой картины. Снимокъ исполненъ, при посредствѣ высокоуважаемаго А. О. Гамбургера, въ Мюнхенѣ и тамъ-же отпечатанъ для „Русской Старины“.

Ред.

ПѢСНЯ ОБЪ АРАКЧЕЕВѢ.

Бѣжитъ рѣчка по песку
 Во матушку во Москву;
 Какъ на этой на рѣкѣ
 Шло триста кораблевъ;
 Какъ на каждомъ кораблѣ
 По пятьсотъ молодцовъ.
 Хорошо гребцы гребутъ,
 Сами пѣсенъки поютъ,
 Разговоры гворятъ—
 Все Ракчеева бранятъ:
 Ты, Ракчеевъ, ты Ракчеевъ,
 Расканиалья-дворянинъ,
 Всю Россію разорилъ.
 Солдатъ голодомъ поморилъ.
 Трудовья, харчевья,
 Трети жалованья
 Онъ не пропилъ, проигралъ—
 Графъ палаты себѣ слагалъ
 Бѣлокаменья,
 Стѣны мраморныя.

Записано въ 1820-тъ годахъ въ с. Большихъ Полянкахъ, Лукояновскаго уѣзда
 Нижегородской губерніи.

Сообщ. Ал. Марженичъ.

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА.

XLIX ¹⁾.

Молодой дворъ и ближніе люди Екатерины II. — Великая княгиня Наталья Алексѣевна.—Графъ Андрей Кир. Разумовскій.—Ние. Ив. Салтыковъ.—Великіе князья Александръ и Константинаъ Павловичи.—Автеръ Федоръ Григорьевичъ Волковъ.—А. В. Храповицкій.—Безбородко.—Князь А. А. Вяземскій и его повѣтчики: Васильевъ, Алексѣевъ, Троцкинскій и Хвостовъ.—Графъ Брюсъ и Никита Ивановичъ Рыльевъ.

Извѣстно, что мать (Екатерина II) не любила сына, сынъ не былъ расположенъ въ матери,—событіе противу закона природы. Сколь бы въ дѣтяхъ недостатки оцутительны, погрѣшности значительны ни были, родители всегда готовы скрыть ихъ, готовы съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ и уваженія обратить на себя всѣ непріятности, неудобства, всю неловкость и погрѣшности, чтобы отклонить худыя послѣдствія отъ произведенныхъ ими на свѣтъ. Миѣ скажутъ: были и есть примѣры такимъ событіямъ, что родители не могли терпѣть дѣтей, а дѣти—родителей. Достойно сожалѣнія, что должно въ томъ согласиться и допустить изыатіе въ законѣ самой природы. Скорѣе это случиться можетъ между отца и сына; сомнѣніе, часто происходящее безъ всякаго основанія и доказательства, можетъ родить въ отцѣ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 года, томъ XLVII, стр. 365—390; т. XLVIII, стр. 55—82, 247—282, 473—486; изд. 1886, томъ XLIX, стр. 39—62; т. LII, стр. 47—76, 259—284.

недоброжелательство къ тому, въ комъ онъ долженъ видѣть перваго, лучшаго себѣ друга, видѣть самого себя. Но какъ предполагать возможность нерасположенія въ матери къ рожденному ея? Сомнѣнію здѣсь нѣтъ мѣста.

Екатерина считала тотъ день потеряннымъ въ жизни своей, когда она была обязана, по этикету двора или по какому-либо инымъ обстоятельствамъ, видѣть своего сына. Царедворцы въ это время старались, подъ разными предлогами, уклоняться, не быть присутствующими соглядатаями непріятной и затруднительной для самихъ себя сцены. Они не умѣли опредѣлить предѣловъ уваженію, которыми были обязаны наслѣднику трона. Искренняя преданность и достоюлжное почтеніе, ему оказанныя, могли произвестъ у императрицы непріятныя для нихъ послѣдствія. Вынужденная покорность, холодная и натянутая учтивость увѣряли царедворцевъ въ припамятованіи въ свое время отъ наслѣдника, будущаго ихъ повелителя. Дѣловые люди, кабинетъ-министры и пр. отлагали до другаго дня доклады; военатные люди, ежеминутно государыню окружавшіе, ожидали изъявленія со стороны ея неудовольствія, видѣвъ въ ней худое расположеніе нрава ¹⁾).

Императрица упрекала (себя) въ совѣсти своей, что она заняла по праву принадлежавшій ея сыну тронъ; извѣстно, что, при восшествіи своемъ на царство, въ манифестѣ было объявлено (?), что она будетъ править государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника; до 1796 года Павлу совершились три совершеннолѣтія и рожденныя отъ него дѣти достигли совершеннолѣтія и были уже двое женаты; однако-же она и не помышляла о возвращеніи ему принадлежащаго наслѣдія. Павелъ, при восшествіи своемъ на царство, повелѣлъ манифестъ Екатерины о восшествіи ея на тронъ, въ которомъ были изложены подробно всѣ поступки Петра III, вырѣзать изъ всѣхъ актовъ и законныхъ книгъ, отобрать у кого печатные или письменные находились и истребить. Екатерина пренебрегала и привыкла презирать мнѣніе всѣхъ и каждаго; но не могло того быть, чтобы она могла подавить чувство внутреннее, обличающее всякую несправедливость.

¹⁾ Объ этомъ нерасположеніи Екатерины къ в. кн. Павлу Петровичу съ малыхъ еще лѣтъ его собрано много фактовъ въ книгѣ Д. О. Кобеко: „Великій князь Павелъ Петровичъ“.
Ред.

I.

Расчеты выгодъ, связей, гордости, богатства—и въ частномъ быту гражданской жизни все подчинили себѣ во власть! А у сильныхъ на землѣ другаго понятія не существуетъ,—всѣ чувства души подавлены славолюбіемъ. Сіи правила сильныхъ міра сего суть причиною, что они соединяли въ XVIII вѣкѣ дѣтей своихъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на взаимную склонность и влеченіе соединяемыхъ неразрывными узами брака на всю ихъ жизнь! Мы видимъ большею частію прелестную, добродѣтельную дѣвицу, по расчетамъ отданную въ супруги человѣку ей немилому. Такова была въ XVIII в. участь дѣвиць, дочерей большихъ и малыхъ властителей на земномъ шарѣ, ихъ вельможъ и богатыхъ людей. Любовь, искренняя дружба могутъ существовать между людьми равнаго состоянія относительно ихъ происхожденія и достоинства. Но что за ермолафія! Я хотѣлъ говорить, что знаю по преданіямъ о великой княгинѣ Натальѣ Алексѣвнѣ, первой супругѣ в. кн. Павла Петровича, и вздумалъ умничать. Мое-ли это дѣло? Скажемъ, что знаемъ.

Великая княгиня Наталья Алексѣвна, рожденная принцесса дома князей Дармштадтскихъ, привезена, по назначенію и приказанію великой Екатерины, въ Петербургъ. Екатеринѣ не только князекъ дармштадтскій, да король Фридрихъ II, герой и философъ, былъ всегда покорный и готовый слуга къ исполненію велѣній ея величества,—тогда было не наше (1834 г.) время! Кто знаетъ, т. е. видалъ хотя издалека Павла Петровича, для того весьма будетъ понятно и вѣроятно, что принцесса Наталья Алексѣвна едва-ли могла сочетаться съ нимъ въ бракъ по любви.

Наталья Алексѣвна была хитрая, тонкаго, проницательнаго ума, вспыльчиваго, настойчиваго нрава женщина.

Неожиданное назначеніе камергера, графа Андрея Кирилловича Разумовскаго посломъ въ Лондонъ, было для всѣхъ дѣловыхъ и бездѣльныхъ царедворцевъ неразрѣшимою задачею.

Екатерина проникла зарождавшуюся благосклонность вели-

кой княгини къ А. К. Разумовскому и отправила его посломъ въ Англію ¹⁾).

Между тѣмъ, великая княгиня заболѣла и здравіе ея высочества вообще примѣтно начало слабѣть. Великій князь Павелъ Петровичъ былъ страстно влюбленъ въ супругу свою. Когда послѣдовала кончина великой княгини, Екатерина ту-же минуту приказала принести къ ней шкатулку вел. княгини, въ которой хранились письма, и запечатала ее.

Скорбь вел. князя о потерѣ супруги всѣхъ заставила страдиться собственно за его здоровье; всѣ средства и попытки развлечь вел. князя были тщетны. Онъ былъ погруженъ въ мрачное уныніе духомъ. Екатерина рѣшилась излечить сына, открыла шкатулку, вынула переписку вел. княгини и отдала ее великому князю. Открытіе это произвело въ вел. князѣ, что производитъ кризисъ въ горячкѣ. Онъ вспыхнулъ какъ порохъ,—взрывъ произвелъ надъ нимъ благотворное дѣйствіе, не причинивъ никому вреда.

Разумовскій во все время царствованія Екатерины пользовался милостями и довѣренностію ея величества.

Кончина государыни застала Разумовскаго посломъ въ Вѣнѣ; на мѣсто его былъ немедленно назначенъ другой, если не ошибаюсь, Штапельбергъ, но гр. А. К. Разумовскій не возвращался въ Россію, въ продолженіе всего царствованія императора Павла,—и благоразумно сдѣлалъ.

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ въ хроникѣ фамилій Разумовскихъ смотри подробности въ извѣстномъ сочиненіи П. А. Васильчкова: „Семейство Разумовскихъ“.

LI.

Николай Ивановичъ Салтыковъ, приставъ у великихъ князей Александра и Константина, дѣтей Павла, внуковъ Екатерины, малый ростомъ, сухой какъ мумія, ханжа, суевѣрный и хитрый какъ змій, прельстившій прародительницу Еву, былъ всегда употребляемъ Екатериною какъ посредникъ, переносчикъ, передателъ ея воли, повелѣній—Павлу, и вмѣстѣ былъ искуснѣйшимъ приспособителемъ того, чтобы мать и сынъ имѣли другъ съ другомъ какъ можно рѣже свиданія. Салтыковъ находился между двухъ огней, но ни тотъ, ни другой не жгли его. Онъ былъ любимъ Екатериною и имѣлъ ея довѣренность; его любилъ Павелъ, слушалъ его совѣты и слѣдовалъ имъ. Салтыковъ былъ хитрое созданіе, тонкаго, пронырливаго ума, со сваредною, гнусною наружностію.

Когда Павелъ, по свиданіи съ матерью, уѣзжалъ въ резиденціи свои, Павловское или Гатчино, императрица всегда говорила: „ну, слава Богу, гора свалила съ плечъ!“

Это я знаю отъ комнатныхъ ближнихъ людей, при ней всегда находившихся.

Извѣстно всѣмъ, что императрица не позволяла Павлу ни одного изъ дѣтей своихъ имѣть при себѣ.....

Павелъ и супруга его, Марія Теодоровна, въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ находились въ такомъ же состояніи, какъ садовникъ къ ананасу.

Съ большимъ принужденіемъ, да и то весьма рѣдко, въ теченіи года два—три раза, позволяла Екатерина внучатамъ своимъ, дѣтямъ Павла, ѣхать къ родителямъ повидаться. Назначала часы времени сколько имъ позволяла провести въ Павловскѣ или Гатчинѣ. У родителей хитрая лисица, Салтыковъ, сопровождавшій всюду великихъ князей, какъ тѣнь, былъ строгій и вѣрнѣйшій исполнитель велѣній императрицы; не позволялъ великимъ князьямъ минуты оставаться долѣе назначеннаго бабушкою времени на посѣщеніе; не позволялъ видѣться и бесѣдовать князьямъ съ родителями, какъ дѣтямъ, но, по этикету двора, въ парадныхъ комнатахъ, въ присутствіи всѣхъ, составлявшихъ дворъ наследника.

Родители дѣтей, дѣти родителей не дозволяли себѣ, можетъ быть—не смѣли прижать къ сердцу другъ друга, говорить со всею откровенностію души, по чувствамъ сердца, забыть на минуту ненавистный, мучительный, противуестественный уставъ этикета двора! Отецъ и мать, говоря съ дѣтьми, употребляли титуль „ваше высочество“; дѣти отвѣчали тѣмъ-же, и свиданіе родителей съ дѣтьми было болѣе вынужденнымъ по уставу этикета, жеманнымъ, холоднымъ визитомъ, болѣе походило на посѣщеніе великими князьями кого-либо изъ бояръ, вельможъ Екатерины, однако-же немного императрицею любимыхъ и уважаемыхъ.

Старшій сынъ, Александръ, долженъ былъ вестъ великую княгиню, мать свою, не оставляя шляпы, къ столу; Константинъ велъ кого-либо изъ дамъ придворныхъ, и рѣдко кого-либо другую,—какъ фрейлину Катерину Ивановну Нелидову.

При отъѣздѣ великихъ князей, родители были обязаны провожать дѣтей до передней комнаты....

Какъ объяснить слѣдующія слова Екатерины, публично ею на балѣ сказанныя. Она страстно любила внука своего, Александра; великій князь Александръ танцевалъ въ это время. Окружавшіе ее дамы и кавалеры наперерывъ, кто какъ умѣлъ, превозносили всякій шагъ, каждое движеніе тѣла, каждое па великаго князя похвалами, хотя Александръ Павловичъ не отличался граціей, и въ искусствѣ танцевъ отъ Пива, танцевальнаго своего учителя, стоялъ, конечно, не ближе какъ Пекинъ отъ Петербурга. Государыня на похвалы, вокругъ нея звучашія, вздохнувъ, изволила отозваться:

— „Онъ хорошъ, милъ какъ ангелъ! да простъ какъ мать!“

Непростительная, укорительнѣйшая неосторожность, несоображеніе того, какія гибельныя слѣдствія могли имѣть сказанныя слова ею для великаго князя Александра Павловича, котораго она предназначила въ самодержцы обширнѣйшаго царства своего.

Человѣкъ, пріобывшій думать и размышлять, слѣда событія и происшествія, послѣдовавшія со дня воцаренія Александра до эпохи одолѣнія имъ Наполеона, по строгому обзору и зрѣлому обсужденію увидитъ своль много бѣдственнаго для Россіи, противодѣйствующаго Александру, посѣдали произнесенныя слова

повелительницею Сѣвера, въ минуту забывчивости, въ изъясненіи (несправедливаго) неблаговоленія ея къ великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ, съ которою, конечно, не могла Екатерина гармонировать, какъ свѣтъ съ тьмою не могутъ быть въ соединеніи. Но вымолвленное слово, какъ птичка, высвободившаяся изъ западни, назадъ не воротится.

LI.

При всѣхъ дворахъ, всюду, на одну умную голову въ XVIII вѣкѣ считали сотни по три пустыхъ глупыхъ головъ, которыя (разумѣю эти послѣднія головы) находились въ числѣ царедворцевъ не по уму и достоинствамъ, но по рожденію, связямъ родства, богатству. Вездѣ видѣли въ XVIII вѣкѣ при дворахъ людей, одѣтыхъ въ золотые кафтаны, обвѣшанныхъ орденами, которые, будучи безъ связей родства, титула сіятельства, богатства, были бы неспособны глину мять на горшки; при дворѣ же (въ старину) едва ли было когда либо возможнымъ найти одну умную голову между тысячею головъ природныхъ князей, графовъ, знатныхъ бояръ и богачей. Во времена княженій работали умомъ, дѣйствовали дьяки, окольнічьи, незнатнаго происхожденія, не княжескіе дѣтки. Адашевъ, при Іоаннѣ, былъ постельничій—должность, въ которую опредѣляли большею частію бѣдныхъ сиротъ дворянскихъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ окольнічій его, Овчина, правая рука государева, былъ не изъ рода княжескаго. При Петрѣ—Меншиковъ изъ блинниковъ; Румянцевъ—изъ рядовыхъ солдатъ; Бороздинъ—изъ писарей военной канцеляріи; Остерманъ—сынъ пастора и т. п.

При Екатеринѣ первый секретный, немногимъ извѣстный, дѣловой человѣкъ былъ актеръ Федоръ Волковъ, можетъ быть первый основатель всего величія императрицы. Онъ, во время переворота при восшествіи ея на тронъ, дѣйствовалъ умомъ; прочіе, какъ-то: главные, Орловы, кн. Барятинскій, Тепловъ—дѣйствовали физическою силою, въ случаѣ надобности, и горломъ привлекая другихъ въ общій заговоръ.

Екатерина, воцарившись, предложила Фед. Григ. Волкову быть кабинетъ-министромъ ея, возлагала на него орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Волковъ отъ всего отказался и просилъ государыню обезпечить его жизнь въ томъ, чтобы ему не нужно было заботиться объ обѣдѣ, одеждѣ, о наймѣ квартиры, когда нужно, чтобы давали ему экипажъ. Государыня повелѣла нанять Волкову домъ, снабжать его бѣльемъ и платьемъ, какъ онъ прикажетъ, отпускать ему кушанье, вина и всѣ прочія къ тому принадлежности отъ двора, съ ея кухни, и точно все такое, что подають на столъ ея величеству; экипажъ, какой ему заблаго-разсудится потребовать.

Волковъ, по восшествіи ея на тронъ, жилъ не долго; всегда имѣлъ онъ доступъ въ кабинетъ къ государынѣ безъ доклада; никогда болѣе не приказывалъ подавать обѣда себѣ, какъ на три человѣка: у него было два друга, съ которыми почти всякій день обѣдалъ. Рѣдко требовалъ для себя экипажъ и не чаще биралъ, и не иначе, какъ изъ собственныхъ рукъ императрицы, и никогда болѣе 10 имперіаловъ.

Потомъ мы видимъ при ней геніальнаго Александра Васильевича Храповицкаго, который любилъ жить, былъ усердный поклонникъ Амфитриды и обильно возливалъ жертвы Бахусу.

Храповицкій, чтобы явиться къ государынѣ по приказанію въ 6 часовъ, нерѣдко отворялъ изъ лѣвой руки по двѣ и по три чашки крови. Представъ предъ государыню, читалъ ей весь докладъ наизусть по бѣлымъ, ненаписаннымъ листамъ.

Государыня однажды неожиданно приказала Храповицкому, державшему въ рукахъ листы бѣлой бумаги и читавшему, безъ запинки, какъ написанное, подать себѣ докладную записку, не мало не подозрѣвая его въ обманѣ. Храповицкій, поблѣвпшій какъ бывшая въ рукахъ его бумага, упалъ на колѣни предъ Екатериною и, рыдая, сказалъ ей:

— „Помилуй, государыня, виноватъ, не достоинъ милосердія твоего, я обманулъ тебя, матушка государыня!“ подавая ея величеству листы бѣлой бумаги.

Государыня, взглянувъ на бумагу, хотѣла показать суровое, гнѣвное лице, но невольно улыбнулась и спросила:

— Что это значитъ, Александръ Васильевичъ?

Всѣ близкіе Екатеринѣ знали, что искреннее признаніе въ преступленіи и пересказанное ей отъ слова до слова получало всегда всемилостивѣйшее прощеніе, съ поученіемъ, въ которомъ Екатерина высчитывала всѣ худыя послѣдствія поступка и заключала словами:

— Ну, Богъ проститъ, да чтобы впередъ не случалось.

Храповицкій, зная нравъ государыни, началъ пересказывать:

— У Елагина, на острову, всю ночь пропили, матушка государыня. Я и по утру былъ еще пьянъ, и чтобы отрезвиться, три чашки крови выпустилъ; докладъ вашему величеству составилъ дорогою въ коляскѣ, когда везли меня съ острова, и эти листы бумаги взялъ у камердинера вашего величества.

Государыня, прочитавъ ему наставленіе, изволила сказать:

— Ну, Богъ проститъ, да поди-же, вели написать докладъ.

Храповицкій: Государыня! дозвольте написать мнѣ его въ присутствіи вашего величества; въ канцеляріи, матушка государыня; догадаются, что я имѣлъ дерзновеніе васъ обмануть, всемилостивѣйшая!

— Спасибо, Храповицкій, сказала государыня, я вижу, ты преданъ мнѣ, садись и пиши.

Видимъ глубокомысленнаго, дальновиднаго Безбородко. Онъ былъ сынъ или внукъ малороссійскаго казака, *soit disant noble*. Попалъ какъ-то въ Кіевопечерско-лаврскую академію, изъ которой поступилъ, но только не прямо, въ канцелярію фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, командовавшаго арміею, находившеюся тогда въ Молдавіи противу турокъ. Графъ Румянецъ-Задунайскій, мудрый и храбрый полководецъ, мудрый и проницательный начальникъ, скоро умѣлъ и узнать Безбородко и отличить его. По окончаніи войны и заключеніи знаменитаго мира при Кайнарджи, Задунайскій по возвращеніи въ Петербургъ, увѣнчанный лаврами, имѣлъ счастье представить императрицѣ двухъ полковниковъ, отлично во все время войны при немъ служившихъ: Завадовскаго и Безбородко.

Завадовскій былъ мущина большого роста, прекрасный

собой и крѣпкаго сложенія. Екатерина дала ему мѣсто и высокое положеніе при дворѣ.

Безбородко былъ уродливъ собою: толстое, глупое лицо, большія отвислыя губы, безобразное жирное туловище не обратили вниманія ея величества.

Государыня, подумавъ нѣсколько, изволила спросить Безбородко:

— Ты учился гдѣ-нибудь?

— Въ кievской академіи, ваше императорское величество, отвѣчалъ Безбородко.

— Тамъ учать хорошо. Васъ я помѣщаю въ иностранную коллегію, займитесь дѣлами, я увѣрена, вы скоро ознакомитесь съ ними.

Безбородко зарылся въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, перечиталъ всѣ трактаты, какіе существовали, и зная хорошо латинскій языкъ, выучилъ французскій и чрезъ годъ былъ изъ всѣхъ служащихъ въ коллегіи одинъ, знавшій дѣла лучше всѣхъ, и всѣ, такъ сказать, зналъ на память. Онъ неоднократно удивлялъ императрицу памятью своею, отвѣчая на вопросы ея величества и цитую годъ, мѣсяцъ, число и мѣсто, гдѣ что было сдѣлано, указывая даже цифры листа или страницы, на которыхъ было написано или напечатано то, что онъ пересказывалъ.

Скажутъ, что и при Екатеринѣ видали людей съ свинцовыми головами, на важныхъ государственныхъ мѣстахъ, наприм., генераль-прокуроръ князь Вяземскій, отъ котораго, по тогдашней организаціи управленія имперіи, все зависѣло.

Согласенъ, всѣ знали, что Вяземскій былъ человекъ съ оснoвнымъ разсудкомъ. По какимъ уваженіямъ, по какимъ расчетамъ Екатерина держала Вяземскаго на столь важномъ постѣ въ государствѣ—угадать и объяснить трудно, скажу—рѣшительно невозможно; но у Вяземскаго въ канцеляріи были четыре по-вытчика: Васильевъ, бывшій въ царствованіе Александра Павловича министромъ финансовъ; Алексѣевъ, впоследствии сенаторъ; Троцинскій, бывшій при Александрѣ I министромъ юстиціи, и геніальный, съ быстрымъ умомъ, какъ летъ сокола—Хвостовъ, управлявшій государственнымъ заемнымъ банкомъ,

которыхъ нерѣдко государыня приказывала Храповицкому или Безбородкѣ призывать къ нимъ и, по повелѣнію ея, поучить, т. е. побранить и съ угрозами, когда она находила что-либо въ докладахъ Вяземскаго неосновательное, несообразное съ цѣлю благоустройства; государыня выслушивала и словесные доклады Вяземскаго, но всегда изволила приказывать ему:

— Князь Александръ Андреевичъ, вели это написать, да подай мнѣ.

Императрица знала, что Вяземскій не могъ самъ ничего написать и что будетъ написано повытчиками и будетъ написано дѣльно.

LIII.

Не одинъ князь Вяземскій, а многіе, въ царствованіе ея, твердо-головые люди занимали важныя мѣста, какъ-то: графъ Брюсъ, генералъ-губернаторъ с.-петербургскій; Рылѣвъ, оберъ-полицеймейстеръ въ Петербургѣ, оба извѣстные превыспреннѣйшею глупостію своею.

Много рассказывали анекдотовъ объ остроуміи Брюса и Рылѣва.

Государыня изволила приказать Брюсу развѣдать, чѣмъ занимается недавно пріѣхавшій изъ Парижа французъ, и назвала фамилію пріѣхавшаго француза.

Брюсъ передалъ повелѣніе государыни къ исполненію оберъ-полицеймейстеру Рылѣву, но забылъ сказанную ему императрицею фамилію прибывшаго. Оба стали въ пень. Что дѣлать? Брюсъ не хотѣлъ сознаться предъ государынею, что забылъ какъ называется французъ, боялся высочайшаго поученія, которое онъ имѣлъ счастье почти ежедневно выслушивать изъ высочайшихъ устъ. Наконецъ, по зрѣломъ созерцаніи, Брюсъ и Рылѣвъ опредѣлили: отыскать послѣднеприбывшаго въ Петербургъ француза, который, вѣроятно, долженъ быть тотъ самый, о которомъ императрица соизволила повелѣть. Оба думали, ухитрились,

ладно выпутались, поученія избавились. Рылѣевъ, на бѣду рода французскаго, лепеталъ кое-какъ по французски, понималъ, какъ говорится, черезъ два въ третій. Выходя изъ кабинета Брюса, Рылѣевъ былъ весь погруженъ въ созерцанія, какъ бы скорѣе отыскать новопріѣхавшаго француза.

Надобно объяснить побудительную причину, заставлявшую Брюса и Рылѣева столь много заботиться о сыскѣ (француза) по повелѣнію Екаторины.

Въ обществѣ и даже въ народѣ была тогда молва, что якобинцы и франмасоны, соединясь, умыслили отравить государственную ядомъ, не надѣясь и предполагая совершенную невозможность истребить повелительницу сѣвера какимъ-либо оружіемъ. Справедлива-ли была молва эта, или нарочито агентами разглашенная, но какъ-бы то ни было, молва не въ одномъ Петербургѣ существовала, она распространилась по всей Россіи и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ отъ столицы, въ бесѣдахъ, на торгахъ, словомъ во всѣхъ собраніяхъ передавали ее другъ другу и не шопотомъ,—вслухъ, съ присовокупленіемъ выраженій, собственныхъ образованію и степени понятія того круга людей, который разсуждалъ о злоумышленіи якобинцевъ и массоновъ.

Въ лучшемъ обществѣ называли соединеніе якобинцевъ съ франмасонами, присоединяя въ нимъ мартинистовъ,—шайкою крамольниковъ, кровожадными извергами, разрушителями власти, вольнодумцами.

Народъ не зналъ ничего о якобинцахъ и толковалъ о дьявольскомъ навожденіи фармасоновъ и мартыновъ. Многіе изъ народа были совершенно въ томъ увѣрены, что фармасоны и мартыны всѣ съ хвостиками.

Не только гдѣ-либо въ губерніяхъ, въ городахъ уѣздныхъ, вѣтъ,—въ Москвѣ, древней столицѣ государства русскаго, гдѣ люди всѣхъ сословій были уже тогда болѣе прочихъ образованы, нерѣдко были видимы презабавныя сцены, преимущественно въ кругу купечествующаго сословія, бесѣдовавшаго и обращавшагося тогда еще болѣе съ монахами и попами. Свадьба, крестины, именинный пиръ безъ попа, поминовеніе усопшихъ безъ монаха совершены быть не могли. На сихъ торжествахъ происходили сцены неимовѣрныя. Пьяные погъ или монахъ, обнимаемая дру-

жески за столою бархатнаго пива (съ виномъ тогда купечество и духовенство не было еще знакомо; бархатное, черное, какъ вороново крыло, пиво, наливки и взварецъ изъ хлѣбнаго вина съ медомъ, яблоками, грушами, замѣняли шампанское и пуншь съ ромомъ), провлинали злочестивыхъ фармасоновъ и мартыновъ.

Рылѣвъ, пройдя залу, въ пріемной комнатѣ нашель пре-
красно, по модѣ одѣтаго человѣка, распысканнаго духами, во-
торый, какъ скоро увидѣлъ его, спѣшилъ приблизиться въ нему
и, раскланиваясь, шаркая ногами по-камергерски, началъ гово-
рить на французскомъ языкѣ:

— Monseigneur, je viens seulement d'arriver, etc., etc.

Рылѣвъ, какъ скоро только услышалъ „arrivé“, повернулся
и скорыми шагами пошелъ обратно въ кабинетъ къ Брюсу и,
еще не успѣвши отворить совсѣмъ дверь, кричалъ уже:

— Графъ, француза я поддѣлъ, онъ здѣсь!

Брюсъ, обрадованный этою вѣстію, торжествуя, восхищался
уже напередъ, какъ онъ угодить государынѣ, какъ ея величе-
ство будетъ благодарить его, кричалъ въ свою очередь Рылѣву:

— Никита Ивановичъ, что время терять, допросимъ скорѣе
бездѣльника, злодѣя. Лучше будетъ для насъ, когда мы всю тайну
вывѣдаемъ, а какая намъ въ томъ выгода передать его Шиш-
ковскому.

Оба, Брюсъ и Рылѣвъ, велѣли приготовить розги, людей
призвали, щеголя француза разоблачили и начали пороть роз-
гами, допрашивая его:

— Qui sont ceux qui l'ont envoyé à Pétersbourg pour empoi-
sonner Sa Majesté l'Impératrice?

Несчастный французъ визжалъ подъ розгами, вертѣлся, если
только могъ вертѣться, будучи въ рукахъ 6 или 8 сильныхъ испол-
нителей приказанія гр. Брюса, и, наконецъ, пересталъ визжать,
изнемогъ. Брюсъ и Рылѣвъ остановились продолжать пытку,
не знали что дѣлать, чтобы открыть тайну. Придумали призвать
на совѣщаніе правителя канцеляріи,—въ сожалѣнію, я забылъ
его имя. Явился правитель канцеляріи.

Они, сказавъ ему причину его призыва, требовали его мнѣ-

ніа о томъ, что имъ предпринять, чтобы вывѣдать отъ француза всю истину, для чего онъ прибылъ.

Правитель канцеляріи, какъ благоразумный человекъ, спросилъ гр. Брюса:

— Ваше сіятельство, вы изволили видѣть его паспортъ, изволили спрашивать, кто онъ таковъ?

— Нѣтъ, я ничего не видѣлъ и не спрашивалъ. Никита Ивановичъ (Рылѣевъ) все знаетъ, поговори съ нимъ.

Правитель канцеляріи, обратясь къ Рылѣеву:

— Никита Ивановичъ, да вы какъ о томъ знаете, что этотъ прибывшій французъ намѣренъ произвести адское злодѣяніе—отравить государыню?

Рылѣевъ. Да онъ, братецъ, самъ мнѣ это сказалъ.

Правитель канцеляріи изумился, но, зная глупость Рылѣева и Брюса, спросилъ еще:

— Да какъ онъ вамъ это сказалъ?

Рылѣевъ: По французскому, братецъ; что ты думаешь, не знаю я, что-ли? Онъ сказалъ: *je viens d'arriver*, а вѣдь государыня и повелѣла отыскать новопрїѣхавшаго, такъ кого-же еще отыскивать? Онъ изъ прїѣзжихъ изъ-за границы самый послѣдній; никто послѣ его еще не прїѣзжалъ!

Ужаснулся правитель канцеляріи, но дѣлать было нечего; обратясь къ гр. Брюсу, доложилъ ему:

— Ваше сіятельство, неосмотрительность большая, дѣло должно кончиться весьма для вашего сіятельства неблагопрїятнымъ образомъ.

Брюсъ былъ дуракъ, но не злой дуракъ, боялся послѣдствій сдѣланной глупости и раскаяніе сильно въ немъ дѣйствовало о томъ, что самъ не зналъ, за что такъ варварски оскорбилъ человека, не зная даже, кто онъ былъ таковъ. Просилъ правителя канцеляріи, чтобы онъ это происшествіе поправилъ, чтобы успокоилъ изсѣченнаго розгами француза.

— Трудно и невозможно, ваше сіятельство, успокоить француза, вы изволили его черезъ-чуръ обезпечить.

Брюсъ: „Сдѣлай дружбу, любезный, постарайся“, примолвивъ обыкновенно у всѣхъ знатныхъ вельможъ, начальниковъ, дура-

ковъ и не дураковъ, готовое на языкъ слово, ничего не означающее, безъ всякаго смысла, всёмъ извѣстное: „какъ-нибудь“, — слово, которое въ продолженіе многихъ вѣковъ произносили и нынѣ производятъ продолжаютъ, котораго тотъ, кто въ первый разъ вымолвилъ его, не понималъ, и до сего времени никто не понимаетъ, всё слушаютъ безъ возраженія противъ безсмыслія и, что еще всего удивительнѣе, что въ Россіи всё дѣлаютъ и все дѣлается какъ-нибудь (писано въ 1834 г.).

Пошелъ правитель канцеляріи въ изсѣченному французу узнать, по крайней мѣрѣ какъ-нибудь, кто онъ таковъ? Какія были причины пріѣзда его въ Россію, и пр., и пр.

Оскорбленный французъ, рыдая отъ боли, нанесенной розгами, поруганія и уничтоженія, не могъ ни слова сказать въ отвѣтъ правителю канцеляріи, а сунулъ ему въ руки паспортъ свой и три—четыре рекомендательныя письма къ гр. Брюсу.

Кто-же онъ былъ, столь много обласканный гр. Брюсомъ и Рылѣвымъ?

Гр. Брюсъ просилъ кого-то изъ прибывшихъ тогда въ Парижъ російскихъ бояръ-гастрономовъ прискаты тамъ для него искуснѣйшаго повара, согласить пріѣхать въ Россію къ нему, гр. Брюсу, кормить его; *chef de cuisine du ministre disgracié, M-r de Vergenne*, рѣшился за 6,000 р. с. въ годъ *d'aller voir ce pays des barbares*, гдѣ, какъ знаемъ, приняли его *vraiment à la barbare*.

Двойной окладъ договорной цѣны, т. е. 12,000 рублей, предложили *M-r le chef de cuisine à condition qu'on garde éternellement sur ce qui est arrivé le plus inviolable secret*, забыть оскорбленіе, нанесенное его французской чести, уврачевавъ на тѣлѣ его язвы, и остаться у графа Брюса кормить его сіятельство вкусными, французской страшни, явствами.

Брюсъ и Рылѣвъ не знали какъ изъяснить благодарность ихъ медиатору примиренія, правителю канцеляріи, восхищались благополучнымъ окончаніемъ происшествія; но, какъ для Брюса, равно для Рылѣва, оставалось затруднительнѣйшимъ—какъ доложить о всемъ случившемся матушкѣ-государынѣ? а доложить было необходимо должно, — горе будетъ обоимъ, если императрицѣ будетъ о происшествіи доложено прежде ихъ донесенія.

Государыня много и долго изволила поучать Брюса въ кабинетѣ; Брюсъ падалъ на колѣни, просилъ помилованія. Но послѣ обѣденнаго стола Екатерина, въ томъ же кабинетѣ, генераль-адъютанту своему (въ то время, помнится, въ случаѣ былъ Мамоновъ), рассказывая происшествіе *avec le chef de cuisine de Monseigneur de Vergenne*, смѣялась отъ всей души.

LIV.—LV.—LVI.—LVII.

Въ 1796 году я своими глазами читалъ приказъ с.-петерб. оберъ-полиц. Рылева слѣдующаго содержанія:

— „Объявить всѣмъ хозяевамъ домовъ съ подпискою, чтобы они заблаговременно, и именно за три дня, извѣщали полицію, у кого въ домѣ имѣеть быть пожаръ“.

Вамъ угодно слушать было рассказъ мой, вы благосклонно обѣщали быть снисходительными ко всѣмъ недостаткамъ повѣсти. Я рассказываю о томъ, что видѣлъ своими глазами, о чемъ узналъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей и о видѣнномъ, и о слышанномъ; припоминая, разсуждалъ по прошествіи 30 лѣтъ, ибо въ это время только понемногу подъ черепомъ моимъ начало водворяться разсужденіе. Чистосердечно признаюсь вамъ, что я, крутясь въ вихрѣ событій обще съ прочими, не имѣлъ времени ни думать, ни разсуждать, или я былъ очень глупъ. Умственная способность во мнѣ медленно и съ затруднительностью развертывалась, подобно тонкой воцинкѣ, съ трудомъ отстающей въ свертки, когда его раскатываютъ. Я чувствую, что я еще глупъ, и довольно глупъ, однако-же, скажу безъ гордости и самолюбія, чувствую, и чувствую то въ полной мѣрѣ, что я нынѣ гораздо менѣе глупъ, нежели какъ былъ 30 лѣтъ тому назадъ.

LVIII.

Я имѣлъ случай, будучи инспекторскимъ адъютантомъ фельд-маршала графа Салтыкова, главнокомандовавшего въ Москвѣ, читать переписку мартинистовъ, взятую у нихъ во время, бывшего главнокомандующаго въ Москвѣ, князя Александра Александровича Прозоровскаго. Читалъ не одинъ разъ, съ большимъ вниманіемъ, и ничего не нашелъ въ перепискѣ мартинистовъ, чтобы клонилось, располагало умы, вело въ предпріятію переворота, низверженію самодержавія! Сколько я могъ уразумѣть, читая писанія членовъ сего общества, мнѣ показалось, что они были всѣ мечтатели, сьумасброды, или умные изъ нихъ кружили головы глупымъ ¹⁾.

Въ числѣ членовъ мартинистскаго общества было очень много дураковъ, много бездѣльниковъ, небольшой кругъ чисто честныхъ, добросовѣстныхъ людей. Первые и послѣдніе, т. е. дураки и добросовѣстные, вѣрили, отъ всей души и всего помышленія, нантіямъ, вдохновеніямъ, видѣніямъ, гласамъ и золотой бабѣ. Вторые или средніе между ними, т. е. бездѣльники, смѣялись внутренно легковѣрности одураченныхъ ими и извлекали собственные выгоды. Впрочемъ, заключеніе мое, можетъ быть, ошибочно; можетъ быть я не понималъ того, что читалъ, но скажу, что видѣлъ много добраго и полезнаго, обществомъ мартинистовъ сдѣланнаго.

Мартинисты устроили большую и хорошо всѣми потребностями снабженную аптеку, которая отпускала бѣднымъ людямъ всѣ, по предписаніямъ врачей, лекарства безденежно.

¹⁾ Значительная часть этой переписки въ 1874 году поступила въ собраніе бумагъ ред. „Русской Старины“. Нѣкоторые изъ секретно вскрытыхъ и перлюстрированныхъ для Екатерины II писемъ мартинистовъ были напечатаны въ нашемъ журналѣ, см. изд. 1874 г., томъ IX стр. 57—72, 258—276, 465—472: „Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II, 1790—1795 гг.“.

Ред.

Многія полезныя книги для нравственнаго образованія попеченіемъ мартинистовъ переложены на русскій языкъ и на иждивеніе ихъ напечатаны.

Мартинисты раздавали многимъ пенсіи, пропитывали бѣдныя семейства, помогали ремесленникамъ.

Неужели это можно назвать преступленіемъ, замысломъ о произведеніи переворота въ правленіи? Если есть въ этомъ преступленіе, то каждый грошъ, поданный протянувшему руку, можно также почесть преступленіемъ. Согласенъ въ томъ, что правительство признало за благо разрушить общество мартинистовъ, что въ уничтоженіи общества заключалась государственная польза. Хорошо, да на что же было разрушать всѣ полезныя заведенія мартинистовъ и брать капиталы и имущество ихъ?

Масонскія ложи и общество мартинистовъ существовали долгое время въ Россіи, пользовались совершенною свободою и покровительствомъ правительства. Масоны въ ложи, мартинисты въ бесѣды собирались не тайкомъ, всѣмъ были извѣстны дни собраній ихъ и никто имъ не препятствовалъ; почему же вдругъ тѣ и другіе впали въ подозрѣніе у правительства и навлекли себѣ гоненіе?

LIX.

Директоръ Россійской академіи наукъ, Катерина Романовна Дашкова, — баба гордая, честолюбивая, искательница славы, исполненная завистию, передавшаяся на сторону Екаторины въ заговорѣ 1762 г. единственно по зависти сестрѣ своей, Елизаветѣ Воронцовой, на которой Петръ хотѣлъ жениться, — получила отъ императрицы Екаторины II препорученіе напечатать поскорѣе поднесенную Ея Величеству книгу бывшимъ придворнымъ актеромъ, а потомъ Правительствующаго Сената оберъ-секретаремъ Михайломъ Петровичемъ Чулковымъ, подъ названіемъ „Географическій словарь государства Россійскаго о внутренней торговлѣ“.

Дашкова долго убѣждала Чулкова уступить ей составленный

имъ словарь, въ намѣреніи поднести его отъ имени своего государынѣ, на что Чулковъ не согласился.

Прошло три года отъ числа, въ которое Екатерина II Дашковой повелѣла книгу посворѣй напечатать, но трехъ листовъ не было еще отпечатано.

Чулковъ, видѣвъ недоброжелательство себѣ Дашковой, потерялъ терпѣніе и надежду видѣть когда-либо книгу свою напечатанною; взялъ на два мѣсяца отъ сената отпускъ, пріѣхалъ въ Москву, предложилъ Николаю Ивановичу Новикову отпечатать книгу его, и чрезъ шесть недѣль, возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ счастье поднести ея величеству нѣсколько экземпляровъ словаря.

Государыня милостивѣйше изволила принять поднесеніе, пожаловала Чулкову, въ знакъ высочайшаго къ нему благоволенія, золотую съ брилліантами и наполненную червонцами табакерку, изволила сказать ему:

— Спасибо, Чулковъ, мы посмѣемся надъ директоромъ академіи.

Приказала камердинеру пригласить тотъ день вн. Дашкову въ обѣду.

Передъ обѣдомъ, когда подавали государынѣ маленькую рюмку венгерскаго вина и кусокъ чернаго ржанаго хлѣба, императрица, обратясь къ княгинѣ Дашковой, изволила спросить ее:

— А ргорос, директоръ академіи, скоро-ли будетъ отпечатанъ словарь Чулкова?

— Надѣюсь, ваше величество, мѣсяцевъ черезъ шесть имѣть счастье представить вашему величеству.

— Захаръ (камердинеръ), сказала государыня, подай изъ кабинета книги, что на столѣ у меня лежатъ.

Камердинеръ принесть книги; государыня, взявши 1-й томъ, подала его Дашковой, сказала:

— Дарю васъ, Катерина Романовна; Новиковъ исправилъ насъ, въ шесть недѣль то напечаталъ, о чемъ мы три года хлопочемъ.

Дашкова посоловѣла въ лицѣ.

Государыня, замѣтивъ смущеніе ея, сказала:

— Княгиня, сердиться не за что, мы должны быть благодарны Новикову.

Вотъ истинная причина возникшаго гоненія на мартинистовъ.

Княгиня Е. Р. Дашкова передала вѣсть кн. Прозоровскому о желаніи своемъ отмстить Новикову за дерзость; просила князя употребить на то содѣйствіе его: по званію и должности Прозоровскаго, онъ могъ много сдѣлать непріятнаго Новикову. Между тѣмъ княгиня Дашкова и Прозоровскій ломали себѣ голову, придумывая обвиненіе Новикову.

При дворѣ пало подозрѣніе на кондитера француза, что онъ былъ подкупленъ революціонною партіею въ Парижѣ отравить ядомъ императрицу.

Дашкова воспользовалась случаемъ и наговорила подозрѣніе въ соучастіи сего злодѣянія на мартинистовъ.

LX.

Шипковскій былъ посланъ въ Москву.

Новиковъ взятъ въ тайную канцелярію, гдѣ Степанъ Ивановичъ и Черединъ общими силами истязали и мучили несчастнаго страдальца, чловѣка благонамѣреннѣйшаго и добрѣйшаго. До восшествія императора Павла на тронъ, Николай Ивановичъ Новиковъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ суздальскомъ монастырѣ; освобожденъ императоромъ Павломъ (изъ Шлиссельбургской крѣпости?) и возвратился въ Москву изнуреннымъ въ здравіи и силахъ.

Кн. Прозоровскому (сирѣчь) — слово „сирѣчь“ Прозоровскій повторялъ за каждымъ словомъ и потому получилъ прозваніе „сирѣчь“,—было поручено разобрать книги отпечатанныя и заготовленные манускрипты въ печатанію въ типографіи Новикова. Князь Александръ Александровичъ избралъ къ разбору и рассмотрѣнію книгъ и манускриптовъ князя Семена Ивановича Жевахова, родомъ грузина, служившаго тогда въ полицейскихъ

московскихъ эскадронахъ подполковникомъ и начальникомъ гусаръ. Князь Семень Жеваховъ рубить умѣлъ, а читать худо! Грузинъ придумалъ кратчайшую цензуру: пригналъ подводы, навьючилъ печатное и письменное на воза, вывезъ на Воробьевы горы и все тамъ сжегъ! На другой день, когда Жеваховъ явился къ Прозоровскому съ рапортомъ, князь спросилъ Жевахова:

— А, сирѣчь, князь Семень, началъ-ли ты разбирать Новиковскую чертовщину?

Жеваховъ говорилъ малороссійскимъ нарѣчьемъ, отвѣчалъ Прозоровскому:

— Да кому же, ваше сіятельство, я кожу вси кончивъ.

— Какъ, сирѣчь, кончилъ?

— Да наваливъ вси на возы, свизъ на Воробьевы горы, да и сжигъ.

Прозоровскій захохоталъ и сказалъ Жевахову:

— Сирѣчь, туда и дорога! Спасибо, сирѣчь, князь Семень, что догадался, сирѣчь, я и забылъ тебѣ приказать сжечь чертовщину.

Каковъ его сіятельство! И донинѣ (1827—1834 гг.) еще видимъ много подобныхъ Прозоровскому!

Въ царствованіе императора Александра Павловича было ввѣрено, во время войны съ турками, Прозоровскому начальство надъ 200 тысячною армією. Князь походилъ тогда болѣе на движущуюся мумію, нежели на человѣка; за нимъ ходили 4 няньки, каждую ночь пеленали его какъ дитя; поутру растирали щетками и отпавляли мадерой. Такимъ образомъ приведенный въ чувство съелъ-воевода одѣвался въ корсетъ, державшій тѣло его прямо, и въ продолженіи дня главнокомандующій таскался на ногахъ и даже ѣздилъ верхомъ на лошади.

Безакъ, правитель его канцеляріи, Кованько, начальникъ госпиталей, игрокъ, поставщикъ Шостакъ дѣлали что хотѣли, грабили болѣе, нежели разбойники въ лѣсу. Болѣе ста тысячъ солдатъ уморили нарочито для того, что гробъ въ подрядѣ стоилъ 25 рублей серебромъ. Сколько же придетъ денегъ за 100 ты-

сячь гробовъ? А всѣ 100 тысячъ умершихъ солдатъ въ госпиталѣ погребены въ одномъ гробѣ, то есть одинъ гробъ образцовый былъ въ госпиталѣ.

Всѣ злоупотребленія въ арміи Прозоровскаго были извѣстны, но князя Прозоровскаго отозвать отъ арміи не рѣшались, совѣстясь огорчить генерала, столь долгое время служившаго, и по уваженію того, что супруга князя, княгиня Анна Михайловна, имѣла значительныя связи.

А. М. Тургеневъ.

(1827—1834 г.).

Одна изъ шутокъ Оболевскаго.

И куда не взглянешь,
Все любовь могла!
Мужа мамзель... шь
Въ яму посадила ¹⁾.

Плачется та дама,
Молится о мужѣ:
Будь ему та яма ¹⁾
Глубже, хуже, туже!...

Сообщ. 3***.

¹⁾ Яма—московская долговая тюрьма.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ ПАВЛА АРСЕНЬЕВИЧА ПУТЯТИНА.

I.

Уважаемый редакторъ «Русской Старины» выразилъ желаніе, чтобы я описалъ основныя побужденія, заставившія меня заняться русской палеонтологіей, тѣ выводы опыта, до которыхъ пришлось достигнуть въ предѣлахъ этой науки, а кстати подѣлился бы съ читателями его журнала нѣкоторыми эпизодами изъ своихъ воспоминаній.

Думаю, что всѣ тѣ, которые соблаговолятъ прочесть эти воспоминанія, сознаютъ всю трудность выполняемой мною задачи. Во-первыхъ, какъ читатель узнаетъ изъ послѣдующаго: мои занятія были практическія на почвѣ, и только главнымъ образомъ состояли изъ описанія находокъ и слоевъ земли, изъ которыхъ они выкапывались, и, наконецъ, пріурочиванія найденнаго къ современнымъ теоріямъ. Во-вторыхъ, когда встрѣчались новыя условія, требующія во многомъ существенныхъ дополненій и уясненій, то ихъ приходилось провѣрять практическимъ путемъ. Въ-третьихъ, сознавая, что на изслѣдованіе вліяетъ та среда, въ которой они совершаются, мнѣ приходится упомянуть о воздѣйствіи всѣхъ тѣхъ лицъ, которые прямо или косвенно къ нимъ соприкасались. Черезъ подобныя новыя условія еще тяжелѣе дѣлается возможность справиться съ основной темой, тѣмъ болѣе, что литературныя приемы много разнятся отъ простаго изложенія результатовъ находокъ, и для меня составляютъ порядочную трудность.

Единственная та мысль, что мои занятія кореннымъ образомъ

созидались на національныхъ основаніяхъ и ихъ еще немного произведено въ предѣлахъ первобытной жизни на русской землѣ, да еще то, что мои воспоминанія, можетъ быть, дадутъ понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ у насъ въ настоящее время разрабатывается палеонтологія — заставили меня взяться за перо.

Умственная жизнь моя распредѣлялась, какъ и у большинства, сообразно дѣленію человѣческаго развитія.

Въ періодъ отрочества (phase affective) я шелъ какъ-бы ошупью, безъ системы, безъ извѣстныхъ направленій въ наукѣ. Вообще же всегда существовало влеченіе къ изученію древностей—къ археологіи.

Прежде подъ словомъ археологіи подразумѣвалось нѣчто въ родѣ собранія различныхъ старинныхъ предметовъ, и археологовъ смѣшивали съ простыми антикваріями, а музеи съ лавочками *bric-a-brac*. Какія, какія знанія не входили въ раіонъ археологіи! Древняя исторія съ изученіемъ классической древности, нумизматика, палеографія, изученіе древней живописи и скульптуры, палеонтологія, древняя географія и проч., и проч.

Каждый образованный русскій, занимаясь этой наукой въ предѣлахъ своей страны, не могъ пренебрегать обще-европейскимъ прогрессивнымъ движеніемъ. На западѣ, какъ и у насъ, археологія имѣла измѣненія, ея разныя развѣтвленія получили особыя названія, такъ, на примѣръ, наука изученія первобытнаго быта народа получила названіе палеонтологіи; этой-то наукой я преимущественно и сталъ заниматься впоследствии.

Сколько помнится, первый толчекъ знанія произвелъ на меня кружокъ покойнаго дяди моего, князя Дмитрія Алексѣевича Эрнстова.

Покойный князь Эрнстовъ ¹⁾ занималъ видный постъ, былъ сенаторъ и членъ генераль-аудиторіата, затѣмъ, кромѣ того, литераторъ. Кружокъ его друзей состоялъ преимущественно изъ современныхъ Пушкину лицействъ, такъ какъ и онъ самъ воспитывался въ лицейѣ.

¹⁾ Сочиненія князя Эрнстова: статьи въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, „Книга о овятыхъ русской церкви“ и проч.

Товарищи князя у него часто собирались и во время вечеринокъ вспоминали о Пушкинѣ, баронѣ Дельвигѣ, Брюловѣ, Глинкѣ и проч.

Пріятель Глинки—Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ иногда садился за рояль, распѣвая Дельвиговскіе стихи: «Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ ивъ», или: «Гусаръ за чашей пуншевою», а также стихи Пушкина: «Буря мглою небо кроетъ, вихри свѣжные крутя», и тому подобныя. Къ его пѣнію присоединялся изрѣдка и князь и тогда у нихъ образовывался дуэтъ, оранжированный Глинкой: «Когда, душа, просилась ты погибнуть или любить».

Къ этому кружку принадлежали канцлеръ князь Горчаковъ, министръ юстиціи Д. Н. Замятинъ, сенаторъ Б. К. Данзасъ, Манзей, Абаза, сенаторъ Ф. Ф. Матюшкинъ, директоръ императ. публ. бібліотеки баронъ, впоследствии графъ, М. А. Корфъ, бывший секунданта Пушкіна—Данзасъ, художникъ Лангеръ, Рыкачевъ, братъ Пушкина и многіе другіе. Князь Эрнстовъ обладалъ живымъ и веселымъ характеромъ и его подвижность въ холостой періодъ его жизни даже послужила Пушкину темой для написанія акростиха «Дмитрій», который хранится у меня въ числѣ другихъ автографовъ знаменитыхъ лицъ.

Вотъ онъ:

Даръ пріятный всѣхъ смѣшить
И любезность съ остротой,
Мило всѣхъ передразнить
Истинно талантъ есть твой.
Ты танцуешь какъ эфиръ;
Рисковать къ милымъ вотъ твой праздникъ.
Юсифъ святъ по твой кумиръ,
Имятый нашъ проказникъ ¹⁾.

Какъ я упоминалъ, кружокъ Пушкина повліялъ на меня тѣмъ, что возбудилъ охоту къ занятію, и когда я поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардію Финляндскій полкъ, то подъ впечатлѣніемъ

¹⁾ У меня еще сохранилась записка Пушкина къ М. Л. Яковлеву изъ его лицейскаго періода; въ этой запискѣ упоминается и о дядѣ. Вотъ текстъ: „Милый Михаилъ Лукьяновичъ! Я надѣялся съ тобой обѣдать и кутнуть — невозможно. Какъ-бы о томъ дать знать Эрнстову? Извини меня великолдушно. № 14-й“.

этого кружка избралъ себѣ отрасль, подходящую къ поэзіи — живопись.

Во время лѣтнихъ каникулъ нѣсколько уроковъ красками отъ художника Ѳ. И. Братскаго ознакомили меня съ технической стороной живописи. Съ этими-то, относительно небольшими, знаніями я рѣшился попытаться копировать древнихъ мастеровъ въ Эрмитажѣ.

Занятія въ Эрмитажѣ, по билету ректора академіи Бруни, привели къ тому, что отъ копирования картинъ произошелъ переходъ къ изученію техники и живописи древнихъ школъ, т. е. къ исторической части теоріи живописи. Пособіемъ къ изученію Эрмитажа съ этой точки зрѣнія служила книга г. Андреева: «Живопись и живописцы». Хотя она многого и не объясняла, но мнѣнія Бруни, Корицкаго и другихъ художниковъ уясняли мнѣ многое. Даже одно время я началъ составлять каталогъ Эрмитажа, но тутъ подоспѣлъ каталогъ г. Андреева и мои труды замерли въ зачаткѣ.

Однажды занятія въ Эрмитажѣ чуть совсѣмъ не прекратились. Копируя въ маленькой итальянской залѣ миниатюрную мадонну Карла Марата, я былъ часто отвлекаемъ отъ работы разными посѣтителями и посѣтельницами Эрмитажа. Когда подходила какая нибудь дама, то чувство вѣжливости заставляло меня всегда приподниматься со стула. Другіе художники надѣ этимъ смѣялись, уговаривая не вставать, утверждая, что въ противномъ случаѣ никогда картина не окончится. Наконецъ, однажды, я и принялъ твердое намѣреніе такъ поступать. Вдругъ въ другой смежной комнатѣ съ той, въ которой я копировалъ, послышались громкіе разговоры и въ нее вошла одна высокая дама въ сопровожденіи двухъ статскихъ. Вотъ они оттуда перешли въ ту, въ которой я занимался, и направились къ моему мольберту. Помня свою рѣшимость, я не всталъ со стула, только кисть немного отодвинулась неволью отъ полотна. Лицо этой дамы напоминало какъ будто что-то знакомое въ движеніяхъ, увѣренность и величавость.

— «Что вы это пишете?»

Вопросъ смутилъ меня, я думалъ, чтѣ за дѣло дамѣ до моей работы.

— «Копирую картину Карла Марата».

Опять вопросъ: «Отчего вы избрали этотъ сюжетъ?»

— «Мнѣ очень понравился колоритъ картины и изображеніе младенца».

— «Кто съ вами занимался живописью?»

— «Художникъ Братскій».

— «А, знаю!»

Это знаю было сказано отъ того, что Братскій былъ ея пансіонеръ.

Дама затѣмъ отошла къ другимъ картинамъ зала, но иногда оборачивалась въ мою сторону и улыбалась, глядя на меня, вѣроятно замѣчая, что я сидѣлъ, вслѣдствіе разговора, самъ не свой, и что же оказалось! Это была президентъ академіи художествъ—великая княгиня Марія Николаевна.

Эрмитажная встрѣча такъ меня озадачила, что я чуть было совсѣмъ не бросилъ занятія въ Эрмитажѣ.

Одновременно съ изученіемъ живописи у меня развивалась страсть къ собиранію гравюръ, эскизовъ и древнихъ картинъ. Занятія прервались поѣздкой, уже офицеромъ, въ деревню отца моего, Бологое, на должность кандидата въ мировые посредники.

Всю собранную коллекцію я взялъ съ собой, размѣстивъ картины по комнатамъ. Спустя нѣсколько времени изъ кандидатовъ меня перечислили въ посредники и мнѣ пришлось совершать грамоты у извѣстнаго славянофила и замѣчательнаго ученаго—Александра Федоровича Гильфердинга. Гильфердингъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ ревностныхъ славянофиловъ. Его Путешествіе въ Турцію, напечатанное императорскимъ географическимъ обществомъ, и Исторія балтійскихъ славянъ всѣмъ извѣстны. Его обширныя знанія въ области славянства и рвеніе къ славянскимъ дѣламъ послужили къ тому, что онъ былъ выбранъ первымъ, по времени, предсѣдателемъ с.-петербургскаго отдѣла славянскаго общества, основаніе каковаго отдѣла принадлежитъ Гильфердингу.

Это былъ человѣкъ въ высокой степени замѣчательный: питомецъ московскаго университета, изъ котораго онъ вышелъ первымъ по выпуску кандидатомъ и гдѣ получилъ затѣмъ степень магистра,—Гильфердингъ довершилъ свое образованіе многолѣтнимъ и неустаннымъ изученіемъ наукъ. Его историческія и филологическія знанія были громадны. Прекрасное обладаніе

древними и новыми языками давало ему ключъ къ расширенію сферы своихъ познаній. Ученый, сдѣлавшій бы честь любой европейской академіи, — Гильфердингъ отличался необыкновеннымъ добродушіемъ и мягкостью въ обращеніи; бесѣда его была въ высшей степени пріятна и интересна. Особенность его прекраснаго характера была та, что онъ ни о комъ никогда не говорилъ дурно и вообще терпѣть не могъ вдаваться въ мелочи. Пламенный патріотъ, славянинъ до мозга костей, — онъ не былъ, однако, исключителемъ въ своемъ увлеченіи: все прекрасное въ цивилизаціи Европы — находило въ немъ полное сочувствіе и желаніе видѣть все это доброе на родной ему почвѣ дорогогаго отечества. Извѣстно, что Гильфердингъ палъ жертвою своего стремленія — продолжать изученіе памятниковъ народнаго эпоса: лѣтомъ 1872 г., на пути въ глубь Олонецкой губерніи, для собранія народныхъ былинъ, — обширный сборникъ которыхъ былъ уже имъ собранъ въ 1871 году, — Гильфердингъ заразился тифомъ и умеръ на 41-мъ году, къ великому горю русской науки и всего славянства.

Гильфердингу я былъ обязанъ тѣмъ, что въ деревнѣ у него познакомился съ нѣсколькими писателями того время.

Нашъ знаменитый, нынѣ также уже покойный, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ часто пріѣзжалъ къ Гильфердингу; кромѣ того, я познакомился у него съ Николаемъ Васильевичемъ Калачевымъ, директоромъ археологическаго института, Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ, К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, И. С. Тургеневымъ и друг. Михаилъ Ивановичъ устраивалъ въ то время свою обширную бібліотеку и собиралъ книги и рукописи. Это навело меня на мысль пополнить и мою небольшую бібліотеку и я сталъ пріобрѣтать старинныя и рѣдкія изданія, а главное — занялся собираніемъ рукописей и автографовъ замѣчательныхъ лицъ.

II.

Какъ извѣстно, предметы древности сходятся на нѣтъ съ не вполне выясненными еще условіями первобытной народной жизни.

Эти корни въ первичномъ, можно сказать, видѣ стали соприкасаться съ моими занятіями. Въ нашей мѣстности—изобиліе остатковъ до-исторической жизни, изъ которыхъ многіе совершенно не изслѣдованы, какъ и вообще большинство нашихъ національныхъ первобытныхъ памятниковъ. Недалеко отъ моего бологовскаго имѣнія находится, напримѣръ, нѣсколько интересныхъ городковъ и длинный прямолинейный валъ безъ присутствія флаговыхъ оборонъ. Самый бѣльшій городокъ называется «Райгородокъ», отстоитъ онъ отъ насъ верстъ на восемь. Рисунокъ его, составленный Туганъ-Мирза-Барановскимъ, приложенъ къ замѣткѣ о городкахъ Райкѣ и проч. Александра Ивановича Савельева, въ III книгѣ Сборника археологическаго института изд. 1880 г. Въ этой же книгѣ помѣщена статья Ник. В. Калачева «О работахъ слушателей института въ архивахъ и осмотрѣ памятниковъ древности въ 1879 году». Въ концѣ статьи помѣщены размѣры этого городка и упоминается о другомъ городкѣ, въ саду бывшаго помѣщика Смѣровскаго, Красотка, расположенномъ близъ пролива бологовскаго озера, называемаго простонародіемъ «Ворота на узахъ» ¹⁾. На другой сторонѣ этого пролива существуетъ на моей землѣ мысъ. На этомъ мысѣ

¹⁾ Въ 6-й книгѣ Записокъ западнаго Сибирскаго отдѣла импер. географ. общества, въ статьѣ И. Я. Словцова: „О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ Тюмени въ 1863 году“, мы читаемъ слѣдующія строки: „задавъ мыслію, что если первобытный человѣкъ пользовался услугами двухъ рыболовныхъ озеръ, то самымъ наилучшимъ образомъ онъ могъ достигать своихъ цѣлей, вылавливая рыбу въ узкомъ мѣстѣ пролива,—мы, говоритъ авторъ, заложили пробныя траншеи по всему берегу до входа въ Батурлинское озеро и получили весьма основательныя доказательства пребыванія здѣсь человѣка глубокой древности“.

Кн. II. II.

впослѣдствіи и открылись древнѣйшіе остатки поселеній челоуѣка каменнаго періода. Изслѣдованія этихъ поселеній до сихъ поръ производятся мпой систематично. Эти изслѣдованія подтвердили мысль покойнаго Малахова, что жители мысовъ были древнѣе жителей городковъ. Интересно то, что слово Рай-городокъ встрѣчается и въ Черниговской губерніи ¹⁾.

Кромѣ городковъ, въ нашей мѣстности имѣются еще жальники съ дольменообразными могилами и курганами. Многіе изъ жальниковъ со смѣшаннымъ разнообразнымъ погребальнымъ ритуаломъ; на примѣръ, встрѣчаются такіе, въ которыхъ существовали пять родовъ погребеній: три дольменообразныхъ и два курганныхъ. Дольменообразныя могилы обыкновенно раздѣляются на могилы съ паралелограмной обложкой камнями; у нихъ въ головахъ и ногахъ положено по большому камню. Этотъ типъ въ единичныхъ проявленіяхъ великолѣпно сохранился близъ деревни Подлипыя. Гораздо древнѣе его—могилы съ круглымъ обложениемъ камнями, нѣчто въ родѣ кромлеховъ. Въ нихъ обыкновенно костяки похоронены въ разбросанномъ видѣ, и, наконецъ, третій типъ—почти четырехугольный, обложенный камнями, такъ называемый «кѣтками», изъ древнежелезнаго періода; въ немъ скелеты похоронены бокомъ. Погребеніе въ кѣткахъ новѣе погребенія въ кромлехахъ. Курганы тоже отъ болѣе древнихъ формъ переходятъ къ болѣе новымъ. Нѣкоторые изъ нихъ по основанію обложены камнями, иные съ кальцинированными остатками, другіе съ простыми погребеніями. Не распространяясь о ихъ формахъ и дѣленіяхъ, продолжаю свой рассказъ.

Въ нашу мѣстность, въ періодъ моего посредничества, къ А. О. Гильфердингу пріѣзжалъ англійскій епископъ Лонгсъ. Правительство Великобританіи откомандировало его для изученія эмансипаціи въ виду освобожденія рабовъ Индіи.

Другъ нынѣшняго премьера Гладстона, чрезвычайно образованный и знающій, Лонгсъ заинтересовался древними памятниками нашей старины: глубочихилскими курганами, дольменообразными могилами, городками и проч., и не смотря на

¹⁾ См. книгу профессора А. Я. Самоквасова: „Древніе города Россіи“.

утлую рыбацью душегубку, доѣхалъ онъ по Глубочиинскому озеру до Рай-городка, сидя совершенно невозмутимо на очень неловкомъ проволочномъ переплетѣ носа лодки. Онъ восхитился ландшафтомъ Рай-городка, съ котораго видно Бологое, и былъ чрезвычайно доволенъ, что проѣхалъ по озеру, по которому до него не плавалъ ни одинъ изъ путешественниковъ. Сколько я знаю, потомъ господинъ Лонгъ ѣздилъ въ Москву, бесѣдовалъ тамъ съ нашимъ митрополитомъ Филаретомъ и затѣмъ ѣздилъ въ мировой участокъ князя В. А. Черкаскаго (въ Тульской губ.), откуда поѣхалъ въ Англiю, гдѣ и напечаталъ о своемъ путешествiи въ Россiю.

III.

Самыя прiятныя воспоминанiемъ изъ времени моего мирового посредничества нужно считать годы, въ которые я имѣлъ счастье встрѣчаться съ покойнымъ государемъ Александромъ II Освободителемъ.

Какъ извѣстно, императоръ любилъ звѣриныя охоты. Въ бологовской же мѣстности, зимою, въ нашихъ и сосѣднихъ лѣсахъ бывало много дикихъ животныхъ и на нихъ ежегодно производились облавы. Въ настоящее время крупныхъ звѣрей стало менѣе, но лѣтъ 15 тому назадъ, когда вблизи существовали обширные лѣса, охоты устраивались великолѣпныя. Большую часть лѣсовъ уничтожила желѣзная дорога и теперь нѣтъ и помину о тѣхъ условiяхъ, при которыхъ прежде осуществлялись близъ Бологое императорскiя охоты. Звѣрей для зимнихъ охотъ имѣлось много различныхъ породъ: медвѣди, лоси, дикiя козы, зайцы и даже знаменитые сѣверные олени (*ceruus tarandus*). Объ оленяхъ между охотниками происходили споры, многiе утверждали, что не другая-ли это какая порода! Но одна очень удачная охота императора, на которой ихъ застрѣлили нѣсколько штукъ — положительно доказала, что это были дѣйствительно

сѣверные олени ¹⁾, ихъ даже стрѣляли въ Тверской губерніи, хотя и рѣдко. Къ намъ же они заходили довольно часто, но теперь уже лѣтъ 15 о нихъ не слышно. *Cervus tarandus* знаменитъ тѣмъ, что одинъ изъ самыхъ цивилизованныхъ періодовъ каменнаго вѣка, періодъ магдалець во Франціи, приурочивался къ тому времени, когда *cervus tarandus* жилъ во Франціи вмѣстѣ съ мамонтомъ (*Elephans primigenius*), бобримъ (*Castor fiber*) и другими, тамъ нынѣ не существующими, породами звѣрей.

Охоты на лосей, оленей и дикихъ козъ совершались облавами; что же касается до медвѣдей, то кромѣ облавъ ихъ стрѣляли въ берлогахъ. Когда отецъ убѣждался, что существуютъ около насъ стада лосей, дикихъ козъ, оленей и медвѣдь или медвѣди, то извѣщалъ о томъ графа Ферзена, который высылалъ затѣмъ двухъ придворныхъ егерей для провѣрки окладовъ. Егеря на лыжахъ каждый день до охоты обходили кругомъ тѣ мѣста, на которыхъ стояли звѣри, и удостовѣрялись, не тронулись-ли они и не вышли-ли за обходимый ими кругъ (окладъ). Затѣмъ, если элементовъ для охоты было достаточно и имѣлся въ запасѣ медвѣдь, то приѣзжали унтеръ-егермейстеръ и управляющій царскими охотами.

Нужно сказать, что охоты на оленей, лосей и дикихъ козъ считались лучше медвѣжьихъ, и такъ какъ онѣ болѣе послѣднихъ подвергались случайностямъ, то какъ вѣрный исходъ всегда былъ необходимъ медвѣдь, на котораго охоты рѣдко не удаются. Затѣмъ приѣзжалъ оберъ-егермейстеръ съ егерями и, наконецъ, государь императоръ со свитой. Одинъ изъ эпизодовъ этихъ охотъ, болѣе рельефный, котораго отчасти я былъ свидѣтелемъ, постараюсь разсказать, какъ помню.

Въ 1862 или 1863 году въ Бологое приготовлялась хорошая

¹⁾ Доказательствомъ, что олени охоты совершались у насъ въ недавнее время, служить письмо бывшаго оберъ-егермейстера графа Ферзена къ моему отцу, вотъ оно: „Ваше сіятельство! Извините, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ по сіе время былъ въ разъѣздахъ. Его величество, которому я доложилъ и разсказалъ всѣ подробности, приказалъ мнѣ еще разъ васъ благодарить и надѣется, что въ другой разъ удастся ему стрѣлять оленей у васъ. Я надѣюсь еще вамъ буду писать подробно. Отъ души преданный Г. П. Ферзень. 2 февраля 1862 года.“

охота. Присланные изъ Гатчины егеря провѣрили лосинныя и медвѣжіе оклады и сообщили объ ихъ исправности въ С.-Петербургъ. Въ ту же ночь, когда уже все было готово къ охотѣ и государь выѣхалъ къ намъ, одинъ изъ крестьянъ, думая въ слѣдствіе интриги, входилъ въ оклады и спугнулъ лосей. На снѣгѣ ясно видѣлись слѣды лаптей. Эти слѣды положительно доказывали, что дѣло было не совсѣмъ чисто. Одинъ изъ егерей, сынъ доѣзжачаго императорскихъ охотъ, Борисовъ, такъ былъ разстроенъ неудачей своихъ провѣрокъ, что за нимъ наблюдали, боясь, чтобы онъ не захворалъ, такъ какъ онъ считалъ, что этотъ промахъ его компрометируетъ. Оставался одинъ медвѣдь, приготовленный какъ ресурсъ на случай неудачи съ лосями.

Пріѣздъ государя совершался всегда вечеромъ; его сопровождали иногда великіе князья, приглашенныя почетныя лица, свитскіе генералы и проч. лица.

Походныя кровати государя императора и великихъ князей и разныя принадлежности для стола и припасовъ привозились заранѣе. Весь домъ передавался для императора и великихъ князей, а также кухня, такъ какъ ужины, завтраки и обѣды приготовлялись придворными поварами. Сани для охотъ привозились изъ С.-Петербурга, только лошади для великихъ особъ были отъ насъ. Свита ѣздила на нанятыхъ лошадяхъ. Видъ пріѣзда со станціи вечеромъ въ домъ бывалъ чрезвычайно оригиналенъ и живописенъ. Отецъ доставалъ всегда отъ смоленниковъ нѣсколько кубическихъ сажень смолы и по обѣимъ сторонамъ дороги приказывалъ складывать костры. Только что царскій поѣздъ двигался со станціи, костры зажигались и царскія сани съ черными медвѣжьими полостями, съ государемъ и свитой, освѣщенные красноватымъ свѣтомъ, быстро скользили по снѣгу къ нашему дому; тамъ уже всегда стоялъ сервированный ужинъ, за который скоро всѣ садились и затѣмъ, за исключеніемъ государя и великихъ князей, всѣ приглашенные уѣзжали изъ нашего дома на станцію, гдѣ для ихъ ночлега въ большомъ пассажирскомъ залѣ раскидывались палатки съ кроватями и туалетными принадлежностями. Комнаты нашего дома распредѣлялись такъ: въ залѣ подавались чай, ужинъ и проч., гостинная служила для пріемовъ, комната за гостинной (угловая) назначалась

для опочивальни и кабинета. Въ этой комнатѣ помѣщались походная кровать, походный молитвенный столикъ съ образами и молитвенниками и письменный столъ, недалеко отъ каминъ.

Не смотря на то, что зачастую императоръ далеко за полночь разговаривалъ съ охотниками, онъ все-таки между тѣмъ зажимался дѣлами. Сидя у письменнаго стола, имъ слушались доклады секретаря и принимались депеши. Не вужныя письменныя бумаги дѣтали въ каминъ, который нарочно для этого затапливался. Доклады иногда продолжались до двухъ часовъ ночи. Носились слухи, что въ Бологое совершался обмѣнъ депешъ съ Наполеономъ III по поводу польскихъ дѣлъ.

Затѣмъ, сдавъ доклады, секретарь уходилъ и государь долго и горячо молился. Потомъ часа въ два или три онъ засыпалъ, покрывшись тоненькой военной шинелью. Этотъ сонъ продолжался не долго: часовъ въ 5 или 6 утра уже надо было отправляться на охоту. Велики были заботы и труды покойнаго государя, который даже и въ дни охотъ не оставлялъ ихъ. Какъ извѣстно, охоты считались докторами необходимыми для его здоровья. И все таки, не смотря на очевидную пользу мотіона на хорошемъ воздухѣ, одна изъ петербургскихъ партій возставала противъ охотъ; ея происки ясно выразились при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ въ Бологое небольшой медвѣдь прорвался сквозь кругъ; одинъ изъ крестьянъ хотѣлъ его остано-вить, но тотъ кинулся на него: разорвалъ тулупъ и не много оцарапавъ спину. Во время этой же охоты былъ сильный морозъ, вслѣдствіе чего нѣсколько крестьянъ познобили уши, но такъ легко, что простое треніе снѣгомъ и проч. тотчасъ все поправило.

Въ С.-Петербургѣ объ охотѣ стали говорить, и снѣжный комъ сплетень разросся въ лавину. Говорятъ, нѣкоторые изъ любопытныхъ рыскали по госпиталямъ С.-Петербурга, узнавая вѣтъ-ли гдѣ ищальченныихъ морозомъ изъ бологовской охоты. Слухи даже дошли до покойной императрицы, которая объ этомъ имѣла разговоръ съ императоромъ. Въ слѣдующую затѣмъ охоту въ Бологое государь вызвалъ моего отца въ пріемную комнату, и вотъ приблизительно ихъ разговоръ:

— «Скажи, князь, что сдѣлалось съ крестьяниномъ, на котораго кинулся медвѣдь?»

«Онъ совершенно здоровъ, ваше императорское величество. Тотчасъ послѣ охоты его освидѣтельствовалъ докторъ Торпогрицкій и нашелъ на немъ только пустыя царапины. Когда же черезъ графа Ферзена ему пришло вознагражденіе, то онъ отъ радости не звалъ какъ благодарить ту судьбу, которая, заставивъ его такъ легко отдѣлаться, вручила изрядныя деньги для его домашняго обихода».

— «Ну, а тѣ, которые поморозились?»

«Всѣ здоровы, ваше императорское величество; правда, нѣкоторые понятели уши, щеки или носа, но не болѣе того, какъ отмороживаютъ себѣ извошники въ Петербургѣ—и нѣтъ ни одного, который поплатился-бы чѣмъ нибудь серьезнымъ».

— «Правда ли, князь?»

«Честное слово русскаго дворянина, который никогда не позволитъ сказать лжи своему монарху».

Тутъ серьезный тонъ государя измѣнился какъ-бы въ тонъ упрека: «Ну вотъ, я такъ и думалъ,—радъ; зачѣмъ-же они такъ говорили!»

Дѣйствительно, не мало порицанія достойны тѣ люди, которые распускали неглѣпыя слухи и раздували ихъ намѣренно.

Продолжаю далѣе мой рассказъ.

Въ одномъ изъ флигелей около дома помѣщались графъ Ферзень и мой отецъ, въ другомъ, какъ я говорилъ, кухня. Тогда я еще не былъ представленъ государю императору и потому ночевать отправился въ домъ сосѣдняго помѣщика Василевскаго, который отъ насъ отстоялъ сажень на 100 за рѣчкой.

Утромъ чуть-свѣтъ меня разбудили, такъ какъ графъ Ферзень разрѣшилъ мнѣ стоять инкогнито возлѣ отца на его номерѣ. Обыкновенно при облавахъ раздаются №№ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ охотники становятся, не имѣя права передвигаться съ мѣста на мѣсто во время облавы. Много крестьянъ и крестьянокъ оцѣнили ту мѣстность, въ которой былъ прослѣженъ медвѣдь. Егеря, за исключеніемъ тѣхъ, которые были назначены присматривать за загонщиками, вошли въ кругъ. Нужно замѣтить, что въ число придворныхъ егерей выбирались всегда статные и ловкіе люди. Они вооружались охотничьими ножами и ремингтоновскими двухствольными ружьями, которыя для

облавы заряжались холостыми зарядами. У нѣкоторыхъ были рогатины. Привычка и смѣлость дѣйствовать дѣлали то, что егеря по снѣгу почти навѣрняка выставляли на № императора обложеннаго медвѣдя. Медвѣдь иногда шелъ какъ какое нибудь послушное домашнее животное, побуждаемый криками и движеніями егерей. Эта назойливость, однако, вызывала иногда опасности: такъ, съ однимъ изъ егерей охота чуть чуть не окончилась худо. Медвѣдь приперъ егеря къ дереву и уже собирался запустить лапу съ затылка, чтобы снять черепную чашку. Одно присутствіе духа только спасло его, онъ не потерялся и выпустилъ два холостые заряда медвѣдю въ морду, который, не ожидая этого угощенія, рывкнулъ и откинулся назадъ и, оставивъ своего преслѣдователя, побѣжалъ на охотниковъ. Другой разъ медвѣдь разулъ сапогъ егеря, захватившись за него, когда тотъ лѣзъ на дерево, и проч., и проч.

Но вотъ охота, на которой я присутствовалъ, началась: знакъ былъ подавъ, крики рабочихъ, выстрѣлы егерей смѣшались вмѣстѣ. Гулъ дѣлался все громче и громче по мѣрѣ того, какъ окладъ сѣуживался. Вотъ прошли и егеря, а медвѣдя нѣтъ какъ нѣтъ. Взорвали нѣсколько шлаковъ, пустили въ окладъ двухъ громадныхъ медіоландскихъ собакъ, даръ одного англійскаго лорда, и все-таки медвѣдь не поднялся. Охота оказалась не удачною, ее покончили; подали другой сигналъ и всѣ двинулись къ намъ обратно. Ружья и охотничьи принадлежности отправили прямо на вокзалъ. Я же опять вернулся въ домъ Василевскаго.

Около часа прошло времени, когда въ зало, въ которомъ я сидѣлъ, взошелъ мой покойный отецъ,—какъ теперь помню его блѣдное, взволнованное лицо. Оно нервно какъ-то подергивалось; видно, что отцу было тяжело и онъ какъ будто для того, чтобы успокоиться близъ роднаго человѣка, пришелъ ко мнѣ.

— «Что съ вами, батюшка?» спросилъ я.

— «Ахъ, Павелъ, ты не можешь понять, что я почувствовалъ во время завтрака. Почти всѣ придворныя свиты, которыя были такъ любезны по приѣздѣ, теперь какъ-бы наперерывъ старались высказывать свою холодность. Говорили даже, что будто я приглашалъ государя на пустую охоту. Графъ Ферзенъ раз-

строевъ, мелкіе уколы выводятъ его изъ себя и онъ обезкураженъ неудачей».

Во время нашего разговора входитъ лакей, докладывая, что спрашиваетъ отца какой-то крестьянинъ.

— «Что ему надо? Миѣ не до него, впрочемъ, позовите». Въ комнату вошелъ одинъ изъ охотниковъ деревни Подлипыя, помнится, Дмитрій, съ докладомъ, что медвѣдь найденъ.

— «Какъ найденъ?»

— «Да въ берлогѣ. Когда охота кончилась, я пошелъ по окладу. Вдругъ слышу хряснетъ хворосте, я ближе, вижу яма подъ сучьями, а въ ней уши торчатъ, медвѣдица то ими поводитъ, должно быть вслушивается, я потихоньку назадъ, да и къ вамъ, ваше сіятельство».

— «Да такъ-ли?»

— «Какъ же не такъ, когда видѣлъ своими глазами».

Отецъ стоялъ и не зналъ чтѣ дѣлать; наконецъ, рѣшился идти сообщить объ этомъ. Нѣсколько времени спустя, я уже видѣлъ, какъ сани одни за другими промчались мимо Василевскаго дома. Что-же въ это время происходило—передаю со словъ отца.

— «Когда я пошелъ сообщить о медвѣдѣ, то узналъ, что императоръ игралъ въ карты; меня подвели къ нему и я доложилъ, что медвѣдь найденъ. При этомъ случаѣ рельефно проявилась присущая государю черта его высокой доброты. «Бдемъ, сказалъ онъ», и все вокругъ засуетилось. За ружьями послали обратно, ихъ тотчасъ доставили и все двинулось въ путь. Отецъ и графъ Ферзенъ опасались за охоту, такъ какъ охота въ берлогѣ очень опасна и иногда худо кончается. Графъ Ферзенъ, у котораго былъ горячій характеръ, дорогой все разспрашивалъ охотника, сомнѣваясь въ его словахъ. Но вотъ подѣхали къ бывшему окладу, егеря быстро протоптали по снѣгу дорогу къ берлогѣ, отрядивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ рогатинами для того, чтобы вызвать изъ нея медвѣдя. Протоптанная тропа была очень узка, на ней могли помѣститься только трое рядомъ. Эти трое были: государь императоръ, графъ Ферзенъ и отецъ. Ни отецъ, ни графъ Ферзенъ не могли имѣть ружей по случаю близкаго разстоянія другъ отъ друга. У нихъ только и были кинжалы, которые они вынули изъ ноженъ. У графа Ферзена кинжалъ

нервно дрожалъ въ рукѣ. Все стихло. Егеря стали шевелить въ берлогѣ рогатинами. Показалась черная масса.

— «Ваше величество, медвѣдь».

— «Гдѣ?»

— «Вотъ тамъ»

— «А, вижу».

Затѣмъ раздался выстрѣлъ и дымомъ застлало лѣсную чашу. Ни рева, ни стона. Въ это время отецъ кинулся впередъ.

— «Князь, что ты дѣлаешь?»

Отецъ не могъ отвѣчать. Слѣгъ поскользнулъ подъ его ногами и онъ повисъ надъ берлогой, держась за сучья.

— «Да снимите же, помогите ему», закричалъ государь.

Тотчасъ же два егеря подхватили отца и поставили его возлѣ берлоги. Оказалось, что въ берлогѣ лежала медвѣдица; она была убита моментально, пуля попала въ переносицу и свалила ее наповаль. Около нея копошились медвѣжата. Шумъ облавы не вызвалъ ее потому, что она въ то время щенилась. Что же касается до того, отчего отецъ бросился къ берлогѣ, то этому объясненіе просто. Отецъ думалъ, что медвѣдица ранена и кинулся принять ее на ножъ. Извѣстно, что почти всегда тяжело-раненный медвѣдь зареветъ, исключая, разумѣется, моментально убитаго, и наоборотъ. Когда медвѣдь легко раненъ, то онъ, прижавъ уши, быстро выскакиваетъ и кидается безъ крика на стрѣлявшаго. Это-то и предполагалъ отецъ, рѣшившись броситься впередъ, чтобы удержать его натискъ. Къ счастью, какъ я сказалъ, медвѣдь былъ убитъ наповаль; его взвалили на сани и повезли на станцію.

Все повеселѣло.

Пошли толки, шутки, что медвѣдица отъ того и не вышла, что вѣрно ожидала акушера, и проч., и проч.

Тѣ, которые такъ недавно чуждались отца, обступили его съ приглашеніями къ себѣ и заявленіями своего расположенія. Разумѣется, отецъ царедворцевъ благодарилъ, но такъ какъ дворъ не былъ его стихіей и онъ ничего не добивался въ этой сферѣ, высоко цѣня свой постъ предводителя дворянства, то и не желалъ воспользоваться этими приглашеніями. Ему всегда думалось, что въ придворномъ кругу онъ не сумѣлъ-бы удержаться, говоря,

что для этого нужно многое, и, даже проникнувшись подобною цѣлью, необходимо къ тому готовиться съ малолѣтства и имѣть обширныя связи.

Оставшіеся отъ царскихъ охотъ оклады, если вскорѣ не предвидѣлось второй императорской охоты, раздавались частнымъ лицамъ.

На трехъ подобныхъ охотахъ пришлось и мнѣ участвовать.

Одна изъ нихъ была на дикихъ козъ. Дикія козы—это красивыя миниатюрныя животныя. Ихъ маленькія, какъ выточенныя, ножки, при быстромъ бѣгѣ, рѣжутъ поверхность снѣга. Предестныя мордочки безпокойно обнюхиваютъ воздухъ, прислушиваясь къ шуму облавъ. Напрасно онѣ стараются спрятать между оголенными кустами свою пятнистую шкуру,—достаточно одной картечины, чтобы уложить ихъ бѣдное тѣльцо. Одну козу мнѣ пришлось убить, большая слеза дрожала на ея щекѣ и задорное охотничье чувство смѣнилось сожалѣніемъ.

Другія двѣ охоты были на медвѣдей.

Маленькій муравѣдъ прорвался послѣ выстрѣла сквозь цѣпь, другой огромный стервятникъ вышелъ на бывшего губернатора Скарятина. Скарятинъ былъ вооруженъ тремя двустольными ружьями. Одно близъ куста, другое со стержнемъ на поясѣ и третье въ рукахъ. Медвѣдъ подбѣжалъ, переваливаясь, шаговъ на восемь отъ Скарятина. Первые два выстрѣла ошеломили, онъ остановился, затѣмъ раздались слѣдующіе выстрѣлы изъ ружья, бывшего за поясомъ, и, наконецъ, остальные изъ ружья, стоявшаго у куста. Медвѣдъ повернулся не раненый и побѣжалъ обратно къ цѣпи. Я стоялъ возлѣ нумера Скарятина и, не смотря на правило оставаться на мѣстѣ, выскочилъ не много впередъ, чтобы лучше прицѣлиться изъ штуцера Цирко: разъ, два! но медвѣдъ не вернулся, хотя и нашлись на снѣгу слѣды крови отъ моей пули, вѣроятно одна изъ пуль поцарапала его шкуру. Мнѣ хотѣлось ранить медвѣдя, думая, что это заставитъ его идти въ драку. Въ запасѣ еще имѣлось надежное французское ружье Лепажя, съ которымъ можно бы смѣло сразиться съ медвѣдемъ, хотя и случаются иногда отъ торопливости случаи, подобные Скарятинскому.

Счастіе быть представленнымъ покойному императору

Александрѣ II я удостоился, какъ помнится, въ 1863 году, во время поѣзда его величества въ Москву.

На станціи Бологое одновременно являлись новгородскій губернаторъ Д. Я. Скарятинъ, мой отецъ и предводитель дворянства—П. П. Косоговскій. Государь тогда поѣзжалъ съ императрицей и довольно большой свитой. Тутъ были графъ Строгановъ, графиня Блудова, Столыпина и проч.

Когда поѣздъ остановился, то государь, поговоривъ немного съ отцемъ, Скарятинымъ и Косоговскимъ, удалился вмѣстѣ съ императрицею въ царскія комнаты. Оттуда вышелъ одинъ изъ придворныхъ и передалъ намъ, что мы приглашены къ императорскому столу. Какъ теперь помню эти минуты: я былъ какъ въ чадѣ. Это положеніе тѣмъ болѣе было естественно, что, находясь въ военной службѣ я долженъ былъ особенно взвѣшивать свои поступки.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть возлѣ отца, котораго стулъ приходился на другой сторонѣ стола противъ императорскаго; слѣва возлѣ меня сидѣла графиня Блудова. Она со мною разговаривала о Москвѣ. Къ этому разговору присоединилась фрейлина Столыпина, спрашивая меня о Бахметевѣ, котораго мнѣ приходилось встрѣчать на новгородскихъ губернскихъ выборахъ.

Во время разговоръ со мной случился неожиданный казусъ довольно страннаго свойства. Гвардейскія военныя каски съ султанами въ то время имѣли металлическіе орлы, которые къ тульѣ прикрѣплялись деревянными клинышками, вдѣтыми въ металлическія петли. Нужно же было такъ случиться, что всѣ 5 или 6 клинцевъ выскочили и гербъ отдѣлился отъ каски. Хорошо еще, что я его поддержалъ рукой, а то-бы онъ упалъ на полъ. Происшедшее съ моей каской такъ меня смутило, что я только и думалъ о томъ какъ-бы лучше поддерживать гербъ, чтобы не было замѣтно невольной неисправности. Но вотъ обѣдъ кончился. Государь съ государыней встали и все засуетилось.

Государь взялъ свою фуражку и подошелъ къ отцу:

— «Позови своего сына».

Я подошелъ.

— «Отчего ты прежде мнѣ не представлялся?»

«Я не смѣлъ, ваше императорское величество».

Государь улыбнулся, обернувшись къ намъ.

— «Оно и видно, что ты несмѣлъ».

И правда, въ то время у меня было мало смѣлости. Несчастливая каска какъ будто жгла мои руки. Нужно сознаться, что моему характеру всегда была присуща черта, съ которой приходилось бороться много — это застѣнчивость отъ недоувѣрія къ себѣ. Всегда сознавая справедливость русской пословицы: «смѣлость города беретъ», я никогда не могъ вполне справиться съ подобнымъ недостаткомъ.

Но вотъ все двинулось съ вокзала на платформу, я безъ каски на головѣ. Государь съ нами простился и поѣздъ, скользя почти безъ шума, тронулся въ Москву.

Мы долго еще стояли на платформѣ подъ впечатлѣніемъ милостиваго пріема.

Говоря объ охотахъ покойнаго императора Александра II, приходится еще рассказать одинъ эпизодъ, касающійся моихъ занятій живописью.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя къ намъ на охоту, во время ужина, зашла рѣчь о картинахъ, находящихся въ Бологое.

Послѣ ужина, пересматривая снова картины съ прусскимъ посланникомъ княземъ Рейсомъ, государь похвалилъ нѣкоторыя изъ нихъ, затѣмъ, поговоря немного съ нами, ушелъ въ свою опочивальню.

Желая чѣмъ нибудь доказать признательность за вниманіе нашего монарха къ такому маленькому военному человѣчку, какимъ былъ я, у меня утвердилось намѣреніе поднести эти картины его величеству.

Зналъ, что Императоръ чуть свѣтъ отправляется на охоту, я осмѣлился рано утромъ придти въ залъ выжидать выхода. Какъ будто на счастье, никого изъ постороннихъ не было въ залѣ, отецъ тогда толковалъ съ графомъ Ферзенемъ во флигелѣ объ охотахъ. Но вотъ изъ гостиной вышелъ Государь, веселый, оживленный. Я преклонился передъ нимъ.

— «А, ты тутъ, здравствуй!»

— «Ваше императорское величество, у меня есть до васъ просьба».

Государь удивился, думая, вѣроятно, что я не изъ числа-ли

любителей выпрашивать что нибудь для себя. Даже въ этомъ вопросѣ выражалась ему присущая снисходительность. Моя застѣнчивость заставила не такъ высказаться; было бы очень возможно, что подобная просьба сына хозяина дома могла показаться дерзкимъ и нахальнымъ попрошайничествомъ.

— «Ваше величество, вы изволили вчера похвалить нѣкоторыя изъ картинъ моей коллекціи, хотя я и знаю, что всѣ эти картины слишкомъ ничтожны предъ тѣми произведеніями искусства, которыми вы обладаете, но все таки нѣкоторыя изъ нихъ могли-бы быть отобраны для Эрмитажа».

Государь тогда посмотрѣлъ на меня такими ласковыми глазами, что до сихъ поръ этотъ взглядъ остался у меня въ памяти, и подалъ свою руку.

— «Non, non, mon cher, я знаю, что ты самъ любишь живопись. Благодарю, я не хочу лишать тебя твоихъ картинъ».

Эти привѣтливыя слова Государя были для меня совершенной наградой. Все то, что я собиралъ съ такимъ трудомъ и жертвами, я готовъ былъ съ радостію передать Государю, но эти картины стали еще цѣннѣе послѣ милостивыхъ словъ монарха, и я потомъ съ большей энергіей сталъ изучать теорію живописи.

IV.

Окончивъ грамоты въ моемъ участкѣ, я хотѣлъ откомандироваться къ М. Н. Муравьеву въ Западный край, но болѣзнь сердца и совѣты докторовъ отправили меня для леченія за границу.

Предъ отъѣздомъ Н. А. Милютинъ, который былъ мнѣ сродни по жемъ его, М. А. Абаза—предлагалъ мнѣ ѣхать въ Царство Польское съ нимъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, А. О. Гильфердингомъ и др. для совершенія извѣстныхъ реформъ по устройству сельскаго состоянія. Это предложеніе я не могъ принять, такъ какъ доктора рѣшительно совѣтовали мнѣ не уклоняться отъ поѣздки за границу для леченія. Желая часть вре-

мени, предназначеннаго для путешествія, посвятить научному дѣлу, я думалъ изъ Швейцаріи проѣхать чрезъ Европейскую Турцію и Одессу въ Западный край, но это не удалось, такъ какъ я, вслѣдствіе болѣзни, прямо изъ Швейцаріи проѣхалъ домой, и когда мое здоровье позволило-бы вновь исправлять должность посредника, то Михаила Николаевича Муравьева не было уже въ живыхъ, а Николай Алексѣевичъ Милютинъ вернулся изъ Польши.

Соображаясь съ мнѣніемъ одного изъ моихъ пріятелей, я обратился къ академику А. А. Кунику за совѣтомъ, чѣмъ заняться научнымъ во время путешествія по Турціи. Аристъ Аристовичъ находилъ лучшимъ мѣстомъ для изслѣдованія берега Брегалъницы въ Македоніи; тамъ подвизались первоучители славянъ, святые Кириллъ и Меѳодій, и по его разсчету въ церквахъ и монастыряхъ македонскихъ могли найтись рукописи, можетъ быть, самихъ первоучителей.

Для того, чтобы къ этому подготовиться, я сталъ изучать палеографію въ отдѣленіи рукописей императорской публичной библіотеки, которая мнѣ обязательно была раскрыта нынѣшнимъ директоромъ библіотеки и предсѣдателемъ императорскаго археологическаго общества—Афанасіемъ Федоровичемъ Бычковымъ. Тамъ съ книгою тверскаго архіепископа Саввы «Палеографическіе снимки», съ сочиненіями Муральдо и проч., и проч., я сталъ изучать очертанія буквъ разныхъ временъ кириллицы и глаголицы, а также старогреческій алфавитъ. Но мои труды, какъ я уже говорилъ, не достигли цѣли, т. е. я не могъ попасть въ Турцію. Путешествіе чрезъ Берлинъ по Рейну и въ Швейцарію мало повліяли на научное дѣло, хотя я и осмотрѣлъ музеи Майнца, Женевы и проч., а также церкви Куара, изъ которыхъ передѣлку одного храма приписываютъ Карлу Великому, но мое леченіе не дозволяло удаляться отъ назначеннаго маршрута и потому я не могъ осмотрѣть ни дрезденской, ни мюнхенской галлерей. Въ Рагацѣ я встрѣтился съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ и барономъ М. А. Корфомъ съ семьей, тамъ мнѣ пришлось еще познакомиться съ извѣстнымъ творцомъ «Окраины Россіи», Ю. Ѳ. Самаринимъ.

Великая княгиня Елена Павловна пріѣхала тоже лечиться въ

Рагацъ; по совѣту барона (графа) Корфа, я ей представился. Она милостиво меня приняла и позвала на вечерній чай, на которомъ у великой княгини были ея племянникъ, владѣтельный герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій, герцогъ Ольденбургскій, посланникъ Озеровъ, семейство Свербѣевыхъ. Во время этого вечера игралъ пианистъ лейпцигской консерваторіи и пѣла дѣвица Свербѣева.

Герцогъ Ольденбургскій разспрашивалъ меня объ отцѣ, онъ тоже бывалъ у насъ на охотѣ; чрезъ нѣсколько времени я получилъ приглашеніе на обѣдъ въ день рожденія великой княгини. На обѣдѣ были герцогъ баденскій съ его супругой Маріей Максимилиановной, принцессой лейхтенбергской, Самаринъ, съ которымъ я тутъ познакомился, и секретарь великой княгини. Обѣдъ былъ устроенъ въ саду, и тутъ у меня не пришлось безъ приключенія.

Человѣкъ, которому поручено было мое платье, запоздалъ, и, не смотря на то, что я торопился — нѣсколько минутъ сверхъ назначеннаго времени прошло, за что я получилъ очень деликатное замѣчаніе. Великая княгиня подала мнѣ руку (которую я, разумѣется, поцѣловалъ), со словами: «Nous vous attendons» (мы васъ ждемъ). Великая княгиня еще нѣсколько разъ послѣ того со мной милостиво разговаривала, разспрашивая о моей болѣзни, совѣтовала ѣхать купаться въ Остенде и даже вручила адресъ одного изъ тамошнихъ докторовъ. Не знаю, какъ и выразить чувство искренней благодарности снисходительному участію великой княгини. Ея доброта распространилась до того, что она присылала своего доктора въ Солотурнъ, гдѣ мнѣ сдѣлалось хуже. Кромѣ того, о моемъ здоровьѣ, по порученію нашего великодушнаго покойнаго монарха, справлялся русскій секретарь посольства Коцебу и — по порученію маститаго императора германскаго Вильгельма — нѣмецкій посланникъ. Это совершилось потому, что въ Берлинѣ отъ отца они узнали о моей болѣзни.

Впечатлѣніе, произведенное моимъ путешествіемъ, повліяло на меня такъ, что, поправившись отъ болѣзни, я пожелалъ осмотрѣть другія мѣстности. Потому я ѣздилъ въ Крымъ, древности котораго меня интересовали. Въ Крыму я осмотрѣлъ Бахчисарай съ его дворцомъ и фонтаномъ слезъ, воспѣтымъ Пушкинымъ; пещерный городъ Чуфуть-Кале съ его Иосафатовой долиной.

генуэзскими тюрьмами и желѣзными воротами; Успенскій монастырь и знаменитый обороною Севастополь; Херсонисъ съ остатками храма, въ которомъ крестился святой равноапостольный Владиміръ, и съ храмомъ святого Климента, папы римскаго, скончавшагося въ Херсонисѣ, и проч., и проч.; Георгіевскій монастырь, около котораго было капище Діаны, прославленное преданіями объ Ифигеніи, Орестѣ и Пиладѣ. Кромѣ того, мною были осмотрѣны Феодосія, древняя Кафа генуэзцевъ, съ музеемъ Айвазовскаго; Керчь, античная Пантикапея съ Митридатовымъ холмомъ и музеемъ. Всѣ эти мѣстности говорили натурой о древней жизни, все это влекло къ занятіямъ и изученію ея.

Даже дальнѣйшая поѣздка изъ Бердянска чрезъ Ногайскую степь имѣла свой интересъ: тамъ тоже встрѣтился мертвый городъ, хотя и не такой древній, какъ Чуфуть-Кале, а именно Ногайскъ. Мнѣ такъ и хотѣлось тамъ порыться въ этомъ оставленномъ становищѣ татаръ, въ этомъ соединительномъ звенѣ послѣдней орды въ Европѣ съ нашею нынѣшнею цивилизаціею.

Затѣмъ я совершилъ путешествіе въ Финляндію — видѣлъ Выборгъ съ его замкомъ, садомъ Сантъ-Анна, въ которомъ на камнѣ высѣчено Петромъ Великимъ его имя, и садомъ Монъ-Репо со статуей Вейнемейена; водопадъ Иматру, Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, прославленный англійской осадой. Затѣмъ, проѣзжая обратно, осмотрѣлъ рыцарскій Ревель, въ которомъ все напоминало крыжаковъ, съ его Домъ-Кирхе, соборомъ Олафа и зданіемъ Черноголовыхъ; мнѣ еще понравился въ Ревелѣ хорошенькій музей.

Кромѣ поѣздокъ по Россіи, мною совершена еще одна поѣздка за границу.

Въ эту поѣзду я осмотрѣлъ Краковъ съ его соборомъ, побывалъ въ Вѣнѣ во время всемірной выставки. Вѣна мнѣ очень понравилась; ея соборъ св. Стефана, императорская картинная галлерей, галлерей князя Лихтенштейна, графовъ Гариха и Чернина, Амбруазово собраніе, арсеналъ, дворцовый садъ съ Персеемъ Кановы, пратеръ, театръ и проч., и проч., какъ извѣстно пользуются заслуженною славою.

Изъ Вѣны я проѣхалъ въ Эмсъ. Въ Эмсѣ тогда лечились покойный императоръ Александръ II и императоръ Вильгельмъ.

Графъ П. А. Шуваловъ хотѣлъ меня представить государю

императору во время его выхода изъ русской церкви, но другіе, которые представлялись, въ особенности дамы, такъ обступили государя, что я не успѣлъ тутъ представиться. Графъ Адлербергъ, министръ двора, назначилъ мое представленіе императору на слѣдующій день. Я встрѣтилъ его величество на Эмскомъ бульварѣ возлѣ курзала. Государь былъ очень милостивъ со мною и спрашивалъ объ отцѣ и моей жизни. На другой день я представлялся императору Вильгельму, котораго мнѣ хотѣлось поблагодарить за его вниманіе во время болѣзни. Когда императоръ уѣзжалъ изъ Эмса, я ѣздилъ на станцію его провожать. Государя въ вагонѣ сопровождалъ Евгенийъ Максимилиановичъ Лейхтенбергскій. Много прощальныхъ букетовъ было передано въ вагонъ государя. Императоръ Вильгельмъ прослезился, когда поѣздъ ушелъ; тутъ была ясно видна его искренняя любовь къ покойному государю.

Изъ Эмса я ѣздилъ въ Парижъ, осмотрѣлъ Луврскія галлеи, видѣлъ праздники въ честь шаха, и проч., и проч. Затѣмъ чрезъ Ліонъ и Марсель проѣхалъ въ Испанію, въ Барселону. Въ Испаніи въ то время было междуусобіе—борьба карлистовъ съ республиканцами. Изъ Испаніи вернулся обратно въ Россію чрезъ Миланъ, въ которомъ осмотрѣлъ его знаменитый соборъ, музей и галерею. Видѣлъ Венецію съ ея соборомъ святого Марка, и галлеи, катался по ея каналамъ въ гондолахъ, восхищаясь регатой. Всѣ эти путешествія освѣжали мысль и давали толчекъ къ болѣе правильному выбору основнаго предмета занятій.

Этотъ періодъ моей жизни я причислялъ къ періоду аффективному; слѣдующій затѣмъ періодъ, въ которомъ мои труды сосредоточились на палеонтологіи, я назову интеллектуальнымъ (*phase intellectuelle*)—въ немъ всѣ разбросанныя занятія соединяются въ одно стремленіе—стремленіе изслѣдовать условіе умственныхъ зачатковъ первобытной жизни обитателей нашей мѣстности.

Какъ я уже говорилъ—путешествія расширили мой кругозоръ.

Увидѣвъ обитателей другихъ странъ, я вникнулъ хотя отчасти въ условія ихъ жизни и научной цѣли; я еще болѣе утвердился въ желаніи заняться общей разработкой вопросовъ человѣ-

ческой культуры на національных основаніяхъ. Эта существенная тема будетъ выяснена въ слѣдующемъ отдѣлѣ моего разсказа. Она много меня стѣсняла и потому при описаніи городовъ и мѣстъ, видѣнныхъ за границей, мною выпускались случаи болѣе интересные и эпизоды, въ которыхъ принимали участіе всѣ умственные и тѣлесныя силы.

Долго мучило меня раздумье: какую взять отрасль, какое взять поле для занятій? Въ нашей мѣстности нѣтъ классическихъ памятниковъ язычества, а византійское вліяніе дошло только въ скудныхъ подражаніяхъ. О немъ свидѣлствуютъ разрушающіяся деревянныя церкви, да плиты и каменные кресты кладбищъ. Остались одни памятники первобытнаго человѣчества—свидѣтели давно минувшихъ вѣковъ,—памятники, которыми въ настоящее время занимаются лучшіе умы научной Европы,—памятники науки живой палеонтологіи; въ этой наукѣ даже ослабѣвшія въ научной борьбѣ силы подогреваются новыми открытіями, новыми изслѣдованіями, новыми выводами. Ею я и занялся, за нее боролся мой слабый организмъ, ей и посвящаю мои послѣдующія строки моихъ воспоминаній.

Примѣчаніе. У меня сохранилось меню ужина, переданное его величествомъ Александромъ II отцу. Хромофотографированная виньетка, сдѣланная высокоталантливымъ живописцемъ Зичи, озглавлена: „*Rain et miettes*“, на ней сверху подъ орломъ изображенъ императорскій столъ. Всѣ лица чрезвычайно похожи, можно назвать каждого. Кушанье *plat de consistance* подаетъ толстакъ метр-д'отель французъ съ двумя пособниками. Второй столъ тоже удачно изображенъ. За нимъ мы видимъ самого Зичи, унтеръ-егермейстера Иванова и проч. За третьимъ столомъ сидитъ казакъ-гигантъ, всегда сопровождавшій Государя. Казакъ съ удовольствіемъ уничтожаетъ свою порцію. Затѣмъ, наконецъ, *Miettes*, мужики и бабы, нагруженные бутылками и провизіей, впереди которыхъ вытаскиваетъ деревенскій мальчикъ съ кренделями въ рукахъ. Слѣдующія блюда ужина написаны чернилами.

Souper.

Potage à l'américaine.

Consommé macaronis.

Jambon à la champenoise trufféé.

Artichaux italienne et pois.

Roti poularde, gelinottes, perdreaux, salade.

Flanc meringué et gelée d'ananas.

Покойный отецъ сдѣлалъ на немъ слѣдующую приписку: „Меню, переданное его императорскимъ величествомъ князю Арсенію Степановичу Путятину въ домѣ его во время ужина, 2-го января 1864 года, въ селѣ Вологомѣ, при третьемъ посѣщеніи Государемъ Императоромъ. За ужиномъ при его величествѣ присутствовали: генераль-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ, оберъ-гофмейстеръ графъ Толстой, графъ Барановъ, князь Паскевичъ, Огаревъ, графъ Ламбертъ, князь Радзивилъ, генераль-маіоръ Мердеръ, оберъ-егермейстеръ графъ Ферзенъ, Герсдорфъ, начальникъ Новгородской губерніи Скарятинъ, валдайскій предводитель дворянства князь Путятинъ и его сынъ, посредникъ III-го участка Валдайскаго уѣзда—князь Павелъ Путятинъ“.

Князь П. А. Путятинъ.

Вологое.
Іюль 1886 г.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 и 1885 гг. ¹⁾ были напечатаны въ высшей степени важныя и интересныя посмертныя Записки Н. И. Пирогова. Печатаііе этихъ Записокъ заканчивалось слѣдующею оговоркою редакціи:

„Мы долгомъ считаемъ замѣтить, что нами опущенъ одинъ весьма замѣчательный отдѣлъ изъ второй части этихъ Записокъ: это очеркъ событій всей эпохи Императора Александра II (1855 — 1881 гг.). Этотъ въ высшей степени интересный и весьма характерный обзоръ написанъ Н. И. Пироговымъ со 2-го марта 1881 г. по 27-е число того-же мѣсяца и занимаетъ 71 листъ собственноручной рукописи Николая Ивановича. Начатый Пироговымъ немедленно, подъ самымъ живымъ и весьма сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вѣстью о кончинѣ Государя-Освободителя, очеркъ событій его царствованія начертанъ рукою истинно государственнаго мужа, страстно любившаго отечество.

Мы надѣемся изъ этого очерка привести въ близкомъ будущемъ хотя-бы только отрывки“.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ мы не могли до сихъ поръ исполнить этого обѣщанія, но такъ какъ въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ отдѣльномъ изданіи Записокъ Пирогова появилась значительная часть опущеннаго нами отдѣла его мемуаровъ, то мы находимъ нынѣ возможнымъ воспроизвести изъ этого отдѣла на страницахъ „Русской Старинѣ“ то, что теперь появилось въ отдѣльномъ изданіи.

Ред.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502, т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223 — 274; декабрь, стр. 445 — 496, изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 1—54; февраль, стр. 257 — 310; мартъ, стр. 481—526; т. XLVI, апрѣль, стр. 1—52; май, стр. 229—264; июнь, стр. 455—480.

2-го марта 1881.

Сегодняшняя потрясающая новость заставляет придать моей хроникѣ снова прежнюю форму дневника. Нельзя не передать бумагѣ мысли глубоко взволнованной души. Только-что получилъ отъ исправника изъ Винницы приглашеніе къ панихидѣ по Александрѣ П-мъ, съ извѣщеніемъ, что онъ скончался отъ ранъ, нанесенныхъ ему 1-го марта двумя взрывчатыми снарядами. Семь разъ было покушеніе на жизнь; едва-ли въ исторіи найдется другой примѣръ такъ часто (въ теченіе 15-ти лѣтъ) повторявшихся попытокъ отнять жизнь у государя, добраго въ душѣ и желавшаго, безъ сомнѣнія, добра государству, конечно, по своему личному убѣжденію. За что же? За что такая злая ненависть и злодѣйское упорство? Вопросъ нелегкій и глубокій, по его нравственно-историческому значенію. Будь я не русскій, а чужеземецъ, я не затруднился бы тотчасъ же отвѣчать слѣдующимъ соображеніемъ: «Россія-моль долго ждала съ освобожденіемъ крестьянъ; ему надо бы было совершиться еще при Николаѣ; онъ, съ своею энергіею, сдумалъ бы произвести давно реформу, если бы онъ не былъ обманутъ своимъ отвращеніемъ ко всему, что имѣло какой-либо видъ народной свободы въ государствѣ», и т. д., и т. д.

«Запоздавшая эманципація пришла-моль поэтому въ самое неудобное время; съ одной стороны—еще не затертые слѣды кровавой войны, кончившейся постыднымъ миромъ; натянутыя до-нельзя пружины административнаго произвола, заправлявшаго всѣмъ въ государствѣ; крайняя потребность для существованія государства въ радикальныхъ экономическихъ реформахъ; съ другой же—броженіе умовъ во всей Европѣ, подъ наплывомъ новыхъ социальныхъ доктринъ, угрожающее уже переходомъ отъ идеи къ дѣйствительному осуществленію на опытѣ,—и все это при неожиданныхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ и весьма знаменательныхъ политическихъ событіяхъ (освобожденіе Италіи, польское возстаніе, освобожденіе невольниковъ и междоусобныя войны Америки).

«При такихъ обстоятельствахъ нельзя-моль было ожидать совершенно мирнаго и правильнаго, съ соблюденіемъ общихъ интересовъ (частныхъ и государственныхъ), исхода эманципаціи»

Вѣроятно, такъ и объясняли себѣ американцы первое покушеніе на жизнь государя Каракозова, сравнивая его съ убійствомъ президента Линкольна. Конечно, намъ, русскимъ, такое сравненіе кажется уродливымъ. Но обыкновенно всѣ, даже и самые безпристрастные судьи, всегда ищутъ причину преступленій тамъ, гдѣ существуютъ или могутъ существовать какіе-либо мотивы къ совершенію преступленій.

Посторонній судья, узнавъ о часто случавшихся покушеніяхъ на жизнь особы государя, непременно задастся вопросомъ: да въ чьихъ же интересахъ было убить его? кому вредила или чье мнѣніе возбуждала эта столь дорогая для цѣлаго государства жизнь? И у посторонняго судьи отвѣтъ не замедилъ бы явиться. .

Мы, русскіе, конечно, укажемъ постороннему судѣ прямо на шайку крамольниковъ, воспользовавшихся снятіемъ гнета, и проявляющихъ свою пагубную дѣятельность именно съ тѣхъ поръ, когда главою государства была дана большая свобода мысли и слова. Мы приведемъ и неоспоримые факты, укажемъ на связь нашихъ крамольниковъ съ интернаціоналкою, на значительный контингентъ евреевъ, принимающихъ участіе въ крамолѣ, и пр., и пр. Все это, я полагаю, не будетъ, однако, убѣдительно для чужеземнаго наблюдателя и оцѣнщика событій въ нашемъ отечествѣ.

Но мы должны знать еще и многое другое, существенно измѣняющее взглядъ чужеземнаго наблюдателя на причины и мотивы нашей современной (1881 г.) общественной и государственной неурядицы. Я пишу откровенно, какъ думаю, безъ всякой задней мысли, а главное, какъ человѣкъ независимый, ничего не ищущій, отжившій свой вѣкъ, но все еще любящій отчизну и желающій ей добра. Я располагалъ помѣстить мой взглядъ на наши общественныя дѣла въ моемъ дневникѣ впоследствии; но теперь представился къ тому прискорбный случай. Онъ не даетъ говорить и думать о чемъ нибудь другомъ. Пожалуй, задохнешься отъ наплыва взволнованныхъ чувствъ и мыслей, если не дашь имъ вылетѣть на бумагу; она, какъ извѣстно, все терпитъ,—вытерпитъ и этотъ напоръ. Хотя онъ и временный, и случайный, но наплывшія мысли родились не сейчасъ.

Погибъ отъ преступной руки самодержавный государь на улицѣ, охраняемый стражею, окруженный толпою народа. Безпристрастная исторія оцѣнитъ вполне его заслуги предъ Россіею; онѣ были необыкновенныя, вѣковыя. И самъ цареубійца (если онъ былъ не подлый рабъ и наемникъ) предъ судомъ своей совѣсти будетъ оправдываться развѣ тѣмъ только, что онъ сдѣлалъ для Россіи такъ, какъ бы это надо было сдѣлать по мнѣнію единомышленниковъ самого убійцы.

Но вѣнка безсмертія убійство не сорветъ съ головы Александра II-го. Это должны признать и самые злѣйшіе его враги, если въ нихъ осталась хоть одна тѣнь безпристрастія и любви къ правдѣ.

Кого же изъ мыслящихъ и любящихъ истину людей не заставитъ задуматься это упорное подпольное преслѣдованіе государя, такъ много сдѣлавшаго для своего государства,—и за то въ теченіе 15-ти лѣтъ семь разъ подвергавшагося покушеніямъ на свою жизнь.

Причина, вѣрно, не одна; какъ всегда, причину важныхъ событій нужно искать въ совпаденіи различныхъ обстоятельствъ; они, какъ разсѣянные лучи теплоты, собираются какимъ-то зажигающимъ стекломъ въ фокусѣ и устремляются на одну предназначенную точку.

Посмотрю съ самаго начала, какъ мнѣ, незнакому ни съ государственною, ни съ закулисною стороною современной жизни, представляется весь ходъ событій съ того именно момента, когда новый государь дѣлаетъ первый крупный шагъ на пути прогресса.

Но когда рѣчь идетъ о личномъ, болѣе или менѣе субъективномъ, взглядѣ на дѣло, то прежде всего нужно уяснить себѣ, каковъ глазъ, которымъ смотришь.

Я вотъ уже смотрю на четвертое царствованіе. На первое я смотрѣлъ дѣтскими глазами и видѣлъ только окончаніе его университетскимъ подросткомъ; второе пришлось мнѣ созерцать юношею, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ; третье застало меня уже отцомъ подростающихъ дѣтей, уже многое испытавшимъ, но еще готовымъ на борьбу и новую жизнь; наконецъ, четвертое я встрѣчаю одряхлѣвшимъ, но не отжившимъ нравственно старикомъ. Итакъ, я обращаю мой старческій взглядъ назадъ, на то, что я видѣлъ и что мнѣ казалось въ самую пору моей умственной зрѣлости.

Что вызвало эманципацию крестьянъ въ Россіи, какъ начало началъ нашего прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ современныхъ событій? Послѣ печальныхъ дней севастопольскаго погрома вѣсть объ эманципации была первою зарею новой эры

Надо молиться и надѣяться, что финалы другихъ актовъ будутъ болѣе во вкусѣ честныхъ и здравомыслящихъ смысловъ Россіи!

Я былъ въ то время попечителемъ одесскаго учебнаго округа, когда первая вѣсть объ эманципации доставлена была туда брюссельскою газетою «Indépendance Belge». Студенты лицея достали гдѣ-то нумеръ этой газеты, прочли новость и тотчасъ же нѣсколько изъ нихъ отправились въ гостиницу пить вино за здоровье государя и крестьянъ. Жандармскій генераль тотчасъ-же донесъ о происшествіи въ Петербургъ и сообщилъ мнѣ о случившемся; а я зналъ это уже прежде него отъ самихъ студентовъ и не находилъ въ этомъ ничего худого; узнавъ, однако-же, что о томъ писано въ Петербургѣ, принужденъ былъ извѣстить министра Норова о происшедшемъ, съ моимъ оправдательнымъ комментариемъ. Къ счастью, генераль-губернаторъ Строгоновъ посмотрѣлъ, неожиданно для меня, какъ-то слегка на происшествіе, можетъ быть и потому, что генераль, котораго онъ не жаловалъ, слишкомъ поторопился безъ него.

«Одесскій Вѣстникъ» того времени былъ переданъ генераль-губернаторомъ черезъ меня лично. Я поручилъ редакцію проф. Богдановскому и Георгіевскому, и когда въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, затрогивавшія крестьянскій вопросъ, то и редація «Одесскаго Вѣстника» издавна коснулась этого горячаго матеріала. Боже мой, поднялась какая тревога!

Несмотря на самыя глухіе, самыя неопредѣленные намеки о нѣкоторыхъ выгодахъ улучшенія крѣпостного быта (какъ называли тогда официально предстоящую эманципацию), полетѣли на меня въ Петербургъ съ разныхъ сторонъ донесенія. Два изъ нихъ, самыя главныя, пересланы были потомъ мнѣ: одно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ (отъ Ланскаго), а другое—изъ министерства народнаго просвѣщенія (отъ Ковалевскаго). Первое настроено было на пяти листахъ... (имя этого почтеннаго дѣятеля я уже позабылъ, да по правдѣ оно и не стоило того, чтобы о немъ помнить); тамъ я сравнивался буквально съ Маратомъ, Прудономъ и т. п. Другое донесеніе шло на «Одесскій Вѣстникъ» отъ самого генераль-губернатора, т. е. также на меня, какъ предсѣдателя цензурнаго комитета, хотя эта газета не могла, по закону, выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры генераль-губернатора.

Въ Кіевѣ, куда я перешелъ попечителемъ изъ Одессы,—другая исторія: тамъ польскіе помѣщики жаловались на студентовъ, своихъ соплеменниковъ, за ихъ сближеніе съ народомъ, на хохломановъ, подстрекающихъ народъ противъ пановъ.

Кіевскій генераль-губернаторъ Васильчиковъ сообщилъ мнѣ, что одинъ богатый польскій помѣщикъ (Кіевской губерніи)—отецъ—донесъ ему на своихъ сыновей за ихъ сближеніе съ крестьянами. А въ то же время «Колоколъ» Герцена звонитъ во всю ивановскую; запрещенный до того, что цензура не пропускала даже его имени, онъ читался всѣми, не исключая даже и учениковъ гимназій, на расхватъ; какъ утаить отъ дѣтей, что занимало такъ сильно ихъ отцовъ и старшихъ братьевъ!!

Ѣду въ Петербургъ, призванный на съѣздъ попечителей 1860 г.; глазамъ и ушамъ не вѣрю, что вижу и слышу. Въ Твери, гдѣ я останавливался по дѣламъ моего тверскаго имѣнія, я нашелъ вечеромъ человѣкъ 50 и болѣе,—и что тамъ говорилось почти публично, и въ какихъ выраженіяхъ проявлялось недовольство, этого я никогда не забуду; и за что же? Это были не крѣпостники, а прогрессисты, недовольные прогрессомъ и называвшіе его анархіею.

Пріѣзжаю въ самый Петербургъ. Еще хуже: недовольство еще ярче. Тутъ является ко мнѣ одинъ изъ сосѣдей по тверскому имѣнію,

застаетъ у меня Н. Х. Б., назначеннаго тогда въ ректоры кievскаго университета и участвовавшаго въ редакціонной комиссіи. Я не зналъ куда дѣваться, когда сосѣдъ напалъ на члена ненавистной ему комиссіи. «Вы хотите, молъ, крови! — восклицалъ онъ: — она польется рѣками!» и т. п.

Но это былъ, по крайней мѣрѣ, крѣпостникъ и потому недозвольный ех officio. Вечеромъ въ тотъ же день приходитъ ко мнѣ докторъ Шульцъ, имѣвшій входъ въ банкирскіе дома, знакомый коротко со многими художниками, вообще человѣкъ довольно смѣтливый. — «Ну, — говоритъ онъ мнѣ, — всѣ увѣрены, что въ Россіи должна быть революція; при этомъ государѣ — опытные люди полагаютъ — она еще не вспыхнетъ, но послѣ него непремѣнно». — «Полноте, любези мѣй молоть чепуху!» отвѣчаю я. — «Поживите въ Петербургѣ, такъ увидите сами, какая перемѣна вышла въ 4 года!» (я выѣхалъ изъ Петербурга собственно въ 1857 г.) были послѣднія слова Шульца.

Я прожилъ недѣли три въ Петербургѣ, и, дѣйствительно, не зналъ чему удивляться: распущенности ли съ одной стороны или безалаберности съ другой; то слышались довольно громко, почти публично; самые яркіе бредни и вызовы, то запрещались весьма скромныя журнальныя статьи. Вообще, предшествовавшее непосредственно эманципаціи время оставило у меня впечатлѣніе чего-то смутнаго, неопредѣленнаго, недозволавшаго понять, должно ли радоваться тому, что предстоитъ, или только рукой махнуть.

Все это я привожу себѣ на память въ доказательство того, что общественное мнѣніе сильно разшевелилось вопросомъ объ эманципаціи; но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что вопросъ былъ расшевелилъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ былъ поднятъ, несомнѣнно, сверху. Причинъ къ тому, какъ всѣ мы знаемъ, было не мало въ то время.

Только три рода людей изъ культурнаго класса встрѣчалъ я въ то время не одобрявшихъ эманципаціи: во-первыхъ, завязтыхъ и онейсправныхъ крѣпостниковъ изъ эгоизма и личныхъ интересовъ во-вторыхъ — крѣпостниковъ по принципу. «Все государство рухнетъ — говорили эти — безъ крѣпостныхъ людей».

«Повѣрьте, Николай Ивановичъ, — говорили мнѣ въ Бессарабіи, — это все придумываютъ наши враги, французы и англичане; они, пожалуй, вставили такой крючокъ и въ мирный договоръ, зная, что ничѣмъ такъ не ослабишь Россію, какъ уничтоживъ или ослабивъ связь между простымъ народомъ и дворянствомъ». — «Вотъ увидите, ваше превосходительство, помяните мое слово, увидите, что государство ужасно потерпитъ, — говорилъ мнѣ одинъ окружной начальникъ: — когда сократятся, послѣ эманципаціи, помѣщичьи запашки, вывозъ

зерна уменьшится такъ, что на заграничные доходы нечего болѣе рассчитывать».

Къ третьему роду противниковъ эманципаціи принадлежали люди, хотя и близорукіе, но не такъ ограниченные; они очень наивно утверждали, что нужно прежде образовать, а потомъ освобождать. Любопытно, что и между самими крестьянами—по крайней мѣрѣ нашей юго-западной окраины—встрѣчались противники эманципаціи, въ томъ смыслѣ, что, молъ, «нехай будетъ по прежнему, чтобы еще горше не было». Это случалось и мнѣ не разъ слышать.

За эманципацію были всѣ ученые, учащаяся молодежь, люди, имевшіе передовыми 1840-хъ годовъ; всѣ крестьяне, не очень забитые, особливо же дворовые, и, наконецъ, интеллигентная и передовая часть дворянства, надѣявшаяся и мечтавшая... Государь же и правительство, конечно, усматривали въ уничтоженіи крѣпостнаго права самое главное и самое современное средство къ поднятію экономического быта всего государства, къ увеличенію его доходовъ и къ сближенію съ западными государствами, сдѣлавшемуся крайне необходимымъ для культуры отсталой отъ Запада во всѣхъ отношеніяхъ Россіи.

Вопросъ объ эманципаціи былъ, какъ извѣстно, не новый. Еще при Александрѣ I-мъ рассказывали, что онъ хотѣлъ, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права въ Прибалтійскомъ краѣ, сдѣлать то же самое на сосѣдней Псковской губерніи, и только будто-бы опасеніе какаго-то покушенія на жизнь государя и заговора, открытаго рижскимъ генераль-губернаторомъ Паулучи, остановили Александра.

При Николаѣ I-мъ не разъ проносились слухи о непремѣнномъ намѣреніи императора освободить крестьянъ и въ юго-западномъ краѣ. Бибииковъ введеніемъ инвентарей, очевидно, подготовлялъ актъ освобожденія.

При Николаѣ I-мъ же происходило не мало возмущеній между крестьянами (въ концѣ 1840-хъ годовъ). Одно изъ нихъ, витебское, я помню, надѣлало много шума въ Петербургѣ; рассказывали, что какой-то подрядчикъ, недовольный помѣщиками, развѣзжалъ, переодѣтый въ генеральскій мундиръ, по деревнямъ, выдавая себя за наследника, и объявлялъ крестьянамъ, чтобы они шли въ Петербургъ къ самому государю, указъ котораго объ освобожденіи скрытъ помѣщиками и понами; крестьяне, какъ мнѣ сказывали, въ числѣ 10,000, двинулись, не послушавъ и самого начальника края, и только военною силою были остановлены на полпути.

Между тѣмъ въ волжскихъ провинціяхъ и до крымской войны ходили прокламаціи, присланныя изъ-за границы....

Итакъ, причинъ, и причинъ самыхъ жгучихъ, для уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, вскорѣ послѣ несчастной крымской войны, было довольно. Это ясно какъ Божій день. Но и безъ того запоздалая эманципація должна была явиться еще въ такое тяжелое время, когда вездѣ скопился горючій матеріалъ для рѣшенія и другихъ взрывчатыхъ вопросовъ. Затронувъ одинъ, можно было поджечь и другіе.

При такихъ обстоятельствахъ, уничтожая крѣпостное право, нельзя было упустить изъ виду и другихъ сторонъ государственной жизни....

Крестьянство, какъ бы оно, по своему существу, ни было консервативно, есть все-таки стихійная сила; освобожденное самодержавною властью отъ вѣковаго гнета, оно, несомнѣнно, могло служить опорой порядку; но прочно опираться на одно стихійное начало невозможно. Оригинальное представленіе о какомъ-то «мужицкомъ царствѣ», пущенное въ ходъ, если не ошибаюсь, нашими славянофильскими фантазерами и слышанное мною не разъ въ началѣ 1860-хъ годовъ, едва-ли бы могло осуществиться въ XIX столѣтіи. Чтобы управлять «мужицкимъ царствомъ», не расшатавъ его въ основаніи и не предоставляя его историческихъ миссій и задачъ на произволь стихійныхъ силъ народа, понадобились бы также другія интеллигентныя силы,—а гдѣ взять ихъ, если между властью и стихійнымъ крестьянствомъ не будетъ никакого посредствующаго сословія? А его-то у насъ и не доставало при освобожденіи крестьянъ.

Къ тому же съ 1848 года ненависть французскихъ демагоговъ къ буржуазіи вошла и у насъ въ моду между культурною молодежью; но такъ какъ у насъ французскихъ буржуа на лицо не оказалось, то эта ненависть перешла на кудаконъ и вообще зажиточныхъ людей, тѣмъ болѣе, что большинство нашей культурной и школьной молодежи принадлежитъ къ пролетаріату.

Когда на Западѣ порядокъ переставалъ опираться на одно сословіе, то на смѣну его являлся другой уже готовый классъ,—интеллигентный и дѣятельный.

Наше чиновничество, нашъ ученый и учебный пролетаріатъ, духовенство, мѣщанство и купечество, всё порознь, безъ всякой солидарности, не имѣли никакихъ задатковъ для управленія освобожденною отъ крѣпостного гнета страной. До того она управлялась, такъ сказать, механически; одно колесо, болѣе сильное, вращало другое, поменьше и послабѣе; главную роль играли администрація и сословныя привилегіи, а на случай всегда у нихъ подъ рукою была военная сила.

Итакъ, главныя опоры порядка до уничтоженія крѣпостного права

были: администрація, бюрократія, военная сила и привилегированное сословіе; а когда понадобилось перемѣнить центръ тяжести, то опоры остались только бюрократія съ администраціею и военная сила.

Правда, стихійное крестьянство можетъ быть организовано и управляемо до извѣстной степени; но тогда пришлось бы уже совсѣмъ сойти съ пути государственнаго и общечеловѣческаго прогресса.

Сверхъ этого, новыя западныя ученія, демократизмъ и тому подобныя стремленія новаго времени, при прогрессивномъ начиніи въ извѣстной степени сверху, не могли не проникнуть и въ эти двѣ оставшіяся опоры порядка. Мало того: оказалась даже надобность въ демократическихъ принципахъ. Прежде всего они понадобились администраціи. Новое переустройство крестьянства послѣ эманципации и послѣ польскаго возстанія въ западныхъ губерніяхъ потребовало много новыхъ, свѣжихъ силъ, достаточно интеллигентныхъ для веденія такого сложнаго дѣла. И значительный контингентъ такихъ силъ доставила, именно, наша доморощенная въ эпоху 1840-хъ годовъ демагогія разныхъ оттѣнковъ. Мѣста посредниковъ, чиновниковъ въ новой администраціи по крестьянскимъ дѣламъ, особливо въ западныхъ губерніяхъ послѣ запрещенія принимать на службу лицъ польскаго происхожденія, потому слѣдователей, мировыхъ судей, чиновниковъ при губернаторахъ, и т. п., были отданы людямъ, прибывшимъ частью изнутри Россіи, а частью и туземцамъ, систематически вооруженнымъ противъ большаго землевладѣнія, неравенства состояній, и т. п.

Одинъ, напримѣръ, изъ такихъ предсѣдателей съѣзда мировыхъ посредниковъ на самомъ съѣздѣ весьма наивно и во всеуслышаніе объявилъ мнѣ, что право наследственное есть весьма сомнительное право, что земля не есть и не можетъ быть настоящею собственностью, что люди земли и воли необходимы для правительства въ западномъ краѣ, и т. п.

Кто жилъ въ западномъ краѣ въ 1860-хъ годахъ, тотъ можетъ поразсказать многое о продѣлкахъ этихъ дѣятелей. Въ Бренеловскомъ имѣніи мировой посредникъ вышелъ на мостъ и, показавъ толпѣ крестьянъ помѣщицью усадьбу, крикнулъ: «Это все ваше, все должно отойти къ вамъ!» Другой посредникъ въ моемъ имѣніи, въ бытность мою за границею, по свидѣтельству самихъ крестьянъ, предлагалъ имъ жаловаться на выкупной, уже за два года утвержденный, актъ и помогалъ имъ писать въ жалобѣ небывалыя вещи. Другой же посредникъ предлагалъ мнѣ уладить все это дѣло, заплативъ землежру мирового съѣзда за новый планъ крестьянскаго надѣла; и этотъ самый господинъ потомъ, подгулявъ за обѣдомъ у предсѣдателя, заявлялъ во всеуслышаніе, что лучшее средство—перерѣзать всѣхъ пановъ.

О такомъ пассажѣ нельзя уже было не донести по начальству, и этого посредника прогнали изъ Винницы, но потомъ гдѣ-то опять дали другое мѣсто.

Одинъ изъ ярыхъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ, между посредниками, сдѣлался такимъ демофиломъ, содралъ за годъ до эманципациі съ крѣпостныхъ своей жены (въ Херсонской губерніи) за одинъ личный выкупъ по 150 руб. съ души, убѣдивъ ихъ приписаться въ мѣщане или наняться въ кабалу у купцовъ и поповъ; такимъ образомъ, этотъ рыный демагогъ, получивъ съ своихъ обезземеленныхъ крестьянъ (до 100 душъ) тысячь 15, продалъ потомъ тысячи двѣ десятины пустопорожней земли и переѣхалъ въ юго-западный край благодѣтельствовать крестьянамъ на чужой счетъ.

Были, наконецъ, между господами посредниками этого края и отъявленные мазурики, и даже одинъ уголовный преступникъ. И то сказать: кто бы изъ уважающихъ себя личностей рѣшился подчинять себя полѣйшему произволу начальства. Одинъ изъ смѣненныхъ такъ, par l'ordre de moufti, — предсѣдатель мирового съѣзда, — писалъ ко мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Винницы, прося моего ходатайства у генералъ-губернатора: «я занялъ 25 руб. на выѣздъ, а меня оклеветали во взяточничествѣ. Я отнялъ у помѣщиковъ винницкаго уѣзда слишкомъ 15,000 десятинъ въ пользу крестьянъ, и все еще не угодилъ краснымъ, засѣдающимъ въ Кіевѣ».

Не помню, этотъ-ли самый, или другой демократъ, однажды, на мое замѣчаніе о томъ, что крестьяне, какъ сосѣди помѣщиковъ, все-таки предпочтутъ лучше имѣть дѣло съ нами, чѣмъ съ чиновниками, — также весьма наивно объявилъ мнѣ: «въ такомъ случаѣ для правительства полезнѣе было бы отдать помѣщицьи земли намъ, а помѣщиковъ сдѣлать чиновниками». Это почти такъ и случилось въ западной окраинѣ; имѣнія конфисковались, помѣщики административно выслались, а чиновники и начальники края надѣлялись.

Когда эманципациа крестьянъ повлекла за собою учрежденіе земствъ и новыхъ судовъ, то правительство обратилось, за неимѣніемъ надежнаго стараго, къ новому поколѣнію, и также не могло быть разборчивымъ; поэтому и въ земскую, и въ судебную области не могли не проникнуть современныя демагогическія стремленія, хотя проявленія ихъ и не могли быть безшабашны и грубы, какъ въ мировыхъ учрежденіяхъ западныхъ окраинъ послѣ польскаго мятежа.

Между тѣмъ новый порядокъ не могъ же въ новыхъ учрежденіяхъ создать себѣ оппозицію, а потому необходимо было стараться, сколько можно, ограничить ихъ дѣйствія администраціею.

И вотъ, являются, съ одной стороны, соотвѣствующія современ-

нымъ требованіямъ преобразованія государственной машины, требовавшія, въ свою очередь, и введенія въ дѣйствіе новыхъ понятій, новыхъ мировоззрѣній и новыхъ силъ, а съ другой стороны, понадобились прежніе, задерживающіе новый механизмъ, приборы.

Но и въ этотъ старинный регуляторъ нашей государственной машины, въ администрацію, вѣянія времени внесли-таки новые элементы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и недовольство, притворство и ненормальное положеніе.

Всякому здравомыслящему ясно, что въ государствѣ, выступившемъ на новый путь, неустроенная смѣсь новыхъ учрежденій съ старыми, отжившими,—самое вредное и опасное дѣло. Всякій здравомыслящій видитъ, конечно, и чрезвычайную трудность регулировать тотчасъ и точно отношенія новаго къ старому, по мѣрѣ cadaго нововведенія. Зная это, надо готовиться на-встрѣчу съ препятствіями и, встрѣтивъ ихъ, не терять головы, не выходить изъ себя, не увлечься въ выборѣ средствъ для борьбы съ препятствіями. Безъ сомнѣнія, каждый русскій, любящій свое отечество, не пожелаетъ ослабленія государственной мощи и власти; это было бы равносильно желанію видѣть Россію распавшеюся на части; но средства для усиленія этой власти могутъ быть часто обоюдоостры: энергическія на видъ, на дѣлѣ они могутъ произвести эффектъ, противоположный ожидаемому.

Я полагаю, что главное средство для усиленія власти состоитъ въ томъ, чтобы не слодить ни разу въ сторону съ предначертаннаго однажды пути, другими словами—знать хорошо и вѣрно, чего хочешь. Колебаться,—это опасно для власти.

4-го марта 1881 г.

Третьяго дня, 2-го марта, я взялъ перо подъ наплывомъ разныхъ чувствъ и мыслей, стараясь уяснить себѣ, почему случилось,—а я отвергаю случай,—что одинъ изъ нашихъ лучшихъ государей погибъ преждевременно отъ насильственной смерти. Я старался припомнить себѣ изъ прожитаго теперь 25-лѣтія все, что казалось мнѣ имѣющимъ хотя бы и отдаленную связь съ катастрофою. Но, припоминая, я не могъ не привести себѣ на память и предшествовавшего царствованію Александра II-го 25-лѣтія, и что же?

Ненормальная склонность въ нашей интеллигентной молодежи къ насильственнымъ мѣрамъ идетъ изъ той эпохи. Вовсе не занимавшіеся политикою въ 1840-хъ годахъ, я удивлялся и не понималъ ясно мотивовъ той затаенной странной злобы, которую встрѣчалъ нерѣдко

въ откровенныхъ бесѣдахъ и у молодыхъ людей; помню, что и тогда еще мнѣ случалось слышать шипучія рѣчи о готовности собесѣдниковъ всадить ножъ или пулю всякому угнетателю, нарушающему человѣческое достоинство. Я полагала тогда, что это юношескія вспышки, подобныя тѣмъ, которыхъ я слышался въ 10-мъ номерѣ, въ 1820-хъ годахъ; но тонъ былъ уже иной, и, очевидно, гнетъ ощущался сильнѣе и отчетливѣе.

Къ концу 1840-хъ годовъ прибавилось къ этому еще и новое, небывалое стремленіе интеллигентной молодежи къ сближенію съ меньшею братією, проявившееся потомъ въ дѣлѣ Петрашевскаго.

При вступленіи на престолъ Александра II-го, я, сдѣлавшись попе чителемъ, уже ясно замѣчала развитіе и ростъ этихъ стремленій по мѣрѣ того, какъ вопросъ объ эманципаціи приближался къ своему окончанію.

Но кто въ то время не увлекался и не волновался? По почину правительства, даже и равнодушнѣйшіе чиновные консерваторы считали обязанностію хоть немного да увлечься. Учащаяся молодежь рвалась къ сближенію съ освобождаемымъ народомъ, а тутъ еще рѣчь зашла и объ эманципаціи поляковъ.

И вотъ мнѣ живо представляется арена со всѣми аксессуарами тайной и явной борьбы, возникшей между новыми, вызванными эманципаціею на свѣтъ, стремленіями и государственною властью, — то, по необходимости, поощряющей, то подавляющей вызванныя ею на свѣтъ стремленія.

Арена эта — освобожденное отъ крѣпостного права, но еще не свободное крестьянство. На ней дѣйствуютъ, съ одной стороны, власть, по своему естественному праву стремящаяся укрѣпить и усилить себя освобожденною ею стихійною силою, съ другой же стороны — новое, еще не дозрѣвшее, поколѣніе, съ новыми, пришлыми, извѣстными стремленіями, ищетъ въ этой же самой стихійной силѣ почвы и матеріала для осуществленія своихъ стремленій. Борьба неравная. Власть располагаетъ администраціею и новыми земскими и судебными учрежденіями. Но и администрація, и учрежденія оказываются уже не прежними безотвѣтно-повинующимися силами; онѣ или ослабѣли, или прониклись сами новыми, неподручными элементами.

У власти есть еще и обаяніе, и военная сила; но первое сильно при довольствѣ; ко второй всякая государственная власть прибѣгаетъ только въ крайнемъ случаѣ, когда надо нанести разомъ рѣшительный ударъ, *coup d'état*; въ хронической внутренней неурядицѣ оно — опасное средство. Но съ другой стороны, вся сила — въ увлеченіи, настоящемъ или напускномъ и вынужденномъ.

Можно вообразить себѣ, какую тревогу въ свѣтѣ причинили бы

выпущенные изъ всѣхъ домовъ уменьшенные, если-бы сумасшествіе было у всѣхъ одно и то же и дѣлало всѣхъ этихъ мономановъ солидарными при осуществленіи общей имъ *idée fixe*!

Можно ли бы было поручиться, что солидарные мономаны не достигнутъ, наконецъ, своей фантастической цѣли или не заразятъ своими галлюцинаціями и здоровыхъ? Примѣровъ было не мало въ исторіи. Мы всѣ живемъ подъ вліяніемъ психическихъ повѣтрій, охватывающихъ цѣлыя общества и уклоняющихъ ихъ далеко отъ прямого пути.

Не мало способствуетъ силѣ этой стороны и то, что она принуждена дѣйствовать подземно, подпольно, изъ-за угла и втихомолку. Никакая государственная власть одна, сама по себѣ, безъ содѣйствія всѣхъ и каждого, не справится съ подпольною крамолою, какъ скоро она успѣла хотя нѣсколько организовать.

Итакъ, государственная власть стремится по праву удержать за собою стихійную силу, освобожденную ею для своей опоры и мощи на будущее время, а новое поколѣніе пролетаріевъ, авантюристовъ, недовольныхъ, софтовъ—стремится изъ увлеченія, ненависти къ государственной власти, корыстныхъ цѣлей, гоньбы за эффектомъ, и т. п., привлечь къ себѣ эту же самую стихію, усматривая и чуя найти въ ней мощное средство, чтобы не допускать до усиленія государственную власть, поставить все вверхъ дномъ и передѣлать весь свѣтъ по своему, на свой ладъ.

На помощь скрытой крамолѣ является общее недовольство, отчасти ею же самою возбужденное.

Прежде всего, недовольство учащейся молодежи. Съ самаго начала не съумѣли у насъ успокоить возбужденную молодежь

Духовенству, въ свою очередь, также не посчастливилось отъ преобразованій. Повидимому, новый оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода съ 1866 г. весьма старался о коренной реформѣ быта всего нашего духовенства; но на дѣлѣ эта реформа отозвалась всего болѣе опять-таки недовольствомъ нашихъ софтовъ.

Семинаристамъ запретили входъ въ университетъ, намѣреваясь этимъ привлечь ихъ въ духовную академію. Ничего не бывало; вышло противное: радикальнаго улучшенія нравственно-культурнаго и матеріальнаго быта духовенства, благодаря всѣмъ преобразованіямъ прокурора, не послѣдовало, а подпольная крамола въ это время прибрѣла, вѣрно, не мало дѣятельныхъ членовъ изъ семинаристовъ. Самые крестьяне, изъ всѣхъ сословій наиболѣе облагодѣтельствованные великою реформою, не оказались довольными и счастливыми въ такой мѣрѣ, какъ этого слѣдовало бы ожидать

Крестьянину, понятно, главное—какъ можно менѣе платить въ казну; а тутъ плати не только въ казну, да еще волостному старостѣ, писарю, на духовенство, на мировыя учрежденія, на рекрута. Какъ не послушать благодѣтелей въ кабакахъ, толкующихъ, что царь скоро дастъ всю землю крестьянамъ, а помѣщиковъ посадить на жалованье или просто прогнать и велеть бить? Чигиринское крестьянское дѣло доказываетъ, до какой дерзости могли дойти дѣйствія крамольниковъ и какъ легко поддаются крестьяне юго-западнаго края искушеніямъ.

А недовольство, легковѣріе, податливость и невѣжество крестьянъ всего болѣе на руку той части культурной молодежи, которая ищетъ, во что бы то ни стало, сближенія съ меньшею братіею.

Да, это вѣяніе времени замѣчательно и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и не одной администраціи, а истинно государственныхъ людей.

Причину этого курьезнаго стремленія, кромѣ интернаціональной, социалистической пропаганды, я нахожу, главное, въ томъ, что у насъ нѣтъ настоящаго культурнаго сословія. Наше facsimile культурнаго сословія—трень-брень: кое-какое чиновничество, кое-какое купечество, кое-какое духовенство, все частичное; есть особи такого сословія, но самого сословія нѣтъ! И вотъ культурная наша молодежь, которая при вступленіи Россіи, послѣ эманципации, на торную дорогу европейскаго прогресса (другого мы въ XIX вѣкѣ не знаемъ) должна бы представлять самый надежный контингентъ къ образованію настоящаго интеллигентнаго сословія,—за неимѣніемъ кадровъ этого сословія, поворотила въ сторону и ищетъ соединить свои будущіе интересы съ будущими же крестьянскими.

Для привлеченія сбитой съ толку молодежи на прямой, надежный, не химерическій путь прогресса недостаетъ двухъ средствъ; во-первыхъ, нѣтъ организованныхъ кадровъ, а во-вторыхъ,—что не менѣе важно,—нѣтъ и никакихъ приманокъ-гарантій со стороны правительства, для привлеченія молодежи хотя въ какіе ни на есть кадры этого сословія. А для этого, по моему, не надо бы было слишкомъ затруднять входъ въ высшія и среднія учебныя заведенія и дѣлать и жизнь, и ученье въ нихъ тягостными.

Надо надѣяться, что съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться контингентъ культурнаго сословія, если само правительство обратитъ наибольшее вниманіе на развитіе и организацію этого необходимаго класса общества.

А развитіе его требуетъ, прежде всего, льготъ самоуправленія и значительныхъ обезпеченій самостоятельности, что, въ свою очередь,

при существующемъ еще значеніи и силѣ административной власти — немислимо.

Наконецъ, война, казалось бы, могла содѣйствовать къ успокоенію крамолы, сблизивъ всё сословія; но, именно, тотчасъ же послѣ окончанія послѣдней войны и начали слѣдовать одно за другимъ, *crescendo*, преступныя дѣйствія крамолы, поражавшія всёхъ неслыханною дотогѣ дерзостью предпріятій.

Мнѣ кажется и это объясняется тѣмъ, что крамольники рассчитывали на возросшее послѣ войны 1877—1878 годовъ недовольство въ различныхъ классахъ общества, вслѣдствіе упадка курса, неудачнаго мира, появленія чумной заразы, злоупотребленій интендантства и т. п.

Какъ могла бы шайка злоумышленниковъ причинить столько зла сильному государству, если-бы всё классы, всё сословія были довольны, насколько вообще возможно общественное довольство. Все волновалось только послѣ каждой попытки къ преступленію, какъ будто изъ одного любопытства, а потомъ смотрѣло на происходящее только съ боязнью за себя, чтобы какъ нибудь не быть вовлеченнымъ въ отвѣтственность, или же сѣтовало, и не безъ причины, на стѣснительныя административныя мѣры, аресты, обыски, ссылки и проч. И это недовольство было, очевидно, на руку крамольникамъ; общество, наконецъ, не знало уже кого ему болѣе ненавидѣть за произволь и насилие: крамолу или администрацію? А крамолѣ это было какъ нельзя болѣе на руку.

И вотъ, дошло до того, что гнусная и нравственно-ненавистная честному обществу крамола оказывалась нравственно же связанною съ нимъ сѣтью неуволнимыхъ впечатлѣній.

Дѣло въ томъ, что крамола, какъ видно изъ разныхъ судебныхъ изслѣдованій, есть только послѣднее слово социальной утопіи. А утопія эта имѣетъ столько разныхъ отгѣнковъ, что умѣреннѣйшій изъ утопистовъ составляетъ незамѣтный переходъ къ простымъ прогрессистамъ .

Какой же внутренній смыслъ ужаснаго царевубійства 1-го марта?

Или, можетъ быть, оно не имѣетъ никакого смысла и есть просто звѣрскій поступокъ злодѣя, рукою котораго управляла личная скотская злоба, фанатизмъ, корысть, безуміе?

Но ненависть шайки, основывавшаяся также на недовольствѣ известной части молодежи, раздутая до ярости ложными утопіями, пропагандою коммуваровъ и коммунистовъ, корыстью и т. п., была едва-ли личная.

Александръ II, какъ человѣкъ, былъ такою личностью, которую нельзя было ненавидѣть; то была скорѣе ненависть къ государственности. Посягая на жизнь царя, и самые ограниченные изъ крамольниковъ, вѣрно, знали, что они убиваютъ не самодержавіе, а только одного изъ лучшихъ его представителей. Но они рассчитывали, что, возбуждая своими преступленіями смуты, беспорядки и недовольство въ обществѣ, они все-таки содѣйствуютъ къ разстройству и потрясенію ненавидимаго ими государственнаго строя, вообще—всякаго.

Государство—это разбойникъ по ихъ ученію; въ замѣну государства придумалось даже—за немѣнѣемъ ничего лучшаго—казачество.

Настолько, впрочемъ, эта ненависть могла быть и личною, что Освободитель не такъ освободилъ, какъ имъ хотѣлось, и какъ-будто не исполнилъ обѣщаннаго, то есть того, что имъ хотѣлось, что они сами обѣщали себѣ.

Мстили, можетъ быть, лично и за возраставшую, по мѣрѣ преступленій, строгость каръ. Крамольники (по крайней мѣрѣ, ихъ вожаки), надо полагать, рассчитывали всего болѣе, и не безъ основанія, на недовольство, хотя и знали, что оно никогда не было личнымъ противъ особы царя. Они питали и раздували всѣми силами это недовольство,—находили себѣ, вѣрно не безъ злорадства, немалую подмогу въ произволѣ и промахахъ администраціи.

Итакъ, вдумываясь въ прожитое прошедшее, я нахожу, что спертый до-нельзя, въ теченіи многихъ лѣтъ, и выпущенный въ послѣднее 25-лѣтіе на свободу духъ нашего времени проявилъ себя у насъ тотчасъ же борьбою съ властью. Духъ времени, выпущенный на волю, оказался у насъ, какъ и слѣдовало ожидать, похожимъ на степную, табунную лошадь, спущенную съ аркана .

Удобства почвы, избранной утопистами для борьбы съ властью, очевидны.

Нѣтъ ни одного государства въ Европѣ наименѣе муниципальнаго, чѣмъ Россія. У насъ выдумали даже русскаго государя называть въ похвальномъ смыслѣ «мужицкимъ царемъ» и, конечно, Россію—«мужицкимъ царствомъ». «Идти къ мужичкамъ», сближаться съ крестьянскимъ людомъ, изучать деревню во всѣхъ отношеніяхъ—сдѣлалось моднымъ и любимымъ занятіемъ многихъ.

Я это говорю, конечно, не въ упрекъ; я самъ живу 15 лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ и интересуюсь, и по-волѣ, и по-неволѣ, крестьянскимъ бытомъ.

Я указываю на это стремленіе нашего культурнаго общества какъ на знаменіе времени. Стремленіе такое имѣеть, какъ и все на свѣтѣ, не одну сторону. Оно почтенно, крайне полезно и необходимо для

государства, въ особенности же для нашего, не-муниципальнаго. Но сближеніе съ меньшею братією имѣетъ въ себѣ, какъ мнѣ кажется, много дутаго, напускнаго, ненормальнаго. Мнѣ кажется, многіе изъ молодежи ищутъ сближенія съ крестьянами безъ всякой программы и потому уже увлекаются вожаками; многіе вербуются ad hoc, а многіе только подражаютъ.

Я наблюдалъ это при первомъ открытіи воскресныхъ школъ въ Кіевѣ. Это было время, когда Миржевскій (пріѣхавшій самъ, разумѣется, incognito и разѣзжавшій по юго-западному краю съ русскою подорожною) пустилъ въ ходъ между польскою молодежью влеченіе къ меньшей братіи. Студенты всполошились и начали сближаться по своему: пошли доносы, аресты, и т. п.

Учрежденіе воскресныхъ школъ при такихъ обстоятельствахъ казалось мнѣ самымъ законнымъ и самымъ надежнымъ средствомъ къ устраненію и увлеченій, и подозрѣній.

Студенты, — именно малороссы, изъ польскихъ никто, — бросились учить въ этихъ школахъ, и учили, подъ надзоромъ инспекторовъ училищъ, дѣльно.

Тутъ я и видѣлъ, какъ различны были мотивы стремленій молодежи къ сближенію съ народомъ.

Извѣстна участь воскресныхъ школъ въ Россіи: вслѣдствіе увлеченій, принявшихъ уродливое направленіе, онѣ были закрыты. Но безобразіе и произошло именно отъ того, что никто не занялся сначала регулированіемъ новыхъ отношеній молодежи и общества къ темной массѣ. А регулированіе этихъ отношеній на открытомъ полѣ много содѣйствовало бы къ укрощенію подпольной борьбы.

Не смотря на то, что главныя ея проявленія сосредоточились въ послѣднее время въ нашихъ муниципіяхъ (въ подражаніе Западу), нельзя не видѣть, что цѣлью ея служитъ все-таки почва, на которой легче поднять стихійныя силы и разжечь хищническія инстинкты.

А эта почва — крестьянство и, конечно, не одно деревенское, а также мѣщанское и фабричное. И увлеченные, и злонамѣренные, и корыстные утописты не безъ основанія рассчитываютъ на нищету, темноту, непониманіе самыхъ основныхъ началъ общества, неуваженіе въ чужой собственности и многія стадныя свойства нашихъ, еще не вполне свободныхъ (прикрѣпленныхъ къ землѣ), крестьянъ.

Понятія нашихъ крестьянъ, насколько я могу судить по тѣмъ изъ нихъ, съ которыми я имѣлъ дѣло прежде, какъ мировой посредникъ, и имѣю теперь, какъ помѣщикъ, весьма оригинальны о царскихъ законахъ. Все, что нравится, что доставляетъ въ законѣ материальную выгоду крестьянъ, то они считаютъ дѣйствительно отъ царя,

и то, впрочемъ, если приносимая имъ выгода растолкована понятнымъ для нихъ языкомъ; но какъ только законъ имъ не по шерсти, то и сомнѣніе недалеко: да впрямь ли онъ царскій?

Такое безграничное довѣріе къ благости царской власти, безъ сомнѣнія, доказываетъ преданность цѣлаго крестьянскаго сословія самодержавной волѣ; но оно же имѣетъ для правительства и весьма опасную сторону. Я былъ однажды свидѣтелемъ сцены, поразившей меня до того, что я не зналъ, вѣрить ли мнѣ моимъ ушамъ. Подольскій губернаторъ Брауншвейгъ, при мнѣ (я былъ посредникомъ), увѣщевалъ собравшихъ въ Винницу крестьянъ и старостъ принимать уставныя грамоты, увѣрялъ ихъ, что это непремѣнная царская воля, и т. п. Крестьяне, слушая губернатора, одѣтаго въ мундиръ и окруженнаго исправниками, становыми и т. п., слушали, кланялись, не возражали, соглашались; но какъ только вышли со двора, гдѣ собирались передъ губернаторомъ, на улицу, какъ тутъ же начали толковать съ евреями, что тó, пожалуй, былъ и не губернаторъ, а переряженный пань,—и грамоты потомъ все-таки не приняли.

Съ ихъ стороны это было, пожалуй, и не глупо; потому, при обязательномъ выкупѣ, имъ досталось больше отъ посредниковъ, явно и безъ зазрѣнія совѣсти грабившихъ польскихъ пановъ; но для закона и для законной власти, мнѣ кажется, въ этомъ пассажѣ нѣтъ ничего хорошаго.

Этими же полумифическими понятіями крестьянства о царскихъ повелѣніяхъ объясняется, конечно, и невѣроятный успѣхъ подпольной пропаганды между крестьянами въ чигиринскомъ уѣздѣ (дѣло съ золотою грамотою), и много другихъ прежнихъ дѣяній. И вотъ мы дѣлаемся свидѣтелями весьма страннаго явленія.

Борьба утопистовъ и крамольниковъ съ государственною властью ведется, болѣе или менѣе, во имя крестьянства и меньшей братіи,—и кѣмъ же?—людьми, бóльшая часть которыхъ, по своему положенію и образованію, могла бы быть отнесена къ культурному сословию, если бы таковое у насъ существовало, какъ сословіе; между тѣмъ интересы этого класса людей не имѣютъ ничего общаго съ крестьянскими интересами.

Изъ-за чего же добровольные защитники такъ усердно дѣйствуютъ? Изъ любви къ ближнимъ, евангельской или платонической? Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ — высшія натуры; но уже вѣрно не тѣ, которые считаютъ позволненнымъ всякое средство. Изъ-за идеала? Да, вѣра въ утопію можетъ быть фанатическая, изступленная, мученическая; но туманный, неоформулированный идеалъ, это — не идеалъ еще, а фантомъ, призракъ...

Невѣроятно, однако-же, чтобы вся крамода состояла изъ такихъ и такъ заблуждающихся личностей; гораздо естественнѣе принять, что это — зловѣщее для государства общество изъ разномыслящихъ и разнохарактерныхъ лицъ, соединенныхъ между собою разномотивнымъ недовольствомъ и на правительство, и на государство, и на общество.

Меньшая братія для большинства или, по крайней, мѣрѣ, для вожаковъ, это — предлогъ, избранный по своимъ удобствамъ для веденія борьбы.

Въ современномъ культурномъ обществѣ накопилось теперь довольно взрывчатого матеріала; онъ готовъ воспламениться и отъ незамѣтной, неуловимой причины. Изъ такого матеріала, вѣроятно, состоитъ и ужасающая наше общество крамола.

Динамитомъ, пирокселиномъ и нитроглицериномъ орудуетъ не менѣе взрывчатый матеріалъ. Онъ взрывается потому, что это лежитъ въ его натурѣ. Ему нужно разрушеніе. Творчество—не его дѣло. Изъ разрушеннаго пусть будетъ, что будетъ.

Только вожаки и передовые видятъ цѣль, но какую? А какую имѣлъ «бичъ божій», огонь и мечомъ разрушавшій все встрѣчавшееся ему на пути.

Культурное общество не боится уже болѣе божіихъ бичей, пославшихся на него съ востока; наступаетъ, можетъ быть, время испытанія своего собственного бича. Кто проживетъ—увидеть. Но куда, мнѣ кажется, пришла пора для нашего правительства направить всѣ наличныя силы и средства земскихъ общественныхъ учреждений для прочной организаціи и культуры низшихъ, основныхъ слоевъ общества.

Пора, пора обратить вниманіе на регулированіе стихійной силы, оставшейся и послѣ ея освобожденія такою же стихійною, какъ и прежде, а потому и служащей столько времени приманкою для утопистовъ и злонамѣренныхъ людей. Для нея законъ—это администрація, и самая нелѣпая—администрація прощальгъ-писарей, безграмотныхъ и пьяныхъ старостъ, тунеядцевъ-посредниковъ, грубыхъ становыхъ урядниковъ и горлодеровъ сходокъ. Это плоды 20-лѣтняго режима провинціальной администраціи, начальниковъ края, крестьянскихъ присутствій, и т. п.

Теперь должна наступить новая эра для Россіи. Недовольство исчезнетъ, какъ скоро чрезмѣрная административная власть будетъ правильно регулирована судебною властью

5-го — 6-го марта 1881.

Съ 2-го марта до сегодня я писалъ, потому что не могъ не писать. Скопившіяся, подъ вліяніемъ страшнаго событія, и волновавшіяся мои чувства и мысли безъ удержа лились на бумагу. А я, по обыкновенію или, вѣрнѣе, по зарокѣ, не читалъ потомъ написаннаго и всё поправки, помарки и вставки дѣлалъ въ то же самое время, какъ писалъ.

Сегодня въ первый разъ, опомнясь, задаю себѣ вопросъ: моего ли ума дѣло—судить о причинахъ настоящаго смутнаго состоянія Россіи и дѣлать предположенія о средствахъ къ выходу изъ него? Да развѣ—спрашиваю я теперь себя—ты можешь взглянуть на дѣло сверху, съ птичьяго полета, какъ великіе міра сего? развѣ ты имѣешь для этого достаточно средствъ и знаній? Сознаюсь,—не имѣю, а потому сознаюсь, что и все, съ 2-го по 4-е марта, вырвалось изъ-подъ пера у меня невольно, и потому есть болѣе сердечное, чѣмъ головное убѣжденіе.

Голова доставила только воспоминанія прошлаго, пережитаго мною и нѣкоторыя отрывочныя мысли; все остальное есть произведеніе сильно взволнованнаго чувства.

Что же: не лучше ли разорвать въ куски это произведеніе? Могутъ ли соображенія о важномъ дѣлѣ, вызванныя на свѣтъ взволнованнымъ чувствомъ, не быть ошибочными и ложными? Въ клочки, въ огонь!.. Нѣтъ, стой! Пусть все останется, какъ есть; ошибка прилична человѣку, и—мало того: она—его элементъ.

Мы осуждены, и чувствуя, и умствуя, безвыходно жить въ миражѣ. И бываютъ минуты въ жизни, когда чувство ориентируется вѣрнѣе мысли въ этомъ миражѣ.

Это случается въ тѣ минуты, когда въ душѣ мыслящаго человѣка внезапно дѣлается приливъ и скопленіе самыхъ разнородныхъ чувствъ. Это и было со мною 2-го марта. Приливъ длился три дня. Анализируя сегодня его элементы, я вижу, что мой анализъ опоздалъ. Изъ составныхъ началъ прилива уже многое улетучилось и прошло. Въ этой скопившейся въ душѣ массѣ чувствъ и представленій теперь не найдешь. Тутъ были и ужасъ, и скорбь, и стыдъ, и гнѣвъ, и отчаяніе, и надежда. Если въ эти роковыя минуты умъ не теряетъ еще способности мыслить, то мы должны, мы обязаны пользоваться ими, не упускать, ловить ихъ на-лету и, сохранивъ самообладаніе, замѣчать, что принесло оно намъ съ собою.

И это и сдѣлалъ.

И было бы глупою слабостью для 70-лѣтняго старика стыдиться

того, рвать и жечь, что онъ изложилъ на бумагѣ въ эти дни прилива взволнованныхъ чувствъ и мыслей. Пусть остается на память. Если ошибся, такъ ошибся,—не бѣда; отъ этой ошибки никому ни холодно, ни тепло.

Я писалъ совершенно спокойно мою автобіографію, когда услышалъ вѣсть о страшномъ событіи 1-го марта. Я собирался когда-нибудь высказаться въ моемъ дневникѣ о настоящемъ положеніи Россіи, какимъ я себѣ его представляю, при сравненіи съ пережитымъ прошлымъ.

И вотъ, внезапная вѣсть о кровавой катастрофѣ, закончившей по истинѣ величественную эпопею царствованія Александра III.. Можно ли было удержать приливъ внезапныхъ, встревоженныхъ чувствъ и скопленныхъ, хотя еще и не разработанныхъ, мыслей?

Теперь я успокоился, но не настолько, чтобы снова приняться за мое собственное жизнеописаніе. Психическія бури проходятъ не разомъ. И что ни начнешь дѣлать, мысленная тревога все тянетъ думать о томъ же, что волновало чувство и мысль цѣлыхъ три дня. Невольно обращаюсь опять къ своеобразному положенію русской земли.

Я не знаю, какъ современные ученые опредѣляютъ, что такое государство. Помню, прежде всѣ опредѣленія мнѣ казались то странными, то невѣрными. Но до доктринерства ли теперь, когда почти всѣ—и культурныя, и не-культурныя—государства обрѣтаются не въ своей тарелкѣ

?!

Интересы современнаго общества такъ различны, спутаны, сложны, что тотъ, кому достается разматывать этотъ клубокъ, невольно дѣлается какъ бы антагонистомъ, то-есть разрушителемъ путаницы.

И интересы его поэтому не могутъ быть тѣ же самые, изъ которыхъ вить клубокъ. Клубокъ требуетъ одного: разматывай, но не рви. И если это соблюдается, то и при различныхъ интересахъ дѣло идетъ хорошо.

Но въ наше время антагонизмъ общества съ современнымъ порядкомъ доходитъ до того, что явилась уже на свѣтъ цѣлая фаланга людей, готовыхъ разорвать клубокъ и выравнять всѣ спутанныя нити. А когда интересы всѣхъ и каждаго будутъ одни и тѣ же, то государству нечего будетъ разматывать; его роль сдѣлается отрицательною,—только не давать, чтобы ровныя нити опять спутались и склублились.

Уравнять интересы, уравнять и стремленія; сбить маковыя головки, выросшія выше другихъ, пьедесталы опрокинуть, почву выровнять. Все человѣчество должно сдѣлаться однимъ огромнымъ человѣкомъ,

ростомъ до неба. Вотъ финалъ современныхъ социальныхъ утопій съ ихъ множествомъ оттѣнковъ и вариаций.

Вѣдь, мнѣ кажется, я не брежу. Миражъ существуетъ не только въ фантазіи, но служилъ уже мотивомъ для дѣйствій. И я сравниваю, живо представляю себѣ, и обаяніе умовъ, увлекающихся этимъ миражемъ, и положеніе современной Россіи.

Мы странны, національно странны, и въ нашей оригинальности, и въ нашемъ подражаніи. Въ оригинальности мы хотимъ перещеголять всѣхъ другихъ, выдумать разомъ что нибудь такое, что другимъ никакъ бы не могло придти на умъ. Въ подражаніи мы или рабски подражаемъ, или же стараемся попасть, опять-таки разомъ, на самую послѣднюю ступень,—и то, чего другіе достигали медленно, переходя съ одной ступени на другую, мы хотимъ одолѣть разомъ.

Въ наше оправданіе мы не безъ основанія можемъ привести: «время не терпитъ», и это вѣрно, но не вездѣ и не всегда.

И номадамъ приходится переходить отъ кремennaго ружья къ Шасспо и Пибоди.

Но, именно, когда необходимъ такой быстрый переходъ, мы и паскуемъ, дѣлаясь осторожными и бережливими охранителями пустыхъ интересовъ; начинаемъ изъ прежнихъ, старыхъ ружей выкраивать новыя.

За то, гдѣ нужно соображеніе и здравый смыслъ, чтобы понять, что до многого хорошаго у другихъ нельзя достигнуть, не переживъ сначала всѣхъ фазъ его развитія,—тамъ мы паскуемъ.

И послѣ удивляемся, не вѣримъ, жалуемся, что у насъ не вышло хорошо.

На Западѣ, положимъ, идетъ отлично ассоціація труда и капитала.

Мы сейчасъ же такъ соображаемъ. У насъ есть и теперь уже на-лицо важный задатокъ—община; она такъ прямо, цѣликомъ, и заткнетъ за поясъ ассоціацію. А то ни почему, что пережило на Западѣ общество, что почувствовало, переиспытало прежде, чѣмъ дошло до ассоціаціи?

Такъ и въ поговѣ за классицизмомъ. Такъ и въ социальномъ переустройствѣ общества и государства.

На Западѣ, и то не вездѣ, родился цѣлый классъ людей, ненавидящихъ буржуазію и бюргерство.

И намъ это нужно, то-есть не средній классъ нуженъ, а нужна ненависть къ нему,—ненависть къ тому, чего еще нѣтъ, и быть ему не нужно: мы—мужицкое царство.

На Западѣ есть представительство и преимущественно изъ средняго класса. Намъ не нужны ни этотъ классъ, ни это представительство.

Намъ нужно что-то другое, болѣе радикальное, свое, оригинальное, и даже не конституція. А что же? Формулы еще нѣтъ; она явится впоследствии, а теперь надо только разрушать старое. Новое, лучшее, народится потомъ само собою. Нужна только земля, да воля, да общины. Съ меньшею братіею надо слиться и имущіе должны все раздать неимущимъ. Тогда заживемъ на славу!

Неужели не настанетъ для насъ всѣхъ время, когда мы поймемъ всю скудость нашего здраваго смысла? И, къ сожалѣнію, я не могу отнести этотъ вопросъ только къ одному нашему обществу, къ утопистамъ, къ неарѣлой молодежи

7-го марта 1881 г.

Когда мнѣ было лѣтъ 17, я велъ дневникъ, потомъ куда-то завалившійся; отъ него осталось только нѣсколько листовъ; я помню, что записалъ въ немъ однажды приблизительно слѣдующее: «Сегодня я гулялъ съ Петромъ Григорьевичемъ (Рѣдкинъ; это было въ Дерптѣ); мимо насъ проскакала карета и забрызгала насъ грязью. Петръ Григорьевичъ какъ-то осерчалъ, и съ досады сказалъ: «Ненавижу до смерти видѣть кого-нибудь ѣдущимъ въ каретѣ, когда я иду пѣшкомъ». А я, помолчавъ немного, ни съ того, ни сего, говорю ему: «А знаешь-ли: вчера въ темнотѣ я попалъ въ грязь около дома (въ глухой улицѣ); вдругъ слышу — скачетъ во весь опоръ, прямо на меня, съ пѣснями, извозчикъ, везетъ пьяныхъ и самъ, видно, пьяный; ну, думаю, какъ бы не задавилъ. Не успѣлъ я собраться съ мыслями, а онъ уже наскочилъ и тотчасъ же круто повернулъ отъ меня; значить, въ человеческомъ сердцѣ есть врожденная доброта; зачѣмъ извозчику, да еще хмѣльному, было сворачивать, а не скакать прямо на меня? никто бы и не пикнулъ, и я остался бы лежать въ грязи».

— «Это, братъ, не врожденная доброта, а страхъ, — замѣтилъ Петръ Григорьевичъ: timor Domini, только не божій, а государевъ».

Почему этотъ пассажъ изъ моего стараго дневника приходитъ мнѣ теперь, черезъ 53 года, на память? А propos des bottes? Почему еще и тогда этотъ не значащій разговоръ нашъ, двухъ молодыхъ людей, сдѣлалъ на меня такое впечатлѣніе, что я внесъ его въ мой дневникъ? Мало этого: этотъ незначащій разговоръ приходилъ мнѣ въ голову каждый разъ, когда я думалъ, говорилъ или читалъ о современныхъ доктринахъ или соціальныхъ утопіяхъ.

Это, можетъ быть, глупо и не стоило бы теперь вносить въ мою автобіографію. Но вѣдь я пишу ее для себя, рѣшившись не скрывать

отъ себя и того, что самъ нахожу schwach. Не хочу же я казаться самому себѣ умнѣе? Дѣло въ томъ, что у меня, по странной ассоціаціи идей, давнишній, гроша не стоящій, разговоръ сдѣлался какимъ-то нагляднымъ выраженіемъ послѣдствій или дѣйствій на человѣческую природу двухъ правъ: естественнаго и государственнаго (или вообще юридическаго права). Одно выразилось, конечно, въ одномъ моемъ представленіи, только основанномъ на словахъ Петра Григорьевича, — чувствомъ ненависти, другое — чувствомъ страха. Съ тѣхъ поръ мнѣ всегда казалось, что знаменитое *droit de l'homme* возбуждаетъ, и на самомъ дѣлѣ, только ненависть, а юридическое право — боязнь. Странно, ненаучно и потому, можетъ быть, нелѣпо. Но такъ мнѣ кажется. Кто знаетъ это пресловутое *droit de l'homme*? На какихъ скрижаляхъ и кѣмъ оно начертано? Самъ человѣкъ приписываетъ себѣ, то-есть, изобрѣтаетъ для себя права, и, значить, все зависитъ отъ того, какъ онъ на себя посмотритъ — снизу, сверху, сбоку, и потомъ какъ еще всѣ эти стороннія воззрѣнія соединить, и какъ ихъ комментируетъ. Даже самое главное, — право правъ, — право на жизнь и смерть, и то онъ можетъ и присвоивать себѣ, и отвергать у себя. Но, присвоивъ себѣ того или другаго права, чувство ненависти и неприязни для него дѣлается неизбѣжнымъ, какъ скоро этимъ правомъ онъ почему-нибудь не въ состояніи будетъ пользоваться. Такъ, это право правъ, право на жизнь, есть не болѣе какъ комментарий, нашъ собственный комментарий факта; мы живемъ, — ergo, имѣемъ право жить.

Но не ирраціона-ли это право, когда самый фактъ, на которомъ оно основано, можетъ каждую минуту прекратиться и кончиться? Хорошо право, которое ежеминутно можетъ быть отнято у каждаго изъ насъ! И жизнь дѣлается всего скорѣе ненавистною, когда она разсматривается какъ наше право. Не ближе-ли къ правдѣ, не нормальнѣе-ли та жизнь, которою мы пользуемся вовсе не по праву и не какъ правомъ, а по-просту, безъ затѣй. Живемъ, потому что живемъ, и такъ надо быть, таково наше предопредѣленіе, какъ слѣдствіе причины причинъ. Вольно намъ подводить это подъ категорію правъ!

Но если на жизнь нѣтъ права, а есть только сама жизнь, какъ роковой фактъ, то что наше право на смерть? Да это право сильнаго. Воля какъ намѣреніе, осуществленное въ дѣйствіи, — продуктъ жизни, — сильнѣе жизни, и потому можетъ ее прекратить на каждомъ шагу. Такихъ правъ не мало на свѣтѣ! И человѣкъ, съ его милою логикою, не задумался назвать и проявленіе силы — правомъ. Да не потому-ли, что каждый мыслитель, толкуя о правѣ, невольно сознавалъ суть права въ силѣ?

А правда? А справедливость? А нравственный законъ?

Да, на аналитических вѣсахъ мыслителя эти противовѣсы сильно опускають одну чашку, но стѣитъ только силѣ слегка прикоснуться къ другой—и вѣсы покажутъ другое.

Что же значать всё другія статьи пресловутаго *droit de l'homme*? Если уже права на жизньъ никто намъ не давалъ, и мы пользуемся ею *Dei gratia*,—то что такое право на равенство, свободу, братство? Не чистые-ли миражи эти права? Они возбуждаютъ только ненависть, потому что недостижимы; за ними гоняются, а ихъ нѣтъ.

Право можемъ мы себѣ творить и утверждать только на то, что можемъ себѣ дать, и собственно, по-божьи, что можемъ дать не насильно. Право собственности и право личности, наслѣдственности,— всё они искусственны, созданы человѣкомъ, но именно потому они и есть права; ихъ можно было дать и признано было за лучшее для человѣческаго общества ихъ дать ему.

И, давъ эти права, было естественно и справедливо требовать, чтобы ихъ никто не нарушалъ. Нарушитель долженъ былъ страшиться. И вотъ, искусственныя права, возбуждающія чувства опасенія и страха, оказались благодѣтельнѣе тѣхъ естественныхъ правъ, недостижимость которыхъ порождаетъ ненависть и злобу. Кто въ самомъ дѣлѣ, можетъ намъ дать свободу, равенство и братство, когда ихъ нѣтъ такихъ, какими они представляются гонящимся за ними? Странное недоразумѣнiе, искони присущее человѣческому обществу! Библейское столпотворенiе—вѣрный символическій образъ этого роковаго недоразумѣнiя. Мы, окруженные безъисходнымъ, но благодѣтельнымъ миражемъ жизни, не можемъ понять, какъ наша мысль и наша воля могутъ быть несвободными, когда мы чувствуемъ такъ живо свободу нашей мысли и нашей воли. И, обольщенные этимъ ощущенiемъ, стремимся къ полной свободѣ дѣйствiй,—и зная, и не зная, что ея никогда не достигнемъ.

Это-то стремленiе мы и назвали правомъ, а давъ названiе,—стремимся еще неукротимѣе.

Если мы произошли отъ обезьянъ, то отъ нихъ мы и получили стадное свойство стремиться сообща къ свободѣ дѣйствiй.

Но у насъ, въ прибавокъ къ этому, чисто животному, свойству, выработалось еще,—уже не знаю почему: отъ естественнаго подбора или чего другаго,—рѣзко отличающее насъ отъ животныхъ свойство индивидуальности.

Ни у одного животного эта особенность такъ не развита, къ нашему счастью и несчастью, какъ у насъ. Вотъ эти два свойства—стадность и индивидуальность—и борются между собою въ человѣческихъ обществахъ. И общества, и государства учреждаются на основанiи

междоусобной борьбы стадныхъ индивидуальныхъ свойствъ людей. Въ стадѣ—неудержимое стремленіе дѣйствовать сообща; человѣческая особь неудержимо стремится дѣйствовать лично, особнякомъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, или, какъ принято писать въ дѣловыхъ бумагахъ, — по крайнему своему разумѣнію. Борьба борьбою, а во время ея стадныя свойства сообщаются индивидуальнымъ, индивидуальныя—стаднымъ.

Стадное свойство требуетъ равенства и братства; индивидуальное—хочетъ свободы и врагъ равенства. При полномъ равенствѣ особь теряетъ свой *raison d'être*. Что дѣлать бѣдному человѣчеству въ этой междоусобицѣ его самыхъ закадычныхъ стремленій и свойствъ? Оно изобрѣтаетъ разныя средства, чтобы кое-какъ выйти, не погибнувъ въ борьбѣ

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, современное движеніе утопистовъ, какъ не вызовъ на борьбу съ человѣческою индивидуальностью? Крайности сходятся. И культурному обществу, въ апогеѣ его развитія, предстоить перспектива усовершенствованнаго стаднаго состоянія. Развѣ это не такъ? Стремленіе къ полной свободѣ, самое индивидуальное изъ всѣхъ стремленій, должно уступить мѣсто—въ будущемъ государствѣ утопистовъ—вынужденному дѣйствию для общаго блага.

Вся забота власти должна будетъ сосредоточиться на борьбѣ съ индивидуальностью. Нормальный антагонизмъ общества и государства, искусственно раздуваемый въ настоящее время адептами утопій, потому долженъ прекратиться. И общество, и государство должны сдѣлаться сообща стадными, лишенными индивидуальности. На мѣсто юридическаго гражданскаго права, продукта человѣческой индивидуальности, должно выступить естественное стадное право равенства и братства. Ни личная, индивидуальная свобода, ни права личной собственности и наслѣдія — не должны препятствовать общему благоденствію, опредѣленному стадными законами. Индивидуальный талантъ долженъ употребиться на общее благо; ни гений, ни дарованіе — не должны быть личною собственностью. Нивелировка, разумѣется, должна начаться не съ этого, а съ болѣе существеннаго—съ кармана.

Примѣняя все сказанное къ себѣ, къ намъ, къ нашему государству, я не могу отъ себя скрыть, что замѣчаю въ немъ еще много стаднаго. Индивидуализмъ развитъ у насъ, относительно, въ миниатюрѣ. И это, конечно, на-руку современнымъ нивелировщикамъ. Еще болѣе заманчивъ для нихъ нашъ недостатокъ буржуазіи и вообще муниципальнаго западнаго элемента и избытокъ аграрнаго, стаднаго. Немудрено, что наша государственная власть, перенесшая, въ царствованіе

Александра II-го, точку опоры въ будущемъ и на это аграрное сословіе, встрѣтилась тотчасъ же на этой почвѣ съ современными утопистами.

Достопамятное царствованіе Александра II-го, ознаменованное цѣлымъ рядомъ великихъ предпріятій, конечно, не могло въ 20 лѣтъ (считая съ 1861 года) каждое изъ нихъ довести до конца; но существенный недостатокъ, существенно вредившій благамъ начинаніямъ царя, было колебаніе и переходы одной системы правленія къ другой въ самое переходное время національной жизни. Нивеллировщики не преминули пользоваться этими недостатками и всегдѣшнее слѣдствіе колебаній—недовольство—раздувать въ свою пользу; а правительство, занятое переходами и постоянными колебаніями, не успѣвало способствовать индивидуализированію стаднаго общества и группировать мелкія индивидуализированныя группы въ болѣе крупныя. А въ этомъ, именно, и лежитъ оплотъ противъ напора современныхъ утопій.

Если приведенное мною воззрѣніе на исторію развитія общества справедливо, то задача наша въ настоящее время должна состоять въ томъ, чтобы способствовать всѣми силами развитію индивидуализма, еще угнетеннаго стадными свойствами. Какъ эти свойства общества ни пригодны, ни выгодны для разныхъ государственныхъ цѣлей въ первобытномъ или начальномъ состояніи культурнаго государства, но потомъ, въ періоды дальнѣйшаго развитія, они дѣлаются обоюдоострымъ орудіемъ и могутъ оказаться настолько же за, насколько и противъ него.

Пусть современная утопія, если она осуществима, осуществится на мѣстѣ своего источника. Тамъ началась уже—пока умственная—борьба труда съ капиталомъ. Надо надѣяться, что, и перейдя на практическую почву, эта борьба будетъ все-таки болѣе осмысленная, чѣмъ у насъ. Индивидуализмъ на Западѣ успѣлъ развиться и подвить стадныя свойства народовъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ. Бисмаркъ говоритъ даже, что каждый нѣмецъ хочетъ имѣть непременно своего короля. Богъ у каждаго уже другой. Индивидуализмъ давно уже раздробилъ общество на мелкія группы, соединяющіяся теперь насущными потребностями существованія. Многое индивидуальное пережито, передумано и перечувствовано. У насъ иная почва. И если заговору, пропагандѣ и крамоулѣ удалось бы своими миражами увлечь неиндивидуализированныя массы, то опасность была бы другаго рода. Увлеченія и другаго пошиба, наши собственные, доморощенные, мнѣ кажутся небезвредными въ настоящее время. Любовь къ отечеству, къ русскому народу и къ славянскому племени вообще, какъ эти

чувства ни высоки, не должны туманить нашъ здравый смыслъ. Намъ не миновать процесса общечеловѣческаго развитія.

Откуда бы такая благодать, да еще и благодать ли? Но всего хуже противодѣйствовать тому, что уже сдѣлано на пути этого развитія, хотя бы и ложномъ, съ точки зрѣнія нашей національной утопії. Вѣдь это значить бѣжать съ одной, уже избранной, дороги, не имѣя ни силъ, ни средствъ, ни знаній перейти на другую, болѣе надежную. Какая такая эта другая дорога, кто ее укажетъ и куда она поведетъ, когда оставшіеся ея слѣды указываютъ болѣе на стадныя свойства по ней шедшихъ?

Развитіе индивидуальной личности и всѣхъ присущихъ ей свойствъ— вотъ, по моему мнѣнію, талисманъ нашъ противъ недуговъ вѣка, klo-нящагося къ закату. Средствъ къ этому развитію не мало, была бы добрая и твердая воля.

Громада великъ человѣкъ!—горланить теперь на мірскихъ сходкахъ стадное свойство крестьянъ. Пусть каждый изъ нихъ скажетъ про самого себя просто: я—человѣкъ и знаю мои права и мои обязанности.

Мірское горлодерство, огульная косность и огульно-стадная сила инерціи и сопротивленія были единственными средствами у темныхъ массъ противъ произвола и насилія. И пока стадныя свойства массъ будутъ обременять стремленіе къ прогрессивной индивидуализаціи, они останутся приманками для всѣхъ желающихъ ловить рыбу въ мутной водѣ. А между тѣмъ, послѣ эманципаціи массъ, цѣлыя 20 лѣтъ ничего не сдѣлано существеннаго для индивидуализаціи. Всѣ—и благомыслящіе прогрессисты, и вліятельные администраторы, и западники, и славянофилы, и наша молодежь—какъ будто помѣшались на какомъ-то обожаніи стихійныхъ силъ. Всѣ какъ будто забыли, что на этомъ конькѣ ѣздить и современные утописты. Пусть бы утопії ихъ находили себѣ на Западѣ опѣнку и поддержку; тамъ національная культура, можетъ быть, и выработаетъ для себя что-нибудь дѣльное изъ миража. Но намъ, съ нашею Азією на плечахъ, проводить, хотя бы и съ самыми благими намѣреніями, нѣчто сходное и какъ будто бы сочувственно западнымъ современнымъ утопіямъ, по малой мѣрѣ, странно. Что подѣлаешь съ стихійными силами племенъ въ странѣ обширной, малолюдной, на востокъ—азиатской и кочевой, не мало еще и вездѣ пропитанной азиатскимъ элементомъ? Какъ управлять и организовать управленіе, если стадныя свойства будутъ находить поддержку со стороны правительства и культурнаго общества? Возможно ли, не способствуя нисколько развитію индивидуализма, а, напротивъ, устраняя его, утверждать, что племенные стадныя свой-

ства вдругъ или незамѣтно перейдутъ въ какую-то интеллигентную ассоціацію? Не утопія ли это также своего рода?

Зло, достигшее крайнихъ предѣловъ, отрезвляетъ умы. Хуже этого ничего не можетъ быть—есть такое убѣжденіе, которое и фаталиста пройметъ. Мы дошли до этого. Нашей гражданственности на пути прогресса нанесенъ жестокій ударъ тѣмъ, что порядокъ, одинъ изъ главныхъ атрибутовъ гражданственности, потрясенъ до основанія насильственной смертію главы государства, какъ главнѣйшаго представителя порядка. Не можетъ быть, чтобы не было глубокой органической причины зла внутри самого государства, привлекавшей къ себѣ и зло извнѣ. Великое и мощное извнѣ государство, сильная власть, могущественная, по даннымъ ей правамъ, администрація и самыя крупныя ея мѣры,—ничто не помогло. Д-ръ Санградо сказалъ бы, пожалуй, на это: «не помогало потому, что пускали кровь, да мало; слѣдовало бы пускать, не останавливаясь». Такіе Санградо найдутся и между нами

По моему мнѣнію, одна изъ причинъ, повліявшихъ сильно на развитіе преступной пропаганды и подпольной крамолы, было именно обширное поле, оставленное тотчасъ послѣ эманципаціи открытымъ для ихъ дѣятельности; оно манило ихъ постоянно, обнадеживая блестящимъ успѣхомъ; а когда эта иллюзія осуществлялась не такъ быстро и не такъ успѣшно, какъ бы этого хотѣлось пропагандистамъ, то явилась, вѣроятно, и мысль о царубійствѣ, какъ самомъ надежномъ средствѣ къ воздужденію стихійныхъ силъ и стадныхъ свойствъ предоставленнаго себѣ народа.

И вотъ, три дѣла кажутся мнѣ самыми существенными въ настоящемъ положеніи государства. Это: организація народныхъ массъ, распространеніе довольства въ обществѣ и поднятіе международнаго вопроса о существующей безнаказанности участія эмигрантовъ въ уголовныхъ государственныхъ преступленіяхъ...

Проживая въ краѣ, гдѣ нѣтъ еще земства, и окруженный крестьянами, я ежедневно убѣждаюсь, какъ ничтожна еще организація этого огромнаго класса, какъ онъ безразсудно предоставленъ своимъ стаднымъ инстинктамъ, и какъ мало заботится кто-нибудь о его просвѣщеніи и развитіи индивидуализма; онъ проявляется между тѣмъ самъ, но безобразно, въ видѣ семейныхъ раздѣловъ, споровъ и дракъ съ перепоемъ. Всякая нелѣпость можетъ найти легко вѣру въ массѣ, руководимой инстинктами стяжанія, борьбы за существованіе и поживы чужимъ добромъ.

При эманципаціи все вниманіе дѣятелей было обращено на землю.

Полагали, какъ видно, имѣя въ виду, какъ образецъ, Францію, что стоитъ только обезпечить крестьянство мѣрскою землею, и все пойдетъ какъ по маслу; а забыли, что Россія — не Франція и даже не прежняя Россія, въ которой можно было на каждомъ шагу вести залежное общинное или отдѣльное хозяйство. Что земля теперь безъ капитала? У мужика—скажутъ—вмѣсто капитала есть руки, ноги и, пожалуй кое-какая голова на плечахъ. Да, это деньги, но такія, которыя безъ желудка не достаются, а желудокъ, въ свою очередь, требуетъ также денегъ.

Мужику дали землю и, конечно, не даромъ,—это было бы вопіющимъ насиліемъ надъ прежними землевладѣльцами; давъ ее,—благословили и сказали: *ora et labora*. Не плати мужикъ ни за землю, ни подушнаго, а только молись и трудись, то, можетъ быть,—и только можетъ быть,—онъ зажилъ бы припѣваючи; ковырялъ бы кое-какъ свою пашню, кормилъ бы кое-какъ на общемъ выгонѣ скотину, по временамъ запускалъ бы ее и въ скодное поле, потравить его для себя, платилъ бы поамъ за разныя требы, что и значило бы для счастливца трудиться и молиться.

Можетъ быть, еще лучше, а можетъ быть и еще хуже шло бы дѣло въ общинномъ хозяйствѣ—Богъ его знаетъ! Чтобы понять всѣ его превосходства, надо быть или самому давнишнимъ, исконнымъ общинникомъ или же глубокомысленнымъ философомъ. Не бывъ никогда ни тѣмъ, ни другимъ, я рассматриваю наше общинное хозяйство какъ временное, неизбѣжное *pis aller*, которое нужно пока предоставить силамъ природы, не замать.

Что же вышло черезъ 20 лѣтъ послѣ эманципаціи? То, что теперь всякій, знающій деревню не со вчерашняго дня и самъ занимающійся полевымъ хозяйствомъ, предсказалъ бы навѣрное. Гдѣ земля еще кое-какъ родить безъ особенной тщательной подготовки, гдѣ для скотины кое-что еще вырастаетъ на выгонахъ и выкосахъ на стернѣ, гдѣ, сверхъ этого, имѣются еще вблизи крестьянскихъ хозяйствъ заработки (заводы помѣщичьи, хозяйства и желѣзныя дороги), тамъ дѣло идетъ до поры, до времени, то есть пока не стрясется какая нибудь бѣда надъ полями: градъ, засуха, жучки или просто неурожай, Богъ вѣсть отчего. А приди такая бѣда, да къ тому еще не случись пригодныхъ заработковъ, такъ бѣда неминуема. Положимъ, эти естественныя, неминуемыя бѣды грозятъ всякому хозяйству, всякому предпріятію и человѣческой дѣятельности. Но въ хорошо организованномъ хозяйствѣ, въ которомъ, кромѣ почвы, личнаго труда, ума, принимаютъ главное участіе основной и оборотный капиталы,—неудача одного

года или двухъ лѣтъ вознаграждается избыткомъ урожая другихъ годовъ.

На этомъ основаніи и весь расчетъ. Иначе пришлось бы все бросить и капиталъ перенести туда, гдѣ ему лучше везетъ. Но гдѣ же что нибудь подобное этой гарантіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ? Современное полевое хозяйство ничѣмъ не отличается, въ сущности, отъ фабричнаго и кустарнаго промысловъ. Пахатныя поля—это—фабрики безъ крышъ подъ открытымъ небомъ; обработанная и подготовленная почва этихъ полей—огромный резервуаръ, съ разными химическими составами, въ которомъ совершается броженіе посѣва. Наше крестьянское хозяйство, если оно подворное, представляетъ родъ кустарнаго промысла, а общинное —ничѣмъ другимъ не можетъ быть, какъ плохую фабрикою, безъ оборотнаго капитала, безъ предприимчивости, безъ дальновиднаго расчета.

Я, конечно, самъ первый бы подалъ голосъ за освобожденіе съ землею; это было *conditio sine qua non* въ Россіи для благополучнаго выхода изъ стараго строя; но не надо было намъ увлекаться нашимъ общимъ незнаніемъ свободнаго полеваго хозяйства; до 1860-хъ годовъ никто не имѣлъ о немъ яснаго, на опытѣ основаннаго, представленія. Всѣ мечтали: одни злорадно, другіе—ненавидя, третьи—радушно и наивно. А теперь, когда суть дѣла выступила мало-по-малу наружу, всѣ стали сѣтовать, обвинять и заподозрѣвать другъ друга, сантиментальничать и зангивать съ меньшею братьею, ругать на чемъ свѣтъ стоитъ кулаковъ, кабатчиковъ, какъ будто все это не должно было быть силою вещей, и какъ будто тутъ, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь лично виноватъ! Неужели же можно обвинять кого нибудь за то, что онъ не добродѣтель, не настоящій христіанинъ, эксплуатируетъ слишкомъ искусно сподручную для его ума почву? Мнѣ кажется, всѣхъ болѣе виноваты увлеченія высшихъ и передовыхъ дѣятелей.

Мнѣ кажется, первымъ дѣломъ, при эманципациі съ землею, должна была быть правильная организація только что вышедшаго изъ крѣпостной зависимости сословія. На бѣду, одни на него смотрѣли съ трепетомъ и нерѣдко съ ненавистью, другіе—съ какими-то розовыми надеждами принялись его кажолировать; и я самъ, признаюсь, былъ изъ числа послѣднихъ, хотя и зналъ про себя, что увлекаюсь. Такое было время 1861-й годъ. Намъ, современникамъ царствованія Александра II-го, надо быть снисходительными и безпристрастными и къ другимъ, и къ себѣ. Эманципированнымъ дали тотчасъ же право на выборы (выборное право). Они могли тотчасъ же выбирать себѣ непосредственныхъ своихъ начальниковъ: администраторовъ, старостъ, старшинъ, и даже имѣли право на выборы своихъ судей.

Эманципированнымъ дали, до известной степени, самоуправленіе, тогда какъ и культурные классы общества не имѣли еще ни своихъ выборныхъ судей, ни самоуправленія. Для эманципированныхъ же тотчасъ придумали особенный, также выборный, институтъ мировыхъ посредниковъ, и на него-то возлагались все надежды организаторовъ крестьянства. И онъ-то, именно, и сдѣлалъ полнѣйшее фіаско. Выборное начало также не пошло въ прокъ. Старосты, старшины, писаря, добросовѣстные и судьи—оказываются вообще порядочною дрянью, обворовываютъ общество, берутъ взятки и пьянствуютъ зачастую. Это я вижу на опытѣ, слышу весьма часто и нерѣдко читаю о томъ же въ газетахъ. Неграмотность и незнаніе своихъ правъ и обязанностей—общая черта со стороны старшинъ и старостъ.

Давнее наше врючковтворство, мошенничество и взяточничество—характерная черта большей части волостныхъ писарей. Тунеядство, безразличное отношеніе къ крестьянскому дѣлу, съ оттѣнкомъ вымогательства, отличаютъ многихъ коронныхъ (не-выборныхъ) посредниковъ, существующихъ еще у насъ въ западномъ краѣ. Странная была, мнѣ кажется, мысль поставить эманципированное крестьянство какимъ-то особнякомъ, прикрѣпленное на нѣсколько лѣтъ къ землѣ, съ своимъ самоуправленіемъ, съ своимъ вѣчемъ (сходками) и даже съ своими законами относительно собственности, наслѣдія и т. п. Этотъ-то 20-милліонный особнякъ, съ его, къ тому еще, и бытовыми особенностями и обычаями, есть что-то въ родѣ *status in statu*.

Онъ привыкъ дѣйствовать огульно, корпоративно, привыкъ имѣть свое отдѣльное міровоззрѣніе, во многомъ противоположное общимъ государственнымъ и культурнымъ воззрѣніямъ. Словомъ, это міръ, живущій отдѣльною и непонятною для насъ жизнію. Не даромъ онъ такъ заманчивъ, и къ сожалѣнію, не для однихъ только этнографовъ, литераторовъ и экономистовъ. Все, желающее половить рыбу въ мутной водѣ, свиваетъ легко гнѣздо въ этой удобной для разнаго рода эксплуатаціи почвѣ. Не знаю, въ какихъ рукахъ обрѣтается эманципированная громада тамъ, гдѣ развилось и пустило корни земское самоуправленіе; но у насъ въ юго-западномъ краѣ, что бы тамъ ни говорили администраторы и разные ревизоры, крестьянство, на мой взглядъ, въ плохихъ рукахъ. Коронные его властители,—по крайней мѣрѣ, тѣ, которыхъ я знаю,—не надежны ни въ какомъ отношеніи. Уже одно то, что они мѣняются начальствомъ какъ пѣшки, не говорить въ ихъ пользу.

Впрочемъ не они одни,—и главнымъ начальникамъ юго-западнаго края не счастливится. Въ теченіи 20 лѣтъ перемѣнилось на моей памяти 6 генераль-губернаторовъ (по 3 года и 3 мѣсяца управленія

на каждого) и 8 губернаторовъ Подольской губерніи (по 2½ года на каждого). На такой важной по своему исключительному положенію обраніи по 2 или по 3 года управления среднимъ числомъ на каждого начальника едва ли можетъ дать благіе результаты.

Мысль объ оставленіи нашего крестьянства въ его изолированномъ видѣ, кажется, еще не оставлена. Правда, въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями крестьяне привлекаются и въ гласные, и въ присяжные; но, во-первыхъ, дѣлхъ 9 большихъ губерній исключены изъ этого, а во-вторыхъ, если земство учреждено всесословнымъ, то почему же волость, какъ единица земства, не всесословная, а исключительно крестьянская, и въ третьихъ, наконецъ, всеяльная администрація, налагающая свою тяжелую руку и на земство, не можетъ способствовать никакой правильной и стойкой организаціи ни земства, ни крестьянства. О просвѣщеніи темныхъ массъ и говорить нечего.

Съ 1866 года я не рѣшался и прикоснуться къ школѣ въ моихъ мѣстностяхъ, и жену отговаривалъ, чтобы не заподозрили въ какой контрабандѣ...

Но не одно крестьянство осталось, послѣ эманципаціи, почти неорганизованнымъ,—и среднему сословію не повезло; между тѣмъ оно, очевидно, формируется. Среднія училища, не смотря на разныя скачки съ препятствіями, поливаютъ. Но эта главная основа культурнаго общества у насъ находится также въ ненормальномъ состояніи. Часть этого сословія у насъ — чистый пролетаріатъ; часть (какъ, напримѣръ, еврейство) не пользуется всеми правами, а часть — хотя, по своему положенію и средствамъ, и должна-бы принадлежать къ среднему сословію — вовсе не культурна: это многіе довольно зажиточные мѣщане, купцы, кулаки. Какъ кажется, у насъ не много заботятся о развитіи этого класса. Взаблуженная, съ одной стороны, пропагандою, съ другой — произволомъ администраціи, наша молодежь, вмѣсто стремленія кверху, ищетъ сближенія съ крестьянствомъ для распростраженія современныхъ соціальныхъ доктринъ

Про нѣмецкихъ солдатъ я читалъ въ газетахъ, а про французскихъ слышалъ отъ одного изъ бывшихъ членовъ нашего посольства въ Парижѣ, что тамъ даже въ арміяхъ оказывается вліяніе пропаганды; лицо, сообщившее мнѣ о парижскихъ дѣлахъ, рассказывало, что оно слышало отъ самихъ офицеровъ въ Парижѣ, какъ они боятся, чтобы солдаты ихъ, при первыхъ-же движеніяхъ коммуны, не разбѣжались и сами-бы не сдѣлались коммунарами. *Relata gefero.* Правда-ли это, нѣтъ-ли, но очевидно, что самыя крайнія и разрушительныя стремленія коммуны, какъ-бы число послѣдователей ихъ ни было пока

ограниченно, находятъ подкрѣпленіе и въ другихъ, менѣ радикальныхъ доктринахъ коммунизма, такъ какъ коммунары и коммунисты, сколько мнѣ извѣстно, расходятся только въ отношеніи средствъ, но не въ основныхъ принципахъ. Мнѣ странна и непоятна политика государствъ, терпящихъ и отчасти охраняющихъ самыя гибельныя, безнравственныя и вредныя для общечеловѣческаго прогресса доктрины. Что это — чрезмѣрное уваженіе буквы закона, тупое равнодушіе или трусость? Откуда взялось такое государственное убѣжденіе, что уголовное преступленіе, совершенное по почину частныхъ лицъ съ государственною цѣлью, перестаетъ быть преступленіемъ? Вѣдь по этой логикѣ никто не безопасенъ. Я имѣю другое убѣжденіе; я опасенъ новой доктринѣ; я могу повредить ей; я уже вреденъ по другой версіи и тѣмъ, что не раздѣляю убѣжденія; меня надо убить. Къ такой логикѣ придти вовсе легко, стоитъ только опереться и почувствовать себя силою. Можно-ли, при существующихъ, неоспоримыхъ фактахъ, сомнѣваться въ возрастающей силѣ дѣйствій пропаганды и можно-ли въ такомъ случаѣ ссылаться на одни собственные государственныя интересы—странамъ, терпящимъ у себя дѣятелей тлетворной для всего человѣчества пропаганды? Да развѣ чуть не всё государства не выгоняютъ іезуитовъ за неразборчивость, яко-бы, средствъ, считаемыхъ у нихъ дозволенными для достиженія цѣли? Пусть будетъ дѣломъ ни до кого не касающейся внутренней политики Франціи, что она вернула къ себѣ съ торжествомъ коммунаровъ и прогнала со скандаломъ поповъ; тутъ неодобряющій такой политики можетъ только примѣнить къ французскому правительству нашу поговорку: «умень какъ попъ Семень, — книги продалъ, да карты купилъ». Но другое дѣло, когда къ средѣ домашнихъ коммунаровъ примкнула еще фаланга людей разныхъ «племень, нарѣчій, состояній», не только проповѣдывающихъ, съ торжествомъ и пѣньемъ, убійства и всякаго рода разрушенія, да еще и дѣйствительно убивающихъ тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, препятствуютъ осуществленію ихъ-же доктрины.

Что кто ни говори, но это—безобразнѣйшее уродство изъ уродствъ. Откуда взялись такіе принципы международнаго права, которые допускаютъ, терпѣть и косвенно прикрываютъ такое вопіющее нарушеніе человѣческаго и нравственнаго права? Я думаю, что государства съ ихъ допотопными политическими принципами сами служили образцами и разсадниками этимъ уродствамъ.

Евангеліе писано для царствъ не отъ міра сего; поэтому христіанскія царства слѣдуютъ той-же политикѣ, какъ и языческія. Что считается безнравственнымъ въ жизни частнаго человѣка, то нисколько не безнравственно въ политикѣ. Самый новѣйшій матадоръ государ-

ственной политики провозглашалъ желѣзо болѣе полноправнымъ, чѣмъ самое право. Конечно, нельзя отрицать, что древнее рабство военнопленныхъ — древнее «*vae victis*» — исчезло подъ влияніемъ христіанскаго ученія, и, какъ-бы взаи́мнѣ древняго безчеловѣчія, наше время водрузило красный крестъ, какъ символъ христіанства, и въ международныхъ отношеніяхъ. Но какъ-бы ни была велика эта заслуга новаго времени, она все-таки касается болѣе области «соматической» и имѣетъ главною цѣлью облегченіе и уничтоженіе тѣлесныхъ страданій; другая-же, чисто нравственная, сторона международной политики осталась такою-же недоступною для введенія началъ христіанскаго ученія, какъ и во времена ѳны. И вотъ, мы видимъ въ наше время, что страна, прославившая себя инициативою учрежденій «Краснаго Креста», такъ много уже облегчившихъ людскія страданія и муки, вмѣстѣ съ этимъ служитъ притономъ и разсадникомъ самаго губительнаго для общечеловѣческой нравственности комплота убійць и крамольниковъ. Да, христіанскія государства съ ихъ беззащитивою внутреннею и международною политикою эгоизма и права сильнаго не мало сами содѣйствуютъ къ нарожденію убійственныхъ для нравственности и постыдныхъ для человѣчества общественныхъ явленій. Всѣ знаютъ это; всѣ убѣждены, что современныя отношенія государствъ между собою ненормальны и на каждомъ шагу угрожаютъ подвластнымъ народамъ неизмѣримыми бѣдствіями и катастрофами что же мудренаго, если при такомъ натянутомъ положеніи международнаго дѣла растутъ и крѣпнеть противогосударственная и анти-соціальная пропаганда съ ея разрушительными стремленіями, ея ненавистью къ существующему порядку вещей и ея кровожадными пионерами? Громадные капиталы народнаго богатства и цѣлыя массы молодого, цвѣтущаго народонаселенія употребляются непроизводительно, стоя подъ ружьемъ, на-готовѣ. Можетъ-ли коммунистическая пропаганда не воспользоваться указаніями народамъ на это ненормальное положеніе государствъ и націй, не возбудить въ нихъ ненависти и противогосударственныхъ стремленій? А между тѣмъ самыя арміи, собранныя для предстоящей борьбы, заражаются отъ бездѣйствія пропагандою и общимъ недовольствомъ. Видя все это, конечно, не съ птичьяго полета, — который не предоставленъ простымъ смертнымъ, — не одни только пессимисты, какъ это было въ 1848-хъ годахъ, усмотрятъ въ будущемъ средніе вѣка съ нашествіемъ варваровъ, не чужихъ, а доморощенныхъ, и не одни пессимисты упрекнутъ государства въ ихъ близорукомъ эгоизмѣ, ведущемъ, въ концѣ концовъ, къ средневѣковому варварству.

Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, антитоды противъ распространенія соціальныхъ

міазмъ? Арміи и полиціи? Какъ будто арміи и полиціи формируются не изъ людей, или изъ людей другого закала, нисколько не прикосновенныхъ и не подверженныхъ заразѣ!

Что, впрочемъ, толковать о радикальныхъ презервативахъ и антитодахъ противъ будущихъ, еще не разсвирѣпѣвшихъ, повѣтрій, когда предъ нашими глазами совершаются уже самыя безнравственныя дѣла и неслыханныя преступленія, нисколько не измѣняющія международныхъ отношеній и законовъ, не смотря на то, что злодѣянія совершаются преступниками одной страны противъ властей другой, по названію дружественной.

Къ какой націи физиологически принадлежать эти преступники, очевидно, все равно; они — скитальцы и должны считаться подданными или гражданами той страны, которая ихъ приютила и охраняетъ, а потому оставлять ихъ участіе въ уголовныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ другомъ государствѣ, неразслѣдованнымъ и ненаказаннымъ только потому, что эти преступления не панесли никакого вреда интересамъ протектора, — безнравственно. Да не говоря уже о нравственности, эта эгоистическая политика и безразсудна, и когда-нибудь вредно отзовется на всемъ обществѣ. Зло родитъ зло; это законъ, его-же не преjdeши. Между государственнымъ и простымъ убійствомъ нѣтъ никакого различія. Судить, осуждать, низвергать государственную власть — по естественному праву — можетъ только само государство. Всѣ царубійцы, не исключая и прославленнаго убійцы Цезаря, берутъ на себя роль государственныхъ палачей самовольно или отъ имени никѣмъ непризванныхъ людей; чѣмъ-же — спрашивается — преступленіе ихъ отличается отъ простаго убійства, и почему какой-бы то ни былъ государственный режимъ можетъ отказаться у себя отъ судебного разслѣдованія дѣяній пришельцевъ, подозрѣваемыхъ другимъ государствомъ въ участіи? Развѣ только по принципу: *vivat justitia, pereat mundus!*

Но откуда взялось у насъ стремленіе, по общему убѣжденію вовсе несвойственное ни исторіи развитія, ни духу нашего общества? Съ Запада? Но почему эти антисоціальныя западныя доктрины именно у насъ проявились въ самомъ отвратительномъ видѣ? Причинъ тутъ, конечно, не одна. И какъ бы ничтожна ни была шайка злоумышленниковъ, нечего себя этимъ успокоивать; не малочисленность дѣятелей зла, а размѣръ причиненнаго ими зла обществу, обращаетъ на себя вниманіе всякаго мыслящаго человѣка.

Наполеонъ, запертый на островѣ Св. Елены, сказалъ, — разумѣется, изъ ненависти къ Россіи, — что «черезъ 50 лѣтъ во всей Европѣ будетъ или республика, или казаки». Другой — его же —

фразѣ о пареубійствѣ служили, конечно, основаніемъ наши прежніе дворцовые перевороты послѣ Петровскаго царствованія. Но въ этихъ переворотахъ главными участниками были одни лично въ томъ заинтересованные.

Современныя государственныя преступленія имѣютъ совершенно другой характеръ. Они не могли и не могутъ быть тайными не только для исторіи, но и для народа. Безъ сомнѣнія, съ этою, именно, цѣлью они и совершаются. Дѣятелями являются не лично заинтересованные въ переворотахъ, не иностранные интриганы, а разночинцы и даже простолюдины, лично, повидному, нисколько не заинтересованные.

Какія же приманки, именно у насъ въ Россіи и въ наше время, привлекли такихъ ревностныхъ адептовъ и дѣятелей къ ужасной доктринѣ? Упорство, настойчивость, выдержка, самоотверженіе и вообще энергія зла — замѣчательны въ этихъ дѣятеляхъ,—въ этомъ надо имъ отдать полную справедливость. Откуда все это? Совѣмъ не узнаешь своихъ соотчичей въ этихъ адски-энергическихъ дѣятеляхъ. Чужеземный элементъ между ними, повидному, незначителенъ; нѣсколько семитовъ, еще менѣе поляковъ, немного другихъ не-славянскаго племени; но большинство — великоруссы и малоруссы; сословія и состоянія также весьма различны; образованіе, по большей части школьное и недоконченное; есть между ними и дворяне, и крестьяне; богатые и бѣдные, но послѣднихъ, вѣрно, больше, чѣмъ первыхъ, исповѣданіе, конечно, также въ большинствѣ православное; люди молодые, не достигающіе еще и средняго возраста; занятія весьма различныя до вступленія въ комplotъ, но потомъ, конечно, специальнымъ дѣломъ пропаганды—крамолы и терроръ.

Что соединяетъ этихъ разнохарактерныхъ дѣятелей, имѣющихъ между собою общаго только возрастъ и извѣстную степень образованія? Убѣжденія?

Но мы до послѣдняго времени не отличались твердостью и глубиною нашихъ убѣжденій, — ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Откуда же у нашихъ юныхъ современниковъ вдругъ явилась склонность къ убѣжденію? Справедливость требуетъ, конечно, признать и въ насъ склонность къ фанатичности въ убѣжденіяхъ или — правильнѣе — вѣрованіяхъ. Это доказываютъ наши раскольники и сектанты. Неужели же наши пропагандисты, нигилисты, анархисты, коммунисты, и т. п. принадлежать къ классу фанатически-вѣрующихъ въ свои доктрины.

Врядъ-ли это такъ, по крайней мѣрѣ, для большинства. Уже одно то, что большинство заговорщиковъ—молодые и даже очень молодые люди, говорить противъ этого предположенія.

Шекспиръ, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ произвед своего гения—«Буря», изобразилъ намъ наглядно, въ лицѣ Калибана, звѣрскую натуру человѣка, удерживаемую въ постоянномъ рабствѣ умомъ и при малѣйшемъ послабленіи всегда готовую войти въ заговоръ противъ своего властелина. Это прирожденное человѣку звѣрство есть одно изъ стадныхъ его свойствъ, уступающее и подчиняющееся только одному развитію индивидуализма въ обществѣ. Умъ, конечно, различнаго склада, есть свойство чисто индивидуальное, и потому, именно, онъ и различенъ, противенъ всегда и у всѣхъ одинакому стадному звѣрству. Правительство наше 1840-хъ годовъ погрѣшало тѣмъ и противъ общества, и противъ самого себя, что оно оставляло почти нетронутыми стадныя свойства, подавляя развитіе личности и индивидуальныхъ свойствъ. Препеждающія власти того времени были убѣждены, что одною внѣшнею силою онѣ справятся съ стаднымъ звѣрствомъ.

Внѣшняя сила, и въ самомъ дѣлѣ, такъ могущественна и была, и есть, что ей, пожалуй, не трудно справиться съ проявленіями стадныхъ свойствъ въ массахъ. Но на сцену вышло другое, неожиданное дѣло: это проявленіе неистовѣйшаго изъ стадныхъ свойствъ—звѣрства, въ видѣ Калибановъ, не порабощенныхъ умомъ и вступившихъ тотчасъ-же въ заговоръ противъ индивидуальнаго ума, долго оставшагося подъ гнетомъ. Вышло противное тому, что должно быть нормою для правительства и обществъ. Въмѣсто свободы личнаго ума вышла свобода звѣрства. Звѣрство не могло быть рабомъ несвободнаго и стѣсненнаго ума. Калибанъ почувствовалъ себя освобожденнымъ и выступилъ на сцену.

Чѣмъ менѣе значеніе особи въ государственномъ строѣ, тѣмъ опаснѣе положеніе государства въ наше время .

Одно изъ самыхъ лучшихъ свойствъ нашего народа, уваженіе и полное довѣріе къ верховной власти, но еще не индивидуализированное при другихъ стадныхъ свойствахъ народныхъ массъ, есть все-таки обоюдоострое орудіе, которымъ не трудно пользоваться и врагамъ верховной власти. А сверхъ этого, наша народная стихія, на которую возлагаютъ столько розовыхъ надеждъ доморощенные наши утописты и славянофилы, представляетъ возмутителямъ и анархистамъ еще и другую, не менѣе привлекательную сторону; она съ давнихъ временъ была не безопасна для государства, устроена на общеевропейскій ладъ; эманципація должна была уничтожить предстоящую опасность; но, предпринятая слишкомъ поздно, и потому безъ предварительной подготовки, она увеличила опасность, хотя и временно.

И вотъ почему: коммунизмъ нашего времени беретъ, я полагаю, свое начало еще съ первой французской революціи. Извѣстно, какъ tiers-état сбило съ позиціи аристократію, подпало потомъ само подъ вліяніе террора, военнаго деспотизма, бурбонской реакціи, и все-таки и развивалось, и богатѣло; и вотъ мы видимъ, что изъ этого знаменитаго tiers-état, бывшаго нѣкогда идеаломъ прогресса, образовалась ненавистная современнымъ ультрапрогрессистамъ буржуазія, считаемая самымъ главнымъ антагонистомъ новаго и кореннаго преобразованія общества въ коммуну.

Съ упадкомъ владѣтельной аристократіи, идеаломъ благополучія для этой буржуазіи сдѣлалось владѣніе землею; крестьянство, конечно, по своей натурѣ, не менѣе стремилось къ землевладѣнію. Крупныя владѣнія размельчали. Земля раздѣлилась на самые мелкіе участки, и все-таки стремленіе къ обладанію хотя бы крошечнымъ кускомъ земли продолжается.

Нѣкоторые утверждаютъ даже, что и народонаселеніе Франціи не увеличивается по этой причинѣ: всякій хочетъ не только самъ владѣть кускомъ земли, но и оставить еще въ наслѣдство; и такъ какъ дѣлить миниатюрнаго земельного наслѣдства болѣе невозможно, то никто будто-бы не хочетъ имѣть много дѣтей, женится поздно, и т. п.

Можетъ быть, эта страсть къ обладанію поземельною собственностью обязана своимъ происхожденіемъ ученію фізіократовъ, господствовавшему незадолго до первой революціи.

Какъ бы то ни было, но изъ Франціи, я полагаю, перешло преувеличенное значеніе земли и къ намъ. Земля у насъ до эманципаціи была ни по чѣмъ, дѣнилась только рабочая сила. По числу душъ дѣнились имѣнія. Это была другая крайность, невѣрная не менѣе современной.

Между тѣмъ издавна мы привыкли называть наше отечество государствомъ земледѣльческимъ, житницею Европы, и вотъ, узнавъ, что французы придаютъ огромное социальное значеніе земельной собственности и что городской пролетаріатъ во Франціи точить зубы на своихъ буржуа и аграровъ, слишкомъ возлюбившихъ поземельную собственность, мы взбудоражились при эманципаціи нашихъ крестьянъ и задались неразрѣшимою задачею предотвращать у себя всѣ ожидаемыя во Франціи и въ Европѣ бѣдствія отъ развитія пролетаріата и его ненависти къ имущимъ и богатымъ.

Прѣѣзжавшіе изъ Парижа, въ началѣ 1860-хъ годовъ, наши соотечественники, жившіе тамъ нѣсколько лѣтъ, рассказывали (я слышалъ самъ одинъ изъ такихъ потрясающихъ рассказовъ отъ покойнаго

Ханыкова) съ ужасомъ о страшныхъ физиономіяхъ пролетаріевъ, останавливающихся на бульварахъ передъ кофейнями и съ звѣрскою завистью смотрѣвшихъ на напитки, которыми прохладжались посѣтители кофейнъ. И эта ненависть пролетаріата къ буржуа, и эта страсть буржуа къ обладанію землею понятны въ странѣ многолюдной, муниципальной, мануфактурной, какъ Франція, съ ея благословеннымъ и превосходнымъ, для культуры цѣнныхъ растений, климатомъ, при легкости сбыта всѣхъ произведеній земли на мѣстѣ, съ отличными водяными и сухими путями сообщенія, избыткомъ легкообращающагося капитала, развитіемъ интеллигенціею. Не полный ли это контрастъ съ Россіею?

Какія пространства земли были бы достаточны у насъ для благосостоянія каждаго изъ крестьянъ въ настоящее время, и какія бы пространства понадобились еще для обезпеченія каждаго изъ нихъ въ будущемъ, если сдѣлать одну земельную собственность.

То, что французъ извлекаетъ теперь изъ одного гектара своей земли, своимъ виноградомъ, огородомъ и фруктовымъ садикомъ, произведеніямъ которыхъ онъ тотчасъ же находитъ выгодный сбытъ, этого каждый изъ насъ не извлечетъ и изъ 20 десятинъ при нашемъ климатѣ и нашемъ хозяйствѣ и сбытѣ. А кому изъ крестьянъ на умъ придетъ рисковать введеніемъ другихъ искусственныхъ системъ хозяйства?

Правда, земли у насъ еще много,—хватить, пожалуй, на всѣхъ, если раздѣлить поровну; ну, а разстоянія, а почва, а климатъ, требующій, чтобы полгода сидѣли на печи, а вредныя для культуры растенія, континентальныя свойства этого климата, а недостатокъ рукъ, а трудность сбыта, а дороговизна и неподвижность капиталовъ, а хищничество и неуваженіе къ собственности, проявляющіяся на каждомъ шагу и въ стадныхъ свойствахъ народонаселенія, и въ плохой администраціи, и даже въ окружающихъ насъ стихійныхъ силахъ?

Какъ же тутъ основать народное благосостояніе на одной земельной собственности?

Предполагалось, кажется, нашими доморощенными физиократами, что земельная собственность у насъ безъ всякаго затрачиванія капитала, съ помощью однихъ рукъ и кое-какой животины безъ хорошихъ кормовъ, должна и прокормить крестьянскую семью, и выкупить себя, и дать еще прибыль для уплаты податей и для сбереженія на черный день. Когда же эти воздушные замки улетучились, то начались сѣтованія, скорбь, часто весьма сомнительнаго свойства, дутая и нерѣдко приторная, о меньшей братіи, а затѣмъ и сочувствіе современнымъ утопіямъ.

Что это я говорю? Какъ осмѣливаюсь, хотя бы и для самого себя

только, писать подобную ересь! Напечатать я это, что будетъ со мною?! Вѣдь Аскоченскій, читая мои «Вопросы жизни», находилъ въ нихъ иезуитизмъ и безбожје; Добролюбовъ, боявшійся инстинктивно розогъ, узнѣлъ въ моемъ регламентѣ о наказаніяхъ дикое и бессмысленное варварство; а теперь я вѣрно попалъ бы, за мой взглядъ на эманципацію, въ самые закоренѣлые крѣпостники и ретрограды. Но, слава Богу, я пишу для себя и не боюсь крика и брани.—Нѣтъ, господа, отвѣтилъ бы я, можетъ быть, крикунамъ:—я первый, живя 15 лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, не захотѣлъ бы ни за какія коврижки жить въ сосѣдствѣ съ обезземеленными крестьянами!

Земли нельзя было не дать нашимъ крестьянамъ при эманципаціи. Посадите кого угодно на привязъ, на одно мѣсто, на сотни лѣтъ, и всякій,—если не самъ, то его потомки будутъ считать это мѣсто своимъ, то есть не себя къ нему, а его къ себѣ приврѣпленнымъ. Это одно; а другое—то, что не въ кочевниковъ же превратить осѣдлыхъ поселянъ, считавшихъ землю, на которой они сидѣли, мірскою.

Итакъ, не въ томъ дѣло, что крестьяне наши освобождены были съ своею мірскою землею (тамъ какъ бы то ни было, тотчасъ же или потомъ); дѣло—въ принципѣ; я встаю противъ него и утверждаю, что заботы нашихъ социаль-экономистовъ физиократовъ о предохраненіи государства отъ пролетаріата посредствомъ надѣла крестьянъ землею ни къ чему не ведутъ. Что бы бюрократы, доктринеры и утописты ни придумывали противъ этого исконнаго зла человѣческаго общества, все повредить только настоящему—это главное; а для отдаленнаго будущаго безпрестанно ломать и перестраивать неустановившіяся еще порядкомъ настоящія преобразованія—нелѣпо,—да мало что нелѣпо,—преступно.

Эта-то ломка, при которой я присутствую почти 20 лѣтъ на окраинѣ Россіи, эта невѣрность и шаткость настоящаго положенія земельныхъ собственниковъ, и соединеннаго съ этимъ колебанія въ мѣропріятіи, привели насъ въ то, по истинѣ безотрадное, положеніе, въ которомъ мы теперь находимся.

Мнѣ кажется, какая-то мономанія пролетаріазма обуяла часть нашего общества,—и надо бы было благодарить Бога, когда бы она была религіознаго свойства: богатые стали бы раздавать свое имущество—по евангельски—нищимъ, во имя Господне. Такъ нѣтъ: мономанія чисто социальная, quasi-научная. Хотятъ, во что бы то ни стало, сдѣлать Россію на будущее время счастливѣе всей остальной Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи.

Талисманъ уже найденъ,—это земля; теперь идетъ дѣло только о томъ, какъ до него всѣмъ и каждому добраться.

Рецептъ простой: чѣмъ больше каждому придется на долю, тѣмъ лучше. У мужика теперь мало земли, да и ту онъ не можетъ порядочно обработать; чтобы извлечь изъ нея что можно и что нужно, у него нѣтъ ни средствъ, ни умѣнья. Слѣдуетъ дать ему вдвое, втрое, вдесятеро больше,—и онъ справится. Откуда же эта логика? Она, мнѣ кажется, вышла изъ залежной системы хозяйства, процвѣтавшей еще на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи при введеніи эманципаціи. Земля тамъ ни по чѣмъ, почва почти дѣвственная, народу мало, скотъ дешевъ и кормы въ степяхъ даровые. Валяй на просторѣ! Еще и теперь въ Бессарабіи и въ Болгаріи я самъ видалъ, какъ сѣется и отлично родится пшеница и кукуруза безъ плуга и пахоты. По стернѣ, послѣ снятія кукурузы, по оставшимся отъ нея клочкамъ, ходитъ братушка и молдаванчикъ и сѣетъ осенью пшеницу, безъ всякой подготовки, а потомъ заралываетъ какимъ-то допотопнымъ раломъ, парю буйволовъ; а то такъ родятъ и такъ падающія зерна, при снятіи жатвы.

Первобытное повѣрье въ нескерпаемое плодородіе залежи служить, мнѣ кажется, основаніемъ и нашихъ современныхъ соціальныхъ убѣжденій. Да, нашъ народъ вѣритъ еще въ землю, чуть не въ божество земли. «Наша земля,—говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ моемъ имѣніи (Подольской губ.),—не любитъ желѣза: перестанетъ родить, если ее много желѣзомъ трогать».—А навозъ?—«Навоза тоже не хочетъ, бурьяномъ порастаетъ. Значитъ, землю не тревожь, она разсердится».—Повѣрья, очевидно, ведущія свое начало отъ временъ залежнаго, переходнаго, полукочевого земледѣлія. Снявъ урожай три, четыре—довольно; земля не очень возлюбяетъ желѣзо—ступай на другое, свѣжее мѣсто.

Нѣмцы наши, колонисты, переселившіеся въ юго-восточныя наши степи изъ культурной страны, знакомые уже съ искусственною системою полеводства, прибывшіе къ намъ съ нѣкоторыми денежными средствами, притомъ народъ трезвый, бережливый, грамотный, протестантъ и даже меннонитъ, да сверхъ того получившій льготы отъ нашего правительства (освобожденіе отъ податей, рекрутской повинности),—колонисты, говорю, не смотря на всѣ эти благоприятныя условія, все-таки, какъ люди опытные и знакомые съ дѣломъ, не поддались иллюзіямъ и, не смотря на большіе земельные надѣлы,—по нѣсколькимъ десятинамъ дѣвственной почвы на cadaго хозяина, — черезъ нѣсколько лѣтъ учредили у себя майораты.

Около Одессы я зналъ нѣсколько такихъ колоній (напримѣръ, Люстдорфъ). Чтобы не дробить хозяйства на мельчайшіе участки, въ наслѣдство, по смерти отца, поступалъ весь его земельный надѣлъ и

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ.

инвентарь въ наслѣдство меньшему сыну, а другія дѣти получали отъ брата наслѣдника выплату деньгами и движимостью.

Вслѣдствіе этихъ порядковъ старшіе сыновья приготавливались быть ремесленниками, учителями и т. п. и отрывались отъ земли. Пролетаріатъ отъ этого не образовался. Намъ столько еще нужно умѣлыхъ людей, что всякій, сколько нибудь ознакомившійся съ какимъ-нибудь дѣломъ, долго еще можетъ избѣгать пролетаріата. Слѣдуя же укоренившейся у насъ вѣрѣ въ землю, какъ единственный талисманъ противъ нищеты и пролетаріата, мы все-таки не предотвратимъ пагубнаго раздробленія земельныхъ надѣловъ, отнимемъ у многихъ тысячъ людей новаго поколѣнія вѣрный хлѣбъ и средства къ наживѣ ремесломъ и ученьемъ, принудивъ заниматься земледѣіемъ безъ оборотнаго капитала при истощенной уже почвѣ и неблагоприятныхъ климатическихкихъ условіяхъ. Не надо забывать, что земледѣіе изъ года въ годъ, по мѣрѣ истощенія почвы, дѣлается все болѣе и болѣе сходнымъ съ фабричнымъ или, по крайней мѣрѣ, кустарнымъ ремесломъ и требуетъ все болѣе и болѣе денежныхъ затратъ и оборотнаго капитала.

Конечно, если-бы можно было надѣлить всѣхъ поровну по 500 или 1,000 десятинъ на каждое крестьянское хозяйство, то, вѣроятно, опасность пролетаріата отдалилась бы отъ насъ на цѣлыя столѣтія, хотя тогда, вѣрно, не мало бы явилось охотниковъ продать лишнюю землю, съ которою имъ не подъ силу было бы справиться.

Теперь въ земледѣіи едва-ли уже не дошло, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до того, что сбываются слова Евангелія: имущему дастся, а у немущаго отнимется. Чтб, въ самомъ дѣлѣ, предпринять бѣдняку съ своимъ надѣломъ, если у него нѣтъ семьи,—всѣ померли,—или и есть семья, да только со ртами, а не съ рабочими руками?

Надѣлъ, даже въ количествѣ, опредѣленномъ въ Сводѣ Законовъ для крѣпостныхъ, въ 8 десятинъ, не вложивъ въ него, кромѣ своего личнаго труда, еще рублей 150—200, не только не выплатитъ себя, но и не всегда прокормитъ семью. Поэтому, если хотять предотвратить, хотя-бы въ ближайшемъ будущемъ, пролетаріатъ, основавъ все настоящее и будущее благосостояніе крестьянства на землѣ, то надо, вмѣстѣ съ достаточнымъ надѣломъ землею, еще придать и оборотный капиталъ или, по крайней мѣрѣ, не брать податей первые годы. Это—по теоріи; на практикѣ вышло-бы, вѣроятно, другое: и оборотный капиталъ, розданный по рукамъ, и прощенные подати не пошли-бы въ прокъ, такъ, какъ-бы этого хотѣлось доктринерамъ.

Весьма отличительная черта въ характерѣ русскаго народа, отличающая его отъ западныхъ націй и даже отъ южныхъ славянъ, это—

совершенное отсутствие бережливости. Встрѣчается иногда скряжничество, циническая скудость, но склонности къ сбереженію нѣтъ.

Пожалуй, скажутъ на это, что нечего беречь; но это далеко не всегда главная причина: неразсчетливость и чисто восточный фатализмъ мѣшаютъ бережливости и тамъ, гдѣ есть что беречь. Извинительная отговорка, приписываемая спившемуся съ круга мужику, — также въ восточномъ вкусѣ. Онъ пропиваетъ, будто-бы, послѣднюю копѣйку потому, что ея не убережешь, или беречь не стоитъ.

Въ имѣніи моемъ я знаю одного мужика, Савву Криворукова; тотъ, вѣрно, пьянствуетъ не отъ нищеты; онъ однажды, поработавъ у себя и у меня въ полѣ, рѣшился, по собственнымъ его словамъ, попытать, какая такая есть свобода на свѣтѣ, и пересталъ работать, лежалъ на печи, ѣлъ, пока были харчи, и ходилъ въ кабакъ. Этотъ опытъ надъ свободою продолжался чуть-ли не полгода, пока Савва все пропилъ и пошелъ на заработки.

Иногда я его встрѣчалъ лежащаго на улицѣ, иногда въ рубищѣ, а теперь, недавно, встрѣтилъ—что-то везетъ на парѣ своихъ лошадей, вѣрно, покончилъ свой экспериментъ съ свободою. Замѣчательно, что болгары, жившіе такъ долго подъ игомъ турецкаго фатализма, менѣе фаталисты, чѣмъ наши крестьяне. Эти наши братики—по всему видно было намъ въ Болгаріи—чрезвычайно бережливы, трезвы и не прочь при всякомъ случаѣ надуть своихъ сѣверныхъ братьевъ.

Но существуетъ,—если вѣрить нашимъ социалистамъ и славянофиламъ,—волшебное средство избѣжать пролетаріата и нищеты, основавъ благосостояніе на поземельномъ надѣлѣ и безъ затраты капитала. Это средство—наша старинная русская община. Дай Богъ! Съ этою общиною я не имѣлъ никакихъ дѣлъ, и знаю ее только по описанію. Мнѣ не вѣрится, однако-же, чтобы она устояла или прямо-бы перешла въ организованную на западный манеръ ассоціацію, или коммуну, или во что-нибудь подобное. Мнѣ кажется потому, что ее не слѣдовало-бы ни уничтожать, гдѣ она существуетъ, ни поддерживать искусственными мѣрами. А гдѣ нѣтъ общины, какъ, на примѣръ, у насъ на юго-западѣ, тамъ ея уже не введешь.

Я незамѣтно увлекся въ объясненіе, почему эманципація, принятая у насъ слишкомъ поздно и потому безъ подготовки, увеличила опасность волненій, представивъ для нашихъ анархистовъ и утопистовъ весьма заманчивую сторону. Первымъ ихъ лозунгомъ послѣ эманципаціи было: «земля и воля»,—и мнѣ сдается, что чѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ будутъ ковырять на всѣ лады земельный вопросъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ дѣлаться растравленнымъ мѣстомъ, привлекательнымъ для хищныхъ насѣкомыхъ. Я полагаю-бы,

что гораздо надежнѣе и существеннѣе для пользы народа и самого государства, вмѣсто разныхъ искусственныхъ и принудительныхъ мѣръ для снабженія всѣхъ и каждаго изъ крестьянъ земельными надѣлами, было-бы уменьшеніе тягости прямыхъ налоговъ, выкупныхъ платежей, свобода обращенія и присканіе средствъ къ снабженію земледѣльца обратнымъ капиталомъ, регулированіе свободы переселенія, и т. п.

22-го марта 1881.

Событіе 1-го марта еще не даетъ мнѣ спокойно продолжать мою біографію. До себя-ли, до прошедшаго-ли, когда въ государствѣ и, можетъ быть, вблизи себя, творится весьма недоброе и возмутительное!

Я съ дѣтства любилъ мое отечество, вѣрно служилъ ему, всегда почиталъ верховную власть не въ видѣ лица, — лично я не имѣлъ счастья знать ни одного государя, — но какъ главу государства; всегда считалъ для Россіи жизненно-необходимою сильную верховную власть; всегда имѣлъ отвращеніе отъ заговора и всякаго тайнаго общества.

Поэтому я, положивъ руку на сердце, не могу ни въ чемъ, противъ правительства, упрекнуть себя, если только не назовуть противоправительственнымъ независимый образъ мыслей, приводившій меня къ анализу и неодобренію разныхъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій. Но я всегда былъ убѣжденъ, что ни правительству, ни верховной власти не опасны честные люди съ независимымъ и свободнымъ образомъ мыслей. Правительство можетъ смотрѣть на нихъ какъ на откровенную, добросовѣстную оппозицію, а такая оппозиція, я полагаю, при всякомъ образѣ правленія полезна и необходима.

Такъ и теперь, въ настоящее, смутное и тяжелое для всѣхъ, время, я не считаю подсказываемыхъ мнѣ моимъ свободомысліемъ соображеній для кого-бы то ни было вредными или опасными. Правительственная власть въ государствѣ, очевидно, находилась не въ нормальномъ состояніи. Она оказывалась безсиленною противъ шайки злоумышленниковъ, какъ принято выражаться официально.

Глава государства, послѣ нѣсколькихъ, самыхъ дерзкихъ, покушеній, убить посреди бѣлаго дня и, очевидно, злоумышленникомъ изъ окружавшей государя (вышедшаго изъ экипажа на улицу) уличной толпы.

Дерзость и энергія вла заговорщиковъ дошли до неслыханныхъ размѣровъ. Они изготовляютъ у себя въ лабораторіяхъ взрывчатая вещества, дѣлаютъ длинные подземные подкопы, и т. п.

Можно-ли все это отнести къ признакамъ прочно и правильно организованной правительственной власти? И въ какое время? Именно,

когда Россія, выдвинутая на новый путь, требовала всего болѣе спокойствія для своего развитія

Не для ослабленія-же власти считалось необходимымъ введеніе такихъ преобразованій, которыя наиболѣе соответствовали современнымъ требованіямъ культурныхъ государствъ?!

Почему-же эти современные реформы вооружили противъ себя и противъ личной, вводившей ихъ, власти такую странную ненависть, злобу и мщеніе въ горсти людей?

Мнѣ сдается, что ни одно изъ преобразованій прошлаго царствованія не было ведено въ такомъ духѣ и направленіи, которые сообщены были этимъ реформамъ при ихъ появленіи на свѣтъ. Всѣ онѣ, казалось, обѣщали нѣчто другое, отличное отъ того, чѣмъ онѣ сдѣлались въ послѣдствіи.

24-го марта 1881.

Начавъ съ крестьянскаго вопроса, вездѣ можно прослѣдить болѣе или менѣе значительныя уклоненія отъ перваго, даннаго въ началѣ этимъ реформамъ, направленія. Такъ, крестьянскій вопросъ, не смотря на прошедшій уже 10-лѣтній срокъ, остается еще неоконченнымъ; часть крестьянъ, болѣе милліона, еще на издѣльной повинности и могутъ еще считаться не свободными, а прикрѣпленными къ землѣ. Другая часть (въ юго-западномъ краѣ), хотя и совершенно освобождена и снабжена надѣлами, но не разверстана отъ помѣщичьихъ владѣній и пользуется еще прежними сервитутами.

Винный откупъ уничтоженъ, но злоупотребленія едва-ли не сильнѣе прежнихъ, хотя и въ другомъ родѣ, и одинъ изъ самыхъ значительныхъ доходовъ государства основанъ все-таки на кабакахъ и пьянствѣ народа.

Въ земствѣ главные принципы, вложенные въ него при основаніи,—всесословное представительство, самоуправленіе и гласность,—сильно поколеблены... Вялость, безразличное отношеніе земскихъ дѣятелей и общества къ земскому дѣлу и бюрократизмъ были слѣдствіями измѣнившагося духа и направленія земскихъ учреждений.

Въ судебной реформѣ—то же самое.

Въ обще-военной повинности также потребовалось, непредусмотрѣнное закономъ, значительное стѣсненіе и сокращеніе льготъ; вообще же эта реформа не оказала на крестьянство и духъ народа ожидавшагося отъ нея благодѣтельнаго результата, хотя ею и сократился срокъ службы въ войскахъ.

Свобода, данная печати, до сихъ поръ остается еще не окончательно узаконенною.

Конечно, существовали весьма вѣскія и важныя причины, побудившія правительство измѣнить и духъ, и первоначальное направленіе этихъ великихъ реформъ прошедшаго царствованія; но въ такомъ случаѣ не въ правѣ ли общество предполагать—или то, что введеніе этихъ преобразованій было сдѣлано несвоевременно,—или, что они не были основаны на точномъ и положительномъ, всестороннемъ знаніи дѣла,—или же, наконецъ, что взглядъ и образъ мыслей верховнаго реформатора измѣнились вполнѣ. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если допущу всѣ три возможности и на первомъ планѣ поставлю послѣднюю изъ трехъ.

Можно, я думаю, съ вѣроятностью предположить, что врожденные покойному государю дары Божіи—гуманный духъ, искреннее человѣколюбіе и сердечный либерализмъ—развились и получили благое направленіе подъ руководствомъ и наблюденіемъ его воспитателя-поэта; Василій Андреевичъ Жуковскій, извѣстный мнѣ и лично, но еще болѣе чрезъ его почтеннѣйшую сестру, Катерину Аванасьевну Протасову (урожд. Бунину), память о которой для меня всегда останется священной,—В. А. Жуковскій—говорю—не могъ не сообщить своему царственному воспитаннику высокихъ, чисто поэтическихъ свойствъ своей прекрасной души. Это была именно душа, способная вліять благотворно. Поэтому мнѣ представляется весьма естественнымъ, что государь приступилъ къ задуманнымъ имъ преобразованіямъ въ прекрасномъ и истинно гуманномъ настроеніи духа, и съ полною надеждою наслаждаться еще во время своего царствованія благими результатами. Когда же надежды не осуществились, а возвратъ къ прежнему сдѣлался невозможенъ, то уклоненія съ продолженнаго пути казались единственнымъ средствомъ къ восстановленію нарушеннаго равновѣсія.

Не сердечное, а только добытое умственнымъ анализомъ добро идетъ твердо, между страхомъ и надеждою, на пути къ совершенству. Но если мы въ правѣ предположить, что государь-преобразователь и освободитель возлагалъ на исполненіе своихъ высокихъ намѣреній гораздо болѣе надеждъ, чѣмъ сколько ихъ исполнилось на дѣлѣ, то несомнѣнно, что множество умовъ изъ молодого поколѣнія еще болѣе ожидали самыхъ несбыточныхъ результатовъ отъ предпринятыхъ государемъ преобразованій.

А ложныя и обманутыя надежды гораздо болѣе, чѣмъ всякій гнетъ и насиліе, возбуждаютъ недовольство и раздражаютъ незрѣлый умъ и порочное сердце

Долго, долго еще событіе 1-го марта будетъ занимать умы и по своимъ слѣдствіямъ, и по своимъ причинамъ, и врядъ-ли когда-нибудь удастся исторіи выяснить его вполнѣ.

Мнѣ причины и слѣдствія этого событія представляются такъ, какъ я изложилъ здѣсь откровенно передъ самимъ собою. Вѣрно, будутъ пущены въ ходъ различныя версіи

Не забудемъ, что мы живемъ въ такое время, когда личности въ родѣ Брутовъ, Зандовъ и Равальяковъ уже успѣли популяризироваться и сомкнуться подъ покровительствомъ новаго ученія. А такой громадный успѣхъ зла, какого оно достигло событіемъ 1-го марта, долженъ сильно повліять на судьбы этой зловѣщей общины; она нравственно,—вѣрнѣе, злонаравственно,—окрѣпнетъ и привлечетъ къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. И если государства не примутъ заблаговременно радикальныхъ мѣръ къ ослабленію господствующаго антагонизма съ обществомъ, то вербовка въ ряды недовольныхъ анархистовъ и коммунаровъ будетъ расти все болѣе и болѣе, пока они не сформируютъ *status in statu*. На ихъ сторонѣ—тотъ же могущественный своимъ злонаравіемъ принципъ, который сдѣлалъ непобѣдимыми и іезуитовъ,—съ тѣмъ только отличіемъ, что у іезуитовъ благая цѣль оправдываетъ худыя средства, а у новыхъ адептовъ анархизма и нигилизма и цѣль, и средства сливаются вмѣстѣ и бьютъ въ одну точку—разрушеніе существующаго порядка.

Какъ же не соединиться противъ такого сильнаго врага государству и обществу, стараясь взаимно ослабить существующій антагонизмъ?.. Спѣшите! Dixi.

Пора, однако-же, перестать. Я высказалъ все накопившееся въ душѣ и вызванное наружу событіемъ 1-го марта. Не знаю, возвращусь ли я еще разъ въ моемъ дневникѣ къ этому предмету. А теперь пора возвратиться къ моей біографіи.

Н. И. Пирговъ:

ВТОРОЕ СРАЖЕНИЕ ПОДЪ ПЛЕВНОЮ

18 іюля 1877 года.

Весною этого года въ штабѣ петербургскаго военнаго округа и въ рекреационномъ залѣ главнаго инженернаго училища генеральнаго штаба полковникъ П. Н. Вороновъ сдѣлалъ сообщеніе: „Второе сраженіе подъ Плевною въ 1877 году“.

Хотя, по его мнѣнію, онъ руководствовался собранными имъ достовѣрными свѣдѣніями, выводы его, однако, не основаны на фактахъ, какъ они дѣйствительно происходили, невѣрно сгруппированы и освѣщены.

Для возстановленія исторической истины, я считаю долгомъ составить прилагаемое при семъ объясненіе.

Прошу редакцію журнала „Русская Старина“ не отказать мнѣ въ принятіи этого моего объясненія для напечатанія въ общеуважаемомъ и столь охотно всѣми читаемомъ журналѣ.

Баронъ Н. Криденеръ.

Варшава.

15-го ноября 1886 года.

I.

26-го августа сего года, въ штабѣ петербургскаго военнаго округа, состоялось сообщеніе генеральнаго штаба полковника Воронова «Второе сраженіе подъ Плевною 18-го іюля». Такія же сообщенія состоялись также 2-го и 4-го апрѣля въ рекреационномъ залѣ николаевскаго инженернаго училища. Съ обильнымъ матеріаломъ въ рукахъ и пользуясь собранными имъ достовѣрными, по его мнѣнію, фактами, полковникъ Вороновъ заключилъ свое сообщеніе критическимъ разборомъ сраженія и причинъ его неудачи.

На основаніи читаннаго мною въ № 69 «Русскаго Инвалида» п № 3637 «Новаго Времени», а также переданнаго мнѣ генераломъ

Нагловскимъ, присутствовавшимъ на сообщеніи въ штабѣ петербургскаго военнаго округа, считаю долгомъ и необходимымъ, для восстановления исторической истины, представить слѣдующее мое объясненіе:

Полковникъ Вороновъ ставитъ мнѣ въ упрекъ позднее выступленіе изъ Никополя. Онъ утверждаетъ, что слѣдовало бы выступить раньше, и это болѣе раннее выступленіе, по его мнѣнію, было не только возможно, но, въ виду требованія главной квартиры о скорѣйшемъ занятіи Плевны, оно было даже необходимо.

Одинъ взглядъ на карту убѣждаетъ въ важномъ стратегическомъ значеніи Никополя. Въ одномъ небольшомъ переходѣ—въ 40 верстахъ отъ единственнаго нашего моста черезъ Дунай, гарнизонъ крѣпости служилъ не малую для него угрозою, въ то время, когда наши войска, по переходѣ черезъ мостъ, довольно далеко уже проникли во внутрь края и даже главная Государя Императора квартира находилась на правомъ берегу рѣки. При всякомъ же движеніи нашихъ войскъ на западъ, къ сторонѣ Плевны, они должны были выставить свой правый флангъ и даже тылъ ударамъ непріятели со стороны Никополя. Надо было ожидать, что, въ виду такого стратегическаго положенія Никополя, турки, имѣя свѣдѣнія о полученномъ войсками 9-го корпуса направленіи, постараются усилить находящійся уже въ этой крѣпости гарнизонъ, около 15,000, двинувъ туда войска съ запада, гдѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, они имѣли въ Раховѣ 6,000, а въ Виддинѣ 45,000 человекъ! Если такимъ увеличеннымъ гарнизономъ они еще болѣе усилили бы существующую уже оборонительную позицію въ 6-ти верстномъ районѣ впереди Никополя, упираясь на эту крѣпость, и если были бы воздвигнуты укрѣпленія подобно тому, какъ впоследствии около Плевны, то можно полагать, что наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ на прочихъ пунктахъ театра войны были бы остановлены, пока не овладѣли Никополемъ, что тогда возможно было бы только съ большою потерей людей и времени или пришлось бы блокировать крѣпость, на что также понадобилось бы немалое число войскъ. Продовольственныхъ же запасовъ было въ Никополѣ значительное количество.

Руководимый этими соображеніями и проникнутый убѣжденіемъ, что для успѣха кампаніи прежде всего нужно было овладѣть Никополемъ, я принялъ рѣшеніе ускорить всѣми зависящими отъ меня мѣрами наступленіе на Никополь, чтобы тѣмъ предупредить возможное усиленіе турками гарнизона крѣпости со стороны запада. 2-го іюля 1877 г. присоединились къ корпусу послѣднія его части, по переходѣ черезъ Дунай; 3-го числа, рано утромъ, я началъ атаку; 4-го—крѣпость сдалась.

Со стороны Плевны, противъ которой я оставилъ заслономъ Костромской полкъ и часть казаковъ сводно-кавказской казачьей бригады, никакихъ тревожныхъ слуховъ не получалось. О томъ, что принцъ Карлъ сообщилъ телеграммою въ главную квартиру о замѣченномъ движеніи турокъ изъ Рахова на югъ, мнѣ не было извѣстно; я о томъ узналъ только теперъ изъ переписки со мною полковника П. Н. Воронова, также о будто сдѣланномъ мнѣ, 6-го іюля, донесеніи по сему предмету полковникомъ Анчущинымъ. Просьба моя сообщить мнѣ копію съ этого донесенія осталась безъ отвѣта.

Не имѣя никакихъ данныхъ о близко грозящей опасности для Плевны, я употребилъ всѣ мои заботы на устройство войскъ, сильно пострадавшихъ отъ упорнаго боя, въ продолженіе почти цѣлыхъ сутокъ, и на приведеніе въ порядокъ крѣпости, чтобы ей дать необходимую самостоятельность для отраженія всѣхъ покушеній непріятеля вновь ею овладѣть, въ то время, когда войска корпуса будутъ двинуты на Плевно.

Заботъ было много. Уронъ былъ значительный. Нужно было успокоить раненыхъ, устроить санитарную часть; посылались команды для отысканія тѣхъ раненыхъ, которые могли остаться незамѣченными въ закрытыхъ мѣстахъ, особенно во время ночнаго боя; нужно было на всемъ пространствѣ сдѣлать уборку мертвыхъ тѣлъ, какъ нашихъ, такъ и турокъ, для преданія ихъ землѣ; изъ парковъ нужно было пополнить израсходованные заряды и патроны; необходимо было сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ извѣстность, принятіи и храненіи оставленнаго турками имущества, оружія и продовольственныхъ запасовъ; потребно было кормить плѣнныхъ 7,000 человекъ, женщинъ и дѣтей болѣе 700, что возможно было только изъ солдатскихъ котловъ; нужно было подумать объ отправленіи плѣнныхъ, партіями въ 1000 человекъ, за надлежащимъ конвоемъ и устроить путевое ихъ довольствіе. Понятно, что всѣ эти распоряженія не могли быть приведены въ исполненіе въ одинъ или два дня. Тѣмъ не менѣе, только что кавказскіе казаки могли быть снабжены патронами, почти всѣ израсходованными во время ночнаго на нихъ отчаяннаго нападенія турокъ, они тотчасъ были направлены на Бугарино-плевненскую дорогу; Бугскій уланскій полкъ двинуть былъ къ Виду для наблюденія и для поисковъ къ сторонѣ Искера; затѣмъ на слѣдующій день, эшелономъ къ сторонѣ Плевны, была выдвинута 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи и когда освободился Галицкій полкъ, то, выступивъ изъ Никополя, онъ сталъ на нѣкоторомъ разстояніи за 1-й бригадой 5-й пѣхотной дивизіи. Имѣлъ я въ виду, только что окончатся всѣ распоряженія по крѣпости и этимъ послѣднія части корпуса будутъ

готовы къ выступленію, всѣми войсками въ совокупности двинуться на Плевно, оставляя гарнизонъ въ Никополѣ.

Получена была телеграмма отъ Главнокомандующаго передать Никополь румынамъ, со всѣми же войсками 9-го корпуса идти на Плевно.

Нужно было войти въ сношеніе съ румынами. Командующій ихъ войсками, генералъ Чернатъ, мнѣ объявлялъ, что они не подчинены нашему Главнокомандующему,—да если бы и хотѣли исполнить желаніе Великаго Князя, то на то не было бы возможности по нѣмѣннѣю не только моста, но и какихъ-либо перевозочныхъ средствъ черезъ Дунай. Въ отвѣтъ на такое мое донесеніе получена была телеграмма: «немедленно послать два полка для занятія Плевны». Если въ главной квартирѣ считали достаточнымъ послать въ Плевно всего только два полка, то это должно было мнѣ служить указаніемъ, что главная квартира не считала Плевно сильно занятою и что ей неизвѣстно было о грозившей опасности движеніемъ туда Османа-паши.

Повелѣніе Главнокомандующаго было приведено въ исполненіе безотлагательно. Генералу Шильдеръ-Шульднеру 7-го числа было поручено двинуться на Плевно, для ея занятія, двумя полками 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, уже находящимися эшелономъ впереди къ сторонѣ Плевны. Къ этому отряду былъ придавъ еще казачій № 9 полкъ и, кромѣ того, я отдалъ въ распоряженіе генерала Шильдеръ-Шульднера и Костромской полкъ, стоявшій въ Трестникѣ. Если бы въ то время я зналъ о содержаніи телеграммы принца Карла въ главную квартиру, я не замедлилъ бы о томъ поставить въ извѣстность генерала Шильдеръ-Шульднера, и нужно полагать, что тогда онъ наступалъ бы на Плевно съ большею осмотрительностью и, вѣроятно, была бы избѣгнута печальная катастрофа 8-го іюля.

По первому извѣстію о неудачномъ исходѣ боя, двинуть былъ Галицкій полкъ, который принялъ на себя и прикрылъ отступающія войска; туда же былъ направленъ Бугскій уланскій полкъ. Оставивъ Пензенскій полкъ гарнизономъ въ Никополѣ, я на другой же день, съ остальными двумя полками, двинулся на Бреславицы, гдѣ войска расположились бивуакомъ.

Извѣстно, что Османъ-паша вступилъ въ Плевно 7-го числа утромъ. Стало быть, чтобы предупредить его, слѣдовало прибыть въ Плевно 6-го числа, т. е. черезъ день послѣ паденія Никополя, совершивъ при томъ походъ въ 40 верстъ. Спрашивается, могло ли это быть исполнено при вышеописанныхъ обстоятельствахъ? Поэтому я считаю себя въ правѣ утверждать, что я не заслужилъ упрека въ позднемъ выступленіи изъ Никополя и что такое болѣе раннее выступленіе

было не только вполне возможно, но, и въ виду требованія главной квартиры о скорѣйшемъ занятіи Плевны, даже совершенно необходимо.

II.

Болѣе всего ставятъ мнѣ въ упрекъ, что я болѣе далъ вѣры собраннымъ мною на мѣстѣ свѣдѣніямъ о силѣ непріятельскихъ войскъ, нежели полученнымъ о нихъ въ главной квартирѣ полковникомъ Артамоновымъ и мнѣ сообщеннымъ.

Подобнаго сообщенія я, однако, не получилъ. Какія были получены свѣдѣнія полковникомъ Артамоновымъ о силѣ непріятеля—мнѣ извѣстно не было.

7-го іюля Османъ вступилъ въ Плевно. На то, чтобы высмотрѣть и собрать свѣдѣнія, сколько войскъ уже вступило и сколько могло еще прибыть въ Плевно, конечно, потребно было нѣкоторое время. Отъ Плевно до Тырнова, гдѣ находилась главная квартира, 120 верстъ. Не знаю, какимъ способомъ полковникомъ Артамоновымъ собирались свѣдѣнія, но нужно полагать, что онъ не повѣрилъ на слово одному только лицу и что полученныя показанія тщательно повѣрялись, на что также необходимо было имѣть время.

Изъ Тырнова до Плевно — 120 верстъ. Во всякомъ случаѣ, въ то время, когда эти свѣдѣнія могли быть мнѣ сообщены, я стоялъ уже бивуакомъ у Бреславицы, гдѣ я ихъ могъ получить только съ нарочно посланнымъ ординарцемъ. Такого посланнаго, однако, не было. Когда, на собранномъ мною военномъ совѣтѣ, обсуждался вопросъ о возможности атаки Плевны, то въ расчетъ была взята сила непріятеля въ 60,000 и никто изъ начальствующихъ лицъ не заявилъ о томъ, что ему извѣстны были собранныя полковникомъ Артамоновымъ свѣдѣнія. Въ этомъ смыслѣ и было донесено главнокомандующему и высказано, что военный совѣтъ, при существующихъ обстоятельствахъ, считаетъ атаку Плевны невозможною, причѣмъ было прибавлено, что съ юго-восточной стороны Плевна болѣе доступна. Впослѣдствіи, когда 17-го числа поздно вечеромъ я изъ штаба главной квартиры получилъ указанія для атаки, то въ нихъ не заключалось опроверженія показанной мною численности непріятельскихъ войскъ, на которой донесеніе было основано.

Для того, чтобы сблизиться съ войсками князя Шаховскаго, я, 16 іюля, перевелъ пѣхоту 9-го корпуса на плевно - болгарійскую дорогу, оставляя часть кавалеріи на дорогѣ изъ Плевны въ Никополь.

Вступивъ въ Трестникъ, я получилъ телеграмму: «одобряю вашъ планъ атаки», что и должно было мнѣ служить указаніемъ, что атака Плевны рѣшена.

Полковникъ Вороновъ не взялъ въ расчетъ одного весьма важнаго фактора на войнѣ—это время. По многимъ слухамъ турки ожидали еще подкрѣпленія со стороны Софіи, которыя могли прибыть каждый день. При томъ турки не зѣвали укрѣпленіемъ своей позиціи еще новыми постройками; съ каждымъ часомъ средства къ оборонѣ возрастали, почему я рѣшился, какъ только получу письменное приказаніе для атаки, привести его въ исполненіе безъ замедленія; для личной же рекогносцировки нужно было пожертвовать цѣлымъ днемъ, когда цѣлый рядъ рекогносцировокъ мнѣ далъ безъ того довольно ясное понятіе о позиціи турокъ. Поэтому, на другой же день послѣ полученной депеши, я, 17-го Іюля, отправился въ Порадинъ, гдѣ всѣмъ начальствующимъ лицамъ изложилъ мои предположенія для атаки.

Свѣжа у меня была въ памяти тревога въ ночь съ 3-го на 4-е Іюля, когда по распространившемуся слуху, будто турки наступаютъ на Систово, вся главная квартира была поднята на ноги и самъ государь императоръ сѣлъ на лошадь. Слухъ этотъ okazaлся ложнымъ, но если бы, при огромномъ превосходствѣ въ силахъ, какъ я тогда полагалъ, турки бы прорвались къ сторонѣ Систова въ чемъ бы тогда могло состоять мое оправданіе?

Развивая мои предположенія для атаки, я указывалъ на то, что, только по овладѣніи войсками 9-го корпуса Гривицкою высотой, войска лѣвой колонны могутъ перейти въ наступленіе, на что ожидать моего приказанія. Тогда начальникъ штаба 11-го корпуса, генералъ Бискупскій, мнѣ заявилъ, что, пока получитъ это приказаніе, удобный моментъ для атаки можетъ быть пропущенъ, и просилъ не связывать войска лѣвой колонны такимъ точнымъ приказаніемъ. Имѣя въ виду, что съ Радышевскихъ высотъ ясно можно было видѣть, что происходитъ около Гривицы, я согласился въ диспозиціи употребить фразу «соображаться съ правымъ флангомъ». Поэтому, пока правый флангъ стоялъ на мѣстѣ, лѣвый флангъ не имѣлъ права двинуться впередъ. Это было совершенно ясно, особенно послѣ личныхъ моихъ объясненій. Поэтому не считаю справедливымъ сдѣланный мнѣ упрекъ, что я далъ слишкомъ много свободы дѣйствія войскамъ лѣвой колонны и что, по словамъ полковника Воронова, они выполнили диспозицію.

III.

Что касается «нераціональныхъ дѣйствій артиллеріи подъ Плевною, той самой, которая такъ отличилась подъ Никополею, подъ начальствомъ генерала Похитонова», какъ упомянуто въ статьѣ «Новаго Времени», то имѣю заявить:

Едва-ли кто болѣе меня уважаетъ и почитаетъ генерала Похитонова и отдаетъ полную справедливость боевымъ его качествамъ. Онъ подъ Никополею, по моему порученію, рекогносцировалъ мѣстность, чтобы выбрать позиціи для артиллеріи, и въ продолженіе короткой ночи устроилъ для батарей прикрытія. По моему представленію, онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. Особенную распорядительность онъ выказалъ, когда подъ Плевною онъ довольно долгое время исполнялъ должность начальника артиллеріи корпуса, но подъ Никополею управлялъ артиллеріею начальникъ артиллеріи корпуса, генералъ Калачевъ. Онъ приводилъ въ исполненіе мои указанія для артиллеріи въ центрѣ; на лѣвомъ же флангѣ батареи принадлежали 31 артиллерійской бригадѣ, а батареи 5-й артиллерійской бригады, которая перешли на правый берегъ Осмы съ Вологодскимъ полкомъ, хотя и принадлежали этой бригадѣ, но находились внѣ района личнаго командованія генерала Похитонова.

18-го числа, когда я подѣхалъ къ артиллеріи, я ее уже засталъ на позиціи. Были выставлены всѣ 9 фунтовья батареи (за оставленіемъ одной батареи въ Систовѣ у моста черезъ Дунай, ихъ было 5) и 4 фунтовья. Тогда генералъ Калачевъ мнѣ доложилъ, что снаряды легкихъ орудій не долетаютъ до редута. Удостоверившись въ томъ, я приказалъ снять съ позиціи легкія орудія, чтобы ихъ не подвергать напраснымъ потерямъ. На всемъ этомъ пространствѣ мѣстность довольно круто понижается къ гривницкому оврагу и потому не имѣлось никакой возможности подвинуть батареи болѣе впередъ. Могли быть сдѣланы сколько угодно рекогносцировокъ, все же не отыскалось бы другой позиціи для артиллеріи. Убѣдившись въ томъ, что атака недостаточно подготовлена артиллерійскимъ огнемъ, не получая никакихъ донесеній изъ лѣвой колонны и принимая во вниманіе довольно позднее время дня — было уже 2 часа — я рѣшился на этотъ день отказаться отъ атаки и отвести войска назадъ на свои квартиры, о чемъ я заявилъ окружающимъ меня лицамъ, но, до приведенія этого моего намѣренія въ исполненіе, я получилъ донесеніе, что войска лѣвой колонны перешли въ атаку. Когда, этимъ

вынужденіемъ, пѣхота правой колонны также была двинута впередъ, то батареи тяжелыя и легкія, провожая ее, стали на разстояніи ружейнаго выстрѣла, полукружіемъ около редута. Пѣхота ихъ не закрывала, какъ то заявляетъ полковникъ Вороновъ, и ясно мнѣ было видно, какъ шрапнелевыя гранаты разрывались подь самымъ редутомъ. Артиллерія не только молодецки выѣхала впередъ, на близкое разстояніе отъ редута, но и превосходно стрѣляла. Напрасно порицать эту славную артиллерію, которая добросовѣстно и честно исполнила свой долгъ не только въ этотъ день 18 іюля, но и передъ тѣмъ и послѣ того, вездѣ и во всѣхъ случаяхъ. Войска 9-го корпуса отступили послѣ неудавшагося штурма, а не подь натискомъ на нихъ непріятеля; были части, которыя оставались подь самымъ редутомъ до утра. Поэтому не было никакого повода къ безпорядочному, суетливому отступленію, которое и было совершенно совершенно покойно и въ порядкѣ. Отправивши послѣднюю подводу съ ранеными, я слѣдовалъ въ хвостъ колонны. Вся артиллерія, и не только подчиненная генералу Похитонову, по мѣрѣ выѣзда на дорогу, присоединилась къ колоннѣ безъ всякой суеты. Никакого особеннаго хладнокровія на то и не понадобилось. Единственная трудность состояла въ томъ, чтобы въ темной ночи преодолевать мѣстные препятствія и попасть на дорогу. Потому не могу согласиться въ выраженномъ въ статьѣ «Новаго Времени», что артиллерія могла отступить только благодаря хладнокровію генерала Похитонова.

Полковникъ Вороновъ упомянулъ о вяломъ дѣйствіи кавалеріи генерала Лашкарева и ставитъ ей въ примѣръ дѣйствія кавалеріи подь Ловчею.

Когда въ началѣ наступленія войскъ князя Шаховскаго замѣтно было отступленіе турокъ и я могъ надѣяться на успѣхъ, то послалъ приказаніе генералу Лашкареву, переправившись черезъ р. Видь, стать на путь отступленія турокъ. Такого отступленія не было и спрашивается, что бы могъ предпринимать генералъ Лашкаревъ? Неужели же, переправившись обратно черезъ Видь, генералъ Лашкаревъ долженъ былъ атаковать и съ этой стороны турецкія укрѣпленія въ конномъ строю? Поэтому полагаю, что приведенный примѣръ дѣйствія кавалеріи подь Ловчею не можетъ быть примѣненъ къ настоящему случаю.

IV.

При 9-мъ корпусѣ не было саперъ. Не помню я, чтобы въ числѣ войскъ, прибывшихъ съ княземъ Шаховскимъ, были и саперы. По крайней мѣрѣ, я о нихъ никакого извѣщенія не имѣлъ. Если, дѣйствительно, они были, то безъ моего вѣдома, — я ихъ не видалъ. Развѣ говоря о 550 человекъ «превосходныхъ руководителей саперъ», полковникъ Вороновъ имѣлъ въ виду подготовленныхъ въ полкахъ нѣкотораго числа нижнихъ чиновъ къ саперному дѣлу, которыхъ бы слѣдовало выделить изъ полковъ, сформировать команды и снабдить ихъ лопатами? Признаюсь, что мнѣ это въ голову не пришло и если бы хотѣлъ, то на то недоставало бы времени. Допустимъ, однако, что, отдѣливъ часть войскъ 9-го корпуса для заслона съ восточной стороны, я занялъ бы ими укрѣпленную оборонительную позицію по дорогѣ въ Булгарени, какъ то указываетъ полковникъ Вороновъ, остальными же затѣмъ войсками усилилъ бы войска князя Шаховскаго, — что помѣшало бы туркамъ, собравъ тогда свои войска изъ цѣлаго ряда укрѣпленій на высотахъ по правому берегу р. Гривицы, ударить на правый флангъ и даже тылъ наступающихъ нашихъ на Плевно войскъ? Полагаю, что положеніе отряда тогда могло бы сдѣлаться весьма критическимъ. Наконецъ, если бы, какъ также нѣкоторые выражаютъ мнѣніе, я всѣми войсками наступилъ бы съ юга, бросивши прямое мое сообщеніе по шоссе, на Булгарени, и этимъ путемъ дѣйствительно бы удалось проникнуть до Плевны и овладѣть имъ, командующія же высоты на правомъ берегу р. Гривицы со всѣми на нихъ укрѣпленіями, начиная съ Гривицкаго редута, остались бы съ ихъ гарнизонами въ рукахъ турокъ, то спрашивается, насколько прочно было бы положеніе въ Плевнѣ нашихъ войскъ, конечно, не мало пострадавшихъ и разстроенныхъ отъ сильной борьбы съ непріателемъ. Результатъ такого положенія дѣла предоставляю сужденію читателей.

Въ статьѣ «Новаго Времени», № 3,637-й, значится слѣдующее: «Въ то время, когда чисто роковая случайность, состоявшая въ горячности и неумѣстномъ увлеченіи ординарца князя Шаховскаго, увлекшаго Коломенскій полкъ, отправленный генераломъ Криденеромъ къ князю Шаховскому, въ сферу огня турокъ ранѣе, чѣмъ онъ прибылъ къ Радишеву», и т. д.

Считаю не излишнимъ возстановить этотъ фактъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

Въ то время, когда уже разгорѣлся бой противъ Гривицкаго

редута—было около 5-ти часовъ—прискакаль ординарецъ отъ войскъ лѣвой колонны и, крича: «помощь, помощь, помощь»,—не останавливая лошадь, съ той же быстротою ускакаль, какъ прискакаль. Въ короткое время прискакали еще, одинъ за другимъ, два ординарца, которые, крича: «помощь, помощь», не предъявляя никакой записки, исчезли съ такою быстротою, что нельзя было ихъ разспросить. Тогда я отдѣлиль весь Коломенскій полкъ изъ резерва и, въ недоумѣніи гдѣ находится князь Шаховской и куда направить полкъ, я приказаль офицеру генеральнаго штаба вести его на выстрѣлы; ординарцу же моему я поручиль отыскать князя Шаховскаго и доложить ему о сдѣланномъ мною распоряженіи. Полкъ этотъ наткнулся на быстроотступающія войска лѣвой колонны и силою обстоятельствъ былъ вовлеченъ въ бой. Вотъ какъ это дѣйствительно происходило; на какихъ же «достоувѣрныхъ данныхъ» основывается рассказъ о горячности ординарца князя Шаховскаго—мнѣ неизвѣстно.

Турки не довольствовались одною лишь пассивною обороною Гривидкаго редута, а ввели въ бой также войска, находящіяся позади его. Это доказывается тѣмъ, что былъ моментъ, когда турки перешли въ наступленіе и наши батареи на правомъ флангѣ даже отходили назадъ, что весьма ясно мнѣ было видно. Вскорѣ затѣмъ пріѣхаль ко мнѣ ординарецъ, прося помощи, почему я изъ резерва отдѣлиль одинъ баталіонъ Серпуховскаго полка, которымъ былъ возстановленъ бой. Упоминаю о томъ для того, чтобы показать, что турки не могли не отдѣлить довольно значительную часть своихъ силъ противъ войскъ 9-го корпуса. На крайнемъ ихъ правомъ флангѣ, часть ихъ войскъ должна была противостоять генералу Скобелеву и затѣмъ спрашивается, сколько осталось у нихъ, имѣя всего до 25 т., чтобы встрѣтить войска князя Шаховскаго, у котораго находились двѣ нетронутыя бригады въ полномъ числѣ рядовъ? Полагаю, что большой разницы въ силахъ обонхъ противниковъ быть не могло. Понимаю, что наступательное движеніе войскъ князя Шаховскаго, наткнувшись на новыя укрѣпленія непріятельской позиціи, могло быть остановлено; понимаю, что, въ виду встрѣченныхъ ими затрудненій, войска эти должны были отступить, но какая тому причина, что отступленіе это было такое поспѣшное, что даже лазаретные шатры остались въ рукахъ непріятели? Полагаю, что причиною тому было то обстоятельство, что войска князя Шаховскаго слишкомъ растянулись, особенно на лѣвомъ флангѣ, изъ желанія скорѣе дойти до Плевны, которая и дѣйствительно была достигнута частію войскъ, упуская изъ виду, что недостаточно дойти до извѣстнаго пункта и даже овладѣть имъ, но что нужно имѣть возможность удержать его за собою. Понятно, что, когда турки перешли въ наступленіе, растянутая линія

безъ резервовъ не могла имъ противостоять и войска лѣвой колонны вынуждены были отступать безостановочно.

V.

Согласно № 69 «Русскаго Ивалида» полковникъ П. Н. Вороновъ закончилъ свое сообщеніе словами: «послѣ отступленія, когда наши войска сознали понесенную неудачу и почувствовали, что не такіе результаты обыкновенно сопровождали дѣйствія русской арміи, и состояніе ихъ духа было угнетенное; они чувствовали себя какъ бы виноватыми».

Напомню полковнику Воронову, что неудача 18-го июля была не единственная для войскъ русской арміи во время послѣдней войны. 30-го августа 1877 г., послѣ усиленнаго пяти дневнаго бомбардированія, усилія всѣхъ войскъ, отданныхъ генераломъ Зотовымъ въ распоряженіе генерала Крылова, разбились предъ однимъ укрѣпленіемъ Омеръ-Бей-Табія, стоявшимъ на холмѣ довольно изолированнымъ отъ прочихъ турецкихъ укрѣпленій. Войска наши, послѣ огромныхъ потерь, должны были отступить.

Войска генерала Скобелева, послѣ геройскихъ усилій, овладѣли двумя редутами, но въ нихъ удержаться не могли и, подвергнувшись значительнымъ потерямъ, должны были отступить, оставивъ въ рукахъ непріятеля три орудія. Развѣ это не была неудача? и какая тому причина? Нѣкоторые выражаютъ мнѣніе, что пунктъ атаки былъ выбранъ ошибочно. Другіе увѣряютъ, что пунктъ атаки былъ выбранъ правильно, — что такъ и слѣдовало. Кто изъ нихъ правъ? Это укажетъ безпристрастная исторія . . .

На театрѣ войны въ Азіатской Турціи штурмъ Зивинскихъ высотъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Штурмъ войсками генерала Геймана Эрзерума не удался; уронъ былъ значительный. Тѣмъ не менѣе духъ войскъ отъ этихъ неудачъ не пострадалъ, и они не находились подъ чувствомъ виновности. Почему же именно 9-й корпусъ подвергается такому строгому приговору? Что не было весело на душѣ, то это, конечно, весьма понятно, но всѣ имѣли сознаніе, что исполнили долгъ чести всѣми человѣческими силами. Ласковый пріемъ его императорскаго высочества главнокомандующаго, переданныя милостивыя слова благодарности государя императора, конечно, были приняты съ глубокою признательностію и ободрили всѣхъ; но что не было упадка духа, то въ томъ главнокомандующій могъ убѣдиться изъ молодецкаго выраженія лицъ при объѣздѣ имъ войскъ. Они это

и доказали на дѣлѣ, 30-го августа, когда на всѣхъ пунктахъ атаки кончились неудачею,—единственный успѣхъ былъ достигнуть войсками 9-го корпуса взятіемъ Гривицкаго редута. По диспозиціи на этотъ день, задача эта была возложена на румынскія войска. Я былъ свидѣтелемъ тому, какъ румыны, когда попали подѣ двухъ-ярусный огонь редута, хлынули назадъ болѣе, чѣмъ успѣшно. Я какъ бы предвидѣлъ эту неудачу, и потому еще утромъ, 30-го числа, взявъ на личную мою отвѣтственность приказать 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею, если румынамъ не удастся штурмъ, идти впередъ и овладѣть редутомъ. Такъ и случилось. Когда румыны отступили, наша бригада начала наступать и, при содѣйствіи одного лишь румынскаго баталіона, ворвалась въ редутъ и не только что взяла его, но и въ немъ удержалась, отбивая цѣлый рядъ отчаянныхъ контръ-атакъ турокъ въ продолженіе всей ночи. Взятые тамъ орудія были вывезены на мой бивуакъ. Тамъ ихъ увидѣлъ принцъ Карль. По просьбѣ его и ходатайству великаго князя, орудія эти были ему подарены государемъ императоромъ,—это тѣ самыя орудія, которыя, прогуливаясь по улицамъ Бухареста, приводили въ восторгъ его жителей и были показаны какъ трофей, приобретенныя румынскою храбростію, какъ потомъ и наглядно было изображено въ румынскихъ иллюстраціяхъ. Объ этомъ воображаемомъ подвигѣ румынъ состоялся громкій приказъ принца Карла по румынскимъ войскамъ.

Нѣсколько дней спустя, я былъ осчастливленъ высочайшею Государя Императора благодарностію, переданною мнѣ посланнымъ ко мнѣ флигель-адъютантомъ полковникомъ барономъ Мейендорфомъ, который, по повелѣнію государя императора, объѣхалъ всѣ части 9-го корпуса, чтобы имъ передать царское спасибо.

Вышеизложенное предьявляю на справедливое и безпристрастное сужденіе читателей.

Генералъ-отъ-инфантеріи Баронъ Криденеръ.

15-го ноября 1886 года.

Г. Варшава.

РЕКОГНОСЦИРОВКА ЗА БАЛКАНЫ

въ декабрѣ 1877 года.

Приготовляясь, въ концѣ 1877 года, къ переходу чрезъ Балканы, начальникъ западнаго отряда нашихъ войскъ, генераль-адъютантъ Гурко, находилъ необходимо нужнымъ, для существеннаго облегченія задуманнаго перехода, поручить какому либо изъ кавалерійскихъ небольшихъ отрядовъ, или такъ называемыхъ разъѣздовъ, разрушить турецкую телеграфную линію, проведенную съ Лютаковской позиціи, чрезъ Балканы, въ Софію. Должно замѣтить для болѣе обстоятельнаго опредѣленія взаимнаго положенія, какъ нашего, такъ и непріятеля въ это время, что турки, при обходѣ русскими войсками праваго фланга горной позиціи противъ орханійской долины, сохранили за собою лѣвый флангъ, состоявшій изъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ у деревни Лютаково. Укрѣпленія эти командовали вполнѣ сказанной долиной,—и непріятель могъ ясно видѣть прибытіе подкрѣпленій къ нашимъ войскамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ возможность, своими сообщеніями по телеграфу, если не парализировать, то нѣкоторымъ образомъ затруднять переходъ русскихъ войскъ чрезъ горы.

Задача разрушенія телеграфа представляла почти неодолимую трудности. Не говоря уже о томъ, что мѣстность, гдѣ находилась телеграфная линія, была вполнѣ неизвѣстна, послѣдняя отдѣлялась, по слухамъ, отъ нашихъ позицій высокимъ и крупнымъ хребтомъ, проходы чрезъ который были развѣ только знакомы нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ жителей. Къ тому же страшные снѣжные завалы въ горахъ и частыя пурги дѣлали перевалы чрезъ крутизны почти непроходимыми. Во всякомъ случаѣ, генераль-адъютантъ Гурко рѣшилъ все-таки сдѣлать попытку добраться какънибудь до телеграфа. Сперва

порученіе это было возложено на разъѣздъ отъ л.-г. Гродненскаго гусарскаго полка,—и два раза гусары пробовали проложить путь черезъ крутизны горъ, но какія-то обстоятельства помѣшали этому.

Тогда и въ тѣхъ-же видахъ—та-же самая рекогносцировка выпала на долю разъѣзда л.-г. конногренадерскаго полка подъ командою прапорщика Сипягина,—и этотъ отрядъ успѣлъ преодолѣть, какъ увидимъ ниже, всѣ препятствія и достигнуть главнѣйшей цѣли ¹⁾).

Въ составъ разъѣзда было выбрано 24 человека—охотниковъ изъ всего полка. Въ 7¹/₂ часовъ утра 8 декабря 1877 года, отрядъ выступилъ изъ деревни Новачинъ, гдѣ полкъ стоялъ уже почти двѣ недѣли,—и пройдя, по довольно гористой мѣстности, около двухъ часовъ, достигъ деревни Лютаково, гдѣ былъ расположенъ л.-г. Гродненскій гусарскій полкъ. Короткое время остановки было посвящено, конечно, разспросамъ командира того полка, полковника Остроградскаго, и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ о предстоящихъ разъѣзду дорогахъ. Полковникъ и офицеры не могли сказать, понятно, объ этомъ многого; что-же касается до просьбы о проводникѣ, они предложили взять для этой цѣли одного болгарина, предупредивъ, между прочимъ, что положиться на него вполне никакъ нельзя, да и вообще ни на кого изъ здѣшнихъ жителей. Положеніе разъѣзда дѣлалось, такимъ образомъ, очень незавиднымъ. «Если разбирать въ подробности чувства, волновавшія меня въ это время,—писалъ въ своемъ днев-

¹⁾ Услыхавъ случайно рассказъ объ этой, буквально головоломной, конной экспедиціи въ горы, намъ казалось не безынтереснымъ собрать всѣ относившіеся до нея матеріалы и официальные документы и, на основаніи ихъ, передать въ печати всѣ подробности подобной молодецкой рекогносцировки, тѣмъ болѣе, что, по скромности главнаго ея руководителя, едва-ли упоминалось о ней въ журналахъ или газетахъ. Отвага горсти храбрецовъ, забравшихся два раза въ тылъ непріятели и выполнившихъ здѣсь все то, что имъ было назначено, заслуживаетъ, само собою разумѣется, особеннаго вниманія! По нашему мнѣнію, такое удалство,—достигшее вмѣстѣ съ тѣмъ и существенныхъ результатовъ, нельзя никакъ поставить ниже овладѣнія непріятельской батареей, или незамѣтнаго приближенія мноносозъ къ броненосцу непріятели, какъ мы видѣли геройскіе примѣры въ ту-же войну. Понятно, что преодолевать на каждомъ шагѣ почти невозможныя препятствія, представляемая дикою природою, при ежеминутной опасности сломать себѣ шею, или провалиться съ лошадыю куда либо въ преисподнюю, отнюдь не легче и безопаснѣе приведенныхъ подвиговъ. При этомъ должно также замѣтить, что отрядъ, не смотря на исключительность и важность даннаго порученія, не могъ быть иначе, какъ предоставленъ единственно сообразительности своего начальника и только собственно своимъ силамъ въ мѣстности, окруженной повсюду многочисленнымъ непріятеlemъ. Т. Т.

никъ молодой начальникъ разъѣзда, (ему минуло только 21 годъ).— то это, право, не былъ страхъ предстоявшихъ опасностей, но скорѣе чувство полнаго разочарованія въ возможности успѣшно исполнить порученіе, принятое мною съ такимъ душевнымъ наслажденіемъ,— можетъ быть даже отчасти потому, что оно было дано мнѣ, а не кому либо другому. Мнѣ казалось, что непремѣнное выполнение его было связано со мною долгомъ чести; а вдругъ какойнибудь неосторожный шагъ? — приходило въ то-же время мнѣ на умъ,—и я погублю, главное, не себя, а другихъ, считавшихъ меня теперь чуть не за распорядителя своихъ судебъ. Однако, рассуждать было некогда, надобно было выступать!»

Предавъ себя и свой разъѣздъ мысленно Богу, мы пошли по направленію къ деревнѣ Огайо, пустивъ впередъ себя проводника. Последній велъ насъ ложиною, занесенною сплошь снѣгомъ безъ малѣйшаго признака слѣда; все зависѣло, конечно, отъ знанія мѣстности болгариномъ. Приходилось безпрестанно пересѣкать рѣчки и овражки, покрытые густою бѣлою пеленою, скрывавшею подъ собою еще незамерзшую воду, такъ что почти каждому изъ насъ наступалъ своей чередъ принять вдругъ не очень-то пріятную и совсѣмъ не по сезону холодную ванну. Однако, пока все еще было сносно: люди и лошади еще не устали. Идутъ тихо, мѣрно, но скоро и покойно. Хруститъ снѣгъ и раздается подъ копытами; ползеть, но идти было можно. По дорогѣ присоединилось къ намъ еще нѣсколько болгаръ, направлявшихся въ ту-же деревню за своими пожитками, брошенными тамъ при приближеніи турокъ.

Пройдя верстъ шесть ложиною, разъѣздъ началъ подниматься влѣво по такой крутой тропинкѣ, что трудно было даже представить себѣ что либо подобное. Тропинка вилась почти вертикально, то винтомъ, то зигзагами, по совершенно отвѣсному склону горъ. Людямъ была предоставлена свобода выбирать тотъ способъ подъема, какой казался каждому удобнѣе. Нѣкоторые изъ нихъ шли спѣшившись, держа лошадь въ поводу,—карабкаясь и придерживаясь за выдающиеся острые камни; другіе, положившись на ловкость лошадей, эквилибрировали верхомъ. Кони иногда глубоко увязали въ снѣгу, слѣдуя за пѣшими ѣздоками, и не мало надобно было употреблять усилій, чтобы вытащить ихъ изъ сугроба; иногда-же и люди вылѣзали изъ снѣжной кучи, тащившись на хвостахъ. Стало замѣтно, что солдаты и лошади начали сильно уставать. Они подвигались уже тяжелыми, медленными шагами,—безпрестанно спотыкаясь, проваливаясь, а иногда катясь назадъ, пока не встрѣчали препону, или падали, попавъ на какую либо выбоину или расщелину. Однако, вскакивали

весьма бодро и снова лѣзли въ гору. Между тѣмъ спины всадниковъ значительно согнулись, ноги были болѣе, чѣмъ по колѣна въ снѣгу, лица заиндѣвѣли до нельзя. Прошло не много времени и всѣ, видимо, начали выбиваться изъ силъ! Тяжело и прерывисто дышать люди,— сильно ведутъ боками лошади. Подъемъ тянулся, такимъ образомъ, около пяти верстъ, и почти на серединѣ начальникъ долженъ былъ дать разъѣзду отдохнуть. До этой половины, какъ рассказывали впоследствии, доходили гусары, и находя, вѣроятно, невозможнымъ слѣдовать далѣе, рѣшились возвратиться. Кюниогренадеры были счастливые и, такъ или иначе, но добрались до вершины перевала, употребивъ собственно только на подъемъ болѣе трехъ часовъ времени.

Начинался спускъ по отлогому скату, заросшему сплошнымъ лѣсомъ. Послѣдній до того былъ густъ, что приходилось ложиться на сѣдло и раздвигать руками вѣтви деревьевъ. Въ чащѣ попадались такія глубокія прогалины, что болгары рѣшительно отказывались вести далѣе, опасаясь погубить себя и отрядъ, тѣмъ болѣе, что, по всѣмъ признакамъ, въ горахъ собиралась разыгратъ буря. Вѣтеръ завывалъ на крутизнахъ, вырываясь съ какимъ-то особенно шипящимъ свистомъ изъ расщелинъ скалъ. Верхушки деревьевъ гнулись съ необычайной силой, производя собою и шумъ, и трескъ. По временамъ слышалось паденіе отломанныхъ сучьевъ и цѣлыхъ деревьевъ. Лѣсъ буквально стовалъ отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, учащавшихся съ каждою минутою. Массы снѣга вадмались цѣлыми кучами и переносились съ одного мѣста на другое; летѣвшіе хлопья заслѣпляли глаза и, казалось, забивались не только снаружи, но и повсюду подъ платье, не допуская члены тѣла дѣйствовать свободно и принося съ собою какое-то неизъяснимо тяжелое ощущеніе оцѣпенѣлости всего организма. Лошади и люди увязали по горло въ снѣжныхъ сугробахъ. Словомъ, эта часть пути стоила подъема и едва-ли не съ лихвою. Мѣстами обледѣлая почва, усѣянная почти сплошь острыми камнями, представляла неимоверныя трудности для бѣдныхъ, измученныхъ коней. Нѣкоторыя изъ нихъ падали, обрывая себѣ подковы; у многихъ задедѣли струйки крови на ногахъ. Солдаты, жалѣя лошадей, слѣшивались, но, пройдя нѣсколько минутъ, останавливались и снова садились, не имѣя силъ двигаться далѣе. Приставшій къ сапогамъ снѣгъ превращался, при переходахъ рѣчекъ, въ толстые комья льда, которые надобно было обрубить не иначе, какъ топоромъ, и отъ обуви, и отъ подковъ. Все это задерживало отрядъ и длило уже и безъ того долго тянувшійся переходъ. Не доходя до деревни Огайо, отрядъ долженъ былъ нѣсколько разъ переплывать какую-то неболь-

шую, но бурную и глубокую рѣчку, доставлявшую при каждомъ переходѣ чрезъ нее не мало хлопотъ.

Наконецъ, отрядъ добрался до деревни, показавшейся ему, не смотря на свою безлюдность и царившее въ ней гробовое безмолвіе, цвѣтущимъ оазисомъ въ пустынь. Турки раззорили не за долго до того эту деревню до нельзя,—и жители, успѣвшие спастись отъ нихъ, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Во всякомъ случаѣ, отрядъ имѣлъ теперь хотя какой либо кровъ отъ разгулявшейся непогоды, въ особенности послѣ восьмичасоваго пути, вмѣсто двухчасовой дороги до Огайо, какъ предполагали въ Лютаково. Былъ уже шестой часъ вечера. Люди и лошади были страшно изнурены, а дѣло сдѣлано менѣе, чѣмъ вповодину. Какъ ни велики были препятствія, съ которыми пришлось бороться при перевалѣ чрезъ Балканы въ бурное время, требовалось не мало еще физическихъ силъ и энергій, чтобы довершить, какъ слѣдовало, рекогносцировку, и уже не въ дружественной мѣстности, а почти среди аскеръ, рыскавшихъ повсюду, исключая, можетъ быть, глубокой ночи или такой страшной погоды, какова была теперь. Пока надобно было торопиться устроиться въ деревнѣ для отдыха, и въ особенности помѣстить гдѣ либо въ укромномъ мѣстечкѣ лошадей, едва державшихся на ногахъ. Для этого были выбраны два пустые дома, стоявшие въ отдаленіи, и при нихъ саран. Затѣмъ слѣдовала, конечно, забота о пищѣ. Плохо бы было не найти сѣна,—пожалуй бѣдные кони безъ подкрѣпленія и не двинулись впередъ, и тогда пришлось-бы отказаться идти далѣе. Весь фуражъ отряда заключался въ небольшомъ количествѣ сухарей. Обременять лошадей большимъ количествомъ сѣна само собою разумѣется было нельзя, а небольшой запасъ его почти былъ поконченъ на половинѣ пути,—или оттрепался въ пролѣзаньи между деревьями до нельзя и не годился въ кормъ,—да и кто-же могъ ожидать подобнаго перехода? Однако, солдатики отрыли кое что изъ подобнаго запаса и даже захватили парочку поросятъ, забытыхъ, видно, въ суматохѣ турецкаго погрома; все это пошло, конечно, тотчасъ въ дѣло.

Отдышавшись немного, надобно было подумать, какъ дойти до главной цѣли. Спутники наши болгары были приглашены на совѣщаніе, и кому-либо изъ нихъ предложено было провести скрытно отрядъ на Яблоницкую дорогу, на которую, какъ слышно было, выходила телеграфная линія изъ ближайшаго непріятельскаго укрѣпленія Мерова. Долго они не могли уразумѣть въ чемъ дѣло и когда взяли въ толкъ, то заговорили разомъ, что дороги туда нѣтъ, вездѣ турки и повсюду пушки. Хотя, можетъ быть, и можно было найти тропинку,—проговорились нѣкоторые, когда первое впечатлѣніе нѣсколько

улеглось,—но никакъ не теперь и не въ такую погоду; «теперь много, много зла», затвердили они, перебивая другъ друга,—«теперь нельзя, никакъ нельзя». Много увѣщаній и просьбъ потратилъ я, — писать начальникъ разъѣзда,—чтобы убѣдить когонибудь изъ болгаръ идти со мною. Давалъ денегъ, бранился, грозилъ, опять умасливалъ, ничего не помогало. Холодный потъ началъ пробираться меня! Какъ, пройти половину такого труднаго пути,—и изъ-за трусости болгаръ возвратиться ни съ чѣмъ! Снова позвалъ братушекъ и началъ говорить! Едва послѣ трехчасовыхъ переговоровъ, когда языкъ мой отказывался почти производить толково и внятно какія-бы ни было слова, одинъ изъ братушекъ согласился исполнить мое желаніе, — повторяя все таки, что тропинка пойдетъ по тяжелымъ горамъ, гдѣ «много, много зла». Рѣшили, однако, выступить глубокою ночью, когда турки не отличались, по бывшимъ примѣрамъ, особенною бдительностію; людямъ велѣно тотчасъ-же ложиться отдыхать. Впрочемъ, сонъ, какъ кажется, не шелъ никому на умъ. Буря свирѣпствовала съ ужасающею силой. Въ полуразрушенныхъ постройкахъ съ выбитыми окнами и оторванными на половину дверьми врывался по временамъ такой оглушительный вихрь, что все готовилось какъ-бы рухнуть моментально. На улицѣ нельзя было держаться на ногахъ.

Ровно въ два часа пополудни отрядъ выступилъ изъ деревни. Новый проводникъ шелъ воагѣ. Отойдя версты съ три, начальникъ отряда замѣтилъ, что дорога, по разнымъ примѣтамъ, какъ будто та-же самая, по которой проходили. Понятно, какъ должно было это озадачить cadaго! Что-же оказалось? Проводникъ, боясь углубляться въ горы, велъ отрядъ назадъ на деревню Лютаково, изъ которой выѣхали на Огайо. Сюрпризъ былъ неожиданный, и совершенно достаточный, чтобы разсердиться не на шутку и поговорить съ братушкой какъ слѣдовало. Послѣдній, замѣтивъ, что обманъ его открытъ, только трясся и, всхлиывая, бормоталъ: «аскерь много, турки убьютъ», и въ концѣ концовъ разсѣлся на дорогѣ и не хотѣлъ ни за что вести къ турецкому укрѣпленію. Нечего дѣлать, пришлось рѣшиться на послѣднюю мѣру, хотя и не совѣмъ гуманную. Терять время въ новыхъ убѣжденіяхъ было нельзя, ночь пройдетъ скоро. Какъ ни было жалко братушку, но пришлось пустить въ ходъ нагайку, и потомъ, вынувъ револьверъ, хладнокровно предложить ему приготовиться къ смерти, или исполнить обѣщанное. Нагайка и неприятное дуло пистолета, приставленнаго ко лбу, мигомъ отрезвили его, — онъ быстро повернулъ въ обратную сторону и, пугливо озираясь по сторонамъ, зашагалъ по требовавшемуся направленію, махнувъ

отчаянно рукой и не переставая все таки бормотать: «турки убьютъ, много зла».

Дорога пошла долиною. Снова пришлось пересѣкать горныя рѣчки, покрытыя тонкимъ льдомъ. Буря стала затихать, за то вдругъ начало чувствительно морозить, такъ что чрезъ нѣсколько времени трудно было усидѣть на лошади. Однако, наступившій внезапно холодъ не успѣлъ еще сковать ледъ въ глубокихъ мѣстахъ потоковъ. При одной изъ переправъ чрезъ незамѣтный почти ручей, самый бравый унтеръ-офицеръ отряда обрушился куда-то въ глубь вмѣстѣ съ лошадыю. Самъ собою онъ тотчасъ-же выскочилъ, но на немъ не было сухой нитки, и должно было тотчасъ-же вернуть его въ Огайо, виднѣвшееся еще вдаль, чтобы обогрѣться и обсушиться по возможности, и потомъ ѣхать въ Лютаково, гдѣ и ожидать отрядъ.

Скоро люди и лошади начали испытывать на самомъ дѣлѣ зло, предсказываемое такъ настойчиво болгарами. Скрытая тропя, въ которую вступилъ теперь отрядъ, вилась по непроходимому почти ущелью и была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до такой степени узка, что лошади едва могли ее проходить. Нѣсколько разъ онѣ обрывались и скатывались въ обрывы, откуда надобно было вытаскивать ихъ людьми. Мѣстами казалось, что ни пройти, ни проѣхать не было никакой возможности, какъ, напр., заносъ снѣга поперекъ тропинки, въ ростъ всадника, на протяженіи десятка саженой. Тогда ухитрялись проложить сперва слѣдъ чрезъ эту снѣжную стѣну и, конечно, съ немалыми усилиями, и потомъ пускали лошадей однѣхъ. Бѣдное животное, увязая по уши въ снѣгу и выбиваясь изъ силъ, только съ помощію усиленныхъ ударовъ нагайкой достигало своей цѣли, хотя массы снѣга съ боковыхъ скалъ, нависшихъ надъ тропкою, осыпали ее сплошь. Здѣсь не было, конечно, различія чиновъ, и простой рядовой, и унтеръ-офицеръ, и даже офицеръ, погружались попеременно по плечи, чтобы добиться прохода. Когда люди, не чувствуя уже почвы подъ собою, увязали буквально по уши въ снѣгу, тогда, съ помощію другихъ, хватились за хвосты лошадей и на нихъ вылѣзали на свѣтъ Божій...

Вслѣдъ затѣмъ пришлось двигаться по крутому и страшному спуску, по краю обрыва, такъ что у человѣка, непривычнаго къ горнымъ тропинкамъ, невольно кружилась голова и замиралъ духъ; къ тому-же, лошади храпять, косятся на кручу и артачатся. Вообще, каждый шагъ на этой тропѣ представлялъ и новую опасность.

Скоро начался новый подъемъ, покрытый рыхлымъ и глубокимъ снѣгомъ. Отрядъ, спѣшившись, врѣзался въ крутизну и пошелъ мѣсить эту бѣлую и пухлую кашу, а тропинка вьется и вьется, все выше и выше въ гору. Подъ снѣгомъ скользкій ледъ. Только-что

вытащишь съ усиленъ одну ногу изъ глубины, какъ другая ползеть въ сторону и растягиваетъ человѣка. Колѣна подгибаются, дрожать, — едва переводишь дыханіе, а предъ вами, какъ будто, та-же высота и нисколько не уменьшается. Взошла луна въ полномъ своемъ блескѣ надъ Балканами и озарила всю окрестность; при свѣтѣ ея горы и ихъ ущелья казались еще страшнѣе и неприступнѣе. Замогли всякіе разговоры между людьми; они какъ-то туго и покорно двигались шагъ за шагомъ. «Усталость и изнеможеніе, судя по себѣ, и вглядываясь въ посадку и лица людей, — замѣчаетъ начальникъ разъѣзда въ своемъ дневникѣ, — достигли почти до невозможнаго»...

Прошло три часа, какъ отрядъ вошелъ въ ущелье. Время близилось къ разсвѣту. По словамъ проводника, подходили къ цѣли, — и вотъ въ самомъ дѣлѣ показались какіе-то сараи, въ которые здѣшніе жители загоняютъ овецъ. Болгаринъ предупредилъ, что здѣсь сидятъ часто турки, составляя собою нѣчто въ родѣ сторожевыхъ аванпостовъ. Начальникъ послалъ двухъ солдатъ осмотрѣть скрытно эти сараи, — и въ одномъ изъ нихъ оказалось только два болгарина. Тотчасъ-же велѣно было ихъ привести и, по словамъ братушекъ, оказалось, что дорога съ телеграфными столбами изъ Мерова на Яблоницу весьма не вдалькѣ, и что тутъ-же въ опушкѣ лѣса до 20 турокъ сторожатъ барановъ.

Наказавъ людямъ соблюдать совершенную тишину, начальникъ отряда отправился впередъ съ тремя человѣками, и подѣхавъ, сажень за сто, къ телеграфу, пошелъ осмотрѣть гдѣ было-бы удобнѣе разорвать проволоку. Телеграфъ былъ не походный, а такой, какъ и вездѣ устроенъ въ Турціи, т. е. толстые дубовые столбы, по которымъ шла толстая-же проволока, надѣтая на желѣзные крючья, прикрытые фарфоровою чашечкою. Порвать проволоку было, конечно, всего удобнѣе у выхода изъ ущелья, по которому шель отрядъ.

Задача, данная разъѣзду, по счастью, была выполнена. «Признаюсь, что на минуту явилось у меня искушеніе, — заканчиваетъ свой дневникъ Сипягинъ, — испортить тутъ же телеграфъ: можно ли было знать, придется-ли такъ удачно порвать его, какъ пришлось осмотрѣть, — но это было именно только на минуту! Я получилъ приказаніе осмотрѣть мѣстность, гдѣ находится телеграфъ, и удостовѣриться тутъ-ли онъ находится, — и если-бы превысилъ то, что мнѣ было поручено, то могъ, вмѣсто пользы, принести вредъ. Поблагодаривъ болгаръ и щедро одаривъ проводника, я тотчасъ-же отправился съ своимъ отрядомъ на деревню Огайо и Лютаково, и опять той-же убійственной тропой и слѣдовавшими за нею тѣми-же крутизнами, но успѣхъ

дѣла давалъ и бодрость и энергію. Къ вечеру этого дня доѣхали благополучно и до своего полка».

Разсказъ нашъ объ этой молодецкой рекогносцировкѣ и послѣдовавшемъ затѣмъ 13 декабря, т. е. въ день начала перехода чрезъ Балканы русскихъ войскъ, уничтоженіи тѣмъ-же отрядомъ и самой турецкой телеграфной линіи, намъ кажется, всего лучше закончить извлеченіемъ изъ рапорта по этому предмету бывшаго въ то время командира л.-г. конно-гренадерскаго полка и мѣнѣемъ начальника западнаго отряда, положеннаго имъ на представленіи къ награждѣ прап. Сипягина орденомъ св. Георгія 4 степени. Графъ Ламадорфъ—писалъ:

«Въ первый разъ Сипягинъ высмотрѣлъ удобнѣйшій пунктъ для перерыва проволоки, углубясь для этого, на 10 часовъ пути отъ мѣста расположенія полка, въ горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ и въ которыхъ въ это время свирѣпствовали ежедневно страшныя вьюги, съ цѣлію выйти въ тылъ позиціи непріятели,—и во второй разъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ, безъ всякой потери въ людяхъ и лошадяхъ, молодецки обрѣзалъ часть проволоки на телеграфѣ и представилъ ее по начальству. Подвигъ этотъ совершенъ былъ имъ въблизи значительнаго отряда турокъ, занимавшихъ лютаковскія позиціи, а, главное, въблизи непріятельскаго пикета въ 40 человекъ, караулившаго телеграфную линію, въ разстояніи отъ нея около 200 шаговъ. Хотя они и замѣтили нашъ разъѣздъ, испортившій телеграфъ, и гнались за нимъ въ продолженіе двухъ часовъ, но наши храбрые конно-гренадеры успѣли счастливо избѣжать угрожающей опасности. Вдобавокъ, турки не могли исправить телеграфа»...

Генераль-адъютантъ Гурко положилъ на официальномъ представленіи такую резолюцію: «нахожу офицера сего совершенно достойнымъ награжденія ордена св. Георгія 4 степени за его въ высшей степени безстрашный и дѣйствительно полезный подвигъ».

Сообщ. Т. Тихменевъ.

Стихотворенія на смерть Д. В. Веневитинова.

М. Веневитиновъ въ замѣткѣ своей о поэтѣ Д. В. Веневитиновѣ (1805, †1827) „Истор. Вѣстникъ“ 1884 г., 17 томъ, стр. 469) говоритъ, что кромѣ известной эпитафii старика Ив. Ив. Дмитріева, вырѣзанной на надгробной плитѣ поэта въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ, есть еще стихотвореніе кн. Ал. Ив. Одоевскаго (известнаго декабриста)—Умирающій художникъ. На смерть Веневитинова (стих. А. И. Одоевскаго, стр. 36. Изд. барона Розена). М. А. Веневитиновъ упустилъ изъ виду стихотвореніе, написанное на смерть Д. В. Веневитинова барономъ Ант. Ант. Дельвигомъ подъ заглавіемъ: „На смерть В—ва“ (см. Соч. Дельвига, изд. Смирдина, 1850 г., стр. 15). Вотъ оно:

Д ѣ в а.

Юноша милый! въ мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
 Розѣ подобный красотой, какъ Филомела ты пѣлъ.
 Сколько любовь потеряла въ тебѣ подѣлуешь и пѣсенъ,
 Сколько желаній и ласкъ новыхъ прекрасныхъ, какъ ты.

Р о з а.

Дѣва, не плачь! Я на прахъ его въ красотѣ разцвѣтаю,
 Сладость онъ жизни вкусилъ, горечь оставилъ другимъ.
 Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
 Счастливы, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой!

Петръ Устиковичъ.

Г. Варшава.
 10-го октября 1886 г.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ВУЛАТОВЪ

† 19 января 1826 г.

I.

И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ.

Въ настоящей статьѣ рѣшаюсь изложить свое впечатлѣніе и свое воспоминаніе; первое относится къ 1883 году, второе—разсказъ, слышанный и записанный мною, къ 1873 году.

Въ 1883 году, прїѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ, я случайно посѣтилъ большое Охтенское православное Георгіевское кладбище; взойдя въ главныя ворота и идя прямо къ собору, я достигъ 12-го памятника по лѣвой рукѣ (отъ собора четвертый) и изъ надписи на немъ узналъ, что тутъ погребенъ: членъ почт. совѣта тайный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Мельниковъ, † 17 сентября 1850 года, 78 л., и жена его, рожденная Карпинская. Повернувъ отъ него влѣво, я черезъ два памятника остановился передъ могилою, на которой видны были слѣды полного рузрушенія и забвенія; на двухъ квадратныхъ плитахъ, изъ которыхъ верхняя менѣе нижней, такъ что представляютъ собою двѣ ступени, стоитъ краснаго гранита пьедесталь въ видѣ куба; круглая подставка долженствовала служить основаніемъ большой—сѣраго, итальянскаго, очень дорогаго гранита—во-

лонны, а равно и самая колонна и кругъ съ рѣзбой, вѣнчавшій ее,— эти три части лежали на землѣ близъ основанія памятника; креста, который, вѣроятно, былъ на верху колонны, на лицо не было; весь памятникъ, поставленный на мѣсто, долженъ имѣть $1\frac{1}{2}$ саж. вышины; въ такомъ видѣ представилась мнѣ тогда эта забытая могила и я наклонился къ колоннѣ, чтобы прочесть надпись на ней; надпись была слѣдующаго содержанія:

«Командиръ 12 егерскаго полка, полковникъ Александръ Булатовъ. Скончался 1826 года, января 19 дня», ниже: «возобновленъ дѣтьми въ 1843 г.».

Невольно вспомнилъ я рассказъ, слышанный мною еще въ 1873 г. и который передамъ ниже; и долго, подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ, стоялъ я надъ могилою человѣка, игравшаго шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ выдающуюся роль, такъ сильно любившаго свое отечество, такъ храбро сражавшагося за него въ отечественную войну! ¹⁾

Всѣмъ извѣстно, что всѣ декабристы были люди пылкіе, преданные своей родинѣ, умные и если и заблуждались въ своихъ теоріяхъ, то, во всякомъ случаѣ, безусловно честные, и этими людьми полковникъ Булатовъ былъ назначенъ въ помощники къ избранному ими начальнику или диктатору князю С. П. Трубецкому ¹⁾; сомнѣній тутъ не можетъ быть, и ясно, что онъ пользовался должнымъ авторитетомъ въ кругу своихъ товарищей по несчастію.

Въ книгѣ VII «Русской Старины» за 1886 годъ (іюль, стр. 169) упоминается о могилахъ декабристовъ Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, князя С. П. Трубецкаго и Ал. И. Муравьева, а въ книгѣ X того же года, стр. 235, дѣлается перечень портретовъ декабристовъ; въ виду этого, а также сказаннаго выше, мнѣ кажется, что долгъ правды и безпристрастія обязываетъ не проходить молчаніемъ такую личность, какъ полковникъ Александръ Булатовъ, мельчайшія подробности о декабристахъ, вѣрныя, устные рассказы о нихъ современниковъ,—все это можетъ освѣтить характеры ихъ, сложить съ

¹⁾ Записки барона А. Е. Розена, изд. 1870 г., стр. 98.

²⁾ Записки барона А. Е. Розена, стр. 91 и 97:

нихъ не заслуженныя нареканія и быть весьма важными матеріалами въ рукахъ историка, который предприметъ трудъ описанія причинъ, подготовленія и самаго эпизода 14-го декабря 1825 года.

Прежде, чѣмъ приступить къ общанному воспоминанію-разказу, считаю необходимымъ добавить, что вернувшись изъ Петербурга въ Ростовъ, Ярославской губ., я сообщилъ нашему мѣстному предводителю дворянства Д. А. Булатову о томъ печальномъ положеніи, въ которомъ я случайно нашелъ могилу его родного дяди; Д. А. Булатовъ немедленно принялъ мѣры къ восстановленію памятника въ прежнемъ его видѣ, и я, посѣтивъ уже нарочно большое Охтенское кладбище лѣтомъ 1886 года, для осмотра реставрированнаго памятника, увидѣлъ, что на противоположной надписи сторонѣ, на колоннѣ же, вырѣзаны еще слѣдующія слова:

Отъ товарищей лейбъ-гренадеръ.

II.

Въ іюнѣ 1873 г. я посѣтилъ единокровнаго брата покойнаго полковника Булатова, Александра Михайловича Булатова, проживавшаго вдали отъ всякой дѣятельности и въ полномъ уединеніи въ своей великолѣпной усадьбѣ, селѣ Краснораменья, Ростовскаго уѣзда; по обыкновенію, Александръ Михайловичъ принялъ меня со свойственною ему любезностью и съ полнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ.

Вотъ что я узналъ отъ А. М. Булатова (нынѣ уже покойнаго).

— «Въ 1822 году скончалась матушка и семейство наше состояло изъ отца и трехъ братьевъ: старшаго Александра, полковника л.-гв. Гренадерскаго полка, меня, также Александра, тогда уже поручика того же полка, и младшаго Михаила — воспитывавшагося въ Пажескомъ корпусѣ и впослѣдствіи камеръ-пажа вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны; старшій братъ былъ нашъ единокровный, какъ рожденный отъ первой жены нашего отца; послѣ смерти матери своей онъ воспитывался у родственниковъ ея, такъ какъ отецъ всю первую половину царствованія Александра I былъ постоянно въ дѣйствующей арміи, такъ что между нимъ и нами ничего не было общаго, кромѣ родства; мы не сходились ни характерами, ни воспитаніемъ, ни образомъ мыслей. Матушка наша была женщина строгая, душою преданная царственной семьѣ, любила свое отечество и по времени была весьма образованная; имѣя въ Петербургѣ громадныя знакомства, она пользовалась большимъ авторитетомъ и ува-

женіемъ; лучшее общество собиралось въ ея гостиной. Домъ, гдѣ мы жили, выходилъ на площадь собора Спасъ-Преображенія и продолжался по переулку до артиллерійскаго плаца; впоследствии, въ 1830-хъ годахъ, я домъ этотъ продалъ А. А. Лисицыну. Въ послѣдніе годы своей жизни матушка была больна и почти ежедневно у нея по вечерамъ собирались цѣлыя рауты; постоянно можно было встрѣтить княгиню Дондуку (старушка вдова князя Ионы Ионовича Дондука; съ нею матушка была въ особенности дружна), Варвару Дмитриевну Кокоткину, рожденную Глѣбову, маркизу Серра Каприоли, Архаровыхъ, Нарышкиныхъ, Кожину, рожденную княжну Волконскую, графовъ Шадурскаго и Ильинскаго, Ипсиланти, Мурузи и другихъ; о сюртукѣ для меня и рѣчи не могло быть,—мундира я не снималъ. Хотя матушка была лютеранка (рожденная Нилусъ) ¹⁾, но митрополитъ Серафимъ особенно къ ней благоволилъ, часто ее посѣщалъ, зная ее, какъ истинную христіанку, и по кончинѣ матушки разрѣшилъ ее похоронить на православномъ Смоленскомъ кладбищѣ, близъ могилъ ея дѣтей и нашихъ братьевъ, умершихъ въ дѣтствѣ. Послѣ ея кончины отецъ рѣшился насъ не покидать, но воля государя была для него законъ и онъ въ 1824 году отправился въ Сибирь къ новому мѣсту своего служенія.

Въ это время старшій нашъ единокровный братъ былъ уже женатъ на дочери тайнаго совѣтника Ив. Андреевича Мельникова—Елизаветѣ Ивановнѣ, имѣлъ двухъ дѣтей—дочерей: Пелагею 4-хъ лѣтъ и Анну 3-хъ лѣтъ; въ 1823 году онъ назначенъ былъ полковымъ командиромъ 12-го егерскаго полка въ дивизіи Н. М. Сипягина, стоявшаго въ г. Керенскѣ Пензенской губерніи, и затѣмъ отправился къ полку со всѣмъ семействомъ; часто онъ мнѣ писалъ и всѣ письма его дышали страстію къ молодой женѣ, нѣжно имъ любимой; вдругъ сдѣлался перерывъ этой переписки и черезъ нѣсколько времени я отъ него получилъ отчаянное письмо, извѣщавшее о смерти Елизаветы Ивановны; горю его не было предѣловъ и отъ страшнаго потрясенія съ нимъ сдѣлалась меланхолія; дѣти почти были забыты и братъ все свое вниманіе, весь досугъ посвящалъ на составленіе проекта храма, который хотѣлъ воздвигнуть на могилѣ своей жены; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ осуществилъ свое намѣреніе и приступилъ къ стройкѣ; тутъ опять началась между нами дѣятельная переписка и онъ то и дѣло давалъ мнѣ порученія: то присылалъ чертежи, просилъ заказать иконостасъ, то соображенія для написанія иконъ; однажды писалъ мнѣ и прислалъ чертежъ, просилъ по оному заказать два громадные

¹⁾ „Русская Старина“ 1874 г. Біографія генерала Михаила Булатова.

бронзовые канделябра, въ видѣ погребальныхъ свѣточей, для постановки оныхъ при входѣ въ храмъ; желаніе его я исполнилъ, но не знаю исполненъ ли былъ его заказъ и осуществился-ли его проэктъ. Никакой другой переписки между нами не было.

Отецъ нашъ, собираясь въ это время на службу въ Сибирь, однажды въ разговорѣ сказалъ мнѣ: «про Александра я слышалъ неладное; заѣду по пути къ нему въ Керенскъ; вразумлю его и поставлю дурь выкинуть изъ головы».

Я, конечно, не могъ, при суровомъ и вспыльчивомъ характерѣ отца, спросить даже у него, что это означаетъ, но потомъ, въ концѣ декабря 1825 года, я догадался, что, вѣроятно, до отца дошли слухи о принадлежности брата къ тайнымъ обществамъ; иначе я этихъ словъ объяснить не могу, а также и письма отца изъ Керенска (онъ по пути въ Сибирь заѣхалъ къ сыну, какъ намѣревался), въ которомъ, между прочимъ, онъ мнѣ писалъ:

— «Александра вразумилъ, будетъ помнить урокъ и забудетъ своихъ массоновъ». Увы, предсказаніе не сбылось; братъ сталъ еще скрытнѣе, и безъ жены, съ какою-то лихорадочною дѣятельностію, предался дѣлу тайнаго общества. Это я увидѣлъ изъ его бумагъ, оставшихся послѣ его арестованія. Уѣзжая въ Сибирь, отецъ поручилъ насъ, т. е. меня и брата Михаила, который въ это время уже былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка, надзору стараго друга нашей матери В. Д. Ковошкиной, говоря: «все лучше, если молодые люди будутъ знать, что за ними есть присмотръ, а вы, матушка Варвара Дмитриевна, сейчасъ дайте мнѣ знать, какъ только они станутъ шалить». Потомъ, обращаясь къ намъ, сказалъ: «ну, молодцы, плохо вамъ будетъ, если по этому случаю мнѣ придется пріѣхать изъ Омска въ Петербургъ». В. Д. Ковошкина серьезно вступила въ роль нашего ментора и каждый день въ часъ прогулки карета ея, запряженная четверней пугомъ, съ двумя ливрейнымъ гайдуками на запяткахъ, останавливалась у нашего дома и швейцаръ долженъ былъ подойти къ дверцѣ кареты и доложить, что молодые господа, слава Богу, здоровы; разъ въ недѣлю, а именно въ субботу, она на пол-часа входила къ намъ, не садясь, проходила анфиладу парадныхъ комнатъ, доходила до угольной или боскетной, гдѣ обыкновенно сиживала наша покойная матушка, и тутъ требовала отъ насъ отчета за всю недѣлю,—спрашивала, сколько мы получили денегъ изъ доходовъ съ домовъ, куда истратили; журила насъ, если ей казалось, что расходы излишни, и, объявляя, что завтра все опишетъ подробно Михаилу Леонтьевичу (нашему отцу), уѣзжала, предварительно зайдя и во всѣ внутреннія наши комнаты; горе было нашимъ камерди-

нерамъ, если что нибудь оказывалось не въ порядкѣ. Все это В. Д. дѣлала изъ особеннаго расположенія къ нашимъ родителямъ; сама она была женщина очень богатая, имѣла свой домъ въ Петербургѣ и около 3,000 душъ крестьянъ, изъ коихъ 400 было въ Ростовскомъ уѣздѣ—село Введенское съ деревнями; лучшее общество Петербурга ее посѣщало и каждую недѣлю по четвергамъ у нея были танцевальныя вечера, въ сущности настоящіе балы, ибо собиралось отъ 150 до 200 человѣкъ, а по воскресеньямъ—обѣды на 50 человѣкъ; то были министры, генералы, сановники и лица дипломатическаго корпуса.

Такая отеритая и широкая жизнь не болѣе какъ въ 15 лѣтъ поглотила все ее большое состояніе и она съ массою долговъ (одному англійскому магазину она за вина осталась должною 38 тысячъ р. ассиг.) уѣхала на жительство въ оставшееся единственное у нея имѣніе село Введенское; черезъ два года и это послѣднее продали за долги, и В. Д., уже 83 лѣтъ, должна была перенести страшную нужду и бѣдность, переселившись въ Москву и нанявъ убогую комнату; все это она перенесла безъ ропота, никогда не хотѣла принять существенной помощи отъ друзей и знакомыхъ, и въ этой бѣдной конурѣ она воссѣдала такъ-же гордо и величественно, какъ въ былые годы въ своей блестящей и роскошной гостиной въ Петербургѣ. Она скончалась и погребена была въ Алексѣевскомъ московскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, на средства Федора Петровича Глѣбова-Стрѣшнева и княгини Софіи Степановны Щербатовой, рожденной Апраксиной; и тотъ, и другая приходились ей близкими родственниками.

По отъѣздѣ родителя въ Омскъ, я продолжалъ ту же жизнь, какъ и при немъ; обстановка дома нашего не измѣнилась, тотъ же штатъ людей, тѣ же лошади на конюшнѣ и тотъ же блестящій выѣздъ; каждый день на ученьи въ казармахъ своего л.-гренадерскаго полка, а вечеромъ на вечерѣ или на балу у знакомыхъ покойной моей матери; въ особенности Архарова, Ковошвина, гр. Вазмитинова, Кожина и княгиня Шаховская меня любили и такъ какъ знали меня еще ребенкомъ, то звали всегда попросту «Саша», а брата Михаила «notre chérubin!» (нашъ херувимъ).

Кстати разкажу небольшой эпизодъ, бывший со мною у Кожиной; ея братъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, былъ начальникомъ штаба и строго слѣдилъ за правильнымъ ношеніемъ военной формы; отступленій не допускалось и бѣда, если кто попадетса одѣтый не по формѣ; въ то время, какъ случился со мною эпизодъ, о которомъ говорю, была мода между молодыми офицерами носить шляпу не по формѣ; такъ и я, однажды выходя изъ кондитерской Доминика и надѣвъ не по формѣ шляпу, лишь только ступилъ

на тротуаръ, какъ почти столбнулся съ княземъ П. М. Волконскимъ; я ему отдалъ честь, онъ сурово посмотрѣлъ и прошелъ далѣе; ну, быть бѣдѣ, подумалъ я, поправляя шляпу, и тутъ мнѣ блеснула мысль искать защиты у его сестры, Кожиной, у которой я въ этотъ день долженъ былъ обѣдать; князь въ обѣденные дни у сестры иногда бывалъ, а иногда и нѣтъ. Задолго до обѣденнаго времени я явился къ Кожиной и рассказалъ ей о встрѣчѣ моей съ княземъ П. М., прося ея защиты; она выслушала, улыбнулась и сказала: «только-то, не безпокойся, Саша, я скажу князю и онъ не посмѣетъ тебя тронуть».

Пріѣхали гости въ обѣденному столу, а за 5 минутъ и самъ князь П. М. Поздоровался—и виду не подавъ; вѣроятно забылъ; я успокоился; обѣдъ шелъ своимъ чередомъ, но, какъ всегда при князѣ, чопорно, монотонно и уже приближался къ концу; передъ самымъ пирожнымъ, вдругъ Кожина, обращаясь къ брату, говоритъ: «Пьеръ, ты сегодня гулялъ по Невскому?»—Гулялъ!—«Ничего особеннаго не замѣтилъ?»—Нѣтъ!—«Ничего тебя не разсердило? Никого не встрѣтилъ?»—Нѣсколько знакомыхъ, но особеннаго или непріятнаго ничего не было.—«Ну, видишь, Саша, (сказала Кожина, обращаясь ко мнѣ), тебѣ нечего бояться».

Я чувствовалъ грозу, глаза князя оживились, онъ какъ будто припоминалъ что-то, когда спросилъ:

— А что такое?

— Вотъ видишь, Пьеръ, Alexandre Булатовъ тебя сегодня встрѣтилъ, выходя отъ Доминика, а шляпа у него была надѣта не по формѣ; онъ боится, что тебя разсердилъ и что ты его накажешь; прошу тебя ему ничего не дѣлать; если тронешь—*gare à vous!*

— Не бойся, сестра,—сказалъ князь съ улыбкою, отъ которой меня бросило въ холодъ,—я твоего протезе не трону.

Послѣ обѣда князь немедленно уѣхалъ; посидѣвъ еще немного у Кожиной, я возвратился домой, а въ 9 час. былъ вытребованъ по начальству, откуда долженъ былъ, по распоряженію князя П. М., отправиться на сенатскую гауптвахту на 24 часа. Кожина не могла этого простить своему брату и въ теченіе цѣлаго мѣсяца князь подвергался ея остракизму и не былъ ею принимаемъ. Въ другой разъ я съ своей стороны уже не прибѣгалъ къ защитѣ дамъ.

Но возвращаюсь къ разсказу.

Итакъ, военныя занятія, ученія, балы и вечера отнимали у меня весь день; пирушекъ или холостыхъ компаній я терпѣть не могъ. Въ началѣ 1825 года я былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ ординарцемъ; великій князь сказалъ, что онъ

скоро затѣмъ назначить меня къ себѣ въ адъютанты; я внѣ себя былъ отъ восторга и писалъ объ этомъ отцу въ Омскѣ.

Письмо это онъ получилъ за нѣсколько дней до своей внезапной кончины, послѣдовавшей 22-го мая 1825 года, и оно чрезвычайно его порадовало, какъ рассказывалъ мнѣ вернувшійся въ октябрѣ 1825 года его вѣрный камердинеръ Ѳедотъ Семеновичъ Долинъ; это былъ человѣкъ, преданный душою нашему отцу, никогда съ нимъ не расстававшійся, и честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Изъ Сибири онъ вернулся, въ октябрѣ, на 24 подводкахъ, на которыхъ привезъ болѣе цѣнное имущество покойнаго нашего отца, и, взойдя ко мнѣ въ кабинетъ, первымъ дѣломъ вручилъ мнѣ бумажникъ, въ которомъ находилось банковыми билетами на неизвѣстнаго и кредитными билетами 180 тыс. руб. ассиг. Хотя я зналъ, что у отца есть эти деньги, такъ какъ передъ отъѣздомъ въ Сибирь за полъ-года онъ торговалъ большое имѣніе въ Пронскомъ уѣздѣ, Рязанской губ., рядомъ съ его родовымъ сельцомъ Гудово, Спицыно то-жъ, и давалъ около 200,000 руб., но гдѣ были эти деньги, въ какихъ билетахъ—я не зналъ; въ старину отцы дѣтямъ отчета не давали и строго оберегали свои права.

Тутъ-же братъ Миша и я, мы вручили Ѳедоту Семеновичу 10 т. руб. ассиг. въ награду за его вѣрную службу нашему родителю и огражденіе отъ убытка нашихъ интересовъ и обѣщали ему немедленно дать вольную; онъ заплакалъ, сказавъ, что мы его обижаемъ, что онъ проситъ одной милости—дожить свой вѣкъ у насъ на покоѣ и вольной ему не нужно.

Желаніе его исполнилось; онъ доживалъ свой вѣкъ здѣсь въ Краснораменнѣ, на полномъ покоѣ, не какъ слуга, а какъ лучшій другъ нашего дома; вольная же, обѣщанная ему, была выдана его сыну—Васѣ.

III.

Получивъ горестное извѣстіе о кончинѣ отца, братъ Михаилъ и я, будучи въ траурѣ, не выѣзжали и свободное время отъ службы проводили дома; онъ занимался литературою, а я музыкою и рисованіемъ. Такъ шло до 1-го декабря 1825 года; въ этотъ день вечеромъ, часовъ въ 11, неожиданно мнѣ доложили о пріѣздѣ брата изъ Керенска. Мы съ Мишелемъ поспѣшили его встрѣтить и просили остановиться у насъ; онъ согласился и велѣлъ изъ экипажа взять и внести свои вещи; съ нимъ были чемоданъ и ручной мѣшокъ въ видѣ портфеля; я предложилъ ему занять мою спальню и уборную, но онъ почему-то отказался и помѣстился въ кабинетъ отца и примкнувшей къ нему курительной комнатѣ; тутъ на одномъ изъ турецкихъ дивановъ онъ и спалъ. Къ сожалѣнію, портрета брата у меня не осталось; можетъ быть, таковой имѣется у Мельниковыхъ или Карпинскихъ.

Братъ Александръ, декабристъ, былъ средняго роста, довольно плотный, блондинъ, лицо круглое, бѣлое, съ небольшимъ румянцемъ на щекахъ, безъ бороды, усовъ и бакенбардъ, съ сѣро-голубыми глазами, чрезвычайно блестящими и выразительными; волосы носилъ коротко остриженные; на видъ былъ моложе своихъ лѣтъ; многіе находили его чрезвычайно красивымъ. Онъ былъ нѣсколько разъ раненъ въ отечественную войну довольно серьезно въ ногу, правую руку и голову, и часто страдалъ отъ этихъ ранъ, въ особенности отъ головной; рассказывали мнѣ его товарищи (самъ же онъ никогда не рассказывалъ ни своихъ походовъ, ни дѣлъ, въ которыхъ участвовалъ), что весь израненный, съ повязкою на головѣ, съ подвязанною рукою, онъ вступилъ въ Парижъ, во главѣ своей роты, салютуя лѣвою рукою на церемональномъ маршѣ, при проходѣ мимо державнаго вождя русскихъ войскъ; государь его замѣтилъ и пожаловалъ золотое оружіе за храбрость, а французы, смотрѣвшіе на вступленіе русскихъ войскъ, при видѣ этого юноши, всего израненнаго, бодро идущаго передъ своими солдатами, стали ему кричать «vive le brave!» (да здравствуетъ храбрый) и бросали ему подъ ноги цвѣты. Впрочемъ, этотъ рассказъ вполнѣ согласуется съ тѣми отзывами о его храбрости и военной доблести, которыя мы читаемъ въ запискахъ его современниковъ.

Въ день пріѣзда его въ Петербургъ, 1-го декабря 1825 г., я его почти не узналъ; онъ какъ-то опустился, осунулся и очень похудѣлъ; румянца на щекахъ болѣе не было и только впавшіе въ орбиты глаза

горѣли лихорадочнымъ огнемъ; не смотря на 32 года, на вискахъ были сѣдые волосы.

Утромъ, 2-го декабря, проснувшись въ 9 ч. утра, я спросилъ у камердинера—всталъ ли братъ? Мнѣ отвѣчали, что онъ всталъ въ 5 часовъ, пилъ чай, много писалъ и въ 8 часовъ уѣхалъ въ моей каретѣ къ коменданту Башуцкому; въ 10 ч. карета возвратилась безъ брата и онъ вернулся домой въ 10 ч. вечера, чрезвычайно озабоченный, задумчивый и сейчасъ же сѣлъ писать въ кабинетѣ, прося его не беспокоить; я простился съ нимъ и ушелъ къ себѣ. Забылъ сказать, что въ половинѣ ноября 1825 г. я сильно заболѣлъ простудою, а вмѣстѣ и зубною болью; мнѣ вырвали зубъ, но такъ неудачно, что потревожили десну и у меня на щежѣ сдѣлалась фистула; вслѣдствіе этого я, 26-го ноября, подалъ рапортъ о болѣзни и не могъ выходить изъ дому до 20-го декабря; вотъ почему, не неся службы, не выѣзжая, я могъ видѣть, когда бывалъ братъ дома, что онъ дѣлалъ, кто бывалъ у него; и теперь еще живо припоминаю это время. Все это давно прошло, но и теперь, на старости лѣтъ, я увѣраю, что и не подозревалъ, до 3-го декабря, участія брата въ какомъ нибудь замыслѣ или заговорѣ, хотя и до меня стороною доходили какіе-то слухи объ организаціи тайнаго общества, съ цѣлью ниспровергнуть существовавшій режимъ въ Россіи; слухи эти я считалъ нелѣпными выдумками, простыми городскими сплетнями. Но 3-го декабря, часовъ въ 12 утра, къ завтраку собрались къ брату поручикъ А. Н. Сутгофъ, Н. А. Пановъ, подпоручикъ Кожевниковъ, князь Щепинъ-Ростовскій и Н. А. Бестужевъ; разговоръ за завтракомъ какъ-то не вязался и, по окончаніи, братъ быстро всталъ и увелъ всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ въ кабинетъ, предупредивъ меня, что ему нужно переговорить секретно по дѣлу, касавшемуся полка нашего л.-гренадерскаго, въ которомъ онъ прежде служилъ до назначенія полковымъ командиромъ 12-го егерскаго.

— «Тебя не интересуеть?» спросилъ онъ меня какъ бы не хотя; я отвѣчалъ ему сухо: «нѣтъ» и ушелъ къ себѣ на половину; этотъ небольшой и пустой эпизодъ меня смутилъ и я сталъ наблюдать за братомъ, но это было тщетно, ибо болѣе сборницъ у него не было и съ 4-го до 14-го декабря онъ ни разу не обѣдалъ дома и возвращался откуда-то въ 2 и 3 часа ночи и немедленно ложился спать; каждое утро съ 6-ти до 10 писалъ, а въ 11 уходилъ; на вопросъ мой, гдѣ онъ проводитъ вечера, онъ мнѣ отвѣчалъ: «ты знаешь, Саша, что я люблю картишки; каждый вечеръ дуюсь въ бостонъ у Башуцкаго».

Отвѣтъ былъ довольно правдоподобный, такъ какъ я зналъ, что онъ очень друженъ съ Башуцкимъ и часто у него бывалъ. Потому

уже я узналъ, что 12-го декабря, вечеромъ, онъ былъ приглашенъ на большое совѣщаніе къ Рыльеву (Кондратій Ѳеодоровичъ) и что въ этотъ вечеръ многое рѣшилось, а слѣдовательно и судьба нашего бѣднаго брата.

13-го вечеромъ, въ отсутствіе брата, ко мнѣ пріѣхали мои товарищи, баронъ Зальцъ и М. М. Корсаковъ, и по секрету меня предупредили, что ходятъ недобрые слухи про пріѣздъ внезапный брата изъ Керенска безъ отпуску и проч.

Утромъ 14-го я всталъ ранѣе и пошелъ къ брату въ комнату; онъ уже умылся, одѣлся и передъ нимъ на столѣ лежали два карманные пистолета, изъ которыхъ одинъ уже былъ заряженъ, а другой онъ при мнѣ взялъ и сталъ спокойно заряжать; я сѣлъ противъ него на диванъ и взялъ въ руки заряженный пистолетъ; зарядивъ второй, братъ положилъ его въ карманъ и протянулъ руку за тѣмъ, который находился у меня въ рукахъ; пистолета этого я не далъ и положилъ въ свой боковой карманъ, а самъ, подойдя къ нему близко и смотря на него въ упоръ, сказалъ:

— Послушай, Александръ, ты что-то замышляешь, я это вижу, но предупреждаю тебя, если ты что либо сдѣлаешь, чтобы помрачить доброе имя и службу нашего отца, то лучше не возвращайся ко мнѣ... Именемъ его я тебѣ говорю—этимъ пистолетомъ я накажу тебя...

Молнія блеснула въ его глазахъ, но затѣмъ черезъ минуту онъ закрылъ глаза и я увидалъ, что двѣ слезы скатились по его щекамъ; меня это тронуло, мнѣ больно, досадно было, что я его несправедливо, можетъ быть, оскорбилъ и, обнявъ его, просилъ у него прощенія, вынулъ изъ кармана второй пистолетъ и сказалъ:

— Не вѣрю слухамъ; храбрецы, какъ ты, не сдѣлаютъ дурного.

Братъ, видимо расстроганный, меня обнялъ, простился и ушелъ. Было 8 час. утра.

IV.

Сомнѣнія мои всё разсѣялись и я уже сталъ смѣяться надъ собою, что могъ повѣрить, хотя на минуту, такимъ сплетнямъ про брата.

Орудійные залпы, слышанные вдали. въ 4 часа дня, меня, правда, смутили; я началъ снова тревожиться, но такъ какъ въ этотъ день нѣсколько товарищей и друзей должны были обѣдать у меня, какъ у больного,—я сталъ ихъ дожидаться; въ началѣ шестого часа первыми пріѣхали два брата Челищевы, за ними Пушкинъ ¹⁾ (его имя было Алексѣй, а мы всё его звали Лоло), Михаилъ Матвѣевичъ Корсаковъ, Михаилъ Семеновичъ Кулеваевъ (старый лейбъ-гренадеръ), Богуславскій (впослѣдствіи петербургскій губернский прокуроръ ²⁾), и всё въ одинъ голосъ разсказали мнѣ объ участіи брата въ заговорѣ, о бывшемъ бунтѣ на Сенатской площади, объ арестахъ, однимъ словомъ, всё подробности; меня такъ все это потрясло, что со мною сдѣлался нервный припадокъ, длившійся 40 минутъ; когда я пришелъ въ себя, благодаря усиліямъ моихъ друзей, мнѣ кто-то шепнулъ, что сейчасъ братъ вернулся; сердце заняло, но я превозмогъ себя и пошелъ со всѣми въ столовую; братъ стоялъ у окна мрачный, задумчивый и ни съ кѣмъ не поздоровался; мы сѣли за столъ и всё (кромя брата, который все время молчалъ) стали вновь мнѣ разсказывать всё подробности событій. Выслушавъ ихъ, я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего мнѣнія и взгляда на людей, которые, забывъ долгъ чести и присяги, производятъ смуту въ отечествѣ, идутъ противъ своего государя, ради какихъ-то теорій и цѣлей, и даже не подумаютъ, какое пятно позора они кладутъ своимъ поведеніемъ на свое имя, на свое семейство... Я не успѣлъ еще досказать, какъ братъ блѣдный, какъ мертвецъ, всталъ изъ-за стола и глухимъ голосомъ спросилъ меня: „могу ли я взять твою карету?“ — «Можешь!» отвѣчалъ я. Черезъ четверть часа братъ вышелъ въ мундирѣ при всѣхъ орденахъ; увидѣвъ это, я спросилъ его: «Куда же ты ѣдешь?» — «Къ Башуцкому». Онъ пожалъ мнѣ руку, простился со всѣми и уѣхалъ; но прошествіи нѣкотораго времени карета вернулась и человекъ подалъ мнѣ записку отъ брата слѣдующаго содержанія: «Не жди меня, я болѣе не вернусь—арестованъ».

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ 1.-гв.-Преображенскаго полка.

²⁾ Разсказъ Богуславскаго былъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“.

Приѣхавъ къ коменданту (я лично отъ него слышалъ), братъ ему заявилъ, что былъ на площади съ бунтовщиками, объяснилъ свои намѣренія и подалъ шпагу; его арестовали; затѣмъ происходилъ между государемъ и братомъ тотъ разговоръ, о которомъ упоминаетъ баронъ Розень въ своихъ запискахъ на стр. 98; но на стр. 99 баронъ А. Е. Розень ошибается, говоря, «что государь не приказалъ сажать брата въ казематы крѣпости, гдѣ содержались всѣ декабристы, но помѣстилъ его въ квартирѣ коменданта»,—это вполнѣ несправедливо: братъ былъ отвезенъ въ крѣпость и посаженъ въ казематъ; Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ совершенно вѣрно говоритъ, что братъ мой находился черезъ три нумера отъ него. Неточно также у барона Розена, что брату «давали хорошую и вкусную пищу, но, рѣшившись уморить себя голодомъ, онъ ничего не ѣлъ, сгрызъ ногти своихъ пальцевъ и сосалъ кровь свою». Баронъ Розень говоритъ, что эти подробности передалъ ему плацъ-адъютантъ капитанъ Николаевъ; смѣю увѣрить, что уважаемый авторъ «Записокъ декабриста» (нынѣ покойный) введенъ въ заблужденіе капитаномъ Николаевымъ; не получивъ лично разрѣшенія посѣтить брата въ казематѣ, не смотря на знакомство мое съ комендантомъ Сукинымъ, я имѣлъ почти ежедневныя свидѣнія о братѣ черезъ протоіерея Казанскаго собора П. Н. Мысловскаго; этотъ добрѣйшій пастырь былъ истинный нашъ утѣшитель въ несчастіи и по жизни высокій христіанинъ; онъ мнѣ говорилъ, что брата кормятъ наравнѣ съ другими преступниками, состоящими въ казематахъ, что онъ съ нимъ часто бесѣдуетъ и замѣчаетъ въ немъ сильное нервное возбужденіе, что брата нѣсколько разъ допрашивали—и строго—добавилъ мнѣ съ грустью Мыловскій,—но что братъ отвѣчалъ все одно и то-же: «я виноватъ, но болѣе ни слова не скажу». Черезъ два или три раза допросовъ заключился въ полное молчаніе, не раскрывъ ни плановъ, ни намѣреній, ни именъ своихъ товарищей; «допрашивающіе сильно на него негодуютъ» — говорилъ Мыловскій. Нѣсколько разъ онъ мнѣ доставлялъ записки отъ брата, гдѣ онъ просилъ бумаги и все, что нужно для писанья; въ одной изъ записокъ была приписка: «и перочинный ножикъ». Я все, что просилъ братъ, переслалъ къ нему, кромѣ перочиннаго ножа, который, по совѣту Мыловскаго, ему не послалъ.

Печальные дни проводили мы съ братомъ Мишей послѣ арестованія Александра; сидѣли дома, какъ опальные, а по вечерамъ не зажигали огней и, бродя по параднымъ комнатамъ, съ замираніемъ сердца слѣдили за курьерскою тройкой, когда она проносилась по Преображенскому плацу; ночи были лунныя, свѣтлыя, морозныя...

Однажды вечеромъ, часовъ въ 8, я получилъ записку отъ В. Д.

Кокешкиной, слѣдующаго содержанія: «сейчасъ была у кузена Н. П. ¹⁾), сегодня будутъ у васъ гости въ 12 ночи. Примите мѣры».

Понявъ смыслъ записки, мы съ Мишей сейчасъ отправились въ кабинетъ, который братъ занималъ до ареста, и стали пересматривать его вещи и бюро, на которомъ онъ занимался. Въ чемоданѣ были только бѣлье, платье и несесерь дорожный; ручной же мѣшокъ, въ видѣ портфеля, весь былъ набитъ бумагами; масса писемъ (времени терять было нельзя и я мелькомъ поглядѣлъ на нѣкоторыя подписи) Пестеля, Рылѣва, Бестужева, Панова, Коховскаго, Трубецкаго и другихъ, разные проекты реформъ, списки участвующихъ лицъ,—все это нами было тутъ же брошено въ каминъ и предано огню. Также все, что было въ бюро, было сожжено.

Ровно въ 12 час. раздался звонокъ въ швейцарской и къ намъ вошли жандармскій полковникъ (фамиліи его не помню) и какіе-то два съ нимъ господина; полковникъ очень вѣжливо просилъ меня указать комнаты, которыя занималъ братъ; я его провелъ; онъ быстро посмотрѣлъ чемоданъ, пустой портфель и бюро и затѣмъ взоръ его направился къ пылавшему камину и улыбка скользнула по его лицу.

Попросивъ ключи и отъ моего бюро, онъ все пересмотрѣлъ, прочелъ письма ко мнѣ брата изъ Керенска о церкви, все перешарилъ у меня и Мишеля и, простившись съ нами, отправился въ домовую контору, гдѣ просмотрѣлъ всѣ книги, планы, документы, счета и квитанціи. Въ 4 ч. утра обыскъ кончился; онъ уѣхалъ.

V.

Выздоровѣвъ и выѣхавши изъ дому 20-го декабря, я первымъ долгомъ явился къ в. в. Михаилу Павловичу и, взволнованный до глубины души потерей своего счастья, просилъ его высочество уволить меня отъ обязанности ординарца при его особѣ и дозволить мнѣ вернуться въ строй полка. Великій князь, добрый и пріятливый какъ всегда, выслушалъ меня и спросилъ:

«Зачѣмъ же? Я тебя знаю, ты ни въ чемъ не виноватъ—оставайся!»

— Ваше высочество! Чувство понятной деликатности не дозволяетъ мнѣ оставаться при вашей особѣ. Находясь при вашемъ высочествѣ, я неминуемо ежедневно могу имѣть счастье видѣть государя;

¹⁾ Архарова.

его величество может взглянуть на меня и тогда имя мое невольно напомнитъ ему о печальномъ событіи.

«Я тебя вполне понимаю; но помни, что ты всегда и вездѣ имѣешь свободный доступъ ко мнѣ. Если будетъ просьба,—обратись ко мнѣ».

Его высочество меня обнялъ, а я, со слезами на глазахъ, поцѣловалъ въ плечо этого человѣка, котораго всѣ знавшіе близко обожали; дѣйствительно, подъ суровою и строгою оболочкою скрывалось сердце самое возвышенное, самое честное, самое доброе! А сколько благодарній дѣлалъ великій князь? Сколько онъ тайно помогалъ въ нуждѣ! Внезапная смерть въ Варшавѣ была для меня ударомъ, равносильнымъ со смертію любимаго отца! Много надеждъ для сына моего она у меня унесла!....

Вернувшись въ полеѣ, я сталъ командовать ротой и весь предался своимъ военнымъ занятіямъ.

Въ половинѣ января 1826 года Мысловскій печально мнѣ сообщилъ, что здоровье брата внушаетъ сильныя опасенія, что онъ крайне возбужденъ и что онъ, Мысловскій, боится за нервный ударъ. Помочь ему—увы—я лично не могъ.

19-го января былъ въ манежѣ разводъ съ церемоніей; я, по долгу службы, отправился туда и не успѣлъ еще пройти половины манежа, какъ ко мнѣ подошелъ генералъ Исленьевъ и шопотомъ на ухо мнѣ сказалъ:

— «Alexandre! сейчасъ узналъ, что братъ твой умеръ и перевезенъ въ сухопутный госпиталь».

Услышавъ это, не поздоровавшись съ нимъ, я повернулъ обратно къ выходу. Исленьевъ, испуганный (время было страшное), меня догналъ, говоря: «ради Господа, Alexandre, не говори, что я тебѣ сказалъ». Я пожалъ его руку, сказавъ: «будьте покойны, генералъ; за кого же вы меня принимаете?»,—сѣлъ въ карету и скорѣе велѣлъ ѣхать къ великому князю. Его высочество былъ у государя, и я его нашелъ сходящимъ съ лѣстницы, совсѣмъ готовымъ, чтобы ѣхать въ манежъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ я ему передалъ о кончинѣ брата и просилъ разрѣшенія мнѣ взять его тѣло, и такъ какъ приговоръ надъ нимъ еще не состоялся, то похоронить по чину со всѣми воинскими почестями. Эту милость я просилъ мнѣ обязать въ память славной, боевой службы отца и пролитой имъ за отечество крови; со слезами напомнилъ его высочеству недавно данное мнѣ имъ разрѣшеніе обращаться къ нему. Великій князь на минуту задумался, но, сказавъ:

«Государь гнѣвнъ, боюсь неуспѣха», повернулъ и пошелъ въ апартamente Императора.

Черезъ 10 минутъ онъ вернулся и молча подалъ мнѣ записку. О! до гроба не забуду той слезы, которую я видѣлъ на его очахъ!..

Приѣхавъ въ сухопутный госпиталь, куда изъ каземата крѣпости перевезли умирающаго брата еще вечеромъ (часовъ въ 10) 18 января, я нашелъ его уже скончавшимся, но тѣло еще было теплое.

Какъ онъ умеръ, что произошло—не вѣдаю; три послѣдніе дня,—говорилъ Мысловскій,—онъ былъ болѣе, нежели тревоженъ; на него находили даже какъ бы припадки умопомѣшательства, ему представлялся призракъ умершей жены, упрекавшей его за то, что онъ не пожалѣлъ дѣтей, и т. д. Вечеромъ 18 января, въ 9 часовъ, часовые услышали стонъ въ казематѣ, вошли въ него и нашли его лежащимъ на полу близъ стѣны,—черепъ съ лѣвой стороны былъ надтреснутъ и изъ этой раны выходила кровь и часть мозга. Мнѣ говорили—комендантъ Сукинъ, Мысловскій и другіе, что въ припадкѣ умопомѣшательства братъ мой бился головой объ стѣну и раздробилъ себѣ черепъ. Изъ крѣпости перевезли его еще живымъ въ госпиталь и тутъ утромъ 19-го онъ скончался.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ ошибочно говоритъ въ своихъ Запискахъ о свиданіи съ дѣтьми; этого быть не могло, потому что дѣти оставались съ бабушкою Карпинскою въ Керенсеѣ и уже послѣ смерти брата привезены въ домъ Мельниковыхъ. Записка великаго князя сняла всѣ запрещенія; мнѣ отпустили тотчасъ тѣло, которое я завернулъ въ свою шинель и, положивъ въ карету, привезъ къ себѣ въ домъ; 22-го было назначено погребеніе на большомъ Охтенскомъ кладбищѣ. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей, никто не рѣшался бывать на утреннихъ и вечернихъ панихидахъ.

20-го были уже назначены войска для отданія чести и конвоирования покойнаго и офицеры, для несенія его орденовъ; мною же были заказаны золотыя кольца, гладкія съ черною эмалевою надписью вокругъ: «19 января 1826 года», для раздачи на память всѣмъ офицерамъ л. гренадерскаго полка и тѣмъ, которые будутъ участвовать въ строю и церемоніи. Ночью передъ похоронами (на 22 января), въ 2 часа, я получилъ записку явиться къ коменданту Башуцкому; въ 3 часа я былъ у него и, къ крайнему моему удивленію, онъ встрѣтилъ меня не хорошимъ знакомымъ, которымъ былъ, а грознымъ начальникомъ. Начавъ упрекать меня, что я возбуждаю умы, подготавливая манифестаціи въ видѣ раздачи колецъ на память, онъ объявилъ мнѣ, что войска для отданія чести не будетъ и офицеры ордена не понесутъ; на это я ему возразилъ, что «государь императоръ

оказалъ эту милость не брату и не мнѣ, а нашему родителю за его службу и что если уже эта милость оказана, то назадъ не беретса!»

Вашуцкій закричалъ:

— «Не разсуждать, а не то на мѣсто брата въ казематы!»

Тогда, отвѣтивъ: «готовъ»! я быстро повернулся къ нему спиной и почти бѣгомъ вышелъ изъ залы; слышалъ какъ въ догонку мнѣ Башуцкій кричалъ:

— «Колецъ отнюдь чтобы не было! Не смѣты!»

22-го въ 10 часовъ утра былъ выносъ, но безъ войскъ, ордена на подушкахъ несли знакомые, братъ въ гробу былъ одѣтъ въ полковничьемъ мундирѣ командуемаго имъ полка, золотая его сабля за храбрость лежала на крышкѣ гроба; вообще, въ виду отказа мнѣ войскъ для конвоирования тѣла, я старался придать еще болѣе пышности и торжественности церемоніи—множество духовенства, архіерейскіе пѣвчіе, богатая колесница въ шесть лошадей, верховая его лошадь подъ траурнымъ покрываломъ, фамиліные гербы на попонахъ лошадей, масса служителей въ глубокомъ траурѣ, и проч. На похоронахъ было много народу, но въ церковь, гдѣ отпѣвали, пробирались съ трудомъ; такъ, В. Д. Кокоткина, опоздавъ, пріѣхала прямо въ церковь; при входѣ ее остановилъ жандармскій офицеръ, спросилъ ее фамилію, родственница-ли покойному, или знакомая, гдѣ живетъ и проч.; все это записалъ и пропустилъ въ храмъ....

Весною 1826 года всѣ офицеры нашего л.-гренадерскаго полка, въ знакъ любви и уваженія къ личности брата, — котораго, скажу кстати, весь полкъ обожалъ, — сложились и поставили на его могилѣ памятникъ, который и понынѣ существуетъ; онъ стоилъ имъ—4,000 руб. асс.

VI.

По особой милости государя, вскорѣ послѣ похоронъ, обѣ дочери покойнаго брата были зачислены казенными пенсіонерками въ Смольный монастырь, гдѣ, по достиженіи возраста, воспитывались и окончили курсъ; старшая, Пелагея Александровна Булатова, вышла замужъ за офицера л.-гв. Московскаго полка Іосифа Петровича Преженцова (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), а младшая, Анна Александровна Булатова, приняла постригъ въ Бородинскомъ монастырѣ, гдѣ игуменьей была вдова героя Тучкова, Маргарита Михайловна, рожденная Нарышкина, въ иночествѣ Марія. Племянница же моя при постригѣ приняла имя Досифей. Какъ Пелагея Александровна Преженцова, такъ и инокиня Досифея погребены рядомъ въ Сергіевской пустыни, близъ Петербурга. У Преженцовой остались три сына: Александръ, Петръ и Михаилъ; Петръ женатъ на Бурнашевой и имѣетъ дѣтей.

Что касается до брата Михаила, то онъ скончался уже въ отставкѣ, холостымъ, въ 1838 году. При его кончинѣ находился его другъ вамеръ-юнкеръ Ниротморцевъ. Погребенъ рядомъ съ матушкой на Смоленскомъ кладбищѣ. Я въ это время былъ въ деревнѣ и, по дальности разстоянія, въ погребенію его прибыть не могъ. Съ братомъ Михайломъ насъ связывала самая тѣсная дружба.

VII.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о себѣ: послѣ всего того, что я перечувствовалъ, испыталъ, слышалъ и видѣлъ, я рѣшительно не считалъ возможнымъ мое пребываніе въ Петербургѣ и рѣшился выйти въ отставку и уѣхать на долго за границу въ Италію; по этому случаю одинъ изъ принадлежащихъ мнѣ домовъ, а именно у Исаіевскаго собора, я продалъ Китнеру за 120 т. руб. асс., а другой, Спасо-Преображенскій, въ которомъ жили, оставилъ за собою; братъ Миша, взявъ на себя управленіе онымъ, остался въ немъ жить.

Въ концѣ февраля 1826 года я былъ уже въ отставкѣ и на пути въ Москву, куда отправился, чтобы проститься съ теткою, вдовою моего роднаго дяди по матери, генерала Петра Богдановича Нилусъ;

тетку звали Марія Павловна; родомъ она была полька, родственница князя Сангуньи; фамиліи ея дѣвичьей не помню. Она приняла меня радушно, какъ принимали въ старину, — и я поселился у нея въ домѣ, близъ Остоженки, обѣщавъ прогостить у нея 2 недѣли и затѣмъ отправиться въ дальній путь. Каждое утро она ѣздила со мною на богомолье, показывала Москву, которую я никогда не видалъ, возила къ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Въ числѣ первыхъ былъ домъ князя Андрея Андреевича Голицына; съ нимъ и женою его, княгиней Анастасіей Михайловной, тетка была въ особенности дружна, каждый день то она у нихъ, то они у нея; бостонъ не забывался.

Понятно, что и я сдѣлался у Голицыныхъ обычнымъ посѣтителемъ, сопровождая тетку Марью Павловну. Отъ судьбы, вѣроятно, не уйдешь. Прошло 2 недѣли, — я не уѣзжалъ, еще три — и помину о выѣздѣ съ моей стороны не было, такъ что уже тетка однажды спросила меня, когда я думаю выѣхать, и на мой отвѣтъ: «не знаю, ma tante», — улыбнулась; она увѣрена была, ибо догадывалась и видѣла, что я какъ говорится, по уши влюбленъ въ 16-ти-лѣтнее очаровательное созданіе княжну Марію, дочь князя Андрея Андреевича отъ перваго брака; отъ 2-го брака у него дѣтей не было.

Они жили въ своемъ великолѣпномъ, громадномъ домѣ на Новой-Басманной, рядомъ съ церковью Петра и Павла. Пробывъ 2 мѣсяца въ Москвѣ, я, наконецъ, рѣшился сдѣлать предложеніе; оно было принято. 13-го мая 1826 года состоялось наше обрученіе по старинному, съ вольцами, а 11-го іюня я былъ счастливѣйшій изъ смертныхъ. Въ этотъ день состоялось наше вѣнчаніе въ Подмосковной моего тестя, въ 20-ти верстахъ отъ столицы, Богородскаго уѣзда, въ с. Савинѣ. Туда отправились мы громаднымъ поѣздомъ, каретъ 40 или болѣе.

У невѣсты моей были шаферами: ея братья гусары князя Михаила и Федоръ, Александръ Павловичъ Грушецкой, и князь Кропоткинъ; у меня — Челищевъ, Пушкинъ, о которомъ говорилъ выше, и братъ Михаилъ; всѣ трое на свадьбу пріѣхали изъ Петербурга. За немѣнѣемъ уже въ живыхъ родителей, меня, какъ посаженные, благословляли къ вѣнцу Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ и тетка Марья Павловна. Такимъ образомъ рушились мои планы и поѣздка за границу.

Пробывъ мѣсяць въ домѣ тестя, я съ молодой женою опять возвратился въ Петербургъ, поселился въ томъ же домѣ у Спаса Преображенія и прожилъ тамъ 10 лѣтъ; служить я болѣе не желалъ....

Затѣмъ, по желанію, жены мы уѣхали въ ея имѣніе — село Краснораменье.

8-го ноября 1856 года я лишился своего ангела и теперь доживаю свой вѣкъ, ожидая, когда Господь меня призоветъ къ Себѣ!.....

Этими словами закончилъ Александръ Михайловичъ свой рассказъ; не смотря на свои 73 года, это былъ еще бодрый и крѣпкій старецъ и ничто не предвѣщало близкой его кончины; къ несчастію, это было послѣднее наше свиданіе: 6-го декабря 1874 года его не стало. Онъ скончался внезапно, подобно своему родителю, и погребенъ въ своемъ любимомъ Краснораменѣ, въ самомъ храмѣ, имъ созданномъ.

Посѣщая въ послѣдній разъ Охтенское кладбище вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ, я просилъ его тутъ же на мѣстѣ набросать рисунокъ памятника, онъ любезно исполнилъ мое желаніе и я таковой при семъ и прилагаю.

Андрей Ал. Титовъ.

Ростовъ Ярослав.
1886 г., ноября 8-го.

Поправки къ Запискамъ Н. И. Пирогова.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1884 и 1885 гг., томы XLIII—XLVI).

	Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
T. XLIV	37	7 снизу	если при этомъ сужденіи, сдѣланшемся	если при этомъ сужденіе, сдѣланшемся
—	279	6, 7, 8, 9 и 10 снизу	каждая изъ этихъ проявленій... каждая проявлялась... волновала... сходила... уступая его другой, не менѣе односторонней сектѣ Евсеевъ	каждое изъ этихъ проявленій... каждое проявлялось... волновало... сходило... уступая его другому, не менѣе одностороннему сектѣ Ессеевъ
—	474	9 сверху	берутся, ихъ	берется. ея
	479	12 сверху	идеаль вѣры поставленъ имъ въ загробную жизнь	идеаль вѣры въ загробную жизнь поставленъ имъ
	480	15 сверху	зашибаться	зашибать
T. XLV	4	8 снизу	на Прокевѣ	на Брокенѣ
T. XLVI	30	3 сверху	а, вотъ, рекомендую	(эти слова должны начинаться съ абзаца, такъ какъ принадлежать Пирогову, а не Крылову, рѣчь котораго приведена раньше).
—	259	13 снизу		

НА МОГИЛЪ А. М. ВУЛАНОВА
† 19 янв. 1826 г.

Мирные судьи по проекту дворянства

въ 1826 г.

По вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича было предложено дворянству представить на высочайшее имя всеподданнѣйшія ходатайства о нуждахъ и желаніяхъ дворянскаго сословія разныхъ губерній. Такія ходатайства были подаваемы въ теченіи 1826 года. Одно изъ нихъ было коллективное «отъ тринадцати великороссійскихъ губерній за общимъ подписомъ предводителей дворянства». Въ числѣ этихъ тринадцати губерній была и Курская. Въ коллективномъ прошеніи было высказано довольно много нуждъ и просьбъ дворянъ. Но одно изъ ходатайствъ, повергнутыхъ дворянствомъ къ стопамъ монарха, весьма замѣчательно: это, именно, о новомъ юридическомъ институтѣ—мирныхъ судей въ уѣздахъ.

«Земскіе суды,—говорятъ дворяне,—находятся въ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе массы тяжбъ, и такъ какъ самый обрядъ дѣлопроизводства въ нихъ, устанавлиющій все протоколами, опредѣленіями и журналами, весьма затрудняетъ къ скорому рѣшенію и исполненію дѣлъ, то въ облегченіе земскихъ судовъ и въ сокращеніе вредныхъ и количествомъ своимъ всякую мѣру превосходящихъ тяжбъ, да будетъ позволено учредить въ уѣздахъ «мирныхъ судей» изъ выборныхъ почетныхъ дворянъ съ тѣмъ, чтобы они входили въ разсмотрѣніе возникающихъ между помѣщиками и всякаго званія поселянами неудовольствій, исковъ и споровъ и чтобы просители, прежде подачи въ присутственныя мѣста прошеній, предъявляли оныя мирному судѣ, или объясняли обиду свою словесно, и чтобы мирный судья, прежде всего, старался примирить тяжущихся».

По проекту дворянства, округи (т. е. уѣзды) должны были быть раздѣлены на части (участки); въ каждомъ участкѣ долженъ быть мирный судья, который разбираетъ претензіи и дѣла на мѣстѣ, не

заставляя тяжущихся совершать путешествія въ уѣздный городъ, гдѣ обыкновенно имѣлъ мѣстопребываніе земскій судъ.

Коллективное прошеніе дворянства тринадцати губерній было найдено Николаемъ Павловичемъ несомнѣннымъ съ даннымъ имъ дозволеніемъ дворянству ходатайствовать о своихъ нуждахъ. Оно было возвращено чрезъ статсъ-секретаря Муравьева министру внутреннихъ дѣлъ, который и просилъ предводителей дворянства, въ томъ числѣ и курскаго, представить на высочайшее имя прошенія отъ каждой губерніи отдѣльно, подобно тому, какъ это сдѣлали другія губерніи, кромѣ тринадцати.

Курское дворянство и въ новомъ своемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ просило правительство объ учрежденіи въ уѣздахъ должностей мирныхъ судей. Это ходатайство было комитетомъ министровъ, который разсматривалъ вообще дворянскія всеподданнѣйшія прошенія, препровождено на заключеніе министра юстиціи. Заключеніе это, въ 1827 году, обсуждалось въ государственномъ совѣтѣ, который вполне согласился съ мнѣніемъ министра. И 1827 года, декабря 22-го дня, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ курскаго губернскаго предводителя о томъ, что «въ государственномъ совѣтѣ происходитъ окончательное сужденіе о постановкѣ новаго опредѣленія правилъ для третейскаго суда; при введеніи оныхъ въ дѣйствіе, назначенный въ каждомъ уѣздѣ изъ почетныхъ по выборамъ дворянъ, особый чиновникъ, подъ званіемъ мирнаго судьи, не будетъ нуженъ, ибо всякій воленъ отдаться на третейское разбирательство, и лица, къ которымъ, по мѣрѣ довѣрія, прибѣгаютъ сами спорящія стороны, суть уже мирные судьи. О такомъ отвѣтѣ курскому дворянству доведено, 21-го ноября сего года, до свѣдѣнія государя императора».

Такимъ образомъ въ высшей степени благому желанію дворянъ не суждено было исполниться... и долго еще земскіе суды и полиція оставались въ прежнемъ своемъ видѣ и творили судъ и расправу. Институтъ же третейскихъ судей, какъ не юридическій, оставался мертворожденнымъ и не оказывалъ вліянія на правовую народную жизнь.

Сообщ. А. Танковъ.

24-го іюня 1886 г.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ БУРХАРДЪ ХРИСТОФЪ МИНИХЪ

въ работахъ о воспитаніи своихъ внуковъ.

Относительно частной жизни фельдмаршала графа Бурхарда Христофа Миниха (1683—1767 гг.), извѣстнаго завосвателя Данцига (1734 г.) и счастливаго побѣдителя турокъ (1736—1739 гг.), бывшаго также и строителемъ Ладожскаго канала, мы, къ сожалѣнію, не обладаемъ столь подробными свѣдѣніями, какъ бы было желательно для вѣрнаго сужденія о многихъ особенностяхъ его характера.

Поэтому слѣдуетъ съ интересомъ относиться къ новооткрытымъ извѣстіямъ и письменнымъ свидѣтельствамъ о немъ, которыя намъ сообщаютъ характеристичныя черты о его личности.

Собственно говоря, мы еще не имѣемъ биографіи, которая бы заключала въ себѣ весь наличный накопившійся матеріалъ, разработанный критически, хорошо и довольно подробно изложенный.

Изъ болѣе старыхъ сочиненій о Минихѣ можно упомянуть о нѣмецкой книгѣ Гемпеля ¹⁾, которая, однако, очень неудобна вслѣдствіе тяжелаго слога прошлаго столѣтія и отчасти вслѣдствіе ея многословности, не говоря уже о томъ, что она доходитъ только до ссылки Миниха и, какъ кажется, составлена болѣе при помощи ножницъ, чѣмъ пера ²⁾. Трудъ Бюшпига ³⁾ уже несравненно выше, богатъ содержаніемъ и даже отчасти важенъ какъ

¹⁾ *Leben, Thaten und betrübter Fall des weltberufenen Russischen Grafens Burchard Christophs von Münnich etc. von Phleme (Pseudonym-Hempel), 1742 и 1743, Bremen, Braunschweig und Leipzig.*

²⁾ На цѣлыхъ страницахъ авторъ совершенно дословно передаетъ свои источники.

³⁾ *Büsching, Magazin für die neue Historie und Geographie. T. III, 1769, стр. 389—536.*

источникъ, между тѣмъ какъ сочиненіе Галема ¹⁾ отличается, кромѣ довольно основательнаго изслѣдованія, еще хорошими, яснымъ и удобочитаемымъ изложеніемъ.

Монографія Хмырова ²⁾ написана съ односторонне враждебной точки зрѣнія и старается вывести на свѣтъ исключительно темныя черты Миниха, и противъ же, Костомаровъ ³⁾ въ новѣйшемъ своемъ трудѣ о Минихѣ, очевидно, пытается быть справедливымъ по отношенію къ заслугамъ знаменитаго полководца и по удачному изображенію, а равно какъ и по объективности въ общемъ взглядѣ—за исключеніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ подробностяхъ и, очевидно, не совсѣмъ достаточной критики источниковъ—его сочиненіе можно считать самымъ лучшимъ изъ того, что до сихъ поръ появилось въ печати о Минихѣ.

На основаніи новонайденныхъ источниковъ и манускриптовъ, удалось, наконецъ, автору этого предисловія составить еще историческій очеркъ и болѣе подробную характеристику Миниха ⁴⁾, въ которой содержится многое, чего вѣтъ въ извѣстныхъ біографіяхъ.

Найдено слѣдующее письмо Миниха, между многими другими по содержанію неважными, къ нему адресованными, въ помѣстьѣ «Дунія» ⁵⁾, гдѣ онъ похороненъ.

Относительно находящагося тамъ-же фрагмента его записокъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и относительно его извѣстнаго сочиненія «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie», которые смѣшивать не слѣдуетъ, издатель этого письма незадолго передъ тѣмъ напечаталъ изслѣдованіе ⁶⁾, въ которомъ ему удалось разрѣшить нѣкоторые, до сихъ поръ спорные, вопросы.

Письмо Миниха написано на четырехъ четвертушкахъ, очень тонкимъ, каллиграфическимъ почеркомъ, и, какъ кажется, рукою секретаря Фриша, которому Минихъ диктовалъ свои письма и записки. Нѣмецкій слогъ его

¹⁾ v. Halem, Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen General-Feldmarschalls, B. C. Grafen von Münnich, Oldenburg, 1803.

²⁾ См. Записки иностранцевъ о Россіи въ 18-хъ столѣтіи, II, 217—387 (1874 г.): Фельдцейхмейстерство графа Миниха. Критику прое. Бриквера см. «Сборникъ государственныхъ знаній», II, 13—18 (1874, Спб.).

³⁾ Вѣстникъ Европы 1884 (XIX т.), кн. 8 (августъ), стр. 510—560, и кн. 9 (сентябрь), стр. 5—57. Критику см. въ журналѣ: Russische Revue, т. XXV (1886), стр. 220—232.

⁴⁾ См. St.-Petersburger Zeitung, 1886 (160 Jahrgang), № 128, 129, 130, 132 (8—12 Mai). Feuilleton: Der General-Feldmarschall B. C. Graf Münnich.

⁵⁾ Днеландской губерніи, около города Дерпта, имѣніе барона Полькена, потомка Миниха.

⁶⁾ См. Russische Revue, 1886, III, 318—343: Die Memoiren des Feldmarschalls Münnich und sein Ebauche.

неуклюжь и наполненъ иностранными словами, особенно французскими, какъ это водилось еще въ прошломъ столѣтїи.

Адресовано это письмо къ воспитателю (Hofmeister) внуковъ Миниха, Рунцэ, который въ то время путешествовалъ за границую съ обоими молодыми графами, сыновьями т. е. гр. Эрнста Миниха, извѣстнаго автора *Записокъ*¹⁾. О личности перваго мы не можемъ дать подробныхъ указанїй, да и для исторїи это не имѣетъ важности.

Бюшингъ, знаменитый тогдашнїй ученый, сообщаетъ намъ²⁾, что Рунцэ около 1754 г. былъ уже гувернеромъ старшаго сына у гр. Эрнста Миниха, жившаго въ то время въ Вологдѣ въ ссылке, и былъ въ Геттингенѣ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, сотрапезникомъ Бюшинга, рекомендовавшаго извѣстнаго впоследствии историка Шмидта-Физельдэжа гувернеромъ младшихъ сыновей Миниха въ Вологду.

Рунцэ, по всей вѣроятности, человекъ образованный и въ зрѣломъ возрастѣ, долженъ былъ позднѣе сдѣлаться секретаремъ гр. Эрнста Миниха, когда Петръ III намѣревался отправить послѣдняго посломъ въ Стокгольмъ.

Изъ нижеслѣдующаго письма мы видимъ, какъ старшїй фельдмаршалъ и словомъ и дѣломъ заботится о воспитанїи своихъ внуковъ. Правда, для насъ кажется немного сгнаннымъ, что воспитанїемъ молодыхъ графовъ, бывшихъ въ 1767 г. почти совершенно взрослыми, занимается именно дѣдъ, а не самъ отецъ. Но если возможно сдѣлать какїя-нибудь предположенїя, то, быть можетъ, авторитетъ родителей надъ избалованными сыновьями оказался недостаточнымъ и они сочли за благо раздѣлять заботы по воспитанїю дѣтей съ старшимъ и очень энергичнымъ дѣдомъ-фельдмаршаломъ.

Минихъ могъ быть человекомъ обворожительно любезнымъ, но подчасъ также и болѣе неприятнымъ и вспыльчивымъ, чѣмъ въ этомъ письмѣ, которое исполнено большаго порицанїя по отношенїю къ несчастному господину Рунцэ; мы, къ сожалѣнїю, не знаемъ, насколько послѣднїй далъ поводъ къ неудовольствїю. Минихъ упрекаетъ его въ неповиновенїи даннымъ предписанїямъ и въ недостаточно сильномъ влїянїи на обоихъ питомцевъ, прожившихъ уже около двухъ десятилѣтїй и сдѣлавшихъ ему жизнь вѣроятно довольно горькою. Да и оба молодые графа были довольно легкомысленны, исполнены чванства, тщеславія, еще большїя дѣти, своевольны, непослушны и довольно испорчены, какъ видно изъ самаго письма.

Старшїй фельдмаршалъ, прошедшїй жизненный опытъ и умѣвшїй отличить пустой блескъ отъ дѣйствительности, дѣлаетъ также и имъ внушенїе, не одобряетъ ихъ расточительность и склонность къ жизни на широкую ногу,

¹⁾ Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, Спб., 1817.

²⁾ См. Büschings eigene Lebensgeschichte (Halle, 1789), 489 и 342.

въ особености въ виду того, что онъ снабдилъ ихъ деньгами на путешествіе и былъ другомъ бережливости.

Но способъ, какимъ онъ нападаетъ въ своемъ письмѣ на беззащитнаго Рундэ, не особенно красивъ, даже въ томъ случаѣ, если бы послѣдній и заслужилъ то порицаніе, которымъ онъ здѣсь награждается. По всей же вѣроятности онъ не былъ въ состояніи успѣшно противодѣйствовать легкомыслию своихъ неумѣренныхъ питомцевъ, которме всячески образомъ могли бы ему дѣлать непріятности въ случаѣ, если бы онъ имъ не уступалъ.

Существуетъ столько возможныхъ способовъ высказать одно и то-же, и именно отношеніе къ подчиненнымъ есть пробный камень благороднаго характера человѣка. Минихъ, о которомъ въ этомъ отношеніи намъ сообщаютъ нѣкоторыя очень хорошія черты, въ то время былъ уже 84-лѣтнимъ старикомъ, но все еще по темпераменту раздражительнымъ, что и показалось по отношенію къ его ученому другу, пастору Бюшингу, которому онъ въ 1765 году, предъ лицемъ церковнаго собранія, нанесъ такую неожиданную и сильную обиду, что этотъ дѣльный и честный человѣкъ покинулъ Петербургъ и свое званіе.

Оскорбительный, безпощадный и исполненный горькой ироніи тонъ, которому Минихъ даетъ свободное теченіе въ своемъ письмѣ къ Рундэ—также показываетъ, что онъ неоднократно, даже въ такомъ почтенномъ возрастѣ, давалъ волю своей страстной и испылчивой натурѣ. Однако, мы не знаемъ ближайшихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ это письмо. Быть можетъ, поводъ къ тому былъ въ дѣйствительности очень важенъ, и такимъ образомъ такой суровый поступокъ нашелъ бы себѣ оправданіе.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что рукопись этого чисто написаннаго письма лишена подписи Миниха. Можно предположить, что передъ нами находилась копія съ оригинала, но, быть можетъ, и это говорило бы въ пользу стараго фельдмаршала, что Минихъ, прочтя по окончаніи свое письмо, устыдился своего увлеченія и нашелъ несоотвѣтствующимъ своему достоинству отослать такое письмо г. Рундэ.

Какъ бы то ни было, письмо это представляетъ любопытный и, во всякомъ случаѣ, весьма характерный документъ изъ исторіи домашней педагогикки прошлаго столѣтія.

А. Юргенсонъ.

Письмо фельдмаршала Миниха къ Рунцѣ.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

Monsieur! Въ то время, какъ я хотѣлъ отвѣтить мое здѣсь присоединенное письмо, въ послѣдній день почты 9-го (20-го) сего, какъ отвѣтъ на ваше ¹⁾, отправленное ко мнѣ отъ 10-го декабря а. р. и отъ 15-го янв. а. с., я получилъ совершенно неожиданно ваше письмо еще изъ Рима, помѣченное отъ 15-го февраля, очень многословное и наполненное многими нелѣпостями, вмѣстѣ съ письмами отъ обоихъ молодыхъ графовъ.

Изъ него я могу заключить:

1) О вашемъ путешествіи, предпринятомъ вмѣстѣ съ обоими моими внуками въ Неаполь, и объ ихъ возвращеніи въ Римъ.

2) Что молодые графы, получивъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1765 года въ Туринѣ, въ Страсбургѣ и Женевѣ новое платье и будучи въ немъ же представлены Сардинскому королю и королевскому семейству, въ Миланѣ все-таки снова были снабжены новымъ изящнымъ (параднымъ?) (galla) платьемъ, и теперь, какъ видно изъ письма господина Рунцѣ, не желая ни считать, ни беречь, чтобы то ни было, опять требуютъ новое изящное платье, которое господинъ Рунцѣ имъ, навѣрное, въ Парижѣ и закажетъ.

3) Поэтому мой г-нъ Рунцѣ требуетъ и ждетъ отъ меня категорическаго отвѣта на вопросы:

а) Сколько денегъ отнынѣ слѣдуетъ употреблять на одежду и бѣлье для обоихъ молодыхъ графовъ, и какого качества она должна быть.

б) Сколько нужно ежемѣсячно ассигновать графамъ денегъ на игры (Spiel-Geld), такъ какъ трехъ секинъ или дукатовъ, которые они доселѣ

¹⁾ Вмѣсто часто употребляемаго въ нѣмецкихъ письмахъ прошлаго столѣтія въ подчиненнымъ мѣстоимѣніи третьяго лица единственнаго числа (Ег) позволяемъ себѣ, при переводѣ, замѣнять его вторымъ множественнаго (Вы). Ю.

ежемесячно получали, даже 4 секинъ, которые имъ предложилъ г-нъ Рунцэ, но ихъ собственнымъ словамъ, не хватяеть, въ виду ихъ утвержденія, что невозможно въ обществѣ отказать отъ какой бы то ни было игры.

NB. Слѣдовательно, они также будутъ играть и въ азартныя игры, которыя рушатъ состояніе столь многихъ людей и запрещены многими властными лицами подѣ страхомъ тяжкаго наказанія. Въ одножъ Туринѣ могъ бы представиться случай, въ одинъ вечеръ проиграть 10 или 20 тысячъ пистолей.

4) Старшій графъ Бурхардъ ¹⁾ не хочетъ ѣздить на двухколесныхъ экипажахъ и извозчикахъ, которыми пользуется всякій въ Италиі, каково бы ни было его общественное положеніе, между тѣмъ какъ почти обходится очень дорого; онъ хочетъ имѣть собственную карету и путешествовать на почтовыхъ лошадакъ.

5) Онъ не хочетъ садиться ни за какой *table d'hôte*, за которыми все-таки обѣдаютъ кавалеры, офицеры высшихъ чиновъ и путешественники, но онъ всегда хочетъ, чтобы ему подавали въ его собственной комнатѣ, за что нужно платить вдвое.

NB. Значить, у него, вѣроятно, будетъ открытый столъ и онъ не пожелаетъ обѣдать одинъ.

6) На обоихъ молодыхъ графовъ совѣты и увѣщанія г-на Рунцэ не имѣютъ никакого вліанія, и, какъ кажется, они требуютъ полной независимости.

На всѣ вышеупомянутыя пункты г-нъ Рунцэ ожидаетъ моего рѣшенія и обдуманнаго приказанія.

Г-нъ Рунцэ, между прочимъ, доводитъ до свѣдѣнія, что въ теченія тѣхъ шести мѣсяцевъ, которые они провели въ Италиі, издержки простираются до 900 секинъ, что въ мѣсяць составляетъ 150 секинъ или срес. дукатовъ, и слѣдовательно 300 рейнталеровъ, ср. вмѣсто 200, которые ассигнованы имъ ежемесячно, и въ этой суммѣ не зачислено никакое парадное платье. Что же прежде всего касается поѣздки въ Неаполь, то г-ну Рунцэ не безызвѣстно, что я никогда на это не давалъ своего разрѣшенія, но съ отвращеніемъ отнесся къ тому, что онъ повезъ молодыхъ графовъ въ Страсбургъ, каковой городъ, послѣ пребыванія въ немъ сильныхъ французскихъ гарнизоновъ, есть одинъ изъ величайшихъ публичныхъ домовъ въ Европѣ.

¹⁾ Бурхардъ Христофъ, рожденный 1747 г. въ Вологдѣ (ср. *Büsching, Magazin*, III, 536), тогда (1767) былъ уже молодой человекъ на двадцатомъ ю.

За это пребываніе въ Страсбургѣ, молодой графъ Людвигъ ¹⁾, наконецъ, заплатилъ г-ну гувернеру своимъ дурнымъ поведеніемъ, и вы знаете лучше всего, сколько труда стоило отстранить графа отъ страсбургскихъ публичныхъ женщинъ.

Точно также поѣздка въ Римъ, какъ въ поповское гнѣздо (Pfaffenpest), была совершенно вопреки моей воли; все-таки г-нъ Рунцэ взялъ себя на помощь моего сына, тайнаго совѣтника, такъ что я, наконецъ, позволилъ себя убѣдить, хотя и очень неохотно, согласиться на это, но съ приказаніемъ не пребывать тамъ такъ долго, какъ на самомъ дѣлѣ это случилось.

Что касается до самаго путешествія въ Неаполь, то г-нъ Рунцэ признается въ своемъ письмѣ, что я, на сдѣланное мнѣ предложеніе повести молодыхъ людей въ Неаполь, высказалъ ему свое негодованіе и особенно запретилъ подобное предпріятіе. Какъ же могъ г-нъ Рунцэ быть настолько смѣлымъ, чтобы поступать какъ разъ вопреки моимъ приказаніямъ? Подобный образъ дѣйствія не можетъ быть оправданъ и несправедливъ. Прочтите сочиненія Лютера, который говоритъ: несправедливость—грѣхъ. Что же заслуживаетъ тотъ, который грѣшитъ съ намѣреніемъ? Самыя лучшія извиненія въ совершенныхъ грѣхахъ безплодны. Молодой король Неаполя и принцъ Мекленбургскій не составляютъ счастья молодыхъ графовъ, и грѣшить противъ родителей и благодѣтелей изъ-за веселія, представляемаго карнаваломъ, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ величайшихъ пороковъ, которые только можно допустить.

Оба молодыхъ графа въ своемъ письмѣ ни однимъ словомъ не упоминаютъ объ этомъ путешествіи.

Ad secundum. Очень смѣло съ вашей стороны, что вы, открыто ослушавшись меня и не повиновавшись моимъ приказаніямъ, еще предлагаете мнѣ пункты, на которые я долженъ дать категорическій отвѣтъ и предписать вамъ новый образъ дѣйствія. Какіе результаты могу я ожидать отъ моихъ инструкцій? Такъ какъ вы меня не уважаете, то, безъ сомнѣнія, всѣ мои старанія и корреспонденціи напрасны. Вслѣдствіе путешествія въ Неаполь г-нъ Рунцэ далъ молодымъ графамъ поводъ къ проступку, не находящему себя оправданія, такъ что, когда мнѣ только представляется возможность слѣдовать своимъ наклонностямъ, ни приказанія, ни совѣты ихъ родителей или благодѣтелей не имѣютъ въ ихъ глазахъ никакой цѣны. Это

¹⁾ Людвигъ Антонъ, рожд. 1748 г., впоследствии обрученный съ нѣкоей Чоголовой (ср. Bäsching, l. c.). Ю.

обстоятельство настолько огорчило меня, что я, только что поправляясь послѣ тяжелой болѣзни, получивъ пакетъ г-на Рунцэ, отъ 15-го февраля, вовсе не могъ заснуть.

Достойно-ли это, съ намѣреніемъ, такимъ образомъ огорчать восьмидесяти-четырёхлѣтняго человѣка и причинять вредъ его здоровью?

Предложеніе французскаго посланника marquis d'Aubeterre такимъ образомъ рекомендовать графа Людвигъ, чтобы онъ получилъ бreve какъ colonel à la suite, я оставляю на усмотрѣніе моего сына, тайнаго совѣтника.

Повидимому, это обѣщаетъ молодому графу блистательную карьеру и до того льстить ему, что онъ сердечно проситъ меня помочь ему въ этомъ.

Но французская служба мнѣ извѣстна; сами полковники всѣ молодые и очень богатые люди, которые, не смотря на получаемое ими незначительное жалованье, дѣлаютъ большія издержки и должны въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ прибавлять изъ собственныхъ средствъ. Если они тогда оказываютъ успѣхи, то они получаютъ повышеніе, въ противномъ же случаѣ ихъ оставляютъ безъ вниманія et ils restent à la besace (они раззоратся въ конецъ).

Какая будетъ его судьба, если онъ будетъ colonel à la suite? Откуда возьметъ графъ Людвигъ 10,000 ливровъ, которые онъ долженъ употребить тотчасъ же при его назначеніи. И откуда онъ впоследствии найдетъ ежегодно 10,000 ливровъ, чтобы существовать и быть представителемъ полка, если полковникъ въ отсутствіи? Это былъ бы настоящій путь, которымъ графъ Людвигъ могъ бы рушить состояніе своего отца и дѣда. Подполковники во французскихъ полкахъ старые и опытные офицеры, которые собственно и командуютъ полками и соблюдаютъ въ нихъ порядокъ, и обыкновенно они бригады арміи.

Я до настоящаго времени имѣлъ хорошее мнѣніе о графѣ Бурхардѣ, какъ о человѣкѣ спокойномъ, разумномъ и скромномъ; какъ же онъ не хочетъ, подобно другимъ порядочнымъ людямъ, ѣздить въ двухколесныхъ экипажахъ и обѣдать въ обыкновенныхъ гостиницахъ? Развѣ онъ не помнитъ, чѣмъ онъ былъ въ Вологдѣ? Онъ и въ настоящую минуту еще остался тѣмъ же, нисколько не выше, не богаче, не знатнѣе. Въ Вологдѣ у него не было никакихъ собственныхъ экипажей и онъ долженъ былъ довольствоваться простымъ столомъ.

Такая перемена въ его образѣ мыслей есть единственное слѣдствіе роскошнаго платья. Какъ-де молодой графъ, который щеголяетъ богатымъ, параднымъ платьемъ, можетъ ѣздить не въ собственной каретѣ и ѣсть въ обыкновенныхъ гостиницахъ!

Я въ своей молодости, уже въ чинѣ капитана, также имѣлъ богатое, обшитое галуномъ и вышитое платье, которое я возилъ съ собою и въ путешествіяхъ, и въ походахъ; я носилъ его четыре, пять и больше лѣтъ. Неужели же молодые графы, подчиненные моему г-ну Рунцэ, должны имѣть каждое полугодіе новое изящное платье? Откуда взять деньги на эти издержки? Что касается до непослушанія этихъ молодыхъ господъ моему г-ну Рунцэ, и независимости, къ которой они стремились, то въ случаѣ, если бы такое обвиненіе оказалось справедливымъ, я бы съ сегоднешнею почтою вытребовалъ ихъ назадъ, не позволяя имъ путешествовать, согласно ихъ дурному намѣренію, черезъ Францію, Англію, Голландію и Германію, и приказалъ бы имъ направиться туда, куда г-нъ ихъ отецъ, г-нъ тайный совѣтникъ, указалъ бы. Между тѣмъ, эти молодые графы имѣютъ достойнаго отца, въ лицѣ г-на дѣйствительнаго тайнаго совѣтника гр. Эрнста ф.-Минниха, отъ котораго они находятся въ прямой зависимости. Поэтому я отсылаю симиъ моего г-на Рунцэ къ г-ну тайному совѣтнику:

- 1) Относительно продолженія путешествія молодыхъ графовъ.
- 2) Относительно ихъ одежды и бѣлья.
- 3) Относительно ихъ денегъ на игры.
- 4) Относительно способа путешествія въ двухколесныхъ экипажахъ или въ каретахъ, на извозчикахъ или почтовыхъ лошадиахъ.
- 5) Относительно ихъ стола, или въ гостинницахъ, или въ ихъ собственной комнатѣ.
- 6) Относительно непослушанія ихъ гувернеру (Hofmeister) и независимости, которой они домогаются.

Всѣмъ, что мой милый сынъ, г-нъ тайный совѣтникъ, родной отецъ молодыхъ графовъ, въ этомъ отношеніи установитъ и прикажетъ, я буду довольствоваться, не смотря на то, что я до сихъ поръ на это даю деньги.

Итакъ, я прислалъ г-ну тайному совѣтнику часто упоминаемое мною письмо г-на Рунцэ, отъ 15-го февраля, равно какъ и письма молодыхъ графовъ, и на будущее время ни въ коемъ случаѣ не буду вмѣшиваться въ то, что касается образа поведенія и издержекъ этихъ молодыхъ графовъ, а также не ожидаю отъ моего г-на Рунцэ никакихъ дальнѣйшихъ предложеній, ни донесеній въ этомъ отношеніи, но только извѣщеніе, что онъ получалъ настоящее письмо. Если же онъ и послѣ этого будетъ писать ко мнѣ, то я, не распечатывая, буду бросать письма въ огонь, потому что мой характеръ, мой возрастъ и моя слабость, а также и другія мои занятія не позволяютъ

мнѣ продолжать корреспонденцію, которая причиняетъ вредъ моему здоровью и сокращаетъ мою жизнь. Остаюсь, Monsieur.

С.-Петербургъ, 13-го (24-го марта) 1767 г.

Р. S. Г-нъ Рунцэ теперь имѣетъ честь гордиться тѣмъ, что я, восьмидесяти-четырёхлѣтній сѣдовласый старикъ, поддался его обману. Его характеръ получить удовлетвореніе, если онъ постарается въ скоромъ времени быть принятымъ въ общество іезуитовъ, у которыхъ, между прочимъ, слѣдующее правило:

Удавшееся преступленіе (Sünde) не есть преступленіе.

Felix crimen non est crimen.

Слѣдовательно, счастливо удавшееся путешествіе въ Неаполь и обратно, вопреки моей волѣ и настоящему приказанію, не есть преступленіе для г-на Рунцэ.

Знайте же, мой г-нъ Рунцэ, что я смертельный врагъ обществу іезуитовъ и всѣмъ, которые придерживаются ихъ образа мыслей.

Примѣч. Подписи фельдмаршала Миниха на документѣ не имѣется.

Сообщ. А. Юргенсонъ.

Замѣтка къ „Очеркамъ украинской лит. XIX в.“ г. Петрова.

Г. Петровъ, авторъ „Очерковъ украинской литературы XIX столѣтія“ (Кіевъ, 1884 г.), въ статьѣ: П. П. Гулакъ-Артемовскій, на стр. 71, говоритъ слѣдующее: „Стихотвореніе до Любки“ (П. П. Гулакъ-Артемовскаго) написано, вѣроятно, на какой-либо случай изъ семейной жизни и вѣжными красками изображаетъ невинную застѣнчивость дѣвicy-невѣсты или новобрачной“.

Это стихотвореніе есть не что иное, какъ подражаніе извѣстной XXIII одѣ I-й книги Горация: „Ad Chlojam“. Далѣе г. Петровъ говоритъ: „Какъ лучшее произведеніе Гулака-Артемовскаго это стихотвореніе переведено г. Фетомъ на русскій языкъ“! На это замѣчу, что А. А. Фетъ выключилъ это стихотвореніе въ число своихъ переводовъ изъ Горация (II томъ стихотвор. А. А. Фета изд. 1863, стр. 40). Въ русской литературѣ существуетъ два перевода стихами этой Горациевой оды: одинъ, уже упомянутый, Фета—„Къ Хлоѣ“, а другой Василія Львов. Пушкина (арзамасскій „Вотъ“) — „Къ Лилѣ“ (подражаніе Горацию) Соч. изд. Смирдина 1855 г., стр. 136.

Петръ Устиновичъ.

Г. Варшава.

12-го октября 1886 г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Матеріалы для его біографіи

1817—1825.

Ред. «Русской Старины», въ теченіи семнадцати лѣтъ изданія этого журнала, представила множество матеріаловъ для біографіи Пушкина и обзора его поэтической дѣятельности.

Вступая въ восемнадцатый годъ изданія „Русской Старины“, мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ еще нѣсколько новыхъ данныхъ къ жизнеописанію и характеристикѣ великаго поэта.

Въ январѣ 1887 года минетъ полъ вѣка со дня роковой кончины А. С. Пушкина. Вѣсть съ симъ всё его сочиненія дѣлаются общимъ достояніемъ русскаго народа.

Ред.

Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находится нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ жизни А. С. Пушкина отъ дня окончанія курса въ лицей до перваго года по увольненіи его «вовсе» отъ службы и высылкѣ въ с. Михайловское. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ имѣютъ значеніе для точнаго опредѣленія чиселъ и обстоятельствъ его внѣшней жизни, другіе характеризуютъ отношеніе къ нему лицъ, занимающихъ видное мѣсто въ біографіи поэта. Привожу изъ однихъ извлеченія заключающихся въ нихъ данныхъ; другія сообщаю въ точной копіи, сдѣланной мною въ упомянутомъ архивѣ; гдѣ нужно—время написанія документовъ свою съ свидѣтельствами другихъ матеріаловъ.

1) Изъ отношенія статсъ-секретаря кн. Александра Голицына къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графу Карлу Васильевичу Нессельроду отъ 10 іюня 1817 г. за № 1757 видно, что

государь Александръ Павловичъ «соизволилъ окончившихъ курсъ царскосельскаго лицея воспитанниковъ кн. Александра Горчакова, Сергѣя Ломоносова, Николая Корсакова, барона Павла Гревеница, Вильгельма Кюхельбекера, Павла Юдина и Александра Пушкина, по засвидѣтельствovanіи конференціей лицея объ окончаніи ими курса наукъ съ успѣхомъ при похвальномъ поведеніи и добронравіи, наградить первыхъ пять чинами титулярныхъ совѣтниковъ и послѣднихъ двухъ чинами коллежскихъ секретарей и, согласно желанію, ихъ опредѣлить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ».

Изъ этого же отношенія явствуетъ, что «государю императору угодно было повелѣть, на случай немѣня вакацій, производить изъ нихъ титулярнымъ совѣтникамъ каждому по 800 руб., а коллежскимъ секретарямъ по 700 руб. въ годъ изъ государственнаго казначейства впредь до помѣщенія ихъ на мѣста съ жалованьемъ». Въ заключеніе кн. Голицынъ просилъ о производствѣ этого жалованья съ 10-го же іюня ¹⁾. Въ этотъ день, какъ извѣстно, происходило торжество перваго лицейскаго выпуска.

2) Сообщение управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Нессельрода, министру финансовъ отъ 14 іюня 1817 г. за № 5384, изъ котораго видно, что 13 іюня 1817 г. состоялся высочайшій указъ, согласный съ вышеприведеннымъ представленіемъ.

3) Присяжный листъ. Подъ печатнымъ текстомъ «Клятвеннаго обѣщанія» находится собственноручная подпись Пушкина: «По сей формѣ присягалъ вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 10-го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ». Ниже: «Къ присягѣ приводилъ сенатскія церкви священникъ Никита Полухтовичъ. 1817 года. Іюня 16 дня. При сей присягѣ свидѣтелемъ былъ оной коллегіи экзекуторъ коллежскій совѣтникъ Константиновъ».

4) Прошеніе Пушкина на высочайшее имя, поданное 3 іюля 1817 г., объ отпускѣ по 15 число сентября въ Псковскую губернію «для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ ²⁾».

5) Паспортъ отъ 8 іюля 1817 г., выданный изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и подписанный гр. Нессельродомъ (за № 6155) согласно вышеупомянутому прошенію.

Изъ этого отпуска Пушкинъ вернулся ранѣе срока. Уже 1 сентября писалъ онъ въ Москву кн. П. А. Вяземскому: «...я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи. Я очень недавно пріѣхалъ въ Петер-

¹⁾ См. Дѣла Моск. Гл. А. М. И. Д. 1817. IV, 1, № 17.

²⁾ Тамъ-же, 1817, IV, 14, № 11.

бургъ и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, т. е. для Вяземскаго. Не знаю, сбудется ли мое желаніе... ¹⁾».

6) Прошеніе Пушкина на высочайшее имя, поданное 9 іюля 1819 г., объ отпускѣ въ «здѣшнюю» (т. е. С.-Петербургскую) губернію на 28 дней «по собственнымъ дѣламъ».

7) Паспортъ 10 іюля 1819 г., выданный изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и подписанный гр. Нессельродомъ (за № 4086) согласно вышеуказанному прошенію. На верху прошенія помѣта: «возвратился».

Время этихъ двухъ документовъ не совпадаетъ съ свидѣтельствами частной переписки Пушкина ни по времени, ни по мѣсту его поѣздки этого года. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ отпускъ онъ писалъ Вас. Вас. Энгельгардту:

Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнистыя лица огорода,
Озеръ пустынныхъ берега ²⁾
И деревенская свобода...
Дай руку мнѣ. Приѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября.

Тогда же писалъ Пушкинъ въ посланіи къ А. Ѡ. Орлову, отсѣтовавшему ему поступить въ военную службу:

Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ;
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ,

Очевидно, отпускъ въ Петербургскую гѣб. на 28 дней былъ одною

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. 8, 1882 г., VII, 3.

²⁾ Кстати объ этихъ озерахъ. Въ стих.: «Деревня», написанномъ, какъ известно, во время этого пребывания въ Михайловскомъ, Пушкинъ снова упоминаетъ ихъ:

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда....

Михайловская усадьба расположена къ сѣверной сторонѣ на краю обрыва, внизу котораго простирается озеро Лучаново на пространствѣ 150 десятинъ, а неподалеку (къ западу отъ усадьбы) другое озеро — Малемецъ, десятинъ въ 8.

Л. П.

формальностию. Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское въ этомъ году, не дождавшись отпуска, такъ какъ въ самый день подачи о немъ прошенія (вѣроятно, порученной кому-нибудь изъ пріятелей), т. е. 9 іюля, уже послалъ изъ Михайловскаго письмо А. И. Тургеневу. Онъ кончаетъ это письмо шуткою: «Препоручаю себя вашимъ милостямъ и прошу камергера Don Vazile забыть меня, по крайней мѣрѣ, на три мѣсяца ¹⁾».

8) Приказъ гр. Нессельрода о выдатѣ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, «коллежскому секретарю Пушкину, отправляемому къ главному попечителю колонистовъ южнаго края Россіи, генераль-лейтенанту Инзову, выдать на проѣздъ тысячу руб. ассигнаціями изъ наличныхъ въ коллегіи на курьерскія отправленія денегъ», мая 4 дня 1820 г. ²⁾.

Слѣдующее официальное, утвержденное государемъ, письмо, которое повезъ съ собою Пушкинъ въ Екатеринославъ, подтверждаетъ побудительную причину къ высылкѣ его изъ столицы. Причина эта донынѣ была извѣстна изъ Записокъ И. И. Пущина со словъ бывшаго директора Царскосельскаго лицея Энгельгардта ³⁾. Прилагаемое нами официальное письмо причиную ссылку указываетъ «нѣсколько поэтическихъ піесъ, въ особенности же оду на вольность», которая тутъ же вызываетъ похвальный отзывъ за свои литературныя красоты. То же письмо указываетъ и на главныхъ заступниковъ за Пушкина—Карамзина и Жуковского. Въ яркой характеристикѣ юноши, сообщаемой здѣсь Инзову, нельзя не видѣть сужденія этихъ людей, уже провидѣвшихъ въ немъ великаго поэта въ будущемъ. Конечно, не иначе, какъ ихъ авторитетомъ, начальству было внушено то же мнѣніе. Оно же побудило выбрать для руководствованія Пушкинымъ такое лицо, какимъ былъ Инзовъ, и, не смотря на поступки, вызвавшіе кару, привлекло настолько вниманіе министра къ Пушкину, что у него является мысль дать Пушкину мѣсто при себѣ. Вотъ это любопытное письмо гр. Нессельрода или, лучше сказать, статсъ-секретаря гр. Ив. Антоновича Каподистрии къ Инзову:

¹⁾ Соч. Пушкина. VII, 59.

²⁾ См. Дѣла М. Гл. А. М. И. Д. 1820 г. IV, 6, № 1.—Видъ этотъ и былъ выданъ 6-го мая, какъ свидѣтельствуеть г. Анненковъ (Матер., 1855, стр. 70). При дѣлахъ архива вида этого нѣтъ.

³⁾ „Встрѣтившись съ нимъ (съ Энгельгардтомъ) въ Царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройти съ собою. „Энгельгардтъ“, сказалъ онъ ему, „Пушкина надобно сослать. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами“. (Зап. Пущина, 528).

9) Projet de lettre du général Inzoff à Odessa.

C'est mr. Alexandre Pouschkin, élève du Lycée de Zarskole Sélo et attaché depuis peu au département des affaires étrangères, qui aura l'honneur de remettre la présente (lettre) à Votre Excellence.

Elle vient, mon général, placer ce jeune homme sous vos auspices et vous demander pour lui Votre bienveillante protection.

Permettez moi de vous donner quelques détails à son égard.

Abreuvé de chagrins durant toute son enfance, le jeune Pouschkin quitta la maison paternelle sans éprouver des regrets. Son cœur vide de toute affection filiale ne pût ressentir que la passion de l'indépendance. Cet élève annonça de bonne heure un génie extraordinaire. Ses progrès au Lycée furent rapides, son esprit se fit admirer, mais son caractère paraît avoir échappé à la vigilance des instituteurs ¹⁾.

Il entra dans le monde fort d'une imagination ardente, mais faible de l'absence la plus complète de ces sentiments intérieurs, qui tiennent lieu des principes, tant que l'expérience n'a point fait notre véritable éducation.

Il n'y a pas d'excès auquel ce malheureux jeune homme ne se soit livré—comme il n'y a pas de perfection à laquelle il ne puisse atteindre par la superiorité transcendante des ses talents.

C'est à ses productions poétiques qu'il doit une espèce de célébrité des fautes très graves et des amis respectables, qui lui ouvrent enfin la voie du salut, s'il en est encore temps, et s'il se décide à la suivre.

Quelques morceaux de poésie et surtout une ode sur la liberté dirigèrent l'attention du gouvernement vers mr. Pouschkin.

Au milieu des plus grandes beautés de conception et de style cette dernière pièce signale des principes dangereux puisés à l'école du temps ou, pour mieux dire, dans ce système d'anarchie que la mauvaise foi appelle le système des droits de l'homme, de la liberté et de l'indépendance des peuples.

Pendant m-rs de Karamsin et de Joukowsky ayant eu connais-

¹⁾ Въ лицейскихъ документахъ сохранились отзывы объ успѣхахъ и поведеніи Пушкина за первое время пребыванія его въ лицей. До 1816 г. замѣчанія эти были, такъ сказать, описательнаго характера; послѣ было принято писать краткую оцѣнку. Вотъ отзывы о поведеніи: „Мало постоянства и твердости въ его нравѣ; словоохотенъ, остроуменъ; примѣтно въ немъ и добродушіе, но вслѣдствіе стъ гнѣвомъ, легкомысленъ“ (Пилецкій). „Легкомысленъ, вѣтренъ, неопратенъ, нерадивъ; впрочемъ—добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи“ (Чириковъ, отъ 30 сент. 1813 г.). См. Историч. очеркъ имп. бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго, лицея. 1861. Приложение VIII. Д. II.

sance des dangers auxquels s'exposait le jeune poète, se hâtèrent de lui offrir leurs conseils, lui firent reconnaître ses erreurs et le portèrent à prendre l'engagement solennel de les abjurer pour toujours.

Mr. Pouschkin paraît corrigé—si toutefois on en peut croire ses larmes et ses protestations.

Au reste ses protecteurs pensent, que son repentir est sincère, qu'en l'éloignant de S. Pbg. pour quelque temps, en lui donnant du travail et en l'entourant de bons exemples, on peut en faire un excellent serviteur de l'état, ou au moins un homme de lettres de la première distinction.

C'est pour répondre à leurs vœux que l'Empereur m'autorise à donner un semestre au jeune Pouschkin et à Vous le recommander. Il sera attaché à Votre personne, mon général, et travaillera dans votre chancellerie comme surnuméraire. Son sort va dépendre du résultat de vos bons conseils.

Veillez donc lui en donner. Veillez éclairer son inexpérience en lui répétant que les qualités de l'esprit sans les qualités du cœur sont presque toujours un avantage funeste et que trop d'exemples nous prouvent que des hommes doués d'un beau génie, mais qui n'avaient pas cherché dans la religion et dans la morale un preservatif contre de dangereux écarts ont fait à la fois leur propre malheur et le malheur de leurs concitoyens.

Mr. Pouschkin paraît vouloir suivre la carrière diplomatique et l'a commencé aux bureaux du Département.

Je ne demande pas mieux que de le placer auprès de moi, mais il n'obtiendra cette grâce que par Votre entremise et lorsque Vous prononcerez qu'il la mérit.

Vous ne vous attendiez pas à une semblable commission. Si elle Vous gêne, prenez Vous en à la bonne et légitime opinion qu'on a de Vous.

Agréés etc.

На подлинномъ рукою императора Александра I написано:

«Быть по сему».

Appr. à Zarskoïe Sélo, le 4 mai 1820. Sign. à S.-Pétersbourg,
le 5 mai 1820.

Exp. par M-r Pouschkin.

(Переводъ). Г. Пушкинъ, воспитанникъ царскосельскаго лицея, причисленный къ департаменту иностранныхъ дѣлъ, будетъ имѣть честь передать сіе (письмо) вашему превосходительству.

Письмо это, генералъ, имѣетъ цѣлю просить васъ принять этого молодого человѣка подъ ваше покровительство и просить вашего благосклоннаго попеченія.

Позвольте мнѣ сообщить вамъ о немъ нѣкоторыя подробности.

Исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство—страстное желаніе независимости. Этотъ ученикъ уже рано проявилъ гениальность необыкновенную. Успѣхи его въ школахъ были быстры. Его умъ вызывалъ удивленіе, но характеръ его, кажется, ускользнулъ отъ взора наставниковъ.

Онъ вступилъ въ свѣтъ сильнымъ пламеннымъ воображеніемъ, но слабый полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя служатъ замѣною принципамъ, пока опытъ не успѣетъ дать намъ истиннаго воспитанія.

Нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ—какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій.

Поэтическимъ пронаведеніямъ своимъ онъ обязанъ извѣстнаго рода славою, значительными заблужденіями и друзьями, достойными уваженія, которые открываютъ ему, наконецъ, путь къ спасенію, если это еще не поздно и если онъ рѣшится ему послѣдовать.

Нѣсколько поэтическихъ пьесъ, въ особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина вниманіе правительства.

При величайшихъ красотахъ концепціи и слога, его послѣднее произведеніе запечатлѣно опасными принципами, навѣянными направленіемъ времени или, лучше сказать, той анархической доктриной, которую по недобросовѣстности называютъ системою человѣческихъ правъ, свободы и независимости народовъ.

Тѣмъ не менѣе гг. Карамзинъ и Жуковский, освѣдомившись объ опасностяхъ, которымъ подвергся молодой поэтъ, послѣдили предложить ему свои совѣты, привели его къ признанію своихъ заблужденій и къ тому, что онъ далъ торжественное обѣщаніе отречься отъ нихъ навсегда.

Г. Пушкинъ кажется исправившимся, если вѣрить его слезамъ и обѣщаніямъ. Однако, эти его покровители полагаютъ, что его раскаяніе искренне, и что, удаливъ его на нѣкоторое время изъ Петербурга, доставивъ ему занятіе и окруживъ его добрыми примѣрами, можно сдѣлать изъ него прекраснаго слугу государству или, по крайней мѣрѣ, писателя первой величины.

Отвѣчая на ихъ мольбы, императоръ уполномочиваетъ меня дать молодому Пушкину отпускъ и рекомендовать его вамъ. Онъ будетъ прикоман-

дированъ къ вашей особѣ, генералъ, и будетъ заниматься въ вашей канцеляріи, какъ сверхъ-штатный. Судьба его будетъ зависѣть отъ успѣха вашихъ добрыхъ совѣтовъ.

Соблаговолите же дать ему ихъ. Соблаговолите просвѣтить его неопытность, повторяя ему, что всѣ достоинства ума безъ достоинствъ сердца почти всегда составляютъ преимущество гибельное, и что слишкомъ много примѣровъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что люди, одаренные прекрасными дарованіями, но не искавшие въ религіи и нравственности предохраненія отъ опасныхъ уклоненій, были причиною несчастій какъ своего собственнаго, такъ и своихъ согражданъ.

Г. Пушкинъ, кажется, жаждетъ избрать дипломатическое поприще и началъ его въ департаментъ.

Не желаю ничего лучшаго, какъ дать ему мѣсто при себѣ, но онъ получить эту милость не иначе, какъ черезъ ваше посредство и когда вы скажете, что онъ ея достоинъ.

Вы не ожидали такого порученія. Если оно будетъ для васъ стѣснительно, то пеняйте на то доброе и заслуженное мнѣніе, которое о васъ имѣютъ.

Примите и проч.

10) Проектъ письма Каподистрія къ генералу Инзову отъ 13-го апрѣля 1821-го года на русскомъ языкѣ:

«Нѣсколько времени тому назадъ отправленъ былъ къ в. п.—ву молодой Пушкинъ. Не имѣя никакихъ извѣстій о его службѣ и поведеніи, желательно, особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, узнать искреннее сужденіе ваше, милостивый государь мой, о семъ юношѣ, повинуется-ли онъ теперь внушенію отъ природы добраго сердца, или порывамъ необузданнаго и вреднаго воображенія.

Въ ожиданіи отвѣта вашего» и проч.

На подлинномъ рукою Государя Императора написано:

«Быть по сему».

«Лайбахъ, апрѣля (13-го) 25-го дня 1821 г.» Подп. и отправ. съ ст. сов. Пизани.

Характеристиченъ отвѣтъ г. Инзова. Въ немъ видѣнъ человекъ, въ которомъ честное исполненіе служебныхъ обязанностей не стояло въ противорѣчіи съ его добрыми чувствами. Въ каждой строкѣ этого письма видѣнъ человекъ, не только полюбившій Пушкина, но въ своемъ служебномъ донесеніи не позабывшій, что онъ имѣетъ дѣло съ поэтомъ. Припомнимъ, какъ самъ Пушкинъ понималъ своего новаго начальника и характеризовалъ его. «Генералъ Инзовъ», писалъ Пуш-

книзь, «довѣряеть благородству чувствъ, потому что самъ имѣеть ихъ; не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергается колкости, потому что онъ со всеми вѣжливъ».

Живныя свидѣтельства подтверждаютъ также, что отношенія Инзова къ Пушкину были не столько начальническія, сколько отеческія. Такъ, напримѣръ, укоряя его за какую нибудь проказу, Инзовъ говаривалъ ему добродушно: «Свернуть тебѣ голову, Александръ Сергѣевичъ!»¹⁾ Уже тотчасъ послѣ прибытія Пушкина изъ Петербурга, Инзовъ беретъ на себя отвѣтственность, отпуская порученнаго ему юношу съ Раевскими на Кавказъ, очень хорошо понимая, какъ благотворно должна подѣйствовать на него жизнь среди такого почтеннаго семейства. По прибытіи Пушкина въ Кишиневъ, гдѣ онъ поселился было на особой квартирѣ²⁾, Инзовъ перевелъ его къ себѣ въ домъ. Съ большимъ тактомъ удалялъ онъ его отъ нензбѣжныхъ при его характерѣ столкновеній. Такъ, въ сообщенныхъ К. С. воспоминаніяхъ молдавскаго помѣщика К. И. Пр—ла, жившаго въ Кишиневѣ одновременно съ Пушкинымъ, рассказанъ случай о дуэли, предупрежденной Инзовымъ, — а на другой день Пушкина уже не было въ Кишиневѣ.

Въ виду особенной важности, которую имѣеть личность генерала Инзова, этого достойнаго воспитанника московскаго университетскаго благороднаго пансіона, слѣдующій отвѣтъ его на запросъ о Пушкинѣ получаетъ особенный интересъ.

Секретное.

Апрѣля 28-го дня 1821 г.

Кишиневъ.

11)

«Милостивый государь, графъ Иванъ Антоновичъ! На почтеннѣйшій отзывъ вашего сіятельства отъ (14-го) 26-го апрѣля, я пріемлю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что присланный ко мнѣ изъ С.-Петербурга коллежскій секретарь Пушкинъ, живя въ одномъ со мной домѣ, ведетъ себя хорошо, и при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ не оказываетъ никакого участія въ сихъ дѣлахъ. Я занялъ его переводомъ на російскій языкъ составленныхъ по французски молдавскихъ законовъ, и тѣмъ, равно другими упражненіями по службѣ, отнимаю способы къ праздности.

Онъ, побуждаясь тѣмъ же духомъ, коимъ исполнены все парнасскіе жители къ ревностному подражанію нѣкоторымъ писателямъ, въ

¹⁾ „Общезаним. Вѣстникъ“ 1857 г., № 11, стр. 419.

²⁾ Въ мазанкѣ русскаго поселенца Ивана Николаева.

разговорахъ своихъ со мною обнаруживаетъ иногда пѣтлическія мысли. Но я увѣренъ, что лѣта и время образуютъ его въ семь случаевъ и опытомъ заставятъ признать неосновательность умозаключеній, посѣянныхъ чтеніемъ вредныхъ сочиненій и принятыми правилами вышшняго столѣтія.

Въ бытность его въ столицѣ, онъ пользовался отъ казны 700 рублями на годъ; но теперь, не получая сего содержанія, и не имѣя пособій отъ родителя, при всемъ возможномъ отъ меня вспомоществованіи терпитъ, однако-жъ, иногда нѣкоторый недостатокъ въ приличномъ одѣяніи. По сему уваженію я долгомъ считаю покорнѣйше просить распоряженія вашего, милостивый государь, къ назначенію ему отпуска здѣсь того жалованья, какое онъ получалъ въ С.-Петербургѣ.

Ожидая на сіе благосклоннаго увѣдомленія вашего сіятельства, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Инзовъ».

Наверху помѣта о полученіи: «7600.—1 Мау 1821».

Вслѣдствіе этого письма Инзова, ему было выслано для Пушкина жалованье за майскую и сентябрьскую треть 1820 г. и за январскую треть 1821 г. по расчету изъ 700 руб. въ годъ (отнош. гр. Нессельрода, отъ 10-го іюня 1821 г., № 3,768). Содержаніе это высылалось каждую треть, а именно: по январскую треть 1823 г. включительно—Ив. Никитичу Инзову (отнош. гр. Нессельрода отъ 10-го іюня 1823 г., № 3,794); за сентябрьскую треть 1823 г.—гр. Мих. Сем. Воронцову (отнош. гр. Нессельрода отъ 11-го января 1824 г., № 193), при чемъ росписка датирована: «Одесса... февраля 1824 года». Подписи Пушкина вѣтъ и сдѣлана помѣта, что росписка у казначея канцеляріи при книгѣ. Гдѣ и когда получено жалованье за майскую треть 1823 г.—изъ дѣла не видно.

12) Французское письмо Пушкина (истыканное, какъ это дѣлалось во время заразныхъ эпидемій) отъ 13 января 1823 г., изъ Кашинева, къ гр. Нессельроду, съ просьбою объ отпускѣ въ Петербургъ, «куда призываютъ его дѣла семейства, котораго онъ не видалъ три года»,—на два или на три мѣсяца. Вотъ это письмо, писанное Пушкинымъ собственноручно:

Janvier 13, 1823. Kischinef.

«Monsieur le Comte, attaché par ordre de Sa Majesté auprès des monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission expresse venir à Pétersbourg, où m'appellent les affaires d'une famille, que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à votre Excellence pour la supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois. J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Pouschkine».

13) Проектъ отношенія гр. Нессельрода отъ 27 марта 1823 г. изъ С.-Петербурга къ г. Инзову:

«Находящійся при вашемъ превосходительствѣ коллежскій секретарь Пушкинъ отнесся ко мнѣ письменно объ испрошеніи ему отпуски для свиданія съ семействомъ.

Вслѣдствіе доклада моего о семъ государю императору, его величество сонзволилъ приказать мнѣ увѣдомить г-на Пушкина чрезъ посредство вашего превосходительства, что онъ нынѣ желаемого позволенія получить не можетъ.

О чемъ поспѣшая извѣститъ ваше пр—во», etc. etc. etc.

Одобрено.

(Подписалъ): „гр. Нессельродъ. 27 марта 1823 г. въ С.-Петербургѣ“.

Отправлено изъ дежурства того же числа.

Приложеніе: L'initiative est ci-jointe.

При этомъ отношеніи приложенъ подлинный документъ:

14) Докладъ гр. Нессельрода государю Александру I, 21 февраля 1823 г., въ С.-Петербургѣ.

A Sa Majesté l'Empereur. Le jeune Pouschkine qui se trouve placé, par ordre de Votre Majesté Impériale, auprès de m-r le g-l Insoff m'adresse la lettre ci-jointe pour 'obtenir la permission de se rendre à Pétersbourg et y revoir une famille dont il est séparé depuis trois ans.

S.-Pétersbourg, le 21 Février 1823.

Помѣта: «отказать».

15) Увѣдомленіе гр. Нессельрода іюля 8 дня 1824 г. о высочайшемъ повелѣніи «находящагося въ вѣдомствѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ коллежскаго секретаря Пушкина уволить все отъ службы» ¹⁾).

16) Подлинное письмо отъ 12 августа 1824 г. (за № 218) изъ Симферополя намѣстника гр. М. С. Воронцова къ гр. Нессельроду о высылкѣ Пушкина во Псковъ.

Вотъ это письмо:

«Милостивый государь, графъ Карлъ Васильевичъ, вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства отъ 11 іюля, полученнаго мною въ отсутствіе мое изъ Одессы, я предписывалъ г. одесскому градоначальнику о высылкѣ въ Псковъ коллежскаго секретаря Пушкина, о чемъ предувѣдомилъ и г. псковскаго гражданскаго губернатора.

Нынѣ г. градоначальникъ доноситъ мнѣ, что Пушкинъ въ городъ Псковъ отправленъ. Списокъ съ представленія ко мнѣ по сему градоначальника и подлинную подписку препровождаю при семъ къ вамъ, милостивый государь, покорнѣйше прошу о возвратѣ 389 р. 4 к., выданныхъ Пушкину на прогоны.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга гр. М. Воронцовъ».

№ 218, 12 августа 1824 г. Симферополь, его сіятельству графу К. В. Нессельродъ.

Помѣта: 23 августа 1824 г.

17) Списокъ съ донесенія г. одесскаго градоначальника, отъ 29 іюля 1824 г. за № 4,567, новороссійскому генераль-губернатору и полномочному намѣстнику Бессарабской области.

«Вслѣдствіе повелѣнія вашего сіятельства о коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ имѣю честь довести:

Высочайшая государя императора воля о немъ мною лично ему объявлена. Онъ далъ подносимую при семъ подписку и завтрашній день отправляется отсюда въ городъ Псковъ по данному отъ меня маршруту чрезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Бременчугъ, Черниговъ и Витебскъ. На прогоны къ мѣсту назначенія, по числу верстъ 1.621, на три лошади, выдано ему денегъ 389 р. 4 к.

¹⁾ См. Дѣла моск. гл. арх. М. И. Д. 1824 г. IV, 13, № 19.

Объ отъѣздѣ отсюда Пушкина я вмѣстѣ съ симъ извѣщаю г. псковскаго гражданскаго губернатора. Маршрутъ сей до Кіева не касается ¹⁾).

Вѣрно: Правитель канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Казначеевъ».

18) Къ предыдущему документу присоединена подлинная подписка, взятая съ Пушкина:

«Нижеподписавшійся симъ обязывается, по данному отъ г. одесскаго градоначальника маршруту, безъ замедленія отправиться изъ Одессы къ мѣсту назначенія въ губернскій городъ Псковъ, не останавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу, а по прибытіи въ Псковъ явиться лично къ г-ну гражданскому губернатору. Одесса, 29 дня 1824 г. Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ.

По маршруту отъ Одессы до Пскова исчислено верстъ 1.621. На сей путь прогонныхъ на три лошади триста восемьдесятъ девять рублей четыре копейки получилъ коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ».

19) Изъ отношенія отъ гр. Нессальрода къ гр. Воронцову отъ 26 декабря 1824 г. за № 8,429 видно, что Пушкину было выдано и послѣднее причитавшееся жалованье съ 1 мая по 8 іюля 1824 г., т. е. по день увольненія его вовсе отъ службы.

20) Запросъ директора канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго величества его превосходительству Емельяну Александровичу Кудрявскому отъ 21 іюня 1825 г. за № 827, подписанный П. Бибиковымъ, съ помѣтою сверху: «нужное», о томъ: «въ какомъ чинѣ состоитъ числящійся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ Александръ Пушкинъ, равноѣрно, было ли о немъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ сообщено что либо псковскому гражданскому губернатору».

21) Отвѣтъ канцеляріи государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ на запросъ г. директора канцеляріи начальника главнаго штаба (отъ 22 іюня 1825 г. за № 4,007) на предыдущій запросъ: «коллежскій секретарь Пушкинъ по высочайшему именному его и. в. указу

¹⁾ Въ Кіевѣ и Каменку (Кіевской губ., Чигиринскаго повѣта, въ 25 верст. отъ мѣстечка Смѣлы), имѣніе матери ген. Н. Н. Раевского (во второмъ бракѣ Давыдовой), Пушкинъ былъ отпускаемъ ген. Инзовымъ неоднократно. Тамъ видѣлся Пушкинъ съ нѣкоторыми изъ лицъ, прикосновенныхъ въ дѣлу 14 декабря 1825 г. Д. П.

Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ въ заботахъ о Гоголѣ

1846 г.

Письмо Аксакова къ Петневу.

„М. г. Петръ Александровичъ! Хотя я видѣлся съ вами только одинъ разъ въ жизни, но у насъ съ вами такъ много общихъ друзей, мнѣній и основаній, что я пишу въ вамъ какъ къ старинному пріятелю. Вы, вѣроятно, также, какъ и я, замѣтили съ нѣкотораго времени особенное религиозное направленіе Гоголя; впоследствии оно стало принимать характеръ странный, и, наконецъ, достигло такого развитія, которое я считаю если не умственнымъ, то нервнымъ разстройствомъ. Вы вѣрно получили предувѣдомленіе въ 4 или 5 изданію Ревизора, а также новую его развязку. Все это такъ ложно, странно и даже нелѣпо, что совершенно не похоже на прежняго Гоголя, великаго художника. Я слышалъ, что вы печатаете какое-то его сочиненіе ¹⁾, въ которомъ также много подобныхъ несообразностей: книга еще не вышла, а неблагопріятные слухи уже бродятъ по всей Россіи, и уже вашъ литературный совѣстдраль, баронъ Брамбеусъ, торжественно объявилъ, что Гомеръ впалъ въ мистицизмъ. Если вы, хотя не вполне, раздѣляете мое мнѣніе, то размыслите, ради Бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадимъ его на поруганіе многочисленнымъ врагамъ и недоброжелателямъ. Если милосердый Богъ возвратитъ Гоголю прежнее его духовное и тѣлесное здравіе и онъ спроситъ насъ: „Друзья мои, я былъ боленъ, но гдѣ же былъ вашъ разумокъ?“—что мы станемъ отвѣчать ему?

¹⁾ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Я. Г.

Итакъ, мое мнѣніе состоитъ въ слѣдующемъ: книгу, вѣроятно вами уже напечатанную, если слухи о ней справедливы, не выпускать въ свѣтъ, а предувѣдомленіе въ Ревизору и новой его развязки совсѣмъ не печатать; вамъ, мнѣ и С. П. Шевыреву написать къ Гоголю съ полною откровенностью наше мнѣніе. Если онъ его не послушаетъ, то мы откажемся отъ его порученій, пусть онъ находитъ себѣ другихъ исполнителей. По крайней мѣрѣ, мы сдѣлаемъ, что можемъ.

Почти уже два мѣсяца, я страдаю такою мучительною болѣзнию, что и теперешнее письмо мое есть торжество дружбы надъ физическою болью. Болѣе диктовать не въ силахъ.

Примите увѣреніе въ душевномъ почтеніи и преданности вашего покорнѣйшаго слуги. Сергѣй Аксаковъ.

Р. S. Сердечно благодарю васъ за ваше обязательное вниманіе въ моему сыну Ивану. Во всякомъ случаѣ, имя моей дочери должно быть исключено изъ числа благотворительницъ, назначенныхъ Гоголемъ. О томъ же просить васъ, черезъ меня, Катерина Александровна Свербеева“.

(Приписка рукою самого С. Т. Аксакова.)

„Мой адресъ:

Въ Леонтіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Рюмина“.

„Мнѣ перечли это письмецо и я вижу, какъ оно не полно, какъ мысли и убѣжденія мои въ немъ не развиты и какъ оно должно показаться вамъ неяснымъ, особенно потому, что вы меня совсѣмъ не знаете. Но я не въ силахъ этого сдѣлать и посылаю письмо какъ оно есть“.

Помѣта: Пол. 29 ноября 1846 г.—Отв. 30 ноября 1846 г.

Примѣчаніе: Подлинникъ писанъ постороннею рукою, подъ диктовку С. Т. Аксакова.

Сообщ. Я. К. Гротъ.

ПАСТОРЪ ЗЕЙДЕРЪ ПОСЛѢ И ДО ЕГО ССЫЛКИ ВЪ СИБИРЬ:

† 24-го іюля 1834 г.

Въ XXI и XXII томахъ „Русской Старины“ за 1878 годъ помѣщены двѣ статьи о страданіяхъ и смѣлѣ въ Сибирь пастора Фридриха Зейдера, сосланнаго по доносу въ 1800 году при императорѣ Павлѣ I-мъ и помилованнаго императоромъ Александромъ I-мъ въ 1801 году, съ возвращеніемъ въ Петербургъ и дарованіемъ прежняго пасторскаго сана, 2-го января 1802 г. (т. XXI, стр. 489). По поводу этихъ статей привожу изъ моихъ воспоминаній нѣсколько, не лишенныхъ интереса, подробностей. А. И. Штукенбергъ.

I.

Судьба сблизила меня, въ годы моей молодости, съ пасторомъ Зейдеромъ, этимъ многострадальнымъ старикомъ, сблизила послѣ претерпѣннаго имъ, совершенно невинно, тяжкаго испытанія, именно въ 1823 — 1824 годахъ, когда онъ жилъ уже на покоѣ, служа пасторомъ при лютеранской церкви въ Гатчинѣ. Поэтому мнѣ стали извѣстны нѣкоторыя подробности его превратной жизни и личность самого пастора Зейдера, съ чѣмъ намѣреваюсь подѣлиться съ читателями «Русской Старины», на которыхъ, какъ и на современниковъ, катастрофа съ невиннымъ страдальцемъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе и между тѣмъ показала: до чего человекъ, проникнутый христіанствомъ, могъ возвыситься духомъ надъ плотію, приравнивая себя къ древнимъ мученикамъ за Христа Спасителя.

Вотъ какъ произошло мое знакомство съ пасторомъ Зейдеромъ и его семействомъ.

Въ 1823 году семейство наше жило въ гор. Вышнемъ-Волочкѣ,

Тверской губерніи, гдѣ служилъ отецъ мой Иванъ Ѳеодоровичъ Штукенбергъ, инженеръ путей сообщенія. Мнѣ было тогда 7 лѣтъ, а моему старшему брату Ѳеодору 11 лѣтъ.

Въ это время прибылъ въ Вышній-Волочекъ уѣзднымъ врачомъ молодой медикъ Карлъ Ѳеодоровичъ Зейдеръ—сынъ пострадавшаго пастора Зейдера; какъ нѣмецъ, онъ вскорѣ сблизился съ нашимъ семействомъ, такъ какъ и отецъ мой былъ тоже нѣмецъ, прїѣхавшій въ 1807 году служить въ Россію изъ Ольденбурга, и мать моя была нѣмка, дочь доктора Рудольфа.

Въ это время моимъ родителямъ наступила пора подумать о правильномъ ученіи моего старшаго брата Ѳеодора, для чего Вышній-Волочекъ не представлялъ надлежащихъ средствъ, и брата хотѣли для этого отправить въ Петербургъ въ одинъ изъ хорошихъ пансіоновъ и объ этомъ совѣтовались съ молодымъ докторомъ Зейдеромъ, недавно оставившимъ столицу. Тутъ Карлъ Ѳеодоровичъ Зейдеръ объяснилъ, что его отецъ пасторъ въ Гатчинѣ и сестра Марья Ѳеодоровна постоянно занимаются обученіемъ дѣтей и для этого берутъ ихъ даже къ себѣ на постоянное жительство или, какъ тогда выражались, на полный пансіонъ, при чемъ онъ такъ расхвалилъ методу своихъ отца и сестры въ воспитаніи и образованіи дѣтей, что родители мои рѣшились отправить къ нимъ не только старшаго сына, но съ нимъ вмѣстѣ и меня. Списались, чрезъ молодаго Зейдера, съ его отцемъ и сестрою, условились обо всемъ и вотъ, послѣ разныхъ приготовленій и многихъ слезъ разлуки, меня съ братомъ Ѳеодоромъ усадили въ коляску и съ нами вмѣстѣ поѣхалъ менторомъ самъ молодой Зейдеръ, принявшій на себя обязанность насъ проводить и сдать своимъ отцу и сестрѣ. Такъ мы простились съ Вышнимъ-Волочкомъ и, бывъ уже въ пути, радовались новому положенію своему, развлекаясь разнообразными дорогами.

Здѣсь встаетъ замѣчу, что впоследствии мы даже породнились съ семействомъ пастора Зейдера, такъ какъ сынъ его, Карлъ Ѳеодоровичъ, въ 1828 году женился на сестрѣ моей матери, Екатеринѣ Густавовнѣ Рудольфъ, и сдѣлался моимъ дядею.

Воспоминанія дѣтства можно сравнить съ живо и вѣрно написанною картиною мнувшаго, которая долго была заброшена, оставаясь въ пренебреженіи гдѣ-то на чердакѣ; но вдругъ картина эта понадобилась, ее вытащили на свѣтъ и что-же?—Когда стали разсматривать, оказалось, что она сильно потерпѣла отъ времени; нѣкоторыя мѣста вытерты и даже вырваны, другія видны какъ въ туманѣ; а за то многія такъ ясны и отчетливы и краски такъ ярки, что кажутся только теперь написанными. Нѣкоторые эпизоды жизни хотя съ про-

бѣлами такъ живы предъ глазами, что помнишь: какъ кто былъ одѣтъ, какъ говорилъ, но забываешь его лицо; то нить жизни представляется день за день безъ перерыва, то забываются цѣлые мѣсяцы. Если вообще вздумаетъ вспомнить выдающагося человѣка, то неразлучно онъ представляется съ окружающею обстановкой, безъ которой личность его трудно себѣ выяснить. Въ концѣ концовъ — худое забывается и хорошее помнится лучше!

Съ этимъ взглядомъ прошу принять и мои воспоминанія, за время, которое я съ братомъ пробылъ въ Гатчинѣ въ домѣ пастора Зейдера.

И вотъ лѣтомъ 1823 года, кажется въ юнѣ мѣсяцѣ, коляска наша съ менторомъ и двумя мальчиками—мною и братомъ—остановилась въ Гатчинѣ предъ небольшимъ деревяннымъ домомъ; мы вошли въ него, пройдя дворъ черезъ калитку у воротъ, и насъ встрѣтила сперва пожилая дама, съ глубоко впавшими въ орбиты глазами,—очень нарядно одѣтая,—то была Марья Федоровна Зейдеръ, старшая дочь пастора; потомъ вышелъ къ намъ еще довольно бодрый старикъ средняго роста, въ долгополомъ сюртукѣ, съдой, съ особенною прическою, окаймлявшею какъ на картинѣ его добродушное, но морщинастое лицо,—это былъ самъ пасторъ Зейдеръ. Онъ обнялъ сперва сына своего—нашего ментора, потомъ обласкалъ меня и брата; но говорили мы мало и то только съ Марьей Федоровной, такъ какъ пасторъ по русски не говорилъ, а мы съ братомъ иначе не объяснялись, хотя уже умѣли читать и писать по нѣмецки; за то Марья Федоровна свободно говорила по русски, какъ и ея братъ, такъ что я съ моимъ братомъ болѣе всего обращались къ нимъ, особенно къ Карлу Федоровичу, какъ къ знакомому.

При этой первой встрѣчѣ меня болѣе всего заняла прическа пастора Зейдера,—сѣдые волосы его, покрывая всю голову, раздвигались надъ высокимъ лбомъ пробормомъ и, зачесанные въ гладь болѣе назадъ, заканчивались внизу кругомъ головы двумя рядами букалей, въ родѣ двухъ ступенекъ, доходившихъ до ушей. Пастору тогда исполнилось 52 года.

Мы обжились и первымъ дѣломъ: отъ насъ требовали разговора на нѣмецкомъ языкѣ и мы иначе ничего не могли получить, какъ должны были все спрашивать по нѣмецки, что сперва очень насъ затрудняло, но за то черезъ 3—4 мѣсяца мы уже свободно объяснялись на господствовавшемъ въ домѣ пастора языкѣ. Пасторъ былъ ласковъ, а дочь его очень строга; послѣднее сперва огорчало, но потомъ привыкли и познали пользу точности и аккуратности.

Началось ученіе, но меня съ братомъ посадили врознь и я всегда учился въ кабинетѣ самого пастора. Это была небольшая комната

съ двумя окнами на улицу и съ одной дверью насупротивъ оконъ; въ углу направо у окна стояло бюро пастора съ откидной доской. У этого бюро сидѣлъ Зейдеръ долгіе часы и занимался особенно передъ воскресеньемъ, сочиняя проповѣди; тутъ онъ выслушивалъ уроки отъ меня и брата, который, отвѣтя, уходилъ въ свою комнату. Здѣсь кстати замѣтить, что пасторъ Зейдеръ тогда писалъ лѣвою рукою, такъ какъ правая у него была сломана во время его несчастнаго путешествія въ Сибирь и дурно залѣчена.

Позади мѣста, гдѣ предъ своимъ бюро сидѣлъ бокомъ къ окну пасторъ, стоялъ между оконъ столикъ и за него-то усаживали меня учиться, такъ что пасторъ сидѣлъ обыкновенно ко мнѣ спиной, что было для меня очень сподручно, такъ какъ позволяло не все смотрѣть въ книгу или въ тетрадь, а глазѣть по сторонамъ.

Въ комнатѣ нашей царствовала тишина. Скучно было мнѣ такъ сидѣть, но случай далъ мнѣ развлеченіе: разъ я замѣтилъ, что изъ щели на полу вышла мышь и безъ боязни расхаживала около моихъ неподвижныхъ ногъ, такъ какъ мнѣ приказано было сидѣть смирно. На другой день я запасся хлѣбомъ и положилъ мыши корму; она это замѣтила и завела со мною тѣсную дружбу. Такимъ образомъ трое обитателей комнаты—пасторъ, я и мышь, проводили очень пріятно время въ безмолвной бесѣдѣ при сонной тишинѣ, которая изрѣдка прерывалась кашлемъ старика или приходомъ брата и моимъ вставаньемъ отвѣтить наши уроки или показать, что я написалъ, что пугало мою таинственную гостью и заставляло ее скрыватьсь.

Еще въ кабинетѣ пастора занимали меня стоявшія на полу въ углу, у окна, двѣ корзинки съ камнями,—это были минералы, привезенные имъ изъ Сибири. Я разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ: тутъ были куски сердолика, халцедона, горнаго хрустала и агата и разныя руды. Все было сильно покрыто пылью,—и пасторъ о нихъ не говорилъ ни слова, какъ вообще,—сколько слышалъ я и отъ другихъ, — онъ никогда не упоминалъ о своей печальной исторіи и о далекомъ путешествіи. Предупрежденные объ этомъ, мы съ братомъ не смѣли его разспрашивать, особенно я былъ еще очень малъ, чтобы любопытствовать, но братъ Федоръ—постарше меня — узналъ отъ другихъ нѣкоторыя подробности, которыхъ потомъ коснусь. Впрочемъ, пасторъ былъ съ нами очень добръ, говорилъ назидательно и часто давалъ деньги, по нѣсколько грошей, на лакомство, особенно когда поспѣвали яблоки.

Пасторъ Зейдеръ имѣлъ свои причуды—у него былъ при церкви кистеръ (въ родѣ пономаря)—Томасъ, который ему прислуживалъ и дома. По воскресеньямъ Томасъ, послѣ обѣдни, обыкновенно покупалъ

пастору крендель, котораго доставало аккуратному хозяину на завтраки на всю недѣлю, при чемъ ежедневно около полудня онъ отрѣзаль кусокъ и закусываль, удѣляя иногда и мнѣ, — а остальное до другаго дня замыкаль въ стеклянный шкафъ съ книгами. Къ субботѣ всегда оставался остатокъ и тогда онъ призываль своихъ любимцевъ мопса и кота и бросаль этотъ остатокъ имъ на драку, которая причиняла зрителямъ смѣхъ, а дѣйствующимъ царапанье, визгъ и мяуканье. На шумъ прибѣгала иногда Марья Федоровна и гвалтъ удваивался. Но вотъ трогательная черта въ характерѣ пастора: если ему попадались мѣдныя деньги съ буквою П (то есть времени Павла I-го, при которомъ пасторъ пострадалъ), то онъ ихъ откладываль и столбцы этой монеты стояли на выступѣ у печки и онъ ихъ расходоваль только, подавая милостыню нищимъ, которыхъ было не мало въ Гатчинѣ.

Чаще всѣхъ посѣщаль насъ домашній врачъ Деппъ, который одно время ходилъ препоясанный саблею, такъ какъ въ Гатчинѣ развелось много бѣшеныхъ собакъ, и хотя для избѣненія ихъ была отряжена особая команда фурманщичковъ, но въ это время всѣ были въ страхѣ. Убивали безъ разбору всѣхъ собакъ, выбѣгавшихъ на улицу, при чемъ безвинно погибъ и любимый черный мопсъ пастора, очень горевавшаго по своему преданному псу.

Иногда у пастора собирались гатчинскіе бюргера; тогда покупалось съ дюжину бѣлыхъ глиняныхъ трубокъ, какія мы видимъ теперь только на фламандскихъ картинахъ и которыя были тогда въ ходу, не смотря на свою ломкость, и вотъ въ облакахъ кнастера, при распиваніи пива, шла оживленная бесѣда.

Помню еще, что къ пастору часто приносили на домъ чухонцы крестить младенцевъ и тогда появлялся на сцену кистеръ Томась, ставилось на покрытый столъ въ большой комнатѣ оловянное блюдо съ водою и происходило крещеніе на чухонскомъ языкѣ—слышалось: Юмала! Юмала!

Вмѣстѣ со мною и братомъ воспитывалась и жила въ семьѣ пастора дѣвочка лѣтъ 11—Лина, краснощекая и хорошенькая собою; она охранялась подъ особеннымъ крылышкомъ Марьи Федоровны, оберегавшей ее отъ мальчиковъ; но такъ какъ заступница часто уходила въ гости, то мы все-таки съ Линой верѣдко играли и любимая игра была въ свадьбу,—братъ Федоръ былъ женихъ,—Лина невѣста, и я вѣнчалъ ихъ какъ пасторъ, иногда видя какъ вѣнчалъ настоящій пасторъ въ нашей церкви.

Жена пастора, Людвига, была уже давно умершею вслѣдъ за ссылкой мужа, и хозяйство вела дочь—Марья Федоровна. Иногда бы-

вали и бурныя домашнія сцены между пасторомъ и его дочерью. Такъ, Марья Фѣдоровна, какъ сказано, любила ходить въ гости къ сосѣдямъ и очень часто опаздывала къ обѣду, а пасторъ былъ въ этомъ отношеніи пунктуаленъ. Помню, столъ уже былъ давно накрытъ, часъ обѣда насталъ, а хозяйки все еще не было дома; пасторъ ходилъ въ волненіи около стола и сѣтовалъ; наконецъ, послѣ долгаго ожиданія и нерѣдко послышки за нею, являлась Марья Фѣдоровна; тогда пасторъ становился у одного конца стола, а дочь у противоположнаго и начинался крупный разговоръ, который кончался тѣмъ, что подавали супъ, всѣ садились и все забывалось за сладкимъ супомъ, который былъ любимымъ и, какъ нельзя лучше, служилъ примиреніемъ.

Въ это время комендантомъ императорскаго дворца въ Гатчинѣ былъ генералъ Штенгеръ, почтенный, видный собой и еще очень бодрый; онъ жилъ въ самомъ дворцѣ. Генералъ Штенгеръ любилъ и уважалъ пастора Зейдера и если самъ не бывалъ у него, за то часто приглашалъ къ себѣ пастора и Марью Фѣдоровну, а они брали съ собою брата моего и меня, такъ какъ въ семействѣ Штенгера было два мальчика, Фрицъ—воспитанникъ и Васинька—сынъ Штенгера. Первый былъ ровесникъ моему брату Фѣдору, а второй—мнѣ, и мы попарно очень подружились. Для насъ былъ настоящій праздникъ, когда мы отправлялись въ гости къ Фрицу и Васинькѣ, какъ мы выражались, или когда они бывали у насъ. Первое—открывало намъ свободный доступъ во дворцѣ ко всѣмъ его роскошнымъ рѣдкостямъ и параду, а главное въ залъ, гдѣ для царскихъ дѣтей были собраны всевозможныя игры, забавы и развлеченія; тутъ былъ дѣтскій театръ, деревянная для катанья гора, качели, кегли и многое другое. Въ этомъ залѣ въ зимнее и ненастное время предавались мы всевозможнымъ дѣтскимъ забавамъ, разумѣется, подъ надлежащимъ присмотромъ, а лѣтомъ гуляли въ паркѣ и въ зѣринцѣ, заходили у пруда въ подземную галерею подъ грандіознымъ сводомъ, мрачную и такую длинную, что конецъ ея, проведенный подъ дворецъ, скрывался во мракѣ; тутъ мы перекликались съ эхомъ. Второе, когда Фрицъ и Васинька приходили въ гости къ намъ въ домъ пастора, при которомъ былъ большой дворъ, тутъ мы предавались болѣе вольнымъ играмъ на свободѣ; къ этому собирались и другіе знакомые мальчики—сынъ директора воспитательнаго дома Брюмера и нѣкоторые изъ воспитательнаго дома, въ ихъ рыжихъ курткахъ изъ сукна верблюжьей шерсти. Дружнымъ обществомъ, не разбирая, кто былъ аристократъ, кто плебей,—мы составляли одну равную семью. Игры наши были, болѣею частью, воинственныя, а по-просту говоря, раздѣлялись на двѣ стороны:

одна нападала, а другая защищалась. Для этого строили завалы из дровъ, прикрывая тылъ стѣною сарая, и перестрѣливались щепками. Пасторъ Зейдеръ смотрѣлъ на все это снисходительно и со вниманіемъ, не давая намъ увлекаться и горячиться, а если были раненые, то отправлялись на перевязочный пунктъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, которая умѣряла свою строптивость, такъ какъ тутъ играли и комедантскія дѣти. Я былъ еще очень малъ и часто попадалъ въ страдательное положеніе. Храбрѣе всѣхъ изъ нашей компаніи былъ Фрицъ, всегда предводительствовавшій. Личность этого мальчика мнѣ вѣзалась въ память болѣе другихъ: отважный, ловкій, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ; его свѣтлосѣрые глаза были пронипательны и повелительны и покоряли насъ. Изъ этого мальчика вышелъ впоследствии всѣмъ извѣстный энергичный генералъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ; онъ долго сохранилъ дружбу съ моимъ братомъ Ѳедоромъ, хотя они шли въ жизни разными путями, и встрѣчался съ нимъ всегда какъ съ своимъ братомъ. Пріѣзжая въ Петербургъ, всегда его отыскивалъ. Тѣ же отношенія сохранились и у меня съ Васинькой, впоследствии генераломъ, хотя мы съ нимъ рѣдко встрѣчались.

Помню еще важное событіе, когда мы жили у пастора Зейдера въ Гатчинѣ. Насъ внезапно разбудили ночью и наскоро одѣли; пасторъ заботливо успокаивалъ насъ, а Марья Ѳедоровна собирала вещи. Мы недоумѣвали, что это значить, какъ вдругъ раздалось роковое слово—пожаръ! Мы съ братомъ выбѣжали на улицу и во мракѣ ночи увидѣли, что прямо противъ нашей улицы огромный языкъ пламени вырывался изъ-подъ крыши воспитательнаго дома съ правой стороны и клубы дыма, еще чернѣе ночи, подымались къ верху и застилали небо. Скоро огонь обхватилъ все зданіе и пожаръ продолжался потому несь депъ и оно сгорѣло до тла; при этомъ чуть не погибъ самъ директоръ Брюмеръ, — онъ, задыхаясь отъ дыма, былъ уже безъ чувствъ и лежалъ на полу въ комнатѣ; но тамъ отыскалъ его сынъ—нашъ сподвижникъ по играмъ, и отецъ былъ вытащенъ и спасенъ.

Позднѣе я былъ въ Гатчинѣ и на мѣстѣ сгорѣвшаго стараго деревяннаго воспитательнаго дома нашелъ воздвигнутымъ новое прекрасное каменное зданіе, сложное изъ пилты, которое существуетъ и по нынѣ.

Зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 года, по семейнымъ нашимъ обстоятельствамъ, къ намъ въ Гатчино неожиданно пріѣхала наша матушка и взяла меня и брата отъ пастора Зейдера, у котораго мы прожили полтора года и навсегда сохранили добрую память о почтенномъ гуманномъ старикѣ пасторѣ и его дочери, получивъ у нихъ начальное образованіе. Изъ Гатчино насъ повезла мать въ Петер-

бургъ, гдѣ мы нашли еще рѣзкіе слѣды бывшаго огромнаго наводненія 7-го ноября 1824 года, наприимѣръ, въ Коломнѣ на улицѣ еще стояло большое судно—живорыбный садокъ, и продавалось много подмоченныхъ заржавленныхъ ножей и ножницъ по дешевой цѣнѣ. Здѣсь брата Ѳедора отдали сперва въ пансіонъ Эмме, а потомъ опредѣлили въ военно-строительное училище вѣдомства путей сообщенія, а меня мать увезла домой, въ Вышній Волочокъ.

Послѣ я уже не видалъ пастора Зейдера, который жилъ безвыѣздно въ Гатчинѣ, за то я изрѣдка встрѣчался въ Петербургѣ съ Марьей Ѳедоровной—его дочерью, впоследствии вышедшей замужъ за г. Зубакина.

Пасторъ скончался 24-го іюля 1834 года, въ томъ самомъ году, когда я, окончивъ кадетскій курсъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, вышелъ въ офицеры прапорщикомъ, именно, 17-го мая 1834 года. Помню, что, когда я жилъ у пастора, Марья Ѳедоровна показывала намъ его миниатюрный портретъ, срисованный очень хорошо красками на кости, еще до несчастія съ нимъ; конечно, не могу упомянуть черты лица на портретѣ, но помню паудренную голову и довольно выдающійся носъ. Гдѣ теперь этотъ портретъ—не знаю. Не достался ли онъ внукамъ,—сыновьямъ Карла Ѳедоровича Зейдера? Ихъ трое, Ѳедоръ, Николай и Густавъ Карловичи ¹⁾, и внучка Екатерина Карловна, нынѣ монахиня и казначейша въ православномъ монастырѣ въ Вяткѣ. Всѣ четверо еще здравствуютъ и если у когонибудь изъ нихъ портретъ дѣда сохранился,—вѣроятно, подѣлится имъ, дозволивъ отпечатать, въ гравюрѣ, при „Русской Старинѣ“.

Какъ уже сказано, пасторъ Зейдеръ никогда не говорилъ о своей несчастной исторіи; но за то на смертномъ одрѣ молчаніе это отразилось со всей силою въ грезахъ агоніи: ему все казалось, что его ведутъ на казнь, что онъ въ оковахъ и душа его томилась, переживая вновь тяжкія страданія, пока не отлетѣла на вѣчный покой. Такъ рассказывала дочь Марья Ѳедоровна о послѣднихъ часахъ жизни своего достойнѣйшаго родителя.

¹⁾ Николай Карловичъ—полковникъ, раненый въ сраженіи при Алмѣ въ Крыму, теперь воинскій начальникъ въ Пензѣ; Густавъ Карловичъ тоже военный, полковникъ, гдѣ теперь—не знаю, кажется въ Ѳеодосіи, и Ѳедоръ Карловичъ, по специальности лѣсничій, гдѣ теперь—тоже не знаю. Отецъ ихъ медикъ, Карлъ Ѳедоровичъ, умеръ въ Саратовѣ въ 1845 году. А. III.

II.

Разказавъ то, что я зналъ о жизни пастора Зейдера и обстановкѣ ея, послѣ перенесенныхъ имъ бѣдъ, когда онъ жилъ уже на покой въ Гатчинѣ, обласканный вдовствующею императрицею, супругою Павла I, Маріей Ѳедоровной, дававшей ему отъ себя пенсію и домъ для жительства,—коснусь его несчастной исторіи и ссылки въ Сибирь, о чемъ могу сообщить также нѣкоторыя подробности и пролить новый свѣтъ на причину его несчастій,—какъ узналъ отъ брата и что слышалъ въ Сибири, гдѣ я впоследствии находился на службѣ и, прибывъ въ Иркутскъ 2-го августа 1836 г., случайно попалъ на квартиру въ томъ самомъ домѣ, гдѣ останавливался, во время своей ссылки, пасторъ Зейдеръ.

Послѣ пребыванія нашего въ Гатчинѣ у пастора Зейдера, я расстался съ братомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ надолго и если встрѣчался, то на короткое время, такъ какъ воспитывались и потомъ служили мы въ разныхъ мѣстахъ; наконецъ, судьба насъ свела всѣхъ вмѣстѣ на жительство въ нашемъ родномъ Вышнемъ-Волочкѣ, въ 1844 году, гдѣ прожили вмѣстѣ до 1850 года. Тутъ мы часто вспоминали наше житье-бытье у пастора Зейдера въ Гатчинѣ и вотъ что разказалъ мнѣ мой братъ изъ слышаннаго имъ и что, по моему мнѣнію, имѣетъ связь съ несчастной исторіей пастора.

Когда пасторъ Зейдеръ, ничего не чая въ будущемъ, жилъ въ полномъ счастьи въ Лифляндіи въ Ранденѣ, онъ однажды лѣтомъ пошелъ гулять, что часто дѣлалъ, какъ онъ самъ разказываетъ въ письмахъ, чтобы обозрѣвать свои поля; зайдя за селеніе, онъ вдругъ попалъ на слѣдующую сцену, разыгравшуюся на дорогѣ, вдали отъ жилья.

Одинъ его знакомый лифляндскій баронъ, при другомъ товарищѣ прогулки, билъ чухонскаго мальчика, а кругомъ бѣгало испуганное небольшое стадо свиней съ поросятами. Оказалось, что этотъ мальчикъ былъ пастухъ, который гналъ по дорогѣ свою хрюкающую паству и какъ разъ попалъ на встрѣчу гулявшимъ, барону и его товарищу, при чемъ раздавался крикъ и плачь, а неразумныя животныя, расбредясь во всю ширину дороги, загородили путь и попадали подъ ноги проходившимъ. Баронъ осерчалъ и сталъ бить и издѣваться надъ пастухомъ; тутъ пасторъ вступился за послѣдняго, отнял его отъ разсерженнаго барона и наговорилъ ему много неприятныхъ и обидныхъ для его важности словъ при двухъ свидѣтеляхъ.

Оказанное пасторомъ предпочтеніе бѣдному пастуху предъ зна-

комымъ важнымъ барономъ очень оскорбило послѣдняго, но онъ молча удалился, закусивъ губы. Вскорѣ послѣ этого происшествія къ пастору на домъ пришли нѣсколько чухонъ и принесли окрестить младенца, котораго мать держала на рукахъ бережно закутаннымъ. По обыкновенію, было поставлено кистеромъ на столъ блюдо съ водою и началось крещеніе; но пасторъ, читая молитвы, замѣтилъ, что крестимый имъ ребенокъ какъ-то необыкновенно кричитъ не человѣческимъ голосомъ; онъ удивился и подумалъ, не больной ли ребенокъ? Подойдя къ женщинѣ, державшей его на рукахъ, полураскрылъ голову младенца, и каково же было удивленіе священнослужителя, когда онъ увидалъ, вмѣсто ребенка, спеленаннаго поросенка? Пасторъ былъ сильно изумленъ и оскорбленъ такъ, что, прекративъ богослуженіе, тотчасъ послалъ кистера привести кого-то изъ земской полиціи и, составя протоколъ, формально донесъ о такомъ богохульномъ случаѣ. Было произведено слѣдствіе и чухонцы, вызвавшіе крестины, заявили, что они были на такой безобразный поступокъ подвучены и принуждены барономъ, именно тѣмъ самымъ, котораго разбранилъ пасторъ за пастуха. Изъ этого вышла большая непріятность свинскому барону и онъ поклялся за это отомстить пастору Зейдеру.

Вскорѣ послѣ этого разыгралась несчастная исторія съ утраченной пасторомъ книгой Лафонтена ¹⁾, давшей поводъ къ доносу Туманскаго, который причинилъ пастору такъ много бѣдъ.

Насколько все это справедливо—не могу утверждать; но въ самой автобіографіи пастора Зейдера нахожу причины думать, что было еще что-то другое, кромѣ доноса Туманскаго, возбудившее такой неумолимый гнѣвъ императора Павла I. Такъ, въ письмѣ пастора Зейдера (т. XXII, стр. 120) говорится: «что книга эта была кѣмъ-то выкрадена изъ посылки, которая оказалась вскрытою». Далѣе, въ письмѣ пастора, при описаніяхъ, что было съ нимъ послѣ казни (т. XXI, стр. 482), упоминается, «что къ нему подошелъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ и издѣвался надъ нимъ, уже осужденнымъ и опозореннымъ, и называлъ его «якобинцемъ и революціоннымъ проповѣдникомъ, негодяемъ, заслуживающимъ еще разъ быть наказаннымъ кнутомъ!», далѣе пасторъ прибавляетъ: «я зналъ его, т. е. этого барона, еще въ Лифляндіи, гдѣ онъ хотѣлъ приобрести репутацію умнаго человѣка, но слылъ за развратника».

Не былъ ли это именно тотъ самый баронъ, который, смѣ-

¹⁾ Книга эта въ XXI томѣ „Русск. Стар.“, изд. 1878 г., стр. 463, названа: „Gewalt der Liebe“ (Сила любви), а въ XXI т. (стр. 120) „Herold der Liebe“ (Вѣстникъ любви).
А. III.

шавшись на дорогѣ со свиньями, встрѣтился съ пасторомъ на его прогулкѣ въ Ранденѣ, а потомъ устроилъ глумленіе надъ крестинами но, понеся за это, вѣроятно, кару, написалъ, можетъ быть, на пастора Зейдера доносъ съ клеветою, въ родѣ тѣхъ обвиненій, которыми осыпалъ несчастнаго баронъ Унгеръ-Штернбергъ, подойдя къ нему послѣ казни?

Иначе какъ объяснить себѣ безпощадный гнѣвъ Павла I на пастора Зейдера; вообще жестокость императора къ судьбѣ несчастнаго, не смотря на заступничество многихъ уважаемыхъ особъ и въ особенности столь сильнаго тогда при дворѣ графа Палена?

Предоставляю читателямъ «Русской Старины» самимъ обсудить мою догадку, именно, что не было ли на пастора Зейдера другаго обвиненія, болѣе тяжкаго, нежели за запрещенную книгу, особенно еще по тайному доносу на его образъ мыслей и на его проповѣди? Такимъ доносамъ вѣдь нѣтъ границы, особенно если ихъ подсказываютъ личная злоба и месть!

На это могутъ мнѣ возразить: почему же самъ пасторъ Зейдеръ не упоминаетъ въ письмахъ о разсказанномъ мною столкновеніи его съ барономъ изъ-за пастуха и объ обманѣ на крестинахъ по наущенію барона, за что онъ и понесъ кару и поклялся отомстить; также почему пасторъ, приводя брань и ненависть къ нему барона Унгеръ-Штернберга, высказанныя въ тяжкія для пастора минуты (послѣ казни), не объясняетъ причину этого озлобленія барона? На это я отвѣчу, что пасторъ могъ умолчать обо всемъ этомъ, особенно о первомъ, чтобы не унижать свою высокую трагедію такимъ тривиальнымъ пассажемъ, и ограничился однимъ рѣзкимъ неопредѣленнымъ отзывомъ, поименовавъ только при этомъ фамилію.

Служа въ Восточной Сибири въ 1836—1840 гг., я узналъ въ Иркутскѣ, что пасторъ Зейдеръ въ своей ссылкѣ далѣе Иркутска не слѣдовалъ, такъ какъ здѣсь застала его вѣсть о смерти императора Павла I и вмѣстѣ о помилованіи его новымъ императоромъ. Если сообразить, что пасторъ Зейдеръ отправился въ ссылку ¹⁾, какъ видно изъ писемъ его, отъ 12-го іюня 1800 г., а 26-го сентября былъ только близъ Казани, и хотя онъ началъ путь свой изъ Петербурга, вывезенный на плохой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь («Р. С», т. XXI, стр. 485), то по всей вѣроятности, что потомъ онъ дальнюю дорогу въ Сибирь совершалъ пѣшкомъ, а можетъ быть и на подводѣ,

¹⁾ Пасторъ Зейдеръ, что также любопытно знать, провелъ заключеніе въ Петербургѣ, во время казни, въ полицейскомъ домѣ Каретной, теперь Александро-Невской, части.

слѣдую за партией ссыльныхъ, какъ тогда и долго спустя проводили въ ссылку осужденныхъ. Путь этотъ, какъ я узналъ на мѣстѣ, продолжался около года только до Иркутска (до 6,000 верстѣ), при чемъ „несчастные“ (такъ ихъ въ Сибири называютъ), слѣдую по немъ, совершали ежедневно переходы до 30 верстѣ и потомъ ночевали въ этапной тюрьмѣ, и такъ шли далѣе, а заболѣвшіе оставались еще долѣе. Пасторъ Зейдеръ въ этомъ пути заболѣлъ и останавливался въ Тобольскѣ, гдѣ, должно быть, онъ и сломалъ себѣ правую руку, такъ что потомъ сталъ писать лѣвой. Поэтому онъ въ Иркутскъ могъ прибыть не ранѣе какъ въ апрѣлѣ 1801 г., а императоръ Павелъ I скончался въ ночь на 12-ое марта того-же года, о чемъ вѣсть въ Иркутскъ могла придти тоже не ранѣе какъ черезъ мѣсяць, значить въ апрѣлѣ 1801 года. Здѣсь, вѣроятно, пастора Зейдера и застало Высочайшее помилованіе, а потому онъ далѣе не слѣдовалъ, такъ какъ до Нерчинска оставалось еще 1000 верстѣ, а до нерчинскихъ заводовъ-рудниковъ, гдѣ работали ссыльные еще 300 верстѣ.

Въ Иркутскѣ пастору Зейдеру, по объявленіи помилованія, предъ возвращеніемъ въ Петербургъ, данъ былъ отдыхъ, при чемъ за нимъ ухаживали, и на проѣздъ было выдано тысячу руб. пособія и казенная дорожная, такъ что онъ совершилъ обратный путь скорѣе и съ удобствомъ. Такова была успокоившая всѣхъ милость императора Александра I.

Потерпѣвшаго невинно пастора Зейдера,—по рассказамъ, которые я слышалъ позже,—когда онъ прибылъ въ Петербургъ, будто-бы самъ императоръ Александръ Павловичъ встрѣтилъ у заставы и тутъ онъ былъ прикрытъ знаменами, въ знакъ снятія съ него позора, причиненнаго осужденіемъ, а затѣмъ императоръ взялъ его въ свою коляску и привезъ во дворецъ. Здѣсь онъ былъ почтень ласками высочайшихъ особъ и напутствованъ милостями. Затѣмъ вскорѣ, какъ уже извѣстно, именно 2-го января 1802 года, ему былъ возвращенъ санъ пастора, тѣмъ самымъ пасторомъ Рейнботомъ, который давалъ ему святое причащеніе и напутствіе христіанской вѣры предъ казнью.

Во всей этой тягостной исторіи есть надъ чѣмъ призадуматься христіанину, философу и историку!

А. И. Штуекебергъ.

1-го октября 1886 г.

С.-Петербургъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. **Н. Ю. Трубецкаго**;—Записки исторіографа кн. **М. М. Щербатова** о поврежденіи правовъ въ Россіи;—сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей **Александра** и **Константина Павловичей**;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пиара**;—Записки **Михаила Александровича Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы **Михаила Иван. Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ **Карса** въ 1855 г., записки **Я. П. Бакланова**;—Оборона **Камчатки** въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала **Арбузова**, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени **Петра Великаго** до императора **Николая** включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки **П. Ѡ. Карбанова**.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: **И. А. Крылова**, **Батюшкова**, **Пушкина**, **Гоголя**, **Рылѣева**, **А. Одоевскаго**, **Кюхельбекера**, **Баратынскаго**, **Н. Полеваго**, **Вигеля**, **Я. И. Ростовцева** и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ** рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ *С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.*

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ ИЗД. 1876 г.

второе издание, съ портретами: Лжедмитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостиннымъ. Портреты Екатерины II и графа Араччеева—геліографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Вѣлиноскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг. Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Федора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святыхъ императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевского.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ нихъ собственныхъ показаній на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная проф. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Воиыпскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ.—Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. О. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—„Русская Старина“ 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Вѣлиноскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,

8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1877 г.

съ портретами: кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старини“ за 1877-й годъ, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая неволя—историческій очеркъ.—Иртышскія престыяны при Елизаветѣ II.—Сельскій священникъ—въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Тьобо о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1766—1786 гг.—Герцогиня Кингстонъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Евдокии Гаммбаль.—Елизавета II и Густавъ III.—Невѣсты цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки Ѳ. А. Каратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассекъ.—Дневникъ барона Л. П. Николая: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—Мн. Менишиковъ въ Крымскую войну, по рассказамъ его адъютанта А. А. Панаева.—Воспоминаніе о Т. И. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецавскаго.—М. В. Чевкинъ: первыя главы его біографіи и проч.—Вообще въ двѣнадцати книгахъ изданія „Русской Старини“ 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берже, М. И. Богдановича, проф. М. И. Горчакова, акад. Я. И. Грета, М. Е. Забѣлина, профес. В. С. Иконникова, Д. М. Иловайскаго, Е. П. Карновича, Н. М. Ностомарова, П. А. Кушля, П. С. Лебедева, И. М. Ореуса, А. И. Попова, Д. Д. Рабичина, В. И. Семевскаго, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, И. И. Шамшова, Н. К. Шимдора и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старини“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старини“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казенные въ 1739 г. князья Долгорукіе—Василій Лукичъ и Ивацъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромоли-тографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Го-голя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1878-й годъ, девятый годъ изда-нія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. М. Змозьева.—Записки акад. Тьebo.—Записки пастора Зейдера: его страданія, казнь и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Тео-доровны — Записки ин. Э. А. Волонской и Н. Чернышевой.—Ин. Исаверій Друцкой-Любецкій—очеркъ его государственной дѣятельности. Записки артистки А. П. Никулиной-Носачиной.—Записки доктора Генрици: война 1853—1855 гг.—Записки А. Е. Пелова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассея.—Шамилъ въ Налугѣ.— Записки пристава.—Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность М. И. Айвазовскаго (автобіографія).—Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.—Записки протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г.—Воспоминанія ксендза прелата Бутимича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки М. С. Жириевича: въ Петербургѣ и Сим-бирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. М. Стогова: ссыльно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жан-дармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальныя романы,—прѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника Варягана фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.—Иммоентій, архіепископъ Херсонскій и Таврической.—И. В. Чевкинъ и управленіе имъ путями сообщеній.—Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венеціановъ—первый бытовой живописецъ, его біографія и труды.—Рассказы лейбъ-казака М. И. Шамшова.—„Вѣчный Жидъ“—поэма въ стихахъ В. И. Мю-хельбергера (декабреста).—Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Бая-зедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—„Митюха Валдайскій“, зрѣлище въ терхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митро-полита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами— 8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяче-
ская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Ириней Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія,— между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Куракина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Мавштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Барунъ-Секрета, Л. И. Рикордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, вынѣ археолога М. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Маратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варягана фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассея;—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки И. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семеновскаго;—Н. Мизно;—Г. Тальберга;—Г. Лисенко;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иконникова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Н. И. Востокова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. М. С. Голыцынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавией въ 1829—1834 гг.;—профес. М. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-Мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. Ш. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшанскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная повѣдка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскѣ;—Бунтъ архіепископа Ириней въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы,— всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1880 г.

Изданіе второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицы Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. П. Павскаго, —И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева, —фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго;—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Стрѣва.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880-го года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. И. Ростиславова (одинадцать главъ).—Записки Толчева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣлова (декабриста, восемь главъ).—Записки принца Евгенія Виртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки М. В. Селванова: губернаторъ Панчулидзевъ и смска въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Семскаго Священника;—Записки Я. М. Нефрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. М. Львовой († 1864 г.).—Воспоминанія артиста Я. А. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. И. Пузыревскаго.—Великій Новгородъ—статья Н. И. Костомарова.—Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дна востества на престолѣ Александра II.—Очеркъ профессора М. Е. Андреевскаго: Ходъ распространія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщений и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Брыловъ (къ исторіи отѣтныхъ питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Θ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Дѣвятишнъ, Н. К. Богусевскій и многіхъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣляинскій, (воспоминаніи о немъ товарища по университету);—Т. П. Гравовскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Нефрова);—Г. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—императрицы Маріи Александровны;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Стрякова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.);—историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара;—архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Визина (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣльева.—Записки Д. И. Завалишина.—Записки князя М. С. Голицына.—Воспоминанія В. В. Стасова (Учлище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.).—Записки Сельскаго Священника.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.).—Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертемсона.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,— историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—И. П. Голевъ 1806—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій— бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. И. Шилова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академич. граверы: Л. А. Стряковъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Пожалоштинъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. И. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія Н. И. Мушкова.—И. А. Крыловъ и его басни „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки И. Е. Семянова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румянцовъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконниковъ.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.)—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартовъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тлмановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусства помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Лезарю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой.
 Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старини“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Феодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковскаго; Марьи Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибоѣдовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Бакланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: прежняго памятника на могилѣ Артемія Вольтинскаго; первой паровой машины П. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирной; — Зап. де-Сапглена;—Зап. адм. П. В. Чичагова;—Воспом. Беккера о разореніи Москвы, 1812 г.;—Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.;—Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.;—Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ;—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.;—Архіерейскій хоръ при арх. Смарагдѣ, 1837 г.;—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.;—Л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.;—Имп. военная академія въ 1831—1848 гг., воспом. кн. Н. С. Голицына;—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г., воспом. Б. В. Струве;—Воспом. О. А. Пржедлавскаго;—Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова;—Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.;—Румянцовскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова;—Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Гр. Ф. Ф. Бергъ, воспом. П. П. Карцова;—Воспом. черногорца Драговича;—Воспом. Людмилы Ив. Рикордъ;—Въ Прибалтійскомъ краѣ;—Кн. А. Л. Мих. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго;—Зап. А. Л. Оед. Багговута, 1806—1883 г.—Очерки: Близній бояринъ Ае. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова;—Первенцы имп. російск. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова;—Петровская бригада, 1683—1883 гг.;—Коронаціи русск. император. и императрицъ, 1724—1856 гг.;—Лейбъ-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I;—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виденскій въ отзывѣхъ о немъ русскихъ людей;—М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.;—Як. Петр. Баклановъ;—Ос. Сем. Ганчаръ;—Гр. Егоръ Франц. Капкринъ;—Ник. Ив. Шпроговъ;—Нина Алекс. Грибоѣдова;—Филаретъ, митроп. московскій;—Макарій, митроп. московскій и коломенскій;—Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій;—Иринея, архіеп. иркутскій;—Иннокентій, архіеп. херсонскій;—Амвросій, архіеписк. тверской;—Историческій памятникъ въ Перелаславѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ;—Пущачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. А. Д. Н. Берже;—Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.;—Могила Артемія Вольтинскаго;—Проконій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Дonato;—Имп. Іосифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ;—Александръ I и Николай I, въ 1812—1854 гг.;—Имп. Николай I и гр. Дябичъ въ 1829 г.;—Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.;—Польская смута. по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 іюня 1862 г.;—кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Поѣздка подъ Плевну въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго.—В. А. Жуковский,—К. Н. Батюшковъ,—В. К. Кюхельбекеръ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Т. Г. Шевченко,—А. С. Хомяковъ,—Вас. и Ив. Кирѣевскіе,—Н. В. Гоголь,—гр. А. К. Толстой,—Ф. М. Достоевскій,—Мих. В. Андѣевъ,—А. С. Тургеневъ,—Я. К. Гротъ,—въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и литер. дѣятельности;—М. И. Глинка,—гр. Ф. П. Толстой,—Перовъ и Мусоргскій,—А. Н. Сѣровъ,—Л. А. Сѣряковъ,—И. И. Ползуновъ,—А. Ф. Какоринъ,—архим. Игнатій Малышевъ—въ письмахъ, воспоминавіяхъ и очеркахъ, и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портреть-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волинскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; **судъ на Руси**, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки декабриста М. А. Фова изина: очерки русской исторіи;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I в его время, сообщ. гр. Ц. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Изслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;— профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кабинетныя жены, очеркъ Ад. Ш. Берже;—Гр. Каподистрія и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнадскаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. Ш. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгрии, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣтропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ф. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1885 г.

съ портретами: въ Бозѣ почивающій имп. Александръ Николаевичъ въ бытность его послѣдникомъ.—Ген.-ад. К. К. Мердеръ.—В. И. Назимовъ.—Н. А. Милютинъ.—Б. Ф. Дотловъ.—Архим. от. Игнатій.—Н. И. Пироговъ (въ гробу).—Н. И. Погребовъ.—М. И. Глинка.—А. И. Подолинскій.—Н. И. Костомаровъ.—Митрополитъ Филаретъ Московскій († 1867 г.).—Е. А. Жуковская (жена поэта).—Рисунки: Балзетъ въ 1877 г.—Памятникъ на могилѣ строителя Казанскаго собора въ Спб.—Андрея Воронихина.

Содержаніе: Записки Алексн. Мих. Тургенева, 1772—1863 гг.;—Посмертныя зап. Ник. Ив. Пирогова;—Зап. К. К. Мердера, воспит. цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг.;—Воспом. декабриста А. П. Бѣлаева;—М. А. Фонъ-Визинъ въ восп. М. Д. Францовой;—Новгор. воен. поселенія;—Открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г., изъ воспом. А. И. Веригина;—Въ училищѣ правовѣдѣнія, 1847—1852 гг.;—Полодскій каз. корт., 1835—1836 гг.;—Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг., зап.-ген.-м. Л. Г. Духовина;—Славное Балзетское сѣдѣніе въ 1877 г., очеркъ К. К. Гейнса;—Одна изъ предсмертныхъ записокъ П. Г. фонъ-Дервиза, 1881 г., и проч.

Исслѣдованія и очерки: Тайная канцелярія въ царств. Петра I, 1720—1724 гг.;—Артемій Петровичъ Волинскій и его «конфиденты», очеркъ проф. Д. А. Корсакова;—Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г., очеркъ А. А. Чумикова;—Арсеній Мацѣвичъ, митр. ростовскій, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг., очеркъ И. Я. Морозкина;—Филаретъ Дроздовъ, митр. Московскій, 1782—1867 гг.;—Свящ. Феодосій Левинскій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 гг.;—А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ кн. М. С. Воронцову;—Троицко-Сергіева приморская пустынь, 1735—1885 гг., очеркъ;—Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Бунтъ на Сѣнной площади въ Спб. 22 июня 1831 г.;—Холерный мѣсяцъ въ Спб., июль 1831 г., очерки;—Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг., очеркъ Д. Д. Ахшарумова;—Изъ исторіи желѣзно-дор. дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг., очеркъ А. А. Вонлярларскаго;—Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842—1852 гг., очеркъ А. И. Штуценберга;—Императоръ Николай I и кн. И. Ф. Паскевичъ въ 1845—1846 гг., записка и письма о волненіяхъ въ Краковѣ и положеніе дѣла въ Ц. Польскомъ;—Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г.;—Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг., замѣтки П. М. Колмакова;—Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г., сообщ. А. М. Дренякинъ;—Императоръ Александръ II въ Курской губ. въ 1861 г., рассказъ Н. Давыдова;—К. Вл. Чевкинъ, 1855—1862 гг.;—Вл. Ив. Назимовъ;—Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг., очеркъ Г. Джаншиева;—Изъ новѣйшей лѣтописи сѣв.-зап. Россіи: исторія плана расположенія католицизма въ зап. Россіи, 1865 г., очеркъ А. П. Владимірова;—Гр. Эд. Ив. Тотлебенъ, П. В. Алабина;—Разгромъ имп. Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебенемъ въ 1857 г., сообщ. Н. К. Шильдеръ;—Князь Внѣт. Ил. Васильчиковъ въ 1876 г.;—Экспедиція противъ ахаль-текинцевъ въ 1879—81 гг., статья В. Шаховскаго;—Кирилло-Меовдіевское тысячелѣтіе, 885—1885 гг., Д. И. Иловайскаго;—Остзейское дворянство и дворянская жалованная грамота, А. А. Чумикова;—Мраморный дворецъ, 1785—1885 гг.—Писатели: Д. В. Давыдовъ,—В. Л. Жуковскій,—М. Ю. Лермонтовъ,—П. Н. Кудрявцевъ,—Н. В. Гоголь (Мертвыя души въ подлинной рукописи).—Ф. И. Тютчевъ,—графиня Евдокія Ростопчина,—Ф. М. Достоевскій,—Н. И. Пироговъ,—И. С. Тургеневъ,—Андрей Ив. Подолинскій,—С. Д. Дрожжинъ,—гр. А. С. Уваровъ,—Н. И. Костомаровъ,—К. Д. Кавелинъ,—Н. В. Калачевъ,—Е. П. Карновичъ,—художники: А. Н. Воронихинъ,—М. И. Глинка,—А. С. Даргомыжскій—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

М. С. П.

А. С. П.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

VI ¹⁾.

Прїѣздъ въ Москву (1825 г.).—Вступленіе въ университетъ.—Ректоръ Прокоповичъ-Антоновскій и профессора университета. — Студенты. — Сближеніе съ товарищами В. Г. Шостакомъ, М. М. Кирьяковымъ и Я. А. Познякомъ.—
Студенческая жизнь.

Послѣ девятидневнаго шествія, поражавшаго новизною всего видѣннаго, съ Поклонной горы открылась глазамъ нашимъ златоглавая Москва — безпредѣльная и поразительная. Съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривая все встрѣчавшееся, 29 августа 1825 г. мы вѣхали въ Кремль и, въ такъ называемомъ „Зарядьѣ“, остановились на постояломъ дворѣ; оттолѣ вскорѣ перешли ближе къ университету—въ Газетный переулокъ.

Утромъ 30-го числа пришли въ намъ мой братъ Константинъ и недавно прибывшій въ Москву смоленскій купеческій сынъ Я. Ареѣевъ, получившій въ рижской гимназїи хорошее образованіе. И этотъ—почти 30-ти лѣтній дѣтина—желалъ поступить въ университетъ! На совѣтѣ домашнемъ рѣшено было жить намъ троемъ вмѣстѣ; братъ мой брался облегчить наши хлопоты по университетской канцелярїи. Весь этотъ день табельный я провелъ съ братомъ въ осмотрѣ Кремля. Успенскій соборъ и другіе мнѣ не показались послѣ величественности

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46.

смоленскаго, за то поразили церковь Василія Блаженнаго и на Ильинѣхъ Покровская и Никола Красный звонъ. Иллюминація кремлевскаго сада меня занимала сильно, но многолюдство утомляло до головокруженія.

1-го сентября 1825 г. съ трепетомъ вступилъ я на университетское крыльцо и со страхомъ подалъ прошеніе о принятіи въ студенты ректору университета, опрятному и чистенькому старичку съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ,—Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому. 7-го числа, послѣ обѣда, насъ человекъ 30, экзаменовали ректоръ и профессора: Ризенко, Чумаковъ и Снегиревъ. Со всѣхъ предметовъ отвѣты мои были удовлетворительны, изъ латыни и греческаго также, но за то въ математикѣ я окончательно срѣзался, подобно многимъ. Секретарь правленія, Кондратьевъ, которому я сообщилъ свое несчастіе, сказалъ, что „теперь нечего мнѣ ждать хорошаго; могу ѣхать во свояси!“ Больше меня срѣзался добрый Васильевъ: ему наотрѣвъ было отказано въ приѣмъ. Ареѣевъ выдержалъ экзаменъ хорошо. Придя на квартиру, мы съ Васильевымъ уже рѣшили о возвратѣ во-сваяси. Но приходъ моего брата, однако, измѣнилъ наши намѣренія: мнѣ онъ объявилъ, что, изъ вниманія къ знанію греческаго и латинскаго языка и другихъ предметовъ, я не токмо принятъ въ студенты, но и допущенъ, мимо приготовительнаго отдѣленія, прямо слушать лекціи ординарныхъ профессоровъ. Слѣдовательно, вмѣсто 4 лѣтъ пробуду въ университетѣ 3 года. Васильеву—что можетъ вновь экзаменоваться для поступленія уже не на факультетъ какой либо, но въ медицинское отдѣленіе, что тотъ и исполнилъ.

Возрожденный въ новой жизни, на радости, я побѣждалъ въ церковь помолиться и попалъ въ женскій Никейскій монастырь, находящійся неподалеку отъ нашей квартиры. Здѣсь встрѣтилъ повѣсь студентовъ, ухаживавшихъ за влирошанками-бѣлицами (не монахинями); сюда, наконецъ, повадился и я ходить, для цѣлей не очень похвальныхъ, единственно изъ глупаго хвастовства и желанія не отстать отъ другихъ.

9-го сентября въ правленіи университета записался слушателемъ на называвшееся тогда „этико-политическое отдѣленіе“; мнѣ выдали латинскую табель, вмѣщавшую, кромѣ росписанія преподаваемыхъ въ университетѣ лекцій, правила поведенія студентовъ.

Къ сожалѣнію, эти добрыя правила не многимъ были понятны, по поводу латыни. Посѣщеніе лекцій профессорскихъ и стороннихъ, которыя мнѣ навязалъ ректоръ, было вначалѣ исправное; но чрезъ мѣсяцъ я нашелся вынужденнымъ нѣкоторыя оставить. Вотъ что было внесено въ мою табель: по нравственно-политическому отдѣленію: богословіе догматическое и нравственное—преподаватель архимандритъ Иннокентій Платоновъ; политическая экономія — ординарный профессоръ Христ. Шлецеръ (сынъ знаменитаго автора „Нестора“); римское гражданское право, сравниваемое въ главнѣйшихъ предметахъ съ законами египтянъ, евреевъ и грековъ, нѣмцевъ, англичанъ, пруссаковъ и французовъ—профессоръ Левъ Алекс. Цвѣтаевъ; русское практическое производство дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ — профессоръ Ник. Ник. Сандуновъ; политическое право и дипломатія—профессоръ Дм. Еф. Василевскій; исторія русскаго законодательства и порядокъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ — адъюнктъ Сем. Алекс. Смирновъ; теорія гражданского и уголовного права—адъюнктъ Мих. Яков. Маловъ. По физико-математическому: физика — профессоръ Ив. Алекс. Двигубскій. По словесному: теорія словесности съ критическимъ разборомъ сочиненій — профессоръ Алексѣй Фед. Мерзляковъ; русская исторія и статистика—проф. Мих. Троф. Каченовскій; всеобщая исторія и статистика — проф. Юл. Петр. Ульрихсъ; римская словесность—проф. Ив. Ив. Давидовъ; греческій языкъ и литература — экстра-ординарный проф. Сем. Март. Ивашковскій; теорія французскаго языка—лекторъ Ив. Пельтъ. Всю эту длинную и тяжкую вереницу знаній и наукъ навязалъ мнѣ ректоръ, прибавивъ къ избраннымъ мною профессорамъ политическаго (по теперешнему юридическаго) отдѣленія всѣхъ остальныхъ, приговаривая: „вы пріѣхали-ста учиться-та, а не лѣниться-та!“

Попробовавъ прослушать все это въ первый мѣсяцъ, сколько по совѣту товарищей, столько и по собственному убѣжденію, рѣшилъ я облегчить себя. Къ Ульрихсу, читавшему по тетрадамъ переводы Шрекка, и къ архимандриту, часто хмѣльному, сталъ ходить порѣже, тоже и къ Давидову, а къ Ивашковскому и Пельту вовсе не ходилъ: первый объяснялъ грамматику, которую я зналъ, а второй литературу, а мнѣ необходима была грамматика. Изъ своего отдѣленія—профессоръ Шлецеръ,

получившій эмеритуру, больше не читалъ, а его плохо замѣняли Бекетовъ. Сколько увлекательны были импровизаціи, воевавшего противъ романтизма, профессора Мерзлякова, бывшаго въ душѣ романтикомъ, столько назидательны были лекціи Цвѣтаева и обильны разнообразными свѣдѣніями Каченовскаго. Ученый скептикъ этотъ такъ обширно развивалъ свой предметъ, что въ цѣлый годъ едва успѣвалъ прочесть „Введеніе въ русскую исторію и статистику“. Сандуновъ умными, бойкими, хоть частенько грубыми, поговорками и дѣльными замѣчаніями умѣлъ заставить полюбить его предметъ и его самого. Ему-же я обязанъ тѣмъ, что научился вѣрно и быстро разбирать древніе русскіе дѣловые акты и документы. Посредствомъ ихъ я исподоволь познакомился съ русскою археологіею. Жальче, смѣшинѣ, бесполезнѣ всѣхъ были чтенія адъюнкта Малова. Извѣстный острякъ университетскій И. М. Снегиревъ удачно приложилъ въ этому бездарному, но честному человѣку, стиховъ изъ басенъ Крылова: „и нашего Малова....“

Аудиторія политическаго отдѣленія находилась въ лѣвомъ крылѣ величественнаго зданія университетскаго, во второмъ этажѣ. Круглая зала, замѣщенная въ три четверти амфитеатромъ, простымъ столомъ и профессорскимъ кресломъ, съ нѣсколькими скамьями и стульями, поражала своею скромностью глаза молодые, предполагавшіе встрѣтить блескъ. Картина была чудесная, когда весь амфитеатръ, о нѣсколькихъ рядахъ уступовъ, наполнился молодежью здоровою, красивою, изящною и разнохарактерно одѣтою! Тогда еще не была введена полу-военная форма. Тогда модный изящный сюртукъ или полуфракъ безразлично усаживался съ фризовой шинелью, или выпѣвлымъ демикотоннымъ сюртукомъ, или казакиномъ. Кандидатъ, кончившій курсъ, студентъ 30 лѣтъ, студентъ 15-лѣтній, преклонныхъ лѣтъ любознательный сенатскій чиновникъ, армейскій офицеръ — все это сидѣло, стояло, лѣнилось гдѣ попало на изящныхъ лекціяхъ Мерзлякова. Иногда въ длиннополomъ сѣрватомъ сюртукѣ виднѣлось выразительно пріятное, немного восоглазое, лицо Ивана Ивановича Дмитріева.

На противоположномъ углу университета была такая-же аудиторія, гдѣ Двигубскій читалъ физику, сопровождая ее постоянно неудачными опытами. Недоумѣніе неповоротливаго механика

и добродушное ворчанье профессора сопровождалось общимъ здорovýmъ смѣхомъ. Однажды, когда показывали свѣтъ электричества и затворили ставни, двѣ трети улизнуло изъ аудиторіи, безъ неприятныхъ для себя послѣдствій. Въ словесной аудиторіи на чтеніяхъ дряхлаго, но нѣкогда полезнаго, профессора М. М. Гаврилова, всегда рынаго славянофила, постоянно собиралась вся шаловливая молодежь. Лишь старецъ взойдетъ на кафедру и начнетъ похвалы высокимъ мыслямъ псалтиря, бормотанье шалунновъ: „чужакъ! чужакъ!“ останавливало паеосъ старца. Чужакъ, т. е. студентъ инаго отдѣленія, изгонялся; затѣмъ другой, третій, и тѣмъ лекція кончалась. Молодежь, дозволяя себѣ рѣзвости съ нѣкоторыми, въ томъ числѣ и съ архимандритомъ Инновенціемъ, докучливо прося благословенія, не забывалась, однако, до того, чтобы выйти изъ границъ приличія и должнаго почтенія. Этого-бы не дозволили сами студенты. Мѣста въ аудиторіяхъ занимались студентами по произволу: болѣе внимательные, или желавшіе казаться такими, усаживались ближе къ профессору; разсѣянныя и желавшіе между собою поболтать восходили на высшія ступени амфитеатра, Мерзляковъ прозвалъ ихъ: „Парнасомъ“, „небожителями“. Середина амфитеатра была избрана мною: тутъ я на первыхъ-же дняхъ познакомился съ цвѣтущимъ, плотнымъ, живымъ и добродушнымъ юношею — Василиемъ Григорьевичемъ Шостакомъ, уроженцемъ одесскимъ. Взаимная пріязнь наша скрѣпилась сильнѣе, когда оттуда-же пріѣхалъ двоюродный его братъ, смуглый, красивый, благороднѣйшій молодой человѣкъ — Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ. Сближеніе наше совершилось быстро: откровенный размѣнъ мыслей, одинавовость цѣлей, нелицеприятное вниманіе другъ къ другу — связали насъ прочно, не смотря на рѣзвое различіе характеровъ и матеріальное положеніе: оба владѣли по 30,000 десятинъ земли съ крестьянами у cadaго. Шостакъ былъ пылъ, пламя, Кирьяковъ — теплый и отрадный огонь, отъ котораго не желалось отойти. Оба, жившіе въ началѣ каждый порознь, вскорѣ сѣхались на одну квартиру, при чемъ Шостакъ принялъ къ себѣ бѣднаго студента Якова Аникіевича Позняка (теперь сенаторъ въ С.-Петербургѣ) и доставили мнѣ возможность чаще быть съ ними; сходясь вмѣстѣ, приготовлялись къ лекціямъ, слыхали замѣтки наши, вынесенныя изъ профессорскихъ лекцій, болтали, мечтали,

ребячились и попеременно мучили то Шостака, здоровеннаго, но всегда робкаго дѣтину, то вѣчно хилаго Познява. Квартумвиратъ нашъ сдѣлался примѣтнымъ и въ университетѣ: на одной лавкѣ сидѣли, слушали и записывали.

По денежнымъ расчетамъ я долженъ былъ выбирать себѣ дешевыя и дальнія квартиры. Все, что добрый мой отецъ могъ мнѣ дать, простиралось не далѣе 240 рублей ассигнаціями въ годъ. Поэтому квартиренки мои были — то у Каменнаго моста на Лѣнинскѣ, то на Бронной за Тверскимъ бульваромъ, то у Харитонія въ огородахъ, что за Никитской. Шесть мѣсяцевъ я прожилъ въ университетѣ въ извѣстномъ 14 номерѣ. Такъ называлась проходная трехъугольная комната, въ концѣ другихъ номеровъ, занимаемыхъ казеннокоштными студентами. Въ 14 номерѣ помѣщались, съ разрѣшенія инспектора студентовъ (которымъ былъ въ то время профессоръ Сандуновъ), бѣднѣйшіе студенты, платившіе за этотъ страшно холодный зимою и постоянно проходной пріютъ, да за очень скромный обѣдъ и ужинъ — 12 рублей въ мѣсяць. Но и эта весьма умѣренная сумма неисправно вносилась, въ томъ числѣ и мною. Все жила голъ перекатная! Вѣтхая лѣтная шинель моя служила и для прочихъ моихъ сожителей. Холодъ въ номерѣ бывалъ зимою такой, что на столахъ вода замерзала; а продрогши ночь или вечеръ, съ трудомъ могли набрать втроемъ и четверомъ 10 копѣекъ серебромъ. Сборище для питья чая было въ плохенькомъ трактирѣ, что въ „желѣзныхъ рядахъ“, окнами на Кремлевскій садъ. Въ „желѣзномъ“, какъ постоянные посѣтители, мы имѣли свою комнату, и услужливые „половые“, трактирные служители, первымъ намъ доставляли свѣжія „Московскія Вѣдомости“, „Телеграфъ“ Н. Полеваго, „Инвалидъ“ и „Дамскій Вѣстникъ“ „сладкаго спички—Шаликова“ (князь). Болѣе разгульные студенты, казенные, пристанище имѣли въ томъ-же желѣзномъ ряду, но у содержателя „Сучаѣ“. Денежные студенты посѣщали кондитерскую Педотти, Шевалдышева и знаменитый ѣдоку Новотроицкій трактиръ въ „городѣ“.

VII.

Кончина императора Александра I.—Флигель-адъютантъ гр. Серг. Гр. Строгоновъ и попечитель генераль-маіоръ А. А. Писаревъ.—Введеніе студенческой формы.—Пріѣздъ въ Москву императора Николая I (1826 г.).—Дѣятельный студентъ А. Полежаевъ.—Новый ректоръ И. А. Двигубскій.—Профессоръ Сандуновъ.—Особенно выдававшіеся студенты.—Окончательный экзаменъ (1828 г.).—Поѣздка въ Троице-Сергіеву Лавру.—Разъѣздъ товарищей.

Конецъ 1825 года ознаменованъ кончиною Александра I, также петербургскими смутами декабристовъ. Въ промежуткѣ трехъ дней посылали насъ въ университетскій приходъ „Георгія на красной горѣ“ присягать на вѣрноподданство императорамъ Константину, а потомъ Николаю I.

Видѣлъ я торжественный перевозъ тѣла усопшаго Александра I чрезъ Москву въ С.-Петербургъ. Видно, Москва еще не забыла старинное „слово и дѣло“, когда о всѣхъ современныхъ событіяхъ говорила и судила не иначе, какъ въ полголоса и то съ оглядкою. На лекціяхъ профессоровъ стали иногда показываться военные мундиры. На пробной лекціи философіи, которую разрѣшено было въ 1826 году читать профессору Давидову, мы въ первый разъ увидѣли императорскаго флигель-адъютанта: это былъ молодой полковникъ графъ Сергій Григ. Строгоновъ, впоследствии попечитель университета. Не знаю, заключенія-ли гр. Строгонова о духѣ лекціи, или чьи другія, но только кафедра философіи была закрыта и предназначенный профессоръ Ив. Ив. Давидовъ остался безъ мѣста.

Бывшій въ это время „попечителемъ университета и его учебнаго округа“ генераль-маіоръ А. А. Писаревъ сталъ вводить мундирную униформу. До сего студенты одѣвались во что могли; теперь-же первыми были обмундированы казеннокоштные студенты. Прежде парадный мундиръ имѣли только кандидаты, магистры, доктора наукъ, адъютанты и профессора, отличаемые меньшимъ или большимъ золотымъ шитьемъ по малиновому сукну на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ синяго цвѣта; теперь цвѣтъ синій замѣнился темно-зеленымъ, и на студенческихъ малиновыхъ воротникахъ появились по двѣ петлицы изъ галуновъ.

Чтобы отличить казенныхъ студентовъ отъ своекоштныхъ, своего рода „генераль Скалозубъ“ придумалъ суковные погончики въ родѣ почталіонскихъ. Все это было утверждено полумертвымъ министромъ просвѣщенія А. С. Шишковымъ, прибывшимъ въ Москву къ празднику коронаціи императора.

Въ іюлѣ 1826 г. былъ торжественный вѣздъ въ Москву всей императорской фамилии; молодой, очень худой тѣломъ, императоръ былъ на конѣ. Вся Москва радостно привѣтствовала монарха. Среди приготовленій къ торжественному событію, въ полслуха мы узнали, что выпущенный въ семь году (1826) дѣйствительнымъ студентомъ Александръ Полежаевъ и читавшій 3-го іюля на университетскомъ актѣ замѣчательное стихотвореніе „Геній“ (извѣстный разгуломъ, а еще болѣе его циническою поэмою „Сашка“, пародією на Онѣгина) былъ потребованъ къ императору, читалъ предъ нимъ мѣста изъ „Сашки“, указанныя ему самимъ императоромъ, въ присутствіи долголѣтняго старца Шишкова и попечителя Писарева, и затѣмъ отданъ въ военную службу. Не помогъ безпутному таланту хвалебный стихъ, съ которымъ онъ (въ „Геніи“) обратился къ императору: „Монархъ—талантовъ юныхъ другъ!“ Послѣ этого случая обращеніе и безъ того плохого литератора Писарева (автора „Калужскихъ вечеровъ“) со студентами сдѣлалось невыносимо нелѣпнымъ. Послѣ нѣсколькихъ размолвокъ съ нимъ, профессоръ Сандуновъ, благоразумно строгій и благодѣтельный, оставилъ инспекторскую должность. Ее передали безхарактерному и разсѣянному профессору (какъ остряли студенты) „сбивчивой математики“ Чумакову, а затѣмъ Д. М. Перевощикову. Чтобы избѣгнуть бѣды, которая могла произойти отъ стѣсненія казенныхъ студентовъ, я вынужденнымъ нашелся переселиться на вольную квартиру.

Всѣ торжества коронаціи, доступныя всѣмъ, я видѣлъ; былъ на общенародномъ балѣ, данномъ императоромъ въ обширнѣйшей залѣ большаго московскаго театра, на народномъ праздникѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Въ Лефортовѣ видѣлъ фейерверкъ такой, какой Шехеразада не придумала бы въ „Тысячѣ и одной ночи“. Въ сентябрѣ 1826 года возвратились (изъ вакаціоннаго отпуска на родину) Кирьяковъ и Шостаковъ; перескажемъ нашимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ не было конца.

Начавшійся второй годъ нашего курса я облегчилъ тѣмъ, что взялъ табель на слушаніе лекцій только двухъ факультетскихъ профессоровъ съ добавленіемъ Каченовскаго. На мѣсто Прокоповича-Антонскаго, удаленнаго императоромъ отъ ректорства (причемъ удаленъ былъ и изъ университетскаго благороднаго пансіона, совмѣстно съ инспекторомъ Давыдовымъ), былъ назначенъ И. А. Двигубскій. Всѣхъ насъ своекоштныхъ студентовъ заставили носить форменные сюртуки; баричи же пошли мундиры съ штыми петлицами. Но какъ-то форма не клеилась: при вицмундирѣ надѣвалась шапка эриванка, крымская или круглая шляпа, шальвары à la cosaque и т. д. Все это, до глубины души, мучило Писарева, шалуновъ же тѣшило, хотя иногда они и квитались карцернымъ заключеніемъ; поплатился и я за „единственные“ гороховыя панталоны.

Въ этотъ годъ я сдѣлалъ блистательные успѣхи въ чтеніи древнихъ русскихъ рукописей, даже удивилъ самого Сандунова, прочтя ему писанный самою мелкою вязью въ одну строку церковный гимнъ. „О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“ и до конца. Причемъ показалъ ему и опытъ моего подражанія древнему почерку, въ которомъ едва убѣдился недовѣрчивый старикъ. Послѣ этого доступъ къ его многочисленнымъ „столбцамъ“ сталъ для меня безпрепятственнымъ. У него ознакомился я съ лучшими гравированными эстампами, до которыхъ Сандуновъ, послѣ разнообразныхъ табаверовъ, былъ страстный охотникъ.

1827-й годъ не проявилъ ничего особаго. Прилежно посѣщали лекціи, читанныя отъ 8 часовъ утра до 2 часовъ пополудни. Прежній утомительный обычай вечернихъ лекцій былъ отмѣненъ. Бывало, въ холодный или дождливый вечеръ плетешься, не вѣсть откуда, на лекцію, читаемую въ 5-мъ часу; пришедъ въ аудиторию, часто слышишь отъ громогласнаго солдата Колобова: „Льва Алексѣевича не будетъ!“ (декана, читавшаго римское право), и снова, понуривъ голову, идешь домой. Всю эту зиму сильно страдалъ простуднымъ ревматизмомъ, которымъ щедро меня одарилъ пресловутый 14-й нумеръ или „Сибирь“, какъ его прозвали своекоштные. Болѣзнь моя поддерживалась плохою одеждою: лѣтняя шинель, фуражка, безъ галошъ и, часто на босу-ногу, плохенькіе сапоги составляли мой скудный покровъ. Безповинъ отца, обременнаго семьею, было нечестно. Частныхъ

уроковъ не представлялось, да и не достало бы времени; дѣлать заемъ не осмѣливался, не имѣя въ виду чѣмъ во время уплатить. Бѣдный деньгами, я, однако, былъ богатъ книгами. Часть книгъ я имѣлъ изъ хорошей библіотеки отцовской, а другую передалъ мнѣ братъ Константинъ; остальное все нужное охотно ссужали друзья и прочіе товарищи, съ которыми я умѣлъ ужиться, помогая въ нѣкоторыхъ случаяхъ школьными совѣтами. У меня были: Монтеस्कье, Беккариа, Юсти, Фейербахъ, Вейсъ, аббатъ Миллотъ, Уложеніе, Наказъ, Учрежденіе о губерніяхъ, даже Памятникъ законовъ Максимовича. Платье, что на себѣ, сундукъ съ книгами, тетрадами и бѣльемъ, кровать—вотъ „отпіа шеа!“ За то перевозка съ квартиры на другую никогда не превышала 20 копѣекъ серебромъ. Въ этомъ году я сталъ примѣчать нѣкоторыя, отличавшіяся отъ многихъ студентовъ, личности: А. А. Краевского, Н. Любимова, Н. Аничкова, О. Моршкина, П. Г. Рѣдина, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Савича, М. Розберга, Г. Соколова, М. И. Топильскаго, Я. Кетчера, А. Ротчева, П. Савастьянова, Вадима и Дюмида Пассековъ; на анатомическихъ лекціяхъ знаменитаго Лодера указывали на маленькаго молоденькаго студента Ник. Иванов. Пирогова, уже обращавшаго на себя вниманіе своихъ сверстниковъ. Въ томъ же году паническій страхъ навелъ почти на всѣхъ студентовъ трехъ отдѣленій (кромѣ медицинскаго) назначенный профессоръ богословія, протоіерей П. Терновскій. Полное, хотя и сжатое, преподаваніе этого предмета, по новости, всѣхъ обременяло. Уже не довольно было отдѣлаться катихизисомъ Филарета,—надлежало отвѣчать то, что требовалъ неукротимый чтець. Мнѣ въ этомъ разѣ важную услугу оказала собственная книга: „Compendium theologiae sacrae“, архимандрита Іакинѣа Карпинскаго, лейпцигское изданіе. Пробѣжавъ ее нѣсколько разъ, на репетиціяхъ я отвѣчалъ болѣе, чѣмъ удовлетворительно. На выпускномъ же экзаменѣ даже обратилъ на себя вниманіе страшнаго экзаменатора митрополита Филарета. Бѣдный Терновскій; по испугу или какой другой причинѣ, вызвалъ меня два раза: за отвѣтъ „о прообразованіяхъ“ заслужилъ похвалу митрополитскую. Полный до сего безпредѣльнаго уваженія къ профессорамъ, я сильно разочаровался Сандуновымъ, Цвѣтаевымъ и Василевскимъ. Я освѣдомился отъ Кирьякова и Шостака,

что они и еще Загряжскій, да Воронцы двое, берутъ у сказанныхъ лицъ частныя уроки съ платою: Сандунову—15 р., Цвѣтаеву—12 р., Василевскому меньше. Это, по общему говору студентовъ, означало, что всѣ эти слушатели, при окончаніи курса, выступаютъ кандидатами. Предполагая, по крайней мѣрѣ, въ Кирьяковѣ стремленіе къ большимъ знаніямъ, я не вѣрилъ и не слушалъ злорѣчія. Но, къ душевному прискорбію, мнимое злорѣчіе оказалось сущою правдою. Всѣ, кромѣ одного изъ Воронцовъ, прошли кандидатами. Видно, овощи Курія Дентата не прилипли по желудкамъ престарѣлыхъ профессоровъ.

Наступившій 1828 годъ мы встрѣтили дружными занятіями. Все, кончающее курсъ, зашевелилось; привадумались и тѣ, которые рѣдко о своей цѣли думали. Прилежаніе стали прислушиваться къ лекціямъ, стали собираться въ группы для повтореній, объясненій взаимныхъ. Даже стали разсчитывать баллы, которые придется получить отъ экзаменаторовъ. Сходились, читали, повторяли, спорили, вздыхали. Наконецъ, наступила и пора экзаменовъ. Первый предметъ—богословіе, какъ прежде сказалъ, для меня прошелъ благополучно, за нимъ почти всѣ главные факультетскіе, даже смутная политическая экономія. Но, о горе! жестоко срѣзвался у Ульрихса на вопросъ: „кольмарскій съѣздъ“. Степени кандидата я не получилъ. Въ отчетѣ университетскомъ о выпускныхъ, между студентами своего отдѣленія я, однако-жь, былъ поставленъ въ числѣ „оказавшихъ весьма хорошіе успѣхи“. Я не ставлю себя судьей въ собственномъ дѣлѣ; но участь мою справедливо обсудили благородные товарищи!

По обѣту и заведенному въ Москвѣ обычаю нашъ кватрумвиратъ отправился въ Троице-Сергіеву лавру. У московскихъ жителей поѣздка или пѣшеходье въ Троицкую лавру считается особенно важною эпохою. У нихъ, слышимъ часто, какъ при опредѣленіи какаго либо обстоятельства, говорятъ: это случилось „до (нашествія) француза“, или, это было „до Троицы“, „послѣ Троицы“. Въ три дня мы основательно обозрѣли этотъ славный историческій монастырь—музей народный. Тутъ я нѣсколько узналъ русскую старину: архитектуру, крѣпостную и гражданскую, письменность, художества, иконопись. Привемистый, болѣе чѣмъ скромный, памятникъ царственнаго семейства Годуновыхъ заставилъ привадуматься. У него скорѣе понимается мудрое

изреченіе Соломона: „Vanitas vanitatum et omnia vanitas!“ Одно лишь меня волновало: это нахальный торгъ монаха за показъ ризницы. Вотъ тебѣ просвѣщеніе въ стѣнахъ духовной академіи и изученіе отечественныхъ памятниковъ! думалъ я.

Начался, наконецъ, товарищескій разъѣздъ. Прежде всѣхъ выѣхалъ на родину Я. А. Познякъ, въ Сытую Буду. Затѣмъ собрались Кирьяковъ съ Шостакомъ. Добрые товарищи, не желая разстаться со мною, скоро также направлявшемуся во свояси, рѣшили ѣхать домой чрезъ Смоленскъ. Такимъ случаемъ я, безъ особыхъ издержекъ, весело и покойно доѣхалъ до Смоленска. Три дня прогостили они у меня, а затѣмъ со слезами разстались. Грусть моей разлуки увеличила покража части моей одежды и — жалче всего — начатой съ дѣтства коллекціи старинныхъ монетъ и медалей. Покражу сдѣлали рекруты проходившей партіи.

VIII.

Жизнь Никол. Никиф. Мурзакевича въ Смоленскѣ; болѣе подробное ознакомленіе съ его древностями.—Возвращеніе Никол. Никиф. въ Москву; онъ принимаетъ мѣсто учителя при дѣтахъ одного помѣщика, но вскорѣ отправляется въ Одессу (1830 г.). По пути, въ Смоленскѣ, видится съ престарѣлымъ своимъ отцемъ священникомъ Никифоромъ Адриановичемъ.—Одесса.—Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ получаетъ настоящее приглашеніе отъ своего университетскаго товарища М. М. Кирьякова жить у него въ домѣ.

Одинокое мое житіе дома (братья разъѣхались) я такъ сталъ проводить: каждый день раннимъ утромъ, или послѣ полудня и до заката солнца, систематически обходилъ живописныя смоленскія окрестности. На первомъ планѣ, разумѣется, была Годуновская красивая величественная стѣна, съ высокими круглыми и четырехъугольными башнями. Памятникомъ изящнаго зодчества XVII вѣка я не могъ довольно налюбоваться и не погоревать рандализму французовъ, которые, въ 1812 году, бесполезно взорвали на воздухъ нѣсколько башенъ; но еще болѣе скорбѣлъ о нѣмецкомъ варварствѣ бывшего губернатора барона Аша, такъ мѣтко очерченнаго знаменитымъ А. П. Ермоловымъ въ его

Запискахъ. По спекулятивному расчету Аша и подъ предлогомъ, что нѣкоторыя стѣны и башни угрожаютъ опасностью (кому?), значительныя пространства историческаго „дорогаго ожерелья“ были разобраны, а чудеснѣйшій кирпичъ невѣдомо куда разошелся. Я обошелъ весь земляной валъ, который, до построения Годуновымъ стѣны, съ древнѣйшихъ временъ защищалъ городъ. Потомъ начались обходы древнихъ церквей: но онѣ въ этотъ разъ были осмотрѣны слегка. Достопримѣчательныя урочища: Чернущекъ, Шеина острога тоже не были забыты.

Между тѣмъ, отецъ мой, радовавшійся прїѣзду брата Константина, а чрезъ мѣсяцъ моему, въ это время по порученію своего архіерея, Іосифа Величковскаго, занимался сборомъ матеріаловъ для „Историческаго изслѣдованія о чудотворной иконѣ пресвятой Богородицы Одигитріи, называемой смоленскою“. Трудъ этотъ былъ выполненъ на половину; отецъ старался выписками указаній изъ всѣхъ различныхъ церковныхъ историковъ доказать, что смоленскій образъ Одигитріи былъ тотъ самый, который написалъ св. евангелистъ Лука еще при жизни пресвятой Богородицы. Не касаясь того—была ли эта икона, подобно многимъ находящимся въ Европѣ, писана евангелистомъ Лукою, должно сказать, съ точки археологической, что она имѣетъ происхожденіе древнее, однако, не ранѣе IX вѣка, и другое—что смоленскую икону, хранящуюся въ соборѣ и именующуюся Одигитрією, нельзя смѣшивать съ „Влахернскою“, бывшею нѣкогда въ Константинополѣ. „Влахернская“, судя по современнымъ иконѣ византійскимъ монетамъ XI вѣка, изображалась безъ младенца Іисуса съ поднятыми въ небу молящимися руками. (См. *Descript. génér. des monnaies Byzantines*, par I. Sabatier, p. 1862, tab. XLIX, № 12. Монеты Константина XII Мономаха). Какая судьба постигла хлопотливый отцовскій трудъ, за смертію его, я не могъ узнать. Вѣроятно и „Изслѣдованіе“ постигла та-же участь, какую испыталъ переводъ со славянскаго языка на русскій языкъ Новаго Завѣта,—архивное тлѣніе въ синодальныхъ подвалахъ. Еще въ 1813 году, сидя подъ судомъ, отецъ мой задумалъ перевести большею частью непонятное для народа славянское евангеліе. вмѣсто должнаго сочувствія со стороны духовенства, какъ бы это надлежало, труженіе встрѣтилъ грубые отзывы и насмѣшки, такъ называемаго, смоленскаго „ученаго духовенства“. Переводъ,

посланный оберъ-прокурору св. синода князю А. Н. Голицыну, по опредѣленію синода въ 1814 году, сданъ былъ въ архивъ. Такъ бѣдный приходскій священникъ опередилъ въ важномъ дѣлѣ „святѣйшій соборъ Россійскія церкви!“

Мѣшая дѣло съ бездѣльемъ и проводивъ брата въ дальній путь (онъ ѣхалъ на службу въ Tobольскъ къ назначенному въ западную Сибирь генераль-губернаторомъ Вельяминову), я въ концѣ сентября 1828 г. пустился снова въ Москву. Моею цѣлью было, прослушавъ еще одинъ годъ лекціи въ университетѣ, получить вождельнную степень кандидата. По полузамерзшей грязи, за Можайскомъ свернувъ на Верею и чуть не съѣденный стадомъ волковъ, я доѣхалъ на долгихъ до „златоглавой“. Квартиру я нашелъ у Каменнаго моста. Взявъ въ правленіи табель, сталъ посѣщать лекціи ординарныхъ профессоровъ, а между ними, изъ стороннихъ, моего любимаго М. Т. Каченовскаго, да еще только что вступившаго на кафедру всеобщей исторіи—М. П. Погодина. Слушали новичка мы всѣ охотно. Иногда я заглядывалъ въ аудиторію словесную—въ добрѣйшему А. Ѡ. Мерзлякову.

Уединенное мое житье не было продолжительно. Не думая, не ожидая, въ одно утро встрѣчаю на лекціи В. Г. Шостака. Радость была взаимная. Шостака объявилъ, что прибылъ въ Москву съ матерью и съ намѣреніемъ, согласно желанію отца, приготовиться къ экзамену на степень магистра, а чтобы по прежнему совмѣстно заниматься, то непременно мнѣ должно жить съ нимъ на одной квартирѣ. Разумѣется, предложеніе было принято, и сундукъ съ книгами перевезенъ въ домъ комисариатскаго чиновника Г. Д. Покровскаго, въ приходѣ Ржевскія Богоматери, что у Пречистенскаго бульвара. Въ нижнемъ этажѣ огромнаго дома Шостака помѣстился съ матерью и меньшимъ братомъ, которому, чтобы не ѣсть даромъ чужой хлѣбъ, я сталъ давать уроки. Садъ обширный дѣлалъ житье, въ центрѣ самой шумной части города, загородною дачею. Сначала все намъ способствовало къ тихимъ занятіямъ учебнымъ; мы исправно посѣщали лекціи, дѣлали замѣтки, вечеромъ повторяли; казалось все пошло, какъ слѣдовало. Но не тутъ-то было: жена владѣльца дома (въ это время сидѣвшаго въ крѣпости и подъ судомъ

за злоупотребленія, совокупно съ подрядчикомъ по продовольственной части въ арміи), жившая теперь доходами съ дома, скучавшая послѣ минувшаго блеска, съ тремя дочерьми, въ одиночествѣ, познакомилась съ матерью Шостака. Разумѣется, начались взаимныя посѣщенія, сближенія и, наконецъ, дружба. Вторая дочь сильно приглянулась застѣнчивому Шостаку, третья—поправилась мнѣ. Пользуясь наступившею зимою и святцами, съ новымъ знакомцемъ студентомъ В. И. Радивиловымъ—замѣчательнымъ артистомъ на скрипкѣ и балалайкѣ, издававшей подъ его живыми пальцами понятные и пріятные звуки, мы затѣяли устроить домашній театр. Предверіе праздника Рождества Христова денно и ношно было употреблено на склейку бумажныхъ кулисъ, установку ихъ въ огромной залѣ и на выучку ролей. Считываніе ролей, разумѣется, изгнало между нами чинность и сдержанность. Страстишки разгорались. За спектаклями послѣдовали музыкальные вечера, составленные при участіи нѣкоторыхъ театральнхъ артистовъ; крайне доступный лести, Шостакъ ставилъ себя годнымъ участвовать съ ними въ качествѣ флейтиста. Явилось и лицо, которое безъ зазрѣнія совѣсти морочило бѣднаго Василія Григорьевича; въ стыду—это былъ студентъ И. Д. А., толстый тѣломъ, но тонкій умомъ и съ страстью въ мистификаціямъ. Оппозиція моя не бралась во вниманіе. Послѣ праздниковъ начались и лекціи, но развлеченія наши не кончались.

Наступившая весна 1829 года, разумѣется, была проведена съ обоюдною пріятностью въ прекрасномъ домашнемъ саду. Когда мы безсознательно и наивно веселились, то давній нашъ пріятель Федоръ Лукичъ Морошкинъ что-то больно часто морщилъ свое открытое благородное чело, ворча о серьезности занятій. Стреловы, однако, прыгали и пѣли; лѣто въ тому же наступило пріятное! Взятая изъ комнаты книги, тетрадки, съ намѣреніемъ прочесть, повторить, обдумать, спойкойно оставались неразвернутыми на садовыхъ скамейкахъ. Интимныя бесѣды шли о разныхъ разностяхъ, казѣ и слѣдовало, съ премиленькими барышнями. Не говорить же съ ними о римскомъ правѣ, о трудѣ и платѣ и т. п.?

Подвигилъ, наконецъ, іюнь мѣсяцъ 1829 г., а съ нимъ несносные экзамены, да двукратное неловкое объясненіе мое, на лекціи и на репетиціи, съ бездарнымъ плохимъ чтеніемъ политической экономіи

—адъюнктомъ Ник. Васильевымъ. Кажется, на экзаменахъ шло все хорошо, но въ результатѣ вышло, что попали въ кандидаты такіе господа, которые не чаяли быть дѣйствительными студентами (три имени такихъ я забываю для чести университета), а я не дополучилъ только одного балла, слѣдуемаго для полученія этой степени. Тутъ мнѣ уже сильно сгрустнулось!

Не желая оставаться на третій годъ, какъ это благообразно сдѣлалъ нашъ товарищъ А. А. Уманецъ, я рѣшился пуститься въ житейское море. Многіе добрые мои товарищи, которыхъ всегдашнимъ расположеніемъ я имѣлъ счастье пользоваться, по обычаю справили прощальный пиръ въ Марьиной рошѣ; на возвратномъ пути, разгораченные споромъ о томъ, кто изъ двухъ (Н. С. Селивановскій или А. Я. Ареѣевъ) больше имѣетъ вѣры, оба, не твердые на ногахъ, бросились въ „Чистый прудъ“ и, бредя въ водѣ по шею, продолжали пренія; много мнѣ было, неумѣющему плавать, хлопотъ, чтобы вывести ихъ изъ пруда.

На другой день, когда головы наши еще не освѣжились, Шостаку подали изъ С.-Петербурга письмо отцовское, которымъ онъ разрѣшалъ оставить намѣреніе держать экзаменъ на магистра, а поручалъ немедленно отправиться въ Одессу и тамъ принять въ хозяйственное управленіе большое подгородное селеніе Барабой (20,000 десятинъ земли съ 350 душами поселянъ). Этого пожертвованія требовали денежные расчеты. Скучно и грустно провели мы послѣдніе дни. Шостагъ, уѣзжая, оставлялъ въ мое владѣніе всю квартиру, считавшуюся за нимъ еще до наступающаго новаго года, съ мебелью, которую я долженъ былъ распродавать. Обиженное самолюбіе (можетъ быть и не основательное), одиночество, предстоящая новая жизнь съ неизвѣстностью и нуждою сняли съ моихъ глазъ розовую повязку. Все явилось въ непривлекательномъ свѣтѣ. Написавъ Кирьякову о послѣднихъ моихъ приключеніяхъ, я увѣдомилъ его и Шостака, что рѣшаюсь уѣхать изъ Москвы домашнимъ учителемъ въ домъ къ рязанскому помѣщику И. С. Ч., для приготовленія его сына къ гвардейской юнкерской школѣ. Сдавъ квартиру и мебель довѣренному лицу, въ половинѣ іюля 1829 г., пустился въ путь съ длиннымъ помѣщичьимъ поѣздомъ. Поѣздомъ видѣлъ: старинную „Царскую рыбную слободу“ Дѣдново и смежное село Бѣльи-омуть на Окѣ, на ней же „Козарскій“ перевозъ—остатокъ зага-

дочнаго народа—хазаровъ, о которомъ Каченовскій говорилъ намъ чуть ли не три дня. Видѣлъ: слѣды старой Рязани (Спаское), обозначаемыя курганчиками, красивую Рязань и ея замѣчательный соборъ. На Трубежѣ — притока Оки — я купался, и на томъ же мѣстѣ, по уходѣ моемъ, купавшіеся мальчики нашли 36 серебряныхъ слитковъ, оказавшихся древними русскими рублями XIII вѣка. Въ помѣщичьемъ сельцѣ занятія съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, а потомъ съ тремя разволѣтными дочерьми, посаженными ко мнѣ вопреки заключенному письменному условію, шли успѣшно. Если бы не уроки, то отъ скуки надобно было съ ума сойти.

Такъ провелъ я зиму. Письма добрыхъ друзей меня развеселяли. Кирьяковъ настойчиво требовалъ, чтобы я, бросивъ все, ѣхалъ въ Одессу для совмѣстнаго служенія съ Познякомъ, опредѣлившимся на службу по таможенному вѣдомству. Не столько это настойчивое приглашеніе, сколько неурядицы мнѣ поступки „помѣщичьи“ вынудили меня оставить менторство. Съ сожалѣніемъ оставя внимательнаго и добраго ученика, предъ святками выѣхалъ въ Москву. Радостно встрѣтили меня старые товарищи: М. А. Коркуновъ, П. М. Поповъ, И. С. Клименовъ и др., но безуспѣшно совѣтовали пристроиться въ Москвѣ. Посвятивъ свободные дни на обзоръ Москвы, которую еще не довольно зналъ, вечера проводилъ въ „кофейнѣ Печкина“, у Большаго театра, гдѣ сходились театралы и нѣкоторые писатели въ журналахъ ¹⁾; здѣсь же былъ значительный складъ всѣхъ тогдашнихъ русскихъ журналовъ. Вновь полученный призывъ Кирьякова разрѣшилъ мое раздумье.

21-го февраля 1830 года университетъ выдалъ мнѣ аттестатъ съ засвидѣтельствомъ, что я „оказалъ весьма хорошіе успѣхи при похвальномъ поведеніи“. Сандуновъ при прощаньи пожелалъ мнѣ всякаго благополучія, а Е. О. Мухинъ, при подписаніи аттестата спросивъ куда я ѣду, на отвѣтъ: „въ Одессу“, сказалъ: „sapienti ubique est patria!“ Мухинъ въ этотъ годъ былъ деканомъ медицинскаго отдѣленія; службу свою онъ началъ лекарскимъ ученикомъ, при взятіи русскими Очакова.

¹⁾ См. интересныя воспоминанія А. Д. Галяхова: „Литературная кофейня въ Москвѣ“, „Русская Старина“ изд. 1886 г., томъ I, апрѣль, стр. 181—198, іюнь, стр. 691—724.

25-го февраля 1830 г. вечеромъ выѣхалъ изъ Москвы, на долгижъ, черезъ Смоленскъ. Сама судьба, кажется, складывала всѣ обстоятельства, благоприятствовавшія поѣзду. Русскій троечный извозчикъ, только-что прибывшій съ военною кладью въ Москву изъ Варны, охотно согласился за умѣренную цѣну поѣхать снова въ Одессу. Этотъ добрый человекъ еще до Варны съ товарами былъ въ „Лицахъ Нѣмецкихъ“, т. е. въ Лейпцигѣ. Перваго марта прибылъ я въ Смоленскъ. Отца нашелъ не столько слабымъ, сколько грустнымъ. Третій братъ, Иванъ, давно его оставилъ, опредѣленный полковымъ священникомъ, а теперь прибылъ и четвертый съ тѣмъ, чтобы также уѣхать. Незавидная доля родителей! Впрочемъ, это круговой законъ природы: я оставляю отца, сынъ меня! 3-го марта отецъ благословилъ меня на путь, снабдивъ притомъ сотнею рублей. Это было послѣднее наше свиданіе на землѣ. Судить-ли Богъ видѣться тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій?

Двадцать четыре дня ѣзды, сначала по глубокому снѣгу, а потомъ по невылазной грязи, было употреблено на поѣзду въ Одессу. Маршрутъ мой былъ: Мстиславль, Чериковъ, Пропойскъ, Черниговъ, Кіевъ. Три дня были посвящены на обзоръ этого города, послѣ Смоленска примѣчательнаго живописнымъ мѣстоположеніемъ. Въ Бѣлой-церкви подивился варварскому вымогательству богатѣйшей помѣщицы гр. Браницкой (племянницы и наслѣдницы части богатствъ великолѣпнаго князя Тавриды Потемкина) съ бѣдныхъ крестьянъ, кромѣ общихъ работъ, сбора щетины, перьевъ, такъ называемыхъ, испанскихъ мушекъ. Изъ Бѣлой-церкви, переправясь чрезъ разлившуюся р. Рось, возница мой избралъ прямой, транзитный путь чрезъ Васильковъ на Ольвіополь, переправясь чрезъ Бугъ. Здѣсь р. Синюха втекаетъ въ Бугъ и тутъ нѣбогда были три государственныя границы: турецкая, польская и русская. Отсюда началось необозримое гладкое поле, покрытое яркою зеленью, выдающіеся кое-гдѣ курганы, а на нихъ сидящіе степные орлы. Съ дѣтскою радостью я любовался просторомъ и свободно, и легко дышалъ степнымъ ароматическимъ воздухомъ... Необязанныя степи и море мнѣ всегда были любезны и нивогда не казались скучными. Миновавъ слѣдующія селенія: Степювку, Леварское, Мостовое, гдѣ при переѣздѣ въ бродъ едва не утонули, Березовку, Капи-

тановку и Кубанку, утромъ 26 марта 1830 г. я доѣхалъ до обѣтованной Одессы. Побѣжалъ тотчасъ къ Кирьякову, гдѣ со дня на день меня ожидали. На радостяхъ мы обнимались, болтали, забрасывали вопросами другъ друга и смѣялись до слезъ. Скучное мое имущество, состоявшее въ одномъ сундучѣ („а не чемоданѣ?“ спросилъ Кирьяковъ, „чистая, братъ, татарва!“), было перенесено изъ заѣзжаго дома Ширяева въ комнату Кирьякова. Онъ объявилъ, что я жилецъ его, и его спальня будетъ намъ общюю. Здѣсь-то я позналъ древнюю пословицу: „amicus certus, in res incertis cernitur!“ Сестры его и всѣ родные причислили меня въ свои домашніе и поставили на степень какъ бы меньшаго брата.

IX.

Свѣдѣнія о родѣ Кирьяковыхъ.—Высшее одесское общество. — Лица, приближенныя къ ген.-губ. гр. Мих. Сем. Воронцову. — Ник. Никиф. Мурзавичъ поступаетъ на службу въ одесскую таможду. — Ученый кружокъ. — Генералъ Ив. Ник. Инзовъ. — Банкиръ Пуль. — Л. А. Нарышкинъ.—Графъ И. О. Виттъ и Текла Собаньская.—Ришельевскій лицей.

Фамилія Кирьяковыхъ происходитъ отъ малороссійскихъ грековъ изъ мѣстечка Опознаго, Полтавской губерніи. Отецъ Михаила Михайловича сначала служилъ въ канцеляріи князя Платона Зубова, преемника Потемкина, потомъ, жениясь на богатой помѣщицѣ Авацатовой, поселился въ Одессѣ, гдѣ состоялъ на службѣ директоромъ одесской таможди въ чинѣ коллежскаго совѣтника ¹⁾). Умный, добрый и услужливый таможенный

¹⁾ Фамилія Кирьяковыхъ играетъ замѣтную роль въ гѣтописи г. Одессы. Вслѣдъ за переименованіемъ Хаджибея въ торговый городъ Одессу, орденомъ губернатора Хорвата (14 іюля 1795 г.) назначенъ особымъ градоначальникомъ вновь основаннаго города Черноморскаго гренадерскаго корпуса секундъ-маіоръ Григорій Кирьяковъ. Премьеръ-маіоръ Михаилъ Кирьяковъ, братъ предыдущаго, служившій въ пограничной канцеляріи, графомъ Зубовымъ былъ назначенъ начальникомъ Хаджибейской (переименованной въ одесскую) портовой таможди (12 апр. 1795 г.). Въ 1799 и 1801 гг. Михаилъ Кирьяковъ, по просьбѣ одесскаго магистрата, ѣздилъ въ С.-Петербургъ ходатайствовать объ удовлетвореніи нуждъ города: объ устройствѣ безопасной

директоръ оказалъ городу значущія услуги, въ двукратную поѣзду въ С.-Петербургъ, въ качествѣ депутата отъ гражданъ, ходатайствовавшихъ о разныхъ городскихъ нуждахъ. Затѣмъ Кирьяковъ служилъ по выборамъ дворянства Херсонской губерніи въ должности губернскаго предводителя. Мой другъ былъ единственнымъ сыномъ при трехъ сестрахъ. Семейный кругъ Кирьякова состоялъ еще изъ его двоюродной сестры Н. Д. Акацатовой, умной, бойкой, богатой взрослой дѣвицы, воспитанной на англійскій ладъ, изъ ея родственницъ, двухъ графинь Девіеръ—Анны и Клеопатры, красавицъ, и еще четырехъ молоденькихъ родственницъ, воспитываемыхъ Кирьяковымъ и Акацатвою; между ними была также красавица англичанка, дочь гувернантки-компаньонки Акацатовой, теперь въ замужествѣ за графомъ Васильевымъ. Акацатова, въ бытность свою въ 1835 году въ Италиі, вышла замужъ за извѣстнаго тамошняго вельможу Principe Tomasso Cossini, потомка папы Климента XIII. Соединеніе красоты, ума, остроты, добродушія, благородства, начитанности были прирожденныя качества всѣхъ сказанныхъ лицъ. Среди такого круга совершалось мое перевоспитаніе и довершалось свѣтское образованіе. Какъ въ извѣстномъ арзамасскомъ обществѣ каждый членъ имѣлъ свойственное ему прозвище, такъ и въ этомъ семейномъ кружкѣ всякій имѣлъ свое. Мнѣ досталось прозвище сначала „Badaud“, потомъ „opposizio“ и затѣмъ „signor Metastasio“,—послѣднія за постоянныя противорѣчія и за любовь къ музыкѣ, которую вскорѣ во мнѣ возбудилъ Россини въ его операхъ, отлично выполняемыхъ чудеснымъ соргано пѣвицы Аделаиды Морикони. Лучшее городское общество и блистательный штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора графа Воронцова ¹⁾ напол-

гавани, о разрѣшеніи городского займа, о дарованіи одесскому магистрату права руководствоваться общими для всей Имперіи законами. Всѣ эти ходатайства сопровождались полнымъ успѣхомъ. Жители г. Одессы вѣстѣ съ городскимъ головою, сознавая, что Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ „былъ всегда непоколебимымъ ходатаемъ за сей городъ, и совершилъ сверхъ чаянія не только всѣ статьи ихъ прошенія, но и доставилъ имъ воспользоваться неожиданными новыми знаками монаршей милости,“—поднесли ему (1802 г.) благодарственный адресъ. (См. у А. Скальковскаго: „Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы“, 1837 г.). Кн. В. Д.

¹⁾ Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, впоследствии генераль-фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь, указомъ отъ 7 мая 1823 г. былъ назначенъ новороссійскимъ генераль-губер-

няли скромную гостиную Кирьякова. Въ кругу его семейства я встрѣтилъ университетскаго сверстника А. А. Скальковскаго ¹⁾, человѣка въ высшей степени подвижнаго, впрочемъ добраго, сострадательнаго, честнаго и услужливаго. Обладая живымъ воображеніемъ, онъ быстро и легко брался за всякій трудъ. Другимъ ежедневнымъ посѣтителемъ семейства былъ — харьковскаго университета кандидатъ Н. Г. Градовскій, пріятный, веселый и добрый малый, но далеко не соответствующій своей ученой степени. Конькомъ его былъ Наполеонъ и его сподвижники, до послѣдней мелочи. Затѣмъ еженедѣльными посѣтителями были: М. П. Розбергъ, Андрей Ив. Подолинскій (поэтъ), В. Г. Тепляковъ, Ал. Ир. Левшинъ, П. Т. Морозовъ, — старики: генералъ И. Н. Инзовъ, А. С. Стурдза, его зять графъ Эдлингъ, графъ И. О. Виттъ, М. И. Лексъ, нѣкогда знаменитый хирургъ В. П. Малаховъ. Семейства: умныхъ и красивенькихъ греческихъ эмигрантокъ: Ризо, Костанды, образовали внѣшній кругъ. Литература, музыка, городскія новости, иногда легонькія невинныя сплетни составляли предметъ интимныхъ разговоровъ. Позняевъ я уже не засталъ въ Одессѣ: онъ годъ какъ выѣхалъ въ Бухарестъ съ Бошнякомъ въ главное управленіе княжествъ Молдавіи и Валахіи. Въ оставленномъ мнѣ нисѣмъ онъ настоятельно требовалъ, чтобы и я за нимъ послѣдовалъ. Кирьяковъ, однако, рѣшительно воспротивился. Соглашаясь, до усмотрѣнія, оставаться въ Одессѣ, я не желалъ проводить время праздно. Сталъ думать о службѣ: канцелярія графа Воронцова (куда меня тотчасъ-же пригласилъ давній знакомецъ моего отца и землякъ М. И. Лексъ, въ то время ея правитель), таможенный округъ, гдѣ служилъ Позняевъ, и, наконецъ, учебное вѣдомство манили меня. Отъ первой отсовѣтовалъ родственникъ Кирьякова, В. А.

наторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области; онъ родился 19 мая 1782 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, гр. Семень Романовичъ, былъ російскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Лондонѣ, гдѣ провелъ свою юность и гр. Михаилъ Семеновичъ; сестра его была въ замужествѣ за герцогомъ Пемброккомъ.

Кн. В. Д.

¹⁾ А. А. Скальковскій, предсѣдатель одесскаго статистич. комитета, тайный совѣтникъ, членъ-корреспондентъ импер. акад. наукъ, членъ разн. учен. общ., авторъ многихъ сочиненій, относящихся къ исторіи Новороссійскаго края.

Кн. В. Д.

Костенскій, тамъ служившій и доказавшій, что чрезъ такую плотную фалангу, какую вокругъ графа Воронцова составили В. Сафоновъ, М. П. Щербининъ, Понятовскій, Зонтагъ, Марини, Рено и др., мнѣ не пробраться. Ришельевскій лицей, подъ управленіемъ графа Витта, представлялъ жалкую нравственную руину. Осталось вѣдомство таможенное; его я съ стѣсненнымъ сердцемъ рѣшился избрать сколько по хорошему окладу жалованья, столько и по личному приглашенію добраго, но тщеславнѣйшаго Я. Д. Бологовскаго, называвшаго графа Воронцова „хорошимъ товарищемъ по службѣ“. Не забуду, какъ Бологовской затѣялъ сдѣлать смотръ таможеннымъ объѣздчикамъ на театральной площади. Воевода, въ собольей шапкѣ и медвѣжьей шубѣ, неудачными командными словами, произвелъ смущеніе во всадникахъ, смѣхъ въ зрителяхъ и свистъ въ толпѣ мальчишекъ.

Здоровье Кирьякова, отъ рожденія не крѣпкое, требовало постоянныхъ медицинскихъ совѣтовъ и пользованій. Неожиданная смерть отца, случившаяся на дорогѣ въ Москву, въ 1825 г., смерть матери, по приѣздѣ изъ университета, страхъ чумы во время появленія оной въ 1829 году (когда онъ и Скальковскій, состоя на службѣ въ канцеляріи графа Воронцова и находясь для наблюденія за оцѣпленіемъ въ Куальницкомъ хуторѣ, по случаю зачумленія находившагося въ ихъ распоряженіи казака, были посажены въ карантинъ) требовали леченія радикальнаго. По совѣту медиковъ рѣшено было ему поѣхать на водолечебный Карлсбадскій курсъ. Проводивши его до Балты 25 апрѣля, я заѣхалъ въ деревню В. Г. Шостака — Кохановеу. Тутъ я увидѣлъ, какъ пагубно воздѣйствовали на молодого, слоннаго къ лѣни, человѣка нѣжная, но необразованная мать и существующее въ Россіи помѣщичье право (*droit des seigneurs*)¹⁾. О наукѣ и занятіяхъ и рѣчи не стало. Возвратясь въ Одессу, въ домъ Кирьякова, 5 мая 1830 г. я подалъ прошеніе о поступленіи на службу. Бологовской помѣстилъ меня вначалѣ въ тираспольскую таможену, что на вѣздѣ изъ Одессы въ Бессарабію, въ качествѣ секретаря и для приведенія письменныхъ дѣлъ въ порядокъ, потомъ столо-

¹⁾ Это не право, а злоупотребленіе, не имѣвшее ничего общаго съ помѣщичьей властью. Отдѣльные случаи могли быть, но обобщать ихъ несправедливо.

начальникомъ въ одесскую портовую таможену. Сверхъ прямой обязанности, мнѣ было поручено привести въ порядокъ архивъ таможи. Денежный окладъ былъ достаточный; начальство весьма любезное и пріятливое; но механическая работа сильно мнѣ не понравилась, а еще болѣе многіе сослуживцы, не очень разборчивые на средства пріобрѣтенія. Архивъ доставилъ мнѣ нѣсколько документовъ, послужившихъ матеріалами для замысленной исторіи города Одессы.

Въ этотъ разъ прекрасному женскому обществу я предпочелъ ученый кружокъ; его составили: Ю. И. Венелинъ, только что возвратившійся изъ Болгаріи и Молдавіи, гдѣ собиралъ славянскіе памятники, В. М. Кашкадамовъ домашній учитель, оба—сверстники по университету, и многоначитанный, нѣкогда полезный дѣлатель въ Бессарабіи, соборный протоіерей П. Куницкій. Тутъ для меня пригодились свѣдѣнія, полученныя изъ лекцій Каченовскаго. Не скрою и того, что обѣды съ Кашкадамовымъ у прославленнаго Пушкинымъ ресторатора Отона не всегда бывали „невинныя“. Въ октябрѣ вернулся изъ заграницы Кирьяковъ; рассказы его: о событіяхъ іюльскихъ въ Парижѣ, которыхъ онъ былъ зрителемъ, о заведенныхъ ученыхъ знаомствахъ—въ Прагѣ Чешской съ ученымъ Іосифомъ Шафарикомъ, въ Парижѣ съ академикомъ Сталемъ, санскритологомъ, подробности о видѣнныхъ чужеземныхъ странахъ и обычаяхъ сильно занимали весь домашній кружокъ нашъ.

Наканунѣ новаго 1831 года, на влудномъ балѣ, Кирьяковъ представилъ меня генералу Ив. Ник. Язову. Всеобщая молва носилась, что онъ былъ побочнымъ сыномъ императора Павла I. Ничѣмъ недоказанное предположеніе основывалось лишь на нѣкоторомъ сходствѣ чертъ лица. Ивану Никитичу, какъ попечителю объ иностранныхъ колонистахъ южнаго края, Россія обязана водвореніемъ на пустынныхъ равнинахъ Бессарабскаго Буджака (нѣкогда *Solitudines Getarum*) трудолюбивыхъ, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ славянъ-болгаръ ¹⁾. Всегда скромный и

¹⁾ Генер.-лейт. Н. Н. Язовъ, указомъ 17 іюля 1822 г., былъ назначенъ управляющимъ Новороссійскимъ краемъ, по случаю увольненія за границу новоросс. генер.-губ. графа Ланжерона; родился въ 1768 г., умеръ 27 мая 1845 г., въ чинѣ генер. отъ инф. и званія главн. почеч. и предсѣдат. комитета о колонистахъ южн. Россіи. Генералъ Язовъ весьма тепло относился къ А. С. Пушкину, жившему въ Кишиневѣ и Одессѣ. Кн. В. Д.

застѣнчивый старикъ на этомъ балѣ ознакомилъ меня съ личностями нѣкоторыхъ „одесскихъ львовъ“. Между ними стоялъ нахальный еврей Пуль (Poel), женатый на побочной дочери с.-петербургскаго банкира Штиглица и по довѣренности его державшій въ Одессѣ банкирскую контору. Прикащикъ-родственникъ, стараясь показать себя денежнымъ аристократомъ, держа великолѣпный домъ и приемы, мало думалъ объ интересахъ вѣрителя, чѣмъ часто вводилъ его въ огромные убытки, которые, наконецъ, заставили Штиглица закрыть одесскую контору, и обезденежившійся Пуль кончилъ печально жизнь въ нищетѣ, оставя дѣтей безпомощными. Аристократическимъ свѣтиломъ одесскаго горизонта (за отсутствіемъ графа Воронцова, отправившагося на два года въ Англію для свиданія съ престарѣлымъ отцомъ, доканчивавшимъ дни въ Лондонѣ) былъ отставной генераль-маіоръ Л. А. Нарышкинъ, женатый на богатой, нѣкогда красавицѣ, гр. Ол. Потоцкой. Его изящный домъ, парадные обѣды и богатые балы привлекали поклонниковъ и искателей. Съ этого вечера я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ весьма скромно жившаго Инзова. Старикъ придерживался мистицизма и любилъ ботанику. Большая его бібліотека состояла изъ сочиненій: Сведенборга, Эвкертсгаузена, Штиллинга, Бема и имъ подобныхъ, а также сочиненій ботаническихъ. Разговоры наши чаще всего касались сказанныхъ сочиненій мечтателей. О себѣ Инзовъ никогда не говорилъ, да и затронутый всегда отмалчивался. По смерти этого добродѣтельнаго старца (въ 1845 году), при осмотрѣ его бумагъ, ничего не нашлось такого, что бы могло прояснить его загадочную жизнь.

Былъ еще въ Одессѣ вліятельный въ высшемъ обществѣ графъ И. О. Виттъ, начальникъ всей поселенной резервной кавалеріи, нѣкогда фаворитъ Аракчеева по устройству военныхъ поселеній, увеличиваемыхъ приобрѣтеніемъ, правдою и неправдою, помѣщичьихъ сель. По отцу полякъ, по матери грекъ (сынъ Софьи, въ честь которой графъ Потоцкій съ помощью рукъ русскихъ крестьянъ создалъ знаменитый Софійевскій садъ, что неподалеку отъ Умани), графъ Виттъ владѣлъ полнымъ знаніемъ свѣта и людей. Всегда уклончивый (начиная съ аустерлицкаго сраженія), вѣжливый и любезный со всѣми, этотъ властолюбецъ старался все одесское общество при-

влекъ къ себѣ, въ чемъ, при содѣйствіи временной „дамы своего сердца“ Теклы Собаньской, урожденной графини Ржевусской, вполне успѣлъ. Графу Витту казалось мало, что подъ его неограниченною властью находятся три резервные кавалерійскіе корпуса, ему хотѣлось быть неразлучнымъ съ Собаньскою (жившею въ Одессѣ на хуторѣ у възда въ городъ по Тираспольской дорогѣ), и вотъ ему поручаютъ въ управленіе Рипельевскій лицей и тайный надзоръ за прочими сосѣдними войсками, гдѣ Бошнякъ и Шервудъ открыли извѣстный Пестеле-Муравьевскій заговоръ; и это его не удовлетворяло: „новый одесскій Іуда“ заготовляетъ свою столкнуть съ мѣста графа Воронцова. Но объ этомъ въ свое время. Рипельевскимъ лицеемъ графъ Виттъ управлялъ посредствомъ своихъ адъютантовъ Бутакова и Чирковича, аудитора Суходольскаго, поселившагося въ зданіи лицея и питавшагося на его счетъ, а также и чрезъ камеръ-фрау Собаньской. Нѣкоторые преподаватели деморализованнаго въ это время заведенія получали мѣста при посредствѣ горничной, какъ, напримѣръ, Пиллеръ, Золотовъ. Кромѣ посѣщенія императрицы Александры Теодоровны лицея въ 1828 году, нога Витта не переступала ни разу во внутрь заведенія. Штатъ казеннооптнхъ воспитанниковъ при немъ наполнился дѣтьми шляхты, бывшей управителями имѣній, ему родственныхъ польскихъ пановъ; съ другой стороны князь А. Н. Голицынъ, состоявшій въ это время подъ вліяніемъ Филеллиновъ (графини Эдлингъ и А. С. Стурдзы), наславъ десятки дѣтей греческихъ эмигрантовъ, не тѣхъ, которые сражались за свободу отечества, но дѣтей торгашей, пастуховъ и бездомныхъ, и такимъ образомъ первоначально прекрасно устроенное учебно-воспитательное заведеніе хотя и іезуитомъ, въ десять лѣтъ снизошло до той степени, ниже которой уже не могло опуститься.

X.

Никол. Никиф. Мурзакевичъ переходитъ на службу въ Ришельевскій лицей (1831 г.). — Назначеніе попечителемъ Н. Ѳ. Покровскаго. — Очеркъ исторіи Ришельевскаго лицея, его направленіе, порядки и дѣятели; директоръ И. С. Орлай; упадокъ лицея.

Въ январѣ 1831 года, не смотря на предстоящую лучшую въ матеріальномъ отношеніи служебную будущность, я рѣшился оставить таможенную. Таможенная механическая дѣятельность мнѣ не нравилась и, притомъ, была утомительна: съ 9 часовъ утра до 6 и до 7 вечера надлежало выснѣживать за перепискою однообразно форменныхъ бумагъ. Къ тому же, 16 августа 1830 года, послѣдовалъ указъ, которымъ, по случаю предстоявшей польской войны, графъ Виттъ понадобился для формированія резервовъ, а лицеею подчинялись всѣ училища, находящіяся въ Одессѣ, съ образованіемъ изъ нихъ, въ видѣ округа, подъ начальствомъ попечителя, особаго, непосредственно отъ министерства народнаго просвѣщенія зависящаго, управленія. Попечителемъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Ѳ. Покровскій. Исправлявшій въ это время должность директора лицея, Ив. Ив. Винтеръ (не за долго до того сослуживецъ по таможенѣ Я. А. Позняка), чрезъ посредство А. И. Синицына, предложилъ мнѣ перейти въ вѣдомство лицея. Разумѣется, я охотно согласился, въ полномъ упованіи, что представленный начальству новый уставъ Ришельевскаго лицея не далѣе полугода будетъ утвержденъ, въ чемъ положительно увѣрялъ и Винтеръ. Первое вакантное мѣсто—учительскаго помощника—было мною принято съ окладомъ въ 700 рублей въ годъ. Кирьяковъ, Бологовскій, Кашгадамовъ, Архангельскій (кандидатъ московскаго университета, а въ это время профессоръ лицея) были недовольны моею рѣшимостью принять такое ничтожное мѣсто, какъ учительскаго помощника; но я остался твердымъ въ своемъ выборѣ.

Ришельевскій лицей въ 1817 году основанъ аббатомъ Ниволемъ; такимъ названъ имъ въ память герцога Э. О. де Ришелье (бывшаго съ 1803 по 1814 годъ въ Одессѣ градоначальникомъ), сдѣлавшаго этому учебному заведенію значительное денежное

пособіе—аренду въ 15,000 талеровъ. До лица, какъ казеннаго учрежденія, были въ Одессѣ только частный институтъ для мальчиковъ и такой же для дѣвочекъ; высшаго же училища не существовало. Французскій эмигрантъ іезуитъ аббатъ Николь,—поселившійся было въ Петербургѣ и восторженно принятый русскою аристократіей, ввѣрившей ему на воспитаніе своихъ дѣтей (князя Голицыны, Орловы—Алексѣй (графъ) и Михаилъ), но за прозелитизмъ католичества оттуда высланный, впрочемъ, почетно, съ назначеніемъ въ Одессу начальникомъ католическаго духовенства въ Новороссійскомъ краѣ,—подалъ проектъ учрежденія лицея. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, Ришелье ¹⁾ и вся петербургская знать сильно поддерживали проектъ аббата. Огромныя права, которыми не пользовались даже „русскіе императорскіе университеты“, предоставлены были іезуитскому училищу ²⁾, имѣвшему цѣлю исподоволь подкапывать восточное православіе. Не даромъ парижскіе іезуиты, создавшіе свой „разсадникъ“, гдѣ учился аббатъ Николь, нарекли именемъ св. Варвары (что въ переносной французской техникѣ значило Sainte Barbe—пороховой погребъ).

17-го мая 1817 года уставъ былъ подписанъ императоромъ Александромъ I, роскошно напечатанъ въ Парижѣ знаменитымъ Фирмень-Дидо и разосланъ по всей Россіи. Архитектору Монферрану тогда же заказанъ проектъ великолѣпнаго зданія, детальныя чертежи котораго обошлись лицеемъ въ 10 т. р.

¹⁾ Герцогъ Ришелье (Armand Emmanuel, Sophie Septimanie, Duplessis Richelieu, duc de Richelieu et noble Geneois) род. въ Парижѣ 13—25 сент. 1766 г. Въ 1803 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ назначенъ одесскимъ военнымъ губернаторомъ; въ Одессѣ онъ оставался почти до конца 1814 г. (27 сент.); герцогъ скончался 17 мая 1822 г. въ Парижѣ, въ званіяхъ пэра Франціи, министра иностр. дѣлъ, предсѣдателя совѣта министровъ и оберъ-егермейстера франц. двора. Герцогъ Ришелье оставилъ по себѣ въ Одессѣ и въ цѣломъ Новоросс. краѣ память умнаго администратора и человѣка, одареннаго возвышенною и любящею душою. Кн. В. Д.

²⁾ Изъ университетовъ выпускались магистры съ правомъ на чинъ 10-го, кандидаты 12, дѣйствительные студенты 14 класса; воспитанники лицея—съ правомъ на чинъ 9, 10 и 12 класса. Выходило такъ, что профессоръ лицея (университетскій кандидатъ) присуждалъ своему ученику право на чинъ выше своего. Эта несообразность впоследствии уравнена. Воспитанникъ лицея (9 класса) не въ состояніи былъ выдержать экзамена на дѣйствительнаго студента. Такова была степень знаній юности. Н. Н. Муръ.

Дѣти петербургскихъ вліятельныхъ фамилій, богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, родовитыхъ поляковъ съ разныхъ сторонъ явились въ Одессу, а именно: князя Дм. и Гр. Волконскіе (сыновья извѣстнаго П. М., впоследствии министра императорскаго двора), графъ І. К. Ламбертъ, графы Э. и А. Сен-При (дѣти херсонскаго губернатора), граф. Бутурлины, гр. Доланъ, гр. Девіеръ, гр. Латуръ, гр. Рошфоръ, сыновья генерала Рудзевича, князя Четвертинскіе, впрочемъ— все, что могло платить до 2,000 рублей асс. въ годъ за воспитаніе каждаго сына (такихъ набралось до 129 мальчиковъ), все торопилось вручить будущую опору православной Руси въ руки іезуитскаго аббата. Дѣйствительно, по части нравственно-воспитательной аббатъ Николь былъ неуворизненъ. Всегда неутомимо дѣятеленъ, всегда одинаковъ, безпристрастенъ и безкорыстенъ. Всѣ его помыслы стремились къ тому, чтобы въ сердцахъ и умахъ будущихъ дѣателей Россіи видѣрить глубокое уваженіе и сочувствіе къ Франціи. О варварской Россіи предоставлялось думать, какъ угодно. Реми Жиле (воспитатель дѣтей гр. Бутурлина) сдѣланъ инспекторомъ лицея, прямо съ чиномъ надворнаго совѣтника; два аббата: Боавенъ и Рафлишъ поступили законоучителями и профессорами французской литературы; французы: Віардъ — математики, Надо — французской грамматики.

Вотъ что представили Сен-Барбисты, изящные, полированные и вкрадчивые наставники довѣрчивой юности. Что же дѣлало наше министерство духовныхъ дѣлъ подъ управленіемъ набожнаго Голицына, въ отпоръ затаеннымъ замысламъ иноземной пропаганды?

Синодъ прислалъ архимандрита Теофила Финикова, опрятнаго франта-монаха, порочнаго, властительнаго и жестокаго въ обращеніи съ дѣтьми. Этотъ законоучитель, по канону, долженъ былъ служить „правиломъ вѣры, образомъ кротости и воздержанія“. Въмѣсто этого, Теофилъ надѣлялъ прислуживавшихъ ему во время обѣдни дѣтей пощечинами и потасовкою.... Несомнѣнно и то, что дѣти, направленные лукавыми іезуитами, изподтишка раздражали необузданнаго монаха.

Богословская программа, данная Теофилу первымъ членомъ синода митрополитомъ Амвросіемъ, была „гласомъ, во-

пьющимъ въ пустыни". Вечернія чтенія духовныя, предлагаемыя имъ воспитанникамъ, ихъ усмыслили или исчезали безслѣдно въ ушахъ невольныхъ слушателей. Что же положилъ въ основаніе будущему образователю новороссійскаго и бессарабскаго юношества тотъ же „обоюдный“ министр? Онъ не прислалъ ни одного человѣка, избраннаго отъ нѣсколькихъ университетовъ, а предоставилъ аббату, какъ директору, да херсонскому губернатору графу Ланжерону (французскому эмигранту) ¹⁾ и нѣсколькимъ гражданамъ, „состоявшимъ въ качествѣ членовъ правленія лицея“, довольствоваться мѣстными средствами. Такимъ образомъ изъ бывшаго плохаго института взяли И. И. Дудровича—профессоромъ философіи, которую онъ читалъ по запискамъ своего брата, профессора харьковскаго университета, А. А. Пиллера—проф. итальянскаго языка, бывшаго гувернеромъ дѣтей Булгакова, А. И. Ковалевскаго (безъ ученой степени)—проф. русской и латинской словесности, А. В. Петша, богемца,—проф. нѣмецкаго языка, А. И. Славицкаго (безъ ученой степени)—проф. латинской, греческой и русской словесности, мало ему знакомыхъ, и потому вскорѣ замѣненнаго Мальчевскимъ (кандидатомъ московскаго университета). Адъюнктами были избраны: Черемисиновъ, для греческой и латинской словесности, и вскорѣ на его мѣсто Калиновскій, да Жуковъ—учитель русскаго языка и танцованья.

Ученье въ лицей открылось 7 января 1818 года. Подъ надзоромъ, должно сказать, неусыпнаго аббата преподаваніе шло

¹⁾ Графъ Ланжеронъ (Louis Alexandre Andrault, Chevalier-comte de Langeron, Marquis de la Coste, Baron de Cougny, de la Ferté-Langeron et de Sassy, et Baron de l'Empire d'Autrichien et Citoyen de Genève) род. въ Парижѣ 13 янв. 1763 г., служилъ во французской гвардіи, сражался за независимость Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и вступилъ въ чинъ полковника въ русскую службу въ 1790 г. Сдѣлавъ шведскую кампанію, онъ перешелъ въ армію Потемкина и находился въ отрядѣ де Рибаса; потомъ принималъ участіе въ походахъ принца Саксенъ-Кобурга въ Голландію. Въ чинѣ генералъ-лейтенанта принятый въ руссійское подданство и удостоенный графскаго Россійской имперіи достоинства, онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ въ экспедиціи въ Корфу, въ кампаніяхъ противъ турокъ и въ отечественную войну 1812—1814 командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ. По заключеніи мира, гр. Ланжеронъ былъ назначенъ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, и въ этой должности находился съ 1815 г. по 1822 г.

порядочно. Разумѣется, объемъ преподаванія наукъ былъ не выше гимназическаго; господствующій языкъ въ устахъ всѣхъ былъ французскій, русскій считался какъ бы иностраннымъ. Для повторенія съ воспитанниками пройденныхъ профессорами уроковъ были репетиторы, названные адъюнктами. На каждые 15 учениковъ было по гувернеру (неотлучно при нихъ находившемуся), а сверхъ того два инспектора надъ воспитанниками старшаго и младшаго возрастовъ. Возрасты раздѣлялись на четыре отдѣленія (division), которыя не сходились даже во время отдыха, и каждый классъ имѣлъ отгороженный садикъ. За столомъ, кромѣ надзирателей, сидели всѣ преподаватели (особо обѣдать имѣлъ право только директоръ, а прочіе—въ случаѣ болѣзни). Спальни не только раздѣлялись по 4 возрастамъ, но и въ самихъ спальняхъ были перегородки, наглухо запиравшіяся на ночь. Въ комнатахъ имѣлись: шкафикъ для книгъ съ ящиками, для ежедневной одежды, стулъ, кровать и ночная посуда. Общій гардеробъ хранился въ отдѣльныхъ шкафахъ.

Разъ въ мѣсяцъ воспитанники, сдѣлавшіе успѣхи (послѣ чтенія отмѣтокъ), по воскресеньямъ, отпускались въ роднымъ, но не болѣе какъ на 8 часовъ. Ходить безъ проводника строго запрещалось. Разъ въ мѣсяцъ писались письма въ роднымъ и посылались на почту, но не иначе какъ послѣ просмотра инспектора. За каждымъ шагомъ, за каждымъ словомъ воспитанника слѣдили надзиратели, которые о всякомъ дѣйствіи ежедневно давали знать инспектору и директору. Пища была хорошая, состоявшая за обѣдомъ изъ 3, за ужиномъ—2 блюда, кромѣ утренняго и вечерняго чая, съ бѣлымъ хлѣбомъ; за обѣдомъ на каждого воспитанника ставилось по полубутылкѣ столоваго легкаго вина. Въ заведеніи имѣлись двѣ небольшія церкви: католическая и православная. Въ первой часто прислуживали на обѣднѣ дѣти православнаго исповѣданія. Какъ по §..... Устава желалось, чтобы всѣ преподаватели лицея, „посвятившіе себя всецѣло дѣлу воспитанія, были бы неженатыми“,—то всѣмъ имъ полагались квартиры со столомъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ въ зданіи лицея. Директоръ занималъ 8, инспекторы по 4, профессора по 3, адъюнкты по 1 комнатѣ съ прихожей. Вся прочая прислуга помѣщалась на переднемъ дворѣ. Неосуществившійся планъ Монферрановъ пышнаго зданія былъ

замѣненъ болѣе скромнымъ домомъ, построеннымъ съ подряда поручикомъ Ант. Шостакомъ въ два этажа, вдоль Дерibasовской и Ланжероновской и поперекъ Екатерининской улицъ, съ двумя необширными дворами. Между тѣмъ какъ въ великолѣпномъ лицей, имѣвшемъ быть тамъ, гдѣ теперь такъ называемое Куликово поле, предполагался и ботанической садъ. Обширная земля была отведена лицейю Одесскимъ строительнымъ комитетомъ по протяженію морскаго берега до такъ называемаго Малаго фонтана.

По уставу, пенсій наставникамъ не полагалось; но было постановлено, чтобы каждый воспитанникъ сверхъ платы (1200 р. въ годъ) за содержаніе, по окончаніи полнаго курса, въ знакъ благодарности за воспитаніе вносилъ еще 500 рублей, которыхъ $\frac{1}{3}$ часть поступала въ руки наставниковъ.

Чтобы питать тщеславіе родителей и ихъ дѣтей, придумана была красивая форменная одежда, состоявшая изъ мундира синяго цѣлта съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами, опушенными краснымъ кантвомъ, пуговицы желтыя, форменная фуражка и темно-сѣрая съ бархатнымъ воротникомъ шинель. Бѣлья полагалось довольно. Одежда была хорошаго качества. Все было придумано, предусмотрѣно въ пользу богатыхъ и ничего для бѣдныхъ—приходящихъ учениковъ. Для нихъ отведены были наружныя дрянненькія помѣщенія, именовавшіяся, какъ и ученики, „внѣшними“ (externes). Обучали: особый священникъ, 3 учителя съ однимъ помощникомъ. Кромѣ жалованья 1,000 р. или 700 руб., болѣе ничего не давалось. Обученіемъ завѣдывалъ 2-й инспекторъ. Сношеній воспитанниковъ съ учениками не было, да и строго запрещались; отличительной формы ученической также не было. Одно только у всѣхъ было общее—розги; воспитанниковъ директоръ наказывалъ секретно, учениковъ—инспекторъ гласно. Пока всѣмъ составомъ лицейя (кромѣ хозяйственной части, вѣренной Реми-Жиле) управлялъ аббатъ Николь, дѣло шло удовлетворительно, а выше всего было нравственное направленіе; но когда подчинили лицей вѣдомству попечителя харьковскаго университета, тогда попечитель Карнѣевъ изъ своей деревни Захарьевки сталъ править университетомъ съ его обширнымъ округомъ, а на вскраѣ моря—Ришельевскимъ лицеемъ. Въ это же время было въ обычаѣ управлять и изъ С.-Петербурга: Пестель—Сибирью, Магницкій—Казанью.

Отъ архимандрита Теофила пошли въ Синодъ доносы на аббата въ прозелитизмъ. Аббатъ отправился въ С.-Петербургъ для оправданія предъ княземъ Голицынымъ, всегда къ нему благоволившимъ; но напрасно; не помогла также ловкому іезуиту защита другого его покровителя—дюка Ришелье (въ это время бывшаго первымъ министромъ Франціи). Получивъ лично отъ Александра I алмазный крестъ св. Анны 2-й степени, Николь, не смотря на это, опустили руки и въ одно прекрасное утро 1821 года, незамѣтно для всѣхъ, уѣхалъ изъ Одессы въ Парижъ. Карнѣевъ, во все вмѣшиваясь, сталъ выживать аббатовскихъ и опредѣлять своихъ харьковцевъ; но, къ несчастью заведенія, весьма неудачно. Явились: профессоромъ русской и латинской словесности Гриневицъ, не получившій диплома университетскаго на магистерство, недалекій въ наукѣ и сильно придерживавшійся хмѣльнаго; инспекторами: Кепенъ (братъ академика) и дряхлый молдаво-валахъ Калинесу, — первый—замѣчательный страстью къ интригамъ, другой—незнакомый ни съ русскимъ языкомъ, ни съ хозяйственною частью, которую ему ввѣрили; Симоновичъ—австрійскій сербъ, сперва въ качествѣ надзирателя за воспитанниками, потомъ въ качествѣ исправляющаго должность профессора, женатый для денегъ на публичной женщицѣ; Бабичевъ—харьковскій кандидатъ, въ качествѣ профессора русской словесности. Ко всему этому присоединилось разстройство хозяйственной части преемникомъ аббата—Реми-Жиле, назначеннымъ директоромъ. Въ кассѣ лицея не оказалось 80,000 рублей. Поставщикамъ провизіи, строителямъ зданія лицея денежная уплата приостановилась; для изслѣдованія дѣла была наряжена особая коммиссія изъ С.-Петербурга. Денегъ, однако, не розыскали; Жиле удалили, а графъ Бутурлинъ обязался, по частямъ, внести недостающую сумму. Говорятъ, что онъ-то и занялъ ее у Жиле, котораго не только не наказали за своеволие, но пристроили къ царсвосельскому лицее.

Грязныя связи Дудровича, Теофила, Бабичева — съ кастеляншами заведенія, сцены ревниваго подсматриванія одного за другимъ, пьянство Гриневица и адъюнкта Шеляревича, не могущія укрыться отъ пронизательнаго глаза воспитанниковъ, имѣвшихъ свободный доступъ къ своимъ наставникамъ, сперва пошатнули, а потомъ окончательно разрушили созданную аббатомъ Николемъ прекрасную дисциплину. Всѣ аристократы тотчасъ

разобрали своих дѣтей, а на мѣсто ихъ набрались дѣти греческихъ эмигрантовъ ¹⁾, внесшихъ съ собою въ стѣны лицея буйство, неопрятность и пороки востока.

Послѣ Жиле, не знавшаго по-русски, директоромъ перевели изъ Риги нѣмца Гейнлета, квіетиста. Здѣсь самовластіе архимандрита, какъ взятельнаго члена правленія лицея, сдѣлалось необузданнымъ. Монахъ всѣхъ страцалъ донесеніями синоду и министру, и всѣ, зная за собою разные грѣшки, молчали и повиновались наглому монаху. По странному устройству правленія лицея, директоръ имѣлъ только совѣщательный голосъ, распорядительнымъ-же владѣли предсѣдатель правленія, — сперва херсонскій военный губернаторъ графъ Ланжеронъ, потомъ — одесскіе градоначальники, да члены, избиравшіеся на срокъ изъ дворянъ и купцовъ.

Въ 1823 году лицей попалъ изъ огня въ полымя: назначенный управляющимъ лицеемъ графъ Виттъ совершенно уронилъ неопытнаго, слабаго, новаго директора и затѣмъ вскорѣ вытѣснилъ. Въ день отъѣзда Гейнлета, архимандритъ объяснялъ воспитанникамъ текстъ: „и бѣгаетъ нечестивый, ни единому-же гонящу“. Вся вина Гейнлета была въ томъ, что онъ собиралъ къ себѣ нѣкоторыхъ служащихъ для пѣнія нѣмецкихъ духовныхъ гимновъ. Рекомендованный графомъ Виттомъ въ директоры колл. сов. Дитрихсъ, не вступая въ должность, указомъ Сената объявленъ былъ „отставленнымъ отъ службы за безпорядки по одесской таможнѣ“, гдѣ былъ управляющимъ. За нимъ назначенный директоромъ капитанъ 2-го ранга князь Шаховской умеръ, не доѣхавъ до Одессы. И уже въ 1826 году проснувшееся министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ адмирала Шишкова, назначаетъ директоромъ, нѣкогда обучавшагося въ австрійскихъ школахъ, извѣстнаго придворнаго лейбъ-медика И. С. Орлая, до того бывшаго директоромъ Нѣжинскаго лицея. Ему первому дали права самостоятельнаго директора. Въ шесть лѣтъ прошедшихъ господствовали: интриги, пьянство, соблазнъ

¹⁾ Арабоглу, Папазоглу, Зарифи, Сканави, Схина, Сихри (архіерейскій племянникъ). У греческихъ архіереевъ не бываетъ дѣтей, — но племянники). Антоніади, Левида, Россети, Ираклиди, по окончаніи курса сдѣлавшіеся купцами или торговцами въ Одессѣ.

и равнодушіе въ дѣлу, въ которому были призваны, въ лицахъ, исправлявшихъ должности директора и инспектора, — Дудровичъ и Симоновичъ... Одно, впрочемъ, доброе дѣло сдѣлалъ графъ Виттъ, изгнавъ изъ лица необузданнаго Теофила. Пренія на него жалобы княземъ Голицынымъ не были приняты во вниманіе, и обвиняемый вернулся въ Одессу еще награжденнымъ орденомъ Владиміра 3-й степени. Но улики, представленныя графомъ Виттомъ, были неотразимы, и безстрашный Теофилъ заключенъ въ исправительный суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь; въ распоряженіи настоятеля этого монастыря состояла команда солдатъ для укрощенія заточаемыхъ. Архимандритъ былъ замѣщенъ бездариѣйшимъ и лѣнивѣйшимъ протопопомъ Гербановскимъ. Синодъ не позаботился даже объ отысканіи благонадежнаго законоучителя; синодъ, впрочемъ, въ это время воевалъ съ княземъ Голицынымъ и его библейскимъ обществомъ, а также съ г-жею Гіонъ и др.

Ретивый славянофилъ Орлай, родомъ карнато-русь, приверженецъ А. С. Шишкова, на очищавшіяся мѣста началъ помѣщать все, что могло казаться славяниномъ; такъ удержались Дудровичъ съ Симоновичемъ; прибавился профессоръ Лепка, чехъ, впоследствии преподававшій римское право, объясняя воспитанникамъ степени родства при пособіи собственной любимой стаи собакъ, за нимъ слѣдовавшей повсюду: „esse paterfamilias, esse filius, esse nepos!“ Преній учитель музыки Пахманъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка. Если въ лицѣ знали когда-либо латынь, то этимъ все обязаны знанію, примѣрному усердію и постоянству этого добросовѣстнаго преподавателя. Изъ Москвы пріѣхали исправляющими должность профессоръ кандидаты тамошняго университета: Н. Д. Курляндцевъ — на математику и П. В. Архангельскій — на законовѣдѣніе; изъ с.-петербургскаго педагогическаго института — Андреевскій. Выборъ московскихъ былъ весьма удачнымъ, но противное оказалось въ профессорѣ русской словесности; шулуны тотчасъ прозвали Андреевскаго „чижиномъ“.

Вникнувши въ преподаваніе наукъ, Орлай нашель его далеко несоотвѣтствующимъ высокому званію лица, и потому озаботился поставить преподаваніе на возможно высшую степень, даже въ сравненіи съ лучшими гимназіями, въ чемъ до нѣкоторой

степени и успѣлъ. Поднимая учебную часть, Орлай упустилъ изъ виду нравственно-воспитательную. Односторонній взглядъ заботливаго директора ловко устранилъ отъ себя Симоновичъ, увѣряя довѣрливаго старца, что по его части все обстоитъ благополучно. Между тѣмъ нравственное руководство находилось въ рукахъ собранныхъ съ улицъ офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ (И. И. Шульцъ), бродягъ нѣмцевъ (Шиллингъ), французовъ (Веру и Берэ). Зачастую воспитанники, возвращаясь съ лицейскаго хутора или другого какаго загороднаго гулянья, приносили на рукахъ замертво пьянаго своего надзирателя (Берэ, Плецинскаго, Шепецкаго). Неудивительно, что послѣ такихъ назидательныхъ примѣровъ стали исключать „за дурное поведеніе“ воспитанниковъ изъ лицея или выпускать безъ одобрительныхъ аттестатовъ. Такимъ явился А. Гойеръ, побочный сынъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Репнина-Волконскаго, и др.

Экономическая часть находилась въ безотчетныхъ рукахъ Симоновича и эконома. Съ какимъ успѣхомъ совершалась собственная ихъ „благоразумная экономія“, о томъ свидѣлствуютъ купленная деревня Симоновичемъ и построенные дома экономами Богдановичемъ и Новицкимъ. За то воспитанники зачастую ѣли гнилую говядину, кашу съ жиромъ, иногда съ свѣчнымъ саломъ, и зимою спали, не раздѣваясь, по причинѣ холода въ спальняхъ. Орлай разрушилъ крайне рѣзкое раздѣленіе, сдѣланное аббатомъ Николемъ, между воспитанниками внутренними (internes) и виѣшними (externes). Соединя параллельные классы во едино, онъ смѣшалъ учениковъ. Наука отъ обоюднаго соревнованія пошла лучше, но за то извнѣ наплыли незнаемыя до того шалости, а иногда и гадости. Одесса сложилась, подобно Риму, изъ бродягъ всѣхъ націй, — неудивительно поэтому, что дѣти такихъ отцовъ не могли усвоить себѣ добрыхъ началъ и что самая школа стала считаться въ то время почти исправительнымъ заведеніемъ. Правда, что человѣку неизбѣжно узнать и пороки, но своевременно. Преклонныя лѣта, болѣзнь, огромное семейство безъ всякаго состоянія сильно вліяли на Орлая. Усилившаяся меланхолія заперла его въ комнатѣ, гдѣ одиночество свое онъ нерѣдко усиленно отстаивалъ.

Внутренніе беспорядки лицея росли со дня на день. Среди

такого положенія лица, Орлай умеръ въ 1828 году. Дудровичъ сталъ временнымъ начальникомъ. Всезнающій графъ Виттъ во все это время бездѣйствовалъ. Чуткій его слухъ внимательнѣе прислушивался къ глухимъ затаеннымъ замысламъ польскимъ. Послѣдующія обстоятельства подтвердили общее предположеніе: управленіе лицеемъ было ввѣрено особо назначенному попечителю, и графъ Виттъ съ его адъютантами, аудиторами и служанками Собаньской оставилъ навсегда обезображенный ими лицей. Не будь такихъ протекторовъ, какъ графъ Виттъ, Чирковичъ и др., благоправный аббатовскій лицей не былъ бы низведенъ столь быстро до такого жалкаго положенія.

Николай Никифор. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ ¹⁾.

ЛХХV. СТАНИСЛАВЪ АВГУОТЬ ПОНЯТОВСКІЙ.

Оскорбленія, наносимыя намъ лицами, неизмѣнную привязанность которыхъ мы заслужили строгою преданностію и жертвами, принадлежать, безспорно, къ наиболѣе чувствительнымъ оскорбленіямъ, которымъ подвержено несовершенное человѣчество.

Представьте себѣ два существа, живущія въ дружбѣ. Дружба эта насильно разрывается. Вскорѣ затѣмъ она достигаетъ высшаго пункта земнаго величія; вмѣстѣ съ тѣмъ, она получаетъ власть самопроизвольно отчасти опредѣлять, отчасти направлять своимъ вліяніемъ судьбу многихъ милліоновъ людей. Она вспоминаетъ о немъ, и хотя сама уже снована новыми отношеніями, она все таки поднимаетъ его крѣпкою рукою изъ состоянія частныхъ лицъ, возвышаетъ до собственнаго положенія и ставитъ его во главѣ сосѣднаго, поработеннаго народа. Впослѣдствіи она забываетъ (о прежней своей дружбѣ и расположеніи къ нему); она пользуется положеніемъ своего бывшаго избранника для исполненія своего проекта и такъ какъ онъ слабъ, такъ какъ онъ постоянно уступаетъ, она дѣлаетъ его презрѣннымъ. Блескъ, его окружавшій, превращаетъ она въ блѣдный отблескъ. Наконецъ, она со-всѣмъ (лишила его владѣній), оставила ему лишь ничтожныя средства для поддержанія его существованія и сдѣлала его вполнѣ несчастнымъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1836 г., т. I, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, июль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр. 1—24.

Въ такомъ положеніи былъ Станиславъ Августъ Понятовскій, который необходимо долженъ занять свое мѣсто въ этой книгѣ.

Фамилія Понятовскихъ не принадлежитъ къ числу знатнѣйшихъ родовъ польской націи; она стала знаменитою только со времени отца того, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Онъ носилъ имя Станислава и родился въ 1678 году. Въ войнахъ Фридриха I съ Карломъ XII Понятовскій-отецъ былъ на сторонѣ шведскаго короля, на службѣ котораго находился. Послѣ полтавской битвы, рѣшившей участь двѣнадцатаго Карла и принудившей его бѣжать въ Бендеры, было уже весьма вѣроятно, что въ Польшѣ возникнетъ междоусобица. Фридрихъ-Августъ I не могъ еще вступить на польскій престолъ, на которомъ уже колебался безсильный Станиславъ Лещинскій. При этихъ-то обстоятельствахъ, Понятовскому, который покинулъ своего государя и былъ еще молодымъ человѣкомъ, вспало на умъ,—что казалось возможнымъ всякому польскому дворянину,—стать самому королемъ. Съ этимъ намѣреніемъ отправился онъ въ Польшу. На пути, прибылъ онъ, однажды, вечеромъ, въ гостиницу. Рядомъ съ его комнатою находилось веселое общество. Такъ какъ онъ не могъ спать, то всталъ и отправился къ сосѣдямъ. Онъ нашелъ, что всѣ присутствовавшіе заняты ворожкой цыганки, которая, едва его увидѣла, назвала «превосходительствомъ». Онъ показалъ ей свою руку.

«Вы стремитесь, сказала цыганка, къ высшему сану, но вы его не получите; его, однако, достигнетъ одинъ изъ вашихъ сыновей».

Понятовскій записалъ это предсказаніе и Станиславъ Августъ нашелъ его въ бумагахъ своего отца. По первому взгляду, этотъ анекдотъ можетъ быть принятъ за суевѣрную сказку; но онъ поддается совершенно естественному объясненію. Люди Понятовскаго могли знать намѣреніе своего господина и даже похвалиться имъ. Этимъ путемъ могла узнать его и цыганка, которая, при помощи разумныхъ комбинацій тогдашняго положенія дѣлъ, ей, пожалуй, болѣе доступныхъ, чѣмъ самимъ кандидатамъ на корону, могла вывести заключеніе, что его усилія будутъ тщетны. Въ то же время, она хотѣла утѣшить его надеждою, что одинъ изъ его сыновей, изъ которыхъ ни одинъ еще тогда не родился, можетъ, при другихъ обстоятельствахъ, стать королемъ. Какъ бы ни было, но это предсказаніе сдѣлало такое впечатлѣніе на Понятовскаго-отца, что онъ добровольно отказался отъ своего намѣренія сдѣлаться королемъ, которое, впрочемъ, и безъ этого ему пришлось бы бросить. Онъ выбралъ другое средство прославиться, которое едва-ли выдерживаетъ критику строгой морали. Онъ отправился къ королю Станиславу Лещинскому, приобрѣлъ выданный этому королю

актъ отреченія короля Фридриха Августа I и успѣшилъ возвратить его тому, который былъ вынужденъ его выдать. За эту, во всякомъ случаѣ, важную, но, конечно, непочтенную услугу, Понятовскій былъ по королевски вознагражденъ Фридрихомъ Августомъ I или, какъ онъ зовется въ польскомъ королевствѣ, Августомъ II. Нѣсколько времени спустя, король породнилъ его съ одною изъ первыхъ фамилій въ государствѣ, доставивъ ему въ супруги княжну Чарторижскую. Понятовскій назвалъ съ тѣхъ поръ графомъ, какъ обыкновенно дѣлають поляки, когда причисляютъ себя къ великимъ родамъ своей земли. Графиня Понятовская, бывшая весьма богатою и славившаяся своимъ остроуміемъ и любезностью, сдѣлала своего супруга вполнѣ счастливымъ. Король, всегда благодарный и великодушный, предоставилъ ему, находившемуся подъ руководствомъ иногда противоположныхъ принциповъ своей супруги, различныя высокія и прибыльныя должности въ государствѣ, пожаловалъ ему, въ 1726 году, орденъ Вѣлаго Ора и назначилъ его, въ 1731 г., мазурскимъ воеводою. Этотъ Станиславъ умеръ въ 1762 году краковскимъ кастеляномъ.

Его жена, умершая пятью годами ранѣе его, подарила его пятью сыновьями. Первый, Казиміръ, былъ короннымъ великимъ камергеромъ и занималъ другія важныя должности. Онъ былъ отцемъ князя Станислава Понятовскаго, который состоитъ теперь (1808 г.?) военнымъ министромъ на службѣ короля саксонскаго и герцога варшавскаго, и извѣстенъ какъ благороднѣйшій человѣкъ. Второй сынъ умеръ, состоя на французской службѣ. Третій сынъ былъ Станиславъ Августъ, о которомъ здѣсь будетъ подробно разсказано. Четвертый сынъ, Михаилъ, избралъ духовную карьеру. Онъ былъ примасомъ королевства, хотя и было противно основнымъ законамъ государства, чтобы эту должность занималъ столь близкій родственникъ короля. Этотъ Понятовскій былъ сторонникъ Россіи и умеръ въ 1794 году въ Варшавѣ. Пятый сынъ, Андрей, умеръ, состоя на австрійской службѣ. Его сынъ Іосифъ, отъ графини Кинской, отличился въ несчастной польской революціи, во время которой онъ потерялъ все свое состояніе.

Станиславъ Августъ, третій изъ братьевъ, родился 7-го января 1732 года. Онъ получилъ превосходное образованіе, какого только можно было ожидать отъ заботливости такой превосходной матери. По окончаніи ученія, онъ отправился путешествовать—въ Саксонію, Германію и Францію. Его изумительная красота и любезность приводили его въ сношенія съ знатнѣйшими женщинами при всѣхъ дворахъ. Онъ повсюду входилъ въ сношенія съ иностранными дипломатами

и выказалъ способность къ мелкой интригѣ, этой незаконнорожденной сестры истинной политики, отъ которой она часто заимствуетъ маску и тѣмъ вводитъ въ обманъ несвѣдущихъ людей. Изъ Франціи Понятовскій отправился въ Англію, гдѣ жизнь понравилась ему несравненно болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Съ этого времени и до самой смерти онъ сохранилъ рѣшительное пристрастіе къ Англіи и ея учрежденіямъ. Въ Лондонѣ онъ опять увидѣлъ кавалера Уильямса Гэнбури ¹⁾, котораго онъ уже зналъ и который питалъ къ нему необыкновенную дружбу. Въ половинѣ 1750-хъ годовъ Гэнбури отправился посломъ въ Петербургъ и предложилъ графу Понятовскому сопровождать его. Въ началѣ онъ не могъ получить согласія своей матери на это путешествіе. Она, урожденная Чарторижская, и, слѣдовательно, врагъ царствовавшаго въ Польшѣ саксонскаго дома, не хотѣла отпустить своего сына ко двору, бывшему въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ саксонскимъ. Наконецъ, она уступила доводамъ, которые выставляли ей и поддерживали краснорѣчіемъ. Ей говорили, что, въ союзѣ съ Гэнбури, ея сынъ работалъ бы въ Петербургѣ въ интересахъ Англіи и Пруссіи и особенно фамиліи Чарторижскихъ, которая тогда явно выказывала свои виды на польскій тронъ. Гэнбури и Понятовскій отправились въ Петербургъ ²⁾; одинъ какъ посолъ, другой какъ секретарь миссіи, хотя и не имѣлъ этого титула. Здѣсь, по рекомендаціи посла, молодой человекъ познакомился съ великой княгиней, которая составила его счастье въ молодости и несчастье въ старости. Свое значеніе при великой княгинѣ онъ употребилъ къ тому, чтобъ приготовить ее на тотъ случай, когда, за смертію Фридриха Августа II, польскій престолъ станетъ вакантнымъ, и добиться ея содѣйствія къ возведенію одного изъ Чарторижскихъ — преимущество, на которое не могъ тогда рассчитывать менѣе могущественный домъ Понятовскихъ, хотя отецъ его делѣялъ уже эту мечту въ смутныя времена Польши. Великаго князя Понятовскій привлекъ на свою сторону пріятностью бесѣды, фанатическими восхваленіями короля прусскаго и своимъ отвращеніемъ къ королю, своему государю. Онъ выказывалъ это отвращеніе публично и въ формѣ крайне оскорбительной. Однажды, онъ ѣздилъ со всѣмъ дипломатическимъ

¹⁾ Гэнбури былъ прежде посланникомъ при дрезденскомъ дворѣ. Онъ умеръ въ Англіи, вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи.

²⁾ Понятовскій вмѣстѣ съ посланникомъ жилъ въ домѣ графа Савронскаго, на Невѣ; Станиславъ Августъ занималъ угловую комнату, насупротивъ Мраморнаго дворца, имѣвшую окна на всѣ четыре стороны.

корпусомъ въ Кронштадтъ для осмотра гавани и мѣстныхъ учреждений. Общество обѣдало у адмирала. За столомъ, всякій, по тогдашнему обычаю, провозглашалъ здоровье своего государя. Когда очередь дошла до Понятовскаго, онъ предложилъ тостъ за благополучіе республики, и когда его спросили, почему онъ забылъ о королѣ, онъ сталъ говорить объ этомъ монархѣ и о графѣ Брюлѣ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ. Все это, какъ и отношенія молодого человѣка (ко двору) также хорошо было извѣстно въ Варшавѣ, какъ и въ Петербургѣ, и вызвало со стороны Польши приказъ Понятовскому возвратиться въ свое отечество. Онъ исполнилъ это, но съ твердымъ намѣреніемъ вскорѣ же опять прибыть къ русскому двору.

Прибывъ въ Варшаву, Понятовскій сталъ обдумывать побудительныя причины быть снова отправленнымъ въ Петербургъ. На собравшемся тогда сеймѣ онъ съ большою горячностью говорилъ о необходимости имѣть, при тогдашнемъ положеніи Саксоніи, собственно польскаго посланника въ Россіи, обязанности котораго не должны быть смѣшиваемы съ обязанностями саксонскаго посланника. При этомъ онъ ясно намекалъ, что, по своимъ большимъ связямъ въ Россіи, онъ собственно и есть тотъ человѣкъ, который можетъ въ Петербургѣ оказать своей родинѣ наибольшія услуги. И другія обстоятельства поддержали планъ графа Понятовскаго. Великая княгиня желала его возвращенія и обращалась по этому поводу къ своему супругу, даже и къ великому канцлеру графу Бестужеву. Добрый великій князь былъ привлеченъ весьма тонко и незамѣтнымъ образомъ, и самъ же выразилъ великому канцлеру желаніе видѣть польскаго графа въ Россіи. Бестужевъ весьма легко согласился сдѣлать необходимыя для этого приготовленія, отчасти потому, что не хотѣлъ огорчить великой княгини, въ содѣйствіи которой еще надолго нуждался, отчасти потому, что, какъ онъ былъ увѣренъ, въ Варшавѣ никогда не назначать посланникомъ въ Россію человѣка, о которомъ было извѣстно, что онъ сторонникъ Англіи и Пруссіи и, слѣдовательно, врагъ коалиціи противъ Фридриха II. Въ этомъ онъ, однако, ошибся. Французское посольство ¹⁾ въ Варшавѣ, считавшее графа Понятовскаго человѣкомъ подозрительнымъ, даже опаснымъ, употребляло всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать его назначенію. Брюль обидѣлся. Давать ему предписанія въ этомъ дѣлѣ онъ считалъ за вторженіе въ его права. Не обращая вниманія на то, что предписывалось разумомъ и политикой,

¹⁾ Броули и Д'Альфонъ.

онъ содѣйствовалъ назначенію графа Понятовскаго польскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, для того, какъ онъ говорилъ, чтобъ заранѣе быть увѣреннымъ въ благосклонности великокняжескаго двора въ нужныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ. Еще прежде отправки новаго посланника въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ великимъ стольникомъ Литовскимъ и получилъ орденъ Бѣлаго Орла—неслыханное отличіе, такъ какъ до него ни одинъ частный человѣкъ не получилъ этого ордена, будучи только 26 лѣтъ. При этомъ случилось обстоятельство, заслуживающее быть рассказаннымъ. Когда Понятовскій получилъ отъ короля орденъ, камердинеру монарха было приказано принести звѣзду. Камердинеръ ошибся и привезъ ту, которую носятъ гротмейстеръ ордена, съ надписью: *pro fide, grege et lege*, между тѣмъ какъ на кавалерской звѣздѣ надпись гласитъ такъ: *pro fide, rege et lege*. Многіе видѣли тогда въ этой ошибкѣ дурное предзнаменованіе.

По прїѣздѣ въ Петербургъ ¹⁾ Понятовскій вовсе уже не думалъ о своихъ посланническихъ обязанностяхъ, исполненіемъ которыхъ онъ заранѣе еще похвалялся въ Варшавѣ. Онъ жилъ только для наслажденій. Но его все еще терпѣли. Настроеніе русскаго двора было, однако, крайне возбуждено противъ него, когда въ Петербургъ прибылъ принцъ Карлъ саксонскій и польскій. Императрица и великокняжескій дворъ обратились къ этому принцу по поводу посланника его отца. Елизавета охотно удалила бы его отъ двора, наследникъ же престола и его супруга желали его удержать. Наконецъ, онъ самъ содѣйствовалъ своему насильственному удаленію, однимъ необдуманнѣмъ поступкомъ.

Послѣ одного случая въ Ораніенбаумѣ, Понятовскій былъ арестованъ, приведенъ къ великому князю, и графомъ Браницкимъ ²⁾, который какъ разъ въ это время былъ у великаго князя, былъ вытолканъ

¹⁾ Какъ посланникъ, Понятовскій жилъ на Невскомъ проспектѣ, на углу Екаторининскаго канала. Въ 1780-хъ годахъ домъ этотъ принадлежалъ княгинѣ Голицыной, женѣ генералъ-фельдмаршала, которая и умерла въ немъ. Отъ ея наследниковъ домъ былъ купленъ трактирщикомъ Лиономъ, который очень его увеличилъ и давалъ въ немъ маскарады.

²⁾ Браницкій, происходившій не отъ знаменитой фамиліи этого названія, сталъ, при поддержкѣ Россіи, великимъ короннымъ гетманомъ Польши. Онъ женился на племянницѣ Потемкина и затѣмъ его употребляли для возбужденія неудовольствій въ своемъ отечествѣ или для оскорбленія королевскаго сана, смотря что требовалось. Повело бы слишкомъ далеко передавать всѣ его низости. Онъ хотѣлъ быть королемъ, но поступилъ опять на службу и дослужился только до русскаго генерала, тѣмъ и былъ еще въ 1789 году.

за двери и такимъ образомъ освобожденъ. Великій князь отъ души хохоталъ надъ этимъ необычнымъ способомъ удаленія. Оно, однако, было весьма полезно. Случай этотъ дошелъ до императрицы, и дѣломъ 1758 года Понятовскій долженъ былъ покинуть Петербургъ, не получивъ даже отзывной грамоты.

Онъ отправился въ Варшаву, гдѣ былъ весьма неблагоприятно принятъ даже графомъ Брюлемъ, имѣвшимъ достаточно причинъ раскаться въ своемъ упрямствѣ. Понятовскій велъ теперь самую мизерную жизнь въ своемъ отечествѣ.

По смерти Елизаветы, Понятовскій отомстилъ за равнодушіе, съ которымъ относился къ нему дворъ его родины. Особымъ, не дѣлающимъ чести его характеру, образомъ высказался онъ на польскомъ сеймѣ открытымъ врагомъ саксонскаго дома, который не былъ уже болѣе поддерживаемъ Россією. Этимъ поведеніемъ значительно выиграло его значеніе въ глазахъ супруги Петра III. Она публично высказывала теперь свое благорасположеніе къ нему по этому поводу.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала революція. Въ одной изъ первыхъ депешъ, писанныхъ Фридрихомъ II своему посланнику Гольцу въ Россію, онъ поручилъ ему освѣдомиться подъ рукою, прійдетъ-ли опять въ Петербургъ графъ Понятовскій. Но о чемъ-либо подобномъ нечего было и думать. Между тѣмъ, Екатерина постоянно продолжала сношенія съ своимъ бывшимъ другомъ, и вызвалась дать ему, при подходящемъ случаѣ, фактическое доказательство ея благоволенія.

Случай скоро представился. Фридрихъ Августъ II былъ убитъ горемъ, причиненнымъ несчастіями его и его земли, и, вѣроятно, мыслью, что онъ лишенъ всѣхъ моральныхъ и физическихъ средствъ помочь своей наслѣдственной землѣ. Благородномыслящій и достойный сожалѣнія монархъ умеръ въ октябрѣ 1763 года. Екатерина II тотчасъ предназначила вакантный тронъ Польши своему бывшему избраннику, который, какъ легко догадаться, самъ навелъ ее на эту мысль. Она созвала для вида свой совѣтъ, чтобъ услышать его мнѣніе о польскихъ дѣлахъ. Бестужевъ, старый приверженецъ саксонскаго дома, знавшій уже о видахъ Понятовскаго на польскую корону, совѣтовалъ не нарушать свободы выборовъ въ Польшѣ. Всѣ пристали къ этому мнѣнію; одна лишь Екатерина оспаривала его и, наконецъ, своимъ рѣшеніемъ показала, что вовсе не желаетъ принимать никакихъ совѣтовъ. Она объявила всему собравшемуся совѣту, что желала бы видѣть на польскомъ престолѣ графа Станислава Августа Понятовскаго. Едва она высказала это, какъ вскочилъ Григорій Орловъ, сидѣвшій, какъ генераль-адъютантъ, за ея стуломъ. Своимъ обычнымъ энергическимъ

языкомъ онъ придавъ крѣпкій эпитетъ этому кандидату на корону и сказалъ: «только этого недоставало, чтобъ такой господинъ сталъ королемъ!» Но такъ какъ этимъ путемъ онъ могъ отдѣлаться отъ тягостнаго ему человѣка, соперничества котораго онъ все еще опасался, то онъ не возражалъ уже болѣе. Екатерина II много говорила о мнимой свободѣ избранія въ Польшѣ, но сама соединилась съ прусскимъ королемъ, чтобъ поддержать эту свободу самымъ несоотвѣтственнымъ образомъ — выставленіемъ войскъ на границѣ. Въ то же время она объявила, что всѣ иностранные принцы исключаются изъ выборнаго списка и она признаетъ польскимъ королемъ только потомка Пястовъ.

8 мая 1765 г. онъ учредилъ орденъ св. Станислава, который, по слабости короля и вслѣдствіе его безцѣльнаго и легкомысленнаго стремленія пріобрѣтать себѣ друзей и сторонниковъ, былъ обезцѣненъ до того, что за границей, даже въ Россіи, никто не хотѣлъ принимать его, по крайней мѣрѣ, безъ ордена Бѣлаго Орла; въ Польшѣ же его носили только молодые люди.

Въ 1765 и 1766 годахъ обнаружались истинныя побужденія, возведшія этого короля на польскій престолъ: при помощи Понятовскаго, Екатерина II хотѣла совсѣмъ поработить Польшу. Греки не-унаты и диссиденты или не-католики, именно же лютеране и кальвинисты, за исключеніемъ, однако, всѣхъ сектъ, составляли до сихъ поръ отдѣльный классъ въ Польшѣ. Они занимали если не первыя, то, во всякомъ случаѣ, важныя должности въ государственной службѣ и всѣ безъ различія мѣста въ арміи, до которыхъ только могли дойти; вообще, они были довольны (!?) своимъ положеніемъ и жили мирно. Теперь же нѣкоторыхъ изъ диссидентовъ, особенно же двухъ братьевъ Грабовскихъ, уговорили требовать отъ новаго короля сообразной съ вѣротерпимостью вѣка и, слѣдовательно, болѣе широкой, чѣмъ прежде, свободы вѣры. Станиславъ Августъ былъ готовъ удовлетворить ихъ желаніе, но деспотическіе дворяне-католики, составлявшіе сеймъ, воспротивились волѣ короля. Тогда диссиденты обратились къ русской императрицѣ, и эта государыня обѣщала поддержать ихъ; она потребовала исполненія оливскаго трактата, по которому диссидентамъ обѣщаны большія права, но въ которомъ Россія не принимала ни малѣйшаго участія, и приказала своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Польши. Репнинъ ¹⁾ отправился посломъ въ Польшу. Онъ неограниченно распоряжался тамъ отъ имени императрицы и соломенный король дол-

¹⁾ Объ этомъ мужѣ, ставшемъ знаменитымъ въ полѣ и совѣтѣ, достаточно сказать, что онъ умеръ фельдмаршаломъ въ началѣ этого столѣтія.

жемъ былъ его слушаться. Императрицѣ представляли, что правительственная мудрость и общее благо необходимо требуютъ сдѣлать извѣстные разграниченія между господствующею религіею и терпимою, но Екатеринѣ было мало терпимости, она требовала полнаго уравниенія диссидентовъ съ католиками. Въ Варѣ, въ Подоліи, образовалась конфедералія, низложившая короля. Въ началѣ ей была противопоставлена конфедералія диссидентовъ, образовавшаяся подъ защитою Репнина, а потомъ была разогнана силою барская конфедералія, про которую такъ несправедливо утверждали, будто она составлена саксонскимъ дворомъ. Во всѣхъ концахъ Польши текла польская кровь. Наконецъ, былъ заключенъ,—иначе этого назвать нельзя,—миръ съ Польшею. Въ февралѣ 1768 года, грекамъ-не уніатамъ и диссидентамъ была предоставлена формальнымъ документомъ свобода богослуженія и другія вольности, но все же съ большими ограниченіями, чѣмъ требовала императрица. Затѣмъ былъ заключенъ, такъ называемый, вѣчный,—нельзя найти болѣе короткую вѣчность,—миръ между Россіею и Польшею. При этомъ король находился въ самомъ злосчастномъ положеніи. Съ одной стороны, Россія предписывала ему приказанія, которыя онъ готовъ былъ исполнять, но не имѣлъ необходимыхъ для этого силъ; съ другой стороны, поляки требовали его энергическаго заступничества, которое имъ также мало могло помочь, какъ и его сопротивленіе повредить. Такимъ-то образомъ онъ потерялъ пріязнь своихъ соотечественниковъ, не пріобрѣта благоволенія русскихъ ¹⁾.

Въ 1771 году съ этимъ королемъ случилось рѣдчайшее происшествіе, которому, если мы не ошибаемся, кромѣ извѣстнаго похищенія саксонскаго принца, нѣтъ примѣра въ исторіи. Въ ноябрѣ, вечеромъ, на одной изъ варшавскихъ улицъ, на него напали конфедераты и онъ былъ формально украденъ у государства или увезенъ. Планъ этого предпріятія былъ составленъ Пулавскимъ ²⁾; другіе привели его въ исполненіе. При этомъ нападеніи Станиславъ Августъ былъ раненъ въ ногу. Мало-по-малу похитители покинули его, а послѣдній

¹⁾ Не надо забывать, что весь настоящій очеркъ о Понятовскомъ составленъ саксонцемъ, потому уже самому враждебно относившимся къ Россіи въ изложеніи всѣхъ перипетій польскаго вопроса при Екатеринѣ II. Ниже помѣщенъ списокъ трудовъ, представляющихъ драгоцѣнныя данныя, разъясняющія всю исторію паденія Польши такъ, какъ она дѣйствительно происходила, а не такъ, какъ она казалась Гельбигу, современнику, смотрѣвшему на событія съ своей предвзятой точки зрѣнія. Ред.

²⁾ Послѣ этого происшествія Пулавскій долженъ былъ бѣжать изъ своей родины, и умеръ въ изгнаніи, если не ошибаемся, во Франціи.

изъ увозившихъ отпустилъ его на всѣ четыре стороны. На другое утро онъ былъ опять доставленъ въ столицу.

Въ началѣ 1770-хъ годовъ баронъ фонъ-деръ-Остенъ, съ которымъ Станиславъ Августъ въ одно и то-же время принадлежалъ къ дипломатическому корпусу въ Петербургѣ, былъ датскимъ при немъ посланникомъ. Король думалъ, что можетъ положиться на дружбу этого человѣка, и поэтому просилъ датскій дворъ послать фонъ-деръ-Остена посланникомъ въ Россію, гдѣ онъ, по старому знакомству съ императрицей, могъ бы позаботиться объ интересахъ короля. Въ то время Понятовскій былъ страшнымъ образомъ утѣняемъ русскимъ дворомъ; особенно же братьями Чернышевыми ¹⁾. Наконецъ, кредитъ Чернышевыхъ палъ и король, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, далъ Остену письмо къ Екатеринѣ, въ которомъ жаловался на Чернышевыхъ. Когда датскій посланникъ прибылъ въ Петербургъ, обстоятельства перемѣнились. Чернышевы узнали о письмѣ короля и, чтобы отомстить, содѣйствовали первому раздѣлу Польши, тогда только что предложенному.

Саллернъ былъ, какъ извѣстно, творцемъ этого проекта. Прусскому посланнику въ Россію были сдѣланы объ этомъ заявленія, но Фридрихъ II отвѣчалъ: «Non, mon prince est de protéger les faibles ²⁾ et de me défendre contre mes ennemis. Je n'ajoute rien à mes États, c'est l'héritage, que je laisse à mon neveu». Но Австрія и Россія стояли на своемъ. Фридрихъ II зналъ это; онъ послалъ въ Россію своего брата Генриха, чтобъ разузнать намѣренія императрицы, и, наконецъ, согласился, не желая быть исключеннымъ изъ раздѣла, который въ противномъ случаѣ состоялся бы безъ его участія.

Послѣдній, съ которымъ говорили о намѣреніи раздѣла, былъ Станиславъ Августъ. Онъ бѣсился, сыпалъ просьбами и угрозами. На

¹⁾ Было три брата Чернышевыхъ: Петръ Григорьевичъ былъ некогда посломъ во Франціи и Англии, камергеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; о Захарѣ имъ уже говорили; Иванъ былъ вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегии (президентомъ былъ великій князь Павелъ), камергеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и членомъ верховнаго совѣта. Всѣ трое были кавалерами главнѣйшихъ русскихъ орденовъ.

²⁾ Таковъ долженъ быть принципъ всѣхъ истинно-великихъ государей. Такъ думалъ Фридрихъ II, который, однако, при малой власти, долженъ былъ подчинять свою волю обстоятельствамъ; этому же принципу слѣдовалъ съ неограниченною властью герой нашего столѣтія, Наполеонъ, достойный называться первымъ не только по имени, но и во всѣхъ отношеніяхъ.

просьбы не обращали вниманія; надъ угрозами смѣялись. Былъ созванъ сеймъ. Депутація отправилась къ королю; онъ долженъ былъ выслушать самыя жесткіе упреки, но измѣнить ничего не могъ. Все было уже испорчено—онъ съ самаго начала былъ слишкомъ слабъ. Раздѣлъ Польши 1772 г. стоилъ этому государству пяти милліоновъ населенія и отчасти лучшихъ провинцій. Король и сеймъ должны были ратификовать его. Станиславъ Августъ печалился и постоянно жаловался на свое несчастіе и положеніе своей родины; но еще вопросъ, не достигъ-ли бы онъ большаго, если-бъ, пожертвовавъ своимъ политическимъ положеніемъ, воспротивился бы этимъ насиліямъ?

Какъ послѣ всякаго насильственнаго дѣйствія, послѣ всякаго захвата, такъ и теперь были изготовлены гарантіи оставшимся у Польши землямъ, проектъ конституціи, документы и т. под. Въ этомъ шагѣ русскаго посланника заключался переворотъ всего государственнаго устройства, и онъ былъ отвергнутъ.

Преступная податливость короля не защитила его отъ чувствительныхъ возмездій, которыхъ онъ вовсе не заслуживалъ, по крайней мѣрѣ, со стороны Россіи. 15-го мая 1775 г. онъ, по предложенію трехъ державъ, подпалъ подъ полную опеку Conseil permanent, который, какъ вся Польша, зависѣлъ отъ Россіи.

Станиславъ Августъ, чувствовавшій себя въ конецъ несчастнымъ, хотѣлъ попытаться примириться съ Россією, или скорѣе съ императрицей и Потемкинымъ, возобновивъ завѣренія въ своей готовности служить имъ и надѣясь, такимъ образомъ, выпросить для себя нѣкоторыя преимущества. Онъ просилъ о разрѣшеніи, или устроилъ такъ, будто его просили, повидаться съ императрицей, когда она будетъ плыть по Днѣпру близъ Канева. Туда онъ могъ съѣздить, такъ какъ Каневъ принадлежалъ еще тогда Польшѣ, выѣзжать же за предѣлы государства запрещала ему конституція. Для этого путешествія король получилъ отъ императрицы 100,000 рублей. Съ лѣта 1758 года, Екатерина и Станиславъ Августъ не видѣлись. Какъ съ тѣхъ поръ все измѣнилось! Мы скорѣе увидимъ, что Понятовскій теперь ясно могъ замѣтить, что мнѣніе о немъ Екатерины было уже не то. Между тѣмъ, онъ былъ принятъ на маленькой русской флотилии на Днѣпрѣ, на которой находилась императрица, съ тѣмъ изысканнымъ почтеніемъ, какое подобаешь титулованному брату русской монархини. Онъ поцѣловалъ у нея руку, она обняла и поцѣловала его. Онъ, казалось, смутился въ началѣ; она же вовсе не стѣснялась его присутствіемъ. Скоро настроеніе ихъ обоихъ подчинилось этикету и стало спокойнымъ и яснымъ. Послѣ первыхъ краснорѣчивыхъ привѣтствій, къ которымъ обѣ стороны

были должнымъ образомъ подготовлены, они взаимно представили другъ другу свою свиту. Затѣмъ послѣдовалъ общій разговоръ, въ присутствіи обоихъ дворовъ, непринужденный, но, какъ всегда, незначительный, хотя и не непріятный. Перешли на другое судно, къ обѣденному столу, и разговоръ сталъ живѣе, привлекательнѣе, остроумнѣе. Когда встали изъ-за стола, онъ передалъ императрицѣ ея перчатки, она ему—его шляпу.

— «Ah, Madame, сказалъ онъ, желая намекнуть на польскую корону, Vous m'en avez donné un plus beau».

Она ничего не отвѣтила на это, вѣроятно потому, что имѣла еще виды на ту шляпу, на которую намекалъ король. Послѣ кофе они разошлись; она ушла въ свой кабинетъ, онъ—дѣлать визиты дамамъ русскаго двора. Въ пять часовъ онъ возвратился къ императрицѣ. Онъ опять былъ принятъ всѣмъ дворомъ, но одинъ Мамоновъ проводилъ его въ ту залу, гдѣ императрица ожидала его. Они ходили взадъ и впередъ по залѣ и начали говорить о политикѣ. Король жаловался на свое злополучное положеніе и ясно далъ понять, что оно происходитъ отъ раздѣла Польши. Это было тѣмъ неразумнѣе, что эти жалобы ничему не могли помочь въ прошломъ и могли лишь повредить въ будущемъ. Екатерина извинилась, сваливъ всю вину на Австрію и Пруссію. Тогда Станиславъ Августъ перешелъ къ своимъ личнымъ просьбамъ, составившимъ главную цѣль его путешествія. Онъ просилъ объ уплатѣ его долговъ, объ уничтоженіи постоянного совѣта и объ утвержденіи наследственности польской короны въ его родѣ. Императрица, недовольная его предъидущими жалобами, хотя и обѣщала ему исполнить первый пунктъ, объ уплатѣ долговъ, но въ совершенно неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Она сказала ему, что онъ долженъ сперва составить роспись своихъ долговъ, затѣмъ она переговорить съ своимъ министромъ финансовъ, и если это окажется возможнымъ, то можно будетъ войти въ дальнѣйшіе переговоры объ уплатѣ долговъ. Король не могъ добиться отъ императрицы болѣе опредѣленнаго и болѣе выгоднаго для себя заявленія. Относительно двухъ другихъ пунктовъ Екатерина опять спряталась за вѣнскими и берлинскими дворами и увѣряла, будто не въ ея власти измѣнить что либо безъ ихъ согласія въ польской конституціи или прибавить что либо новое. Станиславъ Августъ пріунылъ; разговоръ не клеился. Наконецъ, императрица подала знакъ Мамонову и весь дворъ вошелъ въ залу. Иные сѣли играть въ карты. Императрица, король и графиня Браницкая ¹⁾ также сѣли, но не играли. Потемкинъ, Мамоновъ,

¹⁾ Графиня Браницкая была старшею и самою красивою племянницею Потемкина. Она была статсдамою императрицы и кавалерственной дамою

иностранные посланники, прѣхавшіе съ ними изъ Петербурга и Варшавы, и знатнѣйшія особы обонѣхъ дворовъ стояли. Начались разговоры; но смущеніе, исходившее отъ обонѣхъ главныхъ лицъ, было вскорѣ замѣчено и передалось другимъ. Бесѣда шла вяло. Всѣхъ расшевелилъ только фейерверкъ и иллюминація. Вся гора, на которой стоитъ Каневъ, до самаго Днѣпра, казалась въ огнѣ. Невозможно выразить какъ былъ великолѣпнень видъ этой декораціи съ судна императрицы. Императрица, тронутая вниманіемъ короля, сказала ему нѣсколько любезныхъ фразъ. Вскорѣ они разошлись, чтобъ ужъ никогда болѣе не видѣться. Вѣроятно, каждый изъ нихъ подумалъ про себя, что если они такъ долго, и при столь пріятныхъ отношеніяхъ, не видѣлись, то это можетъ и впредь продолжаться. Но въ присутствіи двора они простились такъ трогательно, какъ только это было возможно. Государыня проводила короля до берега и даже ступила на польскую землю. Затѣмъ она возвратилась и отправилась въ спальню. Станиславъ же Августъ далъ великолѣпный праздникъ обонѣхъ дворахъ и многимъ иностранцамъ, привлеченнымъ любопытствомъ. На слѣдующее утро оба государя продолжали свой путь.

Станиславъ Августъ предложилъ Іосифу II, ѣхавшему тогда къ Екатеринбургъ, переговорить гдѣ нибудь на пути; но австрійскій монархъ уклонился отъ тяжелой для него бесѣды. Это обстоятельство увеличило недовольство короля.

Полный отчаянія возвратился онъ въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ публично выслушивать ядовитые упреки за это путешествіе отъ своихъ враговъ и отъ враговъ Россіи.

Поляки и вѣхъ король были погружены въ глухую печаль. Ихъ чувства, казалось, притупились. Это была лишь уснувшая месть, разбуженная въ 1788 году судорожными конвульсіями. Въ то время Россія была занята двумя войнами и мало могла удѣлять вниманія Польшѣ. Тамъ, подъ обманчивою эгидою Пруссіи, уничтожили навязанную имъ въ 1775 году конституцію, отказались отъ русской гарантіи и соединились съ прусскимъ дворомъ. Вся Польша, или, по крайней мѣрѣ, лучшая часть населенія, трудилась надъ новою конституціею: сильныя—съ разумнымъ обсужденіемъ, безъ притязательности; слабыя—съ преданностью и усерднымъ послушаніемъ. Самъ король, увлеченный благороднымъ воодушевленіемъ сейма и націи, былъ чрезвычайно дѣятеленъ, пожертвовалъ всѣми частными выгодами,

св. Екаторины. Характеромъ своимъ она также славилась, какъ и ея супругъ, о которомъ мы говорили уже выше.

и своими совѣтами показалъ, что онъ воодушевленъ патриотизмомъ, которому можно было только пожелать терпѣнія.

Наконецъ, 3 мая 1791 года, появилась новая конституція. Польша стала наследственнымъ государствомъ, престолонаслѣдіе въ которомъ предлагалось нынѣшнему королю саксонскому и герцогу варшавскому и его дочери; но, ради благополучія своей земли, которая легко могла быть вовлечена въ войну, этотъ Fabius Cunctator не рѣшился принять это предложеніе. Новая конституція, понятно, заключала много еще пунктовъ, изъ которыхъ самымъ важнымъ было образованіе большой арміи. Чтобъ возжечь мужество въ войнахъ, Станиславъ Августъ учредилъ военный орденъ, который онъ позорнымъ образомъ самъ же и долженъ былъ уничтожить, по приказанію императрицы, въ 1793 году.

Русскій дворъ очень скоро разрушилъ эту новую конституцію, согласившись по этому поводу съ прусскимъ. Соблазнили самозванныхъ патриотовъ, объявили все, что было сдѣлано, противозаконнымъ и составили тарговицкую конфедерацію. Императрица написала королю, что если онъ желаетъ, чтобъ она продолжала называть себя его сестрою, то долженъ присоединиться къ этой конфедераціи. Слабый Станиславъ Августъ понялъ угрозу и, вслѣдствіе этого, объявилъ, что онъ не можетъ противиться силѣ русскаго оружія, и присоединился къ конфедераціи.

Наконецъ, по приказанію императрицы, король, получивъ отъ нея 8,000 дукатовъ на путевыя издержки, долженъ былъ отправиться въ Гродно, гдѣ былъ назначенъ сеймъ. Такъ какъ сеймъ былъ буренъ, то русскій посолъ Сиверсъ приказалъ арестовать короля и все собраніе. Результатомъ этой жестокости явилось вынужденное соизволеніе короля и чиновъ на второй раздѣлъ Польши. Это случилось 9 апрѣля 1793 года. На этотъ разъ въ дѣлежѣ участвовали только Россія и Пруссія, которая, какъ казалось, только для того и приняла на себя въ 1788 и 1790 гг. извѣстную роль, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе участвовать въ захватѣ. Отъ всей Польши осталась теперь только третья и, быть можетъ, самая дурная часть. Король и сеймъ торжественно утвердили этотъ раздѣлъ.

Концомъ всего этого было полное уничтоженіе политическаго существованія Польши. Дворы Петербурга, Вѣны и Берлина подѣлили между собою остатки злополучной страны.

Станиславъ Августъ пересталъ теперь быть государемъ, чѣмъ онъ, впрочемъ, и прежде былъ только по имени. 15-го ноября

1795 года онъ отрекся отъ польскаго престола ¹⁾. Онъ долженъ былъ оставаться въ Гродно, гдѣ находился какъ бы подъ командою русскаго генераль-губернатора, князя Репнина, и потому можетъ быть названъ только титулованнымъ королемъ *in partibus infidelium*. Его долги доходили до трехъ милліоновъ дукатовъ; были приняты мѣры къ уплатѣ ихъ. Для своего содержанія онъ получалъ пенсію въ 200,000 дукатовъ, выдача которыхъ была раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ Россія уплачивала три, Австрія и Пруссія по одной. Въ этомъ положеніи оставался ех-король до смерти Екатерины II.

Павелъ I вызвалъ его въ Петербургъ ²⁾ и ради хвастливости (?), составлявшей важный недостатокъ этого государя, часто заставлялъ несчастнаго Станислава Августа увеличивать блескъ русскаго двора; онъ выказывалъ къ нему, однако, что собственно всегда дѣлалъ, много добросердечія и дружбы. Сдѣлать болѣе, или возвратить ему все имъ потерянное или часть его императоръ не былъ въ силахъ; отдать же ему то, что Россія оторвала (!) отъ Польши, не позволяли ему государственные интересы Россіи.

Станиславъ Августъ велъ въ Петербургѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, довольно счастливую жизнь. Павелъ оказывалъ ему весь почетъ, должный его высокому сану. Король часто являлся при дворѣ; императоръ, императрица и императорская фамилія часто посѣщали его. Сверхъ того, Станиславъ Августъ приглашалъ къ своему столу государственныхъ сановниковъ и ученыхъ, составлявшихъ его любимое общество. Недолго велъ онъ такую жизнь. Спазматическіе припадки, которыми онъ давно уже страдалъ, разслабили его нервы и истощили его силы. Онъ умеръ 12-го февраля 1798 года и былъ погребенъ въ католической церкви, гдѣ Павелъ I приказалъ вырѣзать замѣчательную надгробную надпись своему другу ³⁾.

¹⁾ Польскія королевскія регалии, насколько намъ извѣстно, сохранились прежде въ Краковѣ. Куда дѣлись онѣ по уничтоженіи королевства? Въ Берлинѣ и Петербургѣ ихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ ничего неизвѣстно. Не въ Вѣнѣ ли онѣ? Онѣ, однако, не могли быть брошены въ кладовую. Не время ли вынести ихъ на свѣтъ Божій? Въ Дрезденѣ хранятся скипетръ и короны, которыя носили Фридрихъ-Августъ II и Марія-Іозефа. Но онѣ принадлежать саксонскому дому.

²⁾ Какъ король, Понятовскій жилъ въ Мраморномъ дворцѣ. Онъ въ немъ и умеръ.

³⁾ Мы читали эту надпись, но не помнимъ уже гдѣ. Быть можетъ, въ одномъ изъ томовъ знаменитаго Коцебу: „Романы, повѣсти, анекдоты и мелочи“, гдѣ много говорится объ этомъ королѣ.

Станиславъ Августъ не былъ женатъ. Насколько намъ извѣстно, было только два проекта его женитьбы. Во-первыхъ, съ русской императрицей Екатериной II. Во-вторыхъ, съ принцессой саксонской и польской Кунигундой. Это предложеніе, однако, не состоялось.

Станиславъ Августъ Понятовскій, по отзыву всѣхъ, бывшихъ къ нему близкими въ двѣтущіе дни его зрѣлой молодости, былъ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ своего времени. Онъ былъ статенъ и высокъ, но не имѣлъ колоссальнаго вида Потемкина и Орлова. Его внѣшность была внушительная; выраженіе глазъ въ высшей степени пріятное. Онъ обладалъ всѣми самыми любезными и интересными свойствами частнаго человѣка, но не имѣлъ ни одного качества, которое дѣлало бы его достойнымъ трона. По польски, по латыни, нѣмецки, французски, англійски, итальянски и русски онъ говорилъ и писалъ въ совершенствѣ, легко и изящно. У него не было охоты для трудовой работы. Его краснорѣчіе, великій талантъ его лучшихъ соотечественниковъ, было только фразерство, которое не обманываетъ никого, знающаго ему дѣлу. Онъ, кажется, самъ не понималъ своего характера. Слабость онъ принималъ за кротость, расточительность за щедрость, гордость за честолюбіе, способность ослѣплять толпу своими блестящими дарованіями за искусство убѣждать дѣловыхъ людей. Всѣ эти недоразумѣнія вмѣстѣ сдѣлали то, что онъ былъ чрезвычайно занятъ собою, чрезъ что его недостатки еще болѣе увеличивались. Но самый болѣйшій его недостатокъ была его слабость. Эта слабость, безспорно, самый порочный недостатокъ у правителя, не смягчалась его естественною, дѣйствительно выдающеюся, сердечною добротою, и неволью заставляла считать его характеръ подозрительнымъ, какимъ онъ собственно не былъ. Станиславъ Августъ часто показывалъ добрыя намѣренія относительно своего отечества; но именно его слабость дѣлала наилучшіе замыслы шаткими, даже роняла ихъ, и давала его дѣйствіямъ неприглядный оттѣнокъ. Многие его враги утверждали, что въ критическіе моменты своей жизни онъ выказывалъ мало личнаго мужества; но для такого позорнаго обвиненія вовсе нѣтъ доказательствъ.

Никогда ни съ однимъ монархомъ не говорили такъ откровенно, скорѣе такъ непристойно, какъ съ Станиславомъ Августомъ. Извѣстно и часто повторялось, что одна дама, когда рѣчь зашла о пріятныхъ общественныхъ дарованіяхъ короля, сказала ему: «Il faut avouer, Sire, que vous êtes le particulier le plus aimable, mais aussi», при чемъ она сострадательно пожала плечами, «le roi le plus insupportable»

qu'on puisse trouver». Во время спора о диссидентахъ, въ 1766 году, кѣвскій епископъ сказалъ ему публично, при всемъ дворѣ: «Autrefois je priais Dieu pour votre prospérité; aujourd'hui je le prie, pour que le diable vous emporte». Что сказалъ, что сдѣлалъ бы этотъ человѣкъ, если-бы жилъ въ 1795 году! По случаю приступленія короля къ тарговицкой конфедераціи, Феликсъ Потоцкій писалъ ему между прочимъ: «L'accession de Votre Majesté n'est que forcée, et ce n'est que la bonne volonté de l'imperatrice, qui vous a empêché, Sire, de ne pas faire, ce que votre mauvaise volonté vous dicte». Было чрезвычайно позорно, что Станиславъ Августъ послалъ это письмо императрицѣ и жаловался ей на своего же подданнаго. Вскорѣ затѣмъ, послѣ втораго раздѣла польскихъ провинцій, появился памфлетъ, въ которомъ были поименованы всѣ поляки, содѣйствовавшіе погибели своего отечества. Это былъ мнѣшый каталогъ книгъ, вывѣшенный на углахъ улицъ, на замкѣ и даже у королевской комнаты. Въ немъ было 28 книгъ; заглавіе каталога было такое: «Catalogue des livres, qu'on trouve chez Pröll, libraire de sa majesté polonaise». Двѣ книги, трактовавшія о королѣ, были: «Deux traités sur les devoirs des rois, comparés avec les actions des trois Boleslas, des Jagellons, d'Etienne Battory et de Jean Sobieski, ouvrage immortel de Stanislas Auguste Poniatowski, roi de Pologne». Въ выборѣ числа, два, былъ намекъ на трактаты двухъ раздѣловъ Польши, которые Станиславъ Августъ заключилъ и подписалъ. Вторая книга называлась: «Moyen aisé de payer ses dettes, par le même» — сатира, менѣе остроумная, чѣмъ первая книга.

Крайне печально, если государь имѣетъ несчастье выслушивать столь горькіе упреки и не можетъ ничего противопоставить имъ въ свое оправданіе, кромѣ слабости характера, которая столь часто бываетъ источникомъ чудовищныхъ несчастій. Истинный другъ чело-вѣчества всегда будетъ искренно оплакивать память такого государя на его могилѣ.

Примѣч. переводчика. Станиславъ Августъ IV Понятовскій, 1732—1797. П. С. З. № 17736; А. Г. С. I, ч. 1, 119; Письма Понятовскаго (Сборн., VII, 76; XVI, 442; „Русск. Стар.“, 1870, II, 297; Осмнадц. вѣкъ, II, 176, 189, 203; Воронцовъ, XXVIII, 525; Соловьевъ, XXVIII, 65, 77; Blum, Siever's Denkwürdigkeiten, III, 465, 466, 471, 473, 480, 487; Korrespoŋencya krajowa Stanislaw'a Augusta, Poznan, 1872; Korrespondencya między Stanislawem Augustem a Ksawerym Branickim, Krakow, 1872); Mémoires S. A. comte Poniatowski, Leipzig, 1862; Записки Понятовскаго (Воронцовъ, XXV, 426); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 211; XX, 180, 204; XXIII, 449, 534, 567,

571, 577; XXVII, 353, 407, 478, 490; XLII, 119); Письма Екатерины II (Сборникъ, I, 258; IX, 86, 90; Воронцовъ, XXV, 414); Бумаги кн. Н. В. Репнина (Сборникъ, V, 133, 134, 206; XVI, 66, 105, 118, 141, 147, 351); Воронцовъ, III, 222, 223, 237; IV, 62, 111; V, 43, 45, 454; VI, 226; XXI, 168; XXV, 431; XXVI, 461; Письма поляковъ къ королю (Чтенія, 1865, II, 37); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 284, 308, 383, 395, 462, 464, 473; XXIX, 653) Любовныя заплючки (Архивъ, 1881, III, 401); Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 40, 144, 160; XVIII, 120; XIX, 287, 305; XXII, 27, 77, 192, 286; 302, 315, 352, 445, 494, 518, 528; XXVII, 7, 31, 153, 226, 272, 556); Cathédrale, 238, 241, 245, 254, 261, 287, 299, 306, 319; Храповицкій, 33, 75, 392, 401; Порошинъ, 19, 100; Oginski, Mémoires, I, 45, 160; Castéra, I, 114, 125, 129, 132, 299, 342, 355, 360, 362, 390; II, 71; Masson, 98; Russie, 173, 175; Ségur, I, 433; II, 6, 27, 31, 37, 39, 51, 183; Записки Михаловскаго (Россія, 1890, I, 82; II, 356, 358, 361, 364, 366; III, 555, 557, 564, 566, 570, 572; IV, 674, 678, 680, 687); Karpinski, Pamiętniki Króla Polskiego, Poznan, 1862, 87; Энгельгардтъ, 65, 145, 161, 178, 190; Виже-Лебренъ, 398; Позье (въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870), 120; Казанова, 560; Неизд. сочиненія кн. Щербатова (Библиогр. Зап., II, 399); Rulhière, I, 380; II, 163, 195, 206, 285, 341; IV, 422, 437; Compte général des dettes du roi (Blum, Sievers Denkwürdigkeiten, III, 475); Костомаровъ, Последніе годы рѣчи Посполитой (Вѣстн. Европы, 1869, I, 685; II, 154, 618; III, 138, 559; IV, 89, 548; V, 17, 562; VI, 109, 668); Дубровинъ, Князь Волконскій и его донесенія изъ Польши, 1764 — 1770 (Вѣстн. Евр. 1868, VI, 83, 543); Кн. Вяземскій, Политика Фридриха В. (Осмнадц. вѣкъ. I, 163); Щебальскій, Французская политика въ Польшѣ (Русск. Вѣстн., 1863, VII, 200); Дубровинъ, Наванунъ перваго раздѣла Польши (Вѣстн. Европы, 1870, IV, 191); Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ (Вѣстн. Европы, 1874, IV, 5, 429); Костомаровъ, Костюшко и революціи 1794 г. (Вѣстн. Европы, 1870, I, 5, 511; II, 137); Veer, Die erste Theilung Polens, 3 Bde, Wien, 1873; Sybel, Die erste Theilung Polens (Deutsche Rundschau, 1874, I); Соловьевъ, Исторія паденія Польши, М.-ва, 1863; Correspondance sur les affaires politiques du royaume de Pologne (Büsching, XIII, 4); Шемякинъ, Записки о частной жизни Понятовскаго (Чтенія, 1871, III, 1); Oeuvres de Frédéric le Grand, ed. Preuss, VI, 12; Максимовичъ, Вубновал сотня (Полн. собр. соч., Кіевъ, 1872, I); Карновичъ, Марія-Терезія Угрюмова („Русская Старина“, 1874, XI, 558); Уманецъ, Понятовскій и Репнинъ (Россія, 1875, II, 200); Баншишъ-К., Сянски, 112, 217; Щебальскій, Русская политика въ Польшѣ (Русск. Вѣстн., 1864, X, 32); Hergmann, V, 137, 154, 363, 376, 399, 433, 502, 505, 573; VI, 150, 333, 366, 370, 477, 509; VII, 259, 274, 281, 505, 595; Соловьевъ, XXIV, 59; XXV, 305, 309, 319; XXVI, 64; XXVIII, 380; Estreicher, Bibliografia Polska, III, 476. В. В.

ЛХХVІ. ИВАНЪ ЕЛАГИНЪ.

Иванъ Елагинъ, русскій, совершенно простаго происхожденія, былъ писцомъ въ экспедиціи лейбъ-кампаніи, учрежденной императрицею Елизаветой. Это мѣсто не давало ему никакого чина. Такъ какъ на службѣ онъ имѣлъ мало дѣла, то свободное время онъ употреблялъ на развитіе науками своихъ, во всякомъ случаѣ, большихъ способностей. Онъ хорошо изучилъ французскій и нѣмецкій языки, и приобрѣлъ много полезныхъ и пріятныхъ познаній въ новѣйшей литературѣ, за которую въ послѣдующіе годы постоянно слѣдилъ. Случайно имѣлъ онъ возможность познакомиться съ придворными служителями низшихъ разрядовъ и уже этимъ достигъ значительныхъ для себя выгодъ.

Наконецъ, онъ женился на камеръ-юнгферѣ императрицы Елизаветы и тѣмъ составилъ свою карьеру. Елагинъ достигъ теперь почетныхъ должностей и приобрѣлъ правдою и, какъ говорятъ, неправдою богатства и даже значительныя имѣнія. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, Елагинъ былъ сосланъ въ свои имѣнія близъ Казани, за то, что былъ посредникомъ (въ шашняхъ) графа Понятовскаго.

Петръ III зналъ причины наказанія Елагина и потому не дозволилъ ему возвратиться.

Но Екатерина II вспомнила объ услугахъ, которыя онъ ей оказывалъ, и призвала его изъ изгнанія опять ко двору. Онъ тотчасъ сталъ тайнымъ секретаремъ ¹⁾ императрицы, ея ежедневнымъ собесѣдникомъ, когда она хотѣла вести научный разговоръ, и ея помощ-

¹⁾ О тайномъ секретарѣ или кабинетъ-секретарѣ Екатерины II будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

никомъ въ литературныхъ работахъ ¹⁾. Въ царствованіе этой государни онъ получилъ богатства и значительныя почетныя должности. Между прочимъ, онъ былъ императорскій оберъ-гофмейстеръ.

Въ 1786 году, мы не знаемъ по какой причинѣ, Елагинимъ были недовольны при дворѣ, и настолько дали ему это замѣтить, что онъ долженъ былъ подать въ отставку. Мѣсто оберъ-гофмаршала было отдано Безбородко, который чрезъ это могъ, не опережая другихъ, получить чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Елагинъ умеръ въ началѣ 1790-хъ годовъ.

Онъ былъ оберъ-гофмейстеръ императорскаго придворнаго штата, сенаторъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Александра Невскаго.

Примѣч. переводчика. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, 1725—1794. П. С. З., № 11868, 13150; Записка Елизаветы (Осмнадц. вѣкъ, II, 216); Указъ Екатерины II (Вяземскій V, 332); Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 11, 23, 55; VIII, 398; XIV, 294; XXXVI, 17); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 45, 216); Ссылка кофишенна И. Елагина (Арханг. Губ. Вѣд., 1876, № 21); Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039, № 7); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 75, 128, 131, 150, 319, 351; X, 243, 361; XIII, 231, 298; XXIII, 113, 137, 142, 213, 586, 589; XXVII, 39, 134, 184; XLII, 302); Елагинъ, Наука свободныхъ каменщиковъ (Архивъ, 1864, 586); Письма Елагина (Библиогр. Зап., III, 548; Воронцовъ, XXX, 329; Архивъ, 1870, 750; Сборникъ, VII, 287, 295; X, 244); Голосъ Елагина (Чтенія, 1861, II, 144); Елагинъ, Опытъ повѣствованія о Россіи, Спб., 1803; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 253, 263); Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 145); Воронцовъ, V, 200; XIII, 185, 282; Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 203, 341); Фонъ-Визинъ, изд. 1866, 356; Catherine, 151, 161, 311, 312; Храповицкій, 73, 186, 495; „Русская Старина“: кн. Щербатовъ, 679; Пикарь, XXII, 52; Порошинъ, 277; Донесеніе кн. Прозоровскаго о масонахъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 376); И. П. Елагинъ („Русская Старина“, 1871, III, 571, 679; 1872, V, 466; 1873, VII, 285; VIII, 887; 1874, X, 541; XI, 489); Вейдемейеръ, Дворъ, I, 197; Евгений, I, 211; Бантышъ-К., Словарь, II, 10; Списки, 222; Долгоруковъ, IV, 402; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 666; Соловьевъ, Писатели русской исторіи (Арх. юридич. свѣдѣній, 1855); Пе-

¹⁾ Nachricht von einigen russischen Schriftstellern (Библиогр. Зап., III, 609). Литературные труды Елагина: 1) переводъ романа Д'Аржанса „Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человека, оставившаго свѣтъ“, Спб., 1756; 2) переводъ трагедіи Браве „Возможный“, Спб., 1781; 3) переводъ комедіи „Мизантропъ или Нелюдимъ“, Москва, 1788. Историческій трудъ Елагина упомянуть ниже. В. В.

карскій, Имп. акад. наукъ, I, 335, 554, 655; Афанасьевъ, Н. И. Новиковъ (Библиогр. Зап., I, 163); Лебедевъ, Биографія Сумарокова (Библиограф. Зап., I, 422, 426, 427); Сборникъ студентовъ спбургскаго университета, I, 332; Афанасьевъ, Литературная полемика (Библиогр. Зап., II, 451); Биографія Фонъ-Визина (Библиограф. Зап., II, 3, 528); Лонгиновъ, Новиковъ и мартинисты, 93; Архивъ, 1883, III, 65; Вяземскій, V, 26; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмвадц. вѣкъ, II, 531, 598, 613); Колловичъ, Исторія русскаго самосознанія, 1884, 145.

В. В.

LXXVII. ДИТРИХЪ ОСТЕРВАЛЬДЪ.

Выборъ воспитателей для наследника престола долженъ составлять одну изъ главныхъ заботъ государей. Въ рукахъ такого чело-вѣка находится отчасти благо потомства; часто же государи пренебрегаютъ этою обязанностію изъ мелочныхъ соображеній. Менѣе заботливымъ воспитаніемъ своего наследника они думаютъ достигъ того, что ихъ правленіе, въ сравненіи съ будущимъ, будетъ рѣзко отличаться.

Дитрихъ Остервальдъ, рожденный въ Петербургѣ, отъ родителей мѣщанъ, получилъ хорошее, но совершенно обыкновенное, образованіе въ кадетскомъ корпусѣ. По выходѣ изъ корпуса, онъ былъ сперва ассесоромъ въ комерцъ-коллегіи, а потомъ офицеромъ въ кадетскомъ корпусѣ. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ учителемъ великаго князя Павла. Онъ обучалъ этого принца исторіи, географіи, русскому и нѣмецкому языкамъ. По окончаніи образованія наследника, Остервальдъ поступилъ въ сенатъ.

Онъ умеръ въ 1794 году, будучи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны.

Остервальдъ былъ очень добрый и честный чело-вѣкъ, но имѣлъ самый посредственный умъ, и вовсе не имѣлъ ни познаній, ни характера, которые долженъ имѣть воспитатель наследника престола въ Россіи.

Жена Остервальда была урожденная фонъ-Зассъ, ¹⁾ фрейлина

¹⁾ Анна Павловна.

В. В.

императрицы. Она была очень красива и имѣла много семейныхъ добродѣтелей. Отъ этого брака не было дѣтей.

Примѣчаніе переводчика. Тимофѣй Ивановичъ Остервальдъ. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XLII, 473); Финансовые документы (Сборникъ, XXVIII, 44, 85); Сатирическій каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039, № 17); Порошинъ, въ изд. „Русской Старины“, 16, 21, 28, 34, 60, 71, 73, 152, 191, 281, 301, 374, 387, 400, 414, 434, 556; Russie, 318, 319; Карабановъ, IV, 383; Полѣновъ, Присяга иностранцевъ въ русской службѣ при Петрѣ В. (Архивъ, 1869, 1749); Бантышъ-К., Списки, 231, 304.

В. В.

ЛХХVІІІ. ИВАНЪ БЕЦКОЙ.

Иванъ Бецкой, незаконнорожденный сынъ генераль-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого ¹⁾, родился отъ шведки, въ 1702 г., въ Стокгольмѣ, гдѣ его отецъ содержался плѣнникомъ. Фельдмаршалъ, давшій этому побочному сыну свое фамильное имя, отбросивъ ²⁾ первый слогъ, Тру; хорошо воспиталъ его, обучилъ искусствамъ и наукамъ, особенно же языкамъ, и послалъ путешествовать. Онъ служилъ сперва солдатомъ, но вскорѣ потомъ опредѣлился къ гражданскимъ дѣламъ.

При производствѣ суда надъ государственными преступниками въ 1742 году, Бецкой велъ протоколъ. Мало-по-малу онъ получалъ почетныя должности при дворѣ, и въ военной службѣ достигъ поста генераль-лейтенанта.

Онъ оставилъ военную службу, чтобъ посвятить себя только граж-

¹⁾ Князь И. Ю. Трубецкой, заслуженный генералъ, которому Петръ I издавна оказывалъ величайшее довѣріе. Какъ капитанъ гвардіи, онъ содержалъ уже караулъ при арестованной сводной сестрѣ монарха, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. При всѣхъ послѣдующихъ правительствахъ онъ сохранялъ посредственный кредитъ и умеръ въ 1751 г., будучи фельдмаршаломъ, но вдали отъ двора, имѣя 82 года.

²⁾ Въ Россіи много лицъ, фамильныя имена которыхъ произошли отъ сокращеній, перестановокъ и измѣненій дѣйствительныхъ фамилій: Лицмъ отъ Голицына, Фитинъ отъ Фитингофа, Ронцовъ отъ Воронцова, Лоть отъ Толль, Некасъ отъ Сакенъ. Другіе давали своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ фамиліи отъ своихъ прозвищъ или отъ своихъ имѣній: Чесменскій отъ Орлова-Чесменскаго, Муромской отъ Муромъ, имѣнія графовъ Чернышевыхъ.

данскимъ дѣламъ. Россія обязана ему многими хорошими и великолѣпными общественными учрежденіями; но проникательные люди утверждаютъ, что онъ сдѣлалъ большія ошибки въ первоначальныхъ уставахъ. Имъ учреждены, главнымъ образомъ, женскій институтъ, воспитательный домъ и заемный банкъ въ Петербургѣ, воспитательный домъ и институтъ кормилицъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, нельзя отрицать, что до него, при немъ и послѣ него устройству этихъ прекрасныхъ заведеній много содѣйствовали также идеи и другихъ лицъ. Всѣ эти заведенія, столь полезныя по своему внутреннему достоинству, много способствуютъ своими великолѣпными зданіями украшенію обонхъ главныхъ городовъ имперіи.

Украшеніе города, по крайней мѣрѣ, Петербурга, было по большей части возложено на него. Подъ его руководствомъ сдѣлана, между прочимъ, гранитная набережная Невы, Фонтанки и Екатериненскаго канала съ ихъ мостами, равнымъ образомъ и постановка знаменитаго памятника Петру I.

Кругъ дѣлъ, порученныхъ Вецкому, былъ чрезвычайно обширенъ; дѣйствительно, можно сказать, что для точнаго исполненія этихъ дѣлъ были бы недостаточны способности и силы одного человѣка, если-бъ онъ не имѣлъ талантливыхъ помощниковъ ¹⁾. Еще прежде Вецкой былъ директоромъ пѣхотнаго кадетскаго корпуса и, что особенно странно, женскаго института въ Петербургѣ; онъ былъ также директоромъ петербургскаго воспитательнаго дома и заемнаго банка. Отъ него отобрали эти дѣла потому, что онъ былъ слишкомъ старъ и слабъ и уже не могъ долѣе заботиться о нихъ. Но и тѣ занятія, которыя онъ сохранилъ, были слишкомъ тяжелы для его физическихъ силъ, которыя, по его крайней дряхлости, приближались къ полному разложенію. Онъ оставался еще начальникомъ строительной конторы и императорскихъ садовъ ²⁾, президентомъ академіи художествъ и первымъ кураторомъ воспитательнаго дома въ Москвѣ. По рангу онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго, командоръ

¹⁾ По строительной части онъ имѣлъ, между прочимъ, весьма дѣятельнаго помощника въ князѣ Путятинѣ, о которомъ было уже говорено въ этой книгѣ.

²⁾ Вецкой осуществилъ всячіе сады Вавилона, которые, быть можетъ, составляли просто мифъ, или же были не что иное, какъ сады, расположенные на холмахъ. Всячіе сады въ Петербургѣ находятся во второмъ этажѣ и очень тѣнисты, благодаря высокимъ и густолиственнымъ деревьямъ. Вецкой устроилъ также зимній садъ въ эрмитажѣ, который собственно долженъ бы называться оранжереей.

доръ перваго класса ордена св. Владиміра и кавалеръ ордена св. Анны.

Бецкой умеръ, наконецъ, въ Петербургѣ, въ 1795 году.

Люди, знавшіе его въ прекрасные дни зрѣлаго возраста и могшіе оцѣнить его, утверждали, что это былъ человѣкъ посредственнаго ума и не вполнѣ правильнаго сужденія, которому, однако, нельзя отказать въ большихъ и обширныхъ познаніяхъ всякаго рода. У него были возвышенныя, благодѣтельныя для человѣчества идеи, которыя онъ легко могъ приводить въ исполненіе, благодаря изумительному великодушію императрицы Екатерины II, какъ мы то видѣли изъ основанія и улучшения многихъ прекрасныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе, однако, справедливо, что встрѣчаются иногда недостатки, столь очевидные, что кажутся невѣроятными; если они происходили и не отъ него, все же зоркій взглядъ начальника долженъ былъ замѣтить ихъ и измѣнить. Такъ, наприимѣръ, въ институтѣ для повивальныхъ бабокъ принимались незамужнія женщины, которыя обучались быть повитухами. Впрочемъ, онъ обладалъ глубокими эстетическими познаніями и въ совершенствѣ излагалъ свои мысли, устно и письменно, на главнѣйшихъ живыхъ языкахъ. Кромѣ своего роднаго языка, онъ говорилъ по французски, нѣмецки, италіански и англійски. Охотнѣе и лучше всего онъ говорилъ по нѣмецки, притомъ съ такою правильностью, какъ въ самой Германіи говорятъ только въ лучшемъ обществѣ. При такихъ вспомогательныхъ средствахъ ему легко было читать лучшія и полезнѣйшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ, входившимъ въ кругъ его вѣдѣнія. Обо всемъ, что онъ читалъ, онъ любилъ говорить даже и въ старости, изъ чего можно заключить, что онъ въ юности любилъ подобныя бесѣды. Но онъ всегда говорилъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, вслѣдствіе чего люди, злоупотребляющіе любезнымъ талантомъ подобной односторонней бесѣды, легко прославили его болтуномъ. Онъ былъ неистощимъ въ анекдотахъ о русскихъ государяхъ и придворныхъ, особенно же изъ времени Петра I, которое онъ хорошо зналъ; онъ рассказывалъ эти анекдоты съ благородною непринужденностью, но всегда весьма осторожно и скромно. Главныя черты его характера были: вѣрность, честность и человѣколюбіе.

Расточительная щедрость Екатерины II, не имѣющая себѣ примѣра въ неизмѣримомъ полѣ исторіи, и дружба Орловыхъ доставили Бецкому возможность собрать большія богатства ¹⁾. Онъ оста-

¹⁾ Между прочимъ, онъ имѣлъ три прекрасные дома въ Петербургѣ, на берегу Невы. Два дома, стоящіе рядомъ, соединены внутри. Здѣсь жилъ и умеръ Бецкой. Здѣсь находятся прекраснѣйшіе висачіе сады, какіе только можно себѣ вообразить. Третій домъ, близъ императорскаго лѣтняго сада,

вилъ ихъ лицамъ, оказавшимъ ему свои услуги. Большую же часть его богатствъ получили любезныя и прекрасно воспитанныя своею матерью дочери адмирала Рибаса.

Бецкой никогда не былъ женатъ но, въ числѣ другихъ связей съ замѣчательными женщинами, онъ былъ въ связи съ ангальтъ-цербстскою княгинею, матерью Екатерины II, съ которою жилъ въ Парижѣ, по смерти ея мужа.

Ни въ одной, конечно, странѣ не выказываютъ столько разумной терпимости, какъ въ Россіи. Принцесса гессенъ-гомбургская ¹⁾, законная дочь фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого и, слѣдовательно, сводная сестра Бецкаго, публично жила съ нимъ, какъ родная сестра. Она заказала свое и его изображеніе, изъ мѣди, и портреты ихъ продавались въ книжной лавкѣ академіи наукъ.

Примѣч. переводчика. Иванъ Ивановичъ Бецкой, 1704—1795 гг. П. С. З. № 11908; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, I, 261; X, 158, 241; XXIII, 144, 592, 614; XXVII, 67; XLII, 236, 346); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 46); Доношенія Бецкаго въ сенатъ (Сборникъ, XVII, 305, 361); Челобитная Бецкаго (Архивъ, 1866, 1567); Письма Бецкаго (Чтенія, 1863, IV, 82, 94; „Русск. Стар.“, 1873, VIII, 709, 887, 899; Архивъ, 1876, III, 18; Сборникъ, XVII, 319, 403); Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 370); Письмо Бецкому и его дочери (Архивъ, 1873, 2254, 2271, 2278); Письмо Сумарокова Екатеринѣ II (Библиогр. Зап., I, 423); Воронцовъ II, 4; IV, 504; V, 78, 475; VII, 259; IX, 146; XXI, 91; Храповицкій, 21, 22, 26, 448; Порошинъ, „Русск. Стар.“, 349, 441, 453, 490; Щербатовъ, 115, 679; Коксъ, XVIII, 322; Позье, 111, 122; Russie, 355; Dohm, Русскій дворъ (Россія, 1879, III, 85); Карабановъ, V, 459; Чистовичъ, Матерьялы о Бецкомъ (Чтенія, 1863, IV, 81); Пятков-

отличается оригинальной постройкой. Онъ имѣетъ особенности, какія нигдѣ нельзя отыскать. Напримѣръ, витая чугунная лѣстница, весьма, конечно, опасная въ пожарномъ отношеніи. Далѣе, обширный верхній садъ, который устроенъ надъ службами, конюшнями и хозяйственными строеніями, отчего весь дворъ застроенъ и сдѣланъ неудобнымъ. Вообще же, это прекрасный домъ, очень удобный, какъ особнякъ.

¹⁾ Когда она вышла за принца гессенгомбургскаго, она была вдовою молдавскаго князя Кантемира, отъ котораго у нея была дочь, вышедшая за князя Голицына, вѣнскаго посла. Принцесса гессенгомбургская была довѣренною подругою императрицы Екатерины, которая наградила ее орденомъ св. Екатерины. Эту орденскую ленту можно видѣть еще въ академіи художествъ, гдѣ она хранится въ урнѣ, въ которую положила ее сама принцесса гомбургская. Она умерла въ 1755 году и погребена въ Александро-Невской церквн. Тамъ сооруженъ ей прекрасный, но не очень красивый памятникъ.

скій, И. И. Бецкой („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 889); Биографія Бецкаго (Иллюстрація, 1847, 150); Вейдемейеръ, Дворъ, I, 27; Бантышъ-К., Словарь, I, 166; Списки, 115, 213; Карабановъ-Долгоруковъ, 194; Евгений, I, 37; Половцовъ, Характеристика Бецкаго (Сборникъ, XVII, VI); Соч. Державина, изд. Грота, IX, 620; Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039, № 26); Майковъ, Совѣ 1765 г. (Архивъ, 1873, II, 1910), Эминъ, Совѣ (Архивъ, 1873, III, 372); Петровъ, Екатерина II, образовательница подданныхъ, Сиб., 1864, 34; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 390, 666; Пятковский, Исторія воспитательнаго дома („Русск. Стар.“, 1875, XII, 146); Соловьевъ, Сенатъ при Екатеринѣ II (Россія, 1875, I, 23); Родители Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ I, 7); Божеряновъ, Л. Ф. Кокоринъ („Русск. Старина“, 1883, XL, 704); Артѣмьевъ, Медали. комитеты (Зап. археол. общ., III, 200); Негтманн, V, 285; VII, 613; Соловьевъ, XXV, 151, 292; XXVI, 324; Сантовъ, 18.

В. В.

ЪХХІХ. РИБАСЪ.

Рибасъ родился въ Неаполѣ. Его отецъ, кузнецъ, родомъ испанецъ, жилъ въ Барцелонѣ. Будучи не очень то счастливъ и имѣя предприимчивую голову, онъ отправился въ свѣтъ короля Донъ-Карлоса въ Неаполь, гдѣ получилъ мѣсто въ военной канцеляріи.

Его сынъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ офицеромъ, но вскорѣ вынужденъ былъ покинуть Неаполь. Онъ отправился въ Ливорно, гдѣ тогда жилъ Алексѣй Орловъ. Онъ сдѣлалъ его лейтенантомъ корабля и пользовался имъ, какъ могъ. Рибасъ помогъ погубить злосчастную дочь (?) Елизаветы и былъ посланъ въ Петербургъ курьеромъ, съ извѣстіемъ, что она въ рукахъ Орлова. Онъ остался въ Петербургѣ, сталъ гофмейстеромъ молодаго Бобринскаго и сопровождалъ его въ путешествіи. За эти услуги онъ сталъ мало по малу подполковникомъ, полковникомъ и бригадиромъ. Будучи полковникомъ, онъ командовалъ карабинернымъ полкомъ.

Во время осады Очакова Потемкинъ сдѣлалъ его контръ-адмираломъ. Вскорѣ затѣмъ онъ сталъ вице-адмираломъ и командовалъ учебною флотиліею на Дунаѣ.

Рибасъ умеръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, будучи генералъ-кригс-коммиссаромъ, вице-адмираломъ, кавалеромъ орденовъ св. Александра и св. Георгія второй степени, и мальтійскаго ордена, полученнаго имъ одновременно съ Зоричемъ.

О его умѣ мало говорятъ; мало и о сердцѣ. Весьма сомнительно, имѣлъ ли онъ способности, необходимыя на многоразличныхъ постахъ,

которые онъ занималъ; но ему нельзя отказать въ личной храбрости.

Онъ былъ женатъ на достойнѣйшей женщинѣ. Она называлась mademoiselle Baby ¹⁾ и была камерфрейлиной императрицы. Увѣряли, будто она дочь Бецкаго. Несомнѣнно, что никто не зналъ ея происхожденія. Она была умнѣйшею, образованнѣйшею и прекраснѣйшею женщиною всего двора.

Отъ этого брака произошли двѣ любезнѣйшія дочери, которыя своими принципами и своимъ образованіемъ могли бы составить счастье своихъ мужей.

Примѣчаніе переводчика. Осипъ Михайловичъ Рибасъ, † 1808. А. Г. С., I, ч. 1, 744; Протоколамъ яскихъ конференцій (Сборникъ, XXIX, 548); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XVII, 105; XXIII, 277; XLII, 131 132); Письма Рибаса (Архивъ, 1876, III, 24); Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II, Спб., 1873, 98; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 381, 427; XXIX, 534, 548); Письма Рибасу (Архивъ, 1866, 969; 1871, 1525; 1878, I, 490); Воронцовъ, V, 2; VIII, 43, 133, 153; IX, 33; XIII, 218, 228, 247, 330; Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Стар.“, 1876, XVI, 475; XVII, 643); Энгельгардтъ, 118, 123, 127; Castéra, II, 252; Ségur, II, 176; Masson, 305, 392; Храповицкій, 92, 95, 408; Записки Шишкова, 1870, I, 5; Карабановъ, V, 467; О. М. Рибасъ („Русск. Стар.“, V, 38, 241; VIII, 368; X, 774; XVII, 458); Сумароковъ, Черты Екатерины В. (Архивъ, 1870, 2080); Кн. П. А. Зубовъ (Старина, 1876, XVII, 458); Соч. Державина, изд. Грота, IX, 724; Вейдемейеръ, Дворъ, II, 76; Вантышъ-К., Словарь, IV, 308; Списки 237 Карабановъ-Долгоруковъ, 188. В. В.

¹⁾ Настасья Ивановна, рожд. Соколова. Бильбасовъ, Дидро въ Петербургѣ, стр. 316, прим. 87. В. В.

LXXX. АНДРЕЙ ЧЕРНЫШЕВЪ.

Андрей Чернышевъ, сынъ крестьянина изъ деревни графа Чернышева, не имѣя фамильнаго имени, принялъ имя своего барина. Онъ былъ доставленъ въ Петербургъ, какъ рекрутъ; но обладаніе красивымъ лицомъ сдѣлало то, что онъ, вмѣсто того, чтобъ стать солдатомъ, получилъ служительское мѣсто при дворѣ. Онъ понравился Екатеринѣ, которая сдѣлала его камеръ-лакеемъ. Тогдашній избранникъ, Орловъ, нашелъ нужнымъ удалить его. Чернышевъ получилъ мѣсто капитана въ арміи. Позже, онъ опять былъ вызванъ императрицею въ Петербургъ и сталъ повышаться по службѣ. Наши свѣдѣнія о Чернышевѣ доходятъ только до 1796 года. Онъ былъ тогда генераль-маiorомъ и командиромъ Петербургской крѣпости.

Прим. переводчика. Андрей Гавриловичъ Чернышевъ, † 1797 г. П. С. З., № 17,535. Списокъ военныхъ чиновъ на 1792, 37; Спб. Вѣдомости за 1796 г., № 93; за 1797 г., № 4. Письма Чернышева (Архивъ, 1865, 1002); Catherine, 63; Геннади, Соч. Пушкина, 1860, VII, 152; Лонгиновъ, Записки къ письмамъ Екатерины II (Архивъ, 1863, 405); кн. Оболенскій, Историческія замѣчанія (Архивъ, 1865, 994); Долгоруковъ, II, 103; Башуцкій, Панорама Петербурга, 1830, III, 71; Баятышъ-К., Списки, 224; Саатовъ, 145.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА.

LXI ¹⁾:

Петръ Великій.—Елизавета Петровна.—Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.—Мировичъ.—Князь Борисъ Куракинъ.—Вел. князь Павелъ Петровичъ и его поѣздка въ Финляндію во время Шведской войны.

Петръ Великій, сломивъ тынъ, обружавшій землю русскую, отворилъ ворота для жителей другихъ странъ свѣта, болѣе, несравненно болѣе насъ образовавшихся, привѣтствовалъ, просилъ чужеземцевъ добро-пожаловать на хлѣбъ-соль русскую, принести съ собою намъ ремесла, художества, науки и быть человѣческой. До Петра грѣхъ будетъ подумать, чтобы мы, русскіе, имѣли право называть себя людьми: мы были до Петра медвѣди, съ тою только разницею, что живущіе медвѣди въ лѣсахъ — иногда, а русскіе того времени — всегда на двухъ ногахъ держались и ходили. Сильнымъ потокомъ хлынули къ намъ чужеземцы, но, къ несчастію нашему, сильный приливъ принесъ съ собою много тины, грязи и нечистотъ всякаго рода! Геніальный Петръ, нетерпѣливый, — свойство, обменовенно соврожденное творческой силѣ чловѣка, — Петръ, какъ Геркулесъ, взявъ дубину въ руки, погналъ всѣхъ, какъ пастухъ гонить стадо къ ручью на водопой,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 года, томъ XLVII, стр. 365—390; т. XLVIII, стр. 55—82, 247—282, 473—486; изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 39—62; т. LI, стр. 47—76, 259—284; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 77—106.

перенимать все у иностранцевъ, что они съ собою внесли къ намъ. Кто отставалъ, упирался, не хотѣлъ разстаться со своими привычками, того Петръ вразумлялъ дубиною по бокамъ! И будучи одаренъ великимъ умомъ, превосходною силою творческою, надѣлалъ, отъ нетерпѣнія и неодолимаго желанія поворотить все вдругъ, много вреднаго, неосновательнаго, даже глупаго. Смѣшно почитать образованность въ обритомъ рылѣ, напудренномъ парикѣ, въ кургузой одеждѣ. Еще страннѣе пожелать, чтобы всѣ говорили перековерканными на 'русскомъ языкѣ иностранными словами. Самъ онъ, будучи самодержавный царь всея Россіи, подписывалъ повелѣнія и указы свои на голландскомъ языкѣ „Petrus“.

Но со времени царствованія нашего единственнаго Петра, — въ жилахъ его текла кровь русская, чистая, безъ примѣси, — ознакомились мы съ Европою, повсюду были послы царскіе, повѣренные въ дѣлахъ, консулы для разбора дѣлъ торговыхъ и даже при малыхъ дворахъ князей германскихъ считали нужнымъ держать повѣреннаго для отправленія дѣлъ дипломатическихъ. Хотя Царь Всероссійскій съ какимъ нибудь владѣтельнымъ князькомъ нѣмецкимъ находится точно въ такомъ же взаимномъ отношеніи, какъ слонъ съ индѣйскимъ пѣтухомъ, какъ бы то ни было, а повѣренные въ дѣлахъ тогда находились при всѣхъ дворахъ миниатюрныхъ владѣтельныхъ князей германскихъ. Правило или порядокъ этотъ существовалъ, если не ошибаюсь, долго еще и въ царствованіе Екатерины II. Въ началѣ царствованія Елизаветы, при маленькомъ Ангальтъ-Цербетъ княжескомъ дворѣ находился дипломатическимъ повѣреннымъ или агентомъ въ дѣлахъ, тогда молодымъ человѣкомъ, вступившимъ на поприще службы, знаменитый впоследствии канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Извѣстно, что Бестужевъ, будучи при Елизаветѣ канцлеромъ, облеченный полною и всесовершенною довѣренностію безпечной, (веселостямъ) преданной, царицы, дѣлалъ, что хотѣлъ, и настоялъ въ томъ, чтобы принцесса Цербская была избрана въ невѣсты

наслѣднику трона, призванному изъ Голстиніи, Петру Ѳеодоровичу, племяннику Елизаветы. Принцесса была привезена, совершенно бракосочетаніе.

Мировичъ предпринялъ возвратить свободу заключенному въ темницу Іоанну Антоновичу. Мировичъ зналъ, что при неудачѣ голова его ляжетъ на плаху, и показалъ твердость характера, неестественное присутствіе духа! Когда сказали ему, чтобы онъ приготовился къ смерти, что въ такомъ-то часу поведутъ его на эшафотъ, Мировичъ просилъ, чтобы ему было дозволено убрать волосы, одѣться благопристойно, говоря, что хочетъ идти на эшафотъ, какъ должно честному и невинному человѣку. Желаніе его было удовлетворено: ему дозволили убрать волосы по самой послѣдней модѣ, какъ тогда причесывали волосы; надѣлъ новое платье и шелъ на эшафотъ съ веселымъ лицомъ, кланяясь на обѣ стороны народу и шутя въ разговорахъ съ палачемъ, шедшимъ у него съ лѣвой стороны, отворачиваясь отъ священника, шедшаго съ правой, и не внимая приуготовительному напутствію пастыря въ жизнь вѣчную.

Когда онъ былъ приведенъ предъ судей, въ числѣ вонхъ за сѣдалъ Алексѣй Орловъ, который, по забывчивости своей, вскочивъ съ своего мѣста и кинувшись въ нему, началъ его уворать въ злодѣйскомъ умыслѣ противъ государыни, законной повелительницы, и называлъ его злодѣемъ, разбойникомъ, убійцею, Мировичъ безъ малѣйшей боязни, съ хладнокровіемъ, не перемѣняя голоса, сказалъ: „остановись, Орловъ, называть меня именами своими, ты (преступникъ), а не я!... я хотѣлъ освободить законнаго нашего императора, моему за 20 лѣтъ предъ симъ вся Россія клялась въ вѣрнопопданствѣ. Противъ Екаторины я ничего не предпринималъ“.

Орловъ заревѣлъ: „положите кляпъ ему въ ротъ“.

Мировичъ, засмѣявшись, сказалъ Орлову: „какъ же будете меня допрашивать съ кляпомъ во рту, я вамъ не скажу ни полслова!“

Императрица Елизавета видѣла или, лучше сказать, канцлеръ

Бестужевъ видѣлъ, ибо Елизавета не могла, не умѣла видѣть совершенную неспособность въ назначенномъ наслѣдникѣ престола къ управленію не только обширѣйшей имперіи Россійской, но и къ благоустроенному домоводству частнаго человѣка. Петръ III нивакимъ дѣломъ не хотѣлъ и не могъ заняться, кромѣ ученія солдатъ экзерсици, безпрестаннаго перекраиванія мундировъ, куриль, не переставая, табакъ и непременно всякій день (вель себя невоздержно).

Бестужевъ, владѣя умомъ Елизаветы, преклонилъ ее убѣжденіями своими на согласіе объявить наслѣдницею престола великую княгиню Екатерину, супругу наслѣдника, въ которой всѣ безъ изыатія видѣли великія дарованія, а его провозгласить генералиссимусомъ по соврожденной и единственной его наклонности къ дѣлу и чину воинскому. Бестужевъ получилъ уже повелѣніе Елизаветы приуготовлять исподволь умы при дворѣ и въ обществѣ города къ соизволенію ея назначить наслѣдницею Еватерину. Великой княгинѣ было повелѣно заниматься дѣлами или учиться, какъ править государствомъ, у канцлера Бестужева.

Претъ Ѳеодоровичъ ни мало не подозрѣвалъ тетку свою, императрицу Елизавету, въ замыслахъ ея, но какъ ему нарочито было предоставлено болѣе свободы дѣлать, что хочетъ, муштрировать голстинцевъ своихъ и кадетъ шляхетнаго корпуса, Петръ, въ знакъ благодарности своей къ императрицѣ за дозволеніе, дарованное ему дѣйствовать и располагать занятіями своими по собственному его произволу, началъ оказывать теткѣ императрицѣ болѣе уваженія. Насмѣшки его надъ обрядами, надъ духовенствомъ русскимъ, надъ дамами, окружавшими государыню,—которыя, наряженныя въ преобширѣйшіе фишбейны и съ убранствомъ на головахъ, поднимавшимся перпендикулярно болѣе аршина, походили на оживотворенныя башни,—начали становиться гораздо рѣже и скромнѣе, какъ то прежде отъ него слышали.

Бестужевъ, преподавая лекціи Екатеринѣ, и безъ этого уже ею много уважаемый,—она знала, что ему обязана удостоеніемъ

раздѣлять нѣкогда тронъ императорскій,—еще болѣе пріобрѣлъ ея довѣренность и, наконецъ, былъ ея менторомъ, повѣреннымъ всѣхъ тайныхъ ея помысловъ. Отъ нея непосредственно Бестужевъ свѣдалъ, что супругъ ея всю ночь занимаетъ ее эзерсиціе ружьемъ, что они стоятъ попеременно на часахъ у дверей, что ей занятіе это весьма наскучило, да и руки, и плечи болятъ у нея отъ ружья. Она просила его сдѣлать ей благодѣяніе, уговорить великаго князя, супруга ея, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ, не заставлялъ-бы по ночамъ обучаться ружейной эзерсиціи, что она не смѣетъ доложить объ этомъ императрицѣ, страшась тѣмъ прогнѣвить ея величество.

Бестужевъ, при всей славѣ своей въ искусствѣ утонченной политики, въ ухищреніяхъ пронизательнаго дипломатика, т. е. знатока совершеннаго въ искусствѣ обманывать и притворяться, не умѣлъ на этотъ разъ скрыть испуга, удивленія и вмѣстѣ отчаянія до того, что великая княгиня съ безпокойствомъ и простодушіемъ изволила спросить его:

— „Что съ вами сдѣлалось, Алексѣй Петровичъ? вы перемѣнились въ лицѣ,—ахъ! я вѣрно васъ огорчила, простите мнѣ!“ и заплакала. Екатерина въ то время была, дѣйствительно, милый, непорочный, чистый ангелъ, прекрасная тѣломъ и съ душою, расположенною ко всему хорошему, благородному, высочему.

Бестужевъ старался успокоить великую княгиню, сказавъ ей, что съ нимъ это часто случается, что онъ подверженъ головной боли, которая, однако-же, скоро у него проходитъ. Просивъ великую княгиню не безпокоиться и какъ ловкій царедворецъ подавивъ въ себѣ впечатлѣніе, произведенное чистосердечнымъ разсказомъ Екатерины, сдѣлался веселъ, забавенъ, разсказалъ великой княгинѣ много веселыхъ анекдотовъ, заставилъ ее смѣяться и, оставляя ее, просилъ Екатерину, чтобы она не пересказывала супругу своему о разговорѣ, бывшемъ между ними.

Екатерина съ тѣмъ же простодушіемъ, свойственнымъ невинности, отвѣчала Бестужеву:

— „Великій князь никогда и ни о чемъ у меня не спрашиваетъ; у насъ только и словъ: слушай, на караулъ и пр.“.

Того же дня или на другой, и вѣроятно на другой, потому что Елизаветѣ можно было говорить о дѣлѣ до 12 часовъ, Бестужевъ, явась въ императрицѣ, доложилъ ея величеству, что онъ имѣетъ доложить ей о самоважнѣйшемъ дѣлѣ государственномъ

и всеподданнѣйше просить ея величество всемилостивѣйше назначить ему аудіенцію.

Быль-ли тотъ день, когда Бестужевъ говорилъ ея величеству, понедѣльникъ, — въ который Елизавета не соизволяла ничего начинать и ничего дѣлать, слѣдуя преданіямъ суевѣрія, что понедѣльникъ день архангельскій и что начать что-либо въ понедѣльникъ — въ томъ не будетъ добраго успѣха; если въ понедѣльникъ случится какая-либо неприятность, то въ продолженіе всей недѣли будетъ слѣдовать бѣда за бѣдою, — или она была въ добромъ расположеніи и дворъ ея забавлялся увеселеніемъ...

Кстати, увеселеніе двора (того времени) состояло, между прочимъ, въ томъ, что собранныя жены придворныхъ лакеевъ, истопниковъ, конюховъ лѣтомъ въ верхнемъ саду у золотой липки, названной золотою по бесѣдкѣ раззолоченной, въ которой Елизавета всегда изволила сидѣть, — пѣли и плясали, и съ ними вмѣстѣ предъ императрицей плясывалъ князь Борисъ Куракинъ, родитель вице-канцлера князя Александра и Алексѣя Куракиныхъ.

Князь Борисъ былъ любимецъ и забавникъ (двора), по тогдашней модѣ носилъ большой парикъ, называемый алонже. Бабы, пѣвшія, плясавшія, сложили пѣсню плясовую, которая начиналась: „поватилась подъ гору, по Куракину двору“, и пр. Князь всегда подъ эту пѣсню съ большимъ жаромъ и коверканіемъ плясывалъ, и бабы плясуньи всегда дергивали съ Бориса большой парикъ алонже. Общество забавлялось отъ всей души, а въ одинъ день, подъ вечеръ, было пожаловано Борису Куракину нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ!

Елизавета Петровна соизволила всемилостивѣйше Бестужеву сказать: „завтра, Алексѣй Петровичъ!“

И на другой день Бестужевъ вель докладъ свой.

Виновникомъ возвышенія Петра (Сергѣевича) Салтыкова при дворѣ великаго князя Петра Ѳеодоровича былъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Онъ-же устроилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и его удаленіе въ Швецію на постъ посла. Великая княгиня Екатерина, благоволившая въ камергеру — была весьма недовольна на Бестужева за удаленіе Салтыкова изъ Петербурга.

Странная одежда солдатъ гатчинскихъ была нѣкоторымъ образомъ порукою въ томъ, что между солдатомъ гвардейскимъ

и гатчинскимъ (въ царствованіе Екатерины II) содружество и пріязнь никогда не могутъ возникнуть. Гвардеецъ всегда насмѣхался надъ уродливо одѣтымъ гатчинскимъ воиномъ. Они другъ друга ненавидѣли,—гатчинскій герой не осмѣливался появиться въ Петербургѣ. Екатерина держала около Павла шпионовъ, каждый шагъ его былъ ей въ то-же время извѣстенъ. Она знала, что ему не на кого положиться изъ офицеровъ своихъ; одинъ Аравчеевъ поступилъ въ нему изъ офицеровъ кадетскаго артиллерійскаго корпуса, одинъ безъ явнаго порока и не оглашенный преступленіемъ, одинъ не преданный пьянству и знавшій посредственно математику, особенно что принадлежитъ до артиллеріи въ механическомъ ея составѣ. Прочіе офицеры его были невѣжды во всей силѣ слова сего. Первый главный его тактикъ и наставникъ—Линденеръ, въ семилѣтнюю съ Пруссіей войну бѣжавшій изъ войска прусскаго вахмистръ. Линденеръ зналъ практику, то есть сидѣлъ крѣпко на конѣ, быть можетъ въ свое время владѣлъ хорошо саблею, но не зналъ тактики, былъ такая-же невѣжда, какъ и прочіе, съ тою только разницею, что былъ невѣжда прусская.

Екатерина обманулась въ надеждахъ своихъ. Удивленія достойно, что императрица, зная неимовѣрную робкость въ Павлѣ, чаяла, что онъ рѣшится на какое-либо предпріятіе! Сочиненная ею комедія во время войны со Швеціею, подъ названіемъ „Походъ подъ шведовъ“, живо описываетъ геройскій духъ Павла. Сборы въ походъ его высочества, проводы его—отрывокъ или образчикъ сборовъ рыцарей крестовыхъ походовъ. Храбрость не долго гнѣздилась въ тѣлѣ героя. Павелъ быстро былъ перевезенъ изъ Петербурга въ Выборгъ; по пріѣздѣ своимъ скорыми шагами соизволилъ взобраться на крѣпостныя укрѣпленія, обошелъ ихъ и тогда только изволилъ опочить отъ трудовъ. На утро другаго дня, рано, со восходомъ солнца, изволилъ отправиться на крѣпостную стѣну, оттуда, увидавъ верхи мачтъ подходящихъ шведскихъ кораблей, изволилъ немедленно отправиться въ обратный путь въ Санктъ-Петербургъ. Симъ движеніемъ заключены всѣ подвиги на полѣ славы. Кампанію его можно описать тремя словами: прискакалъ, поглядѣлъ, ускакалъ ¹⁾.

¹⁾ Объ этой поѣздѣ в. к. Павла Петровича въ Финляндію и о комедіи Екатерины II по этому поводу было много статей въ печати: Я. К. Грота, г. Брикнера и др. Ред.

Извѣстно всѣмъ, что Екатерина написала завѣщаніе, по которому передавала корону внуку своему Александру, устраняя отъ наслѣдія Павла Петровича,—отдавала царство сыну сына своего. Завѣщаніе или актъ сей хранился у Безбородки, который вмѣсто того, какъ ему было поручено отъ Екатерины — объявить по кончинѣ ея правительствующимъ синоду и сенату завѣщаніе, поднесъ его Павлу, когда она еще была жива, но была уже безъ памяти, полумертвая.

Двѣнадцать тысячъ душъ въ Малороссіи, титуло свѣтлѣйшаго князя и санъ канцлера были наградою отъ Павла Безбородкѣ за его къ нему преданность.

LXII.

Черты нравовъ XVIII-го вѣка.—Фейерверкъ у одного изъ бояръ.—Кн. Г. А. Потемкинъ и его окружающіе.—Энгельгардтъ.—Подъ Очаковымъ.—Суворовъ.—Н. М. Карамзинъ на Ливномъ пруду.

Князь Иванъ Дмитріевичъ ***, блаженной памяти, не упомяну по какому-то случаю давалъ въ домѣ своемъ на Дѣвичьемъ полѣ балъ со всѣми возможными причудами: благородный театръ, сюрпризы супругѣ своей Екатеринѣ Александровнѣ, урожденной М***, иллюминація и фейерверкъ.

Весь лучший кругъ пируетъ у князя: всѣ графы, всѣ князья, вся знать веселится у глупца князя-хозяина. Сюрпризъ былъ приготовленъ для супруги въ фейерверкѣ: статуя, представляющая *fidélité*, въ окончаніи фейерверка должна быть освѣщена брилліантовымъ огнемъ и на пьедесталѣ, въ транспарантѣ, горять стихи въ честь супружеской *fidélité*. Все шло прекрасно, въ фейерверкѣ было много штукъ, всѣ сидѣли на креслахъ, передъ фейерверкомъ въ полувружіи поставленныхъ, и въ собраніи 500 человекъ или еще и болѣе. Никто не замѣтилъ, что виновницы праздника не было. Извѣстно, что по сожженіи штуки фейерверка вдругъ сдѣлается темно и когда зажгутъ другую всѣ предметы мгновенно освѣтятся. Прогорѣла штука, другая, третья, можетъ быть и до десяти, наконецъ, послѣ возникшей тьмы, надобно было зажечь—освѣтитъ изображение *fidélité*. Фейерверкеръ поднесъ фитиль князю Ивану Дмитріевичу, онъ былъ долженъ зажечь на натянутомъ шнурѣ голубка, который понесетъ искру

пламенной любви его сиятельства въ обожаемой *fidélité*. Въ восторгѣ, въ восхищеніи зажегъ князь кукулу-голубка. Искусно сдѣланная фейерверкеромъ куколка побѣжала по натянтому шнурку съ быстротою молніи; прибѣжала къ *fidélité*, зажгла, и что увидѣли! живую *fidélité*—супругу князя Катерину Александровну за статуей съ товарищемъ моимъ Б—комъ, *faisant une infidélité!* Что-же?—Ничего.

Всѣ видѣли княгиню, никто не ошибся, но супруга князя увѣрила и удостовѣрила, что то была иже *femme de chambre*, и блаженной памяти князь Иванъ Дмитріевичъ повѣрилъ отъ всей души, что то была не княгиня, а горничная дѣвушка.

Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ сочинителемъ стиховъ въ честь *fidélité*, самъ присутствовалъ на балу, видѣлъ все происшествіе и вмѣстѣ съ прочими увѣрялъ князя, что за статуей *fidélité* видѣли женщину, но то была не княгиня.

Странное событіе послѣдовало, которое слѣдовало бы предложить на обсужденіе медикамъ, физикамъ и даже метафизикамъ: князю Ивану Дмитріевичу далъ Богъ сына, то есть супруга его кн. Катерина Александровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ — благополучно, но у новорожденного князя не доставало одного уха! Какая бы причина была виною сего недостатка?

Князь Иванъ Дмитріевичъ покойный былъ князь съ длинными ушами!

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ унижалъ, пренебрегалъ знатныхъ обращался вѣжливо и выслушивалъ благосклонно простаго офицера; отворачивался отъ князя, графа, смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ; любилъ солдатъ, употреблялъ всѣ усилія съ своей стороны оберечь солдата, успокоить его и хорошо довольствовать, но никогда не могъ достигнуть цѣли желанія своего, не умѣлъ никогда наказать за преступленіе.

Онъ зналъ, что всѣ оружавшіе его грабительствуютъ, что родныя племянницы и фаворитки его, урожденныя Энгельгардъ, бездѣльничаютъ вмѣстѣ съ правителемъ дѣлъ Васиіемъ Степановичемъ Поповымъ, Фалѣевымъ, жидомъ Ноткою, — что племянникъ его Энгельгардъ есть изъ первѣйшихъ грабителей. Разумѣлъ и считалъ всѣхъ ихъ, какъ каналію.

Г*** упросилъ князя Потемкина дозволить племянницѣ его, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, вступить съ нимъ въ

супружество. Свѣтлѣйшій дозволилъ, но когда приближенные начали его поздравлять съ бракосочетаніемъ племянницы его за NN, Потемкинъ, посмотрѣвъ на раболѣбствующую толпу, сказалъ:

„Съ чѣмъ поздравлять? Вышла (дурная женщина) за (дурнаго мужчину)“.

Въ Кременчугѣ князь сказалъ, что онъ нездоровъ и велѣлъ всѣмъ посѣтителямъ играть въ карты у него въ спальнѣй комнатѣ.

Племянница его Т*, бывшая тогда въ замужествѣ за М***, послѣ смерти его вышедшая за NN, играла въ пикетъ съ полковникомъ Сибирскаго гренадерскаго полка вн. Павломъ Михайловичемъ Д*** и ногами подъ столомъ подавали другъ другу условленные знаки, вѣроятно о свиданіи.

Князь, лежавши на диванѣ, увидѣлъ ихъ дѣйствія, взглянулъ на сидѣвшаго подлѣ дивана, даннаго императрицею, камердинера Фед. Ермол. Секретарева, указалъ ему и закричалъ:

„Вонъ, спать хочу!“

Всѣ поднялись, откланялись спинѣ его свѣтлости, — князь, закричавши вонъ, обернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Какъ скоро всѣ разошлись, князь приказалъ Секретареву принести ему три длинныхъ свѣжихъ прутика, какими гоняютъ преступниковъ солдатъ севозъ строй, хорошенько свить и связать ихъ, чтобы ловчѣе было хлестать. Когда Секретаревъ принесъ князю прутья, его свѣтлость сказалъ Федору Ермолаевичу:

„Татьяну сюда въ дезабилье“.

Татьяна была уже дезабилье, но вошедшій Секретаревъ разрушилъ всѣ обѣщанія себѣ удовольствія... Съ досадою Татьяна спросила Федора Ермолаевича:

„Да чѣмъ это дядюшка нездоровъ?“

— Не знаю, отвѣчалъ Секретаревъ.

„Да что дѣлаетъ дядюшка?“

— Изволить лежать на диванѣ.

Татьяна досадовала, но пошла. Когда Т*** вошла въ спальню къ дядюшкѣ, свѣтлѣйшій сказалъ:

„Федоръ, запри дверь“.

Татьяна показала видъ цѣломудрія, хотѣла что-то сказать, но не успѣла, — князь хлесталъ ее съ плеча шпицрутенами. Татьяна визжала, просила помилованія, умоляла дядюшку, взывала къ нему — „помилуй, за что?“ Князь, обломавши прутья

на плечахъ и спинѣ племянницы, съ преспокойнымъ видомъ сказалъ ей:

„Развѣ тебѣ недовольно? Пошла вонъ!“ и легъ на диванъ, приказавъ позвать Попова.

Когда Поповъ вошелъ, князь сказалъ ему ордеръ: „Д*** отправиться, съ полученія часа не мѣшкая, на Прутъ осмотрѣть мѣсто положенія и ожидать моего повелѣнія тамъ“.

Въ гостиной комнатѣ оставшіеся посѣтители ужинать слышали визгъ Татьяны.

На другой день на балу мученица Татьяна должна была плясать болѣе другихъ, чтобы не прогнѣвить дядюшку.

Энгельгардъ, Василій Васильевичъ, родной братъ племянницъ-фаворитовъ князя свѣтлѣйшаго, командовалъ кирасирскимъ князя Потемкина полкомъ, въ которомъ было 10 тысячъ кирасиръ. Энгельгардъ миллионы награлъ, командуя полкомъ, вздумалъ просить дядюшку помѣстить его губернаторомъ.

Потемкинъ при всѣхъ бранилъ Энгельгарда:

— „Чего ты, дуракъ, просишь? Три губерніи не доставятъ тебѣ столько, сколько ты отъ полка воруетъ! Довольно тебѣ 10 тысячъ лошадей!“

Князь Рѣпинъ затѣялъ заговоръ противу князя Потемкина подѣ Очаковымъ, обвиняя его въ бездѣйствіи и трусости и намѣреваясь (?), составилъ совѣтъ изъ генераловъ отказать князю начальство надъ войскомъ.

Князь про это зналъ, мало беспокоился, будучи увѣреннымъ, что солдаты и офицеры, любившіе его до обожанія, не послушали-бы повелѣнія военнаго совѣта генераловъ и что онъ однимъ словомъ своимъ могъ заговоръ разрушить и заговорщиковъ велѣть разстрѣлять. Но эхо о замыслѣ Рѣпина и генераловъ дошло до ушей Екатерины.

Испуганная императрица писала Потемкину, умоляла его снять осаду Очакова, размѣстить войско на квартиры и поспѣшить къ ней въ Петербургъ.

Потемкинъ показалъ и оправдалъ себя, что онъ не трусъ: взявъ съ собою весь генералитетъ, поѣхалъ осматривать циркуляціонную линію и остановился подѣ ядрами 50-пушечной Гасанъ-пашинской батареи разговаривать съ княземъ Рѣпинимъ.

Ядра сыпались съ Гассанъ-пашинской батареи градомъ. Шапочки (фуражки) подымались произвольно волосами у всѣхъ на головахъ, — князь Рѣпинъ побѣлѣлъ, какъ полотно.

Потемкинъ, прoderжавши генераловъ полтора часа подъ ядрами, поѣхалъ шагомъ въ свою ставку, повторяя слова:

— „Да гдѣ-же храбрецы-то? Всѣ поблѣднѣли, какъ съ перегону“.

Всѣ господа-заговорщики проглотили *bon mot* князя, не поморщившись, будучи сердечно рады, что онъ поѣхалъ отъ ядеръ Гассанъ-пашинской батареи.

Суворовъ, дерзнувшій осуждать дѣйствія законнаго государя своего (Павла Петровича), ползалъ, пресмыкался, раболѣпствовалъ предъ княземъ Потемкинымъ.

Князь Потемкинъ обыкновенно принималъ всѣхъ генераловъ въ ставкѣ своей въ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу и безъ исподняго платья; позволялъ себѣ при всѣхъ то, что только можно позволить себѣ одному въ комнатѣ.

Суворовъ являлся предъ княземъ Потемкинымъ въ солдатской одеждѣ, на головѣ каска; вытягивался, отдавалъ по солдатски почтеніе, поднимая правую руку ко лбу, поворачивался направо кругомъ и топалъ правую ногою.

Князь Потемкинъ отвѣчалъ ему всегда на это словами:

— „Полно, перестань дурачиться, тучело!“

Суворовъ съ рабскою покорностью выслушивалъ брань князя и продолжалъ дурачиться, какъ то дѣлаютъ шуты въ домахъ знатныхъ господъ, — забавлялъ князя Потемкина.

По восшествіи на тронъ императора Павла, когда къ Суворову пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Котлубицкій, одѣтый по новой формѣ, съ повелѣніемъ одѣть армию по новоданному образцу, привить косы и ставить булки, — Суворовъ, при собраніи генераловъ, всѣхъ штабъ и большей части оберъ-офицеровъ, выбѣжалъ изъ кабинета своего по обыкновенію своему въ шароварахъ, безъ мундира, въ одной рубашкѣ, на головѣ каска и началъ на Котлубицкаго по собачьи лаять, прыгать вокругъ него и, между лаемъ, кричать:

— „Воняетъ, воняетъ, прусаекъ, прусаекъ! помилуй Богъ! воняетъ, курите, курите!“

Котлубицкій не пришелъ ни мало въ замѣшательство, стоялъ

преспойно, державъ въ рукѣ повелѣніе, и повторялъ бѣсновашемуся вокругъ него Суворову:

— „Вашему сіятельству—повелѣніе“, протягивая руку, чтобы Суворовъ принялъ кувертъ, но вѣроятно фельдмаршалъ былъ (не таковъ)—долго не хотѣлъ принять куверта, продолжая лаять на Котлубицкаго и вокругъ него прыгать.

На другой день у развода Суворовъ читалъ проповѣдь свою солдатамъ:

— „Пуля дура, штыкъ молодець! Береги пулю на закусочку, пусть лежитъ въ дулѣ всю кампанію. Натискъ — разъ, два, три, на штыкъ не задерживай. Курочка, перепелочка, все, братцы, наше! ура! чудо богатыри! Берегись солдатъ лазарета, нѣмецкаго лѣкарствица, есть трава-муравка, конскій щавель, есть, братцы, въ артеляхъ свои карасики. Берегись солдатъ лазарета, нѣмецкаго лѣкарствица, какъ огня, а нѣмцы лѣкаря — немогузнайки, ускромѣйки, вонючка! ура! ура! ура! чудо богатыри!“

По произнесеніи вышенаписанной галиматы, Суворовъ снялъ съ себя всѣ ордена, зарылъ ихъ въ землю, пропѣлъ три раза по пѣтушинуму „кукареку“ и закричалъ: „прощай, слава Россіи! ты умерла. Прощайте, дѣтушки, чудо-богатыри! Прощайте!“

Не показывали-ли всѣ дѣйствія Суворова, что онъ хотѣлъ возмутить (??) всю армію, привести войско въ неповиновеніе (??).

Суворовъ никогда не думалъ (??) о продовольствіи арміи, оставлялъ каждому на собственное попеченіе заботиться о пропитаніи себя и всякое грабительство, всякое насиліе оставлялъ ненаказаннымъ (?!).

Непріятное происшествіе историографа нашего Николая Михайловича Карамзина на берегу Лизина пруда близъ Симонова монастыря. Вдовствовавшая тогда княгиня Прасковія Юрьевна ***, урожденная княжна ***, дочь князя Юрія Никитича — дурака высшаго разряда, человѣка глупости истинно необыкновенной, вдова княгиня Прасковія, по долговременному вдовствованію, вступила во второй бракъ за дворянина Петра Александровича К—ваго.

Вдовствовавшая княгиня Прасковія жаловала чтеніе сочиненій историографа. Николай Михайловичъ тогда не былъ еще историографомъ, пописывалъ просто, безъ высокаго титула. Она была съ Карамзинымъ коротко знакома, и онъ, лишившись способности

грѣшить, началъ, какъ самъ то напечаталъ, женѣ чужихъ добру учить.

Было лѣтнее время; читать и ночью душно, жарко въ дуарѣ, а читывалъ княгинѣ свои сочиненія самъ исторіографъ. Княгиня, исторіографъ и, неразлучная въ то время подруга княгини, дѣвица М*** собрались поѣхать къ Симонову монастырю и тамъ на берегу Лизина пруда выслушать чтеніе Николая Михайловича — сочиненный имъ романъ „Бѣдная Лиза“. Поэты прихотливы: послали къ Лизину пруду ковры, подушки, и, какъ было жарко, дамы дозволили чтецу снять фракъ и надѣть халатъ китайскій. Чтеніе спокойно продолжалось, спокойствіе ничто не нарушало! Начало темнѣть, читать было не видно.

Слуги княгинины, чтобы не беспокоить близостію господъ, стояли съ каретою вдалекѣ за монастыремъ. Двѣ дамы и исторіографъ, прекративъ чтеніе, наслаждались прохладкою вечера, и, вѣроятно, Николай Михайловичъ ихъ добру училъ, какъ вдругъ приходятъ къ Лизину пруду человекъ восемь молодыхъ купеческихъ сидѣльцевъ.

Сорванцы, посмотрѣвъ на исторіографа и на дамъ, спросили ихъ: „что вы тутъ дѣлаете?“

Николай Михайловичъ началъ имъ что-то ораторствовать; только двое изъ удалцовъ схватили исторіографа и сказали ему, чтобы онъ не пивнулъ, а если отважится отворить ротъ, — они отправятъ его въ прудъ разговаривать съ Лизой. Между тѣмъ другіе — тѣже оскорбили княгиню Прасковью и г-жу М.

По окончаніи наставленій, преподанныхъ княгинѣ и госпожѣ М***, озорники, пожелавъ имъ и Николаю Михайловичу спокойной ночи и пріятнаго сна, ушли благополучно, куда имъ было надобно.

Съ того времени Николай Михайловичъ читалъ, а княгиня слушала всегда дома. Читать подъ открытымъ небомъ не хорошо: туча найдеть — помѣшаетъ, комаръ кусаетъ — надоѣдаетъ, а удалые сорванцы хуже еще и тучи, и комара.

А. М. Тургеневъ.

(1827—1834 гг.).

ПЕРСИДСКІЙ ПОХОДЪ ВЪ 1796 ГОДУ.

Воспоминанія Варвары Ивановны Бакуниной ¹⁾.

I.

[Переводъ съ франц.]. Я хочу описать событія злосчастнаго Персидскаго похода, пока изъ памяти моей не изгладились еще мельчайшія его подробности. Когда настанетъ то счастливое время, о которомъ я теперь мечтаю, и вы, при свиданіи со мною, потребуете отъ меня подробный отчетъ о всемъ видѣнномъ, то память можетъ измѣнить мнѣ и, навѣрно, многія горестныя воспоминанія изгладятся подъ впечатлѣніемъ радостнаго свиданія съ вами. Я не желаю, чтобы вы могли упрекнуть меня въ томъ, что я не удовлетворяю вашего любопытства относительно всѣхъ событій этого года, составляющаго эпоху въ моей жизни. Вамъ, любезная сестра, посвящаю я этотъ рассказъ; по дружбѣ ко мнѣ, вы прочтете его съ участіемъ, а по обыкновенной снисходительности своей простите мнѣ недостатки слога и изложенія. Въ политикѣ вы не большій знатѣкъ, нежели я, поэтому вы не станете критиковать меня, когда я заговорю о ней или о войнѣ и военномъ дѣлѣ. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я смѣло приступаю къ разсказу.

1-го марта 1796 г. полкъ нашъ получилъ приказаніе выступить со своихъ квартиръ и двинуться къ Кизляру; пришлось

¹⁾ Жены полковника Владимірскаго полка, Михаила Мих. Бакунина.

разстаться съ прелестной «Московской», которую вы знаете по слухамъ; однако, мы оставили ее безъ особеннаго сожалѣнія, подѣ охраною нашихъ пенатовъ, также какъ и домъ, въ которомъ мы жили, и двинулись въ путь. Пройду молчаніемъ наше путешествіе, такъ какъ оно не представляло ничего интереснаго до прибытія нашего въ Каргалинку, станицу терскихъ казаковъ, лежащую въ двадцати верстахъ по ту сторону Кизляра, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для войска передъ переправою черезъ Терекъ. Мы прибыли туда 3-го апрѣля и стали ожидать графа Зубова, назначеннаго главнокомандующимъ арміи, шедшей въ Персію. Не помню когда именно онъ прибылъ въ Кизляръ; но вмѣстѣ съ его пріѣздомъ въ войскѣ зародились самыя блестящія надежды на милость и награды.

Въ Каргалинкѣ, къ великой моей радости, было рѣшено, что я послѣдую за мужемъ въ эту экспедицію; ему и еще одному полковнику было разрѣшено взять съ собою женъ, за что я была весьма признательна графу. Десять дней были проведены нами въ приготовленіяхъ къ отъѣзду и въ постройкѣ плавучаго моста, утвержденного на—понтавахъ, такъ называются суда, состоящія изъ одного остова, обтянутаго просмоленнымъ холстомъ, вслѣдствіе чего они чрезвычайно легки и удобны для перевозки на телегахъ съ мѣста на мѣсто. Эти понтоны всюду слѣдовали за нами и не разъ сослужили намъ службу при переправѣ черезъ рѣки.

13-го апрѣля началась переправа черезъ Терекъ, а 15-го числа все войско было уже въ 13 верстахъ по ту сторону рѣки. На слѣдующій день прибылъ гр. Зубовъ; все войско стояло подѣ ружьемъ; его ожидали и встрѣтили съ восторгомъ; мы обѣдали вмѣстѣ у полковника Р.; графъ былъ довольно любезенъ, но его любезность казалась неискренною и онъ, повидимому, все время старался быть сдержаннымъ, какъ бы опасаясь, чтобы передъ нимъ не забылись, словомъ, онъ имѣлъ видъ человѣка, опасющагося потерять надѣ другими превосходство, которое имъ не заслужено, но создано искусственно его положеніемъ. Когда я узнала его ближе, то убѣдилась въ томъ, что мое первое впечатлѣніе не было ошибочно.

Такъ какъ графъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой трагикомедіи, то необходимо дать вамъ понятіе о его характерѣ, насколько я сама могла судить о немъ по его поступкамъ.

Въ немъ есть хорошіе задатки, но онъ не получилъ, повидимому, хорошаго воспитанія и никогда не старался пополнить пробѣлы своего образованія и исправить свои недостатки; избалованный затѣмъ удачами и еще болѣе лестью, окружавшею его со всѣхъ сторонъ, графъ вообразилъ, что онъ заслужилъ своими собственными достоин-

ствами то высокое положеніе, на которое поставила его судьба. Боюсь уронить свое достоинство, онъ сдѣлался гордъ; добрый отъ природы, какъ я уже говорила, но слабый характеромъ, онъ боится какъ ребенокъ, чтобы окружающіе не подумали, что имъ кто нибудь управляетъ, мѣжду тѣмъ люди, овладѣвшіе его довѣріемъ, менѣе всего были достойны его и, злоупотребляя этимъ довѣріемъ, дѣлали много вреда ему и всей арміи. Надобно познакомить васъ также и съ прочими нашими генералами.

Генераль Ден..., подъ начальствомъ котораго нашъ полкъ находился наиболѣе продолжительное время, человекъ прекрасный, весьма благоразумный, снисходительный, пріятный въ обществѣ и талантливый рассказчикъ, а главное—человекъ въ высшей степени честный, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне боязливый и робкій по отношенію къ графу, которому онъ не рѣшается противорѣчить въ самыхъ пустякахъ. Въ этомъ отношеніи то же самое можно сказать и о всѣхъ прочихъ генералахъ.

К...., котораго вы, кажется, знаете, человекъ привѣтливый, вѣжливый, лучше другихъ знающій военное дѣло и въ особенности фронтную службу, но, впрочемъ, столь же робкій и не имѣвшій силы идти противъ теченія, столь же быстро, какъ и теченіе Самура, съ которымъ вы познакомитесь впоследствии.

Бул...., состарѣвшійся въ военной службѣ, но знающій ее рутинно, человекъ ограниченный, мало образованный, но довольно добрый малый.

Р.... человекъ почти столь же ограниченный, какъ и Бул...., но болѣе грубый и корыстолюбивый и проводящій все время за картами.

Графа А... вы знаете, кажется, по слухамъ; мы были съ нимъ вмѣстѣ весьма недолго; это былъ одинъ изъ избранныхъ и другъ нашего главнокомандующаго. Остается познакомить васъ съ М. и Мн..., игравшими также довольно видную роль въ Персіи. Первый былъ директоромъ канцеляріи и головы графа и, управляя той и другой, управлялъ, слѣдовательно, и всей арміей; этотъ человекъ ни по душевнымъ, ни по умственнымъ качествамъ не былъ на высотѣ своего положенія, поэтому вся армія ненавидѣла его; высокоумѣрный и дерзкій, онъ требовалъ, чтобы всѣ преклонялись передъ нимъ, и мстилъ тѣмъ, кто этого не дѣлалъ. М., котораго вы знаете, добрый малый, но не на своемъ мѣстѣ; поддавшись вліянію окружающихъ, онъ служить орудіемъ въ ихъ рукахъ и дѣлаетъ зло мимо воли; ему не достаетъ умѣнья и дѣятельности для занимаемой имъ должности.

18-го апрѣля, въ страстную пятницу, вся армія была въ полномъ сборѣ, и когда всѣ приготовленія были окончены, мы двинулись въ путь, сдѣлавъ переходъ въ 60 верстъ, что заняло 12 часовъ

времени; жара была неимоверная, войско измучилось, но всё оно шло стяжать себя славу. Прибывъ въ лагерь, всё отдохнули, прибодрились и на слѣдующій день бодро двинулись далѣе; пройдя 15 верстъ по довольно хорошей и красивой дорогѣ, гдѣ на пути намъ часто попадался лѣсъ, мы расположились лагеремъ близъ деревни Казин-Юртъ, расположенной по берегу Сулана, довольно широкой и глубокой рѣки, съ весьма быстрымъ теченіемъ. Я пошла погулять по берегу и зашла въ деревню, гдѣ была весьма хорошо принята однимъ княземъ и его семействомъ, жившимъ въ этой деревнѣ, которая имъ принадлежала; оказалось, что они знали нашего дѣда Б. М., и когда узнали нашу фамилію, то вслѣдствіи старались обласкать насъ и угощали насъ сушеными плодами и орѣхами.

Княгиня—женщина пожилая и, кажется, весьма умная, насколько я могла судить объ этомъ, разговаривая съ нею черезъ переводчика; двѣ дочери ея, весьма красивыя дѣвушки, были одѣты довольно хорошо. Меня удивилъ существующій тутъ довольно странный обычай, что женщины принимаютъ постороннихъ безъ покрывала, но при этомъ мужъ во все время визита не входитъ въ женѣ; проводивъ гостей до дверей въ комнату жены, онъ удаляется,—не правда ли, это очень странно и совершенно противно обычаямъ Востока?

Первый день Пасхи мы провели на мѣстѣ; войска были заняты этотъ день наведеніемъ понтоновъ, для нашей переправы черезъ Суланъ; мы были у заутрени и обѣдни, не смотря на то, что находились въ землѣ не христіанской; погода была скверная, пришлось цѣлый день сидѣть взаперти въ домикѣ; у меня были съ поздравленіями генералы, полковники и др. По обыкновенію, христосовались, а вмѣсто пасхи ѣли весьма соленый и плохой лезгинскій сыръ.

На слѣдующій день, 21 апрѣля, на разсвѣтѣ ударили тревогу и мы снялись съ лагера. Переправа черезъ Суланъ продолжалась нѣсколько часовъ, телѣги не могли ѣхать иначе, какъ гуськомъ, а ихъ было ужасно много. Дорога на протяженіи 21 версты не представляла собою ничего интереснаго; мнѣ пришлось ѣхать по страшнымъ ухабамъ, такъ какъ я слѣдовала за кавалеріей, которая прокладывала себя новую дорогу, ибо проѣзжая была занята артиллеріей и пѣхотой; мы переправились по сквернѣйшему мосту черезъ небольшую рѣчку, названіе которой мнѣ неизвѣстно, и остановились для отдыха близъ одной деревушки; описывать эту мѣстность не стоитъ, такъ какъ она не представляла ничего интереснаго. Вы не имѣете понятія о томъ, какой странный образъ жизни приходится вести во время похода: представьте себя вѣчное перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто, и это изо дня въ день; вначалѣ оно надоедаетъ, затѣмъ свыкаешься

съ этою жизнью, каждая вещь имѣеть свое опредѣленное мѣсто въ дорожномъ чемоданѣ. Ведя жизнь болѣе кочевую, нежели сами кочевники, мы подвигались быстрыми шагами къ Дербенту, который былъ ближайшею цѣлью нашего похода и первымъ завоеваннымъ нами пунктомъ.

Надобно сказать о немъ нѣсколько словъ прежде, нежели продолжать разсказъ о нашихъ странствованіяхъ.

II.

Еще осенью 1795 г. дербентскій ханъ Шихъ-Али отправилъ своего посла къ императрицѣ, прося у нея помощи противъ Ага-Магомедъ-хана, грозившаго раззорить его владѣнія, точно также, какъ онъ раззорилъ Грузію, находившуюся, между прочимъ, подъ покровительствомъ Россіи. Гудовичъ получилъ приказаніе послать въ Дербентъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, отрядъ войска; имѣ вѣжеться, что генераль С. былъ посланъ туда со слишкомъ незначительными силами; имъ пришлось много пострадать отъ холода во время этого зимняго похода; наконецъ, они достигли Дербента въ полной увѣренности, что городскія ворота тотчасъ откроются передъ ними; не тутъ-то было. Шихъ-Али былъ настолько невѣжливъ, что приказалъ запереть ихъ передъ носомъ русскихъ, понимая, что этотъ отрядъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы оказать ему поддержку противъ Ага-Магомедъ-хана, и боясь возбудить его гнѣвъ, если онъ приметъ русскихъ, которые очутились такимъ образомъ въ весьма жалкомъ положеніи, находясь зимою возлѣ непріятельскаго города, безъ пріюта, и постоянно опасаясь измѣны со стороны тѣхъ, которые приняли ихъ такъ хорошо; въ Персіи это случается нерѣдко и почти всѣ персы оказываются измѣнниками, когда это согласуется съ ихъ интересами.

Тѣмъ не менѣе, русскіе осадили Дербентъ безъ всякой надежды на то, что имъ удастся взять его; построили батареи, дѣлали вылазки, во всѣхъ стычкахъ оставались, разумѣется, побѣдителями, но, возвратясь въ свои окопы, не могли ничего предпринять. Графъ послалъ С. приказаніе снять осаду и отступить; боялись, чтобы при нашемъ приближеніи городъ не сдался С., что отнюдь не входило въ наши разсчеты, ибо мы хотѣли взять городъ сами. Отступление С. не обошлось даромъ, персы воспользовались имъ и на мѣстѣ одной изъ его батарей построили башню, которая стоила намъ нѣсколько сотъ челоувѣкъ. Однако, не будемъ забѣгать впередъ,—вы узнаете объ этомъ впоследствии.

22-го апрѣля мы прошли 22 версты по довольно плохой дорогѣ, до небольшой рѣчки Озерной, гдѣ мы расположились лагеремъ, и были встрѣчены сыномъ шамхала Мехти, нашего ближайшаго сосѣда и союзника, владѣтеля Тарку (отъ котораго мы находились въ 17-ти верстахъ), получившаго прежде отъ нашего двора чинъ тайнаго совѣтника. Мехти пріѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, предлагая русскимъ свои услуги и помощь, отъ которыхъ мы отказались, увѣривъ его, однако, въ нашихъ дружественныхъ намѣреніяхъ и въ покровительствѣ.

23-го числа мы переправились черезъ маленькую рѣчку въ бродъ и, пройдя 10 верстъ, увидали Тарку и расположились тутъ лагеремъ, перейдя черезъ хребетъ невысокихъ горъ, составляющихъ отроги большого хребта Кавказскихъ горъ, которыя тянутся вплоть до Каспійскаго моря. Не смотря на сильное желаніе, мнѣ не удалось посѣтить Тарку, такъ какъ туда нужно было ѣхать верхомъ, что при моемъ положеніи было не совсѣмъ удобно, поэтому, взглянувъ на городъ въ зрительную трубу, мнѣ пришлось довольствоваться описаніемъ тѣхъ, кто побывалъ въ немъ.

Тарку построено на склонѣ неприступной горы, добраться до которой весьма трудно. Надъ городомъ возвышаются скалы, нависшія надъ нимъ, которыя защищаютъ доступъ къ нему, но въ то-же время какъ бы грозятъ раздавить его; съ этой стороны, кажется, однѣ только птицы могутъ попасть въ городъ; однако, для русскихъ нѣтъ ничего невозможнаго; на обратномъ пути наши егеря безъ крыльевъ возвратились туда, возбуждивъ своею удачею удивленіе персовъ, къ которому примѣшивался даже нѣкоторый страхъ. Дома въ Тарку кажутся нагроможденными одинъ на другомъ; подобно всѣмъ домамъ въ Азій, они выстроены изъ тесанаго камня и обмазаны глиною. Архитектура ихъ своеобразная; дома, по бѣльшей части, всѣ одноэтажные (хотя иные бываютъ и въ нѣсколько этажей); комнаты не имѣютъ между собою никакого сообщенія, а вокругъ дома идетъ обыкновенно крытая галлерей, на которую выходятъ всѣ окна и двери дома; печи стоятъ у наружной стѣны и, такимъ образомъ, всѣ эти комнаты похожи на сарай или конюшни; полы сдѣланы изъ тесанаго камня, покрытаго циновками или коврами; въ окнахъ нѣтъ рамъ со стеклами, они закрываются просто ставнями съ отверстіями, черезъ которыя проходитъ свѣтъ. Рамы и стекла имъ не нужны, такъ какъ холодное время года продолжается у нихъ весьма недолго; ихъ постройки отлично приспособлены къ климату, и въ домахъ всегда царитъ прохлада, такъ какъ всѣ они обращены фасадомъ къ сѣверу и солнце никогда не проникаетъ въ нихъ. Тарку особенно славится множе-

ствомъ источниковъ, въ которыхъ вода чиста и прозрачна какъ хрусталь и прокладна въ самыя сильныя жары; вода проведена въ каждый домъ, она бьетъ фонтаномъ въ спальнѣ шамхала и въ его пріемной залѣ; вы не можете себѣ представить какъ это пріятно въ этомъ жаркомъ климатѣ.

Графъ Зубовъ послалъ шамхалу въ подарокъ, отъ имени императрицы, часы, осипанные брилліантами, и нѣсколько другихъ драгоценныхъ вещей, въ замѣнъ чего получилъ отъ него огромное блюдо плова (это вареный рисъ съ говядиной и съ разными приправами) и нѣсколько пѣльныхъ вареныхъ барановъ. Эти подарки не отличались столь хваленою азіатскою роскошью, о которой мы составили себѣ такое преувеличенное понятіе; впрочемъ, намъ не пришлось видѣть ее нигдѣ и на дальнѣйшемъ пути; мнѣ кажется даже, что эта баснословная роскошь существуетъ лишь въ тысячу и одной ночи; можетъ быть она и существовала прежде, но теперь отъ нея остались лишь жалкіе слѣды. Намъ показывали на верху той горы, на которой стоитъ Тарку, скалу съ весьма наклоненной вершиной; говорятъ, что съ этой скалы выдаютъ, по повелѣнію шамхала, преступниковъ, т. е. тѣхъ, кто ему не нравится или чье имѣніе онъ хочетъ конфисковать; это послѣднее обстоятельство, кажется, считается въ Персіи самымъ главнымъ преступленіемъ и наказывается строже и скорѣе всего.

Заговоривъ о казняхъ, надобно сказать встать, что самая обыкновенная казнь въ Персіи — это лишеніе зрѣнія, которая совершается различнымъ способомъ, или просто вырывая глаза, или поднося къ нимъ раскаленное желѣзо, вслѣдствіе чего отъ жары глаза лопаются. Поэтому въ Персіи встрѣчается много слѣпыхъ; говорятъ даже, будто шахи и ханы имѣютъ обыкновеніе, при усмиреніи возставшаго города, требовать отъ него, въ видѣ дани, четверикъ человѣческихъ глазъ; невольно содрогаешься при воспоминаніи объ этой жестокости; какое варварство лишать человѣка самаго драгоценнаго для него органа, который доставляетъ ему наиболѣе отрады въ жизни. Также часто отрѣзаютъ носъ, уши и языкъ, но самое обыкновенное наказаніе состоитъ въ томъ, что виновнаго бьютъ палками по пятамъ.

Не далеко отъ Тарку находятся остатки укрѣпленнаго лагеря, который занималъ тутъ Петръ Великій; это навело меня на многія размышленія; мы шли по его слѣдамъ съ гораздо болѣе большими средствами, но съ гораздо меньшею осторожностью и съ болѣе самими имѣніемъ, что не предвѣщало ничего хорошаго. Въ результатѣ мы не были счастливѣе его и не извлекли никакой выгоды изъ похода, стоявшаго Россіи такъ дорого и который могъ бы окончиться блестящимъ образомъ, не случись одного обстоятельства, разрушившаго всѣ

планы, оправдавъ пословицу: одинъ дуракъ бросить наметъ въ воду такъ десять умныхъ не вытащатъ.

Такъ какъ въ послѣдующіе переходы съ нами не случилось ничего особеннаго и мы не видѣли ничего примѣчательнаго, то было бы скучно и бесполезно повторять одно и то же; достаточно будетъ сказать, что съ 23-го апрѣля, когда мы выступили изъ Тарку, и по 28-е число мы прошли восемьдесятъ съ небольшимъ верстъ и нагнали С., стоявшаго лагеремъ на берегу рѣчки, называемой Большой Буламъ. Такъ какъ я познакомила васъ со всѣми нашими генералами, то надобно сказать нѣсколько словъ и объ этомъ послѣднемъ. С.—казакъ, получившій самое простое образованіе, но онъ всегда старается казаться выше своей среды и зачастую бываетъ весьма неловокъ; онъ довольно начитанъ и говоритъ о политикѣ какъ по писанному; ловкій интриганъ, онъ умѣетъ заслужить довѣріе начальниковъ и пользуется имъ для своихъ цѣлей; графъ Зубовъ также питалъ къ нему большое довѣріе и сдѣлалъ, по его милости, нѣсколько ошибокъ.

На протяженіи 80 верстъ намъ попадались на пути рѣки, горы, лѣса, ущелья, овраги и пр.; мы застали С. въ зимнемъ лагерѣ, т. е. въ землянкахъ. Я позабыла сказать, что на пути изъ Тарку графъ принималъ посольства, посланные къ нему отъ Уцміа и вади, владѣтельныхъ князей тѣхъ небольшихъ областей, по которымъ намъ пришлось проѣзжать. Уцмій и вади спѣшили изъявить свою преданность Россіи и предлагали свои услуги; содѣйствіе вади было намъ не лишнее; въ горахъ, находившихся въ его владѣніяхъ, было ущелье, по которому войско могло пройти съ большимъ трудомъ, но за то этимъ путемъ можно было обойти Дербентъ, отрѣзавъ ему всякое сообщеніе со страной и, слѣдовательно, отнявъ у него всякую возможность получить помощь извнѣ. Не знаю кто именно придумалъ этотъ планъ, кажется, мы были обязаны имъ самому вади, желавшему быть союзникомъ Россіи.

Мы стали лагеремъ въ 5 вер. отъ стоянки ген. С. и отсюда былъ командированъ ген. Б. съ довольно значительнымъ отрядомъ, съ приказаніемъ пройти ущелье Табасаронъ, о которомъ я упоминала выше, и атаковать Дербентъ съ другой стороны, между тѣмъ какъ графъ съ остальной арміей направлялся къ нему прямымъ путемъ. Къ счастью, Владимірскій полкъ не участвовалъ въ этой экспедиціи. Я говорю—къ счастью, такъ какъ въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы разстаться съ мужемъ и остаться при арміи, ибо дорога черезъ ущелье была слишкомъ опасна и затруднительна.

III.

29-го апрѣля мы провели на мѣстѣ нашей стоянки, съ тѣмъ что-бы дать генералу Б. время пройти ущелье и подойти къ городу одновременно съ нами.

30-го числа мы совершили переходъ въ 25 верстѣ и стали лагерьмъ на берегу маленькой рѣчки, протекающей въ 15 верстахъ отъ Дербента.

1-го мая былъ день отдыха. Я отправилась гулять въ окрестностяхъ лагера; мѣстоположеніе было красивое; мы увидали издали гору, на которой былъ построенъ Дербентъ, и съ помощью зрительной трубы могли разсмотрѣть самый городъ. Передъ нашими глазами возвышались каменные стѣны, которыя персы считаютъ неприступными, называя ихъ «Желѣзными воротами»; это входъ въ Персію, укрѣпленный самою природою; близъ берега моря возвышается высокая, весьма крутая, гора, на которой построенъ Дербентъ; одна половина города лежитъ на склонѣ горы, другая на песчаномъ прибрежьи. По обѣимъ сторонамъ города, во всю его длину, тянется толстая каменная стѣна; одинъ конецъ ея упирается въ гору, другой омывается морскими волнами; съ этой стороны городъ защищенъ еще третьей стѣною, такой же вышины и толщины, какъ и предъидущія, которая идетъ поперегъ города, отдѣляя его отъ нижней необитаемой части города, называемой Дубары.

Вечеромъ 1-го мая войска получили приказаніе выступить изъ лагера на слѣдующій день, взявъ съ собою какъ можно менше обоза; все лишнее велѣно было оставить въ вагенбургѣ, — такъ называютъ четырехугольное мѣсто, огороженное телѣгами, которыя ставятся въ два ряда, одна возлѣ другой; тутъ оставляютъ самыя тяжелыя фуры и все, что можетъ стѣснить войско; а такъ какъ женщина считается въ походѣ самой главной обузой, то рѣшено было, что и меня оставить въ вагенбургѣ; хотя я была огорчена этимъ приговоромъ, но я подчинилась ему безропотно, такъ такъ, отправляясь съ мужемъ въ походъ, я общала ему ни въ чемъ не стѣснять его и всегда добровольно подчиняться всему тому, что онъ сочтетъ нужнымъ для своего спокойствія и для моей безопасности; кромѣ того я общала никогда не выказывать слабости и боязни; это общаніе мнѣ пришлось припомнить не далѣе, какъ на слѣдующій день, когда я простилась съ нимъ безъ слезъ, стараясь казаться веселой и скоронивъ въ глубинѣ души мою грусть и тревожившія меня опасенія. Итакъ, я осталась

въ вагенбургѣ, въ самомъ грустномъ настроеніи духа; одинаковая участь постигла и М. К.; мы приказали съ ней поставить наши домики рядомъ. Насъ оставили подъ надзоромъ одного маіора егерскаго полка и подъ защитою двухъ жалкихъ ротъ пѣхоты. Нашъ защитникъ занялся устройствомъ ограды изъ телѣгъ, и это огороженное мѣстечко, среди котораго мы находились, показалось мнѣ весьма мрачнымъ, тѣмъ болѣе что тутъ были оставлены больные со всѣхъ полковъ и, въ довершеніе бѣды, вскорѣ послѣ ухода арміи, начался проливной дождь, а вечеромъ разразилась страшная гроза, продолжавшаяся всю ночь; я не могла сомкнуть глазъ, мой домикъ трещалъ и ежеминутно грозилъ разрушиться; мы были вынуждены всю ночь держать веревки, которыми онъ укрѣплялся; дождь не прекращался и весь слѣдующій день. 3-го числа я сидѣла по уши въ грязи и соскучилась до смерти, не говоря уже о томъ, что если бы нашъ непріятель былъ храбрѣе и энергичнѣе, то онъ могъ безъ труда овладѣть вагенбургомъ; правда, мы находились на землѣ нашихъ союзниковъ, но на преданность персовъ трудно было рассчитывать; по всей вѣроятности, непріатели полагали, что мы приняли болѣе мѣръ предосторожности; впоследствии они имѣли о насъ болѣе точныя свѣдѣнія и всегда отлично знали, чтѣ дѣлается у насъ въ лагерѣ.

Въ видѣ развлечения мнѣ приходилось слышать каждый вечеръ вой шакаловъ, внушавшій мнѣ сначала ужасъ; шакалы—нѣчто среднее между волкомъ и лисицей, тѣлосложеніемъ и величиною они напоминаютъ того и другаго животнаго, однако, они отнюдь не кровожадны; они подходили очень близко въ лагерь, ихъ крикъ чрезвычайно своеобразенъ, онъ совсѣмъ походитъ на человѣческій голосъ, то жалобный, то какъ будто выражаетъ страхъ, причемъ очень ясно слышится ай, ай; говорятъ, будто шакалъ можетъ издавать нѣсколько отдѣльныхъ звуковъ; я не могу утверждать этого, но такъ какъ ихъ собиралась по вечерамъ около нашего лагеря цѣлая стая, то мы слышали вой на разные лады.

Но что же дѣлало войско, осаждавшее Дербентъ въ то время, когда мнѣ было такъ весело въ вагенбургѣ?

IV.

2-го мая армія, пройдя 15 верстъ, расположилась лагеремъ въ полутора верстахъ отъ Дербента; отдѣльныя бригады были расположены въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, фронтомъ къ городу, начиная отъ свата горы вплоть до самаго моря. Бригада генерала Бен., въ которой находился Владимірскій полкъ, стояла ближе всего къ морю на вспаханной землѣ; такъ какъ дождь смочилъ ихъ точно также, какъ и насъ, то они еще болѣе перепачкались въ грязь, и почти всѣ ихъ палатки были снесены бурей, которая на берегу моря была сильнѣе. Въ тотъ же день вечеромъ, не смотря на страшную темноту, на грозу и дождь, русскіе непременно хотѣли овладѣть башней, выстроенной персами на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась прежде батарея генерала С., но это было нелегко; ее штурмовали и нашимъ удалось сначала взобраться на нее, но персы защищались энергично; это земляное укрѣпленіе имѣло нѣсколько сводовъ, которые русскимъ не удалось пробить и подъ защитою которыхъ персы стрѣляли по нашимъ войскамъ. Гренадеры Воронежскаго полка отступили, не смотря на всѣ усилія своего полковаго командира, который самъ неоднократно влѣзалъ на лѣстницу, но былъ опрокинутъ съ нея и раненъ камнемъ, брошеннымъ изъ башни; не получивъ подкрѣпленія, ему пришлось, наконецъ, отступить. Персы осыпали нашихъ градомъ камней и такимъ образомъ русскіе съ позоромъ возвратились въ лагерь; дѣйствительно, было позорно отступить передъ персами, но въ этомъ нельзя винить солдатъ: у нихъ были плохіе руководители, имъ не говорили, что опасность будетъ такъ велика, они ожидали встрѣтить гораздо меньшее сопротивленіе; темнота ночи и храбрая защита персовъ заставили ихъ потерять голову, но, къ чести ихъ, надобно сказать, что они почувствовали свою вину и просили, чтобы ихъ снова повели на приступъ этой башни, которая и была взята ими днемъ. Эта маленькая неудача сбила немного спѣсъ нашего главнокомандующаго; онъ сталъ не такъ надмѣненъ и болѣе человѣченъ въ обращеніи, впрочемъ, это продолжалось недолго,—взятіе Дербента возвратило ему его обычную самоувѣренность и гордость.

Такъ какъ во время осады дѣлать было нечего, то мужъ мой пріѣхалъ навѣстить меня 4-го числа и дозволилъ мнѣ оглатить ему визитъ; 5-го числа я прибыла въ лагерь и, благодаря моему краснорѣчію, мнѣ удалось выпросить разрѣшеніе не возвращаться болѣе въ проклятый вагенбургъ. Такимъ образомъ я осталась въ лагерѣ безъ

всякой боязни и тревоги. Не смотря на осаду, все шло своимъ чередомъ; я гуляла каждый день на берегу моря, собирала раковины и камушки, взбиралась на гору, гдѣ было много источниковъ прекрасной воды, стекавшей въ бассейны изъ тесанаго камня. Солдаты воздвигали со всѣхъ сторонъ батареи для бомбардированія города, находясь все время на разстояніи ружейнаго выстрѣла со стороны персовъ; многие изъ нихъ были ранены.

Во время одной изъ моихъ прогулокъ я встрѣтила раненаго солдата нашего Владимірскаго полка, что произвело на меня сильное впечатлѣніе, но, по прошествіи нѣсколькихъ дней, я свыклась съ этимъ зрѣлищемъ. Какъ странно, что все то, что поражаетъ насъ съ перваго раза, при повтореніи не производитъ уже на насъ столь сильнаго впечатлѣнія; безъ сомнѣнія, я не сдѣлалась безчувственной къ страданію ближнихъ, но впоследствии рассказы о раненыхъ и убитыхъ не производили на меня того удручающаго впечатлѣнія, какъ вначалѣ; какъ мы были бы несчастны, если бы время и привычка не ослабляли нашей впечатлительности.

Надобно сознаться, что я провела первую ночь въ лагерѣ не особенно спокойно; постоянные выстрѣлы и свистъ, производимый полетомъ пуль, не могли показаться мнѣ особенно пріятной музыкой; сонъ мой нарушался также безпрестаннымъ вризомъ «хабарда», раздававшимся безпрестанно въ городѣ; это обычный возгласъ персовъ, кои они приглашали жителей быть на сторожѣ; горожане отвѣчали на него хоромъ; ко всему этому прибавьте мычанье быковъ и ревъ ослонъ, кои въ городѣ было множество, и вы составите себѣ понятіе о страшномъ шумѣ, происходившемъ каждую ночь. Однако, что значить сила привычки: мой сонъ былъ нарушенъ этимъ шумомъ только первую ночь, а на вторую я спала уже превосходно.

8-го мая былъ открытъ огонь съ батареи, находившейся противъ той злосчастной башни, на которой русскіе потерпѣли неудачу; ядра попадали мѣтко и въ короткое время сдѣлали брешь; затѣмъ войска пошли на приступъ и башня была взята егерями и гренадерами Воронежскаго полка, не смотря на упорное и отчаянное сопротивленіе ея защитниковъ; это было отборное войско персовъ, добровольно рѣшившееся защищать эту башню; всѣ они легли тутъ, ни одинъ не былъ взятъ въ плѣнъ; наши солдаты дѣлали также чудеса.

Персы вздумали сдѣлать вылазку изъ города, чтобы подать помощь отряду, защищавшему башню, но путь былъ имъ отрѣзанъ егерями баталіона И. М., стоявшаго на горѣ и причинившаго своими орудіями не мало вреда городу; персы обратились въ бѣгство, поте-

ривъ много людей убитыми, и укрылись въ городъ; взятіе башни русскими повергло персовъ въ отчаяніе и вынудило ихъ къ сдачѣ; я могу говорить о штурмѣ и взятіи этой башни какъ очевидецъ; изъ нашего лагеря было видно все происходившее тамъ; башня была взята по утру 8 числа, а весь слѣдующій день производилась постройка вокругъ города многочисленныхъ батарей; каждый изъ нашихъ генераловъ хотѣлъ имѣть свою батарею, не сирвааясь о томъ, будетъ ли она полезна или нѣтъ, чтобы впоследствии можно было сказать: «батарея такого-то»; нѣкоторые изъ этихъ батарей не причинили персамъ никакого вреда, но послужили предлогомъ для раздачи награды—что и требовалось.

10 мая, между девятью и десятью часами утра, по данному сигналу, батареи открыли огонь, также какъ и батареи генерала Бул. по ту сторону города; шумъ былъ ужасный; пальба не прекращалась ни на минуту. Персамъ это наскучило и они прислали къ намъ своего муллу; онъ вышелъ изъ города подъ выстрѣлами и, добравшись до батареи генерала Бул., заявилъ, что персы намѣрены сдаться и общають вынудить къ тому своего хана Шихъ-Али, если имъ общають оставить жизнь, свободу и ихъ имущества; на этихъ условіяхъ они сдадутъ городъ и сложать оружіе. Генералъ Бул. сообщилъ объ этомъ графу, который приказалъ прекратить бомбардировку, пославъ сказать персамъ, что если они не доставятъ ему черезъ два часа ключи города, то бомбардировка будетъ возобновлена. Весьма замѣчательно, что мулла, посланный изъ города, чтобы объявить капитуляцію, былъ тотъ самый, который, 74 года тому назадъ, вручилъ ключи отъ Дербента Петру Великому; это обстоятельство дало поводъ къ многимъ льстивымъ замѣчаніямъ и другимъ смѣшнымъ сравненіямъ.

Генералъ Бен. составилъ между тѣмъ прозвъ штурма Дербента, одобренный графомъ; предполагалось обойти городъ со стороны моря, которое было тутъ не глубоко, поэтому кавалерія легко могла проѣхать бродомъ и вступить въ Дубары, но здѣсь была стѣна, столь же толстая и высокая; какъ и прочія, отдѣлявшія предмѣстье отъ города; не знаю, какимъ образомъ рассчитывали перелѣзть черезъ нее, однако, было рѣшено, что бригада генерала Бен. пойдетъ на приступъ, если ключи города не будутъ доставлены къ назначенному времени. Все было приготовлено къ этому.

Такъ какъ лагерь оставался безъ защиты, то мужъ мой предполагалъ оставить меня на горѣ у полк. К., подъ охраною Воронежскаго полка, и съ этою цѣлью отправился на гору. Трудно передать то, что я чувствовала въ эту минуту; это не былъ ни страхъ, ни огорченіе, но казалось всѣ мои нервы были притулены до того, что я не могла ни

думать, ни чувствовать; я находилась въ этомъ состояніи въ то время, когда ко мнѣ явился графъ Зубовъ, весь сіяющій, съ извѣстіемъ, что ему вручены ключи города и что войска готовятся вступить въ него; это извѣстіе вывело меня изъ апатіи, доставивъ мнѣ огромную радость.

Графъ находился еще у меня, когда возвратился мой мужъ; всѣ генералы и полковники собрались у меня, желая поздравить графа; мы пили за его здоровье, пили чай, ѣли варенье, всѣ были очень веселы и затѣмъ графъ отправился къ себѣ съ тѣмъ, чтобы принять Али-хана, его мать и сестру, пожелавшихъ сопровождать его въ лагерь.

Дербентъ былъ взятъ 10-го мая; увѣряютъ, будто персы еще наканунѣ предлагали сдать городъ на тѣхъ же условіяхъ, но имъ отказали въ этомъ; наше начальство желало во что бы то ни стало бомбардировать городъ и надѣлать какъ можно болѣе шума; мнѣ думается, право, что если бы первый штурмъ башни не пошиблъ съ насъ спѣси, то мы захотѣли бы взять Дербентъ приступомъ, не смотря на то, что персы готовы были сдаться безъ боя.

V.

Вы читали, можетъ быть, въ газетахъ реляцію о взятіи Дербента и будете весьма удивлены, что мой рассказъ совсѣмъ не согласуется съ нею; положитесь на меня: я не пропустила ни одной подробности, что же касается до лѣса штыковъ, блиставшихъ тамъ, до старика, навшаго на колѣни, и пр., то все это не болѣе, какъ выдумка М., это изящныя фикціи, существовавшія лишь въ его воображеніи. Шихъ-Али былъ приведенъ къ графу обезоруженный, съ саблею на шеѣ, также какъ и вся его свита, въ знакъ того, что они приносили свою голову для искупленія своей вины и полагались вполнѣ на милосердіе русскихъ. Кадыръ-Бекъ, самый богатый и вліятельный изъ жителей Дербента и первый совѣтникъ хана, обратился къ графу съ рѣчью, говоря, что если графъ намѣренъ наказать кого нибудь, то чтобы онъ обратилъ свой гнѣвъ на него и на другихъ совѣтниковъ Шихъ-Али, а его помиловалъ бы по молодости его лѣтъ. Какая преданность и какое великодушіе!

Графъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что милосердіе императрицы не имѣетъ границъ и что онъ заранѣе обѣщаетъ имъ помилованіе, тѣмъ не менѣе, присвокупилъ графъ, Шихъ-Али долженъ искупить свою

вину противъ русскихъ, передъ которыми онъ заперъ ворота города, тогда какъ прежде онъ обращался къ нимъ за помощію, и поэтому онъ будетъ задержанъ въ нашемъ лагерѣ до тѣхъ поръ, пока государя не заблагоразсудитъ возвратить ему свободу и всѣ его права, что онъ долженъ заслужить своею покорностію и преданностію.

Итакъ, Шихъ-Али остался у насъ въ лагерѣ; часть его свиты была отослана обратно; старшая сестра его, Парежи-Ханумъ, всегда была на сторонѣ русскихъ, она употребила всѣ усилія къ тому, чтобы склонить брата принять Сав. и открыть ворота города, когда пришла наша армія; во время осады она не разъ присылала графу въ лагерь своихъ посланныхъ съ изъявленіями своей преданности и дала ему нѣсколько весьма важныхъ совѣтовъ. Поэтому ей было вѣрено управленіе Дербентомъ съ титуломъ правительницы. У жителей было отобрано оружіе, но нѣкоторые изъ нихъ не согласились отдать свое и оно осталось при нихъ. Въ городѣ былъ оставленъ сильный гарнизонъ и комендантомъ Дербента назначенъ Сав.

11-го мая отправленъ ко двору курьеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ: это порученіе было возложено графомъ на подполковника Манс., командовавшаго баталіономъ егерей въ отрядѣ, осаждавшемъ городъ до насъ; это былъ отличный офицеръ, много лѣтъ служившій съ честью въ строю, но, не имѣя протекціи, онъ не получалъ никакихъ отличій. Выборъ графа былъ одобренъ всею арміею и дѣлалъ ему честь, такъ какъ Манс. не принадлежалъ къ числу его любимцевъ; это давало и другимъ надежду, что награды не будутъ исключительнымъ достояніемъ его приближенныхъ, а будутъ даваться по заслугамъ по этой надеждѣ не суждено было сбыться. Манс. былъ первый и послѣдній офицеръ, получившій отличіе по заслугамъ, впоследствии же награды раздавались лишь избраннымъ, которые, надобно замѣтить, вовсе ихъ не заслуживали.

Парежи немедленно вступила въ свои права, также какъ и сослуживецъ ея С., долженствовавшій раздѣлять вмѣстѣ съ нею бразды правленія въ Дербентѣ; въ то же время было рѣшено, что Шихъ-Али послѣдуетъ за арміею; по этому поводу мнѣнія раздѣлились; нѣкоторые лица, къ числу которыхъ принадлежала и я, находили, что это было не совсѣмъ надежно и что лучше было-бы отправить его въ Астрахань; не будучи особенно дальновидной, я думала, однако, что онъ легко могъ бѣжать отъ насъ; можетъ быть, это было предчувствіе тѣхъ неприяностей, которыя причинилъ намъ его побѣгъ. Я высказала, разумѣется, свое мнѣніе по этому поводу; надю мною смѣялись, и тѣ, для которыхъ рѣшеніе графа было священнымъ,

старались доказать мнѣ, что я сама не знаю, что говорю; я замолчала, но за то когда Шихъ-Али воспользовался небрежностью своихъ караульщико́въ и тѣмъ смѣшнымъ довѣріемъ, которое ему оказывали, и бѣжалъ, то и я въ свою очередь посмѣялась надъ тѣми, кто говорилъ, что я разсуждаю какъ дита.

Мы были такъ довольны вниманіемъ графа, пришедшимъ лично объявить намъ о взятіи Дербента, что мы рѣшили устроить въ честь его маленькій праздникъ; случай къ тому представился самъ собою; молебствіе по случаю одержанной побѣды должно было совершиться 15-го числа въ полковой церкви, находившейся возлѣ нашего дома: по выходѣ изъ церкви—графъ былъ приглашенъ къ намъ на обѣдъ и вмѣстѣ съ нимъ прочіе генералы, полковники и почти всѣ офицеры штаба; всего на обѣдѣ было до 60 человекъ; весь мой домъ былъ убранъ гирляндами изъ прелестныхъ цвѣтовъ, нарванныхъ въ садахъ Дербента. Я старалась принять гостей какъ можно лучше; обѣдъ прошелъ весьма оживленно, во время его играла музыка, а тосты сопровождались пушечной пальбой; гости разошлись весьма довольные другъ другомъ. Отпраздновавъ такимъ образомъ взятіе Дербента, начальство наше стало думать о новыхъ побѣдахъ; впрочемъ, мы остались на мѣстѣ еще нѣсколько дней въ ожиданіи транспортныхъ судовъ съ продовольствіемъ, проводя это время въ совершенномъ бездѣйствіи; не смотря на славу, которую стяжали наши войска, тутъ обнаружилось уже безпорядокъ и разстройство, господствовавшіе въ нашей арміи, которые постоянно увеличивались по мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Россіи, и, слѣдовательно, не могли получать отъ нея помощь такъ быстро, какъ прежде. Я воспользовалась этой проволочкой, чтобы осмотрѣть Дербентъ.

По правдѣ сказать, я не увидала въ немъ ничего особеннаго; улицы весьма узки, дома высокіе, съ толстыми стѣнами, выстроенные изъ тесанаго камня, съ крошечными окнами, въ которыхъ рамы замѣняются рѣшетками, что придаетъ дому видъ тюрьмы. Только передъ главною мечетью находится красивая четырехугольная площадь, очень обширная и чистая, на которой дома стоятъ правильной линіей, исключая одной стороны, съ которой эта площадь ограничена улицей, поднятой гораздо выше площади и поэтому имѣющей видъ террасы; на ней видно нѣсколько деревьевъ. Подыматься на эту улицу приходится по двумъ лѣстницамъ изъ тесанаго камня; въ промежуткѣ между ними течетъ источникъ весьма чистой и прозрачной воды, наполняющей бассейнъ, сдѣланный также изъ тесанаго камня. Не правда ли, какъ все это мило? Но вамъ никогда не догадаться, какъ понасть на эту площадь иначе, какъ съ той улицы, о которой я только что говорила. Напротивъ этой улицы, въ одномъ домѣ продѣ-

лана дыра, въ которую могутъ пройти свободно только кошки и собаки, вотъ черезъ нее то и выходятъ на площадь; хотя я не особенно большаго роста, но мнѣ пришлось согнуться пополамъ, чтобы пройти тутъ, а Бен., сопровождавшій меня, при своемъ высокомъ ростѣ долженъ былъ пройти около двухъ сажень почти на четверенкахъ; такой великолѣпный входъ нисколько не портитъ самую площадь, напротивъ, она кажется еще красивѣе, какъ выйдешь изъ этой дыры и вздохнешь свободно, выпрямившись во весь ростъ. Я говорила уже вамъ, что Дербентъ построенъ на весьма крутой горѣ; та возвышенная улица, о которой я упоминала, идетъ все въ гору до Нарынъ-кале, — такъ называется самая возвышенная часть города, въ которой находится дворецъ хановъ, построенный Фетх-Али ханомъ, отцомъ Шихъ-Али; я не была тамъ, такъ какъ онъ находится довольно далеко; къ тому же улица поднимается весьма круто и я устала уже на половинѣ пути. Люди, видѣвшіе этотъ дворецъ, говорятъ, что онъ довольно красивъ, въ немъ есть красивыя комнаты и обширныя галереи, и, что всего оригинальнѣе, покои украшены фресками; мнѣ было весьма любопытно увидѣть ихъ, ибо меня увѣряли, что онѣ исполнены довольно хорошо. Въ городѣ есть лавки, но онѣ очень грязны, темны и тѣсны; мы видѣли въ нихъ весьма мало товара: персы боялись показывать его, не будучи вполне увѣрены въ нашихъ миролюбивыхъ наклонностяхъ и боясь, чтобы ихъ не ограбили.

Наконецъ, мы двинулись далѣе; приходилось пройти черезъ Дубары; на всѣхъ стѣнахъ стояла масса персовъ, пришедшихъ взглянуть на войско; я видѣла Шихъ-Али въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по городу; онъ лежалъ на лошади и, казалось, былъ убитъ горемъ; персы смотрѣли на него съ состраданіемъ, нѣкоторые даже плакали; Шихъ-Али — юноша лѣтъ семнадцати, средняго роста, съ тонкими чертами лица и еврейскимъ типомъ (мать его была еврейка), но бѣлокурый, что между азіятами встрѣчается рѣдко. По выступленіи изъ города, войску пришлось идти по весьма неровной, узкой дорогѣ, оазайвленной по обѣимъ сторонамъ садами съ фруктовыми деревьями; особенно много попадаетъ фиговыхъ деревь. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дербента дорога становится открытою и болѣе ровною; мы встрѣтили на пути нѣсколько сухихъ овраговъ и, пройдя 15 верстъ, расположились лагеремъ на берегу хорошенькой рѣчки, называемой Рубасъ. Рѣчка это довольно широкая, но не особенно глубока, вода ея имѣетъ довольно пріятный вкусъ. Мѣстность возлѣ лагеря была очень живописная; берега Рубаса осѣнялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великолѣпными деревьями; мы избрали одно изъ такихъ мѣстечекъ и отправились туда пить чай; вмѣстѣ съ нами поѣхалъ графъ и другіе

генералы; мы взяли съ собою музыкантовъ, гуляли и веселились такъ, какъ будто намъ не предстояло снова идти черезъ нѣсколько дней въ походъ; затѣмъ условились, чтобы каждый избралъ, въ свою очередь, какое нибудь мѣстечко и угостилъ насъ тамъ чаемъ; признаться, каждый подобный пикникъ доставлялъ мнѣ много хлопотъ, такъ какъ мнѣ всегда приходилось разливать чай.

VI.

Вся недѣля, которую мы провели на берегу Рубаса, прошла очень оживленно; не далѣе какъ наканунѣ нашего отбѣда мы ѣдили пить чай за версту отъ нашего лагеря, откуда мнѣ захотѣлось вернуться домой пѣшкомъ; такъ какъ было уже поздно, то совсѣмъ стемнѣло, когда мы дошли до дому, и вдругъ я узнаю, что бригады Бен. и Бул. получили приказаніе выступить, подъ командою этого послѣдняго, на слѣдующій день, въ 3 часа утра; я была чрезвычайно уставши, приходилось немедленно все уложить, всѣмъ распорядиться и встать въ 2 часа утра; мнѣ показалось это весьма неделикатнымъ со стороны графа; мы провели съ нимъ все время послѣ обѣда, я спрашивала его нѣсколько разъ когда мы отправимся, на что онъ отвѣчалъ мнѣ всякій разъ, что еще ничего не рѣшено; впоследствии я привыкла къ подобной странности и къ вѣчной таинственности, въ которую облакались самыя пустышныя событія, вѣроятно съ цѣлю придать имъ побольше важности.

На слѣдующій день, едва разсвѣло, мы двинулись въ путь; кавалерія переправилась черезъ Рубасъ въ бродъ, а багажъ былъ перевезенъ по двумъ понтоннымъ мостамъ. Проѣхавъ 16 верстъ по довольно красивой дорогѣ, на которой лѣсъ смѣнялся прелестными равнинами, мы достигли рѣчки или, лучше сказать, потока Уриени. Бул., нашъ командиръ, позабылъ, вѣроятно, пословицу: не спросаясь броду, не суйся въ воду, ибо онъ приказалъ войску идти въ рѣку, не изслѣдовавъ предварительно глубину рѣки. Съ той стороны, откуда мы спускались, берегъ былъ отлогій, вода не особенно глубока и, слѣдовательно, теченіе было не очень быстрое, но оно увеличивалось по мѣрѣ того, какъ мы подвигались далѣе; въ то же время русло рѣки становилось глубже, и такъ какъ противоположный берегъ былъ весьма крутой, то мы съ трудомъ могли взобраться на него; форейторъ моего экипажа упалъ въ воду вмѣстѣ съ лошадыю, но ему удалось скоро вынырнуть; это маленькое, совершенно неожиданное, происшествіе,

страшный плескъ воды, разбивавшейся о карету, грохотъ камушекъ, раздавливаемыхъ колесами, все это, надобно сознаться, навредило на меня ужась и я, первый разъ во время похода, потеряла присутствіе духа. Много народа попало въ воду, но никто не утонулъ.

Достигнувъ благополучно противоположнаго берега, мы расположились лагеремъ на довольно высокой горѣ, у подошвы которой текла Уриени; видъ съ горы былъ прелестный, вся окрестная мѣстность была усѣяна деревьями, холмами, а у нашихъ ногъ бушевалъ потокъ, на который я теперь могла уже смотрѣть безъ замиранія сердца, и ободрилась настолько, что не потеряла присутствія духа даже при переправѣ черезъ Самуръ. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, мы двинулись далѣе и, пройдя 8 верстъ, подошли къ грозному Самуру, котораго мы знали уже по слухамъ и опасались; мы остановились на берегу, намѣреваясь тутъ отдохнуть и начать переправу черезъ часть. Позавтракавъ на травѣ, Бул. спустился съ горы съ тѣмъ, чтобы взглянуть поближе на Самуръ; должно быть, онъ показался ему очень страшень, такъ какъ, не смотря на свою обычную отвагу, нашъ генералъ рѣшилъ остаться на берегу до слѣдующаго дня, употребивъ это время на отысканіе брода и на принатіе необходимыхъ мѣръ для переправы черезъ рѣку съ возможно большею безопасностью. Жѣра была довольно сильная, солнце пекло насъ на этой горѣ и палатки служили намъ плохую защитой; однако, намъ посчастливилось отыскать садъ, находившійся возлѣ одной повиннутой персидской деревушки. Вы не можете себѣ представить, какъ мы были рады найти это тѣнистое убѣжище; тутъ росли по большей части все фиговья и тутовья деревья; на одномъ изъ нихъ я вырѣзала годъ и число, въ которое мы тутъ были. Мы провели въ этомъ саду весь день и возвратились въ лагерь на закатѣ солнца.

Нашъ лагерь находился въ трехъ верстѣхъ отъ Самура, но до насъ явственно доносился плескъ его волнъ, разбивавшихся о прибрежные камни. И что это за шумъ! Подойдя ближе къ рѣкѣ, невозможно разговаривать; теченіе Самура весьма быстрое, особенно въ извѣстное время дня, когда вода прибываетъ въ немъ отъ снѣговъ, тающихъ на сосѣднихъ горахъ, подъ вліаніемъ солнечныхъ лучей; тогда онъ уноситъ теченіемъ камни, деревья, — все, что попадаетъ ему на пути, и пролагаетъ себѣ новыя русла. Я смотрѣла на рѣку по нѣскольку разъ въ день съ горы и, не смотря на мою храбрость, я ясно сознавала, что буду гораздо спокойнѣе, очутившись на противоположномъ берегу. Мы легли спать рано, намѣреваясь встать на разсвѣтѣ. Заря едва занималась, какъ я была уже въ каретѣ; подѣхавъ къ склону горы, я вышла изъ экипажа, намѣреваясь спуститься пѣшкомъ, такъ какъ

дорога была весьма неровная и выбоистая. Я прошла болѣе версты по мелкимъ круглымъ камнямъ, катившимся изъ-подъ моихъ ногъ, и все время радовалась тому, что у меня сапоги были на низкихъ каблучкахъ, иначе мнѣ неминуемо приходилось бы падать. Подойдя къ берегу, я сѣла въ карету, ожидая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ той минуты, когда меня стануть переправлять на другой берегъ. Мужъ мой поѣхалъ впередъ посмотрѣть, какъ переправляются другіе; я осталась въ ожиданіи; прошло полчаса, показавшіяся мнѣ цѣлою вѣчностью. Наконецъ, мужъ прислалъ сказать мнѣ, что мнѣ можно будетъ переправиться черезъ Самуръ только черезъ нѣсколько часовъ, а пока чтобы я расположилась на берегу; не добиваясь причины такого распоряженія, я повиновалась съ моею обычною покорностью, вышла изъ кареты, приказала поставить мою калмыцкую кибитку и готовить обѣдъ; вамъ покажется, вѣроятно, удивительнымъ, что едва солнце успѣло взойти, а я помышляла уже объ обѣдѣ; я согласна съ тѣмъ, что это вовсе неприлично, но при нашемъ образѣ жизни обѣдаешь тогда, когда есть время и возможность, не думая о томъ, настало ли обѣденное время или нѣтъ. Моя кибитка была отлично вымощена тѣми камнями, о которыхъ я говорила вамъ; я велѣла расстлать нѣсколько ковровъ и, усѣвшись на нихъ, принялась думать о предстоящей переправѣ черезъ Самуръ; согласитесь съ тѣмъ, что хорошо привыкнуть къ бродячей жизни; вездѣ чувствуешь себя хорошо и обходишься безъ многихъ вещей, не чувствуя отъ этого лишенія. Я провела, такимъ образомъ, болѣе часа, съ нетерпѣніемъ ожидая мужа, который, возвратясь ко мнѣ, объявилъ, что онъ не можетъ рѣшиться переправить меня черезъ Самуръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагали сначала, такъ какъ одна телѣга, запряженная двумя волами и нагруженная ядрами, только что передъ тѣмъ была опрокинута, снесена теченіемъ и пропала безъ вѣсти. Это обстоятельство чрезвычайно встревожило его; онъ не зналъ на что рѣшиться и сталъ упрекать меня за то, что я настояла ѣхать съ нимъ, а себя упрекалъ за то, что онъ согласился исполнить мою просьбу; много говорилъ онъ въ томъ родѣ, всѣ его слова были вполнѣ справедливы, но въ данную минуту бесполезны и только причиняли мнѣ огорченіе. Я отвѣчала ему, что всѣ эти разсужденія теперь ни къ чему не ведутъ и такъ какъ я заѣхала уже слишкомъ далеко, то не оставалось иного выбора, какъ переправиться черезъ Самуръ; къ тому же, по моему мнѣнію, не было повода думать, что со мною случится какое нибудь несчастіе, если другіе благополучно прибыли на противуположный берегъ.

Я забыла сказать вамъ, что генералъ Платовъ благополучно переправился за два дня передъ тѣмъ черезъ эту рѣку съ нѣсколькими полками казаковъ и съ баталіономъ егерей. Кажется, вы видали Платова и знаете о немъ по наслышкѣ, но я хочу познакомить васъ ближе съ этимъ человѣкомъ, которому я весьма обязана за то вниманіе и дружбу, которыя онъ оказалъ мнѣ въ этотъ день.

Платовъ—казакъ, но его происхожденіе сказывается только въ нѣкоторой простотѣ обращенія и въ недостаточности образованія; впрочемъ, это не бросается особенно въ глаза, такъ какъ онъ человѣкъ совершенно безпритязательный и крайне добродушный; своимъ кроткимъ характеромъ и честностью онъ снискалъ всеобщую любовь; я рѣдко встрѣчала людей, которые были бы столь же услужливы, какъ онъ. Я не говорила о немъ сначала, такъ какъ онъ присоединился къ намъ со своимъ Чугуевскимъ казацкимъ полкомъ лишь нѣсколько дней спустя послѣ взятія Дербента.

Я употребила все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить мужа въ томъ, что мое путешествіе въ Персію имѣло столько же хорошихъ, сколько и дурныхъ сторонъ, однако, надобно сознаться, что мнѣ едва ли удалось бы убѣдить его, если бы мнѣ не подоспѣли на помощь три армянина, которые заявили, что они знаютъ бродъ, гдѣ можно переправиться черезъ Самуръ безъ опасности, и предложили указать намъ его за небольшое вознагражденіе, которое они соглашались получить на другомъ берегу, если мы переправимся благополучно. Мы приняли ихъ предложеніе съ радостью, но, чтобы воспользоваться имъ, надобно было выждать полудня, когда вода начинала убывать. Было рѣшено пообѣдать на этомъ берегу; едва успѣли мы расположиться съ ѣдой, какъ одно маленькое происшествіе чуть было не лишило насъ вовсе аппетита; одинъ изъ нашихъ драгуговъ приподнял нечаянно камень, лежавшій на землѣ; въ ту же минуту въ намъ подбѣжалъ одинъ персіянинъ, бывшій вблизи, сталъ кричать и знаками давалъ намъ знать, что укушеніе маленькаго животнаго, находившагося подъ камнемъ, смертельно. Это былъ скорпіонъ; вы, конечно, знаете ихъ по названію и слышали, что укушеніе ихъ считается опаснымъ, но это несправедливо, мы не разъ имѣли случай убѣдиться въ этомъ, въ настоящую же минуту мы не имѣли никакого повода сомнѣваться въ истинѣ того, что говорилъ намъ мѣстный житель. Всѣ окружили опасное насѣкомое и, взявъ его осторожно, привязали нитку къ его хвосту, въ которомъ находится его жало и ядъ, и принесли его въ нашу кибитку и рассказали намъ то, что сообщилъ о немъ персіянинъ. Признаюсь, при видѣ этого скорпіона, у меня мурашки

побѣжали по тѣлу; я особенно боялась за Васю и рѣшила вовсе не пускать его на полъ въ столь опасномъ мѣстѣ; разговаривая о скорпіонѣ, мы выражали надежду, что они попадутся рѣдко, какъ вдругъ, къ ужасу нашему, убѣдились, что ихъ было по одному, а зачастую и по два подъ каждымъ камнемъ. Это открытіе не могло порадовать насъ, но я старалась освоиться съ мыслью, что мы окружены ими со всѣхъ сторонъ; въ Петербургѣ одно названіе скорпіона наводило на меня ужась.

Только что подали обѣдъ, какъ прибылъ Платовъ, пріѣхавшій къ намъ съ тѣмъ, чтобы успокоить меня, за что я была ему весьма признательна; онъ остался обѣдать съ нами и во все время обѣда увѣрялъ меня, что намъ не угрожаетъ ни малѣйшей опасности, что онъ уже переправился черезъ Самуръ нѣсколько разъ и, наконецъ, обѣщалъ конвоировать меня во время переправы.

Въ 4 часа я сѣла въ карету; надобно сознаться, что сердце мое при этомъ сильно забилося, впрочемъ, не отъ одной боязни, хотя я не была особенно покойна, но главнымъ образомъ отъ досады, что я причиняю мужу столько безпокойства. Меня сопровождала цѣлая свита, такъ что моя переправа походила на процессію; шествіе открывалъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ съ длинной палкой въ рукѣ, за нимъ ѣхали верхами два другихъ проводника; позади мой мужъ, Платовъ и большинство офицеровъ нашего полка, за ними, наконецъ, мой экипажъ, къ нему были привязаны длинныя веревки, которыя держали въ рукахъ пять или шесть драгунъ, ѣхавшихъ по бокамъ кареты; такимъ-то образомъ подвигалась я къ грозному Самуру. Ширина его около полутора версты, а теченіе прерывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшими островками, которые увеличиваются отмелями и камнями и раздѣляютъ рѣку на нѣсколько рукавовъ, изъ коихъ нѣкоторые весьма узки, а иные шириною отъ 30—40 сажень. Переправляясь черезъ рѣку, мы проѣхали не менѣе двухъ версты, такъ какъ наши проводники вели насъ зигзагами, отыскивая лучший бродъ.

Перо мое слишкомъ слабо, чтобы дать вамъ яврное описаніе Самура; трудно представить себѣ нѣчто подобное; теченіе его такъ быстро, что если лошадь оступится, то потокъ уноситъ ее моментально и разбиваетъ о камни, катающиеся вмѣстѣ съ нимъ; я не могу найти сравненія, которое дало бы вамъ понятіе о шумѣ, производимомъ его волнами. Земля и песокъ, уносимые теченіемъ Самура, придаютъ его водамъ цвѣтъ варенаго шоколада; они измельчены теченіемъ рѣки на такія мелкія частицы, что составляютъ

съ водою какъ бы одно цѣлое, такъ что ихъ почти невозможно отдѣлить отъ нея; мы фильтровали эту воду сквозь полотно, сѣвозъ губки и бумагу и все-таки намъ не удалось получить ее чистою, и надобно было рѣшиться пить ее такою, какою она была. Я говорила вамъ уже, что при видѣ Самура я не потеряла присутствія духа, я была вполне увѣрена, что мнѣ не угрожаетъ никакой опасности, благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ предосторожности; вы знаете меня настолько, что повѣрите, конечно, что одни неосновательные слухи, какъ бы страшны они не были, не могутъ напугать меня; къ тому же Уриени научилъ меня быть храброй и на Самурѣ я была почти столь же спокойна, какъ теперь, въ ту минуту, какъ я описываю вамъ все это.

Во время переправы всѣ мои заботы были только о Васѣ; я опасалась, чтобы страшный шумъ, производимый волнами, не повліялъ на него слишкомъ сильно и чтобы страхъ, испытанный въ столь раннемъ возрастѣ, не оставилъ слѣдовъ на всю его жизнь, поэтому я употребила всѣ старанія, чтобы отвлечь его вниманіе и чѣмъ нибудь занять его. Это удалось мнѣ вполне; онъ совсѣмъ не испугался, хотя было отчего; шумъ воды, разбиавшейся о колеса экипажа, былъ гораздо страшнѣе, нежели въ Уриени, такъ какъ Самуръ несравненно больше и течетъ быстрѣе; камни, которыми усѣяно дно, катятся съ грохотомъ, увлекаемые теченіемъ, и еще болѣе увеличиваютъ шумъ; прибавьте къ этому плескъ, производимый лошадьми драгунъ, ѣхавшихъ по обѣ стороны моей кареты, и крики всей нашей свиты, старавшейся подбодрить моихъ лошадей, чтобы онѣ не остановились, и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о страшномъ грохотѣ, сопровождавшемъ насъ во все время переправы; къ счастью, это продолжалось не болѣе получаса; я думаю, что если бы подобный шумъ продолжался двадцать четыре часа, то мы могли бы оглохнуть. Но довольно говорить о себѣ, надобно сказать вамъ и о томъ, какъ переправлялась армія.

Надобно отдать справедливость графу (Зубову) въ томъ, что, подѣлавъ къ Самуру, онъ не колебался ни минуты, тотчасъ погналъ лошадь въ рѣку и отважно переправился со своей свитой и своимъ обычнымъ конвоемъ изъ 200 казаковъ на противоположный берегъ, гдѣ онъ легъ тотчасъ отдохнуть, не заботясь о томъ, какъ будетъ переправляться войско, и не сдѣлавъ никакихъ распоряженій, чтобы поддержать порядокъ во время переправы и предупредить несчастные случаи. Всѣ наши генералы по его примѣру думали только о себѣ, возложивъ всѣ заботы на полковниковъ, которые такъ хорошо распорядились переправою своихъ полковъ, что не было ни одного

несчастнаго случая и вся армія достигла благополучно противоположнаго берега; я думаю, что если бы за это дѣло взялись наши генералы, то порядка было бы меньше. Для перевоза съѣстныхъ припасовъ пришлось снять ихъ съ телѣтъ, на которыхъ ихъ везли, и нагрузить ими верблюдовъ; тутъ дѣло не обошлось безъ бѣды; нѣсколько верблюдовъ утонуло, а иные такъ боялись, что ложились въ воду и не рѣшались двинуться впередъ, хотя ихъ били до смерти; однако, убитою былъ не великъ и мы потеряли при этой переправѣ лишь нѣсколько лошадей, быковъ и верблюдовъ.

Благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ предосторожности, со мною не случилось во время переправы никакого происшествія; когда я достигла противоположнаго берега, то всѣ стали поздравлять меня съ благополучной переправой, да и было съ чѣмъ поздравить; я была очень рада тому, что всѣ заботы и безпокойства моего мужа окончились, и была довольна собою, что совершила эту переправу безъ всякаго страха, поэтому я и впредь могла рассчитывать на свои силы и отважиться на всякій дальній и опасный путь.

Только одно обстоятельство отравило мою радость; когда я прибыла въ лагерь, находившійся возлѣ самаго берега, то меня предупредили, чтобы я береглась и смотрѣла за Васей, такъ какъ въ лагерь несмѣтное количество скорпіоновъ; я приказала разослать въ кибиткѣ ковры и не позволяла Васѣ ступать на полъ. Весь вечеръ я была чрезвычайно неспокойна, мнѣ мерещились вездѣ скорпіоны, казалось, что они залѣзали уже ко мнѣ въ сапоги, въ рукава; понимая, что ничто не можетъ быть столь вредно и бесполезно какъ страхъ, я рѣшилась побѣдить его и подумать заблаговременно какъ помочь горю, если оно случится; съ этой цѣлью я стала спрашивать персовъ, какія средства употребляются ими противъ укушенія скорпіоновъ; они назвали намъ нѣсколько средствъ и увѣряли, что укушенія этого насѣкомаго совсѣмъ не такъ опасны, какъ говорятъ; это меня нѣсколько успокоило и мнѣ захотѣлось ближе познакомиться съ нимъ; тогда я велѣла приподнять нѣсколько камней и стала разсматривать скорпіоновъ, сначала издали и со страхомъ, но мало по малу подошла къ нимъ ближе; ко всему можно привыкнуть; помните, какъ я боялась въ дѣтствѣ пауковъ, теперь же тарантулы и скорпіоны совсѣмъ отучили меня отъ этой боязни.

Я обязана моему путешествію въ Персію еще тѣмъ, что я стала храбрѣе и отдѣлалась отъ всѣхъ страховъ, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и моею сидячею жизнью; теперь меня не устрашитъ никакая гора, никакой потокъ; для меня не существуетъ опасной дороги, я

могу перенести безъ труда холодъ, сырость, сильную жару и могу обойтись безъ многихъ вещей, казавшихся мнѣ прежде предметами первой необходимости.

На слѣдующій день я почти успокоилась относительно скорпіоновъ и только боялась еще немного за Васю и поэтому чрезвычайно желала оставить этотъ лагерь какъ можно скорѣе; однако, мы провели тутъ три дня, показавшіеся мнѣ довольно длинными; помимо скорпіоновъ и мѣстоположеніе было не особенно красивое, къ тому же невозможно было гулять, такъ какъ земля была усѣяна небольшими круглыми камешками; наконецъ, къ моему величайшему удовольствію мы оставили это мѣсто; погода была великолѣпная, жара начинала спадать, такъ какъ мы выступили изъ лагера послѣ полудня; только пылъ надѣдала намъ по дорогѣ. Намъ пришлось ѣхать около десяти верстъ лѣсомъ, и переправляться черезъ нѣсколько ручейковъ, изъ коихъ нѣкоторые были довольно значительны, затѣмъ мы расположились лагеремъ возлѣ небольшой рѣчки, въ очень красивой мѣстности.

На слѣдующій день намъ предстояло двинуться далѣе на разсвѣтъ, но ни генералъ нашъ, ни проводники не знали хорошенько дороги, по которой намъ слѣдовало ѣхать (замѣтите, что мы находились все время въ авангардѣ генерала Бул.); генералъ послалъ нѣсколько человекъ на развѣдки и не зналъ на что рѣшиться; между тѣмъ я приказала готовить обѣдъ; это вышло очень кстати, такъ какъ мы двинулись въ путь лишь въ часъ пополудни, не зная хорошенько куда мы направляемся, поэтому съ нами случилось именно то, чего мы опасались, т. е. мы сбились съ дороги и вмѣсто пятнадцати верстъ проѣхали около тридцати, встрѣтивъ на пути нѣсколько рѣчекъ, черезъ которыя было весьма трудно переправиться по причинѣ ихъ крутыхъ береговъ; не говоря уже о страшной тряскѣ, которую мнѣ пришлось испытать, я была вынуждена переправиться черезъ одну рѣчку пѣшкомъ, такъ какъ переправа въ экипажѣ была сопряжена съ опасностью; рѣчка эта была не глубокая и не широкая, дно ея было усѣяно камешками, поэтому я перешла ее благополучно и только промочила себѣ немного ноги. Переходъ, совершенный мною въ этотъ день, чрезвычайно утомилъ меня; мы ѣхали по проселочной, выбоистой дорогѣ; пришлось ѣхать густымъ лѣсомъ, гдѣ корни деревьевъ причиняли все время такую тряску, которая въ моемъ положеніи была не особенно пріятна; только къ ночи мы расположились, наконецъ, лагеремъ, весьма утомленные и недовольные тѣмъ, что ѣхали такъ долго, проѣхавъ сравнительно весьма небольшое пространство.

Лагерь нашъ находился близь деревни Хутогъ, жители которой

принесли намъ огромное количество весьма сладкихъ бѣлыхъ и розовыхъ вишенъ, которыя скоро были раскуплены у нихъ, такъ какъ мы всѣ нуждались въ прохладительномъ послѣ такого утомительнаго пути и страшной жары. Я поставила на столъ цѣлое ведро этихъ вишенъ и мы истребили ихъ менѣе, чѣмъ въ полчаса; намъ принесли также много бѣлыхъ и черныхъ тутовыхъ ягодъ; на мой вкусъ это плодъ весьма приторный, въ особенности бѣлая ягода, но многимъ онѣ очень нравятся. Я спала эту ночь крѣпкимъ сномъ и проснулась отдохнувши отъ утомленія, но отъ души желала, чтобы нашъ генералъ на этотъ разъ лучше разузналъ дорогу; мое желаніе исполнилось и мы проѣхали въ этотъ день лишь тѣ 21 версты, которыя было положено сдѣлать по маршруту.

Дорога была довольно плохая; мы встрѣтили на пути 14 рѣчекъ и одинъ потокъ или рѣку, называемую Деличай, что значитъ бѣшеная рѣка; это Самуръ въ миниатюрѣ. Я переправилась черезъ него безъ особеннаго труда и безъ страха, не смотря на то, что было не особенно легко взобраться на противоположный довольно крутой берегъ, на которомъ раскинулась хорошенькая деревушка съ цвѣтущими садами, представляя собою прелестное зрѣлище. Выѣхавъ изъ деревни, мы вступили на красивую равнину, заросшую зеленой муравой; на ней кучками росли деревья и кустарники, которые въ то время были въ полномъ цвѣтѣ; особенно много было розовыхъ кустовъ, на которыхъ безо всякаго ухода растутъ такія же красивыя розы, какія украшаютъ наши сады; деревья были по большей части фруктовые и кромѣ того тутъ было много оливковыхъ деревьевъ и одно райское дерево; вы такого не знаете: на немъ бываетъ множество мелкихъ желтыхъ цвѣточковъ съ чрезвычайно пріятнымъ запахомъ. Воздухъ былъ полонъ благоуханіемъ всѣхъ этихъ цвѣтовъ; заходящее солнце разливало пріятную теплоту и, въ довершеніе всего, дорога была гладкая, ровная. Какая разница въ сравненіи съ предъидущимъ днемъ! Проѣхавъ по этой великолѣпной дорогѣ болѣе десяти верстъ и переправившись черезъ каменистую и довольно быструю рѣку Ахчай, мы расположились лагеремъ на горѣ, у подошвы которой она протекала, по близости отъ деревни Егренъ и въ четырехъ верстахъ отъ Кубы, довольно значительнаго города, принадлежащаго ханамъ Дербента.

Мѣстоположеніе нашего лагеря было прелестное; мы расположились на зеленѣющей равнинѣ, усѣянной тамъ и сямъ кустарникомъ и большими деревьями; было гдѣ погулять и отдохнуть въ тѣни, и отовсюду открывались самыя очаровательныя виды. Прибавьте къ этому довольно хорошую воду, умѣренную температуру, близость города, изъ

котораго мы получили все необходимое, и вы легко поймете, что намъ было хорошо. Противъ того мѣста, гдѣ расположился лагерь Владимірскій полкъ, приблизительно въ полуверстѣ отъ него находился садъ, принадлежавшій Шихъ-Али; въ этомъ саду не было ничего особенно замѣчательнаго, но онъ былъ тѣнистъ, въ немъ были цѣлыя аллеи фруктовыхъ деревьевъ и хорошо убитыя дорожки; поэтому я гуляла въ немъ каждый день. Позади этого сада, съ противоположной стороны отъ нашего лагера, находилась небольшая персидская деревенька; когда я зашла въ нее, то жители приняли насъ очень хорошо, особенно женщины были рады увидѣть русскую; онѣ привели насъ въ маленькій садикъ и предложили намъ рвать самимъ тутовныя ягоды, такъ какъ инаго угощенія у нихъ не было. Мы часто возвращались изъ нашихъ прогулокъ при лунномъ свѣтѣ; вечера были восхитительные, воздухъ былъ тепелъ и чистъ, луна отражалась въ волнахъ быстрой рѣчки, слабо освѣщая равнину и верхушки деревьевъ противоположнаго берега, тогда какъ лучи ея серебрили вершины снѣговыхъ горъ, возвышавшихся на горизонтѣ. Остановясь иногда на склонѣ горы, я любовалась закатомъ солнца; багровый цвѣтъ, въ который были окрашены всѣ предметы послѣдними лучами заходящаго солнца, блѣднѣлъ, уступая мѣсто болѣе мягкому и нѣжному свѣту луны. Я испытала тутъ много пріятныхъ минутъ и это были послѣдніе пріятные дни, проведенные мною въ Персіи. Мы провели въ этой мѣстности около двухъ недѣль, которыя показались мнѣ весьма короткими; однако, пришлось уѣхать отсюда.

Выступивъ съ мѣста нашей стоянки рано утромъ, намъ пришлось проѣхать около тридцати верстъ по довольно плохой дорогѣ; на пути намъ пришлось переправляться черезъ десять или двѣнадцать ручейковъ и черезъ четыре небольшія рѣчки, изъ коихъ одна, называемая Сильбили, была въ родѣ Деличая; намъ пришлось ѣхать въ самую сильную жару; воздухъ былъ удушливый и мы глотали цѣлыя облака пыли; наконецъ, къ вечеру мы достигли берега небольшой рѣчки Урутляръ, гдѣ предполагено было отдохнуть до слѣдующаго дня. Теперь мнѣ придется возвратиться вновь нѣсколько назадъ.

VIII.

Говоря вамъ о нашей стоянкѣ близъ Кубы, я увлеклась желаніемъ передать вамъ все то, что я испытала пріятнаго въ этой мѣстности, и поэтому совершенно позабыла упомянуть объ одномъ обстоятельстве, само по себѣ довольно ничтожномъ, но послужившемъ поводомъ къ весьма важному событію.

Во время перехода нашего изъ Дербента въ Кубу, Шихъ-Али до того сѣмѣлъ убѣдить графа и его приближенныхъ въ своей покорности и въ своей личной преданности графу, что послѣдній сталъ питать къ нему особое довѣріе, и прямымъ результатомъ этого было данное ему разрѣшеніе повидаться со своею женою и матерью во время нашего пребыванія близъ Кубы. Сверхъ всего этого, онъ высказалъ желаніе дать обѣдъ графу и прочимъ генераламъ; на эту просьбу его точно также было изъявлено согласіе и ему было дозволено даже разсылать гонцовъ по окрестнымъ деревнямъ съ письмами, въ которыхъ онъ требовалъ будто бы присылки разной провизіи, пе-обходимой, по его словамъ, для угощенія гостей. Это дозволеніе, данное ему такъ неосторожно, дало ему возможность приготовить такое блюдо, которое оказалось вовсе неудобоваримымъ для графа, и всѣмъ намъ причинило много безпокойства.

Теперь продолжаю свой рассказъ. Мы тронулись въ путь довольно рано утромъ; намъ предстояло проѣхать 22 версты; на пути попадались ежеминутно рѣчки, ручейки, овраги; дорога была скучная, она тянулась по бесплодной пустынѣ, почва которой вся растрескалась отъ жары, а трава высохла и пожелтѣла отъ палящихъ лучей солнца; налѣво тянулся песчаный берегъ моря, окаймлявшій горизонтъ съ этой стороны, направо высились горы и скалы, почернѣвшія и обожженные солнцемъ; нигдѣ не видѣлось деревца, нигдѣ не было малѣйшаго намека на тѣнь и взору не на чемъ было отдохнуть. Цѣлью нашего путешествія въ этотъ день былъ старинный, довольно высокій, валъ, тянувшійся отъ моря до горъ и составлявшій, какъ говорятъ, въ былое время часть укрѣпленій, возведенныхъ тутъ Александромъ Великимъ. Хотя столь громкое имя, связанное съ этимъ мѣстомъ, придавало ему значительный интересъ, а была, однако, весьма недовольна тѣмъ, что мы должны были тутъ остановиться и предполагали даже провести въ этомъ мѣстѣ восемь дней. Нашъ лагерь

находился на той же бесплодной равнинѣ, которую мы только что прошли; возлѣ него не было ни травки, ни кусточка. Небольшая рѣчка Гильени, изъ которой мы брали воду для питья, находилась слишкомъ далеко и поэтому не могла увеселять наши взоры; это выраженіе можетъ показаться вамъ страннымъ, но когда находишься во время палашей жары на высохшей почвѣ, то одинъ видъ проточной воды какъ бы освѣжаетъ и ободряетъ человѣка.

Мое инстинктивное отвращеніе къ этому лагерю оправдалось вполне; намъ пришлось тутъ ужасно страдать отъ чрезмѣрной жары; палашее солнце не позволяло намъ выйти изъ палатокъ, а сидя въ нихъ, мы были плохо защищены отъ вѣтра, который, врываясь въ палатки, не освѣжалъ, а обжигалъ насъ, такъ какъ воздухъ былъ раскаленъ; въ продолженіе нѣсколькихъ дней ни одно облачко не защитило насъ отъ солнечныхъ лучей; дождикъ былъ бы для насъ истиннымъ благодѣяніемъ, но его не было во все время пребыванія нашего въ этомъ злосчастномъ мѣстѣ. Лагерь этотъ былъ единогласно прозванъ нами «огненнымъ лагеремъ»; это названіе покажется страннымъ вамъ, обитательницѣ сѣвера, никогда не уѣзжавшей изъ вашего холоднаго климата, но дѣло въ томъ, что тутъ даже ночь не приносила намъ отдохновенія: воздухъ до того накалялся днемъ, что даже въ отсутствіи солнца ночью онъ жегъ насъ и мы проводили ночи безъ сна и отдыха; днемъ мы не могли ничего ѣсть, а сильная испарина окончательно изнуряла насъ; во всемъ лагерѣ не видно было ни одного свѣжаго, веселаго лица; всѣ были унылы, истомлены; не думайте, что я преувеличиваю, но это уныніе доходило у иныхъ до отчаянія. При этой сильной жарѣ мы не имѣли ни капли свѣжей воды, которая могла бы освѣжить насъ, и, не смотря на страшную жажду, мы съ отвращеніемъ пили до нельзя нагрѣтую воду. Къ счастью, мы двинулись вскорѣ далѣе и еще къ нашему большому благополучію наканунѣ нашего отъѣзда поднялся небольшой вѣтерокъ, дувшій съ моря, отъ котораго мы были не вдалекѣ. Этотъ вѣтерокъ освѣжилъ насъ и далъ намъ возможность снова собраться съ силами.

Мы находились до сихъ поръ подъ начальствомъ нашего тяжеловѣснаго генерала Б. Графъ Зубовъ былъ такъ недоволенъ его командованіемъ авангардомъ, что рѣшилъ оставить его на арьергардѣ, надѣясь, что онъ уже не собьется съ пути, идя по дорогѣ, по которой пройдетъ передъ нимъ все остальное войско; это обстоятельство было причиною того, что мы остались на мѣстѣ нашей стоянки еще лишній день и, разумѣется, не были за это особенно благодарны

нашему генералу, однако, приходилось вооружиться терпѣніемъ; къ счастью, жара спала, какъ я уже говорила вамъ. Оставивъ лагерь, намъ было предписано ѣхать берегомъ моря до небольшой рѣчки Атачая, протекавшей въ 7 или 8 верстахъ отъ нашего лагеря; достигнувъ ея, мы должны были измѣнить направленіе, повернувъ вправо къ горамъ и ѣхать 15 верстъ берегомъ Атачая, по весьма тѣсному ущелью, между высокими горами; затѣмъ, остановившись на ночлегъ, на слѣдующее утро подняться на горы, чтобы укрыться тамъ отъ жары. Эта диспозиція была весьма цѣлесообразна, вѣдъ во вниманіе жаркое время года, но одинъ крайне прискорбный случай измѣнилъ отчасти эти планы, причинивъ всѣмъ, а намъ въ особенности, много неприятнаго. Это прискорбное обстоятельство былъ побѣгъ Шихъ-Али.

Вы помните, вѣроятно, что ему было дозволено разговаривать съ нѣсколькими персами, которые были особенно преданы ему, и даже писать и посылать говцовъ въ принадлежащія ему деревни; онъ воспользовался этимъ неумѣстнымъ довѣріемъ, чтобы приготовить и облегчить свой побѣгъ, и только выжидалъ того момента, когда армія вступитъ въ ущелье для того, чтобы привести свой замыселъ въ исполненіе; это было для него не трудно, такъ какъ онъ пользовался довольно большою свободою и отлично зналъ всѣ ходы и выходы въ ущельяхъ этихъ горъ, тогда какъ русскимъ дороги тутъ были совершенно неизвѣстны. Онъ былъ настолько предусмотрителенъ, что заказалъ себѣ подставныхъ лошадей во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему пришлось ѣхать, полагая, что, не смотря на нерадѣніе его караульщиковъ, за нимъ будетъ погоня, лишь только замѣтатъ его отсутствіе; всѣ мѣры были приняты имъ такъ хорошо, что ему нечего было опасаться.

Итакъ, графъ Зубовъ выступилъ изъ лагеря первый, съ бригадою генерала К. и графа Арг. Шихъ-Али приказалъ осѣдлатъ лучшую свою лошадь, надѣлъ кольчугу, вооружился съ головы до ногъ; такъ какъ ему ни въ чемъ не было отказа, то ему не препятствовали, хотя подобныя приготовленія съ его стороны могли возбудить подозрѣніе: въ самомъ дѣлѣ, къ чему было ему это вооруженіе? Развѣ онъ не зналъ, что въ случаѣ опасности его защитятъ, да, кромѣ того, въ окрестности у него были только подданные или друзья; однако, по привычкѣ, никто не потрудился объ этомъ подумать.

Подѣхавъ къ ущелью, Шихъ-Али предложилъ Миллеру показать ему свое искусство въ метаніи копья и въ джигитовѣ; тотъ изъявилъ на это согласіе и Шихъ-Али, весьма ловкій и проворный наѣздникъ, дѣйствительно, показалъ свое искусство. Бросивъ копье,

онъ на всемъ скаку ловилъ его на воздухъ, затѣмъ, пустивъ лошадь въ карьеръ, дѣлалъ джигитовку съ поразительною смѣлостью и быстротою, то исчезая за горами, то снова появляясь, пока мы не углубились довольно далеко въ ущелье; тогда, пришпоривъ лошадь, онъ исчезъ какъ стрѣла въ узкое ущелье, между двумя островочными горами; довѣріе къ нему было такъ велико, что сначала никто не былъ встревоженъ его исчезновеніемъ. Миллеръ и его приверженцы, забавлявшіеся продѣлками Али, стояли нѣсколько времени разинувъ ротъ, ожидая его возвращенія. За то какъ велики были ихъ смятеніе и ужасъ, когда они поняли, наконецъ, что онъ провелъ ихъ; въ погоню за нимъ были посланы немедленно казаки изъ свиты графа, но не смотря на быстроту своихъ коней, они потеряли его вскорѣ изъ вида; только двое казаковъ, имѣвшіе самыхъ лучшихъ лошадей, преслѣдовали его нѣкоторое время издали до одной деревни, гдѣ Шихъ-Али пересѣлъ на приготовленную для него подставную лошадь и поскакалъ на ней далѣе, тогда какъ измученныя лошади казаковъ не могли мчаться далѣе. Вотъ какимъ образомъ ускользнулъ плѣнникъ изъ нашихъ рукъ: какъ видите, причиною этого была наша собственная непростительная неосмотрительность.

Не могу сказать вамъ въ точности, какое именно впечатлѣніе произвело на графа извѣстіе о побѣгѣ Шихъ-Али; какъ бы то ни было, приближенные сумѣли вскорѣ разсѣять его опасенія и увѣрить его, что ничего нѣтъ легче какъ поймать Шихъ-Али, что для этого достаточно будетъ послать въ горы нѣсколько небольшихъ отрядовъ и что онъ скоро будетъ въ нашихъ рукахъ, такъ какъ многіе изъ его подданныхъ предадутъ намъ и навѣрно выдадутъ его. Но на дѣлѣ это оказалось немислимымъ; Шихъ-Али былъ слишкомъ уменъ и хитеръ, чтобы попасть снова въ наши руки, если ему удалось однажды вырваться изъ нихъ. Я думаю, что графа значительно успокаивала увѣренность въ той особой милости, которой онъ пользовался при дворѣ; всякому другому пришлось бы, безъ сомнѣнія, дать строгій отвѣтъ по случаю пропажи столь важнаго плѣнника.

Мы сидѣли преспокойно за столомъ, когда нарочный отъ графа Зубова привезъ Булгакову, обѣдавшему съ нами, извѣстіе о побѣгѣ Шихъ-Али; извѣстіе это никого не удивило; этого можно было ожидать, вида какъ слабъ былъ за нимъ присмотръ и какое слѣпое довѣріе онъ сумѣлъ внушить къ себѣ. Мы всѣ даже посмѣялись отъ души надъ этимъ событіемъ, хотя намъ слѣдовало бы скорѣе плакать, такъ какъ съ побѣгомъ Шихъ-Али у насъ стало однимъ непримиримымъ и хитрымъ врагомъ болѣе и онъ, безъ сомнѣнія, сталъ бы

употреблять всё усилія, чтобы создать намъ еще болѣе враговъ и тѣмъ отомстить за свой плѣнъ и отблагодарить насъ за черезъ-чуръ хорошее обращеніе съ нимъ въ нашемъ лагерѣ. Дѣйствительно, онъ при первой же возможности поспѣшилъ утолить свою жажду русской крови и съ безпримѣрною жестокостью умертвилъ одного русскаго офицера, взятаго въ плѣнъ его приверженцами, и собственноручно вырвалъ у него изъ груди сердце. И такой-то извергъ сумѣлъ списать благосклонность приближенныхъ графа своею низкою лестью, а, быть можетъ, и другими, болѣе дѣйствительными, средствами.

В. И. Бакунина.

Рескриптъ императора Павла I

1880 г.

(Листъ небольшого формата, съ водянымъ знакомъ—левъ въ оградѣ, держащій мечъ и копье,—надъ нимъ надпись: „pro patria“).

Божією милостію, мы, Павелъ I, императоръ и самодержецъ все-россійскій, и прочая, и прочая, и прочая, великій магистръ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, и прочая, и прочая, и прочая.

Намъ любезновѣрному полковнику Супоневу.

Усердіе и ревность, показанныя вами въ службѣ нашей, обратили на васъ императорское наше вниманіе; почему, во изъявленіе особеннаго къ вамъ благоволенія нашего, пожаловавъ васъ почетнымъ командоромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, повелѣваемъ вамъ пользоваться всѣми почестями и преимуществами, съ симъ званіемъ сопряженными. Божію васъ препоручаемъ храненію. Данъ въ Павловскѣ, маія 29 дня 1800 года; царствованія нашего въ четвертое, а великаго магистерства во второе.

Павелъ.

Сообщ. А. Э. Коки.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛЬНЕВЪ

1766—1812.

- I. Очеркъ его боевой жизни.
- II. Письма къ брату—Ивану Кульневу.
- III. Могилы Якова Петровича Кульнева.

Въ послѣднее время, съ 1883-го года, мы получили три сообщенія отъ различныхъ лицъ о славномъ птенцѣ великаго Суворова—генералѣ Яковѣ Петровичѣ Кульневѣ. Очеркъ его боевой жизни полученъ нами отъ А. Калиновскаго, покойная бабка котораго, Марья Петровна Кульнева, по мужу баронесса Мантейфель-Сей, была родная сестра Якова Петровича,—затѣмъ шестнадцать писемъ Я. П. Кульнева сообщили намъ, изъ семейнаго архива его внучатнаго племянника, баронъ Василій Владиміровичъ Руммель: письма, эти которыя мы печатаемъ дословно, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей правописанія, относятся къ 1805—1812 годамъ и писаны Яковомъ Петровичемъ къ брату его—Ивану Петровичу. Наконецъ, К. К. Детловъ доставилъ намъ замѣтки свои о памятникахъ и могилахъ Кульнева.

Эти статьи, а главное—подлинныя письма славнаго героя ярко характеризуютъ эту вполне достопамятную и высоко симпатичную личность.

Ред.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛЬНЕВЪ,

біографическій очеркъ.

1766 — 1812 гг.

Яковъ Петровичъ Кульневъ—личность во всѣхъ отношеніяхъ достопамятная и по своимъ боевымъ заслугамъ въ войнахъ 1805—1812 гг. и по своимъ нравственнымъ качествамъ,—одинъ изъ самыхъ типичныхъ представителей русскаго военнаго сословія конца XVIII-го и начала XIX вѣка. Онъ родился въ 1763 году; дѣтство свое провелъ въ Люцинѣ (уѣздномъ городѣ Витебской губерніи), гдѣ жилъ вмѣстѣ съ матерью; отца лишился въ самомъ раннемъ возрастѣ: ему было тогда только два года. Происходя изъ дворянъ, но имѣя весьма ограниченное состояніе, мать Кульнева хлопотала объ опредѣленіи своего сына въ шляхетный кадетскій корпусъ на казенное содержаніе. Старанія ея не остались безуспѣшны: Кульневъ былъ записанъ въ корпусъ и въ 1785 году выпущенъ въ армію поручикомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Спустя нѣкоторое время, онъ былъ отправленъ въ дѣйствующую армію, такъ какъ въ то время была объявлена война съ Турціей. Тутъ во многихъ сраженіяхъ своею усердною службою и исправностью Кульневъ успѣлъ обратить на себя вниманіе начальства и пріобрѣсти имя храбраго и ревностнаго къ службѣ офицера. Въ 1794 году онъ находился въ походѣ противъ поляковъ. Состоя въ корпусѣ генераль-маіора Кноринга, Кульневъ участвовалъ во многихъ стычкахъ съ непріятелемъ, особенно отличился въ битвѣ 6-го іюля при мѣстечкѣ Борденѣ, въ которой нанесъ непріятелю жестокое пораженіе и даже заставилъ его обратиться въ бѣгство по направленію къ Ошмянамъ.

Затѣмъ онъ успѣшно дѣйствовалъ при мѣстечкѣ Лидѣ и, наконецъ, подъ Вильно, за что получилъ письменное одобреніе отъ командовавшаго генерала.

Вскорѣ Кульневъ поступилъ подъ начальство безсмертнаго Суворова; находился при разбитіи польскихъ мятежниковъ подъ Кобриномъ 4 сентября, при окончательномъ пораженіи непріятельскихъ войскъ у Брестъ-Литовска и, наконецъ, участвовалъ въ достопамятномъ штурмѣ Праги, гдѣ особенно выдѣлялся своимъ мужествомъ.

Вскорѣ послѣ того онъ былъ произведенъ въ ротмистры, а черезъ годъ въ майоры. Возгорѣвшаяся въ то время война между Россіей и Франціей представила Кульневу новый случай отличиться на воинскомъ поприщѣ.

Еще въ самомъ началѣ кампаніи 1805 года онъ перешелъ въ Гродненскій гусарскій полкъ и при началіи военныхъ дѣйствій находился въ авангардѣ. Въ сраженіи при Анкендорфѣ онъ разбилъ непріятеля на голову, обратилъ его въ бѣгство и самъ, съ небольшимъ отрядомъ гусаръ, преслѣдовалъ его. Дошедши до рѣки Пассарги, Кульневъ увидѣлъ на противоположномъ ей берегу французскихъ стрѣлковъ, расположившихся лагеремъ. Не разсуждая долго, онъ переправился со своимъ малочисленнымъ отрядомъ черезъ рѣку, ударилъ на стрѣлковъ, взялъ до 110 человекъ въ плѣнъ, захватилъ весь непріятельскій багажъ, сорокъ пороховыхъ ящиковъ, и за неизмѣнимъ лошадей для перевоза этой добычи, взорвалъ одну часть пороха, а остальную зарылъ въ землю. За это успѣшное дѣло Кульневъ былъ произведенъ въ подполковники и пожалованъ орденомъ Владимира 4-й степени съ бантомъ. Вскорѣ послѣ этого дѣла Кульневъ участвовалъ въ сраженіи при Гейсельбергѣ, а 2-го іюля въ кровопролитной Фриландской битвѣ, въ которой выказалъ всю свою неустрашимость. За подвиги, оказанные имъ въ этихъ двухъ сраженіяхъ, Кульневъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени. Вскорѣ по окончаніи кампаніи 1805 года Кульневу представился новый случай отличиться: былъ рѣшенъ походъ противъ шведовъ и ему, находившемуся въ авангардѣ, поручено было дѣйствовать въ шведской Финляндіи. Такимъ образомъ его содѣйствіемъ были заняты города: Якобштадтъ, Або, Улеборгъ и многіе другіе, за что онъ и былъ награжденъ золотою саблей съ надписью: «за храбрость». Вслѣдъ за тѣмъ его усиліями шведы были вытѣснены изъ кирки Калаюки и деревни Олькіюки, гдѣ непріятель имѣлъ весьма сильную позицію и гдѣ, въ кровопролитной битвѣ, продолжавшейся около 4-хъ часовъ, Кульневъ показалъ примѣръ необычайнаго мужества. За это послѣднее дѣло онъ былъ пожалованъ за отличіе въ полковники.

Во время наступательныхъ движеній, Кульневъ, находясь постоянно въ авангардѣ главной арміи, старался повсюду вредить шведамъ: онъ атаковалъ ихъ корпусъ въ позиціи при Сальмѣ, ни на одинъ день не упускалъ ихъ изъ виду и, наконецъ, значительною побѣдою при Аравайсѣ окончательно разбилъ непріятеля. Въ день сраженія онъ первый вступилъ въ бой, успѣлъ со своимъ авангардомъ прогнать передовыя шведскія войска до главной позиціи и потомъ въ продолженіе всей битвы командовалъ центромъ корпуса графа Каменскаго, подъ начальствомъ котораго состоялъ онъ въ то время. Каменскій приписалъ ему эту побѣду, которая стояла непріятелю большихъ потерь. За отличіе, оказанное въ этомъ сраженіи, Кульневъ награжденъ орденомъ Георгія 3-й степени.

Мужественнымъ содѣйствіемъ храбраго Кульнева, въ скоромъ времени присоединена была къ намъ Вазаская губернія и непріятель, не будучи въ силахъ продолжать войну, просилъ перемирія, по прекращеніи котораго Кульневъ пожалъ новыя лавры. Узнавъ, что непріятель занялъ позицію близъ селенія Калаіоки, онъ выступилъ съ небольшимъ отрядомъ гусаръ противъ цѣлой непріятельской арміи, немедленно атаковалъ ее, заставилъ обратиться въ бѣгство и преслѣдовалъ до самой Калаіокской позиціи. Тутъ Кульневъ былъ встрѣченъ сильною канонадою, былъ контуженъ ядромъ въ ногу, но, не смотря на это, не оставлялъ поля битвы и одержалъ верхъ.

Значительный уронъ, а главное упадокъ духа въ войскѣ принудили шведовъ возобновить переговоры, вслѣдствіе которыхъ были уступлены Россіи города Брагестагтъ, Улеборгъ. Этимъ кончилась кампанія 1808 года и государь, отдавая полную справедливость заслугамъ Кульнева, пожаловалъ его, рескриптомъ 12-го декабря 1808 г., въ генералъ-маіоры.

Въ 1809 году, по открытіи военныхъ дѣйствій, Кульневъ находился въ экспедиціи, предпринятой для занятія Аландскихъ острововъ. Имѣя отъ главнокомандующаго порученіе преслѣдовать непріятеля, онъ переправился черезъ Ботнический заливъ, разбилъ непріятеля и занялъ мѣстечко Гриссольгамъ, послѣ чего возвратился на Аландъ и командовалъ тутъ до самаго заключенія мира. За этотъ славный подвигъ Кульневъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а нижнимъ чиномъ, въ память сего похода, пожалована медаль.

По окончаніи войны со Швеціей, главнокомандующій молдавскою арміею, графъ Каменскій 2-й, вызвалъ Кульнева въ Молдавію. Здѣсь Кульневъ покрылъ себя новою славою: геройски сражался при блокадѣ Силистріи и въ знаменитой битвѣ при Шумлѣ, гдѣ непріятель

имѣлъ весьма сильную позицію и гдѣ Кульневъ одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду и даже загналъ его въ крѣпость. За это ему пожалована пенсія въ 1000 руб. на 12 лѣтъ. Вслѣдъ за этимъ онъ участвовалъ въ сраженіи при Ружуѣ и, наконецъ, при селеніи Ботикъ, гдѣ взялъ въ плѣнъ множество людей, за что получилъ золотую саблю, осмыпанную алмазами съ надписью: «за храбрость».

Въ 1812 году Кульневъ является въ послѣдній разъ на воинскомъ поприщѣ. Получивъ отъ графа Витгенштейна предписаніе не упускать изъ виду непріятеля, расположившагося по ту сторону Двины, онъ переправился черезъ нее, атаковалъ французскую кавалерію и обратилъ ее въ бѣгство, причемъ взялъ въ плѣнъ до 200 рядовыхъ, нѣсколькихъ офицеровъ и генерала Сень-Женье. Вскорѣ послѣ этой побѣды Кульневъ открылъ непріятеля въ селеніи при Клястицахъ, атаковалъ его, заставилъ обратиться въ бѣгство и преслѣдовалъ французовъ на нѣсколько верстъ, отнялъ у нихъ бѣольшую часть обоза, но по причинѣ усталости войскъ и множества плѣнныхъ остановился въ 10-ти верстахъ отъ Клястиць, въ деревнѣ Головшинѣ. На слѣдующій день, 20 іюля, храбрый Кульневъ получилъ подкрѣпленіе, перешелъ черезъ Дриссу и повелъ опять атаку, но, къ несчастію, превосходство непріятельскихъ силъ заставило его снова переправиться черезъ рѣку. Этотъ небольшой успѣхъ непріятеля сильно повліялъ на Кульнева, привыкшаго въ постояннымъ побѣдамъ. Не смотря на жестокую канонаду, онъ сталъ со своимъ полкомъ и частью артиллеріи на берегу Дриссы и всѣми силами препятствовалъ непріятелю переправиться черезъ рѣку... но среди этого мужества роковое ядро поразило героя....

Ядро оторвало ему обѣ ноги и онъ умеръ на мѣстѣ сраженія, умеръ смертью героя, недалеко отъ Люцина, гдѣ протекли первые годы его жизни и гдѣ онъ находился подъ надзоромъ нѣжной матери.

Одною изъ выдающихся чертъ характера Якова Петровича Кульнева была безпредѣльная приверженность его къ вѣрѣ, царю и отечеству. Съ первыхъ лѣтъ своего дѣтства, Кульневъ оправдалъ вполнѣ надежды нѣжно-любимой имъ матери, главною заботою которой было запечатлѣть въ сердцѣ своего сына любовь къ Богу, приверженность къ царю и состраданіе къ ближнимъ. Не смотря на всѣ тягости войны, Кульневъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ простыхъ солдатъ: спалъ на соломѣ, ѣлъ кашницу, ободрялъ ихъ въ уныніи, веселилъ своими шутками и успѣлъ такимъ образомъ приобрести къ себѣ всеобщую любовь и полную довѣренность.

Во время сраженія онъ первый устремлялся въ огонь и послѣдній

оставлялъ поле битвы, былъ постоянно твердъ и никогда не предавался унынію, свойственному только слабымъ. Наконецъ, онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ своей семьи, въ пользу которой обращалъ всё свои доходы, всё милости, которыя получалъ въ воздаяніе за свои славные подвиги, а самъ жилъ однимъ жалованьемъ, въ «надеждѣ», какъ онъ говорилъ, «заслужить у царя кусокъ насущнаго хлѣба на старость, когда не будетъ въ состояніи служить отечеству».

Приводимъ ниже нѣкоторыя выписки изъ собственноручныхъ писемъ Кульнева, которыя всего яснѣе свидѣтельствуютъ о его характерѣ.

Любовь къ отечеству была, какъ я замѣтилъ выше, однимъ изъ великихъ свойствъ благородной души Кульнева: защищая родную страну, онъ почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, бросался часто туда, гдѣ угрожала наибольшая опасность, и почти всегда выходилъ съ честью изъ трудныхъ обстоятельствъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ всё бѣдствіе, нанесенныя Европѣ Наполеономъ, Кульневъ нерѣдко въ своихъ письмахъ изъявлялъ желаніе отрубить ему голову. Такъ, между прочимъ, писалъ онъ къ брату Ивану Петровичу отъ 4-го ноября 1805 года: «у меня изъ головы не выходитъ поймать Бонапарте и принести его голову въ жертву первой красавицѣ; прошу не называть это химерою: заклинаю тебя, это мои чувства». Въ 1807 году онъ подтверждалъ это мнѣніе еще слѣдующими словами: «послѣ Пултусской битвы, о которой тебѣ, конечно, извѣстно, никакого важнаго дѣла съ непріятелемъ не происходило. Говорятъ, что французы ретируются за Вислу; не худо бы было ихъ совершенно утопить въ оной. Экипажъ свой, хотя и большаго стоитъ, но весь поразбросалъ за границу; ничего не взялъ, даже и волоса остригъ, изъ коня часть посылаю тебѣ для памяти, а когда поймаю Бонапарте и отрублю ему голову, то своей изъ волосъ его мнѣ вѣнецъ». Слѣдующее обстоятельство вполнѣ можетъ подтвердить то мнѣніе, что любовь къ отечеству и привязанность къ службѣ Кульнева были безпредѣльны. Проходя черезъ Гродно съ своимъ отрядомъ въ 1812 г., Кульневъ остановился въ этомъ городѣ на нѣкоторое время. Тутъ познакомился онъ съ дѣвицею N, полюбилъ ее и сталъ свататься. Родители молодой дѣвушки согласились на предполагаемый бракъ и Кульневъ былъ обрученъ; свадьбу же располагалъ сыграть по возвращеніи своемъ изъ похода. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, Кульневъ получилъ отъ невѣсты письмо, въ которомъ она упрашивала его выйти въ отставку, если онъ только хочетъ жениться на ней. При всей любви

къ невѣстѣ, онъ отвергъ это предложеніе въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ. (Приводимъ цѣликомъ это письмо).

20-го мая 1812 г., гор. Тельшь.

«Милостивая государыня моя! Въ одно время получилъ я ваши два письма; одно отъ 2-го декабря, а другое отъ 4-го декабря. Они принесли мнѣ величайшее удовольствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ причинили и сильнѣйшую печаль. Я выпишу вамъ самыя разительныя мѣста изъ обоихъ писемъ, и вы увидите имѣю-ли я причину на нихъ жаловаться. Вы начинаете первое письмо ваше сими словами: «я должна забыть васъ!» Причина, побудившая васъ употребить сіе выраженіе, для меня вовсе неизвѣстна. Далѣе вы продолжаете, что «мнѣ остается одно только средство, выйти въ отставку». Слова сіи еще болѣе меня удивляютъ, ибо слыша отъ васъ неоднократно увѣренія въ любви ко мнѣ, я думалъ всегда, что сія любовь, истинная или ложная, ни мало не относится ни къ моей походкѣ, ни къ моему лицу, ниже къ какому либо наружному качеству, но единственно къ занимаемому мною мѣсту и къ славѣ, которую я имѣлъ счастье пріобрѣсти, посему самому я долженъ заключить, что если бы вы любили меня искренно, то вмѣсто того, чтобы побуждать оставить службу, составляющую все мое благоденствіе, вы первая должны бы были побуждать меня не дѣлать сего. Скажу вамъ еще болѣе: сколь ни сильна любовь моя къ вамъ, но привязанность къ отечеству и клятва, которую я далъ самъ себѣ—служить моему государю до послѣдней капли крови, восторжествуютъ надъ всѣми чувствованіями, которыя питалъ я къ вамъ, даже надъ всѣми слабостями, свойственными мушкетѣ. Короче, если отставка есть единственное средство владѣть сердцемъ вашимъ, то объявляю торжественно, что освобождаю васъ отъ даннаго вами слова, и что вы свободны располагать чувствованіями вашими къ кому вамъ заблагоразсудится. Вы заключаете первое письмо ваше, говоря, «что каждое удовольствіе приведетъ вамъ на память тѣ жестокія обстоятельства, для которыхъ вы были принуждены перестать меня любить». На сіе выраженіе я скажу только то, что вы меня никогда искренно не любили и что сія театральная любовь можетъ весьма легко кончиться. Во второмъ письмѣ вы приписываете мнѣ какія-то преступленія, тогда какъ я не могу себя ничѣмъ упрекнуть, кромѣ только того, что излишне любилъ васъ и люблю еще повинѣ. Упреки въ преступленіяхъ заставляютъ меня думать, что вы изыскиваете только предлоги отдать ваше сердце другому и хотите сдѣлать сіе, показывая видъ, что нашли во мнѣ

такія погрѣшности, которыхъ никогда не было. Вы хотите казаться совершенно правою и не заслуживающею упрека, но и для сего отнюдь не нужно меня обвинять. Чувствованія ваши зависятъ единственно отъ васъ; никого нельзя заставить любить себя. Оканчивая письмо мое, повторяю вамъ еще, что ничто на свѣтѣ, даже ни самая любовь, которую къ вамъ питаю, не возможетъ никогда отвратить меня отъ сердечныхъ ощущеній безпредѣльной любви къ отечеству и къ должности моей, и что, поступивъ иначе, я заслуживалъ бы болѣе ваше презрѣнiе, нежели любовь.

Съ величайшею нетерпѣливостію ожидаю рѣшительнаго вашего отвѣта, чтобы знать, что я долженъ дѣлать и на что мнѣ рѣшиться остается. Между тѣмъ, прощайте, любезная и жестокая очаровательница, будьте здоровы и вспоминайте иногда о вѣрномъ вашемъ другѣ Я. Кульневѣ»¹⁾.

Относительно службы Кульневъ былъ строгимъ ея исполнителемъ, не позволялъ себѣ никакихъ отступленій отъ нея, требовалъ того же отъ каждаго солдата и, не смотря на многія неудовольствія и несчастія, которыя приходилось ему претерпѣвать довольно часто, — всегда оставался вѣрнымъ своему долгу.

Помня пословицу: «за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ», Кульневъ утѣшалъ себя ею во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, былъ твердо увѣренъ въ ея истиннѣ и даже ею утѣшалъ своего брата, который во многихъ письмахъ жаловался ему на свою несчастную долю. Вотъ письмо, достойное замѣчанія въ этомъ отношеніи.

22-го іюня 1808 г. На полѣ Марсовомъ²⁾.

«Любезный братъ Иванъ! Скажи, братъ, что ты молчишь, не пишешь ко мнѣ ничего, что наводитъ мнѣ большую тоску; что принадлежитъ до меня, я здоровъ, и благодаря Бога, по сіе время продолжаю счастливо служить противу шведовъ, а 29-го іюня имѣлъ счастье, командуя авангардомъ, побить шведовъ при киркѣ Дерха. Я никакого для себя воздаянія не требую, ибо слишкомъ много награжденъ, но просилъ за тебя графа Вуксгевдена, и вотъ письмо,

¹⁾ Послѣдствія вполнѣ оправдали мнѣніе Кульчева: г-жа N вышла замужъ за другаго.

²⁾ Приписка. Адресъ: Гродненскаго гусарскаго полка полковнику въ арміи, находящемуся въ новопріобрѣтенной Финляндіи, въ Выборгѣ.

которое я о тебѣ писалъ, а буде Богъ даруетъ мнѣ одержать славную побѣду надъ непріателемъ, какъ удавалось мнѣ чрезъ сію зиму, тогда въ замѣну награжденія моего рѣшусь я просить за тебя его сятельство графа Аракчеева, отъ котораго болѣе всѣхъ зависить твоя участь и которой болѣе всѣхъ расположенъ дѣлать по заслугамъ добро, а межъ тѣмъ будь терпѣливъ и не скучай: «за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пронадеетъ», что я испыталъ самъ по себѣ. Какъ можно было быть несчастливѣе службы моей, но, наконецъ, все переимѣнилось и я теперь очень доволенъ участію своею. Гораздо лучше быть меньше награждену по заслугамъ, чѣмъ быть много награждену безъ всякихъ заслугъ. Прощай, дѣлую милую жонку твою и, пожелавъ тебѣ всего лучшаго на свѣтѣ, остаюсь твой вѣрный братъ Яковъ».

Любовь Кульнева къ родственникамъ своимъ и постоянное стремленіе содѣйствовать ихъ благоденствію были отличительными свойствами души его. Всѣ награды за успѣхи своихъ подвиговъ онъ обращалъ въ пользу родныхъ и не одинъ разъ вмѣсто собственнаго награжденія испрашивалъ помощи и покровительства брату своему. Доказательствомъ этому можетъ служить вышеприведенное письмо и еще слѣдующее письмо къ тому же брату:

На погѣ Марсовомъ, 25 го августа 1808 г.

«Любезный братъ Иванъ! По сей день я здоровъ; отвѣту на письмо мое къ графу Буксгевдену никакого не имѣю, но надѣюсь, что будетъ успѣхъ по оному, ибо даровалъ Богъ намъ одержать славныя три побѣды три дни сряду—19, 20 и 21 августа, въ коихъ участвовалъ я, а паче въ первой и послѣдней драгся одинъ авангардъ, конимъ я команду, а потому надѣюсь, что за заслуги мои уважатъ просьбу мою,—но я боюсь, чтобы ты не жалѣлъ послѣ: армейская жизнь для женатаго совсѣмъ не сходна, а паче по слабости здоровья твоего, буде ты не излечился отъ простуды.

«Скажи, пожалуйста, почему ты не пишешь ко мнѣ; адресуй оныя въ Выборгъ или въ новопріобрѣтенную Финляндію, въ городъ Або.

«Изъ дому никакого извѣстія не имѣю, что съ бѣдною старухою нашею происходитъ, и буде Богъ даруетъ намъ миръ, то первое стараніе приложу повидаться съ тобою, я много имѣю о чемъ съ тобою бесѣдовать. Прощай, кланяйся милой жонкѣ твоей, коей цалую ручки.

Пожелавъ вамъ обоимъ всего блага на свѣтѣ, остаюсь навсегда вашъ вѣрный братъ Яковъ ¹⁾.

Наконецъ, слѣдующее обстоятельство можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ благотворительности Якова Петровича. Въ 1809 году братъ его Иванъ Петровичъ лишился супруги своей, которая скончалась послѣ родовъ, разрѣшившись отъ бремени дочерью.

Въ трогательныхъ словахъ увѣдомляетъ онъ нашего героя о понесенной имъ потерѣ и о своемъ несчастномъ положеніи. Случай этотъ горько отозвался въ сердцѣ Кульнева; онъ поразилъ его, какъ величайшее несчастіе, постигшее близкаго его сердцу роднаго. Отличившись при пораженіи непріятельскихъ войскъ подъ Шумлою, Кульневъ получилъ въ награду пенсію въ 1000 руб. на 12 лѣтъ и теперь, желая хотя нѣсколько облегчить участь несчастной сироты, оставленной въ такомъ нѣжномъ возрастѣ безъ материнскаго надзора, онъ даритъ ей въ приданое 12 тысячъ рублей.

«Сердечно радуюсь», писалъ онъ къ брату своему изъ Фокшанъ отъ 23-го декабря, «что могъ тебѣ и любезной моей племянницѣ симъ служить, а ежели Богъ продлитъ дни, то надѣюсь у царя заслужить хлѣбъ насущный». Вотъ чувства, достойныя истинно благородной души!

Къ числу отличительнѣйшихъ свойствъ Я. П. Кульнева должно отнести его примѣрное безкорыстіе. Довольствуясь малымъ, отказывая себѣ почти во всемъ, онъ былъ врагомъ всякаго интереса, снискиваемого какими либо неблагородными путями. «Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ», было его любимую поговорку и, дѣйствительно, Кульневъ строго слѣдовалъ этой пословицѣ, доказательствомъ чему можетъ служить самый образъ его жизни. Вотъ отрывокъ изъ письма его къ брату Иванъ Петровичу, отъ 28-го мая 1799 года: «живи какъ Богъ велитъ, изъ одного жалованья, будетъ съ тебя и того; никто не взыщетъ, что не будешь столовъ давать: эти столы доводятъ до долгу,—денегъ нѣтъ, откуда взять? Посѣтишь казенный ящикъ, повадишься въ оный ходить; вдругъ полкъ сдаешь, всѣ отступятся отъ тебя и ты погибъ на вѣки! Вотъ, любезный братъ, не по карману расходъ до чего доводить!».

Въ продолженіе жизни своей, Яковъ Петровичъ Кульневъ былъ постояннымъ врагомъ всякой нѣги и роскоши.

Не смотря на необыкновенную простоту своего образа жизни и

¹⁾ На оборотѣ: Его превосход. мил. госуд. Ив. Петр Кульневу, Ревельскаго гарнизоннаго полка г. шефу, въ г. Ревель.

на необыкновенную сообщительность съ низшими чинами, Кульневъ умѣлъ, однако, держать подчиненныхъ въ строгомъ повиновеніи. «Я все живу по старому», писалъ онъ къ брату своему Ивану Петровичу, отъ 29-го декабря 1807 года, «сплю на сѣнѣ и ношу одну изодранную и прожженую шинель, а гдѣ долгъ службы требуетъ — тамъ весь въ серебрѣ. Но что касается до вонна, то бѣдность его вѣнчаетъ, содѣлываетъ непобѣдимымъ, страшнымъ и добродѣтельнымъ. Вотъ чему я послѣдую, ибо убожество было первою добродѣтельною римлянъ, побѣдившихъ всю вселенную, но которыхъ, наконецъ, богатство, попавшееся имъ въ руки, развратило».

«Любезный братъ», писалъ онъ отъ 16-го февраля 1808 года, — «каково ты поживаешь, et moi je n'ai personne auprès de moi, excepté les trois serviteurs de la couronne, et je vis à mon ordinaire, c'est à dire à la Don-Quichotte ¹⁾. J'imité le grand guerrier Souvoroff, mais je n'ai point sa fortune, quoique j'ai parvenu d'être surnommé l'écolier de ce grand homme, et c'est assez que je meurs dans la grandeur de la misère romaine.—Ты скажешь это химера,—отнюдь нѣтъ. Желаю тебѣ здравія. Чтеніе Квинта-Курція есть безпрестанное мое упражненіе».

По отношенію къ нижнимъ чинамъ, Кульневъ былъ истиннымъ ихъ отцомъ, ревностно заботился о томъ, что могло только приносить пользу вѣренному ему войску, при чемъ строго наблюдалъ за опрятностью солдатъ и за хорошимъ ихъ содержаніемъ. Считаая эти средства наилучшими для достиженія цѣли, къ которой онъ постоянно стремился—заслужить любовь подчиненныхъ, Кульневъ вполне достигъ того, чего желалъ: по призыву его, всѣ солдаты сходились подъ знамена своего предводителя и мужественно переносили всѣ труды и опасности. Вотъ достойное замѣчанія письмо Кульнева, которое всего яснѣе свидѣтельствуетъ о томъ, какія мѣры принималъ онъ для достиженія своей благородной цѣли.

«Ты теперь, любезный братъ», писалъ онъ къ Ивану Петровичу отъ 28-го мая 1799 года, достигъ до такого званія ²⁾, что въ рукахъ твоихъ состоитъ благополучіе и несчастье всѣхъ твоихъ подчиненныхъ; первое, буде допустить случай, не медля совершай, а послѣднее все отлагай, ибо зло всегда есть время сотворить. Подчиненныхъ своихъ заставь себя любить и почитать, ибо слабость и всякое уцущеніе

¹⁾ Кульневъ очень часто въ письмахъ называетъ себя люцинскимъ Донъ-Кихотомъ. Люцинскимъ потому, что родился въ Люцинѣ.

²⁾ Ивашъ Петровичъ былъ произведенъ въ то время въ генераль-маіоры.

навлечѣмъ тебѣ самому несчастіе. Но это есть способъ безъ содѣланія зла, развѣ только необходимость къ тому понудить. Заставить любить себя не воображай, чтобъ зависѣло отъ истощенія своего кармана, который у насъ совсѣмъ пустъ; но будь справедливъ, знай различать людей, а больше всего знай пренебрегать всякій интересъ, въ противномъ случаѣ—самая пагубная вещь. Всѣ поступающія въ полкъ суммы ни мало не мѣшкай раздавай, равно и все, что только до солдата будетъ принадлежать. Не упущай ничего, дабы въ чемъ нибудь могла пострадать твоя репутація; зло же всему интересъ: берегись его аки яду».

Личная храбрость и неустрашимость были постоянными спутниками Кульнева въ продолженіе всей его жизни. Яковъ Петровичъ строго слѣдовалъ пословицѣ, что «честная смерть лучше безчестной жизни», и не желалъ иначе умереть, какъ на полѣ чести, почитая эту смерть наилучшею изъ смертей. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что Кульневъ во всемъ старался подражать Суворову и даже во многихъ дѣйствіяхъ, а въ особенности въ образѣ жизни, успѣлъ доказать, что вполнѣ достигъ этой цѣли.

21-го іюля 1812 года, на другой день послѣ кончины Якова Петровича, тѣло его было погребено въ шести верстахъ отъ Клястиць, близъ такъ называемаго Сивошина перевоза. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ, поставленъ обелискъ со слѣдующею надписью:

Въ семь мѣстѣ
 Пагъ увѣнчанъ побѣдою
 Храбрый Кульневъ,
 Какъ вѣрный сынъ
 За любезное Отечество
 Сражался.
 Славный конецъ его
 Былъ подобенъ славной жизни:
 Оттоманъ, Сарматъ,
 Галлъ, Германецъ, Шведъ
 Зрѣли его мужество
 И неустрашимость
 На полѣ чести.
 Стой прохожій,
 Кто бы ты ни былъ,
 Гражданинъ или воинъ,
 И почти память его
 Слезою!

Въ 1816 году, по просьбѣ братьевъ, Николая, Михаила и Ивана Петровичей Кульневыхъ, тѣло Кульнева было перевезено съ большою церемоніею въ деревню мужа родной его сестры, барона Николая Павловича Мантейфель-Сей, и поставлено въ часовнѣ домашней церкви. Черезъ нѣсколько времени прахъ Кульнева съ такимъ же почетомъ погребли въ домашней церкви села Ильзенбергъ, принадлежавшаго его родному брату Ивану Петровичу.

Гробница Кульнева: гранитная плита, окруженная желѣзною рѣшеткою, надпись—самая простая: «Въ память храброму, незабвенному Якову Петровичу Кульневу, скончавшемуся 20-го іюля 1812 года.

А. Каликовскій.

20-го мая 1883 года.

С.-Петербургъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кн. Николай Григорьевичъ Щербатовъ.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LII, стр. 228).

Секундантъ князя Зубова, заступившій его мѣсто и смертельно раненный принца Саксонскаго, былъ извѣстнымъ всей Москвѣ князь Николай Григорьевичъ Щербатовъ, отставной генералъ-маіоръ, братъ князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, бывшаго генералъ-губернатора въ Москвѣ въ 1840-хъ годахъ. Самъ князь Николай Григорьевичъ подтвердилъ мнѣ словесно этотъ фактъ.

Графъ Андрей Ростопчинъ.

БОРЬБА КРѢПОСТНЫХЪ СЪ ПОМѢЩИЧЬЕЮ ВЛАСТЮ

въ царствованіе императора Николая ¹⁾.

Изучая роль правительства, общества и литературы въ ходѣ и развитіи крестьянскаго вопроса, слѣдя за постепенною подготовкою паденія крѣпостнаго права, нельзя упускать изъ виду еще одинъ важный факторъ, содѣйствовавшій усиленію мысли о необходимости эмансипаціи, а именно, отношеніе самихъ крестьянъ къ помѣщичьей власти. Если-бы они не выражали протеста противъ крѣпостнаго права и пассивно, и активно—самоубійствами, побѣгами, жалобами на помѣщиковъ, убійствами своихъ господъ и управляющихъ имѣніями, наконецъ, открытымъ неповиновеніемъ помѣщичьей власти въ формѣ болѣе или

¹⁾ Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ эпохи освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе примирительно смотрять у насъ на періодъ существованія крѣпостнаго права; многіе въ печати уже начинаютъ весьма идиллически относиться къ тому времени, и оно является чуть не въ розовомъ свѣтѣ. Не таково, однако, было въ дѣйствительности время крѣпостнаго гнета. Исторія сохраняетъ на своихъ страницахъ несомнѣнныя и многочисленныя свидѣтельства какъ о томъ, что крѣпостное право лежало на Россіи самымъ тяжкимъ ярмомъ, такъ и о томъ, что оно вызывало постоянную борьбу крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью. Эта борьба, въ концѣ концовъ, привела-бы къ самымъ печальнымъ потрясеніямъ всего внутренняго строя нашего отечества, но на престолъ вступилъ императоръ Александръ II и державною волею своею освободилъ Россію отъ путъ крѣпостнаго рабства. Правдивое сказаніе о послѣднемъ періодѣ крѣпостнаго ига особенно сильно выдвигаетъ величіе подвига, совершеннаго 19-го февраля 1861 г. Государемъ-Освободителемъ, и вотъ почему мы съ особымъ удовольствіемъ даемъ мѣсто въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“, въ виду новой годовщины великаго акта освобожденія крестьянъ, вышеназванному очерку изъ обширнаго и многолѣтнаго труда В. И. Семевскаго.

Ред.

менѣе значительныхъ волненій, то крѣпостное право могло-бы, пожалуй, просуществовать и долѣе 1861 г. Но нельзя сказать, чтобы крѣпостное населеніе Россіи пассивно сносило тяготѣвшій надъ нимъ гнетъ. Правда, волненія крѣпостныхъ крестьянъ далеко не достигали въ царствованіе имп. Николая такихъ серьезныхъ размѣровъ, какъ во время Пугачевщины — ежегодно проявляясь во многихъ губерніяхъ, они почти всегда оставались совершенно разрозненными попытками, — тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ волненіямъ и инымъ формамъ протеста крѣпостныхъ, призракъ Пугачевщины вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства и, какъ грозное *memento mori*, напоминалъ о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ интересахъ самихъ помѣщиковъ.

I.

Жалобы на помѣщиковъ и вызываемыя ими разслѣдованія.

Жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ были, въ царствованіе императора Николая, попрежнему воспрещены и за принесеніе такой жалобы они, на основаніи уложенія о наказаніяхъ 1845 г., подвергались тѣлесному наказанію. Несмотря на это, до министерства внутреннихъ дѣлъ, а нерѣдко и до государя, ежегодно доходило извѣстное количество такихъ жалобъ. Такъ, въ 1828 г. жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ и управляющихъ имѣніями поступили въ министерство внутреннихъ дѣлъ изъ 7 губерній, въ 1831 г. изъ 6. Въ 1836 — 1839 и 1841 гг. были жалобы помѣщичьихъ крестьянъ и на имя государя, и въ министерство внутреннихъ дѣлъ: важнѣйшія изъ нихъ, въ 1836 и 1839 гг., были отъ жителей владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ и заключали въ себѣ указанія на разныя притѣсненія и обремененія излишними сборами. Въ 1840 г. въ министерство поступило отъ помѣщичьихъ крестьянъ только 3 жалобы, въ 1842 г. въ министерство 7, а всеподданнѣйшихъ 8. Въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1842 г. указано, что въ этотъ годъ до мѣстныхъ властей дошло значительное число жалобъ крестьянъ на

обременительность оброча и барщины, жестокое обращеніе и недостатокъ продовольствія, но, „по строгому изслѣдованію“, жалобы эти оказывались „неосновательными“; по словамъ министра, „означенныя неосновательныя жалобы на помѣщиковъ приносились преимущественно крестьянами Смоленской губерніи, и замѣчательно, что для сего они являлись тамъ каждый разъ толпами отъ 15 до 40 человѣкъ въ губернской городъ къ самому губернатору“. Въ 1844 г., по свидѣтельству историка министерства внутреннихъ дѣлъ ¹⁾, поступило „очень много жалобъ отъ крестьянъ (помѣщичьихъ) въ министерство и нѣсколько всеподданныхѣйшихъ“ (онъ ссылается при этомъ на 46 дѣлъ министерства относительно жалобъ перваго разряда и 5 дѣлъ втораго разряда). Въ слѣдующемъ году онъ опять отмѣчаетъ: „поступило очень много жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ и управлявшихъ имѣніями“ (44 дѣла) и „3 всеподданныхѣйшія“; въ 1846 г. „чрезвычайно много жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ и управлявшихъ ихъ имѣніями въ министерство“ (35 дѣлъ) „и одна всеподданныхѣйшая“; въ слѣдующемъ году опять рѣчь идетъ о „многочисленныхъ жалобахъ“ въ министерство и государю (43 дѣла перваго разряда и 2 втораго). Въ 1848 г.—„много“ жалобъ отъ крестьянъ въ министерство (32 дѣла) и 4 государю; въ слѣдующемъ году „жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ поступило въ министерство опять очень много“ (30 дѣлъ). Въ 1851 г. „жалобъ на помѣщиковъ и управлявшихъ имѣніями поступило снова много“ (40 дѣлъ) и 2 поданы самому государю. Особенно значительное количество жалобъ подавали крестьяне Смоленской губерніи, преимущественно мѣстнымъ властямъ, что обратило вниманіе высшаго правительства и имѣло слѣдствіемъ распоряженіе министерства по этому предмету. Въ слѣдующемъ году „жалобъ отъ крестьянъ государю подано около 20, а въ министерство болѣе 40“ (14 дѣлъ перваго разряда и 31 втораго). Въ 1854 г. „поступали, какъ и прежде, но въ меньшемъ количествѣ, жалобы отъ крестьянъ на помѣщиковъ въ министерство“ (18 дѣлъ) „и всеподданныхѣйшія“ (2 дѣла).

Жалобы крестьянъ и другія формы ихъ протеста противъ вѣршестнаго права вызывали разслѣдованія со стороны прави-

¹⁾ Варадиновъ. „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“.

тельства и наложеніе опеки на помѣщиковъ, повинныхъ въ жестокостяхъ или раззореніи своихъ крѣпостныхъ. Рескриптами государя министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому въ іюніѣ и сентябрѣ 1826 г. на уѣздныхъ предводителей дворянства была возложена обязанность „навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства объ обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами“, а земскимъ исправникамъ было предписано сообщать уѣзднымъ предводителямъ дворянства о всѣхъ случаяхъ злоупотребленія помѣщичьею властью. Предводители дворянства обязывались въ подобныхъ случаяхъ удостовѣряться частнымъ образомъ въ правильности донесеній исправника, потому дѣлать помѣщикамъ внушенія, чтобы они измѣнили обращеніе съ крестьянами и если эти внушенія не увѣнчаются успѣхомъ, то доносить вышнему начальству для дальнѣйшихъ распоряженій. Въ 1826 г. было взято въ опекуновское управленіе по одному имѣнію въ 3 губерніяхъ, въ 1827 г. „злоупотребленія помѣщичьею властью преслѣдовались“ въ 3 губерніяхъ; въ слѣдующемъ году по тому же поводу были сдѣланы разслѣдованія въ 6 губерніяхъ, въ 1830 г. въ 3, въ 1831—въ 4 губерніяхъ, въ 1832 — въ 3, въ 1833—въ 2 имѣніяхъ Калужской губерніи. Въ 1838 г. всего въ опекѣ состояло 140 дворянскихъ имѣній за жестокое обращеніе ихъ владѣльцевъ съ крѣпостными (и кромѣ того 63 такихъ же имѣнія за расточительность, распутство и мотовство). Въ 1840 г. состояло въ опекуновскомъ управленіи, за жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, 159 имѣній. Въ этомъ же году министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о непомерно жестокоемъ обращеніи съ крестьянами, въ продолженіе 25 лѣтъ, помѣщика Климовецкаго уѣзда, Свадковскаго, который и былъ ими убитъ, причемъ министръ приписывалъ это событіе совершенному невниманію въ своимъ обязанностямъ или послабленію и потворству мѣстныхъ властей; по этому поводу, по повелѣнію государя, былъ сдѣланъ строгій выговоръ могилевскому гражданскому губернатору, тамошнему губернскому и климовецкому уѣздному предводителю дворянства, а военно-уѣздный начальникъ, земскій исправникъ и становой приставъ были преданы уголовному суду. О взысканіи этомъ было дано знать всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства съ подтвержденіемъ „имѣть болѣе бдительное наблюденіе

за образомъ управленія помѣщиками ихъ крестьянъ“. Результатомъ этой мѣры было то, что въ 1841 г. разслѣдованіе относительно злоупотребленій помѣщичьей властью было произведено въ 13 губерніяхъ (18 случаевъ) и о взятіи имѣній въ опеку дѣла производились въ 6 губерніяхъ. Однако, довольно многочисленные случаи убійствъ крѣпостными помѣщиками и управляющихъ и покушенія на ихъ жизнь обратили вниманіе администраціи и, по словамъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1842 г., вызвали необходимость „приводить въ извѣстность.... побудительныя причины, особенно въ томъ отношеніи, не происходятъ ли онѣ отъ злоупотребленія помѣщичьей властью и не допускается ли въ семъ послѣднемъ случаѣ послабленіе помѣщикамъ со стороны мѣстнаго начальства“. Поэтому, независимо отъ производства полиціей слѣдствій объ убійствѣ помѣщиковъ ихъ крѣпостными, государь повелѣлъ, чтобъ въ такихъ случаяхъ каждый разъ было производимо особое разысканіе мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ штабъ-офицеромъ для дознанія побудительныхъ причинъ этихъ преступленій, и чтобы слѣдствія препровождались на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Но, по словамъ министра, „прежде еще означеннаго распоряженія, по доходившимъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, видно было, что примѣры жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами.... встрѣчались весьма не рѣдко, и что нѣкоторые предводители дворянства или вовсе не имѣли свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ сего рода, или не принимали противу оныхъ заблаговременно мѣръ, кои въ подробности указаны въ высочайшихъ рескриптахъ отъ 26 іюня и 6 сентября 1826 г.“. Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ вновь напечатало эти секретныя рескрипты и разослало ихъ во всѣмъ предводителямъ дворянства съ строгимъ подтвержденіемъ исполнять изложенныя въ нихъ правила. Мѣра эта, по мнѣнію министра, имѣла желаемое дѣйствіе, и предводители дворянства, обративъ болѣе строгое вниманіе на помѣщиковъ, „начали чаще и благовременнѣе предлагать о необходимости наложенія опеки на имѣнія ихъ и доводить вообще до свѣдѣнія правительства о поступкахъ ихъ съ крестьянами, въ огражденіе себя... отъ отвѣтственности“. Въ 1843 г. производились дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей властью въ 20 губер-

ніяхъ (26 дѣлъ) и о наложеніи опеки въ 5 губерніяхъ; въ 1845 г. злоупотребленія помѣщичьею властью разслѣдовались въ 14 губерніяхъ (27 случаевъ) и имѣнія взяты въ опеку въ 5 губерніяхъ (6 имѣній). Въ 1847 г. 4-мъ предводителямъ дворянства, которые допустили помѣщиковъ до злоупотребленій или не донесли о нихъ, сдѣланы отъ имени государя строгіе выговоры, а 3 предводителя дворянства и 2 наиболѣе виновныхъ помѣщика преданы уголовному суду, о чемъ было доведено до свѣдѣнія всѣхъ предводителей дворянства. Въ 1851 г. обнаружено 12 случаевъ злоупотребленія помѣщичьею властью, и имѣнія этихъ помѣщиковъ взяты въ опеку, а сами они преданы суду. Всего въ этомъ году состояло въ опекуномъ управленіи 200 имѣній за злоупотребленія помѣщичьею властью ¹⁾, а въ 1852—53 гг.—193 имѣнія съ населеніемъ 14,054 д. м. п. Такимъ образомъ, число имѣній, взятыхъ въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами, значительно увеличилось съ 1838 г., когда ихъ было 140.

Мы видѣли выше, что правительству приходилось не разъ дѣлать выговоры предводителямъ дворянства и даже отдавать ихъ подъ судъ за недостаточно внимательное наблюденіе надъ отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Бывали случаи, когда между центральною или мѣстною администраціею и тѣмъ или другимъ предводителемъ дворянства возникали пререканія по этому поводу. Вотъ что мы узнаемъ, напримѣръ, изъ неизданныхъ записокъ тульского губернскаго предводителя дворянства, Мяснова, за сообщеніе которыхъ мы приносимъ искреннюю благодарность редакціи „Русской Старины“.

Въ 1846 г. въ Черномъ уѣздѣ, Тульской губерніи, помѣщикъ Трубицынъ, семидесятилѣтній старикъ, по выраженію Мяснова: „самыхъ старинныхъ феодальныхъ понятій“, вслѣдствіе случившагося въ его имѣніи воровства, употребилъ пытку надъ подозрѣваемыми имъ людьми. Обстоятельство это черезъ Третье Отдѣленіе дошло до свѣдѣнія государя, и Императоръ Николай

¹⁾ Изъ нихъ въ Костромской 15, въ Смоленской 13, Полтавской и Владимирской по 11, Тамбовской 10, въ Виленской и Московской по 8, Петербургской, Тверской и Черниговской по 7, Волинской, Курской, Новгородской, Саратовской и Ярославской по 6, Кіевской, Минской и Сибирской по 5 и пр.

повелѣлъ: помѣщика Трубицына предать военному суду, чернскаго уѣзднаго предводителя—уголовному, а губернскому предводителю (Мяснову) сдѣлать строгій выговоръ. Отъ себя министр внутреннихъ дѣлъ подтвердилъ предводителямъ дворянства, чтобы они неослабно наблюдали за обращеніемъ помѣщиковъ съ крѣпостными, и приэтомъ прибавилъ, что онъ поставилъ правиломъ тогда только считать предводителей виновными, когда до нихъ доходили жалобы отъ крѣпостныхъ на помѣщиковъ, но они не принимали никакихъ дѣятельныхъ мѣръ. Доводя до свѣдѣнія предводителей предписаніе министра, Мясновъ позволилъ себѣ комментировать его секретнымъ циркулярнымъ отношеніемъ, въ которомъ просилъ предводителей „никогда ни словесныхъ, ни письменныхъ жалобъ отъ людей на помѣщиковъ отнюдь не принимать, ибо таковыя жалобы, очень рѣдко основательныя, могутъ только распространять въ народѣ неуваженіе къ законнымъ властямъ и въ то же время укоренять и потворствовать врожденной ихъ лѣности. Въ предупрежденіе же событій, подобныхъ настоящему, равно какъ и отягощенія крѣпостныхъ людей“, продолжалъ Мясновъ, обращаясь къ предводителямъ, „вамъ, милостивый государь, какъ хозяину въ уѣздѣ, помѣщики и быть ихъ должны быть извѣстны, и если у кого изнуряются крестьяне несоразмѣрными работами при непропорціональныхъ запашкахъ или различными денежными штрафами за малозначительныя упущенія, такъ что у цѣлыхъ семействъ нѣтъ ни овцы, ни курицы, и ветхое жилище, и огорожа двора едва держится, таковыхъ помѣщиковъ (вамъ извѣстныхъ) не оставляйте, на основаніи высочайшаго рескрипта дѣйств. тайн. сов. Ланскому, въ руководство у васъ находящагося, неукоснительно призывать въ себѣ секретно отъ всѣхъ и внушать имъ должное съ подданными обращеніе, поступая дальнѣйше по указанію того же рескрипта“. Циркуляръ этотъ Мясновъ довелъ и до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, причемъ въ письмѣ къ нему писалъ: „Я долгомъ почитаю донести въ откровенности, что мѣры, принимаемыя правительствомъ въ огражденіе личности крѣпостныхъ людей, поставляютъ предводителей въ совершенно фальшивое положеніе: г. Трубицынъ, составляющій рѣдкое исключеніе въ губерніи нашей, по мнѣнію моему, поступками своими ничего не доказываетъ противъ помѣщичьихъ правъ.

Г. Трубицынъ равно преслѣдовалъ свою мать, сестеръ и кого попало; уголовныя дѣла о немъ продолжаются и восходили до правительствующаго сената въ теченіи болѣе 16 лѣтъ; то въ сферѣ ли предводительскихъ обязанностей наблюденіе за такимъ господиномъ? Что же касается до общаго дѣла, то я убѣжденъ, что власть помѣщичья, составляя самое надежное орудіе государственной полиціи., будетъ необходима даже при свободномъ состояніи крестьянъ. Чадолубивая мать бываетъ вынуждена наказывать своихъ дѣтей,—есть ли средство опредѣлить для нея закономъ мѣру наказанія? Народъ нашъ еще не созрѣлъ до чувствованія законности и справедливости, и я думаю, что въ настоящее время защита помѣщичьей власти по самому человѣколюбію болѣе полезна (!) нежели защищеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ индивидуаловъ (sic) отъ притѣсненій и истязаній, тоже рѣдкихъ въ нынѣшнее время, помѣщиковъ, подобныхъ Трубицыну.—„У меня въ рукахъ теперь“, продолжаетъ Мясновъ, „множество дѣлъ по жалобамъ людей и крестьянъ: жалуются на земскую полицію, которая, по ихъ мнѣнію, напрасно ихъ наказала, жалуются на опекуновъ, а опекуны суть уже чиновники, и просятъ ихъ смѣнить; почему послѣ этого не ожидать требованій перемѣны исправниковъ, губернаторовъ, министровъ? и куда поведутъ жалобы неразумнаго народа, часто оставляющаго полевныя работы въ самое не терпящее время и шатающагося большими партіями по уѣзднымъ и губернскимъ городамъ съ просьбами, написанными безыменными ябедниками за штофъ вина!“ Въ заключеніе письма къ министру Мясновъ говоритъ: „на основаніи этихъ личныхъ моихъ убѣжденій я осмѣлился... нѣсколько уклониться отъ смысла предписанія вашего“.

Перовскій отвѣчалъ на это письмо и прежде всего замѣтилъ, что „случай, о коихъ идетъ рѣчь въ настоящей перепискѣ., въ сожалѣнію, въ общей сложности по имперіи не всѣмъ рѣдкі“, и что, какъ видно изъ циркуляра самого Мяснова, встрѣчаются помѣщики, разоряющіе крестьянъ. Затѣмъ Перовскій продолжаетъ: „Противъ правъ помѣщиковъ и законной власти ихъ поступки г. Трубицына, конечно, ничего не доказываютъ, и о нарушеніи или стѣсненіи ихъ доселѣ не было и рѣчи; но помянутые поступки доказываютъ, что власть и права

эти могутъ быть употреблены во зло, и въ такихъ случаяхъ правительство обязано вмѣшаться такъ же точно, какъ оно вмѣшивается, если родительская власть... бываетъ употреблена во зло. Посему я и не могу согласиться на то, чтобы защита помѣщичьей власти была полезнѣе защиты правъ личности крестьянъ; я полагаю, что то и другое одинаково необходимо, и что соблюденіе одного нисколько не нарушаетъ другаго: власть и право остаются неприкосновенными, но злоупотребленія не должны быть терпимы⁴.

Основываясь на словахъ министра, что „поступки Трубицына ничего не доказываютъ противъ помѣщичьей власти“, Мясновъ сталъ ходатайствовать за преданнаго уголовному суду чернскаго уѣднаго предводителя, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: министръ далъ знать, что государь повелѣлъ „мѣру виновности предводителя чернскаго обсудить въ тульскомъ депутатскомъ собраніи“. Если такъ усердно защищаль помѣщичью власть Мясновъ, который участвовалъ въ составленіи проекта тульскихъ дворянъ 1844—47 гг. относительно освобожденія крѣпостныхъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что извѣстный крѣпостникъ, смоленскій губернский предводитель дворянства вв. Друцкой-Соколинскій, былъ въ высшей степени раздраженъ защитою, которую оказывалъ смоленскій губернаторъ помѣщичьимъ крестьянамъ этой мѣстности. (См. ниже).

II.

Побѣги крѣпостныхъ.

Между тѣмъ какъ одни крѣпостные пытались улучшить свое печальное положеніе посредствомъ жалобъ начальству, другіе предпочитали спастись бѣгствомъ отъ помѣщичьей власти. Крѣпостные крестьяне бѣжали въ значительномъ количествѣ въ Новороссію, Бессарабію и Закубанскія провинціи, и правительство оставляло на мѣстѣ бѣглыхъ, поселившихся тамъ до извѣстнаго срока, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ опредѣленною суммою. Это, въ свою очередь, могло вызывать новые побѣги. Въ 1832 году обнаружилось бѣгство крестьянъ, въ значительномъ количествѣ, изъ Саратовской губерніи и Земли Войска Донскаго на

Кавказскую линію, вслѣдствіе распространившихся слуховъ, будто правительство разрѣшаетъ всѣмъ сословіямъ переходить на жительство въ Кавказскую область для поступленія въ тамошнія казацкія общества. Вѣроятно, слухи эти были вызваны разрѣшеніемъ въ 1832 г., для болѣе успѣшнаго заселенія сѣверовосточныхъ береговъ Чернаго моря, водворять въ этотъ край людей, приходящихъ туда безъ надлежащихъ видовъ; хотя впоследствии такое дозволеніе было отмѣнено, но многіе бѣглецы успѣли приписаться въ окрестностяхъ Анапы, и слухи о томъ манили къ побѣгамъ другихъ крестьянъ. Такъ, въ 1834 г., въ Воронежской губерніи, нѣкоторые помѣщичьи крестьяне вслѣдствіе слуховъ, будто сдѣланъ вызовъ на поселеніе возлѣ Анапы, бросились туда цѣлыми партиями, но были остановлены и водворены на старомъ мѣстѣ. Однако, черезъ три года движеніе возобновилось. Весною 1837 г. нѣкоторые крестьяне, успѣвшіе приписаться въ окрестностяхъ Анапы, явились въ мѣста прежняго жительства, т. е. во внутреннія губерніи Россіи, и особенно въ Воронежскую, и стали подговаривать тамошнихъ крестьянъ переселиться въ Анапу. Вслѣдствіе этого многіе крѣпостные крестьяне пожелали припискою за Кубанью освободиться отъ помѣщичьей власти, и начались побѣги и беспорядки, угрожавшіе раззореніемъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Правительство нашло нужнымъ принять строгія и рѣшительныя мѣры: крестьянамъ было объявлено, что приписка въ Анапѣ бродягъ окончательно воспрещена; явившіеся оттуда поселенцы, для подговора крестьянъ къ побѣгу, были задержаны и строго наказаны; крестьянамъ, водворившимся близъ Анапы, воспрещены были оттуда всякія отлучки, и, наконецъ, помѣщичьи крестьяне, уже бѣжавшіе въ значительномъ количествѣ, были остановлены и возвращены на прежнія мѣста. Для этого, между прочимъ, былъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ въ Землю Войска Донскаго флигель-адъютантъ гр. Орловъ-Денисовъ и учреждена на границахъ войсковая стража изъ казачьихъ командъ. Изъ бѣжавшихъ было задержано въ Землѣ Войска Донскаго однихъ воронежскихъ крестьянъ около 900, а въ Черноморіи около 250, а также возвращены на прежнее мѣсто жительства зашедшіе прежде на Кубань, но не успѣвшіе тамъ водвориться бѣглецы помѣщичьи крестьяне, а за водворенныхъ уже было назначено выдавать владѣльцамъ опредѣленное вознагражденіе.

Въ 1839 г. дворянство Херсонской губерніи ходатайствовало о принятіи мѣръ для предупрежденія побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ этой губерніи въ Бессарабію, происходящихъ, по мнѣнію дворянства, оттого, что бродяги находятъ возможность приписываться во многихъ городахъ и казенныхъ селеніяхъ Бессарабіи и, отыскавъ такимъ образомъ для себя пріютъ, являются тайно въ имѣнія своихъ прежнихъ помѣщиковъ и выводятъ оттуда свои семейства, стараясь привлечь въ мѣста новаго поселенія и другихъ товарищей. Вслѣдствіе этого былъ изданъ указъ о задержаніи бѣглецовъ, являющихся на прежнее мѣсто жительства для подговора другихъ крестьянъ къ побѣгу, о наказаніи ихъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они подговаривали крестьянъ, и затѣмъ отдачѣ ихъ въ солдаты, въ арестантскія роты, или къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Въ 1840 г. обнаружилось, что значительное число бѣжавшихъ изъ пограничныхъ помѣщичьихъ имѣній Подольской и Волынской губерній крестьянъ укрываются съ давняго времени въ Галиціи и, часто являясь оттуда въ прежнія мѣста жительства, подговариваютъ и увлекаютъ къ побѣгу свои семейства и другихъ крестьянъ той же вотчины. По этому поводу правительство наше вошло въ сношеніе съ австрійскимъ, вслѣдствіе чего большая часть бѣглыхъ была возвращена въ Россію, и вмѣстѣ съ тѣмъ австрійское правительство предписало, чтобы безпаспортные русскіе подданные ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы и терпимы въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Въ 1841 году обнаружались значительные побѣги помѣщичьихъ крестьянъ изъ Бѣлицкаго уѣзда Могилевской губерніи. Обманутые молвою о томъ, будто изданъ манифестъ о дарованіи свободы и надѣленіи землею тѣхъ крѣпостныхъ, которые явятся въ Новороссійскій край, Бессарабію или Молдавію, крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ названнаго уѣзда вдругъ начали покидать свои жилища и съ семействами и всѣмъ движимымъ имуществомъ толпами уходить въ южный край. Принятыми правительствомъ мѣрами это движеніе было остановлено и бѣжавшіе, число которыхъ доходило до 1.000 душъ обоого пола, почти всѣ возвращены или возвратились сами въ свои дома. Для открытія виновныхъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ была учреждена особая слѣдственная коммиссія, и государь повелѣлъ виновныхъ въ подговорѣ крестьянъ къ побѣгу предавать

военному суду. Подобные побѣги возникали въ томъ же году и въ губерніяхъ: Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Кіевской и Подольской, однако, въ меньшей степени, чѣмъ въ Могилевской; число бѣжавшихъ изъ первыхъ двухъ губерній доходило до 200—250. Поводъ къ бѣгству былъ тотъ же, но въ Екатеринославской губерніи администрація додумалась и до истинной причины: стѣсненное положеніе и отягощеніе крестьянъ нѣкоторыми владѣльцами. Бѣглецы были задержаны на пути.

Въ 1845 году въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи и въ нѣкоторыхъ округахъ Земли Войска Донскаго опять распространились слухи о свободной припискѣ бѣглецовъ на Кавказской линіи и въ крѣпости Анапѣ. Главнымъ распространителемъ этихъ слуховъ былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, который, выдавая себя за казака, объявлялъ крестьянамъ, что онъ присланъ отъ правительства отпускать ихъ на волю и что у него есть на то царскій указъ, на основаніи котораго они, прибывъ на Кавказъ, немедленно получать по парѣ воловъ, по двѣ коровы, по 100 руб. сер. и земли въ волю. Помѣщичьи крестьяне названныхъ мѣстностей цѣлыми толпами устремились на Кавказскую линію, оставя свои семейства и имущества; но большая часть бѣглецовъ была задержана на дорогѣ и водворена на прежнемъ мѣстѣ жительства, а многіе возвратились сами.

Въ 1847 году, также вслѣдствіе желанія освободиться отъ помѣщичьей власти, возникли побѣги крестьянъ въ Саратовской, Курской и Воронежской губерніяхъ, а поводомъ къ этому послужили опять ложные слухи. Въ январѣ 1847 г. было обнародовано высочайше утвержденное положеніе о заселеніи сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, на основаніи котораго приглашались селиться въ этомъ краѣ люди свободныхъ состояній съ предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ. Это вызвало толки, что правительство приглашаетъ помѣщичьихъ крестьянъ селиться на Кавказѣ съ предоставленіемъ имъ тамъ свободы и земель. Многіе изъ крѣпостныхъ названныхъ трехъ губерній продали за безцѣнокъ свое имущество и цѣлыми семействами, а въ иныхъ мѣстахъ даже цѣлыми селеніями, отправились на Кавказъ. Такимъ образомъ изъ трехъ губерній бѣжало до 1,300 человекъ, но изъ числа ихъ было скоро задержано на пути болѣе 900, а вслѣдъ затѣмъ около 100 человекъ сами возвратились на прежнія.

мѣста. Это остановило другихъ, особенно въ Курской губерніи, гдѣ крестьяне приготовились къ побѣгу изъ 46 помѣщичьихъ имѣній съ населеніемъ до 20,000 душъ. Въ Курской губерніи бѣжавшіе крестьяне, при задержаніи ихъ воинскою командою, оказали сильное упорство, даже выхватили ружья у солдатъ и перевязали полицейскихъ чиновниковъ, но вскорѣ были усмирены. При этомъ было найдено и арестовано 26 распространителей ложныхъ слуховъ и 11 человекъ, выдававшихъ крестьянамъ за деньги фальшивые паспорта. Въ Воронежской губерніи были, по примѣру прежнихъ лѣтъ, найдены бѣжавшіе оттуда и водворенные въ окрестностяхъ Анапы помѣщичьи крестьяне, которые, имѣя законные виды отъ анапскаго правленія и оставаясь у родственниковъ или знакомыхъ, распускали слухи о правѣ крестьянъ переселяться въ окрестности Анапы и о многихъ льготахъ, ожидающихъ тамъ поселенцевъ. Въ виду этого сдѣлано было распоряженіе, чтобы бѣглецамъ, которые, на основаніи прежняго постановленія, водворились за Кубанью и вообще по Черноморской береговой линіи, отнюдь не были выдаваемы виды для отлучки во внутреннія губерніи.

III.

Поджоги. — Насилія надъ помѣщиками. — Покушенія на жизнь и убійства помѣщиковъ и управляющихъ.

Такъ какъ жалобы крѣпостныхъ рѣдко приводили къ улучшенію ихъ печальнаго положенія, то они прибѣгали въ инымъ формамъ протеста противъ гнетущей ихъ власти. Таковы были, во первыхъ, поджоги. Изучая статистику сосланныхъ въ Сибирь за это преступленіе съ 1838 по 1847 г., С. В. Максимовъ замѣтилъ, что чаще другихъ поджоги случались въ тѣхъ губерніяхъ, которыя были гуще населены крѣпостными и могли быть названы по преимуществу помѣщичьими. Напротивъ, почти вовсе не оказывалось ссылаемыхъ за поджогъ въ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой), гдѣ не было или почти не было крѣпостнаго права, и въ тѣхъ, гдѣ избытокъ населенія принадлежалъ

казеннымъ крестьянамъ, казакамъ или инородцамъ ¹⁾). Кромѣ мести притѣснителямъ, поджигатели руководились при этомъ иногда и желаніемъ облегчить себѣ, такимъ образомъ, достиженіе свободы на основаніи весьма оригинальныхъ соображеній: такъ, въ 1845 г., въ Костромской губерніи, 14-ти лѣтняя дворовая дѣвушка, вмѣстѣ со своею матерью, подошла къ свотный дворъ и другія принадлежащія имъ помѣщику строенія въ надеждѣ, что когда онѣ выжгутъ усадьбу, то ихъ госпожи, нуждаясь въ деньгахъ, отпустятъ ихъ на волю за умѣренную плату.

Раздраженіе крѣпостныхъ противъ ихъ господъ выразалось иногда и тѣмъ, что, бросаясь на нихъ, они наносили имъ раны или просто колотили ихъ. Иногда и въ этихъ случаяхъ главнымъ побужденіемъ было непреодолимое стремленіе къ свободѣ: такъ въ 1841 г., въ Клиновомъ уѣздѣ Московской губерніи, помѣщикъ Смирновъ былъ избитъ своими дворовыми, „которые домогались отъ него подъ клятвою отпуска ихъ на волю“. Иногда мщеніе крестьянъ выражалось въ формѣ для помѣщиковъ особенно оскорбительной, а именно, крѣпостные подвергали ихъ тѣлесному наказанію. До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло нѣсколько такихъ случаевъ: такъ, въ 1840 г., крестьяне Новгородской губерніи высѣкли батогами своего владѣльца, помѣщика Головина. Въ 1843 г. дворовые капитана Шлихтинга высѣкли своего господина розгами, заставивъ его притомъ дать подписку объ отпускѣ ихъ всѣхъ на волю. Въ 1848 г. трое дворовыхъ пензенской помѣщичьей кн. Еникѣевой, придя въ комнату ея мужа, нанесли ему около 20 ударовъ арапникомъ, въ чемъ сами сознались, добровольно явись въ полицію и объяснивъ, что причиною этого было жестокое обращеніе съ ними кн. Еникѣева, и просили отдать ихъ въ военную службу. По той же причинѣ четверо дворовыхъ малоархангельскаго помѣщика Аватова высѣкли ремennemъ арапникомъ своего господина и также добровольно заявили объ этомъ жандармскому штабъ-офицеру. Около этого времени такой же неприятный казусъ случился съ однимъ лицомъ, весьма виднымъ по своему богатству и служебному положенію. Вотъ что гласятъ объ этомъ официальные источники: „Во время бытности пол-

¹⁾ „Сибирь и ваторга“, ч. II, стр. 188.

тавскаго помѣщика, камергера и статскаго совѣтника Базилевскаго въ своемъ имѣніи въ Хорольскомъ уѣздѣ, шестеро крестьянъ его ночью вошли въ его комнату и высѣкли его розгами, вынудивъ дать имъ клятву и росписку, что онъ мститъ имъ не будетъ. Пронсшествіе это сдѣлалось, однако, гласнымъ, почему и назначено было о немъ, независимо отъ полицейскаго, особое слѣдствіе чрезъ предводителя дворянства и жандармскаго штабъ-офицера. При допросахъ преступники показали, что они ожесточены были на своего владѣльца за строгія наказанія ихъ за малые проступки и даже безвинно, почему и условились наказать его. Однако-жъ, по слѣдствію жестокое обращеніе Базилевскаго съ крѣпостными людьми не подтвердилось“. Зная подкупность тогдашней администраціи, мы можемъ не придавать значенія послѣднему заявленію: крестьянамъ, высѣвшимъ господина, предстоило за это слишкомъ тяжелое наказаніе, чтобы они стали жертвовать собою изъ-за пустяка. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ-же казусѣ одинъ современникъ, которому не было надобности скрывать истину: „Переѣзжая С.-Готаръ, я взялъ въ одной гостинницѣ трактирную книгу; въ ней большими буквами стояла русская фамилія. Подъ нею другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по-французски: „Тотъ самый, котораго дворовые высѣкли“. Эта неприятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и негодяемъ. Въ 1850 г. онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи. Крестьяне и дворовые, выведенные изъ терпѣнія, рѣшились проучить его. Они его высѣкли и взяли... росписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ, казалось, присмирѣлъ, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодого малюга, оказавшагося особенно усерднымъ во время наказанія. Когда рекруту забрили лобъ, онъ сказалъ предсѣдателю; что баринъ его отдалъ въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ, въ удостовѣреніе чего рекрутъ вытащилъ изъ-за пазухи камергерскую записку. Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить рекрута, ни даже продать росписку камергеру. Они сгоряча представили „казусъ сей“ на усмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ. Но и тотъ призадумался: случай о сѣченыхъ камергерахъ рѣшительно

не былъ предвидѣнъ Сводомъ Законовъ. Министръ доложилъ государю“. Камергера терпѣли на службѣ, „пова онъ съѣлъ“, но выгнали изъ нея „за то, что его съѣли. Москвичи, ѣздившіе къ нему толпами на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго приказа“.

До свѣдѣнія минн. внутр. дѣлъ не дошло ни одного случая тѣлеснаго наказанія помѣщиковъ въ послѣднія пять лѣтъ царствованія имп. Николая, но что имъ приходилось тогда не разъ подвергаться такимъ неприятностямъ, доказываетъ свидѣтельство Ю. Самарина въ его запискѣ „О крѣпостномъ состояніи“, составленной въ 1854—56 гг. „По частнымъ, но достовѣрнымъ, свѣдѣніямъ“, говоритъ авторъ, „въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти“.

Покушеній на убійство помѣщиковъ и помѣщицъ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1836—54 гг. было 75. Въ 1837 г. не было ни одного покушенія, а въ остальные 18 лѣтъ ихъ количество колебалось ежегодно между 1 и 7; въ среднемъ же равнялось 4 покушеніямъ въ годъ (покушеній на жизнь управителей имѣній извѣстно всего 2). Въ 1849 г. калужскій помѣщикъ Рахмановъ и его жена были отравлены мышьякомъ, но скорая медицинская помощь спасла ихъ отъ смерти. Преступленіе это было совершено 17-тилѣтнимъ дворовымъ мальчикомъ, который сознался, что по смерти своего владѣльца онъ надѣялся сдѣлаться свободнѣе, и что съ этою мыслию онъ боролся около 2 лѣтъ. Въ 1843 г. саратовскій помѣщикъ Колюпановъ заподозрилъ ядъ въ поданномъ ему кушаньѣ, которое онъ уже отвѣдалъ, и приказалъ повару доѣсть его; помѣщикъ остался живъ, а поваръ умеръ.

Убійствъ крѣпостными людьми ихъ господъ было совершено въ 1835—54 гг., по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ,

144, слѣдовательно среднимъ числомъ по 7 въ годъ ¹⁾ (убійствъ управляющихъ за это время было 29). Число убійствъ помѣщиковъ колебалось между 1 и 15 въ годъ: въ 1843 г. было 11 такихъ случаевъ, въ 1837 и 1840 гг. по 12 и въ 1842—15. Отмѣтимъ слѣдующій случай, въ которомъ сказывается ненависть къ помѣщичьей власти вообще. Двое дворовыхъ помѣщика Могилевской губерніи Лесневскаго, раздраженные наказаніемъ розгами ихъ двоюроднаго брата и „руководимые вообще издавна замѣченнымъ нерасположеніемъ и даже ненавистью къ помѣщичьей власти“, убили эконома, въ присутствіи котораго производилось наказаніе, и пытались убить самого владѣльца, но до этого ихъ не допустили. Тогда „немедля и безотчетно“ они бросились въ два сосѣднія мѣстна, гдѣ и умертвили тамошнихъ помѣщиковъ и ихъ женъ и ранили 8 человекъ дворян ²⁾.

Въ ряду причинъ, вызывавшихъ убійства, покушенія на жизнь, нанесеніе ранъ или побоевъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, первое мѣсто занимаетъ крайняя требовательность этихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, тульскій помѣщикъ Карцовъ былъ убитъ въ 1848 г. своими крѣпостными вслѣдствіе того, что онъ совершенно раззорилъ ихъ, такъ что третья часть ихъ разбѣжалась. Нерѣдко убійство или покушеніе на него вызывалось страхомъ предстоящаго наказанія или желаніемъ отомстить за наказаніе, уже совершившееся. Довольно видную причину мести крѣпостныхъ составляетъ также развратъ помѣщиковъ: такъ, напримѣръ, въ 1846 г. дворянинъ Хитрово былъ убитъ крѣпостными женщинами, „ожесточенными вынужденіемъ ихъ въ преступной съ нимъ связи“; не мало было и другихъ убійствъ по тому же поводу. Въ числѣ иныхъ причинъ, вызывавшихъ указанные формы протеста крѣпостныхъ, встрѣчаемъ еще: отдачу въ рекруты или ожиданіе этого, введеніе общественной запашки, опасеніе переселенія, насильственное возвращеніе изъ бѣговъ, желаніе избавиться отъ услуженія въ господскомъ домѣ, желаніе получить

¹⁾ Здѣсь указано количество убійствъ, число-же убитыхъ нѣсколько болѣе, такъ какъ иногда, хотя и рѣдко, было сразу убито болѣе одного лица.

²⁾ Преступники, по приговору военнаго суда, были такъ жестоко наказаны шпицрутенами, что одинъ изъ нихъ во время самаго наказанія, а другой черезъ нѣсколько часовъ умерли; тѣла ихъ были оставлены на эшафотѣ въ продолженіе сутокъ.

свободу и проч. Администрація нерѣдко считала побудительными причинами дурное поведеніе крѣпостныхъ или корыстныя цѣли.

Способами убійствъ были: удушеніе, зарѣзаніе, выстрѣлъ изъ ружья; въ 1840 г. ярославскій помѣщикъ Щепочкинъ былъ даже взорванъ во время сна порохоомъ, подложеннымъ подъ спальню дворовыми людьми, которые рѣшились на это вслѣдствіе притѣсненій со стороны господина.

Въ теченіе 9 лѣтъ (съ 1835 по 1843 г.) было всего сослано въ Сибирь крѣпостныхъ за убійство помѣщиковъ 298 мужчинъ и 118 женщинъ, итого 416 человекъ; наибольшее число преступниковъ было въ губерніяхъ Саратовской, Симбирской, Владимірской, Полтавской, Костромской, Витебской, Екатеринбургской, Курской, Воронежской, Пензенской и Харьковской ¹⁾.

IV.

Волненія крѣпостныхъ крестьянъ.

Начало каждаго новаго царствованія, съ половины XVIII вѣка, обыкновенно ознаменовывалось болѣе или менѣе значительными волненіями среди крѣпостныхъ крестьянъ, которыя нерѣдко вызывались слухами о предстоящемъ измѣненіи ихъ быта; то же въ извѣстной степени повторилось и со вступленіемъ на престолъ имп. Николая. Въ 1826 г. въ Вологодской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ распространились между крѣпостными крестьянами вѣсти, будто они будутъ взяты въ казну. По всей южной половинѣ Кіевской губерніи пронесся слухъ, что священники получили указы, въ которыхъ имъ повелѣвалось покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить въ этотъ день пасхи, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны и всѣ крестьяне отъ мала до велика обязаны идти истреблять пановъ. Въ Уманщинѣ рассказывали о появленіи сына Гонты; говорили, будто бы онъ

¹⁾ Максимовъ. Сибирь и каторга II, 348—349, стр. 69—70.

розослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбратся, какъ можно скорѣе, въ Варшаву; кто же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ будетъ убитъ крестьянами. Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ крестьяне смѣлѣе протестовали противъ панскаго гнета. Во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ не хотѣли отработывать барщины; въ одномъ селеніи Таращанскаго уѣзда составляли даже списки ополченія. Но наступила и прошла пасха, а возстаніе не вспыхнуло; тогда народная молва перенесла сровъ его на Фомину недѣлю. Около этого времени, 3-го апрѣля 1826 г., солдатъ Семеновъ, возвращавшійся изъ Орловской губерніи въ полкъ и увидѣвшій въ Уманскомъ уѣздѣ, каково настроеніе крестьянъ, задумалъ имъ воспользоваться. Показывая какую-то бумагу, онъ объявилъ, что это указъ отъ государя, которымъ ему велѣно забирать пановъ по всей Кіевской губерніи и везти въ Петербургъ, и что хотя у него офицерскій чинъ, но онъ въ солдатскомъ мундирѣ для того, чтобы паны не начали прятаться. Семеновъ сталъ разъѣзжать по нѣкоторымъ селамъ Уманскаго уѣзда. Въ имѣніи Нарышвина, Мошуровѣ, онъ велѣлъ заковать эконома и поссессора, отнялъ у послѣдняго нѣкоторую сумму денегъ, наказавъ его при томъ розгами, и арестовалъ отставнаго офицера, который убѣждалъ его не безчинствовать. Въ другомъ селѣ, Романовѣ, онъ наказалъ плетями эконома, на жестокое обращеніе котораго пожаловались крестьяне. Въ селѣ Иванькахъ по приказанію Семенова посланный имъ туда казакъ арестовалъ поссессора и его эконома. Но самъ Семеновъ былъ въ это время схваченъ проѣзжавшимъ мѣстнымъ засѣдателемъ. По суду его приговорили къ смертной казни; изъ 150 арестованныхъ крестьянъ—однихъ сослали въ Сибирь или на поселеніе, другихъ наказали по 50 ударовъ кнутомъ, третьихъ оправдали. Крестьяне рѣшили, что паны подкупили начальство, и покорились своей судьбѣ. Были еще случаи волненій помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Костромской (въ двухъ имѣніяхъ), Ярославской, Псковской, Владимірской, Смоленской, Курской, Пермской и Петербургской. Въ одномъ имѣніи Кіевской губерніи волненіе длилось уже три года.

12-го мая 1826 г. былъ изданъ манифестъ, въ которомъ по поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей

власти объявлялось, что это „слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія съ тѣмъ, чтобы посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться на счетъ крестьянъ по ихъ простодушію“, и предписывалось помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ „безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ“ подѣ страхомъ наказанія ослушниковъ „по всей строгости законовъ“; составителей-же просбѣ, вызванныхъ этими слухами и доходившихъ уже до государя, велѣно было предавать суду и наказывать также „по всей строгости законовъ“. Узнавъ, что и послѣ изданія этого манифеста нѣкоторые волненія продолжаются, государь привалялъ комитету министровъ сдѣлать распоряженіе, что если гдѣ-либо и послѣ объявленія манифеста 12-го мая придется употребить военную силу для усмиренія упорствующихъ крестьянъ, то виновныхъ предавать на мѣстѣ военному суду, составленному изъ наличныхъ офицеровъ присланнаго отряда и членовъ мѣстныхъ уѣздныхъ судовъ. Для приведенія въ исполненіе приговора этого суда признано было достаточнымъ утвержденія гражданскаго губернатора, если къ тѣлесному наказанію будетъ присуждено не болѣе 9 человекъ, въ противномъ же случаѣ дѣло должно было представляться чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ и комитетъ министровъ на соизволеніе государя ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1827 г. для усвоенія волненій по большей части оказались достаточными „вразумленія, появленіе командъ и примѣры строгости надъ зачинщиками и упорными“. Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „духъ буйства и своевоія распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія не имѣли никакого дѣйствія“; въ такія имѣнія были введены военные команды, главные виновники преданы военному суду и сосланы въ Сибирь на поселеніе или въ ваторжныя работы. На основаніи 396 ст. Свода уголовныхъ

¹⁾ Вскорѣ послѣ того было разъяснено, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ гражданскимъ губернаторамъ было предоставлено утверждать приговоръ военныхъ судовъ, они имѣютъ полное право и облегчать присужденное военнымъ судомъ наказаніе или даже и вовсе его отмѣнять. На этомъ постановленіи комитета министровъ государь написалъ: „Тѣмъ болѣе, что случаи сіи должны быть рѣдки, ибо военные суды наряжаются тогда, когда уже употреблена была военная сила, стало быть бунтъ“. В. С.

законовъ „крѣпостные люди и крестьяне, учинившіе явное непокорство законнымъ властямъ, возмущеніе противъ господъ своихъ и сопротивленіе воинской командѣ, должны быть предаваемы военному суду“. Въ 1835 г. государь повелѣлъ, чтобы и лица, подстрекающія въ этомъ преступленіямъ, судились тѣмъ же судомъ. Въ 1837 г. дано знать губернаторамъ, чтобы, по усмиреніи крестьянъ на мѣстѣ безпорядка, оставялась на нѣкоторое время воинская команда. Въ 1847 г. государь повелѣлъ, чтобы въ слѣдствіямъ о волненіи крестьянъ, а также о жестокомъ обращеніи съ ними помѣщиковъ и управителей всегда были назначаемы жандармскіе штабъ-офицеры.

Мы уважемъ ниже общее число волненій крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе имп. Николая, насколько они извѣстны изъ оффиціальныхъ источниковъ, теперь же остановимся на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ волненіяхъ.

Крестьяне одного села Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи (82 души), принадлежащіе Депрейсу и Наумовой, начавъ отыскивать вольность отъ помѣщиковъ „на основаніи происхожденія своего отъ стрѣльцовъ и неправильнаго завладѣнія ими“, въ 1834 г. оказали „явное неповиновеніе“ владѣльцамъ и ослушаніе земской полиціи. Поводомъ къ открытому возмущенію было то, что господа ихъ, ранѣе окончанія дѣла объ отыскиваемой крестьянами вольности, распорядились отдать трехъ молодыхъ людей въ рекруты, въ зачетъ будущаго набора. Такъ какъ крестьяне не хотѣли слушать ни исправника, ни другаго посланнаго къ нимъ чиновника, то на мѣсто волненія явился губернаторъ, но и ему они повторяли, что считаютъ себя происходящими отъ стрѣльцовъ и потому свободными. Усмиреніе не обошлось безъ обычной экзекуціи. Губернатора особенно поразили при этомъ слѣдующій обычай: хозяинъ дома, въ которомъ заперлись возмутившіеся, 120-лѣтній старикъ, одинъ изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ (съ капиталомъ въ 10—15 тысячъ руб.), просилъ губернатора освободить отъ наказанія его внука, находящагося въ числѣ непослушныхъ. Когда того вызвали, старикъ на колѣняхъ и со слезами заклиналъ его покориться; уговоры дѣда, поддѣрпываемые священникомъ и губернаторомъ, поколебали было его, и онъ отдѣлился отъ непослушныхъ крестьянъ, но чрезъ нѣсколько минутъ, „какъ бы устыдясь своего раскаянія“,

сказалъ, что дѣдъ его выжилъ изъ ума, что онъ не хочетъ повиноваться и съ „явнымъ удовольствіемъ“ снова присталъ къ непокорнымъ „въ число главнѣйшихъ ослушниковъ“. Военный судъ, рѣшивъ дѣло въ 24 часа, приговорилъ: 6 человѣкъ наказывать шпицрутенами по 6,000 ударовъ въ присутствіи крестьянъ и сослать въ Сибирь на поселеніе, 4 наказывать батогами по 1,000 ударовъ и оставить на прежнемъ мѣстѣ жительства. Губернаторъ нѣсколько смягчилъ приговоръ: 5 человѣкъ были наказаны шпицрутенами по 2,500 ударовъ, а остальные высѣчены батогами по 200 ударовъ каждому. Изъ рапорта уѣзднаго судьи объ исполненіи приговора и объ отправленіи 5 человѣкъ, подвергшихся наказанію шпицрутенами, въ городскую больницу, мы узнаемъ слѣдующій фактъ. Когда крестьяне были распущены по домамъ, одна женщина бросилась въ прудъ, потому что мужъ ея первый принесъ повинную и пришелъ домой крѣпостнымъ; она утонула бы, если бы ея не спасли двое рядовыхъ. „Вотъ примѣръ изступленія!“ прибавляетъ судья: „она имѣетъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей и добраго мужа“¹⁾).

Въ 1840 г. произошло волненіе въ имѣніи гр. Борха, Люценскаго уѣзда Витебской губерніи; причиною его было, по официальному свидѣтельству, „ложное понятіе о правахъ ихъ на свободу“. Неповиновеніе этихъ крестьянъ продолжалось и въ слѣдующемъ году и „сопровождалось явнымъ возмущеніемъ, буйствомъ, грабежомъ господскаго имущества и сопротивленіемъ вооруженною рукою, въ числѣ болѣе 1,000 крестьянъ, воинскою командъ, присланной для ихъ усмиренія“. Военный отрядъ открылъ противъ толпы крестьянъ „батальный огонь“, который заставилъ ее немедленно разсѣяться. При этомъ было убито крестьянъ 21, ранено 24; солдатъ легко ранено 2. Вслѣдъ за тѣмъ былъ учрежденъ на мѣстѣ военный судъ, по окончаніи котораго 11 зачинщиковъ, согласно высочайшей волѣ, были подвергнуты наказанію шпицрутенами отъ 500 до 4,000 ударовъ и сосланы въ Сибирь.

Въ 1842 г. возникло серьезное волненіе въ Костромской губерніи, въ имѣніи помѣщика Шубина, вслѣдствіе „несообразныхъ и стѣснительныхъ“ для крестьянъ „распоряженій самого

¹⁾ „Столѣтіе Вятской губерніи“. Вятка. 1881 г. II, 507—511, ср. 511—516.

помѣщика“, какъ это признала и администрація. Крестьяне оказывали упорное неповиновеніе и дошли „до такого ожесточенія противъ владѣльца, что отказались рѣшительно отъ всѣхъ работъ“ и, отвергнувъ предложенное имъ Шубиннымъ пособіе деньгами и хлѣбомъ, „требовали переменъ управленія“. Для усмиренія ихъ была послана воинская команда, а самое дѣло отдано на обсужденіе дворянскаго собранія. Еще болѣе упорное неповиновеніе происходило въ 1842 г. въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ „распространились между крестьянами свѣдѣнія, что помѣщики завѣщали имъ даровать свободу“, второй они, однако, по смерти владѣльцевъ не получали. Такія волненія произошли въ двухъ имѣніяхъ Черниговской губерніи помѣщицы Простоквашиной и поручика Лашевича (въ обонхъ болѣе 1,000 душъ) и въ имѣніи Тверской губ. помѣщицы Барковой (37 душъ). Упорство крестьянъ было такъ сильно, что они были усмирены губернаторами только при содѣйствіи войска, а въ имѣніи Барковой крестьяне три раза „возобновляли неповиновеніе“ и три раза были предаваемы военному суду, по приговорамъ котораго болѣе половины ихъ было подвергнуто „строгому взысканію“. Въ 1844 году наиболѣе упорныя волненія произошли въ имѣніи Кожина Пензенской губ. и въ имѣніи Волянскаго — Кіевской губерніи; здѣсь для усмиренія безпорядка посланы были военные отряды до 300 человекъ и затѣмъ, по приговору военнаго суда, 13 человекъ подвергнуто тѣлесному наказанію и сослано въ Сибирь въ каторжную работу и въ арестантскія роты.

Въ 1845 г. произошло волненіе въ 32 имѣніяхъ (расположенныхъ въ 17 губерніяхъ); изъ нихъ въ 10 для усмиренія крестьянъ была употреблена военная сила. Упорнѣе другихъ было волненіе въ имѣніи наслѣдниковъ покойнаго сенатора Дивова, Подольской губ. (3,500 душъ). Здѣсь крестьяне были недовольны вновь введеннымъ порядкомъ въ исполненіи барщины; собираясь толпою до 500 человекъ и болѣе, они требовали сначала отъ управляющаго имѣніемъ „переменъ порядка управленія“, а по прибытіи земскаго исправника кричали, что желаютъ быть вазенными, затѣмъ, не смотря на убѣжденія священника и присланнаго губернаторомъ чиновника, „настоятельно требовали отъ послѣдняго задержанныхъ изъ толпы трехъ крестьянъ“, и, наконецъ, напавъ на находящійся въ имѣніи винокурennyй

заводъ, наказали розгами бывшихъ на немъ людей (вѣроятно, не участвовавшихъ до того въ волненіи) и „вовлекли ихъ къ себѣ въ толпу“. Для прекращенія безпорядка были отправлены въ это имѣніе одинъ баталіонъ егерей и двѣ роты мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, при содѣйствіи которыхъ губернаторъ и возстановилъ спойойствіе. Болѣе 30 крестьянъ было наказано розгами, а главнѣйшіе зачинщики и подстрекатели арестованы.

Въ 1846 г. происходили волненія въ 27 имѣніяхъ, расположенныхъ въ 16 губерніяхъ. Наиболѣе обратило на себя вниманіе волненіе въ 6 смежныхъ имѣніяхъ Гродненской губ., поводомъ къ которому послужило распоряженіе помѣщиковъ объ измѣреніи принадлежавшихъ имъ земель (быть можетъ, это измѣреніе сопровождалось уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣловъ?). При этомъ „гражданинъ Рытельскій съ 20 сообщниками“, крестьянами этихъ имѣній, распространилъ ложный слухъ, будто правительство сдѣлало распоряженіе объ освобожденіи ихъ отъ барщины и съ этою цѣлью приказало измѣрить земли, принадлежащія помѣщикамъ. Многіе крестьяне были убѣждены, что земская полиція, подкушенная помѣщиками, скрываетъ, увавъ объ ихъ освобожденіи. Вслѣдствіе этого они отказались отъ барщины и не соглашались, не смотря ни на какія увѣщанія, приносить присягу при допросахъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, полагая, что подписаніе ими присяжныхъ листовъ послужитъ доказательствомъ ихъ собственнаго отказа отъ дарованной будто бы правительствомъ свободы. Для прекращенія этихъ безпорядковъ былъ командированъ гродненскій вице-губернаторъ. Когда „главные подстрекатели“ крестьянъ, арестованные, изъявили готовность присягнуть по слѣдственнымъ дѣламъ и были доставлены на мѣсто изслѣдованія, то собравшаяся здѣсь толпа требовала съ „угрозами и неистовствомъ“, чтобы они не присягали. Вслѣдствіе этого губернаторъ отправился лично на мѣсто волненія, вытребовавъ команду изъ двухъ батальоновъ, и усмиривъ крестьянъ. Быть можетъ упомянутые слухи о дарованномъ правительствомъ освобожденіи основывались на распоряженіи о составленіи инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Западной Россіи; по крайней мѣрѣ въ двухъ имѣніяхъ гр. Забѣллы Гродненской губерніи была обнаружена именно эта причина волненія. Поводомъ къ другимъ волненіямъ въ это время въ западныхъ губерніяхъ, по мнѣнію

правительства, было то, что ежегодно въ Россію во множествѣ приходятъ изъ за границы „венгерцы“ (австрійскіе славяне), „которые распространяли между простымъ народомъ разные нелѣпные слухи“. Если припомнить, что въ 1846 г. въ Галиціи произошло серьезное возстаніе крестьянъ, сопровождавшееся рѣзкою помѣщичью, то будутъ понятны сильныя опасенія правительства, чтобы примѣръ Галиціи не подѣйствовалъ на нашу западную окраину. Министерство внутреннихъ дѣлъ напомнило мѣстному начальству, что, по высочайше утвержденному въ 1841 г. положенію комитета министровъ, мелочная торговля въ Россіи „венгерцамъ“ строго воспрещена и что вообще должно имѣть за ними бдительный надзоръ.

Въ 1847 г. происходило волненіе крестьянъ въ 35 имѣніяхъ, расположенныхъ въ 22 губерніяхъ. По официальному свидѣтельству, „возстанія были упорны; словесныя убѣжденія всѣхъ мѣстныхъ властей никакъ не могли заставить ихъ отказаться отъ своихъ претензій. Въ иныхъ имѣніяхъ словесныя убѣжденія дѣлаемы были постепенно исправникомъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, мѣстнымъ священникомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, жандармскимъ штабъ-офицеромъ и губернаторомъ, но все это безъ успѣха. Посему для усмиренія ихъ повсюду употребляли исправительное тѣлесное наказаніе, а въ нѣкоторыя имѣнія посылали воинскую команду. Впрочемъ, нигдѣ не представлялось нужнымъ дѣйствовать противъ крестьянъ огнестрѣльнымъ оружіемъ“.

Существуетъ подробное описаніе одного изъ этихъ волненій, сдѣланное лицомъ, которое присутствовало при его усмиреніи въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Остановимся на наиболѣе любопытныхъ чертахъ этого событія. Волненіе это произошло въ имѣніи Донковскаго уѣзда Рязанской губерніи, принадлежавшемъ кн. Леониду Мих. Голицыну. Этотъ самый Голицынъ, въ томъ же 1847 г., представилъ имп. Николаю проектъ условія съ крестьянами относительно ихъ освобожденія, которому онъ хотѣлъ придать значеніе проекта уничтоженія крѣпостнаго права во всей Россіи. Правительство справедливо нашло, что предлагаемый имъ размѣръ надѣла (2 дес.) не достаточенъ для обезпеченія крестьянъ. Проектъ этотъ не касался прямо рязанской вотчины кн. Л. Голицына и не попытка

привести его въ исполненіе вызвала волненіе, хотя, быть можетъ, ухудшая положеніе крестьянъ, помѣщикъ и думалъ понудить ихъ къ выкупу на выгодныхъ для него условіяхъ. Лѣтъ за пять до волненія указанное имѣніе (1,400 ревизскихъ душъ) досталось кн. Л. М. Голицыну по наслѣдству послѣ его дѣда, гр. А. И. Остермана-Толстаго. При прежнемъ помѣщикѣ вся земля въ имѣніи, весьма плодородная, была предоставлена въ пользованіе крестьянъ, которые платили господину весьма не обременительный оброкъ. Новый владѣлецъ нашель, что имѣніе доставляетъ слишкомъ мало дохода, и приказалъ перевести крестьянъ на барщину; они предлагали ему значительно увеличить оброкъ, но онъ остался при своемъ рѣшеніи, и вотъ лучшая часть земли въ имѣніи, вовсе не многоземельномъ, поступила подъ помѣщичью запашку; отобрана была также отъ крестьянъ часть луговой и пастбищной земли и, наконецъ, все сельское начальство было переименовано и на его мѣсто было назначено не угодное міру. Весною 1847 г. кн. Л. М. Голицынъ, передъ поѣздкою за границу, посѣтилъ имѣніе. Онъ провелъ здѣсь трое сутокъ и въ продолженіе этого времени флигель, въ которомъ онъ остановился, былъ даже по ночамъ окруженъ крестьянами. Неотступно просили они отменить барщину (по ихъ словамъ, крайне для нихъ раззорительную), неотступно просили смѣнить ненавистнаго имъ прикащика, который не только замучилъ ихъ непосильною работою на барщинѣ, но безпрестанно навазывалъ всѣхъ и каждого, не щадя даже беременныхъ женщинъ. Помѣщикъ на всѣ эти просьбы отвѣчалъ отказомъ. Наконецъ, они ему надоѣли, и вотъ на мужицкія причитанія, „умилосердись ты надъ нами, батюшка, ваше сіятельство, мы, вѣдь, ровно дѣти ваши, а васъ всегда почитаемъ, какъ за отца роднаго!“.... кн. Л. М. Голицынъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „Вздумали еще родствомъ со мной считаться!... Какія вы мнѣ дѣти! что я за отецъ вашъ!... Я просто помѣщикъ вашъ, власть имѣю надъ вами по закону, а вы—крѣпостные мои и обязаны мнѣ повиноваться. Вы же не повинуетесь, все хотите по своему.... Да вы такъ надоѣли мнѣ теперь, такъ надоѣли, что я бы даже готовъ отъ васъ отказаться“.... Быть можетъ при этихъ словахъ князю пришло на мысль, какъ хорошо было бы совсѣмъ раздѣлаться съ крестьянами на тѣхъ выгодныхъ для помѣщика условіяхъ, какія были

изложены въ его проэктѣ, но крестьянъ поразили слова князя, что онъ готовъ совсѣмъ отъ нихъ отказаться, и они заявили приващиву, что если такъ, то и они отъ помѣщика отказываются и больше на барщину ходить не будутъ. Такъ началось волненіе, на которое мѣстная губернская администрація обратила особенно строгое вниманіе изъ опасенія, чтобы оригинальная мысль голицынскихъ крестьянъ не сообщилась и крѣпостнымъ сосѣднимъ крупнымъ имѣніямъ. Губернаторъ отправилъ въ бунтующее имѣніе три роты рязанскаго баталіона внутренней стражи (около 700 солдатъ) и вслѣдъ за военнымъ отрядомъ поѣхалъ туда и самъ. Вооруженнаго сопротивленія крестьяне не оказали, и дѣло окончилось жестокою экзекуціею. И здѣсь не обошлось безъ эпизодовъ, подобныхъ тому, о которомъ мы упоминали при описаніи одного волненія въ Вятской губерніи, и какія несомнѣнно случались нерѣдко. Предъ экзекуціею одна старуха попросила чиновника особыхъ порученій пощадить ея сына, больнаго, малорослаго, щедушнаго парня; чиновникъ доложилъ объ этой просьбѣ губернатору. Тотъ спросилъ парня: „Будешь ли повиноваться безпрекословно своему помѣщику, кн. Л. М. Голицыну?“ — „Какъ мѣръ, такъ и я! чуть внятно отвѣчалъ парень. — „А! вотъ какъ!... Его перваго!... двадцать пять розогъ и горячихъ!“ Когда его подняли и губернаторъ повторилъ свой вопросъ, тотъ опять, даже тверже прежняго, отвѣчалъ: — „Какъ мѣръ, такъ и я!“ И еще два раза его сѣкли, и опять спрашивали то же самое, и отвѣтъ былъ все тотъ же, а въ послѣдній разъ онъ выговорилъ эти слова хотя и слабымъ голосомъ, но съ видимымъ ожесточеніемъ. И послѣ него нашлось довольно такихъ, которые или отвѣчали, подобно этому парню, или ничего не отвѣчали. Особенно страшно было наказаніе одного изъ „зачинщиковъ“ волненія. Когда его положили, онъ широко раскрытымъ ртомъ схватилъ землю, для того ли, чтобы легче было не кричать (и, дѣйствительно, онъ не кричалъ во время наказанія), или же этимъ онъ хотѣлъ выразить, что страдаетъ за землю кормилицу. Въ это время бабы бросились въ прудъ, но на губернатора это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; утонувшихъ не было. Многіе послѣ первыхъ ударовъ изъявляли полную покорность, не мало было и такихъ, что прямо покорялись и тѣмъ избѣгали наказанія. Впрочемъ, нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ и указанный выше парень, такъ таки и не покорились. Однако, начальство

признало, что „бунтъ“ окончательно усмирень, но вслѣдствіе того, что не всѣ поголовно изъявили покорность помѣщику, на нѣкоторое время, для наблюденія за порядкомъ, оставлена была въ имѣніи рота солдатъ. Признанныхъ зачинщиками бунта, а также непокорившихся (всего такихъ было болѣе 20 человекъ) отправили въ данковскій острогъ, о причинѣ же бунта назначили формальное слѣдствіе. Рота простояла въ имѣніи около полугода и такъ какъ спокойствіе не нарушалось, то она была удалена.

Дѣло этимъ, однако, не кончилось, и бунтъ повторился въ слѣдующемъ году. Поводомъ къ нему послужила проповѣдь священника, въ которой онъ упомянулъ о томъ, что многіе изъ его прихожанъ „въ узахъ, въ темницахъ... они и теперь можетъ быть страдаютъ отъ тѣхъ истязаній, какія довелось имъ вынести“; вѣроятно, проповѣдникъ изъ этого суроваго урока выводилъ необходимость безпрекословнаго повиновенія властямъ, но дѣйствіе его словъ было совершенно иное. Въ церкви всѣ навзрыдъ плакали, но затѣмъ въ тотъ же день крестьяне смѣнили всѣхъ своихъ сельскихъ начальниковъ, а на другой день за усердную службу ихъ помѣщику жесточайшимъ образомъ наказали розгами и палками и прекратили всѣ барщинныя работы. Это было весною 1848 г., когда вездѣ свирѣпствовала холера. Рязанская губернія была въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ, кромѣ того урожай въ этомъ году былъ самый скудный, да и пожары сильно свирѣпствовали. Отправившись для новаго усмиренья голицынскій вотчины, губернаторъ узналъ, что всѣ взрослые крестьяне, предвидя новую эвезеуцію, разбѣжались изъ своихъ деревень и укрылись въ сосѣднихъ казенныхъ селеніяхъ, куда перетащили всякое цѣнное имущество и перегнали весь скотъ. Чиновникъ особыхъ порученій, объѣзжая голицынскія деревни, нашелъ ихъ совершенно безлюдными; пусты были и крестьянскія гумна, въ прошломъ году полныя хлѣбомъ... Губернаторъ подвергъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ казенныхъ крестьянъ, за слабый надзоръ надъ подчиненными, тѣлесному наказанію, не смотря на то, что по закону они были избавлены отъ него во время своей службы, и хотя этотъ фактъ и вызвалъ неудовольствіе министра государственныхъ имуществъ Киселева, но все таки для губернатора прошелъ безнаказанно. Благодаря этой мѣрѣ была собрана часть крестьянъ кн. Голицына (большинство продолжало укрываться), и надъ ними произведена

была новая эзекуція. Кромѣ того, по приказанію губернатора, дома пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ были разметаны тутъ же до основанія, а семейства ихъ куда-то увезены; въ имѣніи опять поставили роту солдатъ. Бѣглецы, понуждаемые предстоящими полевыми работами, вновь собрались, хотя и знали, что дома имъ придется подвергнуться наказанію, которымъ распоряжалась мѣстная уѣздная полиція ¹⁾.

Вообще въ 1848 г. было особенно значительное количество волненій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а именно 54 (въ 27 губерніяхъ); число ихъ могло увеличиться, между прочимъ, и подѣ влияніемъ холеры и сильныхъ пожаровъ, но главною причиною, какъ и въ предыдущемъ году, по официальному свидѣтельству, было „желаніе освободиться изъ крѣпостнаго состоянія“. Были беспорядки и вслѣдствіе введенія въ юго-западныхъ губерніяхъ новыхъ инвентарныхъ правилъ о повинностяхъ, которыя крестьяне нашли для себя обременительными. Отличительною чертою волненій этого года было необыкновенное упорство крестьянъ: двѣ трети изъ нихъ были усмирены посредствомъ военныхъ отрядовъ.

Нельзя не обратить вниманія на волненіе въ 1848 г. крестьянъ помѣщика Воронежской губерніи Бедряги, въ слободѣ Писаревѣ. Крестьяне эти избили своего управляющаго за то, что, по ихъ мнѣнію, онъ требовалъ отъ нихъ лишнихъ работъ, и, не смотря ни на какія уѣщанія земской полиціи, не выдавали виновныхъ для допроса. Посланный губернаторомъ чиновникъ, не успѣвъ вразумить крестьянъ, пригласилъ проходившій вблизи казачій полкъ сдѣлать днемъ въ этой слободѣ, чтобы, пользуясь его присутствіемъ, арестовать виновныхъ; когда полкъ спѣшился и, по указанію чиновника, хотѣли взять зачинщиковъ, крестьяне толпою бросились на казаковъ; не имѣя предписанія на этотъ случай, чиновникъ просилъ полковаго командира вывести полкъ, и казаки, выходя изъ селенія, должны были нагайками и тупыми концами пикъ отбиваться отъ крестьянъ, которые бросали въ нихъ камни и колья, задержали находившійся въ другомъ концѣ деревни обозъ съ семьєю казаками и избили притомъ членовъ земской полиціи; по докладѣ объ этомъ государю, было высочайше повелѣно предать виновныхъ военному суду, который

¹⁾ С. Славутинскій. „Отрывки изъ воспоминаній“ въ „Древней и Новой Россіи“ 1878 г., т. III, стр. 38—53, 134—162.

непремѣнно кончить въ 24 часа и привести приговоръ въ исполненіе по конфирмаціи начальника губерніи. Губернаторъ съ своей стороны, узнавъ объ этомъ происшествіи, немедленно остановилъ другой полкъ казаковъ, также проходившій по близости, и, сосредоточивъ оба отряда у слободы Писаревки, потребовалъ въ себѣ атамана села; но крестьяне, собравшись толпою, не дозволили ему явиться къ начальству. Тогда губернаторъ вступилъ съ войскомъ въ село, окружилъ крестьянъ казаками и приказалъ арестовать главныхъ зачинщиковъ, надъ которыми учредилъ слѣдственную и военно-судную комиссію, „подвергнувъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, до 1000 крестьянъ (!), менѣе виновныхъ, исправительному наказанію“; такимъ образомъ порядокъ былъ восстановленъ. По суду 4 человѣка были прогнаны съвозъ строй, 2 наказаны розгами.

Въ 1849 г. было всего 24 волненія помѣщичьихъ крестьянъ (въ 15 губерніяхъ); изъ нихъ почти двѣ трети было усмирено только при содѣйствіи военныхъ отрядовъ, хотя безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія. Особенно замѣчательно было волненіе крестьянъ Путивльскаго уѣзда Курской губерніи, возникшее по случаю начатаго ими исва о свободѣ, который, однако, найденъ былъ неосновательнымъ. Волненіе распространилось между нѣсколькими помѣщичьими имѣніями въ количествѣ 10,000 душъ, и для усмиренія ихъ было употреблено 4 эскадрона кавалеріи.

Въ 1850 г. волненія были въ 24, въ 1851 г.—въ 22 имѣніяхъ, въ 1852 г.—въ 33 имѣніяхъ (въ 19 губерніяхъ), причемъ въ Черниговской и Тамбовской губерніяхъ крестьяне оказали сопротивленіе даже губернатору и войску; въ 1853—въ 26 имѣніяхъ (въ 17 губерніяхъ), въ 1854 г.—въ 32 имѣніяхъ.

Подведя итогъ всѣмъ волненіямъ помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая, мы найдемъ, что ихъ было всего 556 ¹⁾, т. е. среднимъ числомъ въ 29 лѣтъ (съ 1826 по 1854 г.)

¹⁾ Число это не больше, а меньше настоящаго, такъ какъ иногда волненіе въ нѣсколькихъ смежныхъ имѣніяхъ (какъ, напримѣръ, волненіе 10,000 крестьянъ Курской губерніи въ 1849 г.) считается въ официальныхъ источникахъ за одно. Заблоцкій-Десятовскій, въ своей извѣстной запискѣ 1841 г., свидѣтельствуетъ, что свѣдѣнія о многихъ „возстаніяхъ или неповиновеніяхъ крестьянъ... не доходятъ до высшаго правительства“; для эти „оканчиваются часто домашнимъ образомъ“.

по 19 волненій ежегодно. Наименьшее число волненій въ годъ (4) было въ 1831 г., наибольшее (54)—въ 1848 г. Число волненій все возрастало до конца 1840-хъ годовъ. Въ первое четырехлѣтіе царствованія императора Николая было всего 41 волненіе; затѣмъ приведемъ количество волненій по пятилѣтіямъ: съ 1830 по 1834 г. было 46 волненій, въ 1835 — 39 гг. — 59 волненій, въ 1840—44 гг.—101 волненіе, въ 1845—49 гг.—172 волненія; въ послѣднее пятилѣтіе число ихъ опять нѣсколько уменьшается: съ 1850 по 1854 г. ихъ было 137. Изъ этихъ 29 лѣтъ точное распредѣленіе волненій по губерніямъ извѣстно за 26 лѣтъ (именно въ 1826—1849, 1852—1853 гг.); въ остальные три года извѣстно лишь число волненій, но не относительно всѣхъ изъ нихъ мы знаемъ, въ какихъ губерніяхъ они происходили. Такимъ образомъ, точно извѣстно территоріальное распредѣленіе 478 волненій ¹⁾). Изъ нихъ наибольшее количество приходится на слѣдующія губерніи: въ теченіе 26 лѣтъ было всего волненій въ Тверской губерніи—24, въ Костромской и Смоленской по 23, въ Московской—21, въ Новгородской, Саратовской и Черниговской по 20, въ Кіевской—19, въ Тамбовской—19 и въ Воронежской—17.

Причина неудовольствія крестьянъ точно извѣстна намъ въ въ 275 волненіяхъ, бывшихъ въ 1836—1849, 1851 и 1854 гг. Изъ нихъ почти въ половинѣ случаевъ (132 волненія) безпорядки происходили оттого, что крестьяне уже считали себя вольными или еще домогались свободы на какомъ-нибудь, казавшемся имъ справедливымъ, основаніи; въ 73 случаяхъ — вслѣдствіе жалобъ на притѣсненія, т. е. обремененіе барщиною, жестокость помѣщиковъ или управляющаго и т. п.; въ 12-ти—вслѣдствіе несправедливыхъ слуховъ о возможности такъ или иначе освободиться отъ крѣпостнаго права или о предстоящемъ освобожденіи, въ 11 (въ 1848 г.) вслѣдствіе введенія инвентарей; въ 10 — вслѣдствіе „подстрекательства“, въ 5 — по недостатку продовольствія, 4 волненія вызваны были указомъ 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, 3 — введеніемъ новаго порядка управленіемъ имѣніями, 2 (1846 г.) — распоряженіемъ

¹⁾ 1850, 1851 и 1854 гг. мы вовсе тутъ не принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ за эти годы указана мѣстность лишь нѣкоторыхъ изъ бывшихъ тогда волненій.

правительства о составленіи инвентарей, 2—слабымъ управленіемъ крестьянами (по мнѣнію администраціи) ¹⁾.

Изъ 261 волненія (1836—1846, 1848—1849, 1852 и 1854 гг.), способы усмиренія которыхъ извѣстны, 132 волненія были подавлены съ помощью воинской команды, причемъ за усмиреніемъ, само собою разумѣется, слѣдовала экзекуція. Въ остальныхъ случаяхъ беспорядки были прекращены или однимъ свѣченіемъ крестьянъ, или ихъ удалось успокоить словесными убѣжденіями, обыкновенно съ преданіемъ, однако-же, суду зачинщиковъ.

За неповиновеніе помѣщикамъ было сослано въ Сибирь крѣпостныхъ въ теченіе 20 лѣтъ (1827—1846 гг.), 1,030 человекъ (827 мужчинъ и 203 женщины), слѣдовательно, въ среднемъ около 50 человекъ въ годъ (это сосланные по суду, а не по волѣ помѣщика) ²⁾. Относительно 992 человекъ (799 мужчинъ и 193 женщинъ) извѣстно, изъ какой губерніи они были сосланы; наибольшій контингентъ ссыльныхъ за неповиновеніе помѣщикамъ дали губерніи: Курская 54 мужч. и 36 женщ., Тамбовская 54 мужч. и 16 женщ., Тверская 52 мужч. и 13 женщ., Владимирская 42 мужч. и 11 женщ. и Воронежская 33 мужч. и 10 женщ.

Не смотря на то, что, какъ мы видѣли, мѣстная администрація проявляла не малую энергію въ усмиреніи крестьянскихъ волненій, дворянство обвиняло ее иной разъ въ бездѣйствіи. Подобно тому, какъ бывали столкновенія по вопросу объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и какимъ-либо губернскимъ предводителемъ дворянства (см. выше переписку Перовскаго съ тульскимъ губернскимъ предводителемъ Мясновымъ), такъ иногда на ту-же тему съ представителемъ дворянскихъ интересовъ препирался тотъ

¹⁾ По одному волненію было вызвано слѣдующими причинами: наказаніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ, назначеніемъ управляющаго, уменьшеніемъ количества крестьянской земли, введеніемъ уравнительнаго раздѣла земли по тягламъ (въ Воронежской губерніи, вѣроятно между малороссами), назначеніемъ новой разчѣстки земель подъ пашню, приобрѣтеніемъ имѣнія владѣльцами, которые когда-то были крѣпостными въ этомъ имѣніи, желаніемъ избавиться отъ рекрутчины, желаніемъ работать на барщинѣ 2 дня вмѣсто 3-хъ, перемѣною владѣльца, предосудительнымъ поведеніемъ владѣльцевъ и желаніемъ выкупиться на волю.

²⁾ По волѣ помѣщиковъ („за дурное поведеніе“) въ это-же время было сослано 4,197 мужчинъ и 2,689 женщинъ. В. С.

или иной губернаторъ: такова полемика, въ 1851 г., между смоленскимъ губерньскимъ предводителемъ, извѣстнымъ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ, и мѣстнымъ губернаторомъ кн. Херхеулидзевымъ, на которой мы сейчасъ остановимся. Неизмѣримо чаще, впрочемъ, губернаторъ находился съ дворянствомъ въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ и усердно поддерживалъ ихъ власть надъ крестьянами, сквозь пальцы смотря на многія ихъ прегрѣшенія. Современникъ, подробно описавшій бунтъ въ 1847 г. въ разанскомъ имѣніи кн. Л. М. Голицына, говоритъ: „Охраненіе крѣпостнаго права, признаваемое особенно необходимымъ при охраненіи всего общественнаго порядка, было одною изъ главнѣйшихъ заботъ губернской администраціи. Эта забота была на виду у всѣхъ, чуть-ли даже не стояла во главѣ всего,—и шла она издалека, имѣла свои крѣпкія преданія, сложившіяся, думается мнѣ, не безъ вліянія воспоминаній о страшномъ пугачевскомъ бунтѣ. Но какъ-бы тамъ ни было, а то ужъ вполнѣ несомнѣнно, что, при всякомъ волненіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, всегда администрація крѣпко озабочивалась на счетъ размѣровъ движенія, а при такой озабоченности трудно было сохранить терпѣніе, разсудительность, самообладаніе, столь необходимыя во всякой сумятицѣ“. Тѣмъ пріятнѣе, уже въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, т. е. въ періодъ полной реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ, встрѣтить губернатора, который не обнаруживалъ чрезмѣрнаго усердія въ поддержаніи помѣщичьей власти.

Въ іюлѣ 1852 г. по поводу неповиновенія крестьянъ въ двухъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи не только своимъ владѣльцамъ, но также предводителю дворянства и земской полиціи, извѣстный своими крѣпостническими записками по крестьянскому вопросу кн. Друцкой-Соколинскій, какъ губерньскій предводитель дворянства, просилъ губернатора кн. Херхеулидзева „о зависящемъ распоряженіи для приведенія крестьянъ въ должное повиновеніе“. Кн. Херхеулидзевъ не только не обнаружилъ особенной поспѣшности въ исполненіи этого требованія, но сталъ обвинять самихъ дворянъ въ ненадлежащемъ поведеніи и обращеніи съ крестьянами. Онъ выразилъ сомнѣніе, многіе-ли изъ дворянъ хотятъ знать условія, на основаніи которыхъ они имѣютъ право пользоваться высочайше дарованными имъ правами,—всѣ-ли они по воспитанію и безужориз-

ненной нравственности могутъ ставить себя выше другихъ сословій, всё-ли они достойно поддерживаютъ древность своего происхождения. По мнѣнію губернатора, дворянскіе выборы доказываютъ, что дворяне не пользуются надлежащимъ образомъ высокимъ довѣріемъ правительства; онъ ссылаясь также на то, что архивы и канцеляріи дворянства наполнены дѣлами, подобными дѣлу о Парогѣ (имѣніе котораго было взято въ опеку и самъ онъ исключенъ изъ собранія дворянства), что нѣкоторые изъ дворянъ скрываютъ и защищаютъ преступныя дѣйствія своихъ недостойныхъ товарищей. На просьбу кн. Друцкаго-Соколинскаго объ усмиреніи неповиновыхъ крестьянъ губернаторъ отвѣчалъ, что изъ всѣхъ бывшихъ при немъ случаевъ, въ которыхъ сами помѣщики подають причины въ жалобамъ, онъ видитъ со стороны крестьянъ не дерзкое, буйное неповиновеніе, а презрѣніе и скрытую ненависть къ помѣщикамъ. Далѣе кн. Херхеулидзевъ высказалъ мысль, что, при существующихъ отношеніяхъ между господиномъ и крестьяниномъ, при ежедневныхъ столкновеніяхъ двухъ враждующихъ классовъ, „всякая крайность опасна“, и что въ этомъ положеніи возможна только одна мѣра, именно заключеніе договоровъ между помѣщиками и крестьянами на основаніи закона 2-го апрѣля 1842 г., а противъ этого кн. Друцкой-Соколинскій протестовалъ въ запискѣ, поданной государю. Дайте крестьянамъ то, что имъ слѣдуетъ по закону, продолжалъ губернаторъ, и потомъ требуйте повиновенія, а вмѣсто того смоленскіе помѣщики отнимаютъ у крестьянъ женъ, дочерей, лишаютъ собственности, мучатъ и истязаютъ, однимъ словомъ, доводятъ до того, что они бѣгутъ, вѣшаются, стрѣляются.

Кн. Друцкой-Соколинскій настроилъ весьма обширный и ядовитый отвѣтъ смоленскому губернатору, въ которомъ не разъ намекалъ на малое знакомство его съ мѣстными условіями, недостаточную опытность въ управленіи губерніею и довольно прозрачно обвинялъ его въ томъ, что своимъ попустительствомъ крѣпостнымъ крестьянамъ онъ вызываетъ среди нихъ безпорядки. „Опытъ и знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ“, писалъ предводитель дворянства, „даютъ вѣрное понятіе о предметахъ“, совершенно иное, чѣмъ то, „какое производятъ филантропическія идеи, дошедшія къ намъ съ запада и принесшія благо и порядку нашего отечества болѣе вреда, нежели пользы.... Смоленская губернія, благодаря Бога, до 1851 г. состояла въ ряду губерній,

въ конхъ случаи неповиновенія крестьянъ своимъ владѣльцамъ обнаруживались рѣдко ¹⁾), а съ 1851 года жалобы крестьянъ, иногда даже скопами, на притѣсненія ихъ владѣльцами, равно какъ и со стороны владѣльцевъ ропоть на лѣность, небреженіе къ работамъ, неповиновеніе крестьянъ стали обнаруживаться все чаще и чаще. „Съ прибытіемъ вашего сіятельства въ губернію, продолжаетъ кн. Друцкой-Соколинскій, вопросъ крѣпостнаго состоянія занялъ васъ преимущественно, и въ такое короткое время вашего управленія вы уже имѣете въ виду 21 случай жалобъ о неповиновеніи крестьянъ. Соображая эту цифру съ случаями предшествовавшихъ годовъ, когда они бывали весьма рѣдки, должно заключить, что или владѣльцы населенныхъ имѣній охладѣли въ чувствахъ челоуѣколюбія и даже доходятъ до жестокости, а предмѣстники вашего сіятельства не обращали никакого вниманія на образъ управленія помѣщиками своихъ имѣній, или крестьяне нынѣ имѣютъ поводъ приносить жалобы неосновательныя, усвоивъ себѣ ложныя понятія объ отношеніяхъ и обязанностяхъ къ своимъ владѣльцамъ, ибо коренные наши законы.... о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ.... доселѣ неизмѣнны и остаются въ полной своей силѣ.... По справедливости, не слѣдуетъ ли заключить, что бѣльшая часть жалобъ возникаетъ не отъ притѣсненій помѣщиковъ, а отъ другихъ причинъ.... изъ конхъ главныя: ложныя понятія между крестьянами о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ и о мнимой вольности, которую, какъ они думаютъ, помѣщики у нихъ похищаютъ противъ воли правительства,—понятій, при томъ поддержанныхъ нынѣ внѣшними причинами. Помѣщики требуютъ отъ крестьянина труда, но крестьянинъ называетъ нынѣ трудъ угнетеніемъ. Помѣщикъ требуетъ за послушаніе и лѣность, крестьяне отправляются въ Смоленскъ съ жалобою, и прежде нежели откроется, въ чемъ дѣло, наказаніе названо уже жестокимъ обращеніемъ: Крестьяне это видятъ и съ напряженіемъ смотрятъ на послѣдствія своихъ попытокъ“. Далѣе Друцкой-Соколинскій защищаетъ смоленскихъ

¹⁾ Это не справедливо: мы видѣли, что Смоленская губернія занимаетъ вообще одно изъ первыхъ мѣстъ по числу волненій крѣпостныхъ крестьянъ; изъ 23 извѣстныхъ намъ въ ней волненій 18 были до 1842 г. Въ 1851 г. въ ней также было замѣчено особенно большое количество жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ.

дворянъ отъ нападокъ губернатора, но изъ его собственныхъ словъ мы видимъ во-первыхъ, что по послѣднимъ постановленіямъ дворянскаго собранія три населенныхъ имѣнія было взято въ опеку и 19 лицъ исключено изъ собранія дворянства, а вторыхъ, что одно изъ волненій крестьянъ, усмиренія котораго требовалъ предводитель и изъ-за котораго загорѣлась вся эта полемика, было вызвано желаніемъ помѣщика отправить половину изъ нихъ зимою на работу, въ которую законтрактовалъ ихъ помѣщикъ, что, какъ извѣстно, было худшимъ видомъ пользования крѣпостнымъ правомъ, употребительнымъ лишь въ западной Россіи и отчасти въ Малороссіи. „Время ли теперь“, продолжаетъ Друцкой-Соволинскій, „заключать помѣщику съ крестьянами добровольные договоры, когда помѣщикъ, земская полиція и съ властью законною надъ ними не могутъ привести ихъ въ тому, чтобы они исполняли то, что уже обязаны по закону... Ваше сіятельство пишете, что я возсталъ противъ системы обязательныхъ крестьянъ. Подумайте, какъ смѣлъ я мыслю, не только дѣломъ, возставать противъ того, что законъ разрѣшаетъ; но когда правительство, а тѣмъ болѣе, когда самъ государь императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ намъ, дворянамъ, изложить свое мнѣніе по этому предмету, то можете ли полагать, чтобы я и тѣ лица отъ дворянства, которыя участвовали въ исполненіи даннаго порученія, посагнули написать его величеству противъ совѣсти и тѣхъ практическихъ понятій, которыя мы, какъ помѣщики, приобрѣли опытомъ и временемъ. Мнѣніе наше принято милостиво августѣйшимъ монархомъ. Впрочемъ, законъ, предоставляющій помѣщикамъ заключать съ крестьянами добровольные договоры, не отмѣненъ, и ваше сіятельство, какъ сами имѣете имѣнія, что препятствуетъ вамъ, вмѣсто обвиненія насъ, дать намъ на дѣлѣ примѣръ обязательнаго договора съ своими крестьянами, и ежели это будетъ общепольно, то не только смоленскіе, но и другихъ губерній помѣщики охотно вамъ послѣдуютъ“.

Кн. Друцкой-Соволинскій не ограничился этимъ отвѣтомъ; онъ подалъ на кн. Херхеулидзева слѣдующій формальный докладъ смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору кн. Голицыну: „По поводу оказавшагося неповиновенія крестьянъ въ двухъ имѣніяхъ Вяземскаго уѣзда не только своимъ владѣльцамъ, но предводителю и земской полиціи, я просилъ начальника губерніи о зависящемъ положеніи для приведенія

крестьянъ упомянутыхъ имѣній въ должное повиновеніе. Въ отвѣтъ на представленіе мое я получилъ отношеніе отъ кн. З. С. Херхеулидзева отъ 16 августа... Принимая въ уваженіе важность предмета и ошибочное мнѣніе кн. Херхеулидзева, я долгомъ почитаю представить вашему сіятельству выписку изъ упомянутаго отношенія начальника губерніи съ вопіею моего къ нему отвѣта. Изъ выписки ваше сіятельство изволите усмотрѣть взглядъ кн. Херхеулидзева на существующія отношенія между помѣщиками и крестьянами, какаго онъ мнѣнія о смоленскихъ помѣщикахъ, какими чувствами онъ преисполненъ къ здѣшнему дворянству и его предводителямъ.... и можетъ ли человѣкъ съ такими ненавистными чувствами къ цѣлому сословію и столь ошибочныхъ понятій какъ о немъ, такъ и объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ быть безпристрастнымъ судьей въ томъ важномъ дѣлѣ и можетъ ли поручиться за сохраненіе спокойствія въ губерніи?!... ¹⁾“.

Послѣдствія этого доноса намъ не извѣстны. Совершенно особымъ характеромъ отличается народное движеніе, происшедшее въ 1847 г. въ Витебской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ такимъ образомъ формулировалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ причины волненія. „Въ Витебской губерніи продолжавшіеся три года сряду неурожаи истребили всѣ запасы помѣщиковъ, истощили капиталы ихъ, употребленные на продовольствіе, и были поводомъ къ обремененію нѣкоторыхъ имѣній неоплатнымъ казеннымъ и частнымъ долгомъ. Въ этомъ положеніи многіе помѣщики не въ состояніи были продовольствовать надлежащимъ образомъ крестьянъ своихъ, кои при томъ сами отъ продолжительнаго неурожая пришли въ крайне затруднительное состояніе и раззореніе.... Крестьяне, привыкнувъ продовольствоваться на счетъ помѣщиковъ (?) и получая отъ нихъ въ послѣдніе годы скудное количество хлѣба на прокармливаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вида труды свои пропадающими отъ неурожаяевъ, возымѣли желаніе переселиться на лучшую, болѣе плодородную землю и съ тѣмъ вмѣстѣ освободиться отъ зависимости своихъ владѣльцевъ ²⁾. При такомъ расположеніи умовъ всякій

¹⁾ Рукопись библ. арх. мин. иностр. дѣлъ.

²⁾ Крестьяне были увѣрены, что самъ государь даетъ имъ волю, что онъ приказываетъ имъ выходить „въ Тоболь“, „въ Херсонъ“, „на вольныя земли“.

нелѣпный слухъ принимался за истину, а иногда самыя благодѣтельныя правительственныя мѣры перетолковывались согласно ихъ видамъ. Такимъ образомъ составленіе инвентарей и побужденіе помѣщиковъ къ скорѣйшему ихъ представленію подало поводъ крестьянамъ толковать это, какъ желаніе государя императора освободить ихъ отъ власти помѣщиковъ; распоряженія правительства о переселеніи государственныхъ крестьянъ Витебской губерніи въ другія отдаленныя, въ особенности въ Тобольскую губ., — принимать въ смыслъ распоряженія, равно относящагося и къ помѣщичьимъ крестьянамъ и проч. Къ сему присоединились разные слухи, распространенные неблагонамѣренными людьми. Одни увѣряли, что всякій помѣщичій крестьянинъ, пробывшій на работѣ желѣзной дороги три года, сдѣлается самъ и семья его свободными; другіе объявляли, что помѣщичьимъ крестьянамъ Витебской губерніи дарована уже правительствомъ свобода, что они должны переселиться въ другія, лучшія губерніи и что для сего выдаются уже, въ ближайшихъ городахъ, паспорта, деньги и подводы на переселеніе, причемъ подстрекатели убѣждали даже крестьянъ спѣшить оставить свои мѣста жительства и продать скотъ и все имущество, говоря при томъ, что въ противномъ случаѣ будутъ присланы казаки для изгнанія ихъ силою изъ Витебской губерніи, которую, какъ неурожайную, начальство желаетъ заросить лѣсомъ“. Были также толки, что въ великорусскихъ губерніяхъ дается воля, что многіе уже отправились туда съ семействами. Слухи эти поддерживали нахлынувшіе изъ Псковской губерніи мелкіе торговцы, которымъ крестьяне за безцѣнокъ продавали свой скотъ и имущество и которымъ было выгодно усиливать движеніе.

Голодающіе крестьяне нѣкоторыхъ имѣній Себежскаго уѣзда, взволнованные къ тому-же указанными выше толками и слухами, въ половинѣ апрѣля 1847 г., продавъ за безцѣнокъ свое имущество, начали отправляться цѣлыми семействами къ границамъ Псковской губерніи. Примѣръ ихъ увлекъ и другихъ. Волненіе распространилось скоро не только въ Себежскомъ, но и въ Невельскомъ и Дризенскомъ уѣздахъ. Въ Дризенскомъ уѣздѣ крестьяне, готовясь къ побѣгу, приобрѣтали ружья, покупали порохъ, лили пули, перековывали лемеша на пики. Толпы крестьянъ въ 100, 200, 300 и даже 500 человекъ съ женами и дѣтьми и цѣлыми обозами спѣшили выходить изъ Витебской губерніи въ

Псковскую, направляясь через Порховъ въ Петербургъ, а число всѣхъ волновавшихся простиралось до 10,000 человекъ. Примѣру ихъ готовы были послѣдовать всѣ помѣщичьи крестьяне Витебской губерніи. Обыкновенныя полицейскія мѣры оказывались недостаточными; увѣщанія не дѣйствовали. При одномъ такомъ увѣщаніи священникомъ, каковой-то крестьянинъ возразилъ: „Батюшка! Богъ вывелъ израильтянъ изъ неволи египетской, а мы и понинѣ въ ней находимся!“ Въ стычкахъ съ военными отрядами, пытавшимися остановить ту или другую толпу, нѣсколько человекъ крестьянъ было убито.

Партія человекъ въ 500 была встрѣчена въ Великолукскомъ уѣздѣ Псковской губерніи становымъ приставомъ Горбуновымъ и исправникомъ Елагинымъ; съ ними было человекъ 20 этапной команды и до 400 понятыхъ. Крестьяне дубинами и желѣзными безмѣнами смяли и избили солдатъ, разогнали понятыхъ, избили Елагина, а Горбунова взяли въ плѣнъ.

Въ это время по Псковской губерніи проѣзжалъ депутатъ смоленскаго дворянства Фантонъ-де-Верраіонъ, посланный для представленія государю; въ письмѣ его къ смоленскому губернскому предводителю вв. Друцкому-Соболинскому, приведенномъ въ неизданныхъ запискахъ Мяснова, мы встрѣчаемъ слѣдующій рассказъ: „Партія витебчанъ на другой или на третій день послѣ стычки съ инвалидною командою, состоявшею въ распоряженіи великолукскаго исправника Елагина, соединившись еще съ нѣсколькими партіями, къ ней со сторонъ подошедшими, расположилась на ночлегъ, пройдя версты двѣ за село Безяницъ, въ сторонѣ отъ почтовой дороги. Новоржевскій исправникъ Бурцевъ, имѣя при себѣ инвалидную команду въ 50 человекъ и нѣсколько сотъ человекъ понятыхъ, отправился утромъ (7-го мая) къ означенному мѣсту ночлега и, не доходя онаго, успѣлъ захватить нѣсколькихъ витебчанъ, изъ которыхъ двухъ человекъ послалъ въ лагерь объявить, что онъ по долгу своей службы желаетъ переговорить со старшинами и узнать, куда идетъ столько народу? Засимъ, распорядивъ понятыхъ и инвалидную команду съ заряженными ружьями на высотѣ подъ начальствомъ непремѣннаго члена и становыхъ, самъ отправился на дорогу ожидать витебчанъ и привазалъ: въ случаѣ какаго-либо насилія стрѣлать, не жалѣя его. Послѣ двухчасоваго ожиданія, вмѣсто нѣсколькихъ

человѣкъ, увидѣли, что весь лагерь поднялся отъ опушки лѣса и вытягивался на почтовую дорогу, сохраняя всѣ военныя предосторожности: впереди обоза шла партія человѣкъ въ полтора роста, вооруженныхъ дубинами, пращами, косами и проч.; по сторонамъ, въ срединѣ и въ замкѣ также вооруженные люди. Обозъ занималъ полторы версты. Передовая партія, подошедъ къ исправнигу, остановилась; нѣсколько партій начали шумѣть, говоря: „Что стали? и что смотрѣть на него?“, но постарше собрались въ кучку, и, подойдя къ нему, спросили: „чего ему отъ нихъ, витебчанъ, надо? что идутъ, никого не трогаютъ, себя лишь оберегаютъ; а идутъ къ царю показать, какимъ хлѣбомъ ихъ кормятъ паны“. Исправникъ отвѣчалъ, что „онъ ихъ пропустить можетъ съ условіемъ, чтобы зачинщики нынѣшняго шума были при немъ навазаны, а становой, находящійся у нихъ, былъ ему тотчасъ отданъ, что въ противномъ случаѣ командѣ приказано стрѣлять, не жалѣя его самого“. Присутствіе духа Бурцева подѣйствовало на витебчанъ: зачинщики были ими-же навазаны, становой выданъ подъ росписку, и, наконецъ, весь обозъ тронулся къ Порхову. Въ охраненіе ему даны был и сотскіе и десятскіе. Съ моей стороны“, продолжаетъ Фантонъ-де-Верраіонъ, „я нахожу дѣйствія Бурцева весьма основательными; ибо, не имѣя достаточно силъ, чтобы удержать витебчанъ, если-бы и удалось ему ихъ разсѣять, то это было-бы едва-ли не хуже, ежели допустить ихъ въ полномъ числѣ до Порхова, гдѣ есть магазины и стоитъ одинъ изъ полковъ гренадерскаго корпуса: разойдясь, они начали-бы грабить и жечь села“.

9-го мая эту партію встрѣтилъ псевдоской губернаторъ. Крестьяне покорно слушали его увѣщанія возвратиться по домамъ, побросали колья и топоры, падали къ его ногамъ, но рѣшительно отказались возвратиться и объявили, что хотятъ идти въ Петербургъ съ жалобой государю на помѣщиковъ. Одинъ чиновникъ встрѣтилъ между Порховомъ и Великими Луками до пяти партій крестьянъ и также слышалъ, что они идутъ въ Петербургъ жаловаться на помѣщиковъ, „подвергающихъ ихъ голодной смерти и жестоко обращающихся съ ними“. По словамъ чиновника, народъ чрезвычайно кротокъ и выслушиваетъ убѣжденія весьма терпѣливо; но у всѣхъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „пускай лучше всѣхъ насъ убьютъ, чѣмъ возвращаться къ помѣщикамъ“.

Фантонъ де-Верраіонъ во время дальнѣйшаго своего путешествія встрѣтилъ смоленскаго, витебскаго и могилевскаго генераль-губернатора, кн. Анд. Мих. Голицына, который ѣхалъ, по повелѣнію государя, чтобы остановить движеніе витебчанъ на Петербургъ. По приказанію его, Фантонъ де-Верраіонъ составилъ записку о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ на пути относительно витебскихъ крестьянъ, которая и была отправлена кн. Голицынѣмъ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, къ государю. По прїѣздѣ въ Петербургъ, Фантонъ узналъ, что въ распоряженіе кн. Голицына отправлено нѣсколько (5) чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ деньгами на продовольствіе (10,000 руб.), и что они должны были сопровождать крестьянъ при возвращеніи ихъ для водворенія на прежнія мѣста жительства.

Однако, для успокоенія крестьянъ въ Витебской губерніи вообще и для прекращенія движенія части ихъ въ Петербургу, пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ. Для этого были употреблены: одинъ пѣхотный полкъ, одинъ баталіонъ и двѣ роты изъ двухъ другихъ полковъ, витебскій гарнизонный баталіонъ и инвалидная команда. Съ помощью этихъ войскъ, подъ личнымъ распоряженіемъ кн. Голицына и двухъ командированныхъ флигель-адъютантовъ, бѣжавшіе крестьяне повсюду задержаны и препровождены на мѣста ихъ жительства. Нѣкоторыя толпы оказали сопротивленіе и противъ нихъ употребили оружіе ¹⁾.

Кн. Голицынѣмъ было задержано на пути до 3,600 человекъ; всего же изъ побѣга возвращено болѣе 6,000. Около 600 человекъ разыскано не было.

Витебскіе крестьяне дорого заплатились за свое волненіе и, между прочимъ, за желаніе довести до свѣдѣнія царя о томъ, какъ ихъ кормятъ паны. Признанные наиболѣе виновными, зачинщики и взятые съ оружіемъ въ рукахъ были арестованы и

¹⁾ Вотъ какія мѣры были приняты кн. Голицынѣмъ относительно той толпы витебскихъ крестьянъ, человекъ въ 500, о которой рассказываетъ Фантонъ-Де-Верраіонъ. Когда они расположились на ночлегъ близъ Порхова, то прибывшій ночью, по распоряженію генераль-губернатора, баталіонъ незамѣтно окружилъ ихъ, бросился на спящихъ крестьянъ, захватилъ и обезоружилъ ихъ. Мужчины были отправлены въ обратный путь съ конвоемъ, женщинамъ приказано слѣдовать за ними на подводкахъ. В. С.

преданы военному суду (95 человѣкъ), а менѣ виновные (за исключеніемъ старыхъ, больныхъ, слабыхъ, беременныхъ женщинъ и дѣтей) были наказаны розгами. Число наказанныхъ, такимъ образомъ, доходило до четырехъ тысячъ человѣкъ (!) Движеніе это, начавшееся въ половинѣ марта 1847 года, было усмирено чрезъ два мѣсяца, крестьяне водворены на мѣстахъ и, если вѣрить оффиціальному отчету, проданный ими свотъ былъ большею частью отысканъ и возвращенъ безденежно отъ покупателей, такъ что они могли еще обработать и засѣять яровыя поля.

Еще важнѣе было движеніе, начавшееся въ 1854 г. и продолжавшееся въ теченіе большей части 1855 г. Послѣ объявленія указа 3 апрѣля 1854 г. о морскомъ ополченіи (о вызовѣ охотниковъ въ гребную флотилію), начались толки, что это ополченіе освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости. Движеніе это началось въ Рязанской губерніи, затѣмъ продолжалось въ большихъ размѣрахъ въ Тамбовской, Владимирской и Нижегородской, всего же затронуло 10 губерній, откуда крестьяне „самовольно отлучаясь изъ мѣста жительства“, сходились въ губернскіе города и въ Москву, чтобы заявить желанія поступить въ морское ополченіе. Въ Москву явилось 1,371 человѣкъ. Вслѣдствіе этого, 29 іюня, военный министръ объявилъ высочайшее повелѣніе о принятіи самыхъ строгихъ мѣръ для внушенія крестьянамъ настоящаго смысла указа 3 апрѣля, для чего было отправлено два флигель-адъютанта, а министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ циркуляромъ, что безъ согласія помѣщиковъ крестьяне не могутъ вступать въ ополченіе.

Послѣ обнародованія манифеста 14 декабря 1854 г. и еще болѣе послѣ манифеста о народномъ ополченіи 29 января 1855 года опять началось движеніе среди крестьянъ, продолжавшееся и въ новое царствованіе.

В. И. Семеновій.

Род. 1818 г., † 1886 г.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ
КАВЕЛИНЪ.

ТРИ НЕИЗДАННЫЯ ЕГО МОНОГРАФІИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ:

1. Мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи.—
2. Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ.—
3. Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ. объ историческомъ значеніи освобожденія крестьянъ въ Россіи.

1857—1864 гг.

Объ предисловіемъ профессора Д. А. Корсакова.

1857—1864 гг.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

род. 1818 г., † 1885 г.

I.

Извѣстно, что „люди сороковыхъ годовъ“, какъ западники, такъ и славянофилы—явились главными пропагандистами среди русскаго общества мысли объ освобожденіи крестьянъ и приняли самое горячее и дѣятельное участіе въ разработкѣ и проведеніи въ жизнь положеній 19 февраля 1861 года. Въ этомъ отношеніи много потрудился и Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ, занимавшій столь почетное мѣсто среди „людей сороковыхъ годовъ“—этой высокоталантливой дружины русской мысли, которой такъ много обязано отечественное просвѣщеніе. При жизни Кавелина весьма лишь немногіе близкіе ему люди хорошо знали подробности его участія въ крестьянскомъ дѣлѣ, но теперь, когда жизнь Кавелина стала достояніемъ исторіи, эти подробности должны сдѣлаться общезвѣстными.

Пытливый умъ и чуткое къ добру сердце Кавелина очень рано открыли передъ нимъ неправду крѣпостнаго права. Родившійся и воспитанный въ помѣщичьей средѣ, полной крѣпостными предрасудками, Кавелинъ, восьми лѣтъ отъ роду, говоритъ крестьянину своего отца: „А вѣдь Богъ не велѣлъ, чтобы люди работали на другихъ людей даромъ. Это противно Божескимъ и человѣческимъ законамъ“¹⁾. Съ тѣхъ поръ непрестанно заботился Кавелинъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права и объ улучшеніи экономического, умственнаго и нравственнаго положенія крестьянъ. Отличаясь необыкновенно широкимъ взглядомъ на всѣ явленія индивидуальной и общественной жизни людей, Кавелинъ глубоко и своеобразно понималъ значеніе для Россіи крестьянскаго вопроса. Этотъ вопросъ представлялся ему альфой и омегой русской общественности

¹⁾ См. сообщ. мною „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина“—„Вѣстн. Евр.“ 1886 г., май, стр. 23. Д. К.

прежде всего потому, что подавляющая масса населенія русскаго государства состоятъ изъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ называлъ онъ Россію „мужичьими царствомъ“, въ противоположность Западной Европѣ, гдѣ господствуетъ надъ остальными классами населенія — горожанинъ, буржуа. Крестьянство, массу русскаго народа, считалъ Кавелинъ базисомъ русскаго государства и потому послѣдовательно и постоянно заботился о благосостояніи русскаго крестьянина. Въ этомъ отношеніи, помимо своей воли, являлся онъ дальнѣйшимъ продолжателемъ того воззрѣнія, которое столь рельефно и характерно выражено въ одной окружной грамотѣ, отправленной изъ Москвы въ смутную годину междоусобицы. „Помяните одно—писали москвичи: — только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будутъ, къ чему прилѣпиться?“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кавелинъ никогда не смотрѣлъ черезъ розовые очки на неприглядныя стороны русскаго крестьянства, никогда не идеализировалъ его и не раздѣлялъ предвзятыхъ произвольныхъ на него воззрѣній, ни славянофильскихъ, ни позднѣйшихъ, т. наз., народническихъ.

Крѣпостное право, по воззрѣнію Кавелина, не заключалось только въ полной, безконтрольной власти помѣщика надъ его крестьяниномъ, а составляло основу всего общественнаго склада Московскаго государства, частію унаслѣдованнаго отъ него и XVIII вѣкомъ. Кавелинъ различаетъ два главныхъ рода крѣпостнаго права на Руси — государственное и частное; помѣщичье крѣпостное право является у него лишь однимъ изъ видовъ послѣдняго, а освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ замыкаетъ собою цѣлый циклъ освобожденій отъ крѣпостнаго права, государственнаго и частнаго, предпринятаго верховною властію, начиная съ Петра Великаго, открывая русскому народу въ будущемъ новыя основы гражданственности, невозможныя при крѣпостномъ правѣ.

К. Д. Кавелинъ много сдѣлалъ на своемъ вѣку какъ для распространенія въ русскомъ обществѣ мысли объ освобожденіи крестьянъ, такъ и для осуществленія самой реформы 19 февраля 1861 г. и для выясненія ея значенія. Главная, основная его мысль заключалась въ безусловной необходимости освобожденія крестьянъ съ тѣмъ земельнымъ надѣломъ, какими они пользовались при крѣпостномъ правѣ, посредствомъ выкупа этого надѣла. Свои воззрѣнія объ уничтоженіи крѣпостнаго права и о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ развивалъ онъ въ частныхъ бесѣдахъ со студентами московскаго университета еще во время своего профессорства въ Москвѣ, о чемъ заявляетъ одинъ изъ его слушателей, г. Колюпановъ¹⁾; сходился онъ со сторонниками освобожденія крестьянъ въ Петербургѣ, перейдя туда на службу въ 1848 году, и развивалъ все ту же излюбленную мысль въ разговорахъ съ людьми, несочувство-

¹⁾ См. „Русскія Вѣдомости“ 1885 г. № 123.

важными освобожденію крестьянъ. Когда же, съ воцареніемъ императора Александра II, крестьянскій вопросъ сталъ обсуждаться въ сферахъ правительственныхъ и затѣмъ въ литературѣ, Кавелинъ составилъ о немъ нѣсколько записокъ и пытался создать отношенія на новыхъ началахъ къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ въ сельцѣ Константиновкѣ (Кавелинкѣ), Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи. Наконецъ, когда наступило 19 февраля 1861 г., Кавелинъ, въ числѣ первыхъ поволжскихъ помѣщиковъ, составилъ съ своими крестьянами уставную грамоту и затѣмъ, какъ въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ монографій, объяснялъ значеніе освобожденія крестьянъ для Россіи въ ея настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

Въ матеріалахъ для біографіи Кавелина, печатаемыхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, пишущій эти стрски собралъ все касающееся до Константина Дмитриевича изъ семейныхъ воспоминаній о немъ, изъ его семейной переписки и автобіографическихъ отрывковъ. Но само собою, что этими тремя рубриками далеко не исчерпывается весь матеріалъ для изученія жизни и воззрѣній Кавелина. Въ моемъ распоряженіи находится, между прочимъ, очень много источниковъ для исторіи участія его въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Александра II. Изъ числа этихъ источниковъ помѣщаю на первый разъ на страницахъ „Русской Старинѣ“, отчасти уже коснувшейся значенія Кавелина въ реформѣ 19 февраля 1861 года ¹⁾, слѣдующія его монографіи:

1) Мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи — записку,

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ помѣщены: 1) Извѣстная записка К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, написанная въ 1855 году,—1886 г., т. XLIX, стр. 131—180; 293—320; т. L, стр. 287—310. Эта записка передана имъ, за нѣсколько недѣль до смерти, брату редактора „Рус. Стар.“, магистру русской исторіи, В. И. Семевскому, для напечатанія въ этомъ журналѣ. 2) Рѣчи К. Д. Кавелина, произнесенныя имъ въ разные года на ежегодныхъ обѣдахъ въ Петербургѣ, въ память освобожденія крестьянъ 19 февраля, въ слѣдующихъ статьяхъ: а) День 19 февраля 1861—1884 г., историч. очеркъ, 1884 г., т. XLI, стр. 669—734; в) Двадцать четвертая годовщина дня освобожденія крестьянъ 19 февраля 1885 г.,—1885 г., т. XLVI, стр. 213—224. На обѣдѣ по случаю 25-й годовщины освобожденія крестьянъ, въ 1886 г., сотрудники Кавелина въ этомъ великомъ дѣлѣ—вспоминали его, уже скончавшагося. На этомъ обѣдѣ представилъ замѣчательную характеристику Кавелина К. И. Домонтовичъ. 3) Привѣтствія А. П. Заблоцкому-Десятовскому на дружескомъ обѣдѣ по случаю 50-ти лѣтія его службы,—1882 г., т. XXXIII, 539—546. Некрологъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго († 24 дек. 1881 г.), написанный К. Д. Кавелинымъ, перепечатанъ изъ газеты „Порядокъ“ 1881 г., *ibid.*, стр. 548—552.—О роли А. П. Заблоцкаго въ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи и объ отношеніяхъ его къ Кавелину говорится въ текстѣ настоящаго предисловія.

Д. К.

составленную имъ въ 1857 году, независимо отъ предшествовавшей записки о томъ же, написанной въ 1855 году.

2) Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ (того же 1857 года).

3) Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ, объ историческомъ значеніи освобожденія крестьянъ въ Россіи (1864 г.).

Для лучшаго уразумѣнія этихъ интересныхъ монографій Кавелина не бесполезно будетъ припомнить нѣкоторыя подробности изъ исторіи освобожденія крестьянъ и изъ жизни самого Кавелина.

Константинъ Дмитріевичъ перешелъ на службу изъ Москвы въ Петербургъ въ тотъ именно годъ (1848-й), который, какъ извѣстно, знаменуется началомъ реакціонной вѣшной и внутренней политики императора Николая Павловича, продолжавшейся до конца его царствованія. Мысль объ освобожденіи крестьянъ, озобочившая императора Николая въ лучшие годы его царствованія, была не только оставлена имъ безъ исполненія, но самыя даже отдаленныя намеки на нее въ публицистикѣ и произведеніяхъ изящной литературы строго преслѣдовались. Тѣмъ не менѣе, въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей, какъ въ сферахъ правительственныхъ, такъ и въ кружкахъ литературныхъ, идея объ уничтоженіи крѣпостнаго права продолжала жить и развиваться. Во главѣ немногихъ убѣжденныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ находился Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, который, ставъ Императоромъ Всероссійскимъ, достигъ осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній объ улучшеніи быта массы русскаго народа. Его августѣйшій братъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, и великая княгиня Елена Павловна стояли во главѣ лицъ, не только сочувствовавшихъ крестьянскому освобожденію, но и внесшихъ, какъ в. к. Константинъ Николаевичъ, весьма много личнаго труда и энергіи въ это великое дѣло; около нихъ группировались „эмансипаторы“ (какъ называли позднѣе въ разговорѣ и въ печати друзья крестьянской свободы), изъ разныхъ слоевъ русскаго общества, въ особенности же изъ лицъ, занимавшихъ высокія служебныя должности, и изъ представителей науки и литературы. Главными учрежденіями, способствовавшими развитію и распространенію въ русскомъ обществѣ мысли объ освобожденіи крестьянъ, были: министерство государственныхъ имуществъ съ графомъ Павл. Дм. Киселевымъ во главѣ, императорское русское географическое общество подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича. Министерство государственныхъ имуществъ, образованное по мысли графа Киселева въ 1838 году, являлось одной изъ предварительныхъ попытокъ императора Николая на пути къ освобожденію крестьянъ, а высокій и просвѣщенный государственный умъ графа Киселева вліялъ на близкихъ ему людей и воспитывалъ въ нихъ убѣжденіе

въ необходимости крестьянской реформы ¹⁾). Родной племянникъ графа Киселева, Николай Алексѣевичъ Милютинъ ²⁾, и служившіе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ Дмитрій Петровичъ Хрущевъ и Андрей Паре. Заблоцкій-Десятовскій ³⁾ были въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ искренними провозвѣстниками уничтоженія крѣпостнаго права. Императорское русское географическое общество, основанное въ Петербургѣ въ 1844 году, отворило свои двери всѣмъ друзьямъ освобожденія крестьянъ. Въ немъ, среди научныхъ занятій, обмѣнивались они мыслями объ „улучшеніи быта крѣпостныхъ людей“. Всѣ выдающіеся дѣятели крестьянской реформы 1861 года были членами географическаго общества и усердными въ немъ работниками. Въ числѣ ихъ находился и Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ, поступившій въ члены общества въ концѣ 1840-хъ годовъ. Здѣсь сблизился онъ, съ одной стороны, съ интеллигентными людьми изъ правительственныхъ сферъ, съ другой стороны— съ петербургскими учеными и литераторами. Близкія его отношенія съ К. К.

¹⁾ Подробности см. въ интересной монографіи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго: „Графъ Киселевъ и его время“. Сиб. 1882 г. 4 т., in 8°.

²⁾ Родная сестра графа Павла Дмитриевича, Александра Дмитриевна Киселева, была въ замужествѣ за дѣйств. ст. сов. Алексѣемъ Михайловичемъ Милютинымъ. Отъ этого брака произошли на свѣтъ трое даровитыхъ дѣятелей на поприщѣ государственномъ и научномъ: 1) Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, докторъ исторіи, военный историкъ и военный министръ покойнаго государя Александра II. 2) Николай Алексѣевичъ Милютинъ, извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, бывший одно время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ († 26 янв. 1872 г.). 3) Владмиръ Алексѣевичъ Милютинъ, профессоръ государственнаго права въ петербургскомъ университетѣ, авторъ многихъ замѣчательныхъ монографій по исторіи русскаго права и по политической экономіи († 1855 г.).

³⁾ Д. П. Хрущовъ былъ въ 1861 г., по увольненіи графа П. Д. Киселева отъ должности министра государственныхъ имуществъ, товарищемъ министра госуд. имущ.—А. П. Заблоцкій-Десятовскій представилъ, еще въ 1841 году, графу Киселеву весьма любопытную записку, заключающую фактическія данныя изъ жизни и экономическаго быта помѣщичьихъ крестьянъ и направленную противъ крѣпостнаго права (см. его монографію о гр. Киселевѣ, т. IV, стр. 271—346), а съ 1853 по 1859 г. включительно выходила, подъ редакціей Заблоцкаго-Десятовскаго, издающаяся съ 1834 г. по высочайшему повелѣнію при министерствѣ гос. имущ. „Земледѣльческая газета“. Въ этой газетѣ, съ самаго ея возникновенія, появились статьи, косвенно нападавшія на крѣпостное право. Изъ нихъ особенно замѣчательна статья извѣстнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ, а затѣмъ по земству, А. И. Кошелева, помѣщенная въ „Земледѣльческой газетѣ“ 1847 г., безъ имени автора, подъ заглавіемъ „Охота пуще неволи“. (См. ее въ приложеніи къ „Запискамъ Кошелева“, изд. въ Берлинѣ въ 1884 г., стр. 9—14, и въ текстѣ самахъ записокъ, стр. 64—67).
Д. Е.

Протоиер., братьями Милотинными, Андр. Парв. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, Александр. Вас. Головиннымъ, Мих. Христоф. Рейтерномъ, Ник. Христ. Бунге, Влад. Павл. Безобразовымъ и другими выдающимися дѣятелями на государственномъ поприщѣ возникли въ географическомъ обществѣ. К. Д. Кавелинъ особенно усердно занялся обработкой этнографическаго матеріала, стовавшагося въ географическое общество, и находилъ въ немъ не только данныя для историко-этнографическаго изученія, но и для опредѣленія современнаго положенія крѣпостнаго населенія. Но послѣдняя цѣль, до поры до времени, оставалась подъ спудомъ и въ царствованіе императора Николая Павловича могла обнаруживаться только первая—историко-этнографическая.

Въ 1847 году этнографическое отдѣленіе географическаго общества составило программу для собранія свѣдѣній на мѣстахъ о народномъ бытѣ и разослало по разнымъ областямъ Россіи болѣе 7,000 экземпляровъ этой программы. Сочувствіе, съ какимъ откликнулись на программу наши провинціальныя знатоки народной жизни, превзошло самыя смѣлыя ожиданія географическаго общества. Въ короткое время было доставлено громадное количество разныхъ этнографическихъ, историческихъ и археологическихъ статей и замѣтокъ, такъ что пришлось обратиться къ нѣсколькимъ специалистамъ ученымъ для разбора этого обширнаго и интереснаго матеріала, который положено было издать въ видѣ особаго „Этнографическаго Сборника“ (началъ выходить съ 1853 года). Однимъ изъ его редакторовъ былъ К. Д. Кавелинъ ¹⁾). Вотъ что писалъ онъ по этому поводу 8 апрѣля 1850 г. Никол. Никит. Буличу, профессору, а впоследствии ректору казанскаго университета: „что касается до моихъ занятій, то они теперь почти исключительно посвящены приготовленію къ изданію богатыхъ этнографическихъ матеріаловъ географическаго общества. Первый выпускъ (Сборника) составятъ тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть напечатаны цѣлкомъ, съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями въ редакціи только. Такихъ №№, составленныхъ по программѣ этнографическаго отдѣленія, оказалось 17 или 18. Остальные, въ числѣ слишкомъ 400, будутъ переработаны, т. е. изъ нихъ выберется все мало-мальски любопытное и новое, будетъ сведено систематически, т. е. по извѣстному порядку и плану, и въ этомъ видѣ издано. Послѣдняя половина

¹⁾ Подробности см. въ составленномъ А. И. Артемьевымъ „Обозрѣніи трудовъ Имп. Русск. Географ. Общ. по исторической географіи“. СПб. 1873 г., стр. 18—21.—Тамъ же приведенъ отзывъ К. Д. Кавелина объ историческомъ и археологическомъ значеніи этихъ матеріаловъ. см. стр. 117—118; См. также извлеченія изъ этихъ матеріаловъ самого Кавелина, въ „Географическихъ Извѣстіяхъ“ 1850 г., вып. 3-й, стр. 323—339, и въ „Сочиненія“ Кавелина, изд. въ М. 1859 г., ч. IV, стр. 201—214. Д. К.

этого труда истинно египетская. Читаешь тетради и иногда въ нихъ ничего не найдешь, иногда—одно какое-нибудь слово, или двѣ строки. Я принялъ такую методу: всѣ эти мѣста выписываются на кусочкахъ бумаги, которые потомъ разберутся и будутъ подклеены одни подъ другими. Иначе нельзя было составить свода изъ 400 слишкомъ болѣе или менѣе толстыхъ тетрадей ¹⁾. За то смѣю надѣяться, что вещь выйдетъ недурная и сводъ составленъ будетъ добросовѣстно. Прибавить должно, что кромѣ меня работаютъ надъ этими матеріалами еще три человѣка: Савельевъ (оріенталистъ), Сахаровъ ²⁾ и Срезневскій ³⁾. Савельевъ взялъ всѣхъ инородцевъ, Сахаровъ—сказки, пѣсни, пословицы и загадки, Срезневскій словари и филологическіе свѣдѣнія и матеріалы; я взялъ почти все остальное о русскомъ, малороссійскомъ и бѣлорусскомъ племенахъ, т. е. описаніе жилья, пищи, одежды, общественный бытъ и юридическіе обычаи, игры, праздники и повѣрья. Къ печатанію перваго выпуска приступимъ послѣ Святой; сводъ будетъ долго дѣлаться: работа копотная и трудная ⁴⁾.

К. Д. Кавелинъ, всецѣло преданный идеѣ освобожденія крестьянъ, думалъ найти сочувствіе этой идеѣ и среди членовъ другаго петербургскаго общества, имѣвшаго не спеціально-ученую, а экономически-хозяйственную, практическую задачу, среди членовъ императорскаго вольнаго экономического общества, основаннаго императрицею Екатериною II, какъ извѣстно, именно для постепеннаго подготовленія дѣла освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и улучшенія ихъ быта. Въ 1850-хъ годахъ Кавелинъ поступилъ въ секретари вольнаго экономического общества и составилъ проектъ новой программы для его занятій ⁴⁾. Но надеждамъ Кавелина не суждено было исполниться, и онъ скоро покинулъ мѣсто секретаря вольнаго экономического общества. Черезъ тридцать лѣтъ, въ 1880-хъ годахъ, вступилъ онъ снова въ то же Общество, уже во главѣ его, въ качествѣ президента, все

¹⁾ Въ бумагахъ Кавелина сохранились черновыя выписки по этому своду. Матеріалъ этотъ имѣетъ большую цѣну при изученіи внѣшнихъ приѣмовъ механизма ученыхъ работъ Кавелина. Знакомясь съ ними, видишь наглядно, какъ тщательно собиралъ Кавелинъ всѣ мелочныя факты крупнаго вопроса и какъ старательно онъ ихъ изучалъ для полученія правильныхъ обобщеній и выводовъ.

²⁾ Извѣстный археологъ и изслѣдователь народнаго русскаго быта — Изв. Петр. Сахаровъ.

³⁾ Извѣстный языковедъ и филологъ, академикъ и профессоръ петербургскаго университета—Изв. Ив. Срезневскій.

⁴⁾ „Соображенія о предметахъ занятій, цѣли и способахъ дѣйствія имп. вольн. экон. общества“, составл. К. Д. Кавелинымъ въ 1857 г., по случаю происходившихъ въ то время совѣщаній о проектѣ новаго устава общества. Записка эта напечатана въ „Сочиненіяхъ“ Кавелина, т. IV, стр. 297—328.

Д. К.

29

съ тою же цѣлью—способствовать улучшенію быта уже освобожденныхъ крестьянъ, и вскорѣ долженъ былъ покинуть президентское кресло, какъ тридцать лѣтъ до того покинулъ мѣсто секретаря...

Въ январѣ 1857 года былъ образованъ въ Петербургѣ т. наз. секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Александра Николаевича, но лица, вошедшія въ его составъ, за весьма малыми исключеніями, не были расположены къ освобожденію крестьянъ. Повидимому, не случайно столь видный „эмансипаторъ“, какъ графъ Киселевъ, именно въ это время былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Можно предполагать, что это назначеніе состоялось не безъ вліянія сильной придворной партіи изъ противниковъ освобожденія крестьянъ. Прежде всего, рѣшено было сосредоточить въ секретномъ комитетѣ всѣ дѣла по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ за время царствованія Николая Павловича, а равно и всѣ частные записки и проекты по освобожденію крестьянъ. Дѣло такимъ образомъ затягивалось и откладывалось въ дальній ящикъ. Наступило лѣто. Великая княгиня Елена Павловна, занятая проектомъ освобожденія крестьянъ въ своемъ полтавскомъ имѣніи Карлово, уѣхала за границу и пригласила къ себѣ въ Вильдбадъ К. Д. Кавелина для обсужденія составленнаго имъ „Положенія“ Карловскихъ крестьянъ. Кавелинъ имѣлъ разговоры о предстоящей реформѣ съ великой княгиней, съ императрицей Маріей Александровной и съ приближенными къ нимъ лицами, въ томъ числѣ съ двумя сановниками, діаметрально-противоположно смотрѣвшими на дѣло освобожденія крестьянъ — графомъ П. Д. Киселевымъ и княземъ Вас. Андр. Долгоруковымъ ¹⁾). Императоръ Александръ II, крайне недовольный бездѣйствіемъ секретнаго комитета и желавшій какъ можно скорѣе двинуть впередъ дѣло „улучшенія быта“ крестьянъ, въ концѣ іюля 1857 года назначилъ членомъ комитета великаго князя Константина Николаевича, который и принялся за дѣло весьма энергично.

Въ засѣданіи 18 августа 1857 года, комитетъ постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должною осторожностью и постепенностью, въ три періода: первый посвятить на собраніе необходимыхъ для дѣла данныхъ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, не назначая ему, впрочемъ, никакого срока. Въ теченіе этого же перваго періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ ихъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ (1803 г.) и обьявляемыхъ крестьянъ (1842) г.) по добровольному взаимному

¹⁾ См. V-ю главу сообщ. мною „Матеріаловъ“ для біографіи К. Д. Кавелина, „Вѣстн. Евр.“ 1886 г., іюль, стр. 543—545 и слѣд., и книгу Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ, т. III, стр. 34. Д. Е.

соглашенію съ утвержденіи правительства, для чего подготовить проекты условій и представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второй періодъ составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій періодъ долженъ былъ заключаться въ окончательномъ устройствѣ крестьянъ. Въ резолюціи на журналѣ секретнаго комитета, 18 августа 1857 года, Государь Александръ II, между прочимъ, написалъ: „Да поможетъ намъ Богъ повести это важное дѣло съ должною осторожностію въ желаемой цѣли“. По вопросамъ о взаимныхъ соглашеніяхъ между помѣщиками и крестьянами и объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ были составлены слѣдующіе 14 вопросовъ:

I. Можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ браки безъ согласія помѣщика?

II. Можно ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика?

III. Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами?

IV. Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ?

V. Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь?

VI. Слѣдуетъ-ли ограничить права помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты?

VII. Должно-ли лишить помѣщиковъ права вмѣшиваться въ отправленіе крестьянами повинностей и податей?

VIII. Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ?

IX. Можно-ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ?

X. Можно-ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на волю за особо опредѣленную цѣну?

XI. Какія мѣры должно принять нынѣ же для уменьшенія числа дворовыхъ людей?

XII. Какія принять мѣры для большаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

XIII. Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ выше мѣръ, не слѣдуетъ ли принять нынѣ же еще нѣкоторыя мѣры для облегченія какъ крѣпостнаго состоянія, такъ и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

XIV. Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ

нѣру, кои комитетомъ будутъ окончательно избраны и Его Императорскимъ Величествомъ утверждены?

Вопросы эти были разсланы какъ къ членамъ комитета, такъ и къ нѣкоторымъ лицамъ, извѣстнымъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ числѣ весьма немногихъ лицъ изъ этой послѣдней категоріи получилъ ихъ и К. Д. Кавелинъ, только что возвратившійся въ то время изъ за границы и собиравшійся начать преподаваніе покойному Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу и чтеніе лекцій въ петербургскомъ университетѣ. Въ концѣ августа 1857 года Кавелинъ прибылъ въ Петербургъ, а 5 сентября получилъ слѣдующее письмо, съ надписью: „весьма секретно“, отъ А. В. Головинна, близко стоявшаго въ то время къ великому князю Константину Николаевичу ¹⁾: „По приказанію Великаго Князя посылаю вамъ, почтеннѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, вопросы, предложенные комитетомъ о крестьянахъ своимъ членамъ съ тѣмъ, чтобъ они доставили свои мнѣнія къ 1 октября. Великій князь проситъ васъ потрудиться сообщить его высочеству ваши по нимъ соображенія, за что будетъ особенно вамъ признателенъ. Преданный вамъ Головиннъ“.

Соображенія свои Кавелинъ изложилъ въ особой запискѣ, печатаемой ниже. Записка эта отвѣчаетъ, главнымъ образомъ, на I, II, V и VI изъ присланныхъ Константину Дмитріевичу вопросовъ. Отвѣты на нѣкоторые вопросы онъ не успѣлъ, за недостаткомъ времени, обработать должнымъ образомъ. Въ бумагахъ Кавелина сохранился небольшой лоскутокъ, на которомъ, частію чернилами, частію карандашомъ, набросаны слѣдующія замѣчанія, очевидно, относящіяся къ XIII вопросу и касающіяся ограниченія помѣщичьихъ правъ.

„Запретить брать во дворъ и въ личную службу.—Ограничить подводную повинность.—Выкупить приписанныхъ къ домамъ.—Выкупить съ публичнаго торго мелкопомѣстныхъ.—Уничтожить приписку воспитанниковъ въ крѣпостное состояніе воспитателей ²⁾. Если велѣно всѣхъ приписывать къ населен-

¹⁾ Въ то время, какъ дописывалось настоящее предисловіе, получено извѣстіе о кончинѣ А. В. Головинна († 3 ноября 1886 г.) Дѣятельность его, какъ государственнаго человѣка вообще и министра народнаго просвѣщенія въ частности (1861—1866 г.), подлежитъ теперь, наравнѣ съ дѣятельностью Кавелина, суду исторіи.
Д. К.

²⁾ Св. Законъ, т. IX, изд. 1857 г., статья 997, пунктъ 3-й: „Потомственное крѣпостное состояніе лица устанавливается, между прочимъ, причисленіемъ къ крѣпостному семейству пріемыша, не помнящаго родства, для пріобрѣтѣнія его и воспитанія“. Статья 1,015 того же тома и изданія: „Подкидыши и непомнящіе родства, если, бывъ приняты въ младенчествѣ ихъ ниже десяти

ныи имѣніямъ, то запретить держать крестьянъ безъ земли, въ застойной, на положеніи дворовыхъ*.

Къ назначенному великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ сроку Кавелинъ не успѣлъ составить свою записку. Отправляя ея А. В. Головинну, 5-го октября 1857 года, Кавелинъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„М. г. Александръ Васильевичъ! Посылая вамъ записку, составленную вслѣдствіе лестнаго порученія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, покорнѣйше прошу васъ повергнуть передъ Его Высочествомъ изъявленіе глубочайшей моей благодарности за довѣріе и честь, которыхъ я удостоился, и вмѣстѣ испросить мнѣ милостивое извиненіе Великаго Князя за представленіе этой работы пятью днями позже назначеннаго срока. Важность дѣла, краткость времени, совершенное отсутствіе досуга, вслѣдствіе срочныхъ занятій съ Государемъ Наслѣдникомъ и приготовленій къ университетскимъ лекціямъ, наконецъ, недостатокъ въ предварительныхъ трудахъ, даже въ сносномъ сборникѣ матеріаловъ — вотъ что было причиною замедленія. Этими же причинами объясняется и недостаточность моего труда, которую живо сознаю и чувствую.

„Что касается до возраженій вашихъ на проектъ освобожденія полтавскихъ крестьянъ великой княгини Елены Павловны, то я ничего не писалъ вамъ объ этомъ, потому что былъ до сихъ поръ исключительно занятъ исполненіемъ порученія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Теперь, окончивъ эту работу, считаю обязанностію высказать вамъ мои мысли объ этомъ предметѣ.

„Вы полагаете, что помѣщикъ не имѣетъ права получить вознагражденіе собственно за прекращеніе крѣпостнаго права, а только за землю. Мнѣ кажется, что на это можетъ быть нѣсколько различныхъ взглядовъ. Революція, снизу или сверху, можетъ поставить и провести общія начала съ строгою послѣдовательностію и даже съ большою пользою для народа, хотя бы только временною. Но пока вопросъ вращается въ мирныхъ сдѣлкахъ, соглашеніяхъ, улаживаньяхъ, я убѣжденъ, что было бы противно справедливости и гражданскому праву выбрать одну какую-нибудь мѣрку для оцѣнки крѣпостнаго права и отвергать все, что подъ нее не подходитъ. Крѣпостное право есть право личное, которое въ однихъ случаяхъ можетъ быть приведено къ цѣнности земли, въ другихъ не можетъ. Пока рѣчь идетъ о частныхъ административныхъ ограниченіяхъ крѣпостнаго права, о которыхъ вы говорите, это еще не такъ замѣтно; но попробуйте коснуться сущности и вы увидите, какія

лѣтъ, лицемъ, имѣющимъ по своему званію право владѣть крѣпостными людьми, будутъ имъ воспитаны и обучены, то по желанію воспитателя записываются за нимъ въ числѣ его крѣпостныхъ“.

Д. К.

могутъ произойти несправедливости отъ такого взгляда на предметъ. Есть имѣнія, даже цѣлыя мѣстности, въ которыхъ весь доходъ помѣщика дается не землею, а работою крѣпостнымъ. Въ такихъ имѣніяхъ заплатить владѣльцу за землю и лишить его дохода за трудъ значило бы отнять у него собственность.

„Къ счастью, въ примѣненіи къ полтавскому имѣнію великой княгини вопросъ этотъ не имѣетъ практическаго примѣненія. Расчетъ составленъ не по крѣпостному праву, а по цѣнѣ одной лишь земли въ Константиноградскомъ уѣздѣ. Цѣна эта будетъ еще провѣрена на мѣстахъ и примется за основаніе всѣхъ расчетовъ по освобожденію Карловскихъ крестьянъ.

„Далѣе, срокъ, назначенный для совершеннаго выкупа Карловскихъ крестьянъ, по вашему имѣнію, слишкомъ продолжителенъ и повинности тягостны. Конечно, судить объ этомъ теперь довольно трудно; только кажется, что положеніе крестьянъ, съ заключеніемъ условій, тотчасъ же должно облегчиться. По исчисленію г. Тарновскаго, полтавскаго помѣщика, вмѣстѣ съ нами работавшаго надъ проектомъ, каждая крестьянская семья, владѣющая 14-ю десятинами земли, вмѣсто теперешней 142-хъ дневной мужской и 142-хъ дневной женской барщины въ годъ, не считая работы затыгольныхъ молодыхъ людей обоого пола, должна будетъ ежегодно платить въ опекунскій совѣтъ отъ 8 до 10 рублей, и давать всего 59 рабочихъ дней. Выгода для крестьянъ—очевидная, особенно если принять въ расчетъ, что зимою крестьяне въ Константиноградскомъ уѣздѣ и въ самомъ имѣніи великой княгини могутъ найти большіе заработки на разныхъ заводахъ. Но чтобы еще болѣе облегчить крестьянъ—имъ предоставлено черезъ 15 лѣтъ совѣтъ освободиться отъ всякой работы. Итакъ, вы видите, что въ этомъ отношеніи сдѣлано все возможное. Последнее ваше замѣчаніе состоитъ въ томъ, что помѣщику будетъ трудно справиться съ крестьянами, которые будутъ ему отдаваемы въ отработокъ въ случаѣ неплатежа кредитнымъ установленіямъ. Въ этомъ отношеніи позволю себѣ замѣтить, что при составленіи проекта освобожденія Карловскихъ крестьянъ вовсе и не было въ виду постановить общее правило для всѣхъ подобныхъ случаевъ, а особенныя условія Карловскаго имѣнія очень благопріятствуютъ такого рода способу отработки долга. Вообще же можно замѣтить, что если долгъ опекунскому совѣту, какъ въ настоящемъ случаѣ, не обременителенъ, то отработка его неисправными крестьянами у помѣщика не можетъ быть въ дѣйствительности слишкомъ тяжка и по естественному отвращенію крестьянъ къ барщинѣ едва ли будетъ часто встрѣчаться. Что-же касается до помѣщика, то, оставаясь въ управленіи крестьянскимъ обществомъ, онъ всегда будетъ имѣть возможность не допустить крестьянъ до неисправности, подвергающей ихъ принудительнымъ мѣрамъ.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности. К. Кавелинъ“.

9-го января 1858 года А. В. Головиннъ писалъ Кавелину: „Почтеннѣйшій Константинъ Дмитріевичъ! Великій князь обратилъ особенное вниманіе на вашу записку, которая совершенно согласна съ его взглядомъ, и вручилъ экземпляръ Императрицѣ для передачи потомъ Государю, а затѣмъ, не называя васъ, послалъ копію князю Орлову, Чевкину, Норову и Тимашеву. Преданный вамъ А. Головиннъ“.

Въ концѣ 1857 года послѣдовали два извѣстныхъ рескрипта на имя генералъ-губернаторовъ виленскаго (20-го ноября) и с.-петербургскаго (5-го декабря) объ организаціи губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. 28-го декабря состоялся въ Москвѣ обѣдъ литераторовъ, на которомъ они дружно и задумчиво привѣтствовали Государное слово за крестьянъ, впервые высказанное во всеуслышаніе въ двухъ вышеупомянутыхъ рескриптахъ. На этомъ обѣдѣ говорили рѣчи и М. Н. Катковъ, и М. П. Погодинъ, и И. К. Бабстъ, и В. А. Коворевъ. Говорилъ рѣчь и К. Д. Кавелинъ, нарочно пріѣхавшій для обѣда изъ Петербурга. М. Н. Катковъ, описывая этотъ обѣдъ въ „Русск. Вѣсти.“ 1857 г. и приведя рѣчь И. К. Бабста, далѣе говоритъ слѣдующее: „Вскорѣ затѣмъ всталъ дорогой гость нашъ, по праву принадлежащій Москвѣ, именитъ профессоръ с.-петербургскаго университета, К. Д. Кавелинъ. Узнавъ, по пріѣздѣ въ Москву, о задуманномъ праздникѣ, онъ съ благороднымъ жаромъ предался всею душою мысли устроить его въ духѣ примиренія и соединенія всѣхъ литературныхъ партій. Вотъ произнесенная имъ, при непрерывномъ грохѣ рукоплесканій и крикахъ „браво“, рѣчь, заключившая обѣдъ тѣмъ же тономъ, который троекратно повторялся въ его началѣ (т. е. за здравіе Государя Императора).

„Мы знаемъ,—говорилъ Кавелинъ,—о великодушномъ призывѣ Государя къ дворянству, послѣдовавшемъ 20-го ноября. Этого 20-го ноября чадали многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ. Только будущее, сокрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всѣ матеріальныя, гражданскія и нравственныя послѣдствія великаго дѣла, начатаго 20-го ноября. Нашъ долгъ и призваніе—приготовиться къ нему достойнымъ образомъ, ибо мы видимъ начало разрѣшенія задачи, сложившейся цѣлыми вѣками русской исторіи; но многіе изъ насъ еще не ступаютъ на святую, обѣтованную землю. Пусть же другіе, послѣ насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нимъ равнодушіи, но съ благодарностью вспомнятъ трудъ и любовь, которые и мы принесли на общее дѣло, насколько мы могли и умѣли. 20-го ноября открываетъ для насъ возможность озаботиться о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта. Я говорю: возможность, потому что нашему благоразумію и

любви къ отечеству предоставлено прѣискать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный извѣстнымъ законамъ; но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія, или они отступаютъ передъ задачей и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ первомъ случаѣ, жизнь совершается стройно, послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ жертвоуаній, со всевозможной пощадой интересовъ всѣхъ и каждаго; во второмъ—задача все-таки рѣшается, но только сама собою, какъ придется, съ матеріальнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги, напротивъ, съ утратою нравственнаго достоинства, въ подтвержденіе неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами¹⁾.

II.

Повидимому воззрѣнія Кавелина на крестьянскій вопросъ получали сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ, но вскорѣ лично для него обстоятельства приняли совершенно другое направленіе. На Кавелина недружелюбно смотрѣла цѣлая партія при дворѣ,—партія, не сочувствовавшая освобожденію крестьянъ, и эта-то партія воспользовалась для оклеветанія его въ глазахъ государя весьма незначительнымъ поводомъ. Въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ за 1858 годъ было напечатано извлеченіе изъ первой „Записки“ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ (1855 г.), безъ имени автора, въ статьѣ „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“. Это извлеченіе и послужило орудіемъ противъ Кавелина въ рукахъ его недоброжелателей, такъ что онъ долженъ былъ оставить преподаваніе Наслѣднику Цесаревичу. Но Кавелинъ не былъ человѣкомъ, мѣнявшимъ убѣжденія ради личныхъ житейскихъ выгодъ, и онъ не отступилъ не только отъ своихъ мыслей объ освобожденіи крестьянъ, но и отъ своего вліятельнаго, хотя и неофициальнаго, участія въ самомъ ходѣ этого дѣла.

¹⁾ См. „Русск. Вѣстн.“ 1857 г., т. XII, Соврем. Лѣтопись, статью М. Н. Каткова „Объѣдъ 28-го декабря“, стр. 203—212. Здѣсь приведены цѣликомъ рѣчь К. Д. Кавелина и отзывъ о немъ М. Н. Каткова. Рѣчь Кавелина помѣщена также въ „Собраніи его сочиненій“, т. IV, стр. 363—365. Д. Е.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею не только не находила сочувствія въ правительственныхъ сферахъ, но въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу (какъ названъ былъ бывший секретный комитетъ при своемъ официальном открытіи въ январѣ 1858 года) большинство членовъ не понимало этой мысли должнымъ образомъ. Лишь великій князь Константинъ Николаевичъ и два-три члена комитета вполне были преданы освобожденію крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, и Кавелинъ сдѣлалъ очень много для популяризаціи этой мысли среди большинства членовъ главнаго комитета. Ему также принадлежитъ если не инициатива, то разработка организаціи столь извѣстныхъ въ исторіи освобожденія крестьянъ редакціонныхъ комиссій, возникшихъ по высочайшему повелѣнію 17-го февраля 1859 г. и созданныхъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Эти комиссіи, числомъ 4, юридическая, административная, хозяйственная и финансовая, были составлены, на основаніи упомянутаго высочайшаго повелѣнія, изъ экспертовъ и опытныхъ помѣщиковъ и изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ. Весьма интересны подробности возникновенія редакціонныхъ комиссій.

Вслѣдъ за открытіемъ главнаго комитета были образованы еще два учрежденія по крестьянскому дѣлу: земскій отдѣлъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства Имперіи (27-го марта 1858 г.) и особая комиссія при главномъ комитетѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ положеній дворянскихъ губернскихъ комитетовъ (15-го іюля 1858 г.). Въ высочайшемъ повелѣніи объ учрежденіи этой особой комиссіи предоставлялось ей собственному усмотрѣнію распределеніе ея занятій и организація ея внутреннего распорядка. Кавелинъ и его друзья по географическому обществу, еще до обнародованія этого высочайшаго повелѣнія, обдумывали программу занятій „особой комиссіи“, желая придать ей ту организацію, которая впоследствии и осуществилась въ формѣ „редакціонныхъ комиссій“¹⁾.

Сенаторъ Я. А. Соловьевъ въ своихъ интересныхъ „Запискахъ о крестьянскомъ дѣлѣ“, изданныхъ на страницахъ „Русской Старины“,—говоритъ, между прочимъ, что первая мысль объ организаціи редакціонныхъ комиссій принадлежитъ земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ²⁾, и заявляетъ затѣмъ, что выборъ лицъ въ эту комиссію производился Я. И. Ростовцевымъ по совѣту его, Я. А. Соловьева, и С. М. Жуковского, при чемъ яко-бы назначеніе въ члены редакціонныхъ комиссій такого крупнаго дѣятеля въ

¹⁾ Записка объ этомъ, составленная Кавелинымъ еще въ концѣ 1857 г., будетъ напечатана въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“.

²⁾ См. „Русск. Старину“ 1880 г., т. XXVII, стр. 328—329.

крестьянскомъ дѣлѣ, какъ Ник. Алексѣев. Милютинъ, послѣдовало по рекомендаціи г. Соловьева. „Весьма вѣроятно, — прибавляетъ онъ, однако, — что не одни мои убѣжденія, но и ходатайство великой княгини Елены Павловны содѣйствовало тому, что Ростовцевъ согласился на назначеніе Милютинъ членомъ комисіи ¹⁾. Изъ записки К. Д. Кавелина читатели усмотрятъ, что первоначальная мысль объ организаціи редакціонныхъ комисій принадлежитъ вовсе не земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ, а назначеніе въ члены этой комисіи Н. А. Милютинъ было сдѣлано не по рекомендаціи Я. А. Соловьева и С. М. Жуковского. Н. А. Милютинъ, въ числѣ цѣлаго ряда другихъ лицъ, впервые названъ въ запискѣ Кавелина, какъ полезный членъ особой комисіи по крестьянскому дѣлу, имѣющей быть образованной изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и экспертовъ — дѣятелей науки и литературы съ одной стороны и опытныхъ помѣщиковъ съ другой. Изъ числа названныхъ въ запискѣ лицъ, весьма немногія попали въ члены редакціонныхъ комисій; не попалъ и самъ К. Д. Кавелинъ, также названный въ ней. При учрежденіи редакціонныхъ комисій были назначены лишь предсѣдатель ихъ, генераль-адъютантъ Ростовцевъ, и два непремѣнныхъ члена: С. М. Жуковский и Я. А. Соловьевъ. Остальные члены отъ разныхъ министерствъ и управленій имѣли быть назначены по соглашенію Ростовцева съ подлежащими министрами и главно-управляющими, а члены-эксперты предоставлялись выбору самого Ростовцева. Чѣмъ онъ руководствовался въ данномъ случаѣ — подробно излагаетъ въ своихъ Запискахъ о крестьянскомъ дѣлѣ Я. А. Соловьевъ ²⁾.

19 февраля 1861 г. послѣдовало освобожденіе крестьянъ, главнымъ образомъ по мысли и программѣ редакціонныхъ комисій и дѣятелей географическаго общества, т. е. съ земельнымъ надѣломъ.

Въ 1862 г. Кавелинъ написалъ два трактата, имѣющіе отношеніе къ этому великому въ новой русской исторіи дню: 1) Дворянство и освобожденіе крестьянъ (издано въ Берлинѣ, въ 1862 г.) и 2) Письмо къ самарскому губернскому предводителю дворянства В. П. Обухову (напеч. въ газетѣ „Новости“ 1866 г., № 22). Въ нихъ Кавелинъ призываетъ провинціальное дворянство къ сельско-хозяйственной дѣятельности въ своихъ имѣніяхъ и къ участію въ мѣстномъ хозяйственно-экономическомъ управленіи, которое 1 января 1864 года явилось въ формѣ положительнаго закона о земскихъ учрежденіяхъ.

¹⁾ „Русск. Стар.“ изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 334—335.

²⁾ Ibid, стр. 336—343.

III.

Въ 1862 году Кавелинъ поѣхалъ за границу, по порученію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, для изслѣдованія состоянія западно-европейскихъ, преимущественно германскихъ, университетовъ, и пробылъ въ Германіи и во Франціи до конца 1864 года. Живя въ Боннѣ на Рейнѣ, въ зиму 1863—1864 года, онъ былъ дружески принятъ тамошними профессорами и введенъ въ ихъ профессорскій клубъ (Dozenten-Club), въ которомъ по субботамъ читались рефераты по научнымъ и современнымъ политическо-общественнымъ вопросамъ. Боннскіе профессора, интересуясь значеніемъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, просили Кавелина объяснить имъ настоящій историческій и общественный смыслъ этого, не совсѣмъ яснаго для нихъ, событія, потому что въ Западной Европѣ освобожденіе крестьянъ шло совершенно инымъ путемъ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ оно совершилось у насъ въ Россіи. Исполняя ихъ желаніе, Кавелинъ сообщилъ въ боннскомъ профессорскомъ клубѣ свои воззрѣнія на значеніе освобожденія крестьянъ въ Россіи, въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Кавелинъ говорилъ по нѣмецки, имѣя въ рукахъ конспектъ на русскомъ языкѣ, чѣмъ и объясняется присутствіе нѣмецкихъ словъ въ конспектѣ. ¹⁾

Вослѣдствіи Константинъ Дмитриевичъ развилъ и аргументировалъ воззрѣнія, изложенныя имъ въ боннскомъ рефератѣ, гораздо полнѣе и подробнѣе въ замѣчательной монографіи, къ сожалѣнію, мало обратившей на себя вниманіе нашей періодической печати и не оцѣненной по достоинству. Между тѣмъ, эта монографія составляетъ, по собственнымъ словамъ Кавелина, гезисѣ и итогъ его историческихъ и политическихъ взглядовъ и его „лебединую пѣсню“ въ области русской исторіи, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкій по ясности и послѣдовательности мысли и по талантливости изложенія историко-философскій этюдъ по древней, допетровской русской исторіи, хотя и нельзя согласиться со всѣми воззрѣніями и выводами, приводимыми въ немъ. Эта монографія Кавелина носитъ скромное заглавіе: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“ и помѣщена во II кн. „Вѣстника Европы“ за 1866 г. (отд. I, стр. 325—404). Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, и вѣроятно весьма немногимъ памяты эти „Мысли и замѣтки“ Кавелина. Бонскій рефератъ не составляетъ, между тѣмъ, простаго конспекта указанной статьи К. Д. Кавелина, а является весьма любопытнымъ ея вариантомъ. Ставя крѣпостное право основнымъ вопросомъ всей исторіи великорусскаго

¹⁾ Конспектъ этотъ будетъ напечатанъ въ слѣдующей книгѣ.

племени и разсматривая этотъ вопросъ въ его историческомъ развитіи, рефератъ, написанный для иностранцевъ, для нѣмцевъ, выдвигаетъ на первый планъ тѣ стороны русской исторіи и жизни, которыя въ „Мысляхъ о русской исторіи“, помѣщенныхъ въ русскомъ журналѣ, или совсѣмъ опущены, или едва затронуты.

Къ другимъ замѣткамъ и запискамъ К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу, находящимся въ нашемъ распоряженіи, мы обратимся въ скоромъ времени. Къ нимъ относятся: 1) Проектъ „положенія“ о крестьянахъ его Самарскаго имѣнія, написанный въ 1850 годахъ, задолго до освобожденія крестьянъ. 2) Его переписка съ управляющими его имѣніемъ за то же время. 3) Забѣтки, касающіяся Карловскаго имѣнія ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны, и ин. др.

Д. А. Корсаковъ.

Казань.
Ноябрь 1886 г.

Мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи

[1857].

Въ послѣднее время вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ общественномъ мнѣніи. Всѣ теперь согласны уже въ томъ, что разрѣшить его слѣдуетъ и пора. Къ сожалѣнію, въ правительственныхъ сферахъ остается еще убѣжденіе, что это невозможно. Обыкновенно говорятъ такъ: самое разумное, естественное и справедливое было бы выкупить у владѣльцевъ крестьянъ съ землею которою они пользуются, по безпристрастной оцѣнкѣ, и тѣмъ совершенно развязать оба сословія, такъ чтобы всякія между ними взаимныя претензіи и столкновенія кончились. Но какъ этого достигнуть? Сами собою крѣпостные выкупиться не въ состояніи, правительство тоже не имѣетъ для того средствъ, а оставить владѣльцевъ безъ вознагражденія невозможно. Стало быть, надобно все оставить въ теперешнемъ положеніи, пока не наступятъ болѣе благопріятныя обстоятельства.

Но на такія обстоятельства нельзя рассчитывать ни въ ближайшемъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. Пока крѣпостное право существуетъ, правительство никогда не будетъ въ состояніи располагать огромными капиталами, необходимыми для выкупа всѣхъ крѣпостныхъ; никогда у послѣднихъ не будетъ достаточно средствъ, чтобы выкупиться самимъ. Судя по этому, Россіи, значитъ, суждено навсегда остаться при крѣпостномъ правѣ?

Къ счастью, на дѣлѣ бываетъ совсѣмъ иначе. Ни одинъ скольконибудь важный вопросъ не рѣшился вдругъ, всѣ подготавливались исподволь, и рядомъ переходныхъ мѣръ приводились къ окончательной развязкѣ. Мудрость состоитъ въ правильномъ уразумѣніи къ чему должно идти, въ выборѣ наилучшихъ средствъ и въ такомъ искусномъ

ихъ сочетаніи, чтобы изъ него необходимо вытекало разрѣшеніе задачи. Рядъ такихъ переходныхъ мѣръ, конечно, можно придумать и для упраздненія крѣпостнаго права, при всѣхъ очевидныхъ трудностяхъ, которыми это дѣло обставлено.

Здѣсь предлагаются нѣкоторыя объ этомъ мысли.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ особенно труденъ у насъ по своей сложности. Теперешнее сословіе крѣпостныхъ образовалось изъ двухъ различныхъ классовъ народовъ: рабовъ или холопей и крестьянъ. Первые искони не имѣли никакихъ правъ и принадлежали своимъ господамъ на подобіе вещей; крестьяне же, почти исключительно земледѣльцы, нѣвѣка пользовались гражданскою свободою и всѣми сопряженными съ нею правами.

Въ XVI вѣкѣ крестьяне, по уваженіямъ государственнымъ, прикрѣплены къ землѣ. Въ теченіи XVII вѣка множество ихъ роздано, вмѣстѣ съ землею, на которой сидѣли, въ частное владѣніе, на помѣстномъ правѣ. Отсюда, строго говоря, могла произойти для поселянъ лишь нѣкоторая зависимость отъ владѣльцевъ, обязанность работать на нихъ въ извѣстной мѣрѣ; но съ сохраненіемъ личной свободы ¹⁾. Но въ отдаленныя грубыя времена, когда это происходило, вышло совсѣмъ иначе. Съ крестьянами, прикрѣпленными къ землѣ, владѣльцы стали мало по малу обращаться какъ съ рабами и холопами, такъ что всѣ права, принадлежавшія надъ послѣдними господамъ, перешли, наконецъ, и на крестьянъ. Должно при этомъ замѣтить, что какъ холопи не были обязаны повинностями государству, вслѣдствіе чего много крестьянъ перешло въ это званіе къ ущербу государства, то въ царствованіе Петра Великаго оба сословія, на дѣлѣ уже не различавшіяся между собою, ревизіею слиты въ одно; а въ первой половинѣ XVIII вѣка многочисленныя помѣстныя земли, принадлежавшія государству, утверждены, со всѣми поселенными на нихъ крестьянами, за владѣльцами ихъ, въ полную собственность.— Въ этомъ послѣднемъ видѣ крѣпостное право чрезвычайно распространилось у насъ въ XVIII вѣкѣ новыми многочисленными раздачами казенныхъ селъ и деревень частнымъ лицамъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для правильной оцѣнки крѣпост-

¹⁾ Различныя юридическіе акты начала XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, ввозныя и послушныя грамоты, свидѣтельствуютъ, что и дѣйствительно въ это время крестьяне не находились еще въ безусловномъ распоряженіи владѣльцевъ.
Примѣч. К. Д. Кавелина.

наго права и способовъ его упраздненія необходимо различать въ немъ два элемента: 1) первоначальную зависимость крестьянина отъ владѣльца, обязанность нести и отправлять въ пользу послѣдняго извѣстныя повинности и 2) полное безусловное рабство, исключаящее всякія права, которому крестьяне подпали мало по малу въ теченіи XVII вѣка, отнюдь не по закону, а по грубости нравовъ, неопредѣленности законодательства и злоупотребленіямъ.

Такое же крѣпостное право, какое у насъ теперь, существовало нѣкогда въ цѣлой Европѣ; но тамъ очень рано была различена зависимость отъ рабства и послѣднее отмѣнено, съ удержаніемъ лишь первой, которая прекратилась не ранѣе XVIII и XIX вѣка. Такимъ раздѣленіемъ вопроса рѣшеніе его было существенно облегчено, тѣмъ болѣе, что между упраздненіемъ рабства и упраздненіемъ зависимости прошли вѣка.

У насъ дѣло представляется совсѣмъ иначе. Мы вдвинулись въ условія европейской жизни всего полтора столѣтія, и вслѣдствіе того по необходимости развиваемся съ удвоенною скоростію.—Вопросы, рѣшеніе которыхъ въ Европѣ раздѣлено столѣтіями, слѣдуютъ у насъ одни за другими съ неизмѣрною быстротою, или даже совпадаютъ и требуютъ совокупнаго разрѣшенія. Въ такомъ положеніи находится теперь и вопросъ о крѣпостномъ правѣ. При современномъ порядкѣ дѣлъ у насъ и въ Европѣ, зависимость и повинности крестьянъ въ отношеніи къ владѣльцамъ не могутъ быть болѣе терпимы; а у насъ, между тѣмъ, крѣпостное право служитъ основаніемъ не только зависимости, но и рабства, не только обязанностей и повинностей, но полного отсутствія правъ и униженія человѣка на степень вещи. Надобно напередъ возвратитъ крѣпостному личныя его права, и затѣмъ приступить къ отмѣнѣ его зависимости, обязанностей и повинностей.

і. Возстановленіе личныхъ правъ крѣпостныхъ.

Первоначальное значеніе крѣпостнаго права состояло, какъ выше сказано, въ обязанности отправлять на владѣльца разныя службы и повинности. О потерѣ крѣпостными гражданскихъ правъ и свободы не было и рѣчи. Но мало по малу они утратили и то, и другое, и обратились въ рабовъ. Подобно рабамъ, они потеряли право жаловаться на господъ и судиться съ ними, а съ тѣмъ вмѣстѣ право имѣть свою собственность безъ воли владѣльца, отыскивать свое право даже на постороннемъ, вступать по своему усмотрѣнію въ бракъ;

владѣльцы-же, напротивъ, присвоили себѣ право безусловно и безвозмездно располагать не только трудомъ и работами крѣпостныхъ, но и самую ихъ личностію: право ихъ продавать, переселять, ссылатъ, отдавать во всякое время, безъ очереди, въ военную службу, подвергать наказаніямъ безъ суда, по своему произволу. Нѣтъ права, котораго бы владѣлецъ не имѣлъ, прямо или косвенно, надъ крѣпостнымъ.

Лишь въ XIX вѣкѣ сдѣланы въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія, впрочемъ легкія, поверхностныя, вынужденныя человѣколюбіемъ и состраданіемъ и оставившія въ сущности неприкосновеннымъ произволъ владѣльцевъ надъ личностію и имуществомъ крѣпостныхъ.

Эти чрезмѣрныя, не человѣческія права могутъ быть упразднены немедленно, однимъ почеркомъ пера, безъ вознагражденія владѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого собственность ни малѣйше не была бы нарушена и что эти права нравственно, и даже матеріально, больше вредятъ помѣщикамъ, чѣмъ приносятъ имъ пользы. Одна обязанность отправлять на владѣльца, въ извѣстныхъ предѣлахъ, земледѣльческія работы и повинности или платить извѣстный оброкъ должна быть удержана; безусловное же право надъ личностію и имуществомъ крѣпостныхъ слѣдуетъ отмѣнить, какъ противоестественный наростъ, никогда закономъ прямо не освященный, противный справедливости и несомвѣстный съ требованіями вѣка.

Въ этомъ смыслѣ весьма желательно, чтобы дѣйствующее нынѣ наше законодательство о крѣпостномъ состояніи было немедленно подвергнуто самому тщательному пересмотру и все носящее печать личнаго рабства было изъ него рѣшительно исключено. Это было бы вмѣстѣ первымъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ на пути къ упраздненію крѣпостнаго права.

II. Упраздненіе крѣпостной зависимости и крѣпостныхъ повинностей.

За приведеніемъ крѣпостнаго права въ его законныя и справедливыя границы могло бы непосредственно слѣдовать его постепенное упраздненіе.

Самыя разумныя, справедливыя, съ государственною и частною пользою, согласныя начала упраздненія крѣпостнаго права, какъ сказано выше, были бы:

Прекращеніе всякой личной и имущественной зависимости крѣпостныхъ отъ ихъ владѣльцевъ;

Предоставленіе имъ всей земли, находящейся въ ихъ пользованіи;

Полное вознагражденіе владѣльцевъ за потери и убытки, которыми они должны будутъ подвергнуться вслѣдствіе освобожденія.

Упраздненіе крѣпостнаго права на этихъ началахъ совершенно бы удовлетворяло стремленію крѣпостныхъ къ свободѣ; сохранило бы въ неприкосновенности осѣдлость половины сельскаго нашего народонаселенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и внутреннее спокойствіе, такъ какъ другая половина—государственные крестьяне—имѣетъ уже свое устройство и права, въ главныхъ основаніяхъ вполне соответствующія потребностямъ. Далѣе, вознаградивъ владѣльцевъ матеріально за убытокъ, такой способъ отмены крѣпостнаго права поставилъ бы ихъ, нравственно и юридически, въ нормальныя отношенія къ простому народу, чѣмъ и было бы положено неизбѣжное основаніе для образованія у насъ консервативнаго аристократическаго начала, котораго недостатокъ такъ теперь ощутителенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, непосредственное примѣненіе этихъ началъ, по причинамъ, уже приведеннымъ, теперь невозможно. Поэтому, къ ихъ осуществленію должно стремиться постепенно, съ помощію переходныхъ мѣръ.

На этомъ пути предстоитъ пройти нѣсколько ступеней.

Послѣ пересмотра законодательства о крѣпостномъ правѣ, самая первая, ближайшая и вообще во всѣхъ отношеніяхъ самая благонадежная переходная мѣра—это добровольныя сдѣлки и соглашенія владѣльцевъ съ ихъ крѣпостными. Какъ ни простъ кажется съ перваго взгляда этотъ способъ, но и онъ безъ откровеннаго и рѣшительнаго содѣйствія правительства также невыполнимъ, какъ и всѣ прочіе.

Для заключенія добровольныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и ихъ крѣпостными существуютъ теперь двѣ нормы: законъ 1805 года объ увольненіи въ свободныя хлѣбопашцы и законъ 1842 года объ увольненіи въ обязанныя поселяне; но объ эти нормы обставлены столькими бесполезными формальностями, что, вмѣсто поощренія сдѣлокъ, онѣ ихъ только стѣсняють, даже дѣлають почти невозможными. Итакъ, самая настоятельная потребность заключается въ подробномъ пересмотрѣ обоихъ законовъ и въ исключеніи изъ нихъ всего того, что безъ всякой нужды стѣсняетъ добровольные контракты владѣльцевъ съ крѣпостными.

Одной этой мѣры для успѣха дѣла, однако, недостаточно. Надобно, чтобы правительство, положительно, въ публичномъ актѣ, заявило свое расположеніе къ дѣлу освобожденія крѣпостныхъ и тѣмъ вывело общественное мнѣніе изъ того тревожнаго недоумѣнія, въ какомъ оно теперь находится.

Положительнаго выраженія мыслей правительства объ этомъ

предметъ особенно не желаютъ и боятся противники освобожденія, справедливо предвидя, что подобное дѣйствіе было бы обязательно, и что послѣ него не только нельзя было бы идти назадъ, но нельзя было бы даже остановиться на полдорогѣ. Подъ вліяніемъ этого опасенія, защитники крѣпостнаго права стараются поддерживать мысль, что необходимымъ послѣдствіемъ перваго рѣшительнаго шага на пути къ освобожденію неизбѣжно будетъ повсемѣстный бунтъ крестьянъ, истребленіе помѣщиковъ и кровавое ниспроверженіе существующаго порядка дѣлъ въ Россіи.

Подобныя опасенія были бы справедливы, если бы правительство неблагоуразумно провозгласило свободу крестьянъ, или возбудило ихъ воображеніе и ожиданія какими нибудь неосторожными воззваніями. Но подобной мѣры, конечно, никто не посоветуетъ правительству, да никто и не ожидаетъ. Пересмотръ указовъ 1805 и 1842 годовъ, о необходимости котораго сказано выше, послужить самымъ благовиднымъ предлогомъ и удобнымъ случаемъ для правительства, чтобы поднять въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Обнародуя сдѣланныя въ этихъ указахъ, вслѣдствіе пересмотра, упрощенія и улучшенія, правительство можетъ совершенно кстати выразить, что многіе помѣщики желаютъ заключить сдѣлки съ своими крестьянами, но встрѣчаютъ затрудненія въ законѣ; что правительство, «желая всячески содѣйствовать такимъ добровольнымъ сдѣлкамъ», признало нужнымъ упростить и усовершенствовать законы по этому предмету; и такъ какъ отнынѣ сдѣлки эти станутъ несравненно легче и удобоисполнимѣе, то правительство надѣется, что въ теченіе не слишкомъ продолжительнаго срока, напримѣръ, пяти или шести лѣтъ, дворянство не замедлитъ воспользоваться этимъ открываемымъ для него удобствомъ придти съ крестьянами къ окончательному соглашенію о будущихъ ихъ обязанностяхъ и повинностяхъ. Поэтому поводу полезно бы было простымъ, вразумительнымъ для крестьянъ, образомъ выразить, что право собственности владѣльцевъ надъ имѣніями признается по прежнему ненарушимымъ, что всякія попытки крѣпостныхъ силою освободиться отъ отпращенія обязанностей въ отношеніи къ владѣльцамъ будутъ строго преслѣдуемы и наказаны; что крестьяне, которые не станутъ выполнять принятыхъ на себя по условію въ отношеніи къ владѣльцамъ обязанностей, будутъ немедленно возвращаемы снова въ крѣпостное состояніе. Такимъ образомъ, дѣлу освобожденія въ самомъ началѣ будетъ данъ тотъ характеръ и то значеніе, которыя оно имѣть можетъ и должно, именно: характеръ не политическій, а частный, гражданскій, договорный, даже по преимуществу торговый. Такой взглядъ будетъ всего ближе и къ

понятіямъ крестьянъ; ибо, будучи одарены здравымъ смысломъ въ высокой степени, чѣмъ отличается нашъ народъ, они очень хорошо понимаютъ, что если имъ нужно освободиться отъ крѣпостнаго права, то и господамъ нельзя же остаться не при чемъ. Мысль о выкупѣ изъ крѣпостнаго состоянія близка и съ руки народу, бродить въ немъ теперь, и потому законъ, въ изложенномъ выше смыслѣ, былъ бы какъ нельзя болѣе своевремененъ и пришлось бы по народнымъ понятіямъ. Едва ли нужно прибавлять, что такой важный по своему значенію актъ долженъ быть написанъ весьма ясно, просто, а не канцелярскимъ слогомъ, мало понятнымъ даже для людей грамотныхъ и который подаетъ поводъ къ самымъ негѣлымъ слухамъ и плачевнымъ недоразумѣніямъ. Наконецъ, подобно тому, какъ дѣлалось въ славныя царствованія Петра Великаго и Екатерины II, должно объяснить народу волю правительства, а не ограничиваться изданіемъ однихъ исполнительныхъ пунктовъ, которыхъ цѣль и намѣреніе всегда могутъ быть истолкованы различно. Чтобъ приглашеніе владѣльцевъ къ заключенію сдѣлокъ съ крѣпостными не осталось на словахъ и на бумагѣ, а имѣло послѣдствія, необходимы, виѣствѣ съ описанными уже, слѣдующія еще мѣры:

Во первыхъ. Гражданскимъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства надлежало бы сообщить въ секретныхъ циркулярахъ, для объявленія дворянамъ, именемъ Государя, о твердомъ намѣреніи правительства упразднить крѣпостное право; о томъ, что срокъ заключенія добровольныхъ условій объ освобожденіи назначенъ съ тою цѣлью, чтобы желающіе и расположенные къ дѣлу могли устроить свои отношенія съ крестьянами, соображаясь съ своими пользами и даже удобствами; по истеченіи же срока, правительство найдетъ вынужденнымъ освободить крестьянъ административнымъ порядкомъ; при чемъ, разумѣется, многія частности, желательныя для владѣльцевъ, по необходимости легко могутъ быть оставлены безъ вниманія. Словомъ, такъ или иначе, но въ секретныхъ циркулярахъ надлежитъ рѣшительно и прямо выразить дворянству виды и намѣренія правительства относительно крѣпостнаго права, потому что это сословіе можетъ просвѣщеннѣе понять виды правительства и, по своему положенію, должно ихъ звать не изъ слуховъ, а официальнымъ образомъ.

Во вторыхъ. Для разсмотрѣнія и утвержденія заключаемыхъ между владѣльцами и крѣпостными добровольныхъ условій надлежитъ учредить особыя комиссіи изъ мѣстныхъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, ученыхъ агрономовъ и коронныхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ, или, по крайней мѣрѣ, при содѣйствіи, въ качествѣ прокурора, нарочно для того избраннаго правительствомъ довѣреннаго

лица. Желательно, чтобы такія комиссіи были учреждены во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ находится болѣе или менѣе значительное число крѣпостныхъ имѣній; но если бы это встрѣтило затрудненіе, то въ началѣ можно было бы ограничиться образованіемъ одной комиссіи въ каждой полосѣ или части имперіи, отличающейся отъ сосѣднихъ особенными условиями хозяйства, характеромъ сельскаго народонаселенія или другими характеристическими особенностями.

Для руководства комиссіямъ въ ихъ дѣйствіяхъ должны быть даны подробныя инструкціи, содержащія тѣ основныя начала, которымъ правительство намѣрено слѣдовать въ дѣлѣ освобожденія, и тѣ временныя отступленія отъ этихъ началъ, которыя могутъ быть допущены по невозможности непосредственно привести послѣднія въ исполненіе.

Въ числѣ главныхъ началъ надлежитъ упомянуть:

а) чтобы крестьяне были надѣляемы землею не менѣе того количества, какимъ дѣйствительно пользуются. При сомнѣніи, что владѣлецъ, какъ теперь нерѣдко случается, съ намѣреніемъ уменьшилъ крестьянское поле, чтобы оставить во владѣніи крестьянъ какъ можно менѣе земли, допускать повѣрку землевладѣнія за послѣднія 10 лѣтъ и уговаривать владѣльцевъ надѣлять крестьянъ высшимъ количествомъ земли, какимъ они въ теченіи этого времени дѣйствительно пользовались; б) чтобы изъ контрактовъ были устранены всѣ условія, чрезмѣрно для крестьянъ стѣснительныя или даже вовсе невыполнимыя, на которыя они могутъ согласиться въ надеждѣ какънибудь ихъ обойти, или вслѣдствіе чрезмѣрнаго желанія, такъ или иначе, выйти изъ крѣпостнаго состоянія; в) чтобы между увольняемыми крестьянами непремѣнно было введено общинное устройство и управленіе, составляющее въ Россіи твердый оплотъ противъ пролетаріата и самый могущественный органъ правительства, чего, къ сожалѣнію, многіе помѣщики у насъ еще не понимаютъ, г) чтобы на все то время, пока крестьяне, по свойству заключеннаго съ ними контракта, будутъ находиться въ какой бы то ни было зависимости отъ помѣщика, были опредѣлены контрактомъ и мѣры для огражденія ихъ отъ притѣсненій, именно указаны учрежденія, которымъ они могутъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ, равно какъ и помѣщики на бывшихъ своихъ крестьянъ; порядокъ принесенія тѣми и другими жалобъ; лица или установленія, обязанныя защищать крестьянъ въ искахъ или тяжбахъ съ владѣльцами; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть оговорено, что въ такомъ случаѣ, когда въ уѣздѣ число освобожденныхъ такимъ образомъ крѣпостныхъ увеличится, правительство оставляетъ за собою право, въ замѣнъ этихъ частныхъ мѣръ огражденія по каждому имѣнію

отдѣльно, ввести особливые, общіе по уѣзду, суды для разбора споровъ между владѣльцами и крестьянамъ, до полнаго и совершеннаго выкупа послѣднихъ; д) чтобы контракты заключались не безсрочно, а на опредѣленный срокъ, хотя бы и продолжительный, послѣ котораго крестьяне удержали бы въ своей собственности всю полученную отъ владѣльца землю, а крѣпостная зависимость ихъ отъ послѣдняго вполнѣ и совершенно бы прекратилась.

Въ подробностяхъ примѣненія этихъ и тому подобныхъ началъ, комиссіямъ должно быть предоставлено дѣйствовать, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами по своему усмотрѣнію. Добросовѣстное пользованіе этимъ правомъ всегда будетъ зависеть отъ личнаго состава комиссій, а не отъ инструкціи, которая можетъ только указать что надлежитъ дѣлать, а не предупредить злоупотребленія. Однако, и въ этомъ отношеніи можно указать комиссіямъ, въ видѣ руководства, на нѣкоторыя начала, напр., на разрѣшеніе владѣльцамъ, въ губерніяхъ и нѣвнѣяхъ земледѣльческихъ, удерживать, на нѣкоторое время, повинности крестьянъ натурою, а тѣмъ болѣе постепенный выкупъ земли работами. Сверхъ того, комиссіямъ должно быть предоставлено право, при крайней затруднительности, а тѣмъ болѣе въ случаѣ совершенной невозможности для крестьянъ, откупаться отъ владѣльца собственными средствами, дѣлать постановленія о выдачѣ имъ ссудъ изъ кредитныхъ установленій, объ этомъ сказано будетъ ниже, и т. д.

Инструкціи комиссіямъ должны быть секретныя, чтобы не возбуждать излишнихъ притязаній крестьянъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма желательно, чтобы самыя комиссіи, подобно тому, какъ было въ Пруссіи, не зависѣли отъ обыкновенныхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, которыя могли бы только стѣснить ихъ дѣятельность, а были бы исключительно подчинены одному лицу, облеченному довѣріемъ Государя, всегда имѣющему къ нему доступъ и непосредственный докладъ. Что такое лицо должно быть искренно, честно, безъ заднихъ мыслей, предано дѣлу освобожденія—разумѣется само собою и не требуетъ поясненія;

и въ третьихъ, надлежитъ разрѣшить кредитнымъ установленіямъ помогать выкупающимъ крестьянамъ ссудами, но съ известными ограниченіями и условіями, и не иначе, какъ по постановленіямъ комиссій.

Многіе считаютъ участіе нашихъ кредитныхъ установленій въ дѣлѣ освобожденія, при теперешнемъ положеніи государственныхъ финансовъ, невозможнымъ.

Но едва ли это мнѣніе справедливо. Если при теперешнемъ финансовомъ нашемъ положеніи кредитныя установленія не отказываютъ

въ ссудахъ помѣщикамъ, подъ залогъ ихъ имѣній, по свидѣтельству гражданскихъ палатъ, то какая можетъ быть основательная причина отказываться въ ссудахъ или въ переводѣ долга крестьянамъ тѣхъ же самыхъ имѣній, по приговорамъ комиссій?

Надобно только, чтобы размѣры ссудъ не превосходили теперешнихъ, а постановить это правиломъ не трудно. Единственное, но совершенно необходимое, преобразование при распространеніи кредита на выкупающихся крестьянъ будетъ заключаться въ переложеніи ссудъ съ душъ на землю; ибо, по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ, ссуды выдаются подъ залогъ имѣній, въ конхъ приходится на душу не менѣе 4 съ половиною десят. земли, считая въ томъ числѣ и господскую и крестьянскую; одна же крестьянская земля, съ которою крѣпостные будутъ выкупаться, очень рѣдко достигаетъ этой цифры и потому, въ большей части случаевъ, не будетъ подходить подъ банковыя правила. Но простое переложеніе ссудъ съ душъ на землю, по каждому имѣнію отдѣльно, безъ измѣненія самыхъ основаній ссудъ, не можетъ, кажется, представить ни малѣйшихъ затрудненій¹⁾.

Ссуды крестьянамъ на выкупъ или переводъ на нихъ банковаго долга слѣдуетъ производить не иначе, какъ по особымъ по каждому имѣнію постановленіямъ комиссій; о послѣднемъ надлежитъ имѣнны въ обязанность входить въ самое внимательное и подробное разсмотрѣніе состоянія и способовъ крестьянъ, для удостовѣренія въ томъ, могутъ ли они бездомочно вносить проценты и погашеніе. При самыхъ высшихъ условіяхъ теперешнихъ займовъ по 80 руб. сер. на душу—на 33-хъ-лѣтнихъ правилахъ, т. е. съ уплатою 5 съ половиною процентовъ, ежегодный взносъ съ души не превзошелъ бы 4 р. 40 к., т. е. составилъ бы 13 р. 20 к. съ тягла, при расчетѣ же 5% на 28-ми-лѣтній срокъ, предположивъ, что правительство откажется въ пользу выкупающихся крестьянъ отъ прибыльнаго процента, ежегодный взносъ съ души, даже при высшемъ размѣрѣ ссудъ (80 руб.), не превзойдетъ 4 руб., а при наименьшемъ (50 руб.) составитъ только 2 р. 50 к. съ души.

По незначительности банковыхъ платежей и по особенной важности въ этомъ дѣлѣ бездомочнаго ихъ взноса крестьянами, надле-

¹⁾ Еслибы правительство признало возможнымъ отказаться отъ прибыльнаго процента съ имѣній, выкупающихся на волю, то при предполагаемомъ перечисленіи долга съ душъ на землю милостію этою воспользовались бы не только крестьяне, но и владѣльцы, что послужило бы важнымъ поощреніемъ для заключенія ими добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами.

Прим. К. Д. Кавелина.

жало бы постановить, на случай ихъ неисправности, строгія мѣры и примѣнять ихъ безъ послабленія. Такъ можно, напримѣръ, установить отдачу неисправныхъ крестьянъ въ обработку помѣщикамъ, отъ которыхъ они откупаются; можно, когда это не влечетъ за собою ущерба для владѣльца, переселять неисправныхъ въ другія губерніи и края, а землю продавать съ публичнаго торга, въ удовлетвореніе кредитнаго постановленія. При всей видимой жестокости такихъ правилъ, они будутъ рѣдко примѣняемы, когда крестьяне увидятъ и убѣдятся, что никакого снисхожденія имъ оказано не будетъ.

Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, два-три примѣра спасительной и своевременной строгости произведутъ свое дѣйствіе и избавятъ правительство отъ необходимости дальнѣйшихъ крутыхъ мѣръ.

Распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ ссудъ на выкупъ должно быть сдѣлано секретно и держимо въ тайнѣ отъ крестьянъ; ибо въ этомъ дѣлѣ кредитъ, особливо съ начала, можетъ играть лишь вспомогательную роль. Пусть онъ является въ видѣ милости правительства, а не общаго правила; иначе возродятся притязанія на ссуды не только со стороны бѣдныхъ и безпомощныхъ крестьянъ, но даже со стороны богатыхъ, имѣющихъ полную возможность выкупиться своими средствами, безъ посторонней помощи; ибо въ глубинѣ души крестьяне питаютъ надежду, что ихъ выкупить изъ крѣпости царь своими деньгами.

Поэтому они, конечно, подчинятся выкупнымъ платежамъ, понимая ихъ справедливость и необходимость въ отношеніи къ помѣщикамъ, но подчинятся неохотно и при всякомъ удобномъ случаѣ будутъ накоплять на себя недоимку, въ ожиданіи, что авось-де царь ее сложитъ или за нихъ заплатитъ. Такія мысли опасно поддерживать въ 25-ти милліонахъ крѣпостнаго народонаселенія. Напротивъ, надобно со всею строгостію и настойчивостію, для ихъ же счастья, проводить мысль, что они могутъ стать свободны лишь вслѣдствіе собственныхъ усилій и жертвъ; правительство же только облегчаетъ имъ пути къ тому, не принимая на себя выкупа. Такимъ только образомъ освобожденіе крѣпостныхъ будетъ вмѣстѣ и ихъ воспитаніемъ къ гражданской жизни.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ изложенныхъ мѣръ привело бы къ важнымъ нравственнымъ и положительнымъ результатамъ.

Въ нравственномъ отношеніи дѣло освобожденія крѣпостныхъ получило бы, въ глазахъ владѣльцевъ и вообще просвѣщенныхъ классовъ, право гражданства между другими вопросами, котораго, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не имѣетъ.

Уже это одно обстоятельство ободрило бы желающихъ освобожденія, уменьшило бы нравственное вліяніе его противниковъ, и дало бы обществу мнѣнію направленіе, котораго оно, по общему сознанію всѣхъ, имѣть не можетъ и не будетъ имѣть, пока правительство не приметъ инициативы въ этомъ дѣлѣ,—не скажетъ своего рѣшительнаго слова.

Въ глазахъ низшихъ классовъ упраздненіе крѣпостнаго права получить размѣры гражданскаго договора, и общія, неопредѣленные, а потому и опасныя ожиданія и напряженіе умовъ исчезнуть: добудь денегъ, выкупись и будешь свободенъ,—вотъ мысль, которую какъ разъ пойметъ нашъ умный, смѣтливый простой народъ, отъ природы одаренный промышленнымъ смысломъ.

Результаты положительныя были бы не менѣе благопріятны. Всѣ помѣщики, искренно расположенные къ дѣлу освобожденія, пошли бы впередъ по открытому пути и дали бы своимъ крестьянамъ возможность выкупиться; за ними послѣдовали бы полурасположенные и колеблющіеся, а потомъ и равнодушные къ дѣлу, подъ вліяніемъ дружнаго напора въ одномъ направленіи, дѣйствій правительства, примѣра благонамѣренныхъ владѣльцевъ и опасенія подвергнуться потерямъ, при очевидной непрочности крѣпостныхъ отношеній, и предстоящаго, по истеченіи срока, понудительнаго освобожденія.

Но если бы даже число добровольныхъ условій съ крѣпостными и не было значительно, все же важный шагъ былъ бы сдѣланъ; мысль, намѣреніе, дѣль получили бы практическое примѣненіе; существовали бы образцы; совѣщанія помѣщиковъ и переговоры ихъ съ крестьянами уяснили бы до очевидности, какъ должно приступать къ дѣлу; взаимныя отношенія и выгоды владѣльцевъ и крестьянъ, на случай освобожденія, совершенно бы опредѣлились; наконецъ, обнаруженіе заключенныхъ договоровъ, печатное обсужденіе выгодъ и невыгодъ увольненія на тѣхъ или другихъ условіяхъ, ознакомили бы массу помѣщиковъ съ лучшими способами освобожденія, примѣнительно къ разнымъ мѣстностямъ, и низвели бы это дѣло до размѣровъ самаго обыкновеннаго житейскаго и гражданскаго условія, — къ чему именно и должны быть направлены всѣ усилія правительства.

Если бы дѣло освобожденія, съ помощью добровольныхъ контрактовъ, въ продолженіе назначеннаго срока, значительно подвинулось впередъ, то по минованіи его можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, дать другой дополнительный срокъ, короче перваго, напримѣръ, на два или на три года, и затѣмъ, по истеченіи его, приступить

уже къ понудительному освобожденію. Эта третья, окончательная, фаза освобожденія была бы уже предварительными добровольными сдѣлками существенно облегчена. Всѣ стороны вопроса бывшими примѣрами были бы совершенно выяснены для правительства; выкупнаго капитала потребовалось бы, за происшедшими увольненіями, гораздо менѣе, такъ что не представлялось бы уже опасенія выпустить, для выкупа крѣпостныхъ, облигацій или вообще предпринять какую нибудь общую финансовую операцію, основанную на кредитѣ. Комиссіи, учрежденныя первоначально для разсмотрѣнія и утвержденія добровольныхъ условій владѣльцевъ съ крестьянами, успѣли бы уже приобрѣсти достаточный навыкъ и опытность и могли бы съ пользою быть употреблены для начертанія, по каждому имѣнію, оставшемуся на крѣпостномъ положеніи, проекта обязательнаго или понудительнаго договора объ освобожденіи.

Итакъ, это великое дѣло совершилось бы для блага Россіи и для славы царствованія!

К. Д. Кавелинъ.

5-го октября 1867 г.

Литературная замѣтка.

Стихотворенія, посвященныя Н. М. Языкову.

Въ послѣднемъ изданіи стихотвореній Н. М. Языкова, вышедшемъ въ 1858 г. подъ редакціей П. Перевлѣскаго, перечислены стихотворенія, посвященныя Языкову, другихъ русскихъ поэтовъ: здѣсь упомянуты три стихотворенія Пушкина, одно Дельвига и одно Арбузова. Однако, Перевлѣскій упустилъ здѣсь совершенно изъ виду два стихотворенія Е. Баратынскаго, относящіяся къ Языкову, и одно такое-же князя П. А. Вяземскаго. Евг. Абр. Баратынскій посвятилъ Языкову два стихотворенія: одно изъ нихъ напечатано въ 1832 году въ журналѣ „Европеецъ“, № 2, стр. 204; въ предпослѣднемъ изданіи сочиненій Е. А. Баратынскаго 1869 г. оно помѣщено на стр. 117; второе стихотвореніе, носящее такое-же заглавіе, какъ и первое, напечатано было въ Библи. для Чит. 1835 г., № 1, стр. 47, а въ упомянутомъ выше изданіи сочиненій Баратынскаго помѣщено на стр. 127. Такимъ образомъ, оба эти стихотворенія, напечатанныя гораздо ранѣе, чѣмъ упомянутое изданіе стихотвореній Н. М. Языкова, очевидно, были упущены изъ виду вслѣдствіе небрежности редактора; а между тѣмъ оба эти стихотворенія представляютъ большой интересъ при изслѣдованіи поэзіи Языкова въ связи съ его жизнію; не упомянуто также стихотвореніе кн. Петра Андр. Вяземскаго, посвященное Н. М. Языкову—которое появилось въ печати гораздо ранѣе, чѣмъ упомянутое изданіе стихотвореній Н. М. Языкова—именно оно было напечатано въ „Новосельѣ“ на 1834 г., хотя стихотворенія эти относятся къ 1833 г., какъ это видно изъ помѣтки подъ нимъ: „Дерить, сентябрь 1833 г.“. Это стихотвореніе помѣщено въ послѣднемъ изданіи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, изданія гр. Шереметева, въ IV томѣ, на стр. 180. Странно, что Перевлѣскій упомянулъ стихотвореніе малознакомаго „шита“ Арбузова, стихотворенія-же такихъ поэтовъ Пушкинской плеяды—каковы Е. А. Баратынскій и кн. П. А. Вяземскій—пропустилъ.

Итакъ, Н. М. Языкову посвящены слѣдующія стихотворенія:

I. А. С. Пушкина.

- 1) „Издравле сладостный союзъ“... 1824 г. Послѣдн. изд. соч. Пушкина, 1882 г. I т., стр. 418.
- 2) „Языковъ, кто тебѣ внушилъ“... 1826 г., II т., 139.
- 3) „Къ тебѣ собираюся я давно“... 1827 г., II т., 148.

II. Е. А. Баратынскаго.

- 1) „Языковъ буйства молодого“... 1832 г. Соч., изданіе 1869 г., стр. 117.
- 2) „Бывало, свѣтъ позабывалъ“... 1834 г., стр. 127.

III. Барона Ант. Ант. Дельвига.

- 1) „Н. М. Языкову“. Сонетъ 1823—24 гг. Сочиненія А. А. Дельв. въ одномъ томѣ съ Нел.-Мелецкимъ изд., см. стр. 61.

IV. Князя П. А. Вяземскаго.

- 1) „Къ Языкову. Я у тебя въ гостяхъ, Языковъ“... 1833. IV томъ изд. соч. 1880 г., стр. 180.

V. Арбузова.

- 1) „Языкову“. Стих. Арбузова, стр. 19.

II. Устиновичъ.

По поводу письма фельдмаршала графа Миниха къ Рунцѣ.

Въ январской книгѣ «Русской Старины» 1887-го года помѣщено письмо фельдмаршала графа Миниха къ воспитателю его внуковъ Рунцѣ. Сообщившій въ редакцію это письмо г. Юргенсонъ недоумѣваетъ: почему воспитаніемъ этихъ молодыхъ людей занимался дѣдъ, а не отецъ, и объясняетъ это такъ: «если возможно сдѣлать какія либо предположенія, то, быть можетъ, авторитетъ родителей надъ избалованными сыновьями оказался недостаточнымъ, и они сочли за благо раздѣлить заботы по воспитанію дѣтей съ старымъ и очень энергичнымъ дѣдомъ фельдмаршаломъ»; другими словами, намекается, что отецъ не заботился какъ слѣдовало бы о воспитаніи своихъ сыновей.

Имѣющіеся у меня документы не подтверждаютъ этого предположенія. Вѣроятно, гувернеръ Рунцѣ обратился къ фельдмаршалу какъ къ главѣ семейства и потому, что онъ выдавалъ деньги на заграничное путешествіе своихъ внуковъ, а не оттого, что ихъ отецъ устранилъ себя отъ заботъ ихъ воспитанія; да и самъ фельдмаршалъ, въ концѣ своего письма, обращаетъ этого гувернера по всѣмъ его воспитательнымъ вопросамъ къ ихъ отцу. Сынъ знаменитаго Миниха, графъ Іоаннъ Эрнестъ, былъ человѣкъ весьма образованный, какъ свидѣтельствуютъ составленныя имъ Записки о своемъ отцѣ, въ особенности же занимался онъ науками политико-экономическими. Такъ, въ 1771 г., графъ Никита Ивановичъ Панинъ, получивъ требованія прусскаго посла графа Сольмса объ уменьшеніи пошлинъ съ ввозимыхъ въ Россію изъ Пруссіи товаровъ, обратился къ графу Эрнесту Миниху за совѣтомъ по этимъ домогательствамъ, а данный имъ отзывъ показываетъ, что ему были близко знакомы потребности отечественной промышленности ¹⁾. Въ 1792 году, когда И. И. Бецкой достигъ уже глубокой старости (ему было тогда 88 лѣтъ), императрица Екатерина

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. Томъ 26, стр. 238—241.

назначила графа Эрнеста ему въ помощники по управленію благотворительными и учебными заведеніями¹⁾.

Минихи были въ родственныхъ связяхъ съ фамилією Игельштромъ, именно: дочь обергофмейстера Миниха, брата фельдмаршала, вышла замужъ за барона Игельштрома, въ семейномъ архивѣ котораго сохранилось нѣсколько писемъ графа Эрнеста о его старшемъ сынѣ, родившемся въ 1740 г. и названномъ Іоанномъ Готлибомъ, въ честь своего крестнаго отца, всеильнаго тогда Бирона. Находясь съ 1742 года въ ссылкѣ въ Вологдѣ, графъ Эрнестъ Минихъ послалъ своего сына учиться въ Лифляндію, а когда онъ достигъ возраста, требующаго высшаго образованія, усиленно и продолжительно, съ 1756 по 1758 г., хлопоталъ объ отправленіи его въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, что въ то время соединено было съ особыми затрудненіями, по случаю продолжавшейся семилѣтней войны.

Вотъ относящіяся до этого письма Миниха къ дядѣ.

Графъ Дмитрій Толстой.

Письма Эрнеста Миниха къ дядѣ.

I.

Вологда, 9-го августа 1766 г.

(Перев. съ нѣм.). ...Самый тяжелый камень (такъ лежитъ у меня на сердцѣ)—мой старшій сынъ въ Лифляндіи, который теперь уже достигъ такихъ лѣтъ, что долженъ учиться большому, чѣмъ можетъ дать ему приватное обученіе. Мое желаніе было-бы, хотя-бы мнѣ самому пришлось переноситься кое-какъ, отправить его въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ и оттуда на одинъ годъ въ Женеву, для того, чтобы онъ не только сдѣлался болѣе достойнымъ чести — быть принятымъ на службу ея величества, но также и для того, чтобы онъ приобрѣлъ достаточныя познанія въ нравахъ, обычаяхъ и ховяйствѣ Германіи, такъ какъ онъ когда-нибудь, если Богу угодно, какъ глава семейства (*caput familiae*) будетъ управлять нашими тамошними имѣніями. Такъ какъ я теперь думаю скоро начать новое податство объ этомъ, то я всенижайше прошу ваше превосходительство не отказывать мнѣ здѣсь въ вашемъ милостивомъ содѣйствіи и предварительно развѣдать, будетъ-ли моему сыну разрѣшено провести, съ вышеупомянутою цѣлью, 3 или 4 года заграницей. Я буду вашему превосходительству безконечно обязанъ, если вы это милостиво возьмете на себя и меня о томъ, что вы по этому дѣлу узнаете, сооблаговолите увѣдомить еще до исхода этой осени...

¹⁾ Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1863 года. Книга 4, въ отдѣлѣ „Смѣсь“, стр. 92, 118—119. 155.

II.

Вологда, 25-го декабря 1757 г.

(Перев. съ франц.). Такъ какъ мой старшій сынъ вслѣдствіе обученія въ Лифляндіи настолько успѣлъ, что уже въ состояніи изучать высшія науки, то я писалъ къ нѣкоторымъ нашимъ господамъ министрамъ, именно къ обоимъ канцлерамъ: къ князю Трубецкому и къ графу П. И. Шувалову, и просилъ ихъ исходатайствовать у ея императорскаго величества всемилостивѣйшее разрѣшеніе послать упомянутого моего сына въ иностранную академію. Какими основаніями я при этомъ руководствовался, ваше превосходительство усмотрите изъ прилагаемой копіи моего письма графу Воронцову. Но такъ какъ я ни на одно изъ моихъ писемъ, которыя я послѣ того по разнымъ дѣламъ къ упомянутымъ господамъ писалъ, никакого отвѣта получить не могъ и на этотъ разъ опасаясь того-же, то тѣ письма, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, я адресовалъ къ моей тещѣ, баронессѣ Менгенъ, и прошу ее вести дѣло со мною сообща, то есть, чтобы она, при отправленіи моихъ писемъ, также съ своей стороны ходатайствовала о своемъ внугѣ. Такимъ способомъ я надѣюсь скорѣе можно будетъ узнать, какъ можетъ быть рѣшено относительно судьбы моего сына. Хотя я отлично вижу затрудненія — отправить его во время настоящихъ смуть, хотя я и не намѣренъ и не въ состояніи отправить его прежде, чѣмъ обстоятельства нѣсколько измѣнятся, но такъ какъ я почти убѣжденъ, что миръ не долго заставитъ себя ждать и такъ какъ я принялъ въ соображеніе, какъ часто запаздываютъ рѣшенія по тѣмъ дѣламъ, которыя должны быть представляемы высочайшей особѣ, то я думалъ, что сдѣлаю лучше, если тотчасъ нѣсколько рановременно буду хлопотать о необходимомъ позволеніи, чѣмъ откладывать это до полного возстановленія мира и чрезъ это, быть можетъ, потерять много времени, которое для моего сына, въ виду уже достигнутаго имъ возраста, такъ дорого. Такъ какъ я теперь не сомнѣваюсь, что ваше превосходительство вполне одобрите мое намѣреніе, которое не менѣе имѣетъ цѣлью поощреніе службы ея императорскому величеству, какъ и благополучіе моего сына, то поэтому я полагаюсь на вашу любовь и доброту, что вы, какъ только со стороны моей тещи зависящее дѣло будетъ сдѣлано, соизволите оказать намъ милость—сами замолвите словечко предъ вышеупомянутыми господами. Я всеняжайше прошу объ этомъ ваше превосходительство и увѣряю, что я вамъ за это буду обязанъ всю мою жизнь...

III.

Вологда, 28-го мая 1758 г.

(Перев. съ нѣм.). Позвольте, ваше превосходительство, затѣмъ попросить добраго совѣта въ одномъ дѣлѣ, касающемся моего старшаго сына. Послѣ того, какъ ему ея императорскимъ величествомъ всемилостивѣйше было разрѣшено посѣтить чужія страны, то мое желаніе было, чтобы онъ изъ предоставленныхъ ему четырехъ лѣтъ три первые года провелъ въ какомъ-нибудь хорошемъ нѣмецкомъ университетѣ для окончанія своего ученія, а въ продолженіе послѣдняго совершилъ обратное путешествіе чрезъ Женеву, Францію и Голландію. Но какое мѣсто долженъ я избрать для упомянутой цѣли, въ этомъ, при настоящихъ безпокойствахъ въ нашемъ милomъ отечествѣ, я нахожу еще не одну трудность. До войны я предполагалъ послать его или въ Галле или въ Лейпцигъ, чтобы онъ тамъ могъ быть, нѣкоторымъ образомъ, подъ надзоромъ моего зятя (Schwager) графа Сольмса; но такъ какъ обстоятельства не позволяютъ избрать ни того, ни другаго изъ этихъ университетовъ, то я не знаю никакого болѣе подходящаго, какъ Геттингенскій. Но этотъ, не принимая во вниманіе, что онъ находится въ Ганноверѣ, долженъ быть однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ Германіи. Теперь мой сынъ долженъ-бы, наконецъ, выѣхать съ тѣмъ, что я могу ему дать; весь вопросъ въ томъ, какиmъ образомъ ему туда безопасно доѣхать. На этотъ конецъ могъ-бы, по моему мнѣнію, много ему помочь паспортъ отъ находящагося въ Петербургѣ датскаго министра, въ которомъ онъ, какъ онъ того и заслуживаетъ, былъ-бы означенъ вассаломъ короля; добиться таковоаго я имѣю твердую надежду. Ваше превосходительство обязали-бы меня большою благодарностью, если вы благосклонно сообразовите сообщить ваше мнѣніе: 1) въ какой нѣмецкій университетъ для занятій лучше всего могъ-бы я отправить своего сына и не стануть-ли меня осуждать, если я выберу для этого Геттингенъ. 2) Не будетъ-ли это принято въ дурную сторону, если я ему достану паспортъ отъ барона Остена. Я ожидаю на это отъ моего милостивѣйшаго дядюшки скороаго отвѣта, ибо я хотѣлъ-бы отправить своего сына еще этиmъ лѣтомъ водою или на Любекъ, или на Ростокъ...

IV.

Вологда, 16-го іюля 1758 г.

(Перев. съ франц.). Приношу вашему превосходительству тысячу всеи-
жайшихъ благодарностей за то, что вы были такъ добры развѣдать инѣніе
г. вице-канцлера относительно содержанія моего письма. Такъ какъ столь
формальное заявленіе, какое сдѣлалъ этотъ сановникъ, уничтожаетъ всѣ мои
безпокойства по поводу Геттингенскаго университета, я, наконецъ, рѣшился
отправить туда моего сына, и сообразно съ этиимъ намѣреніемъ я только-что
написалъ моимъ родственникамъ въ Лифляндію — отправить его немедленно.
Я желалъ-бы, чтобы е. с. графъ Воронцовъ соблаговолилъ изъясниться болѣе
ясно относительно датскаго паспорта. Ибо я опасаясь, чтобы мой сынъ, кото-
рый не будетъ въ состояніи миновать Мекленбургъ вслѣдствіе необходимости
повидаться со своей теткой, вдовою de Moltzahn, чрезъ которую онъ будетъ
получать ежегодно большую часть своихъ денегъ, не подвергнулся, за неимѣ-
ніемъ паспорта отъ нейтральной державы или отъ своего министра, задер-
жанію въ какой-нибудь части Пруссіи, которую онъ могъ-бы встрѣтить на
своихъ пути. Между тѣмъ, такъ какъ время не позволяетъ дѣлать объ этомъ
новыя ходатайства, ибо въ виду морскихъ опасностей для меня крайне важно,
чтобы онъ совершилъ свое путешествіе, пока еще длится лучшее время года,
то я предаю его защитѣ Всемогущаго, надѣясь, что онъ найдетъ средство
проѣхать и что пруссаки не сдѣлаютъ ему никакого зла...

Сообщ. графъ Д. А. Толстой.

Ф И Л А Н Т Р О П Ъ.

Стихотвореніе И. С. Никитина, не вошедшее ни въ одно изъ изданій его сочиненій.

Втихомолку гостей нежданной,
Гостей нежданной, да не званной,
Къ мужику нужда подкралася,
Подкралася, привязалася.

Съ сумой нищенской оставила,
Снимать шапку всѣмъ заставила...
Ахъ! головушка поклонная!
У тебя-ли ночь бессонная,

Щеки блѣдныя, да впалыя,
Да безъ хлѣба дѣти малыя,
На боку изба раскрытая
И пугать — гумно забытое!

Пожагъль богачъ голоднаго,
Безирютнаго, холоднаго,
Не казной помогъ, такъ ласкою,
Не совѣтами, такъ сказкою.

Ты забудь дескать и сонъ, и лѣнь,
Работай—трудись и ночь, и день:
За трудомъ ты не измучишься,
Уму-разуму научишься...

Ужъ спасибо-жъ тебѣ за слово,
Что сказалъ красно, да ласково!
Только въ горѣ, да при бѣдности,
Не до сна и не до лѣности.

Не даря-жъ ты бѣдныхъ золотомъ,
Да не бей рѣчьми, какъ молотомъ.

И. С. Никитинъ.

К. Д. УШИНСКІЙ И В. И. ВОДОВОЗОВЪ.

Изъ воспоминаній институтки.

1.

Какое-то странное чувство непостижимой тревоги, изумленія, неопредѣленнаго страха, недоумѣнія и любопытства закралось въ наши институтскія сердца, когда впервые въ нашихъ стѣнахъ, въ качествѣ инспектора классовъ, появился Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. До него инспектора не играли въ нашей жизни ни малѣйшей роли, и мы смотрѣли на нихъ исключительно съ точки зрѣнія болѣе или менѣе взыскательныхъ ассистентовъ въ экзаменаціонное время и посѣтителей уроковъ. Институтскіе нравы съ пресловутыми обожаніями, холодное, оффиціальное отношеніе властей къ воспитанницамъ, солдатская дисциплина и неослабно строгія мѣры противъ ея нарушителей, быстро приводящія всѣхъ воспитанницъ къ одному знаменателю, точно опредѣленный порядокъ даже для проявленія чувствъ, — все это давно сложилось и безъ какихъ-бы то ни было уклоненій въ сторону, испоконъ вѣка неизменно повойлось на твердомъ основаніи рутиннаго кодекса приличій, безнравственной нравственности и ханжеской морали. Ни одинъ инспекторъ и не дѣлалъ попытокъ вмѣшиваться въ нашу внутреннюю жизнь. На стражѣ нашей нравственности стояла начальница — женщина далеко за 70 лѣтъ, неизмѣнно появлявшаяся въ декольте на нашихъ институтскихъ балахъ, особа, державшая себя высококомѣрно-величественно, какъ съ подчиненными, такъ и съ равными себѣ, которую всѣ обязаны были называть „votre excellence“, инспектриса классовъ — „патап“ (между

собой мы ее называли „казенною матерью“) и классныя дамы, мелко придирчивыя, озлобленныя старыя дѣвы. На обязанности инспектора исключительно лежалъ надзоръ за преподаваніемъ. Но ни одинъ изъ нихъ и не думалъ вносить въ это дѣло ни малѣйшаго измѣненія. Учителя мѣнялись у насъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по причинѣ тяжелой болѣзни, когда выслуживали срокъ своей пенсіи или когда совѣмъ поканчивали съ своимъ земнымъ поприщемъ. Въ преподаваніи господствовалъ полный застой: долбитъ и умѣнью чисто и изящно переписывать „записки“ учителей отдавали рѣшительное предпочтеніе. Библіотеки въ институтѣ не существовало, было даже очень мало учебниковъ: бѣлая часть учителей приносила свои записки на листочкахъ. Воспитанницы обязаны были къ каждому уроку переписать ихъ какъ можно лучше и задолбить слово въ слово. Кто умѣлъ тверже вызубрить урокъ, чья тетрадь отличалась изяществомъ почерка и безукоризненной чистотой, тотъ получалъ лучшую отмѣтку. Хотя не мало было случаевъ, что нѣкоторыя дѣвушки зачитывались сочиненіями Сю, Дюма-отца, а иногда даже и просто на просто порнографической литературой, получаемой тайкомъ отъ братьевъ и кузеновъ юнкеровъ и кадетовъ, но, вообще говоря, чтеніе было чрезвычайно мало развито между воспитанницами, да и не хватало на него времени: свободные часы уходили на зубрежку уроковъ и на переписыванье тетрадей, занятіе, къ которому многія чувствовали истинную страсть и достигали въ этомъ искусствѣ замѣчательной виртуозности. Наше воспитаніе, какъ умственное, такъ и нравственное, не могло развить въ насъ ни малѣйшаго стремленія къ мало-мальски толковому изученію какой-либо отрасли знанія или искусства, да никто изъ насъ и не зналъ-бы, какъ къ этому приступить. Что касается будущаго, то, воспитываясь въ закрытомъ заведеніи, мы имѣли о дѣйствительной жизни самыя превратныя понятія, и наши мечты вертѣлись на выѣздахъ и балахъ, хотя никто изъ насъ не имѣлъ о нихъ нивагого представленія. Тѣ, которыхъ въ будущемъ ожидало гувернантство, смотрѣли на свою судьбу, какъ на самую злосчастную, и старались скрывать это даже отъ подругъ, въ надеждѣ, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, пронзить чье-нибудь сердце. Если внѣшность не допускала на этотъ счетъ уже нивакихъ иллюзій, то

все-же онѣ рассчитывали впоследствии „благородно пристроиться“ въ семействѣ дальнихъ, но добрыхъ родственниковъ и, такимъ образомъ, навсегда избѣжать трудовой дороги, которая тогда представлялась не иначе, какъ въ формѣ унизительнаго и зависимаго гувернантства.

Въ 1859 г. разнеслась вѣсть, что къ намъ назначенъ новый инспекторъ Ушинскій, который надняхъ приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей. Это извѣстіе нимало не взволновало насъ и мы забыли о немъ очень скоро, но черезъ нѣсколько дней учитель французскаго языка, входя въ нашъ классъ, заявилъ, что новый инспекторъ въ другомъ отдѣленіи и, вѣроятно, тотчасъ явится и къ намъ, причемъ онъ убѣдительно просилъ насъ быть особенно внимательными. Но на этотъ разъ никто насъ не потревожилъ: заслышавъ звоновъ, мы распростились съ учителемъ и спокойно встали со скамеекъ. Классная дама, давъ намъ обычное приказаніе идти въ корридоръ, ушла въ свою комнату, и мы уже двинулись, чтобы выйдти изъ класса, какъ къ намъ, не отвѣчая на наши реверансы, ни на кого не обращающаго вниманія, нервно комкая шляпу въ худощавыхъ рукахъ, выбѣжалъ высокій, очень худощавый брюнетъ.

— Чему вы здѣсь научились? — выкрикивалъ онъ, все продолжая слѣшно идти впередъ, ни на кого не глядя и приходя все въ большее раздраженіе.— Хороши знанія... нечего сказать! Впрочемъ, вѣдь вы спеціально изучали здѣсь нравственность!— Онъ остановился, окинулъ быстрымъ взглядомъ толпу институтокъ, которая, ничего не понимая, въ изумленіи смотрѣла на него.— Хороша нравственность! Пачкать духами, одеколономъ и всякою дрянью чужую шляпу! Это... это, кажется, вы только и выносите изъ этихъ стѣнъ! Выросли... должны учить, воспитывать другихъ, а сами еще не научились, что портить чужую вещь гадко и неделикатно! У порядочнаго человѣка нервы, наконецъ, не выносятъ такой дряни... Наконецъ... почему вы знаете: можетъ быть я настолько бѣденъ, что не имѣю возможности купить другую шляпу? Да куда вамъ думать о бѣдности! Не правда-ли, вѣдь это, *fi donc*; совсѣмъ унизительно... и онъ съ послѣдними словами выбѣжалъ въ другія двери.

Пораженные и изумленные, мы стояли какъ вкопанные, не двигаясь съ мѣста.

Вступая въ институтъ, новый инспекторъ обыкновенно чинно входилъ въ классъ въ сопровожденіи инспектрисы. При этомъ инспектриса торжественно произносила по-французски: „Monsieur, — рекомендую, воспитанницы такого-то класса“ и, обращаясь къ намъ, „Mesdemoiselles, — вашъ новый инспекторъ“. Мы чинно приподнимались со скамеекъ, кланялись и привыкли изъ устъ новаго инспектора выслушивать нѣсколько фразъ, правда, стереотипныхъ, но въ чрезвычайно вѣжливой формѣ, въ которыхъ высказывалось обыкновенно, что мы своимъ прилежаніемъ и успѣхами заставимъ его, инспектора, всегда вспоминать о проведенномъ съ нами времени, какъ о самомъ пріятномъ для него. Затѣмъ начинался урокъ, во время котораго учитель вызывалъ самыхъ лучшихъ воспитанницъ, а инспекторъ старался ободрить конфузившихся и въ концѣ концовъ высказывалъ удивленіе нашимъ знаніямъ и успѣхамъ.

— А этотъ? Да это Богъ знаетъ что такое!.. думали мы, не двгаясь съ мѣста. Ему-же оказали вниманіе, а онъ, какъ бѣшеный, влетаетъ въ классъ, третируетъ насъ, взрослыхъ дѣвушекъ, какъ базарныхъ мужиковъ... Наконецъ, даже не мы это сдѣлали! Вѣроятно кто-нибудь изъ другаго отдѣленія... А если-бы и мы? Неужели такое преступленіе облить шляпу духами? Мы всегда такъ дѣлали, и этимъ порядочные мужчины были только польщены!.. Не понимаетъ даже того, какъ должно быть лестно для мужчины такое вниманіе! Вообще какой-то совсѣмъ не комильфотный... И какъ приличны съ нами эти разговоры о бѣдности!..

Въ рѣзкой выходѣ Ушинскаго насъ всего болѣе поразила его особенно язвительная насмѣшка надъ постыднымъ страхомъ и стыдливостью институтокъ сознаваться въ бѣдности, даже когда въ этомъ была настоящая необходимость. Дѣйствительно, каждая изъ насъ, если только родители ея были люди небогатые, старалась тщательно скрывать это отъ подругъ, даже, подъ разными предлогами, просила бѣдно одѣтыхъ родственниковъ не являться къ ней въ часы, назначенные для свиданій, а если это никакъ не удавалось, жестоко страдала.

— Презрѣнный! Противный! — шептали мы другъ другу на разные лады. Между тѣмъ внѣшность Ушинскаго, даже съ перваго взгляда, казалось, должна была вырвать изъ нашихъ устъ совсѣмъ другіе эпитеты. Блѣдное, съ тонкими чертами, вырази-

тельное, въ высшей степени интеллигентное лицо, черные, какъ смоль, волосы, съ блестящимъ чернымъ отливомъ, очень густыя, черныя брови дугой, высокій, блѣдный лобъ, съ печатью глубокой думы на челѣ, крайне нервныя, рѣзкія манеры, лихорадочный блескъ его темно-карихъ глазъ, уже замѣтныя морщины на лицѣ еще очень молодомъ, его безкровныя, крѣпко сжатыя губы, краснорѣчиво говорившія объ упорной волѣ, о сознаніи своихъ недюжинныхъ силъ, однимъ словомъ, вся внѣшность Ушинскаго была до такой степени оригинальна, что разъ видѣвшіе его никогда не могли его забыть.

— Ну, что у васъ говорилъ Ушинскій?.. видѣли?—спрашивали насъ вбѣжавшія къ намъ воспитанницы другаго отдѣленія. Эти возгласы только теперь окончательно заставили насъ выйти изъ оцѣпенѣнія. Мы заволновались, заговорили всѣ сразу, начали забрасывать подругъ вопросами. Изъ отрывочныхъ фразъ мы узнали только то, что Ушинскій посѣтилъ два урока, и что одинъ изъ учителей уже заявилъ воспитанницамъ, что онъ оставляетъ заведеніе.

— Понятно, что его удалилъ Ушинскій... За что? Господи, какой злой, противный человѣкъ! Что-то съ нами будетъ? — въ ужасѣ спрашивали мы другъ друга и, окончательно пораженные новыми вѣстями, тихо становились по парамъ, чтобы спуститься внизъ, на прогулку въ садъ. На лѣстницѣ къ намъ присоединилось нѣсколько учителей, задержанныхъ на верхнемъ корридорѣ Ушинскимъ, и теперь крайне взволнованныхъ. На площадкѣ внизу была передняя, въ которой висѣла одежда учителей. Въ эту минуту классная дама, шедшая впереди, почему-то остановила воспитанницъ на лѣстницѣ. Переднія пары стали смотрѣть на учителей, одѣвавшихся внизу. Сюда скоро вошелъ Ушинскій и торопливо началъ одѣвать свое пальто. Учитель младшаго класса Б. схватилъ калоши Ушинскаго и подбѣжалъ къ нему съ самой заискивающей миной.

— Что вы, что вы...—отсранилъ его Ушинскій, отступая и нѣсколько конфузясь, но въ слѣдующую минуту онъ уже съ какою-то злостью вырвалъ калоши изъ рукъ Б. и иронически, въ упоръ глядя на учителя, спросилъ его: „ваша фамилія? Ахъ да, г-нъ Б..., я у васъ только-что былъ на урокѣ“.

— Точно такъ, Константинъ Дмитріевичъ, и я съ большимъ трепетомъ ожидаю вашего приговора.

— Я лакейскаго званія вообще не уважаю, но лакей на каедрѣ... это... ужъ совсѣмъ дѣло не подходящее, — произнесъ Ушинскій холодно презрительно, тотчасъ-же повернулся и вышелъ.

Странно! Мы, болтавшія безъ умолку между собой о малѣйшемъ событіи въ нашихъ стѣнахъ, какъ-то окончательно растерялись при этой сценѣ и разгуливали по мосткамъ сада въ глубокомъ молчаніи. Въ такомъ тупомъ оцѣпенѣніи провели мы и весь остальной день, такъ что дежурная дама даже замѣтила: „а, испугались! Подождите, то-ли еще будетъ! Нечего сказать, приобрѣтеніе!..“

Послѣ вечерней молитвы, когда дежурная дама ушла въ свою комнату, мы нѣсколько оживились и начали болтать между собой, размѣстившись группами на кроватяхъ. То тамъ, то здѣсь долго слышались отрывочныя фразы по адресу Ушинскаго: „Злой.. неуживчивый характеръ... И какъ онъ смѣетъ!.. И что онъ о себѣ воображаетъ!..“

Въ одной кучѣ шелъ горячій споръ.

— Онъ странный, конечно... но въ немъ что-то... сильное, гордое, доказывала одна.

— Какая тамъ гордость... просто невѣжа! Не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о приличіи!

— Это правда... но мнѣ такъ понравились его слова: „лакей на каедрѣ“... — заговорила другая.—Б. дѣйствительно лакей... Вѣдь онъ положительно думалъ спасти себя калошами...

— Но за что же онъ такъ обозлился, что его облили духами?

— Можетъ быть, онъ подумалъ, что мы хотимъ этимъ тоже заискать у него передъ экзаменами...

— Да нѣтъ жс... Вотъ и моя сестра часто подсмѣивается надъ нашими обожаніями и духами. Многіе со стороны находятъ это смѣшнымъ...

И почти всѣ въ эту ночь, ложась спать, ломали себѣ голову, чтò означаетъ то или другое слово, сказанное Ушинскимъ, и, наконецъ, рѣшили, что онъ откажетъ всѣмъ учителямъ, кромѣ Старова, преподавателя русской словесности.

Старовъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Въ то время, какъ мы считали минуты, когда окончится урокъ того или дру-

гаго учителя, мы заслушивались Старова и каждый разъ съ нетерпѣніемъ ожидали его урока. Мы проходили у него теорію прозы и поэзіи, а также и литературу. Какъ у большинства другихъ учителей, мы не имѣли и для его курса никакого учебника. Руководствомъ для этого предмета намъ служили листки, составляемые Старовымъ, которые мы, изъ любви къ учителю, заучивали очень твердо и переписывали особенно изящно. Нужно сознаться, теорія прозы и поэзіи Старова была образцомъ самыхъ нелѣпыхъ опредѣленій, громкихъ, напыщенныхъ фразъ, отрывочныхъ свѣдѣній, не приведенныхъ въ систему. Но все же мы болѣе другихъ предметовъ любили долбить уроки Старова, такъ какъ они были испещрены словами въ родѣ: „высокое“, „прекрасное“, „эстетическое“, „идеаль“ и отрывками изъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, которые Старовъ, по нашему мнѣнію, читалъ намъ въ совершенствѣ. Читалъ онъ нѣсколько грубовымъ голосомъ, сопровождая чтеніе классическими жестами; но намъ это чрезвычайно нравилось. Въ стихотвореніяхъ насъ увлекала музыка и мелодичность стиха, въ прозѣ — возвышенныя выраженія, и хотя до смысла мы не додумывались и нашъ учитель не объяснялъ намъ его, но все же это насъ увлекало болѣе, чѣмъ сухое заучиваніе грамматики. Отрывки изъ теоріи прозы и поэзіи Старова намъ очень мало давали и потому, что они были слишкомъ отрывочны и служили поясненіемъ мало для насъ понятнаго опредѣленія какого нибудь рода поэзіи или прозы. Такъ же проходили мы у него и исторію литературы. На 60—70 листочкахъ въ четверку мы прошли всю русскую литературу. При этомъ Старовъ придерживался такой системы: въ его запискахъ, въ хронологическомъ порядкѣ, были названы всѣ произведенія автора, съ 20—30 строчками объясненія при наиболѣе крупныхъ изъ нихъ. Сами мы никогда не читали ни одного произведенія русскаго писателя, а преподаватель знакомилъ насъ съ нимъ лишь въ отрывкахъ. Такимъ образомъ, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о фабулѣ произведенія, ни объ идеѣ, которая осуществлялась въ томъ или другомъ художественномъ образѣ. Не смотря, однако, на все это, Старовъ былъ самымъ лучшимъ и даже единственнымъ искренно любимымъ учителемъ. Въ то время, когда всѣ держали себя съ нами холодно официально или грубовато, онъ одинъ неизмѣнно относился къ намъ

съ самымъ теплымъ участіемъ. Къ тому же онъ такъ возвеличивалъ, такъ идеализировалъ женщинъ вообще, а это, конечно, не могло не льстить намъ.

— Женщина,—слышали мы чуть не на каждой лекціи,— самое возвышенное, самое идеальное существо! Ей одной предназначено обновить міръ, внести идеалы, уничтожить вражду, поселить любовь, внушить уваженіе... Только женщина может примирить человѣка съ жизнью! Только красота женщины, ея грація и прелесть, кротость и неземная доброта могутъ разогнать душевную тоску, тяжесть одиночества. „Городъ пышный, городъ бѣдный...“, иллюстрировалъ онъ свой душевный порывъ къ женщинѣ, съ особеннымъ чувствомъ останавливаясь на послѣднемъ четырехстишіи:

„Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется огонекъ золотой“.

Мы, конечно, не имѣли ни малѣйшаго понятія, какимъ образомъ мы можемъ разогнать тоску одиночества, какъ мы будемъ обновлять міръ и зачѣмъ его обновлять, ни малѣйшаго представленія не имѣли мы и объ идеалахъ, какіе намъ предназначено внести въ міръ, но все же изъ этихъ словъ намъ было ясно, что назначеніе женщины очень прекрасное, и мы весьма гордились этимъ.

Добрая натура Старова не выносила официальныхъ отношеній: встрѣчая на корридорѣ толпу всегда поджидавшихъ его дѣвицъ, онъ не только радушно со всѣми раскланивался, но, замѣчая облачко на чьемъ-либо лицѣ, нѣжно произносилъ: „что затуманилась зоринька ясная“, или что нибудь въ этомъ родѣ, всегда съ экстазомъ декламируя множество стиховъ и внѣ классовъ, и во время уроковъ.

— Ахъ, м-г Старовъ,—говоритъ ему одна воспитанница,— я сегодня буду очень строго наказана,—и она откровенно рассказываетъ ему, за что ей придется вынести наказаніе и кѣмъ оно назначено. Старовъ, какъ стрѣла, бросается къ влассной дамѣ и, хватая ее за руки, со слезами на глазахъ, начинаетъ ее умолять простить воспитанницу. — Вы добрая, прекрасная, хорошая. Можетъ ли въ нашемъ сердцѣ, въ сердцѣ такого

благороднѣйшаго существа, какъ женщина, жить злое чувство!.. Нѣтъ, это невозможно! Карать... казнить... и кого-же?.. такое юное, такое невинное существо!.. Возможно-ли казнить юность за ея увлеченія? И, наконецъ, прощать... о, клянусь вамъ, прощающая женщина — это... это... ангель въ небѣ!.. Нѣтъ, я не уйду отсюда! Я вымолю у васъ прощеніе! Я стану передъ вами на колѣни!

Озадаченная классная дама, опасаясь, что Старовъ приведетъ это въ исполненіе и польщенная прекрасными эпитетами, которые ей едва-ли когда нибудь приходилось слышать отъ мужчины, обыкновенно торопилась исполнить его желаніе.—Ахъ какой вы чудакъ! Ахъ добрякъ вы этакой!.. Ну хорошо, хорошо, для васъ я прощаю Б...—и она немедленно подзывала провинившуюся воспитанницу и громогласно объявляла, что она прощаетъ ее для г. Старова... Всѣ сѣли за урокъ въ самомъ добромъ, мирномъ настроеніи.

Начальство смотрѣло на Старова какъ на очень вѣжливаго челоуѣка и прекраснаго учителя, прощало ему его экстазъ и эксцентричныя выходки и нисколько не мѣшало намъ, воспитанницамъ, окружать его толпою на корридорѣ, такъ какъ отлично знало, что характеръ его разговоровъ и видъ классовъ, и на урокахъ неизмѣнно одинъ и тотъ же. И, дѣйствительно, Старовъ вездѣ былъ однимъ и тѣмъ же незлобивымъ, восторженнымъ челоуѣкомъ, легко приходившимъ въ экстазъ, повидимому, часто даже безъ малѣйшаго для этого повода. Вслѣдствіе своей ограниченности, онъ, какъ учитель, не могъ принести намъ особенной пользы, но за то не сдѣлалъ никому не только ни малѣйшаго вреда, но и какой бы то ни было непріятности. Восторженность его положительно была безпредѣльна: когда Олриджъ давалъ въ Петербургѣ свои представленія и публика во время антракта вызывала его, Старовъ пробрался на театральные подмостки, бросился на колѣни передъ знаменитымъ артистомъ и поцѣловалъ его руку.

Итакъ, мы считали Старова не только симпатичнѣйшимъ изъ людей, но и замѣчательнымъ преподавателемъ и не находили ни малѣйшаго пятнышка въ его преподаваніи. Когда въ первый разъ послѣ появленія Ушинскаго мы поджидали его на урокъ, мы вышли встрѣтить его цѣлой толпой. При его появле-

ни мы тотчасъ начали рассказывать ему всё „выходки“ нашего страннаго новаго инспектора.

— Несомнѣнно,—говорилъ Старовъ грустно задумчиво,—такое лавейство со стороны Б. некрасиво... Но зачѣмъ же такая рѣзкость тона, за что оскорблять! Онъ человѣкъ семейный, бѣднякъ, неразвитой, конечно, но совсѣмъ не злой...

Когда мы сообщили ему, какъ Ушинскій отнесся къ намъ за то, что мы облили его шляпу духами, онъ глубоко возмущенъ душой.—Господи! И на такую, можно сказать, поэтическую черту характера дѣвушка въ накладываетъ печать этого... грубаго, сухаго матеріализма!—И затѣмъ, нѣсколько помолчавъ, онъ добавилъ уже совсѣмъ печально:—что-же, дѣвицы, можетъ быть и мнѣ придется разстаться съ вами?

— Ну, ужъ этому не бывать!—закричали мы въ одинъ голосъ. Если онъ васъ не съумѣетъ оцѣнить... онъ, значить, ужъ совсѣмъ невѣжда... Мы всё тогда возстанемъ... Мы ни за что этого не допустимъ!

Старовъ обводилъ толпу институтокъ восторженными глазами, которые безъ словъ говорили: „прелестныя созданія“, затѣмъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ это всегда съ нимъ бывало передъ какой нибудь наиболѣе восторженной импровизаціей, онъ началъ: „Вы не знаете, что творится въ мірѣ! О, какъ прелестны вы вашимъ невѣдѣніемъ! Не теряйте его, этого лучшаго сокровища юнаго сердца! Ваше непосредственное чувство...“

— Нѣтъ, нѣтъ, м-г Старовъ... перебили мы его на этотъ разъ, желая, во что бы то ни стало, съ его помощью, хотя нѣсколько уяснить себѣ загадочный характеръ новаго инспектора. Скажите намъ, пожалуйста, ваше мнѣніе объ Ушинскомъ... Вы сказали... печать грубаго матеріализма... Что такое матеріализмъ! приставали мы къ нему.

— Полноте, зачѣмъ вамъ все это?.. Я, наконецъ, совсѣмъ не знаю г. Ушинскаго. Слышалъ, конечно... Какъ бы это вамъ объяснить... Видите ли... Въ большомъ ходу теперь новыя идеи... Конечно... многія изъ нихъ заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія.. Но это равенство женщинъ... этому я не могу сочувствовать! Женщина не можетъ имѣть себѣ равныхъ... это высшее существо!. Не знаю какъ относительно этого вопроса, но мнѣ говорили, что Ушинскій... это замѣчательный умъ, въ высшей сте-

пени образованный человекъ... Онъ, говорятъ, поклонникъ новыхъ идей! Что жъ!.. Намъ, старикамъ, по правдѣ сказать, и давно пора очищать мѣсто для новыхъ людей, для новыхъ идей!

Мы мало поняли и эту тираду, но звонокъ прекратилъ наши разспросы, заставивъ насъ опростеться бѣжать въ классъ. Мы не успѣли еще разсѣсться по скамейкамъ, какъ къ намъ вошла инспектриса, а за нею и Ушинскій. Онъ, въ нашемъ удивленію, привѣтливо раскланялся со Старовымъ.

— Вамъ угодно будетъ экзаменовать дѣвицъ?—обратился Старовъ къ Ушинскому.

— Нѣтъ! я буду васъ просить, по обыкновенію, продолжать ваши занятія.

Старовъ началъ вызывать воспитанницъ и спрашивать заданный урокъ о Пушкинѣ, изложенный у насъ на нѣсколькихъ листочкахъ. Вызванная воспитанница прекрасно отвѣтила свой урокъ.

— Очень твердо заучено... — замѣтилъ Ушинскій. Вы вотъ называете столько произведеній, расскажите мнѣ, пожалуйста, содержаніе хотя одного изъ нихъ, ну, напримѣръ, „Капитанскую дочку“.

Воспитанница молчала.

— Вы развѣ не читали этого произведенія? Какъ-же это можно? Тогда потрудитесь изложить „Евгенія Онѣгина“.

Старовъ началъ объясняться за воспитанницу. Въ классѣ не существуетъ библиотеки. Свой единственный экземпляръ онъ не можетъ намъ оставлять, такъ какъ онъ объ одномъ и томъ-же предметѣ въ одинъ и тотъ-же день читаетъ нерѣдко въ двухъ, трехъ заведеніяхъ.

— Въ такомъ случаѣ я совсѣмъ не понимаю преподаванія литературы! Вы обращались по этому поводу съ запросомъ къ администраціи заведенія?

— Дѣло здѣсь испоконъ вѣка такъ ведется... Забота о библиотекѣ не мое дѣло...

— Да какъ-же вы можете спокойно слушать, когда ваша ученица одно за другимъ называетъ множество произведеній и ни объ одномъ изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія? Слѣдовательно, здѣсь изученіе литературы было оставлено на

произволь воспитанницъ? Вѣдь нельзя-же сказать, что этотъ фразистый, ветхозавѣтный учебникъ, страничку котораго я сейчасъ прослушалъ, могъ имъ служить руководствомъ въ какомъ нибудь отношеніи.

Этотъ фразистый, ветхозавѣтный учебникъ, о которомъ Ушинскій отзывался съ такимъ презрѣніемъ, былъ не что иное, какъ записки самого Старова. При этихъ словахъ Старовъ побагровѣлъ отъ злости и даже привскочилъ, чтобы отвѣтить, но Ушинскій ничего не замѣчалъ и продолжалъ все съ большею горячностью.

— Дѣвицы, кто изъ васъ читалъ „Мертвыя души“? Потрудитесь встать...

Никто не двигался съ мѣста.

— Это невозможно! Вы, сударыня, читали? А вы? Но можетъ быть, что нибудь другое вы читали изъ Гоголя? „Тараса Бульбу“ знаете? И Пушкина никто не читалъ? А Лермонтова, Грибоѣдова? Но это невозможно! Я просто этому не вѣрю! Какъ, ни одна воспитанница, проходя русскую литературу, не прочла ни одного наиболѣе капитальнаго произведенія!.. Да вѣдь это, знаете, что-то совсѣмъ ужъ баснословное!—Ушинскій не получалъ ни откуда никакого отвѣта и, все болѣе горячась, обращался то къ воспитанницамъ, то къ учителю.—Но чѣмъ-же набить вашъ шкафъ?—И съ этими словами онъ подбѣжалъ къ шкафу, который былъ наполненъ тетрадами, грифелями, карандашами, грифельными досками и другими классными принадлежностями; двѣ, три полки были уставлены произведеніями Анны Зонтагъ, Евангелиемъ и нѣсколькими дюжинами разнообразныхъ учебниковъ, которые, кстати замѣтить, у насъ совсѣмъ почти не употреблялись. Пожимая плечами, нервно перелистывая книги, Ушинскій, точно пораженный, нѣсколько минутъ молча простоялъ у шкафа, затѣмъ быстро захлопнулъ его, подошелъ къ столу и сѣлъ на свое мѣсто.—Что-жъ, потрудитесь продолжать занятія,—сказалъ онъ какъ-то вяло, обращаясь къ Старову и вытирая платкомъ потъ, струившійся по его блѣдному лбу.

— Какія тутъ занятія,—обиженно процѣдилъ съвозъ зубы Старовъ; однако, вынулъ изъ портфеля одинъ изъ томовъ Пушкина и, горько улыбнувшись углами губъ, началъ читать стихотво-

реніе „Чернь“, съ каждой строчкой прихода все въ большій экстазъ. Но послѣднее четырехстишіе:

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“—

онъ читалъ уже вскочивъ на ноги, съ воспаленными глазами, голосомъ, прерывавшимся отъ волненія и выражавшимъ все ядовитое презрѣніе, какое только могло накопиться въ этой доброй душѣ ко всѣмъ поборникамъ матеріализма, не умѣющимъ ни понимать, ни цѣнить небесныхъ вождельній и поэтическихъ восторговъ.

— Но вѣдь воспитанницы незнакомы еще и съ болѣе капитальными произведеніями Пушкина,—замѣтилъ Ушинскій... Впрочемъ, продолжайте... Вы, вѣроятно, будете теперь имъ это объяснять?

— Что-же тутъ объяснять! Онѣ отлично все понимаютъ.. У этихъ дѣвушекъ весьма сильно развито художественное чутье...

— Ого, даже художественное чутье... А чѣмъ бы, кажется, оно и могло быть развито при такихъ условіяхъ,—сказалъ Ушинскій, не скрывая ироніи, и, вызвавъ одну изъ воспитанницъ, онъ попросилъ ее передать стихотвореніе своими словами. Но ни эта дѣвица, ни другая, ни третья ничего не могли рассказать, хотя всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

Тогда въ дѣло вмѣшалась инспектриса. Она заявила Ушинскому, что Старовъ замѣчательный преподаватель, что воспитанницы чрезвычайно любятъ его предметъ и много надъ нимъ работаютъ, но въ данную минуту онѣ очень переконфузились и потому не могутъ отвѣчать.

— Можетъ быть, можетъ быть,—недовѣрчиво улыбаясь отвѣчала Ушинскій. Попробуемъ объяснить письменно! Пусть одна изъ воспитанницъ вслухъ раза два прочтетъ стихотвореніе и затѣмъ, дѣвицы, потрудитесь своими словами, письменно, изложить прочитанное,—и онъ вышелъ въ корридоръ.

Наша письменная работа оказалась въ высшей степени безтолковой: у однѣхъ она представляла шумиху напыщенныхъ

фразъ, не имѣющихъ между собою самой элементарной логической и грамматической связи, у другихъ черни приписывалось то, что говорилъ поэтъ, и наоборотъ, и при этомъ у тѣхъ и у другихъ немало было крупныхъ орфографическихъ ошибокъ. Къ счастью для насъ, звонокъ помѣшалъ Ушинскому читать вслухъ наши сочиненія, и онъ взялъ ихъ съ собою.

Нужно замѣтить, что все это происходило въ старшемъ классѣ, передъ самымъ выпускомъ. Всѣ воспитанницы дѣлились тогда на два класса: на кофейныхъ—младшихъ ученицъ, и зеленыхъ, также называемыхъ бѣлыми—старшихъ; въ каждомъ классѣ воспитанницы оставались по три года. Были еще и пепиньрки—дѣвицы спеціальнаго, педагогическаго курса, но онъ не былъ обязательнымъ.

Хотя Старовъ и послѣ описанной сцены оставался еще нѣкоторое время въ институтѣ, но лично я не занималась болѣе у него: по причинѣ болѣзни я долго была въ лазаретѣ, а когда выздоровѣла, уже въ 1860 году, Ушинскій предложилъ многимъ изъ нашего выпуска, а въ томъ числѣ и мнѣ, остаться еще на полтора года во вновь устроенномъ классѣ, получившемъ названіе теоретическаго спеціальнаго. Старовъ, къ нашему искреннему сожалѣнію, уже совсѣмъ съ нами распростился, и мы ждали новаго учителя.

— Что же, барышни, вы все еще тоскуете о Старовѣ? — спросилъ однажды Ушинскій, проходя по корридору и встрѣтивъ нѣсколькихъ воспитанницъ.

— Конечно, это во всѣхъ отношеніяхъ былъ прелестный человекъ... Поэтъ въ душѣ, и такой добрый... такой вѣжливый...— отвѣчала самая бойкая изъ насъ, стараясь уничтожить Ушинскаго своею язвительностью.

— Такъ-то такъ, только мало вы вынесли изъ его преподаванія... Мало и понимали его...

— Мы понимали, — съ искусственнымъ равнодушіемъ, все еще не сдаваясь, отвѣчала та-же.

— Къ сожалѣнію, этого не подтвердили ни ваши устные, ни письменные отвѣты...

При этихъ словахъ одна дѣвушка вся вспыхнула, закрыла лицо руками и быстро заговорила голосомъ, въ которомъ дрожали слезы;—Мы сами виноваты, что потеряли такого учителя...

такого человѣка, лучше котораго нѣтъ на свѣтѣ .. Ему одному мы все могли сказать... Онъ самый добрый... Онъ защищалъ насъ... и онъ такъ все понималъ... У него поэтическая душа, онъ даже самъ писалъ стихи... Развѣ онъ виноватъ, что вообразилъ насъ умнѣе, и такъ и читалъ намъ...

— Милая, милая барышня, — перебилъ ее Ушинскій съ искреннимъ чувствомъ.—Вѣрьте мнѣ, это чистѣйшій типъ сентиментальнаго фразера и говоруна!.. Не горюйте, у меня есть въ виду для васъ, дѣйствительно, хорошій преподаватель... И если въ учителѣ вы ищете непременно доброты... по моему и одного ума достаточно... такъ вашъ будущій учитель, дѣйствительно, добрый человѣкъ...

— Чѣмъ-же онъ лучше Старова?—спрашивали мы, удивляясь, что съ Ушинскимъ можно разговаривать.

— Да хоть бы тѣмъ, что онъ научить васъ работать, научить читать, заставить полюбить чтеніе, познакомить не только съ названіями произведеній, но и съ ихъ содержаніемъ.

— А какъ его фамилія?

— Водовозовъ.

— Ну ужъ одна фамилія чего стоитъ!—выпала одна изъ насъ, неожиданно даже для себя самой.

— Вы ошибаетесь,— снова запальчиво возразилъ Ушинскій, рѣшительно не переносившій не только ни малѣйшей пошлости, но и глупой остроты. Онъ будетъ пригоденъ и для того, чтобы научить васъ понимать, что достойно смѣха и что не заслуживаетъ его.

II.

Наконецъ, давно ожидаемый новый учитель литературы, Василій Ивановичъ Водовозовъ, появился у насъ въ классѣ. Боже, какъ онъ былъ далекъ отъ того идеала, который мы уже себѣ составили. Человѣкъ, рекомендованный и столь расхваливаемый Ушинскимъ, долженъ былъ, по нашему мнѣнію, обладать суровымъ выраженіемъ лица, презрительной усмѣшкой, молніеноснымъ взглядомъ. И вдругъ мы увидали болѣе чѣмъ пожилаго человѣка (онъ уже тогда, не смотря на свои 35 лѣтъ, выглядѣлъ старикомъ), средняго роста, съ самою простодушною фізіономіею,

разсѣянно поглядывавшаго то въ одну, то въ другую сторону. Сзади него шель Ушинскій. Ни съ кѣмъ не раскланявшись, Василій Ивановичъ подошелъ къ столу, суетливо завозился съ своимъ огромнымъ портфелемъ и вдругъ повернулся какъ-то вбокъ и задумчиво уставился въ одну точку на стѣнѣ. Наконецъ, онъ какъ будто что-то вспомнилъ, встрепенулся и снова завозился съ своимъ портфелемъ, но тутъ онъ какъ-то неловко потянулъ рукавомъ за замокъ портфеля и свалилъ его на полъ.

— Это ничего... — добродушно, махнувъ рукой и разсмѣявшись, сказалъ онъ, точно самъ себя успокоивая, и нагнулся, чтобы подобрать рассыпавшіяся по полу книги, ударяясь о столъ головой.

Только присутствіе Ушинскаго сдержало нашъ презрительный смѣхъ. Къ тому-же въ эту минуту насъ поразило то, что самъ Ушинскій тоже разсмѣялся какъ-то очень добродушно, а мы уже совсѣмъ не подозрѣвали въ немъ никакого добродушія. И, о ужасъ! этотъ гордый и высокомерный Ушинскій тоже началъ усердно помогать подбирать книги новому учителю.

— Ну что, вѣдь экзаменовать ихъ не надо?—вопросительно обратился В. И. къ Ушинскому, и тутъ-же самъ себя отгѣтилъ: „конечно, нѣтъ... зачѣмъ?“

— Какъ хотите... Имъ какъ-то при мнѣ читали Пушкина „Чернь“, вотъ-бы и вы имъ тоже прочли, да объяснили.

— Что-же... это можно... Только у меня нѣтъ съ собой этого тома Пушкина... Впрочемъ, все равно,—и съ этими словами Василій Ивановичъ подошелъ къ скамейкамъ и произнесъ все стихотвореніе на память.

Уже черезъ нѣсколько минутъ насъ поразило, что человекъ, по нашему мнѣнію, столь далекій отъ поэзіи, такъ хорошо передаетъ стихи. Окончивъ стихотвореніе „Чернь“, В. И. замѣтилъ, что на ту-же тему Некрасовымъ написано „Поэтъ и гражданинъ“ (мы въ первый разъ услышали имя этого поэта), и опять отъ начала до конца, такъ-же прекрасно и тоже наизусть онъ произнесъ и это стихотвореніе, а затѣмъ приступилъ къ объясненію. Говорилъ онъ далеко не гладко, но все, что онъ говорилъ, мы совершенно ясно понимали, все это противорѣчило всему тому, что мы до сихъ поръ слышали, все это въ высшей степени заинтересовало насъ и впервые заставило серьезно работать

наши головы. Послѣдовательно объясняя стихотвореніе того и другаго поэта, В. И. далъ краткое изложеніе идей, господствовавшихъ въ литературѣ съ 1820-хъ до половины 1840-хъ годовъ, и тѣхъ, которыя возникли въ ней съ конца 1840-хъ и въ 1850-хъ годахъ, передъ крестьянскою реформою. Такимъ образомъ, въ концѣ лекціи, передъ нами само собою выяснились содержаніе и смыслъ того и другаго стихотворенія. По окончаніи урока, В. И. замѣтилъ намъ, что съ будущей лекціи мы начнемъ послѣдовательно, одно за другимъ, изучать произведенія русскихъ писателей, но что у насъ едва хватитъ времени серьезно проштудировать болѣе крупныя изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что мы должны знакомиться и со всеобщей литературой. На этотъ разъ онъ потому такъ долго остановился на этихъ двухъ стихотвореніяхъ, что К. Д. просилъ объяснить ихъ, а затѣмъ онъ уже самъ увлекся. При этомъ онъ просилъ насъ къ будущему разу письменно изложить какъ содержаніе названныхъ двухъ стихотвореній, такъ и его сегодняшнее объясненіе. Онъ предложилъ намъ всегда во время урока записывать за нимъ, но при изложеніи относиться самостоятельно къ его объясненіямъ.

На первый разъ мы прощали всѣ странности новаго учителя уже за одно то, что онъ насъ не „распиналъ“, т. е. не экзаменовалъ. Мы боялись этого не потому, что не знали пройденнаго, такъ какъ всегда, о чемъ было уже упомянуто, твердо заучивали уроки Старова, а потому, что всякій новый преподаватель, введенный Ушинскимъ, представлялся намъ большимъ „насмѣшникомъ“. Мы скоро пришли на этотъ счетъ совсѣмъ къ другому выводу, особенно относительно Василія Ивановича.

Съ каждой лекціей онъ незамѣтно для насъ самихъ втягивалъ насъ въ серьезную умственную работу, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ была немыслима для институтокъ. Мы, ничего не читавшія, вдругъ начали читать чрезвычайно много, а нѣкоторыя изъ насъ и съ пожирающею страстью. Необходимость не только прочесть, но и проштудировать каждое произведеніе и послѣ толковаго объясненія учителя изложить его письменно, развивали въ насъ мало по малу способность внимательно слушать и излагать прочитанное, быстро расширяли нашъ умственный кругозоръ.

Быстрому умственному росту институтокъ того времени

содѣйствовалъ не только В. И., но и большая часть новыхъ преподавателей ¹⁾, и прежде всего самъ К. Д. Ушинскій. Онъ читалъ намъ лекціи по педагогикѣ, и при своихъ обширныхъ знаніяхъ, при большомъ ораторскомъ талантѣ, онъ обладалъ выдающеюся способностью излагать въ доступной для насъ формѣ необходимыя понятія по психологій и физиологій. Замѣчательная способность Ушинскаго подобрать пригодныхъ для дѣла людей, по одной лекціи учителя понять слабыя и хорошія стороны его преподаванія и своимъ необыкновеннымъ педагогическимъ тактомъ и чутьемъ умѣть настолько поддерживать его своими совѣтами, что въ концѣ концовъ изъ него дѣйствительно вырабатывался хорошій педагогъ, также много помогала блестящимъ успѣхамъ ученицъ, ихъ серьезнымъ, усидчивымъ занятіямъ. Содѣйствовали этому, наконецъ, и 1860-е годы—самая горячая, самая свѣтлая пора развитія въ русскомъ обществѣ гражданскихъ идеаловъ и стремленій къ безкорыстному служенію родинѣ, только благодаря энергій Ушинскаго занесенныхъ и въ нашъ, до той поры крѣпко-на-крѣпко запертый, монастырь. Въ нашемъ шкафу появились теперь произведенія русскихъ авторовъ, для насъ былъ выписанъ даже „Разсвѣтъ“ Кремпина, въ то время считавшійся лучшимъ журналомъ для юношества. Къ тому-же, большая часть преподавателей, каждый по своему предмету, приносили намъ наиболѣе полезныя произведенія.

Если В. И. Водовозовъ почему-нибудь не считалъ удобнымъ принести намъ ту или другую книгу, какъ подспорье для своихъ объясненій при изученіи того или другаго писателя, мы все-же знакомились съ нею изъ его устнаго изложенія.

Всѣмъ извѣстны прежнія темы русскихъ ученическихъ сочиненій. Какъ бились мы, бывало, у Старова, надъ какимъ-нибудь „восходомъ солнца“, котораго нѣто изъ насъ, конечно, никогда не видалъ, чтобы нагнать хотя двѣ странички разгонистымъ почеркомъ, что считалось *minimum*’омъ объема такого сочиненія. У В. И. мы не дѣлали сочиненій на подобныя темы, но

¹⁾ Изъ наиболѣе талантливыхъ преподавателей, введенныхъ К. Д. Ушинскимъ, особенно выделялись Мих. Ивановичъ Семейскій, увлекательно читавшій у насъ лекціи по русской исторіи, и Дм. Дмитриевичъ Семеновъ—учитель географіи, получившій впоследствии известность педагога-практика.

излагали письменно всё прочитанная произведенія авторовъ, пополняя ихъ объясненіями учителя; мало по малу и наши собственные взгляды все болѣе вырабатывались подъ руководствомъ опытнаго педагога. Эти письменныя работы у нѣкоторыхъ едва умѣщались на 8—9 листахъ. Но какъ-бы объемисты онѣ ни были, В. И. не затруднялся этимъ, тщательно выправлялъ наши работы и ему еще часто приходилось дѣлать на поляхъ множество поясненій.

В. И. всегда оставался болтать съ нами не только между уроками, но весною и осенью онъ нерѣдко приходилъ въ нашу садъ, и мы, въ свободное отъ занятій время, гуляли вмѣстѣ съ нимъ. Впослѣдствіи въ этихъ бесѣдахъ начальство относилось весьма недружелюбно, но въ первый годъ вступленія В. И. въ наше заведеніе никто не стѣснялъ нашихъ бесѣдъ, и онѣ принесли намъ, тогда еще мало развитымъ дѣвушкамъ, совершенно изолированнымъ отъ міра, людей и хорошихъ книгъ, весьма существенную пользу. Только изъ этихъ бесѣдъ узнали мы, какіе существуютъ у насъ лучшіе журналы, впервые отъ В. И. услышали мы имена Добролюбова, Некрасова, Островскаго, Тургенева и другихъ замѣчательныхъ современныхъ писателей и дѣятелей, такъ какъ наша программа не вмѣщала изученія современной литературы. Отъ В. И. узнали мы также о существованіи воскресныхъ школъ для народа. Былъ-ли онъ въ театрѣ, онъ сообщалъ намъ о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ представленія, и тутъ-же кстати знакомилъ насъ съ цѣлями, которыя преслѣдовали драматическій писатель и современный актеръ.

Эти бесѣды не носили и тѣни характера лекціи; онѣ быстро пробуждали въ нашемъ умѣ самый живой интересъ къ неизвѣстному намъ до сихъ поръ міру. Мы, нисколько не стѣсняясь, высказывали свои мнѣнія и часто, перебивая другъ друга, осыпали его вопросами. Все, что приходило намъ въ голову во время этихъ бесѣдъ, мы немедленно сообщали В. И., желая знать обо всемъ его мнѣніе. Если онъ замѣчалъ, что когонибудь изъ насъ особенно интересуеть что-либо вычитанное нами въ новомъ журналѣ, выписываемомъ для насъ, онъ называлъ намъ другія популярныя сочиненія и нерѣдко даже самъ доставлялъ ихъ намъ. Все болѣе чувствуя потребность въ этихъ бесѣдахъ съ В. И.,

мы, въ свою очередь, замѣчали, что и его въ высшей степени интересуеть наша болтовня, какъ бы она ни была наивна и подъ-часъ даже смѣшна.

— Вы бываете въ гостяхъ, или вы все только читаете и пишете?—пристаемъ мы бывало къ нему.

— Еще-бы... послѣ пяти—шести уроковъ въ день такъ иногда устанешь, что не до работы. Вотъ я вчера цѣлый вечеръ провель въ гостяхъ.

— Гдѣ же вы были? А вы знаете какого нибудь литератора? Скажите... когда литераторы собираются въ гости, что они дѣлаютъ? Вѣдь другіе, не литераторы, такъ, пожалуй, все и смотрятъ, такъ и слѣдятъ за литераторами.

— Вѣроятно, это очень непріятно,—перебиваютъ подруги.

— Напротивъ,—восторженно возражаетъ одна.—Я думаю... какъ они счастливы... какъ гордятся общимъ вниманіемъ!

— И литераторы вмѣстѣ съ другими пьютъ чай въ гостяхъ?—вдругъ спросила одна.

Хотя всѣхъ въ душѣ интересовалъ этотъ вопросъ, но онъ былъ поставленъ такъ категорично, такъ простодушно-наивно, что мы сами разсмѣялись, а вмѣстѣ съ нами и В. И.

Однако, скоро всѣ эти бесѣды были прекращены. Дѣятельность Ушинскаго приплась настолько не по душѣ нашему начальству, что оно мало скрывало это даже отъ насъ, грубо порицая его нововведенія, вкривъ и вкось перетолковывая его слова, осуждая всѣхъ новыхъ учителей и презрительно подсмѣиваясь надъ ними. У насъ начали серьезно поговаривать объ удаленіи изъ института Ушинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ введенныхъ имъ преподавателей. Мы пришли въ серьезное отчаяніе и заволновались. Но это лишь вызвало крутя мѣры противъ наиболѣе строптивыхъ и угрожало имъ серьезными послѣдствіями. До нашего выпуска оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и нѣкоторые изъ наиболѣе любимыхъ учителей успокоивали насъ, говоря, что оставить институтъ лишь вмѣстѣ съ нами. Мы тотчасъ успокоились, но не надолго. Однажды дежурная дама заявила передъ урокомъ одного изъ новыхъ учителей, чтобы мы не смѣли болѣе разговаривать съ нимъ во время рекреаций. Мы объяснили себѣ, что это распоряженіе касается лишь одного учителя, и продолжали выходить къ В. И. Первое время это намъ

сходило съ рукъ, тѣмъ болѣе, что уроки В. И. довольно долго совпадали съ дежурствомъ болѣе снисходительной класной дамы.

Какъ-то вбѣжала въ класъ одна изъ нашихъ подругъ и передала намъ конецъ разговора Ушинскаго съ В. И., котораго она была случайной свидѣтельницей. Ушинскій, стоя у окна противъ В. И., сказалъ ему съ иронической усмѣшкой: „Такъ вы думаете, что вашимъ бесѣдамъ не помѣшаютъ... Наивный вы человѣкъ! Вѣдь для этого нужно имѣть волчьи зубы и лисій хвостъ“...

Опасаясь повредить В. И., а вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ, мы условились какъ можно рѣже выходить теперь къ нему во время рекреаций, но ничто не помогло, и наши бесѣды съ нимъ были приостановлены. Теперь намъ это было особенно тяжело уже потому, что нашему развитію данъ былъ серьезный толчекъ: мы продолжали усердно читать все, что только могли достать изъ рекомендованнаго намъ, но кромѣ книги требовалось живое слово, опытный руководитель, который, хотя бы иногда, разрѣшалъ наши недоразумѣнія и сомнѣнія. Къ тому же, передъ каждой изъ насъ все болѣе назрѣвалъ самый жгучій, трудный, самый сложный изъ всѣхъ вопросовъ: что намъ дѣлать съ собою послѣ окончанія курса?...

За эти полтора года, проведенные нами въ институтѣ послѣ реформы Ушинскаго, мечты и стремленія институтокъ совершенно измѣнились. Никто изъ насъ не мечталъ болѣе о балахъ, о выѣздахъ, объ эффектѣ, произведенномъ роскошью туалета и легкостью танца,—теперь всѣ хотѣли работать, всѣ мечтали о серьезныхъ занятіяхъ, даже дѣвушки, совершенно обеспеченныя въ матеріальномъ отношеніи. Съ кѣмъ же намъ было посоветываться обо всемъ этомъ, какъ не съ В. И., ближе другихъ ставшимъ къ намъ и съ которымъ мы могли говорить, не стѣсняясь, даже о своемъ семейномъ и матеріальномъ положеніи. Тогда нѣкоторые изъ насъ придумали такое средство: подавая письменную работу, мы въ концѣ ея спрашивали В. И. обо всемъ, что насъ занимало. Мы были увѣрены, что В. И. пойметъ причину такихъ письменныхъ вопросовъ, сумѣетъ найти подходящую форму и удобный моментъ, чтобы и во время занятій дать хотя краткое объясненіе, отвѣтъ на мучающій насъ вопросъ. И дѣйствительно, В. И. чрезвычайно внимательно и деликатно относился

къ такимъ просьбамъ: возвратитъ ученицѣ ея работу и начинаетъ толковать съ нею о томъ, о чемъ она его спрашивала, придавъ такому объясненію общинтересный характеръ. Къ несчастію, однако, одна изъ такихъ работъ съ обращеніемъ къ В. И. попалась въ руки классной дамы, особенно недолюбивавшей Ушинскаго и всѣхъ новыхъ учителей. Она всюду стала кричать, что воспитанницы пишутъ письма учителямъ, но не показала этого письма начальству, а передала его содержаніе устно, по своему, совершенно исказивъ его первоначальный смыслъ. И вотъ каждая классная дама начинаетъ передавать содержаніе этого злополучнаго письма другой дамѣ, но уже въ новой редакціи, такъ что въ концѣ концовъ оно носило пошлый, грязный характеръ. На всѣхъ воспитанницъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ новымъ учителямъ, начали взводить обвиненія въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, дѣлали двусмысленные намеки на ихъ отношенія къ этимъ учителямъ, намеки, которыхъ онѣ рѣшительно не понимали въ данную минуту, но которые могли скорѣе нравственно исковеркать дѣвушекъ, чѣмъ принести имъ какую нибудь пользу. Ушинскаго прямо въ глаза обвиняли, что онъ ввелъ безнравственныхъ учителей; онъ потребовалъ письмо и пришелъ въ ужасъ, что таковой наивный дѣтскій лепетъ могъ послужить поводомъ къ столь возмутительнымъ обвиненіямъ. Уже послѣ окончанія мною курса, Ушинскій, встрѣтивъ меня, началъ вспоминать исторію, надѣлавшую въ институтѣ такъ много шума и доставившую ему столько хлопотъ и непріятностей, вручилъ мнѣ довольно объемистую тетрадь и просилъ переслать ее по принадлежности. Вся тетрадь заключала въ себѣ живо и бойко изложенную характеристику личностей Печорина и Онѣгина, и лишь послѣднія четыре странички были посвящены личнымъ чувствамъ, вопросамъ и сомнѣніямъ. Вотъ въ чемъ состояло это обращеніе къ Василю Ивановичу.

„Какъ мнѣ нужно съ вами переговорить, Василій Ивановичъ? Но при теперешнихъ порядкахъ это совершенно немислимо, между тѣмъ я болѣе чѣмъ кто нибудь нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ. Боже, какое множество „проклятыхъ вопросовъ“ осаждаетъ мою бѣдную голову, заставляетъ напролетъ проводить ночи безъ сна! Болѣе всего пугаетъ меня слѣдующее: не смотря на то, что я безконечное число разъ перечитала „Евгенія

Онгина“ и „Героя нашего времени“, не смотря на то, что я вполне поняла и совершенно согласна, но согласна только умомъ, съ оцѣнкою, данною вами этимъ героямъ, мое сердце не подчиняется никакимъ благоразумнымъ внушеніямъ, ни своимъ собственнымъ, ни даже вашимъ. Всѣ герои, какъ Печоринъ и Онгинъ, имѣютъ для меня неотразимую прелесть. Въмѣсто того, чтобы возбудить презрѣніе къ себѣ своею пустотою, своими жестокими, часто даже безчеловѣчными, поступками, они привлекаютъ меня своимъ, какимъ-то гордымъ, таинственнымъ величіемъ, своимъ презрѣніемъ къ жизни и въ людскому мнѣнію, однимъ словомъ они имѣютъ надо мной непобѣдимую власть и силу. Я чувствую, я вполне увѣрена, если бы я встрѣтилась съ личностью въ родѣ Онгина, и тѣмъ болѣе Печорина, я съ наслажденіемъ записалась бы въ число его жертвъ, лишь бы только онъ, хотя на одну минуту, остановилъ на мнѣ свое вниманіе. Изъ этого вы видите, какъ глубоко я безнравственна, какая я жалкая и несчастная. Вы всегда указываете на трудъ, какъ на лучшее средство противъ всѣхъ нравственныхъ недуговъ, вы какъ-то упоминали, что это лучшее лекарство противъ сантиментальныхъ фантазій,—я думаю, что и въ этомъ случаѣ вы подвели бы мои думы подъ ту-же категорію. Что же мнѣ дѣлать, чтобы не предаваться такимъ безнравственнымъ бреднямъ? Клянусь вамъ, я готова работать и день, и ночь, укажите только, надъ чѣмъ и какъ работать, чтобы быть полезной и себѣ, и другимъ. Вы какъ то говорили, что у васъ есть воскресная школа; позвольте же мнѣ, В. И., послѣ окончанія курса раздѣлить въ ней вашъ трудъ. Объясните только, что мнѣ слѣдуетъ почитать, надъ чѣмъ поработать для того, чтобы приносить въ этой школѣ дѣйствительную пользу. Но все же этого для меня еще слишкомъ мало, чтобы совсѣмъ заглушить, вырвать съ корнемъ мои омерзительныя думы. Для этого, я полагаю, нужно прискакать тяжелую, большую, большую работу. Прошу васъ, добрый, хорошій В. И., составить мнѣ программу на цѣлый годъ, имѣя въ виду 12 часовъ въ день работы въ продолженіе шести дней, воскресенье же я буду проводить въ вашей школѣ и только вечеромъ посѣщать подругъ, вторыхъ очень люблю. Для моей пошленькой натуры необходимъ цѣлый день тяжелого труда, иначе я совсѣмъ погибну.

„Я забыла вамъ объяснить, почему я прошу у васъ программы на цѣлый годъ: отецъ позволилъ мнѣ въ теченіи года послѣ выпуска серьезно позаняться, и только уже послѣ этого я поступлю въ гувернантки“.

Исторія, возбужденная этимъ письмомъ, во время которой насъ совсѣмъ измучили допросами и двусмысленными намеками, прекратилась отчасти сама собой, вслѣдствіе начавшихся экзаменовъ, отчасти благодаря энергіи Ушинскаго. Онъ много хлопоталъ, чтобы выяснить дѣло, мѣшавшее нашимъ занятіямъ, и наше начальство скоро убѣдилось, что, не смотря на доносы и клеветы, которое оно распускало объ Ушинскомъ, высшія власти все же весьма уважительно относились къ нему, и оно начало сквозь пальцы смотрѣть на новыхъ учителей, тѣмъ болѣе, что они скоро совсѣмъ должны были оставить заведеніе.

Итакъ, изъ всѣхъ учителей, бывшихъ въ институтѣ за все время воспитанія моего въ немъ, Василій Ивановичъ Водозовъ болѣе другихъ оставилъ по себѣ память какъ достойнѣйшій преподаватель въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ не только опытнымъ педагогомъ, пробудившимъ въ насъ сознательный интересъ и любовь къ изученію родной литературы, но и истиннымъ другомъ своихъ ученицъ. Обладая обширными свѣдѣніями по многимъ отраслямъ знанія и проникнутый самою теплою любовью къ молодежи, онъ развилъ въ насъ живой интересъ къ знанію, любовь къ труду, утвердилъ въ мысли, что каждый, на какой-бы ступени развитія ни стоялъ, обязанъ быть полезнымъ окружающимъ, а для этого онъ долженъ идти въ уровень съ вѣкомъ, слѣдовательно, постоянно, всю жизнь пополнять пробѣлы своего образованія, и что только себялюбецъ и лѣнтяй пренебрежительно относится къ скромному дѣлу, которое у каждого подъ руками, мечтая въ будущемъ совершить гигантскій трудъ.

Н. Тихова.

Puschkiniana.

Библиографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. Составилъ В. И. Межовъ. Изданіе Императорскаго Александровскаго Лицея. Спб. Тип. В. Безобразова и К^о. 1886. 8 д. V+1+II+405 стр.

Разбираемый указатель распадается на семь отдѣловъ. I. Біографія и матеріалы для біографіи Пушкина ¹⁾. II. Сочиненія Пушкина. III. Изданія Пушкина. IV. Критическія и библиографическія статьи о сочиненіяхъ Пушкина. V. Переводы сочиненій Пушкина. VI. Пушкинъ и его творенія въ произведеніяхъ искусствъ. VII. Лицеана. Сочиненія и статьи, относящіяся до исторіи лицея.—Въ каждомъ отдѣлѣ сочиненія и статьи распределены въ хронологическомъ порядкѣ. Къ книгѣ приложены пять азбучныхъ указателей: 1) именъ, 2) предметовъ и мѣстностей, 3) сочиненій и изданій Пушкина, 4) переводовъ соч. Пушкина на иностран. языки и 5) отдѣльными сочиненіямъ, періодич. изданіямъ и сборникамъ.—Въ составъ указателя вошло 4,587 номеровъ.

Спрашивается, послѣ всего этого,—отчего книга не названа систематическимъ указателемъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простой. Разбираемый указатель, если хотите, и систематическій и не систематическій. Систематическій онъ потому, что расположенъ по извѣстной системѣ, а не систематическій,—потому что отдѣлы его не разработаны, какъ-бы это слѣдовало. Въ сущности, лицамъ, справляющимся въ книгѣ, все равно: выставлено-ли на заглавіи слово „систематическій“ или нѣтъ, лишь-бы она удовлетворяла ихъ требованію, т. е. давала возможность удобно наводить въ ней справки. Ну, а этого нельзя сказать въ отношеніи разбираемаго указателя. Чтобы наше замеченіе не показалось голословнымъ, обратимся къ 1-му отдѣлу указателя. Въ составъ его вошли: и біографія Пушкина, и преміи имени его, и стихотворенія, посвященные ему, и памятники, и лица, находящіяся въ родствѣ съ нимъ, и даже

¹⁾ Заглавія отдѣловъ приводятся здѣсь сокращенно.

переписка е:о ¹⁾, и проч., и проч. Не угодно ли разобраться въ этомъ хаосѣ изъ 1,551 номеровъ, расположенныхъ, безъ всякой надобности, въ хронологическомъ порядкѣ. Намъ могутъ указать на азбучные указатели. Сдѣлайте милость, отыщите съ помощью этихъ азбучныхъ указателей, положимъ, всѣ біографическіе очерки о Пушкинѣ. Нѣтъ, въ этомъ случаѣ вамъ придется просмотрѣть весь отдѣлъ, отъ № 1 до 1,551, потому что въ азбучномъ указателѣ указаны по этому вопросу всего 5 статей, а по нашему приблизительному исчисленію въ книгѣ около 80. Откройте стр. 352 предметнаго указателя, тамъ есть указаніе на „матеріалы для біографіи Пушкина, № 376—385 и № 389—398“. Сосчитайте, сколько указано статей по этому вопросу? Всего двадцать. Спрашиваю, мыслимо-ли, чтобы между 1,551 номерами этого отдѣла находилось всего 20 статей, служащихъ матеріалами для біографіи Пушкина? Развѣ, понимать такъ, что къ этому отдѣлу относятся только статьи, въ заголовкѣ которыхъ стоятъ слова: матеріалы для біографіи.

Теперь обратимся ко 2-му отдѣлу. Съ помощью соответствующаго этому отдѣлу азбучнаго указателя можно отыскать любое сочиненіе Пушкина. Положимъ, вы желаете обозрѣть всѣ изданія „Евгенія Онѣгина“. Въ такомъ случаѣ потрудитесь 27 разъ открывать и опять закрывать азбучный указатель и столько-же разъ соответствующій отдѣлъ. Воля ваша, подобная процедура не можетъ не утомить глаза и руки и, въ концѣ концовъ, вы все-таки не вынесете изъ этого обзора, если можно такъ выразиться, полной картины. То же замѣчаніе имѣетъ мѣсто при наведеніи справокъ въ IV и V отдѣлахъ.

Относительно пяти азбучныхъ указателей можно сказать, что, составляя въ данномъ случаѣ неотъемлемую принадлежность книги, они въ то-же время крайне затрудняютъ скоро навести справку. Нужно, такъ сказать, напастъ на требуемый указатель, перелистывая для того $\frac{1}{2}$ книги, или обращаясь за справкою къ оглавленію.

Предисловіе къ книгѣ начинается словами: „Необходимость собрать все, что только было напечатано объ А. С. Пушкинѣ, не разъ высказывалась въ нашей литературѣ“. И вотъ, послѣ долгихъ ожиданій, появляется книга, не смотря на массу собранныхъ въ ней матеріаловъ, въ такомъ несовершенномъ видѣ. А дѣло, кажется, чего проще—стоитъ всѣ отдѣлы подраздѣлять на подъотдѣлы и выслѣ-бы указатель систематическій, удобный для справокъ. Конечно, разработка отдѣловъ требуетъ труда вдесятеро большаго—неоднократно пришлось-бы обращаться къ подлинникамъ изъ опасенія ошибокъ при распредѣленіи статей по подъотдѣламъ. Но за то какая наглядность—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не понадобилось бы такое множество азбучныхъ указателей, ограничиваясь всего двумя: именъ и предметовъ.—Прилагаемъ примѣрный планъ разработки 1-го отдѣла.

Отдѣлъ I. Біографія и матеріалы для біографіи Пушкина. 1) Біографія и біографическіе очерки. 2) Матеріалы для біографіи. а) Рожденіе. б) Дѣтство. в) Воспитаніе. г) Литературная дѣятельность. д) Общественная дѣятельность. е) Разныя приключенія и случаи изъ жизни П. ж) Дуэль и обстоятельства, предшествовавшія дуэли. з) Смерть. и) Некрологи. і) Воспоминанія о П. к) Памятники и медали въ честь П. л) Пушкинскій юбилей. м) Пушкинская выставка. н) Преміи и стипендіи имени П. о) Стихотворенія и по-

¹⁾ Въ письмахъ Пушкина могутъ быть матеріалы для его біографіи, тѣмъ не менѣе ихъ слѣдуетъ отнести къ отдѣлу сочиненій Пушкина. И С

сзанія къ П. п) Стихотворенія въ память П. р) Стихотворенія, посвященныя П.

Второй отдѣлъ слѣдуетъ разбить на подотдѣлы по заглавіямъ сочиненій Пушкина, придерживавался хронологическаго порядка. Подъ заглавіемъ каждаго сочиненія слѣдуетъ перечислить, въ хронологическомъ-же порядкѣ, всѣ повременныя изданія и сборники, гдѣ напечатано сочиненіе, и всѣ отдѣльныя изданія его. Пояснимъ примѣромъ.

Графъ Нулинъ. Поэма (1825 г.) ¹⁾.

Графъ Нулинъ. (Отрывокъ).—Московскій Вѣстникъ 1827. № 4.

Графъ Нулинъ. Поэма А. Пушкина. Спб. 1827.

Двѣ повѣсти въ стихахъ: 1) Балъ. Повѣсть Евг. Баратынскаго. Спб. 1828.—2) Графъ Нулинъ. Сочиненіе А. Пушкина. Спб. 1827.

Къ Пушкинскому юбилею. 1) Пѣсни. 2) Изъ Евгенія Овѣгана. 3) Сказка. 4) Изъ Графа Нулина,—и другія стихотворенія Пушкина.—Стрелоза 1880 г. № 3.

Въ концѣ 2-го отдѣла можно помѣстить слѣдующіе три подотдѣла. Собранія сочиненій П., Собранія стихотвореній П. и Переписка П., тоже въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ ко всѣмъ изданіямъ собраній сочиненій и стихотвореній необходимо приложить подробное оглавленіе каждаго. Подобное расположеніе 2-го отдѣла даетъ возможность, при справкахъ, обращаться къ предметному указателю всего одинъ разъ, гдѣ обозначена только страница, на которой собраны въ одно цѣлое всѣ указанія, когда и гдѣ напечатано извѣстное сочиненіе Пушкина. Кромѣ наглядности при обзорѣ всѣхъ изданій одного изъ сочиненій Пушкина, рекомендуемый способъ имѣетъ еще то преимущество, что заглавія подотдѣловъ замѣняютъ собою общій хронологическій списокъ всѣхъ сочиненій Пушкина.

Ошибокъ и пропусковъ въ разбираемомъ указателѣ, надо полагать, много. Въ нашемъ распоряженіи весьма небольшое собраніе книгъ, тѣмъ не менѣе, ниже указываются 46 ошибокъ и 109 пропусковъ. Въ предисловіи къ книгѣ, между прочими извиненіями по поводу могущихъ въ ней встрѣтиться пропусковъ и ошибокъ, сказано: „что во время печатанія его (указателя) и когда еще было время исправить нѣкоторыя ошибки, единственное мѣсто, гдѣ можно было навести справки, Имп. Публичная Библиотека была закрыта“. Но спрашивается, отчего не исправлены нѣкоторыя ошибки по изданіямъ, пмѣющимся въ Имп. Александровскомъ Лицеѣ, какъ-то: Сѣверный Наблюдатель 1817, Мнемозина 1824, Современникъ 1836 и др.?—Нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія обозначены въ указателѣ вторымъ и третьимъ изданіемъ, хотя въ библиографіи принято за правило сначала указывать 1-е изданіе, а затѣмъ всѣ послѣдующія. Вываютъ, дѣйствительно, исключенія, когда вмѣсто 1-го изданія указывается второе, какъ, напримѣръ, для давняго случая „Руководство къ изученію исторіи русс. литературы“, В. Пляксина. Изд. 2-е. Спб. 1846, потому что въ первомъ изданіи упоминаемаго сочиненія не говорится о Пушкинѣ.

¹⁾ Годъ, когда написано сочиненіе.

Въ заключеніе, мы считаемъ долгомъ указать на одинъ весьма существенный пробѣлъ въ книгѣ. Къ указателю не приложенъ списокъ псевдонимовъ и буквенныхъ подписей Пушкина, а равно псевдонимовъ, подъ которыми онъ выходилъ въ современной ему полемикѣ и въ стихотвореніяхъ.

Поправки и дополненія къ указателю «Pouschkiniana».

а) Замѣченныя ошибки.

№№ по указателю.

7. Мнемозина. 1824. Ч. 2, а не 4-я (Нумеръ этотъ вѣрнѣе отнести къ отдѣлу критики).

12. Московскій Вѣстникъ. 1827. № 2, а не 1.

399. Слѣдуетъ указать 1 изд. Спб. 1872 (Пушенинъ, стр. 534—567).

481. Исключить. Только сказано: „Покойный былъ товарищъ А. С. Пушкина по лицу и былъ женатъ на его сестрѣ“.

1579. Сѣверный Наблюдатель. 1817. Ч. 2, № 25, стр. 352, а не № 1.

1580. Эпиграмма, а не эпитафія.

1583. Сѣверный Наблюдатель. 1817. Ч. 1, № 1, стр. 14, а не № 25.

1611. Въ Мнемозинѣ, 1824, стих. „Веселый пиръ“ нѣтъ, но во 2 ч. есть стих. „Вечеръ“. Я люблю вечерній пиръ...

1704. Московскій Вѣстникъ. 1827. Слѣдуетъ добавить: Ч. 1, № 4, стр. 251.

1708. Моск. Вѣстникъ. 1827. Ч. 2, № 6, стр. 124, а не № 8.

1709. Моск. Вѣстникъ. 1827. Ч. 3, № 10, стр. 113, а не № 9.

1711. Моск. Вѣстникъ. 1828. Ч. 9, № 9, стр. 3—8, а не 1827 г.

1712. Моск. Вѣстникъ. 1827. Ч. 1, № 2, стр. 92, а не № 11.

1734. Сѣверная Пчела. 1828. № 30, а не № 9.

1871 и 1872. Указана „Библиотека для Чтенія“ 1833 г. Журналъ издавался съ 1834 г.

1904. Какія это замѣтки? Можетъ быть, статья „Отъ редакціи“.

2062. Книжнѣ А. Д. Абамелекъ (въ Отеч. Запискахъ, 1840 г., такого стих. нѣтъ).

2072. Невскій альбомъ 1840 г., а не 1841. То же исправить въ указателѣ.

2165. Поправить и сократить такъ: Ненапечатанные стихи А. С. Пушкина. Учено-литературныя замѣтки Л. Майкова.—Сборникъ, изд. студентами Имп. Петерб. университета. Вып. I, Спб. 1857, стр. 349 и 350.

2635. Добавить: Рецензія В. Бѣлинскаго. То же. Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. 2, Москва. 1859.

2637. Добавить: Разборъ В. Бѣлинскаго.

2639. Исключить: то же, что № 2635.

2696. Дополнить. То же. Полное собраніе соч. И. В. Кирѣевскаго, Москва, 1861. Ч. I, стр. 5—18.

2699. Поправить такъ: Краткій отзывъ о „Гр. Нулинѣ“ и „Борисѣ Годуновѣ“. Московскій Вѣстникъ, 1828, ч. 7, № 2, стр. 192.—Объ ошибкахъ въ стих. „Вчера за чашей пушковой“, напечатанномъ въ „Эвертѣ“. Тамъ-же. № 3, стр. 321 и 322.—Русскія квиги. „Евгеній Онѣгинъ“, пѣснь 4 и 5-я. Тамъ-же. № 4, стр. 461—469.

2718. Сѣверная Пчела 1828 г., а не 1829.
2765. Дополнить: То же. Полное собр. соч. И. В. Кирѣевского. Т. I. Москва, 1861, стр. 86—102.
2782. Вѣрнѣе будетъ Телескопъ, 1835, а не Молва.
2791. Добавить: Рецензія В. Бѣлинскаго.
2844. Добавить: То же. Собраніе соч. А. В. Дружинина. Т. 7. Спб. 1865, стр. 30—82.
2875. Исключить—повтореніе № 2791.
3016. Въмѣсто 3-го изд., указать 1-е изд. Спб. 1875.
3028. Исключить—повтореніе № 3016.
3034. Добавить: Составилъ инспекторъ лицея Н. Н. Никольскій.
3184. Сѣверная Пчела, 1826, № 152, а не 126.
3196. Исключить—въ примѣчаніи только сказано, что Риччи перевелъ „Демона“ и „Пророка“ Пушкина.
3212. Сократить такъ: Russische Bibliothek für Deutsche. Von K. Knoring. 2-tes Heft. Reval. 1831. Boris Godunow. Von A. Pouschkin.
3237. Добавить: Русскій переводъ „Очерки русской литературы. Переводъ соч. Кеннга“. Спб. 1862.
4001. Исключить—только сказано: „Драматическое представленіе Цыганъ Пушкина оживило нѣсколько сцену. Знакомыя картины, знакомыя стихи возбудили участіе зрителей“.
4012. Исключить — только сказано: „Барышня-крестьянка, содержаніе котораго взято изъ повѣсти Пушкина, подъ тѣмъ же названіемъ“.
4586. Поправить такъ: Современникъ. 1853. Т. 37, № 2 и т. 39, № 5. — 1854. Т. 43, № 1 и т. 47, № 9.
- Стр. 396.—Московскій Вѣстникъ. 1827. — Пропущено указаніе на № 12 указателя.
- Стр. 398.—Отечествен. Записки. 1841. № 4 (64), а не (63).
- Стр. 398.—Памятникъ Отеч. Музъ, 1827. Поправить такъ: (1715—1718).
- Стр. 402. Современникъ. 1854 (2104—2842), а слѣдуетъ (2104, 2842 и 4586).
- Стр. 403. Сѣвер. Цвѣты. 1825. Поправить такъ: (8, 1613, 1637—1638).

б) Замѣченные пропуски.

Отдѣлъ I.

- Извѣстіе о посѣщеніи Пушкинымъ Грузіи. Сѣверная Пчела. 1829. № 88. Смѣсь.
- Извѣстіе, что Пушкинъ былъ въ Владикавказѣ. Тамъ-же. № 110. Внутрен. извѣстія.
- Извѣстіе о возвращеніи Пушкина въ Петербургъ изъ Арзерума. Тамъ-же. № 138. Смѣсь.
- Воспоминаніе о пятнадцатой жизни Пушкина. Посвящено отцу поэта. Соч. Ѳ. Глинки. Москва. Тип. Семена. 1837. Къ № 37.
- Дѣйствительное путешествіе въ Воронежъ. Соч. Ивана Раевича. Москва. 1838. (Въ этомъ сочиненіи говорится о Пушкинѣ).

— Біографическіе очерки лицъ, изображенныхъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, воздвигнутаго въ г. Новгородѣ 1862 г. Сост. Н. Отто и И. Курпріяновъ. Новгородъ. 1862 г. (Пушкинъ, стр. 313—316).

— Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. Ф. Толя. Т. 3-й. Спб. 1864 (Пушкинъ, стр. 243 и 244).

— А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія (Чернышевскаго?). Отечественныя Записки. 1865. № 3.

— Краткая исторія русской словесности. Учебникъ для гимназій и женскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1865. (Пушкинъ, стр. 112—117).

— Исторія русской литературы (для учащихся). Составилъ А. Кирпичниковъ. Москва. 1869. (Біографическій очеркъ о Пушкинѣ, стр. 185 и 186).

— Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. К. Тимофеева. Спб. 1869. (Пушкинъ, стр. 89—102).

— Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. Спб. 1869. (Пушкинъ (1799—1837). Стр. 162—175).

— Христоматія новой русской литературы съ приложеніемъ необходимыхъ свѣдѣній о жизни и сочиненіяхъ писателей. Курсъ VI класса гимназій. Состав. С. Бураковский. Спб. 1871. (А. С. Пушкинъ (1799—1837). Стр. 169—260).

— Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени) Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Состав. П. В. Евстафьевъ. Спб. 1875. (Пушкинъ, стр. 87—134).

— Пособіе при изученіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Состав. П. Смирновскій. Вып. V. Новый періодъ. Отд. III. Отъ Пушкина до новѣйшихъ временъ. Спб. 1875. (А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ. Стр. 1—17). То же. Изд. 2-е. Москва. 1877.

— Посланіе къ А. С. Пушкину Н. И. Гнѣдича.—Курсъ исторіи русской литературы. Учебное пособіе, общедоступно изложенное въ 4-хъ частяхъ. Состав. Ф. В. Ливановъ. Книга 1-я, ч. I и II до Пушкина. (Безъ года и мѣста). Дозволено цензурою. Москва. 4 мая 1877 г.

— Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбеккера. Шо-де-фонъ: Ф. И. Бутурлинъ. 1880. (См. Нов. Время 1880 г.) № 1640). (О Пушкинѣ говорится въ предисловіи издателя. Въ книгѣ помѣщены стихотворенія, посвященныя П.).

— Изъ жизни русскихъ писателей. Разказы и анекдоты. Спб. 1882. (А. С. Пушкинъ, стр. 99—105)

— Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей. Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Состав. К. Козьминъ и В. Покровский. Москва. 1883 (А. С. Пушкинъ (1799—1837), стр. 43—57).

— „Чалма (Отрывокъ изъ повѣсти) А. С. Пушкину“. Стих. кн. А. И. Одоевскаго.—Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго (декабриста). Собралъ баронъ А. Е. Розенъ. Спб. 1883. Стр. 81—84.

— А. Навловъ. Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей. Съ 11 портретами. Пособіе для городскихъ училищъ. Спб. 1884. (Пушкинъ. Стр. 30—36).

Отдѣлъ II.

- Отрывки изъ Евгенія Онягина, поэмы А. Пушкина.—Сѣверные Цвѣты. 1825. Стр. 280 и 281.
- Цыгане. (Отрывокъ изъ поэмы) А. Пушкина.—Полярная Звѣзда — 1825. Стр. 24—27.
- Здравный кубокъ. Стих. А. Пушкина. Памятникъ Отеч. Музъ. 1827. Стр. 185—187.
- Сонъ. (Отрывокъ изъ новгородской повѣсти: Вадимъ). А. Пушкина.— Тамъ-же. Стр. 253—256.
- Одесса (Изъ 7-й главы Евгенія Онягина).—Московскій Вѣстникъ. — 1827. Ч. 2. № 6, стр. 113—118.
- Отрывокъ изъ неконченной поэмы. (Писано въ 1822 г.). А. Пушкина.—Тамъ же. Ч. 5, № 17, стр. 3—7.
- Женщины. Отрывокъ изъ Евг. Онягина. А. Пушкина. Тамъ-же. № 20, стр. 364—367.
- Отзывъ объ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина. А. С. Пушкина.—Сѣверные Цвѣты. 1828.
- Москва. (Изъ Евгенія Онягина). Пушкина.—Сѣверная Пчела. 1828. № 17.
- Москва. (Изъ Евг. Онягина). А. Пушкина.—Московскій Вѣстникъ. 1828. Ч. 7, № 1, стр. 5—12.
- Альбомы. (Изъ IV главы Евг. Онягина). А. Пушкина.—Тамъ-же, № 2, стр. 143—150.
- „Къ К.“ 1817. Стих. А. Пушкина.—Тамъ-же, ч. 11, № 17, стр. 4 и 5.
- Отрывокъ изъ VIII главы Евг. Онягина. А. Пушкина.—Литературная Газета. 1830, т. 1, № 1, стр. 2 и 3.
- Рецензія Пушкина на соч. Вианда „Вастола, или Желанія“. (Что это статья его, см. Современникъ, 1836, т. 3, стр. 332). Современникъ, 1836, т. 1, стр. 303—304.
- Памятникъ дружбы для любителей альбомовъ, собранный изъ образцовыхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Спб. 1838. (Есть стихотв. Пушкина).
- „А. Д. Б—ской“. Стих. А. Пушкина. Отечественныя Записки. 1840. т. 8, № 1.
- Карманный пѣсенникъ. Издакъ М. С. Москва. 1840. (Есть стихотв. Пушкина и Дельвига).
- „Ея глаза“. (Въ отвѣтъ на стихи князя В—го). Стих. А. Пушкина.— Отечественныя Записки, 1841, т. 14, стр. 157.
- „Къ Ю—ву“ (Ф. Ф. Юрьеву). Стих. А. Пушкина. Тамъ-же, томъ 15, стр. 284.
- Дамскій альбомъ, состав. изъ отборныхъ страницъ русской поэзіи. Заимствовано: у Державина, Богдановича, Пушкина.. Съ портретомъ Лермонтова и 18 оригин. рисунками Е. Коврыгина. Спб. 1844.
- Разное. (Мнѣніе Пушкина объ идилліяхъ бар. Дельвига). Современникъ. 1846, т. 42.

— Дамскій альбомъ, составленный изъ отборныхъ страницъ русской поэзіи. Съ 19 рисунками, гравир. въ Лондонѣ. Спб. 1854. (Есть стихотворенія Пушкина).

— Дѣсенникъ или собраніе избранныхъ пѣсень, романсовъ и водевилльных куплетовъ. Сочиненія Пушкина, Жуковского... Спб. 1855.

— Изъ путешествія въ Арзрумъ, во время похода 1829 г. А. Пушкина, — „А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія“. Изд. Ев. Серчевскаго. Спб. 1858. Стр. LXXXIII—LXXXV.

— Мнѣніе А. С. Пушкина о комедіи „Горе отъ ума“.—Тамъ-же. Стр. LXXXVI—LXXXVII.

— Стихотворенія Пушкина: „Къ морю“, „Поэтъ“, „Отвѣтъ анониму“, „Поэту“, „Полководецъ“.—Пособіе при изученіи исторіи русс. словесности. К. Тимофеева. Спб. 1869. Стр. 170—175.

— Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801 — 1825. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи). Изд. редакціи „Русской Старины“ и Ѳ. К. Олочкина. Спб. 1873. (Пушкина: 1) Снимокъ черноваго наброска посланія „Къ иностранецѣ“. 2) Снимокъ подписи. 3) Снимокъ черноваго наброска стих. „Узникъ“. 4) Снимокъ черноваго наброска стихотв. „Дочери Борга Чернаго“. 5) Снимокъ эпизода изъ поэмы „Русланъ и Людмила“. Снимокъ стих. П. А. Осиповой“).

— Изъ сочиненій Пушкина. (Разныя стихотворенія). Пособіе при изученія русс. словесности. Курсы старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Состав. П. Смирновскій. Вып. V. Новый періодъ. Отд. III. Отъ Пушкина до новѣйшихъ временъ. Спб. 1875. Стр. 52—94.

— Отзывъ Пушкина о Грибоѣдовѣ и его комедіи. Русская Библіотека. V. А. С. Грибоѣдовъ. Изд. М. Стасюлевича. Спб. 1875. Стр. LXXXVI — LXXXVIII. То же. 2-е изд. Спб. 1878.

— Классная историческая хрестоматія съ толкованіями. Отъ Петра В. до новѣйшаго времени. Составилъ П. Полевой. Спб. 1878. (Разныя стих. Пушкина. (Стр. 196—207).

— Стихотворенія Пушкина: „19-е октября 1827 года. Въ день лицейской годовщины“.—Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго (декабриста). Собралъ баронъ А. Ю. Розенъ. Спб. 1883, стр. 70.

— Письмо А. С. Пушкина къ барону Геккерену. Гелиографическій снимокъ съ подлинника.—Систематическая роспись содержанія „Русской Старины“ изд. 1870—1884 гг. Спб. 1885.

ОТДѢЛЪ IV.

- Взглядъ на русс. словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 гг. А. Бестужева. Полярная Звѣзда, 1825. (О Пушкинѣ, стр. 13—15).
- Русскія книги. Евгеній Вельской, романъ въ стихахъ. (Говорится о Пушкинѣ).—Московскій Вѣстникъ, 1828, ч. 9, № 10, стр. 179—180.
- Критика. Разсмотрѣніе русс. альманаховъ на 1828 г. (Говорится о „Графѣ Нулинѣ“ Пушкина).—Сѣверная Пчела. 1828. №№ 4 и 5.
- Новыя книги. Евгеній Вельской, романъ. (Говорится о Пушкинѣ).—Тамъ-же, № 79.
- Новыя книги. Двѣ повѣсти въ стихахъ: Балъ, Евг. Баратынскаго, и Графъ Нулинъ, А. Пушкина. Тамъ-же, № 150.
- Забѣтки о поэмѣ Пушкина „Мазепа“.—Тамъ-же, 1829, № 19.
- Извѣстіе о печатаніи стихотвореній Пушкина.—Тамъ-же. № 64.
- Новыя книги. Радуга, альманахъ (Краткій отзывъ о стих. Пушкина „К. А. Т-вой“).—Сѣверный Меркурій, 1830, № 5.
- Новыя книги. Денница, альманахъ (замѣчаніе по поводу критики Бирѣвскаго о „Полтавѣ“ Пушкина).—Тамъ-же, № 23.
- Забѣтка по поводу стих. Пушкина въ „Подсвѣжникѣ“. Тамъ-же, № 40. Смѣсь.
- Новыя книги. Евгеній Вельской, романъ. (Говорится о Пушкинѣ).—Тамъ-же, № 58.
- Стихотворенія Вл. Бенедиктова. Критика В. Бѣлинскаго. (Говорится о Пушкинѣ).—Телескопъ, 1835.
- Журнальная всячина, ст. В. Бѣлинскаго. Вторая книжка „Современника“.—Телескопъ и Молва, 1836.
- Журнальная всячина. Нѣсколько словъ о „Современникѣ“, статья В. Бѣлинскаго. (Говорится о Пушкинѣ). Тамъ-же.
- Письмо въ издателя. (По поводу рецензій Пушкина на „Собраніе соч. Георгія Ковьяскаго“).—Современникъ. 1836, т. 3, стр. 321—329.
- Очеркъ русс. литературы за 1837 годъ. (16-го декабря 1837 г.). Критика Н. А. Полеваго.—Сынъ Отечества. 1838. Т. 1. (О Пушкинѣ стр. 45 и 46).
- Очеркъ русс. литературы за 1838 г. (10-го февраля 1838 г.). Критика Н. Полеваго.—Тамъ-же. (О Пушкинѣ стр. 139—142).
- Уголино, драм. представленіе, соч. Н. Полеваго.—Турлуру, романъ Поль-де-Кока. Рецензія В. Бѣлинскаго. (Въ этихъ статьяхъ говорится и о Пушкинѣ).—Московскій Наблюдатель. 1838.
- Современникъ (издаваемый П. А. Плетневымъ). Томъ 10. Спб. 1838. Критика Н. Полеваго. (Говорится о Пушкинѣ).—Сынъ Отечества. 1838. Т. 4., стр. 60—63.

— Очерки русс. литературы. Соч. Н. Полеваго. Рецензія В. Бѣлинскаго. (Во многихъ мѣстахъ говорится о Пушкинѣ).—Отечественныя Записки. 1840. Т. 8. Стр. 36—54.

— Невскій альманахъ. 1840 г. Рецензія В. Бѣлинскаго. (Говорится о посланіи Пушкина къ Филимонову).—Тамъ же. Т. 9, стр. 14.

— Чтеніе о російскомъ языкѣ. Н. Греча. Рецензія В. Бѣлинскаго. (О Пушкинѣ стр. 19—21).—Тамъ же. Т. 12.

— Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Д. Давыдова. Критика В. Бѣлинскаго. (О Пушкинѣ стр. 1—5).—Тамъ же. Т. 13.

— Чтенія о русскомъ языкѣ. Н. Греча. Часть 2-я. Спб. 1840. (О Пушкинѣ стр. 176—196, 231, 232, 250—252, 339).

— Стихотворенія М. Лермонтова. Спб. 1840. Критика В. Бѣлинскаго. (О Пушкинѣ стр. 35—53).—Отечественныя Записки 1841. Т. 14.

— Портретная и біографическая галерея словесности, художествъ и искусствъ въ Россіи. I. Пушкинъ и Брюловъ. Спб. 1841. Рецензія В. Бѣлинскаго.—Тамъ же. Стр. 76—78.

— Русская литература въ 1840 г. Критика В. Бѣлинскаго. (О Пушкинѣ стр. 1, 2, 5, 6, 14, 15, 19, 20, 21).—Тамъ же.

— Раздѣленіе поэзи на роды и виды. В. Бѣлинскаго. (О Пушкинѣ стр. 17, 20, 26, 27, 28, 32, 47, 49, 50, 58, 59).—Тамъ же. Т. 15.

— Римскія элегіи. Соч. Гете. Перев. Струговщикова. Критика В. Бѣлинскаго. (О Пушкинѣ, стр. 42—45).—Тамъ же. Т. 17.

— Руководство къ изученію исторіи русской литературы. Состав. В. Плагинъ. 2-е изд. Спб. 1846. (О Пушкинѣ стр. 340—388).

— Очерки къ Борису Годунову, А. Пушкина. 15 очерковъ и обертка, рисованы К. Шрейдеромъ. Спб. 1842. Библиографическая замѣтка.—Отечественныя Записки. 1842. Т. 23, стр. 18 и 19.

— Сумерки. Соч. Ев. Баратынскаго и Стихотворенія Ев. Баратынскаго. 2 части. Критика В. Бѣлинскаго. (Въ статьѣ говорится о Пушкинѣ).—Тамъ же. Т. 25, стр. 49—70.

— Тарантасъ. Соч. гр. Соллогуба. Критика В. Бѣлинскаго. (Говорится о Пушкинѣ).—Отечественныя Записки. 1845.

— Мысли и замѣтки о русс. литературѣ. Статья В. Бѣлинскаго. (Говорится о Пушкинѣ).—Петербургскій Сборникъ. Изд. Некрасова. Спб. 1846.

— Николай Алексѣевичъ Полевой. Соч. В. Бѣлинскаго. Спб. 1846. (Говорится о Пушкинѣ). То же. Сочиненія В. Бѣлинскаго. Т. 12.

— Стихотворенія Кольцова. Съ портретомъ автора, его факсимиле и статью о его жизни В. Бѣлинскаго. Спб. (Говорится о Пушкинѣ). То же. Сочиненія В. Бѣлинскаго. Т. 12.

— Пушкинъ и Грибоѣдовъ.—Очеркъ исторіи русской поэзи. А. Милюкова. Спб. 1847, стр. 149—194. То же. Изд. 2-е. Спб. 1858 и изд. 3-е. Спб. 1864.

— Исторія русской литературы для учащихся. Соч. К. Зеленецаго. Одесса. 1849. (Пушкинъ. Изящная литература въ стихахъ. Стр. 203—209).

— Полная русская хрестоматія. Состав. А. Галаховъ. Изд. 4-е, съ перемѣнами. Часть III. Примѣчанія. Москва. 1849 ¹⁾. (Отдѣлъ «Примѣчанія ко 2-й части»). (Стр. 32—47 говорится о сочиненіяхъ Пушкина).

— Столѣтіе русской словесности. Соч. Н. Мизко. Одесса. 1849. (Пушкинъ, стр. 261—276).

— Петербургскія новости. Литературныя извѣстія. О новомъ изданіи Пушкина... Ст. М. Лонгинова.—Современникъ. 1854. Т. 48. Стр. 119—121.

— Учебникъ русской словесности. Часть 2-я. Исторія. Для кондукторскихъ классовъ 1-го штурманскаго полу-экипажа. А. Охотина. Кронштадтъ. 1854. (О Пушкинѣ стр. 179—188).

— Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Пособіе при изученіи словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, состав. Гарусовымъ. Вып. I. Поэзія драматическая. Москва. 1862. (О „Скупомъ рыцарѣ“. Стр. 21—29.— Пушкинъ и его «Борисъ Годуновъ». Стр. 391—402).

— Курсъ исторіи русской литературы (съ библиографическими указаніями). Соч. К. Петрова. Спб. 1863. (Пушкинъ. Стр. 146—159).

— Новая русская литература (отъ Жуковскаго до Гоголя включ.). Состав. В. Водовозовъ. Спб. 1866. (Лирическія произведенія II.—Поэмы II.—Евгеній Онігинъ.—Борисъ Годуновъ и др. историческія произведенія II. Стр. 96—210).

— Словесность въ образцахъ и разборахъ, съ объясненіемъ общихъ свойствъ сочиненія и главныхъ родовъ прозы и поэзіи В. Водовозова. Спб. 1868. Разборъ стих. «Пророкъ» Пушкина и Лермонтова. Стр. 87—103.—Сличеніе повѣсти „Капитанская дочка“ съ «Исторіею Пугачевского бунта». Стр. 120—151.—Разборъ стих. «Бѣсы». Стр. 258—263.

— „Мѣдный всадникъ“ Пушкина. Стр. 263—282.—Образцы изъ народныхъ пѣсенъ и стих. Кольцова, образцы изъ стихотвореній Пушкина (Стр. 328—358).

— Пособіе при изученіи исторіи русск. словесности. К. Тимофеева. Спб. 1869. (Драм. произведенія, Моцартъ и Сальери и прозаическія соч. Пушкина. Стр. 102—111).

— Пособіе при изученіи русск. словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Состав. П. Смирновскій. Вып. V новый періодъ. Отд. III отъ Пушкина до новѣйшихъ временъ. Спб. 1875.—То же. Изд. 2-е. Москва, 1877. (Сочиненія II. въ стихотворной и въ прозаической формѣ. Стр. 17—51).

— По поводу Пушкинскихъ писемъ въ Вѣстникѣ Европы.—Вѣстникъ Европы. 1878. № 3.

— Время Пушкина и Гоголя. Стр. 195—252.—Исторія русской словесности. (Учебникъ для среднеучебныхъ заведеній). Состав. А. Галаховъ. Спб. 1879.

¹⁾ Часть 3-я въ первый разъ появилась при 4-мъ изданіи.

Отд. V.

— Извѣстіе о переводѣ „Бахчисарайскаго фонтана“ на польскій языкъ.—
Сѣверная Пчела. 1826. № 49. Смѣсь.

— О переводѣ „Цыганъ“ Пушкина на французскій языкъ.—Тамъ же,
1828. № 20. Смѣсь.

— Новая книга. Russische Bibliothek für Deutsche. V. Knorring. 2 Heft.
О „Борисѣ Годуновѣ“. Пушкина. Тамъ-же 1831. № 266.

— Успѣхи русской литературы въ Западной Европѣ за послѣднее время.
Состав. П. Черняевъ. Казань. 1885. (О переводахъ соч. Пушкина, стр. 29 и 30).

Отд. VI.

— Памятная книжка на 1841 годъ. Спб. Въ Воен. типографіи. 1840.
(Есть картинка, изображающая Бахчисарайскій дворецъ).

— Керимъ-Гирей, или Бахчисарайскій фонтанъ, романтическая трагедія
въ 3 дѣйствіяхъ, взятая изъ поэмы А. С. Пушкина. Соч. кн. А. Шаховскаго.
— „Русская Талія на 1825 годъ“. Изд. О. Булгарина. Стр. 116—148.

И. Сергпутовскій.

Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ.

Въ декабрьской книгѣ изд. 1886 г., на стр. 639, въ статьѣ барона Бюлера:
„Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ“, братъ Ив. Сергѣевича—Григорій Сергѣевичъ
Аксаковъ—показанъ бывшимъ оренбургскимъ и саратовскимъ губернаторомъ,
между тѣмъ, какъ онъ изъ вице-губернаторовъ Самарской губерніи былъ,
въ 1861 году, назначенъ губернаторомъ оренбургскимъ, но, за отдѣленіемъ
Оренбургской губерніи отъ Уфимской въ самостоятельную губернію, Григо-
рій Сергѣевичъ остался уфимскимъ губернаторомъ въ городѣ Уфѣ; этотъ го-
родъ былъ губернскимъ городомъ и Оренбургской губерніи. Затѣмъ въ 1868
году Григорій Сергѣевичъ былъ переведенъ губернаторомъ Самарской губер-
ніи, а по выходѣ въ отставку избранъ въ губернскіе предводители дворян-
ства Самарской губерніи.

А. Игнатовичъ.

6-го января 1887 г.
С.-Петербургъ.

ЛЕРМОНТОВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ.

Три года тому назадъ, въ декабрѣ 1883-го года, открытъ былъ «Лермонтовскій музей», въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ.

Издавъ ко дню открытія полную иллюстрированную опись музея, и тогда же выразилъ желаніе, чтобы трудъ мой возможно скорѣе состарился, оказался бы неполнымъ, чтобы музей, дѣль котораго—собирать и сохранять для потомства все, что относится до памяти одного изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ,—обогатился новыми пожертвованіями.

Дѣло увѣнчалось успѣхомъ и «Лермонтовскій музей» не застылъ въ первоначальномъ своемъ видѣ: до настоящаго времени онъ постоянно пополняется.

Въ первой описи музея, раздѣленнаго на 16 отдѣловъ, значилось 705 номеровъ. Но уже въ первые три мѣсяца послѣ открытія музея вновь поступило 34 номера, не вошедшіе въ опись 1884-го года, и редакция «Русской Старины», столь близко принимавшая къ сердцу устройство «Лермонтовскаго музея», въ майской книгѣ 1884-го года представила читателямъ длинный перечень вновь поступившихъ пожертвованій. Но и на этомъ дѣло наше не остановилось и въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ музей пріобрѣлъ еще 425 номеровъ.

Такимъ образомъ, къ концу третьяго года, «Лермонтовскій музей», имѣвшій первоначально 705 номеровъ, обогатился 459-ю новыми пріобрѣтеніями и насчитываетъ теперь 1,164 номера.

При этомъ пополнились почти всѣ отдѣлы: рукописи, рисунки, официальные документы, отдѣльныя изданія, переводы, портреты, вещи, принадлежавшія поэту, и проч.

Въ числѣ этихъ вещей, особенно интересно по разсказу, съ которымъ оно связано, послѣднее пожертвованіе, сдѣланное музею Александромъ Алексѣевичемъ Лоухиннымъ, также бывшимъ питомцемъ училища, съ семействомъ котораго Лермонтовъ былъ очень друженъ

и рожденіе коего онъ воспѣлъ въ стихахъ, въ послѣдствіи напечатанныхъ: «Ребенка милаго рожденье» и т. д.

Лермонтовъ, пріѣзжая въ Москву, часто останавливался въ домѣ отца Александра Алексѣевича Лопухина, на Молчановкѣ, гдѣ гостилъ подолгу. Какъ извѣстно, Лермонтовъ постоянно искалъ новой дѣятельности и никогда не отдавался весь тому высочайшему поэтическому творчеству, которое обезсмертило его имя и которое, казалось, должно было поглотить его всецѣло. Постоянно мѣняя занятія, онъ съ свойственною ему страстностью, съ полнымъ увлеченіемъ отдавался новому дѣлу.

Такимъ образомъ, онъ одно время исключительно занимался математикою и вотъ, пріѣхавши однажды въ Москву къ Лопухину, онъ заперся въ комнату и до поздней ночи сидѣлъ надъ разрѣшеніемъ какой-то математической задачи. Не рѣшивъ ея, Лермонтовъ, измученный, заснулъ. Тогда ему приснился человѣкъ, который указалъ ему искомое рѣшеніе; проснувшись, онъ тотчасъ же написалъ на доскѣ рѣшеніе мѣломъ, а углемъ нарисовалъ на штукатурной стѣнѣ комнаты портретъ приснившася ему человѣка. Когда на другой день Лопухинъ пришелъ будить Лермонтова и увидѣлъ на стѣнѣ изображеніе фантастическаго лица и рядомъ исписанную формулами доску, то Лермонтовъ разсказалъ ему все вышеприведенное.

Желая сохранить это на память, Лопухинъ призвалъ мастера, который долженъ былъ обдѣлать рисунокъ на стѣнѣ рамкой и покрыть его стекломъ. Но мастеръ оказался настолько неумѣлымъ, что, при первомъ приступѣ къ работѣ, штукатурка съ рисункомъ разсыпалась. Лопухинъ былъ въ отчаяніи, но Лермонтовъ успокоилъ его словами: «ничего, мнѣ эта рожа такъ врѣзалась въ голову, что я тебѣ намалюю ее на полотнѣ». — Черезъ нѣсколько времени Лермонтовъ прислалъ Лопухину писанный масляными красками, въ натуральную величину, поясной портретъ того самаго ученаго, въ старинномъ костюмѣ, съ фрезой и цѣпью на шеѣ, который приснился ему для рѣшенія математической задачи, которая, къ сожалѣнію, не уцѣлѣла. Портретъ этотъ, хотя и грѣшитъ въ рисунокѣ и въ особенности въ колоритѣ, но по экспрессіи весьма талантливый и, по заявленію Лопухина, сходство съ рисункомъ, сдѣланнымъ на стѣнѣ, вышло поразительное.

Портретъ этотъ, въ старинной дубовой рамѣ, постоянно висѣлъ въ кабинетѣ Лопухина и по наслѣдству перешелъ къ его сыну, Александру Алексѣевичу, который любезно предложилъ его въ даръ Лермонтовскому музею.

Привожу ниже перечень всѣхъ вновь поступившихъ съ 1884-го года пожертвованій:

Въ отдѣлъ I-й—подлинныя рукописи—поступили:

1) Стихотворенія: «Любовь Мертвеца» и «На сѣверѣ дикомъ», написанныя рукою Лермонтова на полулистѣ почтовой бумаги, случайно найденныя въ экземплярѣ Стихотвореній Лермонтова, изданія 1842 года, купленномъ на толкучемъ, въ 1852-мъ году, Александромъ Николаевичемъ Аксаковымъ и пожертвованномъ въ музей.

Въ отдѣлъ II—копіи съ рукописей—поступили:

1) Копія съ письма Лермонтова къ Ѳ. Опочинину.
 2) Копія съ прозы «Панорама Москвы».
 3) Копія съ поэмы «Черкесы».
 4) Копіи восьми стихотвореній Лермонтова изъ альбома Сашеньки Верещагиной.
 5) Копія аттестаци Лермонтова объ успѣхахъ его въ 4-мъ классѣ университетскаго благороднаго пансіона.

6) Копіи хранящихся въ Чертковской библіотекѣ: стихотворенія «Росписку просишь ты, гусарь» и двухъ отрывковъ прозы.

Въ отдѣлъ III—картины и рисунки, работы Лермонтова—поступили:

1) Акварель Лермонтова, изображающая рать древнихъ воиновъ. Пожертвовалъ Анд. Н. Мясоѣдовъ.

2) Черкесъ, держащій лошадь въ поводу,—рисунокъ, сдѣланный карандашемъ и подаренный Лермонтовымъ своему учителю рисованія, А. С. Солоницкому. Пожертвовалъ Ар. С. Вышеславцевъ.

3) Голова, масляными красками, рисованная Лермонтовымъ другу своему Алексѣю Лопухину. Пожертвовалъ А. А. Лопухинъ (сынъ).

Въ отдѣлъ IV—официальные документы—поступили:

Переписка о М. Ю. Лермонтовѣ изъ разныхъ архивовъ и учреждений:

1) Подлинныхъ—6 дѣлъ.

2) Въ копія—19 дѣлъ.

Между ними особенно интересны дѣла: о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина; о переводѣ Лермонтова въ лейбъ-гусарскій полкъ изъ Гродненскаго гусарскаго полка; о представленіи Лермонтова къ наградамъ за дѣло при Валеригѣ и за командованіе, во время похода въ Большую и Малую Чечню въ 1840 г., казаками-охотниками; выписки изъ журналовъ военныхъ дѣйствій; о перевозкѣ тѣла Лермонтова изъ г. Пятигорска въ с. Тарханы и пр.

Въ отдѣлѣ V—отдѣльныя изданія сочиненій Лермонтова—приобрѣтено 3 экземпляра.

Въ отдѣлѣ VI—журналы, сборники, въ которыхъ помѣщены сочиненія Лермонтова—приобрѣтено отдѣльныхъ книгъ, журналовъ и газетъ—37 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ VII—переводы сочиненій Лермонтова — приобретено книгъ и газетъ 11 экземпляровъ.

Въ томъ числѣ двѣ книги принесены въ даръ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Вѣры Константиновны—*Liederblüthen. Gedichte.*

Въ отдѣлѣ VIII—сочиненія, журналы, газеты, въ которыхъ помѣщены отзывы о Лермонтовѣ и его произведеніяхъ—приобрѣтено 240 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ IX—портреты Лермонтова—поступили:

Гравюръ-портретовъ Лермонтова, изъ разныхъ изданій,—11 экземпляровъ, въ томъ числѣ фотогравюра портрета Лермонтова, вновь написаннаго А. И. Астафьевымъ и пожертвованная имъ музею.

Въ отдѣлѣ XI—портреты современниковъ Лермонтова—поступили:

1) Герцога Е. Виртембергскаго, служившаго корнетомъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ эскадронѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка 1839—1842 г., акварель, пожертвованная Е. И. В. Великой Княгиней Вѣрой Константиновной, Герцогиней Виртембергской.

2) Н. И. Бухарова—акварель. Пожертвовалъ Д. Н. Бухаровъ.

3) Генераль-лейтенанта Галафѣева — акварель. Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

4) Книзи В. Ѳ. Одоевскаго—гравюра.

5) Алексѣя Петровича Ермолова—гравюра.

Въ отдѣлѣ XII—рисунки къ біографіи Лермонтова—приобрѣтено 25 гравюръ и литографій изъ разныхъ изданій.

Въ отдѣлѣ XIII—рисунки къ сочиненіямъ Лермонтова—приобрѣтено—26 гравюръ и литографій изъ разныхъ изданій. Гравюра дѣла подъ Валерикомъ. Пожертвовано П. А. Ефремовымъ.

Въ отдѣлѣ XV—проекты памятниковъ Лермонтова—поступило около 28 проектовъ памятника Лермонтову, представленныхъ на бывшіе конкурсы по сооруженію памятника Лермонтову въ Пятигорскѣ.

Въ отдѣлѣ XVI—вещи, принадлежавшія Лермонтову—поступили:

1) Столъ М. Ю. Лермонтова, съ ящикомъ, изъ краснаго дерева, служившій поэту въ дѣтствѣ, въ с. Тарханахъ. Пожертвовалъ П. Н. Журавлевъ.

2) Ногтеная круглая щеточка, изъ рога, принадлежавшая Лермонтову. Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

3) Портфель, работы Е. А. Арсеневой, бабушки Лермонтова, подаренный, при письмѣ, на память о частныхъ занатіяхъ съ ея внукомъ по топографіи, преподавателю школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ—О. М. Пѣтухову. Пожертвовалъ, вмѣстѣ съ письмомъ Е. А. Арсеневой, М. О. Пѣтуховъ.

Заканчиваю длинный перечень всѣхъ вновь поступившихъ пожертвованій выраженіемъ нашей глубокой признательности всѣмъ лицамъ, принесшимъ въ даръ музея хранившіяся у нихъ воспоминанія о Лермонтовѣ. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что всѣ вещи свято хранятся въ музеѣ, занумерованы, внесены въ опись, съ обозначеніемъ лицъ, отъ которыхъ каждая вещь поступила, и что всѣ, интересующіеся музеемъ, могутъ во всякое время его осмотрѣть и пользоваться на мѣстѣ всѣмъ собраннымъ матеріаломъ.

А. А. Вильдерлингъ.

6-го декабря 1886 г.
С.-Петербургъ.

М. А. Назимовъ.

Поправка къ № IX „Русской Старинѣ“ 1881 г.

Въ „Воспоминаніяхъ Вѣльева“ (на стр. 7 „Русск. Стар.“ 1881 г. № IX) говорится: „Стихи нашего незабвеннаго А. И. Одоевскаго, сказанные имъ экспромтомъ, сидя съ М. М. Нарышкинымъ въ тарантасѣ на пути къ Кавказу“. Это описка А. П. Вѣльева: должно быть не съ Мих. Мих. Нарышкинымъ, а Мих. Александровичемъ Назимовымъ (см. „Русск. Стар.“ 1870 года, Сборникъ стихотвореній вн. А. И. Одоевскаго, сообщ. М. А. Назимовымъ).

П. Устиновичъ.

Варшава.
Ноября 1886 г.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Шутка-стихотвореніе „Единство“

1869 г.

Въ октябрьской книгѣ почтеннаго и уважаемаго журнала „Русская Старина“ изд. 1886 г. помѣщена шутка гр. А. К. Толстаго „Единство“. Стихотвореніе это несомнѣнно принадлежитъ перу знаменитаго поэта-сатирика, но оно передано по слуху не вполнѣ вѣрному.

Въ собраніи автографовъ, принадлежащемъ Е. Н. Муромцовой, изъ коихъ часть напечатана въ журналѣ рязанской ученой архивной комисіи, имѣется подлинное письмо гр. А. Толстаго къ Теофілу Матв. Толстому, заключающее въ себѣ означенное стихотвореніе. Выписываю здѣсь цѣликомъ это письмо.

Красный Рогъ, (Почепъ, Черняговской губерніи), 16-го мая 1869 г.

Дрожайшій и многоуважаемый Теофілъ Матвѣевичъ Хитровъ, только что возвратившійся изъ Петербурга, сообщилъ мнѣ, что Маркевичъ читаетъ вездѣ мои посланія къ вамъ. Надобно ему отомстить. Вотъ оружіе, которое слѣшу вамъ вручить:

Пѣсня о К***, о Черкасскомъ, о Самаринѣ, о Маркевичѣ
и о арапахъ.

1.

Друзья, ура единство!
Силотимъ святую Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

2.

К*** сказалъ, что, дискаать,
Терпѣть ихъ — это грѣхъ!
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

3.

Ядро у насъ — славяне;
Но есть и вотяки,
Башкирцы и армяне,
И даже калмыки.

4.

Есть также и грузины,
(Конвой цвѣтъ и честь),
И латыши, и финны,
И шведы также есть.

5.

Недавно и ташкенцы
Живутъ у насъ въ плѣну;
Признаться-ль? Есть и нѣмцы,
Но это entre nous!

6.

Страшась съ К*** драки,
Я на-ухо шепчу:
У насъ есть и поляки,
Но также: entre nous.

7.

И многими иными
Обилень нашъ запасъ;
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

8.

Тогда бы князь Черкасской,
Усердьемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

9.

Съ усердьемъ столь же смѣлымъ
И съ помощью воды
Самария тѣрь бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

10.

К***, нашъ герцогъ Алба,
Имъ удивлялъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
«Осанна! Аксось!»

Искренно вашъ А. л. Толстой.

Сообщ. Алексѣй Вас. Селивановъ.

ПО ПОВОДУ ОЧЕРКА „ДМИТРІЙ ЕМЕЛЬЯПОВИЧЪ ГНУСИНЪ“.

Въ сентябрьской книгѣ 1886 года журнала «Русская Старина» помѣщенъ очеркъ, подписанный Д. Е. Гнусинымъ, подъ заглавіемъ «Дмитрій Емельяновичъ Гнусинъ». Очерку этому предпослана замѣтка отъ редакціи о томъ, что онъ записанъ со словъ самого Гнусина, по просьбѣ редакціи, г-жею Н. А. Вѣлозерскою, по той причинѣ, что Д. Е. Гнусинъ принадлежать «къ талантливымъ самородкамъ и есть остроумный изобрѣтатель въ области своей специальности», а «Русская Старина», съ своей стороны, «особенно дорожить сказаніями о жизни и трудахъ такихъ самородковъ, такъ какъ жизнь этихъ подвижниковъ труда особенно поучительна».

Въ концѣ очерка помѣщена другая замѣтка отъ редакціи же, что «нашъ самородокъ-изобрѣтатель въ концѣ концовъ совершенный бѣднякъ» и что «будь на его мѣстѣ нѣмецъ или вообще иноземецъ, то тотъ нажилъ бы сотни тысячъ рублей, жилъ бы въ палатахъ и игралъ бы роль въ русскомъ обществѣ».

Замѣтокъ этихъ, какъ составляющихъ личный взглядъ редакціи, я не касаюсь; на самый же очеркъ я не обратилъ бы вниманія, если-бъ, передлистывая его, я не встрѣтилъ своей фамиліи, хотя не вѣрно напечатанной, но несомнѣнно моей, и если-бъ, по прочтеніи затѣмъ всего очерка, не оказалось по смыслу разсказа Гнусина, и при томъ въ очень для меня оскорбительной формѣ, что я нѣсколько повиненъ, если и не въ томъ, что онъ не играетъ видной роли въ русскомъ обществѣ, то, въ нѣкоторой степени, въ томъ, что онъ бѣднякъ. Въ чемъ-же моя такая провинность? а вотъ въ чемъ:

Какъ видно изъ разсказа г. Гнусина (стр. 635), въ началѣ 1845 г. имъ была изобрѣтена печь, предназначавшаяся, по словамъ его, для

постановки на столы. Была она изобрѣтена, какъ говорить г. Гнусинъ, «случайно», въ удовлетвореніе желанія отца Гнусина, высказавшаго однажды за утреннимъ чаемъ: что «хорошо бы намъ сдѣлать печку, которую бы можно было на столъ поставить» (стр. 635, строка 13). Отецъ г. Гнусина, увидя устроенную затѣмъ сыномъ печь, «видимо былъ доволенъ» этимъ изобрѣтеніемъ, а «онъ вообще гордился сыномъ» (строка 26), т. е. раскащикомъ; но такъ какъ печь, «сдѣланная на скоро, разумѣется ¹⁾», дымилась и бывала угаръ и при томъ не имѣла выходной трубы, то отецъ не позволялъ ее дѣлать ни въ какомъ случаѣ, а однажды такъ разсердился, что велѣлъ ее совсѣмъ разломать».

Въ чемъ собственно выразилось «видимое» довольство отца Гнусина, сынъ-Гнусинъ не разъясняетъ, а мы узнаемъ только изъ дальнѣйшаго разсказа, что при жизни отца печь эта болѣе не дѣлалась, а уже впоследствии, именно въ 1849 году, г. Гнусинымъ взята была на нее привиллегія, и она (стр. 638) «вошла въ такую моду» или, другими словами, нашлось столько лицъ, пожелавшихъ у себя на столахъ имѣть печи, что г. Гнусинъ «едва успѣвалъ дѣлать ихъ».

Здѣсь я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться и объяснить читателю, что архитекторы, занимающіеся специально предметомъ отопленія и вообще пиротехники, какъ и всѣ ученые, находятся въ постоянныхъ спорахъ и пререканіяхъ, касающихся ихъ искусства; объ этихъ спорахъ напечатаны цѣлыя фолианты, и въ техническихъ и архитектурскихъ обществахъ происходятъ постоянно горячіе и иногда долго длящіяся диспуты на эту тему. При всѣхъ этихъ спорахъ и пререканіяхъ въ одномъ, однако-жъ, всѣ согласны, а именно въ томъ, что печь вообще есть необходимое, если можно такъ выразиться, зло, нужное только въ холодные дни, которыхъ, для большей части обитателей земнаго шара, гораздо менѣе, нежели теплыхъ дней, а потому всѣ единогласно признають, что каждый пиротехникъ, прежде всего долженъ заботиться о томъ, чтобы печь занимала какъ можно менѣе мѣста въ нагрѣваемомъ помѣщеніи и ставилась бы тамъ, гдѣ

¹⁾ Не могу я понять, почему наскоро поставленная печь „разумѣется“ должна дымить и издавать угаръ? Я, какъ архитекторъ, утверждаю, что „наскоро“ поставленная, даже посредственнымъ мастеромъ, печь можетъ быть сдѣлана неакуратно, некрасиво, непрочна; но ни въ какомъ случаѣ ни дымить, ни угару издавать она не должна; въ противномъ случаѣ, она совсѣмъ негодится, и правъ былъ отецъ Гнусина, что велѣлъ ее сломать и не позволилъ ее дѣлать „ни въ какомъ случаѣ“. Мнѣ также непонятно, какъ можно было дѣлать комнатную печь, топящуюся углемъ или дровами, безъ выходной трубы.

она менѣе всего мѣшаетъ какъ въ отношеніи своей формы и величины, такъ и въ отношеніи издаваемого ею лучистаго тепла. Вотъ почему придумали ставить печи преимущественно въ углахъ нагрѣваемыхъ помѣщеній или въ нишахъ и при томъ въ углахъ наиболѣе отдаленныхъ отъ оконъ, а если гдѣ, по необходимости, конечно, печь поставлена не въ углу, а въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи,—я уже и не говорю по срединѣ самаго помѣщенія,—то она всегда вызываетъ неудовольствіе и оставляется тамъ только потому, что по какимъ либо уважительнымъ причинамъ иначе сдѣлать было невозможно. Одно, напримѣръ, изъ главныхъ преимуществъ центрального отопленія есть именно то, что нѣтъ совсѣмъ печей, а что помѣщенія согрѣваются посредствомъ каналовъ, устроенныхъ въ стѣнахъ.

Такъ было до 1849 г., какъ вдругъ Д. Е. Гнусинъ изобрѣлъ печь, которая предназначалась для помѣщенія на столахъ.

Читатель легко можетъ себѣ представить какой переворотъ такая печь должна была сдѣлать въ системѣ устройства жилищъ вообще и отопленія въ особенности. Печи изъ угловъ и близъ стѣнъ комнатъ должны были исчезнуть и вмѣсто того явиться на столахъ. Въ вашей гостиной, напримѣръ, на столѣ, между альбомами и кипсеками, стоитъ пышащая печь; въ кабинетѣ, на письменномъ или рабочемъ столѣ возлѣ чернильницы—пышащая печь; въ столовой, на обѣденномъ столѣ, возлѣ самовара, для котораго, чтобы онъ занималъ менѣе мѣста и не беспокоилъ бы издаваемымъ жаромъ, придуманы особые столики,—пышащая печь; въ будуарѣ, на туалетномъ столѣ вашей жены—печь и т. д.; и отъ всѣхъ этихъ печей проходящія черезъ всю комнату (очень красивыя, вѣроятно) дымовыя трубы, и всѣ эти печи, если наскоро сдѣланы даже самимъ изобрѣтателемъ (какъ онъ говоритъ на стр. 676),—«разумѣется дымать и отъ нихъ бываетъ угарь». При томъ, такъ какъ теплый воздухъ, какъ всѣмъ извѣстно, поднимается вверхъ, то легко себѣ представить, на сколько нужно нагрѣть поставленную на вашемъ столѣ печь, чтобы теплота хоть сколько нибудь доходила до вашихъ ногъ.

Вотъ эта-то переносная или, чтобы назвать ее вѣрнѣе, столовая печь (вѣдь говорятъ же—столовая лампа, столовые часы и т. п.) обратила будто-бы мое особенное, какъ рассказываетъ г. Гнусинъ (на стр. 638), вниманіе на московской выставкѣ 1853 года, на которой она, впрочемъ, никакой награды или похвалы не удостоилась, слѣдовательно, ничего замѣчательнаго не представляла. По словамъ г. Гнусина, я «всѣхъ внимательнѣе осматривалъ» эту печь и хотя она продавалась каждому желающему (кажется, за 15 или 20 р.),

а потому, купленную и поставленную у себя въ квартирѣ, ее можно было разобрать и изучить въ подробности и видѣть, какъ она «дѣлается и топится» (стр. 638, строка 5 снизу), но тѣмъ не менѣе я, по словамъ разсказа, счелъ за лучшее ѣздить въ мастерскую г. Гнусина (стр. 639) и въ такое время, когда я навѣрное зналъ, что его нѣтъ дома, разспрашивать его жену и подробно осматривать печи. Затѣмъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, я принялся за поддѣлку этой печи, вслѣдствіе чего, такъ какъ столовая печь эта, какъ я уже сказалъ выше, была привилегирована,—«пришлось г. Гнусину (стр. 642, строка 1) подать прошеніе въ судъ, но при тогдашнихъ порядкахъ», какъ продолжаетъ г. Гнусинъ, — «дѣло затянулось и продолжалось нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ результатовъ».

Все вышезложенное приводится г. Гнусинимъ, однако-жь, безъ малѣйшихъ доказательствъ.

Въ приложенномъ къ очерку «перечнѣ документовъ къ разсказу Д. Е. Гнусина» нѣтъ ни одного документа, ни даже намекъ, подтверждающаго эту поддѣлку, тогда какъ подъ № 20 есть даже такой любопытнѣйшій документъ: «удостовереніе въ дѣйствительности отказа» министерства народнаго просвѣщенія отъ 8-го октября 1878 г. за № 10714 (есть даже и номеръ бумаги) «въ устройствѣ печей г. Гнусина».

Послѣ всего сказаннаго, приступаю къ правдивому объясненію настоящаго дѣла. Изъ этого объясненія читатель узнаетъ, почему дѣло въ судахъ затянулось и продолжалось нѣсколько лѣтъ, и убѣдится, правду ли говорить г. Гнусинъ, что подача имъ прошенія въ судъ осталась «безъ всякихъ результатовъ». При этомъ, однако-жь, считаю нужнымъ оговориться въ томъ, во 1-хъ, что я только ручаюсь за дѣйствительность фактовъ настоящей моей статьи, тогда какъ точная хронологическая послѣдовательность, за давностью времени и неизмѣнимъ въ наличности документовъ, изъ памяти моей ускользнула, а во 2-хъ, что цѣль настоящей статьи моей лишь опроверженіе разсказа г. Гнусина, а отнюдь не восхваленіе моей печи, которую я уже около 25 лѣтъ какъ пересталъ самъ устраивать.

Въ 1850-хъ годахъ, т. е. около 32 или 33 лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ выхода моего изъ академіи художествъ, была придумана мною небольшая печь, названная впоследствии «хозяйственно-экономическою», для помѣщенія въ спальнѣ больного родственника моего, проживавшаго въ Москвѣ, гдѣ, т. е. въ спальнѣ, большой печи

поставить было нельзя. Покойный аптекаръ, К. А. Крафтъ, при посѣщеніи больного, обратилъ вниманіе на эту печь и просилъ меня поставить такую же въ одной изъ комнатъ его квартиры, гдѣ и производилъ надъ нею различныя опыты. Ему, какъ человѣку очень образованному и отлично знавшему химію и физикку, я обязанъ въ нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ печи; онъ же впоследствии совѣтывалъ мнѣ публиковать о печахъ моихъ въ газетахъ, предлагая ее публикѣ.

Такъ какъ печь, поставленная у г. Крафта и послѣ усовершенствованная, при сравнительной дешевизнѣ, оказалась весьма удовлетворительною для предназначенной ей цѣли, то скоро другіе знакомые мои и Крафта просили поставить у нихъ такія же печи, и, такимъ образомъ, по немногу печь сдѣлалась популярною и разсылалась мною въ довольно значительномъ количествѣ даже иногороднымъ.

Вотъ эта-то популярность (если можно такъ выразиться), по смыслу разсказа г. Гнусина (стр. 642, строка 3), и была причиною подрыва его изобрѣтенія.

Во второй половинѣ 1850-хъ годовъ я открылъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ товарищами, «контору для частныхъ построекъ», при которой мы устроили обширную выставку употребляемыхъ для построекъ матеріаловъ и издѣлій и, между прочимъ, я помѣстилъ на этой выставкѣ и свою печь. Покойный главноуправляющій путями сообщенія, Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ, во время бытности своей въ Москвѣ, посѣтивъ нашу выставку вскорѣ послѣ ея открытія, между прочимъ, обратилъ вниманіе на мои печи и спросилъ меня, не могу ли я взяться отапливать ими вагоны Николаевской желѣзной дороги, принадлежавшей тогда казнѣ, взамѣнъ печей г. Гнусина, издающихъ и дымъ, и угаръ и вызывающихъ постоянныя жалобы пассажировъ, или (другими словами) взамѣнъ печей, съ которыми случилось то, за что Гнусинъ-отецъ такъ разсердился на своего сына (стр. 635). Въ отвѣтъ на это, я испросилъ у К. В. Чевкина разрѣшеніе сдѣлать пробу, на что получилъ тутъ же согласіе. Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію его, мнѣ было отведено семейное отдѣленіе въ одномъ изъ вагоновъ; была назначена комиссія для наблюденія за топкою печи во время пути, и результатомъ пробы было приказаніе выставить немедленно изъ вагоновъ всѣ 18 печей г. Гнусина, и замѣнить ихъ моими печами; мнѣ же выдано свидѣтельство отъ 15-го декабря 1856 года за № 14575, подписанное тогдашнимъ начальникомъ Николаевской дороги, инженеръ-полковникомъ (нынѣ генералъ-лейтенантомъ) Аполлономъ Алексѣевичемъ Серебряковымъ, въ которомъ говорится, что: «послѣ произведенныхъ опытовъ надъ моими печами, таковыя оказали съ

болѣе удовлетворяющими своему назначенію, нежели поныи́ употребившіяся» (стало быть Гнусина), вслѣдствіе чего, «по приказанію главноуправляющаго путями сообщенія, поручено мнѣ изготовленіе на первый разъ 24 печей».

Послѣ этого печи мои были приняты и на другихъ дорогахъ, а печи г. Гнусина болѣе ни въ какихъ вагонахъ никогда уже не становились.

Это можетъ служить объясненіемъ сѣтованія г. Гнусина (выраженнаго имъ на стр. 642, строка 6) на то, что ему «не повезло и съ другой стороны» и что «ему не дали обѣщанной ставки печей во всѣхъ вагонахъ Варшавской желѣзной дороги»; это также поясняетъ «причины тѣхъ разныхъ недоразумѣній и пререканій, по которымъ онъ», по словамъ его, «лишился обѣщаннаго подряда на печи въ вагонахъ Николаевской желѣзной дороги», но о которыхъ, т. е. причинахъ, онъ, въ своемъ пространномъ разсказѣ, конечно, благоразумно умалчиваетъ.

Хотя постановка 24 печей и надзоръ за ихъ отопленіемъ во время пути, для меня, кромѣ разрѣшеннаго мнѣ бесплатнаго во всякое время проѣзда въ вагонахъ 1-го класса Николаевской желѣзной дороги, никакой матеріальной выгоды не представляли; но тѣмъ не менѣе кажется очевиднымъ, что этой постановкой я причинилъ дѣйствительно ущербъ интересамъ г. Гнусина; т. е., какъ я сказалъ выше, я въ нѣкоторой степени повиненъ за то, что онъ остался бѣднякомъ. При этомъ, однако-жь, невольнo рождается вопросъ: если дѣйствительно мои печки, какъ увѣряетъ г. Гнусинъ (стр. 642, строка 3), были для него «большимъ подрывомъ потому, что я, какъ архитекторъ, былъ извѣстенъ въ Москвѣ», намекая этимъ на то, что не столько печь моя, какъ мое общественное положеніе способствовало ея успѣху; то почему-же послѣ того, какъ я пересталъ устраивать свои печи,—а этому прошло уже около 25 лѣтъ, и я стало быть ни въ чемъ ему уже не мѣшалъ,—печи его не пошли въ ходъ? Вѣдь истинно хорошая вещь всегда останется хорошей. Что касается меня, то я, признаюсь, нигдѣ не видалъ вошедшія въ то время, по словамъ г. Гнусина, «въ моду» на столахъ печи и увѣренъ въ томъ, что ни тогда, ни теперь, да вообще никогда и даже въ квартирѣ самого г. Гнусина никакихъ на столахъ печей поставлено не было.

Вскорѣ послѣ примѣненія печей моихъ на Николаевской желѣзной дорогѣ или около этого времени, я получилъ повѣстку изъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта съ приглашеніемъ явиться туда по поводу поданной на меня купцомъ Д. Е. Гнусиннымъ жалобы о поддѣлкѣ мною его привилегированныхъ печей.

По тогдашнему закону на жалобы о нарушеніи правъ привилегій никакіе отзывы не принимались, а споры эти рѣшались третейскимъ судомъ.

Хотя печь моя для поставки на столы не назначалась и никогда на таковыхъ не ставилась, но тѣмъ не менѣе былъ назначенъ такой же судъ и по этому дѣлу. Со стороны г. Гнусина былъ посредникомъ архитекторъ Александръ Степановичъ Никитинъ, съ которымъ я прежде еще имѣлъ столкновеніе по службѣ, и котораго прошу не смѣшивать съ однофамильцемъ архитекторомъ, общеуважаемымъ Николаемъ Васильевичемъ Никитинымъ, моимъ товарищемъ и однокашникомъ, нынѣшнимъ предсѣдателемъ Московскаго общества архитекторовъ; съ моей стороны принялъ посредничество инженеръ-генералъ-майоръ (нынѣ инженеръ-генералъ и сенаторъ) баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ. Суперъ-арбитромъ (общимъ посредникомъ) былъ назначенъ тогдашній начальникъ IV округа путей сообщенія, инженеръ-генералъ-майоръ Эрнестъ Ивановичъ Шуберскій.

По рѣшенію этого суда печь моя была признана существенно разнящеюся отъ печи г. Гнусина и не нарушающею его привилегіи, а заарестованная, по настоянію г. Гнусина, печь была освобождена.

На рѣшеніе это г. Гнусинымъ была подава жалоба въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, который, не входя въ разсмотрѣніе дѣла по существу, кассировалъ это рѣшеніе по несоблюденію будто установленныхъ закономъ формальностей, а именно: на томъ основаніи, что третейская запись, по которой производился судъ, была явлена въ отдѣленіи мануфактурнаго совѣта, а не въ надворномъ судѣ, какъ бы это надлежало. По вновь затѣмъ поданной г. Гнусинымъ жалобѣ былъ назначенъ новый третейскій судъ; г. Гнусинъ выбралъ себѣ того же Александра Степановича Никитина и архитектора, почтеннаго старичка, если не ошибаюсь, Бакарева или Балакирева; съ моей стороны, за пропускомъ мною закономъ установленнаго срока, посредниками, уже самимъ судомъ, были назначены г. Керцелли и тогдашній губервскій механикъ, фамилію котораго забылъ. Четыре посредника эти, не прибѣгая даже къ выбору суперъ-арбитра, рѣшили то-же, что первый третейскій судъ, т. е. что поддѣлки никакой нѣтъ. На рѣшеніе это г. Гнусинъ принесъ жалобу въ надворный судъ, который, разсмотрѣвъ дѣло, жалобу г. Гнусина оставилъ безъ послѣдствій и утвердилъ рѣшеніе третейскаго суда. Тогда г. Гнусинъ подалъ жалобу на надворный судъ въ губервское правленіе и потомъ, за отказомъ въ ономъ, въ гражданскую палату. Въ это время адвокатъ мой посоветовалъ мнѣ подать

просьбу о выдачѣ и мнѣ привилегіи, чѣмъ, по его мнѣнію, дѣло должно было очень упроститься, такъ какъ привилегіи выдаются только на новыя изобрѣтенія и согласно ст. 94 п. 6 (устава о промышленности фабричн. и заводск.) дословно говорится, что въ привилегіи означается «удостовереніе, что на тотъ же самый предметъ привилегіи прежде того никому иному выдано не было»

Желая, чтобы моя выдумка какъ можно болѣе распространялась, я никому не препятствовалъ въ дѣланіи моихъ печей, и они въ то время въ большинствѣ желѣзныхъ лавокъ продавались всегда свободно, подъ названіемъ (переименовавъ мою фамилію) Велістановскихъ печей. Понятно, что я не нуждался въ какой либо привилегіи и подалъ прошеніе о выдачѣ мнѣ таковой единственно и исключительно только по совѣту адвоката для упрощенія дѣла; но такъ какъ при подачѣ прошенія требуется и требовалось также тогда внесеніе пошлинъ соразмѣрно испрашиваемаго для привилегіи срока, то я, конечно, попросилъ выдать мнѣ таковую на самый короткій срокъ, т. е. 3 года, другими словами, самую дешевую, что и было уважено 9 ноября 1861 года. Съ этимъ, казалось, сразу должны были кончиться всякія пререканія; мнѣ, согласно вышеупомянутой ст. устав. промышленности, было дано удостовѣреніе, что на мои печи никому ранѣе привилегіи выдано не было, а слѣдовательно печь моя не та, на которую выдана привилегія 11 лѣтъ до этого г. Гнусину.

По этому-ли обстоятельству или по собственному сужденію гражданской палаты, этого не помню, знаю только, что сія послѣдняя оставила жалобу Гнусина также безъ послѣдствій и утвердила рѣшеніе предшествовавшихъ судовъ. Но этимъ г. Гнусинъ, однако-жъ, не удовольствовался и подалъ жалобу въ правительствующій сенатъ. Сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла, оставивъ также жалобу г. Гнусина безъ послѣдствій, утвердилъ предшествовавшія рѣшенія. Послѣ рѣшенія сената осталась только одна инстанція, а именно: коммисія прошеній на высочайшее имя, куда, до истеченія апелляціоннаго срока, г. Гнусинъ не преминулъ подать жалобу на сенатъ. Считаю почти лишнимъ прибавить, что и коммисія прошеній оставила жалобу г. Гнусина безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ состоялись семь судебныхъ рѣшеній противъ г. Гнусина и, не смотря на нихъ, сей послѣдній (стр. 642) говоритъ что дѣло по его прошенію въ судѣ осталось «безъ всякихъ результатовъ».

Такъ какъ далѣе г. Гнусину уже не куда было жаловаться, то я считалъ себя вправѣ быть увѣреннымъ, что продолжавшееся, по преж-

нимъ порядкамъ, 12 лѣтъ,—повторяю, двѣнадцать лѣтъ,—дѣло окончательно рѣшено, и хотя я имѣлъ право взыскивать съ г. Гусина протори и убытки, но дѣло это мнѣ до того надоѣло, что я уничтожилъ всё до него относящіяся бумаги и предалъ дѣло это забвенію.

Но я видимо ошибся. Болѣе 20-ти лѣтъ спустя послѣ послѣдняго рѣшенія, а съ начатія дѣла болѣе, нежели черезъ 32 года, дѣло это вновь всплыло.

Послѣ всего вышесказаннаго не трудно понять какую цѣль преслѣдовалъ самородокъ и остроумный изобрѣтатель и съ какою цѣлью онъ находилъ время при многочисленныхъ, какъ онъ увѣряетъ, работахъ, 12 лѣтъ сряду со мной судиться.

Я думаю со мною согласится и читатель, что если г. Гусинъ какъ самородокъ, не въ состояніи былъ видѣть, что печи мои съ его печами сходства не имѣютъ, то рѣшеніе такихъ компетентныхъ и извѣстныхъ техниковъ, какъ баронъ Дельвингъ и генералъ Шуберскій, должны были его, кажется, въ этомъ убѣдить и онъ, если бѣ дѣйствовалъ безъ задней и предвзятой мысли, долженъ былъ бы довольствоваться однимъ третейскимъ судомъ, гдѣ бы запись явлена ни была. Не въ записи-же была суть дѣла! Но не этого, понятно, было ему нужно. Въ то отдаленное время, по существующимъ тогда законамъ, при подачѣ жалобъ, никакихъ судебныхъ пошлинъ, какъ это требуется теперь, не вносилось, и, при рѣшеніи дѣла, никакихъ судебныхъ издержекъ и денегъ за веденіе дѣла, выигравшей сторонѣ, не присуждалось; достаточно было написать жалобу на 20 копѣечномъ (тогда) гербовомъ листѣ, подать ее въ судъ,—и пошла потѣха. Жалобщикъ кромѣ 20 копѣйками ничѣмъ не рисковалъ, при томъ срокъ для апелляціи въ то время былъ годичный. Всѣмъ этимъ г. Гусинъ и пользовался. Послѣ каждаго рѣшенія начинались предложенія о мирѣ, а за отказомъ, нѣсколько дней до истеченія годичнаго срока, подавалась апелляція, и такъ какъ всѣхъ рѣшеній было 7, то 6 лѣтъ изъ 12-ти самъ г. Гусинъ протянулъ дѣло, пользуясь тогдашними длинными апелляціонными сроками.

Такимъ образомъ считаю доказаннымъ, что г. Гусинъ въ своемъ разказѣ не имѣлъ права сказать (стр. 642, строка 2), что «при тогдашнихъ порядкахъ дѣло затянулось», а слѣдовало сказать: «при тогдашнихъ порядкахъ мнѣ (Гусину) удалось затянуть дѣло на много лѣтъ».

Этимъ кончаю правдивую исторію той, какъ выразился г. Гусинъ (въ концѣ стр. 641), «съ моей стороны продѣлки» и этимъ бы и ограничился, если бы въ разказѣ самородка я не встрѣтилъ

бы другую безцеремонную выдумку, касающуюся, правда, не меня лично, но тѣмъ не менѣе глубоко уважаемыхъ не только мною, но всѣми архитекторами, учителей моихъ: покойнаго профессора архитектуры Федора Федоровича Рихтера, бывшаго директора Московскаго дворцоваго архитектурнаго училища, въ которомъ я получилъ свое первое архитектурское образованіе, и, знаменитаго во всемъ художественномъ мірѣ, покойнаго же профессора архитектуры, ректора Императорской академіи художествъ, Константина Андреевича Тона, ученикомъ котораго я былъ во время пребыванія своего въ академіи. Сказанное относится къ преисполненному чванствомъ и самохвальствомъ разсказу г. Гнусина о бывшемъ въ мартѣ 1849 года пожарѣ въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ (стр. 636, 637 и 638).

Гнусину было тогда 23 года и онъ безцеремонно разсказываетъ, что будто бы во время пожара къ нему, 23-хъ лѣтнему полуграмотному, доучившемуся, какъ онъ самъ говоритъ, въ селѣ, печнику «обратились за совѣтомъ, что нужно дѣлать?» (стр. 637, строка 12 снизу), и кто-же?—профессоръ архитектуры Ф. Ф. Рихтеръ и знаменитый архитекторъ, профессоръ и ректоръ академіи К. А. Тонъ, строитель дворца и храма Спасителя въ Москвѣ, множества строевыхъ и церквей въ С.-Петербургѣ и Россіи, создатель новаго архитектурнаго стиля! и онъ же, Тонъ, въ то время уже знаменитый архитекторъ, а какъ выражается Гнусинъ, «старикъ Тонъ такъ растерялся», что по указанію молодаго Гнусина «самъ взялся за топоръ (III) и приступилъ немедленно къ работѣ» (стр. 637, строка 10 снизу) передвиганія лѣстницы! Повторяю: Константинъ Андреевичъ Тонъ, съ топоромъ въ рукахъ, отодвигающій, по указанію г. Гнусина, лѣстницу! Эта картина достойна быть увѣковѣченною какимъ-нибудь первокласснымъ художникомъ!

Не менѣе забавенъ разсказъ (стр. 638), что когда московскій оберъ-полиціймейстеръ, по приказу Государя Императора Николая Павловича, обратился къ Ф. Ф. Рихтеру «съ требованіемъ исполненія высочайшей воли» о выдачѣ «плановъ кремлевскихъ зданій и указанія въ натурѣ мѣстности,» то онъ, Рихтеръ, будто, отвѣтилъ, что «никто не можетъ дать и некому поручить плановъ» (требуемыхъ Государемъ) и, указывая на него (Гнусина), добавилъ: «Вотъ онъ все знаетъ и все укажетъ!» И такой дерзкій отвѣтъ, да еще послѣ нѣкоторой виновности,—осмѣлился дать архитекторъ дворца, и кому же?—Государю Николаю Павловичу!

Въ удостовѣреніе правдивости описанныхъ подвиговъ, г. Гнусинъ

ссылается на представленный имъ и припечатанный къ его разсказу документъ подь № 1. Какой же, думаете вы, это документъ?

«Свидѣтельство о выдачѣ медали Д. Е. Гнусину за исполненіе печныхъ работъ при постройкѣ московскаго кремлевскаго дворца», т. е. медали, которая была выдана всѣмъ вообще работавшимъ при постройкѣ дворца въ память его освященія.

Затѣмъ уже не могу воздержаться, чтобы кстати не упомянуть о нѣкоторыхъ, вызывающихъ смѣхъ, особенно выдающихся мѣстахъ очерка.

Такъ, напримѣръ, какъ г. Гнусину «сразу (стр. 692) все стало ясно»; какъ у него мысли являлись тоже «сразу», т. е. вѣроятно по вдохновенію (какъ вообще у всѣхъ геніевъ); какъ онъ также «сразу» придумалъ свои паро-пневматическія печи (стр. 642); какъ при топкѣ этой новой печи цвѣты также «сразу ожили» (стр. 643), а онъ отъ этой же печи, отъ которой «сразу» ожили цвѣты, самъ «едва не задохся», какъ онъ работалъ лѣтомъ въ Москвѣ, а доучивался въ селѣ, въ противоположность другимъ самородкамъ, которые работали въ селахъ и деревняхъ и доучивались въ Москвѣ (стр. 632). Знаменательное же это село! Какъ онъ «только разъ промахнулся и сдѣлалъ ошибку, но это была его первая и послѣдняя ошибка въ печномъ дѣлѣ» (стр. 634); какъ онъ 13 лѣтъ уже былъ мастеромъ; какъ въ 1849 году ему, «къ счастью, удалось поладить съ дворцовой кухней, т. е. кухонной прислугой (страница 636, строка 8 снизу); какъ онъ въ томъ же году «наскоро устроилъ вентиляцію, да еще искусственную, и въ нѣсколько часовъ совсѣмъ очистилъ воздухъ» на парадной лѣстницѣ и въ огромныхъ залахъ большаго Кремлевскаго дворца въ Москвѣ! (стр. 637). Большую услугу оказалъ бы Дмитрій Емельяновичъ наукѣ, если бы онъ сообщилъ, какъ онъ устроилъ этотъ кунштюкъ. Какъ онъ, печникъ, нигдѣ собственно не учившійся и не знавшій иностранныхъ языковъ, не умѣющій даже писать, объяснялъ мнѣ, архитектору, говорящему на нѣсколькихъ языкахъ, какъ примѣнять изобрѣтенныя «за границею» герметическія дверцы (стр. 639, строка 4). Какъ генераль-маіоръ Крафтъ сказалъ, что «иностранцы должны у г. Гнусина учиться и экзамень держать» (стр. 641 строка 12 снизу). Какъ онъ въ четвергъ на масляницѣ, пока гости его гуляли подь Новинскимъ, «въ 2 часа» окончилъ свою паро-пневматическую печь! (стр. 642). Какъ экономія въ топливѣ въ Екатерининскомъ институтѣ была доведена до 92%! (стр. 645, строка 14). Какъ его печи въ воспитательномъ домѣ вмѣсто 50% давали экономіи 90%!

Какъ у него случился рядъ неудачъ по случаю послѣдней русско-турецкой войны (?) и смерти его высочества принца Ольденбургскаго и какъ онъ рѣшился отказаться отъ передѣлки всѣхъ печей въ Николаевскомъ госпиталѣ, «напуганный случаемъ со мною» (?) (стр. 647, строка 17) и т. д., и т. д.

Итакъ, если вѣрить словамъ г. Гнусина, то русско-турецкая война, смерть принца Ольденбургскаго и тому подобныя событія имѣли вліяніе на его неудачи! Полагаю, что, послѣ прочтенія моей статьи, читатель согласится со мной, что не эти событія и не мои печи были тому причиною, а причина кроется въ томъ, что времена перемѣнились, и что прошло то блаженное, для всѣхъ вообще ничему не учившихся людей, время, когда часто для успѣха нужны были только смѣлость, чванство и умѣніе ладить съ прислугою вліятельныхъ людей. Перемѣнились вмѣстѣ съ тѣмъ времена и для такъ называемыхъ печныхъ мастеровъ, въ единственныхъ почти рукахъ которыхъ въ то время была такая важная отрасль строительнаго искусства, какъ отопленіе и вентиляція. Теперь для пиротехника или печника уже недостаточно, если ему, какъ то было въ 1849 г. съ г. Гнусинимъ (стр. 636), «къ счастью, удастся поладить съ дворцовой кухонною прислугою», не достаточно также доучиваніе въ селѣ и уроки греческаго и латинскаго языка у сельскаго священника (страница 632); теперь въ дѣлѣ отопленія и вентиляціи нужны болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ предметѣ, научныя знанія.

Я не знаю для какой цѣли г. Гнусинь въ своему разсказу приложилъ, напримѣръ, документъ № 21, т. е. требованіе 1-ю с.-петербургскою инженерною дистанціею петербургскаго военнаго округа предьявленія доказательствъ, на которыхъ онъ (г. Гнусинь) «считаетъ возможнымъ согрѣвать въ теченіи 7 мѣсяцевъ комнатною температурою 10,000 куб. саж. воздуха, употребляя всего 500 квадр. саж. дровъ», не прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ эти доказательства. Я съ своей стороны полагаю, что этотъ документъ приложенъ развѣ для того, чтобы показать, что онъ (г. Гнусинь) дѣйствительно имѣлъ смѣлость сдѣлать такое несообразное предложеніе.

Для меня лично этотъ документъ имѣетъ другое значеніе. Онъ доказываетъ ясно, что предложеніе г. Гнусина, какъ оно заманчиво ни было, не было принято военнымъ округомъ на вѣру, а передано въ инженерную дистанцію. Гг. инженеры, разсмотрѣвъ предложеніе, убѣдившись по вычисленію ¹⁾, что для такого количества воздуха

¹⁾ Принимая среднюю разность температуры въ теченіи зимы (наружная—1,4°Ц., комнатная+18°Ц.=19,4°Ц., теплоемкость воздуха=7,3, нагрѣва-

нужно почти тройное количество топлива, потребовали доказательство, которое г. Гнусинь, разумѣется, не представилъ, а потому заказа не получилъ, а въ своемъ разсказѣ остроумно отговаривается тѣмъ, что онъ доказательство это не представилъ потому, что двадцать четыре года до этого былъ «наученъ случаемъ со мною» (стр. 649).

Также непонятно для меня представленіе г. Гнусиннымъ документа № 9 «требованіе IV отдѣленіемъ собственной его величества канцелярѣи доказательствъ, на опытѣ при специальныхъ людяхъ, пользы его (Гнусина) изобрѣтенія», безъ приложенія этихъ доказательствъ, а также № 16 объявленіе, что «правленіемъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома для изслѣдованія его печей въ гигиеническомъ отношеніи будетъ назначена особенная коммиссія», безъ представленія протокола этой коммиссіи (?).

Хотя для наукъ и искусствъ національностей нѣтъ, но тѣмъ не менѣе каждый народъ гордится своими туземными талантами и гениями. Такое чувство, какъ то доказано безчисленное множество разъ, несомнѣнно и особенно живо въ русскомъ обществѣ; г. Гнусинь же по своей фамили и происхожденію несомнѣнно чистокровный русскій. Говорю я это къ тому, что если бы г. Гнусинь дѣйствительно доказалъ, что онъ 500 кв. саженьми дровъ можетъ въ теченіи 7-ми мѣсяцевъ отапливать 10 т. куб. саж. воздуха, что своими печами онъ дѣйствительно достигаетъ 92% экономіи, т. е. что вмѣсто 100 саж. дровъ, употребляемыхъ другими печами, онъ при своихъ печахъ расходуетъ только 8 саж. (!), что онъ дѣйствительно наскоро можетъ устроить такую «искусственную» вентиляцію, которою онъ въ «нѣсколько часовъ» можетъ «совсѣмъ очистить» такое громадное количество воздуха, какъ то, которое содержится въ огромныхъ залахъ большаго Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, изъ которыхъ въ одномъ Георгіевскомъ залѣ около 2000 куб. саж. воздуха, то нѣтъ сомнѣнія, что г. Гнусинь, хотя и русскій, и безъ всякаго соглашенія съ дворцовой или другою кухонною прислугою и истопниками и безъ многолѣтняго сутяжничества нажилъ бы дѣйствительно сотни тысячи и каждый считалъ бы для себя за честь, даже гордился бы, принять у себя великаго русскаго пиротехника Дмитрія Емельяновича Гнусина!

тельная способность 1 ф., дровь—2800 ед. теп. и сред. вѣсъ 1 кв. саж. 9 вер. дровь—45 пуд., получимъ: $10,000 \times 7,3 \times 24 \text{ часы} \times 210 \text{ дней} \times 19,4 = 7,148,648,000$ ед. теп., а 500 с. дровь могутъ дать $500 \times 45 \times 40 \times 2800 = 2,520,000,000$ ед. или для 10.000 куб. саж. воздуха нужно около 1,400 кв. саж. дровъ. М. Д.

528 по поводу очерка «ДМИТРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ ГНУСИНЪ».

Покорнѣйше прошу уважаемую редакцію «Русской Старины» въ ближайшей книжкѣ журнала напечатать эту мою статью.

Прилагаю при семъ въ подлинникѣ свидѣтельство начальника Николаевской желѣзной дороги отъ 15 декабря 1856 г. за № 14,575, въ удостовѣреніе же правдивости моего разсказа по дѣлу о нарушеніи мною будто привиллегіи г. Гнусина, каждый, кто пожелаетъ, можетъ просмотрѣть по моему указанію, въ архивѣ сената, производившееся тамъ по этому поводу дѣло.

Архитекторъ М. Ю. Левестамъ.

31 декабря 1886 г.

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

[Щедринъ].

Въ текущемъ 1887 году минетъ сорокъ лѣтъ [1847—1887] литературной дѣятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой—наиболѣе даровитые дѣтели въ ряду современныхъ русскихъ писателей. Многочисленныя ихъ произведенія,— въ различныхъ сферахъ литературы и различнаго направленія,— увѣковѣчили уже ихъ имена въ исторіи нашей словесности.

„Русская Старина“,—съ самаго основанія этого изданія, — всегда выражала чувство глубокаго уваженія къ наиболѣе виднымъ отечественнымъ дарованіямъ на поприщахъ — наукъ, словесности и художествъ.

Мы глубоко чтимъ мощный талантъ г. Салтыкова.

По силѣ и глубинѣ его сатиры — нѣтъ ему равнаго за послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ ни въ одной литературѣ.

По силѣ и глубинѣ своей сатиры, по художественной жизненности и правдѣ многихъ типовъ русскаго человѣка, — выведеннаго этимъ писателемъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ русскаго народа,—Щедринъ является Гоголемъ нашего времени, но вполнѣ своеобразнымъ, бичующимъ злобу и язвы общественныхъ пороковъ нашего, — чреватаго всякимъ зломъ, — времени.

М. Е. Салтыкову — писателю — принадлежитъ слава общественнаго дѣтеля, оказавшаго громадныя заслуги Отечеству.

Въ славный періодъ реформъ истинно незабвеннаго Государя-Освободителя—М. Е. Салтыковъ явился съ своими Губернскими Очерками и нанесъ ими рѣшительный ударъ одрахлавшему, —проѣденному взяточничествомъ и казноградствомъ,—міру русскаго чиновничества (мы говоримъ о чиновничествѣ до реформъ 1860 г.).

Это было какъ разъ наканунѣ реформъ, даровавшихъ свободу отъ крѣпостныхъ узъ, новый судъ и земство.

Никто не станетъ отрицать того, что вліяніе, произведенное „Губернскими Очерками“ Щедрина, было громадное и, притомъ, самое благотворное. Въ нихъ, точно въ зеркалѣ, отразилась вся провинціальная, до-реформенная, чиновничья Россія...

Будущій историкъ славной эпохи 1856—1866 г., пересоздавшей весь внутренній строй нашего Отечества, отведеть видное мѣсто вліянію русской литературы на реформы, тогда совершенныя; а въ этой литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ, безусловно,—М. Е. Салтыковъ ¹⁾.

Мы сказали—безспорно.... нѣтъ, эта истина, въ сожалѣнію, не всѣми еще усвоена: есть еще, и притомъ въ интеллигентныхъ кругахъ русскаго общества, лица, которыя не знали и не знаютъ Щедрина, которыя его не читали, не читаютъ, а, быть можетъ, и не поймутъ, если начнутъ читать.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго.

Такъ было съ Гоголемъ—при его жизни, такъ повторилось и съ Салтыковымъ.

Но умеръ Гоголь, прошли десятилѣтія—и ему создаютъ памятники, его сочиненія сдѣлались предметомъ изученія въ учебныхъ заведеніяхъ по всему лицу русской земли,—его имя—предметъ гордости русскаго, не только образованнаго, но просто грамотнаго человѣка.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что Михаилъ Евграфовичъ въ тѣ годы трудился не только какъ писатель, но и какъ членъ одной правительственной комисіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (въ 1860—1861 г.), въ которой, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина,—выработана была административная реформа, отдѣлившая администрацію отъ суда и положившая основы земскихъ учрежденій. М. С.

Не надо быть пророкомъ: то-же повторится въ будущемъ и съ М. Е. Салтыковымъ.

Грустно только, что дань уваженія, дань признательности въ лучшимъ нашимъ писателямъ воздается имъ — лишь послѣ смерти.

Ө. М. Достоевскому довелось умереть въ убогой квартирѣ Кузнечнаго переулка въ С.-Петербургѣ и только послѣ его смерти его сочиненія стали расходиться во многихъ тысячахъ экземпляровъ по Россіи и сдѣлались извѣстными по всей Европѣ, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ....

Но какъ ни заманчива посмертная слава, пожелаемъ, дабы нашъ единственный, во всѣхъ смыслахъ этого слова, сатирикъ-художникъ — жилъ бы еще многіе, многіе годы и въ сокровищницѣ своего мощнаго дарованія и глубокаго знанія всѣхъ слоевъ современнаго русскаго общества черпаль-бы новыя, высоко-художественныя произведенія, прекрасно иллюстрирующія исторію русскаго общества второй половины XIX-го вѣка.

При настоящей книгѣ „Русской Старины“ — мы приложили портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравюру на мѣди, прекрасно исполненную талантливымъ художникомъ Ө. А. Мѣрвинимъ; портретъ отличается замѣчательнымъ сходствомъ.

М. С.

8-го января 1887 г.

Примѣчаніе. Напомнимъ здѣсь, кстати, наиболѣе удавшіеся портреты писателей, которые „Русская Старина“, — между прочими, — дада читателямъ при книгахъ своего изданія: А. С. Грибоѣдова, — В. А. Жуковскаго, — А. С. Пушкина — четыре портрета, М. Ю. Лермонтова — два портрета, кн. А. И. Одоевскаго, — Н. В. Гоголя — два портрета, В. Г. Бѣлинскаго, — А. И. Подолинскаго, — Т. Г. Шевченко, — Н. А. Некрасова — два портрета, Н. И. Пирогова — два портрета, С. М. Сохольева, — Н. И. Костомарова, — Т. Н. Грановскаго, — В. И. Водовозова и друг.

Замѣтки и поправки.

(См. XII книгу „Рус. Стар.“ 1886 г., I книгу 1887 г. и Систем. роспись).

Въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г., на стр. 786, напечатано, что изданіе „Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковичемъ, 2-е изд., 1886 г.—разошлось (къ 1-му декабря 1886 г.) въ количествѣ 1449 экз., осталось 551 экз., слѣдуетъ читать: разошлось (къ 1-му декабря 1886 г.) 739 экз., осталось 1261 экз.

Примѣч. Къ 20-му января 1887 г. означеннаго изданія разошлось 1280 экз., осталось 711 экз.

На стр. 201 январьской книги „Русской Старины“ изд. 1887 г., подъ статьешю „Реконгносцировка за Балканъ въ декабрѣ 1877 г.“, сообщенною Петромъ Александровичемъ Тихменевымъ, напечатано: Т. Тихменевъ, слѣдуетъ читать: П. Тихменевъ. Такую же поправку въ имени слѣдуетъ сдѣлать и на обложкѣ означенной книги въ соответствующемъ заголовкѣ.

Ред.

На стр. 108 и 131 январьской книги „Русской Старины“ изд. 1887 г., въ Воспоминаніяхъ князя П. А. Путятина, напечатано: палеонтологія, слѣд. читать: палеознологія или палеѳнологія; на стр. 116 напечатано: Elephas, Castor fiber, читай: Elephas, Castor fiber.

Кн. П. П.

Въ алфавитномъ указателѣ при „Систематической росписи содержанія «Русской Старины» 1870—1884 гг.“, изданной редакціею этого журнала въ 1885 г., на стр. 261, противъ имени Елизаветы Алексѣевны указана, между прочими статьями, статья подъ № 1159, тогда какъ статья подъ этимъ номеромъ относится къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Бар. А. Ф.

Многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ императорскаго училища правовѣдѣнія приобрѣли своими сочиненіями заслуженную извѣстность въ литературѣ юридической и по различнымъ отраслямъ знанія; нѣкоторые правовѣды составили собѣ ния поэтическими и музыкальными произведеніями.

Училищу принадлежитъ первоначальное развитіе дарованій его питомцевъ;— въ немъ должны быть собраны и свѣдѣнія о трудахъ правовѣдовъ на пользу общую. Этимъ способомъ укрѣпится та духовная связь между правовѣдами и воспитавшими ихъ училищемъ, которую всегда поддерживалъ незабвенный его основатель принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Глубокое сознаніе плодотворности этой связи породило въ средѣ правовѣдской семьи мысль объ учрежденіи при библиотекѣ училища особаго отдѣла, составленнаго изъ произведеній правовѣдовъ и матеріаловъ для исторіи училища правовѣдѣнія и для оцѣнки его полезной дѣятельности. Въ этомъ отдѣлѣ училищной библиотеки желательно собрать все напечатанное объ училищѣ, всѣ сочиненія бывшихъ его воспитанниковъ, напечатанныя не только отдѣльными изданіями, но и появившіяся въ сборникахъ и журналахъ, печатные отзывы объ этихъ сочиненіяхъ, біографіи и некрологи, а также рукописи, имѣющія историческое или литературное значеніе для училища (дневники, записки, воспоминанія).

Предположеніе объ устройствѣ такого отдѣла библиотеки, принятое сочувственно начальствомъ училища, одобрено и августѣйшимъ попечителемъ—его высочествомъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ.

Успѣшное осуществленіе этого предположенія возможно только при дружномъ содѣйствіи правовѣдовъ. Съ какою бы скромностью авторъ ни относился къ значенію своихъ трудовъ, доставленныя имъ сочиненія будутъ приняты съ благодарностью. Все, долженствующее войти въ составъ образуемаго отдѣла училищной библиотеки, библиографическія указанія и денежные пожертвованія на устройство этого отдѣла, могутъ быть адресованы директору училища правовѣдѣнія (Фонтанка, 6) и правовѣдамъ: Николаю Ивановичу Стояновскому (Надеждинская, 20), Григорію Космичу Рѣпинскому (Эртелевъ переулокъ, 2), Алексѣю Васильевичу Бѣлостоцкому (Спасская, 15), Ивану Яковлевичу Голубеву (Басковъ переулокъ, 27) и Анатолію Егграфовичу Молчанову (Ново-Исаакіевская, 20).

Н. Стояновскій.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Содержаніе: Русские избранники и случайные люди въ XVIII в. Состав. Гельбигъ.—Зап. Ал. Мих. Тургенева.—Павла Вас. Чичагова,—ген. Чаплица (1812 г.).—Э. И. Стогова,—Ф. Я. Мирковича (1840 г.).—Л. А. Загоскина, 1822—1826,—М. Я. Ольшевскаго (1826—1833 гг.),—докт. Я. А. Чистовича.—Литературная кофейня въ Москвѣ, 1830—1840 гг., воспом. А. Д. Галахова.—Старый судъ, очерки и воспом. Н. М. Колмакова.—Моск. университетъ, въ очеркѣ и характеристикѣ А. Н. Афанасьева (1850 г.).—Нѣмецъ и французъ въ запискахъ о Россіи 1839 г.—Въ учн. праводвѣнія, воспом. И. А. Тютчева и К. К. Арсеньева.—На Дунаѣ и въ Севастополѣ, 1864—1865 гг., зап. П. В. Алабина и Н. А. Крыжановскаго.—Воспом. декабристовъ А. П. Бѣльева и М. И. Муравьева-Апостола.—Воспом. Татьяны Петр. Пассекъ.—Польская смута, 1861—1863 гг., въ очеркахъ А. Вязмитинова и В. Баратынскаго.—Театральное училище, изъ зап. Н. И. Куликова.—Петерб. итал. опера 1840-хъ гг., изъ воспом. А. Н. Яхонтова.—Война 1877—1878 гг., зап. ген.-отъ-инф. П. Д. Зотова.—Плевенское сѣднѣе 1877 г., очеркъ Н. К. Шильдера.—Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, 1881—1883 гг.—Записки композ. Гавр. Яе. Ломанина,—артиста Л. Л. Леонидова.—Зап. Дм. Ив. Бициани.—Феофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, 1708—1741 гг., очеркъ Н. Я. Морозкина.—Митроп. Іоаннъ Максимовичъ, † 1716 г.—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.—Елена Андр. Гавт., біогр. очеркъ Е. С. Некрасовой.—Ник. Ив. Костомаровъ, очерки и воспоминанія В. И. Семевского, Д. Л. Мордовцева и Н. А. Бѣлозерской.—Проф. К. А. Коссовичъ.—Н. И. Широковъ, очеркъ жизни и разсказы о немъ.—В. И. Водозовъ, воспом. о немъ и посмертн. стихотв.—Проф. живоп. Н. И. Келеръ.—Гр. Дм. Ал. Милютинъ 1861—1881 гг.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1836 г.—Фетх-Али-шахъ и его дѣти, истор. очеркъ Ад. П. Берже.—Война съ Польшою въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ, 1831 г.—Цесар. Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ К. К. Мердеру.—Разсказы объ имп. Николаѣ I ген.-л. Е. А. Егорова.—Записка К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ.—Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ, собранъ П. В. Шейнъ. Стихотворенія: Ив. Серг. Аксакова, 1841—1844 гг.,—С. Т. Аксакова, 1857 г.,—С. П. Шевырева, 1858 г.,—Н. М. Языкова,—А. Н. Яхонтова,—А. Подолнискаго,—Н. Добролюбова,—Н. А. Некрасова,—Походъ русской арміи въ Индію, проектъ ген.-л. Евг. Егорова, 1854 г.—Николаевская жел. дорога, очеркъ А. И. Штуценберга.—Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг., очеркъ И. С. Кравцова.—Последніе дни въ русской Америкѣ, 1867 г., очерки очевидца М. И. Вавилова.—Письма Н. В. Гоголя къ М. С. Щепкину,—Ив. Серг. Тургенева къ его брату, 1863—1878 гг.,—А. Н. Островскаго, и многіе другіе статьи и матеріалы.

Портреты: въ Бозѣ мочивающій императоръ Александръ II, гравюра на мѣди Ф. А. Мѣркина.—Гр. Вик. Ник. Панинъ и сенаторъ Як. Александр. Соловьевъ, гравир. И. И. Матюшинъ.—Генер. Н. И. Евдокимовъ, гравир. Грачевъ.—Ген.-отъ-инф. П. Д. Зотовъ, грав. Матѣ.—Ген.-ад. гр. Дм. Алексѣев. Милютинъ, гравир. на мѣди азад. И. И. Пожало-стинъ (отпечат. въ Парижѣ).—Проф. Т. Н. Грановскій,—композ. Г. И. Ломанинъ, грав. В. В. Матѣ.—Э. И. Стоговъ, грав. Г. И. Грачевъ,—Ад. П. Берже и В. И. Водозовъ, грав. на мѣди Ф. А. Мѣркина.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1836 г.,—проф. И. И. Келеръ, грав. И. И. Матюшинъ.—Петръ Мих. Еропкинъ, † 27 іюня 1740 г., гравир. Г. И. Грачевъ. Рисунки: Памятникъ Александру II, сооруженные крестьянами;—видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Широкова;—памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хруцова, сооруженъ въ 1886 г. и барельефъ на этомъ памятникѣ, гравюры В. В. Матѣ;—памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ;—памятникъ Славы въ Спб. (сооруж. въ 1886 г.), грав. А. И. Даугель.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ перебылкомъ.

Толстовичъ

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ ¹⁾.

ЛXXXI. КИШЕНСКІЙ.

Выселеніе калмыковъ въ 1770 году принадлежитъ, безспорно, къ самымъ страннымъ явленіямъ царствованія Екатерины II. Это поразительное событіе было тѣмъ обиднѣе для славолюбія государыни, что было вызвано самымъ низкимъ, злымъ и неограниченнымъ грабительствомъ человѣка, который происходилъ изъ низшихъ слоевъ народа и, по своему рожденію, способностямъ и характеру, долженъ былъ считать для себя верхомъ счастья, если-бъ его терпѣли субалтерьеръ-офицеромъ пѣхотнаго полка.

Имя этого негодяя было Кишенскій. Онъ былъ подпоручикъ Астраханскаго полка, когда получилъ отъ генераль-губернатора кавказскаго намѣстничества или отъ коменданта астраханской провинціи, во всякомъ случаѣ, безразсудный приказъ принять на себя надзоръ за калмыками. Чтобъ лучше понять всю нелѣпость этого порученія, необходимо сказать два слова объ этомъ народѣ.

Калмыки или Халмыки — весьма замѣчательная отрасль великаго народа монгольскаго. Они себя называютъ Элѣтъ. За нѣсколько столѣтій до этого, ихъ предки были уже на мѣстахъ, обитаемыхъ русскими. Потомки этихъ калмыковъ обитали, до своего выселенія въ 1770 году, на неизмѣримой и плодородной долинѣ между Волгой и Ураломъ. Въ то время ихъ насчитывалось до 95,000 кибитокъ или

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. I, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, июль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр. 1—24; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 299—328.

палатокъ, отъ 5 до 6 лицъ въ каждой. Черты лица этого племени, равно какъ монголовъ и бурятъ ¹⁾, рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ породъ. Всѣ калмыки—номады, и живутъ въ палаткахъ, сдѣланныхъ изъ матеріи, называемой въ Россіи войлокомъ. Такія войлочные палатки употребляются всѣми кочующими племенами въ Азіи. Калмыки имѣютъ безчисленные стада рогатаго скота, лошадей, верблюдовъ и овецъ. Ихъ овцы отличаются отъ всѣхъ остальныхъ большими головами, длинными, висящими ушами и очень жирными и тяжелыми хвостами. Это единственная порода овецъ на всемъ азіатскомъ Востокѣ. Калмыки придерживаются религіи Далай-Ламы, которая встрѣчается въ различныхъ земляхъ восточной части Азіи. Обычныя письмена калмыковъ и вообще монголовъ похожи на письмена сирійскаго языка. Сирійскіе монахи или миссіонеры распространили во многихъ земляхъ Азіи знаніе и употребленіе письменъ.

Это богатое или, по крайней мѣрѣ, достаточное и многочисленное племя жило подъ могущественною защитою русскихъ государей и въ теченіи вѣковъ спокойно пользовалось правомъ гостепрѣимства. За это благодѣяніе на калмыковъ были возложены весьма незначительныя повинности. Они удержали свое древнее устройство и жили, особенно въ 1770 г., весьма счастливо подъ управленіемъ хана, стараго, почтеннаго человѣка, которому Екатерина II дала, за его добродѣтели, многія доказательства своего благоволенія и который носилъ на шеѣ портретъ императрицы, усыпанный брильянтами — подарокъ ея великодушія.

Все это необходимо было сообщить, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ неразумный поступокъ тѣхъ, которые рѣшились поручить надзору поручика Кишенскаго это добродушное, спокойное и даже боязливое племя, во главѣ котораго находился честный начальникъ.

Кишенскій, этотъ презрѣнный человѣкъ, былъ и гувернеромъ хана, и губернаторомъ всего племени. Только временами появлялся онъ въ жилищахъ калмыковъ, но каждое его появленіе распространяло общій страхъ и ужасъ—это было знакомъ новыхъ и всегда тяжелыхъ вымогательствъ. Такъ какъ онъ ловко умѣлъ всякій разъ собрать произвольно наложенный имъ трибутъ, и калмыки, изъ боязни, оставались спокойными, то такимъ веденіемъ дѣла его ближайшіе начальники

¹⁾ Фамилія Борятинскихъ, еще и теперь одна изъ знатнѣйшихъ въ Россіи, о которой мы кое-что говорили уже, господствовала нѣкогда надъ этимъ племенемъ, еще до принятія ею крещенія (вѣроятно, при Иванѣ Васильевичѣ). Отъ названія племени—буряты, боряты—получила она свое фамиліное имя Борятинскихъ.

были до такой степени довольны, что онъ очень скоро прошелъ по службѣ всѣ чины и дошелъ до подполковника. Кишенскій, безъ всякой церемоніи, угонялъ изъ стада тѣ экземпляры, которые ему казались лучшими, и писалъ хану какіе и въ какую цѣну подарки долженъ онъ прислать ему. Все это онъ обращалъ въ деньги и собралъ такимъ образомъ невѣроятныя богатства. Но самые большіе поборы дѣлалъ онъ при помощи мнимыхъ рекрутскихъ наборовъ. Калмыки никогда не подлежали рекрутчинѣ. Ихъ обязательство въ военномъ отношеніи заключалось лишь въ томъ, чтобы, когда потребуется, выставить на службу императрицы отрядъ всадниковъ для войны съ Китаемъ; этотъ отрядъ состоялъ только изъ калмыковъ, но находился подъ начальствомъ русскаго генерала. Но русское правительство никогда и не думало о поставкѣ калмыками рекрутъ ¹⁾. Калмыки, какъ и многіе русскіе ивородцы, вовсе не пригодны для службы, совмѣстной съ дисциплинованными войсками. Ихъ религія, нравы, обычаи, особенно же ихъ странный, нелюдимый и боязливый характеръ, подобный тому, какой былъ у евреевъ лѣтъ 15 назадъ, не поддавались цивилизованнымъ военнымъ учрежденіямъ. Тѣмъ не менѣе, Кишенскій заявилъ, что у него есть приказъ императрицы взять рекрутовъ среди калмыковъ. Ханъ воспротивился, сослался на освященные права своего народа и просилъ убѣдительно и покорно, но тщетно. Все, что онъ могъ добиться—онъ откупился отъ рекрутскаго набора чудовищными подарками, которые Кишенскій оставилъ себѣ. Но Кишенскій и этимъ не удовольствовался: онъ вскорѣ явился опять и подъ разными предлогами сталъ требовать еще большаго. Ханъ, возмущенный несправедливостью и хищничествомъ русскихъ, высказалъ ему горькіе, но правдивые упреки. Этотъ негодай забылся до того, что имѣлъ наглость ударить хана и повелѣть публично наказать его перваго министра. Такими средствами Кишенскій вынудилъ потребованныя имъ вымогательства, но за то они были послѣдними.

Боязливый характеръ, доведенный несправедливостью до послѣдней степени негодованія, получаетъ часто энергическое движеніе, дѣйствующее скоро и съ выдержкою. Ханъ собралъ совѣтъ своихъ министровъ, старѣйшинъ и духовныхъ, и теперь торопились принять соотвѣтствующія мѣры и привести ихъ въ исполненіе тотчасъ же прежде чѣмъ Кишенскій могъ бы настичь, а русскія войска могли-бы задержать или по крайней мѣрѣ потревожить. Наконецъ, насталъ рѣшительный моментъ и тутъ-то проявился рѣдкій примѣръ: разомъ

¹⁾ Архивъ Г. С., I, ч. 2, стр. 241, засѣданія 6-го ноября 1768 г., и 19 и 23 марта 1769 г.

пропало цѣлое племя. 75,000 кибитокъ, палатокъ вли, собственно, семей покинули, въ октябрѣ 1770 года, свои кочевья и искали новыхъ мѣстъ для поселенія на китайской землѣ, куда они прибыли въ маѣ 1771 года. Они подчинились китайскому богдыхану, который съ радостью принялъ ихъ ¹⁾, и они еще и теперь мирно и въ довольствѣ живутъ подъ его благодѣтельнымъ и покровительственнымъ скипетромъ. Русское правительство вскорѣ потребовало выдачи его ех-подданныхъ, но богдыханъ отвѣчалъ, что калмыки возвратились на тѣ же мѣста, на которыхъ много столѣтій назадъ жили ихъ предки, что онъ не можетъ быть настолько несправедливымъ, чтобъ съ людьми, довѣрившимися ему, поступить дурно, тѣмъ менѣе изгнать ихъ, что императрица должна требовать отвѣтъ у Кишенскаго, который своимъ позорнымъ поведеніемъ причинилъ это выселеніе.

Можно себѣ представить изумленіе виновника этого событія, о которомъ онъ узналъ только два дня спустя. Тотчасъ же были приняты мѣры къ задержанію бѣглецовъ, но эти мѣры не могли быть цѣлесообразны. Въ то время первая турецкая война была въ разгарѣ. Во всемъ обширномъ намѣстничествѣ было не болѣе четырехъ пѣхотныхъ полковъ. Три полка, ближайшіе, послѣшно были посланы въ погоню ²⁾. Они не догнали калмыковъ, и такъ какъ русскіе вступили въ необозримую степь, мѣстность и пути были имъ неизвѣстны и они страдали отъ недостатка провіанта, то многіе изъ нихъ погибли. Они проблуждали по степи и половина войска осталась на мѣстѣ.

Изъ всего племени осталось только 20,000 кибитокъ, которыя были расположены отдѣльно отъ другихъ и ближе къ Астрахани. Они тоже ушли съ этого мѣста, но остались подъ русскою властью и заняли кочевья между Волгой и Дономъ, гдѣ они еще и теперь кочуютъ.

Кишенскій, о преступномъ поведеніи котораго русское правительство узнало только изъ отвѣта китайскаго богдыхана, былъ преданъ военному суду. Грабитель употребилъ часть награбленнаго на пріобрѣтеніе себѣ друзей при дворѣ. Вслѣдствіе этого дѣло получило совершенно иной оборотъ. Къ тому же, императрица приняла за правило, всѣхъ бывшихъ въ ея службѣ защищать противъ иностранныхъ обвиненій и даже еще награждать ихъ, если-бъ они и были неправы въ глазахъ всего свѣта. Быть можетъ, это правило было весьма

¹⁾ Архивъ Г. С., I, ч. 2, 245.

²⁾ Генераль-маіоръ Давыдовъ (Архивъ Г. С., I, ч. 2, 243, засѣданіе 14 февр. 1771 г.) и генераль-маіоръ Траубенбергъ (Id. 244, засѣданіе 27 іюня 1771 г.).

благородно по идеѣ, но въ примѣненіи оно оставляетъ иногда тяжелое впечатлѣніе въ безпристрастномъ критикѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ: Кишенскій, вмѣсто наказанія, былъ еще награжденъ чиномъ полковника ¹⁾.

Къ счастью, мы ничего болѣе не знаемъ объ этомъ человѣкѣ, какъ только то, что онъ сталъ, наконецъ, генераль-майоромъ и на награбленныя средства жилъ роскошно и спокойно.

Примѣч. переводчика. Федоръ Ивановичъ Кишенскій. А. Г. С., I, ч. 2 241, 242, 243; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 509); Castéra, II, 82; Nermann, V, 666; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 346.

В. В.

ЪХХХІІ. САЛЛЕРНЪ.

Саллернъ, голштинецъ родомъ, былъ сынъ рабочаго.

Его умъ былъ больше, чѣмъ сила его сужденія. Такъ какъ случайнымъ образомъ онъ получилъ хорошее литературное образованіе, то на его развитіе вліяли познанія всякаго рода. Онъ вообразилъ, что можетъ быть *intrigant*; но онъ былъ не болѣе, какъ обыкновенный русскій эмиссаръ того времени. Кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи груды золота и армію въ 200,000 человѣкъ, тому не надо мыслящей головы, которая могла бы опредѣлить назначеніе и денегъ, и солдатъ. Словомъ, Саллернъ былъ мастеръ только низкой деспотической интриги. Говорятъ, его мораль была запятнана, а его нравъ былъ и остался мужицкимъ.

Въ Голштиніи Саллернъ не нашелъ своего счастья. Онъ получилъ незначительную должность, которою едва могъ кормиться. Извѣстіе о томъ, будто онъ потерялъ службу, вслѣдствіе нанесенныхъ ему оскорбленій, вѣроятно, клевета. Извѣстно только, что онъ покинулъ службу и родину, и отправился въ Россію—страну, которую большинство голштинцевъ считали своимъ вторымъ отечествомъ и какъ бы убѣжищемъ, вслѣдствіе бывшаго уже однажды и ожидавшагося въ будущемъ соединенія обѣихъ земель подъ однимъ скипетромъ.

¹⁾ Подполковникъ Кишенскій былъ произведенъ въ полковники еще въ 1769 году.

В. В.

Уже въ царствованіе императрицы Елисаветы Саллернъ получилъ мѣсто въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь онъ выказалъ нѣкоторыя способности и вскорѣ получилъ мѣста, открывавшія ему очень выгодную перспективу. Прежде его замѣчали не болѣе, какъ и всякаго писца; но когда онъ получилъ титулъ и значительную должность, онъ самъ сдѣлалъ себя извѣстнымъ. Теперь уже его фамилія звучала слишкомъ вульгарно. Онъ сталъ себя называть Сальдернъ, и говорилъ, что происходитъ отъ извѣстной древнегерманской фамиліи въ Пруссіи. Родъ Сальдерновъ, къ которому принадлежалъ бывшій губернаторъ Магдебурга, генералъ Сальдернъ, хотя и дѣлалъ заявленія противъ такого присвоенія чужой фамиліи, но новый Сальдернъ не обращалъ на это вниманія, а настоящіе Сальдерны замолчали, тѣмъ болѣе, что этотъ выскочка находился уже въ чинѣ довольно почетномъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II Сальдернъ особенно отличился своими способностями; но онъ обладалъ также талантомъ придавать цѣну своимъ знаніямъ. Императрица, давно уже не благоволившая къ датскому двору и постоянно старавшаяся унижить его, назначила г. Сальдерна, въ концѣ 1860-хъ годовъ, посланникомъ въ Копенгагенъ. Датскій король часто испытывалъ обиды русскаго двора при Екатеринѣ II, но ни одна не была такъ жестока, какъ тѣ, которыя нанесъ ему Сальдернъ. Поведеніе этого человѣка вполне соответствовало его происхожденію. Онъ велъ себя съ возмутительнымъ высокомеріемъ, требовалъ свѣдѣній о самыхъ тайныхъ государственныхъ дѣлахъ и вмѣшивался даже въ домашнія дѣла двора. Громкія жалобы сдѣлали его отозваніе необходимымъ, если не желательно было нарушить взаимныя отношенія между Даніей и Россіей.

По возвращеніи въ Петербургъ, Сальдернъ подлежалъ наказанію, между тѣмъ онъ былъ награжденъ. Немного времени спустя, ему были даны новыя порученія за границей. Съ Польшей обходились уже тогда какъ съ русскою провинціей. Чтобъ сдерживать тѣхъ поляковъ, которые сохранили еще нѣкоторое чувство чести и добровольно не подчинялись желаніямъ императрицы, въ Варшаву требовался такой посоль, который съ мудростью соединялъ бы и энергію. Избрали Сальдерна. Въ инструкціи, данной ему при отъѣздѣ, въ 1771 году, значилось, что онъ долженъ былъ стараться не выпускать короля изъ подъ опеки, руководить колеблющимися и, вообще, подчинить всѣхъ общему вліянію русскаго двора. Сальдернъ, которому это представлялось слишкомъ обширнымъ и слишкомъ тонкимъ, измыслилъ планъ, исполненіе котораго казалось ему болѣе выгоднымъ для интересовъ его двора. (Планъ этотъ былъ — первый раздѣлъ Польши). Но онъ

не могъ довести свое дѣло до конца. Онъ повсюду нажилъ себѣ враговъ. Въ Варшавѣ его ненавидѣли не только за его планъ, но и за его грубое обращеніе; прусскому королю онъ написалъ дерзкое письмо; въ Петербургѣ, гдѣ онъ своими донесеніями обнаружилъ свою слабую сторону, Решнинъ подкапывался подъ него. Все это сдѣлало его пребываніе въ Варшавѣ неприятнымъ и даже опаснымъ для него лично. Насколько могъ, онъ осуществилъ дѣло раздѣла, но еще лѣтомъ 1772 года просилъ объ отозваніи его изъ Варшавы. Екатерина II отвѣчала ему собственноручнымъ письмомъ и общала, что онъ возвратится еще въ сентябрѣ. Дѣйствительно, онъ выѣхалъ изъ Варшавы, такъ сказать, въ первыя числа сентября, и прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ. Раздѣлъ же состоялся въ первыя числа сентября.

Салдернъ получилъ отъ императрицы большіе подарки и въ то-же время обѣщаніе, что получитъ болѣе пріятное назначеніе. Это было сопряжено, однако, съ большими затрудненіями. Враги его были многочисленны и сильны. Марковъ, его бывший секретарь миссіи въ Варшавѣ, съ которымъ онъ жилъ въ разладѣ и который прежде его прибылъ въ Петербургъ, очень ловко возстановилъ противъ него придворныхъ вельможъ. Сама императрица начала выказывать ему уже не то расположеніе, какого онъ ожидалъ. Наконецъ, онъ впалъ даже въ немилость, когда, желая обезпечить себѣ въ будущемъ благоволеніе великаго князя, подъ рукою передалъ императрицѣ планъ сдѣлать наследника своимъ соправителемъ. Этимъ необдуманнымъ шагомъ Салдернъ почти совсѣмъ себя уронилъ и лишь съ трудомъ еще удерживался.

Замѣтивъ, что ему придется вскорѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ, онъ хотѣлъ обезпечить себѣ въ будущемъ тихое пристанище, гдѣ онъ могъ бы спокойно проживать доходы своего громаднаго состоянія. Въ этихъ видахъ онъ началъ частныя переговоры съ датскимъ дворомъ, принималъ отъ этого двора подарки и предвидѣлъ еще большіе, если достигнетъ своей цѣли. Цѣль же эта заключалась въ формальномъ отреченіи отъ Голштиніи. Салдернъ представлялъ императрицѣ, что не дѣлаетъ чести ни ей, ни ея сыну зависѣть до извѣстной степени отъ германской имперіи ради небольшого клочка земли; онъ далъ ей ясно понять, что великій князь, становясь все старше, долженъ быть лишень этого владѣнія, такъ какъ можно опасаться, что наследникъ, какъ германскій имперскій князь, можетъ получить нѣкотораго рода независимость отъ императрицы и, какъ независимый владѣтель, можетъ, если у него злая воля, вступить въ союзъ во вредъ императрицѣ. Екатерина II, на которую подобная боязнь дѣйствовала

болѣе всего, нашла, къ своему вреду, эти доводы основательными. Голштейнъ былъ уступленъ за Ольденбургъ и Делменгорстъ, причемъ оба эти графства были предоставлены князю-епископу любекскому. Актъ объ этой уступкѣ былъ подписанъ въ ноябрѣ 1773 года. Вскорѣ затѣмъ императрица узнала всю махинацію этого дѣла и на Сальдерна обрушилась ея немилость, какъ онъ того и заслуживалъ. Онъ замѣтилъ это, просилъ объ отставкѣ и получилъ ее.

Въ то время Сальдернъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ.

Сальдернъ переселился въ Голштейнъ, гдѣ онъ жилъ еще много лѣтъ, удалившись совершенно отъ дѣлъ и посвятивъ свой досугъ наукамъ. Здѣсь онъ далъ полную волю своему языку и своему перу. Вѣроятно, русскій дворъ узналъ объ этомъ и хотѣлъ наставить его на лучший путь. Сальдернъ получилъ приглашеніе явиться въ Петербургъ, но уклонился отъ подобной поѣздки.

По смерти Екатерины появилась въ печати біографія Петра III ¹⁾, составленная г. Сальдерномъ. Въ этой книгѣ авторъ часто грѣшитъ противъ истины и руководствуется только своею ненавистью къ императрицѣ; ненависть же эта есть послѣдствіе его неудовлетворенныхъ страстей, гордости и скряжничества.

Примѣч. переводчика. Каспаръ Сальдернъ. А. Г. С., I, ч. 1, 75, 90, 119, 259; ч. 2, 11; Указы Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 200, 205); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 361, 406; XX, 230; XLVII, 8); Письма Сальдерна (Вяземскій, V, 223; Соловьевъ, XXVII, 337; XXVIII, 286, 290, 297, 300, 304, 306, 309, 312, 373, 374; Осмнадц. вѣкъ, III, 270); Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 203, 225, 238, 365, 381; XIX, 14, 164, 170, 178, 186, 399, 401; XXII, 122, 446, 452; XXXVII, 178, 183, 187, 352, 388, 428, 493, 553, 652); Воронцовъ, XIV, 317; Переписка Фридриха II съ Петромъ III (Р. Стар., 1871, III, 297); Порошинъ, 15, 277, 441; Rlssie, 254, 277; Записки Михаловскаго (Россія, 1880, II, 359); Вяземскій, V, 54; Костомаровъ, Последніе годы Рѣчи Посполитой (Вѣстн. Евр., 1869, II, 187); Чтенія, 1865, II, 137; Nefftman, V, 387, 491, 493, 494, 507, 525; Соловьевъ, XXVII, 168, 198, 220, 325; XXVIII, 285, 294, 371, 375; Вантышъ-К., Слесаи, 297.

В. В.

¹⁾ Saldern, Biographie Peters des Dritten. Petersburg. 1800. Два года спустя появился французскій переводъ: Histoire de la vie de Pierre III. Francfort sur-le-Mein, 1802.

В. В.

LXXXIII. ФРЕДЕРИКСЪ.

Фредериксъ, простой купеческій парень изъ Архангельска, хорошо зналъ Орловыхъ, когда они были ничто. Когда Орловы возвысились, они составили также карьеру и своему другу. Благодаря имъ онъ сталъ барономъ и придворнымъ банкиромъ, получивъ возможность нажить невѣроятныя богатства. Такъ какъ онъ началъ менѣе, чѣмъ ни съ чѣмъ, т. е. съ долгами, то его богатства доказываютъ, что онъ имѣлъ большія финансовыя способности. Наиболѣе принесла ему первая турецкая война при Екатеринѣ. Во время этой войны онъ задалъ однажды праздникъ избраннику Орлову, на которомъ присутствовали придворные вельможи и дипломатическій корпусъ. По этому случаю, надъ дверьми въ столовую была сдѣлана надпись: «война насыщаетъ, миръ пожираетъ».

Фредериксъ умеръ въ 1780-хъ годахъ и оставилъ много сыновей и дочерей. Сыновья его прославились въ военной службѣ ¹⁾.

Примѣч. переводика. Иванъ Юрьевичъ Фредериксъ, † 1779. П. С. З. № 18,333, 18,376; А. Г. С. I, ч. 1, 330, 414; ч. 2, 617; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 365; XXIII, 135, 144, 160, 200, 281; XXVII, 107, 137; XLII, 345); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 161, 197, 379); Бумаги кн. Н. В. Репнина (Сборникъ, VI, 312, 313); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 507); Воронцовъ, V, 444; Письма Грима (Сборникъ, XXXIII, 113); Храповицкій, 376; Пикарь, XXII, 58; Долгоруковъ, II, 281, 321; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 358. В. В.

¹⁾ Андрей Ивановичъ, род. 1760 г., артиллеристъ, былъ адъютантомъ кн. Потемкина. В. В.

ЪХХХІV. ВЛОДИМІРОВЪ.

Влодиміровъ былъ сынъ русскаго купца, оставившаго ему приблизительно 50,000 рублей. Молодой человекъ началъ свою меркантильную карьеру при извѣстномъ богачѣ Демидовѣ. Онъ потомъ торговалъ за свой счетъ и женился на дочери своего бывшаго ховяина, за которою тоже получилъ большія богатства. Его торговля стала обширнѣе и прибыльнѣе. Долгое время, и еще въ началѣ царствованія Екатерины II, Влодиміровъ былъ единственный сахарный фабрикантъ въ Россіи. Умъ и удача настолько поддерживали его, что онъ, умирая, въ 1792 году, оставилъ состояніе болѣе, чѣмъ въ 13 милліоновъ рублей. Онъ завѣщалъ все свое огромное состояніе императрицѣ.

Князь Орловъ, покровительствовавшій одному придворному, который втерся въ зятя къ Влодимірову, причинилъ этому почтенному человеку много горя угрозами и такъ называемыми добрыми увѣщаніями. Эта дочь Влодимірова, единственное его дитя, вскорѣ умерла, не оставивъ дѣтей, такъ что зять не достигъ своей цѣли.

Примѣч. перевод. Федоръ Петровичъ Влодиміровъ. Вѣдомость фабрикъ и заводовъ въ Петербургѣ (Сборникъ, I, 367); Порошинъ, 492; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 207. В. В.

LXXXV. АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

Александръ Васильчиковъ, русскій дворянинъ изъ очень хорошей фамилии, былъ офицеромъ конной гвардіи, когда (на него обратили вниманіе при дворѣ). Во время отсутствія Орлова, лѣтомъ 1772 года, онъ занялъ во дворцѣ тѣ же комнаты, въ которыхъ жилъ Орловъ, и передъ его дверьми гренадеры дежурили день и ночь. Желая возвести его въ высшій рангъ, императрица пожаловала ему титулъ дежурнаго камергера и вскорѣ затѣмъ орденъ св. Александра Невского. Панинъ, Чернышевъ и Бяратинскій учили его искусству быть любимымъ и сохранять милость, и такъ какъ онъ былъ понятливъ, а императрица рада была отдѣлаться отъ Орлова, то Васильчиковъ чрезвычайно ей понравился.

Но воспитаніе и добрая воля лишь въ слабой степени и на короткое время могли возмѣстить недостатокъ природныхъ талантовъ. Съ трудомъ удержалъ Васильчиковъ милость императрицы не полные два года. Болѣе умный Потемкинъ протискался на его мѣсто..

Васильчиковъ былъ самый безкорыстный, самый любезный и самый скромный. Эти великія и столь рѣдкія добродѣтели заставили сожалѣть объ его отставкѣ. У Васильчикова не было завистниковъ, потому что онъ умѣренно пользовался своимъ вліяніемъ у императрицы. Онъ многимъ помогалъ и никому не вредилъ. Онъ мало заботился о личной выгодѣ и въ день отъѣзда въ Москву былъ въ томъ же чинѣ, какой императрица пожаловала ему въ первый же день своей милости. Она очень хвалила его умѣренность и старалась, съ свойственнымъ ей великодушіемъ, удѣлить ему то, чѣмъ пренебрегала его скромность.

Вскорѣ по удаленіи отъ двора онъ женился и былъ очень счастливъ.

Прим. переводчика. Александръ Семеновичъ Васильчиковъ П. С. З № 19,647; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 398; XXIII, 4); Письмо Васильчикова (Сборникъ, XIII, 397); Диплом. документы (Сборникъ, XIX, 405); Минигъ, 4; Russie, 268, 270, 273, 274, 280, 281, 376; Castega, II, 55, 88, 452; Лонгиновъ, Записка о домѣ Глазова (Архивъ, 1863, 456); Neumann, V, 670, 711; Бантышъ-Е., Списки, 226; Долгоруковъ, II, 97; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 327.

В. В.

ЛХХХVI. ГРИГОРІЙ ПОТЕМКИНЪ.

Говорятъ, будто опытность дѣлаетъ людей лучшими—это пустыя слова, которыя такъ же часто опровергаются, какъ и подтверждаются. Исторія Екатерины представляетъ блистательное доказательство, что это изрѣченіе можетъ быть и пустою фразою.

Было бы совершенно бесполезно сообщать о жизни и дѣяніяхъ Потемкина, такъ какъ большей части читающей публики извѣстна «Минерва» капитана Архенгольца. Къ ней мы и отсылаемъ нашихъ читателей. Если мы не ошибаемся, въ 1797, 1798 и 1799 годахъ этого драгоценнаго журнала они найдутъ извѣстія о Потемкинѣ-Таврическомъ, въ которыхъ все, что можно сообщить объ этомъ человѣкѣ, рассказано подробно и, по крайней мѣрѣ, вѣрно. Здѣсь мы лишь вскользь коснемся главнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни.

Григорій Потемкинъ, сынъ гарнизоннаго маюра въ отставкѣ ¹⁾, происходилъ изъ дворянской фамилии, польскаго собственно происхожденія. Она поселилась въ Россіи, но, какъ все русское дворянство,

¹⁾ Кто не знаетъ имени покорителя турокъ? Потемкинъ принесъ его въ жертву своей гордости, не честолюбія. Павелъ I воздвигъ ему на одной изъ площадей великолѣпный памятникъ въ видѣ обелиска. Онъ оставилъ трехъ символовъ. Николай и Сергій, какъ посланники въ Германію, не были столь знамениты, какъ теперь. Оба—люди большихъ познаній и считаются важными государственными людьми. Третій, Петръ, былъ уже, при смерти отца, генералъ-лейтенантомъ и служилъ съ честью.

никогда сама не имѣла значенія. Впервые только этому Потемкину, о которомъ идетъ рѣчь, суждено было сдѣлать свою фамилію знаменитою. Онъ родился въ сентябрѣ 1736 г., близъ Смоленска, и получилъ самое простое образованіе. Сперва его предназначали къ духовному званію, но, замѣтивъ въ немъ военныя способности, послали въ Петербургъ и опредѣлили въ конную гвардію.

При переворотѣ 1762 года онъ былъ вахмистромъ и одинъ изъ тѣхъ, кого сманили въ пользу императрицы. Послѣ революціи онъ сталъ офицеромъ и камеръ-юнкеромъ и посланъ былъ въ Швецію съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ новой повелительницы. По возвращеніи, онъ находился нѣкоторое время при дворѣ и составилъ себѣ планъ сдѣлаться избранникомъ. Орловы воспротивились этому плану и послали его въ армію. Здѣсь онъ былъ до того бесполезенъ, что графъ Румянцевъ ¹⁾ воспользовался первымъ же случаемъ, чтобъ послать его въ Петербургъ съ какииъ-то важнымъ извѣстіемъ.

Тѣмъ не менѣе, вплоть до 1791 года онъ оставался главнымъ двигателемъ русской государственной машины. Его жизнь за это время представляетъ богатый матеріалъ для исторіи. Онъ былъ самымъ важнымъ человѣкомъ въ имперіи, въ кабинетѣ, на войнѣ, при дворѣ и даже въ частной жизни государыни. Какъ ни обширны и ни своеобразны примѣры исторіи, все же въ ней встрѣчается мало выскочекъ, которые съ такими слабыми средствами, какъ у Потемкина, восходили бы на такую высокую ступень счастья, на которой онъ стоялъ. Вся Россія и сосѣднія государства должны были трепетать при страшной мысли, что судьба цѣлыхъ поколѣній зависить отъ каприза этого человѣка.

Блестящее прозвище Таврическаго получилъ онъ отъ завладѣнія Крымомъ въ 1783 г., причѣмъ было воскрешено древнее наименованіе полуострова Тавридой. Онъ помогалъ при начертаніи плана этого предпріятія, но исполненіе его—предоставилъ другимъ.

Князь Потемкинъ-Таврическій умеръ въ октябрѣ 1791 г., не отъ яда, какъ утверждали нѣкоторые, но отъ изнурительной болѣзни, бывшей послѣдствіемъ его безпорядочной жизни; умеръ на дорогѣ, на травѣ, направляясь изъ Молдавіи къ Очакову ²⁾.

И по смерти Потемкина прославлялась его память. При торжествѣ по случаю турецкаго мира, въ сенатѣ было изготовлено, по повелѣнію императрицы, похвальное ему слово, которое хранится въ

¹⁾ Мать кн. Потемкина (Русск. Старина, 1871, III, 40).

В. В.

²⁾ Донесеніе о смерти кн. Потемкина (Архивъ, 1878, I, 20); Манифестъ о смерти Потемкина (Архивъ, 1862, I, 173); Письмо гр. Эстергази (Осмнадц. вѣкъ, I, 357); Кончина кн. Потемкина (Русск. Стар., 1870, II, 129). В. В.

херсонской соборной церкви, въ серебряномъ ларцѣ. Въ этой же церкви воздвигнуть ему памятникъ ¹⁾ и въ ризницѣ поставлено его изображеніе. Въ честь его была выбита монета.

Неизвѣстно, по какому капризу Потемкинъ лишь въ старости позволилъ снять съ себя портретъ ²⁾. Въ 1789 году только далъ онъ сеансы русскому художнику, который написалъ его слишкомъ молодымъ, и слишкомъ польстилъ ему. Этотъ портретъ виситъ въ армитажѣ; позже, онъ былъ вырѣзанъ на мѣди. Въ частныхъ коллекціяхъ находятся, однако, его портреты, весьма схожіе.

Прим. переводчика. Григорій Александровичъ Потемкинъ, 1739—1791. П. С. З., № 14,552, 14,879, 15,379, 15,397, 15,479, 15,920, 15,929, А. Г. С., I, ч. 1, 62, 301, 454, 496, 898; ч. 2, 25; Секретные рескрипты Екатерины II (Архивъ, 1874, II, 225); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 110, 113, 317; XIII, 416, 432; XXIII, 4, 6, 9, 84, 89, 317, 392, 421, 467, 497, 561; XXVII, 18, 26, 50, 59, 77, 89, 125, 137, 179, 186, 264, 271, 428, 536, 537; XLII, 2; XLVII, 191, 203; Чтенія, 1862, I, 173); Записка императрицы на докладъ Потемкина (Архивъ, 1876, I, 70); Выговоръ Потемкину („Русск. Старина“, 1872, V, 142); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 284, 307, 316, 351, 367, 372); Письма Екатерины II („Русск. Старина“, 1871, III, 479; 1875, XIV, 445; 1876, XVI, 33); Записочки Екатерины (Архивъ, 1875, III, 253); Письма Потемкина (Архивъ, 1870, 549; 1873, 1685; 1878, I, 20; 1884, II, 5; Чтенія, 1862, III, 349; „Русск. Старина“, 1873, VIII, 727; 1878, XXIII, 716; Библиогр. Зап., III, 351; Воронцовъ, XXVI, 345; Донская газета, 1875, № 41; Сборникъ XLII, 6); Приказы по войскамъ („Русск. Старина“, 1873, VIII, 722); Записки Потемкина: объ овладѣніи Дарданелами („Русск. Старина“, 1878; XXII, 453); о лѣсной битвѣ на Сунжѣ (Воронцовъ, XXVI, 251); объ одеждѣ и вооруженіи войскъ (Кашпиревъ, III, 311); о казацкомъ войскѣ (Истор. Вѣстн., 1882, XIII, 224); Канонъ Спасителю (Архивъ, 1881, II, 17); Записки о старообрядцахъ (Архивъ, 1860, IV, 287); Письмо Суворова (Архивъ, 1866, 929); Письма Румянцева („Русск. Старина“, 1873, VIII, 720); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 287, 290, 374, 398, 416, 425, 477; XXIX, 515, 520, 528, 533, 548); Письма Сегюра (Историч. Вѣстн., 1880, III, 193); Воронцовъ, V, 2, 402, 475; VIII, 38, 41, 53; IX, 26, 78, 102, 118, 175; X, 473, 479; XIII, 163, 171, 211, 222, 245, 334; XIV, 242, 262; XIX, 150; XX, 23; XXI, 163, 232, 261; XXVI, 476, 480; Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 274, 277, 348, 434); Дипломат. документы (Сборникъ XIX, 406, 413, 415, 471, 506, 510, 514); Лордъ Мальмсбюри о Рос-

¹⁾ Шугуровъ, Гробница вн. Потемкина (Архивъ, 1867, 203); Могила вн. Потемкина (Россія, 187, IV, 804). В. В.

²⁾ Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II. Спб. 1873, 89. В. В.

сія (Архивъ, 1874, II, 152, 161, 176, 393, 616, 872); Бомсія Уложенія (Сборникъ VIII, 47; XXXVI, 156); Храповицкій, 9, 10, 82, 34, 107, 228, 377, 389, 394, 397, 561; Гарновскій, XV, 241, 243, 263, 474; Ségur, I, 347, 358; II, 13, 52, 67, 85, 90, 103, 104, 135, 137, 142; Castéra, I, 246; II, 137, 147, 158, 174, 238, 266, 277, 298, 305, 313, 359, 377; 390, 453; Добрынинъ, IV, 111, 114; Щербатовъ, III, 678; Тьебо, XXIII, 582, 588; Пикарь, XXII, 52; Виже-Лебренъ, 192; Энгельгардтъ, 22, 39, 40, 55, 97, 104, 114, 123; Записки вн. Голицына (Архивъ, 1874, 1281); Державинъ, 458, 522, 529, 547, 597, 617, 621, 625, 671; Masson, 102, 434; Rulhière, IV, 419; Russie, 280, 283, 285, 286, 288, 290, 293, 299, 300, 303, 304, 306, 309, 317, 322, 324, 325, 326, 330, 331, 333, 334, 337, 339, 340, 345, 349, 350, 351, 352, 356, 361, 376, 379; Отъѣвъ А. Орлова. (Архивъ, 1866, 597); Записки шведскаго дворянина (Россія, XI, 526); Болотовъ, IV, 266, 864, III, 812; Карабановъ, V, 463; Отъѣвъ Заводскаго (Архивъ, 1883, II, 125); Отъѣвъ Де-Парело (Архивъ, 1875, II, 115; Сборникъ, XXVII, 311); Дмитриевъ, 24, 27, 36, 153; Приношеніе Потемкина (Архивъ, 1873, 2317); Потемкинскій храмъ (Архивъ, 1882, II, 91); Рассказы о Потемкинѣ („Русск. Старина“, 1873, VII, 262; 1874, X, 153); Шубинскій, Собраніе анекдотовъ о Потемкинѣ, Сиб. 1867; Бюлеръ, Черты изъ жизни Потемкина (Россія, 1875, III, 334); Dolm, Русскій дворъ (Россія, 1879, III, 85); Жертва ревности Потемкина (Архивъ, 1884, I, 273); Гр. Самойловъ, Жизнь и дѣянія Потемкина (Архивъ, 1867, 575); Князь Потемкинъ („Русск. Старина“, 1875, XII, 481); Д., Потемкинъ („Русск. Старина“, 1878, XXII, 331); Надеждинъ, Свѣтлѣйшій вн. Потемкинъ-Таврической, Одесса, 1839; Кн. Потемкинъ-Таврической, Сиб., 1864; Жизнь, свойства и т. д. вн. Потемкина, Сиб. 1805; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 139; II, 102, 104, 106; Бантышъ-К., Словарь, IV, 196; Списки, 117, 223, 310; Долгоруковъ, II, 317; Карабановъ-Долгоруковъ, 110, 116, 150, 184, 195; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 304, 311, 362; Соловьевъ, Европа въ концѣ XVIII вѣка (Русск. Вѣстн., 1862, XXXIX, 443); Александровъ, О взмсканіи казенныхъ денегъ съ наследниковъ Потемкина (Архивъ, 1873, 2,322); Корсаковъ, Ф. Е. Секретаревъ (Архивъ, 1882, I, 164); Кн. Оболенскій, Русская типографія въ Парижѣ въ 1790 г. (Библиогр. Зап., I, 155); Taugische Reise der Kaiserin. Catharina II, Кобленцъ, 1799, 166; Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 378; Андреевъ, Представители власти послѣ Петра, 195; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 718; Кн. Потемкинъ и старообрядцы (Чтенія, 1860, IV, 287); Проза Пушкина (Библиогр. Зап. II, 137); Reimers, I, 377; Лонгиновъ, Петербургскіе дворцы (Архивъ, 1873, XLIX); Гротъ, Жаны-Фазы при дворѣ Екатерины II („Русск. Старина“, 1875, XIV, 589); Вяземскій, V, 72, 141; Потемкинскій праздникъ (Москвитянинъ, 1852, № 3); Карновичъ, Герцогиня Княгиня (Русск. Старина“, 1877, XVIII, 99); Пикарьскій, Ист. акад. наукъ, I, 397, 399; Neumann, V, 674; VI, 162, 404, 412, 453; VII, 102, 103, 106, 108, 111, 608, 615, 632, 637, 639, 643, 648, 650, 651, 652, 654, 656; Russica, II, 683.

В. В.

LXXXVII. ТУРЧАНИНОВЪ.

Турчаниновъ ¹⁾, выкрещенный еврей, имѣлъ возможность приобрести весьма полезныя свѣдѣнія и изучить языки. Онъ былъ дѣльный человекъ и таковымъ былъ рекомендованъ князю Потемкину, который взялъ его къ себѣ въ секретари. Отъ него онъ перешелъ на службу къ императрицѣ, которая давала ему, мало по малу, все высшія должности. Сперва она сдѣлала его кабинетъ-секретаремъ ²⁾, потомъ, въ 1793 году, директоромъ строительной конторы и императорскихъ дворцовъ и садовъ, подъ начальствомъ Бецкаго, и, наконецъ, кабинетъ-министромъ ³⁾. Онъ вышелъ въ отставку еще до смерти императрицы Екатерины II и жилъ съ доходовъ своихъ весьма значительныхъ имѣній.

Онъ и теперь еще, вѣроятно, живъ.

Въ 1799 году онъ былъ генераль-лейтенантъ и кавалеръ ордена св. Анны.

Женою Турчанинова была дочь генераль-фельдмаршала графа

¹⁾ Въ Россіи есть также дворянская фамилія Турчаниновыхъ. Отъ нея-то, не знаемъ по какому поводу, этотъ выскочка заимствовалъ свою фамилію.

²⁾ Кругъ вѣдѣнія кабинетъ-секретарей Екатерины II, которыхъ всегда было мно о, былъ весьма обширенъ. Они находились подъ начальствомъ самой императрицы, изготовляли всѣ императорскія повелѣнія въ сенатъ, генераль-губернаторамъ провинцій, въ военную коллегію, въ адмиралтейство, всѣ такъ называемые именныя указы отдѣльнымъ лицамъ; они присутствовали въ высшемъ совѣтѣ, вели въ немъ протоколы и направляли повелѣнія императрицы по заключеніямъ совѣта; наконецъ, они писали проекты всѣхъ писемъ государыни, писанныхъ иностраннымъ государямъ и другимъ лицамъ. Таковы государственныя и политическія дѣла, которыми они завѣдывали; но, сверхъ того, они должны были, если обладали требовавшимися для того способностями, принимать на себя, вмѣстѣ съ другими, опредѣленными къ тому лицами, литературныя занятія. Между прочимъ, на ихъ обязанности лежало исправлять литературныя труды государыни.

³⁾ Кабинетъ министры вѣдали доходы и расходы частной кассы государыни и всѣ сопряженныя съ этимъ дѣла.

фонъ-Эльмпта ¹⁾). Она жила придворною дамою императрицы Екатерины II и извѣстна своею остроумною и любезною бесѣдою. Ее и г-жу Дивову ²⁾ заподозрили, въ половинѣ 1780-хъ годовъ, въ томъ, что онѣ участвовали въ составленіи карикатуръ и пасквилей, которые тогда появились на многихъ придворныхъ особъ, преимущественно же на князя Потемкина.

Прим. переводчика. Петръ Ивановичъ Турчаниновъ. П. С. З. № 18,333; А. Г. С., I, ч. I, 691, 791, 896; Бумаги Екатерины I (Сборникъ, XXVII, 193, 478, 480, 537, XLII, 16, 241, 407, 426); Мѣсяцесловъ на 1789 годъ, 11; Сборникъ, I, 295, 384; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 429, 499); Воронцовъ, VIII, 41; XIII, 257, 354; Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Стар.“, 1876, XVII, 424); Храповицкій, 66, 340, 358, 431; Гарновскій, XVI, 4, 238, 415, 418; Masson, 283; Пикарь, XXII, 58; Карабановъ, IV, 393; V, 770; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 600; Языкъ любви (Старина, 1881, XXXI, 499); Соч. Державина, изд. Грота, IX, 741; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 564); Турчаниновъ (Архивъ, 1865, 441); Вантмишъ-К., Списки, 328; Сантовъ, 134. В. В.

ЛXXXVIII. МИХЕЛЬСОНЪ.

Михельсонъ былъ, говорятъ, сынъ столяра на о. Эзелѣ.

Онъ вступилъ въ военную службу, былъ поддерживаемъ своими соотечественниками и, такимъ образомъ, скоро сталъ офицеромъ. Онъ всегда отличался военными способностями и лично храбростью. Къ тому же онъ былъ очень красивъ, что ему снискало высшія милости; ему было довольно легко занять весьма скоро важныя должности въ арміи.

Уже въ первую войну онъ доказалъ свои военные таланты и былъ за то произведенъ въ полковники.

Но гораздо большую славу стяжалъ онъ во время возстанія Пугачева ³⁾. Въ тотъ моментъ, когда этотъ возмутитель осадилъ Казань, Михельсонъ поспѣшилъ на помощь обложенному городу. Но Пугачевъ не считалъ удобнымъ дожидаться его. Онъ снялъ осаду и хотѣлъ бѣжать. Михельсонъ преслѣдовалъ его, настигъ черезъ нѣсколько

¹⁾ Софья Ивановна, рожд. баронесса Эльмптъ (позже графъ, Иванъ Карловичъ). Mémoires de M-me Tourtschaninoff, née comtesse d'Elmpt. Berlin, 1816.

В. В.

²⁾ Г-жа Дивова, рожденная графини Бутурлина—та самая, которая въ послѣднее время провела нѣсколько лѣтъ въ Германіи и Франціи, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и сыновьями. Ея мать была, въ началѣ 1754 года, большою подругою великой княгини Екатерины.

³⁾ Бунтовщикъ Пугачевъ казненъ въ Москвѣ 24-го января 1774 года.

дней и разбилъ совершенно корпусъ бунтовщиковъ. Самъ Пугачевъ едва спасся во главѣ нѣсколькихъ сотенъ своихъ храбрыхъ приверженцевъ. Вскорѣ затѣмъ Михельсонъ отрѣзалъ подвозъ провіанта къ арміи бунтовщиковъ и, наконецъ, напалъ на нихъ. Они были обезсилены трудностями похода, голодомъ и малодушіемъ; должно быть ихъ много легло на мѣстѣ. Самъ же Пугачевъ опять бѣжалъ и поплылъ, какъ и въ первый разъ, по Волгѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ схваченъ.

Въ концѣ 1780-хъ и въ началѣ 1790-хъ годовъ, во время войны Россіи со Швеціею, Михельсонъ, командовавшій корпусомъ въ Финляндіи, имѣлъ мало случаевъ отличиться. Но какъ только такіе случаи представлялись, онъ пользовался ими старательно и счастливо.

Великодушная императрица и теперь также щедро наградила его, какъ послѣ первой турецкой войны и усмиренія Пугачева.

Даже въ глубокой старости мужество не покидало его. Въ 1807 г. онъ предводительствовалъ арміею, предназначавшеюся противъ османовъ. Въ этомъ походѣ Михельсонъ и умеръ, на 79 году. Его тѣло погребено въ Бухарестѣ.

Михельсонъ былъ генераль-аншефъ и кавалеръ важнѣйшихъ русскихъ орденовъ.

Примѣч. переводч. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, 1740—1807. П. С. З., № 17,606, 18,398, 18,404, 18,928, 19,439, 19,652, 19,668; А. Г. С. I, ч. 1, 51, 573, 577, 590, 700, 703; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 414; XXIII, 476; XXVII, 11, 404, 504; XLII, 16); Финанс. документы (Сборн., XXVIII, 337); Списовъ воинск. департ. на 1787 г., 21; Письма Михельсона („Русск. Стар.“, 1877, XX, 668); Письма Екатерины (Архивъ, 1866, 388); Воронцовъ, XIII, 165; XIX, 155; Бумаги Репнина (Сборникъ, XVI, 452, 508); Письма Бябикова („Р. Ст.“, 1873, VIII, 888); Письма Михельсону (Архивъ, 1873, II, 2,234); Письма Волконскаго (Осмнадц. вѣтъ, I, 119, 124, 126); Письма Безбородко (Сборникъ, XVI, 414, 445; XXIX, 531); Дипломат. документы (Сборникъ, XIX, 434); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Р. Ст.“, 1876, XVII, 28, 29); Бумаги Панина (Сборникъ, VI, 90, 99); Храповицкій, 18, 73; Державинъ, 488, 501, 508; Castéra, II, 127, 130, 352; Гарновскій, XV, 709; XVI, 11; Энгельгардъ, 104; Ségur, I, 346; II, 122, 157; Claussen, 103; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 166, 177; Бантшъ-К., Словарь, II, 425; III, 350; Списки, 227; Семейскій, 234; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 700; Ореусъ, Михельсонъ, побѣдитель Пугачева („Р. Ст.“, 1876, XV, 192); Гротъ, Матеріалы для исторіи пугачевского бунта (Зап. акад. наукъ, 1862, I); Эпистола къ защитнику Казани (Державинъ, изд. Грота, III, 311); Зиновьевъ, Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе, Москва, 1807; Russica, I, 345. В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕКАТЕРИНА II ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ШВЕДЦЕЮ

Письма и повелѣнія графу В. П. Шусту-Пушкину

1788—1789 гг.

Скоро исполнится столѣтіе, какъ Екатерина II воевала въ Финляндіи и въ Ботническомъ заливѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III. Война длилась болѣе двухъ лѣтъ—съ весны 1788 г. по осень 1790 года—и во все это время императрица принимала въ ней самое живое, можно даже сказать, непосредственное участіе. «Pétersbourg a l'air dans ce moment d'une place d'armes—писала она 19-го іюля 1788 года—et moi même je suis comme au quartier général; въ день баталіи морской 6-го іюля духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ; ainsi, mon ami, j'ai aussi senti la poudre» ¹⁾).

Екатерина не преувеличивала. Не смотря на лѣтнее время, она переѣхала въ городъ, «чтобъ людей ободрить»; въ Петербургъ отовсюду стекались нестройныя толпы новобранцевъ и здѣсь, на площадяхъ, на-скоро обучались военному дѣлу; Кронштадтъ снѣжно укрѣпился французскими инженерами; у Красной горки былъ выставленъ лагерь гвардейскій отрядъ подъ командою генералъ-маіора Н. А. Татищева; «при надобности», сама императрица предполагала идти «съ гвардіею въ лагерь при Осиновой рощѣ», и теперь, впервые, Екатерина II готова была признать за ошибку величайшее изъ твореній своего великаго предшественника, съ грустью заявляя: «Правду сказать, Петръ I-й близко сдѣлалъ столицу».

Всѣ эти мѣры были вовсе не напрасны. Густавъ III открыто

¹⁾ Петербургъ имѣетъ теперь видъ военнаго лагеря, и я сама какъ бы въ главной квартирѣ... и такъ, другъ мой, я также нюхала порохъ.

заявлялъ, что «намѣренъ взять Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, идучи прямо на Петербургъ». При отъѣздѣ на войну, король говорилъ провожавшимъ его стокгольмскимъ «дамамъ, что онъ надѣется дать имъ завтракъ въ Петергофѣ»; официально было дано знать русскому главнокомандующему, что шведскій король предполагалъ «сдѣлать десантъ на Красной горкѣ, выжечь Кронштадтъ, ядти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I-го».

Шведская война 1788—90 годовъ имѣетъ для насъ большое значеніе. Ни Екатерина II, ни Густавъ III не предполагали, конечно, что этой войной совершался одинъ изъ моментовъ историческаго пути, указаннаго Петромъ В.—расширеніе государственныхъ предѣловъ на юго и сѣверо-западъ отъ «окна въ Европу» для пріобщенія русскаго народа западно-европейской цивилизаціи. Густавъ III, долго и много готовившійся къ вторженію въ Россію, видѣлъ въ этой войнѣ удобный случай сломить оппозицію государственныхъ чиновъ и народа для установленія самодержавія въ Швеціи; Екатерина II, застигнутая врасплохъ настолько, что полкамъ, отправлявшимся въ Финляндію, на театръ войны, «велѣно ѣхать на почтовыхъ» — только вопросъ чести и потому она, «буде бы нужда потребовала, то въ послѣднемъ баталіонѣ-каре сама бы голову положила». Война, казалось, кончилась ничѣмъ: по статьѣ 2-й мирнаго договора, заключеннаго въ Верельской долинѣ, «рубежи и границы съ обѣихъ сторонъ останутся на томъ основаніи, какъ были они до разрыва, или до начатія нынѣшней войны»; между тѣмъ, результаты ея сказались поздне и полны высокаго значенія. Этой войной раскрылись вполне: для шведовъ — автократическое стремленіе ихъ государя, и уже 5 марта 1792 года Густавъ III былъ пристрѣленъ въ Стокгольмѣ, въ маскарадѣ; для русскихъ—желаніе финновъ сохранить свои права отъ посягательства шведскаго самодержавія, и Финляндія вскорѣ была присоединена къ Россіи.

Эта война полна драматическаго интереса, не лишенаго притомъ и комическаго элемента. Она открылась почти невѣроятною буффонадой—переодѣваніемъ чухонскихъ крестьянъ въ русскіхъ солдатъ, и окончилась довольно водевильнымъ кормленіемъ шведскаго короля, запертаго въ выборгской бухтѣ; рядомъ съ невозможною просьбою къ врагу отступить, при обѣщаніи не преслѣдовать его, мы встрѣчаемся съ депутаціею отъ враждебнаго лагеря, измѣняющею своему королю; предъ нами проходятъ, какъ въ калейдоскопѣ, избалованные гвардейцы и дикіе башкиры, не выдавшіе моря матросы и боящіеся пушекъ артиллеристы, придворный «петиметръ» Мусниъ-Пушкинъ и величавая фигура адмирала Чичагова съ его знаменитымъ «Богъ

милостивъ, не проглотятъ», «негодяй» Роберти, сдавшій Балтійскій портъ, и нишлотскій комендантъ однорукой Кузьминъ, отвѣчавшій на требованіе отворить ворота: «радъ бы отворить, но у меня одна только рука, да и въ той шпага»; тутъ предприимчивый Грейгъ и отважный Нассау-Зигенъ, храбрый Михельсонъ и трусъ Левашевъ, патріотъ Спренгпортенъ и измѣнникъ Гастферъ, тутъ, наконецъ, и великій князь Павелъ Петровичъ, охраняемый Б. О. Кноррингомъ отъ малѣйшаго пониманія, что вокругъ его происходитъ...

Этотъ интересный эпизодъ шведско-русскаго столкновенія ожидаетъ еще своего историка; исторія войны 1788—90 годовъ еще не написана. Менѣе всего это можетъ быть приписано недостатку матеріаловъ. Со времени объявленія войны, Екатерина II запретила говорить «на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ» ¹⁾ о военныхъ распоряженіяхъ, но не писать. Реляціи, получавшіяся съ театра войны, своевременно помѣщались въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» и, вслѣдъ за верельскимъ миромъ, были изданы особою книгою ²⁾; въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, въ іюлѣ 1788 года, извѣстный историческій писатель кн. М. М. Щербатовъ написалъ свое мнѣніе о ней ³⁾; въ самый разгаръ войны было издано «Письмо его королевско-шведскому величеству» принца Нассау-Зигенъ ⁴⁾. Въ настоящее время издано много писемъ Екатерины II къ князю Потемкину, принцу Нассау-Зигенъ и др. лицамъ ⁵⁾; письма эти писаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ «шведскаго конфликта» и хранятъ на себѣ живые слѣды не только заботъ и тревогъ, даже думъ и мечтаній императрицы; изданъ журналъ адмирала Грейга о дѣйствіяхъ флота въ 1788 г. ⁶⁾ и записки адмирала Чичагова о 1789 и 90 годахъ ⁷⁾,

¹⁾ П. С. З., № 16,663.

²⁾ Собраніе всѣхъ, помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ обвѣхъ столицъ, съ 1788 по 1790 годъ влючительно, реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей Россійской имперіи. Часть II, содержащая въ себѣ реляціи о дѣйствіяхъ противъ шведовъ, съ самаго начала войны по заключеніе мира въ 1790 г., и ратификацію мирнаго договора. Москва, 1791.

³⁾ „Отвѣтъ на вопросъ, что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію швецкія войны и прочемъ, тому подобномъ? Чтенія общества исторіи и древностей рос., 1860, I, стр. 73—80.

⁴⁾ Lettre à S. M. le roi de Suède et réfutation de la relation qui lui est attribuée, de la bataille navale entre la flotte suédoise et russe. St. Petersburg, 1789.

⁵⁾ Сборникъ русскаго историческаго общества, I, 207—214; XXVII, 481—537; XLII, 6—110.

⁶⁾ „Сѣверный Архивъ“, 1823, VIII.

⁷⁾ Дѣйствія русскаго корабельнаго флота, изъ записокъ адм. Чичагова, «Отечеств. Записки», 1825. В. В.

донесенія о военных дѣйствіяхъ на сушѣ въ 1789 г. ¹⁾ и различныя бумаги гр. Мусина-Пушкина, гр. Чернышева, генерала Тучкова и др. ²⁾. Когда уже миръ былъ заключенъ и императрица, съ улыбкою, выслушивала льстивыя рѣчи сената, тотъ же правдивый князь М. М. Щербатовъ составилъ «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную ея императорскому величеству оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ по причинѣ торжества шведскаго мира, 1790 г., сентября 5 числа» ³⁾. Эти русскіе матеріалы могутъ быть дополнены и провѣрены матеріалами иностранными, въ которыхъ также нѣтъ недостатка—мемуарами графа Стединга и записками принца Карла гессенскаго ⁴⁾ прежде всего; труды же Горста и Поссельта, панегиристовъ Густава III, и Исторія Аквилы ⁵⁾, ненавистника Екатерины II и Россіи, могутъ предостеречь отъ увлеченій и ошибокъ. Мелкихъ статей и монографій, касающихся шведско-русской войны, также не мало.

Не смотря на такое обиліе изданныхъ уже матеріаловъ, историческая литература ни въ Швеціи, ни въ Россіи ⁶⁾ не представила

¹⁾ „Сѣверный Архивъ“, 1823, VIII.

²⁾ Соколовъ, Дѣйствія русскаго флота противъ шведовъ, «Морской Сборникъ».

³⁾ Чтенія общества исторіи и древностей росе., 1860, III, 41—49.

⁴⁾ Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk, rédigés sur des lettres, dépêches et autres pièces authentiques par le général comte de Bjornsterna. Paris, 1844.—Denkwürdigkeiten des Feldzugs gegen Schweden im Jahre 1788 von dem Prinzen Carl von Hessen. Leipzig, 1789. Труды Бракеля, Ларссона, Горда, Германсона и др. важны, какъ свидѣтельства очевидцевъ или дѣйствующихъ лицъ.

⁵⁾ Horst, Geschichte des letzten schwedisch russischen Krieges. Frankfurt, 1792.—Posselt, Geschichte Gustavs III, Karlsruhe, 1792.—D'Aquila, Histoire des événements mémorables du règne de Gustave III, Paris, 1807. В. В.

⁶⁾ „Война Россіи съ Швеціей въ 1788—90 годахъ“, проф. Бригнера—трудъ весьма почтенный и, какъ все, выходящее изъ-подъ пера его автора, тщательно составленный. Къ сожалѣнію, на его трудѣ отразилось слишкомъ большое вліяніе иностранныхъ сочиненій объ этой войнѣ. Приводимъ, только для примѣра, разсужденіе его о результатѣ боя 19 апрѣля 1790 года: „Въ русскомъ донесеніи говорится, что убито 6 офицеровъ и 194 солдата, а ранено 16 офицеровъ и 285 солдатъ. Однако, мы имѣемъ основаніе думать, что потеря русскихъ была нѣсколько значительнѣе, чѣмъ показано въ официальномъ донесеніи Салтыкова. Храповицкій замѣчаетъ 25 апрѣля: по извѣстію обстоятельному, въ дѣлѣ принца Ангальта убитыхъ и раненыхъ 503“. Сочтемъ же цифры: $6+194+16+285=501$, т. е. громкое „мы имѣемъ основаніе думать“ основывается на разницѣ въ двухъ единицахъ, изъ которыхъ одна должна быть отнесена на счетъ г. Бригнера: въ донесеніи гр. И. П. Салтыкова раненыхъ офицеровъ показано 17, а не 16. Можно ли, вслѣдствіе разницы въ одну единицу, „имѣть основаніе думать“, что

еще полной картины шведско-русской войны 1788—90 годовъ¹⁾. Мы были бы очень счастливы, если-бъ помѣщаемые ниже указы, рескрипты, письма и записки императрицы Екатерины II главнокомандовавшему финляндскою арміею противъ шведовъ, графу В. П. Мусияну-Пушкину (1735—1804), послужили предлогомъ для восполненія такого недостатка.

Графу Валентину Платоновичу было четыре года, когда его отецъ, графъ Платонъ Ивановичъ, дипломатическія способности котораго умѣлъ цѣнить Петръ В., былъ сосланъ герцогомъ Бирономъ, въ 1739 году, въ соловецкій монастырь, въ заточеніе. По роду, богатству и связямъ, юный графъ, сирота при живомъ отцѣ, былъ записанъ въ гвардію и первое крещеніе огнемъ и мечемъ получилъ за предѣлами Россіи, въ семилѣтнюю войну. Въ чинѣ секундъ-ротмистра конной гвардіи онъ принималъ участіе въ переворотѣ 1762 г., за что и былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и шестью стами душъ въ Муромскомъ уѣздѣ. Въ первую турецкую войну онъ находился въ Крыму, въ арміи кн. В. М. Долгорукова, и въ 1771 году получилъ «за отличную храбрость» ордена св. Анны и св. Георгія 3-й степени. Гр. В. П. Мусиянъ-Пушкинъ былъ уже генераль-маюромъ, когда вспыхнулъ пугачевскій бунтъ и онъ, по требованію воронежскаго губернатора, явился изъ Крыма съ отрядомъ въ 20 эскадроновъ карабинеровъ, гусаровъ и драгунъ, который вскорѣ былъ раздѣленъ на мелкія части, получившія различное назначеніе, при чемъ самъ графъ Мусиянъ-Пушкинъ принималъ довольно незначительное участіе въ защитѣ Воронежской губерніи отъ нестройныхъ полчищъ Пугачева. Въ 1775 г., въ день празднованія мира съ Турціею, гр. Мусиянъ-Пушкинъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ чинѣ генераль-поручика онъ состоялъ главнокомандующимъ дивизіею, расположенною въ Бѣлоруссіи, гдѣ, равнымъ образомъ, не проявилъ никакихъ военныхъ способностей. Въ 1783 г. онъ былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, на мѣсто Н. И. Салтыкова; «il m'a paru fort content de tout cela», говоритъ императрица. Надо полагать, что и великій князь остался этимъ «весьма доволенъ». 4-го января 1788 года, составляя свое духовное завѣщаніе, Павелъ Петровичъ назначилъ гр. Мусияну-Пушкину андреевскую кованую серебряную звѣзду, которую «всегда носилъ». Въ это время гр. Мусиянъ-Пушкинъ былъ уже генераль-аншефомъ и, по отъѣздѣ кн. Потемкина изъ Петербурга, назначенъ

русскія донесенія не вѣрны? Можно-ли донесенія Салтыкова провѣрять дневникомъ Храповицкаго, который основывался на донесеніи же Салтыкова?

В. В.

¹⁾ Прекрасныя лекціи В. Головачева — „Дѣйствія русскаго флота въ войну со шведами“. С.-Петербургъ, 1871—не касаются дѣйствій сухопутныхъ силъ.

В. В.

вице-президентомъ военной коллегіи. 1786 годъ ознаменовался для гр. В. П. Мусина-Пушкина двумя обстоятельствами: онъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и былъ сопричисленъ къ разряду «сущихъ болвановъ». Вотъ какъ сама императрица писала объ этомъ князю Потемкину:

„Репнинъ сюда прѣхалъ и сталъ хуже старой бабы, вздумалъ въ Егорьевской думѣ заражать сумнѣніемъ первый корпусъ арміи, гвардіи которой я полковникъ, а онъ дуракъ за честь почитать долженъ, что подполковникъ. Почитать-ли тотъ корпусъ и инженерной за военный, съ тѣмъ пришелъ словесно мнѣ доложить. Je l'ai remboursé comme vous rouvez croire (я ему намылила голову, какъ вы можете представить); но какъ я думала, что ушамъ своимъ едва могу-ли вѣрить и не ослышалась-ли я, то требовала, чтобъ о томъ подавъ записку, и онъ оную подавъ. Что же мудренѣе всего, что въ той же думѣ сидѣли вице-президентъ военной коллегіи и три маіора гвардіи, аки сущіе болваны, и не единой вопреки не растворилъ уста, то-то люди: ниже муху съ носу не соняютъ. J'ai été fâchée comme un démon de cette absurdité (я, какъ чортъ, была раздосадована этою нелѣпностью); тотъ постытъ, а они вихаютъ“.

И этого-то «сущаго болвана» избрала Екатерина II главнокомандующимъ финляндскою арміею противъ шведовъ. Выборъ этотъ былъ сдѣланъ не безъ колебаній, и не въ защиту, конечно, но въ объясненіе его можно лишь сказать, что выбирать было не изъ кого: всѣ боевые генералы—гр. Румянцевъ-Задунайскій, князь Долгоруковъ-Крымскій, Суворовъ, кн. Репнинъ—были на югѣ, въ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. Изъ оставшихся дѣйствительно трудно было выбрать: графъ Я. А. Брюсъ—«не имѣеть головы» и «какъ дураку, который неудачу имѣлъ, гдѣ былъ, вѣрить такую важную часть»; графъ Ѡ. Е. Ангальтъ—«вздумалъ дурачиться» и «мы почти въ ссорѣ»; графъ И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ»; П. И. Салтыковъ—нуженъ «сидѣть въ военной коллегіи до возвращенія президента или вице-президента». Даже въ генераль-маіорахъ чувствовался недостатокъ и приходилось звать изъ Москвы «отставныхъ или неслужащихъ». Тѣмъ не менѣе должно признать, что выборъ графа В. П. Мусина-Пушкина въ главнокомандующіе былъ во всѣхъ отношеніяхъ неудаченъ. Екатерина II скоро убѣдилась въ этомъ. Уже въ сентябрѣ 1788 г. онъ оказался «вялъ и непредпримчивъ»; годъ спустя—«онъ каналья, pardonnez le terme». Вотъ рядъ отзывовъ императрицы о гр. Мусинѣ-Пушкинѣ, высказанныхъ во время шведской войны:

6 сентября 1788 г. „Изъ Гекфорса и Кюменегграда шведы вышли, но по сейчасъ Пушкина ничѣмъ принудить не можно было воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ нанести шведамъ навязціи вредъ. Сей мѣшокъ перѣшиной мнѣ весьма надоѣлъ, и воистинну онъ командовать не имѣеть“.

17 сентября 1789 г. „Графомъ В. Платоновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ я весьма недоволенъ по причинѣ нерѣшительности его и слабости; онъ никакимъ аванжажемъ не умѣетъ воспользоваться, en un mot c'est une bête; между генералами его завелись кабалы такія, по слабости его, кои общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, ему и всему его генералитету слѣдъя неминуемо предлежитъ“.

22 сентября 1789 г. „Я ничѣмъ не могу жаловаться, окромѣ глупымъ, умылымъ и слабымъ поведеніемъ графа Пушкина и его интригантнаго генералитета, который перетасовать надобно, а ему, Пушкину, впродъ не командовать, понеже не умѣетъ“.

4 октября 1789 г. „Пушкину остаться никакъ не можно, его наипаче гвардія бранитъ; а чаю также и казаки“.

19 октября 1789 г. „Здѣсь прекрасная нужда въ Финляндской арміи въ генералѣ, понеже Пушкинъ, бывъ въ двухъ кампаніяхъ, оказалъ свое несмысліе; на него даже гвардія и прочія всѣ войска за недѣйствіе ропщутъ, генераловъ же онъ не умѣетъ содержать въ субординаціи.... Отъ Пушкина ничего добиться не можно уже способы не остались, ибо мнѣхъ ордеровъ не слушался, сколько ни было писано, а къ крайности приступить также не хочется, понеже я ему персонально обязана“.

15 ноября 1789 г. „Въ Финляндіи начальника переимѣнить крайне нужно: ни въ чемъ на теперешняго положиться нельзя; въ Нейшлотъ я сама принуждена была послать соль отсюда, ибо люди безъ соли въ крѣпости; а велѣла мяса дать людямъ, а онъ мясо поставилъ въ Выборгъ, гдѣ мясо сгнило безъ пользы; ни на что не рѣшится; однимъ словомъ, не способенъ къ предводительству“.

Оказавшійся «неспособнымъ къ предводительству» гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ былъ отозванъ изъ Финляндіи и на его мѣсто назначенъ гр. И. П. Салтыковъ, который еще такъ недавно признавался «глупымъ и упрямымъ». Екатерина II никогда не обижала лицъ, которымъ была «персонально обязана»; не былъ обиженъ и гр. Мусинъ-Пушкинъ: за кампанію 1788 г. онъ получилъ орденъ св. Владимира 1-й степени, за кампанію 1789 г.—золотую шпагу и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Помѣщаемыя ниже документы, адресованныя гр. В. П. Мусину-Пушкину, распадаются на три далеко неравныя части и касаются трехъ различныхъ обстоятельствъ: четыре—поѣздки великаго князя Павла Петровича въ армію, шестьдесятъ четыре—шведской войны, пять—войны турецкой.

Рескриптомъ отъ 21-го декабря 1787 г. императрица увѣдомляетъ гр. Мусина-Пушкина, что она дозволила великому князю Павлу Петровичу отправиться «въ армію», и приказываетъ сдѣлать необходимыя по поводу этой поѣздки распоряженія. Къ рескрипту приложены копии съ трехъ указовъ, въ которыхъ говорится о предстоящей поѣздкѣ Павла Петровича «въ армію».

Въ какую же «армію»?

Вопросъ этотъ предстояло рѣшить прежде всѣхъ почтенному издателю «Русской Старины» М. И. Семевскому. Двадцать лѣтъ назадъ, печатая чрезвычайно интересные «Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка»¹⁾, г. Семевскій высказалъ мысль, что «вопросъ о дозволеніи Павлу Петровичу отправиться на театръ военныхъ дѣйствій былъ рѣшенъ Екатериной, по крайней мѣрѣ, за полгода до объявленія самой войны Швеціи» (стр. 299). Основаніемъ для такого рѣшенія вопроса послужили какъ «завѣщательныя письма» великаго князя Павла Петровича, которыя писаны имъ 4-го января 1788 г. и изъ которыхъ одно начинается словами: «отъѣзжая въ походъ», такъ и еще болѣе слѣдующая замѣтка вице-канцлера кн. А. Б. Куракина: «копія съ завѣщаній покойнаго государя императора Павла, имъ сдѣланныхъ, отъѣзжая въ походъ противъ шведовъ въ 1788 году, и мною въ его собственной шкатулкѣ при порученномъ мнѣ разборѣ бумагъ его, послѣ его кончины, найденныхъ, въ мартѣ 1801 года».

Въ настоящее время, благодаря изданію «русскимъ историческимъ обществомъ» подлинныхъ писемъ Екатерины II, не подлежитъ сомнѣнію, что память измѣнила кн. Куракину, что вполнѣ объясняется временемъ составленія замѣтки²⁾: Павелъ Петровичъ, дѣйствительно, участвовалъ въ походѣ противъ шведовъ 1788 г., но лишь съ 1-го іюля, а въ первыхъ числахъ января 1788 года, точнѣе — 4-го января, когда составлялись «завѣщанія», Павелъ Петровичъ предпомагалъ отправиться въ походъ противъ турокъ, а не шведовъ. По этому поводу обнаружена въ настоящее время цѣлая переписка, рельефно рисующая отношеніе кн. Потемкина къ великому князю Павлу Петровичу и вполнѣ подтверждающая какъ донесеніе секретаря саксонскаго посольства Гельбига, отъ 3-го февраля 1788 года, такъ и отзывъ нѣмецкаго историка Германа³⁾.

«По изданіи манифеста о объявленіи войны — пишетъ Екатерина кн. Потемкину отъ 24-го сентября 1787 г.— великій князь и великая княгиня писали ко мнѣ, просясь: онъ въ армію волонтеромъ по примѣру 1783 г., а она, чтобъ съ нимъ ѣхать; я имъ отвѣтствовала отклонительно: къ ней, ссылаясь на письмо къ нему, а къ нему, описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояніе поздой осенью и заботы, въ конхъ оба фельдмаршала находятся и конхъ умножаютъ еще болѣзни и дороговизна и неурожай въ пропитаніи, хвала, впрочемъ, его намѣреніе. На сіе письмо я получила еще письмо отъ него

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1867, I, 293—330.

²⁾ Sybel, Historische Zeitschrift, III, 1860, стр. 149, 162, 161.

³⁾ Hermann, Geschichte des russischen Staates, VI, 193, 524, 525; VII, 652.

съ вторительною просьбою, на которое я отвѣчала, что превосходныя причины, описанныя въ первомъ моемъ письмѣ, принуждаютъ меня ему отсовѣтовать нынѣшній годъ отъѣздъ волонтеромъ въ армию. Послѣ сего письма оба были весьма довольны остаться, разславляя только, что ѣхать хотѣли».

Вѣроятно, не очень «весьма довольны», такъ какъ уже въ письмѣ отъ 11-го января 1788 года Екатерина II была вынуждена писать кн. Потемкину: «Великій князь собирается теперь ѣхать въ армию, а какъ надежда есть, что она беременна, то авось либо сіе его оставитъ, только завѣрно ничего еще сказать нельзя. Adieu, mon ami, voilà un embarras de plus pour vous que je serais enchantée de vous éparagner» (прощай, мой другъ; вотъ еще лишнія вамъ хлопоты, избавить васъ отъ которыхъ я была бы очень рада).

Очевидно, Павелъ Петровичъ настоятельно просилъ и Екатерина II не имѣла серьезныхъ основаній отказать ему въ разрѣшеніи «ѣхать въ армию», если сама же возлагала всю надежду только на интересное положеніе великой княгини. Какъ бы желая успокоить кн. Потемкина, она пишетъ ему отъ 20-го января 1788 г.: «вел. княгиня брюхата и въ маѣ родить, и онъ до ея родинъ не поѣдетъ уже». Когда же великая княгиня Марія Феодоровна разрѣшилась отъ бремени великой княжной Екатериной Павловной, императрица пишетъ, отъ 27-го мая 1788 года: «великій князь собирается къ вамъ въ армию, на что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать двадцатаго іюня, то есть послѣ шести недѣль черезъ день, буде шведскія дѣла его не задержать, буде же полоумный король шведской начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь».

Такимъ образомъ, не только въ началѣ января, когда не было еще и рѣчи о «походѣ противъ шведовъ», но даже въ концѣ мая великій князь собирался «къ вамъ, въ армию» противъ турокъ. Не желая огорчать кн. Потемкина, Екатерина только 27-го мая извѣщаетъ его, что «согласилась» на поѣздку Павла Петровича въ армию, дѣствовавшую противъ турокъ. Когда же она согласилась на это? Помѣщаемые ниже документы отвѣчаютъ на это довольно точно: 21-го декабря 1787 года.

Изъ 64-хъ документовъ, относящихся къ шведской войнѣ, 12 касаются флота, 46—арміи, 6—того и другаго. Всѣ они заключаютъ въ себѣ чисто военныя, нерѣдко довольно мелочныя распоряженія, свидѣтельствующія о томъ участіи, какое принимала Екатерина II въ ходѣ военныхъ дѣйствій; многіе изъ нихъ служатъ чрезвычайно интересною иллюстраціею реляцій, получавшихся съ театра войны, и лишь нѣкоторые касаются политическаго положенія современныхъ дѣлъ, но

со стороны наиболее важной—измѣны шведовъ и интригъ финновъ и мѣръ, принятыхъ по этому поводу императрицею. Всѣ эти документы помѣчены числомъ, мѣсяцемъ, годомъ, за исключеніемъ четырехъ, время составленія которыхъ опредѣлено нами на основаніи слѣдующихъ соображеній:

№ 9-й—объ осадѣ Фридрихсгама. Въ ночь съ 11-го на 12-е іюля 1788 года, шведы стрѣляли по крѣпости, при чемъ въ городъ «попало нѣсколько ядеръ 18-ти и 24-хъ фунтовыхъ». Донося объ этомъ, генералъ-поручикъ Левашевъ спрашивалъ: «не оставить ли Фридрихсгамъ по причинѣ множества деревяннаго строенія, которое непріятель бомбардированіемъ зажечь можетъ»? Отвѣтъ императрицы составленъ категорически, въ пяти пунктахъ, при чемъ, недовольная Левашевымъ, высказываетъ свою «тайную мысль, что Гинцель въ Фридрихсгамѣ былъ бы полезнѣе Левашева». Когда же этотъ отвѣтъ писать? Подъ 15-мъ іюля 1788 г., въ «Дневникѣ» Храповицкаго, послѣ упоминанія о замѣнѣ Левашева Гинцелемъ, записано: «Въ сіе же время писано графу Валентину Платоновичу, что сколько теперь извѣстно, то король не имѣлъ намѣренія брать Фридрихсгамъ, но хотѣлъ сдѣлать десантъ на Красной горкѣ, выжечь Кронштадтъ, идти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I-го». Если это не передача Храповицкимъ только что прочитаннаго имъ письма, то вѣрная запись словъ императрицы, которая, какъ извѣстно, любила повторять, въ своихъ письмахъ и разговорахъ, всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, разъ составленные ею взгляды.

№ 18-й—скрытное пребываніе Густава III въ Финляндіи и движеніе на Гегфорсъ. Послѣ бомбардировки Фридрихсгама, 23-го іюля 1788 года, шведскій король, вслѣдствіе отказа офицеровъ повиноваться его власти и враждебнаго настроенія финновъ, послѣшнo снялъ осаду крѣпости, посадилъ десантныя войска на суда и отступилъ къ Гегфорсу, послѣ чего отправился, какъ теперь несомнѣнно извѣстно, чрезъ Ловизу и Свеаборгъ, въ Стокгольмъ. Въ русскомъ лагерѣ знали о послѣшномъ уходѣ шведовъ, но недоумѣвали первое время какъ о причинахъ такого быстраго измѣненія операціоннаго плана шведовъ, такъ и о мѣстопробываніи короля Густава III. Екатерина II высказываетъ по этому поводу свои соображенія. Она, конечно, довольна уходомъ шведскаго войска и хлопочетъ теперь о полномъ очищеніи русской Финляндіи отъ шведовъ, въ рукахъ которыхъ оставались еще Кюменьгородъ и, что главное, Гегфорсъ. Не смотря на позднее время года, она увѣдомляетъ, что гребная флотилія вскорѣ отправится для «подкрѣпленія предпріятія» на Гегфорсъ. По содержанію, письмо писано несомнѣнно въ августѣ 1788 г., но когда именно? Въ письмѣ высказывается догадка, что «король шведскій въ Гельсингфорсѣ или

индѣ въ Финляндіи своей вуглу сидя интригуешь между финны и между шведы»; въ письмѣ къ кн. Потемкину, отъ 29-го августа 1788 г., та-же догадка высказана въ сходственныхъ выраженіяхъ: «изъ гогфорскаго своего лагеря фуфлыга богатырь ускакалъ въ Луизу (Ловизу), отгудова, иные говорятъ, въ Абовъ, другіе въ Вазу, а третьи въ Стокгольмъ. А я думаю, что онъ индѣ сидитъ въ Финляндіи еще». Кажется, однако, что письмо писано до 29-го августа, судя по слѣдующей за письмомъ запискѣ.

№ 19—выходъ въ море гребной флотилии. Обѣщавъ въ предъидущемъ письмѣ выслать «не малое число гребныхъ судовъ», императрица объясняетъ теперь, въ краткой записочкѣ, причины, замедлившія отправку. Подъ записочкой выставлена неполная дата: «во вторникъ 29 числа». Въ 1788 году 29-е число приходилось во вторникъ два раза: въ февралѣ, когда не было еще и рѣчи о гребномъ флотѣ противъ шведовъ, и именно въ августѣ.

№ 29—о высылкѣ изъ Финляндіи плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ. Въ рапортѣ генерала-поручика Левашева говорится, что послѣ стычки близъ рѣки Саллинь, 8-го Іюля 1788 г., «въ плѣнъ взяты нашими: баронъ Армфельдъ, племянникъ генерала, корпусомъ непріятельскимъ командующаго, того-же имени офицеръ нѣмецкаго полку и одинъ полковой лекаръ». Императрица пишетъ о нихъ, какъ о взятыхъ въ плѣнъ «въ прошлое лѣто» — слѣдовательно, письмо относится къ 1789 году; при этомъ она приказываетъ прислать этихъ плѣнныхъ къ князю Потемкину—слѣдовательно, писано въ бытность князя Потемкина въ Петербургѣ. Въ 1789 году, кн. Потемкинъ оставался въ Петербургѣ съ 4-го фѣвраля по 6-е мая, къ какому времени и должно быть отнесено составленіе письма.

Пять документовъ, не касающихся шведской войны, составлены единственно «для укрѣпленія духа» въ финляндской арміи—это сообщенія о пораженіи турокъ при Лиманѣ, Фокшанахъ, Гаджибеѣ, Бѣлгородѣ, Бендерахъ и объ освобожденіи русскаго посланника при портѣ Я. И. Булгакова изъ Семибашеннаго замка.

За исключеніемъ пяти копій, точно обозначенныхъ, всѣ помѣщаемые документы—подлинники: шесть сполна писаны рукою Екатерины II и 62 «только за высочайшимъ Ея Величества подписаніемъ», при чемъ въ 9-ти находятся собственноручныя приписки императрицы. При печатаніи сохранены всѣ особенности подлинниковъ и все, написанное рукою Екатерины II, помѣщено въ кавычкахъ.

При наданіи бумагъ, подобныхъ помѣщаемымъ ниже, намъ казалось необходимымъ не только сопроводить ихъ пояснительными примѣчаніями, но и сдѣлать возможно полное указаніе на тѣ относящіяся

къ данному вопросу документы, которые еще не обнародованы и которых нѣтъ въ бумагахъ, принадлежащихъ редакціи «Русской Старины», но которые несомнѣнно были и обнародованіе которыхъ весьма желательно въ интересахъ науки.

Мы могли найти слѣды болѣе 20-ти такихъ недостающихъ документовъ; ихъ, быть можетъ, гораздо болѣе. Такъ, напр., помѣщаемыя ниже бумаги относительно шведской войны начинаются рескриптомъ отъ 4-го іюля 1788 г.; между тѣмъ, еще 1-го іюля, вслѣдствіе появленія известной ноты Шлафа, секретаря шведскаго посольства, «ожидая усиленія дѣйствій шведскихъ, предувѣдомленъ графъ Мусинъ-Пушкинъ о всемъ происшествіи» («Дневникъ» Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 100). Этотъ предувѣдомительный документъ еще не обнародованъ. Указанія на такіе недостающіе документы помѣщены въ примѣчаніяхъ къ ближайшимъ по времени бумагамъ.

В. В.

Отъ редакціи. Помѣщая на стр. «Русской Старины» обширное собраніе писемъ Екатерины II къ гр. В. П. Мусинъ-Пушкину, долго считаемъ принести глубочайшую нашу признательность князю Ив. Гагарину, весьма обязательно доставившему (30-го декабря 1870 г., изъ Симбирской губ., г. Сызрани, село Заборовка) эту драгоценную коллекцію историческихъ документовъ, а также В. А. Бильбасову, предпославшему ей вышеприведенное обозрѣніе и приготовившему собраніе этихъ писемъ къ печати.

Ред.

Екатерина II — гр. В. П. Мусину-Пушкину.

1.

Въ С. П. бургъ, Декабря 21 1787 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прилагая копии указовъ данныхъ оберъ-гофмаршалу и придворной Конторѣ конюшенной, по случаю даннаго отъ Меня дозволенія любезному Сыну Моему великому Князю отправиться въ армию, я желаю, чтобъ вы сходственно тому всё нужныя распоряженія здѣлали по сношенію съ ними; о лошадяхъ же для проѣзда посланы быть могутъ приказанія не прежде какъ день для отъѣзда назначится. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. «Екатерина».

2.

Въ С. П. бургъ 21 Декабря 1787 года.

(Копія). Григорій Никитичъ ¹⁾. По случаю даннаго отъ Насъ дозволенія Любезному Сыну Нашему великому Князю отправиться въ армию, указали Мы Кабинету отпустить въ распоряженіе ваше двадцать тысячъ рублей, съ тѣмъ чтобъ изъ пятнадцати тысячъ старались вы заготовить то, что къ отправленію съ великимъ Княземъ отсюда необходимо нужно, снабдя притомъ потребною серебряною, фарфоровою и прочею посудю, да и другими надобностями отъ двора по сношенію вашему съ Генераломъ Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ; пять-же тысячъ рублей обратить на закупки и заготовленія необходимыхъ во время путешествія къ арміи. На столовое содержаніе и на прочія издержки во время пребыванія въ оной будетъ производимо изъ Кабинета по десяти тысячъ рублей въ мѣсяцъ предъ наступленіемъ каждаго, кои и отпустятся всегда изъ суммы на чрезвычайныя расходы по арміи, по требованіямъ Генерала Графа Мусина-Пушкина: а вы дайте ему двухъ комисаровъ для держанія приѣма и

¹⁾ Г. Н. Орловъ, дѣйствительный камергеръ и оберъ-гофмаршалъ. Въ 1788 г., во время войны со Швеціею, произошли пререканія между членами придворной конторы и Г. Н. Орловымъ, очень надобдавшія Екатерину II, которая однажды выразилась такъ: «Un beau matin je les chasserai tous» (въ одинъ прекрасный день я ихъ всёхъ выгоню). В. В.

расхода, посылки впередъ для попеченія и наблюденія за заготовленіями и прочихъ надобностей; о чемъ о всемъ вы согласитесь и учредите съ помянутымъ Генераломъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

3.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 21. 1787 года.

(Копія). Указъ Нашей придворной Конюшенной Канторѣ. По случаю даннаго отъ Насъ позволенія любезному сыну Нашему великому Князю отправиться въ армию, на приуготовленія по части придворной Нашей Конюшенной Канторы экипажей и прочаго, въ число потребной на то суммы, указали Мы Нашему кабинету отпустить въ придворную Конюшенную Кантору двадцать тысячъ рублей; а той Канторѣ повелѣваемъ въ сокращеніе излишнихъ издержекъ стараться для свиты употребить сколько возможно изъ готовыхъ экипажей, кои найдутся къ тому надежны, тожъ и палатокъ изъ имѣющейся Нашей шатерной.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

4.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 21. 1787 года.

(Копія). Указъ Нашему Кабинету. На разныя приуготовленія экипажей и прочаго по случаю даннаго отъ Насъ любезному Сыну Нашему великому Князю позволенія отправиться въ армию, повелѣваемъ Кабинету отпустить въ придворную Нашу конюшенную Кантору двадцать тысячъ рублей, да въ придворную Нашу Кантору на разныя же по ея части приуготовленія, двадцать тысячъ рублей. На содержаніе столовое и прочія расходы во время пребыванія Его въ арміи, назначено отъ Насъ по десяти тысячъ рублей на мѣсяцъ, кои Кабинетъ имѣеть ежемѣсячно начиная съ перваго февраля наступающаго года отпускать къ Нашему Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Генералу-Прокурору Князю Вяземскому ¹⁾, дабы отъ него сія сумма могла быть переводима съ прочею на чрезвычайные по арміи расходы опредѣленную; и изъ коей Нашъ Генераль Графъ

¹⁾ Князь Александръ Александровичъ Вяземскій, 1727—1793; съ 1764 года, какъ генераль-прокуроръ, вѣдалъ финансовыя дѣла. В. В.

Мусивъ-Пушкинъ получать будетъ всякой мѣсяцъ предъ наступленіемъ онаго.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

5.

Въ С. П. Бургѣ. Іюля 4. 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Изъ рапорта, доставленнаго въ нашу военную калегію отъ Выборгскаго Оберъ-Коменданта ¹⁾, усмотрѣли Мы, что стоящій на главномъ абарфорскомъ редутѣ караульный офицеръ адъютантъ Христофоровъ ²⁾ получилъ объявленіе съ Шведскаго форпоста отъ Маіора Егеръ-горна, чтобъ мосту не ломать и не зажигать, подъ страхомъ что шведы въ томъ случаѣ стрѣлять будутъ изъ пушекъ; но не видимъ сломалъ ли помянутый караульный офицеръ тотъ мостъ, или же онъ исполнилъ требованіе Шведскаго Маіора, что бы было не согласно ни съ его должностью, ни съ правилами службы, и подвергло бы его суду, такъ какъ коменданта Фридрихсгамскаго или отъ кого онъ былъ поставленъ отвѣту, даны ли были ему надлежащія наставленія. Мы по тому желаемъ, чтобъ вы истребовали о томъ нужное объясненіе, и если караульный офицеръ найдется тутъ оплошнымъ, предать его суду, всѣмъ же отряжаемымъ на посты подтвердить строжайше, дабы каждый въѣренное ему мѣсто бдительно сохранялъ, подъ опасеніемъ за оплошность или робость неминуемаго взыскаія по военнымъ узаконеніямъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

«Репортъ вашъ отъ 3 числа Іюля я получила сегодня».

6.

Въ С. П. Бургѣ. Іюля 6 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Донесеніе ваше отъ 4 Іюля изъ Выборга я получила. Не сумнѣваюся я, что вы здѣлали всѣ возможные распоряженія, дабы походъ непріятелю затрудненъ, покушенія же его отражены были. Въ Фридрихсгамѣ число гарнизона по увѣдомленіямъ вашимъ есть такое, что Король шведскій не только его скоропостыжно схватить не можетъ, но, при добрыхъ мѣрахъ и при храброй оборонѣ, и крайній уронъ понести долженъ.

¹⁾ Баронъ Карлъ Ивановичъ Дельвицъ, генералъ-поручикъ, ум. въ 1791.

²⁾ Архивъ государственнаго совѣта, т. I, ч. 1-я, стр. 579. В. В.

Три баталіона и три эскадрона гвардіи подъ командою Генерала Маіора и Преображенскаго полку Преміеръ-Маіора Татищева ¹⁾ приказала я отправить въ Красное Село на выборгской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобъ они тамъ ожидали вашихъ повелѣній когда и куда имъ слѣдовать. Между тѣмъ здѣсь приложено будетъ всемѣрное стараніе поспѣшить устроеніемъ полковъ гвардіи въ полномъ числѣ, такъ чтобъ за оставленіемъ для нужныхъ въ столицѣ карауловъ можно было еще отрядить въ походъ по одному комплетному баталіону.

Пребываю вамъ доброжелательная «Екатерина».

«Войски и рекруты ежедневно приходятъ и все возможные мѣры принимаются къ усиленію Арміи Вашъ въ веренной и къ оборонѣ отъ вероломнаго врага Нашего».

7.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 13 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Давъ повелѣніе объ отпускѣ денегъ, потребныхъ на батарейные мосты въ пограничныхъ крѣпостяхъ Финляндскаго и Лифляндскаго департаментовъ ²⁾, возлагаемъ на попеченіе ваше, чтобъ оныя немедленно исправлены, да и въобщѣ чтобъ тѣ крѣпости въ надежное къ оборонѣ состояніе приведены были, какъ то уже указомъ Нашимъ отъ 8 Мая сего года Инженеръ-Генералу-Поручнику Тучкову ³⁾ предписано было. Къ исполненію сего въ Финляндіи употребите находящагося здѣсь Инженеръ Полковника Фанъ-Сухтелена ⁴⁾, снабдя его потребными наставленіями къ скорѣйшему всего того дѣйствиопроизведенію, и обратя суммы на строеніе и починку крѣпостей, отпускаемая преимущественно на Финляндскій и Лифляндскій департаменты. Приложите при томъ стараніе, чтобъ крѣпостная Артиллерія сколь можно поспѣшнѣ поставлена была въ исправность съ снарядами, къ ней принадлежащими: что же касается до пороку, то какъ Адмиралъ Грейгъ ⁵⁾ полагая излишнимъ количе-

¹⁾ Николай Алексѣевичъ Татищевъ, родной братъ Петра Алексѣевича, тоже генералъ-маіора, извѣстаго масона, мастера стула въ ложѣ „Трехъ знаменъ“.

²⁾ 13-го іюня 1788 г. П. С. З. № 16,677-й.

³⁾ Алексѣй Васильевичъ Тучковъ, участвовавшій по этому же поводу въ засѣданіи совѣта, отъ 27 марта 1788 г. Арх. Гос. Сов., т. I, ч. 1-я, стр. 553.

⁴⁾ Петръ Корнильевичъ фонъ - Сухтеленъ, позже инженеръ-генералъ-маіоръ. В. В.

⁵⁾ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, голландецъ, съ 1764 г. въ русской службѣ; 28 іюня 1770 г. съелъ турецкій флотъ въ Чесменскомъ портѣ; съ 1776 года главный командиръ кронштадтскаго порта; адмиралъ. Императрица „ахнула“.

ствомъ себя запасти въ Копенгагенѣ можетъ оставить онаго до десяти тысячъ пудъ, вы съ нимъ о семъ учредите, и здѣлайте распоряженіе, дабы въ томъ ни для полевыхъ артиллеріи и войскъ, ниже для крѣпостей не оказалось недостатка. Пребываемъ впрочемъ вамъ благоклонны «Екатерина».

8.

Въ С. П. бургѣ. Іюля 14 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Донесенія ваши отъ 10-го, 11-го ¹⁾ и 12-го сего Іюля Мы получили съ удовольствіемъ, видѣвъ, что войски наши храбро атаковали непріятеля какъ у рѣки Стрѣмбы, такъ и у рѣки Пардовоски ²⁾. За сіи добрыя успѣхи объявите начальникамъ обоихъ отрядовъ и подчиненнымъ ихъ Наше благоволеніе, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, въ томъ числѣ и Козакамъ, въ дѣлѣ бывшимъ, прикажите выдать по рублю на человѣка изъ суммы на чрезвычайные расходы по арміи опредѣленной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благоклонны «Екатерина».

«Объ отличившихся ожидать будемъ отъ васъ представленіе».

9.

(15-го іюля 1788 года).

«Рассужденіи о вчерашнемъ вопросѣ: буде шведы сожгутъ Фридрихсгамъ, дозволено ли будетъ гарнизону выступить, дабы таковое знатное часть войскъ не могла попасться непріятелю въ полонъ».

«Во первыхъ: король шведской цѣлится не на Фридрихсгамъ, но прямо на Питербурхъ, влѣтъ попавшейся вице-Адмиралъ и прочіе съ нимъ взятые офицеры рассказывали всѣмъ кто слышать хотѣлъ, что побивъ флотъ нашъ (что представляли себя самымъ глѣхимъ дѣломъ) онѣ хотѣли ити прямо къ Кронштату оной выжечь, а между тѣмъ

услышавъ, 4 окт. 1788 г., о его болѣзни, и тотчасъ же послала къ нему, въ Ревель, своего лейбъ-медика Роджерсона. Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе о смерти адм. Грейга, 15-го октября 1788 года. Императрица прослезилась и сказала: „с'est une grande perte, c'est une perte pour l'état“ (это большая потеря, это потеря для государства). В. В.

¹⁾ Донесеніе отъ 11-го іюля не помѣщено въ „Собраніи реляцій“ (стр. 9-я); въ немъ сообщалось о расположеніи непріятеля въ 4-хъ верстахъ отъ Фридрихсгама. Арх. Гос. Сов., т. I, ч. 1-я, стр. 585.

²⁾ Подойдя къ р. Пардовоски, шведы „укрѣпили себя редутомъ“ и разобрали мостъ; козаки „переправились впасть“, исправили мостъ и овладѣли редутомъ. В. В.

Армейской ихъ флотъ имѣлъ здѣлать одинъ десантъ на Красной Горѣ, а другой у Галерной Гавени для выжиганья Петербурга; въ семь проекта входило опрокинуть штатуа Петра I. Флотъ шведской побить и къ Швеаборхъ посколку чужестранныхъ корабльщиковъ пошелъ хвостъ поджавъ и уши спусть.

«Второе: по разнымъ перешедшимъ чрезъ Кюмень Шведскимъ партіямъ кажется будте цѣль идеть на Вилманстрандъ.

«Третье: изъ двухъ пушекъ осадныхъ выстрѣлено по Фридрихгамъ, отъ сево еще Левашеву ¹⁾ робѣтъ ничево, но моя тайная мысла есть, что Гинцѣль ²⁾ въ Фридрихгамъ ползвнѣ быть могъ нежели Левашевъ.

«Четвертое: Гарнизонъ ни подкакимъ видомъ не долженъ по-пасться въ пленъ, ибо двѣ тысячи пятьсотъ человекъ въ финландской силѣ составляеть уже знатное часть, но однако по первому выстрѣлу изъ далѣка желательнo, чтобъ города не оставляли, постарались оборонятся съ искусствомъ и храбростію, какъ христіюлюбивому воинству прилично, и весьма сумнѣваюсь, чтобъ ево вел. предпріялъ формальную осада Фридрихсгама, а захочеть ево схватить бытъ можетъ лехчимъ какимъ способомъ, что и весьма ему удасться, буде гарнизонъ самъ заблагорассудить изъ Фридрихсгама выити выдерживая пять или шесть пушечныхъ выстрѣловъ для формы.

«Пятое: строеніе въ Фридрихгамѣ кои бы могли причинить пожара госп. Левашевъ могъ бы сламать теперъ време лѣтное дома безъ кровли не великая будеть бѣда».

10.

Въ С. П. бургѣ. Іюля 15, 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Подробное донесеніе ваше отъ 13-го Іюля о происшедшемъ при Пардокоски, Мы получили съ удовольствомъ, каковое и объявите всѣмъ тутъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ участвовавшимъ. Командовавшему отрядомъ подполковнику Петровичу ³⁾ за разбитіе непріятеля и овладѣніе редутомъ его съ двумя пушками пожаловали Мы крестъ военнаго ордена Святаго Георгія, который при грамотѣ къ нему доставляется; а казачьему хорунжему Сергію Бѣлогородцову ⁴⁾ и гранодеру, тамъ-же отличившемуся, при-

¹⁾ Василій Ивановичъ Левашевъ, 1740—1803, генераль-поручикъ.

²⁾ Карлъ Христіановичъ Гинцель, генераль-поручикъ, правитель выборгскаго намѣстничества.

³⁾ Степанъ Петровичъ Пѣтровичъ, подполковникъ Невскаго пѣхотнаго полка.

⁴⁾ „Которой первой бросился въ воду и показалъ собою примѣръ другимъ; а одинъ гранодеръ за нимъ послѣдовавшій“. Собраніе реляцій, стр. 10.

маны будутъ медали за храбрость ихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

11.

Въ С. П. бургъ. Юля 16 ⁴⁾ 1783 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! На вопросъ въ донесеніи вашемъ отъ 15 Юля учиненный о Гребныхъ судахъ подъ командою флота капитана Слизова ³⁾ возвратиться ли имъ къ Выборгу или соединяся съ фрегатами и катерами, отъ Адмирала Грейга отряженными, по удобности и возможности дѣйствовать противу непріятели, симъ вамъ отвѣтствуемъ: что какъ Адмиралъ Грейгъ отъ 14 Юля представляетъ что фрегаты сообщенія съ Фридрихсгамомъ имѣть не могли, по причинѣ, что Шведская Армейская флотилія уже заняла весь форватеръ промежду шхеръ, гдѣ видны были тринадцать Галеръ и два малыя фрегаты; но по мѣлководію между шхеръ наши фрегаты къ нимъ дойти не могли, то по сему и нужно есть чтобъ вы снеслися съ помянутымъ Адмираломъ не лучше-ли Гребныя Суда употребить при флотѣ, тѣмъ болѣе что Адмиралъ въ оныхъ нужду имѣеть, а въ случаѣ по усмотрѣнію своему можетъ обратитъ ихъ съ подкрѣпленіемъ фрегатовъ и въ поискъ на непріятели; при Фридрихсгамѣ же однимъ имъ оставаться опасно. Къ Адмиралу Грейгу о томъ отъ насъ писано, и онъ неумедлитъ вамъ, для выигранія времени, мысли свои по сей матеріи прямо сообщить. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

12.

„Въ С. П. бургъ. 17 Юля, 1788 года“.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Изъ копій рапорта, доставленнаго къ намъ отъ Генерала Поручика Тутолмина ³⁾ а имъ полученнаго отъ совѣтника Ведишева вы усмотрите, что во время впаденія непріятельской команды въ Парикальскую кирхшпиль и разграбленія казеннаго магазейна офицеры той команды угощаемы были тамошнимъ пасторомъ ⁴⁾, которой на другой того день выѣхалъ въ Выборгъ Мы

¹⁾ Отъ того же числа собственноручное письмо къ графу В. П. Мусину-Пушкину помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1869 г., стр. 208.

²⁾ Петръ Борисовичъ Слизовъ, флота капитанъ бригадирскаго ранга. Нѣсколько позже, 3 мая 1790 г., онъ былъ разбитъ шведами.

³⁾ Тимофей Ивановичъ Тутолминъ, 1740—1809, генералъ-поручикъ; съ 1784 г. генералъ-губернаторъ архангельскій и олонекій.

⁴⁾ Въ запискахъ Стедингга разсказывается, между прочимъ, какъ онъ, перейдя границу, обѣдалъ у земингскаго (Sääminge) пастора (Mém., I, 87). Не объ этомъ ли случаѣ говорится въ донесеніи Ведишева? В. В.

совозволяемъ, чтобъ вы приказали надлежащимъ образомъ учинить допросъ помянутому пастору, да и въ общѣ за вѣрностію и поведеніемъ людей сего рода имѣть примѣчаніе, о чемъ не оставте сообщать Губернатору тамошнему. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

13.

Въ С. П. бургѣ. 26 Іюля 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Приемля съ удовольствіемъ донесеніе ваше отъ 25-го Іюля объ отступленіи непріятели отъ Фридрихсгама, препоручаемъ вамъ объявить благоволеніе Наше войскамъ бывшимъ при отраженіи его отъ городского предмѣстія и обнадежить отличившихся въ семъ дѣлѣ капитана Глазенапа ¹⁾, поручика Казина и подпоручика Никифорова, что не останутся они безъ должнаго за нихъ подвиговъ воздаянія. Пребываемъ впрочемъ всегда вамъ благосклонны. «Екатерина».

«О раненыхъ прикажите имѣть прилежнейшеѣ призрѣніе».

14.

„Въ С. П. бургѣ. 26 Іюля 1788 года“.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Сей часъ получа донесеніе Генерала-фельдмаршала князя Григорья Александра Потемкина-Таврическаго о побѣдѣ 3-го числа Іюля одержанной Нашимъ Севастопольскимъ флотомъ надъ превосходными силами флота Турецкаго, поспѣшаемъ сообщить вамъ копію ²⁾ съ реляціи Нами полученной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

«Вотъ вамъ добрую вѣсть за ваши добрыя же вѣсти, я чаю Шведы у Фридрихсгама Михельсона ³⁾ и Бауера ⁴⁾ побоялись, суда хочется у нихъ отнять».

¹⁾ Секундъ-маіоръ Псковскаго пѣхотнаго полка; вмѣстѣ съ Никифоровымъ онъ былъ раненъ въ этой стычкѣ.

²⁾ Означенной копіи въ бумагахъ не оказалось.

³⁾ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генераль-поручикъ, премьеръ-маіоръ конной гвардіи, состоялъ при дивизіи въ сѣверныхъ губерніяхъ, когда получилъ назначеніе идти въ Финляндію, о чемъ Екатерина давно уже подумывала и еще 11-го января 1788 г. писала: „Михельсонъ въ подагрѣ, да онъ шздѣсь нуженъ, буде шведы зашалили“. Сборн. русск. ист. об., XXVII, 465.

⁴⁾ Иванъ Васильевичъ Бауеръ (Боуверъ и Бауверъ въ реляціяхъ), генераль-маіоръ, занявшій въ концѣ кампаніи этого года Гегфорсъ, Кюмевъгородъ и „всѣ по границѣ посты и переправы“.

15.

„Въ С. П. бургѣ. Іюля 28 ¹⁾ 1788“.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Нижнимъ чинамъ дѣташамента бывшаго въ дѣлѣ предъ Фридрихсагомъ противу непріятеля, подъ командою подполковника Петровича, а послѣ полученной имъ раны, подъ начальствомъ секундъ-маіора Глазнапа, прикажите дать въ награжденіе по рублю на человѣка изъ суммы, на чрезвычайные расходы опредѣленныя; офицеры же за отличную храбрость тутъ рекомендованные повышены чинами, о чемъ военная коллегія вась извѣщаетъ. Остаюсь на всегда вамъ доброжелательная «Екатерина».

16.

Въ С. П. бургѣ. Августа 23 1788.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Генерала-Маіора Барона Спренгпортена ²⁾ вы можете удержать при себѣ, покуда польза дѣлѣ

¹⁾ Нѣсколько дней спустя, по протоволу Совѣта отъ 3-го августа 1788 г., графу Мусину-Пушкину дано было предписаніе, „чтобъ онъ приложилъ стараніе о выгнаніи всѣхъ чужихъ войскъ за границы наши, но чтобъ уже до дальнѣйшаго повелѣнія ставить твердую ногу въ Шведской Финляндіи онъ удержался, и въ случаѣ удобности побивать шведовъ, чего никоимъ образомъ упускать не должно, финляндцамъ отъ войскъ нашихъ оказывать всю ласковость и пощадку къ нимъ, дабы такимъ образомъ и дѣятельно уже доказать благое къ нимъ наше расположеніе“. Арх. Гос. Сов. I, 1, 592.

Въ „Дневникѣ“ Храповицкаго, подъ 8-мъ августа 1788 г., сказано, по поводу пріѣзда Егергорна, что „о семъ дается рескриптъ гр. Мусину-Пушкину“ (стр. 126), а въ засѣданіи совѣта 10-го августа читана уже „копія рескрипта графу Мусину-Пушкину по случаю присылки сюда шведскаго маіора Егергорна“. Арх. Гос. Сов. I, 1, 596.

Подъ 12-мъ августа, въ „Дневникѣ“ Храповицкаго записано: „Давъ увазъ гр. Мусину-Пушкину, чтобъ отстающимъ отъ короля шведскимъ солдатамъ давать каждому отъ 10-ти до 15-ти рублей, подославъ къ нимъ для внушенія сего“ (стр. 128).

Тамъ же, подъ 17-мъ августа, упомянуть „увазъ графу Пушкину о подачѣ совѣта финцамъ, дабы они не шли, если король вздумаетъ перевозить ихъ въ Швецію“ (стр. 131).

Тамъ же, подъ 19-мъ августа, сказано, что „писано графу Пушкину, дабы внушить финнамъ и шведамъ, что и по новой формѣ правленія, въ 1772 году имъ введенной, не можетъ онъ начать войны наступательной безъ согласія чиноръ государства“ (стр. 134). В. В.

²⁾ Баронъ (позже графъ) Егоръ Максимовичъ Спренгпортенъ, финляндецъ родомъ, вступилъ въ русскую службу въ 1786 году въ чинѣ генераль-

Нашихъ того требовать будетъ, подтверждая только ему часто, чтобъ онъ берегъ себя отъ захваченія его въ руки короля Шведскаго.

Посылаются при семъ къ вамъ пять тысячъ червонныхъ изъ конгъ тысячу пожаловали Мы Генералу-Маюру Барону Спренгпортену, а изъ остальныхъ четырехъ вы неоставте дѣлать награжденія и пособія благонамѣреннымъ Финляндцамъ, по надобности и по мѣрѣ усердія каждаго и дѣятельныхъ услугъ Намъ оказываемыхъ, или пользы для службы Нашей изъ того ожидаемой, производя сіи дачи посредствомъ Барона Спренгпортена; въ чемъ Мы на вашу осмотрительность полагаемъся. Пребывая всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

«Что о Рубана ¹⁾ слышно, вы и съ нимъ помнитесь отправили знатную сумму».

«Вы увидите изъ репорты Адмирала Грейга, съ котораго копію къ вамъ приказала послать что многіе шведскіе войски уже сидятъ паки на транспортныхъ судовъ и что проѣздъ его вел. не весьма свободенъ понеже наши корабли нѣкоторые у Гангута крейсируютъ».

17.

„Въ С.-П.-бургѣ. 27 ²⁾ Августа 1788 года“.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Получивъ при реляціи вашей отъ 22-го Августа дневную записку, веденную коммендантомъ Нейшлотскимъ ³⁾ во время атаки той крѣпости отъ непріятели, Мы находимъ нужнымъ, чтобъ вы приказали Генералу Маюру Барону Шульцу ⁴⁾ на-

маюра; ум. въ 1819 году полнымъ генераломъ. Въ „Svenskt Biografiskt Lexicon“ помѣщены невѣрныя о немъ свѣдѣнія, повторенныя у насъ акад. Я. К. Гротомъ (Полн. собр. соч. Державина, II, 631) и за нимъ г. Барсуковымъ („Дневникъ Храповицкаго, 579). Точныя свѣдѣнія сообщены въ „Сборникѣ русск. ист. общества“, XLII, 192, причѣмъ ошибочно показано, будто Спренгпортенъ былъ „отпущенъ на Онежскія воды“ вмѣсто барожскихъ, какъ въ „Дневникѣ“ Храповицкаго подъ 29-мъ іюля 1790 года. Въ чрезвычайно обстоятельномъ указателѣ г. Н. Барсукова къ „Дневнику“ Храповицкаго это слово пропущено: барожскія воды—Bazreges, въ Пиринейхъ, въ южной Франціи.

В. В.

¹⁾ Казначей откупщика Лукина, довѣренное лице гр. Безбородко. См. „Записки“ Гарновскаго, въ „Русской Старинѣ“, т. XV, стр. 27, 259, 265, 488; изд. 1876 г., т. XVI, стр. 2.

²⁾ 28-го августа „подписанъ указъ къ графу Мусину-Пушкину противъ записки вице-канцлера по дѣламъ шведскимъ“. Храповицкій, 140.

29-го августа „подписанъ указъ къ графу Мусину-Пушкину, что не пріемлются никакія предложенія, доколѣ шведы не выйдутъ изъ границъ нашихъ“ (Ibid.).

³⁾ Павелъ Кузьминъ, секундъ-маіоръ, комендантъ нишлотской (Nyslott) крѣпости.

В. В.

⁴⁾ Баронъ Вильгельмъ Васильевичъ Шульцъ, генералъ-маіоръ съ 1786 г.;

мѣстѣ здѣлать его примѣчанія о всѣхъ обстоятельствахъ атаки неприятельской и обороны противу оной, такожъ и о томъ что надобно для приведенія сей крѣпости въ надежную защиту противу сильнѣйшихъ покушеній, и тѣ примѣчанія намъ представили. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

18.

(29 августа 1788 г.).

«Я думаю что я немного ошибаюсь когда за весьма вѣроятное полагаю что Кор. Шведской въ Гельсинфорса или индѣ въ Финляндіи своей вуглу сядя интригуетъ между финны и между шведы и самъ руководствуетъ скрытно въ ихъ нынешней колебленности, онъ тѣмъ самымъ старается какъ нибудь продлить недѣйствіе наше и для того необходимо надлежитъ выжить ево войски изъ Гекфорса; на той недѣли къ вамъ отправлены будутъ не малое число гребныхъ всякихъ судовъ съ помощію которыхъ будете съ водяной стороны въ состояніе подкрепить ваши предпріятія буде добровольно Шведы Гекфорса ¹⁾ не оставить».

19.

(29 августа 1788 г.).

«Гребной флотъ хотя со всею готовъ съ воскресеніе но за мѣлководіе въ вѣхахъ еще выйти изъ оныхъ не можетъ. Буде ветер утихнетъ либо переменится, то не мѣшкавъ отправится.

„Во вторникъ 29 ч., въ первомъ часу за полдень“.

20.

„Въ С.-П.-Бургѣ. 31 августа 1788 года“.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ разсужденіи что по настоящему положенію Шведскихъ войскъ вооруженныя гребныя суда весьма вамъ нужны для пресѣченія имъ сообщенія съ Гельсинфорсомъ, указали Мы здѣсь приготовить какъ найскорѣе на первое время шесть

онъ искусно слѣдилъ за движеніями шведовъ на границѣ русской Финляндіи, нѣсколько разъ разбивалъ отдѣльные шведскіе отряды и первый съ своимъ отрядомъ перешелъ позже въ шведскую Финляндію, гдѣ сильно безпокоилъ неприятеля (Собр. реляцій, II, 24, 26, 42, 95). Въ 1789 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика. В. В.

¹⁾ Въ донесеніи отъ 15 сентября сказано, что шведы „по недостатку въ пропитаніи“ оставили „крѣпкое отъ природы и разными сверхъ того полевыми укрѣпленіями усиленное мѣсто Гекфорсъ“. Собр. реляцій, II, 17. В. В.

галеръ, въ томъ числѣ одно на шведскій образъ построенное судно, одно бомбардирское судно и три или четыре кананерскія лодки, съ тѣмъ что естли вы можете посадить на галеры людей изъ арміи вамъ вѣрѣнной, то по полученіи отъ васъ о томъ увѣдомленія, оныя тотчасъ къ вамъ отправлены будутъ; а сколько людей на какія суда полагается, приложена у сего вѣдомость ¹⁾: а какъ для пособія въ дѣйствіяхъ вашихъ нужно чтобъ вы снхъ судовъ сколько можно болѣе имѣли, и чтобъ количество ихъ естли не превосходное по крайней мѣрѣ ближе къ тому, что непріятель имѣеть, было; то для сего велѣно отъ Насъ еще имѣть въ готовности двѣ или три канонерскіе лодки, три или четыре галеры, и новопостроенную здѣсь шебеку, дабы, естли вы въ состояніи найдетея удѣлить еще на галеры солдатъ изъ арміи, Мы оныя къ вамъ послать могли. Отправляемыхъ на судахъ отсюда людей наемныхъ и отъ сухопутныхъ воинскихъ командъ отряжаемыхъ, надобно будетъ возвратитъ сюда сухимъ путемъ не медлѣнно; и буде вы найдете за нужно, чтобъ вышепомянутое подкрѣпленіе къ вамъ доставлено было, въ такомъ случаѣ людей оныхъ послать сюда на почтовыхъ лошадахъ. Мы будемъ ожидать отъ васъ донесенія въ Выборгъ ли отправить сіи суда, и какія вы распоряженія здѣлаете о пріемѣ ихъ, снабдѣніи провантомъ и провизіею, посаженіи людей, и употребленія всего того на пользу службы, бывъ увѣрены что вы сіе учредите наилучшимъ образомъ, и особливо примете всѣ осторожности, дабы оныя непріятелю въ руки не попалися при обращеніи иногда весьма превосходныхъ со стороны его силъ сего рода. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

Сообщ. въ 1870 г. кн. Ив. Гагаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Этой вѣдомости въ бумагахъ не оказалось.

ДОМЪ И ФАМИЛІЯ ГРАФОВЪ СТРОГОНОВЫХЪ

1752—1887 гг.

Родъ владѣльцевъ строгоновскаго дома, начиная съ 1752 г.—Именитый чело-
вѣкъ Григорій Дмитріевичъ Строгоновъ.—Дѣти его: Александръ, Николай и
Сергій.—Свѣдѣнія о родѣ Строгоновыхъ.—Мнѣніе о происхожденіи Строго-
новыхъ графа Сергія Григорьевича Строгонова.—Биографія перваго строи-
теля дома барона Сергія Григорьевича.—Сынъ его баронъ, впоследствии
графъ, Александръ Сергѣевичъ.—Воспитаніе его и женитьба на графинѣ
Аниѣ Михайловнѣ Воронцовой.—Графъ Михаилъ Илларионовичъ и супруга
его Анна Карловна Воронцова.—Участіе императрицы Елисаветы Петровны
въ женитьбѣ барона Александра Сергѣевича.—Вѣчаніе его.—Смерть гра-
фини Строгоновой.—Новый бракъ Александра Сергѣевича съ княжною Ека-
териною Петровною Трубецкою.—Путешествіе ихъ за границую.—Рожденіе
сына Павла.—Иванъ Николаевичъ Корсаковъ.—Увольненіе и переѣздъ
его въ Москву.—Графиня Екатерина Петровна удаляется въ Москву.—
Сельцо Братцово.—Жизнь ея.—Дворяне Ладомирскіе.—Жизнь графа Але-
ксандра Сергѣевича въ царствованіе императрицы Екатерины II, Павла
и Александра I-го.—Сынъ его гр. Павелъ Александровичъ.—Супруга его гр.
Софія Владиміровна.—Дочь ея гр. Наталія Павловна и мужъ послѣдней—
гр. Сергій Григорьевичъ Строгоновъ.—Составъ маіората и галлерей.

I.

Всякій, кто былъ въ Петербургѣ и прошелся хотя одинъ
разъ по Невскому проспекту, тотъ не могъ не остановить свои
взоры на старинномъ домѣ, находящемся близъ Полицейскаго
моста, на углу Невскаго проспекта и набережной рѣки Мойки.

По своей архитектурѣ и вообще наружному виду, домъ этотъ
напоминаетъ Зимній дворецъ, который, какъ извѣстно, построенъ
былъ знаменитымъ въ свое время, именно въ половинѣ прош-
лаго XVIII вѣка (въ 1762 г.), архитекторомъ графомъ Растрелли.

Домъ этотъ есть достояніе графовъ Строгоновыхъ и составляетъ часть такъ называемаго строгоновскаго маіората, который, по величинѣ своей, едва ли не превосходитъ нѣкоторые малыя государства Германской имперіи.

Дѣйствительно, строгоновскій домъ, какъ увидимъ впоследствии, построенъ почти въ одно и то-же время, какъ и Зимній дворецъ, и тѣмъ самымъ архитекторомъ, графомъ Растрелли, въ 1752—1754 годахъ.

Въ теченіи болѣе вѣка домъ этотъ наполнялся и преисполненъ сокровищами живописи, портретами замѣчательныхъ лицъ, коллекціями эстамповъ, собраній монетъ и прочихъ рѣдкостей и кромѣ сего вмѣщаетъ въ себѣ огромную бібліотеку; владѣльцы же онаго съископи отличались заслугами отечеству и престолу, а потому имена ихъ сдѣлались достояніемъ исторіи.

Далѣе, въ былое время строгоновскій домъ открытъ былъ любителямъ науки, слова, живописи, артистамъ и вообще талантамъ, и потому почасту представлялъ изъ себя, такъ сказать, академію или храмъ, посвященный музамъ.

Нѣкоторые изъ владѣльцевъ онаго въ особенности покровительствовали всему этому, а потому въ свое время, по справедливости, получили и пользовались названіемъ меценатовъ.

Вотъ въ виду сего и сочувствуя программѣ уважаемаго журнала „Русской Старины“—знакомить читателей онаго со всѣмъ тѣмъ, что касается замѣчательныхъ лицъ Россіи, мы рѣшились составить краткій очеркъ съ цѣлю познакомить многочисленныхъ читателей этого журнала какъ съ бывшими владѣльцами стариннаго дома—графовъ Строгоновыхъ, такъ и со всѣмъ тѣмъ, что касается рода ихъ, безспорно славнаго по своей полезной дѣятельности.

Впрочемъ, очеркъ этотъ не есть полная біографія владѣльцевъ этого дома, для чего потребовалось бы и много матеріаловъ, коими мы не обладаемъ, и изученіе общественнаго быта и исторіи прошлаго и начала нынѣшняго вѣвовъ, въ теченіи коихъ они жили; нѣтъ, все это не входитъ въ предѣлы нашей статьи. Мы только составили краткій, но вполне достовѣрный очеркъ всего того, что намъ сдѣлалось извѣстнымъ и о чемъ удалось собрать свѣдѣнія, по отношенію рода графовъ Строгоновыхъ, въ теченіи многихъ лѣтъ.

Итакъ, начнемъ.

Настоящій владѣлецъ этого дома есть графъ Сергѣй Александровичъ Строгоновъ, но въ хронологическомъ порядкѣ, со времени постройки онаго, собственниками дома были слѣдующія лица:

Первымъ, строителемъ (1752 — 1754 гг.), былъ баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, умершій 30 сентября 1756 г.

Вторымъ, послѣ него, владѣльцемъ былъ единственный сынъ его, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, скончавшійся 27 сентября 1811 года.

Третьимъ—единственный сынъ послѣдняго, графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ,—умершій 10 июня 1817 года.

Четвертою, на основаніи особаго маіоратнаго акта 1817 г. въ качествѣ пожизненной владѣлицы всего строгоновскаго маіората вмѣстѣ съ домомъ, была супруга графа Павла Александровича, графиня Софія Владиміровна Строгонова, рожденная княжна Голицына, умершая 5 марта 1845 года.

Пятою послѣ нея хозяйкою дома была старшая дочь ея, графиня Наталія Павловна Строгонова, бывшая въ замужествѣ за графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ.

Шестымъ, по смерти ея, послѣдовавшей 7 октября 1872 г., въ качествѣ пожизненнаго владѣльца и на основаніи тоже особаго высочайшаго разрѣшенія, является мужъ ея, самъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, умершій 27 марта 1882 г.

Далѣе, за смертію сына графини Наталіи и графа Сергѣя—графа Александра Сергѣевича, умершаго прежде своихъ родителей, въ наслѣдство всего строгоновскаго маіората вступаетъ, по праву представленія своего отца, нынѣшній владѣлецъ, сынъ его, графъ Сергѣй Александровичъ Строгоновъ, который, по сему, является, со времени постройки дома, седьмымъ владѣльцемъ.

Первый владѣлецъ и строитель описываемаго нами дома, баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, былъ сынъ послѣдняго, изъ такъ называемыхъ, въ нашей исторіи, именитыхъ людей Строгоновыхъ,—Григорія Дмитріевича Строгонова.

По преданію, императоръ Петръ Великій не могъ бы окончить успѣшно войны со шведами, если-бъ не получалъ пособія деньгами отъ Григорія Дмитріевича Строгонова. Такъ, однажды,

Григорій Дмитріевичъ, угощая царя Петра обѣдомъ на бочкѣ, наполненной золотомъ, сказалъ ему: „что не подчуетъ своего господина и благодѣтеля въ половину, — но просить смотрѣть на бочку, какъ на часть угощенія“.

Царь Петръ, разумѣется, принялъ этотъ даръ.

Супруга Григорія Дмитріевича, Марія Яковлевна, рожденная Новосильцова, находилась въ отъѣнной милости у царя Петра; она, какъ извѣстно, была первою статсъ-дамой при его дворѣ.

Григорій Дмитріевичъ умеръ въ 1715 году. Пожертвованія его царю и отечеству были и велики и часты.

Во вниманіе сихъ услугъ, царь Петръ, праздноя 30 мая 1722 года, въ г. Казани, день пятидесятилѣтняго своего рожденія, — возвелъ трехъ сыновей Григорія Дмитріевича: Александра, Николая и Сергѣя, — въ баронское достоинство.

Вотъ эти три лица и сдѣлались родоначальниками трехъ особыхъ вѣтвей Строгоновской фамиліи.

Но въ нашемъ очертаніи мы будемъ держаться по преимуществу потомства барона Сергѣя Григорьевича, какъ владѣльцевъ описываемаго нами дома.

О древнемъ происхожденіи именитыхъ людей Строгоновыхъ мы отсылаемъ читателя къ исторіи Карамзина и къ брошюрѣ Н. Г. Устрялова: Именитые люди Строгоновы (Спб., 1842 г.).

По исторіи Карамзина, Строгоновы суть потомки татарскаго мурзы, по имени Спиридона, царскаго происхожденія.

Вотъ этого мурзу озлобленные татары, за перемѣну вѣры, застрогали, будто бы, до смерти, отчего потомки его и получили названіе Строгоновыхъ.

Тотъ же Карамзинъ описываетъ, что братья Строгоновы, Яковъ и Григорій, еще въ XVI столѣтіи, во времена Іоанна Грознаго, извѣстны были уже своими богатствами, промыслами, сначала по вываркѣ соли, въ нынѣшней Вологодской губерніи, и потомъ по выдѣлѣ металловъ въ Пермской губерніи.

Все это Карамзинъ заимствовалъ изъ сказанія голландскаго ученаго Витсена, бывшаго въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ. Независимо отъ сего, по исторіи Карамзина,

внуки Спиридона Строгонова способствовали искупленію изъ плѣна отъ татаръ великаго князя Василія Темнаго.

По Устрялову, Строгоновы въ древнее время были что-то въ родѣ феодальныхъ бароновъ, пользовавшихся извѣстною самостоятельностью и независимостію отъ московскихъ властей.

Впрочемъ, монографія Устрялова кончается смертію именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строгонова, а нашъ очеркъ начинается жизнію сыновей его, и по поводу происхожденія Строгоновыхъ мы скажемъ слѣдующее: сказанію или баснѣ о томъ, будто бы одинъ изъ предковъ ихъ былъ застрѣганъ до смерти татарами,—никто изъ старшихъ членовъ этой фамиліи, позднѣйшаго времени, не придавалъ никакой вѣры, о чемъ мы, въ былое время, неоднократно и бесѣдовали съ нѣкоторыми изъ нихъ.

По отношенію-же брошюры Н. Устрялова „Именитые люди“, вотъ что мы вспомнили. Въ началѣ сороковыхъ годовъ текущаго вѣка, въ то время, когда я жилъ въ домѣ Строгоновыхъ, графиня Софія Владиміровна, въ разговорѣ со мною, выразила какъ-то желаніе, чтобы я указалъ ей кого-либо изъ ученыхъ людей, съ цѣлію поручить ему заняться изслѣдованіемъ о родѣ и происхожденіи Строгоновыхъ.

Въ то время профессоромъ русской исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, въ коемъ я окончилъ курсъ, былъ Н. Г. Устряловъ, извѣстный уже тогда изданіемъ писемъ князя Курбскаго и записокъ Маржерета о Дмитріи Самозванцѣ.

Вслѣдствіе сего я указалъ графинѣ на Устрялова, и вотъ, по передачѣ ему мною желанія ея и нѣкоторыхъ бумагъ и актовъ Строгоновской фамиліи,—онъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, представилъ означенную работу, т. е. „Именитые люди Строгоновы“.

Трудъ этотъ былъ напечатанъ въ 1842 г., на счетъ графини, и разосланъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и зятю ея, графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову, бывшему тогда попечителемъ московскаго университета.

Затѣмъ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ: „съ чего это вашъ Устряловъ, въ брошюрѣ „Именитые люди“, вздумалъ придавать фамиліи Строгоновыхъ значеніе феодальныхъ бароновъ? Ничего подобнаго не было. Напротивъ того, продолжалъ графъ,

Строгоновы были люди русскаго происхожденія, посвятившіе себя промысламъ, сначала соляному, а потомъ желѣзному и вообще рудному. Въ доказательство сего, говорилъ графъ, могу связать то, что и теперь въ Вологодской губерніи, откуда собственно и вышли Строгоновы, есть люди, носящіе также фамилію Строгоновыхъ и не менѣе древняго происхожденія, какъ и я самъ; съ ними я лично знакомъ, и считаю свое происхожденіе, а равно и ихъ, отъ однихъ и тѣхъ же родоначальниковъ“.

Графъ Сергій Григорьевичъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ правдивый, говорилъ чистосердечно, и по своимъ знаніямъ исторіи и вообще археологіи, конкъ онъ былъ страстнымъ любителемъ, заслуживалъ полного довѣрія.

Но не будемъ вдаваться въ изысканія о семъ предметѣ и скажемъ, на основаніи словъ графа Сергія Григорьевича, что древніе Строгоновы, развившіе свою промысловую дѣятельность въ Вологодской и Пермской губерніяхъ, были люди русскіе и вовсе не царскаго происхожденія и никогда не присвоивали себѣ значенія бароновъ феодальныхъ ¹⁾).

Добавимъ къ этому, что люди сіи, въ видахъ охраны своихъ заводовъ отъ набѣговъ инородцевъ, успѣли залучить къ себѣ атамана разбойнической шайки Ермака и его дружину, снабдили ихъ

¹⁾ Недавно намъ попалась подъ руку книга, почти неизвѣстная въ Россіи *Geschichte des russischen hohen Adels*, von Dr. Arthur Kleinschmidt, доцента исторіи въ гейдельбергскомъ университетѣ, Cassel, 8 т., 1877 г., стр. XVI+560. Въ этой объемистой книгѣ убористой печати авторъ излагаетъ генеалогію 270 русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ фамилій; не знаа русскаго языка, г. Клейншмидтъ пользовался переводами на французскій и нѣмецкій языки—исторіи Карамзина, Устрялова, Вестужева-Румина, а также разными записками иностранцевъ о Россіи, а также и русскихъ людей (въ переводахъ), какъ: кн. Долгорукаго, кн. Дашковой, графа Борфа, А. И. Герцена, памфлетами Головина и проч.

При незнааніи русскаго языка, авторъ не могъ воспользоваться трудомъ, прямо до предмета его книги относящимся: „Русскою родословною книгою“, составленною кн. А. Б. Добановымъ-Ростовскимъ, изданною нами, въ двухъ частяхъ, въ 1873 и 1875 г. Въ книгѣ г. Клейншмидта много неточностей и простодушной наивности въ разныхъ замѣткахъ о позднѣйшихъ представителяхъ тѣхъ или другихъ фамилій (см., напр., о графѣ Петрѣ Андр. Шуваловѣ). Строгоновымъ посвящены въ упомянутой книгѣ стр. 379—388; о происхожденіи ихъ (будто бы отъ татарскаго мурзы) повторяются прежнія басни.

М. С.

Висбаденъ. 1 февраля 1887 г.

всѣми боевыми средствами и направили ихъ отважную дѣятельность на завоеваніе Сибири.

Въ этомъ и состоитъ особая заслуга Строгоновыхъ, привлечшая къ нимъ благоволеніе великихъ князей московскихъ и въ особенности царя Іоанна Грознаго и, наконецъ, великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Отъ сихъ послѣднихъ Строгоновы, въ лицѣ Григорія Дмитріевича, получили подтвердительную жалованную грамоту 25-го іюля 1692 года, на укрѣпленіе за ними обширныхъ земель въ Пермскомъ краѣ, со всѣми преимуществами, дарованными роду его съ половины XVI до конца XVII вѣка.

Но такое предоставленіе предвѣстъ и ему, Григорію Строгонову, отъ московскихъ великихъ князей нѣкоторыхъ особыхъ правъ, по владѣнію пожалованными имъ землями, что въ то время было въ обычаѣ, не могло давать имъ значенія казенныхъ-то феодальныхъ бароновъ, какъ думалъ и писалъ Устряловъ.

Вообще скажемъ, что Строгоновы еще въ XVI столѣтіи считались людьми богатыми московскаго государства, а съ XVIII они уже являются при дворѣ на службѣ царю и отечеству, и заслуги ихъ признаваемы были какъ прежними нашими вѣнценосцами, такъ и государями послѣдняго времени.

Засимъ обратимся къ первому строителю и владѣльцу описываемаго нами строгоновскаго дома, барону Сергѣю Григорьевичу.

II.

Точнаго дня рожденія барона Сергѣя Григорьевича мы не знаемъ, но судя по надписи на памятникѣ въ Невскомъ монастырѣ о томъ, что онъ умеръ 30 сентября 1756 года, на 49 году своей жизни, можно заключить, что онъ родился въ 1707 году.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, 1741—1761 гг., онъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Въ день же рожденія великаго князя Павла Петровича, именно 20 сентября 1754 года, онъ былъ пожалованъ генераль-лейтенантомъ.

Вообще, онъ пользовался большою благосклонностью со стороны императрицы и по своему богатому состоянію, связямъ и женитьбой на Софіи Нарышкиной онъ былъ весьма близокъ къ особѣ ея и ко двору.

Были еще другія обстоятельства, связывающія строгоновскую семью съ царствующею фамиліею и дѣлавшія ихъ родственниками.

Обстоятельства эти есть женитьба брата императрицы Екатерины I, Мартына Карловича Савронскаго, на племянницѣ барона Сергѣя Григорьевича — Маріи Николаевнѣ Строгоновой. Сія послѣдняя жила въ домѣ своего дяди въ Петербургѣ и самая свадьба отпразднована была тутъ на славу и со всею пышностію. Родство Строгоновыхъ, какъ увидимъ впоследствии, признавали гласно императрицы Елисавета и Еватерина II.

Баронъ Сергѣй Григорьевичъ, по обязанности своей службы, постоянно былъ въ свитѣ императрицы Елисаветы, совершалъ съ ней всѣ ея путешествія, или, какъ тогда говорили, былъ въ походѣ.

Отъ брака съ Софіей Кириловной Нарышкиной, умершей 7 мая 1737 года, онъ имѣлъ единственнаго сына Александра, рожденнаго 3 января 1733 года, и на воспитаніе его онъ обратилъ все свое вниманіе.

Сначала воспитаніе его шло дома подъ руководствомъ француза Антонія; по достиженіи сыномъ 18-ти-лѣтнаго возраста, образованіе это оказалось недостаточнымъ и рѣшено было отправить его за границу.

И вотъ 24-го мая 1752 года молодой баронъ Александръ Сергѣевичъ, откланявшись наканунѣ императрицѣ, въ сопровожденіи своего наставника Антонія и двухъ служителей, Мурахина и Печенева — отправился за границу, гдѣ и пробылъ до іюня мѣсяца 1757 года.

Во время пребыванія его тамъ, между отцемъ и сыномъ происходила самая нѣжная переписка, изъ которой, въ былое время, мы сдѣлали извлеченія.

Благодаря этой перепискѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни барона Сергѣя Григорьевича, о постройкѣ имъ описываемаго нами дома, о воспитаніи сына его Александра

и, наконецъ, о женитьбѣ сего послѣдняго на графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой.

Относительно сего путешествія скажемъ первоначально, что на издержки по оному баронъ Сергѣй Григорьевичъ назначилъ сыну 2,500 руб. въ годъ, каковую сумму онъ и акредитовалъ у банкира, по имени Логина, въ Амстердамѣ. Впрочемъ, Логину поручено было выдавать ему и болѣе, если-бы оказалась въ томъ необходимость.

При участіи вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, баронъ Сергѣй Григорьевичъ снабдилъ сына своего рекомендательными письмами ко всѣмъ нашимъ посламъ за границую и другимъ лицамъ, тамъ пребывающимъ; съ своей стороны нашъ академикъ Миллеръ далъ ему письма ко всѣмъ знаменитостямъ того времени по части ученой.

Письма сіи дали возможность молодому барону быть представленнымъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и коронованнымъ особамъ и войти въ сношенія съ учеными людьми.

Во время пребыванія сына за границею, отецъ писалъ къ нему въ Женеву, что 22-го октября 1752 года, въ Петербургѣ, было такое наводненіе, что причинило большой вредъ городу и народу, причемъ многіе утонули.

Потомъ другимъ письмомъ, вслѣдъ за предъидущимъ, баронъ Сергѣй Григорьевичъ сообщилъ сыну, что „нашъ петербургскій домъ, 1-го ноября 1752 года, сгорѣлъ до основанія и что на томъ-же самомъ мѣстѣ онъ началъ строить новый и такой огромный и съ такими украшениями внутри и снаружи, что удивленія достойно“.

Независимо отъ сего, Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ отца извѣщеніе о томъ, что графъ Растрелли тогда жилъ у него въ домѣ въ покояхъ его, Александра, и это обстоятельство даетъ поводъ почасти ему, отцу, говорить съ нимъ, Растрелли, о немъ — сынѣ и что сей послѣдній составилъ планъ и фасадъ новому дому.

Вотъ эти два письма и заключаютъ въ себѣ едва-ли не единственные свѣдѣнія о времени постройки дома графовъ Строгоновыхъ Растрелли, — ибо никакихъ другихъ письменныхъ документовъ въ конторѣ Строгоновыхъ нѣтъ.

Такую мысль я вывожу изъ того, что графъ Сергѣй Гри-

горьевичъ (попечитель) въ 1872 году, вѣроятно, желая привести въ ясность время и обстоятельства, сопровождавшія постройку дома, о коемъ теперь идетъ рѣчь и въ которомъ онъ тогда жилъ, спрашивалъ меня: не знаю-ли я что-либо о семъ предметѣ, говоря, что собственно бумагъ или дѣла объ этомъ домѣ въ конторѣ у него нѣтъ.

Само собою, разумѣется, въ отвѣтъ на это, я указалъ Сергѣю Григорьевичу на упомянутыя два письма барона Строгонова, писанныя имъ въ 1752 году.

Впрочемъ, что домъ Строгоновыхъ построенъ графомъ Растрелли, то это фактъ общезвѣстный и сомнѣнія въ томъ быть не можетъ.

Къ сему добавимъ, что Растрелли въ то-же время строилъ и домъ графа Михаила Воронцова, что нынѣ Пажескій корпусъ.

Имя графа Воронцова мы не безъ умысла упомянули, ибо, какъ впоследствии увидимъ, дочь его графиня Анна сдѣлалась супругою нашего молодого путешественника, барона Александра Сергѣевича.

Въ 1752 и послѣдующіе за симъ годы онъ жилъ въ Женевѣ, слушалъ тамъ курсъ разныхъ наукъ, по окончаніи которыхъ намѣревался объѣхать Италію и Францію и только послѣ сего воротиться въ Россію.

Но не такъ думалъ его родитель и императрица Елисавета Петровна.

Въ головѣ у нихъ созрѣлъ планъ женитьбы Александра Сергѣевича на юной графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ современниковъ есть свѣдѣнія о томъ, что Александръ Сергѣевичъ, живя за границею и предавшись вполне наукамъ, не безъ страха помышлялъ о намѣреніяхъ отца относительно его женитьбы.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей о скорѣйшей женитьбѣ сына, отецъ писалъ къ нему, что отъ „наставника Антонія онъ имѣетъ весьма удовлетворительныя свѣдѣнія объ окончаніи имъ курса многихъ наукъ, и что этимъ онъ довольно себя приготовилъ на службу отечеству, но, — продолжалъ отецъ, — вамъ не всегда придется жить уединенно и съ одними учеными мыслями, но должны будете обращаться въ новомъ свѣтѣ съ цѣлью что-нибудь себѣ профитировать“.

Потомъ отецъ писалъ ему болѣе рѣшительно, говоря: „возвращайтесь въ отечество, ибо нѣкоторые обстоятельства, клонящіяся къ вашему благополучію, велятъ вамъ воспользоваться прїездомъ“.

Нетерпѣніе отца видѣть сына было такъ велико, что онъ съ цѣлю, чтобы заставить его возвратиться въ отечество немедленно, прекратилъ высылку или переводъ ему денегъ за границу.

Но все это оказалось бесполезнымъ, Провидѣніе иначе устроило: 30 сентября 1756 года баронъ Сергѣй Григорьевичъ скоропостижно умеръ.

По поводу сего, въ академическихъ вѣдомостяхъ того времени было напечатано, на латинскомъ и русскомъ языкахъ, „что онъ ово былъ слѣпыхъ, нога хромыхъ и всѣмъ былъ другъ“.

Похвала оригинальная и большая, но такія фразы едва ли не произносятся при погребеніи всѣхъ умершихъ на основаніи той истины, что *de mortibus aut bene, aut nihil*.

Впрочемъ, по многимъ даннымъ, можно заключить, что баронъ Сергѣй Григорьевичъ былъ, дѣйствительно, человекъ съ хорошимъ направлениемъ и добрыми свойствами; главное достоинство для его потомковъ заключается въ томъ, что онъ основалъ галерею, которая съ того времени и начала наполняться разными рѣдкостями; воспиталъ въ добрыхъ началахъ сына своего, что неминуемо отразилось и на потомкахъ сего послѣдняго; наконецъ, скажемъ, что онъ жилъ съ большою пышностію, поддерживалъ величіе двора, а балы, даваемые имъ, описывались даже въ иностранныхъ газетахъ своего времени.

Среди царедворцевъ и лицъ, стоявшихъ у кормила правленія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, едва ли не первое мѣсто занималъ канцлеръ графъ Михаилъ Илларионовичъ Воронцовъ. Родился онъ 12 іюля 1714 года, и на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ началъ службу свою, при великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ званіи камеръ-юнкера, потомъ въ 1741 году онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ другими, въ возведеніи ея на престолъ. По этому поводу рассказываютъ еще, что Воронцовъ, сопровождая царевну Елисавету въ гренадерскую роту Преображенскаго полка, предоставилъ ей, для сей поѣздки, свои сани. Участіе его въ возведеніи Елисаветы на престолъ, а равно женитьба его на двоюродной сестрѣ императрицы, Аннѣ Карловнѣ

Скавронской, поставили его во главѣ тогдашняго правительства и приблизили лично къ особѣ ея величества.

Онъ имѣлъ дочь, по имени Анну, родившуюся въ 1743 г.; въ эпоху описываемаго нами времени она имѣла около 14 лѣтъ отъ роду. Она была крестница императрицы Елисаветы и наследница престола великаго князя Петра Ѳеодоровича. Молодая графиня Анна Михайловна, по свидѣтельству современниковъ, въ томъ числѣ и барона Александра Сергѣевича, отличалась воспитаніемъ, красотой и всѣми добрыми качествами нѣжной души.

Впослѣдствіи, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, по описанію бывшаго тогда при дворѣ нашемъ англійскаго посланника Сэра Джерси Макартнея, графиня Анна Михайловна развилась еще болѣе и слыла очаровательнѣйшею женщиною своего времени. Такъ она, въ числѣ прочихъ красавицъ временъ Петра III, служила украшеніемъ его двора, и графъ Никита Ив. Панинъ, по свидѣтельству того-же посла, не смотря на свои почтенные годы, былъ безъ ума отъ графини Анны; но тѣмъ не менѣе она, какъ увидимъ впослѣдствіи, была несчастнѣйшею женщиною въ мірѣ.

Чтобы отклонить неодобрительные современные отзвымы о графинѣ Аннѣ, появившіеся по ея смерти, и чтобы доказать, что Александръ Сергѣевичъ ее любилъ, мы приведемъ въ подлинникѣ письмо его самаго. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ своему бывшему наставнику, Саразо, въ Женеву, въ 1757 г.,—онъ такъ описываетъ графа Воронцова, его жену и дочь ихъ, графиню Анну.

— „Вице-канцлеръ графъ Воронцовъ былъ искренній другъ покойному моему отцу. У него я имѣлъ случай видѣть и полюбить молодую дочь его, графиню Анну; отецъ ея и мать, олицетворенная доброта, справедливость и благородство, и всѣ эти качества открыто выражаются на ихъ благородныхъ лицахъ. Графъ Михаилъ, можетъ быть, есть единственный вельможа въ Россіи, который во всю свою жизнь не сдѣлалъ никому зла. Всѣ его уважали и почитали, что чрезвычайно трудно достигнуть на занимаемомъ имъ мѣстѣ; что же касается до той, которую я люблю, то ей всего около 14 или 15 лѣтъ и ко всѣмъ качествамъ ея ума и красоты нужно присоединить еще и прекрасное воспитаніе. О! восклицалъ Александръ Сергѣевичъ, я самый счастливый человекъ въ мірѣ!“

Печальное извѣстіе о смерти отца своего, послѣдовавшей

30 сентября 1756 года въ С.-Петербургѣ, Александръ Сергѣевичъ получилъ на пути своемъ изъ Парижа въ Голландію.

III.

Со смертію отца скорое возвращеніе его въ Россію потеряло значеніе и онъ началъ ходатайствовать чрезъ графа Ив. Ив. Шувалова о дозволеніи ему остаться еще нѣкоторое время за границею, для усовершенствованія себя, какъ онъ говорилъ, въ наукахъ.

Въ то время путешествовали за границую князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Просьба Строгонова, однако-жь, не была уважена, ибо императрица Елисавета Петровна приказала, 17-го января 1757 г., объявить ему, чтобы онъ немедленно возвратился въ отечество, куда онъ и прибылъ 23-го іюля 1757 г., направивъ свой путь прямо въ Петергофъ, гдѣ въ то время пребывалъ дворъ.

Въ день своего приѣзда онъ представлялся императрицѣ. При семъ случаѣ императрица съ горестію и соболѣзнованіемъ вспоминала о его отцѣ.

Вообще, по словамъ Александра Сергѣевича, она приняла его со слезами на глазахъ, какъ нѣжная мать, находившаяся долго въ разлукѣ съ своимъ сыномъ.

Въ то-же время она заявила, чтобы онъ постоянно оставался при ней въ Петергофѣ, слѣдовалъ-бы за нею во всѣхъ ея путешествіяхъ и прогулкахъ и ежедневно находился при ея обѣденномъ столѣ.

Комнаты, отведенныя ему во дворцѣ, находились рядомъ съ отдѣленіемъ, которое занимало семейство вице-канцлера Воронцова.

Молодость барона Александра Сергѣевича, воспитаніе и манеры, усвоенныя имъ за границею при европейскихъ дворахъ, и, наконецъ, природная острота ума дѣлали его весьма интереснымъ женихомъ, равнымъ образомъ очарованіе, которое проявляла собою молодая графиня, — все это невольно сблизило нашихъ молодыхъ людей. Впрочемъ, сближеніе это было слѣдствіемъ дружескихъ отношеній родителей ихъ. Сочувствіе это, при заявленномъ согласіи императрицы и графа Михаила Илларионовича

на бракъ ихъ,—укрѣпило намѣреніе барона и графини, и они дали слово принадлежать другъ другу.

Въ подтвержденіе того, что Александръ Сергѣевичъ уже въ молодыхъ лѣтахъ обращалъ на себя вниманіе современниковъ, мы приведемъ три письма, писанныя къ отцу его,—одно барона Карла Ефимовича Сиверса изъ Венеціи, другое отъ нашего повѣреннаго въ Парижѣ Бехтѣева, а третье — отъ нашего посла въ Лондонѣ, графа Петра Григорьевича Чернышева.

Первый писалъ: „по приѣздѣ моемъ въ Венецію, сынъ вашъ тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, съ выраженіемъ такой радости, которую я и изъяснить не могу. Долго мы не могли перестать цѣловать другъ друга. При семъ засвидѣтельствовать могу, что сынъ вашъ искуснымъ учинилъ себя въ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и италіянскомъ, на которыхъ онъ для меня и толмачить.

„Черезъ него я познакомился со всѣми здѣшними учеными и нельзя не замѣтить того, что онъ всѣми любимъ и подлинно онъ того своими поступками довольно заслуживаетъ. Вы не повѣрите, какое для меня удовольствіе доставило свиданіе съ вашимъ сыномъ!“

Въ томъ-же смыслѣ писалъ и Бехтѣевъ. Онъ объяснялъ отцу, что Александръ Сергѣевичъ приобрѣлъ въ Парижѣ честное о себѣ мнѣніе, между знатными, и что желательно было-бы, чтобы всѣ россияне въ чужихъ краяхъ приобрѣли столько славы, сколько онъ.

Но самымъ вѣщимъ доказательствомъ объ отличномъ воспитаніи и образованіи Александра Сергѣевича служитъ письмо къ его отцу отъ графа Петра Григорьевича Чернышева, 2-го августа 1752 года, изъ Ганновера, гдѣ въ то время пребывалъ англійскій дворъ.

— „Въ бытность здѣсь вашего сына, такъ писалъ графъ Чернышевъ, я его какъ королю, такъ и знатнѣйшимъ персонамъ обоего пола представлялъ. Мы ежедневно были вмѣстѣ. Вамъ съ особымъ удивленіемъ сказать могу, что воспитанію его, учтивости и персональнымъ качествамъ всѣ должную похвалу воздали,—сіе вамъ достойную честь дѣлаетъ, что вы своимъ отеческимъ попеченіемъ и стараніемъ такъ его возростили. Право, я не нарадовался, слыша отъ него о имѣющихся у него уже въ

наукахъ добрыхъ принципіяхъ и здравыхъ разсужденіяхъ. Я о вышеописанномъ вамъ для того такъ распространяюсь, ибо разсуждаю по себѣ и мню, что вамъ, яко доброму отцу, индифферентно быть не можетъ, и симъ прошу васъ токмо содержать меня въ старой своей дружбѣ и вѣрить мнѣ, что я всегда съ подобными сентиментами и почтеніемъ имѣю честь быть несомнѣнно“.

Чтобы ближе познакомиться съ молодымъ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ, необходимо прочесть письма его изъ заграницы, извлечение изъ которыхъ мы и дѣлаемъ въ особомъ приложеніи.

Обращаемся къ его жизни. Молодость жениха и невѣсты, богатство, знатность, ихъ родственныя отношенія къ самой императрицѣ и ея благоволеніе по сему случаю, все, казалось, было залогомъ будущаго ихъ счастья.

Въ доказательство-же того, что желаніе на бракъ Александра Сергѣевича съ Анной Михайловной было не плодомъ только сердечнаго увлеченія, но зрѣлаго обсужденія, мы приведемъ письмо его отъ 7-го августа 1757 года къ дядѣ его, жившему въ Москвѣ, Николаю Григорьевичу Строгонову—слѣдующаго содержанія:

— „По многомъ разобраніи нынѣшнихъ моихъ обстоятельствъ, я, наконецъ, принялъ намѣреніе ссыскать себѣ сходствующую партію и опредѣлить себя закону супружества, въ чемъ и преуспѣлъ. На сихъ дняхъ я помолвился на дочери его сіят. графа Михаила Илларионовича, на что и высочайшее ея величества соизволеніе послѣдовало; все это и ея величеству было угодно. По моему мнѣнію, партія такъ хороша, что лучше и желать нельзя. При томъ я ласкаю себя тѣмъ, что мое избраніе и вамъ можетъ быть угодно“.

Обрученіе молодыхъ назначено было на 5-е сентября 1757 г., но такъ какъ въ этотъ день приходился праздникъ тезоименитства государыни, то время обрученія отложено было на 20-е сентября,—день рожденія великаго князя Павла Петровича.

Изъ писемъ Александра Сергѣевича къ разнымъ его роднымъ видно, что императрица въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ молодыхъ принимала самое нѣжное участіе. Такъ, узнавъ, что Александръ Сергѣевичъ приготовилъ для себя обручальный перстень

своего отца, — она тотчасъ приказала приготовить ему другое кольцо на томъ основаніи, какъ она говорила, что покойный его отецъ слишкомъ мало жилъ съ своею супругою; но это не совсѣмъ удовлетворяло Александра Сергѣевича и онъ писалъ въ своему управляющему, говоря, что хотя означенное распоряженіе государыни и выказываетъ, что она его любитъ, но, однако-же, это вводитъ его въ новый расходъ, посему онъ приказывалъ ссыпать ему другой перстень, не менѣе 3-хъ тысячъ рублей.

Приготовленіе къ свадьбѣ сопровождалось большими расходами, такъ что Александръ Сергѣевичъ прибѣгнулъ къ дядѣ Ниволаю Григорьевичу, прося у него въ долгъ 20 т. р., но дядя могъ ему ссудить только 5 т. р.

Самое обрученіе совершилось въ назначенный день, именно 20-го сентября 1757 года, а вѣнчаніе происходило 18-го февраля слѣдующаго за симъ 1758 года.

Въ ознаменованіе сего дня, женихъ получилъ званіе „дѣйствительнаго камеръ-юнкера“.

Въ тотъ-же день вѣнчались съ нимъ: Марина Осиповна Закревская со Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, а также Марія Романовна Воронцова съ Петромъ Александровичемъ Бутурлинымъ.

Молодость дѣвицъ вѣнчавшихся подала поводъ глазѣвшей на нихъ вѣтренной публикѣ болтать о томъ, кто изъ сихъ юныхъ женъ первая окажется виновною, по отношенію своего мужа.

Острота эта весьма нескромная, пущенная въ ходъ, кажется, молодыми дипломатами, бывшими тогда при нашемъ дворѣ, была весьма распространена въ свое время въ Петербургѣ.

Объ этой остротѣ даже Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ, говоря, что нѣкоторые придворные даже держали пари за нашу молодую графиню Анну Воронцову и выиграли въ томъ отношеніи, что она, не смотря на свою молодость и некрасивую (?) наружность, прежде всѣхъ оказалась виновною, какъ супруга своего мужа.

Мы имѣемъ основаніе не довѣрять ни слухамъ, какъ относящимся къ вымыслу празднои молодежи, ни запискамъ Екатерины II, составленнымъ ею гораздо позже того времени, когда послѣдовали самыя событія, притомъ Екатерина, вступивъ на

престоль, не могла сочувственно относиться къ дочери канцлера, которая держалась партіи Петра III.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодые супруги Строгоновы начали жить хорошо, во всемъ довольствѣ и любовно.

Но событія государственной важности мѣнялись быстро, а съ ними разрушались и отношенія частныхъ лицъ, а въ томъ числѣ и супружескія связи.

25-го декабря 1761 года умерла покровительница Воронцовыхъ—императрица Елисавета Петровна, за нею вступилъ на престоль Петръ III, а при немъ вся тяжесть государственнаго управленія пала на канцлера Михаила Илларионовича Воронцова.

Царствованіе Петра III продолжалось только 6 мѣсяцевъ, и 28-го іюня 1762 года на всероссійскій престоль всходитъ императрица Екатерина II. Само собою разумѣется, что, съ устраненіемъ отъ престола Петра III, удаленъ былъ и вѣрный ему князь Воронцовъ.

По сему поводу рассказываютъ, что когда до Петра III достигли слухи о замыслахъ Екатерины, то Воронцовъ изъ Петергофа посланъ былъ имъ къ ней въ Петербургъ, съ цѣлью призвать ее къ повиновенію. Воронцовъ, прибывъ на мѣсто и увидавъ на площади Казанскаго собора, что войска признали уже Екатерину самодержицею Всероссійскою, тѣмъ не менѣе, онъ порученіе своего государя, коему присягалъ на вѣрность, честно и вѣрноподданнически исполнилъ.

Требованіе его было отвергнуто, самъ онъ былъ задержанъ, и о неуспѣхѣ своего порученія ему дозволено было писать въ Петергофъ. Подробности сія не совсѣмъ согласны съ другими источниками объ этомъ времени; всѣ единогласно утверждаютъ, что присягу на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II Воронцовъ не прежде совершилъ, какъ по обнародованіи манифеста о смерти императора Петра III.

Такія высокія качества Воронцова Екатерина II не могла не признать, тѣмъ не менѣе, вліяніе его на дѣла государства пало, а съ нимъ вмѣстѣ утратилось и расположеніе ея къ фамиліи его, въ томъ числѣ и къ Аннѣ Михайловнѣ Строгоновой.

Мужъ ея, Александръ Сергѣевичъ, во время царствованія Петра III, принадлежалъ къ партіи его супруги, т. е. Екатерины II.

Правда, становясь на сторону государыни, Александръ Сергѣевичъ ничѣмъ гласно не выражалъ участія своего въ этой партіи; но съ того времени, когда она сдѣлалась самодержавной императрицей, тутъ уже не было мѣста въ выборѣ: онъ всецѣло преданъ ей и остался ея другомъ на всю ея жизнь.

Но супруга его, Анна Михайловна, была не въ томъ положеніи: по своимъ прежнимъ отношеніямъ во дворѣ Петра III, какъ крестница его, и по отношеніямъ къ двоюродной сестрѣ своей Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой (Полянская, † 2-го февраля 1792 года), которая, какъ извѣстно, была фавориткой Петра III, и съ коею онъ думалъ даже обвѣнчаться, Анна Михайловна не могла не принадлежать къ его партіи; отношенія эти были послѣдствіемъ всей ея жизни, со дня ея рожденія. Правду скажемъ, что партія эта, да и вообще все общество того времени, не отличалась скромностью.

Нравы были далеко не строги. Притомъ около Петра III, въ послѣдніе дни его царствованія, вращалась цѣлая вереница красавиць; въ числѣ ихъ была Анна Михайловна Строгонова и ея мать Анна Карловна Воронцова, рожденная Славронская, и многія другія, а въ томъ числѣ и графиня Брюссъ, извѣстная своимъ легкимъ поведеніемъ.

Кавалеры тогдашняго времени, слѣдуя духу вѣка, не заявляли протеста противу легкости нравовъ прекрасной половины человѣческаго рода, да и мудрено было имъ заявлять, ибо сами были виновниками этой распущенности.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что нравы второй половины XVIII вѣка исключали возможность супругамъ упрекать другъ друга въ легкости поведенія и что баронесса Анна Михайловна, находясь среди общества и лицъ, живущихъ и ведущихъ свою жизнь по образцу, даваемому свыше и старѣйшими по лѣтамъ, едвали подлежать какому либо обвиненію.

При такомъ состояніи общества не мудрено, что съ противнаго лагеря, центромъ коего была Еватерина Алексѣевна, разносились и оглашались по городу С.-Петербургу многіе рассказы про красавиць, бывшихъ въ влиятѣ Петра III.

Будемъ справедливы и скажемъ, что и противная ей партія ничѣмъ не стѣснялась и жила свободно, не обращая никакого вниманія на толки.

Во всякомъ случаѣ, между молодыми супругами Строгоновыми, съ воцареніемъ Екатерины II, обнаружилась политическая рознь, поддерживаемая тѣми, кому это было полезно и нужно.

Послѣдствіемъ сего явились взаимныя обвиненія, жалобы, а за ними огласились и скандальные анекдоты, можетъ быть измышленные, но въ концѣ концовъ возникла мысль и о разводѣ. Каждая изъ сторонъ оправдывала себя и обвиняла другую, и въ такомъ видѣ все это дошло и до насъ.

Такъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г. напечатано было письмо графа Михаила Воронцова, тестя Строгонова, къ князю Голицыну.

Въ этомъ письмѣ онъ выражаетъ крайнее свое огорченіе и печаль по поводу того, что его любимая дочь Анна, вышедшая замужъ за Строгонова, совершенно несчастна и что онъ, графъ Воронцовъ, ошибся въ зятѣ своемъ.

Съ другой стороны извѣстно, что онъ, Строгоновъ, подавалъ императрицѣ просьбу, домогаясь развода и указывая на какіе-то поступки, совершенные будто бы его женою въ Петергофѣ.

Но императрица, въ виду своего родства съ Строгоновыми, отклонила отъ себя это дѣло, предоставивъ Александру Сергѣевичу обратиться по сему предмету по порядку, т. е. къ суду духовному.

Впрочемъ, при этомъ государыня заявила, что для нея совершенно безразлично, будетъ ли графиня Воронцова носить фамилію Строгоновой или сохранить свое прежнее имя. Въ этихъ словахъ высказывается какое то нерасположеніе императрицы къ несчастной Аннѣ Михайловнѣ; это нерасположеніе было результатомъ историческихъ событій.

Все изложенное заимствовано нами частію изъ собственноручнаго письма Екатерины, отъ 2 декабря 1764 г., къ графу М. Воронцову, напечатанному въ „Историческомъ Сборникѣ“, томъ VII, стр. 395, а частію изъ другихъ источниковъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1764 г. супруги развѣхались и графиня Анна переѣхала въ домъ родителей своихъ, что нынѣ Пажескій корпусъ.

Было ли заведено между супругами формальное дѣло о разводѣ и было ли оно кончено, мы достовѣрно не знаемъ, вѣрнѣе, что нѣтъ, но скажемъ, что 13 февраля 1767 года, въ Москвѣ,

умираетъ ея отецъ, а 21 февраля 1769 года, въ Петербургѣ, пресѣлась жизньъ, скоропостижною смертію, Анны Михайловны Строгоновой.

Пережившая ее мать Анна Карловна и всѣ близкіе къ ней и въ особенности двоюродный братъ Анны Михайловны, Семень Романовичъ Воронцовъ, впадаютъ въ совершенное отчаяніе.

Все это свидѣтельствуеть, что ее любили, сочувствовали ея несчастію и оплакали преждевременную ея кончину.

Могила ея въ Невской лаврѣ украшена памятникомъ съ слѣдующею надписью:

„Въ вѣдрахъ Авраамихъ почившей графинѣ Аниѣ Михайловнѣ Строгоновой, урожденной графинѣ Воронцовой, благоправія, любви и почтенія къ родителямъ наполненной, скончавшейся въ цвѣтущей молодости на 27 г. возраста своего скоропостижно, не оставя по себѣ потомства, несчастная мать, вдова графиня Анна Воронцова, неутѣшно оплакивая такую кончину положила. Лѣта отъ Р. X. 1769 г. февраля 21“.

Прибавимъ къ этому, что сама мать умерла въ Петербургѣ 31 декабря 1775 года, переживъ свою дочь на 6 лѣтъ.

Какъ отнесся къ преждевременной смерти своей супруги Александръ Сергѣевичъ, мы не знаемъ, но скажемъ, что въ то время, когда она выѣхала изъ его дома и когда онъ замыслилъ бракоразводное дѣло, мысли его остановились уже на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой. Это была дочь князя Петра Никитича Трубецкаго и супруги его, Натальи Васильевны, рожденной Хованской.

Точнаго указанія времени сего новаго брака мы не знаемъ, но естественно думать, что онъ послѣдовалъ послѣ смерти графини Анны Михайловны и не позже 1773 года, такъ какъ въ слѣдующемъ за симъ году отъ этого брака явились уже дѣти.

Вслѣдъ за вѣнчаніемъ, супруги уѣхали на продолжительное время за границу. Въ 1778 году они были еще въ Парижѣ.

Вотъ къ этому времени или нѣсколько позже слѣдуетъ отнести покушку Александромъ Сергѣевичемъ многихъ картинъ для своей галлерей.

Молодые супруги объѣхали всю Европу и побывали вездѣ тамъ, гдѣ Александръ Сергѣевичъ просвѣщалъ себя и изучалъ науки; не забылъ, разумѣется, и Женевы, которая въ особенности осталась у него въ памяти.

Тутъ они посѣтили въ Фернеѣ тамошняго мудреца Вольтера. 7 июня 1774 года у гр. Строгонова родился сынъ Павелъ,—была еще и дочь Наталія, но она умерла въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ своего существованія.

При полномъ довольствѣ и вообще общественной и семейной обстановкѣ и при испытанномъ горѣ Александромъ Сергѣевичемъ въ первомъ бракѣ, — казалось бы, новое его супружеское положеніе ничѣмъ не могло быть потрясено, но увы и въ этомъ новомъ бракѣ онъ не избѣгнулъ тяжкаго несчастія.

Послѣдовала измѣна его супруги и измѣна не гадательная, не плодъ свѣтской болтовни толпы, любящей всякій скандалъ, — нѣтъ, но настоящая измѣна, во всей ея наготѣ и со всѣми ея печальными послѣдствіями.

Въ 1779 году, при дворѣ императрицы Екатерины, на высотѣ случайнаго величія фаворита былъ нѣкто по имени Иванъ Николаевичъ Корсаковъ. Въ чинѣ генерала, онъ былъ красивъ по своей наружности, родомъ изъ Малороссіи, любилъ музыку и пѣніе и обладалъ отличнымъ голосомъ.

Въ описываемое время Корсакову было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду.

По любви его къ музыкѣ и пѣнію, Екатерина прозвала Корсакова Пирромъ, царемъ Епирскимъ, и однажды, разговаривая съ Орловымъ о Корсаковѣ, сказала, что онъ поетъ какъ соловей.

— Это правда, отвѣчалъ Орловъ, но извѣстно, что соловьи поютъ только до Петрова дня.

Замѣчаніе Орлова—весьма тонкое: оно какъ бы указывало на временное величіе Корсакова, что на самомъ дѣлѣ и сбылось. Замѣчательно то, что Екатерина II, увлекаясь вообще прекраснымъ, въ области живописи, ваянія и архитектуры, не любила однако-жъ, музыки и откровенно въ томъ сознавалась, говоря, что она желала бы слушать, но что для нея всякая музыка не болѣе, какъ шумъ. Впрочемъ, описывая царя Епирскаго и разумѣя подъ нимъ Корсакова, Екатерина говоритъ, что когда онъ заиграетъ на скрипкѣ, собаки его слушаютъ, а когда онъ запоетъ—птицы прилетаютъ внимать ему, какъ Орфею. Онъ, по словамъ Екатерины, свѣтитъ какъ солнце и вокругъ себя разливаетъ

сіаніе, и при всемъ этомъ ничего женоподобнаго, напротивъ, все въ немъ въ высшей степени мужественно!

Все это мы приводимъ въ доказательство того, что Екатерина въ Корсаковѣ видѣла какое-то совершенство. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1779 года расположеніе ея къ Корсакову доходило до обожанія. Ему она писала письма, удостаивая названія друга, его нетерпѣливо она ждала, выѣзжала ему на встрѣчу, скучала безъ него, увѣряла его въ чистосердечной и неизмѣнной привязанности и, наконецъ, убѣждала его беречь себя для счастья той, которая его любитъ.

Однимъ словомъ, казалось, что преданность и чувства повелительницы въ Корсакову были сердечны, искренни и неизмѣнны. („Р. А.“ 1881 г., тетрадь III, стр. 402).

И вдругъ, въ виду такихъ чувствъ, Корсаковъ измѣнилъ и погубилъ и себя, и баронессу Екатерину Петровну Строгонову.

Молодая ли баронесса увлекла Корсакова, или онъ самъ очаровалъ ее—не знаемъ, но въ концѣ концовъ связь ихъ была замѣчена и доказана.

Гнѣвъ противу виновныхъ былъ великъ!...

Влюбленные, какъ говорили, были подвергнуты наказанію.... Засимъ Корсаковъ долженъ былъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1779 г., поспѣшно удалиться въ Москву, гдѣ и остался до самой своей смерти, и за нимъ отправилась и баронесса Екатерина Петровна, не скрывая уже предъ свѣтомъ своей незаконной связи.

Человѣкомъ въ случаѣ при дворѣ является А. Д. Ланской..

Разсказывая объ очищеніи влюбленныхъ наказаніемъ, мы должны оговориться въ томъ, что письменныхъ указаній о печальномъ семъ событіи мы не имѣемъ, но объ этомъ слышали какъ отъ нѣкоторыхъ лицъ Строгоновской фамиліи, отошедшихъ уже въ вѣчность, такъ и отъ потомковъ, происшедшихъ отъ союза Корсакова съ Строгоною,—Ладомирскихъ, о коихъ рѣчь будетъ впереди.

Впрочемъ, тѣлесное наказаніе, безъ особаго стѣсненія, практиковалось во второй половинѣ XVIII вѣка почасту. Въ особенности этому подвергались барыни, не умѣвшія держать языкъ за зубами.

Нѣкоторые анекдоты по сему случаю разсказывалъ сенаторъ Григорій Петровичъ Митусовъ, умершій въ 1871 году; онъ

былъ женатъ на дочери извѣстнаго въ свое время Степана Ивановича Шешковскаго († 12 мая 1794 г.), бывшаго начальникомъ тайной канцеляріи.

Само собою разумѣется, что подобное тѣлесное наказаніе, въ настоящее время, позорило бы того, кто оному подвергся, но въ то время, когда воля и личный произволъ властей, ничѣмъ не стѣсняемые, были превыше законовъ божескихъ и чловѣческихъ, подобныя истязанія не безчестили истязуемыхъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ уразумѣть, что нашими глазами и съ теперешними понятіями нельзя разсматривать дѣянія минувшихъ временъ.

Положеніе Александра Сергѣевича, какъ супруга жены, увлекшейся случайнымъ фаворитомъ, было весьма затруднительное.

Онъ долженъ былъ, хотя по наружности, предъ лицомъ Екатерины II, скорбѣть не столько о себѣ, сколько о той, которой измѣнилъ Корсаковъ.

Супруги разстались, семейная жизнь ихъ была порвана. По волѣ судебъ, онъ на 46 году своей жизни сдѣлался ни вдовымъ, ни женатымъ.

При немъ осталась дочь Наталія и сынъ Павелъ, коему отъ роду было около 5 лѣтъ.

Изложивъ все это, скажемъ истину, что не будь замѣшана въ это дѣло Екатерина или, другими словами, не будь задѣто здѣсь ея женское самолюбіе, дѣло Екатерины Петровны Строгоновой не получило бы такой огласки въ потомствѣ и отношенія супруговъ, можетъ быть, снова возстановились и она осталась бы въ семьѣ.

Александръ Сергѣевичъ не злобно отнесся къ проступку своей жены. Онъ предоставилъ ей для жительства въ Москвѣ большой свой домъ съ роскошною обстановкою, и, кромѣ сего, отдалъ ей подъ Москвою имѣніе подъ названіемъ сельцо Братцово. Независимо отъ сего, она во всю свою жизнь получала отъ А. С. Строгонова опредѣленное крупное денежное содержаніе.

Въ Братцовѣ устроенъ былъ для нея прелестный домъ, среди живописнаго парка, переполненнаго прудами.

Тутъ она со всею подобающею роскошью для Строгоновской фамиліи принимала пріѣзжавшую къ ней изъ Москвы аристо-

братическую публику, вовсе не скрывая своихъ отношеній къ Корсакову.

Отъ этой связи у нихъ родился сынъ, коему дали имя Василій Николаевичъ Ладомирскій.

Кажется, славянскій Богъ любви Ладо игралъ не маловажную роль въ присвоеніи ему такой фамиліи.

Впослѣдствіи времени Ладомирскій сопричисленъ былъ къ дворянамъ и получилъ отъ Корсакова большія имѣнія въ Черниговской губерніи: м. Семеновка—Новозыбковскаго уѣзда и Гремячъ—Новгородсѣверскаго.

Само собою разумѣется, что сіи имѣнія — суть дары отъ щедротъ императрицы Еватерины, — поступившія къ нему до отчисленія его изъ числа случайныхъ фаворитовъ.

Сельцо Братцово тоже поступило въ родъ Ладомирскихъ.

Въ срединѣ 1840-хъ годовъ Ладомирскій сначала былъ дворяниномъ Московской губерніи, а потомъ состоялъ долгое время въ должности черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, имѣлъ трехъ сыновей: Василя, Николая и Петра, и двухъ дочерей, изъ коихъ одна, Зинаида, вышла замужъ за князя Д. М. Голицына, а другая Софія—за графа А. А. Апраксина.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года, въ X тетради, помѣщена статья г-жи Павловой, весьма интересная для нашего очерка.

Г-жа Павлова рассказываетъ, что она видѣла Е. П. Строгонову въ 1812 и 1814 годахъ, пользовавшеюся въ то время, по мужу, уже титуломъ графини.

Въ первый разъ она видѣла ее въ Ярославлѣ, куда, въ виду пашествія Наполеона, все состоятельное населеніе Москвы бѣжало.

По описанію Павловой, графиня Строгонова была маленькая, скорченная старушка, съ лицомъ до крайности живымъ, но иссохшимъ.

Она принимала гостей, сидя въ кровати, обставленной подушками, въ кружевномъ чепцѣ, украшенномъ лентами яркихъ цвѣтовъ. Ногами она не владѣла, но умъ ея сохранилъ всѣ свои способности; говорила она много и съ живостію, любила въ особенности вспоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, до первой революціи.

При этомъ, по словамъ Павловой, она рассказывала съ особымъ удовольствіемъ о визитѣ своемъ Вольтеру въ Фернеѣ.

Сей послѣдній, возвращаясь съ своей обычной прогулки и встрѣтивъ у себя ее въ домѣ, сказалъ: „Ah, madame, quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous“.

Въ параллель съ житьемъ въ Ярославлѣ, г-жа Павлова описываетъ пребываніе графини Строгоновой и въ селѣ Братцовѣ.

Сюда, по словамъ ея, пріѣзжало много изъ Москвы; общество было, разумѣется, самое аристократическое; принимала она здѣсь тоже въ великолѣпной кровати на стеклянныхъ подставкахъ, съ шелковыми занавѣсками; по словомъ Павловой, графиня чрезвычайно боялась грома, и вотъ, въ видахъ изолированія отъ пола кровати, сія послѣдняя была на стеклянныхъ ножкахъ. Причемъ, въ подтвержденіе того, что графиня Строгонова была женщина въ высшей степени эгоистическая, г-жа Павлова рассказываетъ одно типичное ея восклицаніе.

Чтобы понять смыслъ сего восклицанія, нужно знать слѣдующее: отъ брака съ Александромъ Сергѣевичемъ Екатерина Петровна, какъ сказано было выше сего, имѣла сына Павла, а у сего послѣдняго, въ свою очередь, былъ сынъ Александръ.

Сынъ этотъ, находясь на 19 году своего рожденія съ отцемъ своимъ въ сраженіи при Краонѣ, въ 1814 году 23 февраля, во Франціи, былъ убитъ, на глазахъ отца, пушечнымъ ядромъ въ голову.

Вотъ когда эта печальная вѣсть достигла до графини Екатерины Петровны, то она, не смотря на то, что была бабкою убитаго и мать оставшагося въ живыхъ графа Павла, не проронивъ ни одной слезинки и не выразивъ никакой печали и скорби, только воскликнула: Ah, le pauvre enfant, comme je suis contente de ne pas l'avoir connu, въ переводѣ такъ: ахъ, бѣдное дитя, какъ я довольна тѣмъ, что его никогда не знала.

Фраза эта, преисполненная безсердечія, холодности души, можетъ быть объяснена только совершеннымъ отлученіемъ ея отъ семьи Строгоновыхъ.

Въ рассказѣ Павловой есть еще одно обстоятельство, которое нельзя упустить изъ нашего очерка. По описанію ея, въ с. Братцовѣ съ особою предупредительностію и почестями встрѣчали всегда Ивана Николаевича Корсакова. Еще бы! Важный видъ его поражалъ Павлову. Зная, что онъ когда-то славился красотою, она, Павлова, невольно возымѣла дурное мнѣніе о вкусѣ

того времени, когда онъ слылъ красавцемъ. Такъ, Корсаковъ представлялся ей изсохшею и совершенно невзрачною фигуροю. Вспомнимъ, что исключеніе Корсакова изъ случайныхъ фаворитовъ произошло въ октябрѣ мѣсяцѣ 1779 г., а описываемое Павловой время относится къ 1814 г.,—разница на 35 лѣтъ человѣческой жизни,—періодъ слишкомъ продолжительный и не мудрено, что Корсаковъ пересталъ итѣть соловьемъ, какъ предрекъ ему Орловъ, а изъ красавца превратился въ изсохшую, хотя и важную, фигуру; Екатерина же Петровна, въ свою очередь, изъ молодой прелестной женщины сдѣлалась скорченною старушкою и, въ довершеніе бѣдствія, не владѣла ногами.

Впрочемъ, Корсаковъ, не смотря на то, что былъ развѣнчанъ изъ случайныхъ фаворитовъ въ простые смертные, долго еще не покидалъ своей напускной важности и жители Москвы каждый разъ съ изумленіемъ глядѣли, когда Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, въ каретѣ, украшенной гербами, цугомъ, съ лакеями безъ числа, переѣзжалъ чрезъ городъ въ с. Братцово.

Незадолго до его смерти, послѣдовавшей въ 1831 году, А. С. Пушкинъ часто посѣщалъ Корсакова въ Москвѣ, допытываясь отъ него о временахъ Екатерины.

Спустя 30 лѣтъ послѣ описываемаго нами времени, кажется въ 1841 году, въ Братцовѣ жилъ съ своимъ семействомъ лѣтомъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, попечитель московскаго университета; жена его, графиня Наталія Павловна, приходилась по отцѣ внучкою графини Екатерины Петровны.

Въ то время на стѣнѣ одной изъ комнатъ Братцовскаго дома висѣлъ портретъ графа Александра Сергѣевича, работы Лампи, какъ будто говоря этимъ, что и онъ былъ здѣсь когда-то не чуждымъ человѣкомъ.

Другая стѣна той-же комнаты уврашена была портретомъ Екатерины II, представляющей ее верхомъ на лошади, по-мужски, въ бѣлыхъ лосиновыхъ панталонахъ и въ ботфортахъ.

Изображеніе ея какъ-бы указывало на то, что и она въ семейной драмѣ Строгоновской фамиліи была также не чужда, а въ сосѣдней комнатѣ стояла и была въ совершенной цѣлости кровать, на которой 30 лѣтъ предъ симъ больная Екатерина Петровна принимала своихъ гостей, подъ именемъ графини Стро-

гоновой, не принадлежа уже ни душою, ни жизнію къ этой фамиліи.

Не вдалекѣ отъ главнаго Братцовскаго дома находится церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а въ ней надгробный памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, что подъ нимъ упокоился на вѣчныя времена Иванъ Николаевичъ Корсаковъ.

Все это какъ будто выражаетъ извѣстную истину: *Sic transit gloria mundi*.

На памятникѣ начертана слѣдующая надпись:

„Господи, упокой душу раба твоего Іоанна.

Здѣсь погребено тѣло генераль-маіора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера, Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 года, февраля 16-го дня, на 76 году своей жизни.

Благодѣтелю незабвенному“.

Исслѣдованіе о томъ, почему Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, носившій такое названіе при дворѣ въ 1779 году, на надгробномъ памятникѣ значится подъ именемъ Римскаго-Корсакова, не входитъ въ предѣлы нашей статьи.

Графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ, живя въ с. Братцовѣ и смотря на нѣмные памятники прежнихъ событій, припомнилъ всю драму, постигшую его фамилію.

Впрочемъ, намъ извѣстно, что онъ старался выручить портретъ дѣда своей жены покупкою отъ Ладомирскихъ, но, кажется, не успѣлъ.

Въ 1860 году село Братцово посѣтилъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней пишущій эти строки.

Видъ описанныхъ нами остатковъ прежней жизни бывшихъ тутъ людей и знаніе многихъ обстоятельствъ, относящихся до Строгоновской фамиліи, подвигнуло его къ написанію настоящей статьи.

Правда, съ того времени прошло много лѣтъ, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Во время пребыванія въ с. Братцовѣ графа Сергія Григорьевича съ нимъ случилось тутъ несчастіе.

Катаясь верхомъ на лошади и перепрыгивая чрезъ небольшую канавку, онъ упалъ и сломалъ себѣ ногу.

Впослѣдствіи онъ хотя и вылѣчился, но постоянно хромалъ

и ходилъ, опираясь на палку. Впрочемъ, ходилъ всегда быстро, это была живая натура.

Въ заключеніе этой главы скажемъ, что графиня Екатерина Петровна, родившаяся въ 1744 году, умерла въ Москвѣ 20-го ноября 1815 года и погребена въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ и что село Братцово въ настоящее время принадлежитъ въ собственность княгинѣ Софіи Александровнѣ Щербатовой, рожденной графинѣ Апраксиной, внучкѣ Василя Николаевича Ладомирскаго.

Н. М. Колмаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛЬНЕВЪ

† 20 юля 1812 г. ¹⁾.

Печатаю вслѣдъ за симъ дѣльный рядъ подлинныхъ писемъ героя войны 1794—1812 гг.—Якова Петровича Кульнева, вновь напоминаемъ здѣсь главнѣйшіе факты его боевой жизни.

Яковъ Петровичъ Кульневъ родился 25-го юля 1766 г. ²⁾ и въ 1780 г. былъ опредѣленъ, вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Петровичемъ,—род. въ Брянскѣ, 8 юня 1765 г.,—въ сухопутный шляхетскій корпусъ. Первое время нахождения своего въ корпусѣ Яковъ Петровичъ сильно и часто хворалъ, такъ что много отсталъ отъ Ивана Петровича, но къ концу курса, въ 1784 г., догналъ его и одновременно оба брата были выпущены поручиками въ Черниговскій пѣхотный полкъ (18 февраля 1785 г.), при чемъ за отличные успѣхи въ наукахъ Иванъ Петровичъ получилъ первую, а Яковъ Петровичъ шестую большія серебряныя медали.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LIII, февраль, стр. 375—388.

²⁾ Относительно года рожденія Кульнева существуетъ нѣсколько разнорѣчивыхъ показаній: въ напечатанномъ нами въ февр. книгѣ „Русск. Ст.“ изд. 1887 г. биогр. очеркъ Кульнева, составл. А. Калиновскимъ, годомъ рожденія указанъ 1763 г.; бар. В. В. Руммель, сообщившій письма Я. П. Кульнева и родословіе Кульневыхъ, обозначилъ годомъ рожденія 1766 г.; наконецъ, какъ видно изъ печатаемой ниже статьи К. К. Детлова: „На могилѣхъ Кульнева“, на памятникѣ Кульневу въ Ильзенбергѣ время его рожденія обозначено: 25 юля 1764 г. Которое изъ этихъ показаній вполне достоверно—трудно рѣшить, но, принимая во вниманіе, что Михайловскій-Данилевскій въ известномъ трудѣ своемъ, составленномъ на основаніи официальныхъ документовъ: «Александръ I и его сподвижники», указываетъ годомъ рожденія Кульнева 1763, можно, кажется, съ болѣею достоверностію считать годомъ рожденія славнаго героя именно—1763 г.

Затѣмъ считаемъ необходимымъ разъяснить указаніе А. Калиновскаго (См. „Русск. Ст.“ изд. 1887 г., № 2, стр. 387) на обелискѣ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Я. П. Кульневъ, съ надписью: „Въ семъ мѣстѣ палъ урѣивачъ“ и т. д. Хотя Мих.-Данилевскій въ названномъ выше сочиненіи

Въ сентябрѣ 1805 года Яковъ Петровичъ былъ майоромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку, братъ-же его, Иванъ Петровичъ, значительно опередилъ его въ чинахъ и въ это время уже давно (съ 30 апрѣля 1799 г.) былъ генераль-майоромъ, но за что-то былъ въ сильной немилости, будучи съ 19 декабря 1802 г. шефомъ Ревельскаго гарнизона, откуда онъ не могъ выбраться до 1810 г., не смотря на всѣ старанія Якова Петровича, въ то время уже весьма уважаемаго генерала.—Онъ (т. е. Яковъ Петровичъ) съ отличіемъ служилъ во французскую кампанію 1807 года и 20 мая 1808 года получилъ орденъ св. Владимира 4 степени. Вообще 1808 годъ былъ самымъ счастливымъ для Якова Петровича. Онъ былъ въ этотъ годъ произведенъ въ подполковники и при началѣ шведской войны назначенъ былъ начальникомъ авангарда. Постоянно тѣсня и преслѣдуя непріятеля, онъ 4 апрѣля 1808 г. настигъ его подъ Сигаюками и, напавъ на шведовъ ночью, захватилъ въ плѣнъ одного изъ главныхъ начальниковъ, графа Левенгильма. Замѣчательный приказъ его по отряду, данный наканунѣ этого сраженія, помѣщается нами съ собственноручнаго списка самаго героя—въ приложеніи къ письму № V; 6 апрѣля 1808 г. онъ произведенъ въ полковники, а 20 августа 1809 года за Куартанское сраженіе—въ генераль-майоры; въ эту кампанію онъ съ отрядомъ перешелъ по льду на берегъ Швеціи и навелъ такой страхъ, что Стокгольмъ приготовлялся къ сдачѣ. Въ память этого перехода по льду императоръ Александръ I приказалъ вычеканить медаль. 28 января 1809 г. Я. П. Кульневъ, въ чинѣ полковника, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степени за всѣ отличія въ шведскую войну, а особенно за сраженіе при Сальми (21 августа 1808 г.) и при Оровансѣ. Въ 1810 году въ войну съ турками онъ служилъ подъ начальствомъ Каменскаго и за отличіе при занятіи Шумлы (11 и 12 іюня 1810 г.), гдѣ онъ съ 5,000 отрядомъ разбилъ и прогналъ великаго визиря съ 30,000 войскъ, получилъ пенсіонъ по 1,000 р. асс. въ годъ на 12 лѣтъ который онъ, по свойственному ему великодушію, предоставилъ получать Ивану Петровичу; въ началѣ 1811 г. Яковъ Петровичъ назначенъ шефомъ Гродненскаго гусарскаго полка и оставался въ этомъ званіи до самой смерти. Последнее письмо его писано 9 іюля, а 20 іюля онъ, начальствуя авангардомъ, палъ на Клястицкихъ поляхъ въ бою съ нѣсколькими разъ превышавшимъ его численностью непріятелемъ.

Баронъ В. В. Румель.

(составл. въ 1845 г.), также упоминаетъ о надгробномъ камнѣ, съ такою именно надписью, но, какъ видно изъ печатаемой ниже статьи К. К. Детлова о могилкахъ Кульнева, этого камня въ настоящее время болѣе не существуетъ—ни на томъ мѣстѣ, гдѣ Кульневъ былъ первоначально похороненъ (между мысами Соколище и Замшавы, при слияніи рѣкъ Дриссы и Ници), ни на мѣстѣ славной смерти героя (въ Сивонинѣ), гдѣ въ 1830 г. воздвигнутъ гранитный памятникъ, рисунокъ котораго приложенъ при настоящей книгѣ „Русск. Стар.“.

Ред.

Подлинныя письма Якова Кульева къ брату

1805—1812.

I.

Ивану Петровичу Кульеву.

Сентябрь 1805 г. Гродно.

Любезный братъ Иванъ! При выступленіи полку нашего изъ Сумъ писалъ тебѣ, походъ нашъ былъ весьма поспѣшенъ, ибо шли форсированнымъ маршемъ до самой Гродны, гдѣ остановились подъ Гродною; вся армія наша сѣверная находится уже на границѣ прусской, и съ часу на часъ ожидаемъ повелѣніе вступить за границу. Еще не рѣшено: союзники или враги пруссаки намъ, но навѣрное полагають, что это кончится къ 1-му октябрю, что пруссаки должны быть съ нами противу французовъ, или мы ихъ самихъ будемъ бить.

Войска, стоявшія около Бреста, пошли уже за границу въ Цезарію и въ Италію и на Рейвъ; все войско раздѣлено на три арміи, а именно: волынская, минская и сѣверная, въ коей находится нашъ полкъ.

Главный командиръ надъ всѣми тремя арміями Михельсонъ, а надъ нашею Бениксонъ.

Наша армія раздѣлена на два корпуса: первымъ командуетъ самъ Бениксонъ, а вторымъ корпусомъ бывшій твой шефъ Сакинъ и полкъ нашъ у него находится въ командѣ.

Итакъ, любезный братъ, видно приходитъ время принятъся паки за свое старое ремесло; помоги Богъ лѣтамъ моимъ, кои начинаютъ помалу ослабѣвать отъ частой венеріи.

Я забылъ тебѣ напомнить, что мы весьма легко идемъ за границу, велѣно даже лазаретныя кареты и артельныя полуфурки оставить

здѣсь или распродать.—Еще скажу тебѣ, что во время полку нашего ночлега въ Несвижѣ, государь проѣзжалъ сіе мѣстечко и весьма ласково обошелся съ любезнымъ шефомъ нашимъ; изъ Несвижа поѣхалъ въ Брестъ, и говорятъ, что будетъ въ Гродну выпровожать полки за границу—вотъ все, что имѣю тебѣ сказать; скажи что нибудь о себѣ, я слышалъ отъ графа нашего, что ты получилъ благоволеніе монаршее за доведеніе твоего гарнизоннаго полку. Courage, M. de Koule-neuf, cela ira, а межъ тѣмъ ... уже пересталъ стоять.

Прощу тебя, любезный братъ, какъ наипокорнѣйше не оставь писать ко мнѣ обо всемъ, а паче о дѣлѣ брата Павла, о коемъ не получилъ никакого свѣдѣнія съ тѣхъ поръ, какъ его увезли; письма адресуй по приложенному адресу, повѣрь, что исправно до меня будутъ доходить.—Я увѣренъ, что ты не покинешь бѣдную мать, а я тебя могу завѣрить, гдѣ бы я ни былъ — (она) завсегда будетъ исправно получать положенное отъ меня по 100 р. въ треть, а Боже чего ухлопають, то коней и рухляди моей станеть ей на три года, ибо за 1000 пельзя купить, вотъ и все мое имѣніе, кое нажилъ чрезъ двадцатилѣтнюю мою службу,—была-бъ, братъ, голова, а то все будетъ.

Прощай, братъ, кланяйся любез. Шталоу и всѣмъ знакомымъ, а я для чести и славы, а равно и подпоры несчастной фамиліи нашей, не буду щадить живота своего, впрочемъ во всемъ есть воля Божія.

Цалую тебя отъ искренняго сердца моего, твой вѣрный братъ Яковъ.

Адресъ: Сумскаго гусарскаго полку майору, находящемуся въ Сѣверной арміи подъ командою ген. отъ кавалеріи Бенксона, въ Гроднѣ, откуда будутъ всѣ письма вслѣдъ за корпусомъ высылать.

II.

Ноября 4 дня 1805 г., при переходѣ за границу подъ Гродною.

Любезный братъ Иванъ великой! и такъ, любезной, наконецъ, по долгомъ стояніи нашимъ подъ Гродною, сего числа перешли мы за границу въ Прусію, кои хоть неволею, но сдѣлались нашими союзниками; походъ нашъ будетъ чрезъ ихъ землю, на Варшаву, потомъ чрезъ Саксонію и малое время перезимуемъ въ пруской Шлезіи, а на весну раннюю пойдемъ къ Рейпу бить общихъ непріятелей французовъ.

Богъ знаетъ, скоро-ли увижу тебя; участь наша завсегда быть въ разлукѣ, а единое несчастіе соединяетъ насъ только—признаюсь тебѣ, любезный братъ, что для меня сія война остается послѣднимъ карьеромъ, и я не долженъ упустить онаго случая, послѣ котораго ничего

больше не останется, какъ удалиться въ отеческую нашу Болдыревскую деревню; ибо мнѣ уже скучно становится не видать переменъ въ службѣ своей, а потому надо порисковать, а впередъ самому не напрашиваться: *au reste, la guerre a ses faveurs et sa disgrâce*, надо въ томъ положиться на волю Божию.

Поговоримъ теперь о дѣлѣ брата Павла. Между нами сказать, не предвижу добраго конца, буде станетъ упорствовать остаться ксендзомъ, какъ бы то ни было долгъ нашъ помогать ему всѣми силами; я намѣренъ писать о немъ Государю, но на то надо искать удобнаго времени, когда Богъ дастъ успѣхъ оружію нашему, тогда больше подѣйствуетъ и просьба моя; сверхъ того, буду и посторонніе случаи изыскивать, но на все сіе надо терпѣнія, а межъ тѣмъ утѣшайте несчастную мать, обнадеживайте ее хоть лживыми выдумками; ибо всякой человѣкъ питается надеждою, безъ которой нельзя было-бы сносить никакого несчастія; а ты, братъ, какъ находишься поближе столицы, то постарайся облегчить участь его содержанія въ полиціи.

Я не могу, любезный братъ, надивиться всѣмъ несчастіямъ, кои наша фамилія претерпѣваетъ, и не предвижу конца оному, а все причина тому умствованіе и непомирная амбиція доводитъ насъ до толикихъ бѣдствъ,—пора бы намъ успокоиться и искать смиренной жизни.

Сія амбиція доведетъ и меня до достовѣрной гибели при толь кровопролитной нынѣшней войнѣ; ибо не выходитъ у меня изъ головы поймать Бонапарте и принести голову его въ жертву наипервѣйшей красавицѣ,—ты не назови это химерою, ибо все въ свѣтѣ сотворено для прекраснаго женскаго полу. О! какого-бы получилъ отъ тебя тумака, ежели-бъ былъ подлѣ тебя, замѣни гнѣвъ свой осканивши прекрасные зубочки свои.—Я увѣренъ, что ты рвешься съ досады зачѣмъ не имѣешь при теперешнемъ случаѣ армейскаго полку—успокойся, братъ: тутъ много остались армейскихъ полковъ, которые укомплектовали своими полками пошедшихъ за границу, такъ что въ нѣкоторыхъ взяли по 1,500 ч., тогда бы ты еще больше досадовалъ, а потому нигуда не надо напрашиваться, а положиться во всемъ на судьбу.

Заклинаю тебя, любезный братъ, не быть лѣнливю, пиши ко мнѣ почаще по приложенному сему адресу; будь увѣренъ, что письма исправно буду получать, ибо Гродненской почтамтъ будетъ посылать вслѣдъ за корпусомъ—ты знаешь какъ грустно въ чужой землѣ не имѣть извѣстія о своихъ ближнихъ, а паче дѣло брата моего крайнюю мнѣ тоску наводитъ.

Теперь скажу тебѣ, что главнокомандующій всею заграничною арміею Михельсонъ, а корпусной нашъ начальникъ Бенксонъ, корпусъ раздѣляется на нѣсколько колоннъ, а колонный начальникъ нашъ

Тучковъ, который тебѣ знакомъ, всякая-жъ колонна раздѣлена на нѣсколько отдѣленій и командиръ отдѣленія нашего молодой Суворовъ, вотъ и все что имѣлъ сказать.

Я полагаю, что ты въ Люцинѣ; ибо видѣлъ въ приказахъ, что ты отпущенъ, слѣдовательно привезъ съ собою прусскую нашу сестрицу, опиши какова она?

Прощай. Христа ради не покидай бѣдную нашу старуху и брата Павла, на тебя имѣю всю надежду.—Цалую тебя, пожелаю тебѣ всякаго блага, твой вѣрный братъ и другъ Яковъ.

Адресъ. Сумскаго гусарскаго полку ген.-маіору—находящемуся въ граничной арміи въ корпусѣ генерала отъ кавалеріи Бениксона, въ Гроднѣ.

Помѣта: 18 ноября получ.

III.

23-го декабря 1806 г. Гродно.

Здравствуй, любезный братъ Иванъ. Не упомяну, писалъ ли тебѣ по выступленіи нашемъ изъ Торонца, откуда вытурили насъ въ 24 часа, не дали намъ и начать формироваться. Мы вышли изъ Торонца 3-го октября, а прибыли подъ Гродно 16-го ноября, гдѣ назначены намъ кантонирь-квартиры, пока не обмундируемся и не получимъ аммуниціи; а какъ скоро устроимся, то имѣемъ повелѣніе идти за границу къ соединенію арміи, которая находится по сю сторону Вислы, а французы на другой сторонѣ, и заняли Варшаву; дѣла съ непріятелемъ никакого важнаго не происходило, но надо ожидать, какъ скоро замерзнетъ Висла, что будетъ генеральная баталія. Ура! Богъ намъ поможетъ!

Фельдмаршалъ Каменской принялъ главную команду надъ всѣми войсками; война, братъ, не на шутку загорѣлась, и одна баталія рѣшить судьбу Пруссіи, а мы межъ тѣмъ торопимся обмундировать себя и привести полкъ въ надлежащій порядокъ.

Итакъ, любезный братишка, не удалось мнѣ сей зимы побывать у тебя, видно сама судьба тому противится; что дѣлать, потерпимъ еще малое время, авось Богъ соединитъ когда нибудь насъ вмѣстѣ, помстимъ, крайне жалѣю, что не могу познакомиться съ твоею любезною жонкою.

Скажи мнѣ, что за лѣвтяя ты сдѣлался, совсѣмъ забылъ меня, рѣдко пишешь, вѣдь я не менѣе тебя имѣю трудовъ и хлопотъ, но все же стааетъ мнѣ время писать къ тебѣ.

Изъ дому получилъ я непріятное письмо, что матушка была отча-

янно больна, но, благодаря Бога, выздоровѣла. Пиши, братъ, Христа ради; мы здѣсь простои́мъ еще до февраля, прилагаю тебѣ свой адресъ: Гродненскаго Гусарскаго полка маюру, въ Гроднѣ.—Прощай. Цѣлую тебя, пожелавъ всего блага на свѣтѣ, остаюсь навсегда твой вѣрный братъ Яковъ.

Приписка къ тому же письму, женѣ И. П. Кульнева:

Любезная сестрица! Итакъ все идетъ противно желанію моему видѣть васъ, судьба противится свиданію нашему; я положилъ твердое намѣреніе быть сей зимы у васъ, но кровавая война паки возгорѣлась, лишаетъ меня сего удовольствія на нѣкоторое время, но буде Богъ посчастливить оружію нашему, то положимъ предѣль властолюбію корсиканца, и возвращусь къ вамъ съ торжествомъ и славою, что есть единою цѣлью каждаго вѣрнаго подданнаго, а межъ тѣмъ прошу васъ не сокрушаться объ опасности моей—все зависитъ во власти Божіей, былъ я не единожды на браняхъ, остался здоровъ.—Прощайте, любезная сестрица. Цѣлую почтенныя ручки ваши, при желаніи вамъ всего добра на свѣтѣ.—Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь пребыть навсегда вашъ всепокорнѣйшій и послушный братъ Яковъ.

IV.

20-го марта 1807 года. Зебергъ.

Mon très cher frère Jean. Получилъ твои два письма одно за другимъ—первое отъ 2-го, а другое отъ 17-го февраля; вотъ, братъ, какъ ты нынѣ неправи́нъ сталъ, спасибо! Я тебя уже поздравлялъ съ новорожденною, да еще подтверждаю радость мою, дай ей Боже всего лучшаго на свѣтѣ. О болѣзни твоей крайне жалѣю, но повѣрь, любезный, что нѣтъ зла безъ добра; ты не жалѣй о томъ, что тебя нѣтъ здѣсь, ты судишь по поверхности и пустымъ слухамъ, доходящимъ до васъ, по въ самомъ веществѣ война самая успѣшнѣйшая не что иное есть, какъ истребленіе рода человѣческаго и раззореніе жителей, на что безъ содроганія сердца нельзя взирать. Не горячись, любезный, станеть и на твою долю непріятелей, жаль только, что не могу съ тобою о семъ откровенно говорить, что оставлю до свиданія нашего, буде Богъ допустить видаться.

Пишешь ты въ другомъ письмѣ, что посылаешь оное чрезъ какого-то Чуйкевича—его въ глаза не видалъ и получилъ чрезъ дежурство наше; кажется, что писалъ тебѣ, что полкъ нашъ соединился съ главною арміею, а находится въ корпусѣ графа Толстого до

соединенія нашего; отбыли съ полкомъ одно сраженіе довольно удачное, а вышѣ какъ неприятельская, такъ и наша армія находятся безъ всякаго дѣйствія; я стою съ 3 эскадронами на аванпостахъ и неизвѣстно намъ, когда начнутся паки военныя дѣйствія. Главная наша квартира въ Бартенштейнѣ, а неприятельская въ Остероде, и обѣ арміи ожидаютъ себѣ секундъ, и надо полагать, буде дѣло придетъ до схватки, то будетъ самая кровопролитнѣйшая баталія и рѣшить участь сей войны.

Къ отрадѣ всей арміи, ожидаютъ самого государя и всякій оказываетъ рвеніе пролить кровь свою въ лицѣ царя, милосерднаго поистинѣ; много придастъ духу; посмотримъ, братъ, что Богъ дастъ, а межъ тѣмъ совѣтую тебѣ не горячиться, оставь вещи на произволь судьбы и никогда не форсируй себя противу оной.

Отъ брата Павла получилъ здѣсь письмо, а отъ Николая ни одного; крайне опасаясь, что матушка залегла въ постель, чуть эта болѣзнь не отъ старости ли происходитъ?

Что принадлежитъ до меня, я здоровъ и все тотъ-же Донкишотъ, какъ ты меня зналъ; я тебѣ приготовилъ славный гостинецъ, но не знаю какъ переслать, за который будешь меня линейкою бить: представь себѣ, я нашелъ здѣсь живописца, но въ какомъ видѣ снялъ свои фигуры, ты ужаснешься; я пришлю домой, буде случится оказія, откуда ты получишь.

Когда тебѣ случится ѣхать въ армію, то совѣтую тебѣ больше не брать съ собою какъ одну брику и пару верховыхъ лошадей, ибо здѣсь и изъ генералитету мало кто имѣетъ, да сверхъ того нечѣмъ прокормить лошадей; фуража жители совѣмъ не имѣютъ, весь пообѣли.—Повторяю тебѣ еще адресъ мой; итакъ прощай, любезный, хоть не желаю тебя здѣсь видѣть, но радъ буду; цалую тебя заочно, пожелавъ всего блага на свѣтѣ, остаюсь навсегда вѣрный братъ и другъ Яковъ.

Приписка къ тому же письму—женѣ Ивана Петровича Кульнева:

Любезнѣйшая сестрица! Вы не можете представить себѣ сколь память ваша для меня пріятна, а паче стоявши на бивакахъ, получа ваши письма, облобызаю оныя, о! война гибельная для роду человѣческаго: не токмо тѣ страдаютъ, кои участвуютъ въ оной, но и вы, несчастныя, чувствуете бремя оной въ разлукѣ мужей своихъ; не тоскуйте, любезная сестрица, до отъѣзда мужа вашего будетъ сильное побойще, которое рѣшить участь сей кровопролитной войны, а можетъ жребій счастья падеть на меня поднести вамъ голову корсиканскую. Прощайте, цалую ручки ваши съ глубочайшимъ почтеніемъ, вашъ вѣрный братъ Яковъ.

V.

5-го мая 1808 года. Або.

Любезный братъ Иванъ! Наконецъ, улучилъ я удобное время написать тебѣ грамотку, съ самаго Выборга молчалъ, а причина была тому, что по выходѣ нашемъ за границу по сей день находился я въ авангардѣ и сидѣлъ у непріятеля на шеѣ; между прочими неважными стычками имѣлъ я съ непріятелемъ два большія побойща: первое, 4-го, подѣ Пигаюками, а другое—6-го апрѣля—подѣ Сигаюками, то есть недалече Леоборха, а въ первомъ сраженіи взятъ былъ мною въ полонъ королевскій генераль-адъютантъ графъ Левенгеймъ, который первый любимецъ короля и управлялъ здѣсь всею арміею; вотъ, братъ, каково нынѣ мы баталія даемъ! Я имѣю большой кредитъ въ начальникахъ и много ими обласканъ.

Графъ Вуксгевденъ, по взятіи Швеаборга, переѣхалъ въ Або, но надо думать, что по военнымъ обстоятельствамъ онъ переѣдетъ въ Вазу, а можетъ и сюда пріѣдетъ; я его не оставляю просить о тебѣ, имѣй только терпѣніе, а когда Богъ дастъ, что кончимъ сію войну, и такъ счастливо мнѣ пойдетъ какъ по сіе время, то навѣрное могу полагать, что вытащу тебя изъ гарнизону, но боюсь, чтобы ты послѣ не сожалѣлъ объ ономъ.

На сихъ дняхъ получилъ я въ награжденіе золотую саблю съ надписью «за храбрость», за начальныя подвиги сей войны.

Ну, братъ, поговоримъ теперь о несчастной матери нашей по случаю смерти любезнаго брата нашего Павла, коего сердечно жалѣю, и такое навелъ мнѣ уныніе, что не могу вспомнить объ Люциѣ. Воображаю себѣ эту пустоту, которая теперь тамъ обитаетъ, удивленность несчастной старухи нашей, удрученной печалію, и обремененная долгами, въ чемъ я взялъ свои мѣры, что усмотришь ты изъ прилагаемаго при семъ копіи письма князя Багратіона къ графу Вуксгевдену. Среди побѣдъ моихъ получилъ я печальную вѣсть о смерти брата моего, и что оставилъ онъ на шеѣ матери кучу долговъ, то есть до 5,000 р., почему писалъ я князю Багратіону, яко къ начальнику моему и милостивцу, дабы онъ исходатайствовалъ милость монаршую уплатить сіи долги, а взять подѣ закладъ нашъ домъ и 20 душъ, кои мы имѣемъ; по сему случаю онъ и пишетъ сіе письмо къ графу Вуксгевдену, кажется можно положить на вѣрное.

Представъ себѣ, что въ бытность мою въ Петербургѣ я выхлопоталъ покойному брату Люцинскую плебанъ, которая мнѣ довольно стоила, и онъ за день передъ смертію получилъ о томъ изъ конси

сторіи указъ, но Богу не угодно было воспользоваться ему оною; что дѣлать, надо повиноваться судьбѣ, а буде Богъ меня вынесетъ жива и здрава, то я непременно буду поддерживать сей людинскій домъ для памяти въ немъ обитавшихъ.

Теперь скажи мнѣ какое имѣешь ты оправданіе, что не писалъ ко мнѣ ни одного письма? Ты живешь въ праздности, не англичане ли тебя потревожили? Пожалуйста, бей ихъ хорошенько, они не посмѣютъ показать своего брюха на берегъ. Пиши ко мнѣ чрезъ Выборгъ въ главную квартиру графа Буксгевдена, находящуюся въ Або.

Прощай, будь здоровъ и весель, читай газеты, гдѣ ты усмотришь подвиги мои; а ежели мы теперь пріостановились, это по причинѣ разлитія водъ. Цѣлую тебя и на руки подымаю, твой вѣрный братъ Яковъ.

Кланяйся Шталю и всѣмъ знакомымъ. Вотъ тебѣ и приказъ мой, который я отдалъ передъ сраженіемъ и который соотвѣтствовалъ силѣ его, и благодареніе Богу ¹⁾).

Приниска къ тому-же письму—женѣ И. П. Кульнева:

Любезная сестрица! Христосъ воскрес! Среди успѣху подвиговъ моихъ былъ я узвлень полученнымъ извѣстіемъ о смерти брата моего, котораго кончина привела меня въ большую тоску, но хлопоты, непрерывные труды задержали чувства мои, такъ что чрезъ все время было сердце мое окаменѣлое, а взявъ малое успокоеніе отъ трудовъ военныхъ, при вспоминаніи о немъ проливаю слезы достойныя о толь любезномъ братѣ. Вотъ какъ судьба играетъ съ человѣкомъ! Онъ завсегда убѣждалъ меня просьбою идти въ отставку, дабы не быть убиту на войнѣ, но того не предчувствовалъ, что на мягкомъ ложѣ онъ скорѣе опую достигнетъ, а потому не горюйте обо мнѣ, любезная сестрица! Все зависить отъ воли Божій, благословеніемъ Его, а вашими молитвами счастливо, съ честію и удачно служу сію войну, и, буде Богъ дастъ что какъ ее докончу, то первое мое будетъ стремленіе повидаться съ вами, между тѣмъ успокойте себя со стороны сунруга вашего: я большую полагаю надежду избавить его изъ гарнизоннаго полка, но боюсь только, дабы вы послѣ объ ономъ не жалѣли. Прощайте, милая сестрица, мое глубокое почтеніе матушкѣ вашей и сестрицамъ. Цѣлую ручки ваши съ глубочайшимъ почтеніемъ, и преданностію, съ коєю имѣю честь пребыть навсегда вашъ вѣрный братъ Яковъ.

Посылаю вамъ копію рескрипта, который получилъ отъ Государя.

¹⁾ Приказъ помѣщенъ ниже.

На отдѣльномъ листѣ копія приказа:

«Апрѣля 3 дня 1808 года, въ летучій отрядъ, приказъ:

«Отзывъ: съ Богомъ. Собраться ко мнѣ всему отряду въ полночь, атака съ натискомъ, ура довершить побѣду. Кто кричитъ пардонъ, того брать въ полонъ, а кто противится—коли, руби; за плѣннаго рядоваго по 1, за унтеръ-офицера 2, за офицера 5, штабъ-офицера 10, за генерала 101, за пушку 100, за знамя 50, въ чемъ обнадеживаю своимъ словомъ.—Придремать, оправься, чарка водки, съ Богомъ. Порядокъ марша и построение къ битвѣ объявлено будетъ отъ меня словесно всѣмъ начальникамъ.—Объявить сей приказъ при собраніи всѣхъ чиновъ.—Кульневъ».

На отдѣльномъ же листѣ копія рескрипта:

«Господинъ подполковникъ Кульневъ! въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ нынѣшнюю кампанію противу шведскихъ войскъ, гдѣ вы, начальствуя чрезъ цѣлую кампанію отдѣленнымъ отрядомъ, вездѣ показывали себя какъ примѣрнаго и предприимчиваго офицера и особенно отличнаго въ преслѣдованіи и пораженіи непріятели, жалуя вамъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вѣщшему продолженію ревностной службы вашей, пребываю вамъ благосклонный».

«Александръ».

Въ С.-Петербургѣ.

10 апрѣля 1808 г.

VI.

1 октября 1808 г. (Финляндія).

Здравствуй, братъ Иванъ, письмо твое, писанное 28 іюля, получилъ я, кое много меня обрадовало, ибо весьма рѣдко кто изъ васъ пишетъ ко мнѣ. О дѣлѣ твоёмъ, съ тѣхъ поръ какъ писалъ графу Буксегвену, не имѣю никакого отвѣта, а по полученіи твоего письма не буду форсировать; тебѣ неизвѣстно все обстоятельство, а какъ я оныя довольно знаю, извѣстно мнѣ и твое положеніе, то совѣтую тебѣ повиноваться судьбѣ своей, оставаться при своемъ мѣстѣ, пока дастъ Богъ увидимся съ тобою, чего немногое время остается намъ ожидать, поелику послѣ одержанныхъ многихъ надъ непріателемъ побѣдъ заставили его требовать перемирія, послѣ котораго надо ожидать и мира; а какъ скоро я могу получить свой отпускъ и побываю въ Петербургѣ, то буду ходатайствовать за тебя, дабы считать тебя по

армія, какъ ты желаешь. Я справлялся у нѣкоторыхъ, что гарнизонная служба не идетъ въ счетъ къ полученію Георгіевскаго креста, да Богъ съ нимъ, современемъ получишь оный или другой какой знакъ отличія.

Во всѣхъ бывшихъ сраженіяхъ я участвовалъ, а въ нѣкоторыхъ самъ начальствовалъ, и командовалъ все время авангардомъ въ корпусѣ графа Каменскаго, коимъ много доволенъ, и представленъ отъ него къ награжденію; вотъ, любезный братъ, какъ сія война мнѣ поблагодарила, наградила за все прошедшее и труды понесенные слѣдовательно, никогда не надо пенять на судьбу, а лучше повиноваться оной, — не угадаешь гдѣ лучше! Правду тебѣ сказать, что и трудовъ моихъ много было, но за всѣми трудами, благодаря Бога, здоровъ и веселъ, одни домашнія обстоятельства наводятъ мнѣ тоску; что дѣлать, коли не чѣмъ переимѣнить.

Я прошусь въ отпускъ, будетъ не скоро наше перемиріе разрушится, и тогда изъ столицы прямо къ тебѣ путь направлю; эта минута будетъ для меня самая счастливая—послѣ столь долгаго свиданія видѣть тебя въ станѣ постоянного мужа.

Прощай, будь терпѣливъ, сноси великодушно всѣ непріятности, безъ коихъ не было-бы ничего и пріятнаго; человекъ съ тѣмъ рожденъ, дабы терпѣть и умереть, а потому надо стараться жить, какъ можно пріятнѣе. Цѣлую тебя, твой вѣрный братъ Яковъ. А гророз, выписалъ ли ты мой портретъ изъ Люцина?

Любезная сестрица! Много меня обрадовали послѣднимъ вашимъ письмомъ; наконецъ, вы согласны со мною, что не для чего форсировать брату, переходить въ армейскій полкъ; развѣ вы забыли, сколь онъ вамъ много наводилъ тоски въ отсутствіе его въ Польшу, а нынѣ время военное, какая-же вамъ изъ того будетъ польза, что будете жить съ нимъ въ разлукѣ, не получать никакого извѣстія о немъ, а къ тому и жизнь его всякую минуту будетъ подвержена опасности? Положитесь на судьбу, любезная сестрица, тогда менѣе будете на себя пенять. Я имѣю свѣжій примѣръ надъ собою, служилъ цѣлый вѣкъ съ отличнымъ усердіемъ и пользою, но цѣлый-же вѣкъ терпѣлъ гоненіе судьбы, но терпѣніемъ, которое есть особый даръ Божій, все преодолѣлъ, и настала для меня та счастливая минута, которая была мнѣ опредѣлена судьбою: я имѣлъ бодршія къ войнѣ способности, но не имѣлъ случая открытъ оныя, сія война доставила мнѣ сей случай, и почитаю себя болѣе награжденнымъ, чѣмъ чаялъ, ибо заслужилъ довѣренность отъ начальниковъ и любовь отъ содружества, а что наиболѣе меня льститъ, что самые непріатели любятъ и уважаютъ меня, что можетъ сравниться съ симъ награжденіемъ, что доставило

мнѣ единое мое терпѣніе, чему совѣтую послѣдовать и брату моему. Простите меня, любезная сестрица, что далеко вглубился въ философическое разсужденіе, которое служить намъ единымъ утѣшеніемъ въ горести нашей. О! ежели-бъ я былъ такъ счастливъ, видѣть васъ и облобызать хоть единожды ваши почтенныя ручки, тогда-бы покойнѣе кончилъ дни свои на ратномъ полѣ, межъ тѣмъ не теряю я надежды въ скорости удовлетворить мое желаніе. Непріятель пораженъ, перемиріе изспросилъ, за конимъ послѣдуетъ въ скорости и миръ, а упорство его довершитъ его пагубу въ самомъ Стокгольмѣ. Прощайте. Цѣлую ручки ваши, пожелавъ вамъ всего лучшаго на свѣтѣ, остаюсь навсегда вѣрный вашъ братъ Яковъ.

Адресъ: Гродненскаго гусарскаго полка полковнику во вновь приобрѣтенную Финляндію—въ Або (ибо всѣ письма изъ Россіи идутъ на Або) чрезъ Выборгъ.

VII.

15-го декабря 1809 г. С.-Петербургъ.

Mon cher frère Jean, наконецъ, вырвался я съ острова Аланда и прибылъ въ столицу 4 декабря. Государя и министра не засталъ, а потому и не знаю когда и куда буду отправленъ, но тебя никакъ не миную. По письму твоему буду стараться переименовать тебя по арміи, съ оставленіемъ при твоёмъ полку, ибо по обстоятельствамъ твоимъ тебѣ въ арміи служить нельзя, о чемъ словесно съ тобою перетолкую. Какъ долго здѣсь пробуду, самому еще неизвѣстно, а уловительно, что до Новаго года здѣсь пробуду, почему адресуй свои письма къ Депрерадовичу, у коего часто бываю. Я имѣю надобность ранжировать для переду здѣсь свои дѣла, а потомъ отправиться уже на югъ бить басурмановъ. Прощай. Цѣлую тебя, еще и милую жинку твою, твой вѣрный братъ Яковъ.

VIII¹⁾.

15-е апрѣля (1810 г.) Бухарестъ.

Mon cher frère Jean! По выѣздѣ отъ тебя писалъ къ тебѣ изъ Люцины, гдѣ пробылъ не болѣе шести дней. Отдалъ матушкѣ именемъ твоимъ 100 руб. Оставилъ старуху весьма слабою и одряхлою отъ старости лѣтъ. Откудова поѣхалъ въ Вильну и жилъ два дня

¹⁾ Подлинникъ этого письма полученъ отъ А. Калиновскаго.

съ шуриномъ твоимъ; отсюда пустился въ Гродно, гдѣ провелъ конецъ масляницы, влюбился и засватался; не такъ по наружности хороша, какъ внутренность ея безподобная.

Оттудова чрезъ Несвижъ, Черниговъ къ Тамарѣ, гдѣ уповалъ за-стать брата Николая, но не тутъ-то было, почему пустился уже прямо въ армію.

Дорогу имѣлъ самую мучительную, на перекладныхъ. Наконецъ, апрѣля 1-го прибылъ благополучно въ городъ Бухарестъ, гдѣ нашелъ новаго главнокомандующаго графа Каменскаго, коимъ много былъ обласканъ и, по довѣренности его ко мнѣ, препоручилъ мнѣ командование авангардомъ главной арміи, а потому и некогда было мнѣ принять полкъ, который назначенъ со мною и весьма въ разстроенномъ положеніи.

Армія наша, при помощи Божьей, скоро начнетъ наступательныя движенія за Дунаемъ и уповательно, что при рѣшимости дѣяній и познаній военныхъ молодого и всѣми любимаго новаго начальника нашего война скоро кончится съ честію и славою для Россіи. Вотъ все, что имѣлъ тебѣ сказать.

Теперь нетерпѣливо буду ожидать отъ тебя извѣстія: въ какомъ здоровьѣ находится твоя возлюбленная женочка, о коей, по вывѣдѣ отъ тебя, не имѣлъ никакого извѣстія, что меня много беспокоитъ, ибо оставилъ ее нездорову, о чемъ поспѣши меня увѣдомить, какъ наискорѣе по приложенному при семъ адресу.

Цѣлую ручки женки твоей, а равно и милую путиху. Пожелавъ тебѣ всякаго блага на свѣтѣ, твой вѣрный братъ Яковъ.

Адресъ: Вѣлорусскаго гусарскаго полка шефу, командующему авангардомъ главной арміи въ Бухарестъ.

IX.

2-го октября 1810 г. Лагерь подъ Рущукомъ.

Любезный братъ Иванъ! Не запомню когда получалъ отъ тебя письма. Что ты молчишь, хотя печаль твоя и велика, но что дѣлать, когда не чѣмъ перемѣнить.

26 августа одержали мы славную побѣду, о коей вамъ уже должно быть извѣстно; я въ оной участвовалъ и, благодареніе Богу, остался здоровъ.—Скоро пойдемъ на зимовыя квартиры, по прибытіи куда увѣдомлю тебя.—Скажи, братъ, каково поживаешь, и что твоя малютка дѣлаетъ, смотри, братъ, будь осторожнѣе въ другой женитьбѣ; я увѣренъ по страсти твоей, что ты еще обабишься; ежели кто имѣлъ первую хорошую, то тяжело имѣть другую подобную.—Кланяйся Шталю

и всѣмъ знакомымъ.—Прощай, всего лучшаго тебѣ на свѣтѣ желаю твой вѣрный братъ и другъ Яковъ.

На оборотѣ адресъ: Его превосходительству, милостивому государю Ивану Петровичу Кульневу, Ревельскаго гарнизоннаго полка господину шефу, въ Ревель.

X.

Лутизъ Ивановѣ Кульневой.

30-го ноября 1810 г. Фокшаны.

Ma très chère et honorable mère. Grâce à Dieu nous avons heureusement fini la campagne et sommes retournés aux quartiers d'hiver. On espère d'avoir la paix cet hiver, et pour moi j'espère vous voir cet hiver, si les circonstances le permettent.—Pour les succès de cette campagne j'ai reçu une pension de 1000 r. d'assignation chaque an pour douze années et je suis encore recommandé pour l'épée de diamant.—Au reste, grâce à Dieu, je me porte parfaitement bien.—Je vous envoie, ma chère mère, 200 r. d'assignation pour vos petits besoins, que je vous prie d'accepter. Adieu, j'embrasse vos respectables mains et suis avec la plus haute considération, ma très chère mère, votre très humble et obéissant fils Jacob.

[Переводъ]. Высоколюбимая и уважаемая матушка. Слава Богу, мы счастливо окончили кампанію и вернулись на зимнія квартиры. Надѣются, что миръ будетъ заключенъ нынѣшней зимою и я надѣюсь, что если обстоятельства позволятъ, увидѣться съ вами въ нынѣшнюю зиму.—За успѣхи въ этой кампаніи я получилъ ежегодную пенсію по 1000 руб. ассигнаціями на 12 лѣтъ и еще представленъ къ алмазной шпагѣ. Впрочемъ, благодаря Бога, я совершенно здоровъ.—Я посылаю вамъ, милая матушка, на ваши мелочные расходы, 200 рублей ассигнаціями, которые я васъ прошу принять.—До свиданія, цѣлую ваши почтенныя ручки и остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ, вашъ низжайшій и покорный сынъ Яковъ.

(На оборотѣ адресъ: à Madame madame la major de Koullneff, à Lutzen).

XI.

Ивану Петровичу Кульневу.

4-го марта 1811 г. Фокшаны.

Любезный братъ Иванъ великій! Письмо твое, пущенное изъ Люцина отъ 2 генваря, получено мною 20 февраля, въ коемъ описуешь наиболѣе злобу сея противъ насъ и что онъ выдаетъ понозные манифесты противъ насъ; повѣрь, любезный братъ, что мнѣ это никакого огорченія не дѣлаетъ, ибо, имѣвши совѣсть чистую, до меня оно неприкосновенно, не замай, дѣлаетъ что хочетъ, а коонецъ дѣло вершаетъ.

Тебѣ должно быть извѣстно, что переведенъ я въ Гродненскій гусарскій полкъ, слѣдовательно буду въ ближнемъ отъ тебя сосѣдствѣ; но когда я приѣду въ полкъ, мнѣ еще самому неизвѣстно, ибо оставленъ здѣсь до нѣкотораго времени, а когда я выѣду, то увѣдомлю тебя, но выѣздъ мой будетъ отсюда въ Курскъ къ женѣ брата Николая доставать всякими способами его сына, а оттудова поѣду въ Люцинъ; на приѣздъ мой прошу тебя постараться доставить мою пушку, а вотъ какимъ способомъ: пошли оную въ Гродненскій полкъ къ подполковнику Редигеру и вотъ ему письмо, а онъ уже отправить въ Люцинъ или братъ Михаилъ пришлетъ къ нему за нею.—Итакъ Богъ привелъ меня быть по близости тебя, то есть въ такомъ случаѣ, буде сей полкъ тамъ останется до зимы.—Не желалъ бы болѣе ничего какъ застать еще въ живыхъ старуху нашу. Кланяйся Сципіону и п.... отъ меня всѣхъ вашихъй, а тебѣ встати получить , давно ты уже отдыхаешь.—Болѣе ко мнѣ не пиши въ Молдавію, а адресуй свои письма въ Курскъ, но будь остороженъ, не пиши ничего о братѣ Николаѣ, она баба хитрая, догадается и возьметъ свои мѣры, а письма навѣрно будетъ распечатывать, а ежели меня изъ здѣшней арміи не переведутъ, тогда дамъ тебѣ знать.

Adieu, ami et fidele frère Jacob.

XII.

27-го сентября 1811 г. Тельшь.

Любезный братъ Иванъ! Наконецъ, получилъ я твое письмо отъ брата Михаила, пущенное отъ тебя 26 июня. Напрасно ты отчаиваешься въ худомъ своемъ положеніи: человѣку все нужно испытать, потерпи хоть годъ, я тебѣ не совѣтую идти въ отставку, ниже въ отпускъ проситься прежде будущаго сентября, а межъ тѣмъ я приложу все мое стараніе о перемѣщеніи тебя въ здѣшнюю армію, на каковой предметъ поѣду сей зимы въ С.-Петербургъ, то есть буде полку не будетъ никакого движенія, но ежели бы и случился походъ, то буду письменно утруждать министра, а потому повторяю тебѣ мою просьбу: не предпринимать сего года ничего и буде не удастся тебя вырвать оттуда, то на будущій годъ можешь проситься до излеченія болѣзни, а сей годъ весьма не встати. Что подумаетъ государь: не успѣлъ приѣхать и просишься вонъ, а какъ скоро уживешься, то не такъ скучно тебѣ покажется.

О дочкѣ своей не тужи, ты ее оставилъ въ хорошихъ рукахъ и буде я поѣду въ Петербургъ, то заѣду въ Псковъ посмотреть ее.

Въ неисправности полка твоего всё недостатки долженъ пополнить твой предѣстникъ.

Я къ тебѣ писалъ неоднократно во Псковѣ, но получа сие послѣднее письмо, буду прямо къ тебѣ писать по присланному отъ тебя адресу.

Ты еще пишешь ко мнѣ, что въ будущемъ мѣсяцѣ подашь прошеніе объ отставкѣ, и чтобы я упредилъ оное переводомъ тебя въ здѣшнюю армію, и буде отставка твоя гораздо прежде придетъ, чѣмъ успѣю что для тебя сдѣлать, то уже поздно будетъ оной помочь, о чемъ ты много будешь жалѣть, и совѣтую тебѣ никогда въ скорости и съ огорченія ничего не предпринимать, лучше всякую вещь образумивши дѣлать; ты себѣ возьми и то въ размышленіе, что письма твои ко мнѣ не такъ скоро и не такъ вѣрно могутъ ко мнѣ доходить, и буде ты требуешь отъ меня какого совѣту, то, не предпринимая ничего, жди на оный отвѣту.

Итакъ, успокой себя: все къ лучшему на свѣтѣ сотворено.

Я тебѣ уже писалъ, что прибылъ я въ полкъ 1-го, который находится Виленской губерніи въ г. Тельшѣ; стоимъ здѣсь покойно и никакихъ слуховъ о движеніи не имѣемъ. Заѣзжалъ я домой, не засталъ добрую нашу мать, большая пустыня безъ нея; домъ Люцинской для памяти велѣлъ я починить и крышу новую сдѣлать, впрочемъ я здоровъ и живу все по прежнему, по донкишотски.

Прощай, будь здоровъ и не малодушничай, все Богомъ будетъ управлено. *Ami et frèrre Jacob.*

Вотъ мой адресъ: Гродненскаго гусарскаго полка шефу, Виленской губерніи въ городѣ Тельшахъ, въ Тельшѣ.

XIII.

25-го марта 1812 г. гор. Тельшѣ.

Любезный братъ Иванъ! Наконецъ, узналъ я отъ моего адъютанта, который находится въ Москвѣ, что ты пріѣхалъ туда, а потому и надѣюсь, что ты въ скорости прибудешь въ Люцинь. Письма отъ тебя получилъ только одно, съ Кавказской линіи; неужели ты не имѣлъ времени почаще меня увѣдомлять?—Тебѣ извѣстно, что война не за горами, можетъ Богъ приведетъ мнѣ случай отличить себя новыми лаврами, а потому дай мнѣ знать какъ наискорѣе, что ты желаешь, то-есть какого рода службу избрать; я увѣренъ, что въ то время не откажутъ, есть разныя воинскія мѣста по внутренней стражѣ, въ резервной рекрутской арміи, или въ настоящей арміи.—Я еще тебѣ повторяю, какъ скоро прибудешь домой, пиши ко мнѣ, а равно какъ располагаешь основать жизнь свою до опредѣленія въ службу.

Я тебѣ, братъ, скажу восьмое чудо: я вадумаль жениться, и уже зарученъ, но свадьба отложена до окончанія войны, буде Богъ сохранить здрава. О! ежели-бъ былъ поближе тебя, какъ бы мнѣ досталось по спинѣ твоею линейкою, но не гнѣвайся, пора мнѣ и для себя пожить хоть годокъ; безпрестанныя болѣзни наскучили, а дѣвка славна будетъ, и для васъ хорошо, вѣдь хлѣбомъ солью съ братьями надо дѣлиться, какъ сказалъ мнѣ нѣкогда Антошка. Прощай, цѣлую тебя, твой вѣрный братъ Яковъ.

Вотъ тебѣ адресъ мой: Гродненскаго гусарскаго полка шефу, Виленской губерніи, въ Тельшѣ.

XIV.

29-го марта 1812 г. Тельшѣ.

Наконецъ, благодаря Бога, получилъ отъ тебя письмо чрезъ казначея нашего, который былъ въ Псковѣ, по которому стану отвѣчать тебѣ на всѣ твои допросы.

Въ Люцинѣ я никакъ быть не могу, поелику всякую минуту ожидаемъ походу, а потому и тебя не приглашаю къ себѣ. Переговоръ нашъ можетъ быть на бумагѣ, но какая въ ономъ польза, ежели ты ничего не слушаешь, а дѣлаешь все по своему и такъ совѣтъ только тогда можетъ быть полезенъ, когда оному послѣдуютъ. Отобравъ желаніе твое вступить паки въ воинскую службу, а паче въ дѣйствующую армію, не такъ-то легко сдѣлать, какъ ты себѣ воображаешь, а паче тѣмъ, кои сего года оставили оную; но какъ бы то ни было, я приложу все мое стараніе, чрезъ военнаго министра, коему буду писать, и какой отвѣтъ получу, не оставлю тебя увѣдомить, а между тѣмъ прошу тебя сидѣть покойно въ Псковѣ или Люцинѣ, гдѣ тебѣ угодно будетъ; ты знаешь, что просьба моя теперъ не такъ скоро подѣйствуетъ, какъ въ случаѣ войны, буде Богъ приведетъ мнѣ что хорошаго сдѣлать, тогда единой награды буду просить: принятія тебя въ службу и тогда навѣрное полагаю, что не откажутъ, а потому надо имѣть терпѣніе, жить доколѣ философически, а какой получу отвѣтъ отъ министра на письмо мое, не оставлю тебя увѣдомить. — Окружнымъ начальникомъ въ Твери не сдѣлаютъ, потому что вакансія тамъ не очистилась. Крестъ Георгіевскій тяжело будетъ получить, ибо двѣ просьбы Государю министръ не возьмется докладывать, а когда возьмутъ въ службу, то крестъ самъ по себѣ получишь. Де-

негъ посылаю тебѣ 1000 р. ассиг.; извини, на сей разъ больше не случилось, ибо уплата долгу Пильцынъ совсѣмъ меня обезденежило. Не плачь о своей скверной лошади, ежели опредѣлять въ службу, тогда немудрено будетъ и лошадей достать и сію твою лошадь въ скорости пришлю тебѣ обратно къ брату Михайлѣ, ибо она продана была на кондиціяхъ. Требовать всей суммы изъ банка, что назначено мнѣ въ годъ по 1000 руб., не дадутъ безъ доклада Государю, коего такъ частыми просьбами утруждать весьма не встати, а совѣтую тебѣ брать ежегодно на прожитіе, о чемъ прилагаю тебѣ о семъ (sic) бумагу въ государственное казначейство за прошедшій годъ, то есть съ 1810 года іюня дня по 1811 годъ, по 1 іюня за годъ, а въ семъ годѣ 1812 въ іюнѣ еще за другой; итакъ, ты за разъ почти получишь 2,000 рублей.

Спасибо тебѣ за добрый совѣтъ о женитьбѣ, я оный исполню, но не прежде окончанія войны.

Посылку твою я еще не получилъ, ибо транспортъ съ аммуниціею еще не прибылъ, а казначей самъ одинъ пріѣхалъ.

Скажи, для чего хочешь ѣхать въ столицу? Развѣ ты не знаешь, что Государь поѣдетъ, а о сю пору уже выѣхалъ въ армію; онъ теперь занять важнѣйшими дѣлами, не совѣтую тебѣ ни о чемъ его утруждать, а жди покойно отвѣту, который я получу отъ министра.

Увѣдомъ меня, куда тебѣ адресовать письма? Почтенной тещи твоей свидѣтельствую глубочайшее почтеніе. Цѣлую милую шутиху твою. Прощай еще разъ; повторяю тебѣ, живи покойно и имѣй терпѣніе, и буде Богъ мнѣ поможетъ въ преуспѣяніи нашего оружія, тогда и я вамъ могу быть полезенъ, въ противномъ же случаѣ за смерть мою требуй сего награжденія. Цѣлую тебя, остаюсь навсегда твой вѣрный братъ Яковъ.

Адресуй ко мнѣ письма: Виленскѣй губерніи, въ Тельшъ.

XV.

16-го апрѣля 1812 г., г. Тельшъ.

Любезный братъ Иванъ! Письмо твое марта отъ 4-го съ адъютантомъ моимъ я получилъ, а другое апрѣля отъ 7-го съ артиллерійскимъ офицеромъ Вохинымъ вчерашняго числа только получилъ, въ коемъ рекомендуешь его; я весьма радъ быть ему полезнымъ, гдѣ только случай позволитъ. Что-жъ касается до Назимова, о коемъ ты просишь дать ему эскадронъ, это невозможно, да онъ и не стоитъ того, чтобы за него просить: человѣкъ самаго безпокойнаго нрава и

онъ никакой команды отъ меня никогда не получить. Ты пишешь, что старшій пасынокъ брата Николая разжалованъ въ солдаты и отосланъ въ 3-й Егерскій полкъ; жаль, ежели сіе правда, да не чѣмъ пособить, развѣ какъ откроется война перевести его въ дѣйствующую армію, тогда можно будетъ ему помочь; видно, въ фамиліи нашей никогда покоя не будетъ много: мы сами тому причиною, пора остепениться намъ и избрать какую ни есть солидную жизнь.

Посылаю тебѣ копію съ письма моего къ министру, ты будь терпѣливъ, эти дѣла не такъ скоро идутъ, какъ ты воображаешь: во-первыхъ, министръ затрудненъ многими дѣлами, который находится уже въ Вильнѣ, а Государя тамъ еще нѣтъ, слѣдовательно, ежели онъ возьмется за сіе дѣло, то надо будетъ ему ожидать прїѣзда Государя въ армію, а межъ тѣмъ сиди покойно и не предпринимай ничего, ибо по пустякамъ будешь волочиться и никакой пользы изъ того не будетъ. Письмо мое къ министру заключаетъ въ себѣ, что почту за особое благодареніе монаршее, ежели примутъ тебя въ службу, потому что писалъ я къ нему прежде письмо, прося удовлетворенія о причиненной мнѣ обидѣ въ прошлой кампаніи за Дунаемъ, слѣдовательно, пріемъ твой на службу будетъ мнѣ служить въ награду за сію обиду, но ежели не успѣю по сему письму, то надо имѣть терпѣніе; когда Богъ мнѣ поможетъ при открытіи сей войны отличить себя, то буду требовать, на мѣсто награжденія, опредѣленія тебя въ службу. Итакъ, любезный братъ, надо терпѣть и предоставить участь свою на волю судьбы.

О себѣ скажу—я здоровъ, поживаю весело, волочусь за прекрасными полячками, не одиѣхъ . невѣста-жъ моя находится въ Вильнѣ, и я съ нею помолвленъ, но свадьба отложена до окончанія войны, буде Богъ сохранитъ голову мою; скажу тебѣ, что дѣвка славная, а при томъ и чрезвычайная кокетка; того-то мнѣ и надобно, а какъ я знаю, что у тебя пропасть цацокъ, то не имѣешь ли ты золотого кольца съ алмазами для подарка ей; я тебѣ заплачу, что стоитъ будетъ, или закажи оное по рукѣ твоей покойной жены, ибо и у моея весьма малая ручка.

Скажи, куда ты подѣвалъ мой портретъ запорожскій и нѣтъ ли хорошаго живописца, который бы могъ съ него копію сдѣлать?

Мы здѣсь повидному, кажется, простонимъ до мая мѣсяца, а какъ скоро тронемся, то увѣдомлю тебя.—Прощай, мое нижайшее почтеніе матушкѣ твоей, а шутику цѣлую, твой вѣрный братъ Яковъ.

Пожалуйста, поспѣши мнѣ прислать кольцо, дабы я могъ до похода нашего ей сей залогъ отдать.

На отдѣльномъ листкѣ.

Копія письма военному министру.

Апрѣля дня 1812 г. Тельшь.

Благорасположеніе вашего высокопревос. ко всѣмъ посвятившимъ себя на службу царскую подаетъ мнѣ смѣлость ходатайствовать за старшаго брата моего, отставнаго ген.-маіора Кульнева, который сей осени вышелъ въ отставку съ кавказской линіи, дѣйствительно по климату противному его здоровью. Нынѣ видя всѣ приготовленія къ открытію новой кампаніи, пылая усердіемъ къ службѣ государя императора, желаетъ наки вступить въ оную и быть употреблену въ дѣйствующей арміи. Почему осмѣливаюсь утруждать ваше высокопрев. о исходатайствованіи брату моему сей милости, что почту себѣ особымъ знакомъ Монаршаго ко мнѣ благоволенія, за каковое благодѣяніе усугублю съ пользою пожертвованіемъ жизни своей при открывающейся нынѣ кампаніи, а вашему высокопрев. все наше семейство останется вѣчно благодарнымъ. Съ глуб. и прочее. Яковъ Кульневъ.

XVI.

5-го мая 1812 г. Тельшь.

Любезный братъ Иванъ! Вчерашняго числа получилъ я отвѣтъ отъ военнаго министра, коего копію тебѣ прилагаю, по которому требуетъ онъ отъ тебя немедленнаго отзыва, а потому и отвѣчай ему прямо въ Вильно. Я не знаю, согласенъ ли ты будешь на сіе предложеніе, ибо подѣль Севастопольскій, я справлялся по календарю 1810 года, находится въ Персіи; 1 баталіонъ въ Дербентѣ, а другіе два въ Баку на берегу Каспійскаго моря; впрочемъ это не навѣрное, онъ можетъ быть оттудова выведенъ, но все въ Грузіи долженъ находиться. И такъ, любезный братъ, совѣтъ мой, буде ты хочешь служить, то повинуйся судьбѣ, никакъ нельзя угадать, гдѣ ожидаетъ счастье и несчастье человѣка, но буде ты будешь отвѣчать министру, то не очень торопись, получше пообдумай что написать, но ежели ты не согласишься принять сего мѣста, то весьма тяжело будетъ достать другое, развѣ фортуна мнѣ весьма счастливо послужитъ въ сію войну, тогда можно будетъ передѣлать, но надо имѣть терпѣніе.

Вотъ тебѣ мнѣніе мое, какъ отвѣчать министру, то есть буде ты не желаешь сего мѣста принять, такъ какъ ты подалъ въ отставку по болѣзни и я просилъ за тебя въ письмѣ къ министру, что здоровье твое не могло выдержать того климату, слѣдовательно, по самой

той-же причинѣ ты и не можешь вступить въ службу, гдѣ климатъ еще гораздо жесточе Кавказской линіи, но прежде надо узнать, что дѣйствительно-ли полкъ въ Грузіи находится, а буде въ Крыму, гдѣ завсегда были его квартиры, тогда ступай съ Богомъ.—А какой ты пошлешь министру отвѣтъ, то пришли мнѣ копію съ онаго. Я тебѣ вдвойнѣ посылаю сіе письмо, одно прямо въ Псковъ, а другое къ брату Михаилу, полагая тебя и тамъ, какъ ты писалъ, что хочешь туда ѣхать.

Мы все еще стоимъ на мѣстѣ и, кажется, что май стоимъ. — Прощай, цѣлую тебя и милую твою шутиху, твой вѣрный братъ Яковъ.

XVII.

9-го іюля 1812 г. 15 верстъ отъ Друн.

Любезный братъ Иванъ! письмо твое по возвращеніи брата Михайла отъ меня я получилъ, впрочемъ никакихъ, а паче мнѣ нужно было знать, что ты министру писалъ? Я увѣренъ, ежели кампанія сія продолжится и мнѣ счастье такъ послужить, каковое имѣю въ началѣ, то успѣю опредѣлить тебя въ службу, но разсчитывая заранѣе, можешь ли переносить всѣ воинскіе труды и нужду, а паче въ осеннюю пору. Ты пишешь въ письмѣ своемъ, что ты просилъ министра, ежели тебя опредѣлять, чтобы прислали тебѣ денегъ на подъемъ, это ты весьма худо сдѣлалъ, ибо о деньгахъ никогда писать не надобно, а потому прошу тебя впредь никогда объ оныхъ не упоминать. Я просилъ за тебя, дабы опредѣлили тебя хоть въ новоформирующіе полки, которые должны къ осени выйти въ поле.

Я писалъ брату Михайлѣ, что по отъѣздѣ его, на другой день, то есть 3-го числа, построилъ я на Двинѣ мостъ, тогда какъ неприятель менѣ всего ожидалъ меня на его сторонѣ, съ вѣрными мнѣ Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ напалъ я на два французскіе конные полка, и въ нѣсколькихъ атакахъ на 10 верстъ истребилъ почти до остатка сіи два полка, такъ что вся дорога была устлана трупами мертвыхъ тѣлъ. Генерала, который командовалъ оными полками, взялъ въ полонъ, какъ и нѣсколько офицеровъ и болѣе 200 разныхъ чиновъ. Послѣ сей побѣды переправился я опять на сію сторону, истребивъ мостъ при Друѣ, отозванъ къ корпусной квартирѣ, которая находится до 25 верстахъ отъ Друн.

Вотъ тебѣ нынѣшнее положеніе мое. Впрочемъ, благодаря Бога, я здоровъ и поживаю по обыкновенному, по донкишотски.

Кольцо твое я получилъ по выстуленіи изъ Тельшъ, но портрета не получалъ.

Пиши ко мнѣ письма чрезъ брата Михайла, а когда насъ отсюда прогонять, отъ чего Боже сохрани, тогда намъ некуда ретироваться, какъ на вѣсь, а потому не уходи, доколѣ я тебѣ не дамъ знать. Кланяйся тещѣ своей. Цѣлую милую твою шутиху, пожелавъ тебѣ всего блага на свѣтѣ, остаюсь навсегда твой вѣрный братъ Яковъ.

Этимъ заканчиваются письма Якова Петровича Кульнева къ брату Ивану Петровичу. 20-го іюля 1812 г. Яковъ Петровичъ палъ на Клястицкихъ поляхъ геройскою смертію, сражаясь противъ значительнаго количества непріятельскихъ войскъ, много превосходившихъ силы, находившіяся въ его распоряженіи.

Письмо Николая Петровича Кульнева къ М. П. Кульневу.

26-го іюля 1812 г., г. Опочка.

Любезнѣйшій братецъ Иванъ Петровичъ! Я думаю вамъ уже извѣстна горестная наша потеря; не удостовѣрясь въ оной, я послалъ отсюда на мѣсто сраженія нарочнаго, но сіе было напрасно, ибо я до возвращенія его былъ уже удостовѣренъ въ смерти любезнѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ братьевъ, кончины коего по гробъ мой не престану оплакивать. Посланный мой привезъ ко мнѣ экипажъ покойнаго брата, состоящій въ бричкѣ съ тремя лошадьми и въ оной пожитки самаго бѣднѣйшаго въ мірѣ генерала, которыя въ совершенной цѣлости будутъ мною сохранены до свиданія съ вами. Денегъ въ ларчикѣ его полкомъ найдено 4,455 рублей, которыя всѣ и удержаны при полку впредь до расчета. Изъ 4-хъ верховыхъ лошадей его, одна сильно ранена, а 3-хъ привели сюда, а такъ какъ я выѣзжаю завтра далѣе въ Россію, то и отправилъ ихъ обратно въ полкъ къ Набелю, дабы онъ двухъ изъ нихъ продалъ, а третью—отъ лица вашего подарилъ я ему, ибо онъ намъ весьма будетъ нуженъ для расчетовъ съ полкомъ, при томъ же лошадь сія незавидная и онъ писалъ, дабы ее ему уступили; я бы отправилъ лошадей сихъ къ вамъ, но зная, что вамъ кормить ихъ нечѣмъ, притомъ же не съ кѣмъ было и отправить. Набель-же прислалъ ко мнѣ 2-хъ солдатъ, съ коими я ихъ и отправилъ, я надѣюсь, что онъ хорошо ихъ продастъ.

Вотъ, любезнѣйшій братецъ, вся наша надежда и радость исчезли, какъ сонъ! Осталась намъ вѣчная горестъ и слезы, которыя съ жизнію моею только прекратятся; немного насъ осталось, соединимся

тѣснѣйшею любовью и дружбою, я съ моей стороны могу васъ удостовѣрить, что всегда съ истинною преданностью пребуду вашъ вѣрный братъ Н. Кульневъ.

Письмо Михаила Петровича Кульнева къ М. П. Кульневу.

6-го августа 1812 г., Сакстигаль.

Любезный братецъ Иванъ Петровичъ! Пришедь сколько нибудь въ себя, послѣ тоски и печали, которую мнѣ причинилъ смертью своею любезнѣйшій и добродѣтельнѣйшій братъ нашъ Яковъ Петровичъ, съ коимъ я все потерялъ, я съ семействомъ моимъ лишился друга, покровителя, отца и брата. Я не могу помыслить, безъ чрезвычайнаго потрясенія всѣхъ моихъ чувствъ, что онъ болѣе не существуетъ!

Отъ жены и брата Николая я никакихъ извѣстій не имѣю. Да и вы, братецъ, тоже молчите и ничего ко мнѣ не пишете, я не знаю, что изъ сего заключать? Здоровы-ли вы или намѣрены ѣхать въ армию? Отзовитесь хотя одною строкою. Увѣдомьте меня, прибылъ ли къ вамъ экипажъ бѣдный покойнаго. Ибо я послалъ къ полковому командиру, который мнѣ отписалъ, что давно уже отосланъ, и если вы его не получили, то должно его считать потеряннымъ и хотя оный ничего не стоитъ, но мнѣ нужны были его бумаги, дабы ихъ привести въ порядокъ.

Увѣдомьте меня, намѣрены-ли вы идти въ службу и получили-ли вы отъ министра въ сей матеріи разрѣшеніе? Покойный въ разсужденіи покупки Пильцынъ оставилъ меня въ великихъ хлопотахъ, и хотя уже за оныя заплачены 30,000 рублей, осталось, однако, еще платить до 40,000, въ покупкѣ же сказано за неустойку платежа платить 25,000 рублей штрафа. Всѣ же облиги на остальную сумму отъ меня выданы за брата Якова и такъ представьте себѣ, въ какія хлопоты я влѣзъ; напишите мнѣ вашу мысль и что мнѣ дѣлать: опричь долгу Пильцынскаго есть у покойнаго еще слишкомъ 20,000 рублей долгу разнымъ лицамъ.

Увѣдомьте меня: писалъ ли къ вамъ Николай Петровичъ, и гдѣ онъ нынѣ находится, и будете-ли еще находиться въ Псковѣ, чтобъ я могъ у васъ побывать и поговорить. Казначей Гродненскаго гусарскаго полка просилъ меня отнестись къ вамъ и спросить, куда подѣвался унтеръ-офицеръ изъ полку, посланный отъ покойнаго къ вамъ съ 2,500 рублей для покупки полотна на полкъ, если онъ еще у

васъ находится, то прикажите ему явиться въ полкъ со счетомъ. Полкъ ихъ находится около Друи. Пожалуйста, пишите мнѣ обо всемъ обстоятельно, ибо въ хлопотахъ и тоскѣ я сдѣлался совсѣмъ безтолковъ, хотя и прежде у меня мало онаго было.

Увѣдомьте меня—не слышно ли у васъ объ успѣхахъ большой нашей арміи? Я все еще здѣсь нахожусь въ Сакстигалѣ и не прежде выѣду, покуда непріятель меня не выгонитъ. Марфѣ Петровнѣ свидѣтельствую свое низжайшее почтеніе, а малютку вашу цѣлую. Теперь насъ осталось трое и слѣдовательно союзъ тѣснѣе. Пожалуйста, пишите почаще, а болѣе объ успѣхѣ нашей арміи, ибо здѣсь ничего не слышно, хотя непріятель и близокъ, въ Динабургѣ и Крейсбургѣ онъ находится, а русскихъ опричь пикетовъ никого нѣтъ; мы здѣсь находимся между страхомъ и отчаяніемъ; отважный непріятель можетъ къ намъ въ ночи придти и въ постели взять. Прощайте, будьте здоровы и благополучны, чего желаю вамъ, отъ души и сердца вашъ почкорный и послушный братъ М. Кульневъ.

Сообщ. баронъ В. В. Руммель.

Примѣчанія къ письмамъ Якова Кульнева

1805—1812 гг.

Къ 1-му 1) Упомянутый въ этомъ письмѣ „братъ Павелъ“ есть Павелъ Петровичъ Кульневъ, родной братъ Якова и Ивана Петровичей. Онъ былъ воспитанъ въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи (по желанію родителей) и прошелъ первыя три степени посвященія въ духовные. Но въ 1805 г. былъ увезенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ долго содержался при полиціи. Затѣмъ, благодаря стараніямъ братьевъ, былъ освобожденъ и жилъ при матери въ Лидцѣ. Въ 1808 г. Яковъ Петровичъ хлопоталъ ему мѣсто плебана (приходскаго священника) въ томъ-же городѣ, но указъ объ этомъ назначеніи былъ полученъ П. П. Кульневымъ за день до смерти. Павелъ Петровичъ Кульневъ въ официальныхъ бумагахъ именуется „абатомъ П. Кульневымъ“.

2) Иванъ Петровичъ Кульневъ, къ которому адресованы всѣ (кромя одного) помѣщаемыя письма, старшій (?) братъ Якова Петровича, родился въ Брянскѣ, Орловской губерніи, 8 іюня 1765. Воспитывался вмѣстѣ съ братомъ и съ нимъ-же вмѣстѣ произведенъ въ офицеры въ 1785 г. Въ 1788 г. перешелъ изъ полка въ тотъ-же корпусъ и состоялъ при ономъ до 1795 г., когда былъ переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ подполковникомъ; при императорѣ Павлѣ пожалованъ въ генералъ-майоры и былъ шефомъ: Вѣлозерскаго пѣхотнаго полка (съ 30 апрѣля по 13 мая 1799 г.), Астраханскаго гренадерскаго (съ 13 мая по 21 іюля 1799 г.). 21 іюля 1798 г., по высочайшему повелѣнію, исключенъ изъ военной службы (это взисканіе исключено изъ его формуляра по указу отъ 5 іюня 1811) и снова принятъ въ оную только 4 іюня 1801, съ назначеніемъ шефомъ с.-петербургскаго гренадерскаго полка, но скорѣе снова навлекъ на себя монаршее неудовольствіе и 19 декабря 1802 переведенъ въ Ревель шефомъ гарнизоннаго полка. Здѣсь онъ оставался до 4 марта 1810, когда, по стараніямъ Якова Петровича, назначенъ шефомъ Вологодскаго пѣхотнаго полка на Кавказѣ, гдѣ климатъ настолько не благопріятствовалъ его здоровью, что онъ 28 октября этого года вышелъ въ отставку. По смерти Якова Петровича онъ подалъ прошеніе о зачисленіи

на службу и былъ принятъ 26 августа 1812 съ зачисленіемъ въ корпусъ Витгенштейна. Послѣ онъ былъ военнымъ начальникомъ русскихъ и французскихъ войскъ въ Данцигѣ до 1815 г. Съ тѣхъ поръ онъ числился по арміи и только изрѣдка получалъ порученія, а въ 1834 г. уволенъ отъ службы. Большую часть жизни онъ провелъ во Псковѣ, а съ 1815 г. жилъ тамъ почти безвыѣздно и умеръ въ 1840 годахъ. Владѣльцы помѣщаемыхъ имѣнъ писемъ—родные внуки Ивана Петровича.

3) Мать семейства Кульневыхъ—Луиза Ивановна, рожденная Гребинницъ изъ Пруссіи. Она была католичка и плохо владѣла русскимъ языкомъ. Сынovima писала всегда по французски. Женщина высокой добродѣтели, она умерла въ глубокой старости около 1811 г. (4 марта 1811 г. была еще жива). Она всегда жила въ Люцинѣ, гдѣ ея мужъ, Петръ Васильевичъ Кульневъ, былъ городничимъ. П. В. Кульневъ родился въ 1727 г. и вступилъ въ службу 14 мая 1746 г., прошелъ чины: капрала, квартирмейстера и вахмистра и только 1 января 1760 г. произведенъ въ корнеты. Онъ участвовалъ въ прусской кампаніи (1758—1761) и за отличіе получилъ медаль; въ чинѣ ротмистра (съ 1 янв. 1767) онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ (1769 г.) въ Польшѣ и былъ тяжело раненъ подъ Калишемъ, гдѣ у него была раздроблена гѣвая плечевая кость (19 мая 1769 г.), вслѣдствіе чего 15 декабря 1769 онъ опредѣленъ капитаномъ въ московскіе баталіоны и 19 января 1770 опущенъ домой въ Мещовскій уѣздъ для излеченія ранъ. 5 августа 1773 г. онъ былъ уволенъ отъ военной службы и назначенъ сначала комиссаромъ въ Полоцкую губернію, а затѣмъ городничимъ въ Люцинъ, въ каковой должности онъ и умеръ въ 1795 г., оставивъ 6 сыновей и 1 дочь въ крайне недостаточномъ положеніи.

4) Кто такой Шталь, упоминаемый и въ послѣдующихъ письмахъ—намъ неизвѣстно.

Ко 2-му. 5) „Болдыревская деревня“—дер. Болдырево—Мещовскаго (нынѣ Козельскаго у.), родовое помѣстье Кульневыхъ, въ которомъ было 25 душъ крестьянъ.

6) Кто такая „прусская сестрица“—не знаю. Изъ другихъ бумагъ видно, что И. П. Кульневу—приходился племянникомъ нѣкто Ноттофъ.

Къ 3-му. 7) Николай Петровичъ Кульневъ, младшій изъ братьевъ, умеръ полковникомъ. Былъ женатъ на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака.

8) Портретъ, въ видѣ запорожскаго казака, Якова Петровича до сихъ поръ хранится въ семействѣ Кульневыхъ, къ сожалѣнію сильно попорченъ.

Къ 4-му. 9) Отъ 1 брака Иванъ Петровичъ Кульневъ имѣлъ одну дочь.

10) „Любезная сестрица“, къ которой обращена приписка къ этому письму — первая жена Ивана Петровича, рожденная Дарья Алексѣевна Валуева. Она умерла въ 1810 году.

Къ 9-му. 11) Во 2 бракѣ И. П. Кульневъ былъ женатъ на Олимпіадѣ Сергѣевнѣ Голенцевой-Кутузовой.

Къ 11-му. 12) Михаилъ Петровичъ Кульневъ, пятый изъ братьевъ, родился 20 мая 1773 г., былъ ротмистромъ и городничимъ въ Люцинѣ (1797—1801), въ 1808 г. былъ депутатомъ дворянства Рѣжницкаго уѣзда, а съ 1826 по 1828 г. хорунжимъ Рѣжницкаго уѣзда. По смерти Якова Петровича, онъ наследовалъ его имѣніе Пильцыны. Былъ женатъ на двѣцѣ Розеншильдъ Паулинѣ, за которой получилъ въ приданое—помѣстье Ильзенбергъ (Рѣжницкаго у.), гдѣ погребенъ Яковъ Петровичъ.

Къ 13-му. 13) На комъ былъ помолвленъ Я. П. Кульневъ—неизвѣстно.

Къ 14-му. 14) „Шутихоу“—Я. П. называетъ дочь Ивана Петровича отъ перваго брака.

Къ 15-му. 15) Вохня—если не ошибаюсь Николай Васильевичъ, впоследствии генералъ-майоръ, род. 1790, † 1853.

Родословіе Кульневыхъ.

Кульневыхъ—три фамиліи: смоленская, новгородская и калужская — нынѣ исковая.

Яковъ Петровичъ происходитъ изъ калужской вѣтви.

I.

1. Софронъ Кульневъ, жилъ въ концѣ XVII столѣтія и владѣлъ деревней Водырево, Мещовскаго уѣзда (Калужской губ.).

II.

2. Василій Сафроновичъ, служилъ въ конной гвардіи, † 1754 1

III.

3. Петръ Васильевичъ, секундъ-маіоръ и городничій въ Люцинѣ, Витебской губ., род. 1727, † 1795. Ж. Луиза Ивановна Г'ребиницъ, изъ Пруссіи .

2

IV.

4. Иванъ Петровичъ, генераль-маіоръ, р. въ Брянскѣ 8 іюля 1765 (?), † въ Псковѣ 184. Ж. 1). N. N. N. (Валуева (?) † 1810 г.). 2) Олимпиада Сергѣевна Голенищева-Кутузова. Отъ 1-го брака — 1 дочь, отъ 2-го брака — 1 сынъ и 2 дочери .

5. Яковъ Петровичъ, генераль-маіоръ, кавалеръ Св. Георгія 3-й ст., шефъ Гродненскаго гусарскаго полка, р. 1766 † 20 іюля 1812, холост., убитъ подъ Клястицами, погребенъ въ Ильзенбергѣ .

6. Павелъ Петровичъ, аббатъ, римско-католическій плебанъ въ Люцинѣ, † 1808, холостъ .

3

7. Василій Петровичъ, поручикъ, † до 1812 г. .

8. Михаилъ Петровичъ, ротмистръ, городничій въ Люцинѣ (1797—1801), депутатъ дворянства (1808) и хорунжій (1826—1828) Рѣжидцаго уѣзда †. Ж. съ 1800 г. дочь Николая фонъ-Розеншильдтъ-Паулинъ .

9. Николай Петровичъ, полковникъ. Ж. вдова N. N. N. .

Марія Петровна, за Саксенъ-Веймарскимъ камергеромъ Николаемъ ф. Розеншильдтъ-Паулинъ .

V.

10. Яковъ Ивановичъ, штабсъ-капитанъ, † въ Псковѣ 18 сентября 1872. Ж. Глафра Ильинишна Иванова, (дочь гдовскаго помѣщика), † 13 августа 1873. . . .

. . . . Ивановна (отъ 1-го брака), р. 1807 .

4

Марія Ивановна (отъ 2-го брака), за бывш. мировымъ судьей гор. Пскова Робертомъ Васильевичемъ Стольгане .

Елисавета Ивановна, род. въ Псковѣ 12 апр. 1824, † дѣвцею .

11. Константинъ Михайловичъ .

8

12. Яковъ Николаевичъ .

9

VI.

13. Иванъ Яковлевичъ, поручикъ Ж. (съ 27 іюля 1882) Сера-
фима Ивановна Кирпичникова	.	}	10
14. Илья Яковлевичъ, штабсъ-капитанъ Ж. (съ 17 февраля 1880)
Конкордія Александровна Шитцъ.	.		
15. Сергѣй Яковлевичъ, род. 26 мая 1858 .	.	}	11
Олимпиада Яковлевна съ 13 февраля 1878 за лѣсничимъ Автономъ
Семеновичемъ Горашемъ	.		
Марія Яковлевна, дѣвица .	.		
16. Александръ Константиновичъ, бывшій мировой судья въ
Рѣжецѣ. Ж. Елисавета Робертовна Стольгане.
Константиновна, за Кишкинымъ	.	}	11
	.		

VII.

17. Николай Ильичъ, р. 1882 .	.	}	16
18. Константинъ Александровичъ, р. 1879
Марія Александровна.	.		

Сообщ. баронъ В. В. Руммель.

НА МОГИЛАХЪ КУЛЬНЕВА.

Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дынной кущи
Цыгана дивнаго расказъ?

Пушкинъ.

I.

Изъ «людей отвагой славныхъ» на Руси, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ генералу Якову Петровичу Кульневу. Много было, да и теперь есть, — у насъ генераловъ, имена которыхъ ничего не выражаютъ кромѣ извѣстнаго чина, извѣстной ступени въ военной іерархіи. Но Кульневъ, съ 1808-го года, послѣ его подвиговъ въ Финляндіи, былъ вполне народнымъ героемъ, Скобелевымъ нашего времени. Храбрость и военныя дарованія для этого еще недостаточны: нужны другія качества, которыя инстинктъ массы умѣетъ оцѣнить и усвоить себѣ съ поразительною вѣрностью. Слава своевольна, какъ женщина; однихъ ласкаетъ выше заслугъ, другихъ обходить. Она надка къ поклонникамъ, любитъ подарки въ формѣ лесты, рекламы и проч. Но народное чутье выше всего этого, его нельзя подкупить. Имя Кульнева послѣ его похода, по льду, въ Швецію, въ 1809 году, облетѣло Европу и было извѣстно веѣмъ въ Россіи, до послѣдней крестьянской избы, въ которую владимірскіе офени приносили лубочныя картины, изображавшія подвиги его. Онъ, ученикъ Суворова и обожатель его, соединялъ военную отвагу съ высокими нравственными качествами: честностью, правдивостью, попеченіемъ о солдатѣ, милосердіемъ къ непріятелю, суровою простотою жизни и обхожденія. Безъ этихъ свойствъ—нѣтъ народнаго героя, безъ нихъ

не возвышаются надъ толпою, безъ нихъ закрыта дорога въ сердце солдата и простолюдина. Наружность его вполне соответствовала понятію о богатырѣ: лихой наѣздникъ, высокій ростъ, темно-русые густые волосы и длинныя бакенбарды, смуглое лицо и могучій голосъ—басъ, покрывавшій шумъ боя. Благородный образъ Кульнева переданъ потомству перомъ его сослуживца и друга Дениса Вас. Давыдова. (См. статью его «Кульневъ въ Финляндіи»). Кульневъ же выработалъ изъ Давыдова будущаго партизана 1812 года.

«Герой, служащій отечеству, никогда не умираетъ и оживаетъ въ потомствѣ»—говоритъ Кульневъ въ письмѣ къ брату своему, незадолго до смерти. Такъ должно бы быть. Но событія и люди 1812 года начинаютъ забываться нынѣшнимъ поколѣніемъ. Ихъ живо помнятъ еще переживающіе нынѣ шестой и болѣе десятокъ годовъ, воспитанные современниками той эпохи. Новое поколѣніе, заинтересованное новыми событіями, равнодушно къ дивному Наполеоновскому вѣку, «бурному и величавому», который безпощадная критика нынѣ старается низвести съ пьедестала, на которомъ онъ стоялъ, въ нашемъ стариковскомъ воображеніи.

Въ октябрѣ 1862 г. судьба бросила меня въ имѣніе Клястицы, Витебской губерніи, принадлежащее бывшему нашему послу при берлинскомъ дворѣ, д. т. с. Павлу Петровичу Убри. Въ 1863 и 1864 годахъ мнѣ пришлось пахать и засѣвать то самое поле, на которомъ корпусъ Витгенштейна, авангардомъ котораго командовалъ Кульневъ—обрадовалъ Россію, въ 1812 году, первымъ серьезнымъ военнымъ успѣхомъ,—уви! накануне трагической смерти самого Кульнева! Кульневъ, жизнью и смертью своею, поставленъ выше критики; это мужественный и безупречный рыцарь, память котораго должна чтиться какъ святыня, и заслуживающій обстоятельной и вѣрной біографіи. Я, случайно попавъ въ мѣста послѣднихъ подвиговъ и смерти Кульнева, счелъ своею обязанностью напомнить читателямъ всеи уважаемой «Русской Старины», въ настоящемъ очеркѣ, событія, предшествовавшія этой смерти, и подробно описать намятники, нынѣ полузабытые, поставленные въ честь нашего героя.

Въ юнѣ 1812 г. французскія арміи перешли наши границы, какъ извѣстно, безъ объявленія войны. Въ половинѣ іюля главныя силы Наполеона, отъ Вильны на Глубокое и Бѣшенковичи, подступали уже къ Витебску, наши отступали отъ Дриссы къ Смоленску, оставивъ корпусъ Витгенштейна около Дриссы. Корпусъ Удино былъ оставленъ въ Полоцкѣ, Макдональдъ шелъ на Ригу и занялъ все теченіе Двины до Динабурга. Такимъ образомъ корпусъ Витгенштейна, стоя между двумя непріятельскими корпусами, каждый равной съ нимъ силы, былъ

совершенно разобщенъ отъ нашихъ армій, шедшихъ на востокъ, но имѣлъ свободное сообщеніе съ сѣверомъ, черезъ Себежъ и Островъ. Ему предоставлено было дѣйствовать самостоятельно. Но еще 3-го іюля Кульневъ имѣлъ уже личное кавалерійское дѣло около Друи на сообщеніяхъ французовъ, гдѣ онъ, переправясь черезъ Двину, атаковалъ восемь эскадроновъ непріятельской конницы, разсѣялъ ихъ и, положивъ 300 человекъ на мѣстѣ, возвратился съ 144 плѣнными, въ числѣ которыхъ былъ бригадный генералъ St. Geniest, который, какъ первый трофей, былъ тотчасъ отвезенъ въ Москву.

Сосновымъ боромъ, но больше ельникомъ да березникомъ, по глухой, мало населенной мѣстности, изрѣдка пересѣкая небольшія нахатныя поля или гибкая живописное озеро,—идеть дорога отъ Полоцка на сѣверъ, къ Себежу,—это бывший почтовый трактъ на Петербургъ, теперь, съ проведеніемъ въ 1865 году Динабургско-Витебской жел. дороги, закрытый и забытый. На первыхъ сорока пяти верстахъ этой дороги, начиная отъ Полоцка и кончая слободкой Клястицы ¹⁾, — совершились въ 1812 году главныя дѣйствія корпуса

¹⁾ У насъ допускается, официально, непростительное коверканье историческихъ названій. Слободка Клястицы называется по-прежнему Клясица. Но мѣстные жители, бѣлоруссы, произносятъ Клясицы и называютъ себя Клястичанами. Въ послѣднемъ словѣ т ясно слышно. Одинъ изъ прежнихъ гусарскихъ, а нынѣ драгунскій полкъ, называется совершенно правильно Клястицкимъ, а не Клясицкимъ полкомъ. На воздвигнутомъ въ Клястицахъ памятникѣ, въ историческихъ сочиненіяхъ вездѣ пишутъ Клястицы. Но почтовое наше вѣдомство почему-то сохраняетъ польскую орфографію и называетъ свою контору Клясицкою. Но этого мало. Въ честь мѣстъ, прославленныхъ побѣдами 1812-го года, нѣсколько нѣмецкихъ колоній въ Бессарабіи были названы русскими именами: Тарутино, Бородино, Березина, Клястицы и проч. Нынѣ нѣмцы въ Бессарабіи умудрились изъ Клястиць сдѣлать Klöstiz и совершенно забыли о русскомъ названіи своей колоніи. (См. „Kalender für deutsche Ansiedler im südl. Russland, на 1886 г., стр 20).

Нынѣ слободка Клястицы, Дриссенскаго уѣзда, состоитъ изъ почтовой конторы, церкви съ постройками причта, памятника 1812 г. съ караульнымъ домикомъ при немъ, волостнаго правленія, училища, существующаго на средства владѣльца съ 1840 года, больницы, нѣсколькихъ лавокъ, водяной мельницы, постоялаго двора, нѣсколькихъ мастерскихъ и двухъ, трехъ десятковъ избъ. Въ сторонѣ, надъ рѣкой Нишей, лежитъ небольшой фольварокъ Клястицы. Все здѣшнее населеніе, благодаря гуманнымъ взглядамъ бывшихъ владѣльцевъ своихъ, г. Убри, никогда не знало тягостей крѣпостнаго права. Постоянныя лѣсныя работы и вывозки зимою, а грабарскія лѣтомъ—доставляютъ ему хорошіе заработки. Теперь это совсѣмъ не мякинники-бѣлоруссы, а зажиточное, на половину грамотное, населеніе, живущее въ чистыхъ домахъ, посылающее сапоги, ситцевыя рубахи и платья, ѣдущее на кованыхъ понозкахъ и исправно платящее всѣ повинности. 1812 г. годъ и его бѣдствія

Витгенштейна: это два сраженія подъ Клястицами 18 и 19 июля, дѣла подъ Головчиной, Боярщиной и Сивошинымъ 20 июля, это сраженіе подъ Полоцкомъ 5 и 6 августа и 5 и 6 октября,—словомъ мѣста, названія которыхъ облетѣли Россію и Европу и прославлялись обѣими сторонами какъ побѣды! Эта дорога, упитанная кровью,—и она не будетъ забыта потомствомъ, такъ какъ, благодаря императору Николаю, дѣла предковъ увѣковѣчены большими чугунными памятниками, поставленными въ Полоцкѣ (на площади передъ кадетскимъ корпусомъ) и въ Клястицахъ, рядомъ съ церковью, надъ самой дорогой. Но теперь эта дорога заглохла и только на небольшой ея части, между станціями Сивошино и Клястицы (18 верстъ), въ которыхъ помѣщаются и почтовые конторы, два раза въ недѣлю проходитъ почта, направляясь отъ Сивошина уже не къ Полоцку, а проселкомъ, къ жел.-дорожной станціи Борковичи.

Вотъ на этой, исторической, прежней почтовой дорогѣ маршалъ Удино снулъ растянуть, 18-го июля 1812 г., свои войска отъ Полоцка до Клястиць. Витгенштейнъ, узнавъ о движеніи французовъ на сѣверъ, чрезвычайно быстро, по трудно проходимои лѣсной мѣстности, повелъ свой корпусъ (приблизительно равной съ неприятелемъ силы, около двадцати пяти тысячъ человекъ при 108 орудіяхъ) имъ на перерѣзъ. Нужно сказать, что корпусъ Витгенштейна состоялъ изъ лучшихъ нашихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ предыдущихъ кампаніяхъ и особенно Финляндской. Отдѣльными частями въ немъ командовали люди, имена которыхъ стали скоро очень извѣстны: Дибичъ, Яшвицъ, Ридигеръ, Нейдгардтъ, Сухожанецъ, не говоря о Кульневѣ, который былъ начальникомъ авангарда, въ составъ котораго входили тѣ же донцы и гродненскіе гусары, съ которыми онъ побывалъ на шведскомъ берегу въ 1809 году. Этотъ лихой авангардъ пришелъ къ Клястицамъ (собственно къ фольварку Якубову, въ трехъ верстахъ отъ Клястиць) почти одновременно съ французскою дивизіею Леграна. Кульневъ тотчасъ завязалъ дѣло, длившееся до 11 часовъ ночи, съ переменнымъ успѣхомъ. Къ концу боя все поле осталось за нами, французы занимали только мызу. Ночью подошли къ Якубову, съ нашей стороны, почти всѣ силы Витгенштейна, къ французамъ пѣхотная дивизія Вердье, оставленная утромъ около Сивошина. Бой возобновился 19 июля, на разсвѣтѣ, и кончился въ 8 часовъ утра полнымъ отступленіемъ Удино обратно къ Полоцку.

недавно еще жилъ въ народной памяти подъ названіемъ „раззореннаго года“, отъ котораго старики вели лѣтосчисленіе. Теперь онъ забытъ.

К. Д.

Клястицкое поле сраженія (французы вѣрнѣе называютъ его сраженіемъ при Якубовѣ),—это всего 80 десятинъ песчаной, слегка холмистой пахоты, имѣющей видъ треугольника. Двѣ стороны его окружены лѣсомъ, третья болотомъ. Французы 19 іюля занимали только одинъ уголь этого треугольника, мызу Якубово, укрываясь за строениями; мы вели нападеніе одновременно съ трехъ сторонъ и могли отвѣчать французамъ двойнымъ числомъ орудій, выгоды позиція были на нашей сторонѣ. Кавалерія вовсе не могла дѣйствовать и бой рѣшенъ безъ нея ¹⁾).

Неутомимому и бдительному Кульневу было поручено преслѣдовать отступающихъ до рѣки Дриссы, при переправѣ черезъ которую находилась тогда почтовая станція Сивошино, церковь и постоянный дворъ. Поселенія не было тогда и теперь нѣтъ; церковь теперь также не существуетъ. Но существуетъ извѣстное преданіе, будто Кульневъ, случайно, родился, въ 1763 году, именно на этой станціи, черезъ которую проѣзжала его мать.

Удино, послѣ Клястицкаго сраженія, не бѣжалъ, какъ писалось въ тогдашнихъ реляціяхъ. Нѣтъ, безпристрастный историкъ нашъ Богдановичъ удостовѣряетъ, что онъ только отступалъ, въ порядкѣ и не потерявъ ни одного орудія. Кульневъ преслѣдовалъ весь день, забирая отсталыхъ и брошенный обозъ, и переночевалъ у Сивошина, гдѣ долженъ былъ ожидать Витгенштейна. Но увлеченный успѣхомъ и отвагой, «составлявшей отличительную черту его характера», Кульневъ, вопреки полученному приказанію, на разсвѣтѣ, 20-го іюля, переправился черезъ р. Дриссу и въ пяти верстахъ отъ Сивошина попался въ устроенную ему французами ловушку, близъ фольварка Боярщины, принадлежащаго нынѣ госпожѣ Друговиной. Встрѣченный съ фронта сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, а съ обѣихъ боковъ пѣхотой, спрятанной въ лѣсу, — отрядъ Кульнева былъ, въ самое

¹⁾ Лучшій нашъ историкъ войны 1812 года, генералъ Богдановичъ, описывая Клястицкія сраженія, говоритъ (стр. 355), что 18-го іюля наши войска послѣ перваго успѣха, заставившаго французовъ стануть всю имѣвшуюся у нихъ силу въ мызу Якубово, — не успѣли, однако, овладѣть этимъ селеніемъ, зажженнымъ французами. Почтенный историкъ впадаетъ дважды въ ошибку. Селенія Якубова не существуетъ и не существовало, а существуетъ только фольварокъ, мыза Якубово, состоящая изъ господской усадьбы и разныхъ экономическихъ построекъ, служившими французамъ защитой отъ нашего огня. Почти всѣ постройки и нынѣ стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, а нѣкоторые и сохранились еще съ 1812 года, какъ, напр., господскій домъ, въ стѣнахъ котораго засѣло два ядра. Но вообще въ Якубовѣ пожара не было,—это мыѣ удостовѣрили всѣ старожилы, которыхъ въ 1862 году было еще нѣсколько въ живыхъ. Е. Д.

короткое время, совершенно разстроенъ, потерялъ три орудія и долженъ былъ бѣжать къ Сивошину. Здѣсь Кульневъ получилъ подтвержденіе отъ генерала Сазонова, шедшаго съ пѣхотой и артиллеріей за авангардомъ, занявъ выгодную позицію, но напрасно пытался удержаться и, потерявъ еще 6 орудій и часть пѣхоты, которая была потоплена въ рѣкѣ, «былъ вынужденъ отступить далѣе на соединеніе съ главными силами корпуса. Приведенный въ отчаяніе неудачей, говоритъ историкъ, бывшею слѣдствіемъ какъ его собственной неосторожности, такъ и нерѣшительности генерала Сазонова, Кульневъ слѣзъ съ лошади, шелъ въ послѣднихъ рядахъ отступающихъ войскъ, и въ то самое время, когда остановился у одного изъ своихъ орудій, былъ пораженъ смертельно ядромъ, оторвавшимъ ему обѣ ноги. Говорятъ, будто бы онъ, умирая, сорвалъ съ шеи Георгіевскій крестъ и сказалъ уносившимъ его солдатамъ: «унесите этотъ крестъ, чтобы непріятель не зналъ, что ему удалось убить русскаго генерала».

Генераль М. О. Безъ-Корниловичъ, въ сочиненіи своемъ: «Историческія свѣдѣнія о примѣчательныхъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи» 1855 г., описываетъ послѣднія минуты Кульнева нѣсколько иначе (стр. 130): «Очевидцы рассказывали, что Кульневъ, сильно огорченный неудачей, переправясь подъ непріятельскими выстрѣлами черезъ р. Дриссу, скинулъ съ себя мундиръ» (онъ носилъ всегда гусарскій ментикъ изъ толстаго солдатскаго сукна, съ гарусными, а не золотыми шнурами) «и такимъ образомъ позади всѣхъ шелъ съ поникшею головою. Посланное черезъ рѣку непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги; онъ упалъ безъ чувствъ и черезъ нѣсколько минутъ померъ, не произнеся ни одного слова».

Если эти рассказы расходятся въ подробностяхъ, то они, несомнѣнно, сходятся въ одномъ: Кульневъ умеръ мужественно и спокойно, думая не о себѣ, а о чести нашего оружія.

Во всякомъ случаѣ тѣло нашего героя не попало въ руки французовъ. Оно было доставлено къ главнымъ силамъ нашего корпуса, который уже шелъ отъ Клястиць на выручку своего авангарда. Два часа спустя, преслѣдовавшая Кульнева дивизія Вердье сдѣлала ту-же ошибку, которую утромъ сдѣлалъ Кульневъ. Увлеченная успѣхомъ, она не задумалась атаковать главныя силы Витгенштейна, была разбита при дер. Головчиной, въ семи верстахъ отъ Сивошина, и въ свою очередь преслѣдуема до р. Дриссы, гдѣ настала ночь. Такимъ образомъ, честь нашего оружія была восстановлена: но 9 орудій, много сотенъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ и стоившій цѣлой дивизіи, по обаянію своему на войска, Кульневъ—были потеряны совершенно напрасно. Кромѣ того, значеніе Клястицкой побѣды было умалено и

дало поводъ французамъ выставить дѣла 18, 19 и 20 Іюля какъ побѣды. Дѣйствительно, трофеи, орудія были взяты ими, хотя побѣдителями, несомнѣнно, остались мы. Наполеонъ и Удино это отлично знали и баварскій корпусъ, которымъ командовалъ Сентъ-Сиръ, находившійся уже въ Вѣшенковичахъ, близъ Витебска, былъ немедленно возвращенъ форсированными маршами обратно, въ Полоцкъ, для удержанія его и на выручку Удино.

Витгенштейнъ, заставивъ Удино отступить къ Полоцку, тѣмъ еще не спасъ Петербурга, какъ увѣряли въ 1812 году, прозой и стихами. Удино не могъ серьезно помышлять о походѣ на Петербургъ съ тремя дивизіями и оставивъ открытыми все сообщенія главной арміи Наполеона съ Польшей и Германіей. А. П. Ермоловъ, въ своихъ запискахъ о войнѣ 1812 года, такъ очертилъ значеніе сраженія на полоцко-себежской дорогѣ (часть I, стр. 157): «Положеніе» (Витгенштейна, между двумя непріятельскими корпусами) «дѣлалось затруднительнымъ, но долже остаться у Дриссы, ни, отойдя, оставаться въ бездѣйствіи равно было невозможно; ибо непріятель, поставя его между двухъ огней, подвергалъ опасности неизбѣжной. Графъ Витгенштейнъ рѣшился предупредить соединеніе (Удино съ Макдональдомъ), вышелъ къ сел. Клястицы, лежащему на дорогѣ отъ Полоцка къ Себежу и, закрывши себя отъ марш. Макдональда небольшимъ отрядомъ, съ главными силами обратился на корпусъ маршала Удино».

«Большое разстояніе между непріятельскими корпусами, трудность отъ того въ соглашеніи дѣйствій, внутреннее положеніе между ними давали гр. Витгенштейну превосходство выгоды. Удино вышелъ изъ Полоцка, но Макдональдъ не перешелъ Двины. Гора свалилась съ плечъ Витгенштейна! Принявъ за рѣшительное отступленіе движеніе къ селенію Клястицамъ, Удино не всѣми преслѣдовалъ силами и неосмотрительно; встрѣтивъ наши силы въ совокупности, не могъ удержаться, побѣжалъ. Войска его, въ отдаленіи разбросанныя, приспѣвая въ подкрѣпленіе частями, уничтожались! Потерявъ пріобрѣтенныя при началѣ дѣйствія выгоды, понесши весьма большой уронъ, Удино возвратился въ Полоцкъ. Гр. Витгенштейнъ, преслѣдовавши, остановилъ авангардъ въ одномъ маршѣ отъ Полоцка и возвратился въ прежнюю позицію...» «Графу Витгенштейну принадлежитъ слава побѣды и самаго предпріятія, основаннаго на искусномъ соображеніи. Многіе относятъ его на счетъ начальника корпуснаго штаба, ген.-маіора Довре. Сужденіе, можетъ быть внутреннее завистью. Я точнаго о томъ свидѣнія не имѣю!»

Ермоловъ, этотъ компетентный судья, не только ни слова не говоритъ о Петербургѣ, а, напротивъ, полагаетъ, что Витгенштейнъ

самъ отступалъ на сѣверъ. Въ дѣйствительности, обѣ стороны двигались на сѣверъ совершенно одновременно, но быстрый и смѣлый переходъ Витгенштейна къ Якубову далъ ему возможность напасть на Удино въ располхъ и разбить его частями. Сохранилось мѣстное преданіе, что владѣлица Клястиць, г-жа Убри, не оставившая своего дома въ Якубовѣ и во время самаго сраженія, первая извѣстила Витгенштейна о появленіи здѣсь французовъ.

Весьма вѣроятно, что не будь ошибокъ и потерь Кульнева подъ Боярщиной и Сивошинимъ,—Витгенштейнъ немедленно пошелъ бы на Полоцкъ, заставилъ бы Удино очистить его и перейти обратно за Двину. Но Витгенштейнъ медлил, подошелъ къ Полоцку только 4-го августа, когда баварцы съ Сень-Сиромъ были уже тамъ и 6-го августа послѣдній (принявшій командованіе надъ обоими корпусами за раню, полученною Удино) заставилъ Витгенштейна опять возвратиться къ Соколищу. Такимъ образомъ, Клястицкая побѣда не принесла намъ тѣхъ выгодъ, которыя она могла бы доставить и которыя могли значительно измѣнить весь ходъ войны 1812 года. 20-го іюля наши главные арміи соединились подъ Смоленскомъ, а Наполеонъ былъ еще только въ Витебскѣ. Быть можетъ, онъ не отважился бы углубиться въ центръ Россіи, если бы на сообщеніяхъ его съ Германіей стояла побѣдоносная армія Витгенштейна, ежедневно пополняемая свѣжими войсками и припасами изъ сѣверныхъ областей. Второстепенныя обстоятельства могутъ имѣть огромныя послѣдствія: не будь несчастнаго для насъ дѣла подъ Боярщиной, быть можетъ, Наполеонъ не дошелъ бы до Москвы.

Но возвратимся къ Кульневу.

Вѣсть о Клястицкой побѣдѣ облетѣла Россію вмѣстѣ съ вѣстью о смерти Кульнева, перваго русскаго генерала, убитаго въ отечественную войну. Благодарственные молебны служились одновременно съ панихидами о немъ, всѣ знали его, всѣ сожалѣли. Съ театральныхъ подмостковъ возглашалось: слава Витгенштейну и вѣчная память герою Кульневу,—при чемъ крики восторга мѣшались съ плачемъ.

Въ трехъ, приблизительно, верстахъ, влѣво отъ дороги и Сивошинской станціи, въ р. Дриссу впадаетъ небольшая р. Нища. Тутъ, на обихъ крутыхъ берегахъ этой рѣки, живописно расположена мыза Соколище, принадлежащая Ю. Ѳ. Щиту. Немного далѣе, на высокомъ берегу р. Дриссы, противу самаго впаденія въ нее Нищи, лежитъ другая мыза Замшаны, принадлежащая г-жѣ Сумароковой. Послѣ дѣлъ 20-го іюля главная квартира Витгенштейна находилась здѣсь

нѣсколько дней. Здѣсь же, 21-го іюля, былъ торжественно погребенъ Кульневъ.

Извѣстный официальный историкъ и биографъ генералъ Михайловскій-Данилевскій помѣстилъ въ сборникѣ «Александръ I и его сподвижники» также биографію Кульнева, составивъ ее въ 1845 году, очевидно, по формулярному его списку и статьѣ Д. В. Давыдова, о которой я упомянулъ уже. Многое заимствовано изъ ней буквально. По словамъ этого биографа, Кульневъ былъ погребенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются обѣ рѣки, Дрисса и Ница, а на могилѣ его нѣсколько елей отбѣняютъ камень, на коемъ начертано: «на семь мѣстѣ палъ, увѣчанъ побѣдою, храбрый Кульневъ, какъ вѣрный сынъ за любезное отечество сражаясь. Славный конецъ его подобенъ славной жизни: оттоманъ, сарматъ, галлъ, германецъ, шведъ зрѣли его мужество и неустранимость на полѣ чести. Стой, прохожій, кто бы ты ни былъ, гражданинъ или воинъ, и почти память его слезою!»

Въ надписи этой много декламации. Изъ предъидущаго моего разсказа читатель уже знаетъ, что Кульневъ палъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ, между мызами Соколище и Замшаны, а въ 3¹/₂ или 4-хъ верстахъ оттуда, на большой дорогѣ. Разстроенный авангардъ нашъ могъ отступить только по этой дорогѣ, а не лѣсами и болотами, которые изрѣзываютъ здѣшнюю мѣстность. Далѣе читатель знаетъ также, что Кульневъ палъ не увѣчанный побѣдою, — а послѣ совершеннаго пораженія вѣреннаго ему отряда, происшедшаго по собственной его винѣ, а не по недостатку мужества у его подчиненныхъ: наши солдаты всегда храбры, если ими командуютъ Кульневы. Кульневъ искупилъ свою вину нравственными муками и смертью, но фактъ остается фактомъ.

II.

Задумавъ написать этотъ очеркъ и желая удостовѣриться въ существованіи этого надгробнаго камня, я посѣтилъ Соколище 26-го января 1886-го года. Къ удивленію моему, я при слияніи рр. Дриссы и Нищи ни елей, ни камня, ни вообще ничего напоминающаго бывшую могилу не нашелъ. Мало того, никто изъ мѣстныхъ жителей, и въ томъ числѣ оба мѣстные землевладѣльца, уже весьма почтенныхъ лѣтъ, никогда не слыхали не только о томъ, чтобы тутъ былъ положенъ камень съ такою надписью,—но даже не знали, что Кульневъ былъ здѣсь похороненъ въ 1812 году! Последнее, кажется, однако, достоверно. Г. Щитъ сообщилъ мнѣ, что неподалеку есть другая мыза Соколище, но Дрисса сливается съ Нищею здѣсь, слѣдовательно и первая могила Кульнева, несомнѣнно, была тутъ. При слияніи этихъ рѣкъ, на ровномъ лугу, затопляемомъ вѣшними водами, возвышается странной формы, продолговатый, крутой холмъ, какъ будто искусственно насыпанный, поросшій старыми дубами и березами. Холмъ этотъ имѣетъ особое названіе «Городецъ». Вѣроятно, что на вершинѣ этого холма (а не на низменномъ лугу) подъ сѣнью дубовъ (а не елей, которыхъ не видно во всей ближайшей окрестности) тѣло Кульнева было предано землѣ. Но, повторяю, что никто, (а я разспрашивалъ многихъ, кто постарше), не только не могъ указать мѣсто первой могилы Кульнева, но даже никогда и не слыхали о томъ, чтобы Кульневъ былъ здѣсь погребенъ. Напротивъ, всѣ въ одинъ голосъ говорили мнѣ, что Кульневъ лежитъ въ Сивошинѣ, считая воздвигнутый ему тамъ памятникъ — надгробнымъ.

Подъѣзжая къ Сивошину со стороны Полоцка, мы плетемся послѣднія двѣ версты по песку, молодымъ сосновымъ боромъ. Подъѣзжая къ самой станціи, стоящей влѣво отъ дороги, на крутомъ берегу р. Дриссы, которая дѣлаетъ тутъ изгибъ, — видите противъ нея, на небольшомъ песчаномъ возвышеніи, — скромный, но изящный гранитный памятникъ, обнесенный желѣзною рѣшеткою. Рядомъ съ памятникомъ стоитъ казенная изба, гдѣ живутъ ветеранъ, оберегающій его. Мѣстные жители, повторяю, всѣ считаютъ этотъ памятникъ могилою Кульнева. Факты забываются, — а надписи на памятникѣ поддерживаютъ такое ошибочное мнѣніе. Послѣ: «генераль-маіоръ Кульневъ—20-го іюля 1812 г.», на лицевой сторонѣ памятника выгра-

вирована часть стиховъ, посвященныхъ Жуковскимъ Кульневу въ его извѣстной пѣснѣ «Въ станѣ русскихъ воиновъ»:

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила,
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесъ его могила.

Послѣдующіе четыре стиха опущены въ надписи, хотя были бы наиболѣе уместны тутъ и, вѣроятно, ближе всего подходятъ къ правдѣ:

И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери ¹⁾ — угасъ
Герой нашъ незабвенный!

Надо простить Жуковскому излишній лиризмъ: падал, Кульневъ главу на щитъ не склонялъ, потому что щитовъ въ 1812 году уже не носили; мечъ во длани онъ также не стискивалъ, потому что умирающему не до того,—но стихи прекрасно передаютъ обликъ Кульнева: что можетъ быть благороднѣе чловѣка, соединяющаго «свирѣпый пламень брани» съ нѣжною любовью къ матери? Стихи увѣковѣчиваютъ легенду о рожденіи Кульнева въ Сивошинѣ же, ровно за 48 лѣтъ до его смерти (25-го іюля 1764 г.), хотя колыбели его тутъ никогда не было; онъ былъ рожденъ въ пути.

Итакъ, ни самый памятникъ, ни надпись на немъ, въ настоящее время, вовсе не соотвѣтствуютъ мѣсту, гдѣ онъ воздвигнутъ въ 1830 году,—Сивошину. Прахъ Кульнева покоится нынѣ не въ Соколицѣ, гдѣ онъ былъ погребенъ въ 1812 году, и не въ Сивошинѣ, какъ думаетъ большинство благодаря памятнику,—а близъ гор. Рѣжицы, въ 160 верстахъ отсюда. Сивошино—теперь совсѣмъ глухое, забытое мѣсто, съ переносомъ праха Кульнева утратило свое значеніе

¹⁾ Д. В. Давыдовъ сообщаетъ трогательныя подробности объ отношеніяхъ Кульнева къ своей матери, которая была нѣмка (см. ниже). Да, мать русскаго богатыря была нѣмка, о чемъ биографы его почему-то умалчиваютъ. Она жила въ бѣдности, въ гор. Люцинѣ, и Кульневъ постоянно, всю жизнь, отдавалъ ей одну треть своего скуднаго оенцерекаго жалованья, а самъ ѣлъ солдатскія щи и носилъ платье изъ солдатскаго сукна. Кульневъ былъ холостъ. К. Д.

и для памятника его. Кульневъ, если и родился въ Сивошинѣ, то случайно и не былъ мѣстнымъ жителемъ. Но онъ стоитъ, чтобы о немъ вспоминали проѣзжающіе тутъ соотечественники. Мнѣ кажется, однако, что гораздо болѣе подходящимъ мѣстомъ для памятника Кульнева былъ бы плацъ передъ кадетскимъ корпусомъ въ Полоцкѣ, противъ уже поставленнаго памятника 1812 года. Тамъ, кромѣ городского населенія, видѣли бы его кадеты Полоцкаго корпуса, будущіе воины, и проникались бы примѣромъ этого исключительнаго чловѣка и солдата.

По горамъ и холмамъ, населенною и хорошо обработанною волнистою мѣстностью, со смѣшаннымъ населеніемъ (латыши-католики, великороссы-старообрядцы, отчасти бѣлоруссы), которое уже успѣло уничтожить здѣсь большую часть лѣсовъ,—тянется шоссе отъ г. Рѣжицы на сѣверъ, къ Петербургу. У девятаго верстоваго столба поворотъ на лѣво, версты три пути по проселку, затѣмъ переѣздъ черезъ линію Варшавской жел. дороги и черезъ полъ-часа пути мы у мызы Ильзенбергъ, принадлежащей теперь (февр. 1886 г.) почтенному восьмидесяти-лѣтнему старцу Мартыну Ивановичу Бутвиловскому. Мыза лежитъ на пригоркѣ и зданія ея почти всѣ сложены изъ крупныхъ гранитныхъ камней, которые собираются тутъ же, на поляхъ. Постройки окружены садами, деревьями и въ общемъ производятъ очень пріятное впечатлѣніе. По другую сторону яра, въ полуверстѣ, на болѣе высокой горѣ, видна, между деревьями, церковь, выстроенная надъ могилою Кульнева. Сейчасъ за нею темный, словый лѣсъ. Правѣе, въ яру, нѣсколько деревянныхъ зданій, въ которыхъ помѣщается училище, волостное правленіе и «тишины извѣстный врагъ» корчма. Нѣсколько выше и дальше, за изгибомъ яра,—домъ священника. Это новый поселокъ—Кульнево.

Вся эта картина, въ ясный, морозный день, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи и извѣстномъ духовномъ настроеніи, представилась мнѣ 11 февраля 1886 г., часовъ въ 11 дня. Я заѣхалъ сперва къ священнику отцу Ивану Ивановичу Щербинскому, былъ радушно принятъ и нашелъ въ немъ такого же поклонника Кульнева и почитателя его памяти. Затѣмъ побывалъ у М. И. Бутвиловскаго, который, не смотря на недоровье, также не отказалъ въ моей просьбѣ сообщить свѣдѣнія объ этомъ новомъ Кульневѣ. Вотъ что я узналъ.

Въ концѣ 1811 или началѣ 1812 года генералъ Кульневъ купилъ себѣ небольшое имѣніе Пильцины, находящееся въ 4-хъ верстахъ отъ

Ильзенберга. Послѣ скорой смерти его эти Пильцны перешли во владѣніе брата его, Миханла Петровича Кульнева, бывшаго въ то время городничимъ въ сосѣднемъ городѣ Люциѣ. Ильзенбергъ принадлежалъ тогда помѣщику Розеншильдъ-Паулину. На дочери его вскорѣ женился М. П. Кульневъ и получилъ въ приданое Ильзенбергъ. Въ 1841 году онъ умеръ, оставивъ денежныя дѣла въ разстроенномъ положеніи. Единственный сынъ его, Константинъ Михайловичъ, (о которомъ упоминаетъ біографъ Я. П. Кульнева), вынужденъ былъ обстоятельствами продать отцовское наслѣдство, сперва Пильцны, а потомъ и самый Ильзенбергъ, который былъ приобрѣтенъ въ 1847 г. нынѣшнимъ его владѣльцемъ—М. И. Бутвиловскимъ.

Высоко чтя память брата, М. П. Кульневъ выхлопоталъ особое разрѣшеніе на перевозъ праха Якова Кульнева въ Ильзенбергъ, что и совершилъ въ 1832 г. Въ слѣдующемъ 1833 г. онъ началъ, надъ могилою, постройку нынѣшней церкви, въ то время единственнаго православнаго храма во всемъ Рѣжницкомъ уѣздѣ (не считая города Рѣжицы), который, однако, до 1844 года, не имѣлъ ни причта, ни прихода и считался кладбищенскимъ. Съ 1844 г. тутъ изрѣдка служилъ рѣжницкій священникъ, и только въ началѣ 1860-хъ годовъ, послѣ польскаго движенія 1863 г., былъ назначенъ, наконецъ, особый священникъ (о. Щербинскій). Прихожанъ нынѣ болѣе восьмисотъ душъ, болшею частью потомки выходцевъ изъ Псковской губерніи. Причту отведено правительствомъ изъ казенной земли 90 десятинъ, такъ что онъ хорошо обезпеченъ. Со времени постройки церкви М. П. Кульневымъ до 1871 г. она не поддерживалась и потому обветшала. Въ 1871 г. правительство, благодаря энергическимъ просьбамъ и напоминаніямъ о. Ив. Щербинскаго, отпустило до 4,000 р. на ремонтъ. Но образованный для этой цѣли комитетъ (предсѣдатель мирового съѣзда, посредники и исправникъ) почему-то устранилъ мѣстнаго священника и прихожанъ отъ присмотра за ремонтомъ своей Ильзенбергской церкви, и въ результатѣ вышло то, что почти всегда выходитъ въ подобныхъ случаяхъ. Поправка церкви, предоставленная подрядчику (кажется, католику), произведена крайне небрежно и недобросовѣстно: крыша въ первый же годъ дала течь, штукатурка начала обсыпаться и проч. Отецъ Ив. Щербинскій немедленно опять началъ бомбардировать кого слѣдуетъ покорнѣйшими просьбами. 14 лѣтъ начальство искало виновныхъ въ небрежномъ ремонтѣ церкви и неправильной выдачѣ казенныхъ денегъ и, вѣроятно, потерявъ надежду ихъ найти, отпустило въ 1885 г. новую сумму на ремонтъ ремонта, сдѣланнаго въ 1871 г. На этотъ разъ распоряженіе отпущенными деньгами (если не ошибаюсь, около тысячи руб.) предоставлено

приходскому попечительству и есть полная надежда, что къ концу 1886 года Кульневскій храмъ будетъ достоинъ Кульнева.

Я сказалъ «Кульневскій» храмъ. Дѣйствительно, все благодаря тому же о. Ив. Щербинскому, въ 1869 году къ этой церкви было перенесено волостное правленіе (населеніе этой мѣстности живетъ небольшими поселками въ одинъ, два двора,—деревень тутъ вовсе нѣтъ) и названо «Кульневскимъ». Такимъ образомъ, имя Кульнева увѣковѣчено здѣсь: Кульневскимъ храмомъ, Кульневскою волостью,—но почему-то не Кульневскимъ училищемъ, на дверяхъ котораго красуется вывѣска: «Ильзенбергское училище». Священникъ Щербинскій хлопочетъ теперь объ устройствѣ тутъ же, при волости, «Кульневской» богадѣльни, что ему, вѣроятно, вскорѣ и удастся.

Но подойдемъ къ церкви. Она правильной, четырехугольной формы и сложена изъ гранитныхъ камней на извести; снаружи не оштукатурена, крыта желѣзомъ, выкрашеннымъ мѣдянкою. Колокольная такъ мала, что колокола пришлось повѣсить не на ней, а на деревянныхъ столбахъ рядомъ съ церковью. Въ обѣихъ продольныхъ стѣнахъ церкви, приблизительно посрединѣ, сдѣланы большіе полукруглые выступы, образующіе внутри храма ниши. Вся церковь обнесена, стараніями о. Ивана, живою изгородью изъ боярышника, прекрасно подстриженнаго и разросшагося. Входъ въ храмъ величественный: широкій и высокій. Внутренняя отдѣлка чрезвычайно изящна, хотя и не богата: преобладаетъ бѣлый цвѣтъ и отдѣлка золотомъ. Живопись порядочная. По архитектурѣ и отдѣлкѣ, вся церковь высокая и прекрасно освѣщенная, нѣсколько напоминаетъ лютеранскую, но именно своею простотою и изяществомъ размѣровъ, производитъ, въ общемъ, очень хорошее впечатлѣніе.

Направо, отъ входа, въ нишѣ, погребенъ генералъ Кульневъ, называющійся—его невѣстка (Надежда Елеонора Кульнева, ур. Паулинъ, † 1837), жена его брата Михаила, который надъ обѣими могилами, скрытыми подъ поломъ храма, поставилъ почти одинаковые бѣлые памятники, облицованные деревомъ, имѣющими видъ какъ бы саркофаговъ. Въ правомъ углу храма, немного не доходя до ниши, погребенъ и самъ строитель его, Михаилъ Петровичъ Кульневъ.

Надъ памятникомъ Я. П. Кульнева виситъ изображеніе апостола Якова во весь ростъ, хорошей живописи. На лицевой сторонѣ памятника, золотыми буквами по черному фону, сдѣлана такая надпись: «Храброму генералу, мужу высокихъ добродѣтелей, Якову, сыну Петра Васильевича и Елизаы Ивановны, урожденной Гребницъ, изъ Помераніи Прусской, Кульневыхъ. Противу нашествія галловъ и всѣхъ почти

европейскихъ народовъ, командуя цѣлымъ авангардомъ корпуса графа Витгенштейна, защищая путь къ столицѣ Россійской св. Петра, палъ со славою на поляхъ Клясицкихъ неподалеку Полоцка, послѣ трехъ-дневнаго непрерывнаго сраженія, въ 1812 году юля 20-го дня. Погребенъ былъ первоначально на мѣстѣ сраженія на поляхъ Клясицкихъ при Сивошинѣ перевозѣ ¹⁾, а по именному высочайшему соизволенію перенесенъ въ сію церковь. Памятникъ сей воздвигнутъ 1832 года, сентября 20-го дня».

На другой сторонѣ:

«Нынѣшнее же царствованіе императора Николая I, сему храброму и неустрашимому генералу, подвизавшемуся со славою на границахъ пространнаго царства Россійскаго, воздвигнутъ въ 1830-мъ году, при Сивошинѣ перевозѣ, монументъ. Кавалеръ св. Анны 1-й ст., св. Владимира 2-й ст., св. Георгія 3-й ст., золотой сабли съ алмазами и прочими знаками отличія и высочайшими рескриптами. Родился въ 1764 году юля 25-го дня, померъ 1812 г. юля 20-го дня».

На третьей сторонѣ нарисованъ гербъ рода Кульневыхъ, а подъ нимъ ордена генерала.

На верхней крышкѣ памятника, имѣющей форму стола, стоитъ небольшой мѣдный (или бронзовый) треножникъ и въ немъ помѣщается небольшое (вѣсомъ семь фунтовъ) ядро,—то самое, по увѣренію о. Щербинскаго, которымъ Кульневъ былъ пораженъ подъ Сивошинимъ. Не имѣю причины сомнѣваться въ его подлинности. По угламъ памятника стояли прежде вазы, прекрасной работы, съ искусственными цвѣтами; но о. Щербинскій убралъ ихъ отсюда, находя такое украшеніе не подходящимъ въ православномъ храмѣ. Думаю, что такое мнѣніе ошибочно: миртъ, лавръ и роза на могилахъ Кульнева всегда умѣстны.

Кульневъ счастливѣе другихъ нашихъ богатырей. Предсказаніе его сбылось, онъ не умеръ, не забытъ и «оживаетъ въ потомствѣ»! Слава его не одинъ «могильный гулъ»: Рѣжницкое Кульнево будетъ напоминать о немъ будущимъ поколѣніямъ; памятникъ въ Сивошинѣ также увѣковѣчиваетъ «нашего незабвеннаго героя»! Миръ праху его. Дай Богъ Россіи побольше такихъ людей.

¹⁾ Мы не исправляемъ, чтобы не повторяться, ошибокъ о мѣстѣ смерти и перваго погребенія Кульнева. Отъ Клясицкаго поля сраженія до Сивошина, гдѣ онъ палъ,—около 20 верстъ.

Лѣтомъ 1874 г. въ бытность мою въ Мюнхенѣ я увидѣлъ на одной изъ площадей какой-то памятникъ.

«Что это за памятникъ?» спросилъ я.

— Это русскій обелискъ.

Этотъ обелискъ поставленъ въ память 30.000 баварцевъ, нашедшихъ себѣ могилу въ Россіи въ 1812 году. Послѣ соответственной надписи на немъ вырѣзаны слова: «Auch sie starben für's Vaterland» (И они умерли за отечество). Вѣрно ли это? Извѣстно, что изъ этихъ 30.000 баварцевъ въ четырехъ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ (въ другихъ они не участвовали) пало не болѣе 2 или 3,000 человѣкъ.. Всѣ остальные погибли отъ голода, изнуренія и болѣзней. Поистинѣ, ужасны бѣдствія этихъ отборныхъ баварскихъ войскъ, подробно рассказанныя въ III томѣ записокъ изъ командира, маршала Сентъ-Сира. Изъ 30,000 перешедшихъ границу въ іюнѣ 1812 г.—пришла, не бывши въ огнѣ, въ концѣ іюля, въ Полоцкъ только половина. Въ началѣ октября, во время штурма и отступленія отъ Полоцка къ Чашникамъ, осталось менѣе 3,000, которыхъ баварскій генералъ Вреде, потерявъ всѣ знамена и всю почти артиллерію свою, вскорѣ самовольно увелъ въ Вильно. Обрато черезъ границу нашу едва ли перешло 300 человѣкъ баварцевъ.

Е. Б. Дотловъ.

Одесса. Мартъ 1886 г.

КУЛЬНЕВУ

НА БЕРЕГУ РЪКИ ДРИССЫ, ВЪ СИВОШИНЬ.

† 20-го ЮЛЯ 1812 г.

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XI ¹⁾.

Управление лицеем Дудровича. — Высшая характеристика Одессы. — Женитьба М. М. Кирьякова. — Назначение Н. Мурзакевича надзирателем за внутренними воспитанниками лицея (1832 г.) и поручение преподавания всеобщей истории в гимназических классах. — Перемен, сделанными попечителем Покровским в личном составе лицея. — Поѣздка Николая Никифоровича в с. Ковалевку, имѣніе Кирьякова, оттуда в г. Николаевъ и на мѣстность древней Ольвии; пробужденіе любви въ собраніи древнихъ монетъ. — Новыя профессора. — Директоръ Рихельевскаго лицея Н. И. Синицынъ (1833 г.). — Оперная примадонна А. Морикони; музыкальное трио.

Съ назначеніемъ Н. Ѳ. Покровскаго попечителемъ насталь новый періодъ жизни лицея. Древнимъ періодомъ лицея можно считать правленіе аббата Николая; среднимъ или средневѣковымъ—управленія Р. Жиле, Орлая, Дудровича. До этого назначенія Покровскій служилъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Его прежняя служба по учебному вѣдомству, въ качествѣ директора гимназій и училищъ Тверской губерніи, пригодилась для новаго обширнаго и труднаго поприща. Еще не выѣзжая изъ С.-Петербурга и проживая тамъ болѣе полутора года, Покровскій сталъ насылать такіе вопросы и требовать отчеты, что весь старо-лицейскій составъ¹⁾ нехотя пробудился. Все брѣшко спавшее зашевелилось: Дудровичъ, не

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298.

читавшій до того двухъ положенныхъ предметовъ, Симоновичъ и Архангельскій, не имѣвшіе у себя по три года слушателей, позаботились первый—о выполненіи своего обязательства, а другіе—о завербованіи слушателей. Гербановскій, Лепка, Петшъ, Андреевскій сильно привадумались. На воспитанниковъ начали обращать болѣе серьезное вниманіе: они сдѣлались лучше, сдержаннѣе, внимательнѣе къ дѣлу. Преслѣдованія и ссоры за кастеляншъ прекратились. Въ грасинномъ государствѣ чувствовалось приближеніе цапли. Избранный графомъ Виттомъ исправляющимъ должность директора, изъ управляющихъ одесскою таможнею, И. И. Винтеръ лежалъ на смертномъ одрѣ; директорство снова впало въ руки неизбежнаго Дудровича.

Въ это переходное время, съ 31 января 1831 года, началась моя служба въ лицѣѣ. Мнѣ былъ порученъ сначала второй классъ „внѣшняго училища“ съ дѣтьми, совершенно неприготовленными въ чтеніи и письмѣ. Въ ожиданіи будущихъ благъ, общаемыхъ разсматривавшимся уставомъ лица, я приступилъ къ дѣлу ретиво, дорожилъ не только часомъ, но и минутами. Наставшая въ осень 1830 года страшная грязь, поглощавшая среди улицъ лошадей и чуть не людей, на цѣлые три мѣсяца такъ затруднила сообщенія, что по улицамъ можно было ѣздить только верхомъ; многіе переулки были перетянуты веревками, чтобы никто не ѣздилъ. Дѣйствительно, повторилось то время, которое бойко и вѣрно описалъ Пушкинъ:

„Въ году недѣль пять—шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ застрянутъ.
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожжахъ волъ, рога склона,
Смѣняеть хлыга коня“.

Не смотря на все это, я и мой сотоварищъ, учитель Острожскій, утромъ и послѣ обѣда являлись къ небольшой горсти дѣтей, приходившихъ на уроки. Ученіе во внутреннихъ классахъ (безъ приходящихъ), по сказанной причинѣ, продолжалось: преподаватели оныхъ жили въ зданіи лица; однакожъ,

и тутъ нѣкоторые уклонялись. По нелѣпому устройству прежняго управленія лица, въ немъ существовало два правленія: учебное и хозяйственное. Въ нихъ засѣдали одни и тѣ-же лица, и при томъ въ той же комнатѣ; но переписка такъ медленно тянулась, что съ честью могла состязаться съ любымъ уѣзднымъ судомъ. Одни и тѣ же члены писали сами себѣ бумаги и ихъ исполняли. Слѣдовавшее мнѣ жалованье, со дня опредѣленія въ должность учительскаго помощника, т. е. съ 31 января, я получилъ въ ноябрѣ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. На экзаменѣ, сдѣланномъ въ моемъ классѣ бывшимъ въ то время адъюнктомъ Золотовымъ (теперь извѣстнымъ педагогомъ по первоначальному обученію), ученики мои показали слабые успѣхи. Больно было мнѣ, что мои труды принесли такіе плоды. Тутъ я увидѣлъ, что существуетъ великая разница между обученіемъ взрослому, умственно развитому, мальчика и между дитятей, съ которымъ слѣдуетъ нянчиться. Вспомнилъ: *docendo discimus!*

Наступившій 1832 годъ переназначилъ нѣсколько мою жизнь. Въ началѣ весны другъ мой, Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ женился и я, вслѣдствіе неоднократнаго приглашенія, прибывшаго въ Одессу, попечителя Покровскаго, согласился принять должность надзирателя за внутренними воспитанниками младшаго возраста и поэтому переселился въ лицей. Еще въ день общаго представленія наставниковъ лица новому попечителю, Н. Ѳ. Покровскій меня любезно принялъ, поблагодарилъ за мое усердіе къ долгу въ прошедшую зиму и обнадежилъ, что меня, какъ университетскаго воспитанника, будетъ имѣть въ виду; поэтому мнѣ не легко было отговариваться. Жалованье двойное (за учительство 700 и надзирательство 500 руб. съ казеннымъ столомъ и квартирой), къ удивленію общему, мнѣ первому стали выдавать уже безъ прежнихъ проволочекъ. Обоюдныя правленія были слиты въ одно. По проекту Покровскаго, лицей переформировывался на собственно лицей, высшій—о двухъ отдѣленіяхъ, и гимназическій, —о семи классахъ, сообразно общему уставу гимназій 1828 г. Мнѣ поручена была всеобщая исторія въ первыхъ трехъ классахъ. Моя прежняя дѣтская начитанность принесла свою пользу. Ученики меня охотно слушали и на вопросы отчетливо отвѣчали. Припороваясь къ ихъ понятіямъ и передавая событія анекдотически, я успѣлъ овладѣть ихъ

живостью и воспримчивостью; самый шаловливый третій классъ у меня былъ послушнѣйшимъ; это замѣтилъ Покровский и ставилъ въ примѣръ другимъ. Снисходительность къ пылкости дѣтской, настойчивость и неуступчивость въ благоразумно приказанномъ, справедливость и отнюдь не мстительность и не злопамятство—вотъ тотъ рычагъ, которымъ я постоянно потомъ дѣйствовалъ на вѣренную мнѣ молодежь. Къ историческимъ изъясненіямъ я прибавилъ черченіе нѣмыхъ географическихъ картъ. Могу сказать, что это нововведеніе, мое „личное“, принесло желанные плоды. Выбывшій изъ 3 класса ученикъ И. А. Клигеръ, поступивъ въ Дворянскій полкъ (въ С.-Петербургѣ), едва ли не былъ причиною и тамъ введенія легкой и пріятной для дѣтей методы изустнаго черченія картъ. Двойная служебная повинность—какъ учителя, имѣвшаго въ недѣлю 22 часа занятій, и какъ надзирателя, дежурившаго черезъ день втеченіи 18 часовъ,—исполнялась добросовѣстно. Черезъ два мѣсяца исправленія должности надзирателя, Покровский вручилъ мнѣ воспитанниковъ старшаго возраста, т. е. учениковъ 5, 6, 7 класса, и наблюденіе за собственно называвшимися лицейстами. Это было для меня почетно, но и трудно. Впрочемъ, скоро заслужилъ я и здѣсь общее довѣріе и расположеніе.

Внутренніе перевороты лицейскіе, сдѣланные строгимъ Покровскимъ, заключались въ изгнаніи профессоровъ Ленки, Пеша, Андреевскаго и законоучителя Гербановскаго. На мѣсто ихъ поступили преподавателями: Генрихъ Брунъ, способный математикъ, Розбергъ (московскій кандидатъ, вызванный графомъ Воронцовымъ въ редакторы „Одесскаго Вѣстника“) — преподавателемъ русской словесности, законоучителемъ — магистръ духовной академіи іеромонахъ Порфирій (нынѣ извѣстный путешественникъ по востоку) ¹⁾ и другой Брунъ, Ф. (оба брата дерптскіе студенты) — всеобщей исторіи. Такия рѣшительныя, а вмѣстѣ и удачныя перемѣны, видимо улучшая лицей, исподоволь восстанавливали утерянное довѣріе публики. О внутреннихъ скандалахъ нельзя было думать. Покровский, поселясь на свободной директорской квартирѣ, слѣдилъ за каждымъ. Ворота лицейскія,

¹⁾ Впоследствии епископъ чигиринскій, кіевскій викарій.

подобно крѣпостнымъ, запирались отъ 10 часовъ вечера до 6 утра и уже ни для кого не отпирались. Благочиніе сохранялось всѣми строгое. Вслѣдствіе замѣтнаго ослабленія здоровья, мнѣ дали отдохнуть въ вакаціонный іюль мѣсяць.

Время это я провелъ въ прекрасномъ имѣніи Кирьякова, селѣ Ковалевкѣ, расположенномъ по правому берегу р. Буга. Отсюда сдѣлалъ экскурсію въ Николаевъ, гдѣ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ линейные стопушечные корабли. Этотъ опрятный и веселый городъ впоследствии я часто посѣщалъ. Переправясь обратно чрезъ Бугъ на правую сторону, берегомъ проѣхалъ до давно желанной Ольвіи. Квадратное пространство верстъ на 6, густо усѣянное большими и малыми курганами, служило указателемъ той мѣстности, гдѣ за 600 лѣтъ до Р. X. процвѣтала богатая торговая Ольвія, имѣвшая сношенія со всѣми тогдашнимъ древнимъ свѣтомъ. Запасшись Діономъ Хрисостомомъ въ переводахъ греческомъ, латинскомъ (edit....) и русскомъ (Муравьева-Апостола), съ неизвѣстнымъ наслажденіемъ я прослѣдилъ классическую мѣстность; сидя на прежней торговой площади у берега Буга, мысленно представлялъ ее усѣянно эллинами, скифами (подъ ними я разумѣю и монголо-татаръ, издревле здѣсь вочевавшихъ), скороговоркою болтающими всякія новости, до которыхъ и нынѣшніе потомки такъ падки. Въ недавно вскрытой гробницѣ я провелъ полдня, мечтая о древнемъ бытѣ. Собравъ хорошую жатву, состоявшую изъ древнихъ амфоръ, лампадокъ, монетъ и разной мелочи, съ торжествомъ вернулся я въ Ковалевку. Тутъ, разбирая монеты, я разбудилъ въ себѣ заглохшую было страсть къ нумизматикѣ.

Съ этой поѣздки вся моя денежная экономія поглощалась монетами и археологическими книгами, за которыя я платилъ не жалѣя. Къ великому моему счастью, въ порядочной библиотекѣ лицея, большею частью состоявшей изъ подарковъ Дюка-де-Ришелье, я отыскалъ два важныя для моего руководства сочиненія: „Histoire de l'Academie royale des inscriptions et belles-lettres“, въ 50-ти томахъ, и „Description de medailles antiques grecques et romaines, par Mionnet“, въ 7 томахъ. Въ изученіе, особенно послѣдняго, я всецѣло погрузился. Послѣ минувшей турецкой войны, при переходѣ войскъ чрезъ Бессарабію (на Днѣстрѣ выдерживали карантинъ) и Одессу, военными чинами было

занесено множество разныхъ древнихъ монеть, которыя сбывались денежнымъ мѣняламъ. Ящики съ разнѣнною ходячею монетою изобиловали и древнею; ее постоянно началъ я покупать, съ намѣреніемъ составить собственную коллекцію: это желаніе исполнилось. Каждый свободный отъ службы вечеръ я легълъ къ Кирьякову, чтобы подѣлиться моею радостью. Къ удовольствію своему, я встрѣчалъ полное сочувствіе. Кирьяковъ сталъ пристращаться къ старо-печатнымъ книгамъ; посему, чтобы не перебивать другъ другу въ приобрѣтеніяхъ, такъ какъ онъ уже имѣлъ маленькую коллекцію монеть, согласились: мнѣ — собирать монеты, а ему — книги. Къ радости общей, случилась продажа рѣдкихъ и старопечатныхъ книгъ, оставшихся послѣ умершаго инженеръ-генерала Ферстера; я постарался все лучшее закупить и тѣмъ положить хорошее начало библіотекѣ Кирьяковской. Съ этого времени приобрѣтенія его дѣлались ежегодно на сумму до 1,000 франковъ. Тогда-же нами положено: въ числѣ разнородныхъ предметовъ, выписывать сочиненія, исключительно касающіяся Новороссійскаго края, съ тою цѣлью, чтобы современемъ люди, желающіе изучать край, безпрепятственно могли ими пользоваться.

Въ началѣ 1833 года пріѣхалъ въ лицей директоръ Н. И. Синицынъ, капитанъ-лейтенантъ, переименованный въ надворные совѣтники. Этотъ добрый и благородный человѣкъ на морскомъ поприщѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ два кругосвѣтныя путешествія, принесъ-бы большую пользу, чѣмъ на избранномъ имъ пути, къ которому мало былъ приготовленъ, хотя нѣкоторое время и состоялъ преподавателемъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Наплывъ моряковъ въ министерство народнаго просвѣщенія начался съ министромъ А. С. Шишковымъ: умный и опытный старецъ, видя, что почти во всѣхъ гимназіяхъ состоятъ директорами: пѣхотные капитаны, уланскіе, гусарскіе ротмистры, не далѣе маіоровъ, промотавшіеся помѣщики (въ Харьковѣ—Лосевъ) и протезированные губернаторами чиновники, не получившіе, по тогдашнему обычаю, никакого систематическаго образованія которые не только не подвигаютъ впередъ просвѣщеніе, но еще тормозятъ его,—положилъ назначать директоромъ изъ моряковъ, учившихся кое-какъ въ школахъ и потому знающихъ нѣкоторые учебные порядки и обычаи. По Шишковѣ и князѣ Ливенѣ вскорѣ

министерствовалъ С. С. Уваровъ. При немъ, въ качествѣ директора частной канцеляріи, находился П. М. Новосильскій, соученикъ и сослуживецъ по корпусу Сеницына. Покровскій, проводя свои многообразные, длинноутомительные проекты, желая имѣть благопріятствующее лицо, близкое къ министру, согласился имѣть директоромъ лица Сеницына, рекомендуемаго Новосильскимъ.

Памятный всему министерству народнаго просвѣщенія, благороднѣйшій и добрѣйшій П. М. Новосильскій, дѣйствительно, далъ лицю добраго, честнаго, благороднаго человѣка, но не директора заведенія, возникающаго изъ „средневѣковаго“ хаоса. Новое лицо имѣло способность къ устройству вышшняго порядка, но научныя его знанія далеко не были въ уровень многимъ наличнымъ преподавателямъ въ лицей. Къ чести Сеницына слѣдуетъ, однако, сказать, что онъ имѣлъ тактъ не вмѣшиваться въ учебную часть: ее Покровскій предоставилъ себѣ. Съ директоромъ пріѣхалъ профессоръ Нордманъ для преподаванія естественной исторіи. Земляки его, финляндцы, оба Бруны, и самъ Покровскій разгласили, что ѣдетъ свѣтило науки, что оно даже сломало себѣ ногу (на экскурсіи) по усердію къ наукѣ. Что для той-же науки жертвуетъ собраннымъ имъ гербаріемъ (проданнымъ, впрочемъ, за 3,000 рублей), и многое сему подобное. Время и дѣла, однако, показали, что всехвальный Нордманъ былъ финляндскій „гасконецъ“ и ловкій аферистъ. На лекціяхъ своихъ, на которыя лично созывалъ, чего только онъ не говорилъ: *de omnia re scibile et non scibile*. За свѣтиломъ первой величины, явилось свѣтило второй величины — профессоръ Фрейтагъ, для латинской и греческой словесности. Не зная ни слова по-русски, а слушатели его слабо знали по-латыни, онъ началъ преподаваніе мертваго языка. Не мало за латынь терпѣли бѣдные слушатели: имъ мыли головы, при выпускѣ урѣзывали чинами, оставляли еще на лишній годъ, но все таки дѣло не шло на ладъ: воспитанники переводили: „при свѣтѣ флейщиковъ и звукѣ факелей“, а профессоръ величаво произносилъ „bene!“ Фрейтагъ не заботился, что будетъ далѣе: онъ — въ качествѣ библиотекаря — обиживалъ лучшія и рѣдкія изданія Дюковскихъ книгъ на свои обыкновенныя и готовилъ къ выпуску въ свѣтъ. Покровскій благоговѣлъ предъ нимъ болѣе, чѣмъ предъ умнымъ и ловкимъ

іеромонахомъ Порфиріемъ, отчасти уже начавшимъ идти по стопамъ пресловутаго Теофіла.

Въ это время на исправленія въ зданіи лица, о которомъ, по случаю бывшаго въ 1828 году незначительнаго землетрясенія, находившійся въ то время въ ходу архитекторъ Боффо (строитель крупныхъ домовъ, какъ то: графа Воронцова, Л. А. Нарышкина, биржи городской) написалъ, что если не будетъ немедленно приступлено къ значительной починкѣ, то зданію угрожаетъ опасность, было отпущено до 50,000 руб. Поправкою завѣдывалъ Симоновичъ, успѣвшій заявить себя латинистомъ и даже нѣмцемъ, любимыми недалновиднымъ попечителемъ; но къ несчастію лица передѣлки и починки, отнюдь не опасныя, какъ написалъ Боффо, дѣлались подрядчикомъ Ландженіотти крайне недобросовѣстно, подъ сильною защитою Симоновича. Коммиссія, принимавшая зданіе, хотя оффиціально одобрила все небрежно сдѣланное, однако, конфиденціально сообщила попечителю о всѣхъ гадостяхъ. Симоновичъ былъ устраненъ отъ инспекторства, а съ нимъ и отъ хозяйственной части. На вакантное мѣсто явился старый товарищъ (по московскому университету) Покровскаго — Чановъ. Чудна судьба этого неглупаго и не совсѣмъ худаго человѣка! Чановъ былъ с.-петербургскимъ квартальнымъ, харьковскимъ совѣтникомъ губернскаго правленія, ординарнымъ профессоромъ философіи харьковскаго университета, фаворитомъ тамошняго своевольнаго попечителя Филатьева, наконецъ, директоромъ гимназій тамъ-же. Съ Филатьевымъ кончилось въ Харьковѣ служебное поприще Федора Федоровича. Онъ рѣшился перейти въ лицей инспекторомъ. По природѣ добрый, но по домашнимъ бѣднымъ обстоятельствамъ неровный въ характерѣ, онъ сдѣлался неразумительнымъ потатчикомъ дѣтскихъ шалостей. Старшіе воспитанники, узнавъ слабыя струны сговорчиваго инспектора, сдѣлались почти его повелителями. Тяжело стало надзирателямъ, а въ числѣ ихъ и мнѣ находиться между двумя огнями: педантомъ Покровскимъ и сговорчивымъ старикомъ. Къ тому-же, въ этомъ году, отъ напряженной дѣятельности служебной, появились у меня признаки разстроеной груди, обозначившіяся горловымъ кровотеченіемъ.

Вакаціонный одномѣсячный отдыхъ въ Ковалевѣ, поѣздка въ Николаевъ и въ любезную Ольвію, а главное—дружественное участіе Кирьякова, видимо, поправили меня. Въ своемъ начальствѣ я также видѣлъ въ себѣ полное сочувствіе и готовность что нибудь сдѣлать мнѣ полезное. Осенью этого года, въ вечернихъ бесѣдахъ, Кирьяковъ, Скальковскій и я положили между собою, по силамъ и возможности каждаго, выяснитъ доселѣ темную исторію Новоросійскаго края. Кирьяковъ бралъ на себя обработать хозяйственно-естественную часть, Скальковскій — новую исторію, а мнѣ присудили древнюю. Съ этого рѣшенія бесѣды наши о край сдѣлались почти главными: все, что попадалось въ мои руки интересное для края: книги, карты, я покупалъ у букинистовъ. Къ радости моей и Кирьякова, поиски мои всегда были успѣшны, приобретенія недороги.

Въ этомъ году одесская публика лишилась оперной примадонны А. Морикони: жертва заблужденія сердца она должна была, противъ воли, оставить сцену. Соловьиный ея голосъ съ пріятностью вспоминался долгое время любителями серьезной оперы ¹⁾. Въ семьѣ Кирьякова потеря Морикони была, для второй сестры Юліи Михайловны, чувствительна, какъ потеря внимательной

¹⁾ Морикони была замѣчательной пѣвицей на сценѣ одесскаго итальянскаго театра; въ высшей степени выработанный голосъ, какъ будто созданный для исполненія бывшей тогда въ большой модѣ русскаго музыкальнаго драматическаго таланта и наружность красавицы—привлекали къ ней множество поклонниковъ, безразлично среди мужчинъ и женщинъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь стихотвореніе В. И. Туманскаго, восторженно изображающее знаменитую пѣвицу:

Прекрасныя очи она къ небесамъ
 Какъ будто съ молитвой возводитъ;
 Откроетъ уста—и къ прекраснымъ устамъ
 Рой звуковъ небесныхъ нисходитъ.
 Любовь и поэзія! Въ пѣнь ея
 Весь міръ гармоническій дышетъ:
 Вотъ ропотъ потока, вотъ трель соловья,
 Вотъ вѣтеръ, когда онъ колышетъ
 Среди нѣги ночной листы лавровъ и розъ,
 Вотъ арфы золовой стоны,
 Вотъ музыка страсти и жалобъ, и слезъ—
 Всѣхъ благъ, всѣхъ надеждъ похороны!

Кн. В. Д.

учительницы пѣнія. Голосъ Ю. М. Кирьяковой былъ чистѣйшій контральто; по выходѣ ея въ замужество, во Флоренціи, за барона Швахгейма, всѣ знатоки и артисты пѣнія отдавали ей пальму первенства. До отъѣзда же въ Италію, семейные вечера моего друга оглашались великолѣпнымъ trio: contralto—Ю. М. Кирьякова, сопрано—молодая княгиня Голицына и баритонъ—М. А. Волковъ, только что оставившій постъ перваго секретаря константинопольской миссіи.

ХІІ.

Болѣзнь Николая Никифоровича. — Извѣстіе о кончинѣ его отца, священника Никифора Адрияновича и поѣздка въ Смоленскъ. — Посѣщеніе Кіева и знакомство съ митрополитомъ Евгеніемъ. — Встрѣча съ А. Н. Аленковымъ, строителемъ Кіевской десатинной церкви. — Прибытіе на родину. — Наслѣдство, оставшееся послѣ отца.—Воспоминанія о смоленской старинѣ, напечатанныя въ Журн. мнн. народн. проsv.—Возвращеніе въ Одессу.—„Descriptio pitnagogum veterum graecogum atque romanogum“, сочиненіе, составленое Николаемъ Никифоровичемъ.

Возобновившіеся грозные признаки моей болѣзни побудили меня просить увольненія отъ надзирательской должности. Но Покровский и слышать не хотѣлъ, а добрый директоръ предлагалъ всевозможную льготу. Неожиданная вѣсть, полученная отъ самого отца объ его тяжелой болѣзни, а затѣмъ письма сестры объ его смерти, мирно послѣдовавшей 8 марта 1834 г., понудили меня сначала временно, затѣмъ навсегда отказаться отъ изнурительной обязанности. 8-го мая пустился я въ путь по кіевскому тракту, на перекладной. Тяжело ѣздить вообще на перекладной, но еще тяжелѣе ѣздить съ разстроенною грудью. Кромѣ неудобствъ по дорогѣ, проѣзжающій долженъ еще выносить всѣ глупыя и грязныя продѣлки станціонныхъ диктаторовъ,—такъ называю станціонныхъ смотрителей потому, что всѣ висащія по стѣнамъ станцій положенія, правила, распоряженія служатъ единственно въ ихъ пользу, и ни одно постановленіе въ пользу проѣзжающаго. До Кіева меня одолѣвала пыль, а съ выѣзда изъ этого города день и ночь мочили проливные дожди, при холодномъ вѣтрѣ. Отъ сырости и холода даже лошади дро-

жали, каково же было мнѣ, не имѣвшему на себѣ сухой нитки!... Гардеробъ мой не былъ въ изобиліи. Для отдыха четыре дня я провелъ въ Кіевѣ. Осматривая внимательно подробности Софійскаго собора, памятника Византійскаго зодчества XI вѣка, я случайно познакомился съ соборнымъ ключаремъ. Слово за слово, и этотъ почтенный священникъ спросилъ: почему я не былъ у митрополита?

Давно зная имя митрополита Евгенія Болховитинова, какъ доказаннаго знатока русскихъ древностей, я полагалъ, что и онъ, какъ многіе его собраты, недоступенъ или невнимателенъ къ мелкимъ людямъ. Ключарю я откровенно сказалъ свое мнѣніе. „Въ доказательство противнаго“, отвѣчалъ о. ключарь, „вы теперь же (въ 5 часу пополудни) можете видѣть высокопреосвященнаго“. Любопытство видѣть ученую личность одолѣло нерѣшительность.

На спросъ у служителя могу ли видѣть митрополита, при отвѣтѣ: „пожалуйте“, отворились двери въ залу. Келейный доложилъ хозяину, и убѣленный сѣдиною старецъ, средняго роста, довольно сухощавый, по лѣтамъ свѣжій, но блѣдный, въ простенькой поношенной рясѣ и такой же камилавкѣ, явился предо мною. Простой пріемъ и завязавшійся разговоръ вообще о русской старинѣ, между которыми Евгенийъ посѣтовалъ на то, что Кеппенъ, вмѣсто продолженія списка древнихъ русскихъ памятниковъ, издалъ книгу о винодѣліи въ Крыму, а Каченовскаго— за его крайній скептицизмъ назвалъ помѣшаннымъ, продолжался до пріѣзда кіевскихъ дамъ; между ними я встрѣтилъ и одесскую—Е. И. Бларамбергъ, дочь извѣстнаго одесскаго нумизмата ¹⁾, по части ольвійскихъ монетъ. Послѣ чая, чрезъ часъ стали расходиться. Митрополитъ, узнавъ, что я намѣренъ пребыть еще три дня, пригласилъ каждый вечеръ приходить къ нему. Разумѣется, я не позволилъ себѣ утратить даже минуты изъ дружественнаго, поучительнаго разговора маститаго іерарха. На вопросъ: „много-ли имѣется древнихъ русскихъ памятниковъ въ Кіевѣ и епархіи?“—получилъ отвѣтъ: „Почти ничего; все письменное истреблено

¹⁾ Археологъ Иванъ Бларамбергъ, поселившійся въ Одессѣ въ 1806 г., былъ первымъ начальникомъ одесскаго таможеннаго округа; Новороссійскій край обязанъ ему открытіемъ многихъ памятниковъ древности.

предназначенно католиками, а зодческое перестроено на латинскій ладъ“. Посовѣтовалъ заглянуть въ софійскую соборную бібліотеку, гдѣ для будущей исторіи церкви русской собралъ всѣ рѣдкія уніатскія сочиненія; но въ бібліотеку Печерской лавры неохотно разрѣшилъ доступъ: „ученные часто оттуда таскають рукописи; недавно пропали велейныя записки св. Дмитрія Ростовскаго“. Вечеромъ 15-го мая, благодушный старецъ водилъ меня въ „Золотымъ воротамъ“; поропталъ на усерднаго въ изысканіи древностей К. А. Лохвицкаго, слышномъ пускающагося въ бездоказанныя предположенія. О строителѣ новой десятинной церкви А. С. Анненковѣ, у котораго я провелъ полдня, какъ-то странно отмолчался. По случаю открытія фундамента древней десятинной церкви и въ немъ остатковъ гробницъ в. к. Владиміра I и его жены Анны, митрополитъ желалъ, чтобы правительство выстроило на древнихъ слѣдахъ новый храмъ. Размѣръ фундамента обнималъ значительную площадь. Но курскій помѣщикъ, гвардіи отставной поручикъ А. С. Анненковъ, переселившійся въ Кіевъ и купившій домъ по сосѣдству древняго фундамента, вошелъ съ прошеніемъ по начальству, что оный, движимый усердіемъ, построить на свой счетъ церковь. Анненковъ сначала думалъ отдѣлаться постройкою небольшой церкви; но строительный комитетъ, состоявшій изъ митрополита, генераль-губернатора и др., заставилъ произвести въ большемъ размѣрѣ, по плану архитектора Стасова, хотя и эта (нелѣпая) постройка не обхватывала древняго фундамента. При варварскомъ разрушеніи почтенной старины, Анненковъ, какъ строитель, пользовался всѣми находками. Золотые и серебряные браслеты, серьги, кольца, иконки, монеты древней работы, строитель щедро раздаривалъ, начиная отъ императрицы до каждаго полюбившагося ему знакомаго. И я получилъ отъ него, впоследствии, за редакцію его нѣкоторыхъ статей, нѣсколько предметовъ, переданныхъ мною потомъ въ музей одесскаго общества древностей.

Познакомился я съ М. Ѡ. Берлинскимъ, первымъ описателемъ Кіева ¹⁾, Почтенный старикъ указалъ мнѣ на нѣкоторыя

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г., томъ XXXII. (въ историко-біографическомъ очеркѣ профес. В. С. Иконникова), было помѣщено собраніе писемъ гр. Н. П. Румянцова къ М. Ѡ. Берлинскому. Н. М.

замѣчательныя урочища. Въ софійской же ризницѣ я замѣтилъ византійской формы крестъ и его отношу ко времени Ярослава I, не смотря на надпись, которая сдѣлана въ позднѣйшее время.

Утромъ 16 мая я простился съ митрополитомъ. Кромѣ обязательнаго приѣма и радушія, добрый пастыръ пригласилъ меня увѣдомлять какъ о предположенныхъ мною трудахъ, такъ и о могущихъ встрѣтиться находкахъ. Ему былъ я обязанъ подаркомъ: „Описаніемъ кіево-софійскаго собора“ и знакомствомъ съ пумизматомъ барономъ С. И. Шодуаромъ ¹⁾, имѣвшимъ прекраснѣйшую коллекцію воспорскихъ и ольвійскихъ монетъ; вся эта коллекція въ послѣдствіи куплена въ с.-петербургскій эрмитажъ.

За Кіевомъ дожди обливали меня вплоть до Смоленска. Грустно провелъ я 45 дней на родинѣ. Наслѣдство послѣ отца заключалось единственно въ книгахъ и его рукописяхъ: а) „Исторія Божественнаго откровенія“, въ двухъ частяхъ, гдѣ изложена жизнь Іисуса Христа, Сына Божія, и его апостоловъ, историческимъ и хронологическимъ порядкомъ расположенная, съ различными замѣчаніями на мѣста, неудобопонятныя въ евангеліи, б) „Псалтирь или книга хваленій“, переложенная по русски, с) „Житія апостоловъ Петра и Павла“, d) „Краткое историческое изслѣдованіе о чудотворной иконѣ Пр. Богородицы Одигитрии, называемой Смоленскою“, e) „Списокъ изобрѣтателямъ“, неконченный, и f) аттестатъ.

Что же касается прочаго имущества, то въ предсмертномъ письмѣ, посланномъ за 14 дней до смерти, отецъ такъ выразился: „Николай! ежели я умру, не выдавшись (съ тобою), скажи прочимъ, что я, съ (18)26 года переставши вамъ помогать, самъ нужду терпѣлъ, а для васъ положилъ сколько могъ въ Смоленское общественное призрѣніе и получилъ разныхъ 10 билетовъ. По смерти, когда соберетесь, возьмите“. Пять тысячъ рублей асс. поровну было раздѣлено между сестрою и 4 братьями.

¹⁾ Баронъ Станиславъ де-Шодуаръ,—авторъ сочиненій „Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ, съ рисунками и таблицами“. Перев. съ франц. В. А. Спб. 1841 г., 2 т. и атласъ in 8. „Recueil de monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée, d'Annam et de Java au nombre de plus de mille, précédé d'une introduction historique sur ces monnaies, S. Petersbourg. F. Belisard, 1842, in fol., avec 60 pl.

Изъ книгъ часть я взялъ съ собою въ подарокъ М. М. Кирьякову для предполагаемой имъ Новороссійской библіотеки, нѣчто взялъ братъ Иванъ, остальные, до тысячи томовъ, я поручилъ передать въ основаніе Смоленской городской публичной библіотеки; книги юридическаго содержанія передалъ въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей. Одно обстоятельство меня порадовало: это разсказъ о томъ, какъ пол-города провожало покойнаго отца моего на Окопское кладбище и какъ, по отшествіи его въ міръ лучшій, воздали должное уваженіе его дѣламъ и характеру прямому.

Вспомнивъ свое дѣтство, съ новымъ удовольствіемъ обозрѣлъ всѣ историческія церкви и урочища. Въ этомъ году предполагалось дѣлать смоленское шоссе, кажется, на Рославль. Городскіе мѣщане бросились ломать все, что только было древнее: разобраны фундаменты древнихъ церквей въ Чернушкахъ, Садкахъ, наконецъ, добрались до слѣдовъ Смядыня монастыря, при пересохшемъ ручейкѣ Смядынѣ, мѣстѣ убіенія князя Глѣба (въ 1119 г.). Нашли бѣлокаменный гробъ, который, по всѣмъ современнымъ историческимъ указаніямъ лѣтописцевъ, приходился гробницею смоленскаго „благовластнаго князя Давида Ростиславича“ († 1197 г.). Чтобы старину эту не разбили, я упробилъ губернатора Хмѣльницкаго сберечь; поэтъ и комикъ гробницу велѣлъ отвезти въ пожарное депо, гдѣ она послужила кажется, яслями для коней. Михайловскую или Свирскую церковь я чаще прочихъ посѣщалъ. Невѣжественный мѣстный архіерей и приходскій священникъ къ этой неприкосновенной почти 700 лѣтней старинѣ придумали сдѣлать нелѣпую пристройку для теплой церкви. Архіереемъ здѣсь былъ, только что переведенный изъ Новгорода, старый мой учитель и дядька Трофимъ Тимоеевичъ Кетлеревъ, въ монашествѣ Тимоѳей. Греческая грамматика, которой онъ меня обучалъ, ему какъ-то не далась: на первыхъ дняхъ своего епископства онъ добродушно подписывался „Тимофей“ вмѣсто „ѳ“. По его просьбѣ я сдѣлалъ коротенькое описаніе всѣхъ старинныхъ церквей, съ прибавленіемъ описанія городскихъ стѣнъ. Статейка эта была напечатана въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, на 1835 годъ, книга VIII. За статью, кромѣ благодарности министерства, получилъ и гонорарій.

Іюль мѣсяць прожилъ въ Москвѣ. Кромѣ совѣта съ меди-

ками о здоровьи, цѣлю было, обозрѣвъ хорошо всѣ московскія древности, сдѣлать, по примѣру „Кеппенова сборника русскихъ памятниковъ“, „указатель всероссійскихъ древностей“. Случай меня свелъ съ молодымъ человѣкомъ, прекраснымъ рисовщикомъ и любителемъ старины, Е. О. Шуховымъ, сыномъ извѣстнаго московскаго продавца различныхъ изящныхъ предметовъ. Шуховъ познакомилъ меня съ академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, въ это время занимавшимся реставрировкою царскихъ теремовъ въ Кремлѣ.

Московскіе монастыри мною были внимательно осмотрѣны. Ко времени выѣзда изъ Москвы я имѣлъ въ портфель десятки прекрасныхъ рисунковъ, съ написанными къ нимъ пояснительными текстами.

До Смоленска мочили дожди; отъ Москвы до Ковалевки душили жары и буквально удушающая пыль. Грудь моя снова разстроилась, кровь появлялась чаще. Путь мой до Одессы освѣщался заревомъ пожаровъ въ самой Москвѣ, Тулѣ, Орлѣ, Кременчугѣ и, наконецъ, въ Елисаветградѣ. Несчастный этотъ городъ я видѣлъ уже догорающимъ. Двѣ недѣли въ живописной Ковалевкѣ, прекрасное время и дружба товарища поправили меня. Явясъ къ начальству, я сперва былъ обласканъ, но когда рѣшительно объявилъ, что не могу быть надзирателемъ, то Покровскій наотрѣзъ сказалъ, что не уволить. Но видно моя наружность была краснорѣчивѣе словъ, и я по нѣкоторомъ времени былъ избавленъ отъ „египетской работы“. Казенная квартира осталась за мною, окладъ жалованья только 700 руб. асс. Досужее время послѣ уроковъ я употребилъ на составленіе описанія собственнаго собранія монетъ. Въ угоду Покровскому, почитателю латыни, описаніе монетъ я напечаталъ на ней: *Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum qui inveniuntur in museo N. Murzakewicz*“.

Разосланная даже за границу, о чемъ настаивалъ Михаилъ Михайловичъ Кырьяковъ, брошюра эта доставила мнѣ отъ своего министерства похвалу, а въ Римѣ академіи: Тиберійская и Аркадская сопричислили меня въ свои члены. Не такъ поступила наша академія наукъ. На переданный экземпляръ на ея обсужденіе, академія, руководительница и поощрительница знаній, не удостоила меня даже словомъ. Въ это время представитель археологіи и нумизматики, академикъ Келеръ, уже обрѣтался

въ дѣйствительномъ умопомѣшательствѣ. Не даромъ И. П. Бларамбергъ, авторъ описанія монетъ, часто удачный острякъ, Келера называлъ „M-g Colère“ и „конфузионнымъ совѣтникомъ“. Хроника скандальная разносила одно время слухи, что консерваторъ эрмитажнаго монетъ-кабинета Келеръ обличался въ присвоеніи эрмитажныхъ монетъ. Академическое заблужденіе ума и воли нарекли сумасшествіемъ.

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

МАРІЯ ИВАНОВНА ГОГОЛЬ

род. 1794 г., † 1868 г.

Біографическій очеркъ.

I.

Отець Марьи Ивановны Гоголь, И. М. Косяровскій, находился прежде на военной службѣ, потомъ перешель въ штатскую и дослужился до мѣста губернскаго почтмейстера въ Харьковѣ. Въ тѣ времена, въ Малороссіи, воспитаніе дѣтей было крайне затруднительно для людей небогатыхъ, а многіе даже вовсе не считали нужнымъ давать какое либо образованіе своимъ дочерямъ. Косяровскіе не раздѣляли этого взгляда и, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Харьковѣ, рѣшили дать дочери возможное, по своимъ скуднымъ средствамъ, воспитаніе. Но ученіе въ Харьковѣ продолжалось всего одинъ годъ, потому что отецъ М. И., по слабости зрѣнія, долженъ былъ выйти въ отставку и переѣхалъ въ свой маленькій хуторъ. «Потомъ, пишетъ она, выдали меня четырнадцати лѣтъ за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ явилась ему. Онъ меня тогда увидалъ не имѣющую года и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства»¹⁾.

Свадьба совершилась въ 1808 году, послѣ чего Василій Аванасьевичъ Гоголь перевезъ свою молодую жену въ доставшееся ему по наслѣдству небольшое село Васильевку или, какъ оно называлось изстари, Яновщину (въ 35 верстахъ отъ Полтавы), гдѣ М. И.

¹⁾ См. Записки о жизни Н. В. Гоголя. Спб., 1856 г., т. I, стр. 17, изд. Кулиша. Повидимому, это выдержка изъ автобіографіи М. И. Гоголь, написанной ею по просьбѣ издателя и невзданной до настоящаго времени.

Н. В.

встрѣтила ту же бѣдную, незатѣливую обстановку, какая окружала ее въ родительскомъ домѣ. Малороссійскіе помѣщики средней руки жили тогда весьма просто; ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждѣ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфортѣ. У всѣхъ почти была та же тѣснота въ жилищахъ, тѣ же глиняные полы, неуклюжая мебель, своеобразные допотопные экипажи и проч., что такъ живо описано Н. В. Гоголемъ въ его «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Домъ въ Васильевкѣ былъ низенькій, ветхій, украшенный затѣливыми зубцами вдоль крыши, крыльцомъ, съ намеками на готическій вкусъ, боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ ¹⁾. Также невзрачны были и другія тогдашнія надворныя постройки: флигель ²⁾ (низкое продолговатое зданіе съ крытой галлереей), людскія, амбары и остальные службы. Но къ дому примыкалъ старый тѣнистый садъ, расположенный во вкусѣ мѣстныхъ сельскихъ садовъ, съ бесѣдкой на возвышеніи ³⁾, небольшимъ гротомъ, чернѣвшимъ въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, и прудами, за которыми тянулись неоглядныя равнины степей. Особенно хорошъ бывалъ садъ весной, когда цвѣли въ немъ роскошныя аллеи вишенъ и другія плодовые деревья и далеко за полночь пѣли и перекликались соловьи.

Ничто не нарушало тихаго счастья, которымъ наслаждалась М. И. въ первые годы своей супружеской жизни. Незамѣтно проходили дни за днями въ хозяйственныхъ хлопотахъ; и ихъ было не мало при частыхъ наѣздахъ гостей, привлекаемыхъ добротой и искреннимъ радушіемъ обоихъ хозяевъ. При этомъ Василій Аеанасьевичъ обладалъ даромъ рассказывать занимательно, о чемъ бы ему ни вздумалось, и приправлялъ свои рассказы неподдѣльнымъ малороссійскимъ юморомъ. Онъ много зналъ, видѣлъ и испыталъ, и своимъ оригинальнымъ умомъ, въ связи съ веселымъ и обходительнымъ характеромъ, сумѣлъ заслужить общее уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ его, такъ что Васильевка «сдѣлалась центромъ общественности всего окологда». Частые приемы гостей не могли быть особенно обременительны для

¹⁾ Гоголь хранилъ въ своей записной книжкѣ собственноручный рисунокъ дома, въ которомъ протекло его дѣтство.

²⁾ Впослѣдствіи Н. В. Гоголь во время своего пребыванія въ Васильевкѣ всегда останавливался въ этомъ флигелѣ, который имѣлъ особый выходъ въ садъ.

³⁾ Бесѣдка была сорвана бурей послѣ послѣдняго пріѣзда Н. В. Гоголя въ Васильевку. Н. В.

Гоголей-Яновскихъ при обиліи благъ земныхъ, доставляемыхъ грѣпостнымъ трудомъ, которымъ они добродушно пользовались, съ полнымъ сознаниемъ своего права и весьма вѣроятной увѣренностью въ благоденствіи принадлежавшихъ имъ крестьянъ ¹⁾. Особенно много собиралось гостей въ праздничные и воскресные дни, которые соблюдались въ Васильевкѣ со всею строгостью старины, такъ что никто изъ женскаго персонала, начиная съ самой М. И., не бралъ иглоки въ руки, и она считала бы величайшимъ грѣхомъ преступить этотъ обычай. Благочестивые супруги въ такіе дни отправлялись въ церковь, отдѣленную одной оградой отъ ихъ панскаго двора, и по окончаніи богослуженія зывали къ себѣ на обѣдъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви, блиакихъ и далекихъ сосѣдей, и угощали всѣмъ, что было лучшаго въ ихъ домѣ.

Невольно прислушивалась М. И. къ происходившимъ вокругъ нея разговорамъ и, съ воспримчивостью молодости, усвоивала многія, хотя и случайныя, свѣдѣнія, которыя въ значительной степени пополняли недостатокъ ея образования. Но еще болѣе многочисленное и избранное общество встрѣчала она въ домѣ своего родственника, Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго ²⁾, жившаго въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ, въ его любимомъ селѣ Кибенцахъ (Миргородскаго уѣзда), куда онъ пріѣхалъ еще въ 1806 году для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Знакомство съ важнымъ петербургскимъ сановникомъ, добровольно сложившимъ съ себя почетныя занимаемыя имъ должности: директора почтъ и министра удѣловъ, льстило самолюбію его земляковъ, и они тѣмъ охотнѣе посѣщали его, что онъ былъ одинаково пріветливъ

¹⁾ По крайней мѣрѣ, въ этой увѣренности находился Н. В. Гоголь, судя потому, что много лѣтъ спустя, а именно 29-го декабря 1839 года, онъ писалъ къ А. С. Данилевскому, о васильевскихъ крестьянахъ: „мужики богаты; земли довольно; въ годъ четыре ярмарки, изъ которыхъ скотная въ мартѣ, одна изъ важнѣйшихъ въ нашей губерніи. Всѣ средства для сбыта. Купцы платятъ мужикамъ за наемъ загоновъ, хлѣбовъ и ночлеговъ, не говоря уже о мелочахъ за доски, за лѣсъ для постройки, и, наконецъ, за всѣ тѣ потребности, которыя рождаетъ стеченіе народа. Все это, не говоря уже о выюдахъ экономическихъ и удобствѣ сбывать на мѣстѣ хозяйственныя произведенія, доставляетъ возможность крестьянину быть болѣе состоятельнымъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, и съ крестьянъ же ничего не берется за это — никакихъ пошлинъ, и вообще нигдѣ такъ не облегчены крестьяне, какъ у насъ“... См. Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя, т. V, изд. П. А. Кулиша, 1867 г., стр. 393—394.

²⁾ Братъ Дмитрія Прокофьевича, Андрей, женатъ былъ на помѣщицѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Косаровской, родной теткѣ Марьи Ивановны Гоголь-Яновской.

со всѣми и никому не давалъ чувствовать превосходство своего общественнаго положенія. Но всего ближе сошелся онъ съ своимъ сосѣдомъ, В. А. Гоголемъ-Яновскимъ, и полюбилъ за оригинальный умъ и добродушіе. Д. П. былъ всегда дорогимъ гостемъ въ Васильевкѣ, но еще чаще старался залучить къ себѣ въ Кибенцы Василя Аванасьевича и его молодую жену, которая носила въ его домѣ названіе бѣлянки ¹⁾, вѣроятно вслѣдствіе бѣлизны ея замѣчательно красиваго лица, и пользовалась особенною любовью почти всѣхъ членовъ семейства Трощинскихъ.

Пожило личной симпатіи, частыя свиданія Д. П. Трощинскаго и Гоголя-Яновскаго могли быть обусловлены желаніемъ обмѣняться мыслями, въ виду той лихорадочной жизни, какую переживала тогда вся Европа, благодаря завоевательнымъ стремленіямъ Наполеона. Жадно читались газеты даже въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Россіи, и ловились на лету не только правдоподобные, но и самые невозможные слухи. Д. П. Трощинскій, какъ пріѣзжій изъ столицы и болѣе окружающихъ его лицъ посвященный въ ходъ политическихъ дѣлъ, долженъ былъ для нихъ въ этомъ отношеніи изображать собою оракула, не говоря уже объ его высокомъ общественномъ положеніи, которое неизбѣжно имѣло известное обаяніе для сосѣднихъ помѣщиковъ, при той степени развитія, какую можно предположить въ нихъ. Кромѣ того, Д. П. былъ непосредственно заинтересованъ въ ходѣ текущихъ событій, такъ какъ его оба племянника, Андрей Андреевичъ и Иванъ Ефимовичъ, въ это время находились въ Пруссіи на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ, въ трудный 1812 годъ, когда полтавскому дворянству нужно было сильное представительство, самъ Д. П. принялъ на себя званіе губернскаго предводителя, но уже въ 1814 ему опять пришлось на нѣсколько лѣтъ оставить родину и отправиться въ Петербургъ, гдѣ на него возложена была должность министра юстиціи.

¹⁾ См. очеркъ И. И. Ореуса: Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, 1754—1829 гг., въ „Русск. Старинѣ“ 1882 г., июнь, стр. 659. Н. В.

II.

Въ это время Гоголи-Яновскіе продолжали жить той же тихой и безмятежной жизнью «старосвѣтскихъ помѣщиковъ»; великія европейскія событія не нарушали общаго строя ихъ домашняго быта и тревожили ихъ только по слухамъ. Неизвѣстно, пугаль ли по временамъ Василій Аванасьевичъ свою молодую жену намѣреніемъ поступить въ военную службу, какъ это дѣлалъ герой названной повѣсти съ Пульхеріей Ивановной, но онъ, во всякомъ случаѣ, не думалъ осуществить этого намѣренія, тѣмъ болѣе, что съ умноженіемъ семьи расходы все увеличивались и требовали отъ него усиленнаго вниманія къ хозяйству.

По показанію матери Н. В. Гоголя, онъ родился въ 1810 году, 19-го марта. До него М. И. имѣла еще дѣтей, но они рождались мертвыми: «поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочницы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время врачъ Трофимовскій. Между прочимъ, она дала обѣтъ: если у ней родится сынъ, назвать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника сосѣдняго села Диканьки (имѣніе князя Кочубея) молиться до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ знать о счастливомъ событіи и попросить отслужить благодарственный молебенъ».

Ожидаемое событіе совершилось благополучно и Гоголи-Яновскіе дали имя Николая своему новорожденному сыну, которому суждено было впоследствии прославить ихъ фамилію. Черезъ годъ у нихъ родился второй сынъ Иванъ, а за нимъ пять дочерей. Материнскія обязанности съ неизбѣжными болѣзнями дѣтей и другими заботами, сравнительно легкія для многихъ женщинъ, составили на многіе годы источникъ нескончаемыхъ терзаній и горя для М. И., при ея любящей душѣ, живомъ и впечатлительномъ характерѣ, о которомъ свидѣтельствуютъ ея собственныя письма, равно и всѣмъ извѣстная «Переписка съ друзьями». Изъ послѣдней мы заимствуемъ преимущественно разсѣянныя свѣдѣнія, касающіяся первоначальнаго умственнаго и нравственнаго воспитанія Н. В. Гоголя. Естественно, что, при искреннемъ благочестіи М. И., она обратила особенное вниманіе на развитіе того же чувства въ своихъ дѣтяхъ. Но, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слишкомъ много придано было ею значенія

внѣшней обрядовой сторонѣ и упущенъ изъ виду внутренній смыслъ христіанскаго ученія. Дѣтей носили въ церковь или они ходили туда, потому что имъ это приказывали, но, стоя въ ней, они ничего не видѣли, кромѣ ризъ священника, и слышали только далеко не гармоничное пѣніе сельскихъ дьячковъ; они крестились, потому что видѣли, что всѣ крестятся... Однако, любящая мать все-таки успѣла заронить въ душу Гоголя-ребенка зародыши того глубокаго религіознаго чувства, которое съ годами все болѣе и болѣе крѣпло въ немъ и даже подъ конецъ приняло характеръ мрачнаго мистицизма. «Одинъ разъ, пишетъ онъ въ своемъ письмѣ отъ 2-го октября 1833 года, я живо, какъ теперь, помню этотъ случай, я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мнѣ самыя высокія мысли...».

Изъ приведенныхъ словъ Н. В. Гоголя видно, какъ рано проснулась въ немъ способность прочувствовать представленную ему картину и воспроизвести ее въ живыхъ осязательныхъ краскахъ силой творческой фантазіи, чему, конечно, не мало способствовали обстоятельства, при которыхъ протекало его дѣтство. Мирная жизнь родителей, исполненная тихой любви и довольства, лелѣяла его дѣтское сердце и ограждала отъ тяжелыхъ гнетущихъ впечатлѣній, губительно дѣйствующихъ на развитіе таланта; не менѣе благоприятна въ томъ же отношеніи была вся обстановка Васильевки. Здѣсь онъ могъ слышать еще свѣжія, полныя живаго интереса, устные преданія изъ эпохи казачьихъ войнъ и о многихъ другихъ событіяхъ малороссійской старины и научился любить и понимать ее. Съ ранняго дѣтства сроднился онъ съ южно-русскими народными пѣснями, этимъ неисчерпаемымъ источникомъ поэзіи; такими же поэтичными должны были представляться его чуткой душѣ идиллическія картины сельской окружающей его природы. Изъ всего этого, невѣдомо для него самого, онъ черпалъ богатые запасы для своей будущей творческой дѣятельности.

Но если съ этой стороны дѣтство Н. В. Гоголя было поставлено судьбой въ наилучшія условія, то съ другой—эти же условія оказались бессильными для его нравственнаго воспитанія; а многое даже прямо содѣйствовало развитію въ немъ дурныхъ инстинктовъ. Между тѣмъ М. И. Гоголь употребляла всѣ усилія, чтобы воспитать какъ можно лучше своего старшаго любимаго сына; но «этому прежде

всего мѣшала ей молодость и неопытность: она не знала, какъ нужно приступить къ дѣлу и что именно нужно». Ея безграничное баловство и снисходительность къ его дѣтскимъ слабостямъ должны были неизбежно привести къ развитію въ немъ эгоизма и другихъ недостатковъ, отъ которыхъ больше всего пришлось страдать самой М. И., хотя она, по своей горячей материнской любви, все прощала ему и для всего находила оправданіе.

Повидимому, настолько же неудовлетворительно было и первоначальное обученіе Н. В. Гоголя, судя по тому, что впоследствии, уже поступивъ въ гимназію высшихъ наукъ кн. Безбородко, онъ продолжалъ писать съ самыми непростительными грамматическими ошибками. Неизвѣстно, заключалась ли причина этого въ невниманіи самого Н. В. Гоголя или въ неумѣлости его перваго учителя-семинариста. Впрочемъ, послѣдній не долго оставался въ домѣ Гоголей-Яновскихъ, которые сочли нужнымъ отвезти обоихъ сыновей въ Полтаву и помѣстить у одного учителя, гдѣ они готовились къ поступленію въ гимназію. Но когда ихъ взяли на каникулы домой, младшій девятилѣтній сынъ умеръ и родители не рѣшились послѣ этого отправить въ Полтаву старшаго сына, который такимъ образомъ прожилъ около года въ Васильевкѣ. На немъ сосредоточилась теперь вся нѣжность родителей; они видѣли въ немъ будущую опору семьи и, несмотря на свои сравнительно ограниченныя средства, желали дать ему возможно лучшее образованіе. Всего болѣе подходящей для этой цѣли казалась имъ вновь открытая (осенью 1820 года) «Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко», какъ единственное высшее заведеніе въ ихъ мѣстности и притомъ съ интернатомъ, что избавляло ихъ отъ необходимости помѣщать сына на частной квартирѣ.

III.

Въ февралѣ 1821 г. Василій Аванасьевичъ Гоголь-Яновскій обратился письменно къ начальству Нѣжинской гимназiи, съ просьбой принять его сына въ число своекоштныхъ воспитанниковъ. Но это письмо осталось безъ результата, вслѣдствіе неожиданной смерти перваго директора, Кукольника, и только по второму письму Н. В. Гоголь поступилъ въ упомянутое заведеніе 1-го мая того же года, 11 лѣтъ. Но Василій Аванасьевичъ не довольствовался этимъ и обратился къ временному правленію гимназiи съ новой просьбой, которая заключалась въ томъ, чтобы поварь Семенъ, его дворовый, былъ принятъ въ число служителей безъ всякой платы ¹⁾, что, очевидно, было сдѣлано имъ съ цѣлью приставить дядьку къ своему сыну. Разсчетъ этотъ оказался не напраснымъ. Въ первые два мѣсяца, по поступленіи въ заведеніе, Н. В. Гоголь, вѣроятно увлеченный повязной, находилъ все прекраснымъ, но осенью послѣ каникулъ сильно затосковалъ и «добрый Симонъ», какъ онъ называетъ его въ письмѣ къ родителямъ, просиживалъ съ нимъ цѣлыя ночи, утѣшая его и уговаривая не плакать. Письмо это сильно встревожило М. И., но вскорѣ послѣ того ея посланный вернулся изъ Нѣжина съ успокоительнымъ извѣстіемъ, что «ея Николинъка начинаетъ привыкать и сдѣлался веселѣе».

Между тѣмъ плата 1,000 р. асс., назначенная за своекоштныхъ воспитанниковъ Нѣжинской гимназiи, была большою тягостью для Гоголей-Яновскихъ при ихъ сравнительно скудныхъ средствахъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ покупки книгъ и другихъ побочныхъ расходовъ, ихъ сынъ изъявлялъ желаніе брать добавочные уроки танцевъ и игры на скрипкѣ и фортепіано, въ чемъ они не могли отказать ему. Имъ не оставалось инаго исхода, какъ хлопотать о помѣщеніи сына на казенное содержаніе; но Василій Аванасьевичъ со дня на день откладывалъ составленіе требуемой для этого записки. Наконецъ, на счастье будущаго писателя, за это дѣло взялся Д. П. Трощинскій, который, въ началѣ 1822 года, прибылъ въ Кибенцы для окончательнаго водворенія на родинѣ. Благодаря его ходатайству, Н. В. Гоголь хотя и остался по экзамену въ томъ-же второмъ отдѣленіи, но тѣмъ не менѣе былъ включенъ въ число воспитанниковъ, содержимыхъ въ Нѣжинской

¹⁾ См. Н. А. Лавровскій „Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, 1820—1832 г., Кіевъ, 1879, стр. 51. Н. В.

гимназіи на иждивеніи кн. Кушелева-Безбородко, что было не малою радостью для его родителей. М. И. написала Д. П. Трощинскому письмо, исполненное благодарности, въ которомъ называла его своимъ «благодѣтелемъ»,—название, оставшееся за нимъ въ домашнемъ лексиконѣ Гоголей-Яновскихъ.

Въ это время Д. П. Трощинскій уже не принималъ болѣе участія въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ и большую часть времени проводилъ въ Кибенцахъ, гдѣ его единственнымъ развлеченіемъ были книги и гости. Изъ послѣднихъ, по прежнему, всего чаще посѣщали его Гоголи-Яновскіе, которыхъ онъ особенно любилъ и по нѣсколькимъ дней не отпускалъ отъ себя, несмотря на сравнительно близкое соседство. Имъ не приходилось отступать здѣсь отъ своихъ привычекъ; въ домѣ Д. П. строго соблюдались всѣ посты и церковные праздники чествовались по издавна установленнымъ обычаямъ. Всего торжественнѣе праздновалась Пасха, а въ храмовой праздникъ въ Кибенцахъ и въ именины членовъ семьи съѣзжались всѣ родные и приятели, званые и незваные, устраивались спектакли, танцы и т. п.

Василій Аванасьевичъ былъ главнымъ дирижеромъ домашняго театра въ Кибенцахъ, даже ставилъ на немъ малороссійскія пьесы своего сочиненія ¹⁾, «не подвергая ихъ тисненію», какъ онъ самъ выражался. Онъ же наставлялъ своего сына, который, не смотря на молодость, былъ въ числѣ актеровъ, и, такимъ образомъ, впервые познакомился здѣсь со сценой. Театръ настолько увлекъ юнаго Н. В. Гоголя, что онъ не переставалъ мечтать о немъ, и въ одномъ письмѣ къ родителямъ, едва вернувшись съ каникулъ, спрашивается: возьмутъ ли они его домой на Рождество? и просить заранѣе прислать ему роль. Родители не находили ничего предосудительнаго въ этомъ увлеченіи и даже потворствовали ему, судя по тому, что съ полною готовностью исполняли его требованія относительно костюмовъ и другихъ пособій для театра, устроеннаго нѣжинскими гимназистами, а равно и послыли театральныхъ пьесъ изъ богатой бібліотеки Д. П. Трощинскаго, которая была всегда къ услугамъ ихъ сына. Также сочувственно относились они къ его первымъ опытамъ въ рисованіи, которые онъ самъ расхваливалъ, и, увѣренный заранѣе въ томъ удовольствіи, какое доставитъ имъ своими рисунками, настойчиво требовалъ присылки рамокъ различной величины, чтобы его художественныя произведенія не потерялись дорогой и пр. Но относительно своего

¹⁾ См. „Записки о жизни Н. В. Гоголя“ 1856 г., т. I, стр. 15—16, а также Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія Н. И. Петрова, стр. 78—82. Н. В.

ученія, далеко неуспѣшнаго, особенно въ первые годы, Н. В. Гоголь болѣею частью отдѣлывался общими фразами, такъ что родители, вѣроятно, съ цѣлью побудить его къ болѣе усидчивости, придумали давать ему въ годъ столько десятковъ рублей, сколько онъ пройдетъ классовъ, «полагая къ каждому празднику и масляной по 10 рублей». Хотя, такимъ образомъ, составлялась довольно значительная сумма, для гимназиста, но она никогда не оказывалась достаточной для Н. В. Гоголя: онъ постоянно обращался къ родителямъ съ новыми требованіями денегъ, въ которыхъ всегда нуждался, и верѣдко для расплаты долговъ; въ отвѣтъ на такія письма они читали ему наставленія, но всетаки, при первой возможности, высылали деньги, чтобы не огорчить любимаго сына и не заставить нуждаться въ необходимомъ. Между тѣмъ здоровье Василія Аванасьевича становилось все хуже, и вскорѣ Н. В. Гоголь получилъ извѣстіе о смерти отца.

IV.

Василій Аванасьевичъ умеръ весной 1825 года. М. И. была настолько убита смертью мужа, съ которымъ провела семнадцать лѣтъ счастливой супружеской жизни, что долго не отвѣчала сыну на его письма. Наконецъ, въ одну изъ тяжелыхъ минутъ, когда ей казалось невозможнымъ пережить такое несчастье, она написала ему, что «все кончено для нея, и она уже болѣе не живетъ для себя и для міра и что онъ можетъ быть скоро долженъ будетъ занять мѣсто отца для его малолѣтнихъ сестеръ»... Но М. И. вскорѣ постигло новое горе, которое еще болѣе омрачило ея настроеніе духа: она лишилась своей маленькой дочери Татьяны, умершей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отца. Необходимость поддерживать сношенія съ родственниками и сосѣдями особенно тяготила ее въ это время; она искала уединенія и находила его только у себя въ хуторѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 14 іюня 1826 года, къ своему двоюродному брату, П. П. Косяровскому, извѣщая его о своей поѣздкѣ въ Обуховку, куда прибыли и Д. П. Трощинскій со всѣмъ своимъ семействомъ, она пишетъ: «и тамъ не оставляла меня ужаснѣйшая грусть; чѣмъ больше собранія, тѣмъ мнѣ грустнѣе; теперь я вижу, что, лишась моего друга, нигдѣ не могу быть, кромѣ дома, здѣсь только я бываю нѣсколько покойнѣе» ¹⁾. То же повторяетъ она въ другомъ письмѣ отъ 15 іюля

¹⁾ Приведенная здѣсь выдержка, какъ и всѣ дальнѣйшія, извлечены нами изъ цѣлаго ряда писемъ М. И. Гоголь къ П. П. Косяровскому, которыя были переданы въ распоряженіе ред. «Русской Старины» сыномъ Косяровскаго.

того же года, а затѣмъ 5-го сентября опять пишетъ Косыровскому: «всѣ разбѣзды мнѣ теперь въ тягость, я только въ Васильевкѣ бываю покойна, воображая, что близко возлѣ моего друга, когда же удаляюсь изъ сего мѣста, то тоска ужасная преслѣдуетъ меня»...

Но такое мрачное настроеніе было слишкомъ чуждо кроткой и любящей душѣ М. И. и начало мало по малу оставлять ее. Дальнѣйшія письма ея къ П. П. Косыровскому исполнены трогательной заботливости объ его судьбѣ и покорности Провидѣнію, которая ей была особенно необходима при тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она очутилась послѣ смерти мужа. Сравнительно порядочное, оставленное имъ состояніе уже не могло удовлетворять требованіямъ довольно многочисленной семьи, при совершенной неопытности М. И., вся дѣятельность которой до этого времени ограничивалась заботами о дѣтяхъ и узкой сферой домашняго хозяйства.

Такимъ образомъ, недостатокъ денегъ становился все ощутительнѣе; она принуждена была отложить на неопредѣленное время постройку новаго дома, задуманную ея покойнымъ мужемъ, взаимѣнъ стараго, который былъ едва обитаемъ по своей ветхости: «домъ мой, пишетъ она П. П. Косыровскому, 18 декабря 1826 года, въ томъ-же положеніи, какимъ вы его оставили; нѣтъ возможности мнѣ его скоро кончить за трудностью доставать деньги; я только и думаю, какъ бы выплачивать въ казну проценты за заложенное имѣніе, да платить за людей подати и за сими расходами лишаю и себя нужнаго, не только, чтобы еще оставалось что на домъ; когда бы Богъ далъ, хотя понемногу каждый годъ отдѣлывать его, чтобы въ теченіи нѣкотораго времени былъ оконченъ, а въ одинъ годъ безъ денегъ никакъ нельзя его обдѣлать»...

Между тѣмъ, М. И. не могла упрекнуть себя въ недостаткѣ энергій, какъ видно изъ того же письма, въ которомъ она описываетъ свой тогдашній образъ жизни:

«Любезнѣйшій братецъ Петръ Петровичъ! Нѣтъ резону простить васъ, за ваше молчаніе, что вы принесете въ оправданіе за такую вину свою? Вы не имѣете нужныхъ дѣлъ, а я ихъ имѣю тысячу, и вотъ вамъ начну ихъ описывать: этого мало, что ѣзжу по хозяйственнымъ

Этими же письмами пользовался и В. И. Шенрокъ, составитель „Указателя къ письмамъ Гоголя“, (съ приложеніемъ незаданныхъ отрывковъ изъ писемъ матери Н. В. Гоголя и пр. Москва, 1886). Недавно издалъ онъ свой новый, не менѣе почтенный и добросовѣстный, трудъ „Ученіческіе годы Гоголя“, Москва, 1887, въ которомъ также помѣщены выдержки изъ писемъ М. И. Гоголь; но такъ какъ дѣли нашихъ изслѣдованій совсѣмъ различныя, то пользованіе однимъ и тѣмъ же письменнымъ матеріаломъ не можетъ представить особеннаго неудобства.

Н. В.

заведеніямъ, и дрожки никогда не откладываются, а только переѣзжаютъ лошадей; надобно-жъ смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими и о большихъ думать, чтобы доставить имъ все нужное. А, сверхъ того, безпрестанно должна писать къ разнымъ особамъ, о разныхъ хозяйственныхъ предметахъ, и отвѣчать добрымъ пріятельницамъ моимъ, которыя закидываютъ меня письмами, также изъ Кибенецъ почти каждую недѣлю посланный, а иногда и нѣсколько разъ на недѣлѣ, когда случаются нужныя дѣла. Еще же я должна хотя въ полгода одинъ разъ дѣлать контровизиты моимъ добрымъ сосѣдямъ, которыхъ, благодаря Бога, у меня очень много. У родителей моихъ каждую недѣлю бываю при всѣхъ моихъ хлопотахъ; теперь разсудите, виновата ли я, что не пишу къ вамъ безпрестанно; для меня очень утѣшительно бесѣдовать съ вами, хотя на бумагѣ, но истинно не имѣю времени часто писать; довольно съ васъ отвѣтовъ на ваши письма, а особливо, когда ничего особеннаго не случается, чтобы стоило описанія. Впрочемъ, отъ васъ зависить заставить меня и чаще писать, не лѣнитесь сами... Да еще одного обстоятельства вамъ не написала, что я живу 50 верстъ отъ почты, тогда какъ вы нѣсколько шаговъ. Теперь, кажется, совѣмъ васъ загоняла, полно...

Однако, ни заботы, ни недостатокъ времени не могли отвлечь М. И. отъ того, что она считала своимъ религіознымъ долгомъ. Во многихъ письмахъ къ Косяровскому, среди разсужденій о хозяйственныхъ дѣлахъ, разсказахъ о своихъ дѣтяхъ и знакомыхъ, она постоянно возвращается къ плащаницѣ, которую выписывала тогда для Васильевской церкви, и подробно объясняетъ свои требованія относительно цвѣта бархата, живописи и проч. Въ одномъ письмѣ она, между прочимъ, съ умиленіемъ говорить о своемъ причащеніи на страстной недѣлѣ и добавляетъ: «сейчасъ возвратился мы изъ церкви, слушали страданія Спасителя нашего и со свѣчами пришли домой—чрезвычайная ночь!» Въ религіи-же набожная женщина находила утѣшеніе въ трудныя минуты жизни. Въ письмѣ отъ 17 августа 1828 года она пишетъ Косяровскому:... «Теперь скажу вамъ о себѣ, что у меня, слава Богу, опять все благополучно. Недавно я была въ большой тревогѣ: Машинька моя (старшая дочь) жестоко была больна, можно сказать изъ мертвыхъ воскресла, и вы можете себѣ представить, что я тогда чувствовала; но Богъ устраиваетъ все къ лучшему и наказываетъ иногда для того, чтобы больше чувствовать милосердіе Его»... Ту-же философію она хочетъ внушить своему двоюродному брату и, утѣшая его въ томъ, что «безпрерывныя преграды» мѣшаютъ ему вступить въ военную службу, пишетъ въ томъ же письмѣ: «но вы не беспокойтесь о семъ ни мало, держитесь Панглосовой системы,

что ни дѣется, все къ лучшему, я и сама совершенно въ томъ увѣрена; когда бы вы опредѣлились прежде, то Богъ знаетъ, были бы уже и на свѣтѣ о сю пору, и потому снесите съ терпѣніемъ все, что съ вами не встрѣтится, и будьте увѣрены, что все къ лучшему»...

V.

Значительной нравственной поддержкой служила также для М. И. ея безпредѣльная любовь къ единственному сыну, для котораго она не останавливалась ни передъ какой жертвой, готова была лишать себя необходимаго, даже терпѣть униженія.хлопотливое деревенское лѣто проходило для нея незамѣтно, потому что это была нора каникулъ и она могла ежедневно видѣть его. Въ остальное время года она съ нетерпѣніемъ ожидала каждую почту въ надеждѣ получить отъ него извѣстіе, и въ своихъ тогдашнихъ письмахъ къ родственникамъ не упускала случая сообщить о немъ тѣ или другія подробности. Если же долго не получала отъ него писемъ, то, несмотря на мучившее ее безпокойство, она всегда находила благовидный предлогъ, чтобы оправдать его молчаніе; по ея словамъ, «до него вѣрно не дошли посланныя ею письма, или онъ боленъ, увлекся науками» и т. п. Она же была первой поклонницей его ученическихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, и чуткимъ сердцемъ матери угадала въ нихъ проблески великаго дарованія. Случалось, что она заранѣе писала сыну въ Нѣжинъ, чтобы онъ привезъ съ собою новыя сочиненія, и внимательно перечитывала старыя, оставленныя имъ въ Васильевкѣ, и разъ, не найдя которое-то изъ нихъ, съ огорченіемъ сообщила ему объ этомъ. Онъ отвѣтилъ ей въ утѣшеніе, что «это небольшая бѣда, ежели оно и точно пропало», и что онъ «постарается вознаградить ее новымъ, гораздо лучшимъ». Увѣренный заранѣе въ ея сочувствіи, онъ писалъ ей 23 ноября 1826 года.... «Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ, которыхъ доказательство лично вручу вамъ. Сочиненій моихъ вы не узнаете; новый переворотъ настигнулъ ихъ. Родъ ихъ теперь совершенно особенный. Радъ буду, весьма радъ, когда принесу вамъ удовольствіе». Такимъ образомъ, благодаря матери, быть можетъ, Н. В. Гоголь рано приобрѣлъ извѣстный литературный навыкъ и справился со многими затрудненіями, неизбѣжными для каждаго начинающаго писателя.

Съ матерью дѣлился Н. В. Гоголь и своими юношескими мечтами, описывалъ ей свое душевное состояніе и характеръ въ выраженіяхъ, не чуждыхъ рисовки, такъ часто свойственной талантливимъ натурамъ, и даже нѣкотораго высокомерія, судя по тому, что въ письмѣ отъ 15 октября 1826 года ему пришлось оправдываться въ сдѣланномъ ею упрекѣ, что онъ себя возвысилъ, а ее унижилъ. Къ сожалѣнію, трудно сказать, чѣмъ собственно былъ вызванъ этотъ упрекъ, потому что самъ Н. В. Гоголь не зналъ чему приписать его, а отвѣтъ М. И. на это письмо неизвѣстенъ. Не стѣсняясь, давалъ онъ ей также различные совѣты, какъ, напр., относительно устройства новаго дома, посадки деревьевъ въ саду и даже винокуренія, но, повидимому, не особенно настаивалъ на точномъ выполненіи ихъ.

Не подлежить сомнѣнію, что Н. В. Гоголь, съ своей стороны, чувствовалъ въ это время самую нѣжную привязанность къ матери, судя, по крайней мѣрѣ, по его тогдашнимъ письмамъ, которыя неизбѣжно приводятъ къ этому выводу. Но онъ былъ настолько избалованъ всѣмъ предыдущимъ воспитаніемъ, что припималъ ея жертвы, какъ нѣчто должное, и не считалъ возможнымъ въ чемъ либо отказать себѣ. Между тѣмъ ему были хорошо извѣстны ея стѣсненныя обстоятельства, потому что онъ упоминаетъ о нихъ во многихъ нисьмахъ къ ней, хотя въ одномъ изъ нихъ, отъ 1 марта 1828 г., пишетъ объ этомъ, какъ о вновь сдѣланномъ открытіи: «Недавно только понялъ я, что имѣлъ нужды не по своему состоянію и что по моей бѣдности тягостно было удовлетворить и ближайшія издержки и узналъ это тогда, когда требовались еще нужнѣйшія для моихъ занятій».... Такъ, напр., чтобы «имѣть возможность, по его словамъ, удовлетворить своей жаднѣ видѣть и чувствовать прекрасное», онъ тратилъ десятки рублей на приобрѣтеніе рисовальныхъ принадлежностей и книгъ, не всегда нужныхъ для него, въ томъ числѣ Шиллера, котораго онъ выписалъ изъ Лемберга (Львова) за 40 р., хотя едва ли могъ тогда наслаждаться имъ при плохомъ знаніи нѣмецкаго языка. М. И. подчасъ сомнѣвалась, дѣйствительно ли ея сынъ употребляетъ съ пользою требуемыя имъ деньги и даже разъ заподозрила его въ пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ, въ чемъ ему было не трудно оправдать себя. Нерѣдко также Н. В. Гоголь просилъ у матери денегъ на платье; его расходы въ этомъ отношеніи естественно росли съ каждымъ годомъ, такъ что для своей экипировки по выходѣ изъ гимназіи онъ назначилъ заранѣе 200 р.

При этомъ онъ не хотѣлъ оставить ей и того утѣшенія, что сдѣланныя ею непосильныя затраты для его содержанія въ гимназіи принесли дѣйствительную пользу. За четыре мѣсяца до окончанія

курса, Н. В. Гоголь заявилъ матери, въ письмѣ отъ 1 марта 1828 г., что «потерялъ даромъ цѣлыя шесть лѣтъ и нужно удивляться, какъ онъ могъ въ этомъ глупомъ заведеніи столько узнать еще, и что всѣми пріобрѣтенными свѣдѣніями онъ обязанъ совершенно одному себѣ»..... Неизвѣстно, какъ отнеслась М. И. къ этимъ словамъ своего сына, но была недовольна, что онъ былъ выпущенъ изъ заведенія съ чиномъ 14-го класса, такъ какъ, по ея мнѣнію, «12-й по всѣмъ правамъ должно было ему дать», и приписала это, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что «надобно было болѣе ласкаться къ наставникамъ, а онъ никакъ не могъ сего сдѣлать».

Между тѣмъ именно такого отношенія требовала М. И. отъ своего сына къ именитому родственнику, Д. П. Трощинскому, хотя, очевидно, по другому, болѣе честному мотиву, а именно: изъ чувства благодарности. Она письменно напоминала сыну, чтобы онъ не забылъ поздравить «благодѣтеля» съ именинами, совѣтовала при случаѣ послать послѣднему которое либо изъ его сочиненій, подробно описывала каждый пріѣздъ «почетнаго» гостя въ Васильевку. Естественно, что при любви Н. В. Гоголя къ матери онъ на многое смотрѣлъ тогда ея глазами и относился съ тѣмъ же чувствомъ почитанія къ владѣльцу Кибянецъ. Въ своихъ письмахъ онъ не иначе называетъ его, какъ «высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичъ», интересуется всѣмъ, что до него касается, и, между прочимъ, пишетъ матери 10 сентября 1826 года, чтобы она увѣдомила его, когда Д. П. будетъ въ Васильевкѣ, что онъ тамъ найдетъ хорошаго, что ему понравится. «Мнѣ съ нетерпѣніемъ хочется знать, добавляетъ онъ, мнѣніе великаго человѣка даже о самыхъ маловажностяхъ. Сдѣлайте милость, маменька, не пропустите ничего; больше вы дадите мнѣ удовольствія»....

VI.

М. И. была многимъ обязана своему знатному родственнику. Д. П. Трошинскій устроилъ ея сына въ гимназін на казенный счетъ и, такимъ образомъ, далъ ему возможность окончить свое образованіе, всегда ласково обращался съ нимъ и выказывалъ неизмѣнное расположеніе. Не разъ выручалъ онъ и ее изъ бѣды, давая взаимъ деньги, когда ей предстоялъ взносъ въ казну, и только въ рѣдкихъ случаяхъ соглашался взять ихъ обратно, а теперь, когда ей предстояло отправить сына въ Петербургъ на службу, на кого она могла рассчитывать, какъ не на своего «благодѣтеля», если не со стороны денегъ, то рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ. Но, чѣмъ инымъ могла она выразить ему свои чувства, если не стараніемъ угодить его вкусамъ и привычкамъ, во время его пребыванія въ Васильевкѣ, и возможно лучшимъ угощеніемъ, которое не ограничивалось продуктами домашняго хозяйства, какъ видно изъ ея тогдашнихъ писемъ къ П. П. Косяровскому... «Никоша мой, пишетъ она 29 августа 1828, уѣхалъ третьяго дня въ Кременчугъ на ярмарку, чтобы купить тамъ все дешевле въ домъ, для пріѣзда благодѣтеля нашего, который непременно будетъ со всѣми, въ томъ числѣ и Варинькой нашей (сестрой П. П. Косяровскаго), 7-го сентября, и проживетъ въ Васильевкѣ дней 3 или 4, а можетъ быть и болѣе, и я теперь хлопочу о помѣщеніи ихъ въ моей хижинкѣ»... Затѣмъ, объясняя рѣдкость своихъ писемъ непрерывными хлопотами, по поводу приготвленія сына въ Петербургъ, она продолжаетъ: «Грѣхъ вамъ, мой милый другъ, сомнѣваться во мнѣ, зная, что я васъ люблю, какъ роднаго брата, и могутъ ли какія обстоятельства перемѣнить меня въ отношеніи къ вамъ, хотя я и не часто пишу, но мыслями всегда съ вами. Никогда въ жизни моей не желала я имѣть деньги, какъ теперь, чтобы послать вамъ, мои друзья, хотя одну сотенку, и когда бы не пріѣздъ Д. П., то непременно бы послала, но теперь только и могу послать 25 р., хотя на воду (?). Умоляю васъ и заклинаю дружбою нашею и родствомъ, не отвергать сей малости, сдѣлайте мнѣ великую милость, вы никогда не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ совѣстно посылать вамъ такую каплю, но вспомни наше родство, ободряю себя»...

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 2-го сентября 1828 года М. И. пи-

шетъ, что получила извѣстіе отъ Ольги Дмитріевны ¹⁾, что Д. П. Трошинскій не будетъ, вслѣдствіе дурной погоды, но черезъ нѣсколько строкъ объясняетъ иначе причину постигшаго ее разочарованія и при этомъ невольнo выражаетъ нѣкоторую досаду: «Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты, а къ намъ теперь пріѣхали Шамшевы, Софья Александровна и Ростиславъ; Иванъ Ефимовичъ возвратился изъ Кибенець, я воображала, что тогда еще будетъ въ Кибенцахъ, также и Розянки пріѣхали, и мнѣ бы никакъ невозможно было помѣстить всѣхъ и признаюсь вамъ, мой другъ, что я и рада сему случаю. Жаль только, что употребила много денегъ, лучше бы послала къ вамъ, жаль, что въ семь мѣсяцѣ я не могу вамъ послать, мои голубчики, а въ будущемъ постараюсь выслать вамъ свои, а отъ Варвары Степановны не надѣюсь скоро получить (за вашего мальчика), потому что не всегда можно продать такъ, какъ хочется»...

Читая эти строчки, нельзя не удивляться, что именно въ это время М. И. еще могла думать о помощи другимъ, потому что сама находилась въ нуждѣ и не только не имѣла въ своемъ распоряженіи небольшой суммы, чтобы дать сыну на дорогу, но даже не знала откуда добыть ее. Наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, ей удалось собрать нѣсколько денегъ, но и то подъ залогъ принадлежавшихъ ей вещей, такъ что въ письмѣ къ П. П. Косяровскому у ней невольнo вырывается восклицаніе: «Сколько мнѣ теперь затрудненій, выпроваживая Николинку, одинъ Богъ только видитъ, и Онъ одинъ меня поддерживаетъ!» Въ другомъ письмѣ къ двоюродному брату отъ 16 октября 1828 года она пишетъ: «Правда ваша, мой другъ, что мнѣ слишкомъ много хлопотъ и казенныхъ, и частныхъ, дай Богъ, чтобы только стало меня на все это!» и по этому поводу выражаетъ боязнь, что ей назначать рекрута и придется «платить по 4 рубля съ души, чего Боже сохрани!» Однако, не смотря на свои стѣсненные обстоятельства, она не сочла возможнымъ принять помощь, предложенную ей П. П. Косяровскимъ: «Прошу васъ, любезнѣйшій братецъ, отвѣчаетъ она ему въ томъ-же письмѣ, не заботиться о моихъ нуждахъ, когда Богъ дастъ вамъ получить прописанную вами сумму, то она еще не такъ велика, чтобы вамъ можно было изъ нея и мнѣ удѣлять; дай Богъ, чтобы вы сами ни въ чемъ не нуждались, а это для меня будетъ большая отрада»...

¹⁾ Ольга Дмитріевна, жена Андрея Андреевича Трошинскаго, старшаго племянника Д. П.; она находилась постоянно въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ М. И. Гоголь.

Та же вѣжная заботливость о небогатомъ родственникѣ и душевная деликатность, особенно пораительная въ такой сравнительно мало образованной женщинѣ, какой была М. И., проглядываетъ въ ея другомъ письмѣ къ нему отъ 2-го декабря, въ которомъ она проситъ его не беспокоиться о какомъ-то долгѣ и не высылать процентовъ. «Вамъ деньги необходимы, пишетъ она, покуда вы вступите въ службу, а тогда, пожалуй, присылайте лишнія ко мнѣ, мнѣ пріятно будетъ вамъ быть обязанной и если Богу угодно будетъ, что мы увидимъ черезъ то (?) и вамъ могу быть полезной въ случаѣ нужды. При чтеніи этихъ строкъ вы вѣрно будете довольны, мой голубчикъ, что соглашаюсь принимать отъ васъ деньги, судя по себѣ, я такъ воображаю о васъ...»

Въ этомъ же письмѣ М. И. описываетъ свое пребываніе въ Кибенцахъ, затѣмъ сообщаетъ о новой неудачѣ въ своемъ хозяйствѣ и сборахъ сына къ дорогу: «Въ нашихъ мѣстахъ, пишетъ она, падежъ на скотъ, и я лишилась болѣе сорока штукъ самыхъ лучшихъ и не знаю, останется ли что на разводъ; но я ни мало объ этомъ не беспокоюсь, Богу такъ угодно было, а я во всемъ ему повинуюсь. Ни коша мой хочетъ непремѣнно черезъ четыре дня выѣхать, хотя еще не все ему готово, но никакъ ужъ не могу его удержать болѣе, надобно опредѣлиться ему до Новаго года. Пожалуйста, мой милый другъ, напишите мнѣ, когда будете выѣзжать изъ Одессы... тогда настанетъ для меня новое безпокойство; ни въ какихъ случаяхъ не бываю я такъ малодушна, какъ тогда, какъ близкіе сердцу моему находятся въ опасности...»

Поѣздка въ Кибенцы, описанная М. И.—ой въ вышеприведенномъ письмѣ, была на этотъ разъ вызвана ея желаніемъ заручиться для сына рекомендаціей въ Петербургъ. Она застала Д. П. Трошинскаго настолько ослабѣвшимъ, что онъ съ большимъ усиліемъ написалъ въ угоду ей письмо къ своему пріятелю Кутузову, которое Н. В. Гоголь долженъ былъ вручить лично по пріѣздѣ въ столицу. Уже второй разъ утруждала она больного старика такой просьбой и къ ея не-описанной радости, при ней въ Кибенцахъ полученъ былъ отвѣтъ на его первое письмо, посланное по почтѣ. Д. И. Кутузовъ, съ любезностью столичнаго сановника, разсыпался въ увѣреніяхъ сдѣлать удобное Д. П. и въ заключеніе писалъ, что онъ «съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его молодаго родственника, которому онъ хочетъ быть другомъ и руководителемъ въ жизни». М. И. приняла эти слова за чистую монету и не знала, какъ благодарить своего «благодѣтеля», въ убѣжденіи, что, «по его милости, сынъ ея пріѣдетъ въ столицу не какъ безпріютный сирота, но какъ родственникъ будетъ принять въ домѣ

немаловажнаго человѣка». Но радость М. И. была отравлена недоброжелательствомъ разныхъ лицъ, проживающихъ въ домѣ богатаго, кончающаго свой вѣкъ, сановника, такъ что, по ея словамъ, въ письмѣ къ Косяровскому, «одинъ Андрей Андреевичъ, истинно, какъ родной братъ обходился съ ней, а болѣе никто; и ей казалось, что ужаснѣйшая зависть окружала ее...»

VII.

Наконецъ, въ первой половинѣ декабря 1828 года, Н. В. Гоголь отправился въ Петербургъ, какъ видно изъ письма его матери къ Косяровскому, отъ 16-го числа того же мѣсяца, въ которомъ она выражаетъ свою грусть по поводу того, что онъ ѣдетъ въ такой холодъ. Но вслѣдъ затѣмъ она пишетъ о себѣ... «Теперь и я переношу большія безпокойства и нужды, и все одна надежда на Бога меня утѣшаетъ. Вообразите, что мы въ шубахъ въ своихъ комнаткахъ не можемъ согрѣться, этакого холода я никогда не терпѣла; видно, домикъ мой ветшаетъ, прошлый годъ также холодная зима была, но я совсѣмъ не испытывала такого мученья, какъ теперь. Кругомъ въ стѣны, изъ подъ полу такъ дуетъ, какъ на дворѣ, я каждый день дрожу какъ въ лихорадкѣ, тѣсно и холодно, всѣ невыгоды испытываю, какія только можно, но вся надежда на Бога, что когда нибудь Онъ меня утѣшитъ, поддерживаетъ и не допускаетъ до отчаянія. А сколько хлопотъ я испытываю, то одному Богу извѣстно; въ дополненіе еще прѣѣхалъ засѣдатель и со своей свитой требовать до срока казенныя подати и объявилъ мнѣ, что Кочубейская экономія подала въ судъ на меня жалобу, что будто бы отъ моего скота ихъ заразился, и показываетъ, сколько у нихъ пропало; имъ хочется, чтобы я заплатила за ихъ убытокъ. Недовольно еще, что я понесла такой значительный убытокъ, надобно еще и такія несносныя безпокойства переносить; но упованіе на Бога меня укрѣпляетъ, совѣтую и вамъ тѣмъ-же руководствоваться, «всякъ надѣющійся на Господа, да не постыдится...»

Тутъ невольно возникаетъ вопросъ, какъ относился Н. В. Гоголь ко всѣмъ тѣмъ хлопотамъ и лишеніямъ, на какія обрекала себя его мать, чтобы дать ему возможность отправиться въ Петербургъ? Отвѣтомъ на это служить его письмо къ П. П. Косяровскому, въ которомъ онъ распространяется о самоотверженіи матери и настолько тяготится имъ, что высказываетъ желаніе никогда не возвращаться домой, чтобы не видѣть ея безпокойства и мученій «иногда даже о какой нибудь

копѣйкѣ ¹⁾). Затѣмъ онъ умоляетъ своего родственника поселиться въ Васильевкѣ и быть «ангеломъ-хранителемъ» его матери, добавляя, что онъ съ своей стороны все сдѣлалъ: беретъ съ собой денегъ немного на проѣздъ и на первое обзаведеніе и составляетъ дарственную запись, по которой принадлежащая ему часть имѣнія переходитъ къ матери въ вѣчное владѣніе ²⁾). М. И. была тронута до слезъ такимъ великодушіемъ, однако, ни она сама, ни ея сынъ не допускали, по-видимому, возможности отложить его поѣздку въ Петербургъ до болѣе благоприятнаго времени. Н. В. Гоголь не сомнѣвался, что эта поѣздка поведетъ къ осуществленію его давнишнихъ мечтаній о государственной службѣ, которую онъ надѣялся ознаменовать благими дѣяніями, полезными не только для Россіи, но и для всего человѣчества. М. И., съ своей стороны, возлагала не менѣе радужныя надежды на службу сына, хотя съ другой точки зрѣнія: ей казалось, что, по примѣру нѣкоторыхъ ея знакомыхъ, онъ неизбѣжно достигнетъ на этомъ пути чиновъ и блестящаго положенія въ свѣтѣ.

VIII.

Извѣстно, въ какой степени несбыточными оказались блестящія ожиданія матери и сына. Прошло болѣе году, прежде чѣмъ Н. В. Гоголю удалось опредѣлиться на службу; по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ засталъ Кутузова опасно больнымъ, а затѣмъ, хотя и былъ ласково принятъ въ его домѣ, но пока дѣло ограничивалось одними общаніями. Весьма возможно, что причина этого заключалась отчасти въ непомѣрныхъ притязаніяхъ молодаго просителя, который при своей неопытности считалъ тогда мѣсто въ 1,000 руб. слишкомъ ничтожнымъ для себя, чтобы «продать за него здоровье и драгоцѣнное время». Такимъ образомъ, въ ожиданіи болѣе «выгодной и благородной» должности и при непривычкѣ отказывать себѣ въ чемъ либо, Н. В. Гоголь долженъ былъ часто обращаться къ матери за помощью. М. И. прибѣгала къ новымъ займамъ и высылала деньги сыну, даже подчасъ не дожидаясь его просьбъ, хотя теперь это было для нея неудобнѣе,

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1876, январь: „Н. В. Гоголь въ его неизданныхъ письмахъ“, стр. 43.

²⁾ Расходи, связанные съ совершеніемъ дарственной записи, заставили Н. В. Гоголя ограничиться довѣренностью на управленіе имѣніемъ. Н. В.

чѣмъ когда либо, потому что она уже не могла рассчитывать на поддержку со стороны Д. П. Трощинскаго, который скончался 22-го февраля 1829 года. Его смерть была тяжелымъ ударомъ для М. И., потому что она не только лишилась близкаго человѣка, всегда готоваго выручить ее изъ бѣды, но въ связи съ этимъ событіемъ на нее неожиданно обрушились новыя хлопоты и неприятности, какъ видно изъ ея письма къ П. П. Косаровскому отъ 23-го іюня того же года.

«Письма ваши оба получила въ одинъ день; я же продолжительныхъ писемъ не могу теперь писать къ вамъ, любезнѣйшій братецъ Петръ Петровичъ; удивляюсь, какъ еще смыскиваю время не только писать къ вамъ, метаясь во все стороны, какъ бы лучше устроить свои дѣла, но кромѣ прибавленія долгу ничего не успѣваю. Въ Опекунскій совѣтъ въ С.-Петербургъ послала 1,450 рублей, заняла у Борковской, да продала мѣдный кубъ изъ винокурни, а себѣ сдѣлаю деревянный, и съ казной раздѣлалась за сей годъ, да Николинки надобно послать, сколько смогу; онъ еще не опредѣлился о сію пору; я часто отъ него получаю письма и ему пишу по нѣсколько листовъ морали. Ангель мой, благодѣтель Дмитрій Прокофьевичъ, платилъ за меня въ казну и рѣдко отъ меня принималъ и видно для памяти писалъ у себя, сколько я ему должна, и вышло 4,060 руб., и сія записка нашлась и мнѣ платить сіи деньги, но такъ какъ никакого средства нѣтъ мнѣ ихъ уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу ¹⁾ принять Яресковское мое имѣніе, состоящее изъ 70 десятинъ земли; онъ согласился, но больше не даетъ, какъ по 30 рублей десятину, и выходитъ, что имѣнія лишусь, а долгу не уплачу, но да будетъ воля Божія, мы предполагаемъ, а Богъ опредѣляетъ»...

Но едва успѣла М. И. сообщить родственнику о постигшей ее бѣдѣ, какъ должна была испытать новыя огорченія. Она получила неожиданно письмо отъ сына, въ которомъ онъ, ссылаясь на Промысль Божій, распространялся о своихъ душевныхъ страданіяхъ по поводу неудачной любви и намѣреніи отправиться за границу въ самомъ непродолжительномъ времени. Затѣмъ слѣдовало извѣстіе, что, не имѣя другихъ средствъ, онъ рѣшился взять на поѣздку деньги (1,450 руб.), посланныя ею для взноса процентовъ въ Опекунскій совѣтъ, но просилъ ее не беспокоиться, такъ какъ ему удалось получить «просрочку» на четыре мѣсяца, и съ этихъ поръ онъ уже ничего не потребуетъ отъ нея...

Это письмо осталось безъ отвѣта, вслѣдствіе чего Н. В. нашелъ

¹⁾ Племянникъ Д. П. Трощинскаго, наслѣдовавшій значительную часть его громаднаго состоянія. Н. В.

нужнымъ написать матери, изъ-за границы, еще два письма въ свое оправданіе, и въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что главной причиной его поѣздки за границу была застарѣлая болѣзнь, отъ которой «у него на лицѣ и рукахъ высыпала большая сыпь». Изъ этихъ словъ М. И. вывела заключеніе, что ея сынъ заболѣлъ отъ развратной жизни, что еще болѣе опечалило ее, нежели его самовольное распоряженіе ея деньгами; она написала ему по этому поводу рѣзкое письмо съ требованіемъ немедленно вернуться въ Петербургъ ¹⁾. Н. В. Гоголь поспѣшилъ оправдаться передъ матерью въ незаслуженномъ подозрѣніи и съ первымъ пароходомъ выѣхалъ изъ Гамбурга.

IX.

Н. В. Гоголь, по своемъ возвращеніи въ Петербургъ, также часто писалъ матери и время отъ времени утѣшалъ ее извѣстіемъ о своемъ скоромъ опредѣленіи на службу, хотя едва ли самъ вѣрилъ этому. У него явилась надежда пробить себѣ дорогу литературой и сценическимъ искусствомъ, но отъ послѣдняго ему пришлось отказаться послѣ первой репетиціи, происходившей въ кабинетѣ директора театровъ князя Гагарина, между тѣмъ какъ неудача стихотворныхъ опытовъ навела его на мысль, что ему слѣдуетъ испытать свои силы въ иномъ родѣ сочиненій, хотя и тутъ онъ не сразу попалъ на настоящій путь и думалъ сперва, что можетъ быть ученымъ, педагогомъ, историкомъ и даже этнографомъ. Онъ обратился къ матери съ просьбой доставлять ему этнографическій матеріалъ изъ Малороссіи въ видѣ народныхъ пѣсенъ, описанія сельскихъ нарядовъ, обычаевъ, повѣрій, забавныхъ и страшныхъ исторій и пр., а также свѣдѣнія о старинѣ, какія ей удастся собрать самой или черезъ другихъ ²⁾.

¹⁾ Въ письмѣ къ П. П. Косаровскому М. И. даже не упоминаетъ о своей размовкѣ съ сыномъ, и приводитъ другую причину его скорого возвращенія изъ-заграницы: „Николай мой много занималъ меня своими письмами изъ Германіи... но я ему велѣла возвратиться въ Петербургъ и вступить въ службу. Полно уже терпѣть нужду; въ чужихъ краяхъ быть безъ денегъ крайне тяжело и даже безъ человѣка, котораго онъ оставилъ въ С.-Петербургѣ, и онъ отвѣчаетъ, что какъ ему тамъ ни пріятно, воздухъ здоровѣе петербургскаго и жить сношѣе, но когда я приказываю, то онъ возвратится непременно и вступить въ службу“... Н. В.

²⁾ Въ послѣдствіи Н. В. Гоголь не разъ обращался къ матери съ подобными требованіями и, между прочимъ, въ письмѣ отъ 2 февраля 1830 года.

М. И., не смотря на обременявшія ее заботы и недостатокъ времени, успѣшила исполнить желаніе сына, хотя, повидимому, вначалѣ не подозрѣвала на что могутъ погодиться ему требуемыя свѣдѣнія.

Конечно, Н. В. Гоголь не могъ такъ скоро воспользоваться присланнымъ матеріаломъ и приготовить что-либо для печати, хотя въ это время не имѣлъ другихъ средствъ къ жизни. Поэтому онъ съ особенною радостью воспользовался неожиданною помощью, предложенною ему А. А. Трошинскимъ, какъ видно изъ письма его къ матери отъ 27 октября 1829 года, въ которомъ писалъ, что «Богъ послалъ ему ангела-спасителя въ лицѣ благодѣтеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сдѣлалъ для него все то, что можетъ только одинъ отецъ для своего сына»... Но и послѣ этого Н. В. Гоголь, говоря его словами, нерѣдко «выпрашивалъ деньги у своего благодѣтеля», такъ что этотъ уже нѣсколько разъ говорилъ, что «помогаетъ ему до того времени, пока его мать не поправится немного состояніемъ, что у него самого есть семейство, что его дѣла также не всегда въ хорошемъ состояніи»... М. И. съ своей стороны была довольна не менѣе сына помощью, оказываемою ему богатымъ родственникомъ, судя по ея письму къ Косяровскому отъ 12 января 1830 года, гдѣ она, извѣщая его о болѣзни меньшихъ дѣтей, пишетъ: ...«благодаря Бога, что за Николинку я теперь спокойнѣе по милости добраго брата А. Андр., который взялъ его подъ свое покровительство и снабжаетъ его и деньгами, и прямо дружескими совѣтами, какъ онъ пишетъ ко мнѣ, и этимъ благодѣяніемъ совершенно оживилъ меня и я не знаю, какъ уже его благодарить, такъ душа полна, теперь я должна бы была продать за безцѣнокъ все имѣніе, чтобы его содержать въ Петербургѣ. Мы ужасную отъ холода терпимъ нужду и я весною хочу еще занять денегъ и во что бы то ни стало буду оканчивать домъ, терпѣнья моего не достааетъ, пропадаетъ здоровье у меня и дѣтей въ семь домикѣ»...

Наконецъ, въ февралѣ 1830 года появилась въ печати, въ № 118 «Отечественныхъ Записокъ» малороссійская повѣсть Н. В. Гоголя «Басаврюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана Купала», хотя безъ подписи автора. Около этого-же времени ему удалось получить мѣсто въ департаментѣ удѣловъ ¹⁾. Извѣщая мать объ этомъ радостномъ событіи,

просилъ ее собирать древнія монеты, рѣдкости и проч., такъ какъ хотѣлъ этимъ «прислужиться одному вельможѣ, отъ котораго зависѣло улучшение его участи».

Н. В.

¹⁾ Изъ писемъ Н. В. Гоголя (по изданію Кулиша) трудно опредѣлить въ точности, когда собственно онъ поступилъ на службу. Такъ, въ письмѣ отъ

онъ спрашивалъ ее, въ виду скуднаго, получаемаго имъ жалованья (менѣе 500 р.), а равно и близкаго отъѣзда Андрея Андреевича Трошинскаго: въ состояніи ли она высылать ему 100 р. въ мѣсяцъ? сумма, съ которою, по его словамъ, «никто изъ молодыхъ людей не рѣшился бы жить въ Петербургѣ».

Неизвѣстно, какъ отнеслась М. И. къ этому неожиданному требованію со стороны сына, но оно, во всякомъ случаѣ, должно было стѣснить ее при ея тогдашнихъ денежныхъ дѣлахъ, которыя все еще были настолько плохи, что въ письмѣ къ двоюродному брату, отъ 5 мая 1830 г. она высказываетъ опасеніе лишиться Васильевки, которая теперь казалась ей милѣе, чѣмъ когда либо. Мысль о разлукѣ съ мѣстомъ, гдѣ протекла ея молодость, въ связи съ другими заботами, глубоко огорчала ее: «при спокойствіи душевномъ, пишетъ она въ томъ же письмѣ, какое божественное теперь время, соловьи со всѣхъ сторонъ какъ будто нарочно стараются меня разсѣять прелестными своими трелями, но не успѣваютъ ничего»...

Однако, М. И. достала откуда-то денегъ и послала сыну, въ увѣренности, что съ полученіемъ казеннаго мѣста онъ рано или поздно будетъ обеспеченъ по примѣру нѣкоторыхъ ея знакомыхъ: «Многіе, пріѣхавъ въ Петербургъ, писала она ему, сначала не имѣвшіе ничего, жившіе однимъ жалованьемъ, приобрѣли впоследствии довольно значительное состояніе, единственно стараніями и прилежаніемъ на службѣ»... Н. В. Гоголю пришлось разочаровывать мать въ ея блестящихъ ожиданіяхъ и доказывать, что такъ было прежде и что теперь условия государственной службы совсѣмъ иныя.

Что же касается литературныхъ занятій Н. В. Гоголя, то вначалѣ его мать не придавала имъ никакого практическаго значенія, хотя онъ и писалъ ей, что «одна изъ его статей доставила ему занимаемое имъ мѣсто». М. И. была убѣждена, что онъ пишетъ для того, «чтобы удовлетворить своей страсти сочинять, и только хочетъ показать ей, что необходимость заставляетъ его этимъ заниматься¹⁾. Тѣмъ не менѣе она внимательно перечитывала «Отечественныя Записки», которыя онъ получалъ даромъ въ качествѣ сотрудника, а затѣмъ аккуратно пересылала ей по почтѣ. Но такъ какъ всѣ его статьи были безъ подписи, то она, по догадкамъ, старалась узнать,

2 февраля 1830 г. онъ писалъ матери: „снова хожу каждый день въ должность и въ силу перебиваюсь, жалованья получаю сухую бездѣлицу“... Въ другомъ письмѣ, отъ 2 апрѣля того же года, мы читаемъ: „послѣ безконечныхъ исканій мнѣ удалось, наконецъ, смскать мѣсто очень, однакожъ, незавидное“

¹⁾ См. Указатель къ письмамъ Гоголя, стр. 29.

которыя написаны имъ, и такъ какъ ея догадки не всегда оказывались вѣрными, то всякая подобная ошибка вызвала болѣе или менѣе строгое внушеніе со стороны оскорбленнаго автора, что не разъ случалось и впослѣдствіи.

Х.

Но материнское тщеславіе М. И. было вполне удовлетворено, когда въ 1831 году она получила отъ сына первый томъ «Вечеровъ на хуторѣ», съ замѣчаніемъ, что «книга понравилась всѣмъ, начиная отъ Государыни» ¹⁾. Эту фразу М. И. повторила цѣликомъ въ письмѣ къ А. А. Трощинскому, которому не замедлила сообщить о своей радости, затѣмъ, посылая его женѣ книгу своего сына, она проситъ возвратитъ послѣднюю при первой возможности, потому что «всѣ хотятъ прочесть ее» ²⁾.

Однако, до сихъ поръ литературная дѣятельность Н. В. Гоголя могла доставитъ его матери только нравственное удовлетвореніе, потому что еще въ 1831 году она принуждена была, по его требованію, выслать ему семьсотъ пятьдесятъ рублей. Но вскорѣ онъ самъ былъ въ состояніи помочь ей и прислалъ 500 р.³⁾ асс., на приданое старшей сестрѣ, вышедшей замужъ за П. О. Трушковскаго и, кромѣ того, на 90 руб. асс. петербургскихъ издѣлій матери и сестрамъ, что, повидимому, настолько заняло его самого, что онъ не разъ писалъ объ этомъ матери, спрашивалъ—получены-ли вещи, понравились-ли, и пр. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ еще болѣе порадовалъ ее своимъ пріѣздомъ въ Васильевку, гдѣ пробылъ три мѣсяца. Но, какъ видно изъ письма его къ М. П. Погодину отъ 20 іюля, возвращеніе на родину не произвело на него ожидаемаго впечатлѣнія: онъ остался равнодушнымъ ко всему и приписываетъ это своему болѣзненному состоянію. При этомъ, по его словамъ, «онъ пріѣхалъ въ имѣніе, совершенно разстроенное. Приставали со всѣхъ сторонъ, а уплатить была совершенная невоз-

¹⁾ Впослѣдствіи Н. В. Гоголь, извѣщая мать о полученіи мѣста учителя въ Патріотическомъ институтѣ, пишетъ: «Государыня приказала мнѣ читать въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ», а также въ другомъ письмѣ, гдѣ онъ проситъ ее не беспокоиться, что его квартира въ пятомъ этажѣ, приводитъ въ видъ довода, что «самъ Государь занимаетъ комнаты не ниже его» и пр.

²⁾ См. «Русская Старина» 1882 г., іюнь, стр. 677—678. Н. В.

можность».... Но еще тяжелѣе поразила его переменна, какая произошла въ М. И. со времени его отъѣзда изъ Васильовки, и которуд онъ живо описываетъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ къ ней: «Я не могу вамъ разсказать, пишетъ онъ, той грусти, которуд я чувствовалъ, глядя на васъ. Это совершенная ваша разсѣянность въ словахъ и задумчивость; это ваше вѣчно устремленное куда-то вниманіе, но не къ предметамъ, васъ окружавшимъ, не къ тѣмъ, о которыхъ шла рѣчь, такъ что вы казались совершенно среди насъ живущею въ какомъ-то другомъ мѣрѣ, чуждою всего того, что около васъ происходило. Я съ содраганіемъ видѣлъ слѣды и читалъ ихъ на лицѣ вашемъ, слѣды, проведенные побѣдившими васъ заботами».....

Съ наступленіемъ осени Н. В. Гоголь уѣхалъ въ Петербургъ и увезъ съ собою двухъ младшихъ сестеръ для помѣщенія въ Патриотическій институтъ на казенный счетъ. Но, повидимому, мысль о матери не покидала его; онъ написалъ ей съ дороги два письма, а затѣмъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, и просилъ не беспокоиться о дочеряхъ, относительно «отягощенія ученіемъ», потому что онѣ «такъ мало подготовлены, что будутъ помѣщены вмѣстѣ съ семилѣтними въ приготовительное отдѣленіе, гдѣ почти ничѣмъ не будутъ заниматься, выключая первыхъ началъ». Равнымъ образомъ въ послѣдующихъ письмахъ Н. В. Гоголь не забывалъ извѣщать мать о своихъ маленькихъ сестрахъ, о которыхъ заботился, насколько могъ.

Но въ то же время его письма къ матери становились все отрывочнѣе и касались преимущественно семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ; только изрѣдка возвращался онъ въ нихъ къ воспоминаніямъ дѣтства и высказывалъ свои задушевные мысли. Весьма возможно, что причина этого заключалась въ томъ, что Н. В. Гоголь уже приобрѣлъ тогда нѣкоторую извѣстность; лестные отзывы о немъ въ печати, знакомство съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и другими знаменитостями открыли ему двери литературныхъ и великосвѣтскихъ салоновъ, гдѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Теперь все болѣе и болѣе расширялся кругъ лицъ, съ которыми онъ могъ обмѣняться мыслями и касаться вопросовъ, занимавшихъ его.

М. И. радовалась успѣхамъ сына, о которыхъ до нея доходили подчасъ преувеличенные и даже неправдоподобные слухи, но прежнему собирала для него разныя этнографическіе матеріалы, вязала ему чулки, слѣдила за плетеніемъ домашнихъ ковровъ по составленнымъ имъ узорамъ и въ постройкѣ новаго дома старалась, по возможности, сообразоваться съ его планами. Но заботы не оставляли ее, такъ какъ дѣла, разстроенныя непосильными затратами нѣсколь-

кнхъ лѣтъ и, быть можетъ, также вслѣдствіе ея собственной непрактичности, становились все болѣе запутанными.

XI.

О степени непрактичности М. И. и ея способности увлекаться несбыточными надеждами можно судить по смѣлому предпріятію, на которое она рѣшилась въ это время по собственной или чужой инициативѣ, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Такъ, въ 1833 году, не имѣя готоваго капитала и никакихъ техническихъ знаній, она приступила къ устройству кожевеннаго завода, совмѣстно съ сапожной фабрикой, на что требовалось до четырехъ тысячъ. При этомъ, настолько сильна была въ ней надежда на скорое обогащеніе, что, противъ своего обыкновенія, она не обратила никакого вниманія на совѣты и предостереженія сына, и такъ хвалилась хорошей выдѣлкой кожъ, что, подъ конецъ, онъ самъ повѣрилъ возможности вести съ успѣхомъ начатое дѣло и писалъ ей, что имѣть въ виду выгодную работу для ея фабрики, и что «онъ нарочно сдѣлалъ для этого сношенія и знакомства съ многими нужными людьми». Вслѣдъ затѣмъ, въ отвѣтъ на тревожное письмо матери, онъ совѣтовалъ ей не показывать своего недовѣрія фабриканту и, отложивъ боязнь и темныя мысли, отправить молебень, что послѣ этого «все пойдетъ хорошо». Но дѣло шло все хуже и хуже, такъ что въ половинѣ 1834 года М. И. вынуждена была окончательно бросить сапожную фабрику и заводъ и вмѣсто ожидаемыхъ прибылей приобрѣла долгъ въ 5,000 руб., который ей предстояло выплатить не далѣе какъ черезъ мѣсяць. Извѣщая объ этомъ сына, она писала ему, что «совершенно спокойна»; хотя онъ не повѣрилъ ея словамъ, но не нашелъ возможнымъ оказать ей денежную помощь и ограничился одними обѣщаніями.

М. И. и въ эти трудныя минуты искала поддержки въ религін; она отправилась на богомолье въ Воронежъ и, по возвращеніи въ Васильевку, должна была выпутываться изъ постигшей ее бѣды цѣною еще большихъ лишеній и заботъ. Теперь вся ея надежда была на служебную карьеру сына, на которую она продолжала смотрѣть съ прежней точки зрѣнія. Поэтому, когда онъ извѣстилъ ее, что бросилъ службу для занятія кафедрой исторіи при с.-петербургскомъ университетѣ, то она обратилась къ нему съ вопросомъ: не приобрѣлъ ли онъ, благодаря этой перемѣнѣ, высшій чинъ? Вопросъ этотъ показался настолько наивнымъ Н. В. Гоголю, что онъ даже не считалъ нужнымъ

дать болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ: «вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ, писалъ онъ ей по этому поводу 6-го ноября 1834 г., и думаете, что я непремѣнно и чинъ долженъ получить выше. Если бы я имѣлъ какую нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ... я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ... Но мнѣ нельзя этого растолковать вамъ. Мы можемъ не понять другъ друга и будемъ только переводить напрасно бумагу»... Затѣмъ слѣдовава просьба не упоминать болѣе ни слова о чинахъ въ дальнѣйшихъ письмахъ.

М. И. покорилась и этому требованію; но тяжелая дѣйствительность и вѣчная борьба съ критическими обстоятельствами заставляла ее переходить отъ одной мечты къ другой и «предаваться ей, какъ вѣрному другу, хотя она подчасъ далеко увлекала ее». Естественно, что при ея безконечной любви къ талантливому сыну, его будущность являлась главной темой, на которую обращена была ея фантазія. Потерявъ надежду видѣть его на высококомъ чиновничьемъ постѣ, она стала мечтать объ его литературной славѣ, хвалилась имъ передъ знакомыми и даже въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему назвала его гениемъ. Н. В. Гоголь просилъ мать (въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1835 г.) не называть его такимъ образомъ, особенно въ разговорѣ съ посторонними людьми, и вообще не изъяслять своего мнѣнія объ его сочиненіяхъ. Однако, на этотъ разъ общій тонъ его письма былъ дружескій; онъ выражалъ сожалѣніе, что обременилъ ее цѣлымъ грузомъ тягостныхъ заботъ, омрачившихъ ея жизнь, и общался пріѣхать въ Васильевку, чтобы заняться хозяйствомъ.

XII.

Но Н. В. Гоголь не выполнилъ своего благого намѣренія, и лѣтомъ 1836 года отправился за границу. Отсюда онъ довольно часто писалъ матери, особенно въ первое время, и изъяслялъ сожалѣніе, что она не можетъ вмѣстѣ съ нимъ видѣть разныя достопримѣчательности. «Когда нибудь подъ старость, писалъ онъ, когда поправятся ваши и мои обстоятельства, отправимся вмѣстѣ поглядѣть на это»...

Едва ли М. И. могла вѣрить въ осуществленіе чего либо подобнаго, но такое заявленіе со стороны сына должно было тронуть ее, такъ какъ она не была избалована его вниманіемъ. Равнымъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ томъ значеніи, какое имѣли для нея его

письма, но, получая ихъ изъ разныхъ мѣстъ, она почему-то вывела изъ этого заключеніе, что сынъ ея нуждается въ деньгахъ, и сообщила ему свою догадку. Н. В. Гоголь снисходительно объяснилъ матери, что частые переѣзды съ мѣста на мѣсто возможны только при деньгахъ, но въ слѣдующій разъ, когда она вздумала выразить опасеніе, что у него не хватитъ средствъ для дальнѣйшаго путешествія, онъ принялъ строгій наставительный тонъ и распространился о своей предусмотрительности: «Какъ бы то ни было, писалъ онъ, но мои дѣла всегда лучше вашихъ и потому я совѣтую вамъ болѣе обращать вниманіе на ваши дѣла. Я очень цѣню ваши заботы, но весьма будетъ неблагоразумно съ вашей стороны тревожить себя пустыми безпокойствами и неосновательными предположеніями»¹⁾.

Такимъ образомъ, явился новый пунктъ, котораго М. И. не должна была касаться въ письмахъ къ сыну, но чѣмъ больше затягивалось его путешествіе, тѣмъ томительнѣе становилось ея желаніе увидѣть его. Наконецъ, подъ страхомъ вновь навлечь на себя его неудовольствіе, она стала уговаривать его скорѣе вернуться въ Россію, и въ письмѣ отъ 17-го декабря 1837 года, писала ему, что «климатъ въ Малороссіи производитъ то-же самое дѣйствіе, что въ Италіи», и извѣстный полтавскій докторъ Кричевскій непремѣнно вылечить его, и что даже ему опасно оставаться въ Римѣ, гдѣ «уже два раза была холера...»

М. И. пришлось долго ожидать отвѣта на свое посланіе, но тѣмъ не менѣе въ письмѣ къ П. П. Косяровскому, отъ 10-го января слѣдующаго года, она не рѣшилась высказать свое неудовольствіе относительно продолжительнаго пребыванія сына за границей и только вскользь упоминаетъ о немъ... «По милости Божьей, мы перенесли всѣ удары, сразившіе насъ»²⁾, и непрерывные хлопоты по хозяйственнымъ

¹⁾ Н. В. Гоголь не разъ позволялъ себѣ говорить этимъ тономъ съ матерью и читать ей наставленія; но однимъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ онъ настолько задѣлъ ее, что она увидѣла въ его словахъ незаслуженные упреки себѣ, и дала ему это почувствовать. Онъ написалъ ей по этому поводу объяснительное письмо, въ которомъ заявилъ, что не думалъ упрекать ее, что «она невинна», виноваты несчастія, подавившія ее, виноваты заботы, которыя измѣнили «ея прежній милый, веселый характеръ», и, наконецъ, онъ самъ, такъ какъ не исполнилъ первой обязанности сына, и приводилъ въ свое оправданіе, что не былъ рожденъ хозяиномъ, и пр. См. Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, стр. 361—363.

²⁾ М. И., между прочимъ, лишилась своего любимаго зятя Павла Осиповича Трушниковскаго, мужа ея старшей дочери, Маріи Васильевны (умершей 21-го марта 1841 г.), который вмѣстѣ съ женой и сыномъ жилъ въ Васильевкѣ.

моимъ дѣламъ. На сей недѣлѣ отвожу меньшую мою дочь Оленьку учиться въ домъ къ пріятелю покойнаго мужа моего; она, по причинѣ нездоровья ея, не могла] быть помѣщена въ Петербургѣ ¹⁾. Сынъ мой теперь въ Италіи и каждый мѣсяцъ пишетъ ко мнѣ со всякаго мѣста, гдѣ находится. Главная моя забота теперь о пристроеніи повыгоднѣе Машеньки моей (старшей дочери); ей оставаться во вдовствѣ нельзя, не имѣя мужнина состоянія, если Богъ ей пошлетъ помѣщика съ хорошимъ состояніемъ, чтобы могъ быть полезенъ въ воспитаніи ея сына; въ домъ зятя я уже ни за что не приму; такого добраго болѣе не найду, какъ былъ покойный нашъ Павелъ Осиповичъ, да и Машенькѣ такъ наскучили эти мѣста, что она и вспомнить не можетъ, чтобы ей оставаться здѣсь; пристроя ея, надобно думать и о другихъ, «которыхъ воспитаніе скоро кончится...».

Наконецъ, въ февралѣ М. И. получила давно ожидаемое письмо отъ сына: онъ не соглашался ни съ однимъ изъ приводимыхъ ею доводовъ въ пользу его возвращенія въ Россію и писалъ, что прежде всего должно «повиноваться Тому, Кто предписываетъ благоразуміе, и что дальнѣйшее пребываніе въ Италіи необходимо для его разстроеннаго здоровья».

XIII.

Послѣ того Н. В. Гоголь пробылъ еще около двухъ лѣтъ за границей и только въ концѣ 1839 вернулся въ Россію, считая это небольшою жертвою съ своей стороны, какъ видно изъ его тогдашнихъ писемъ къ друзьямъ. Онъ пріѣхалъ, чтобы взять изъ института сестеръ, которыхъ отвезъ въ Москву, и помѣстился съ ними въ домѣ М. П. Погодина, куда вызвалъ и мать для свиданія съ нимъ, потому что находилъ неудобнымъ утомлять себя поѣздкой въ Малороссію, въ виду предстоящаго ему путешествія въ Римъ. При этомъ онъ просилъ мать пріѣхать на собственный счетъ, обѣщая дать ей денегъ на обратный путь, что, вѣроятно, и было исполнено имъ, потому что ему удалось достать тогда, чрезъ Жуковскаго, 4,000 рублей. М. И. пробыла въ

¹⁾ Н. В. Гоголь заглавно руководилъ воспитаніемъ младшей сестры и писалъ по этому поводу матери длинныя наставительныя письма. Н. В.

Москвѣ около двухъ недѣль, затѣмъ вернулась въ Васильевку съ одной изъ дочерей, между тѣмъ какъ другая (Елизавета Васильевна) осталась на время у г-жи Раевской, по желанію брата, который почему-то считалъ это особенно полезнымъ для нея.

Лѣтомъ 1840 года Н. В. Гоголь отправился въ Римъ, но сильный приступъ болѣзни задержалъ его въ Вѣнѣ и надолго разстроилъ его слабое здоровье, которое съ этихъ поръ сдѣлалось предметомъ его постоянныхъ и еще болѣшихъ заботъ. Мнимыя и дѣйствительныя страданія все болѣе и болѣе отравляли его существованіе; боязнь не кончить начатаго «великаго», по его словамъ, труда «Мертвыя души» и потерять возможность работать преслѣдовала его, и онъ все чаще впадалъ въ мрачное состояніе духа, которое незамѣтно привело его къ болѣзненному самоуглубленію и религіозному мистицизму. Умъ его путался въ несогласимыхъ противорѣчіяхъ; недовольство собой и христіанское смиреніе шло у него рука объ руку съ крайнимъ самомиѣніемъ, при которомъ онъ считалъ себя въ правѣ учить другихъ. Въ письмахъ къ матери онъ принималъ все болѣе и болѣе наставительный тонъ, и высказывая ей общезвѣстныя евангельскія истины, выражалъ увѣренность, что она пойметъ всю силу его словъ. Но иногда, увлекаемый принятою на себя ролью проповѣдника, онъ писалъ такимъ высокоумнымъ и неяснымъ слогомъ, что мать и сестры понимали его слова въ превратномъ смыслѣ или же, къ его удивленію, находили нужнымъ оправдываться передъ нимъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ обыкновенно совѣтовалъ пока отложить его письмо, а затѣмъ читать ежедневно въ то время, когда онѣ будутъ менѣе отвлечены земными дѣлами, какъ, напр., великимъ постомъ, при говѣннѣ. При этомъ изъ писемъ матери онъ выводилъ тѣ или другія заключенія объ ея душевномъ состояніи, и если находилъ его удовлетворительнымъ, то выражалъ ей свое одобреніе. Но когда ему казалось, что она неспокойна духомъ и «пошатнулась въ твердомъ упованіи на Бога», то онъ дѣлалъ ей строгое внушеніе и писалъ, что она должна «беречься, чтобы впредь ничего подобнаго не случилось съ нею».

Между тѣмъ Н. В. Гоголь, заботясь такимъ образомъ о «душевномъ устройствѣ» и нравственномъ усовершенствованіи близкихъ родныхъ, считалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ относительно ихъ матеріальнаго обезпеченія, какъ въ виду своего болѣзненнаго состоянія, такъ и стремленія обставить себя условіями, которыя казались ему наиболѣе благоприятными для его творчества. Такія условія обходились ему не дешево, судя по тому, что сумма въ 5,000 р., выданная ему государемъ, была истрачена имъ

въ одинъ годъ, да и онъ самъ находилъ, что только тогда можетъ существовать спокойно, если будетъ получать ежегодно не менѣе шести тысячъ ¹⁾. Хотя прибрѣтенная имъ съ дѣтства привычка ни въ чемъ не отказывать себѣ и не сообразоваться съ наличными средствами нерѣдко ставила его въ затруднительное положеніе, близкое къ нищетѣ, но онъ имѣлъ болѣе или менѣе возможность жить безбѣдно, потому что съ прибрѣтеніемъ извѣстности получалъ довольно значительныя суммы. Помимо дохода за свои сочиненія и неоднократныхъ денежныхъ пособій отъ высочайшихъ особъ, Н. В. Гоголь безцеремонно пользовался щедростью друзей, которые считали своимъ нравственнымъ долгомъ поддерживать его и выручать изъ бѣды. Но въ то-же время наиболѣе близкіе изъ нихъ, при всей своей снисходительности къ нему въ другихъ отношеніяхъ, не разъ ставили ему въ упрекъ его равнодушіе къ бѣдственному положенію матери, такъ что подъ конецъ онъ нашелъ нужнымъ оправдать себя передъ ними и въ письмѣ къ С. П. Шевыреву, отъ 28-го февраля 1843 года, писалъ, что съ своей стороны сдѣлалъ достаточно для семьи, отдалъ свою часть имѣнія, будучи самъ нищимъ, одѣвалъ сестеръ и платилъ за нихъ, и что «даже онъ полагаетъ, что въ дѣлахъ его матери гораздо важнѣе и полезнѣе будетъ умный совѣтъ, чѣмъ другая помощь». Тѣмъ не менѣе, онъ давалъ разрѣшеніе друзьямъ, что если они признаютъ необходимымъ, то могутъ послать М. И. изъ его денегъ, вырученныхъ за продажу книгъ, но просилъ не упускать изъ виду, что его мать и сестры въ своемъ имѣніи и не могутъ быть безъ куска хлѣба, а онъ въ чужой землѣ и требуетъ «только насущнаго пропитанія, чтобы не умереть въ продолженіе какихъ нибудь трехъ, четырехъ лѣтъ...» ²⁾.

Вслѣдъ затѣмъ и сама М. И. рѣшилась обратиться къ сыну съ

¹⁾ Такъ, напр., въ 1843 году онъ просилъ друзей взять на свое попеченіе его дѣла и въ теченіи трехъ лѣтъ высылать ему по шести тысячъ, чтобы онъ могъ кончить начатое дѣло: «Это самая строгая смѣта, добавлялъ онъ; я бы могъ издерживать и меньше, еслибы оставался на мѣстѣ; но путешествіе и перемѣны мѣстъ мнѣ необходимы, какъ насущный хлѣбъ. Голова моя такъ странно устроена, что иногда мнѣ нужно пронестись нѣсколько верстъ, чтобы мѣнять одно впечатлѣніе другимъ, уснять духовный взоръ и быть въ силахъ обхватить и забрать въ одно то, что мнѣ нужно...» См. «Русская Старина», сентябрь, 1875, очеркъ професс. О. Ф. Миллера: (по неизданнымъ матеріаламъ ред. «Русской Старины»): «Н. В. Гоголь и незданныя его письма 1835—1843 гг.» стр. 127. Н. В.

²⁾ Ibid, стр. 129.

просьбой о помощи, въ виду тяготившихъ ее долговъ. Н. В. Гоголь былъ настолько-же разстроень, какъ и удивлень ея письмомъ, и поспѣшилъ сообщить о такомъ небываломъ случаѣ С. Т. Аксакову (въ письмѣ отъ 18 марта 1843 г.), добавляя, что его мать «всегда была деликатна въ этомъ отношеніи», тѣмъ болѣе, что онъ отказался въ ея пользу отъ принадлежавшей ему части имѣнія (100 душъ). При этомъ называя себя «нищимъ» и доказывая невозможность послать денегъ матери, онъ объяснялъ ея просьбу преувеличенному понятію, какое она составила себѣ объ его богатствѣ со словъ другихъ, потому что онъ лично «никогда не вводилъ мать ни въ какія литературныя отношенія свои и не говорилъ съ нею о подобныхъ дѣлахъ, ибо зналъ, что она способна задумать о немъ слишкомъ много ¹⁾».

То же своеобразное отношеніе Н. В. Гоголя къ тяжелому материальному положенію его семьи сказалось и въ слѣдующемъ 1844 году, когда онъ рѣшилъ отдать «въ пользу бѣдныхъ, но достойныхъ студентовъ» всѣ деньги, собранныя за продажу его книгъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, хотя зналъ изъ писемъ матери, что въ это самое время ей грозила опись всего имуществва за долги. Одна изъ пріятельницъ Н. В. Гоголя рѣзко возстала противъ задуманнаго имъ пожертвованія и напомнила ему, что у него на рукахъ старая мать и сестры, и что онъ прежде всего долженъ позаботиться о своихъ ближнихъ ²⁾. Но Н. В. Гоголь отвѣчалъ, что желаетъ, чтобы деньги были употреблены на то, на что онъ опредѣлилъ ихъ, и что деньги эти выстрадаанныя и святые и еслибы его «добрая мать знала съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ ³⁾».

¹⁾ „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“ изд. Кулиша, т. VI, стр. 5.

²⁾ См. Записки о жизни Н. В. Гоголя, Спб., 1856, т. II, стр. 24, изд. П. А. Кулиша.

³⁾ Только впоследствии, а именно въ письмѣ отъ 16 февраля 1847 года, Н. В. Гоголь сообщалъ матери о своемъ распоряженіи, чтобы ей послали 2,000 изъ Петербурга, „когда будетъ распродана его книга“. Половина этихъ денегъ должна была идти въ уплату процентовъ въ ломбардъ, 500 р. въ уплату за ученіе его племянника, а остальные 500 руб. мать и сестры должны были раздѣлить между собой. При этомъ онъ писалъ имъ длинную проповѣдь о необходимости наблюдать бережливость и благоразуміе въ денежныхъ расходахъ.

Н. В.

XIV.

Н. В. Гоголь и въ это время не переставалъ въ письмахъ къ матери читать ей наставленія въ правоучительно-христіанскомъ духѣ, и хотя говорилъ, что «грѣшно заботиться о здоровьи и нужно благодарить Бога и за самыя болѣзни», но, тѣмъ не менѣе, часто обращался къ матери съ просьбою молиться за него и заставить молиться другихъ. Между прочимъ, въ одномъ случаѣ, чувствуя себя хуже обыкновеннаго, онъ потребовалъ отъ матери, чтобы она отслужила молебенъ объ его здравіи, не только въ Васильевской церкви, но и въ Диканькѣ, въ церкви св. Николая, котораго «она всегда молила о предстательствѣ за него».

М. И. успѣшила исполнить желаніе сына и въ письмѣ къ нему выразила надежду, что «Богъ продлитъ ему жизнь и подастъ ему силы дѣйствовать на прославленіе Его». Но, утѣшая такимъ образомъ сына, она въ то же время съ видимымъ интересомъ обращается къ нему съ вопросомъ: видѣлъ ли онъ государя и представлялся ли ему? Неизвѣстно, была ли это только безкорыстная мечта материнскаго честолюбія или она связывала съ этимъ надежду, что ея сынъ опять получитъ щедрое вспомошествованіе свыше, но Н. В. Гоголь коротко отвѣчалъ ей, что «государь пробылъ въ Римѣ недолго и былъ слишкомъ занятъ, чтобы принимать мелюзгу, подобную ему». Вслѣдъ затѣмъ, когда Государь назначилъ Н. В. Гоголю трехлѣтній пансіонъ въ 1000 р., то М. И. вообразила, что ея сынъ удостоенъ такой милости за свои заслуги или за какое-нибудь новое сочиненіе. Но онъ не замедлилъ разочаровать ее въ этомъ и объяснилъ, что пансіонъ данъ ему «единственно изъ состраданія къ его болѣзненному и съ тѣмъ виѣстѣмъ безденежному состоянію».

Хотя и въ этомъ письмѣ, какъ во многихъ другихъ, Н. В. Гоголь не разъ упоминалъ о своихъ стѣсненныхъ денежныхъ дѣлахъ, но онъ по прежнему сердился, когда мать осмѣливалась беспокоиться о немъ въ этомъ отношеніи. Равнымъ образомъ, такими-же неумѣстными казались ему подчасъ и другія проявленія ея заботливости, какъ видно изъ его письма отъ 10 августа 1846 года, въ которомъ онъ дѣлаетъ ей выговоръ за ея просьбу не принимать къ сердцу письма сестеръ. По этому поводу онъ находитъ нужнымъ замѣтить ей, что она «весьма часто бываетъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ разгоряченныхъ впечатлѣній» и не должна судить о немъ по себѣ, потому что онъ не способенъ

«какъ она, сердиться, или горячиться, или сокрушаться, или принимать къ сердцу всякій пустякъ».

Но если въ этихъ словахъ Н. В. Гоголя было даже на половину правды, то становится вполне понятнымъ то тяжелое впечатлѣніе, какое произвело на М. И. его письмо отъ 14 ноября того-же года, въ которомъ онъ, извѣщая ее о своемъ намѣреніи отправиться въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, просилъ ее заблаговременно посѣтить всѣ (?) монастыри. Она должно была также оставаться неотлучно въ Васильевкѣ все время, пока онъ будетъ въ дорогѣ, потому что ему «было нужно, чтобы она молилась о немъ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ». Кроме того онъ требовалъ отъ матери и сестеръ такого широкаго гостепрѣимства, чтобы «всякій гость былъ принятъ въ Васильевкѣ, какъ братъ и ближайшій сердцу человѣкъ, не смотря на то, какого бы онъ состоянія и званія ни былъ»...

М. И. была смущена этими торжественными приготовлениями сына и заключила изъ нихъ, что онъ намѣренъ навсегда остаться въ Іерусалимѣ. Но еще болѣе опечалилъ ее приложенный къ письму отрывокъ изъ его завѣщанія, обращенный къ ней и его сестрамъ, какъ видно изъ ея письма къ А. А. Трошинскому отъ 1 января 1847 года: «завѣщаніе его, писала она, раздираетъ мое сердце, тѣмъ болѣе, что онъ не пишетъ на случай моей смерти, а просто по его смерти, что должно намъ дѣлать. Видно тяжкіе труды, которые онъ всегда несъ для пользы немущихъ, изнурили бѣдное его здоровье. Онъ приготовилъ много, назначая печатать послѣ смерти ¹⁾». Естественно, что М. И. не замедлила написать и сыну о своемъ огорченіи, чѣмъ вызвала съ его стороны объясненіе въ письмѣ отъ 25 января 1847 г., что «отрывокъ изъ завѣщанія былъ посланъ имъ въ увѣренности, что она уже получила его книгу, въ которой завѣщаніе напечатано цѣликомъ, потому что иначе онъ бы не послалъ его». При этомъ, заявляя свою скорбь по поводу того, что мать и сестры не въ мѣру опечалились, онъ доказывалъ, какъ дурно не думать о смерти и не помышлять о будущей жизни, и въ заключеніе выразилъ удивленіе: на какомъ основаніи представилось его матери, что онъ намѣренъ навсегда остаться въ Іерусалимѣ, тогда какъ «онъ именно затѣмъ и ѣдетъ въ Іерусалимъ, чтобы имѣть право возвратиться въ Россію и начать, наконецъ, службу истинную отечеству»... Неизвѣстно, насколько М. И. могла проникнуть въ смыслъ этихъ словъ, но она

См. „Русск. Стар.“, іюнь 1882, очеркъ И. И. Ореуса: „Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій, 1754—1829 гг., стр. 679. Н. В.

узнала, по крайней мѣрѣ, изъ того-же письма, что поѣздка ея сына отложена до слѣдующаго года. Однако, выраженное ею огорченіе по поводу его завѣщанія и сборовъ въ Іерусалимъ послужило для него темой для новаго, еще болѣе пространнаго, письма, «потому что, по его словамъ, онъ увидѣлъ надобность хоть сколько-нибудь укрѣпить мать и сестеръ въ дѣлѣ жизни. «Я никогда не думалъ, до свѣтъ поръ, писалъ онъ, чтобы вы были такъ мало христіанки... вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды—а на практикѣ и на дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, на понятный дворъ»...

XV.

Въ началѣ 1847 года вышла новая книга Н. В. Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», печатаніе которой тянулось довольно долго, вслѣдствіе разныхъ причинъ. М. И. прочла ее прежде, чѣмъ она сдѣлалась достояніемъ публики, и сообщая сыну о вынесенномъ ею впечатлѣніи, выразила надежду, что теперь всё, которое возставало противъ него, «примирятся съ нимъ по прочтеніи его книги. «Н. В. Гоголь поспѣшилъ разубѣдить въ этомъ свою мать и писалъ ей, что «никогда еще не раздавались въ такомъ количествѣ противъ него крики и осужденія, какъ будутъ раздаваться отнынѣ»¹⁾. Слова эти, какъ извѣстно, вполнѣ оправдались, хотя врядъ ли М. И. имѣла понятіе, какъ сильно было негодованіе противъ ея сына не только читающей публики, но и нѣкоторыхъ друзей его, потому что не имѣла возможности слѣдить за литературными отзывами, а тѣ, которые могли сообщить ей о нихъ, вѣроятно молчали, чтобы не доставлять ей лишняго огорченія. Но вскорѣ и она сама увидѣла себя вынужденной написать рѣзкое письмо сыну, по поводу безцеремонныхъ и незаслуженныхъ упрековъ, которые онъ позволилъ себѣ сдѣлать ей и сестрамъ, относительно ихъ хозяйственныхъ распоряженій и расходовъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ послала ему подробный перечень всего, забираемаго ими въ лавкахъ и у разнощиковъ. Н. В. Гоголь былъ видимо смущенъ выговоромъ матери и

¹⁾ Нѣкоторые изъ друзей Н. В. Гоголя весьма ясно и справедливо взглянули на его книгу, какъ на произведеніе его разстроеннаго болѣзнію душевнаго состоянія. Въ этомъ отношеніи особенно интересно письмо Сергія Тим. Аксакова къ П. А. Плетневу, сообщенное на стр. «Русской Старинѣ» (январь 1887 г.) академикомъ Я. К. Гротомъ. Ред.

смирился духомъ, чему вѣроятно не мало способствовали сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ нареканія, вызванныя изданіемъ его «Переписки».

Въ своемъ письмѣ отъ 3 мая н. с. 1847 г. онъ просилъ извиненія у матери и писалъ, что не только она, которой онъ не имѣетъ права дѣлать упрековъ, но отвынѣ ни одна изъ сестеръ не получить отъ него ни за что выговора и что «онъ даже радъ, сложивши съ себя, наконецъ, эту неприятную и не принадлежащую ему обязанность»... Затѣмъ въ томъ-же письмѣ, изъ желанія загладить свою вину, онъ превозноситъ мать и сестеръ и заявляетъ, «что гордится ими», такъ что М. И. на этотъ разъ уже должна была протестовать противъ такихъ неожиданныхъ похвалъ.

Въ началѣ 1848 года Н. В. Гоголь собрался совершить давно задуманную поѣздку въ Іерусалимъ, и передъ этимъ просилъ мать «усиленно» молиться о немъ, а также отправить молебень и не одинъ «во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться». Къ письму была приложена молитва, написанная на особой бумагѣ, которую священникъ, по его просьбѣ, долженъ былъ читать сверхъ обычнаго содержанія молебна. Но и тутъ, несмотря на заявленное имъ намѣреніе сложить съ себя роль наставника, Н. В. Гоголь считаетъ нужнымъ посовѣтовать матери: не радоваться заранѣе его обѣщанію пріѣхать въ Васильевку, чтобы не оскорбить Бога, и, что если Богъ доставитъ имъ удовольствіе прожить вмѣстѣ недѣли двѣ, то нужно только поблагодарить Бога, безмолвно, въ глубинѣ души.

Поѣздка въ Іерусалимъ, какъ извѣстно, не принесла Н. В. Гоголю ожидаемаго успокоенія; онъ вернулся въ Россію еще болѣе разстроенный, и нравственно, и физически. Въ маѣ того-же года онъ прібылъ въ Васильевку и въ письмѣ къ Данилевскому отъ 16-го числа такъ описываетъ впечатлѣніе, полученное имъ при видѣ давно покинутыхъ мѣстъ. «Было нѣсколько грустно, вотъ и все. Подѣхалъ я вечеромъ. Деревья одни разрослись и стали рощей, другія вырубались. Это было въ день монахъ імянинъ 9 мая. Матушка и сестры, вѣроятно, были рады до пес plus ultra моему пріѣзду, но наша братья, холодный мужской полъ, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бываетъ къ намъ ближе, чѣмъ что-либо другое»....

Изъ другихъ писемъ Н. В. Гоголя къ друзьямъ мы узнаемъ, что онъ прожилъ въ Васильевкѣ около мѣсяца, но едва ли доставилъ особенную радость матери своимъ пребываніемъ. На третій или четвертый день по пріѣздѣ онъ заболѣлъ разстройствомъ желудка, такъ что, по его словамъ, отъ него осталась одна тѣнь; сильная слабость мѣшала ему заняться чѣмъ либо. Стоявшіе тогда невыносимые жары

еще болѣе изнуряли его и въ связи съ господствовавшей кругомъ холеры и засухой, этой предвѣстницей будущаго голода, повергли его въ мрачное состояніе духа и заставили воспользоваться первой получкой денегъ, чтобы выѣхать изъ деревни. Но видѣнныя имъ сцены крестьянской нужды не изгладились изъ его памяти; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ послалъ сестрамъ 50 руб., затѣмъ еще 150 р. для раздачи крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ голода и падежа скота. Однако, и въ этомъ случаѣ онъ не обошелся безъ наставленій и писалъ матери, что «нужно много молиться», что люди сами виноваты и по грѣхамъ терпятъ наказанье, своей неразумной и неосмотрительною жизнью навлекаютъ на себя печальныя послѣдствія, ссылаясь на примѣръ библейскаго Іосифа и т. п. Въ томъ-же наставительномъ тонѣ написаны и дальнѣйшія его письма къ матери и въ нихъ также не разъ повторяется прежняя просьба молиться о немъ съ замѣчаніемъ, что «молитвы ему очень нужны, такъ какъ онъ боленъ не только тѣломъ, но и душою», или что «никогда еще не были ему такъ нужны молитвы, какъ въ данное время».

Равнымъ образомъ, какъ и въ прежнихъ письмахъ, Н. В. Гоголь, высказывая тѣ или другія предположенія, постоянно ссылается на волю Божію и какъ бы снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за свои поступки, что должно было казаться исполнѣ естественнымъ его благочестивой матери. Такъ, напр., въ своемъ письмѣ отъ 28 ноября 1849 года онъ сухо отвѣчаетъ на ея просьбу пріѣхать въ Васильевку: что не такъ богатъ, чтобы для одного удовольствія свиданія бросать по 1,000 руб. и не такъ досуженъ, чтобы жертвовать временемъ, что ему такъ нужно много видѣть мѣстъ, еще не виданныхъ, что онъ не знаетъ, успѣетъ ли ихъ осмотрѣть: «Я къ вамъ пріѣду, добавляетъ онъ, можетъ быть, черезъ годъ, а можетъ быть черезъ пятнадцать лѣтъ. Такъ я говорю всѣмъ, зная, что все зависить не отъ моей воли, а отъ устройства обстоятельствъ. А обстоятельства устрояетъ Богъ».....

Тѣмъ не менѣе, лѣтомъ 1850 г., Н. В. Гоголь собрался въ Васильевку и изъ Сорочницъ послалъ записку сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ, тайкомъ отъ матери, которую не хотѣлъ потревожить неожиданнымъ пріѣздомъ. «Пожалуйста, не сказывая матушкѣ, вели заложить коляску, писалъ онъ, завтра-же, т. е. въ субботу пораньше, прежде, чѣмъ станетъ свѣтать, часа въ 3, выѣхать за мной, такъ чтобы часовъ въ 7 она была здѣсь. Матушкѣ можешь сказать на другой день поутру: иначе она не будетъ спать».

Въ этотъ-же пріѣздъ Н. В. Гоголь дѣятельно занялся передѣлкой

новаго дома въ Васильевкѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ окончательно отстроенъ и оказался слишкомъ холоднымъ для зимняго жилья. Онъ сдѣлалъ въ немъ разныя усовершенствованія и собирався, для болѣе теплой, передѣлать въ немъ печи и оштукатурить его внутри особымъ составомъ, рецептъ котораго вывезъ изъ за границы, но не успѣлъ окончить и половины того, что предполагалъ, и поэтому оставилъ матери подробную инструкцію работъ по дому, какія должны были производиться послѣ его отъѣзда. Такія же распоряженія сдѣлалъ онъ относительно разсадки деревьевъ въ саду, чѣмъ онъ всегда занимался съ особенною любовью, также, какъ и его отецъ.

XVI.

Въ половинѣ сентября 1850-го года Н. В. Гоголь отправился изъ Васильевки въ Одессу, гдѣ остался до весны, вслѣдствіе замедленія съ заграничнымъ паспортомъ; но ему не пришлось жалѣть объ этомъ, такъ какъ сравнительно теплая зима и временное улучшеніе здоровья дали ему возможность приняться за работу. Это обстоятельство не замедлило отразиться на его настроеніи духа, какъ видно изъ писемъ его къ друзьямъ и матери, которой онъ писалъ особенно ласковымъ и дружескимъ тономъ, такъ что даже въ наставленіяхъ къ ней не видно обычной рѣзкости и раздражительности. Такъ, напр., онъ отнесся снисходительно къ ея просьбѣ пріѣхать лѣтомъ въ Васильевку и только замѣтилъ, что изъ этого не было бы никакого толку, что «издали какъ-то любитя лучше, а вблизи какъ увидишь то, да другое, то и это не такъ, еще и поссоришься. Вдали же онъ совершенно мирится со всѣми и видитъ, что меньше всѣхъ исполняетъ свой долгъ»...

Но съ наступленіемъ великаго поста тонъ его писемъ становится опять торжественнымъ; онъ внадеетъ въ прежній суровый піэтизмъ, совѣтуетъ матери и сестрамъ бросить всякія наружныя украшенія, какихъ требуютъ люди, и позаботиться объ украшеніи душъ, доказываетъ необходимость вести другую болѣе простую жизнь, какую ведетъ человѣкъ, думающій о Богѣ, такъ какъ смерть подходитъ все ближе и ближе.... На ту же тему возвращается онъ въ письмѣ къ матери отъ 3 апрѣля 1851 года, гдѣ проситъ ее не беспокоиться о томъ, что онъ можетъ въ чемъ либо нуждаться, потому что «старается не заводить у себя ненужныхъ вещей и сколько можно менѣе связ-

ваться какиминибудь узами на землѣ; отъ этого будетъ легче и разлука съ землей».... Затѣмъ подъ вліяніемъ того-же благочестиваго настроенія онъ возмущается отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянскому труду и проситъ мать и сестеръ присутствовать при посѣвѣ и другихъ полевыхъ работахъ. «Бѣдные крестьяне, писалъ онъ, въ потѣ лица работаютъ на насъ, а мы, ѣдя ихъ хлѣбъ, не хотимъ даже взглянуть на труды рукъ ихъ. Это безбожно. Оттого и наказываетъ насъ Богъ, насылая на насъ голодъ, невзгоды и всякія болѣзни, лишая насъ даже и скудныхъ доходовъ».

Въ началѣ мая 1851 года, слѣдовательно черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма, Н. В. Гоголь посѣтилъ мимоходомъ Васильевку, съ намѣреніемъ опять пріѣхать къ матери въ самомъ непродолжительномъ времени. Но ему, какъ извѣстно, не суждено было выполнить этого намѣренія: безденежье и необходимость заняться самому изданіемъ своихъ сочиненій заставили его цѣлое лѣто прожить въ Москвѣ, что въ связи съ усиленной работой окончательно разстроило его, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Такимъ образомъ, несмотря на свое желаніе, онъ не могъ пріѣхать на свадьбу сестры Елизаветы Васильевны, которая совершилась безъ него ¹⁾, и когда, наконецъ, собрался въ Крымъ, въ началѣ октября, то и тутъ надежда завернуть по дорогѣ въ Васильевку для свиданія съ матерью обманула его. Еще не доѣхавъ до Калуги, онъ почувствовалъ себя такъ дурно, что долженъ былъ вернуться въ Москву. Съ этихъ поръ здоровье его становилось все хуже и все рѣже возвращались свѣтлые промежутки, когда онъ въ состояніи былъ приняться за перо. Въ немногихъ короткихъ письмахъ къ матери за это время, напечатанныхъ въ изданіи П. А. Кулиша ²⁾ слышится какъ бы все тотъ же душевный вопль; въ каждомъ изъ этихъ писемъ повторяется все та же просьба: чтобы мать усиленно молилась за него, что только ея молитвы могутъ возстановить его....

Но уже ничто не могло спасти его. 21-го февраля 1852 года не стало Н. В. Гоголя; его мать не тотчасъ узнала о своемъ несчастьи, какъ видно изъ ея письма къ А. А. Трощинскому отъ 29-го марта... «Горе меня снѣдаетъ, хотя я и стараюсь не показывать его передъ

¹⁾ Елизавета Васильевна недолго пережила брата; ея дѣти воспитывались у своей тетки, Анны Васильевны Гоголь, которая до сихъ поръ живетъ въ Полтавѣ въ собственномъ домѣ.

²⁾ „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, т. V и VI, изд. П. А. Кулиша, Спб., 1857 г. Н. В.

дѣтьми моими, которыя и такъ неутѣшны... Получа это роковое извѣстіе, прїѣхавши въ Полтаву, я не спала, не ѣла и не плакала нѣсколько дней, да и теперь не могу плакать или, лучше сказать, душевно плачу, безъ слезъ, но остаюсь жить. Боже мой! чего не можетъ человѣкъ перенести!.. 10 мѣсяцевъ, какъ я его не вижу, и второй мѣсяць, какъ его нѣтъ на землѣ. Иногда мнѣ покажется, что онъ за границей или гдѣ нибудь въ отлучкѣ, и когда вспомню, что его нѣтъ, то точно какъ варомъ обдасть меня; или когда благодѣтельный сонъ иногда посѣтитъ меня, то какое ужасное пробужденіе! Я не роптала на Бога, узнавъ объ ударѣ, меня поразившемъ, а только умоляю его не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его Своими ангелами и дать ему радости неизглаголанья»¹⁾...

М. И. скончалась, 76 лѣтъ, въ 1868 году, въ деревнѣ Васильевкѣ, въ первый день Свѣтлаго праздника²⁾.

Здѣсь кончаются письменныя и печатныя свѣдѣнія, какими я могла пользоваться при составленіи вышеприведеннаго очерка, что вполне объяснимо, такъ какъ М. И. Гоголь имѣла, главнымъ образомъ, значеніе для русской публики, какъ мать нашего знаменитаго писателя, и съ его смертью долженъ былъ неизбѣжно охладѣть интересъ къ ней. Тѣмъ не менѣе желаніе узнать еще нѣкоторыя подробности о ней и объ ея дальнѣйшей жизни заставило меня обратиться къ лицу, близко знавшему ее, а именно, къ извѣстному біографу ея сына и издателю его сочиненій, Пантелеймону Александровичу Кулишу, съ просьбой сообщить мнѣ то, что ему извѣстно о матери Н. В. Гоголя.

Привожу изъ его писемъ, отъ 12-го мая и 7-го октября 1886 г., полученныхъ мною въ отвѣтъ на сдѣланные вопросы, все то, что прямо или косвенно касается М. И. Гоголь, хотя въ первомъ же письмѣ П. А. Кулишъ считаетъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что «его воспоминанія о ней ограничиваются почти одною сферою чувства».

«Сообшу вамъ прежде всего, пишетъ онъ, характеристическій случай. Незадолго до моего знакомства съ Марьей Ивановной Гоголь, украинскій поэтъ Викторъ Забѣла, тогдашній содержатель почтовой

¹⁾ См. „Русск. Стар. 1882 г., июнь, стр. 680.

²⁾ О дальнѣйшей судьбѣ остальныхъ членовъ семьи Н. В. Гоголя и Васильевки см. статью Г. П. Данилевскаго: „Знакомство съ Гоголемъ“, въ „Истор. Вѣст.“ 1886 г., декабрь, стр. 499—503. Н. В.

станціи въ Боранѣ и соученикъ Гоголя, по Нѣжинской гимназій высшихъ наукъ, былъ обрадованъ появленіемъ на сценѣ его жизни матери и одной изъ сестеръ славнаго своего сверстника, но, не будучи знакомъ съ ними лично, принялъ дочь за мать, а мать за дочь.

«Моложавость матери Гоголя поражала меня не разъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда религіозное, человѣческое или материнское чувство заставляло ея сердце биться сильнѣе. Черты ея лица были неуловимы для живописи. Всѣ портреты Марьи Ивановны не похожи на нее. Въ моихъ воспоминаніяхъ живетъ она такою, какою видѣлъ я ее въ одно изъ моихъ весеннихъ посѣщеній.

«Подѣхавъ рано утромъ къ Васильевской усадьбѣ Гоголей, отправилъ я лошадей къ дому, а самъ прошелъ знакомой калиткой въ садъ. Передо мною открылась аллея роскошно цвѣтущихъ вишенъ и по ней шла на встрѣчу мнѣ легкою поступью дама въ бѣломъ крапчатомъ платьѣ. Это была Марья Ивановна, помолодѣвшая до неузнаваемости. Слѣды бывшей красоты проступили на ея лицѣ и въ сіяющихъ глазахъ, гармонируя съ цвѣтущими кругомъ вишнями, блестящими въ крупныхъ капляхъ росы солнцемъ и соловьиною пѣснью, вѣчно говорящей намъ о молодости съ ея незамѣнимою ничѣмъ поэзій...

«Изображая свою незабвенную Пульхерію Ивановну, Гоголь маскировалъ дорогую личность матери и въ свои вѣчно живыя краски подмѣшалъ трогательнаго комизма. Сквозь милыя черты его «Бавкиды» проглядываетъ плѣнительный образъ великой въ своей неизвѣстности женщины, первой и послѣдней любви, первой и, можетъ быть, единственной вдохновительницы поэта.

«Пульхерія Ивановна (говорить онъ) была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась (такую зналъ я и Марью Ивановну), но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ чуръ приторною для ея добраго лица».

«Готовность Марьи Ивановны позаботиться о томъ, чтобы ея гость позабылъ на время свои житейскія печали, была такъ велика, что пишущій эти строки (помнится, въ 1861 году) выпросилъ у нея позволеніе построить собственный домикъ въ концѣ ея сада, надъ прудомъ, у мельничной плотины, съ вербами, шумящими (какъ поется въ пѣснѣ) подъ шумъ воды. Просьба моя была принята ею и ея сожительницей, сестрой поэта, Анной Васильевной, съ предупредительностью Гоголевыхъ «старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Добрѣйшая Анна Васильевна тотчасъ же предложила мнѣ ѣхать къ близкому

сосѣду, у котораго продавался домикъ на сносъ. Мы купили его въ тотъ же день и всѣ трое занялись постройкою моего эрмитажа. Въ этомъ домикѣ жилось мнѣ, по народной поговоркѣ, какъ у Христа за пазушкой, и мои слова, обращенныя къ матери Гоголя въ посвященіи украинской поэмы «Великіе Проводы», написаны искренно.

«Когда впоследствии столица снова привлекла меня къ себѣ, Марья Ивановна, видя, что домикъ стоитъ пустымъ уже второй годъ, сама предложила мнѣ продать его, на что я согласился, не имѣя возможности продолжать жизнь отшельника. Тогда она заплатила мнѣ издержанныя на постройку дома деньги и подарила его бывшимъ своимъ крестьянамъ на сельскую школу. Но дружба наша, (если смѣю такъ выразиться), продолжалась по прежнему, и, спустя много лѣтъ, восхищенный пріютностью Парижа, я звалъ туда Марью Ивановну. Она отвѣчала мнѣ съ серьезностью Пульхеріи Ивановны, что готовится къ иному путешествію.

«Впоследствии, когда я жилъ въ Варшавѣ, она еще писала ко мнѣ, но потомъ мы не видались ¹⁾).

«Какъ черты лица ея были неуловимы для живописи, такъ и ея жизнь не поддавалась литературному изображенію. Подъ вліяніемъ этого сознанія, склонилъ я Марью Ивановну написать собственно для меня свою автобіографію. Почти всѣ данныя этой рукописи болѣе или менѣе извѣстны изъ моихъ «Записокъ о жизни Гоголя», и изъ другихъ біографическихъ воспоминаній. Но нигдѣ не найти намъ того, что читается въ драгоценной автобіографіи поэтессы, о которой можно сказать съ Пушкинымъ:

Блаженъ, кто молча былъ поэтомъ,
И терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернью забытый,
Безъ имени оставилъ свѣтъ!

¹⁾ Съ сестрой Н. В. Гоголя, Анной Васильевной, П. А. Кулишъ продолжалъ переписку до послѣдняго времени. Привожу посланную мнѣ имъ выписку изъ письма Анны Васильевны къ нему отъ апрѣля 1885 года, такъ какъ она имѣетъ общественное значеніе и заключаетъ извѣстіе о таинственной продажѣ его посмертныхъ бумагъ...

„Рукописи брата, пишетъ Анна Васильевна П. А. Кулишу, были хранены въ чемоданѣ покойной матери. За годъ до своей смерти, она мнѣ привезла въ Полтаву и отдала на храненіе. Зналъ его содержаніе, я не раскрывала. И вотъ недавно хотѣла показать старшему племяннику Быкову. Въ чемоданѣ не оказалось ничего изъ сочиненій брата, ни записныхъ книжекъ, которыхъ было нѣсколько. — Ключъ былъ у меня, который только знала моя горничная, которая не могла имъ воспользоваться. Это меня ужасно огорчило. Чемодана я не отыскала, считая себя не въ правѣ распорядиться общимъ. Вотъ какая неприятность!“ и проч. Н. В.

«Къ моему крайнему сожалѣнію, теперь я лишень возможности подѣлиться съ вами идиллической исповѣдью лучшей изъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ. Но я писалъ въ Москву и просилъ списать, если можно, мою рукопись автобіографіи матери Гоголя и прислать вамъ
«Вотъ все, что я могъ написать вамъ въ помощь вашему сочувственному для меня предпріятію...»

Н. А. Вѣлосерская.

Замѣтка.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ 1887-го года (стр. 202) г. Петръ Устимовичъ упрекаетъ меня въ томъ, что въ числѣ эпиграфій на смерть поэта Дм. В. Веневитинова, о которыхъ я упоминаю въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 г. (августъ, стр. 469—470), я пропустилъ указаніе на стихотвореніе барона А. А. Дельвига. Я съ охотою принялъ бы эту поправку о фактѣ, впрочемъ, въ свѣдѣнію, если бы г. Устимовичъ не лишалъ своей замѣтки цѣны вслѣдствіе приводимыхъ имъ неточныхъ указаній. Въ моемъ письмѣ къ А. С. Суворину, напечатанномъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, я говорю слѣдующее: „Кромѣ стиховъ И. И. Дмитріева на смерть Дм. В., мнѣ извѣстно еще стихотвореніе декабриста князя А. И. Одоевскаго. Не помню, вошло ли оно въ изданіе барона Розена“. Я писалъ это письмо изъ деревни, не имѣя подъ руками необходимыхъ книгъ; но, вернувшись затѣмъ въ Москву, я поспѣшилъ тогда же составить болѣе подробную біографическую замѣтку о моемъ дядѣ, которая была помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г. (кн. I, стр. 113—131). Если г. Петру Устимовичу извѣстна эта послѣдняя статья, чего, впрочемъ, изъ его замѣтки не видно, и если онъ имѣлъ подъ руками какую нибудь изъ біографій Дм. В. Веневитинова, то онъ во 1-хъ, не считая бы возможнымъ въ числѣ приводимыхъ мною рукописныхъ эпиграфій (кн. Одоевскаго и княгини Волконской) указывать мнѣ на стихотвореніе бар. Дельвига, уже давно извѣстное въ печати, и во 2-хъ, не приписалъ бы И. И. Дмитріева стиха

„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!“

вырѣзаннаго на могильномъ камнѣ Дм. В. Веневитинова и заимствованнаго изъ его же стихотворенія „Поэтъ и другъ“, что указано даже въ краткой біографической замѣткѣ, приложенной къ изданнымъ въ 1884 г. стихотвореніямъ Дм. В. Веневитинова.

М. А. Веневитиновъ.

Москва.
22 января 1887.

ТАРАСЪ БУЛЬБА Н. В. ГОГОЛЯ.

главы неизданной редакціи.

Слишкомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ журналѣ «Время» (1861 г., апрѣль, стр. 606—614) Гербель напечаталъ статью «О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ лицу князя Безбородко». «Послѣ смерти Н. Я. Прокоповича (рассказываетъ Гербель) остались нѣкоторые рукописи Гоголя, подаренныя ему самимъ авторомъ. Прокоповичъ, какъ извѣстно, былъ школьнымъ товарищемъ и лучшимъ другомъ Гоголя, а также издателемъ перваго собранія его сочиненій (въ 4-хъ томахъ). Въ 1858 году эти рукописи были приобретены у семейства покойнаго Прокоповича графомъ Г. А. Куселевымъ-Безбородко за 1,200 руб. сереб., и принесены имъ въ даръ лицу князя Безбородко, какъ заведенію, воспитавшему знаменитаго автора „Мертвыхъ Душъ“. Затѣмъ Гербель переходитъ къ описанію и оцѣнкѣ историко-литературнаго значенія рукописей Гоголя, пожертвованныхъ графомъ Куселевымъ-Безбородко бывшему Нѣжинскому лицу и нынѣ принадлежащихъ Историко-филологическому институту въ Нѣжинѣ. Вотъ это описаніе: „Всѣхъ рукописей семь, именно: 1) перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, 2) „Тараса Бульбы“, 3) „Портрета“, 4) „Игроковъ“, 5) „Тяжбы“, 6) „Лакейской“ и 7) „Театральнаго разъѣзда“. Къ нимъ же можно причислить и письма Гоголя къ Прокоповичу, приобретенныя вмѣстѣ съ рукописями и также хранящіяся въ лицейской библіотекѣ. Всѣ эти рукописи, одинаково дорогія, какъ автографы великаго писателя, далеко не одинаково интересны въ библиографическомъ (?) отношеніи. По внимательномъ сличеніи рукописей съ печатнымъ оказалось, что рукописи „Тараса Бульбы“, „Портрета“, (обѣ второй редакціи), „Игроковъ“, „Тяжбы“ и „Театральнаго разъѣзда“—суть оригиналы піесъ того же имени, напечатанныхъ въ первый разъ въ 1842 году, въ „Сочиненіяхъ Гоголя“, безъ малѣйшаго измѣненія ¹⁾, тогда какъ рукописи „Мертвыхъ Душъ“ и „Лакейской“ представляютъ много такого, чего нѣтъ въ печатномъ. Слѣдовательно (заключаетъ Гербель), всѣ первыя пять рукописей не представляютъ ничего новаго и интереснаго и распространяться о нихъ нечего. Скажу только, что всѣ онѣ переписаны набѣло рукою самого Гоголя въ теченіи 1842 года, частью въ Москвѣ, частью за границей (первыя двѣ на обыкновенной бумагѣ, сложенной

¹⁾ Курскъ у Гербеля.

въ четвертку, довольно разгонистымъ почеркомъ, а остальные три на почтовой бумагѣ въ осьмушку, и почеркомъ болѣе убористымъ) и доставлены авторомъ Прокоповичу въ томъ-же году для напечатанія въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя“ (стр. 606—607).

Къ такимъ выводамъ о дѣяности нѣжинскихъ рукописей сочиненій Гоголя пришелъ писатель, бывшій „посредникомъ въ дѣлѣ приобрѣтенія отъ семейства Прокоповича этихъ рукописей графомъ Кушелевымъ-Безбородко ¹⁾“. Правда, Н. Н. Прокоповичъ, одинъ изъ наследниковъ Н. Я. Прокоповича, прочитавши вышеозначенную статью Гербеля, долженъ былъ „объявить ему и всѣмъ интересующимся автографами Гоголя, что рукопись „Мертвыя Души“ писана не самимъ Гоголемъ, какъ говорилъ Гербель, а Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ ²⁾; но отъзывъ Гербеля объ остальныхъ нѣжинскихъ рукописяхъ не вызвалъ опроверженій со стороны того же Н. Н. Прокоповича, хотя послѣдній и не воздержался отъ замечаній: «Немного нужно вниманія, чтобы увидѣть разительную разницу въ этихъ двухъ почеркахъ (т. е. въ почеркахъ текста „Мертвыхъ Душъ“, писаннаго П. В. Анненковымъ, и собственноручныхъ поправокъ Гоголя) и мы надѣялись, что г. Гербель, имѣя въ своихъ рукахъ всю переписку Гоголя съ Н. Я. Прокоповичемъ и рукописи, самъ обратилъ вниманіе на различіе почерковъ“.

Непосредственное знакомство съ нѣжинскою рукописью „Тараса Бульбы“ убѣдило насъ, что всѣ вышеприведенныя замѣчанія и заключенія о ней Гербеля—не вѣрны. «По внимательномъ сличеніи рукописей съ печатными (заявляетъ Гербель) оказалось, что рукописи „Тараса Бульбы“ и др.—суть оригиналы писъ того же имени, напечатанныхъ въ первый разъ въ 1842 году въ сочиненіяхъ Гоголя „безъ малѣйшаго измѣненія“. Достаточно перелистовать рукопись, о которой идетъ рѣчь, чтобы замѣтить, что она заключаетъ въ себѣ лишь немногія главы «Тараса Бульбы» и слѣд. не могла служить оригиналомъ для изданія «Сочиненій Гоголя» 1842 года. Текстъ „Тараса Бульбы“ въ этомъ изданіи, несомнѣнно, набрался не съ автографа Гоголя, а съ рукописи, сдѣланной писцомъ и притомъ не всегда передававшимъ вѣрно оригиналъ. Такъ въ нѣжинской рукописи первой главы «Тараса Бульбы»,—рукописи, написанной собственною рукою Гоголя,—читаемъ: „А признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжымъ вишнякомъ по синиѣ и по всему, что ни есть у козака“. Въ изданіи „Сочиненій Гоголя“ 1842 г. (и, потомъ, во всѣхъ послѣдующихъ) то-же мѣсто читается такъ: „А признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжымъ вѣшникомъ“ и т. д. Это же самое ошибочное чтеніе предлагаетъ и списокъ „Тараса Бульбы“, сдѣланный писцомъ и поступившій вмѣстѣ съ бумагами извѣстнаго художника А. А. Иванова въ Московскій Публичный Музей (картонъ № 2,208). Въ пятой главѣ нѣжинскаго автографа читаемъ: „Облаженный городъ, казалось, уснуть“; въ изданіи „Сочиненій Гоголя“ 1842 г. (томъ II, стр. 146): „Облаженный городъ, казалось, уснуть“. Въ письмѣ къ Н. Я. Прокоповичу отъ ^{14/11} июля 1842 г. Гоголь, говоря объ изданіи своихъ сочиненій, обращается къ нему съ такими

¹⁾ Замѣтка по поводу статьи «О рукописяхъ Гоголя». Время 1861 г., № 11, смѣсь, стр. 30.

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

словами: „При корректурѣ втораго тома, прошу тебя дѣйствовать, какъ можно самоуправи́тъ и полномо́сти́тъ: въ „Тарасѣ Вульбѣ“ много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву и: гдѣ она не у мѣста, тамъ ее выбрось“¹⁾. Гоголь, получивши первое изданіе своихъ „Сочиненій“ (1842 г.) отъ Н. Я. Прокоповича, въ письмѣ къ нему изъ Дюссельдорфа отъ 24 сентября 1843 года, такъ отзывается объ этомъ изданіи: „Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, онѣ произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежать писцу и даже мнѣ“²⁾. Приведенныя выдержки изъ писемъ Гоголя Н. Я. Прокоповичу, два раза изданныхъ самимъ же Гербелемъ, убѣждаютъ даже и тѣхъ, которые не видали нѣжинскихъ рукописей, что при напечатаніи „Тараса Вульбы“ въ „Сочиненіяхъ Гоголя“ Прокоповичу служила „оригиналомъ“ не собственноручная рукопись этой повѣсти, подаренная графомъ Кухелевымъ-Безбородко Нѣжинскому лицу (какъ утверждаетъ Гербель), а несправная копія, сдѣланная писцомъ. Напротивъ, нѣжинскій автографъ нѣкоторыхъ главъ „Тараса Вульбы“ даетъ въ настоящее время возможность исправить тѣ ошибки, происшедшія отъ неправильнаго оригинала и принадлежащаго писцу, на которыя сѣтовалъ Гоголь въ письмѣ къ Прокоповичу и которыя изъ перваго изданія сочиненій поэта перешли во всѣ послѣдующія. Порча текста сочиненій Гоголя началась съ изданія 1842 года и съ тѣхъ поръ продолжала постепенно развиваться, такъ что послѣднее изданіе произведеній великаго писателя (Москва, 1884 г.) уже переполнено самыми грубыми ошибками. Для восстановленія подлиннаго текста сочиненій Гоголя, нѣрѣдко подвергавшагося до сихъ поръ произвольнымъ искаженіямъ издателей, автографы поэта, пожертвованные графомъ Кухелевымъ-Безбородко Нѣжинскому лицу, послужатъ однимъ изъ главныхъ и необходимыхъ пособій наравнѣ съ рукописями Гоголя, сохранившимися у А. А. Иванова и поступившими послѣ его смерти частію въ Императорскую публичную бібліотеку, частію въ Московскій Публичный музей. Даже теперь, не смотря на всѣ наши старанія, намъ не удалось узнать, гдѣ находится та собственноручная рукопись втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, снимокъ съ которой приложенъ былъ къ первому и второму изданію этого произведенія (1855 и 1856). Неужели она останется недоступною для изучающихъ творенія Гоголя? Между тѣмъ изъ этой драгоценной рукописи Трушковскій съ Шевыревымъ извлекли одинъ текстъ «Мертвыхъ душъ», Кулишъ—другой... Желательно, чтобы принадлежащія частнымъ лицамъ рукописи Гоголя сосредоточивались въ казенныхъ бібліотекахъ и музеяхъ, открытыхъ для общаго пользованія. Лишь въ такомъ случаѣ станетъ возможнымъ основательное историческое изученіе литературной дѣятельности Гоголя во всей полнотѣ и положенъ будетъ предѣлъ какъ невѣжественнымъ искаженіямъ текста его сочиненій, такъ и легкомысленнымъ толкованіямъ отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи его жизни и поэтическаго творчества... Но возвратимся къ предмету нашей замітки.

Нѣжинская рукопись „Тараса Вульбы“ не только исправляетъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, текстъ этого произведенія, искаженный „писцомъ“ и въ печати; но представляетъ и другой, болѣе высокой, интересъ: она сохранила

¹⁾ См. изданія Гербелемъ „Письма Гоголя къ Прокоповичу“ въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г. январь, стр. 119.

²⁾ Тамъ же, стр. 132.

нѣсколько главъ особенной редакціи „Тараса Бульбы“, о которой не было извѣстно въ печати. Напечатавши въ первой части „Миргорода“ ¹⁾ въ первый разъ повѣсть „Тарасъ Бульба“, Гоголь за границей приступилъ къ полной ея переработкѣ отчасти на основаніи матеріаловъ, вышедшихъ въ свѣтъ по отпечатаніи „Миргорода“. Въ трехъ переработкахъ извѣстна эта новая редакція „Тараса Бульбы“, появившаяся въ первый разъ въ изданіи „сочиненій Гоголя“ 1842 года. Главы первой переработки этой повѣсти сохранились въ бумагахъ А. А. Иванова, поступившихъ въ Московскій публичный музей (картонъ № 2205); главы второй переработки въ нѣжинской рукописи; главы третьей и послѣдней переработки—находятся частью въ той же нѣжинской рукописи и вполне въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя“. Медленно, въ нѣсколько приемовъ, съ энергіей и настойчивостью перерабатывалась эта повѣсть въ тотъ знаменательный періодъ (1836—1842), когда подвергались столь же полной переработкѣ „Портреты“, „Раззоръ“, когда получили окончательную обработку первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. Нѣжинская рукопись сохранила яркіе слѣды этого любопытнаго періода въ жизни великаго писателя,—періода, который обрисованъ такими тонкими, правдивыми чертами въ мастерской характеристикѣ П. В. Анненкова „Николай Васильевичъ Гоголь въ Римѣ, томовъ 1841 года“ ²⁾. Намъ совершенно непонятно, какъ могъ Гербель сказать, что эта рукопись „не представляетъ ничего новаго и интереснаго“, да еще прибавить, что въ такому заключенію онъ пришелъ „по внимательномъ сличеніи рукописей съ печатнымъ“. Достаточно ознакомиться съ составомъ этого манускрипта, чтобы убѣдиться въ полной несостоятельности смѣлой оцѣнки онаго Гербелемъ.

Нѣжинская рукопись „Тараса Бульбы“, писанная отъ начала до конца собственною рукою Гоголя, представляетъ сборникъ, соединившій въ одну переплетъ нѣсколько тетрадей и отдѣльныхъ листковъ. Судя по бумагѣ и черниламъ, отдѣльные листки и тетради писаны въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ. Бумага въ сборникѣ трехъ сортовъ: 1) желтоватая съ клеймомъ „знаменск. фабр.“; 2) голубоватая, меньшаго сравнительно съ предыдущей формата, и 3) бѣлая съ легкимъ голубоватымъ оттѣнкомъ такого-же формата, какъ и бумага знаменской фабрики. Послѣдніе два сорта бумаги Гоголь употреблялъ, когда жилъ за границей. На бумагѣ знаменской фабрики написаны Гоголемъ: 1) начало первой главы „Тараса Бульбы“ (до словъ: „и пришелъ усталый отъ своихъ заботъ“ включительно), согласное въ общемъ съ печатнымъ текстомъ повѣсти въ „Сочиненіяхъ“ по изд. 1842 г. (II, 57—71); 2) отрывокъ изъ третьей главы, начинающійся словами: „Сѣчь состола изъ шестидесяти слишкомъ куреней“ и продолжающійся до конца главы (II, 105—116); 3) начало четвертой главы до словъ: „Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать?—Держи“ (II, 117—118); 4) конецъ той-же главы, начиная съ фразы: „всѣ съ совѣта всѣхъ старшинъ, куренныхъ, кошевого и съ воли всего запорожскаго войска положили итти прямо на Польшу“ (II, 130—134); 4) начало десятой главы включительно до словъ: „Если-бы десять лѣтъ еще

¹⁾ На этой первой части «Миргорода» цензурное разрѣшеніе помѣчено: «29 декабря 1834 года»; книга вышла въ 1835 г.

²⁾ Ср. Воспоминанія и критическіе очерки П. В. Анненкова, I, 161—240.

пожилъ тамъ Янелъ, то онъ, вѣроятно, вывѣтрилъ-бы и все возводство, — Тарасъ вошелъ въ свѣтлицу. Жидъ...“ (II, 253—260). Все эти отрывки представляютъ окончательную редакцію соответствующихъ мѣстъ „Тараса Бульбы“, т. е. ту, которая напечатана въ „Сочиненіяхъ“, и, наконецъ, б) на внутреннихъ сторонахъ перегнутого пополамъ полулиста, подклееннаго въ самомъ концѣ сборника, Гоголемъ сдѣланы два черновые наброска. Первый относится къ повѣсти „Тарасъ Бульба“, второй — къ первому тому „Мертвыхъ душъ“. Представляемъ первый набросокъ ¹⁾ въ той неоконченной формѣ, въ какой сохранила его рукопись: „Все пришли въ ярость козаки. „Отыщайте за товарищей, братцы“, кричалъ Тарасъ ²⁾; вбивайтесь въ ряды, и отымайте, и не давайте“. Но больше всехъ закипѣлъ гнѣвомъ куренный атаманъ Кукубенко. Еще молый ³⁾ былъ онъ, но многихъ, многихъ рыцарскихъ ⁴⁾ былъ полонъ козака. Въ любви и почетѣ былъ отъ всехъ казаковъ и ⁵⁾ бы никогда Незамайковецъ. Вбился онъ (съ) ⁶⁾ своими остальными въ самую середину и въ гнѣвъ перваго попавшагого изсѣкъ въ капусту вмѣстѣ съ конемъ, досталъ и того и другаго, протискался къ пушкѣ и отбивалъ уже. А уже тамъ, видить, хлопочетъ уманскій курецъ, и ужъ Степанъ Гуска отбивалъ главную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ козаковъ и поворотилъ съ своими гуци (sic!) ⁷⁾. Тамъ, гдѣ прошли козаки, такъ тамъ и улица; гдѣ поворотились, такъ ужъ тамъ и переулокъ ⁸⁾. А у воевъ у самыхъ Вовтузенъ, и съ переди Черевичевъ. А тамъ далеко, подальше, у самыхъ дальнихъ воевъ Дюгтяренко, куренный атаманъ. Четверыхъ отбилъ и поднялъ на коньѣ двухъ шляхтичей. Да недолго (?) и уже сдѣлился одинъ на одинъ съ уверт... увертливаго и крѣпкаго... Изъ знатнаго былъ рода и кругомъ былъ увѣшенъ дорогою зброю и пятьдесятъ однихъ слугъ было съ нимъ. Нагнулъ онъ Дегтяренко. „Нѣтъ изъ собакъ козаковъ ни одного, кто-бы бы посмѣлъ противустать мнѣ“, кричалъ и притиснулъ крѣпко. „А вотъ есть-же!“, сказалъ и выступилъ впередъ Мосій Шило. Сильный былъ онъ козака. Уже не разъ атаманствовалъ онъ на морѣ и много натерпѣлся всякихъ. Схватили ихъ турки у самаго Трапеземента (sic!) и забрали всехъ (плѣнниками) ⁹⁾ невольниками на корабль.

„Тамъ есть-же такіе, которые бьютъ васъ, собакъ!“ сказалъ онъ, кинувшись и ужъ то-то рублились они! И нащечники, и зеркала нагнулись у обоихъ отъ ударовъ. Уже вражій ляхъ разрубилъ на немъ желѣзную рубаху и вбилъ ему суровые... въ самое: зачервонила козацкая рубаха. Но не поглядѣлъ

¹⁾ Въ передѣланномъ видѣ онъ читается въ первомъ изданіи сочиненій «Гоголя» (1842 г.), томъ II, стр. 235 и слѣд.

²⁾ Сверху второй фразы приписано: «А ну, братцы товарищи», закричалъ. .

³⁾ Написано слово неразборчиво и невѣрно (молодой?).

⁴⁾ Затѣмъ какое-то слово пропущено.

⁵⁾ Неразобрано слово.

⁶⁾ Это слово пропущено.

⁷⁾ Въ печатномъ текстѣ: «и поворотилъ съ своими въ другую непріятельскую гуцу».

⁸⁾ Сверху строки приписано: «Какъ снопы (по)валялись на обѣ». Фраза осталась недописанною и замѣнена помѣщенною на полѣ: «Тамъ ужъ и видно, какъ рѣдѣетъ куча и валятъ (sic!) снопами ляхи!»

⁹⁾ Въ скобки () заключено зачеркнутое въ рукописи.

на то (козакъ) Шило. А замчнулся всей жилосьною рукою [тажека была коренастая рука] и оглушилъ его незнапно по головѣ. Разлетѣлась жѣдная шапка, зашатался и гранулся ляхъ. А Шило тутъ-же оглушеннаго принялся рубить и хрестить. Ей, козакъ! обратись назадъ, не добивай врага... Не оборотился козакъ, а тѣмъ часомъ одинъ изъ услугъ (sic) убитаго хватилъ его длиннымъ ножомъ въ шею: повернулся козакъ, и ужъ досталось-бы смѣльчаку; но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Шило и почувялъ, что смертная была та рана. Упалъ онъ и закрылъ рукою рану, чтобы оборотиться въ своимъ: „Прощайте, панъ братья товарищи! Пусть на вѣки вѣкомъ будетъ слава православной русской землѣ и на (страхъ проклятымъ врагамъ) пагубу всѣмъ христовымъ врагамъ. И зажмурилъ ослабшіе глаза и (умеръ козакъ) поникъ головою“.

Набросокъ на второй страницѣ того-же полулиста для перваго тома „Мертвыхъ душъ“: „Я слышу, что кто-то подѣхалъ“, говорила хозяйка. — „Я нарочно“, говорила В.

„Ну какъ-же я рада“... .Окончанія не было договорено. Она (схвативъ) усадила пріятную даму тотъ-же часъ на диванъ въ самый уголъ и заткнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ рыцарь такимъ образомъ, какъ вышивается онъ на канвѣ: носъ лѣстинцей, а губы четвероугольникомъ.

Пріятная дама, поблагодаривъ за доброту, уже было открыла ротъ съ тѣмъ, чтобы (разсказать) скорѣй начать новость, съ которою она пріѣхала, какъ вдругъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ издала восклицаніе, которое вдругъ дало другое направленіе разговору (и онъ нѣкоторое время).

„Но мнѣ кажется... это пестро“.

„Ахъ, нѣтъ! (Ахъ, нѣтъ!) Совсѣмъ не пестро! Ни чуть не пестро!“

„Нѣтъ, право, какъ вы ни говорите“.

„Глазки и лапки, глазки и лапки... потомъ голобой (sic!) фонъ, черезъ полосочка,—право пестро“.

„Не думаю я и не могу сказать, чтобы это могло быть“.

Кромѣ того четвертка желтоватой бумаги вклеена въ средину пятой главы: на этой четверткѣ вписано дополненіе, сдѣланное при послѣдней обработкѣ „Тараса Бульбы“. Дополненіе начинается фразою: „А между тѣмъ подоспѣлъ Тарасовъ полкъ, приведенный Товлачемъ“; оканчивается словами: „и глядѣлъ невольню на всю бывшую предъ нимъ картину“.

Самая значительная часть рукописи писана на бумагѣ втораго и третьаго сорта, не имѣющей фабричныхъ клеймъ. Первая тетрадь состоитъ изъ трехъ листовъ или двѣнадцати четвертокъ; она вся исписана, кромѣ послѣдней страници. Тетрадь заключаетъ въ себѣ четвертую главу „Тараса Бульбы“ по тексту незаданной редакціи или натую, въ печатной. Но этотъ текстъ, при послѣдней обработкѣ, зачеркнуть и сверху зачеркнутыхъ строкъ и на поляхъ написанъ потомъ текстъ новой, послѣдней редакціи, которая и напечатана была въ первый разъ въ „Сочиненіяхъ Гоголя“ (1842 г.)¹⁾. Вторая тетрадь состояла прежде изъ десяти четвертокъ, или изъ двухъ съ половиною листовъ; но до переплета одна четвертка была вырѣзана; отъ нея

¹⁾ Самая цифра IV, поставленная надъ этою главою, зачеркнута и замѣнена V.

осталась вдоль корня узкая полоска, на которой уцѣлѣли остатки перерѣзанныхъ словъ. Вырѣзанная четвертка уцѣлѣла въ бумагахъ А. А. Иванова, хранящихся въ Московскомъ публичномъ музеѣ (картонъ № 2,205) вмѣстѣ съ набросками начальной обработки „Тараса Бульбы“. Въ этомъ обстоятельстве можно видѣть новое доказательство того, что вторая обработка повѣсти занимала Гоголя во время пребыванія за границею. Можно предполагать, что на голубоватой бумагѣ онъ писалъ въ Римѣ. Четвертка, вырѣзанная изъ описываемой тетради нѣжинской рукописи и уцѣлѣвшая въ бумагахъ А. А. Иванова, будучи приложена къ обрѣзку въ корнѣ этой тетради, совершенно подошла къ нему; уцѣлѣвшіе на обрѣзкѣ нѣжинской рукописи слоги и буквы совершенно слились съ начальными буквами четвертки и составили полныя слова. Четвертка представляетъ слѣдующій текстъ извѣстнаго мѣста шестой главы: „Скажи-же мнѣ одно слово“, сказалъ Андрій и взялъ ея за атласную руку. Сверкающій огонь пробѣжалъ по его жиламъ отъ сего прикосновенія и жалъ онъ руку, лежавшую ¹⁾ неподвижно въ его рукѣ.

Но она молчала, не снимала платка съ лица своего и оставалась безъ признака всякаго движенія.

„Отъ чего-же ты такъ печальна, скажи мнѣ. Отъ чего-же ты такъ печальна?“

Она отнесла прочь руку съ платкомъ, взглянула на него открытыми большими глазами своими. Слезъ уже не было въ нихъ, какою-то рѣшимостью глядѣли они. „Нѣтъ, тебѣ нельзя любить меня“, сказала она. „Тебя зовутъ твои—отецъ, товарищи, отчизна, а мы враги тебѣ?“

„А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна? Такъ вотъ-же если такъ, нѣтъ у меня никого! Никого, никого!“, проговорилъ онъ тѣмъ голосомъ и сопроводивъ тѣмъ движеніемъ руки, съ какимъ упругій несокрушимый козакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло несмысленное и невозможное для другаго. „Кто сказалъ, что моя отчизна Украина? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего душа ищетъ, что милѣе для ней всего; отчизна моя ты. Вотъ моя отчизна! И понесу я сію отчизну мою, пока станетъ моего вѣку (въ своемъ сердцѣ), вотъ гдѣ, тутъ въ сердцѣ, и посмотрю я, пусть кто-нибудь изъ козаковъ вырветъ ее оттуда. И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну“.

Почти остоленѣвъ, глядѣла она ему въ очи, и вдругъ зарыдала и съ чудною женскою стремительностью, на которую бываетъ способна только безрасчетно великодушная женщина, винулась къ нему на шею, (и) обхватила своими прекрасными руками. Въ это время раздался въ улицѣхъ какіе-то неясные крики, трубный и литаврный ²⁾ звукъ; но онъ не слышалъ ничего этого: онъ слышалъ только какъ ея чудныя уста обдавали его благовоной теплотой ³⁾ своего дыханья, какъ слезы ея текли къ нему на лицо ручьями и спустившіеся съ головы ея волосы окутали всего его своимъ мягкимъ блистающимъ шелкомъ.

¹⁾ «И жалъ онъ руку, лежавшую» написано сверху зачеркнутыхъ: «рука лежала».

²⁾ «Литаврный».

³⁾ «Теплой».

Въ это время вбѣжала къ нимъ съ радостнымъ крикомъ татарка „Спасены, спасены!“ кричала она, не помня себя. „Наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, муки и связанныхъ запорожцевъ“. Но оба они и не слышали, и не хотѣли слышать ничего. Полный не на землѣ вкушаемыхъ чувствъ, Андрий поцѣловалъ въ снѣгъ благовоинныя уста, прильнувшія къ щекамъ ея, и не безответны были благовоинныя уста. Они отозвались тѣмъ-же и въ семь ободуно смянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что разъ только въ жизни дается чувствовать человѣку (и то, можетъ быть, едва развѣ) и то едва одному изъ цѣлой тысячи“.

На первой страницѣ второй тетради стоитъ цифра V: во второй обработкѣ эта глава дѣйствительно была пятою; но, послѣ новой, послѣдней переработки, сдѣлалась въ печатной повѣсти — шестою. Вторая тетрадь и включаетъ въ себя шестую главу „Тараса Бульбы“ включительно до словъ: „и не отнимая съ лица платка, чтобы не видѣть ея сокрушительной грусти“.

Слѣдующая затѣмъ тетрадь, состоящая всего изъ одного листа, начинается новою редакціею только что приведеннаго текста, который былъ написанъ на вырѣзанной четверткѣ: „Скажи мнѣ одно слово!“, сказалъ Андрий, и взялъ ея за атласную руку“. На этомъ листѣ оканчивается шестая глава

Тетради четвертая (на 18 четверткахъ) и пятая (на 12 четверткахъ) писаны блѣдыми, выцѣтшими чернилами; и слѣдняя страница пятой тетради очень полиняла и пострадала отъ пыли. Эти двѣ тетради старѣе всѣхъ другихъ въ сборникѣ. Первыя пятнадцать четвертокъ заняты седьмою главою повѣсти по печатному тексту (1842 г.), хотя на первой страницѣ тетради остается цифра прежней редакціи VIII. Три послѣднія четвертки этой тетради и семь четвертокъ слѣдующей, т. е. пятой, тетради заняты восьмою главою печатной повѣсти; надъ этою главою также стоитъ помѣта предшествующей редакціи „IX“. Наконецъ, на пяти послѣднихъ четверткахъ пятой тетради и двухъ четверткахъ слѣдующаго за нею листа написана значительная часть IX главы повѣсти (до словъ: „Но не нашлось такого изъ всѣхъ запорожцевъ, кто-бы поднялъ на него дубину, помня его прежнія заслуги“). И эта глава сохранила также помѣту предъидущей редакціи „X“. Послѣднія двѣ четвертки листа, слѣдующаго за пятою тетрадью, пустыя. Передъ ними, т. е. въ средину листа, вплетенъ листъ бумаги знаменской фабрики, на которомъ вписано начало X главы: „Долго-же я спалъ!“ и т. д. (см. выше).

При послѣдней выработкѣ второй редакціи значительнымъ измѣненіямъ подверглась пятая глава („Скоро весь польскій югозападъ“), особенно начальныя ея страницы. Почти совершенно передѣланы VIII и X главы второй редакціи (т. е. седьмая и девятая печатной, 1842 года): страницы этой X главы испещрены нерѣдко двойнымъ рядомъ поправокъ — карандашомъ и рѣзко-черными чернилами; поправки и дополненія иногда не укладываются сверху строкъ прежняго, зачеркнутаго текста и глѣбятся небольшими столбиками на поляхъ, такъ что трудно бываетъ опредѣлить мѣсто, которое они должны, по плану автора, занимать въ текстѣ новой редакціи. Поэтому Гоголь собственною рукою переписалъ всю эту девятую главу въ особую тетрадь изъ 14 четвертокъ на той-же голубоватой бумагѣ. Эта тетрадь приплетена въ нѣжинской рукописи въ самомъ концѣ, послѣ начальныхъ страницъ десятой главы и непосредственно передъ тѣмъ полнстомъ, на одной изъ страницъ котораго набросано нѣсколько строкъ для перваго тома „Мертвыхъ душъ“ и

которымъ завершается рукопись. Седьмая глава „Тараса Бульбы“ (отмѣчен-ная, какъ мы замѣтили, цифрою VIII) подверглась также очень значитель-нымъ передѣлкамъ.

Изъ подробнаго и возможно точнаго описанія состава нѣжинской руко-писи „Тараса Бульбы“ видно, что 1) на бумагѣ знаменской фабрики напи-санъ (конечно, въ Россіи) текстъ нѣсколькихъ страницъ послѣдней редак-ціи этой повѣсти, — той редакціи, которая въ первый разъ напечатана въ 1842 году въ „Сочиненіяхъ Гоголя“; 2) что въ той-же редакціи переписана на голубоватой бумагѣ (конечно, за границею) вся девятая глава повѣсти; 3) что на той-же бумагѣ, голубоватой, безъ клеймъ, написаны были (конечно, за границею) главы четвертая, пятая, восьмая, девятая и десятая второй заграничной переработки „Тараса Бульбы“, которая на тѣхъ-же тетрадяхъ были въ большей или меньшей степени переработаны въ третій разъ, также за границею, и въ послѣдней редакціи повѣсти (печатной) составили главы пятую, шестую, седьмую, восьмую и девятую. При передѣлкѣ текстъ преж-ней редакціи зачеркивался, сверху строкъ, и на поляхъ писался текстъ по-слѣдней переработки. Изъ двойнаго текста только что перечисленныхъ главъ вновь написанный составилъ послѣднюю редакцію „Тараса Бульбы“ и былъ напечатанъ, по несовсѣмъ правильной и къ тому же исправленной Проколо-вичемъ копіи, въ „Сочиненіяхъ Гоголя“. Зачеркнутый текстъ, представляющій предшествующую редакцію повѣсти, оставался до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Печатаемъ пятую, седьмую, восьмую и девятую главы этой неизданной ре-дакціи: шестая глава подверглась такимъ незначительнымъ стилистическимъ поправкамъ, и притомъ въ немногихъ мѣстахъ, что мы не нашли полезнымъ переиздавать ее по нѣжинской рукописи.

Внѣшняя исторія текста „Тараса Бульбы“ по извѣстнымъ доселѣ руко-писямъ и по печатнымъ изданіямъ можетъ быть представлена въ слѣдую-щемъ видѣ:

Первая редакція повѣсти „Тарасъ Бульба“, напечатанная въ Мирго-родѣ въ 1835 году.

Вторая редакція—а) Первая переработка нѣсколькихъ главъ — руко-писные листки, поступившіе изъ бумагъ А. А. Иванова въ Московскій пуб-личный музей (№ 2,205).

б) Вторая переработка 5, 6, 7, 8 и 9 главъ въ рукописи Нѣжинскаго историко-филологическаго института.

с) Третья и послѣдняя переработка всей повѣсти, напечатанная въ „Сочиненіяхъ Гоголя“, изд. 1842 г.

Исторія выработки второй редакціи составитъ предметъ слѣдующей статьи.

Н. Тихонравовъ.

V 1).

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха. Что-то оцѣпняющее было слышно въ сихъ слухахъ: «показались запорожцы»... И все, что могло, спасалось въ сей нестройный и вмѣстѣ съ тѣмъ изумитель[но] безпечный вѣкъ, когда деревни и города южной Россіи, безъ замковъ, крѣпостей, были выстроены большею частію на пепелищахъ прежнихъ, гдѣ уже не разъ проходили неожиданныя татарскія опустошенія; что могло вооружиться, вооружалось, мѣняя наскоро плугъ и пару воловъ на коня и ружье и обращаясь такимъ образомъ вдругъ изъ селянина въ воина. Кто прятался, угоняя скотъ и унося, что могло только быть унесено. Кое гдѣ рѣшались встрѣтить вооруженною рукой гостей, но предвѣщательный ²⁾ страхъ заранѣе уже вмѣщался ³⁾ въ отважнѣйшія души. Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ этой закаленной вѣчною бранью толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, обдуманно устроенной въ самой своевольной своей нестройности. Вся громада неслась во всю прыть на легкихъ коняхъ своихъ и шла пѣшая скоро, но осторожно по ночамъ. Отдыхая только днемъ и выбирая для роздыховъ своихъ лѣса и уединенныя пустопорожнія, даже не засѣянные пространства, оставленные на произволъ мѣста, каковыхъ было тогда не мало. Осторожно были засыланы впередъ лазутчики и разсылные, узнавали и вывѣдывали: и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, тамъ они появлялись вдругъ, и ничто не могло противиться ихъ какой-то азіатской стремительности. Пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Грабы и разрушая, разгульное войско скорѣе пировало, чѣмъ совершало походъ свой. Запорожцы оставили вездѣ свирѣпыя, ужасающіе знаки своихъ злодѣйствъ, какіе могли явиться въ сей

¹⁾ Зачеркнутое въ рукописи поставлено въ скобки ().

²⁾ Въ рук. „предвѣщательный“.

³⁾ Въ рук. „вмѣщался“.

полудикій вѣкъ: отрѣзывали груди у женщинъ, избивали ребенковъ, «инихъ», выражаясь своимъ языкомъ, «они пускали въ красныхъ чулкахъ и перчаткахъ», то есть сдирали кожу съ ногъ по колѣни, или на рукахъ по кисти. Казалось, хотѣли они весь выплатить долгъ тою же самою монетою, если даже не съ процентами. Прелать одного монастыря, услышавъ о приближеніи запорожцевъ, устрешенный прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ запорожцевъ», сказалъ кошевой, «чтобы онъ ничего не боялся. Это козаки еще только зажигаютъ и закуриваютъ свои трубки». И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгуція толпы монаховъ (воиновъ), жидовъ, женщинъ вдругъ наполнили многіе города, сколько нибудь приведенные въ безопасность, и разомъ огнемножили ихъ. Кое гдѣ собравшіяся польскія ополченія и вславленная правительствомъ запоздалая помощь состояла изъ небольшихъ полковъ или не могла найти ихъ, или, вдругъ встрѣтившись съ такою сокрушительною массою, не осмѣливалась сдѣлать нападеніе, обращала тылъ и улетала на лихихъ коняхъ своихъ. Нѣкоторые однако-жъ полки соединились и движимые браннымъ духомъ военачальниковъ, торжествовавшихъ не разъ въ побѣдахъ, рѣшились сдѣлать отпоръ; но запорожцы показали, что они не только страшны своими внезапными и неожиданными нападеніями и набѣгами, но и на открытомъ полѣ грудь противъ груди. Здѣсь болѣе всего рвенія оказали молодые, еще въ первый разъ попробовавшіе битвы, пренебрегавшіе грабительствомъ и безсиліемъ незащищеннаго непріятеля и сгаравшіе желаніемъ показать себя передъ старыми, помѣряться одинъ на одинъ съ бойкимъ и хвастливымъ лахомъ, красовавшимся на (его) горделивомъ конѣ, съ цвѣтными летавшими по вѣтру откидными рукавами епанчи, съ цѣлою оружейной лавкой, привязанной къ сѣдлу вмѣстѣ съ баклагой, дорожной посудой и множествомъ бесполезныхъ вещей. И козакъ, сдѣлавшись владѣльцемъ всѣхъ (вещей сихъ) такихъ дослѣховъ, выбиралъ каждый по лучшей саблѣ и пистолету, а остальное взваливалось на телѣги, (потому ч) ибо не въ обычаѣ было у запорожцевъ, какъ видно было уже выше, вооружаться многимъ оружіемъ. Въ нѣсколько вахихъ-нибудъ недѣлей возмужали и совершенно переродились только что оперившіеся птенцы наши и стали мужами. Это было почти чудо. И самыя черты лица ихъ, въ которыхъ доселѣ все еще видна была какая-то мягкость, стали грозны и получили какую-то аркую рѣзкость. Не безъ малой радости видѣлъ старый Тарасъ

какъ сыны его были одни изъ первыхъ. Остапъ, казалось, былъ созданъ для битвенной жизни, что (sic) разрѣшать ¹⁾ ратныя дѣла. Не растерявшись, не смутясь ни въ какомъ случаѣ, съ нечеловѣческими глазами, хладнокровіемъ неестественнымъ для двадцатидвулѣтняго юноши, онъ всегда измѣрялъ опасность и ясное положеніе всего дѣла, и находилъ средство уклониться отъ нее для того, чтобы вознестись надъ нею и потомъ вѣрнѣе одолѣть ее. Уже испытанной увѣренностью означались его движенія и видѣнъ былъ въ нихъ умъ и наклонности вождя. Что-то атлетическое зрѣлось во всей его фигурѣ и добліе качества его получили широкій размѣръ качествъ льва. Андрій же, какъ только слышалъ литавры, весь погружался въ очаровательную музыку пулъ и мечей. Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ ней; что-то пиршественное ему зрѣлось въ тѣ страшныя минуты, когда приобшемъ ²⁾ крикъ разгоралась голова у человѣка, въ глазахъ мелькають огни, летаютъ головы, валятся съ коней, свищутъ пули ³⁾ и свербають лезвья, и весь летишь въ собственномъ жару, какъ пьяный, сыпля и нанося убійственные удары и язвы и не чуя самъ никакихъ язвъ ни даже смертельныхъ, или ударовъ, которые дождемъ валятся на тебя. И не разъ дивился старій Тарасъ, видя, какъ Андрій, одною только своею стремительностію и запалячивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился имѣющій сколько нибудь (благоразумной осмотрительн ⁴⁾ способность ображать ⁵⁾ и осмотрительно обдумывать, и какъ однимъ бѣшеннымъ натискомъ своимъ онъ производилъ и совершалъ ихъ на изумленіе. Дивился старій Тарасъ и говорилъ: «И это добрый — врагъ бы не взялъ его! — воюка; не Остапъ, а добрый, тоже добрый, также воюка».

Ободренные успѣхами запорожцы, по приговору кошевого и всѣхъ куренныхъ атамановъ, рѣшили итти на городъ Дубно, гдѣ, носились слухи, хранилось не мало казны богатыхъ обывателей, а ополченія одинъ гарнизонъ, да небольшой отрядъ короннаго войска. Въ полтора дни походъ былъ сдѣланъ, и запорожцы показались передъ городомъ. Жители рѣшились защищаться до послѣднихъ силъ и крайности и лучше хотѣли умереть на площадяхъ и (своихъ) улипахъ передъ своими порогами, чѣмъ пустить непріятеля въ дома. Высокій земляной валъ окружалъ городъ; гдѣ валъ былъ ниже, тамъ высывалась каменная стѣна или домъ, служившій батареей, или, наконецъ, дубовый часто-

¹⁾ Слѣдуетъ: „чтобъ разрѣшать“.

²⁾ Слѣдуетъ: „при общемъ“.

³⁾ Въ рукописи: „полу“.

⁴⁾ Въ рукописи слово не дописано.

⁵⁾ Написано сверху строки въ замѣнъ поставленнаго въ скобки. Н. Т.

коль. Гарнизонъ былъ силенъ и чувствовалъ важность своего дѣла. Запорожцы жарко полѣзли было на валъ, но были встрѣчены сильной картечью. Мѣщане и городскіе обыватели не хотѣли также быть праздными и высыпали на городской валъ; между ними видны были и женскія головы. Въ глазахъ ихъ можно было, казалось, читать отчаянное сопротивленіе. Даже женщины рѣшились участвовать и на головы запорожцамъ полетѣли: камни, бочки, горшки, горячій варъ и, наконецъ, мѣшки песку, слѣпившаго очи. Запорожцы вообще не любили имѣть дѣло съ крѣпостями; вести осады была не ихъ часть. Повелѣвъ отступить, кошевой кричалъ имъ снизу: «Отворяйте, пускайте въ ворота, чортовы дѣти!» Въ отвѣтъ на это вновь сыпалась картечь и все, что только могъ первое захватить въ руки городской обыватель. «Такъ передохнете же вы всѣ, поганые, нечистые католики!» сказалъ кошевой; и запорожцы, оставивъ осаду, облегли только со всѣхъ сторонъ, рѣшась никого не выпустить изъ воротъ. Тутъ-же, по обычаю своему, занялись они опустошеніемъ окрестностей, выжигая окружныя деревни, скирды неубраннаго ими хлѣба, и пуская табуны коней въ нивы, еще не успѣвшіяся срѣзаться серпомъ, гдѣ (на диво) возносились колосья, произведенныя необыкновеннымъ урожаемъ, наградившимъ въ тотъ годъ щедро всѣхъ земледѣльцевъ. Съ ужасомъ видѣли съ города, какъ истреблялись средства ихъ существованія. Запорожцы вытанули только въ два ряда свои телѣги, расположились также, какъ и на сѣчѣ, куренями, обратя въ лагерь тѣ-же телѣги; курили свои люльки, мѣнялись добытыми оружіями, играли въ чехарду, въ чотъ и нещотъ и посматривали съ убійственнымъ кладнокроемъ на городъ...

Ночью зажигались костры. Кашевары варили въ каждомъ куренѣ кашу въ огромныхъ мѣдныхъ казанахъ. У горѣвшихъ всю ночь огней стояла бессонная стража. Запорожцы начинали уже скучать бездѣйствіемъ, стали понемногу обращать ¹⁾ къ своему безпечному характеру. Кошевой велѣлъ удвоить даже порцію вину, что случалось всегда, когда не настояло никакихъ трудныхъ подвиговъ и движенія. Молодымъ, и особенно сынамъ Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрій замѣтно скучалъ. «Неразумная голова!» говорилъ ему Тарасъ: «терши казакъ, атаманъ будешь. Не тотъ еще добрый воинъ, кто дернулъ, шмыгнулъ того, другаго, да и назадъ; а тотъ добрый воинъ, кто, хоть что ему ни дѣлай (а все не диво), а онъ все таки поставитъ на своемъ». Но двадцатилѣтняя пылая натура юноши не могла

¹⁾ Слѣдуетъ: „обращаться“.

понять холоднаго старца. Сонъ бѣжалъ отъ очей и часто онъ бодрствовалъ одинъ въ наставшія чудныя іюльскія ночи, когда все спало, когда сами стражи, привыкшіе къ тишинѣ, погружались въ сонъ.

Одинъ разъ, какъ-то болѣе нежели когда либо, сонъ исчезалъ отъ него, и сердцу становилось душно. Ночь была чудесна. Теплый воздухъ обнималъ страну, которая назначена была быть добычею опустошенія. На небѣ мелькали своимъ тонкимъ и острымъ блескомъ звѣзды. Поле далеко было занято раскиданными по немъ телѣгами, съ привѣшанными мазницами, облитыми дегтемъ, нагроможденными добытымъ и своимъ провіантомъ, мѣшками муки и проса, запасомъ (ружей) оружья, боченками съ порохомъ и множествомъ другимъ подобнымъ. Возлѣ телѣгъ, на телѣгахъ, и далеко подаль отъ телѣгъ, вслѣдъ были видны разметавшіеся на травѣ запорожцы. Они всѣ лежали въ какихъ то раздольныхъ, живописныхъ положеніяхъ, кто подмостивъ себѣ въ голову куль или шалку, (или наво) ¹⁾ употребивши (бросивши) для этого боеъ своего товарища. Сабля, винтовка, съ коротенькимъ чубкомъ трубка съ желѣзными гвоздями и другими побрякушками, лежали почти возлѣ каждаго. Тяжелые воли лежали, подвернувши подъ себя ноги, большими бѣловатыми массами между телѣгами и, наконецъ, (выходили далеко) видѣлись уже одни, раскиданные далеко по полю и утоптанномъ нивамъ, походя болѣе на какіе-то ²⁾ бѣловатые камни, разбросанные на землѣ. Сильное хралѣніе и свистъ всего спящаго воинства производило какой-то глухой шумъ, который ярко покрывался звонкимъ ржаніемъ какого нибудь горячаго жеребца, негодующаго на свои спутанныя ноги. Но къ чудной красотѣ и нѣгѣ іюльской ночи, соединенной съ снмъ спокойствіемъ, примѣшалось что-то величественно-грозное и это величественно-грозное представляли дальнія окрестности: близки и вдали видны были кое-гдѣ догоравшія зарева деревень. Въ одномъ мѣстѣ видно было, какъ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее и вдругъ вырвавшись, выкремъ свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Казалось, слышно было, какъ деревья шипѣли, обвиваясь дымомъ, и когда проскакивала съвозъ нихъ лава огня и (какъ будто) тогда какъ будто видѣлись желтенькими точками груши, принимавшія цвѣтъ червоннаго золота. Казалось, видны были даже

¹⁾ Т. е. „наконецъ“.

²⁾ Въ рукописи: „на какіе“.

тяжелыя гроздія сливъ, обвѣсившихъ вѣтви, получившія фосфорическій лиловоогненный цвѣтъ ¹⁾). И среди этого, тутъ же чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія или на древесномъ суку тѣло бѣднаго жиды или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ (едва) въ видѣ едва замѣтныхъ мелкихъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Обложенный ²⁾ городъ, казалось, уснулъ на одномъ концѣ горизонта, съ выходящими вое гдѣ острыми шпицовъ изъ земельного вала, иногда вдругъ легко зарумянась и вспыхнувъ отблескомъ отдаленныхъ пожарницъ. (Мѣстами тералось поле. На другихъ концахъ горизонта, гдѣ являлось одно только открытое поле).

Онъ долго ходилъ вдали, обошелъ все разсыпавшееся ³⁾... Давно уже всѣ спали. Даже огни сторожей почти готовились погаснуть и (кое гдѣ пламень) только отдаленными огнями пожарницъ то тамъ, то тамъ слабо (вспыхивали) освѣщались усатая и чубатая голова запорожца, кусокъ красной епанчи, (хребеть) спина жевавшего вѣчную свою жвачку (быка) вола. Наконецъ, подошелъ онъ къ одному изъ возовъ, расположился на немъ и легъ на спину, подложивши себѣ подъ голову сложенные назадъ руки. И долго глядѣлъ онъ на небо, какъ бы утомленный отъ всего того, что (глядѣ) видѣлъ на землѣ ⁴⁾. Оно все было надъ нимъ съ своими безчисленными звѣздами. Какая то особенная чистота и прозрачность видна была въ воздухѣ. Гущина звѣздъ, составлявшая млечный путь, своимъ косвеннымъ поясомъ (брошенная) переходившая небо, вся была залита въ свѣту. Глядя на эту чудную ясность тверди, онъ иногда минуты на двѣ забывался; какой то легкій туманъ дремоты заслонялъ на мигъ предъ нимъ небо, и потомъ оно опять (становилось видно, оно) очищалось и вновь становилось видно. Въ это время ему показалось, какъ будто мелькнулъ предъ нимъ какой то странный образъ человѣческаго лица. Думая, что это обаяніе сна и сейчасъ же разсѣется, онъ вперилъ сильнѣе, раскрылъ, сколько можно болѣе, глаза свои и увидѣлъ, что къ нему точно наклонилось какое то изможденное, высохшее (казалось, женское) лицо, и внимательно смотрѣло ему въ очи. Длинные

¹⁾ Въ рукописи: „свѣтъ“.

²⁾ Это слово написано сверху зачеркнутого слова „наконецъ“. Въ изданіи „Сочиненій Гоголя“ 1842 г. вмѣсто „обложенный“ напечатано: „обнаженный“. Эта ошибка повторена во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ „Сочиненій Гоголя“.

³⁾ Затѣмъ пропущено одно слово.

⁴⁾ Сверху строки послѣ словъ: „И долго глядѣлъ онъ“ написано: „совершенно безотчетно на небо“.

и черные, какъ уголь, волосы, неприбранные и всё растрепавшіеся, лѣзли изъ подъ темнаго, наброшеннаго на голову, покрывала. И странный блескъ взгляда, и мертвенность смутлаго лица, мелькнувшаго такими рѣзкими, глубоко выступившими чертами, все скорѣе заставляло думать, что это былъ какой нибудь фантастическій призракъ. Онъ схватился невольно рукой за пищаль и произнесъ почти судорожно: «Что ты? Коли духъ нечистой, сгинь съ глазъ; если живой человѣкъ, не въ пору завелъ шутку: убью съ одного прищѣла».

Въ отвѣтъ на это, привидѣніе приставило палецъ къ губамъ и, казалось, молило о молчаніи. Онъ опустилъ руку и сталъ вглядываться въ него внимательнѣй ¹⁾ (Слѣды ли какой нибудь тяжелой болѣзни или инаго сильнаго изнуренія). Слѣды южнаго происхожденія замѣтно (были видны) выказывались въ смуглыхъ чертахъ; но, казалось, какая то долгая изнурительность и тяжелая болѣзнь придали что то ²⁾ необыкновенное ей: широкія скулы выступали сильно надъ опавшими подъ ними щеками. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ ея темныя усталыя очи съ поволокою и дугообразно поднятѣмъ къ верху разрѣзомъ (тѣмъ болѣе онъ находилъ) какъ и въ остальныхъ чертахъ лица ея, тѣмъ болѣе онъ находилъ, что въ нихъ было какъ будто что-то ему знакомое, такъ что онъ не вытерпѣлъ, наконецъ, чтобы не спросить:

«Скажи, кто ты. Мнѣ кажется, какъ будто я зналъ тебя или видѣлъ когда нибудь».

«Два года назадъ тому въ Кіевѣ».

«Два года назадъ въ Кіевѣ», повторилъ Андрій, стараясь перенять все, что уцѣлѣло въ его памяти отъ прежней бурсацкой жизни. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на нее пристально и вдругъ вскрикнулъ во весь голосъ:

«Ты татарка! служанка панночки, воеводиной дочки»...

«Чшш», произнесла татарка, сложивъ умоляющимъ видомъ руки, дрожа всѣмъ тѣломъ и оборота въ то-же время голову назадъ, чтобы видѣть, не проснулся ли кто нибудь отъ таково сильнаго вскрика, произведеннаго Андріемъ.

«Скажи, скажи, отчего, какъ ты здѣсь?»... говорилъ Андрій шопотомъ, почти задыхающимся и прерывавшимся всякую минуту отъ внутренняго волненія.— «Гдѣ панночка? что она жива еще?»

«Она тутъ въ городѣ».

¹⁾ Послѣ этого сверху строкъ надъ слѣдующею фразою приписано сверху: „По длиннымъ волосамъ, шеѣ и полуобнаженной груди онъ видѣлъ, что это была женщина“.

²⁾ Въ рукописи: „что“.

«Въ городѣ», произнесъ онъ, едва опять не вскрикнувши, и почувствовалъ, что вся кровь вдругъ прихлынула къ его сердцу: «Отчего-жь она въ городѣ?»

«Отъ того, что самъ старшій ¹⁾ панъ (отецъ) въ городѣ. Онъ уже полтора года, какъ сидитъ воеводой въ Дубнѣ».

«Что-же она замужемъ? Да говори-же. Какая ты странная! Что она теперь?»

«Она другой день ничего не ѣла».

«Какъ?»

«Ни у кого изъ городскихъ жителей нѣтъ куска хлѣба, всѣ давно уже ѣдятъ одну землю».

Андрій остолбенѣлъ.

«Панночка видала тебя съ городского валу вмѣстѣ съ запорожцами. Она сказала мнѣ: «Ступай, Марися, скажи рыцарю: коли онъ помнитъ меня, чтобы пришелъ ко мнѣ, а не помнитъ, чтобы далъ тебѣ кусокъ хлѣба для старухи моей матери, потому что я не хочу видѣть, чтобы при мнѣ умерла мать. Пусть лучше я прежде, а она послѣ меня. Проси и хватайся за колѣни его. У него также есть старая мать, чтобы ²⁾ ради ея далъ хлѣба».

Тысяча разныхъ чувствъ пробудилось и вспыхнуло въ груди молодого вонна.

«Но какъ же ты здѣсь? Какъ ты пришла?»

«Подземнымъ ходомъ».

«Развѣ есть подземный ходъ?»

«Есть».

«Гдѣ?»

«Ты не выдашь, рыцарь?»

«Клянусь крестомъ святымъ!»

«Спустися въ яръ и перейдя протокъ—тамъ, гдѣ тростникъ».

«И выходитъ въ самый городъ?»

«Прямо къ городскому монастырю».

«Идемъ, идемъ сейчасъ».

«Но ради Христа, святой Марин, кусокъ хлѣба».

«Хорошо, будетъ. Стой здѣсь возлѣ воза или, лучше, ложись на него, тебя никто не увидитъ: всѣ спятъ; я сейчасъ ворочусь».

И онъ отошелъ къ возамъ, гдѣ хранились запасы, принадлежавшіе ихъ куреню. Сердце его билось. Все минувшее, что было закрыто,

¹⁾ Слово старшій приписано потомъ сверху строки, а слово „отецъ“ зачеркнуто.

²⁾ Вмѣсто этого слова сначала было написано: „нустъ“.

заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ ¹⁾ и сурово-бранною жизнью, все всплыло ²⁾ разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее: и увлекательный пылъ брани и гордо-самолюбивое желанье (славы) шума, и славы, и рѣчей промежь своими и врагами, и бивачная жизнь, и отчизна, и долгъ и деспотическіе законы вожачества—все исчезло вдругъ передъ нимъ. (Одна только) Жѣнщина на мѣсто всего этого стала вдругъ одна владычицею души его. Нѣтъ, онъ не засыпалъ, онъ не погасалъ въ глубинѣ души его сей чудный образъ, такъ ослѣпительно и празднично встрѣтившій его начинавшую мужать юность. Ея прекрасныя руки, очи, радъ смѣющихся зубовъ, чудесная шея и густые, густые темноорѣховые волосы, распавшіеся по груди, плечамъ и шеѣ, изъ которыхъ она выходила сверкающимъ снѣгомъ, по которымъ скользнуло тонкимъ розовымъ лучомъ восходящее солнце, и вся одежда ея, облекавшая ее и вмѣстѣ съ тѣмъ означавшая всѣ прекрасныя формы спины, грудей, упительныхъ ногъ,—передъ которымъ онъ палъ, еще не понимая, почему все это прекрасно, и уже чувствуя, что прекрасно.... нѣтъ не погасало все это въ груди его: оно проторонилось, чтобы дать на время ³⁾ просторъ (на время) другимъ могучимъ движеніямъ и страстямъ, которыми обнималась сильно его воспламеняющаяся юность. И не разъ образъ красоты появлялся отрывками и тревожилъ вдругъ его сновидѣнья.

Онъ шелъ, а біеніе сердца его усиливалось уже при одной мысли, что онъ ее увидитъ опять; колѣни его дрожали. Подошедъ къ возамъ онъ совершенно позабылъ, зачѣмъ пришелъ, и невольно поднесъ руку ко лбу, потирая и стараясь вспомнить, что ему нужно дѣлать. Наконецъ, вздрогнувъ и наполнившись испуга, вспомнилъ онъ, что, можетъ быть, она умираетъ отъ голода. Онъ бросился къ возу и схватилъ нѣсколько большихъ черныхъ хлѣбовъ себѣ подъ руку и подумалъ тутъ же, не будетъ-ли эта пища (слишкомъ грубая), годная для дюжого и неприхотливаго запорожца, слишкомъ груба для ея нѣжнаго сложенія. Онъ вспомнилъ, что вчера кошевой попрекалъ кашеваровъ за то, что сварили въ одинъ разъ всю гречневую муку на саламату, которой и половины не съѣдятъ, выбросятъ, тогда какъ бы ее стало (раза) на добрыхъ три раза. Въ полной увѣренности, что онъ найдетъ

¹⁾ Затѣмъ пропущено слово „бытомъ“. Ср. Миргородъ, 1835 г., часть I, стр. 134.

²⁾ Такъ въ Миргородѣ, I. с. Въ рукописи ошибочно: „сильно“.

³⁾ Слова „на время“ приписаны сверху строки въ замѣтъ ниже зачеркнутыхъ.
Н. Т.

непрерѣнно вдоволь саламаты въ казанахъ, онъ вытащилъ отцовской походный казанокъ и съ нимъ отправился въ кашевару ихъ куреня, который спалъ у двухъ десятиведерныхъ казанновъ, подъ которыми еще теплилась зола. Заглянувши въ нихъ, онъ изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловѣческимъ силамъ съѣсть все это, тѣмъ болѣе, что въ ихъ куренѣ считалось гораздо менѣе людей, чѣмъ въ другихъ. Онъ заглянулъ въ казаны другихъ куреней—вездѣ рѣшительно ничего. Онъ вспомнилъ поневолѣ поговорку: «запорожцы такой народъ: коли мало чего, то съѣдятъ, коли и много, то не оставятъ»... Передумывая, гдѣ бы достать еще чего, онъ вспомнилъ, что у нихъ есть мѣшокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню, котораго вообще не любили запорожцы и который приберегался такъ только, на случай, если ужъ нечего будетъ ѣсть. Онъ въ ту-же минуту подошелъ къ своему возу, съ тѣмъ, чтобы взять его, но на возѣ уже его не было. Остапъ взялъ его для того, чтобы подместить его себѣ подъ голову и, закинувъ ее въ поперекъ ему, храпѣлъ на все поле. Онъ схватилъ его одной рукой и (вырвавъ) дернулъ вдругъ, такъ что голова его упала, а онъ вскочилъ въ просонкахъ и, сидя съ закрытыми глазами, закричалъ, что было мочи: «держите чортова ляка! да ловите коня, коня ловите».

«Замолчи, я тебя убью», закричалъ въ испугѣ Андрій, замахнувшись на него мѣшкомъ; но Остапъ и безъ того уже не продолжалъ рѣчи, замѣнивъ ее такимъ сильнымъ храпомъ, что отъ дыханія его шевелилась трава, на которой онъ лежалъ. Андрій робко оглянулся на всѣ стороны, чтобы узнать не пробудилъ-ли кого ¹⁾ сонный бредъ Остапа. Одна чубатая ²⁾ точно приподнялась въ ближнемъ куренѣ и, поведя очами, опустилась опять на землю. Переждавъ минуты двѣ, онъ наконецъ отправился съ своею ношею.

Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идемъ! Всѣ спать, не бойся! Подымешь-ли ты хоть одинъ изъ этихъ хлѣбовъ? Можетъ, мнѣ нельзя будетъ всего захватить». Сказавъ это, онъ взвалилъ себѣ на спину мѣшокъ съ чернымъ хлѣбомъ, мѣшокъ съ бѣлымъ, стащилъ еще, проходя мимо одного воза, мѣшокъ съ просомъ, взялъ даже въ руки тѣ хлѣбы, которые хотѣлъ было отдать нести татаркѣ, и нѣсколько понагнувшись, шелъ отважно между рядами (запорожцевъ) спавшихъ запорожцевъ, сопровождаемый робкими шагами своей спутницы.

«Андрій!» сказалъ старшій Бульба въ то время, когда онъ проходилъ мимо его. Сердце его замерло. Онъ остановился и, дрожа, тихо произнесъ: «а что?»

¹⁾ Въ рукописи: „не пробудился-ли кто“.

²⁾ При позднѣйшей обработкѣ послѣ этого слова приписано: „голова“.

«Съ тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на всѣ бока! Не доведутъ тебя бабы въ добру!» Сказавши, онъ оперся головою на локоть и сталъ пристально разсматривать закутавшуюся въ покрывало татарку.

Андрій стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не имѣя духу взглянуть въ лицо отца; но потомъ, когда подыалъ глаза и посмотрѣлъ на него, увидѣлъ, что уже старшій Бульба спалъ, положивъ голову на ладонь.

Онъ перекрестился отъ радости и отхлынулъ вдругъ отъ сердца его испугъ еще скорѣе, нежели прихлынулъ. Оглянувшись на татарку, онъ увидѣлъ, что она стояла подобно темной гранитной статуѣ, закутанная въ свое покрывало, и теплый отблескъ отдаленнаго зарева странно (отражался) озарялъ выступавшія складки ея одежды (изрѣдка вспых.). Онъ дернулъ за рукавъ ея, и тогда она медленно полураскрыла лицо свое. Теплый отблескъ отразился какъ-то и вспыхнулъ на блѣдномъ, блѣдномъ, почти совершенно мертвомъ его цвѣтѣ, какой бываетъ только у одного мертвеца. Онъ дернулъ за рукавъ ея, и оба пошли вмѣстѣ, безпрестанно оглядываясь, и, наконецъ, опустились отлогостью въ неизменную лощину, почти яръ, по дну котораго гнѣвно пресмыкался потокъ, или небольшая рѣчка, поросшая осокой..... кочками ¹⁾. Опустясь въ сію лощину, они скрылись совершенно изъ виду всего поля, занятаго таборомъ запорожскимъ. По крайней мѣрѣ, когда Андрій оглянулся назадъ, то увидѣлъ, что позади его крутою стѣной, болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка, вознеслась покатошь: на вершинѣ ея покачивалось ²⁾ нѣсколько стебельковъ полевого былья и надъ нею поднималась на небо луна, въ видѣ косвенно-обращеннаго серпа самаго яркаго червоннаго золота. Поднявшійся вѣтерокъ давалъ знать, что времени уже немного оставалось до разсвѣта. Но нигдѣ не слышно было отдаленнаго пѣтушьяго крика: ни въ городѣ, ни въ раззоренныхъ окрестностяхъ не оставалось давно ни одного пѣтуха. По небольшому бревну перебрались они черезъ потокъ, за которымъ возносился противоположный берегъ ³⁾, казавшійся выше бывшаго у нихъ назади и выходившаго ⁴⁾ совершеннымъ обрывомъ.

¹⁾ Это мѣсто получило отдѣлку лишь въ послѣдней редакціи. Первоначально, послѣ слова „осокой“ Гоголь оставилъ пустое мѣсто, чтобы вписать глаголъ, который управляетъ словомъ „кочками“. При окончательной обработкѣ повѣсти поэтъ зачеркнулъ слова: „или небольшая рѣчка“, слово „поросшая“ передѣлалъ на „поросшія“, на пустомъ мѣстѣ передъ словомъ „кочками“ вписалъ: „и усѣянный“.

²⁾ Такъ въ изданіи сочиненій Гоголя, 1842 г.; въ рукописи: „покачивало“.

³⁾ Слово „берегъ“ приписано послѣ, сверху строки.

⁴⁾ Такъ было написано въ издаваемой редакціи; послѣ переправлено такъ: „казавшійся выше бывшаго у нихъ назади, выходившій совершеннымъ обрывомъ“.

Казалось, въ этомъ мѣстѣ былъ самый крѣпкій пунктъ городской крѣпости, по крайней мѣрѣ самый земляной валъ былъ на этомъ возвышеніи ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и за нимъ не видно было гарнизона. Обрывистый берегъ весь обросъ бурьяномъ и по небольшой лощинѣ между нимъ и протокомъ росъ высокій тростникъ, почти въ вышину человѣка. На вершинѣ обрыва видны были остатки плетня: видно было, здѣсь былъ когда-то огородъ. Остатки плетня кое-гдѣ скрывались совершенно широкими листьями лопуха; изъ-за него торчала лебеда и дикій колючій бодякъ и, наконецъ, поднимавшій выше всѣхъ ихъ свою голову подсолнечникъ. Здѣсь татарка скинула съ себя черевки и пошла босикомъ, подобравъ осторожно свое платье, потому что мѣсто было топко и наполнено водою. Пробираясь межъ тростникомъ, остановились они передъ наваленнымъ хворостомъ и фашинникомъ; но подъ хворостомъ, (отваливъ) отклонивъ его нѣсколько, нашли (отверстіе въ земляной стѣнѣ, нѣсколько) родъ землянаго грота, отверстіе въ стѣнѣ, мало чѣмъ большее отверстія, бывающаго въ хлѣбной печи. Татарка, наклонивъ голову, вошла первая; вслѣдъ за нею Андрій, нагнувшись (сколько), какъ только можно было ниже чтобы могли войти набранные имъ съ собою мѣшки; и скоро очутились оба въ совершенной темнотѣ.

Сообщ. Н. С. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указъ императрицы Елисаветы

1751 г.

Господину Григорову. Прикажете план зделатъ всёму лѣсу прешпективной собонхъ сторон от пулковской горы до четырехъ рощ и где хлѣбъ сеютъ и дуга и сколко нанихъ каналовъ имеются чтобы все на плане исображенно было и насколко верстъ оноу лесу длиннику и поперешнику ¹⁾ и какъ восможно хотя вчерне срисовать оной планъ трудъ на себя всятъ и конецъ привести.

Елисаветъ.

У азъ написанъ собственноручно, на полулистѣ, сложенномъ вдвое, съ водянымъ знакомъ—почтовый рожокъ подъ герцогскоу короною—и подписью С. А. I. Honig.

На оборотѣ написано «Господину Бригадиру Григорову. вцарское село». и помѣта: «получено 751 года, Августа 29 дня».

Рескриптъ императора Николая

1852 г.

По телеграфу получили отъ к. варшавскаго донесеніе о жестокой холерѣ, свирепсвующей въ варшавѣ, гдѣ 2-го (14) Авг. заболѣло 638, а умерло 268 человекъ. Сверхъ того, по его же донесенію, уже въ Брѣстѣ умерло человекъ 5, а въ Тересполѣ заболѣло и умерло болѣе 100; да и въ Дубнѣ уже были смертныя случаи. По нынѣ не получили объ томъ ни отъ гродненскаго ни отъ волынскаго губернаторовъ никакого донесенія; предлагаю вамъ сей часъ потребовать по эстафетамъ подробныхъ донесеній. Сверхъ того примите мѣры чтобы во время устраиваема была нужная помощь, по примѣру прежнему. Н.

Гатчино. 4-го Авг. 1852 г.

Рескриптъ написанъ собственноручно, на почтовомъ листѣ малаго формата, безъ водяныхъ знаковъ, съ круглымъ штемпелемъ съ лѣвой стороны, сверху, съ буквою Н.

Конвертъ въ $\frac{1}{8}$ листа, толстой сѣрвовой бумаги, съ печатью малаго госуд. герба. Сверхъ литографированной надписи: „Министру Внутреннихъ Дѣлъ“ надпись: „Управляющему“.

На верху конверта рукою импер. Николая I: „весьма нужное“.

Сообщ. А. Э. Коки.

¹⁾ Последнія три слова зачеркнуты въ подлинникѣ.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ГАНЪ,

писательница-романистка

въ 1835—1842 гг.

Читая въ „Русской Старинѣ“ то и дѣло появляющіяся въ ней интересныя письма и воспоминанія не только государственныхъ дѣятелей, но и частныхъ или почти частныхъ лицъ, мнѣ не разъ приходило въ голову воспользоваться тѣмъ, быть можетъ, не безъинтереснымъ матеріаломъ, который сохранился въ моей памяти, а въ особенности въ старыхъ письмахъ моей покойной матери, извѣстной въ свое время русской писательницы (романистки). Меня удерживала боязнь, что о хорошихъ людяхъ, а тѣмъ болѣе о выдающихся чѣмъ-либо хорошимъ изъ общаго людскаго строя, не слѣдуетъ писать ихъ близкимъ, дабы это хорошее не было принято за лесть или за невольную дань родственной пріязни.

Нынѣ я освобождена отъ заботы познакомить читающую Россію собственно съ жизнью матери моей, благодаря добросовѣстному труду Е. С. Некрасовой, давшей въ двухъ книгахъ „Русской Старины“ изд. 1886 г. о моей матери и о ея литературныхъ трудахъ достаточно цѣльное понятіе. Но одновременно съ ея статьею, составленною безъ предвзятыхъ мнѣній, по основательнымъ даннымъ, въ другомъ журналѣ появилась статья, составленная на произвольныхъ измышленіяхъ, пущенная въ свѣтъ подъ сенсаціоннымъ, хотя совершенно безправнымъ, заглавіемъ ея романа, незаслуженно придавшая личности матери моей

грубый и пошлый характеръ, которому она сама, благодареніе Богу, по истинѣ являла крайнюю противоположность.

Это неожиданное оскорбленіе ея памяти заставило меня снова внимательно перечитать всѣ письма моей матери, ища въ нихъ не подтвержденія, а хотя-бы малѣйшее основаніе поклѣпамъ покойной г-жи Сенковской. Нечего и говорить, что я его не нашла; но за то я нашла въ ея письмахъ столько интересныхъ фактовъ и литературно-прекрасныхъ мѣстъ, что рѣшилась передать ихъ въ извлеченіяхъ, дополняя пробѣлы ихъ собственными воспоминаніями моего дѣтства.

Передо мною кипа выцвѣтшихъ писемъ второй половины 1830-хъ годовъ, изъ которыхъ всякому прочитавшему ихъ станетъ ясна печальная ошибка тѣхъ, кто, на основаніи статьи „Романъ забытой романистки“, составилъ себѣ понятіе объ Еленѣ Андреевнѣ Гань, какъ объ особѣ легкихъ нравовъ, легкихъ понятій и легкаго обращенія въ обществѣ. Съ семнадцати лѣтъ легли на нее заботы о семьѣ, о страстно любимыхъ дѣтяхъ и она не только не тяготилась ими, а напротивъ, вся проникнутая чувствомъ своихъ материнскихъ обязанностей, нашла въ нихъ цѣль, смыслъ и даже утѣху своей жизни. Даже на свой поэтический даръ, на свои литературные труды смотрѣла она лишь какъ на единственное средство дать имъ лучшее воспитаніе, образованіе выше средствъ, доступныхъ ихъ состоянію.

„Пусть платятъ мнѣ по 1,000 р. за вспаханную десятину и я съ охотою примусь за обработку земли, вмѣсто своихъ рукописей!“ — писала она тѣмъ, кто легкомысленно осуждалъ ее въ тратѣ времени, ради авторскаго тщеславія. И далѣе, когда ей совѣтовали оставить занятіе для сохраненія здоровья: „Какими-бы то ни было жертвами хочу, чтобы дѣти мои были хорошо, но фундаментально хорошо образованы. А средствъ, кромѣ пера моего, — у меня нѣтъ!..“

Съ самаго начала ея семейной жизни, материнскія чувства ея были жестоко потрясены потерей двухлѣтняго сына — Александра, умершаго отъ медленной хронической болѣзни, заставившей ее въ продолженіе мѣсяцевъ страдать, глядя на постепенное угасаніе страстно любимаго ребенка. Тѣмъ горячѣе обратилась она къ обязанностямъ своимъ въ отношеніи оставшихся

дѣтей, старшей, четырехлѣтней дочери Елены, и меня, вскорѣ затѣмъ появившейся на свѣтъ. Вопреки совѣтамъ докторовъ, боявшихся за ея здоровье, она непремѣнно сама захотѣла кормить меня.

При такихъ-то семейныхъ обстоятельствахъ, годъ спустя, служа мнѣ кормилицей и далеко неутѣшенная въ утратѣ сына, мать моя должна была, по служебнымъ дѣламъ мужа, ѣхать въ Петербургъ,—въ поѣздку, давшую почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти ея, добрымъ людямъ поводъ бросить комкомъ своей житейской грязи въ ея чистую память!

Это было въ 1836 году. Здѣсь множество эстетическихъ удовольствій: знакомство съ произведеніями художниковъ и артистовъ, съ ними самими; со многими новыми лицами, родственниками и посторонними, которые, очарованные ею, наперерывъ старались угодить, развлечь, доставить ей удовольствіе, а въ особенности прогулки по окрестностямъ Петербурга, по Невѣ и островамъ, поѣздки въ Царское, въ Петергофъ и Кронштадтъ—развлекли мать мою и доставили ей много пріятныхъ часовъ, которые она не уставала описывать своимъ близкимъ.

Глубоко религіозная и восторженная патриотка, первыя письма ея переполнены описаніями храмовъ, ихъ величія, святыни и побѣдныхъ трофеевъ, находящихся въ Казанскомъ, Петропавловскомъ, Александро-Невскомъ и другихъ соборахъ.

„Меня поразило величіе Невскаго монастыря, серебряная рака святаго Александра, съ его четырьмя ангелами; гробницы нашихъ великихъ людей и воиновъ“,—пишетъ она сестрѣ своей:— „но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое овладѣло мной при входѣ въ Казанскій соборъ!“

Передъ тѣмъ она описывала первую прогулку свою по Невскому съ братомъ своего мужа, Ив. Алекс. Ганъ, которому, занятый службой, отецъ мой поручилъ познакомить ея со столицей, и продолжаетъ далѣе:

„Ты со своимъ патриотизмомъ навѣрное прослезилась-бы при видѣ столькихъ трофеевъ... Даже я, охладѣвшая къ сильнымъ ощущеніямъ, только присутствіемъ Ив. Алексѣевича была удержана отъ того, чтобы не броситься на колѣна, вступивъ въ этотъ чудный храмъ, и на колѣнахъ взирать на славу Россіи!.. Только иконостасъ украшенъ образами: обѣ стороны громаднаго

собора покрыты букетами знаменъ, отбитыми у враговъ въ царствованіи Александра и Николая; а внизу надписи на золотой доскѣ гласятъ: вѣмъ, когда и у кого отбиты. О, какъ понуро смотрятъ здѣсь прославленные Наполеоновскіе орлы! Повѣся горестно носы, они, кажется, готовы спрятать свои посрамленные головы подъ крылья!.. Тутъ и персидскій левъ, смирившійся въ овечью; и магометанская луна, и, наконецъ, на двухъ колоннахъ ключи, поднесенные взятыми съ бою крѣпостями; а надъ ними жезлъ маршала Даву словно отдаетъ честь могилѣ героя нашего, Кутузова...“ „Не знаю, о чемъ и говорить, такъ много впечатлѣній!.. Одна изъ лучшихъ картинъ Петербурга безспорно представилась мнѣ со стѣны Петропавловской крѣпости. Она очаровала меня!.. Весь городъ, какъ въ волшебной панорамѣ: отъ Смольнаго монастыря до взморья. У ногъ широкая, тихая въ тотъ вечеръ Нева, съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и парусовъ на взморьѣ; по ту сторону ея, дворцы, набережныя, сады, все тонуло въ золотистомъ туманѣ заката...“

Большой помѣхой въ одинокихъ (по неволѣ: не всегда-же находились провожатые между занятыми службой родственниками!) прогулкахъ хорошенькой молодой женщины по столичнымъ улицамъ составляли уличные ловеласы и мать моя часто жалуется на эту, въ провинціи неизвѣстную, помѣху, я юмористически описываетъ свои съ ними передѣлки.

„Чтобы наслаждаться вполнѣ чудными картинами, которыя здѣсь встрѣчаешь на каждомъ шагѣ“,—говоритъ она,—„надо-бы быть огражденной отъ тысячи прохожихъ; а здѣсь, къ несчастію и стыду петербургской публики, женщинѣ, моложе пятидесяти лѣтъ, одной ходить почти невозможно! Представь себѣ, сегодня я долго застоялась на площадкѣ у Зимняго дворца, любуясь на бурную Неву и чудную картину захода солнца межъ черныхъ тучъ. На противоположномъ берегу возносился весь ярко озлащенный шпигъ крѣпости съ ангеломъ; подлѣ окоповъ и крѣпостныхъ стѣнъ, о которые разбивались свинцовыя волны, красивое зданіе биржи, съ колоннами, со множествомъ мачтъ всѣхъ народовъ, съ пароходами, изъ которыхъ нѣсколько разводили пары, выкидывая изъ трубъ влуды фантастически окрашеннаго дыма. Вправо и влѣво необозримой градой танулись дворцы, сады, храмы; а за этими природными декораціями, вдали, на

рукавъ Невы, спускалось солнце межъ багряныхъ облаковъ... Небо черно, рѣка черна и волниста; на облакахъ и волнахъ ходятъ ярко-багровыя вспышки, огненные просвѣты, словно на кратерѣ вулкана, и среди этого хаоса красокъ, свѣта и тѣни сотни лодокъ съ бѣлыми парусами ныряютъ, какъ бѣлокрылыя пташки, испуганныя бурей!.. Ну какъ не залюбоваться такою картиной?.. Я и залюбовалась и запоздала... И за то была наказана: присталъ ко мнѣ на возвратномъ пути какой-то гвардеецъ, и добро-бы молоденькій, а то увѣщенный орденами, пожилой человекъ, а все еще проказить, старый бѣсъ!.. Вообрази, предолго шель, заговаривая, осыпая комплиментами на трехъ языкахъ: по-русски, французски и по-нѣмецки... Надоѣлъ онъ мнѣ! Хорошо еще, что дерзости никакой себѣ не позволилъ. Вздумала я отдѣлаться, притворившись, что не понимаю; да вдругъ обернулась и пресердито закричала: „Lasciami, signor! non so che dice!“ Онъ сквозь зубы: „ахъ! итальянка!.. съ тобой не разговоришься!“ И на поворотѣ исчезъ. Вечеромъ пришли Ив. Алексѣвичъ и Николай Васильчиковъ ¹⁾ и такъ напугали меня рассказами о подобныхъ уличныхъ приключеніяхъ, очень неприятныхъ, что я рѣшилась не пускаться больше въ одинокія прогулки... а жаль!“

Случившееся нѣсколько дней спустя съ моею матерью происшествіе, въ такомъ же родѣ, но пресмѣшно закончившееся, еще болѣе убѣдило ее въ опасности хорошенькой молодой женщины запаздывать на улицахъ Петербурга того времени.

Она возвращалась отъ всеюнощной, неподалеку отъ дому, когда ее догналъ очень юный офицерикъ съ предложеніемъ проводить ее.... Взглянувъ внимательнѣе на его эполеты, она увидала, что онъ артиллеристъ, и мало этого: одной батареей съ отцемъ моимъ. Въ головѣ ея тотчасъ же составился смѣхотворный провѣтъ.... Птенецъ былъ еще такъ юнъ, что она рѣшилась дать ему полезный урокъ и не побоялась заговорить съ нимъ. Тотъ въ восторгѣ предлагалъ прогулки, ужины, рестораны, кондитерскія; но мать моя очень развязно заявила, что совсѣмъ этого всего не нужно, а гораздо проще и веселѣй ему будетъ довести ее до недалекой ея квартиры и зайти въ ней....

¹⁾ Полубратъ по матери моего отца.

— А вы живете одни?—спросилъ птенецъ.

— Нѣтъ, не одна.... Но мои будутъ вамъ очень рады! успокоила его мать моя; сама успокоенная тѣмъ, что они ужъ вошли въ ворота. Я живу здѣсь!... Прошу васъ идти за мною.

Офицерикъ, не помня себя отъ радости, вошелъ, стгорича не разобравъ въ передней шинели и фуражки знакомой ему формы. Его гостеприимная спутница обязательно положила, пока онъ сбросилъ верхнее платье и войдя, въ сопровожденіи его въ гостиную, гдѣ мужъ ея сидѣлъ, спокойно курая трубку и раскладывая пасьянсъ, громко сказала:

— Петръ Алексѣичъ! Вотъ молодой человекъ, твой сослуживецъ, спасибо ему, обязательно проводилъ меня изъ церкви.... Я такъ не люблю ходить одна по вечерамъ, что жалѣла, зачѣмъ не взяла лавка, а онъ меня выручилъ. Поблагодари его!

Можно представить себѣ жалостное положеніе птенца, вѣроятно впервые задумавшаго расправить неопытныя крылышки! Онъ оторопѣлъ и поблѣднѣлъ, узрѣвъ передъ собой свое прямое начальство, хотя въ добродушномъ приѣмѣ отца моего не было ничего, страхъ внушающаго.... Не смотря на усиленные просьбы остаться, напитокъ чаю, молодой артиллеристъ, оказавшійся только-что выпущеннымъ со школьной скамьи прапорщикомъ, смущенно отказался провести вечеръ въ обществѣ, котораго за нѣсколько минутъ самъ желалъ такъ пламенно, и послѣ долго не могъ, при встрѣчахъ, смотрѣть въ глаза моей матери, хотя она своимъ привѣтливымъ, ровнымъ обращеніемъ никогда не напоминала ему его неловкой ошибки, надъ которой она, по уходѣ его, вдосталь насмѣялась вмѣстѣ съ мужемъ.

Вскорѣ всѣ, покидавшіе на лѣто столицу, вернулись обратно и матери моей ужъ болѣе не приходилось, въ отсутствіи мужа по служебнымъ обязанностямъ, одной гулять по Петербургу: у нея явилось множество чичероне обоого пола, въ лицахъ громаднаго родства Фадѣевыхъ и Ганъ. Возвратились и Сушковы ¹⁾, и ихъ родственники Беклешевы, дядя и тетя Кузинъ

¹⁾ У князя Павла (официально Ивана) Васильевича Долгорукова, послѣдняго представителя старшей линіи въ родѣ Долгорукихъ, не было сыновей, а лишь двѣ дочери: старшая Елена Павловна, въ замужествѣ Фадѣева, мать моей матери, и меньшая, Настасья Павловна, въ замужествѣ Сушкова, мать двухъ дочерей, вышедшихъ замужъ за Хвостова и Лидженскаго.

моей матери Катерины и Лизаветы Александровны Сушковыхъ. Въ то время одна изъ нихъ только, меньшая, Лиза, некрасивая и горбатая, была замужемъ за Ладыженскимъ; старшая-же, Катя, очень романическая барышня, съ черными пламенными глазами и убѣжденіемъ въ своей поэтической разочарованности (судя по письмамъ моей матери), жила поочередно то у однихъ своихъ родственниковъ, то у другихъ, въ Москвѣ, Петербургѣ и Псковѣ. Отца и матери ихъ уже не было въ живыхъ.

Какъ только Сушковы пріѣхали, тотчасъ же навѣстили родителей моихъ; но, не заставъ ихъ дома, велѣли передать самыя родственныя чувства, привѣты и просьбы навѣстить ихъ скорѣе, по крайне важному дѣлу. Мать моя отправилась къ нимъ на другой же день. Важное дѣло оказалось, кромѣ того, весьма невѣроятнымъ дѣломъ: какой-то сенаторъ Кушелевъ передалъ ихъ общему дѣду, князю Павлу Вас. Долгорукому, „достоверныя свѣдѣнія“ объ огромномъ наслѣдствѣ, —десятькѣхъ милліоновъ, — положенныхъ яко бы отцомъ его, княземъ Василюмъ Долгорукимъ, въ англійскій банкъ, во время гоненія Бирона на родъ Долгорукихъ.... Загвоздка къ полученію этого прадѣдовскаго капитала, съ процентами на проценты, состояла лишь въ томъ, что сгорѣли документы, выданные банкомъ!... Впрочемъ, Сушковы увѣряли, что Кушелевъ указывалъ на какія-то лазейки и доказательства; что дѣдушка (проживавшій въ то время въ своей деревнѣ Пензенской губ.) надѣется и рѣшился дѣятельно хлопотать и совѣтывали моей матери „не зѣвать“, а сама Катерина Александровна собиралась непременно тотчасъ же ѣхать въ Пензу, какъ только прослышитъ что-либо новенькаго о прадѣдовскихъ милліонахъ.... Мать моя не обратила вниманія на эти сказочные слухи; они, въ самомъ дѣлѣ, были вѣроятно вымышлены, потому что вскорѣ были забыты, даже мечтательной Катей Сушковой, и надежды ея разбогатѣть канули въ Лету.

Однимъ изъ лучшихъ удовольствій матери моей были выставки картинъ и опера. Она всегда находила, что музыка не только развлеченіе, но и „лучшее утѣшеніе въ этой жизни, послѣ религіи“.... Живя иногда въ Одессѣ, она часто бывала въ оперѣ и находила, что тогдашніе одесскіе пѣвцы-итальянцы несравненно выше, по голосу, обработкѣ его и вкусу, нежели

петербургскій персоналъ, за нѣсколькими немногими исключеніями, за то декораціи и обстановка далеко опередили провинціальную сцену и заставляли ее искренно восхищаться, даже балетомъ, котораго она вообще не любила. Въ одномъ изъ писемъ ея есть юмористическій рассказъ объ огромной семьѣ помѣщика, биткомъ набившей ложу, сосѣдную съ ней, блистательно подтверждающій, что машинная и декоративная часть и въ 1830 годахъ была здѣсь прекрасна. Давали „Фенеллу нѣмую изъ Портичи“, оканчивающуюся, какъ извѣстно, пожаромъ. Когда дворецъ началъ горѣть, извергать дымъ и пламя, тучный глава помѣщичьей семьи сталъ выказывать явные признаки безпокойства, увѣряя, что это точно горитъ! Что пожаръ точно такой же, какъ за прошлымъ лѣтомъ въ ихъ деревнѣ былъ, когда амбаръ и овины погорѣли... Младшія дѣти начали плакать, прося папеньку съ маменькой скорѣе уйти, пока огонь „оттуда сюды не переметвулъ“, а мать, хотя и сердилась, уговаривая дѣтей и супруга, что „это-жъ не въ заправду!“—однако, подъ конецъ тоже не выдержала, вскочила и всѣ, толкаясь, бросились вонъ изъ ложи, оглядываясь и чуть не крестясь отъ страху.

Послушавъ писку „бѣлобрысой нѣмецкой Нормы“ или прославленнаго тенора Голландера „се bien bel homme, mais bien pauvre chanteur“,—мать моя не разъ заказывалась ѣздить въ нѣмецкую оперу и начинала усердно посѣщать русскіе театры, смотрѣть и слушать русскихъ пѣвцовъ и въ особенности русскихъ актеровъ, во главѣ которыхъ тогда стоялъ Каратыгинъ.

— „Слышала я Семирамиду и хорошенькую оперу: „Елиза и Клавдіо“, писала въ это время она роднымъ своимъ. „Мнѣ русскія пѣвицы несравненно болѣе нравятся, чѣмъ нѣмецкія. Только не Шелихова,—она пицить! А есть нѣсколько молодыхъ, выпущенныхъ ученицъ Кавоса, которыя очень пріятно поютъ. И голоса обработаны, да только нѣтъ этой южной силы и гибкости, нѣтъ здѣсь нашей одесской Тассистро!... Въ этой оперѣ (Елиза и Клавдіо) музыка очень хороша, о декораціяхъ и говорить нечего,—прелесть! Какъ быстры перемѣны!... При концѣ, послѣдняя арія заставила меня еще болѣе жалѣть, что я не слыхала ее въ Одессѣ. Какъ бы чудно разлилась Тассистро въ этихъ прелестныхъ варіаціяхъ!...“

Въ слѣдующихъ письмахъ она говоритъ о приготовленіяхъ къ новой оперѣ Меербера „Гугеноты“, ради которой рѣшается измѣнить своему намѣренію не ходить болѣе въ нѣмецкую оперу „чтобы не слушать бѣлобрсыхъ, пискливыхъ Нормъ“; но—вотъ новинка! продолжаетъ она: „здѣсь готовится чисто-русская, драматическая опера, либретто Куеольника, а музыка молодаго воспитанника русской музыкальной школы, Глинки: „Иванъ Сушанинъ“. Она вся на русскій ладъ и я со всѣхъ сторонъ слышу большія ей похвалы. Всѣ въ восторгѣ отъ этой національной музыки. Здѣсь явился новый, русскій контральтъ, Воробьева; говорятъ, чудесный голосъ. Дай-то Богъ!... Она будетъ дебютировать мальчишкой въ этой оперѣ. Жду съ нетерпѣніемъ ея дебюта!... Всѣ кричатъ, что голосъ необыкновенный, европейскій; но боятся часто ее выпускать на сцену, потому что ей только шестнадцать лѣтъ....“

Не менѣе музыки увлекала мать мою и хорошая живопись. Письма ея изъ Петербурга переполнены описаніемъ картинъ, видѣнныхъ ею на выставкахъ, въ академіи художествъ, въ эрмитажѣ; а послѣднему дню Помпей и самому Брюлову она посвящаетъ цѣлыя страницы, находя, что послѣ его картинъ на другія нельзя смотрѣть съ прежнимъ удовольствіемъ. „Вообразите“, пишетъ она, „что вы нѣсколько часовъ любовались на открытое небо, на перелетныя облака надъ живописнымъ видомъ, а послѣ вамъ показали бы тотъ же видъ и то-же небо, да только намалеванные на холстѣ.... Точно такое ощущеніе испытываешь, бросая взоръ на другія картины, послѣ живой, трагической живописи Брюлова. Глядишь и глазамъ не вѣришь!... Удивительно, какъ достигъ онъ искусства до такой степени отдѣлять фигуры отъ холста?“... Далѣе она передаетъ толки того времени: о томъ, что въ мальчикѣ съ корзиной на головѣ Брюловъ изобразилъ самого себя, а возлѣ помѣстилъ „чисто-русское личико съ вздернутымъ носикомъ графини Самойловой, съ которой состоялъ въ тѣсной дружбѣ....“ Рассказываетъ, что императоръ Николай Павловичъ будто бы разсердился на Брюлова за то, что онъ отказался отъ его заказа: написать четыре картины парадовъ гвардейскихъ войскъ. „Государь! будто-бы отвѣтилъ Брюловъ: прикажите мнѣ изобразить какія угодно сцены изъ отечественной исторіи, изъ собственныхъ побѣдъ вашего величества,—

я готовъ! Но людей съ вытянутыми носками, выпученныя груди, затаенныя въ мундиры, фигуры, неестественно вытянутыя во фронтъ, ей Богу изобразить не сумѣю!..“ И попалъ будто-бы за то великій живописецъ въ царскую немилость.... „Теперь, пишетъ мать моя, Брюловъ свелъ дружбу съ Кукольникомъ, поселился съ нимъ на одной квартирѣ, живутъ неразлучно и пишетъ онъ новую картину,—осаду Пскова....“

Мнѣ очень жаль, что у меня не сохранились тѣ письма матери моей, въ которыхъ она подробно рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ О. И. Сенковскимъ. Потеряно писемъ ея очень много, какъ видно по числамъ на заголовкахъ ихъ, что не мудрено въ теченіи полу-столѣтія. Но и тѣ малыя указанія, которыя сохранились, достаточно уясняютъ личное мнѣніе ея о немъ и дальнѣйшія отношенія по литературнымъ дѣламъ. Я приведу ихъ далѣе, теперь же скажу то, что подсказываетъ мнѣ память. Первое съ нимъ знакомство устроено было для моей матери одной общей пріятельницей ¹⁾.... Какъ и вся читающая публика того времени, мать моя очень цѣнила его умъ, въ особенности, его знанія и остроуміе. Она высоко ставила литературныя его заслуги и желала отдать свои произведенія именно въ „Библіотеку для чтенія“. Однако, первое свиданіе съ нимъ не оставило въ ней пріятнаго впечатлѣнія.

„Навонецъ, видѣла я Сенковского! пишетъ она отъ 25 сентября 1836 года. Вотъ образецъ безобразія!.. Нельзя вѣрить, чтобъ это былъ сочинитель чувствительнаго разсказа: „Любовь и смерть“ и уморительнаго „Путешествія“. Холодная, серьезная наружность не много напоминаетъ вице-губернатора Иванова; только тотъ въ сравненіи—красавецъ“!..

Если принять во вниманіе, что г. Ивановъ всегда служилъ матери моей и сестрамъ, и знакомымъ ея образцемъ смѣшной уродливости, то сравненіе не представляется лестнымъ для барона Брамбеуса... Приведу ужъ сряду, хотя для этого приходится забѣгать впередъ, остальные два указанія на Сенковского, находящіяся въ 18 письмахъ Е. А. Гань, хранящихся у меня, чтобъ разъ навсегда съ нимъ покончить.

¹⁾ Кажется, Н. П. Кузовлевой, бывшей тогда лектриссой у одной изъ великихъ влиятель.

Въ письмѣ (безъ числа), писанномъ послѣ пребыванія ея въ Петербургѣ, зимою съ 1837 на 1838 годъ, когда она уже рѣшилась оставить „Библіотеку для чтенія“, она говоритъ:

„Я получила два предложенія: писать въ „Отечествен. Записки“ и въ „Сынъ Отечества“... Недавно кончила небольшую повѣсть, которая, по мнѣнію Петра, Антоніи ¹⁾ и моему собственному, лучше всѣхъ написана. Въ ней умъ мой молчалъ, а говорило сердце... Немногіе, знающіе меня коротко, узнаютъ много моего; остальные прочтутъ хорошо написанную повѣсть. Думаю послать ее въ „Сынъ Отечества“, чтобы избѣгнуть переправокъ (Сенковскаго), которыя совершенно разрушаютъ гармонію цѣлаго“...

Изуродованнаго конца „Утбаллы“, въ „Библіотекѣ для чтенія“, мать никогда не могла простить! И, дѣйствительно, оно было ужасно не ловко и безвкусно измышленно! Да и безъ малѣйшей нужды: конецъ, написанный Зинаидой Р—вой (Е. Ганъ), былъ безконечно лучше во всѣхъ отношеніяхъ и поэтичнѣе, и натуральнѣе. Это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру ея терпѣнія... Года черезъ три послѣ этого небрежность, съ которой авторъ такихъ замѣчательныхъ вещей, какъ Фантастическое путешествіе, Большой выходъ сатаны и пр. рассказы лучшаго времени барона Брамбеуса, сталъ относиться къ своимъ беллетристическимъ произведеніямъ, окончательно возмутила его бывшую названную ученицу. Вотъ нѣсколько словъ изъ письма ея отъ 15 января 1842 года.

„Ну, угрожилъ Сенковскій публикѣ такъ давно обѣщаннымъ романомъ! Что за вздоръ!... И что за слогъ! Неужели онъ потерялъ все, даже свое остроуміе?... Осталась лишь пошлая брань, да критика на старыхъ сплетницъ“...

О какомъ романѣ рѣчь—я точно не знаю; но всѣ еще помнящіе печальное паденіе, собственно беллетристическаго, таланта Сенковскаго должны согласиться, что мать моя была права въ своемъ осужденіи недобросовѣстнаго отношенія его къ читателямъ „Библіотеки“ и почитателямъ его таланта. Не даромъ она всю жизнь свою благоговѣла и преклонялась передъ поэзіей и ея представителями въ стихахъ и прозѣ!.. Она-ли не цѣнила эстетическихъ удовольствій, не любила живописи?.. А разъ,

¹⁾ Антонія Христьяновна Кюльвейнъ.

пріѣхавъ на выставку картинъ, которую очень желала видѣть, она не видѣла ни одной изъ нихъ, неожиданно замѣтивъ... Но пусть говорятъ она сама за себя:

„Я вдругъ наткнулась на челоѡѡка, который показался мнѣ очень знакомымъ... Иванъ Алексѣевичъ въ то же время сжалъ мнѣ руку, указывая на него глазами и при второмъ взглядѣ сердце у меня крѣпко забилося... Я узнала—Пушѡина!.. Я воображала его чернымъ брюнетомъ, а его волосы не темнѣе моихъ, длинные, взъерошенные. Маленькій ростомъ, съ заросшимъ лицомъ, онъ былъ бы не красивъ, если бы не глаза. Глаза — блестятъ, какъ угли и въ непрерывномъ движеніи. Я, разумѣется, забыла картины, чтобъ смотрѣть на него. И онъ, кажется, это замѣтилъ: нѣсколько разъ взглядывая на меня, улыбался... Видно на лицѣ моемъ изображались мои восторженные чувства!..“

Но преклоняясь предъ чужими талантами, мать моя и сама все чаще обращала на себя вниманіе общества, и дѣлалась предметомъ празднаго любопытства. Но она этимъ сильно тяготилась... Усиленная застѣнчивостью скромность ея не допускала ее вѣрить искренности комплиментовъ или восторженнаго вниманія: она склонна была подозрѣвать въ нихъ насмѣшку, даже недоброжелательство... Въ глухой провинціи, гдѣ ей по большей части приходилось жить, она точно бывала часто предметомъ зависти и глухихъ измышленій. Такъ разъ одинъ молодой докторъ, искренній поклонникъ ея таланта, но мало знавшій еще ее лично, насмѣшилъ ее до слезъ.

Господа помѣщики окрестныхъ сель, гдѣ расположена была батарея моего отца, вѣрнѣе—ихъ досужія супруги, увѣрили его, что она учится „у попа латыни и греческому языку“... Тотъ возьми, да и разбѣжись въ ней съ сатирами Ювенала, въ подлинникѣ... Можно было бы принять эту выходку за насмѣшку, если-бъ не искреннее изумленіе доктора, когда мать моя, изумившись не менѣе его, объявила что ни аза не смыслить въ древнихъ языкахъ... „Удивляюсь! писала она на другой день: откуда и за что такое недоброжелательство?... Чего хотятъ отъ меня народы, насъ окружающіе?.. Ужъ я ли не веду въ отношеніи ихъ поистинѣ, святую жизнь! Принимаю ихъ со всевозможною учтивостью, даже съ излишнимъ вниманіемъ, лишая себя времени, стараюсь занимать ихъ и сама интересоваться ихъ бесѣ-

дой... А они, вотъ, вмѣсто спасибо, смотрятъ на меня какъ на ярмарочное пугало, на змѣя во фланелѣ; другъ другу показываютъ, зазываютъ, чтобъ мною поподчивать: вотъ вамъ та самая что пишеть, какъ въ книжкахъ печатають! да еще сами же и наплетуть небылицъ!"

Бѣдной матери моеѣ приходилось расплачиваться за то, что она опередила свой вѣкъ: женщина-писательница въ то время еще была диво-дивное! Во Франціи—Жоржъ Сандъ; въ Россіи—она, да родственница ея кузиня Сушковыхъ—графиня Растопчина,—вотъ и весь, почти, счетъ храбрымъ цюнеркамъ по тернистому пути, который онѣ сгладили, „на свой коштъ“; многимъ сотнямъ послѣдовательницъ.

Но, безспорно, бывали и пріятныя для самолюбія минуты и знакомства, возникавшія изъ-за обоюднo искреннихъ чувствъ, доставлявшія матери моеѣ истинныхъ доброжелателей, поклонниковъ ея таланта. Таково знакомство ея съ Бенедиктовымъ, Подолинскимъ, Сенковскимъ, Полевымъ, Гамалеемъ и со множествомъ чуждыхъ литературѣ, болѣе или менѣе свѣтскихъ, вліятельныхъ или частныхъ, но всегда умныхъ людей.

Такъ, она пишеть въ одномъ изъ своихъ непрерывныхъ посланій къ страстно любимой ею матери, что въ одномъ большомъ столичномъ обществѣ, какая-то старушка прочла ей (т. е. бабушкѣ моеѣ, Е. П. Фадѣевой) восторженный панегирикъ за то, что „она въ таковой глуши, безъ большихъ средствъ, безъ учителей, сзумѣла такъ воспитать и образовать своихъ дѣтей“... Будь мать моя мелочнѣй и самолюбивѣй, она еще чаще и больше удовлетворялась бы своими успѣхами. Но она, хоть и радовалась имъ, но все же, повторяю, тяготилась ихъ явными проявленіями, въ особенности если не была вполнѣ увѣрена въ искренности ихъ. Въ бумагахъ ея осталось множество посвященныхъ ей, въ разное время, болѣе или менѣе извѣстными поэтами, стиховъ, но она никогда о нихъ не говорила. Единственное стихотвореніе, о которомъ она съ удовольствіемъ рассказываетъ въ письмѣ къ сестрѣ своей, это посланіе къ ней Бенедиктова, при поднесеніи имъ своихъ сочиненій.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, часто бывая у своихъ многочисленныхъ родственниковъ, мать моя ближе всего сошлась съ двоюродной сестрою, Кат. Ал. Сушковой.

Во многихъ ея письмахъ есть похвалы ей, сожалѣнія о печальной судьбѣ этой умной, красивой, по тогдашнему уже не молодой дѣвушки, жизнь которой была разбита неудачною привязанностью къ Лермонтову,—человѣку, который ею потѣшался и не затруднился, поигравъ, ради особыхъ цѣлей, ея чувствами, равнодушно отъ нея отвернуться. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, Катерина Александровна Хвостова совершенно иначе говорила объ отношеніяхъ къ ней этого человѣка, въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ, вообще, большую роль играетъ фантазія... Если она фантазировала и въ тѣхъ запискахъ или, вѣрнѣе, въ томъ дневникѣ, который давала читать моей матери въ 1836 году, пусть сама приметъ и отвѣтственность за нареканія на человѣка, прославленнаго геніальнымъ талантомъ, имя котораго никогда не умереть въ Россіи.

Сначала Катя Сушкова показала матери моей суетной и слишкомъ свѣтски-пустой дѣвушкой; быть можетъ, мнѣніе это составилось вслѣдствіе того, что тетуски ея, изъ которыхъ одна еще очень молодилась, сами чрезвычайно любили свѣтъ и жили открыто. У нихъ была вѣчная суতোлка beau monde'a, изъ которыхъ многіе были въ родствѣ; другіе, состоя въ свойствѣ съ Сушковыми, Беклешовыми и пр. даже не черезъ Долгорукихъ, а съ другихъ сторонъ, все таки настаивали на томъ, что они и съ матерью моей свои, и чрезвычайно заискивали и ласкали ее. Въ этомъ хаосѣ родственныхъ объятій она сначала не могла разобраться; но потомъ обошлась и повинилась въ томъ, что ошиблась, считая кузину пустой и вѣтренной дѣвушкой. Та прежде всего увѣрила ее, что очень несчастна; что отнюдь не по влеченію ведетъ такую суетную жизнь, а изъ угожденія теткамъ, да отчасти для того, чтобъ никто не могъ даже подозрѣвать объ ея несчастіи... Узнавъ правду, въ ней увидали бы жертву!—это было бы слишкомъ оскорбительно для ея самолюбія!.. Наконецъ, ей необходимо бывать много въ свѣтѣ, для того, чтобъ сдѣлать блестящую партію... Она теперь выйдетъ не иначе, какъ по расчету, „roug avoig un avenir assuré“. Такъ не разъ говорила она моей матери (что не помѣшало ей потомъ выйти замуужъ за человѣка совсѣмъ не богатаго и не особенно чиновнаго)... Кончилось тѣмъ, что она дала ей прочесть свой дневникъ. Вотъ рассказъ о томъ моей матери своей сестрѣ.

„Съ Катей я довольно сошлась, она меня полюбила и дала тайную исторію своей жизни. Большая тетрадь, а то бы я переписала... Вотъ участь необыкновенная!.. рѣдкій, въ романахъ, случай. Нечего писать о себѣ, скажу о ней. Четыре года тому она жила въ Москвѣ. Тамъ прельстился ею молодой князь, Michel (фамиліи не знаю), очень богатый. Но его отецъ противился ихъ браку, какъ по ея малому состоянію, такъ и по его молодости: ей было 18 лѣтъ, ему—20 лѣтъ. Она не чувствовала къ нему ни любви, ни отвращенія; но желала выйти за него для его пяти тысячъ душъ. Но такъ какъ онъ былъ хорошъ, уменъ, то кончилось тѣмъ, что и онъ ей понравился. Она чрезвычайно подружилась съ его кузиной Александриной, которая въ ней, казалось, души не слыхала. Вотъ, съ весной, она покидаетъ Москву... Князь Michel клянется ей, что будетъ столѣтія ждать, если она общается ему ту же вѣрность, и они разстанутся.

„Не проходитъ полугода, Александрина пишетъ ей, что старый князь, отецъ Мишеля, умеръ, а самъ онъ проситъ ея позволенія явиться къ ней, въ Петербургъ. Катя отвѣчаетъ согласіемъ и онъ пріѣзжаетъ... Первое свиданіе очень нѣжно! Марья Васильевна (тетка ея) была больна, а потому онъ сразу не объявляетъ своихъ требованій...

„Вмѣстѣ съ княземъ пріѣхалъ его родственникъ, молодой офицеръ, лейбъ-гусаръ... Его я знаю лично, его зовутъ—Лермонтовъ. Умная голова! Поэтъ, краснорѣчивъ. Не хорошъ собою, какое-то азіатское лице; но южные, пламенные глаза, и ловокъ, какъ бѣсъ!.. Онъ увивается около Кати, она обходится съ нимъ какъ съ будущимъ родственникомъ, онъ бываетъ часто, ежедневно. Князь бываетъ рѣже и она замѣчаетъ, что какое-то облако мрачить его душу. Она допрашиваетъ, но онъ молчитъ, отговаривается недавней потерей отца...

„Такъ проходитъ два мѣсяца.

„Послѣ тяжелой болѣзни, М. В. Беклешова медленно оправляется, князь молчитъ и съ Катей замѣтно холоднѣй.. а Лермонтовъ окружаетъ ее всѣми сѣтами: груститъ, изливаетъ жалобы и въ прозѣ, и въ стихахъ и, наконецъ, открываетъ ей, что день ея свадьбы съ княземъ будетъ его послѣднимъ днемъ!..

„Она и прежде его предпочитала, но тутъ ея голова пошла кругомъ! Она перестала искать причины охлажденія князя, всей

душой предалась Лермонтову, и бѣдняжка! Какъ онъ умѣлъ опутать эту невинную душу! Чего не употреблялъ, чтобы доказать ей, какъ мало князь достоинъ ея!.. Какъ сыпалъ элегіями и поэмами,—онъ здѣсь извѣстный поэтъ, но по странной прихоти ничего не печатаетъ,—смѣшили и трогалъ—успѣлъ!.. Она полюбила его со всею страстью первой взаимности.

„Князь уѣхалъ, не простась,—она о немъ и не тужила.

„Послѣ его отъѣзда, всю остальную часть зимы Лермонтовъ былъ также страстенъ. Весна призвала его въ лагерь, ее — въ деревню. Къ осени они сошлись: она все та-же! Онъ съ холоднымъ повлономъ вѣжливости, она глядѣла со слезами ему въ глаза. Онъ спрашивалъ ее о здоровьѣ, бывалъ у нихъ довольно часто, но о прежнемъ—ни слова!.. Она терлась въ догадкахъ. Мучилась, плакала и рѣшилась спросить о причинѣ его поведенія.

„Это было на балѣ. Онъ отвѣчалъ съ порывомъ прежней страсти, что есть причина, по которой онъ долженъ молчать, но... можетъ-ли измѣниться?!..

„Она вновь счастлива, но съ первымъ баломъ онъ не глядитъ на нее, беретъ слово танцовать съ нимъ мазурку, и въ началѣ танца приглашаетъ незнакомую, сидящую подлѣ нея. Не могу описать какъ игралъ онъ ею, то говоря о любви, то притворяясь холодно ничему не вѣрующимъ.—Навонецъ, когда она потребовала отъ него рѣшительнаго разрѣшенія загадки, вотъ что Лермонтовъ отвѣчалъ ей:

— „Mon Dieu, mademoiselle! Peut être vous aimè-je, peut être non! Je n'en sais rien, vraiment!.. Et qui peut se ressouvenir de toutes les passions de l'hiver passé?.. Je tombe amoureux pour tuer le tems et non la raison! — faites comme moi et vous vous (en) trouverez bien“.

„Она вздрогнула (продолжаетъ мать свое описаніе) и посреди тысячи особъ слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея, онъ захохоталъ“...

„Мѣсяцъ не выѣзжала она, всѣ дяди и тетки вооружились противъ нея, она выходила только въ церковь, которая противъ ихъ дома, но и тамъ столько плакала, что священникъ нѣсколько разъ подходилъ спрашивать ее о причинѣ.

„Въ это время тетка ея получаетъ анонимное письмо, образецъ искусства, будто-бы отъ неизвѣстнаго, гдѣ Лермонтовъ

описанъ самыми черными красками, гдѣ говорятъ, что онъ обольстиль одну несчастную, что Катю ожидаетъ та-же участь, „car il possède l'art diabolique de se rendre prestigieux, car il est un démon, dont la sphère est le mal! Le mal sans intérêt personnel, le mal—pour le mal même!..“

„Катя узнала въ этомъ письмѣ почеркъ самого Лермонтова!.. Она смолчала. Но какова была сила любви ея къ человѣку, такъ жестоко ею потѣшавшемуся, можно судить потому, что когда родные ея отказали ему отъ дома, а ее принудили выѣзжать, при первой-же встрѣчѣ съ нимъ въ свѣтѣ она не сдумѣла отъ него отвернуться. Онъ подошелъ къ ней.

— „Dieu, que vous êtes changée! Quel peut être le mal, qui a effacé vos belles couleurs!“

„Онъ глядѣлъ на нее съ участіемъ. Искра жизни закралась въ ея душу.

— „Voulez-vous, — продолжалъ Лермонтовъ, — m'accorder la mazurque, j'ai a vous parler!“

„И она все забыла! Она предалась надеждѣ, что, быть можетъ, то было испытаніе, тяжелый сонъ, а отнынѣ все пройдетъ“...

„Но настала мазурка, съ какимъ волненіемъ сѣла она возлѣ него, а онъ, послѣ долгихъ приготовленій, сказалъ:

— „Dites, n'êtes vous pas amoureuse, par hasard, de qui donc? est ce de...“ и онъ началъ считать нѣкоторыхъ ея знакомыхъ, съ волкими насмѣшками на ея счетъ.

Она сидѣла, молчала, но уже не выѣзжала болѣе и весной поѣхала въ Москву на свадьбу Ростопчиной. Съ Александриной, родственницей бывшаго жениха своего, князя Мишеля, онѣ тамъ встрѣтились очень дружески. Онѣ всегда были въ перепискѣ, такъ что той былъ извѣстенъ весь печальный романъ ея; тутъ-же, при личномъ свиданіи „съ другомъ“, Катя вновь все ей рассказала, наивно изливая ей все свое сердце... Разъ, пріѣхавъ рано къ Александринѣ, Катя прошла прямо къ ней въ комнату, пова хозяйки дома были очень заняты въ гостиной пріемомъ важной родственницы. На столѣ была опрокинута открытая шкатулка, съ грудой вывалившихся изъ нея писемъ... Въ глаза ей метнулось ея имя, въ письмѣ, написанномъ рукой слишкомъ знакомой... Она взяла и прочла:

„Soyez tranquille, mon aimable cousine, писалъ Лермонтовъ

своей родственницѣ Александриѣ: Michel ne se mariera jamais à M-lle Souschkoff. J'ai joué un double rôle qui m'a réussi parfaitement et la coqueterie de M-lle Souschkoff est bien punie, elle est tellement noircie aux yeux de Michel, qu'il ne sent pour elle que du mépris et à force de la flatter j'ai réussi de lui tourner la tête et de lui inspirer une passion qui me tracasse, il ne me sera pas si facile de m'en débarasser, mais notre but est remplie et de M-lle Souschkoff advenue que pourra!"

(Переводъ). „Будьте спокойны, милая кузина, Мишель никогда не женится на M-lle Сушковой. Я игралъ двойную игру, которая удалась мнѣ превосходно. Кокетство M-lle Сушковой хорошо наказано! Она такъ очернена въ глазахъ Мишеля, что онъ къ ней чувствуетъ одно презрѣніе; мнѣ-же удалось лестью вскружить ей голову и даже внушить ей страсть, которая мнѣ неприятна... Не такъ-то легко будетъ мнѣ отъ нея отдѣлаться! Зато цѣль наша достигнута, а что касается до M-lle Сушковой, — будь съ ней, что будетъ!..“

Тогда только Катя поняла, что бѣдныя родственницы князя, Александрина и мать ея, живя съ нимъ вмѣстѣ и на его счетъ, отнюдь не желали, чтобы онъ женился, да еще на дѣвушкѣ безъ состоянія.

Катя имѣла власть надъ собою и когда Александрина возвратилась, она сказала ей, показывая письмо:

— „Ты видишь, я могу обнаружить ваши подлости, я могу завтра-же сойтись съ княземъ, объяснить ему ваше поведеніе, могу восторжествовать надъ вами, но я лучше хочу презрѣть васъ и доказать, что есть въ мірѣ благородныя чувства, о которыхъ вы забыли!“

Князь снова ухаживалъ за ней, но она была съ нимъ холодна.

„Этимъ все кончилось, но не кончилась ея любовь. Она, сознавая вполнѣ все неблагородство поступковъ Лермонтова, еще любить его. Два года прошло послѣ этой исторіи, но она не можетъ принудить себя встрѣчаться съ нимъ равнодушно. Онъ, въ рѣдкихъ встрѣчахъ съ нею, говоритъ съ ней, танцуетъ, какъ ни въ чемъ ни бывало!.. Я видѣла его нѣсколько разъ, и дивилась ей!.. О вкусахъ, конечно, не спорять; но онъ, по крайней мѣрѣ, правду сказалъ, что похожъ на сатану... Точъ

въ точь маленькій чертенокъ, съ двумя углями вмѣсто глазъ, черный, курчавый и въ добавокъ въ красной курткѣ“.

Изъ послѣдняго замѣчанія моей матери я ясно вижу, что она не была знакома и врядъ-ли когда-либо разговаривала съ творцомъ „Мцыри“ и „Демона“, а тѣмъ менѣе читала его произведенія, тогда ходившія лишь въ рукописяхъ. Иначе она не удивлялась-бы вкусу своей кухни и поняла-бы, что Лермонтовыхъ любить не за наружность!.. Во всякомъ случаѣ, онъ сыгралъ незавидную и печальную для своей славы роль въ исторіи юности моей двоюродной тетушки... если только она не вполнѣ увлеклась своей, въ то время, вѣроятно, сильной романтической фантазіей и не ввела моей матери въ невольное заблужденіе.

Если рассказъ этотъ ложень, — да проститъ Господь Богъ Еватеринѣ Александровнѣ Хвостовой! А мнѣ да проститъ самъ славный поэтъ приведеніе въ извѣстность рассказа, бросающаго на него тѣнь нареканія.

Матери моей часто приходилось встрѣчаться со знаменитостями того времени и почти всѣ они изумляли ее безобразіемъ, несоотвѣтствовавшимъ блестящему понятію, которое она издала о нихъ себѣ составила. Въ самомъ дѣлѣ, странно, что лучшіе представители блестящаго литературнаго періода 1830-хъ годовъ наружнымъ благообразіемъ далеко не блистали!.. Пушкинъ, Лермонтовъ, Бенедиктовъ, Сенковскій. Стоитъ вспомнить ихъ портреты, чтобы не дивиться удовольствію, съ которымъ мать моя описываетъ слѣдующую встрѣчу:

„Въ послѣдній разъ, на выставкѣ, одинъ юноша привлекъ все мое вниманіе. Очень высокій, очень худой, ни дурень, ни хорошъ, но было въ немъ нѣчто особое... Маленькое, блѣдное лицо; только черные большіе глаза поразили меня необыкновеннымъ выраженіемъ; да еще, что среди тысячи завитыхъ головъ его волосы, длинные, черные, свободно развѣвались вокругъ головы. Много тутъ было вельможъ въ звѣздахъ и лентахъ, и всѣ подходили къ нему и жали ему руки... Долго я смотрѣла на него, догадываясь... Наконецъ, Иванъ Алексѣевичъ также подошелъ къ нему: „Несторъ Васильевичъ!“ Тутъ я узнала, что мои догадки справедливы: Кукольникъ! на немъ видна печать гения!..“

Наконецъ-то, послѣ долгихъ призывовъ матери моей, просьбъ и напрасныхъ ожиданій, дождалась она желаннаго приѣзда отца

своего и сестры. Проживъ еще съ ними нѣкоторое время въ Петербургѣ, она, съ ними-же вмѣстѣ, его оставила и провела весну 1837 года въ Астрахани; а оттуда поѣхала съ родными своими и двумя дочерьми, чрезъ калмыцкія степи, на кавказскія минеральныя воды, въ то время какъ отецъ мой оставался въ Малороссіи при своей батарее. Путешествіе принесло большую пользу тѣмъ, что подрѣшило начинавшее уже разстраиваться здоровье матери; развлекло ее, порадовавъ свиданіемъ съ нѣжно любимую матерью и продолжительнымъ пребываніемъ въ семьѣ родительской, за которой она не переставала тосковать со дня разлуки, и возбудило въ ней много поэтическихъ замысловъ. Плодомъ ихъ вскорѣ явились новыя повѣсти: Утбалла, Воспоминаніе о Желѣзноводскѣ и пр. Но писать ихъ ей снова пришлось въ далекомъ захолустѣ, среди неудобствъ нравственнаго одиночества и матеріальныхъ лишеній, неотвратимыхъ въ обстановкѣ тѣхъ несчастныхъ хуторовъ и жидовскихъ мѣстечекъ, гдѣ ей приходилось жить, слѣдуя за перемѣщавшеюся по стоянкамъ батареею отца.

Впрочемъ, въ этому времени судьба нѣсколько сжалась надъ нравственнымъ одиночествомъ моей матери, пославъ ей преданную до самозабвенія добрую душу, въ лицѣ молодой дѣвушки, вступившей въ домъ нашъ просто воспитательницей, но скоро обратившейся въ лучшаго друга и дѣятельную помощницу его хозяйки. То была уроженка Курляндіи, безродная сирота Антонія Христіановна Кюльвейнъ. Судьба этой прекраснѣйшей женщины, которой я, лично, обязана болѣе, нежели кто либо въ семьѣ нашей, такъ какъ она была единственной моей воспитательницей и наставницей, по истинѣ замѣчательна. Въ дѣтствѣ она извѣдала все горе, которое можетъ пасть на долю ребенка, преданнаго во власть грубой и злой мачихи. Разъ выгнанная ею изъ дому въ крещенскую стужу, она едва не замерзла. Найденная кистеромъ ихъ церкви на своемъ порогѣ въ безчувственномъ состояніи, она болѣе не возвращалась въ родительскій домъ, гдѣ вскорѣ всѣ перемерли отъ холеры, кромѣ одного старшаго ея брата, служившаго въ Петербургѣ. Ему ли или дѣду ея, пастору, пришла благая мысль записать ее кандидаткой въ Екатерининскій институтъ, но ей въ этомъ отношеніи удивительно посчастливилось: она попала туда на казенный счетъ. Добрые люди отвезли сироту и

вотъ, учась превосходно, она кончила курсъ на первый шифръ. За нею слѣдовала кандидаткой на награду дѣвушка одной изъ лучшихъ фамилій въ Россіи; но въ величайшей чести тогдашняго начальства, оно не хотѣло сдѣлать несправедливости, хотя различія въ отвѣткахъ обѣихъ институтокъ было очень мало...

Между тѣмъ государынѣ и даже самому государю Николаю Павловичу было желательно, чтобъ будущая фрейлина ихъ двора имѣла первый шифръ... Начальство доложило, какъ и что; довело до царскаго свѣдѣнія о преимуществахъ бѣдной, безродной сироты надъ богатой, титулованной соперницей, по правамъ... И вотъ разъ, предъ самымъ актомъ, Государь заѣхалъ въ институтъ, вышелъ въ садъ къ гулявшимъ воспитанницамъ и вдругъ, подозвавъ къ себѣ будущую шифрницу, ласково заговорилъ съ нею, хвалилъ ея успѣхи и спрашивалъ, что думаетъ она дѣлать по выпускѣ? Куда ѣхать? Чѣмъ заниматься?... Она отвѣчала, что, не имѣя семьи, опредѣленныхъ плановъ не имѣетъ, а желала бы найти мѣсто учительницы...

Государь вдругъ спросилъ:

— Не пріятнѣй-ли было бы тебѣ вмѣсто шифра получить пожизненную пенсію?

Дѣвушка оторопѣла и не знала чтò отвѣчать.

Государь улыбнулся и ласково объяснилъ ей, что если она хочетъ, то, вмѣсто обыкновенной институтской награды, она, сохраняя всѣ права, которыя даетъ первый шифръ, вмѣсто него получить отъ него самого на всю жизнь обезпеченіе отъ нужды. Нечего и говорить, какъ охотно она согласилась и какъ была всю жизнь благодарна за царскую милость!.. Первый шифръ получила княжна **, а Антонія Кюльвейнъ, вмѣсто него, получала ежемѣсячно 35 р. царской пенсіи. Она до такой степени удовлетворяла ея скромнымъ нуждамъ, что Антонія Христіановна никогда ничего не хотѣла получать, въ вознагражденіе за свои труды отъ матери моей, и послѣ смерти ея точно также жила при насъ у бабушки и дѣда Фадѣевыхъ, въ домѣ которыхъ мы выросли и гдѣ прожила она до самой своей смерти, въ 1850 г. Въ семьѣ моей матери всѣ искренно любили ее и уважали, но до поступленія къ намъ, по выходѣ ея изъ института, ей еще пришлось много натерпѣться, мытарствуя по чужимъ домамъ. Изъ послѣдняго своего убѣжища, въ домѣ одной богатой

пожѣщницы легкаго поведенія, вздумавшей сваливать свои эротическія прегрѣшенія на бѣдную наемную сироту, Антонія просто-сбѣжала; а разъ попавъ къ матери моей, сочла себя въ царствіи небесномъ и привязалася къ ней страстнымъ, восторженнымъ обожаніемъ.

Она помогала матери моей во всемъ, ухаживала за ней во время частыхъ ея болѣзней, переписывала ея сочиненія; а нами, дѣтьми, овладѣла безапелляціонно, въ особенности мною, которую и учила сама и обшивала съ головы до ногъ, вплоть до пятнадцати-лѣтняго моего возраста, до дня своей кончины. Всѣ воспоминанія моего дѣтства и отрочества неразрывно связаны съ этой чудесной женщиной, вся жизнь которой была одно самоотверженіе! Она научила меня грамотѣ и приучила къ самостоятельному труду; она же первая указала мнѣ, чѣмъ мы обязаны матери, — открыла значеніе и цѣль ея постоянныхъ трудовъ; а позже развила меня нравственно, вложила въ сердце мое и въ немъ укрѣпила все, чѣмъ была я сильна и утѣшена впоследствии, въ години испытаній.

Къ веснѣ болѣзнь матери моей настолько осложнилась, что потребовала серьезнаго вниманія; ее послали въ Одессу, гдѣ только что открылось тогда учрежденіе минеральныхъ водъ. Она поѣхала туда, съ нами и Антоніей, охотно, потому что очень любила Одессу и, кромѣ того, рассчитывала тамъ пріискать для насъ англичанку, — что составляло ея завѣтную мечту; но обезсиленная болѣзнью и разстроенная нравственно многими тревогами и печалями, она впервые тамъ скоро соскучилась.

„Пыль, вѣтеръ, жаръ, — вотъ все, что могу сказать вамъ объ Одессѣ!“ пишетъ она въ Астрахань, отъ 1 іюня 1839 г. „Всякое утро бѣгаю по саду (городскому, гдѣ и нынѣ находится водолечебное заведеніе), одна одиношенька въ толпахъ раздраженныхъ дамъ и перетянутыхъ кавалеровъ, пью горячую, препротивную воду; а набѣгавшись до боли ногъ, сижу дома и читаю. А голова все болитъ! И болитъ!... Et voilà mes uniques plaisirs d'Odessa!.. На бульваръ выхожу только ночью, когда всѣ разойдутся. Не могу выразить какое непріятное ощущеніе производить во мнѣ толпа! Мнѣ неловко, душно и тяжело! Всѣ, кажется, будто враждебно смотрятъ на меня“... „Къ тому-жъ и здѣсь меня преслѣдуетъ мой sauchemar, — мое авторство!.. Не

разъ ужъ мнѣ случалось слышать на водахъ: *la voilà! C'est elle!*.. И затѣмъ названіе одного изъ моихъ литературныхъ дѣтокъ... Неприятно перестать быть самой собою, а сдѣлаться общимъ достояніемъ и цѣлью взглядовъ... На Кавказѣ случалось то-же; но было больше русскихъ и больше благоволенія... А здѣсь смотрятъ просто какъ на крокодила во фланелѣ или на танцующую обезьяну“...

Она нигдѣ не хотѣла бывать, хандра и болѣя, но ее разсылали знакомые, осаждали приглашеніями и не ловко, прямо высказывая, что зовутъ не ее просто въ гости, а „писательницу на показъ“, еще болѣе ее раздражали...

— „*Escoutez!* Ахъ, какъ я рада! Я уже слышала, что вы здѣсь, поймала ее на улицѣ одна знакомая. *Escoutez!* Безъ церемоній: завтра къ намъ обѣдать!... У насъ будутъ нѣсколько челоуѣкъ, которые ужасно желаютъ васъ увидать!.. Особенно нашъ родственникъ, Подолинскій. Онъ только что вернулся изъ Петербурга. Тамъ какой-то Сенковскій ему такъ много говорилъ о васъ, что онъ чрезвычайно желаетъ познакомиться съ вами“..

Мать моя отказалась отъ обѣда-выставки и едва не потеряла случая познакомиться съ поэтомъ, котораго очень уважала. Любимымъ собесѣдникомъ ея того времени былъ архимандритъ Порфирій, лечившійся минеральными водами, также какъ и она. Онъ все увѣрялъ ее, что она больна потому, что слишкомъ много работаетъ мозгомъ, злоупотребляетъ духовными силами и читаетъ цѣлыя лекціи о вліяніи воображенія на организмъ челоуѣка.

Не смотря, однако, на свою временную нелюдиность, мать моя получала столько вниманія и даже овацій отъ одесскаго общества, что ей пришлось пересилить себя и выѣзжать довольно часто, и самой принимать гостей всегда не званыхъ, но часто очень интересныхъ. Чаще другихъ бывалъ у нея Княжевичъ, тогдашній попечитель одесскаго округа. Онъ приводилъ къ ней многихъ представителей науки и литературы, желавшихъ съ нею познакомиться.

„Снова былъ у меня Княжевичъ, пишетъ она въ одномъ изъ частныхъ писемъ къ сестрѣ. Сидѣлъ предолго и просилъ позволенія представить мнѣ Надеждина, бывшаго издателя „Телескопа“ я, разумѣется, очень рада... Вообще, я здѣсь столько получаю *hommages* и всякой лести, что не только за прошлую зиму въ Каменскомъ, но и въ задатокъ на будущую хватить, которую

я намѣрена провести также уединенно. Ты любишь стихи Бенедиктова? Потому я много буду говорить о немъ. Бляжевичъ привезъ его ко мнѣ на другой же день послѣ перваго своего визита. Онъ былъ здѣсь проѣздомъ, я это знала, но совсѣмъ не ждала его посѣщенія. Когда попечитель назвалъ его, у меня руки опустились... Я подумала: не мистификація-ли это?.. Вообрази себѣ созданіе тощаго сѣвера, Олонецкой губерніи, — маленькаго человѣчка, съ сѣрыми, блестящими глазами и русыми волосами. Онъ заговорилъ... Не выразишь ничего каррикатурнаго!.. Носъ — вывороченъ, губы какъ-то странно завертываются!.. Еще молодой человѣкъ... Княжевичъ большой говоритъ, сидѣли они долго и о чемъ мы не переговорили?... Но объ умѣ Бенедиктова, по этому, первому разу, я не могла судить: онъ такъ застѣнчивъ, даже не ловокъ. Говоритъ тихо, будто съ боязнью взвѣшиваетъ слова“.

На другой день мать моя была очень занята по поводу прибытія изъ Лондона выписанной ею англичанки. У нея разболѣлась голова... Она передъ обѣдомъ пошла пройтись и взять ложу въ оперу; а когда возвратилась, ей подали визитную карточку Бенедиктова, о чемъ она очень сожалѣла, думая, что онъ заѣзжалъ проститься. Однако, нѣтъ: на слѣдующій день онъ снова явился, извиняясь, что такъ часто отымаетъ у нея время, и просидѣлъ часовъ пять. Тутъ она имѣла время убѣдиться въ его положительномъ умѣ, не острословномъ, но наблюдательномъ и тонкомъ...

„Да! Можно забыть его дурноту! говоритъ она далѣе. Нельзя не полюбить его за любовь его къ Россіи, ко всему русскому. Какъ онъ жаловался, что въ Петербургѣ напыщенные фразы французскихъ романистовъ до того приучили вкусъ публики къ фальшивымъ, крикливымъ тонамъ, что ей не нравятся теперь ни Шекспиръ, ни Шиллеръ!.. Много, много мы съ нимъ говорили...

Онъ рассказывалъ ей много анекдотовъ того времени изъ дѣйствительной жизни. О поэтѣ Степановѣ ¹⁾, который былъ въ то же время и живописецъ и всю свою квартиру обвѣшалъ очень мѣткими карриатурами на людей своего міра, литературы и

¹⁾ Николай Александровичъ Степановъ, впоследствии изд.-редакторъ журнала „Искра“.

художествъ. Изобразилъ, на примѣръ, Греча со сложенными по наполеоновски руками, въ видѣ статуи, на пьедесталѣ изъ томовъ его грамматикъ; изъ-подъ помы его Полевой, въ видѣ шавки, бросается кусать Сенковского за икры; а Гречъ спрашиваетъ: „Сіе вамъ причиняетъ боль“?...

На что Сенковский, обороняя свои икры, отчаянно кричитъ: „Ахъ! Это! Это!... Бога ради — это!...“ Потомъ поэтъ Соловьевскаго Степановъ нарисовалъ сливающимъ тщательно капли вина изъ множества бутылокъ, на томъ основаніи, что—„и міръ составилъ изъ ничего“, а капли — „фундаментъ мірозданія!...“

Онъ увѣрялъ, что мало знакомъ съ современной беллетристикой, читая только ея повѣсти.... Когда же мать моя отвѣчала, прося у него, вмѣсто комплиментовъ, серьезныхъ замѣчаній, онъ отвѣчалъ приблизительно такъ:

— „Вы знаете, что я поэтъ и поэтъ въ душѣ. Пусть журналисты разбираютъ по составамъ вещи, я же просто читаю, наслаждаясь цѣлымъ: вашимъ сильнымъ слогомъ, прелестною женственностью вашихъ героинь, полнотою характеровъ, живописными картинками природы въ вашихъ описаніяхъ.... Читаю, благодарю мысленно автора за часъ удовольствія и не отравляю его мелочнымъ разборкомъ“.

На другое утро (29 іюня) Бенедиктовъ снова былъ у моей матери, привезъ ей свои сочиненія, простился и прямо отъ нея отправился на пароходъ, уходившій на Кавказъ. На заглавномъ листѣ книги онъ написалъ ей стихи, которые мать мою очень порадовали.

Передаю ихъ здѣсь, такъ какъ они, кажется, никогда не были напечатаны:

Еленѣ Андреевнѣ Ганѣ.

Отъ раннихъ лѣтъ судьба мнѣ указала
Умный, трудный жизни путь,
Мнѣ чашу горести пить въ тайнѣ завѣщала
И сила высшая мнѣ долго ограждала
Молчаніемъ уста и крѣпостию грудь.
Я не высказывалъ печали,
Я сердце пряталъ отъ людей....

Своєю милостію они меня терзали,
 Пугали ласкою своей!
 Но чувствамъ замкнутымъ пріютъ въ груди сталъ тѣсенъ
 И, одичавши въ глуши,
 Онъ расторгли грудь!... И звуки робкихъ пѣсенъ
 Случайно вырвались изъ трепетной души...
 И все, что рокъ мнѣ знать и чувствовать дозволялъ,—
 Обманчивый восторгъ, и горькую любовь,
 И радость, и печаль,—я все изъ сердца пролилъ
 И сердце стало пусто вновь!
 И вотъ немногія страницы,
 Вотъ тѣ убогія листы,
 Гдѣ ввелъ я въ мѣрныя границы
 Души завѣтныя черты.
 Здѣсь—быстрой юности живыми заблужденіа,
 Златныя грезы бытіа,
 И сердца тщетныя волненія—
 Все—чѣмъ богатъ, чѣмъ бѣднѣя я!
 Примите все: мечты мои и слезы!
 Примите очерки и чувства и думъ моихъ,
 Гдѣ предъ поэзіей волшебной нашей прозы,
 Блѣднѣя, гаснеть каждый стихъ!

Вл. Бенедиктовъ.

Одесса 29 іюня 1839 г.

Письмо, въ которомъ мать моя передаетъ своимъ это стихотвореніе, оканчивается такъ:

„Ахъ, если-бъ скорѣе отсюда!... Здѣсь я такъ разлѣнилась, что ничего не могу ни дѣлать, ни писать. Едва вучиваю свой англійскій урокъ въ цѣлый день.... А мнѣ надобно много работать, много трудиться, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ провозглашаютъ меня люди умные, но льстивые!“

И чтобъ достигнуть этого, мать моя, не жалѣя своего здоровья, трудилась день и ночь. Она находила время, зарабатывая средства, чтобъ давать намъ гувернантокъ и учителей, сама постоянно учиться и языкамъ, и музыкѣ, ради того, чтобъ свои знанія впоследствии передать намъ же.

Чѣмъ болѣе оставляли ее физическія силы, тѣмъ сильнѣе сказывалось стремленіе ея нравственнаго роста. Точно будто предчувствуя близкій конецъ земнаго существованія, она спѣшила скорѣе достигнуть возможнаго усовершенствованія. Да она и дѣйствительно предвидѣла близость своей кончины:

безпрерывные намеки на это въ письмахъ къ сестрѣ, а позже и прямыя указанія на увѣренность въ этомъ, ясно доказываютъ, что она сама ранѣе всѣхъ знала, что умираетъ. Она скрывала это отъ отца и матери, чтобъ не огорчать ихъ преждевременно; но другихъ предупреждала года за три и ранѣе. Вотъ что пишетъ она осенью 1839 г.

„Я больна не одной душою, не говори никому, — но мое здорově, видимо, разрушается. Мнѣ кажется, я не наживу долго....“
 „...Я такая больная, такая слабая, что почти ничего не могу дѣлать. Хорошо, если поправлюсь.... А если нѣтъ? Если мнѣ еще нѣсколько лѣтъ такъ, — не жить, не умирать?.... Силы не позволяютъ писать.... Что будетъ съ дѣтьми?!..“ И далѣе: „ради Бога сожги это письмо, чтобъ не попалось оно мамашѣ. Не дай Богъ мнѣ и невольно огорчить ее....“

Въ двадцать-четыре года эта женщина, предъ которой едва отрывалась жизнь, полная радужныхъ надеждъ на успѣхъ, на славное будущее, зная, что умираетъ, ни разу не пожалѣла лично о себѣ, о своей гибнувшей молодой жизни!... По крайней мѣрѣ, нѣтъ на то нигдѣ указанія. Въ самыхъ задушевныхъ ея письмахъ къ близкимъ, если гдѣ порой вырывается по этому поводу искренній порывъ отчаянія, онъ весь, безраздѣльно, принадлежитъ ея дѣтямъ.

„Меня винять за то, что я беру въ домъ гувернантокъ, для того, чтобы совершенно освободиться отъ присмотра за дѣтьми... Но что-жъ мнѣ дѣлать, если я не чувствую себя въ силахъ образовывать умы моихъ дѣтей?.. Мои познанія такъ неполны, такъ перепутаны; я желала-бы дать имъ лучшія, основательнѣйшія знанія“... „Что-же касается до нравственности, я не поручу ее никому... Хотя сознаю, что въ важнѣйшемъ ея проявленіи, въ религіозномъ воспитаніи я опять таки несостоятельна!.. Боже мой! Неужели я не понимаю всей разности внушеній матери и чужой женщины! Но если-бы я знала, что чужая понимаетъ религію лучше меня, изучила ее не только памятью, но и сердцемъ, охотно-бы я ей передала свои права, ради блага дѣтей моихъ!“

Говоря вообще о религіозномъ воспитаніи, мать моя отдавала преимущество воспитанію англичанокъ. Русскія дѣти, по большей части, учатся молитвамъ отъ нянекъ или матерей и лепечуть, не понимая ихъ смысла... Далѣе законоучитель, объясняя

суть догматовъ, рѣдко развиваетъ ученіемъ правильныя понятія или твердыя убѣжденія; еще рѣже вливаетъ въ дѣтскую душу живую, благотворную вѣру и любовь къ Создателю, эту незыблемую опору всей жизни человѣка... Въ молодости русскіе люди, русскія женщины по преимуществу, молятся, постятся порывами; то съ страстнымъ увлеченіемъ предаваясь формѣ, „обожая архіереевъ“, проливая слезы при стройныхъ „концертахъ“ архіерейскихъ пѣвчихъ, онѣ полдня проводятъ въ церквахъ; то забываютъ, при наплывѣ другихъ впечатлѣній, церковь, молитву, самого Бога и по мѣсяцамъ не перекрестятъ лба... „Что грѣхъ таить?.. Я сама, говоритъ она, по себѣ знаю эти порывы, эти безплодныя увлеченія... Горько вспомнить, какъ въ ту пору, когда мнѣ наиболѣе нужна была вѣра, я забыла о ней, одеревенѣла, охладѣла!.. Она прошла, это пора животнаго прозябанія,—я вѣрую! Мнѣ нужно вѣрить, о, да! нужно! нужно!.. Но это потребность измученной души. Моя молитва теперь — слезы, раскаяніе въ прошломъ равнодушіи! Призывъ помощи и опоры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сомнѣніе въ томъ, дойдетъ-ли молитва моя до Господа?.. Желать-ли мнѣ перелить въ душу моей дочери эти тревожные порывы? Эти произвольныя стремленія однихъ чувствъ, безъ твердой опоры убѣжденій?.. Нѣтъ!.. Эта молитва чаще жжетъ, нежели улаживаетъ. Не такая нужна для сердца невиннаго, только что начинающаго жить... Есть чудесная вѣра,—свѣтлая, яркая, понятная, гдѣ все легко уразумѣть... Я видѣла ее у другихъ. Въ той вѣрѣ разумъ и понятія идутъ рука объ руку съ чувствами. Тамъ душа любитъ то, чему учится память. Тамъ все бытіе пронизывается этою свѣтлою вѣрою. Ни одинъ вопросъ сомнѣнія не возникаетъ въ душѣ; никакое горе, никакая радость не могутъ ни на мгновеніе заставить забыть о ней!.. О! еслибъ мнѣ сказали: „вотъ особа, которая дастъ такую вѣру дѣтямъ твоимъ, но заплати за нее жизнью!“ — съ радостью легла-бы я сію-же минуту въ могилу“...

И это была истина. Эта умиравшая отъ „силы души убившей жизнь“ ея раньше времени, молоденькая женщина, чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ начавшая мыслить и работать надъ собой, десять лѣтъ изъ двадцати семи, всего ей данныхъ Богомъ, протрудившаяся неустанно для пользы дѣтей своихъ, еще терзалась своею несостоятельностью, своимъ безсиліемъ одарить ихъ нрав-

ственными благами и совершенствами, которыхъ сама была лучшимъ примѣромъ!..

„Ты не знаешь, писала она въ послѣдніе годы своей жизни, какіе мучительные часы находятъ на меня! Какъ страшно смотрѣть мнѣ въ будущее бѣдныхъ дѣтей моихъ и думать, что ихъ ждать?.. Какой страшный отвѣтъ лежитъ на мнѣ за нихъ предъ Господомъ за то, что я не сумѣла оградить ихъ, научить... Сколько бессонныхъ ночей стоятъ мнѣ размышленія о моемъ нравственномъ безсиліи; но что мнѣ дѣлать, Господи?.. Я такъ безсильна!.. Болѣзнь сдѣлала меня такой раздражительной, нервной, что я не могу заниматься ими. Съ дѣтьми вѣдь надо имѣть характеръ спокойный, ровный,—не мой!“

Бѣдняжка все старалась оправдать себя въ тяжкомъ преступленіи: въ томъ, что, желая дать намъ образованіе болѣе послѣдовательное и не имѣя ни силъ, ни времени сама имъ заниматься, взяла намъ гувернантку.

Это время памятно мнѣ лично тѣмъ, что съ этого пятого моего года во мнѣ отчетливѣй пробудилось сознаніе и я послѣдовательнѣй помню все меня окружавшее. Помню, что я подолгу засматривалась на мать, когда она сидѣла по часамъ, меня не замѣчая, за своими бумагами. Я вглядывалась въ нее, стараясь сообразить: какъ это она такъ умѣетъ хорошо писать, что ей за это деньги платятъ и чтѣ, именно, теперь она пишетъ?.. Меня очень это занимало и я, бывало, покою не давала Антоніи своими разспросами... Яркой картиной представляется мнѣ также посѣщеніе наше Диванъки, имѣнія вл. Кочубеевъ¹⁾. Мать моя имѣла разрѣшеніе княгини, бывшей тогда за границей, пользоваться ея библіотекой и нотами и ѣздила иногда за свѣжими запасами книгъ. Меня поразили красивый домъ и садъ; но еще гораздо больше изумилъ старикъ лакей, въ бѣломъ галстухѣ и съ бѣлыми волосами, показывавшій намъ домъ. Онъ вдругъ предложилъ моей матери посмотрѣть въ альбомѣ рисунокъ самой княгини, „въ книжечкѣ вашей, сударыня, что Теофанія Аббиаджіо называется“...

Не я одна удивилась этимъ словамъ: мать моя этого никакъ не ожидала и съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ,

¹⁾ Это случилось позже: кажется, въ 1841 году.

вмѣстѣ съ Антоніей и Еленой, старшей сестрой моею, стала разсматривать картину.

Я тоже смотрѣла, пялясь на цыпочки, и прекрасно помню фигуру женщины въ бѣломъ, съ распущенными черными волосами, на скалѣ у моря... Волны разбивались у ногъ ея, а вѣтеръ разметалъ ея волосы, но она какъ будто ничего не замѣчала, глядя вдаль, въ темное небо...

И, разумѣется, недоумѣвала; дергала Антонію за руку, шепотомъ допрашивая:

— Qu'est ce qu'il dit, cet homme? Qui est cette dame?.. Но она мнѣ не отвѣчала тогда, а рассказала послѣ.

Она слушала внимательно, какъ и всѣ, рассказъ старика. Прислушивалась и я. Онъ кончалъ такъ свою рѣчь:

— „Очень ужъ ихъ сѣятельству нравятся книжечки ваши, сударыня! Даже изъ журналовъ все, что вы писать изволите, онъ повырвали и въ чудесный переплетъ отдѣлать приказали... А ужъ про эту вашу самую „Теофанію“ столько они разговаривали, за столомъ, и съ гостями, что меня даже любопытствіе взяло: попросилъ я у нихъ дозволенія и дали они мнѣ прочесть про нее. А сами, изволите видѣть, какъ прекрасно изволили ее изобразить!...“

И старый слуга смотрѣлъ такъ самодовольно на рисунокъ своей госпожи, словно самъ нарисовалъ его.

Ну, и довелось же Антоніи Христіановнѣ въ тотъ вечеръ долго со мной провозиться: разспросамъ не было конца!

Но болѣе всего любила я слушать, когда мать моя пѣла. Бывало, въ сумерки, походить она по комнатѣ, разомнется немножко, послѣ работы цѣлаго утра, и откроетъ фортепіано... И чуть услышу я стукъ крыши и первый аккордъ, тѣмъ бы я ни была занята,—все бросаю! Бѣгу и забиваюсь куда-нибудь въ уголокъ, за дверь или за печку, гдѣ бы никто не мѣшалъ мнѣ смотрѣть на нее и слушать ея чудесныя пѣсни... И казалось мнѣ тогда, что никто не можетъ пѣть лучше моею матери и никого въ мірѣ нѣтъ краше ея самой!...

Сч асливые, сномъ промелькнувшіе, годы ранняго дѣтства!

Весъ 1840 годъ мы провели въ Саратовѣ, гдѣ дѣдъ мой, Фадѣевъ, былъ губернаторомъ. Для насъ, дѣтей, годъ этотъ

былъ непрерывнымъ, радостнымъ праздникомъ и на послѣднее время жизни матери моей, я увѣрена, онъ пролилъ отраднѣйшій свѣтъ. Она выше всего въ мѣрѣ ставила родственныя связи; не знала друга болѣе ей близкаго, чѣмъ сестра ея ¹⁾, была горячо привязана къ меньшимъ своимъ брату и сестрѣ; а отца своего и мать положительно боготворила.

Не могу здѣсь не остановиться, хотя слегка, на замѣчательной личности своей бабушки, Елены Павловны Фадѣевой. Многіе ея биографы замѣчали, что, выходя замужъ за человѣка безъ состоянія и (въ то время, — когда ему было 22 года!) не чиновнаго, она, княжна Долгорукая, сдѣлала *mésalliance*. Но что такое было княжество, — случайный даръ судьбы, сравнительно съ необычайными личными достоинствами и дарованіями этой необыкновенной женщины?

Не было человѣка, который бы не цѣнилъ, не любилъ и не уважалъ ее; но личное значеніе ея и заслуга удесятерятся тѣмъ фактомъ, что почти никто, кромѣ самыхъ близкихъ людей, не зналъ ее вполнѣ и не могъ знать всестороннихъ ея достоинствъ, умственныхъ и нравственныхъ, а потому и оцѣнить ее вполнѣ не могъ... Пусть я рискую тѣмъ, что иные заподозрятъ, что я вичусь, какъ римскіе гуси, заслугами своихъ предковъ, — но я не могу, будучи одной изъ немногихъ знавшихъ ее всесторонне, умолчать; дать памяти о ней кануть въ вѣчность, не попытавшись воскресить ея, достойный подражанія, образъ, въ воспоминаніи русскаго общества, которое можетъ гордиться проявленіемъ въ своей средѣ такихъ высокихъ личностей ²⁾. Не стану говорить о томъ, какая она была прекрасная жена и мать; какъ заботилась о семьѣ, какъ умѣла, не только дѣтямъ, но и внукамъ своимъ, замѣнять наставниковъ и учителей, по многимъ предметамъ и наукъ, и искусствъ. Съ самыхъ молодыхъ

¹⁾ Екатерина Андреевна Витте. Меньшіе братъ и сестра матери: Ростиславъ Андр. Фадѣевъ, военный писатель, и Надежда Андр. Фадѣева.

²⁾ Я совсѣмъ не хочу, этимъ воздаваніемъ кесарева кесарю, подтверждать заявленій о *mésalliance* ея: дѣдъ мой былъ хорошаго дворянскаго рода, образованный, умный, достойнѣйшій человѣкъ, честно служившій на государственной службѣ своему царю, а совсѣмъ не въ частной службѣ, какъ то заявила газ. „Новости“ въ одномъ изъ прошлогоднихъ фельетоновъ. Онъ скончался въ Тифлисѣ, членомъ совѣта намѣстника кавказскаго.

дѣтъ она любила серьезныя положительныя знанія и неустанно училась. Она говорила на пяти языкахъ; знала исторію, естественныя науки; занималась археологіей, нумизматикой, ботаникой и занималась ими, не какъ „дама любительница“, а положительно, на практикѣ, составляя рѣдкія, драгоценныя коллекціи, исписывая томы, состоя въ ученой перепискѣ и дѣятельной мѣнѣ изысканій своихъ и рисунковъ съ европейски-извѣстными натуралистами: съ президентомъ лондонскаго географическаго общества, Мурчисономъ, со Стевенемъ, Бэрромъ, Абрихомъ, Карелинымъ. Робертъ де-Гель въ своихъ сочиненіяхъ (*les steppes de la mer Caspienne, la Crimée et la Russie méridionale, le Caucase* и пр.) многократно упоминаетъ о ней, какъ о замѣчательно ученой особѣ, во многомъ руководившей имъ въ его изысканіяхъ. Lady Stanhope, извѣстная англійская путешественница (изъѣздившая весь міръ въ мужскомъ костюмѣ), въ одномъ изъ сочиненій своихъ о Россіи говоритъ о ней, что встрѣтилась въ этой варварской странѣ съ такой удивительно ученой женщиной, которая прославилась бы въ Европѣ, если-бъ не имѣла несчастія проживать на берегахъ Волги, гдѣ мало кто можетъ понять ее и никто не въ состояніи ее оцѣнить....“ Она оставила болѣе 70 толстыхъ томовъ своихъ рисунковъ, цвѣтовъ, древностей, монетъ и переписанныхъ ею рѣдкихъ экземпляровъ сочиненій. Рисовала она прекрасно! И теперь у меня хранятся два большихъ тома оранжерейныхъ растений, нарисованныхъ ею лѣвой рукой, въ старости, когда параличъ отнялъ у нея употребленіе правой руки.... Она знала и музыку настолько, что дочерямъ своимъ и внучкамъ сама ее начально преподавала. Кромѣ того, бабушка Фадѣева была такая руководѣтельница, которой даже приблизительно-подобной я никогда не знавала! Положительно не существовало не только женскаго руководѣнія, но и болѣе трудныхъ ремеслъ, какъ переплетное дѣло, плетеніе кружевъ, искусственные цвѣты, набиваніе чучель изъ птицъ и звѣрей, картонажи и работы изъ раковинъ, не говоря ужъ о всевозможныхъ шитьяхъ, вышиваніяхъ и вязаніяхъ,—въ которыхъ она не могла бы служить и профессоромъ, и самой ловкой исполнительницей. Мало этого: она была превосходѣйшая хозяйка и сама обучала своихъ экономовъ и поваровъ, которые достигали подъ надзоромъ ея высшаго искусства въ своемъ дѣлѣ. Откуда брала

эта женщина время и энергію?—я часто и теперь задумываюсь и недоумѣваю!... Она и въ свое, болѣе сильное и дѣловитое, время была какимъ-то многостороннимъ колоссомъ знаній и практически-благотворной дѣятельности! Какимъ-то анахронизмомъ, болѣе подходившимъ къ періоду титановъ, если-бы только замѣнить физическіе ростъ и силу древнихъ великановъ—мощью духовною и неустанною дѣятельностью.... Правда, что Елена Павловна вставала въ 6 часовъ утра зимой и лѣтомъ, а ложилась не ранѣе полночи. Правда и то, что никогда, никому изъ домашнихъ не приводилось видѣть ее праздною.

Казалось бы, при таковой переполненной разнообразными занятіями жизни, общественнымъ обязанностямъ ужъ не можетъ быть мѣста?... Но, нѣтъ! Правда, бабушка тяготилась выѣздами и ихъ избѣгала; но дома была самой привѣтливой и любезной хозяйкой и домъ Фадѣевыхъ, во всѣ времена и во всѣхъ городахъ, гдѣ приходилось имъ жить, всегда считался однимъ изъ самыхъ хлѣбосольныхъ и широко-гостеприимныхъ. Тифлисъ и даже Саратовъ и понинѣ это прекрасно помнят!

Е. П. Фадѣева, при всѣхъ своихъ глубокихъ знаніяхъ и ученыхъ занятіяхъ, была такъ непритязательна въ обращеніи; такъ искренна и обходительна со всѣми, что многіе простые смертные, знавшіе ее по годамъ за ласковую, веселую собесѣдницу, — иные за прекрасную хозяйку, другіе — за хорошую руководящую, — всѣ за добрую помощницу, всегда готовую услужить и совѣтомъ, и дѣломъ, часто и не подозрѣвали ея глубокихъ знаній и ученой дѣятельности. И наоборотъ: не разъ люди науки, хорошо знакомые съ ея кабинетомъ и разнообразными коллекціями, отрывали въ изумленіи рты, когда нянька вызывала ее покормить ребенка или являлась ключница за наставленіями.... Потому-то и сказала я, что мало кто зналъ ее вполне. Скромность этой удивительной женщины равнялась ея уму и добротѣ.

Какое искреннее, живое участіе ко всѣмъ чужимъ горестямъ и радостямъ всякій находилъ въ ней и какъ вѣрно и хорошо умѣла она все оцѣнить и отозваться на всякое дѣло! Съ молодыми бабушка умѣла и поболтать и посмѣяться; со стариками любила поминать старину и какъ интересно о ней разсказывала!... Отъ опечаленныхъ никогда не сторонилась, всегда находя, на каждое горе, живой, сочувственный откликъ въ своемъ много-

любивомъ сердцѣ. Даже съ малыми дѣтьми умѣла веселиться, какъ ребенокъ, нѣжно снисходя до нихъ; а не тянула ихъ насильственно до себя, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе книжные педагоги.... За то же и любили ее всѣ отъ мала до велика! Всѣ—знавшіе ее умъ и глубокія знанія — и не знавшіе ихъ, довольствовавшіеся лишь только ея добротой и прелестью обхожденія. Я нахожу, что лучшей эпитафіи нельзя было найти для таковой женщины, какъ та, что золотыми буквами вѣзана на мраморномъ крестѣ ¹⁾ ея могилы: „Паче всего стяжала любовь, яко любовь есть союзъ совершенства“.

Въ іюнѣ 1840 г., въ Саратовѣ, у моей матери родился ея послѣдній ребенокъ,—братъ нашъ, Леонидъ.

Его ужъ не могла она кормить: ей приходилось теперь самой поддерживать свои силы женскимъ молокомъ; а послѣдній годъ ея жизни, проведенный снова съ отцемъ нашимъ въ мало-россійской деревнѣ, былъ рядомъ то усиливавшихся, то нѣсколько ослабѣвавшихъ страданій. Но духомъ она не падала, напротивъ,—крѣпла и развивалась до послѣдней минуты. „Напрасный даръ“ — романъ, который смерть ей не дала окончить, всѣми критиками, съ Бѣлинскимъ во главѣ, признавъ самымъ сильнымъ и лучшимъ ея произведеніемъ.

Ранней весной 1842 г. мы переѣхали снова въ Одессу, ради здоровья матери моей; но тамошніе доктора ужъ не могли ей помочь. Напротивъ, едва ли губительная система леченія кровопусканіями, тогда существовавшая, не ускорила ея смерти. Зная, что умираетъ, она писала отцу и матери, прося ихъ взять на себѣ всѣхъ троихъ въ себѣ, и они свято исполнили ея желаніе. Но передъ кончиной она еще была порадована свиданіемъ съ ними; въ концѣ мая они пріѣхали въ Одессу, а 24 іюня 1842 г. она умерла на рукахъ своей матери.

В. П. Желиховская, рожденная Гань.

С.-Петербургъ. Декабрь 1886.

¹⁾ Въ Тифлисѣ, при церкви Вознесенія.

Род. 25-го марта 1821 г.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГОЛОВНИНЪ,

дѣйствительный тайный совѣтникъ,

членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь.

Очеркъ и замѣтки.

Скончался 3-го ноября 1886 г.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ

р. 25-го марта 1821 г., † 3-го ноября 1886 г.

I.

Въ 1886 году Россія, въ лицѣ Александра Васильевича Головинна, лишилась одного изъ достойнѣйшихъ своихъ сыновъ.

Имя этого благороднѣйшаго, въ свое время неутомимаго и вполне замѣчательнаго, государственнаго дѣятеля живо напоминало всѣмъ и каждому одну изъ славныхъ эпохъ въ новѣйшей исторіи нашего отечества,—эпоху реформъ императора Александра-Освободителя.

Сынъ знаменитаго русскаго морехода, вице-адмирала, питомецъ Александровскаго лицея,—Головиннъ, при превосходномъ нравственномъ воспитаніи, чѣмъ онъ былъ очень много обязанъ достойнѣйшей своей матери, Авдотѣ Степановнѣ, довершилъ лицейское свое образованіе неустаннымъ трудомъ; онъ вполне владѣлъ живыми иностранными языками, очень много читалъ и всю жизнь слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось въ области исторіи, политики, литературы, и слѣдилъ за всѣмъ, что въ особенности относилось до Россіи и служило ко славію и благоденствію отечества, которое онъ любилъ горячо и глубоко искренно, и эта любовь угасла въ немъ лишь съ жизнью.

Будущій историкъ эпохи преобразованій Александра II, оставившаяся предъ его сподвижниками, конечно, отведетъ въ ихъ ряду видное мѣсто Головинну, не смотря на то, что этотъ человекъ — менѣе всего тщеславный, самолюбивый и честолюбивый—не любилъ выдвигаться впередъ и многое доброе, содѣянное имъ, по его скромности, относимо было къ другимъ лицамъ.

Какъ въ русской печати, такъ и за-границей, появилось уже нѣсколько воспоминаній и некрологовъ объ А. В. Головиннѣ; ихъ, однако,

не такъ много и они не такъ подробны, какъ бы того заслуживали столь недавно опочившій сномъ смерти государственный дѣятель, притомъ пользовавшійся, по своимъ необыкновенно возвышеннымъ нравственнымъ качествамъ, любовію и уваженіемъ положительно всѣхъ, кто только имѣлъ, скажемъ, истинное удовольствіе знать его ближе ¹⁾.

Причину этой сдержанности въ отзывахъ объ А. В. Головинѣ—одна изъ нѣмецкихъ газетъ («Allgemeine Zeitung», 1886 г., № 355, декабря 23-го) видитъ въ томъ, якобы, «весьма вліятельномъ положеніи (?), какое въ настоящее время занимаетъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ бывшихъ противниковъ Головина, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей»—М. Н. Катковъ.

Едва-ли надо говорить, что это объясненіе совершенно измыслено досужимъ корреспондентомъ нѣмецкой газеты ²⁾, кстати сказать, взведенной на Головина такую напраслину, какъ пристрастіе къ польщизнѣ, въ періодъ послѣдней польской смуты.

Отнюдь не г. Катковъ,—который, какъ человекъ науки и публицистъ, очень хорошо понимаетъ, что для правильной оцѣнки государственной и общественной дѣятельности того или другаго дѣятеля,

¹⁾ Намъ извѣстны четыре некролога Головина: въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г., кн. XII; въ „Новомъ Времени“ 1886 г. ноября 4-го; въ „Новостяхъ“ 1886 г. ноябрь (статья профессора В. И. Модестова) и въ „Allgemeine Zeitung“ 1886 г., № 355, прилож., стр. 5233—5234.

²⁾ „О жизни и дѣятельности покойнаго дѣйств. тайн. совѣтника, статсъ-секретаря и члена государственнаго совѣта Головина,—пишетъ неизвѣстный авторъ его некролога въ „Allgemeine Zeitung“, № 355, 1886 г.,—благодарными и вымуштрованными (?) газетными невольниками не сочли нужнымъ сообщить обстоятельныхъ свѣдѣній: знаютъ они, что редакторъ „Москов. Вѣдомостей“ М. Н. Катковъ былъ отзывливый врагъ умершаго екс-министра; а всякій, кто знаетъ,—продолжаетъ тотъ же анонимный сотрудникъ „Allgemeine Zeitung“,—кто знаетъ непримиримую мстительность (?) и чрезвычайную способность къ инсинуаціямъ (!?) Каткова, боится столкновенія съ вліятѣльнѣйшимъ публицистомъ своего времени, который считаетъ сотнями (!?) положительныхъ свое перо писателей и публицистовъ, и который можетъ похвалиться (?), что онъ почти четверть столѣтія всегда съ равнымъ успѣхомъ былъ политическимъ заправителемъ»....

Все это измысленіе и своего рода инсинуація нѣмецкаго писателя на г. Каткова—особенно вульгарны; гдѣ эти сотни русскихъ писателей и публицистовъ, вынужденныхъ положить перо—„мнимымъ политическимъ заправителемъ?“ Было бы желательно увидѣть статью „Allgemeine Zeitung“ въ полномъ переводѣ на стр. „Русскаго Вѣстника“, съ надлежащимъ отпоромъ и объясненіями редактора этого журнала; это тѣмъ болѣе необходимо, что названная нѣмецкая газета, издающаяся въ Мюнхенѣ, весьма и весьма распространена.

М. С.

отошедшаго въ иной міръ, необходимо возможно полное проявленіе мнѣній и отзывовъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и что суда исторіи никто, ниже и онъ, М. Н. Катковъ, въ свое время не избѣжитъ, почему, конечно, и не дозволить себѣ какихъ либо извѣтовъ (!) по этому поводу,—итакъ, не мнимый трепеть передъ М. Н. Катковымъ, но просто трудность говорить о человѣкѣ, дѣятельность котораго касалась различныхъ сторонъ государственнаго бытія Россіи, притомъ въ эпоху, еще не сдѣлавшуюся достояніемъ исторіи, а потому и не изслѣдованной спокойно, внѣ пристрастія и личныхъ увлеченій современниковъ,—вотъ причина, почему о Головиннѣ еще не появилось вполне обстоятельнаго очерка, да едва ли скоро и появится. Не беремъ и мы, по той же причинѣ, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, его представить; но, свято храня, на страницахъ нашего вполне безпристрастнаго изданія, память о лицахъ, вообще подвизавшихся во славу дорогаго нашего отечества, долгомъ считаемъ намѣтить здѣсь хотя нѣсколько чертъ къ характеристикѣ А. В. Головина и обзору его дѣятельности. Вмѣстѣ съ симъ усердно просимъ всѣхъ, кто можетъ что-либо сообщить къ будущей его біографіи, и притомъ съ какой-бы то ни было точки зрѣнія, подѣлиться этимъ съ многочисленными читателями «Русской Старины».

II.

Александръ Васильевичъ, сынъ вице-адмирала Василя Михайловича Головина, въ свое время весьма уважаемаго мореплавателя и писателя, родился 25-го марта 1821 года, въ С.-Петербургѣ.

На десятомъ году отъ роду А. В. потерялъ отца, внезапно умершаго—30-го іюня 1831 года и погребеннаго въ С.-Петербургѣ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Вдова покойнаго (рожденная Лутковская), женщина въ высшей степени достойная по своимъ нравственнымъ качествамъ и уму, положила, какъ говорится, свою душу въ воспитаніе единственнаго сына, и послѣ весьма хорошей подготовки его при себѣ, помѣстила сына въ I-ю с.-петербургскую гимназію, гдѣ онъ и пробылъ 1831—1835 гг.; отсюда А. В. перемѣщенъ былъ своею матерью, въ 1835 г. ¹⁾, въ Александровскій лицей, разсадникъ

¹⁾ Въ некрологѣ Головина, помѣщенномъ въ декабр. книгѣ „Вѣстника Европы“, изд. 1886 г., ошибочно указанъ 1834 годъ, какъ годъ поступления А. В. въ лицей. Головинъ перешелъ туда изъ гимназіи въ 1835 г. М. С.

нѣсколькихъ замѣчательныхъ русскихъ людей и государственныхъ дѣятелей Россіи. Изъ лицъ, по окончаніи образованія, Александръ Васильевичъ вышелъ, 13-го декабря 1839 года, первымъ, съ золотой медалью.

Въ одномъ классѣ съ нимъ были — М. Х. Рейтернъ и баронъ А. П. Николай.

Въ 1840 г. А. В. поступилъ на службу въ собственную канцелярію его величества по управленію учебными и благотворительными заведеніями; въ 1843 году мы его видимъ секретаремъ особой канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, Льва Алексѣевича Перовскаго, чловѣка, какъ извѣстно, весьма умнаго и старавшагося приближать къ себѣ избранныхъ, даровитыхъ людей. Довольно сказать, что однимъ изъ самыхъ близкихъ къ министру Перовскому лицъ былъ весьма извѣстный и даровитый писатель — Владиміръ Ивановичъ Даль, другъ поэта Пушкина, отличный знатокъ русскаго народа, горячо имъ любимаго.

Головининъ былъ скоро замѣченъ Перовскимъ, какъ чловѣкъ весьма способный и необыкновенно трудолюбивый. Въ виду этого на Головина былъ возложенъ рядъ обширныхъ трудовъ, которые онъ и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Одинъ изъ такихъ трудовъ «Очеркъ исторіи и современнаго положенія городовъ Финляндіи» — особенно обширенъ: Головининъ потрудился надъ его составленіемъ почти два года, причемъ, для болѣе успѣшнаго его исполненія, А. В., — уже владѣвшій языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, — изучилъ языкъ шведскій; онъ зналъ также и языкъ италіянскій.

Кстати замѣтимъ, что однимъ изъ немногихъ товарищей Александра Васильевича по службѣ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, въ концѣ 1840 годовъ, былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Тургеневъ не любилъ чиновничьей службы, это былъ плохой и лѣнивый чиновникъ; самая служба въ министерствѣ была для него дѣломъ подневольнымъ, такъ какъ тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ состоять на службѣ было просто необходимо изъ чувства самосохраненія, въ особенности для чловѣка, подвизавшагося на литературномъ поприщѣ. Но если Тургеневъ былъ плохой чиновникъ и вмѣсто «дѣловыхъ» бумагъ писалъ въ канцеляріи, между прочимъ, стихи, да свои прелестные «Записки Охотника», то, какъ товарищъ, это былъ чудный чловѣкъ. А. В., въ своихъ многочисленныхъ бесѣдахъ съ пишущимъ эти строки, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о времени совмѣстнаго служенія своего съ И. С. Тургеневымъ.

— «Милый характеръ Ивана Сергѣевича, — говорилъ намъ, между

прочитъ, А. В.,—его остроуміе и добродушіе оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе».

Какъ только представилась возможность, Тургеневъ оставилъ службу и вполнѣ отдался «свободной» профессіи писателя.

Очень можетъ быть, что сотоварищество съ Тургеневымъ не только сдѣлало Головинна добрымъ его пріятелемъ, но и вообще сблизило его съ міромъ русской литературы, съ ея какъ главными, такъ и второстепенными дѣятелями.

Въ 1848 году, Головиннъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ начальнику главнаго морскаго штаба — князю А. С. Меншикову, безспорно, одному изъ самыхъ образованныхъ, самыхъ умныхъ, хотя и ультра-консервативныхъ людей свиты императора Николая.

Князь Меншиковъ быстро отличилъ способности и личныя качества Головинна, и вотъ онъ выдвигаетъ Александра Васильевича на постъ чрезвычайной важности.

III.

Двадцати трехъ-лѣтній Великій Князь генераль-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, полный самыхъ разностороннихъ научныхъ знаній,—плодъ отличнаго образованія и усердія, съ которымъ молодой князь отдавался наукамъ, подъ руководствомъ умнаго, честнаго и крайне суроваго Лятке, — имѣлъ нужду въ молодомъ способномъ секретарѣ.

Головиннъ былъ командированъ въ 1850 году состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ генераль-адмиралѣ; быстро снискалъ Александръ Васильевичъ не только вниманіе, но самое полное къ себѣ благоволеніе, дружбу и уваженіе Великаго Князя, и эти чувства оставались въ ихъ отношеніяхъ неизмѣнными, доколѣ Провидѣніе не отняло у Его Высочества этого наипреданнѣйшаго друга.

Уже съ первыхъ лѣтъ своей службы при Великомъ Князѣ—Головиннъ сдѣлался почти ежедневнымъ его собесѣдникомъ, спутникомъ въ путешествіяхъ того времени Его Высочества, его секретаремъ, исполнителемъ его предначертаній и, съ своей стороны, самымъ добрымъ, заботливымъ и разумнымъ совѣтникомъ, когда къ его совѣту обращались. Тогда же, въ царствованіе своего родителя, въ Великомъ Князѣ стала проявляться необыкновенная энергія въ дѣятельности на томъ посту, при исполненіи тѣхъ весьма важныхъ обязанностей,

которыя довѣриемъ Монарха, его родителя, возлагались уже на Его Высочество.

Съ вступленіемъ на престолъ Александра II—эта дѣятельность проявилась въ самыхъ широкихъ и въ благотворныхъ размѣрахъ; она не ограничилась предѣлами морскаго министерства,—лучше сказать, морское министерство стало въ челѣ всѣхъ вѣдомствъ, всѣхъ управленій, какъ руководящее начало.

Въ высшемъ управленіи этого министерства соединились въ тѣ годы (1855—1859) тѣ лица, изъ которыхъ потомъ выдвинулись наиболѣе даровитые государственные дѣятели эпохи Александра II. Такъ, кромѣ Головнина, мы здѣсь видимъ—М. Х. Рейтерна, В. А. Татаринова, гр. Д. А. Толстаго, кн. Д. А. Оболенскаго; на страницахъ «Морскаго Сборника» читаемъ статьи П. А. Валуева, Б. П. Мансурова, преждевременно умершаго, весьма разумнаго Глѣбова...

Подъ покровительствомъ высокопросвѣщеннаго главы морскаго министерства и при содѣйствіи А. В. Головнина—выдвигается Николай Ивановичъ Пироговъ, и изъ его «Вопросовъ жизни», со страницъ «Морскаго Сборника», разлились потоки свѣта на Россію.

Все встрепенулось, все ожило въ этой могучей странѣ, для которой нужны были грома Севастополя и героическая борьба съ четырьмя первѣйшими въ мірѣ народами, дабы воспрянуть отъ долголѣтней летаргіи...

«Морской Сборникъ»,—съ его руководителемъ Головиннымъ и подѣ благодатнымъ, глубокоочувственнымъ покровомъ генераль-адмирала,—явился животворнымъ геніемъ для Россіи, въ особенности въ тѣ незабвенные годы, когда она, послѣ Севастопольскаго погрома, вошла въ себя и стала вдумываться и вглядываться во всѣ свои немощи, которыя были причиною пережитыхъ ею тяжелыхъ испытаній.

Великую службу сослужилъ тогда нашему дорогому Отечеству «Морской Сборникъ», и теперь, когда сошелъ въ могилу А. В. Головиннъ, надлежало бы подробно и всесторонне выяснитъ значеніе заслугъ этого прекраснаго, въ высшей степени полезнаго въ то время, органа. Но таковое изслѣдованіе увлекло бы насъ слишкомъ далеко ¹⁾, скажемъ, однако, здѣсь же, что русская литература, — подѣ покровомъ тѣхъ же лицъ, — ожила и воспрянула изъ того до крайности пониженнаго состоянія, въ которомъ находилась она въ особенности съ 1848 по 1855 г. При содѣйствіи А. В. Головнина и при томъ

¹⁾ Довольно блѣдный очеркъ „Морскаго Сборника“ за 1856—1859 гг. былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“, (изд. 1885 г., т. XLV, стр. 411—418) при чемъ авторъ почему-то нашелъ неудобнымъ подписать его и просилъ насъ поставить инициалы нашего имени и фамиліи, на что мы, какъ редакторъ изданія, и согласились. М. С.

живомъ сочувствіи, какое являлъ его августѣйшій начальникъ и другъ произведеніямъ лучшихъ русскихъ писателей, цензура смягчилась; снятъ былъ запретъ съ изданій — собранія сочиненій Пушкина, Гоголя и другихъ. На страницахъ «Русской Старины» (изд. 1873 г., томъ VIII), въ Запискахъ кн. Д. А. Оболенскаго, было уже документально изложено, какъ, благодаря ходатайству генераль-адмирала, явился Гоголь безъ цензурныхъ урѣзокъ, какъ былъ напечатанъ впервые второй томъ «Мертвыхъ душъ».

Все ожило, все встрепенулось..

Кто бы могъ подумать, что подъ новымъ вѣяніемъ Л. В. Дубельтъ, — самъ Дубельтъ!—явится ходатаемъ, поборникомъ за смягченіе цензурныхъ колодокъ (см. объ этомъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 999—1006).

Намъ скажутъ, что державный властелинъ Россіи, — незабвенный Государь-Освободитель, при содѣйствіи неизмѣнно, сердечно любимаго имъ брата, — былъ тѣмъ благотворнымъ Геніемъ, который воззвалъ Россію къ новой жизни. Совершенно вѣрно. Съ высоты трона исходило великое слово возрожденія, освобожденія (мы, въ данномъ случаѣ, говоримъ о русской литературѣ, журналистикѣ, русской наукѣ и школѣ); но нуженъ былъ и разумный совѣтникъ, не только беззавѣтно любившій Россію, но и чуждый тѣхъ предубѣжденій, которыми были преисполнены многія лица, у власти стоявшія, въ предшествовавшее царствованіе, — и вотъ одинъ изъ такихъ совѣтниковъ скрывался въ тиши небольшой комнаты въ Мраморномъ дворцѣ, гдѣ, съ утра до поздняго вечера, въ 1853—1859 гг., неутомимо трудился онъ, —этотъ маленький, скромный человекъ, съ наружностью некрасивою, но симпатичною, — то былъ А. В. Головинъ.

Между многими другими вопросами государственной важности, поднятыми вдохновителемъ и августѣйшимъ покровителемъ «Морскаго Сборника» — явился, въ 1855—1856 гг., вопросъ о необходимости ближайшаго ознакомленія русскаго образованнаго общества съ внутреннимъ бытомъ Россіи.

Задуманъ былъ грандіозный планъ.

Сдѣлано было обращеніе къ русскимъ писателямъ, то есть къ тѣмъ самымъ труженикамъ, которые, менѣе пяти лѣтъ еще передъ этимъ, были въ полнѣйшемъ загонѣ и подъ игомъ А. Ф. Орлова, Дубельта, Мусина-Пушкина и ихъ прислѣшниковъ, въ родѣ цензоровъ Красовскаго, Фрейганга, — буквально изнывали, вѣчно состоя «въ подозрѣніи», какъ зловреднѣйшіе люди, какъ враги Отечества.

Теперь къ нимъ обратились и многіе изъ нихъ откликнулись на призывъ: тутъ были А. Н. Островскій, Д. В. Григоровичъ, С. В.

Максимовъ, М. Л. Михайловъ, А. Афанасьевъ-Чужбинскій, А. А. Потѣхинъ и друг. На нихъ возложена была обязанность изслѣдовать внутренній бытъ русскаго народа, его положеніе, промыслы, занятіе, всё условія его быта—въ различныхъ частяхъ нашего необъятнаго отечества ¹⁾).

Что мысль о такомъ лестномъ для русскихъ писателей и полезномъ порученіи, главнымъ образомъ, принадлежала Головинну (который былъ, въ то-же время, усерднымъ дѣятелемъ въ Императорскомъ географическомъ обществѣ), можно сказать тѣмъ съ большою увѣренностію, что къ такому же способу собранія надлежащихъ свѣдѣній онъ прибѣгалъ и впоследствии, когда сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія и когда, между прочимъ, для изслѣдованія вопроса о положеніи начальной народной школы—онъ въ 1862 г. пригласилъ нѣсколькихъ русскихъ писателей (въ числѣ ихъ были: В. А. Золотовъ, Г. П. Данилевскій, М. И. Самарскій — пишушій эти строки, и друг.).

Между тѣмъ, призванная къ новой жизни русская журналистика съ 1856 года честно и энергично исполняла свою благотворную миссію: явились — «Русскій Вѣстникъ», сослужившій Россіи громадную службу (1856—1862 гг.),—«Русская Весѣда», — оживился «Современникъ», расширились столбцы газетъ новыми отдѣлами, и каждый органъ русской печати, съ своей, конечно, точки зрѣнія, старался нести свою службу Отечеству и дѣлу реформъ.

Въ челѣ преобразованій стоялъ великій вопросъ освобожденія крестьянъ.

Видѣвшимъ, видимымъ образомъ—Головиннъ какъ бы не принималъ непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ, всю тяжесть труда котораго несъ непосредственно самъ Государь Императоръ (объ этомъ свидѣтельствуетъ множество документовъ, хранящихся, между прочимъ, въ хорошо извѣстномъ намъ архивѣ бывшаго главнаго комитета по крестьянскому дѣлу), а также августѣйшій ближайшій его сподвижникъ въ этомъ, мало сказать, великомъ, въ этомъ святомъ дѣлѣ—

¹⁾ Изъ этихъ лицъ наиболѣе цѣнные труды, вполне отвѣчавшіе данной имъ программѣ, представилъ Сергій Васильевичъ Максимовъ; но и остальные лица сослужили свою службу превосходными литературными произведеніями—въ различномъ родѣ, всегда взятомъ изъ русской жизни, при чемъ на развитіе ихъ талантовъ имѣли самое благотворное вліяніе совершенными ими путешествіями въ 1855—1856 гг. по Россіи и близкое при этомъ ознакомленіе со всеми классами русскаго общества. Впрочемъ, и этнографическій матеріалъ, представленный нѣкоторыми изъ нихъ (напр., Островскимъ), былъ драгоцѣнный.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Я. И. Ростовцевъ, за нимъ гр. Панинъ и призванныя лица различныхъ вѣдомствъ, а также представители разныхъ мѣстностей Россіи,—въ лицѣ членовъ редакціонныхъ комиссій,—но роль Головинна и въ этомъ вопросѣ далеко была не маловажная, хотя была, повторяемъ, невидимою для публики. Онъ былъ посредникомъ не только между множествомъ лицъ, осаждавшихъ генераль-адмирала своими проектами и записками по крестьянскому вопросу, но онъ же лично поддерживалъ связи того кружка избранныхъ борцовъ за освобожденіе крестьянъ, которые и были исполнителями высшихъ предначертаній по составленію всѣхъ законоположеній 19 февраля 1861 г. ¹⁾.

Довольно сказать, что самая тѣсная дружба соединяла Головинна въ тѣ годы,—она осталась и до конца, — съ Н. А. Милютинимъ, С. М. Жуковскимъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, К. Б. Гротомъ, В. А. Арцимовичемъ, М. Х. Рейтерномъ, Ю. О. Самаринимъ, Б. Д. Кавелинымъ, барономъ А. П. Николаи, Н. Х. Бунге, К. И. Домонтовичемъ, П. П. Семеновымъ, А. Д. Шумахеромъ и другими главнѣйшими участниками въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, административной и финансовой реформъ.

Головиннъ долженъ былъ (1855—1861 гг.) читать массу записокъ и проектовъ, докладывать о нихъ своему августѣйшему начальнику, вести, по указаніямъ Его Высочества, обширную переписку (на стр. «Русской Старины» уже было говорено, напр., о сношеніяхъ его по крестьянскому дѣлу съ Б. Д. Кавелинымъ), съ людьми государственными, учеными разныхъ странъ, писателями и проч. Бъ нему, Головинну, обратился его вѣкогда сотоварищъ по службѣ, И. С. Тургеневъ, когда задумалъ было издавать журналъ, долженствовавшій разрабатывать крестьянскій вопросъ (см. объ этомъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томъ XL, стр. 1—16). Головиннъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось дѣльнаго по государственнымъ вопросамъ въ тогдашнихъ органахъ печати, и давалъ движеніе ея полезнымъ указаніямъ по разнымъ вопросамъ жизни.

Между тѣмъ, Его Высочество генераль-адмиралъ, предвидя болѣе широкую сферу дѣятельности для высокоцѣннаго имъ А. В. Головинна, оказалъ содѣйствіе къ опредѣленію его, въ 1859 году, членомъ главнаго правленія училищъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, а осенью 1861 года, въ самое смутное время студенческихъ

¹⁾ Во вниманіе къ этому—участники въ трудахъ по крестьянскому вопросу, ежегодно собираясь 19 февраля, всегда приглашали въ свою среду, какъ бывшаго труженника и по этому дѣлу, А. В. Головинна. М. С.

безпорядковъ, Головиннѣ назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; спустя годъ, онъ утвержденъ въ должности министра. Почти одновременно съ нимъ, во главѣ министерства финансовъ поставленъ его другъ и товарищъ—М. Х. Рейтернъ, а затѣмъ военнымъ министромъ сдѣланъ—Д. А. Милютинъ...

Какое доброе чувство глубокаго уваженія вызываютъ эти три имени сподвижниковъ въ Возѣ почивающаго Государя-Освободителя!

IV.

То было смутное, трудное время...

Реформа за реформой, шедшая, быть можетъ, слишкомъ быстро, взволновали умы... Чѣмъ больше было дано Преобразователемъ и Освободителемъ, тѣмъ болѣе жаждали получить,—и разомъ, во всемъ, русскимъ людямъ желалось стать въ уровень съ тѣми народами цивилизованнаго міра, которые выработали и свои права, и свои учрежденія сотнями лѣтъ, проведенныхъ въ трудахъ, въ борьбѣ съ невѣжествомъ и озаренныхъ многовѣковой цивилизаціею.

Въ предѣлахъ вѣреннаго ему вѣдомства народнаго просвѣщенія, Головинну предстояло много труда, понадобилась необыкновенная энергія и много, очень много гражданскаго мужества.

Онъ имѣлъ несчастье быть преемникомъ кн. Путятина, весьма достойнаго моряка, но оказавшагося совершенно не на мѣстѣ въ званіи министра; Головинну же довелось смѣнить попечителя слб. учебнаго округа Филиппсона, храбраго, честнаго кавказскаго воина, но также оказавшагося крайне неумѣльнымъ попечителемъ учебнаго округа...

Головиннѣ открылъ закрытый до него с.-петербургскій университетъ; вновь соединилъ, съ немногими исключениями, разсѣявшихся профессоровъ¹⁾; въ самое короткое время былъ выработанъ университетскій уставъ (1863 г.); десятки избранныхъ молодыхъ людей, съ высшимъ образованіемъ, посланы были правительствомъ, по энергическому ходатайству Головинна, за границу, для довершенія этого образованія и для подготовки ихъ на университетскія кафедры. Слав-

¹⁾ Достоинно вниманія, что профессору Н. И. Костомарову, который не возвратился на кафедру слб. университета, А. В. Головиннѣ, дабы обезпечить жизнь этого талантливаго историка, исходатайствовали ежегодное жалованье въ 3,000 руб. М. С.

ному Цирогову ввѣрено было главное руководство этими молодыми людьми, которые, за немногими исключениями, оказались вполне достойными своего назначенія.

Почти съ первыхъ дней вступленія своего на постъ министра, Головинъ успѣшилъ отдѣлать, освободить министерство отъ вѣдѣннй цензурою (1862 г.). Цензура, какъ учрежденіе чисто охранительное, административно-полицейское, передана было въ вѣдѣннй министерства внутреннихъ дѣлъ; но, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Головинна, приступлено было къ выработкѣ новаго цензурнаго устава и это дѣло велъ одинъ изъ его ближайшихъ друзей, просвѣщенный, добрый другъ многихъ русскихъ писателей, кн. Д. А. Оболенскій, — нынѣ также уже покойный.

И что бы ни говорили, какъ бы многимъ ни казался неудовлетворительнымъ законъ о печати (въ апрѣлѣ 1865 г.), но онъ все-таки былъ весьма важнымъ актомъ освобожденія русскаго слова, и за него большое спасибо долженъ сказать русскій человѣкъ Головинну и людямъ одного съ нимъ круга.

Что до министерства народнаго просвѣщенія, то послѣ графа С. С. Уварова, т. е. съ 1848 по 1861 г., это министерство было на Святой Руси—ни дать, ни взять то же, что Лука Лукичъ Хлоповъ (смотритель училища въ «Ревизорѣ» Гоголя). Это было министерство забытое, чуть не сказать — забитое: двери высшихъ учебныхъ заведеній были чуть-чуть приотворены для самой маленькой группы счастливцевъ; число гимназій было не велико, да и тѣ стояли полупустыми; уѣздныя училища вовсе пустовали; начальной школы вовсе не существовало для многомилліоннаго сельскаго населенія только что вышедшаго изъ крѣпостнаго ига; въ школы государственныхъ крестьянъ загоняли силою, наборомъ, отъ котораго откупались,—такъ онѣ были хороши, да и эти послѣднія школы были другаго вѣдомства. Прочно стояли и полны были кадетскіе корпуса, но они были также внѣ вѣдѣннй министра народнаго просвѣщенія.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, сколько помнимъ, едва доходилъ до восьми милліоновъ; въ концѣ управленія этимъ министерствомъ Головиннымъ, сумма расходовъ государства на народное просвѣщеніе почти удвоилась.

По инициативѣ этого маленькаго человѣка, этого «русскаго Тьера», какъ въ шутку называлъ Головинна одинъ изъ весьма умныхъ, но не вполне симпатизировавшихъ ему людей, — всѣ вопросы, касавшіеся великаго дѣла просвѣщенія въ Россіи, были подняты и подвергнуты

самому всестороннему обсужденію; ничто, положительно ничто, не было забыто.

И притомъ какъ: не изъ глубины его скромнаго кабинета, въ домѣ Яковлева, по Гагаринской набережной, ни изъ-за груды отчетовъ и всякаго письма въ департаментѣ народнаго просвѣщенія подняты были эти вопросы,—нѣтъ, они возбуждены были изъ нѣдръ самого общества русскаго, призваннаго А. В. Головиннымъ къ совмѣстному труду; онъ призвалъ къ работѣ всѣхъ, кто только интересовался дѣломъ просвѣщенія,—а представители всѣхъ типовъ русскихъ учебныхъ заведеній были обязаны подать свой голосъ.

Кличъ ко всей этой работѣ, повторяемъ, подъятъ былъ А. В. Головиннымъ; вопросъ о народной школѣ, о городскихъ училищахъ, о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, о специально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ (семинаріи учительскія), наконецъ, вопросъ университетскій,—все было поставлено предъ лицомъ мыслящей и блага желающей Россіи.

Поступавшіе записки, мнѣнія, проекты, планы, смѣты—все это читалось, все просматривалось неутомимымъ труженикомъ; все это, по его распоряженію, печаталось и разсылалось опять на просмотръ и заключеніе вполнѣ свѣдущихъ людей.

Драгоценная, полная самаго жизненнаго интереса, библиотека—статей по всѣмъ вопросамъ устройства просвѣщенія въ Россіи составила изъ книгъ, изданныхъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головиннымъ (1861—1866 гг.). Многое оказалось незрѣлымъ, скороспѣлымъ, многое излишнимъ, такъ какъ спрошены были и тѣ, которые, если и занимали издавна посты начальниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, но вовсе не были на высотѣ своего положенія; но очень много было сказано, написано, напечатано вполнѣ пригоднаго, разумнаго, а потому и сдѣлалось общимъ, и притомъ для всѣхъ время, достояніемъ русскаго общества и ревнителей просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

На этомъ-то матеріалѣ строились представленія министра народнаго просвѣщенія о всѣхъ реформахъ въ его вѣдѣніи и эти представленія энергично имъ отстаивались въ государственномъ совѣтѣ.

Не забудемъ, что въ тѣ, 1861—1866 года, большинство членовъ этого высшаго законодательнаго учрежденія были представители инаго направленія,—служаки времяя минувшихъ, весьма достойные въ свое время начальники отдѣльныхъ военныхъ частей и бывшіе правители тѣхъ или другихъ областей, но, по меньшей мѣрѣ сказать, довольно равнодушные къ дѣлу просвѣщенія, а иные даже прямо смотрѣвшіе на него, какъ на орудіе крайне опасное, которое можетъ быть

тершию, но въ умѣренномъ размѣрѣ... Даже такой, несомнѣнно весьма умный, человекъ, какъ К. В. Чевкинъ († 1875 г.), бывший председателемъ департамента государственной экономіи въ государственномъ совѣтѣ, и тотъ (правда, чисто изъ принципа охраненія государственной казны) упорно стоялъ противъ каждаго почти представленія Головинна о расширеніи тѣхъ или другихъ расходовъ по народному просвѣщенію.

Пишущій эти строки, имѣвшій честь служить, въ означенные годы, въ помянутомъ департаментѣ, былъ много разъ свидѣтелемъ какихъ усилій стоило А. В. Головинну отстаивать свои ходатайства за учебное дѣло. А между тѣмъ не въ однѣхъ только стѣнахъ высшаго правительственнаго учрежденія Головинну довелось вести борьбу.

Поборникъ небывалой дотогѣ на Руси гласности, Головиннъ, призывавшій къ обсужденію всего, что имъ дѣлалось въ области ввѣреннаго ему великаго дѣла просвѣщенія,—долженъ былъ выдерживать удары самой ожесточенной оппозиціи... Эта оппозиція тѣмъ была сильнѣе, что она исходила отъ двухъ несомнѣнно ученыхъ, несомнѣнно весьма даровитыхъ людей науки и обширныхъ знаній: мы говоримъ о М. Н. Катковѣ и П. М. Леонтьевѣ († 1875 г.).

Составитель будущей, вполне обстоятельной, біографіи А. В. Головинна, конечно, выяснитъ насколько была права оппозиція, противъ него ополчившаяся, что было въ ней справедливаго, для дѣла полезнаго, что было преувеличеннаго и ошибочнаго.

Эта борьба вызвала, въ свое время, цѣлую литературу и за, и противъ той и другой стороны ¹⁾.

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ для насъ важно отмѣтить, что Александръ Васильевичъ, во весь этотъ тяжелый въ его жизни періодъ, оставался на высотѣ положенія человека, глубоко и искренно сознававшаго пользу и важность гласнаго, всесторонняго, хотя бы страстнаго до запальчивости (какъ было со стороны его противниковъ) обсужденія вопроса. Головиннъ не старался зажать ротъ своимъ

¹⁾ Авторъ вышеуказанной статьи въ „Allgemeine Zeitung“ инсинуируетъ, что „въ принципиальному различію въ мнѣніяхъ гг. Каткова и Леонтьева съ Головиннымъ присоединились (будто бы, со стороны г. Каткова) еще личные мотивы: при совѣщаніяхъ относительно учебныхъ уставовъ не спросили особенно мнѣній у московскихъ Діоскуровъ (Кастора и Поллукса) и вромѣ того г. Леонтьевъ говорилъ, что онъ имѣетъ особенный поводъ жаловаться на полное невниманіе къ его несомнѣннымъ заслугамъ. „Московскія Вѣдомости“ уже тогда находились въ томъ счастливомъ положеніи, что могли не стѣсняться никакими цензурными условіями и каждому высказывать свое мнѣніе“ и т. д. и т. д. М. С.

противникамъ, не прибѣгаль къ жалобамъ (по крайней мѣрѣ, мы о нихъ ничего не знаемъ), словомъ не дѣлалъ того, что было, какъ говорится, за-обычай не только до него, но весьма часто и въ его время со стороны другихъ лицъ, у власти стоявшихъ.

Да, мы не знаемъ другихъ вѣдомствъ на Руси въ 1860-хъ годахъ, кромѣ морскаго и народнаго просвѣщенія, относительно которыхъ русская печать пользовалась такимъ широкимъ правомъ обсужденія критики и нападокъ. И этою свободою печать наша прямо была обязана просвѣщеннымъ взглядамъ на свободу слова тѣхъ лицъ, которые стояли во главѣ этихъ вѣдомствъ.

Кстати, тутъ же замѣтимъ, что Александръ Васильевичъ отличался удивительною сдержанностью и полнымъ отсутствіемъ не только злобы, но просто раздражительности.

Въ теченіи двадцати лѣтъ (1866—1886 гг.) рѣдкій мѣсяць, чтобы пишущій эти строки не проводилъ бы у него часъ, другой, третій въ бесѣдахъ, нерѣдко съ глазу-на-глазь. О чемъ только ни говорили мы во время этихъ, дорогихъ для меня, бесѣдъ; рѣчь всего чаще шла о событіяхъ недавняго прошлаго, недавней старины, съ каждымъ днемъ отходившей въ глубь исторіи. Это прошлое тяжело далось Головинну: здоровье его было въ конецъ расшатано, иногда онъ очень тяжело страдалъ отъ одного изъ мучительнѣйшихъ недуговъ, наслѣдіе сидячей, многолѣтне-труженической жизни—и ни подъ влияніемъ воспоминаній прошлаго, ни подъ гнетомъ болѣзни этотъ государственный мужъ не позволилъ себѣ ни единого рѣзкаго, недобраго слова противъ своихъ политическихъ противниковъ. Да и вообще едва-ли кто-либо слышалъ отъ него какой-либо рѣзкій отзывъ! Во-истину, то былъ человѣкъ замѣчательной нравственной выдержки, и не мудрено, что онъ внушалъ въ каждомъ, кто сходился съ нимъ ближе, чувство глубокаго къ себѣ уваженія.

14-го апрѣля 1866 г. А. В. Головинъ уволенъ отъ должности министра, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Вотъ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ результатовъ его пятилѣтняго управленія министерствомъ просвѣщенія:

выдвинуть вопросъ о народной школѣ, горячо поддержаны усилія сельскихъ обществъ, волостей и провинціальной администраціи (преимущественно мировыхъ посредниковъ, славнаго перваго призыва) къ учрежденію сельскихъ училищъ, причемъ правительство внесло въ государственный бюджетъ значительные кредиты на поддержку народнаго образованія;

возникли спеціальныя учебныя заведенія (учительскія семинаріи) для образованія наставниковъ въ народныя школы;

оказана поддержка Комитету Грамотности и Педагогическому Обществу;

данъ значительный ростъ и весьма увеличено число среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ гимназій; причемъ новыми штатами значительно улучшено матеріальное положеніе учащихся. Въ основу гимназій положенъ новый уставъ (19-го ноября 1863 г.), приведенный въ дѣйствиѣ съ 1-го января 1864 г.;

созданъ университетскій уставъ (18-го іюня 1863 г.), а съ нимъ — разсадникамъ высшаго образованія даны права, поставившія наши университеты на высоту, равную съ лучшими заграничными университетами ¹⁾; при этомъ весьма увеличено вознагражденіе профессоровъ, умножено число кафедръ, учреждена приватъ-доцентура, увеличены средства университетскихъ библіотекъ и научныхъ коллекцій;

открытъ въ Одессѣ университетъ Новороссійскій;

посылкою за границу молодыхъ педагоговъ образованъ кадръ хорошо подготовленныхъ къ своему дѣлу профессоровъ;

все министерство народнаго просвѣщенія поставлено на ту высоту, на которой должно быть это, — по существу, — главнѣйшее въ государствѣ вѣдомство, до Головнина бывшее всегда лишь въ хвостѣ правительственныхъ учрежденій; бюджетъ вѣдомства сего министерства въ пять лѣтъ—1861—1866 гг.—почти удвоился;

министерствомъ просвѣщенія, за время съ 1861 по 1866 гг., издано множество томовъ записокъ, мнѣній, статей въ систематическихъ сборникахъ, прямо относящихся до всѣхъ вопросовъ, съ устроениемъ народнаго (въ обширномъ смыслѣ слова) образованія связанныхъ;

«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», уже значительно улучшенный при его предшественникѣ, министрѣ Евг. Петр. Ковалевскомъ (трудами знаменитаго педагога К. Д. Ушинскаго), окончательно сдѣланъ очень полезнымъ и вполне соответствующимъ своей научно-педагогической цѣли органомъ;

изданы сборники всѣхъ законоположеній, до министерства народнаго просвѣщенія, съ самаго его учрежденія—1802 г. по 1864 г. касающихся, а равно и всѣхъ постановленій самого министерства народнаго просвѣщенія—за три царствованія: Александра I, Николая и Александра II (изд. 1864—1865 гг.).

Въ данную минуту у насъ нѣтъ подъ рукой тѣхъ цифръ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ словъ подтвердили бы справедливость всего

¹⁾ Однимъ изъ многихъ сотрудниковъ А. В. Головнина, при составленіи университетскаго устава, былъ знаменитый профессоръ и несомнѣнно государственный человѣкъ—К. Д. Кавелинъ. М. С.

нами сказаннаго, но мы приведемъ ихъ, когда будемъ имѣть случай говорить еще объ этомъ опочившемъ сномъ смерти государственномъ дѣятелѣ.

V.

Съ оставленіемъ поста министра, Головиннъ замкнулся въ кругу своихъ друзей.

Онъ былъ, конечно, весьма полезнымъ членомъ Государственнаго Совѣта: въ общихъ его собраніяхъ нерѣдко раздавался голосъ этого государственнаго мужа, голосъ разумный, сдержанный, но твердо убѣжденный, — въ особенности, когда дѣло касалось близкаго ему предмета—просвѣщенія.

Въ годичномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, въ общемъ его собраніи, при разсмотрѣніи бюджета, уже обыкновенно выработаннаго въ департаментѣ экономіи, Головиннъ, въ числѣ немногихъ членовъ, всегда дѣлалъ тѣ или другіе, весьма полезные, указанія и запросы, которые нерѣдко, по опредѣленію совѣта, печатались и принимались къ руководству при составленіи бюджета въ послѣдующіе годы. Достойно вниманія, что таковыя замѣчанія, какъ объяснилъ намъ однажды Александръ Васильевичъ, онъ нерѣдко дѣлалъ «въ виду сохраненія достоинствъ общаго собранія государственнаго совѣта», которое въ прежнія времена имѣло обыкновеніе заслушивать бюджетъ государственннй (правда, подробно выработанный въ департаментѣ экономіи) въ нѣсколько минутъ, безъ малѣйшихъ замѣчаній.

Тѣснѣе и тѣснѣе смыкался вокругъ Головина кругъ его друзей, участниковъ въ реформахъ 1856—1866 годовъ. Смерть уносила ихъ одного за другимъ, — тѣмъ не менѣе, за дружескими, довольно частыми, обѣдами у А. В. Головина мы нерѣдко видѣли К. Е. Грота, М. Н. Любощинскаго, барона А. П. Николаи, В. А. Арцимовича, Н. О. Здекауера, Н. Х. Бунге, астронома Струве, К. И. Домонтовича, барона Андр. Ив. Дельвига, П. П. Семенова, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, С. М. Жуковскаго... и съ чувствомъ невольнаго уваженія внимали мы бесѣдамъ этихъ тружениковъ въ сферахъ или государственной дѣятельности, или науки... Эти обѣды, эти «дружескія сходки» были въ высшей степени интересны и умная, сдержанная рѣчь А. В. всегда привлекала общее вниманіе.

VI.

Александръ Васильевичъ Головнинъ собралъ значительное количество матеріаловъ для исторіи царствованія Александра II и вообще своего времени; матеріалы эти, какъ слышно, переданы имъ, за долго до кончины, въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Въ бібліотеку дворца города Павловска переданы были имъ, еще въ началѣ 1870-хъ годовъ, нѣсколько большихъ запечатанныхъ пакетовъ съ матеріалами къ обзору государственной дѣятельности его августѣйшаго друга и покровителя, Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.

Головнинъ имѣлъ большую и прекрасную бібліотеку; значительная часть оной, въ отличныхъ переплетахъ и шкапахъ краснаго дерева, передана имъ, въ 1877 г., на метеорологическую обсерваторію въ городъ Павловскъ; во многія заграничныя православныя церкви (между прочимъ и въ г. Висбаденъ) А. В. пожертвовалъ по нѣскольку сотъ различныхъ сочиненій и изданій историческаго и историко-церковнаго характера.

Въ своемъ Рязанскомъ имѣніи А. В., прямо сказать, облагодѣтельствовалъ своихъ бывшихъ крестьянъ, выстроивъ отличный храмъ и четверть вѣка тому назадъ открывъ училище, существованіе котораго навсегда обезпечилъ капиталомъ, и передалъ затѣмъ училище въ вѣдѣніе земства.

VII.

Мы уже упоминали о нравственныхъ качествахъ покойнаго.

Это былъ человѣкъ, преисполненный благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ правилъ.

Вѣрность его друзьямъ была изумительна, она равнялась твердости его убѣжденія. Довольно было человѣку, достойному уваженія, сойти съ высокаго поста, лишиться власти и того значенія, предъ которыми, въ пору ихъ силы, ползаютъ льстецы и всякіе «пресмыкающіеся», — какъ Головнинъ, напротивъ того, усиливалъ свое вниманіе, свое уваженіе, свою дружескую преданность именно къ этимъ лицамъ.

Въ 1881 году сошелъ съ исторической сцены гр. М. Т. Дорисъ-Меликовъ, покоритель Карса, всѣми уважаемый кавказскій воинъ.

А. В. Головиннѣ, въ каждый прїѣздъ гр. Михамла Таріеловича въ Россію изъ-за границы былъ наиболѣе частымъ его собесѣдникомъ.

— Вы также часто бывали у гр. М. Т. и тогда, когда онъ стоялъ у власти?—спросилъ я однажды А. В., лѣтомъ 1882 или 1883 г., въ бытность мою у него, въ его уютномъ домикѣ, въ Царскомъ селѣ.

— «О, нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ Головиннѣ,—въ то время пріемныя графа М. Т. были набиты толпами посѣтителей, и я почти никогда не бывалъ у него; но теперь толпы отхлынули отъ него и мнѣ особенно пріятно посѣщать этого замѣчательно умнаго человѣка».

Но лучшимъ украшеніемъ нравственныхъ качествъ Александра Васильевича были его семейныя добродѣтели.

— «Онѣ-то въ особенности связали меня съ нимъ самою тѣсною дружбою, — пишетъ къ намъ одинъ изъ старѣйшихъ и ближайшихъ друзей Александра Васильевича; — воспитанный съ ранняго возраста одною своею матерью, ибо отецъ его скончался скоропостижно отъ холеры въ 1831 году, Авдотьею Степановною Головинною, рожденною Лутковскою, женщиною замѣчательнаго ума и характера, Александръ Васильевичъ питалъ къ ней, до самой ея кончины, если не ошибаюсь въ 1881 г., такія сильныя чувства любви, довѣрія и почтенія, которыя на меня, свидѣтеля ихъ, производили всегда самыя отрадныя впечатлѣнія. Точно такъ и его любовь, и заботливость о его сестрахъ, — двухъ незамужнихъ,—были трогательны; это была, въ полномъ смыслѣ слова, семья христіанская.

«Въ отношеніяхъ дружбы, при наружной сдержанности, А. В. отличался необыкновенно сердечною теплотою, самою деликатною внимательностью и рѣдкимъ постоянствомъ.

«Въ сношеніяхъ съ людьми, вообще при изысканной вѣжливости,—отсутствіемъ всякой зависти или злобы.

— «Не слышалъ я никогда, — продолжаетъ тотъ же, въ теченіи болѣе полувѣка бывший его товарищъ, другъ и сослуживецъ,—Александра Васильевича, чтобы онъ о комъ либо отзывался порицательно, а людей, которые о немъ злословили, было достаточно.

«Человѣкъ самаго тонкаго ума, образованный, начитанный, онъ слѣдилъ за всѣми успѣхами науки и жизни человѣческой, былъ горячій патриотъ и всѣ дѣйствія его государственной жизни были результатомъ убѣжденій, истекавшихъ изъ горячей любви къ Отечеству.

«Часто и слишкомъ часто онъ былъ несправедливо оцѣненъ, но это онъ всегда принималъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое даетъ сознаніе чистоты намѣреній и спокойная, хотя и требовательная, совѣсть.

«Вотъ тѣ характерныя черты, которыя такъ крѣпко меня привязали

къ покойному въ теченіи пятидесяти одного года непрерывной нашей дружбы.

«Его дѣятельность извѣстна всѣмъ, а вамъ, Михаилъ Ивановичъ, болѣе многихъ; но еще гораздо выше цѣнилъ я въ немъ человѣка, сына, брата и друга».

Этими сердечными словами одного изъ наиболѣе уважаемыхъ друзей покойнаго и государственныхъ людей современной Россіи заключимъ мы нашъ бѣглый очеркъ, посвященный памяти Александра Васильевича Головинна.

Въ приложеніи къ настоящей статьѣ помѣщаемъ два некролога покойнаго: тотъ и другой явились на другой день послѣ кончины Головинна.

Въ первомъ, (напечатанномъ въ «Новомъ Времени»), встрѣчается нѣсколько чертъ, тонко, художественно подмѣченныхъ авторомъ въ нравственномъ образѣ покойнаго; второй (изъ «Journal de S.-Petersbourg») вылился прямо отъ сердца лица, должно быть весьма близко знавшаго Головинна.

При этой книгѣ «Русской Старины» помѣщаемъ портретъ Александра Васильевича, — гравюра на мѣди, какъ намъ кажется, весьма удовлетворительно уловившая сходство съ оригиналомъ; она и передастъ потомству, въ отчетливомъ трудѣ художника-гравера *Θ. А. Мѣркина*, черты лица, портретъ вполне достопамятнаго государственнаго дѣятеля — Александра Васильевича Головинна.

М. С.

Приложеніа.

I.

Александръ Васильевичъ Головиннъ

† 3-го ноября 1886 г.

Съ каждымъ днемъ рѣдѣють ряды оставшихся въ живыхъ дѣятелей прошедшаго царствованія. И эпоха, и ея представители отходятъ въ область исторіи. Изъ ея нѣдръ, со временемъ, предстанутъ они предъ просвѣтленными и благодарными очами потомства, свободные отъ ложныхъ красокъ, которыя накладывали на нихъ близорукіе современники.

Сегодня, въ пятомъ часу дня, объятія вѣчнаго покоя раскрылись предъ однимъ изъ такихъ дѣятелей.

Отслуживъ многолѣтнюю, въ свое время очень тревожную и исполненную неустаннаго труда, службу государству, опочилъ, пораженный параличемъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, почетный членъ Академіи Наукъ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, Александръ Васильевичъ Головиннъ.

Близкій сотрудникъ Е. И. Высочества Великаго Князя Константина Николаевича и дѣятелей освобожденія крестьянъ, призванный управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія въ трудную и тревожную эпоху университетскихъ броженій, Головиннъ былъ творцомъ университетскаго устава 1863 года и широкою рукою старался водворить у насъ приемы и способы западнаго просвѣщенія, для чего въ небывалыхъ дотогѣ размѣрахъ организовалъ отправку за границу молодыхъ ученыхъ, поставивъ главою надъ ними Н. И. Пирогова. Опытъ двадцати лѣтъ вызвалъ пересмотръ нѣкоторыхъ сторонъ этого устава, — не всѣ безъ исключенія отправленные за границу пошли путемъ служенія наукѣ, — но едва ли кто нибудь рѣшится отрицать въ дѣйствіяхъ покойнаго искреннее желаніе добра и успѣховъ русскому просвѣщенію, какъ никто, конечно, изъ знавшихъ его не откажется отдать справедливости тому живому, серьезному и неустанному интересу, съ которымъ онъ относился ко всему, что касалось горячо имъ любимой Россіи, — до самыхъ послѣднихъ дней своихъ. Теперь, у его

отверстой могилы, еще не время разбирать его государственную дѣятельность, но будущій историкъ, быть можетъ, подмѣтитъ, что знаменитое литературное дѣленіе на западниковъ и славянофиловъ незамѣтно проникло и въ среду нашихъ государственныхъ дѣятелей послѣднихъ тридцати — сорока лѣтъ и что между западниками этого рода — покойный былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и искреннихъ. Но личныя качества его подлежатъ суду уже теперь и онъ имъ не страшень. Несомнѣнно, что у всякаго, кто встрѣчался съ Головиннымъ, при извѣстии о его смерти, съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія соединится воспоминаніе объ очень сутуловатомъ старичкѣ небольшого роста, который умѣлъ соединять уточненную, чрезвычайно рѣдкую и даже вовсе забытую въ наше время вѣжливость съ твердостью взглядовъ и математическою точностью выраженій. Старый лиценсъ начала 1840-хъ годовъ предстанетъ предъ ними со своими привѣтливими приѣмами свѣтскаго человѣка, сквозь которые всегда проглядывали и рѣдкое, по своей многосторонней солидности, образованіе и глубина взглядовъ, за которою чувствовалось бѣшеніе теплаго сердца, не умѣвшего старѣть и успокоиваться въ сознаніи своего личнаго довольства и почета.

А. К.

4 ноября 1886 г.
С.-Петербургъ.

II.

Nécrologie.—Hier, lundi, à 5 heures du soir, est décédé à St-Petersbourg M. Alexandre Vassiliévitch Golovnine, membre du conseil de l'Empire, ex-ministre de l'instruction publique, un des représentants éminents de cette pléiade d'hommes d'Etat, dévoués au bien, au progrès du pays, qui ont présidé aux grandes réformes du dernier règne. Son activité dans la sphère des affaires publiques appartient à l'histoire. Le temps n'est pas encore venu de la juger. Nous ne voulons parler ici, devant cette tombe qui va se fermer, que de l'homme privé, dont comme beaucoup d'autres nous avons pu apprécier les rares qualités. Ce que nous pouvons constater, c'est qu'Alexandre Vassiliévitch Golovnine occupait une grande place dans la société et y laissera un grande vide, malgré la modestie qui le caractérisait. C'était un esprit sage doublé d'un cœur chaud. Ses aptitudes d'homme d'Etat

jointes à la pratique des affaires lui avaient donné l'élévation, la sobriété, la modération des jugements — qualités rares en notre temps. Profondément instruit, toujours au courant des affaires publiques et de toutes les questions intéressant, non-seulement la Russie, mais tout le monde civilisé, ses opinions calmes, sûres et pratiques étaient écoutées avec respect dans la haute assemblée dont il faisait partie. Sa conversation, nourrie par une vaste érudition et une longue expérience, portait la lumière sur de larges horizons sans que jamais le sérieux de ses jugements diminuât l'équité du fond ni l'aménité de la forme. Ces traits distinctifs de son caractère se produisaient dans ses relations privées et leur donnaient un charme extrême. Il vivait très retiré. Le sage cache sa vie. Néanmoins il avait de nombreuses amitiés auxquelles il était fidèle et dont le dévouement lui était acquis. On venait puiser auprès de lui, non-seulement la science et la lumière sur toutes les branches de la vie civilisée, politique, arts, littérature, mais aussi la chaleur affectueuse et la délicatesse des sentiments qui donnent tant de prix aux relations sociales.

Tous ceux qui ont pénétré dans cet intérieur si bien réglé, immuable dans sa sobre sérénité et sa modeste élégance, ont compris combien cette forme extérieure reflétait exactement le fond de ce caractère élevé, pondéré, bienveillant. Sa vie de famille portait le même cachet d'affectueuse dignité. Son attachement pour les siens était touchant, et nul, excepté ses plus intimes, n'a connu tout le bien qu'il faisait sans bruit aux paysans de ses propriétés. On peut s'imaginer de quelles douleurs muettes sa perte sera la cause!

Celles qui se sont fait jour parmi ses nombreux amis réunis autour de son cercueil, témoignaient des regrets qu'il laisse dans les cœurs. C'était un hommage unanime rendu à l'esprit éminent, à l'âme élevée, au cœur aimant du défunt.

Alexandre Vassiliévitch, dont la santé s'affaiblissait depuis longtemps, sans altérer sa sérénité, a été emporté subitement par une paralysie nerveuse qui ne lui a laissé que le temps de faire le signe de la croix — sa dernière pensée, son dernier geste! Une belle mort couronnant une belle vie!

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ,

основанный въ 1807 году.

I.

Какою стариною звучитъ слово Дворянскій полкъ! Оно напоминаетъ учрежденіе, безвозвратно отжившее, послѣдовательно преобразованное въ Константиновскій кадетскій корпусъ (1855 г.), а затѣмъ въ Константиновское второе военное училище, 1860 г.

Между тѣмъ, какъ много напоминаетъ это слово тѣмъ лицамъ, которыя выросли въ рядахъ Дворянскаго полка и вынесли изъ-подъ его знамени много добраго, много хорошаго, что пригодилось имъ затѣмъ въ жизни...

Да, въ свое время отжившее, но въ свое время и послужившее Россіи учрежденіе.

Восемьдесятъ лѣтъ минеть 14-го марта 1887 года со дня твоего основанія, и какъ не помянуть тебя добрымъ словомъ!

Во-первыхъ, ты исполнилъ свое прямое назначеніе: ты выпустилъ изъ-подъ своихъ знаменъ въ ряды побѣдоносной, славной русской арміи болѣе пятнадцать тысячъ офицеровъ; до пятисотъ изъ нихъ сложили головы на полѣ брани,—сложили, сражаясь во всѣхъ странахъ Европы и Азіи, всюду во славу дорогаго Отечества и его Монарховъ.

Но ты далъ народу Русскому не однихъ только мужественныхъ воиновъ, не однихъ только доблестныхъ вождей, водившихъ русскаго солдата къ побѣдѣ: изъ твоихъ рядовъ вышло не мало людей, подвизавшихся на поприщахъ науки, исторіи, словесности, поэзіи и художествъ; многіе изъ твоихъ же питомцевъ подвизаются на поприщѣ гражданской службы, а также трудились или трудятся въ качествѣ профессоровъ и наставниковъ юношества.

Спору нѣтъ, многіе довоспитали, дообразовали себя, оставивъ уже твое «красное зданіе» на Спасской улицѣ, Петербургской стороны, гдѣ ты издавна помѣщался, доброй памяти Дворянскій полкъ!

Но все же въ тебѣ, въ твоихъ рядахъ, молодость, тобою взращенная, получила сѣмя того добра, которое дало потомъ въ нѣхъ дальнѣйшей дѣятельности хорошій плодъ.

Хорошій обычай установился въ послѣднія десять лѣтъ собраться разъ въ годъ—питомцамъ того или другаго учебнаго заведенія— за дружескую трапезу, дабы въ товарищеской бесѣдѣ помянуть тотъ разсадникъ, изъ-подъ сѣни котораго они вышли.

«Дворяне» и «Константиновцы», съ 1882 года, собираются ежегодно 14-го марта.

Таковыя собранія очень полезны: они несомнѣнно поддерживаютъ нравственную связь между учебнымъ заведеніемъ и его питомцами,— дружатъ и ихъ между собою.

Но достаточно-ли это для доброй цѣли?

Нѣтъ. Необходимо, дабы въ стѣнахъ самаго учебнаго заведенія была-бы болѣе живуча, болѣе свѣжа память о тѣхъ изъ его воспитанниковъ, которые въ жизни имѣли счастье сослужить болѣе или менѣе полезную службу своему Отечеству въ области умственнаго труда.

Александровскій лицей счастливъ и не можетъ не быть счастливымъ: онъ имѣлъ въ рядахъ своихъ питомцевъ— генія Пушкина. Въ своихъ стѣнахъ лицей основалъ ему памятникъ, особую бібліотеку въ честь Пушкина.

При умѣншии и доброй воли хранителей сего собранія, оно разроснется и сдѣлается дорогимъ для каждаго русскаго человѣка.

Николаевское кавалерійское училище, также въ Петербургѣ, имѣетъ Лермонтовскій музей. Во главѣ его стоитъ просвѣщенный начальникъ училища, А. А. Бильдерлингъ (даровитый художникъ), который создалъ этотъ музей.

Училище правовѣдѣнія, въ добрый часъ, идетъ далѣе: оно, по доброму почину нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ, Н. И. Стояновскаго, Г. К. Рѣпинскаго и друг., открываетъ въ бібліотекѣ училища цѣлый отдѣлъ изъ трудовъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ, а изъ нихъ многіе были люди государственные, юристы, подвижники науки, словесности, поэзій, живописи, музыки... Училище правовѣдѣнія дало Россіи нѣсколько весьма даровитыхъ людей.

Дворянскій полкъ имѣлъ прямую, строго опредѣленную цѣль: готовить для Россіи воиновъ. Въ его исторіи была пора, продолжавшаяся довольно долго, пора суровая, — когда это былъ въ

прямою смыслом полка грубо-солдатский ¹⁾). Но время шло, смягчались нравы, а вмѣстѣ съ достойными учителями и воспитателями, вмѣстѣ съ профессорами университета и другихъ высшихъ заведеній, вмѣстѣ съ питомцами военной и другихъ академій, вошедшими въ учебные классы Дворянскаго полка, въ качествѣ учителей и наставниковъ, все въ немъ преобразилось.

Стали выходить изъ полка въ жизнь не одни только brave офицеры, но и люди для другаго поприща, и потрудились, а нѣкоторые и понынѣ еще трудятся на немъ съ пользою.

Надлежало бы Константиновскому военному училищу, внуку и всеословному наслѣднику Дворянскаго полка, собрать въ своей библиотекѣ, въ особомъ отдѣлѣ, труды, напоминающіе ему его питомцевъ.

Первымъ и святымъ памятникомъ служить тѣ черныя мраморныя доски, на которыхъ начертаны имена сыновъ Дворянскаго полка, павшихъ на полѣ брани. Этихъ именъ много: уже въ 1845 году, на 50 доскахъ однихъ убитыхъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка насчитывалось 250; въ послѣдующія войны: Венгерской 1849 года, Кавказской войны 1840—1864 гг., Дунайской и Крымской 1853—1855 гг.—помянутое число удвоилось. Но доски эти остались въ стѣнахъ того краснаго зданія на Петербургской сторонѣ, изъ котораго выведенъ преемникъ Дворянскаго полка—Константиновскій кадетскій корпусъ, дабы преобразоваться въ Константиновское военное училище (нынѣ у Обуховскаго моста, на Забалканскомъ проспектѣ).

Надлежало бы составить и издать биографическій словарь помянутыхъ храбрыхъ воиновъ, свято исполнившихъ свой долгъ и павшихъ геройскою смертью. Въ архивахъ военнаго министерства и бывшаго инспекторскаго департамента нашлись бы хотя главнѣйшія для сего данныя.

Затѣмъ въ библиотекѣ Константиновскаго училища надлежало бы, повторяемъ, собрать все, что напоминаетъ труды питомцевъ его предшественниковъ, т. е. Дворянскаго полка и Константиновскаго кадетскаго корпуса.

Не забудьте, что Дворянскій полкъ, а затѣмъ Константиновскій кадетскій корпусъ, въ полуцѣловое ихъ существованіе (1807—1859 гг.) привлекали къ себѣ цвѣтъ средняго, столбоваго русскаго дворянства ²⁾. Не забудемъ, что отъ какихъ бы то ни было причинъ, но были десятилѣтія,

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVIII, записки Толчіева.

²⁾ Здѣсь были представители разныхъ старо-дворянскихъ фамилій, каковы Голенищевы-Кутузовы, Мусины-Пушкины, Арбузовы, Кудьневы, Хомяковы,

когда дворяне русскіе слѣшили помѣщать своихъ сыновей именно въ военно-учебныя заведенія. И вотъ въ нихъ мужали юноши хорошихъ, достаточныхъ фамилій, нерѣдко хорошей домашней подготовки, зрѣли дарованія. А по выходѣ изъ Дворянскаго полка многіе довершали свое образованіе въ различныхъ академіяхъ, каковы: Военная, Артиллерійская и Инженерная; нѣкоторые, приобывнувъ къ труду, проходили двѣ, три академіи! Иные шли въ университеты и академіи художествъ.

Гдѣ, однако, для этихъ удачликовъ и способныхъ людей было положено предрасположеніе къ умственному труду? гдѣ приобыкъ къ нему юноша? гдѣ получилъ онъ тотъ закалъ упорно бороться съ нуждою и учиться, учиться и работать?

Въ Дворянскомъ полку.

Спасибо тебѣ, дорогой полкъ!

Ты отошелъ въ область исторіи, твое возрожденіе невозможно, да оно и не нужно.

Тебя смѣнили и замѣнили, конечно, достойнѣйшіе рассадники образованія, стоящіе въ уровень съ современными требованіями, но ты не можешь не жить въ памяти твоихъ благодарныхъ питомцевъ.

II.

Предъ нами «Именной списокъ воспитанниковъ всѣхъ выпусковъ изъ Дворянскаго полка и состоявшаго при семъ полку кавалерійскаго эскадрона, съ 1807 по 1855 г., и Константиновскаго кадетскаго корпуса съ 1855 по 1859 годъ». (Спб. 1882 г., въ 8 д., 210 страницъ, въ два столбца мелкой печати).

Для питомцевъ этихъ заведеній списокъ очень интересенъ. Заглянемъ въ него и выпишемъ нѣсколько именъ...

Петръ Клейнмихель—въ 1805 г. вышелъ въ гвардію, впоследствии графъ, достойное чадо самаго суроваго, самаго мрачнаго періода въ жизни Дворянскаго полка. Клейнмихель—это «Аракчеевъ» въ болѣе позднемъ и нѣсколько исправленномъ изданіи, человекъ, однако,

Черкасскіе, кн. Дивіевы, кн. Дуловы, Волларларскіе, Циглеры, Ушаковы, кн. Маминны, Аргамановы, Ермоловы, Желябужскіе, кн. Ваньковичи, Дорошенко, кн. Контанузинъ, Война-Куриной, Суворовы, Нелюдовы, Чернышевы, Хмыровы, кн. Голицыны, кн. Жеваковы, кн. Тархановы, кн. Урусовы, кн. Ухтомскіе, кн. Шалиновы, кн. Баретовы, кн. Крапоткины, кн. Кугушевы, кн. Гавринны, кн. Эрстовы, кн. Орбелиани и проч.

не безъ заслугъ, и притомъ значительныхъ, въ царствованіе Николая I. Здѣсь, конечно, не мѣсто это доказывать, да въ обширномъ архивѣ «Русской Старины», вѣрно, и безъ насъ найдутся тому доказательствъ ¹⁾....

Бахтинъ (выпуска 1811 г. въ гвардію), если не ошибаемся, основатель Орловскаго кадетскаго корпуса.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ (вып. 1812 г. въ артиллерію)—другъ и сподвижникъ Сперанскаго въ его реформахъ по отношенію къ Сибири, узникъ по дѣлу 14-го декабря, писатель послѣ своего освобожденія. Отличная подготовка въ математикѣ помогла Батенкову сохранить въ теченіи четверти вѣка, проведенной въ одиночномъ заточеніи, свои умственныя способности. Батенковъ упражнялъ ихъ, дѣлая математическія задачи. Въ 1856 году, возвращенный изъ ссылки, на которую смѣнилъ онъ, около 1846 года, темницу,—возвращенный благостію Александра II,—Батенковъ имѣлъ счастье видѣть освобожденіе крестьянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ осуществленіе той мечты, которую желѣялъ онъ и его товарищи по 14 декабря.

«Русская Старина», конечно, познакомитъ насъ ближе съ этимъ достопамятнымъ человѣкомъ ²⁾.

Иванъ Горбачевскій, авторъ весьма любопытныхъ записокъ о дѣятельности русскихъ обществъ 1818—1825 годовъ.

Модестъ Ивановичъ Богдановичъ, выпущенный изъ Дворянскаго полка въ 1823 году въ артиллерію и еще недавно только опочившій сномъ смерти. Военный историкъ, труженикъ неутомимый, изслѣдователь добросовѣстный, честный, стремившійся непрестанно къ правдѣ,—одной только правдѣ. Труды его—многочисленные въ области русской военной исторіи—на многіе и многіе годы пребудутъ весьма важнымъ источникомъ знанія въ этой области отечественной исторіи.

Н. Тютрюмовъ (выпущ. въ 1840 г. въ артиллерію)—извѣстный, въ свое время, художникъ-живописецъ. Мы, впрочемъ, не знаемъ, не былъ ли художникомъ Аркадій Тютрюмовъ, выпущенный въ 1845 г., въ пѣхоту.

Н. Писаревскій (вып. въ 1841 г. въ артиллерію)—составитель отличнаго, въ свое время, руководства по физикѣ, даровитый публицистъ, человѣкъ науки.

¹⁾ Мы, дѣйствительно, имѣемъ слатый, но интересный обзоръ дѣятельности графа П. А. Клейнмихеля, какъ министра путей сообщенія, весьма обязательно сообщенный намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ генераломъ Серебряковымъ. Очеркъ будетъ напечатанъ въ нашемъ изданіи.

²⁾ Въ нашемъ архивѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ, дѣйствительно, собралось не мало любопытныхъ матеріаловъ къ биографіи Г. С. Батенкова († 1863 г.); между прочимъ много его собственноручныхъ бумагъ. Ред.

Павель Карцовъ (вып. въ 1842 г. въ гвардію)—военный писатель.

Алексѣй Ивановичъ Макшѣевъ (вып. въ 1842 г. въ гвардію)—бывшій профессоръ военной академіи, писатель и ученый.

Егоръ Петровичъ Власовъ (вып. 1842 г. въ гвардію)—извѣстный въ свое время весьма разумною и энергичною дѣятельностью на высокомъ административномъ посту въ Царствѣ Польскомъ.

А. Пальмъ (вып. въ 1842 г. въ гвардію)—талантливый писатель.

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ (вып. въ гвардію въ 1843-мъ году), бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса, нынѣ генералъ-адъютантъ и воспитатель Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Даниловичъ — гордость Полоцкаго корпуса, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе, а затѣмъ продолжалъ его въ Дворянскомъ полку. Трудомъ и энергіею восполнилъ этотъ воспитанникъ Дворянскаго полка свое образованіе; онъ прошелъ академію, изучилъ иностранные языки и послѣ многихъ лѣтъ педагогической дѣятельности, въ званіяхъ инспектора, а потомъ директора одного изъ старѣйшихъ въ С.-Петербургѣ кадетскихъ корпусовъ—призванъ былъ на постъ, съ которымъ связана дѣятельность, имѣющая громадное значеніе для будущихъ судьбъ всего нашего Отечества ¹⁾.

Дьяченко (выпущенный въ 1843 г. въ саперы) — плодовитый драматическій писатель, авторъ пьесъ, изъ которыхъ, правда, не многія пережили автора, но пьесъ интересовавшихъ въ свое время публику, игравшихъ на всѣхъ русскихъ сценахъ и всегда дававшихъ нашимъ лучшимъ артистамъ возможность проявлять свой талантъ.

Валеріанъ Александровичъ Кремпинъ, выпущенный въ 1845 г. въ артиллерию, писатель, издатель «Разсвѣта», перваго по времени и положительно самаго лучшаго журнала для взрослыхъ дѣвицъ. Въ журналѣ «Разсвѣтъ» (издававшемся года два или три, въ началѣ 1860-хъ годовъ) помѣщено много статей весьма интересныхъ вообще для молодыхъ людей, но не для одного только прекраснаго пола. Но не правда-ли, какое оригинальное явленіе: питомецъ Дворянскаго полка, артиллеристъ, сьумѣвшій на стр. перваго по времени спеціального изданія для женщинъ—соединить отличныя статьи многихъ

¹⁾ Въ цитируемомъ спискѣ есть еще Григорій Даниловичъ, выпуска 1810 г. въ пѣхоту. Не отецъ-ли Г. Г. Даниловича? Въ Дворянскомъ полку зачастую воспитывались представители той же фамилии, въ двухъ, трехъ, четырехъ поколѣніяхъ; такъ, наприм., много Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, Хмыровъ, пятеро Семеновскихъ (дядя и четыре его племянника) и друг.

лучших писателей? Изданіе это составляет теперь дѣвную библиографическую рѣдкость; печаталось оно изящно, въ высшей степени добросовѣстно и принесло издателю уваженіе и признательность, увы, немногихъ еще тогда читателей «Разсвѣта», да убытокъ для кармана В. А. Кремпина.

Кстати сказать, въ цитируемомъ нами списокѣ есть большой пропускъ: не поименованы лица, по окончаніи курса наукъ выпущенныя въ гражданскую службу — по слабости-ли здоровья или по ихъ собственному желанію. Такихъ было не особенно много, но они были. Припоминаемъ изъ выпусковъ 1840 года—Владимира Егоровича Семевского, опредѣлившагося, по выпускѣ изъ полка, преподавателемъ математики въ то же учебное заведеніе и бывшаго (весьма, впрочемъ, не долго—ибо онъ скоро умеръ) сотрудникомъ «Библиотеки для Чтенія».

В. Ѡ. Кеневичъ—по выпускѣ изъ дворянскаго полка бывший преподаватель словесности, отличный переводчикъ на русскій языкъ очень многихъ англійскихъ историческихъ сочиненій, изслѣдователь творчества баснописца Крылова, и... и... не гласный авторъ нѣсколькихъ исторій гвардейскихъ полковъ. Нѣкоторые юные авторы, дѣлавшіеся въ полкахъ, по наряду, т. е. по приказу полковаго командира, «историками»—несли свои первые опыты къ Кеневичу, и Кеневичъ ихъ усердно выправлялъ. Хорошая память сему труженику, лѣтъ десять тому назадъ отшедшему уже въ другой міръ!

Кв. Николай Степановичъ Назаровъ, также выпущенный изъ Дворянскаго полка, въ 1840-хъ годахъ, къ статскимъ дѣламъ, отличный преподаватель словесности въ Москвѣ, сотрудникъ многихъ газетъ и журналовъ въ 1850—1860-хъ годахъ. Давно уже умеръ.

Въ позднѣйшее время, если не ошибаемся, также изъ Дворянскаго полка,—вышелъ талантливый поэтъ Дм. Минаевъ.

Викторъ Беренсъ (выпущ. въ 1846 г. въ инженеры), профессоръ и писатель по своей спеціальности.

Алексѣй Алексѣевичъ Тимоѣевъ, выпущенный въ гвардію въ 1847 г., отличный своимъ мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла генералъ, прославившійся въ войну 1877—1878 гг. Въ молодости, во время службы въ л.-гв. Павловскомъ полку, онъ посвящалъ свои досуги литературѣ.

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, выпущенный въ 1847 году въ гвардію,—какъ и весьма многіе изъ питомцевъ Дворянскаго полка, съ отличіемъ прошелъ курсъ академіи; затѣмъ—одинъ изъ героевъ войны Россіи, безстрашный, предприимчивый, кумиръ солдатъ,—это былъ для русскаго народа Ермакъ по отношенію къ Средней Азіи. Взятіе

имъ съ горсточною русскихъ солдатиковъ Ташкента—подвигъ, равнаго которому немного на скрижалиахъ исторiи. Еслибъ время совершенiя этого подвига было бы отдалено отъ насъ на сотню, другую лѣтъ,—то Черняевъ сдѣлался бы легендарнымъ героемъ; впрочемъ, и на нашихъ глазахъ русскiй народъ сопричислилъ его къ своимъ славнѣйшимъ людямъ; русскiй солдатикъ прославилъ его имя—въ самыхъ глухихъ заколустяхъ нашего отечества. М. Г. Черняевъ въ годы своего невольнаго досуга былъ редакторомъ-издателемъ газеты, а также сотрудничалъ во многихъ журналахъ и газетахъ.

Ив. Красовскiй (выпущ. въ 1847 г., въ пѣхоту), авторъ нѣсколькихъ статей изъ эпохи крымской войны.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, выпущенный въ 1849 году въ гвардiю, начальникъ Николаевской военной академiи, военный писатель, пользующiйся европейскою извѣстностью; военно-ученые труды его переведены на многие иностранные языки.

Ив. Савицкiй (выпущ. въ 1849 г. въ гвардiю)—сотрудникъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Мих. Домонтовичъ (выпущенный въ гвардiю въ 1849 г.)—одинъ изъ составителей болгарской конституцiи, вообще одинъ изъ сподвижниковъ-учредителей юнаго Болгарскаго государства.

Братья Витольдъ Гурчинъ (вып. 1849 г. въ гвардiю) и Александръ Гурчинъ (вып. 1860 г. въ гвардiю),—участники кавказской боевой славы, авторы нѣкоторыхъ статей въ специальныхъ военныхъ журналахъ.

Василiй Степановичъ Курочкинъ (выпущ. въ пѣхоту въ 1849 г.)—самый талантливый переводчикъ на русскiй языкъ Беранже, редакторъ-издатель сатирическаго журнала «Искры», издававшагося въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ. «Искра» имѣла громадныи успѣхъ и сослужила добрую службу. Шуткѣ и сатирѣ «Искры» былъ довольно широкiй просторъ и Курочкинъ, въ соединенiи съ талантливымъ каррикатуристомъ Н. А. Степановымъ,—былъ на своемъ мѣстѣ, во главѣ этой бойкой газеты ¹⁾.

Николай Афанасьевичъ Демьяненко (выпущ. въ 1850 г. въ гвардiю)—начальникъ артиллерiйской академiи, профессоръ, составитель нѣсколькихъ ученыхъ и учебныхъ трудовъ въ области артиллерiи.

Степанъ Лейхтъ (вып. 1860 г. въ гвардiю)—военный юристъ, авторъ нѣсколькихъ статей по этой специальности.

¹⁾ Кстати, отмѣтимъ здѣсь, что поэтъ Н. А. Некрасовъ также едва не попалъ въ ряды Дворянскаго полка, по крайней мѣрѣ, отецъ его прислалъ было уже его въ С.-Петербургъ для опредѣленiя въ этотъ полкъ въ концѣ 1830-хъ или началѣ 1840-хъ годовъ.

Михаилъ Ив. Венюковъ (вып. 1850 г. въ артиллерію)—весьма извѣстный географъ, авторъ многихъ отличныхъ книгъ и монографій въ области исторіи, географіи, статистики, путешествій; сотрудникъ (съ 1862 по 1887 гг.) почти всѣхъ лучшихъ отечественныхъ журналовъ и газетъ, а также сотрудникъ нѣкоторыхъ иностранныхъ періодическихъ изданій ¹⁾).

Николай Чагинъ и Петръ Чагинъ (вып. 1850 и 1852 гг. въ артиллерію)—составители нѣкоторыхъ трудовъ по артиллеріи.

Павель Осиповичъ Бобровскій (выпущ. въ 1851 г. въ гвардію), одинъ изъ основателей, а затѣмъ начальникъ военно-юридической академіи, авторъ многихъ военно-юридическихъ и историческихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые увѣнчаны преміями отъ императорской академіи наукъ; сотрудникъ различныхъ поврежденныхъ научныхъ и историческихъ изданій.

Александръ Фодоровичъ Риттеръ (вып. въ 1851 г. въ гвардію), авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трудовъ въ области славяновѣдѣнія.

Иванъ Осиповичъ Барковскій (выпущ. въ 1851 г. въ гвардію), начальникъ статистическаго отдѣла въ м-ствѣ путей сообщенія, составитель многихъ статей, книгъ и сборниковъ—предметъ его вѣдѣнія.

Великопольскій (вып. 1852 г. въ артил.), авторъ нѣсколькихъ очерковъ и рассказовъ.

Казиміръ Левицкій (выпущ. въ 1853 г. въ гвардію), одинъ изъ видныхъ военныхъ дѣятелей въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ, авторъ нѣсколькихъ военно-историческихъ и тактическихъ трудовъ.

Братья Александръ, Константинъ и Владиміръ Гейнсъ (выпущен. въ 1853 и 1854 гг. въ артиллерію и 1858 г. въ гвардію), первые двое—составители нѣсколькихъ весьма талантливыхъ историческихъ очерковъ и различныхъ статей, а послѣдній—нѣсколькихъ философскихъ этюдовъ.

Пороховщиковъ (вып. 1854 г. въ пѣхоту), извѣстенъ своею общественною дѣятельностью въ городскомъ управленіи, въ Москвѣ, при чемъ, конечно, ему довелось не мало писать.

М. Момбелі (выпущ. въ 1855 г. въ гвардію), астрономъ и геодезистъ.

Мих. Ив. Семеновскій (вып. 1855 г. въ гвардію), составитель нѣсколькихъ трудовъ по русской исторіи XVIII вѣка; основатель,

¹⁾ Мы имѣемъ весьма обстоятельный списокъ трудовъ этого даровитаго ученаго и писателя, который помѣстимъ на стр. „Русской Старинѣ“. Ред.

редакторъ и издатель «Русской Старины», ежемѣсячнаго историческаго изданія, посвященнаго разработкѣ отечественной исторіи, исторіи русской словесности, искусствъ и художествъ (изд. съ 1-го января 1870 г. по настоящее время).

Влад. Шкларевичъ (выпущ. въ 1855 г. въ гвардію), профессоръ артиллеріи и авторъ нѣсколькихъ ученыхъ и учебныхъ трудовъ по своей специальности.

Эдуардъ Коверскій (вып. въ 1855 г. въ гвардію), составитель трудовъ по военной картографіи.

Яковъ Александр. Гребенщиковъ (вып. въ 1856 г. въ артиллерію), весьма талантливый писатель-публицистъ въ 1870 годахъ въ сферѣ вопросовъ, касающихся армій и вообще военнаго дѣла; авторъ многихъ статей передовыхъ, помѣщавшихся въ газетахъ въ 1870 годахъ.

Николай Павловичъ Петровъ (вып. въ 1855 г. въ гвардію), профессоръ высшей математики и механики, составитель многихъ ученыхъ трудовъ по своей специальности и по техническимъ производствамъ.

А. Ѡ. Маккавѣевъ (вып. въ 1855 г. въ гвардію), авторъ учебныхъ трудовъ, кажется, по фортификаціи.

Илья Филипенко (вып. въ 1855 г. въ артиллерію), составитель нѣкоторыхъ трудовъ по военной литературѣ.

П. Ѡ. Нарбутъ (вып. въ 1855 г. въ артиллерію), авторъ нѣсколькихъ статей по военной исторической литературѣ.

Евгеній Ждановъ (вып. въ 1856 г. въ гвардію), авторъ нѣкоторыхъ трудовъ по геодезій и топографіи.

Александръ Ивановичъ Семеновскій (вып. въ 1856 г. въ гвардію), подобно многимъ изъ выпущенныхъ Дворянскимъ полкомъ въ офицеры, прошелъ полный курсъ одной изъ академій (артиллерійской), былъ сотрудникомъ «Артиллерійскаго Журнала», по выходѣ въ отставку — виднымъ общественно-земскимъ дѣятелемъ въ Псковской губерніи, на каковомъ поприщѣ много потрудился и словомъ, и перомъ, † 1879 г.

Николай Ѡеодоровичъ Дубровинъ (вып. въ 1856 г. въ артиллерію), авторъ многихъ историческихъ и военно-историческихъ трудовъ, корреспондентъ Императорской академіи наукъ, сотрудникъ нѣсколькихъ журналовъ.

А. Бранденбургъ (вып. въ 1856 г. въ пѣхоту), известный археологъ, начальникъ артиллерійскаго музея въ Сиб.

Митрофанъ Надѣинъ (вып. въ 1857 г. въ пѣхоту), бывший книгопродавецъ, издатель многихъ весьма полезныхъ книгъ.

Владиміръ Озерскій (вып. въ 1857 г. въ пѣхоту), авторъ нѣсколькихъ статей въ журналахъ и газетахъ.

Несторъ Кайгородовъ (вып. въ 1858 г. въ артиллерію), составитель нѣсколькихъ трудовъ по артиллеріи, и нѣкоторые другіе.

III.

Вотъ нѣсколько именъ, которые мы на выдержку взяли изъ списка выпущенныхъ въ офицеры Дворянскимъ полкомъ и Константиновскимъ кадетскимъ корпусомъ, за полувѣковое ихъ бытіе (съ 1807 по 1859 годъ).

Относительно нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ нами лицъ—мы, быть можетъ, сдѣлали ошибочныя отмѣтки, но вѣрно то, что многихъ и очень многихъ изъ питомцевъ этихъ учебныхъ заведеній, прошедшихъ курсы академій и затѣмъ трудившихся и доселѣ трудящихся въ разныхъ, по преимуществу военно-спеціальныхъ, журналахъ и сборникахъ,—мы пропустили. Но мы не имѣемъ подъ рукою надлежащихъ справокъ по сему предмету и потому предоставляемъ нашимъ товарищамъ и однокашникамъ по Дворянскому полку исправить и дополнить нашъ не безинтересный списокъ.

Очень можетъ быть, что мы пропустили нѣсколькихъ живописцевъ, скульпторовъ, композиторовъ, вышедшихъ изъ помянутыхъ учебныхъ заведеній.

Словомъ, несомнѣнно, что нашъ списокъ долженъ быть гораздо длиннѣе, да и не мудрено: Дворянскій полкъ просуществовалъ съ 1807 по 1855 г., Константиновскій кадетскій корпусъ, до преобразованія въ Константиновское военное училище, существовалъ съ 1855 по 1859 годъ включительно; пятьдесятъ два года этотъ наибольшій въ свое время разсадникъ русскихъ офицеровъ, вбравшій въ себя питомцевъ всѣхъ почти провинціальныхъ корпусовъ, далъ нашей арміи громадное число хорошо подготовленныхъ офицеровъ, именно 15,113 лицъ, выпуская ихъ почти по 300 человекъ въ годъ, и, кромѣ того, въ немъ получило образованіе нѣсколько десятковъ лицъ, вышедшихъ въ гражданскую службу.

Въ этомъ значительномъ числѣ представителей кореннаго русскаго дворянства и именитыхъ семей инородцевъ, каковы: черкесы, татары, киргизы, было, какъ видно изъ вышеназложеннаго, много лицъ, потрудившихся не на одномъ военномъ или административномъ поприщѣхъ, но и въ областяхъ науки и литературы.

Собрать ихъ труды въ одинъ отдѣлъ библиотеки Константиновскаго военнаго училища было бы дѣломъ весьма полезнымъ. Каждый изъ названныхъ нами лицъ, а также дѣти умершихъ дѣателей, конечно, поспѣшили бы принести въ даръ такому отдѣлу (если бы онъ былъ учрежденъ) книги, брошюры, оттиски, пѣлые года своихъ изданій — и такимъ образомъ составилось бы собраніе, которое было бы живымъ изображеніемъ учрежденія:

Дворянскій полкъ

въ военно-научныхъ, историческихъ и литературныхъ трудахъ
бывшихъ его воспитанниковъ,

1807—1859.

Если 14-го марта, въ восьмидесятую годовщину основанія доброй памяти Дворянскаго полка соберется дружеская семья товарищей и однокашниковъ сего полка, то на этой сходкѣ пусть потолкуютъ о томъ, какъ осуществить вполнѣ полезную мысль пишущаго эти строки, одного изъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка.

Полкъ, изъ рядовъ котораго вышли воспитатель Е. И. В. Наслѣдника престола, начальники трехъ высшихъ научныхъ учреждений, трехъ академій въ Россіи (военной, артиллерійской и военно-юридической), полкъ, изъ котораго вышелъ рядъ дѣателей въ сферѣ науки, исторіи и литературы, конечно, заслуживаетъ того, чтобы подъ гостепріимною сѣнью преемственнаго ему учрежденія, уже не только дворянскаго, но, какъ и слѣдуетъ быть послѣ 19-го февраля 1861 г., всесословнаго Константиновскаго военнаго училища, возникъ памятникъ, достойный его предшественника, — памятникъ, состоящій въ возможно полномъ собраніи трудовъ его питомцевъ съ 1807 года.

М. С.

17-го февраля 1887 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1887 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

- I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ. Составилъ Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства при Екатеринѣ II. Перев. съ нѣм. изд. 1809 г., съ предисловіемъ и примѣч., В. Б. 299—328; 533—550
Станиславъ Августъ Понятовскій (299).—Иванъ Елагинъ (319).—Дитрихъ Остервальдъ (321).—Иванъ Бецкой (322).—Рибасъ (326).—Андрей Чернышевъ (328).—Кишенскій (533).—Салернъ (537).—Фредериксъ (541).—Владиміровъ (542).—Александръ Васильчиковъ (543).—Григорій Потемкинъ (544).—Турчаниновъ (548).—Михельсонъ (549).
- II. Записки Александра Михайловича Тургенева. Главы XLIX—LXII 77—106; 329—342
- III. Персидскій походъ въ 1796 г. Воспоминанія Варвары Ивановны Бакуниной. Перевела съ французскаго В. В. Тимощукъ 343—374
- IV. Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, 1806—1883 гг. Автобіографія. Гл. I—XII. Примѣч. и біографич. очеркъ сост. князь В. Д. Дабиза. 1—46; 263—298; 647—666

	СТР.
V. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова.	133—180
VI. Воспоминанія князя Павла Арсеньевича Путятина.	107—132
—————	
Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.	
	СТР.
I. Указъ императрицы Елисаветы, 1752 г. Сообщ. А. Ѳ. Кони.	732
II. Фельдмаршалъ графъ Бурхардъ Христофъ Минихъ, въ за- ботахъ о воспитаніи своихъ внуковъ, 1767 г. Сообщ. А. Юргенсонъ.	225—234
III. Письма графа Эрнеста Миниха къ дядѣ, 1756—1758 гг. Сообщ. графъ Д. А. Толстой .	465—469
IV. Екатерина II во время войны съ Швеціею. Письма и по- велѣнія графу В. П. Мусину-Пушкину, 1788—1789 гг. Съ предисловіемъ В. А. Бильбасова. Письма сообщ. кн. Ив. Гагаринъ.	551—574
V. Рескриптъ имп. Павла I, 1800 г. Сообщ. А. Ѳ. Кони	374
VI. Кн. Николай Григорьевичъ Щербатовъ. Замѣтка. Сообщ. гр. Андрей Ростопчинъ.	388
VII. Яковъ Петровичъ Кульневъ, род. 1763 г., † 1812 г.: — 1. Очеркъ его боевой жизни. Сообщ. А. Калиновскій. — 2. Письма къ брату, 1805—1812 гг.—Родословіе Кульне- выхъ. Сообщ. баронъ В. В. Руммель. — 3. На могилахъ Кульнева. Сообщ. К. К. Детловъ	375—648
VIII. Александръ Михайловичъ Булатовъ, † 19 января 1826 г. Сообщ. А. А. Титовъ .	203—222
IX. Мирные судьи по проекту дворянства въ 1826 г. Сообщ. А. Танковъ.	223—224
X. Пасторъ Зейдеръ послѣ и до его ссылки въ Сибирь, † 24 июля 1834 г. Сообщ. А. И. Штукенбергъ	251—262
XI. Елена Андреевна Ганъ въ 1835—1842 гг. Сообщ. В. П. Желиховская, рожденная Ганъ.	733
XII. Рескриптъ Николая I по поводу холеры, 1852 г. Сообщ. А. Ѳ. Кони	732
XIII. Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царство- ваніе Николая I. Очеркъ изъ историческаго наслѣдованія В. И. Семеваго.	389—430

	СТР.
XIV. Дворянскій полкъ, основанный въ 1807 г..	791
XV. Домъ и фамилия графовъ Строгоновыхъ, 1752—1887 гг. Очеркъ Н. М. Колмакова	575—602
XVI. Американское посольство въ Россіи въ 1866 г. Сообщ. В. В. Тимошукъ	47—76
XVII. Второе сраженіе подъ Плевною, 18 іюля 1877 г. Сообщ. баронъ Н. Криденеръ	181—192
XVIII. Кавалерійская рекогносцировка за Балканы въ декабрѣ 1877 г. Сообщ. П. А. Тихменевъ	193—202
XIX. По поводу очерка «Дмитрій Емельяновичъ Гнусявъ». Сообщ. М. Ю. Левестамъ	515—528
XX. Александръ Васильевичъ Головинъ, † 3 ноября 1886 г. Очеркъ и замѣтки Ред.	767
XXI. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ)	529—531
—————	
XXII. Замѣтки и поправки	248, 506, 511, 532, 710

Исторія русской литературы.

I Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.	
1. Матеріалы для его биографіи, 1817—1825 гг. Сообщ. Левъ Поливановъ	235—248
2. Puschkiniana. Библиографическій указатель статей объ А. С. Пушкинѣ. Сообщ. И. Сержпутовскій	495—506
II. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.	
Лермонтовскій музей въ Петербургѣ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Сообщ. А. Вильдерлингъ	507—511
III. Николай Васильевичъ Гоголь.	
1. Тарасъ Бульба. Главы неизданной редакціи. Сообщ. проф. Н. С. Тихонравовъ	711—731
2. Марія Ивановна Гоголь. Біографическій очеркъ. Состав. Н. А. Вѣлосерская	667—710
3. Сергѣй Тимошеевичъ Аксаковъ въ заботахъ о Н. В. Гоголѣ: письмо его къ Плетневу, 1846 г. Сообщ. Я. К. Гротъ	249—250
IV. Ив. С. Никитинъ.	
Стихотвореніе «Филантропъ», не вошедшее ни въ одно изъ полныхъ изданій его сочиненій. Сообщ. С. Д. Дрожжинъ	470

- V. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.
Шутка-стихотвореніе «Единство», 1869 г. Сообщ. А. В. Селивановъ. 512—514
- VI. Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ.
Три неиздан. монографіи его по крестьянскому вопросу, 1857—1864 гг. Съ предислов. проф. Д. А. Корсакова. 431—463
- VII. К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ.
Изъ воспоминаній институтки. Сообщ. Н. Титова 471—494
-
- VIII. Литературныя замѣтки: 1. Стихотворенія на смерть Д. В. Веневитинова.—2. Замѣтка къ «Очеркамъ украинской литературы XIX в.» г. Петрова.—3. Стихотворенія, посвященныя Н. М. Языкову. Сообщ. Петръ Устимовичъ . 202, 234, 464
-
- IX. Пѣсня объ Аракчеевѣ. Сообщ. Ал. Маркевичъ. 76
- X. Одна изъ шутокъ Соболевскаго. Сообщ. З*** 106
-

ПОРТРЕТЫ И ГРАВЮРЫ.

- I. Портретъ Николая Никифоровича Мурзакевича. Снимокъ съ фотографіи исполненъ въ Мюнхенѣ.
(См. стр. 1).
- II. Портретъ Александра Васильевича Головкина, гравироваль на мѣди художн. Ѳ. А. Мѣркинъ.
(См. стр. 533).
- III. Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина), гравир. на мѣди художн. Ѳ. А. Мѣркинъ.
(См. стр. 263).
- IV. Аудіенція, данная императоромъ Александромъ II адмиралу Фоксу. Снимокъ съ гравюры исполненъ въ Мюнхенѣ.
(См. стр. 47).
- V. Памятникъ на могилѣ А. М. Булатова, гравир. художн. А. И. Даугель.
(См. стр. 222).
- VI. Памятникъ Я. П. Кульневу, † 20 іюля 1812 г., гравюра исполнена въ всилографич. заведеніи К. Рихтера.
(См. стр. 649).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Городскія училища въ царствованіе императрицы Екате-
рины II. Изслѣд. графа Д. А. Толстаго. Спб. 1886 г., въ 6. 8 д., 214
стр. (На оберткѣ I-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).
2. Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія
Воронежа. Т. II. Воронежъ, 1886 г., 726 стр. (Тамъ-же).
3. Протоколы засѣданій археографической комисіи. 1841—1849 гг.
Вып. II. Спб. 1886 г. 441 стр. (На оберткѣ II-й книги „Русской Ста-
рины“ изд. 1887 г.).
4. Отчеты императорской публичной бібліотеки за 1883 г. Спб.
1885 г. 311+176+21+50 стр. (Тамъ-же).
5. Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за
1883—1885 гг. М. 1886 г., 147 стр. (Тамъ-же).
6. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Изслѣд. К. Лодыжен-
скаго. Спб. 1886 г., 312+82 стр. (Тамъ-же).
7. Пятидесятилѣтній юбилей священника Ильинской Буддин-
ской церкви Устюжскаго уѣзда, Іоанна Варсол. Дроздова.
Вологда, 1886 г. (Тамъ же).
8. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятель-
ность. — Біографическій очеркъ. Составилъ Н. К. Шильдеръ,
свиты Е. И. В. генераль-маіоръ. Спб., 1886 г., въ 8 д. Томъ второй.
стр. 543—992; прилож. 93—404. (На оберткѣ III-й книги „Русской Ста-
рины“ изд. 1887 г.).
9. Die Statthalterschaftzeit in Liv-und Estland (1783—1796). Ein
Capitel aus der Regentenpraxis Katharinas II. Von Friedr. Bieneman.
Leipzig., 1886, 471 стр. (Тамъ-же).
10. Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 г.
по 25-е ноября 1741 г. по документамъ, хранящимся въ Москов-
скомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга вторая. Высшія
государственныя учрежденія. Москва, 1886 г., 8 д., 432 стр.
(Тамъ-же).

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Изд. 1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Содержаніе: Русскіе набранники и случайные люди въ XVIII в. Состав Гельбигъ.—Зап. Ал. Мих. Тургенева,—Павла Вас. Чичагова,—ген. Чаплица (1812 г.),—Э. И. Стогова,—Ө. Я. Мирковича (1840 г.),—Л. А. Загоскина, 1822—1826,—М. Я. Ольшевскаго (1826—1833 гг.),—докт. Я. А. Чистовича.—Литературная кофейня въ Москвѣ, 1830—1840 гг., воспом. А. Д. Галахова.—Старый судъ, очерки и воспом. Н. М. Колмакова.—Моск. университетъ, въ очеркѣ и характеристикѣ А. Н. Афанасьева (1860 г.).—Нѣмецъ и французъ въ запискахъ о Россіи 1839 г.—Въ учил. правовѣдннх, воспом. И. А. Тютчева и К. К. Арсеньева.—На Дунаѣ и въ Савастополѣ, 1854—1855 гг., зап. П. В. Алабина и Н. А. Крыжановскаго.—Воспом. декабристовъ А. П. Бѣльева и М. И. Муравьева-Апостола.—Воспом. Тагьянн Петр. Пассекъ.—Польская смута, 1861—1863 гг., въ очеркахъ А. Вязмитинова и В. Баратынскаго.—Театральное училище, изъ зап. Н. И. Куликова.—Петерб. итал. опера 1840-хъ гг., изъ воспом. А. Н. Яхонтова.—Война 1877—1878 гг., зап. ген.-отъ-инф. П. Д. Зотова.—Плевненское сраженіе 1877 г., очеркъ Н. К. Шильдера.—Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, 1881—1883 гг.—Записки композ. Гавр. Ян. Ломакина,—артиста Л. Л. Леонидова.—Зап. Дм. Ив. Книгани.—Оеофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, 1706—1741 гг., очеркъ И. Я. Морозкина.—Митрон. Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г.—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.—Елена Авлр. Гавъ, біогр. очеркъ Е. С. Некрасовой.—Ник. Ив. Костомаровъ, очерки и воспоминанія В. И. Семеновскаго, Д. Л. Мордовцева и Н. А. Бѣлозерской.—Проф. К. А. Коссовичъ.—Н. И. Пироговъ, очеркъ жизни и рассказы о немъ.—В. И. Водовозовъ, воспом. о немъ и посмертн. стихотв.—Проф. живоп. И. И. Кѣлеръ.—Гр. Дм. Ал. Милютинъ 1861—1881 гг.—М. П. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.—Фетх-Али-шахъ и его дѣти, истор. очеркъ Ад. П. Берже.—Война съ Польшею въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Длбичемъ, 1831 г.—Цесар. Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ Е. К. Мердеру.—Рассказы объ имп. Николаѣ I ген.-л. Е. А. Егорова.—Записка Б. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ.—Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ, собранъ Н. В. Шейнъ. Стихотворенія: Ив. Серг. Аксакова, 1841—1844 гг.—С. Т. Аксакова, 1857 г.—С. П. Шевырева, 1858 г.—Н. М. Языкова,—А. Н. Яхонтова,—А. Подолнскаго,—Н. Добролюбова,—Н. А. Некрасова,—Походъ русской арміи въ Индію, проектъ ген.-л. Евг. Егорова, 1854 г.—Николаевская жел. дорога, очеркъ А. И. Штуценберга.—Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг., очеркъ И. С. Кравцова.—Послѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867 г., очерки очевидца М. И. Вавилова.—Письма Н. В. Гоголя къ М. С. Щепкину,—Ив. Серг. Тургенева къ его брату, 1863—1878 гг.—А. Н. Островскаго, и многіе другіе статьи и матеріалы.

Портреты: въ Вѣзѣ почивающій императоръ Александръ II, гравюра на мѣди Ө. А. Мѣркина.—Гр. Вик. Ник. Панинъ и сенаторъ Ян. Александр. Соловьевъ, гравир. И. И. Матушинъ.—Генер. Н. П. Евдокимовъ, гравир. Грачевъ.—Ген.-отъ-инф. П. Д. Зотовъ, грав. Матѣ.—Ген.-ад. гр. Дм. Алексѣев. Милютинъ, гравир. на мѣди акад. И. И. Пожалостинъ (отпечат. въ Парижѣ).—Проф. Т. Н. Грановскій,—композ. Г. И. Ломакинъ, грав. В. В. Матѣ.—Э. И. Стоговъ, грав. Г. И. Грачевъ,—Ад. П. Берже и В. И. Водовозовъ, грав. на мѣди Ө. А. Мѣркинъ.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.,—проф. И. И. Кѣлеръ, грав. И. И. Матушинъ.—Петръ Мих. Еропкинъ, † 27 июня 1740 г., гравир. Г. И. Грачевъ. Рисунки: Памятники Александру II, сооруженные крестьянами;—видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Пирогова;—памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрушова, сооружен. въ 1885 г., и барельефъ на этомъ памятникѣ, гравюры В. В. Матѣ;—памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ;—памятникъ Славы въ Сиб. (сооруж. въ 1886 г.), грав. А. И. Даугель.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

